

**ТОМ
XIII**

**В. А. ЖУКОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

**ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ
ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
1804—1833**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ

**ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
1804—1833**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ
ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
1804—1833

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2004

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Федеральная программа книгоиздания России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16145

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Вётшева, Э. М. Жилиякова, Ф. З. Канунова, О. Б. Лебедева, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804—1833 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.

ISBN 5-94457-150-0

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В 13 и 14-м томах собрана дневниковая проза Жуковского, включающая три взаимосвязанных раздела: собственно дневники, письма-дневники и записные книжки. 13-й том содержит дневниковые материалы 1804—1833 гг., от первых дошедших до нас размышлений юного поэта, ориентированных на тип «франклинова журнала», записной книжки «Разные замечания», писем-дневников, обращенных к Маше Протасовой, материалов первого заграничного путешествия 1820—1821 гг. до описания второго заграничного путешествия 1832—1833 гг.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: ko-shelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

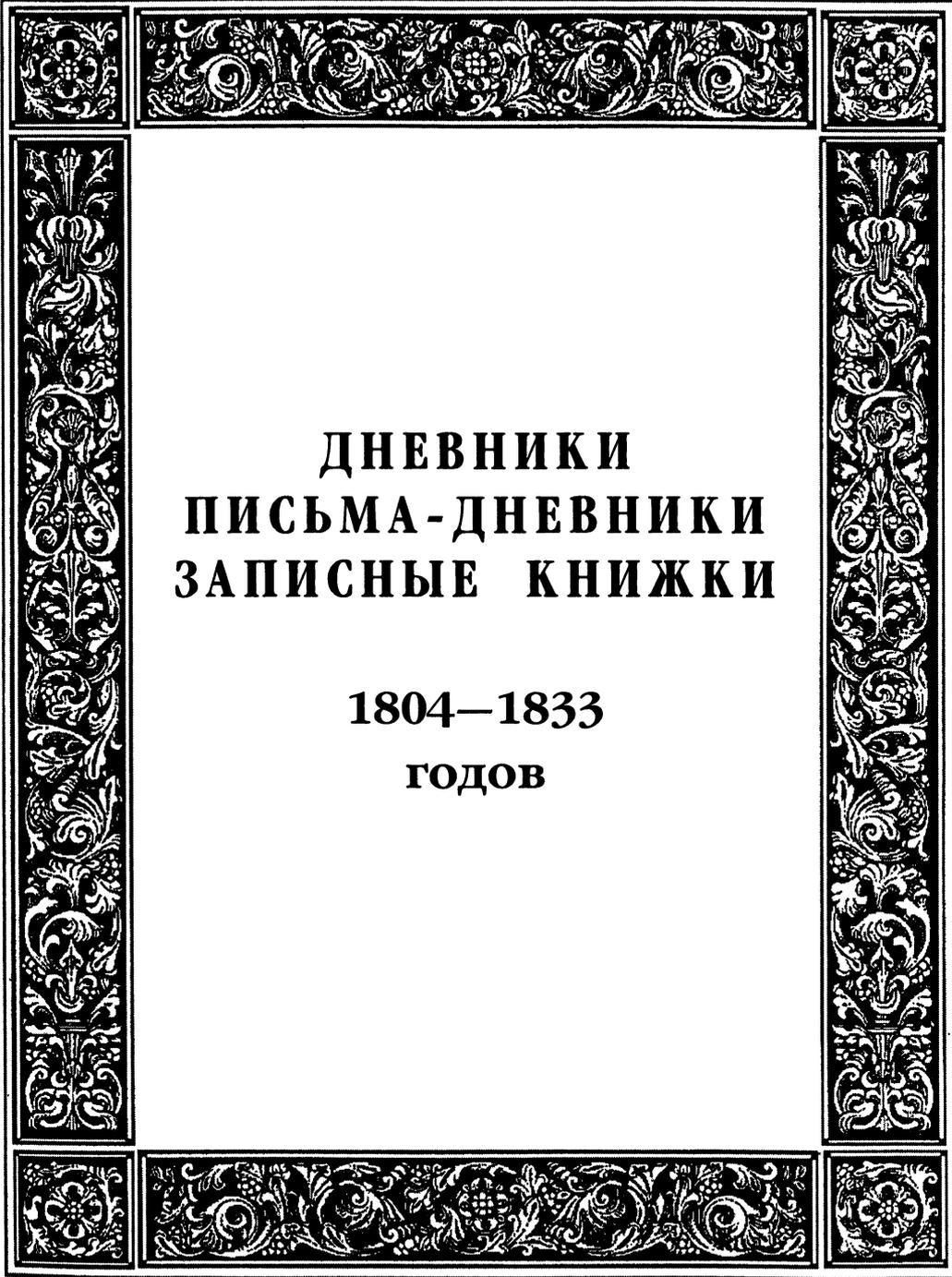
Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-150-0

9 785944 571502 >

© О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич.
Редакция тома 13, 2003

**ДНЕВНИКИ
ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ**

1804—1833

ГОДОВ

А. и Б.¹

30-е июля. *А.* Нынешний день я провел весьма неприятно. Был недоволен собою, беспокоен, лишен бодрости.

Б. Отчего?

А. Не знаю, однако должна быть причина.

Б. Разумеется! Если не видимая, то по крайней мере скрытая. Может быть, опытный глаз мог бы открыть ее и подать тебе помощь; но ты этого сделать не можешь, потому что не привык к размышлению. Расскажи мне порядок своего дня; может быть, сколько-нибудь объяснится причина твоего неудовольствия на самого себя.

А. Я встал позже обыкновенного, в исходе седьмого (нарушение порядка — первое впечатление, и конечно неприятное, при самом начале дня; однако, мне кажется, оно не имело заметного впечатления на мое расположение). До десяти часов я пробыл с моими, пил кофе, говорил о постороннем, неинтересном; *А.*² просила меня, во время ее отсутствия, брать с почты письма на ее имя от *В...* *М...*³ Я отказался, опасаясь возбудить подозрение самым старанием не возбудить его. Это однако ж имело больше неприятное на меня влияние: мне было несколько тяжело не сделать удовольствия, хотя *А.* сама согласилась на мои причины. Я не переводил, как обыкновенно; читал Сен-Ламберта⁴; голова моя была несколько тяжела, я многое понимал с трудом, другого не понимал совсем; был невнимателен и досадовал на самого себя за это невнимание, почитал себя не способным ни к какому вниманию, и чтение мое от этого становилось час от часу неприятнее. Потом сделал свой экстракт⁵. Во время чтения завтракал; не знаю, не переменяло ли это несколько моего расположения; говорят, будто голова не так может действовать во время пищеварения... После обеда тотчас взялся за книгу, не читал, а перебирал листы в Сен-Ламберте, в Томпсоне⁶, в Геснере⁷, в Гервее⁸, в Блумфильде⁹; потом, отбросив эти книги, взял в руки Делиев перевод «Энеиды»¹⁰, прочел шестую песнь, без внимания, без приятности. Пришла матушка¹¹, говорила о строении¹², делала расчеты не весьма нужные и давно ею сделанные. Во время чтения я имел глупость обременить свой желудок недоспелыми яблоками, потом дынею, что произвело резь в животе. Немного спустя, постучав несколько времени машинально на фортепианах, я сел переводить; перевел три страницы из Дюкло¹³, и не совсем дурно. Кончив перевод, пошел гулять уже с другим приятнейшим расположением; вечер сумрачный, однако не ненастный, приятно на меня действовал, голова моя была несколько свежее и способнее к размышлениям.

Б. И ты не видишь причины своего неудовольствия на самого себя? Она однако ж не совсем закрыта. Ты встал не в обыкновенное время. Ты говорил

в то время, когда был с *своими*, о постор(онних) неинтер(есных) вещах. Это, конечно, мало значит, но душа, будучи часто в таких недействительных состояниях, в каком твоя была в это время, нечувствительно от них грубеет. Мне кажется, можно бы было из всякой минуты выводить пользу, и ты мог находить больше приятности в сих разговорах, если бы захотел принудить себя ко вниманию и деятельности; но ты ленив и многое упускаешь от нерадения.

А. Как же *приучить себя к деятельности? Как сделаться неленивым?*

Б. Об этом будем иметь особенный разговор. Кончим рассматривание дня твоего. Отказ, сделанный тобою *А.*, хотя имеет основ(ательные) причины, однако оставил нечто неприятное в твоих мыслях. Ты сперва было согласился, но после отказал, не сделав никакого предварительного рассуждения. Ты не умеешь еще рассуждать, не наблюдаешь постепенность в своих мыслях, не знаешь выводить порядочные заключения. Привычка этому научит, но должно хватать время, или опоздаешь. Нынешний твой отказ не есть следствие рассуждения. Ты сперва решился и потом начал думать, для чего: итак не можешь назвать своего поступка благоразумным, потому что он не есть следствие благоразумия. Отчего ты читал без приятности? От невнимания и от напряжения понять читаемое, не обратив на него всего внимания. Сия неудача тебя огорчала, ты почитал себя непонятным совершенно, и ошибался; ты был только в эту минуту непонятен, потому что не имел внимания и не был расположен ко вниманию: следственно, все неприятные чувства твои произошли от неудачи. Итак, чтоб быть веселым, надобно заниматься, но, чтобы занятие было удачно, должно, чтобы оно было непринужденно; для этого надобно каждое занятие согласовать со временем и расположением, не давая однако ж себе слишком воли. Например, лень надобно превозмогать. Лень сама по себе тяжела и неприятна; желал бы ничего не делать, но мысль, что пренебрегаешь свою должность, мучит тебя; то ли дело, когда получишь право сказать самому себе: теперь могу успокоиться.

А. Итак, мне надобно знать, что в какое время и в каком положении делать. Если я несколько рассеян — читать книги, просто занимательные, романы, мелких поэтов и тому подобное, или рисовать, или заниматься какою-нибудь машинальною работою; а в хорошем расположении приняться за что-нибудь важнейшее. Лучше всего каждое утро, рассмотрев себя, положить, что делать в тот день, чтобы не потерять его. Надобно наблюдать однако ж, чтобы обыкновенная работа была всегда сделана, от этого зависит расположение приятное или неприятное остатка дня. Всегда надобно помнить, что я занимаюсь для пользы и для приятности, а не поневоле.

Б. Твое принужденное чтение имело неприятное влияние на весь почти остаток дня. В этом положении ты хотел разбирать себя и видел в себе всё с дурной стороны, не замечая, что в эту минуту глаз твой был неверен. Надобно быть совершенно хладнокровным, чтобы судить о чем-нибудь без предубеждения в дурную или хорошую сторону. Суждение твое о самом себе

в такие мрачные минуты не должно быть для тебя огорчительным: ты не можешь себе верить, ибо ты несправедлив или неспособен быть справедливым. Когда будешь спокоен, беззаботен и несколько приучишься мыслить, разбери себя; этот разбор необходим для предохранения твоего от многих ошибок в жизни. Но теперь не время, ибо ты еще ленив мыслить и не знаешь методы размышления.

А. Как же научить себя мыслить?

Б. Я думаю, чтением и старанием не упускать ни одного способного случая к размышлению. Ты должен победить для этого свою лень, которая мешает тебе и мыслить, и делать. Она, может быть, есть один из главных пороков твоего характера. Она не допустит тебя до дурного, но также и до хорошего, которое требует деятельности. Лень есть привычка души к бездействию. Как же ее уничтожить? Приучить душу действовать, как можно чаще, не откладывая. Приучаясь к одному, она отвыкнет от другого. Это будет великим шагом; сперва покажется трудным, мало-помалу облегчится; сперва будешь чувствовать одну неприятность, потом меньше, меньше, и, наконец, все неприятности исчезнут — останется деятельность. Только не теряй бодрости, и всё далее.

5-е августа. **А.** Может быть, в декабре поеду в Петербург с И. П. Тургеневым¹⁴. Это путешествие приятно, потому что оно доставит мне случай много видеть такого, о чем не имею еще идеи; может быть, узнаю несколько больше общество; не безделица видеть один из лучших театров, слышать прекрасных певиц и певцов, посещать кабинеты картин, статуй и прочее; одним словом, съездив в Петербург, запасусь, может быть, многими идеями для своего уединения.

Б. Но, чтобы с пользою съездить в Петербург, надобно быть для него готовым. Чтобы видеть с прямым удовольствием кабинеты скульптуры и живописи, надобно знать что-нибудь о том и о другом, надобно иметь понятие о российской истории, уметь судить о театре. Теперь ты ничего этого не имеешь. Как же себе поможешь?

А. Если не могу получить *всей* пользы, то по крайней мере получу одну *часть* ее: могу читать историю на месте, она больше впечатлется в моей памяти. Читая трактаты о живописи, скульптуре и драматическом искусстве, буду иметь случай поверять мысли, почерпнутые мною из книг, впечатлениями, которые буду иметь в кабинетах и театре. И этой выгоды довольно.

Б. Хорошо. Но что ты сделаешь, если представится тебе случай войти выгодно в службу?

А. Об этом надобно подумать хорошенько. Надобно решиться; сделать план своей жизни, план верный и постоянный.

Б. Спроси у самого себя, чего ты желаешь в жизни, чего будешь искать и что найти способен. Может быть, это всегдашнее беспокойство, которое тебя волнует, есть следствие твоей нерешимости: ты еще не знаешь, чего желать и к чему стремиться, идешь не по дороге, потому что еще не видишь дороги. Первое — что ты разумеешь под словом: служить?

А. Разумею действовать для пользы отечества и своей собственной, так чтобы последняя была не противна первой.

Б. Хорошо; но степени пользы, которую можешь делать служа, не одинаковы. Ты должен быть долго орудием, исполнителем чужой воли, чтобы получить наконец свою волю действовать. Есть места такие, в которых ты можешь совсем не действовать или, что всё равно, действовать бесполезным образом. Сии места могут быть предметом твоих желаний разве только потому, что служат лестницею к высшим и полезнейшим; но, чтобы возвыситься, ты должен иметь покровителей или найти их, чего совсем не умеешь сделать: для сего нужны гибкость, проворство, ум, осторожность, прилежность, или необыкновенные, заметные достоинства. Все это не твое дело! К тому ж, если счастье тебе и послужит, то на что тебе важное достоинство? Ты возьмешь на себя такую обязанность, которой, конечно, не будешь уметь исполнить, не имея способностей публичного человека, способностей действовать на общество, быть полезным в большом круге своею деятельностью, своими обширными видами, способностию обнимать множество частных польз вместе и составлять из них общую пользу. Польза есть цель службы; кто не способен к ней достигнуть, тот не служи и выбери для себя круг теснейший, цель ближайшую и вернейшую. Служить для чина хорошо тому, кто видит в чине усовершенствование собственного бытия своего, кто без наружного величия мал и низок, кто должен быть чем-нибудь перед людьми, потому что ничто перед собою. Большой чин связан с большими обязанностями: ты не можешь исполнять их в совершенстве. Искать малого чина есть труд совершенно бесполезный. Служить для собственной выгоды есть отделять ее от общей, думать о корысти, а не о чести; к тому ж и для одной собственной выгоды надобно иметь чин важный, место такое, с которым бы соединялось великое влияние на общество.

ЖУРНАЛ

1805

13-го июня¹. § 1. Даже говоря правду, надобно быть несколько *скрытым*, то есть надобно правде, самой неприятной, давать такой образ, который бы не мог отвратить от нее *того человека, которому ее предлагаешь*. Иначе она несомненно потеряет свое действие и будет некоторым образом брошена на поругание. Говорить истину с *грубостью* и *жестокостью*, которыми хвалились стоики, есть некоторым образом непозволенное самохвальство, совершенно противное той пользе, которую принести хочешь, и доказывающее один только эгоизм, сокрытый под маскою правдолюбия. Сверх того, никто не позволит себя учить: это противно самолюбию, следовательно бесполезно, потому что недействительно. Учи людей таким тоном, как будто бы от них сам желаешь научиться. Заставь их самих сказать то, что бы желал сказать им. *Говорить правду другу другое дело*.

§ 2. Главная обязанность человека есть быть честным. Счастье, наслаждения, чувствительность, твердость характера и пр. и пр. зависят более от темперамента и обстоятельств; честность зависит от него самого.

§ 3. К началу января или марта 1806-го года я должен выплатить половину теперешнего своего долга и положить за правило более не делать долгу ни на полушку, не брать ни у кого денег, кроме тех, которые получу от Антонского для путешествия². Путешествовать 3 года, с половины 1806 до половины 1809-го года. Возвратясь, начать выдавать журнал; продолжать это издание четыре года, в которые выплатить весь свой долг. Потом приняться за какую-нибудь важную работу, такую, которая бы принесла пользу и сделала бы меня более известным в литературе. Если ж не поеду путешествовать, то к концу 1806-го года расквитаться со всем моим долгом; взяты с начала 1807-го года издание журнала³; выдавать его четыре года, некоторую часть денег проживать, другую откладывать, а по окончании журнала, как сказано, приняться за что-нибудь важное и посвятить себя совершенно литературе. В продолжение четырех лет издания журнала могу скопить и отложить тысячи четыре (заплата и долг), которые с моим теперешним капиталом составят 11 тысяч; отдав их в Восп(итательный) дом, буду получать 500 рублей годового дохода, верного, чистого, к которому всякий год могу присоединять работою 500 рублей. Откладывая по тысяче на год, в десять лет могу иметь двадцатитысячный капитал, или верный доход по тысяче рублей на год.

Вот мой план; сбудется ли он, не знаю. С моей стороны я должен употребить для его исполнения прилежность, постоянное терпение, расчетливую бережливость и умеренность в образе жизни. Но в продолжение этого

времени может быть столько перемен! И каких перемен! Счастливых ли, несчастных ли? — как знать! Но я не требую слишком многого. Хочу спокойной, невинной жизни. Желая не нуждаться. Желая, чтобы я и матушка были не несчастны, имели всё нужное. Хочу иметь некоторые удовольствия, возможные всякому человеку, бедному и богатому, удовольствия от занятий, от умеренной, но постоянной деятельности, наконец от спокойной, порядочной семейственной жизни. Почему бы этому не исполниться? Проведя три года в путешествии, в свободе самой неограниченной, возвращусь домой, начну трудиться, трудом получать свое пропитание и вместе удовольствие; чтение, садоводство и — если бы дал Бог — общество верного друга или верной жены будут моим отдохновением. Иногда, в положенное время, буду ездить в Москву, если не переселюсь в нее совершенно, для свидания с знакомыми или для дел своих и проч. Избави меня, Боже, от больших несчастий, и я не буду искать большого счастья! Спокойная, невинная жизнь, занятия, для меня и для других полезные или приятные, дружба, искренняя привязанность к моим ближним друзьям и, наконец, если бы было можно, удовольствие некоторых умеренных благодетелей — вот все мои требования от Провидения!

§ 4. Каков я? Что во мне хорошего? Что худого? Что сделано обстоятельствами? Что природою? Что можно приобрести и как? Что должно исправить и как? Чего не можно ни приобрести, ни исправить (то есть, есть ли что во мне такое)? Какое счастье мне возможно по моему характеру? Вот вопросы, на решение которых должно употребить несколько (много) времени. Они будут решаемы мало-помалу, во всё продолжение моего журнала.

§ 5. *1 июля 1805, вечером.* Я нынче в каком-то приятно-унылом расположении. Не думая ни о чем, задумчив. Мне приятно было смотреть на отдаления, покрытые вечернею тенью. Эта неясность и отдаленность всегда имеет трогательное влияние на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвестную, но не совсем незнакомую. Какое-то тайное предчувствие говорит о ней и обнаруживает ее неясвенно за прозрачным занавесом⁴. Ничего не может быть приятнее этих трогательных минут, когда сердце полно — чем? не знаешь! Всё тогда действует на тебя гораздо живее. Глядишь с чувством на небо; хотел бы всякую минуту броситься на колена! Любишь Бога, то есть сильно Его чувствуешь. В минуту счастья и внутреннего наслаждения, которое одно может назваться счастьем, находишь себя гораздо добрее, готовее на всё прекрасное и необыкновенное. Вспоминаешь о прошедшем с некоторою сладкою меланхолией. Жизнь представляется в самом привлекательном виде, потому что сильно ее чувствуешь; все почти предметы приятны, потому что наша чувствительность, в ту минуту слишком наполняющая сердце, на них изливается и украшает их в глазах наших. Всё изменяется вместе с нами: всё прекрасно, когда наша душа в своем натуральном расположении, довольна и спокойна; всё мрачно и неприятно, когда душа наша в волнении, в борьбе с собою, в неудовольствии. Счастье не иное что, как сие тихое, ясное состояние наше, продолженное на всю жизнь или по крайней мере на большую часть жизни. Итак, оно не

совершенно зависит от посторонних вещей, которые, однако, не могут не иметь на него влияние. Душа человеческая сперва образуется влиянием окружающих ее предметов, потом уже сама имеет на них влияние, то есть несколько времени бывает страдательною, потом делается действительною, получит постоянный, твердый образ. Но и в сем своем положении она остается в зависимости от внешнего, хотя имеет уже свою силу и волю. Здоровье тела, достаток или недостаток в необходимых потребностях и удовольствиях жизни, приятность или неприятность воздуха, обстоятельства попеременно делают на нее впечатления: от нее только зависит принимать их с большею или меньшею чувствительностью, или, справедливее сказать, исправлять сии впечатления.

§ 6. *Июля 4-го.* Вчера и нынче я думал о своем характере. Не знаю точно, как определить его. Я очень мало размышлял в связи, и думаю, что еще долго порядочно размышлять не буду. Без размышления себя не узнаешь; не познав себя, не исправишь своих недостатков. Буду замечать себя по частям, и потом из сих частных замечаний сделаю общее заключение.

§ 7. Без размышления, кажется мне, нельзя быть чувствительным. Что такое чувствительный человек, — я говорю не горячий, не вспыльчивый, что иногда есть не иное что, как эгоизм, который всё к себе относит и всем, только к нему близким, трогается? Такой человек, который в некоторых обстоятельствах и случаях очень быстро всё объемлет, в котором натуральное чувство служит вместо размышления, который видит результат вещи, не сделав по форме рассуждения. Быстрота, ясность ума, которых действие однако ж противно действию простого, методического размышления, живее, сильнее и прочнее. Впрочем, об этом надобно подумать хорошенько.

§ 8. *Июля 9-го.* Что со мною происходит? Грусть, волнение в душе, какое-то неизвестное чувство, какое-то неясное желание! Можно ли быть влюбленным в ребенка?⁵ Но в душе моей сделалась перемена в рассуждении ее! Третий день грустен, уныл. Отчего? Оттого, что она уехала! Ребенок! Но я себе ее представляю в будущем, в то время, когда возвращусь из путешествия, в большем совершенстве! Вижу ее не такую, какова она теперь, но такую, какова она будет тогда, и с некоторым нетерпением это себе представляю. Это чувство родилось вдруг, от чего — не знаю; но желаю, чтобы оно сохранилось. Я им наполнен, оно заставляет меня мечтать, воображать будущее с некоторым волнением; если оно усилится, то сделает меня лучшим, надежда или желание получить это счастье заставит меня думать о усовершенствовании своего характера; мысль о том, что меня ожидает дома, будет поддерживать и веселить меня во время моего путешествия. Я был бы с нею счастлив конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цену семейственного счастья и не захотела бы светской рассеянности. Но может ли это быть? К. А.⁶ если не ошибаюсь, дала мне что-то предчувствовать. Но родные? Может быть, они этому будут противиться? Кто ж родные? Один В.⁷ и одна М.⁸! Неужли для пустых причин и противоречий гордости К. А. пожертвует моим и даже ее счастьем, потому что она конечно была

бы со мною счастлива: моя первейшая цель есть наслаждение семейственною жизнью; я бы нашел или стал бы искать средства ею наслаждаться; я бы не стал терять в суетных, ничтожных исканиях драгоценной жизни: литература была бы моим занятием, любовь жены и любовь к ней, самая нежная и спокойная, отдохновением; спокойствие и счастье окружающего меня счастьем, наградою. Родные меня конечно бы не отяготили; я бы стал жертвовать им малейшею частию своего времени, и то для рассеяния. Я бы был счастлив *дома*, с моею женою, с К. А., с моими ближайшими: тогда бы деятельность моя увеличилась, я имел бы тесные связи, я знал бы, что любим прямо и имею право на любовь сию, то есть могу считать ее не милостию, но ответом на мою любовь, последствием моей любви. Мне кажется, что я ревнив; это есть следствие подозрительности в характере, эгоизма, который всё к себе относит. Научившись любить жену для нее, не исключительно для себя, отучись от ревности: любя жену, будешь любить и все ее удовольствия, следовательно не ограничишь ее одним беспрестанным к себе вниманием, дашь ей свободу, видя, что всегда и всему предпочтен ею. Всё, что на минуту отвлекает ее мысли от тебя, не есть ни холодность, ни измена, но простая, всем естественная, рассеянность, простое желание всем пользоваться. Неужели всякую минуту можно занимать кого-нибудь собою? Итак, должно один раз навсегда увериться, что любим искренно и перед всем предпочтительно, и быть спокойным. Удерживать жену принуждением, когда не мог привязать ее к себе любовью, почитаю безумством. Доверенность, совершенная доверенность и уважение к своему другу, вот главные подпоры супружеских связей: излишние требования их ослабляют, потому что делают их тягостными, они производят притворство или по крайней мере принуждение. Ревнивый любит только для себя; он хочет всякую минуту занимать собою, всякую минуту быть присутственным, что не натурально и не может не быть тягостным, если сделается принужденным. Ревность причиняет то, чего боится. Как же отучить себя от ревности? Я разумею здесь неосновательную ревность. Та, которая имеет причину и оправдывается поступками любимого человека, есть натуральное следствие любви и неотвратима. Я говорю о той, которая происходит от беспокойного, подозрительного характера, который всё увеличивает или представляет в черном виде. Думаю не иным чем отучить, как размышлением, как искоренением самым скорым всякого беспокойного чувства при его рождении, как беспрестанным уверением себя в любви милого человека, не способного быть вероломным, как беспрестанным желанием и старанием сделаться еще любезнее, доверенностию и откровенностию. Упреки и укоризны отдаляют; присмотр и подозрение тягостны; требования возбуждают принужденность; беспокойство и мнительность бесполезны, когда нет зла, и конечно не отвратят его, когда оно должно быть. Люби, чтобы быть любимым, и будь совершенно спокоен, ибо ничто не отвратит несчастья, когда любовь его отвратить не в состоянии. Итак, самое лучшее средство против женской неверности есть любовь и желание нравиться. А лекарство

от ревности есть уверение, что она совершенно бесполезна и только что мучительна. Надобно быть только уверенным, что всё сделал для приобретения любви.

§ 9. *Июля 10-го.* То, что я себе предназначаю в жизни, кажется, может назваться благоразумным. Спокойную, но деятельную жизнь человека, упражняющегося в науках. Польза, какую бы я мог принести службою, не может сравниться с тою пользою, какую принесу, если буду деятелен своими трудами по той части, которая ко мне ближе. Одна часть моего времени должна быть посвящена собственному моему образованию, то есть образованию моего ума, характера, без чего не буду совершенно счастлив ни один, ни в своем семействе. Вдруг это сделаться не может, но исподволь, постепенно, как уверяет Плутарх⁹: буду замечать за собою, это самое замечание будет некоторым образом исправления, потому что сделает внимательным к самому себе и следственно осторожным. Одним из лучших следствий моего вояжа должно быть преобразование моего характера: я буду совершенно свободен, следовательно, буду иметь больше возможности обращать на себя внимание. Не должно только отвращаться трудностию, и хотя мало, но всё продвигаться вперед. Итак, цель моей жизни должна быть деятельность, но такая деятельность, которая мне возможна: деятельность в литературе, или возможное извлечение пользы из авторских моих талантов; деятельность в образовании моего характера; деятельность в поддержании моего состояния; деятельность в составлении счастья моего семейства, если его иметь буду, и в исполнении общественных условий.

§ 10. На сих днях говорили за столом о каком-то человеке, который живет прекрасно. Что ж называют прекрасною жизнью? То, что об нем все говорят, что со всех сторон к нему собираются, что все любопытствуют видеть, как он живет, и прочее! Этого довольно, чтобы увериться, что он живет не прекрасно или, справедливее, несчастливо. Требуется ли счастье свидетелей? Оно в сердце, в тихом, спокойном наслаждении самого себя, происходящем от порядка в делах, от невинности души, от занятий приятных и постоянных, от способности быть с самим собою или со своими любезнейшими, что всё равно. На что же тут свидетели, которым всё это незнакомо или которых большей части незнакомо? Сверх того толпа, собирающаяся к человеку с любопытным желанием видеть, как он живет, есть без сомнения толпа любопытных, которых скука или бездействие гоняет из места в место, которые не знают, как убить свое время, и похищают его у других, по большей части столь же рассеянных и не занятых. Как могут они судить о счастье и можно ли им верить? Человек, истинно счастливый, так незаметен, что его не увидит глаз любопытного, но праздного человека, не знающего цены тихого, сердечного, единственного счастья. Побегит ли толпа удивляться счастью не блестящему, счастью, которое зависит не от наружности, но от причин постоянных и невидимых, от спокойствия, устройства семейственного, от мирной души? Всё это не возбуждает любопытства! Один, два друга могут разделить и видеть это счастье, и сего

довольно: многочисленная толпа его уничтожит, потому что нельзя делить его со множеством, не изменив и не унизив.

§ 11. Читая всякую книгу, надобно обращать внимание на себя, всё применять к себе. Говорить: способен ли я к такой добродетели? имею ли такой порок? как приобрести первую? как уничтожить последний? Всякое чтение должно иметь целию образование нашего характера, иногда одно удовольствие. Но удовольствие разве не есть польза? Я говорю: благородное удовольствие.

§ 12. Всякой моралист предлагает читателю в самом совершенном виде то, что служит основанием собственных его поступков. Он открывает свою тайну, говорит: так я поступал и был счастлив; последуй мне. Всякой моралист *на словах* есть лжец, лицемер, самолюбивый остроумец, желающий прельщать своею маскою. Будь добрым, научись или по крайней мере желай тому следовать, что хочешь предложить в пример обществу, и бери перо в руки без зазрения совести. Надобно быть добродетельным или желать быть, чтобы учить добродетели с успехом.

§ 13. Что такое зависть? Несправедливость, самолюбие, которое не терпит в других того, чего в себе не находит, низость, желающая всё унизить, чтобы сравнить с собою. Какое от нее лекарство? Уверение, что всё прекрасное, даже в самых наших неприятелях, должно быть прекрасно для души благородной; что горестно не радоваться тем, что всех радует; что скорее приблизишься к тому совершенству, которое тебя печаливает, признав его и почувствовав, а не унизив и, следовательно, не обезобразив в глазах своих. Всякое неприятное чувство зависти должно искоренять в ту самую минуту, когда оно рождается, заглушив его, так сказать, мыслию о совершенстве и прелести того, чему завидуешь, и забвением своего собственного несовершенства, которое надлежит с ним сравнивать в уверении, что к нему возвысишься, в твердой решимости на это: словом, зависть должно преобразовать в поревнование или, если поревнование не может иметь места, в искреннее приятное удивление. Время всё сделает!

§ 14. Как определить характер К...?¹⁰ Я его не знаю и не мог знать. Будучи с ним знаком до его женитьбы, я не старался узнавать его, верил слухам о его свойствах, которые все благоприятны и не опровержены никаким противоречием; однако я не поверял сих слухов своим собственным наблюдением, следствие лени моего ума, который не приучен к действию, хотя всегда чувствовал, будучи с ним вместе, некоторую скуку и принужденность. Следовательно, я никогда не был с ним другом, ниже коротким приятелем, и это также есть следствие моей лени, которая препятствовала мне входить в разбор его свойств, а заставляла полагаться, без разыскания, на мнение об нем света. Нельзя быть другом всякого, впрочем достойного, человека. Дружба есть следствие особенной склонности душевной, сходства, если не во всех чувствах, то по крайней мере в образе чувствовать. Я не уверял его в своей *сердечной* дружбе; говорил однако ж, что его люблю; это и правда, но только отчасти, то есть я люблю его так, как

можно любить человека, прямо честного, благородного, не способного ни к какой низости, но также не способного и к дружбе, или по крайней мере к дружбе со мною. Его несходство со мною, наша с ним принужденность, неоткровенность (в которых мы явно ни друг другу, ниже самим себе, — по крайней мере я, — не признавались), одним словом, это не знаю что, неизъяснимое, но очень важное в дружбе, тому препятствуют. Итак, отказываюсь от его дружбы. Рассмотрим, каков он сам в отношении к другим, к своей жене, потом положим постоянное правило, по которому должно с ним обходиться, чего искать в его знакомстве, каков он теперь со мною, и прочее. Об этом после.

§ 15. *Июля 16.* Можно сомневаться в истине религии: этому многие подвержены; я в ней не утвержден, потому что не знаю или, лучше сказать, не чувствовал: то, что я об ней слышал, чему меня учили ребенком, не есть религия, но пустые слова без смысла и без действия. Религия требует сердца. *J'ai pleuré et j'ai cru*, — говорит Шатобриан¹¹, и иначе нельзя поверить, как в слезах, в восторге. Ум не тверд, переменчив в своих решениях: что он положит *нынче*, то переменит *завтра*, потому что он ограничен, что ошибаться есть его натура. Кто любит своего друга, кто его *чувствует*, тот в нем уверен не размышлением, а чувством, которое дальновиднее и постояннее размышления, потому что впечатления его сильны, неизгладимы: я не много люблю того человека, которого добродетель должен доказать себе размышлением; он не первый друг моего сердца, не брат мой, не первый любимец моей души. Такова вера. В ней твое счастье, подпора. Можно ли поручить ее непостоянству рассудка, который так холоден и медлителен? Почувствуй ее необходимость, ее спокойство, ее великость, ее счастье, и поверишь, несмотря на недоумения рассудка. Я еще не имею и не мог иметь сей веры. Она есть следствие долгого рассматривания природы и самого себя и уверение в ничтожности твари, в милосердии Творца: я еще не старался приобрести сего уверения и по сию пору был на другой дороге. Что будет, я не знаю; но должно стараться сделать себя счастливым: это есть закон природы. А вера есть вернейшее средство его исполнить. Кто бранит религию или обнаруживает к ней свое неуважение в присутствии людей, ее почитающих, делает то же, что человек, который в присутствии сына бранит его мать.

§ 16. *Июля 16.* Нынче я был у барона¹². Что об нем надобно думать, это напишу после: мои мысли еще не готовы; надобно сделать больше замечаний по частям, потом сделать какое-нибудь общее заключение. С ним приятно быть, потому что он не оставляет ума в бездействии, будучи сам очень умным человеком. Я не имел еще никогда с ним этой сердечной, сладкой искренности, *épanchement du cœur**, но я с ним довольно свободен, довольно жив, потому что нахожу приятность говорить с ним, и говорю о таких предметах, которые заставляют меня больше думать, приводить мысли мои

* Излияние сердца (*фр.*).

в некоторое напряжение. Мне кажется только (может быть, я ошибаюсь, и желаю, чтобы ошибался), что во всем том, что он говорит, например, о добродетели, о религии, о морали, заключается больше ума, нежели чувства; он доказывает умом, складными словами; но, слушая его, остаешься спокойным, не тронутым в сердце, хотя занятым в уме, ибо все его *мнения* или справедливы или показывают ум; но они только мнения, доказательства, не чувства; одним словом, в его разговорах нет чего-то привлекательного: он оратор, который хорошие мысли предлагает в складных, гармонических фразах. Мы говорили о религии, о Шатобриане, которого он называет *великим* (я еще не читал “*Génie du christianisme*”)¹³. Дело дошло до метафизики. Он цитовал какого-то мистического автора, который в нашей душе полагает две разные стороны: одну *чувственную*, только принимающую впечатления чувств и им исключительно подверженную; другую *умственную*, рассуждающую, противящуюся усилиям души чувственной, а иногда (или очень часто) ей уступающую. Я напротив думаю, что душа есть то средоточие, к которому скопляются все впечатления, через телесные чувства получаемые; что она об них судит, по ним действует, по ним так или иначе заключает. Это не значит, чтобы сама душа была материальная; это показывает только то, что она соединена тесно с нашим телом, которого все впечатления до нее доходят и служат, так сказать, материалами ее умственных зданий. Размышление есть следствие ощущения: без него оно быть не может так же точно, как строение без материалов. Но это еще не значит, чтобы способность размышлять была результатом чувственных впечатлений; они только приводят ее в действие; без них она бездейственна. Способность мыслить есть дар природы, есть душа, не телесная, бессмертная; ум есть сия способность, образованная, приведенная в совершенство теми многократными действиями, которые в ней были производимы впечатлениями чувства. Душа во всяком человеке должна быть одна, потому что она есть существо бестелесное, истекающее от одного источника, от Бога, но ее образование (происходящее от различия организации тела, в соразмерности с которым она получает и различные впечатления, даже одни и те же впечатления различно с другими душами) не одинаково. Итак, причины разнообразности умов должно искать в разнообразности телесного строения, и главная должность человека есть управлять посредством ума чувственными впечатлениями или даже преобразовать их, и прочее и прочее. — У нас теперь Марья Ивановна Протасова. Как приятно ее слушать; нет ничего особенного в ее разговоре, но ум всё украшает. Б-а, которая у нас была¹⁴, казалась не на своем месте, связанною. Надобно уметь владеть собою, привыкнуть к этому, привыкнуть побеждать всякое чувство зависти в ту же минуту, в которую оно родится, чтобы не быть несчастным в присутствии тех людей, которые нас выше, т. е. выше умом, достоинствами. М. И. была ей в тягость. Она тотчас уехала. Несмотря на то, женщина, кажется, почтенная, хотя не особенная. Говорили у барона за столом о смирении, то есть о таком качестве человека, которое не допускает его величаться своими достоинствами, а только относит их к Богу. Взглянув на картины,

висевшие на стене, на которых написан дом одного дяди баронова, знатного человека¹⁵, я сказал, что барон не забывает старых друзей своих: эти картины видели в другом его доме, маленьком, тесном. Это слово заставило барона сказать несколько фраз в похвалу своего смирения; он, может быть, вообразил, что я припишу его чванству это выставление картин, изображающих большие дома большого господина и его дяди. Он сказал, что не сам желал иметь их на стене своей, что получил, кажется, от тещи, что сохраняет из уважения к ней, и прочее и прочее. Всему этому верю; но для чего это говорить, для чего бояться, чтобы меня не почли человеком тщеславным и суетным, когда я в самом деле ни тщеславен, ни суетен? Это опасение неприлично христианину, показывает одно самолюбие, беспокойное и робкое. Что нужды христианину до мнения, особливо до мнения молодого человека? Как много неосновательности в самых умных людях.

§ 17. *Июль 17.* Я смотрел на небо с каким-то особенным чувством: воображал бессмертие! Как тот счастлив, кто всегда имеет перед собою сию великую идею, кто нашел ее душою, в ком она запечатлелась неизгладимо! Сия уверенность в тленности земных вещей не есть ли тайное, врожденное в человеке доказательство бессмертия? Кто жалеет о мертвом, жалеет об одном себе: если бы он воображал своего потерянного друга жертвою ничтожности, он бы ужаснулся, и порадовался внутренне тому, что он еще жив и чувствует. Но мы говорим о тех, кого мы лишились: *я его не увижу!* Не есть ли это в отношении к себе, а не к нему? Кто может быть несчастлив, веря бессмертию? Что он теряет в жизни, которая сама ничто, которой потерю должно радоваться, потому что она приближает нас к нашей великой цели! Какая судьба! Бессмертие, вечное, радостное бытие, которого подобие находим здесь в духовных наслаждениях! Что ж нас сделает способными наслаждаться бессмертием, как не сия привычка, здесь, в этой жизни, к мыслям, к чувствам благородным: они образуют душу, возвышают ее и предают бессмертию в новом, прелестном виде. Ах, если бы это чувство укоренилось в душе моей! Как бы все несчастья были передо мною слабы! Может ли быть то ложно, что так возвышает душу, и может ли та душа быть не бессмертна, которая так может возвышаться! Я начинаю больше мыслить, следственно делаюсь способнее к своему усовершенствованию, способнее быть счастливым и здесь, и там. *Там* — какое слово, что под ним заключается! У меня на глазах слезы от сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство — всё *там!* О, великое Существо, великое Существо, назначившее человека быть бессмертным!

§ 18. *Июль 17.* Быть счастливым есть мыслить. В мыслях заключаются все наши наслаждения. Они возвышают, украшают душу. Сколько путешествие будет иметь на меня влияние! Как мысли мои разовьются и распространятся!

§ 19. *Июль 21.* Читаю теперь Гарве: «*О уединении и обществе*»¹⁶. Простой, ясный и приятный слог; порядок в предложении мыслей; справедливость мыслей, основанных на опыте. Виден человек, который в спокойном

состоянии души, перед концом жизни, говорит о том, что заметил во всё время ее продолжения, говорит просто, без пристрастия. Гарве может назваться настоящим практическим философом, то есть таким, которого философия может быть легко применена к человеческой жизни, потому что она основана на опыте, не есть умозрительная, произведенная одним умом, но есть следствие многих замечаний и многих опытов. — Уединение и общество могут действовать на образование ума, характера, наружности; бывают многих родов; имеют влияние, большее или меньшее, на счастье человека: вот содержание книги, которую теперь читаю. — О действии общества на образование ума. Ум образуется приобретением познаний и деятельностию. Предмет познаний (главнейший) есть человек; познавая других, мы познаем самих себя больше или меньше. Наше внимание скорее обращается на людей, нежели на нас самих. Мы, сравнивая их достоинства и недостатки с своими достоинствами и недостатками, обнаруживаем их и объясняем. Мы должны выйти из самих себя, чтобы потом к себе возвратиться и себя яснее увидеть. Разнообразие характеров возбуждает наше внимание; рассматривая каждый особенно, мы находим во всех что-нибудь общее и в каждом что-нибудь ему принадлежащее; эта привычка рассматривать, наблюдать и помещать каждый характер в особенный класс, к которому он больше принадлежит, делает нас способными скорее и справедливее заключать о других людях. В уединении или в тесном кругу общественного обращения, не имея перед глазами такого разнообразия, не видя примеров ни отменной добродетели, ни отменной испорченности, мы чувствуем какое-то однообразие, приобретаем какую-то леность духа, пустоту, недеятельность и даже не обращаем внимания на те немногие характеры, которые перед нами и которые кажутся нам знакомыми, потому что всегда были нам видимы: напротив, множество отменных характеров приводит ум наш в движение, и сия самая деятельность облегчает наше наблюдение за человеческою натурою. Человек есть учитель человека; первые познания получаем мы изустно, и конечно изустное наставление может почтяться самым действительнейшим. Что говорят, понимаешь лучше, нежели то, что написано: в первом случае голос, движения руки, лица, всего тела передают ясное понятие о предмете; когда же читаешь, видишь перед собою одни мертвые буквы, знаки мыслей. Конечно, понятия, получаемые в разговоре, не так полны и подробны, как понятия, получаемые из книг, но зато они ощутительнее, живее, короче: первые требуют большого напряжения ума, последние как будто сами на душе напечатлеваются. Из книг нельзя узнать людей так ясно и подробно, как из обращения с ними. Особенность характера, образа мыслей человека производит особенность в его разговоре и обращении; замечая изменения лица его, движения его тела, жесты и прочее, получишь яснейшее о нем понятие; всё это должно исчезнуть в книге; для многих оттенков, почти незаметных, нет слов и выражений. Читанное не так живо напечатлевается в рассудке, как виденное и испытанное. В обществе встречаются люди, великие умом и характером; видя их, обращаясь с ними,

привыкаешь к чувствам высоким и благородным: удивляясь добродетели, желаешь быть сам добродетельным. Видя перед собою прекрасные примеры, хочешь им следовать, наблюдаешь за теми, кто их подает, узнаешь средства, которые они употребляют, сравниваешь себя с ними, узнаешь по сравнению, решаешься возвыситься, наконец, сам возвышаешься. Будучи принужден говорить перед людьми умными, красноречивыми, приучаешься выбирать свои выражения, предлагаешь свои мысли яснее, приятнее и больше их обдумываешь. Сия осторожность приводит ум в большее напряжение, а сие частое, почти беспрестанное напряжение сообщает ему большую деятельность и наконец его расширяет. В обществе приобретаешь многие познания. В обществе людей знатных, генералов, министров и всех приближенных к делам государственным получаешь вернейшее понятие о происшествиях, о политике настоящего времени: многие подробности, которых нет ни в каких книгах, сообщаются изустным преданием; в обществе частных людей узнаешь семейственные обстоятельства многих домов, их раздоры, причины их счастья, несчастья, их связи и прочее. Всё сие дает понятие вообще о людях. Общество дополняет многие познания, которые мы получаем в тишине кабинета. Иногда одно выражение оригинальное, остроумное светского человека решает наше сомнение в том или другом предмете. — Что такое общественная жизнь и что уединенная? Общественная жизнь умного человека есть деятельное сообщение со многими людьми разного ума, характера, состояния, звания. Много родов: семейство и друзья; большой свет и прочее. В первом мы существуем в тесной связи с его членами, бываем беспрестанно. В другом мы только играем известную роль, бываем временно. В первом ищем счастья, во втором удовольствия. В первом мы являемся в настоящем, натуральном своем виде; во втором соображаемся с тою наружностью, с которой другие соображаются. Умный человек пользуется обществом, находит в нем удовольствие потому, что может в нем действовать умом, замечать людей, собирать сии замечания, которые наконец составляют опытность. (Я говорю о таком обществе, в котором имеешь связь с членами, его составляющими: толпа, люди всякого звания, есть не иное что, как китайские тени.) Желание быть умным и заметным в обществе побуждает к образованию ума, научает выражать хорошо свои мысли и даже лучше мыслить. Одним словом, общество есть театр, на котором наши способности умственные и душевные действуют. Уединение есть занятие самим собою, обдумывание того, что видел в обществе, изучение натуры, занятие какою-нибудь наукою.

§ 20. Теперь всё буду говорить с вами, *ma chère maman*¹⁷; до этого места мой журнал был писан для меня одного, теперь буду писать его для себя и для вас. Надеюсь, что мысль иметь вас своим свидетелем не уменьшит моей искренности; я буду говорить о себе с такою же откровенностью, с какою бы говорил самому себе, и может быть еще с большею. В первом случае я мог бы сказать или написать неправду *не нарочно*; теперь буду осторожнее, буду чаще у себя спрашивать, точно ли это так, как ты сказываешь, не представляешь ли в лучшем виде того, что в самом деле хуже;

не обманываешься ли; не хочешь ли казаться лучшим перед тем человеком, который должен тебя видеть таким точно, каков ты есть? — Всё это будете вы читать только тогда, когда меня не будет с вами; если найдете в моем журнале что-нибудь дурное обо мне, то подумайте, что всё это прошедшее, что я сам это видел, что хочу это искоренить (если только можно). Подумайте, что я не желаю себя обманывать и казаться самому себе хорошим; что я не имею или не имел по сие время такого человека, который бы взял на себя труд разобрать меня и сказать мне: это в тебе хорошо, усовершенствуй, это дурно, исправь. Несчастье, которому причины надобно искать в моих обстоятельствах. Вы одни можете сказать, что любили меня прямо; но вы не могли принести мне той пользы, которую принести способны. Что этому причина, не знаю, но уверен, что не вы сами, а множество таких неприметных обстоятельств, которых почти нельзя определить словами, но которые есть, потому что их действие очевидно. В этом журнале я буду стараться рассмотреть всё, что имело в прошедшем какое-нибудь влияние на образование моего морального характера, и те средства, которыми можно его усовершенствовать и исправить. Очень приятно говорить с вами; очень приятно уверять себя в любви человека, прямой, искренней, знать, что он оправдывает меня, когда я хорошо делаю, извиняет, когда дурно делаю, потому что ему известнее все мои свойства и причины моих поступков. Люди умеют только осуждать *по наружности* то, что другие делают, но для этого как много надобно знать таких вещей, которые имеют непобедимое влияние на их поступки, но которых знать невозможно! Тот же человек в других обстоятельствах был бы другим. Что ж, если он был оставлен с одними *своими* силами на произвол судьбы и обстоятельств; если он посреди людей, привязанных к нему одною *привычкою*, а не любовью, был один, зависел от одного себя, должен был сам себя образовать, не зная как и даже долго не думая об этом, следовательно, потеряв самое лучшее время? Но об этом я не один раз с вами говорить буду. Этот человек — я! Что будет со мною вперед, не знаю и знать этого не могу. Но должно себя приготовить ко всему. Главное дело человека: приобрести способность быть счастливым.

§ 20. *Августа 24.* Что мне вам сказать? Желал бы всё так точно сказать, как чувствую, но думаю, что уметь не буду. Я ушел от вас с грустию и, признаюсь, с досадою. Тяжело и несносно смотреть на то, что Машенька¹⁸ беспрестанно плачет; и от кого же? От вас, своей матери! Вы ее любите, в этом я не сомневаюсь. Но я не понимаю любви вашей, которая мучит и терзает. Обыкновенно брань за безделицу, потому что Машеньку, с ее милым ангельским нравом, нельзя бранить за что-нибудь важное. Но какая ж брань? Самая тяжелая и чувствительная! Вы хотите ее отучить от слез; сперва отучите от брани, сперва приучите себя говорить с нею, как с другом. Мне кажется, ничто не может быть жесточе, как бить человека и велеть ему не чувствовать боли. Ваша брань тем чувствительнее, что она заключается не в грубых, бранных словах, а в тоне голоса, в выражении, в мине; ребенка надобно уверить, что он сделал дурно, заставить его пожелать исправить

дурное, а не огорчать бранью, которая только что портит характер, потому что его раздражает, а будучи частою, и действует на здоровье. Можно ли говорить Машеньке: *ты не хочешь сделать мне удовольствия, ты только дразнишь меня*, тогда, когда она написала криво строку, и тогда, когда вы уверены, что для нее нет ничего святее вашего удовольствия? Что вы делаете в этом случае? Возбуждаете в ребенке ропот против несправедливости и лишаете его надежды угодить вам, следовательно, делаете робким, а ничто так не убивает характера, как робость, которая отнимает у него свободу усовершенствоваться и образоваться, потому что не дает ему действовать или обнаруживаться. Об этом буду говорить еще; напишу к вам особенно. Я не умею говорить языком о том, что чувствую сильно. Вы опытом это извели. Прочту несколько книг о воспитании; сравню то, что в них предписано, с тем, что вы делали, воспитывая детей, и предложу вам свое мнение о том, что осталось делать.

§ 21. *Августа 26.* С двадцать шестого августа по десятое ноября я не принимался за свой журнал, почти ни о чем не думал, переводил несколько времени, а всё прочее время прошло не знаю как; мне кажется, в совершенном бездействии; иногда мне было весело, иногда скучно. Главная причина, от которой я душевно надолго расстраивался, заключается в *неудаче* моих работ, которые не могут быть отменно приятны, потому что принужденные. Теперь я в очень дурном расположении; голова тяжела; в уме такая пустота и недейтельность; прошедшее мне кажется очень дурным, а настоящее скучным; от будущего не ожидаю ничего; все мои планы исчезли; даже нет во мне желания делаться лучше, образоваться и ум, и характер. Одиночество, совершенный недостаток в приятных связях, отдаление тех людей, которые бы могли меня оживлять и ободрять в искании всего хорошего, совершенное бессилие души, ненадежность на самого себя — вот что меня теперь мучит. Я один; в самом себе не нахожу довольно прибежища; чувствую, что один мало могу для себя сделать; мне недостает ободрения. Все мои теперешние работы кажутся мне цепью, которою я к одному месту прикован. Один не могу ни о чем думать, потому что не имею никакой материи для мыслей; переводы не всякой день идут удачно, от этого и расстройство моя делается большею, и всё другое становится также неудачным. К тому же не умею мыслить в связи, это для меня утомительно, и в теперешнем моем расположении не чувствую даже и нужды мыслить: такие минуты очень похожи на ничтожество и еще хуже ничтожества, потому что чувствуешь неприятное. Самое добро, самое желание быть добрым не имеет в эту минуту ничего для меня привлекательного. Сам с собою я недоволен и скучен, потому что не могу ни о чем порядочно думать и не имею еще этой привычки; с теми, кто вокруг меня, я не связан (что этому причиною, не знаю, но должен узнать), следовательно, не приятно занят; самое общество матушки, по несчастю, не может меня делать счастливым: я не таков с нею, каков должен быть сын с матерью; это самое меня мучит, и мне кажется, я люблю ее гораздо больше заочно, нежели вблизи. Я не был счастлив в моей жизни, кажется, и не буду счастливым. Надобно

приобрести способность быть счастливым, а я едва ли не пропустил время. Как прошла моя молодость? Я был в совершенном бездействии. Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей мне коротко знакомых, потому что я был перед ними выращен, но не видал родных, мне принадлежащих по праву; я привыкал отделять себя ото всех, потому что никто не принимал во мне особого участия и потому что всякое участие ко мне казалось мне милостию. Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не был любим никем, не чувствовал ничьей любви; следовательно, не мог платить любовью за любовь, не мог быть благодарным по чувству, а был только благодарным по должности: мне сказывали, что надобно быть благодарным, и я верил или, лучше сказать, повторял самому себе чужие слова. Это сделало меня холодным. Человек, который, будучи с людьми, был однако ж один, будет холоднее того человека, который совсем был бы оставлен, потому что последний будет чувствовать нужду в любви и будет искать ее, а первый, будучи на свой счет обеспечен и спокоен и долго не имея нужды ни в чем, кроме еды, жилища и одежды, останется нечувствительным в душе своей, которая не научилась ни к кому привязываться и которая теряет чувствительность, если не приводит ее часто в движение. Ум его также останется в неразвитии, потому что чувства заставляют действовать ум, а если чувства не действуют, то и ум спит. Кто отделен от людей, тот не имеет предмета для размышления, потому что одни только наши отношения к людям служат началом наших умствований; потом уже он обращается на другие предметы. Характер его делается робким, нерешительным, медленным, ленивым, потому что и характер образуется деятельностью. Каков я теперь, от чего таков; каковы мои связи и что я должен быть в отношении к ним; какую цель себе предназначить сообразно с моими обстоятельствами? Чего искать в свете и от чего отказаться? В чем может быть мое счастье? Вот вопросы, которые мне должно решить. — Я так не привык к тому, чтобы меня любили, что всякой знак любви кого-нибудь ко мне кажется мне странным и чем-то необыкновенным, — следствие непривычки видеть чью-либо ко мне привязанность и отвечать на нее. Одна любовь, одна привычка отвечать на любовь любовью делает сердце нежным и способным любить, следовательно, быть счастливым. Для чего я не имел такого человека, который бы дорожил моим счастьем, который бы был моим хранителем и путеводцем! Я был любил его, как своего Бога! Но я был один, всегда один! Я не испорчен, но я нимало не образован. Найду ли кого-нибудь для себя на свете? Человек, который не имеет перед собой человека, к нему привязанного, не может долго иметь и желания быть добрым. Прежде нежели научишься желать совершенства, как непрременной цели всякого человека, должен научиться желать быть добрым в глазах того, кому ты дорог: всё хорошее основано на чувстве; *один* ум может увериться в его прелести, но он им не прельстится, а будет ему следовать по одному только расчету, ибо увидит, что зло всегда хуже и невыгоднее добра.

§ 22. Ноябрь 16. Это было писано в худом расположении духа. Странно то, что я, начавши писать, сделался веселее, и мое худое расположение кончилось. Это от того, я думаю, что мысли мои пришли в движение, которое и меня самого оживило. Ничто так не скучно и не тягостно и ничто так не делает человека печальным, как эта неподвижность и тягость ума, которая лишает его способов пользоваться своими силами. В такие минуты не живешь и не чувствуешь, а только имеешь какое-то неприятное, не живое ощущение своего бытия, состояние несносное.

Теперь хочу сделать расположение своих работ до моего отъезда в Москву. Я хотел переводить Гарве¹⁹, но его оставляю на время. Я ошибся, думая, что разнообразие в работах будет делать их приятными; напротив, оно только что развлекает мысли и не дает им заняться исключительно одним предметом. Займусь теперь сочинением моего собрания лучших русских авторов²⁰. Остаток ноября, декабрь и январь посвящу чтению эстетических авторов, буду делать выписки; в феврале переведу Эшенбурга²¹, а в марте и апреле напишу к нему прибавление²² и критические примечания к стихотворцам²³. В апреле кончу перевод *Leçons*²⁴, а во всё это время займусь сочинением в стихах. Я давно не занимался стихами²⁵ и как будто бы потерял из виду поэзию.

Голова тяжела; писать не хочется. Завтра. Надобно подумать о том, как бы и где поучиться, что делать, кончив ученье, и какому роду литературы больше себя посвятить. Какой род литературы сообразнее с тем счастьем, которого буду искать в жизни? — Надобно каждый день в своем журнале записывать то, что случилось со мною в течение дня, то есть себя рассматривать. Мои работы не помешают мне думать и о морали моей: я буду читать с Машею Геллерта²⁶.

§ 23. Ноябрь 19. Я очень медлителен. Этот порок может лишить меня всякого счастья в жизни. Я думаю, что он однако ж принадлежит к темпераменту и что от него нельзя избавиться или по крайней мере нельзя совершенно избавиться. Но какое средство от него избавиться? Мне двадцать третий год, а этот порок должен больше всякого другого укорениться с годами. Моя же жизнь была всегда такого рода, что я непременно должен был наконец сделаться недеятельным. Я никогда не был в таких обстоятельствах, которые бы требовали деятельности. Я не имел связей, которые одни только могут принудить к действию. Напротив, всё некоторым образом был останавливаем. Ум приучается мыслить, сердце чувствовать, что, будучи соединено с привычкою действовать телом, составляет то, что называется деятельностью. Я ничего этого не имел по сию пору и даже не чувствую и теперь нужды быть деятельным, что необходимо. Кому нужна будет моя деятельность? Одна мысль, что она принадлежит к совершенству, которое должно составлять цель каждого человека, может меня воспламенить; но совершенство само по себе есть нечто отвлеченное; оно не видимо для чувств, следовательно, не так может быть действительно.

1806

§ 24. *Января 3.* Об чем я буду нынче с вами говорить? Я получил ваше письмо из Троицкого¹, в котором вы мне говорите о неискренности и пеняете мне за мою неоткровенность с вами. Я еще не знаю, имею ли я откровенный характер; по крайней мере уверен в том, что по моему воспитанию мне не можно иметь откровенности, и даже сама натуральная моя откровенность должна совершенно быть ослабленною, если не уничтоженною. Объяснять этого не нужно, потому что это уже объяснено прежде в моем журнале, который однако ж по сие время худо шел от моей лени; теперь он будет идти лучше и порядочнее, потому что все мои дела и даже моя голова в большем порядке. Итак, чтоб вам не за что было со мною ссориться, я хочу быть откровенным; хотя вы долго не будете знать того, что здесь написано, но всё когда-нибудь узнаете; я сделаю свое дело, скажу вам *всё*, облегчу себя, и доволен. Мне кажется всего лучше быть правым перед самим собою и быть спокойным в душе своей. Вы должны один раз навсегда быть уверенны, что я не в состоянии делать ничего с таким видом, который бы *должно* было скрывать. Иногда приходят в голову дурные мысли; я стараюсь их разгонять, их не слушаться или сам их обнаруживаю, чтобы себя некоторым образом успокоить: это правило честности *не быть скрытным, не иметь нужды в скрытности*. Я бы желал приобрести способность всегда следовать этому правилу. Я иногда смешивал очень некстати нескрывтность с неосторожностью и от этого часто бывал болтлив с намерением, хотя нередко болтал и по глупой ветрености. От этого порока можно избавиться. Еще я заметил, что я часто в веселую минуту откровенности заговариваюсь, не могу остановить своих слов, которые с излишним изобилием льются и, так сказать, все выливаются вместе, и нужные, и ненужные, и вздорные. Мне весело рассуждать и быть откровенным, тем больше, что это для меня новость, которою спешу воспользоваться и которую употребляю во зло. Но полно говорить о постороннем; будем говорить о том, что есть.

§ 25. *Января 4.* Итак, надобно быть с вами искренним, то есть представить вам себя таким, каков я есть теперь, это значит, каково мое *теперешнее* расположение со всех сторон (о том, что может быть вперед, ни слова; должно только стараться, чтобы всё было хорошо), чего мне *теперь* хочется. Вы должны мне отвечать на всё чистосердечно. Мои планы и желания могут вам показаться безумными и несбыточными; вы скажете просто свои мысли, и я уверен, что вы не оскорбитесь; к тому же мне показалось, если не ошибаюсь, что вы имеете *одно* со мною желание. Воображение могло меня обмануть. Не забудьте, что я очень еще мало *думал* в связи, следовательно, очень легко могу ошибиться в расчете. Вам надобно только мне сказать, что я ошибся, почему ошибся; я готов верить истине и принять ее как должно; но единственно мысль о том, чтобы не было мне тяжело быть разуверенным вами лично, не позволяет мне говорить теперь. Следовательно, получу ваш ответ и узнаю всё решительно не иначе, как тогда, когда сам не буду

с вами. Вот вся причина теперешнего моего молчания. На письме изъясняться гораздо легче и способнее, нежели на словах; скажешь всё, не щадя, обдумавши и яснее. Для того и с вами объясняюсь письменно.

§ 26. *1 Марта.* Еще остановка в моем журнале. Он идет очень непостоянно. Теперь однако ж (может быть) буду прилежнее; я один, могу думать без помешательства (не говорю о худом моем расположении, которое так часто мешает мне порядочно думать). Что мне делать в эти три месяца, которые проживу один совершенно? Надобно хорошенько обратить глаза на самого себя; привести себе на память, сколько можно, прошедшее; подумать о будущем и настоящем. Пора выбрать что-нибудь постоянное и быть постоянным в своем выборе!

§ 27. *Мая 29.* La véritable vertu consiste à faire de toutes ses facultés l'emploi dont il résultera le plus de bien pour les hommes. Il est des vertus pour tous les degrés d'esprit, comme il en est pour tous les états. *Voltaire**². Вот правило, которого никогда не должно выпускать из мыслей. Если я не могу сделать *большого*, то почему ж не сделать *малого*? Одно мне невозможно, я должен от него отказаться; другое возможно, я должен его искать; в противном случае буду похож на такого человека, который, имея малый рост, не может сорвать плода с дерева и гнушается тем, который лежит у ног его. Самая трудная и лучшая наука есть знать цену того, что мы имеем в руках, и уметь извлекать из него истинную пользу.

§ 28. *Замечания на прошедший год журнала с § 1 по § 27*

§ 1. Что такое ложь? Неправда, сказанная с намерением или с уверением, что сказываемое мною несправедливо. Не думаю, чтобы такая ложь могла быть когда-нибудь позволена. Ложь может быть шуточная: я могу лгать, будучи уверен, что читатель или слушатель не обманутся и примут мои слова за то точно, за что я их сам выдаю. Такого рода ложь только что забавна, и тем забавнее, чем с большею важностию рассказана. Руссо напрасно сердится на Монтескье за то, что он называет свой *Книдийский храм*³ переводом с древнего манускрипта. Автор знал, что читатель рано или поздно откроет истину, и нимало не хотел ее скрывать, а только представил, так сказать, под флером, для того единственно, чтобы она была приятнее: он хотел произвести не уверение, а иллюзию, которая так очаровательна во всех произведениях человеческой фантазии. *Итак, ложь только тогда не позволена или, лучше сказать, только тогда есть ложь, когда мы должны бояться, чтобы ее не открыли, и когда сие открытие должно быть для нас посрамительным.* Очень легко не быть лжецом, но гораздо труднее говорить правду. Я напрасно употребил выражение *быть скрытым*; лучше бы сказать: *быть осторожным*. Что я называю *правдою*? *То, что мне кажется справедливым, по*

* Истинная добродетель состоит в употреблении своих способностей к наибольшему благу людей. На всякой степени ума и во всяком сословии можно быть добродетельным. *Вольтер (фр.).*

некотором размышлении, в том или другом предмете. Я могу обманываться, но я должен говорить согласно с моим собственным, внутренним уверением, ложно ли оно или справедливо. Узнав его ложность, я его оставляю, но по тех пор, пока оно мне кажется истинным, я должен его поддерживать. Твердую, постоянную решимость всегда говорить и действовать согласно с сим внутренним уверением рассудка, во всех обстоятельствах жизни, во всех сношениях с людьми, есть первое правило честности; я не думаю, чтобы это правило могло терпеть исключения, но уверен, что оно также не требует и излишнего ригоризма. Кто хочет говорить правду людям, тот должен быть оживлен или любовью к одной истине или любовью к людям, к пользе людей. Первое не всегда соединено с последним; последнее, напротив, всегда соединяется с первым и не может не быть соединено. Первое благородно, но редко бывает полезно, ибо людское самолюбие не терпит наставлений. Последнее столь же благородно, но сверх того всегда удачно: кто любит пользу людей, тот говорит правду не для того только, чтобы ее сказать и ею блеснуть, а истинно для того, чтобы ею сделать добро; такой человек применяется к людям и старается делать им правду приятно. Напротив, человек, который говорит правду только для того, чтобы ее сказать, и, так сказать, бросает ее, не заботясь о ее действии, имеет в виду не пользу человечества, действует без цели, единственно для одной гордости и для одного самолюбия; такие люди должны быть подозрительны: они больше говорят, нежели действуют. *Правду должно делать понятною для того, чтобы она могла быть полезна.* Есть люди *откровенные* и есть люди *скрытные*. Один говорит правду, потому что не может не говорить ее, другой говорит правду потому, что обязан ее говорить. У первого она вырывается, последний предлагает ее, помыслив. Одному легче, другому труднее; один следует своему характеру, другой с ним борется; оба поступают одинаким образом, ибо согласуются с законами чести, но первый счастливее и даже любезнее, а последний почтеннее и тверже. Какое же правило наблюдать, говоря правду? Никогда ни в каком случае не утверждать противного внутреннему уверению рассудка, но вместе стараться не оскорблять людей, ибо жизнь с людьми есть назначение человека. Можно быть честным, не будучи ни грубым, ни надменным, ни едким. Щадить самолюбие людей, не жертвуя ему ни справедливостию, ни благородством, есть обязанность человека, который не хочет зарыться в берлогу и жить с медведями. Этому правилу надобно иногда следовать даже и с друзьями: кто любит прямо своего друга, тот будет любить и его пользу; но он, конечно, не забудет, что и в нем есть человеческое самолюбие.

§ 29. Всегда ли должно говорить правду? Всегда, когда она может быть полезна; всегда, когда она ни вредна, ни полезна. Напротив, в т(ом) случае, когда она может быть вредною, молчи и не унижай себя утверждением ложного. Действуй всегда согласно с внутренним чувством: можешь обмануться, но никого не обманешь, а размышлением предоохранишь самого себя от обмана. Счастлив тот человек, который привык мыслить. — Первое правило:

человек должен быть правдолюбивым, следовательно, он обязан говорить правду из любви к должности; второе: во всяком деле он должен иметь в виду пользу людей и добро, следовательно, он обязан говорить правду для пользы людей и соглашать ее с их благом.

§ 30. *Августа 12.* Я сердит на Машу. Но моя досада имеет ли основание, или есть одна только привязка? Не сержусь ли я больше за себя, нежели за то, что она сделала; больше за пренебрежение *моих* слов, нежели за самый проступок? *Не хочется* ли мне сердиться? Ее непослушание, может быть, не иное что, как ветренность без всякого намерения; в таком случае не за что сердиться, и можно только ей дать об нем заметить. Если ж она захотела не послушаться, если ее непослушание есть каприз и пренебрежение, то, признаюсь, очень досадно. Конечно, всё это не может быть доказательством недостатка дружбы, но показывает дурную сторону характера: своенравие или ветренность. Кого любишь, того и слушаешь во всё с удовольствием, хотя не всегда бываешь одинаково расположен. Но я не ожидал найти в Маше своенравия или такой ветренности. Не хотеть пожертвовать таким вздорным удовольствием. Найти больше удовольствия в собаке, нежели в исполнении просьбы того человека, которого любишь! Это мне досадно, и не потому, чтобы мне хотелось видеть ее мне покорною, а потому, что это показывает или ее невнимание ко мне, или ее своенравность, или ветренность. Хотя она ребенок, но мне бы чрезвычайно было приятно исполнять всякое ее желание; того же бы хотел и от нее! Говорить ли с нею? В последний раз! Посмотрим, как примет. Non, Marie, je ne veux pas être votre tyran, je ne veux pas que vous exécutiez aveuglement ce que je dis, car je n'exige de vous rien qui soit déraisonnable, mais je suis votre ami, je vous aime au-dessus de tout au monde, je voudrais que vous vous souveniez toujours de ce que je vous dis, que vous aimiez à me faire plaisir même dans les petites choses, et c'est précisément parce que je suis sûr que chacune de vos volontés, quelle qu'elle soit, sera sacrée pour moi et que je sentirai toujours un grand plaisir dans son exécution. C'est ce plaisir-là qui est une marque certaine d'une vraie amitié*. Надоно, чтобы дружба видна была во всё, и в безделках, потому что в безделках можно ежедневно ее доказывать, а важные случаи редки. Кто любит, для того всё свято и важно. Итак, в последний раз буду говорить с Машею. Не должно быть похитителем чужого права, не должно никого обременять своею любовью. Можешь наскучить. А для меня всего тяжелее отягощать

* Нет, Маша, я не хочу быть твоим тираном, я не хочу, чтобы ты слепо исполняла то, что я говорю, так как я не требую от тебя ничего безрассудного. Я твой друг, я тебя люблю больше всего на свете, я хотел бы, чтобы ты всегда помнила о том, что я тебе говорю, чтобы ты старалась доставлять мне удовольствие даже в мелочах, и это именно потому, что я уверен, что каждое твое желание, каково бы оно ни было, будет для меня священным и что я всегда буду чувствовать большое удовольствие в его исполнении. Это-то именно удовольствие есть верный знак истинной дружбы (*фр.*).

собою других, особливо тех, кого стремишься любить всею душою. Дружба требует взаимности; я требую от тебя того, что сам всегда готов для тебя сделать. Всякое, самое бездельное невнимание отменно больно. Я разумею невнимание с намерением. Но Боже меня избави от желания видеть друзей моих со мною осторожными или принужденными. Притворное внимание несносно и мучительно, оно не может быть вместе с дружбою, которая всегда и внимательна, и непринужденна. Ты будешь это читать, моя милая Маша. Если я ошибся, если ты вчера сделала одну только ветренность, а не поступила так по своенравию и капризу, чего я очень желаю, то, пожалуйста, не забудь, что первое удовольствие должно состоять в доставлении удовольствия своим друзьям; что забывать всякую минуту просьбы своих друзей или, что еще хуже, пренебрегать их и жертвовать ими самому пустому удовольствию есть совершенно непростительная ветренность. Твой поступок вчерашний, как он ни безделен, очень меня тронул; мне вчера и нынешнее утро было досадно на тебя и вместе грустно. Как можно в ту самую минуту, когда я тебе напомнил о твоём обещании, опять забыть об нем или (что для меня очень больно) дать мне почувствовать, что ты не хочешь об нем помнить и не уважаешь мою просьбу! Не значит ли это другими словами, что ты не хочешь, чтобы я чего-нибудь от тебя требовал? Носить собаку на руках не грех; но когда тебя просят, чтобы ты ее не носила, когда тебе сказывают резоны, то как можно для удовольствия нянчиться с Розкою, делать удовольствие тому человеку, который тебя так любит! Это непростительная ветренность! Что ж, если это не ветренность, а каприз и упрямство? Я этого не желаю; но уверен, что ты мне прямо откроешь свое чувство. Твоя искренность дороже мне всего. Я имею право от тебя требовать дружбы и всех доказательств дружбы, потому что сам люблю тебя больше всего и от всей души. Может быть, ты и не заметила моей досады и очень удивишься, услышав мою претензию. Боюсь, чтобы я не показался тебе слишком взыскательным; но я уверен, что ты будешь со мною искреннею и что, конечно, во всём со мною согласишься. Я не желаю видеть тебя ни малодушною, ни ветреною, ни своенравною; всякой твой недостаток удивляет меня потому, что я ценю тебя отменно много. Очень желаю, чтобы ты мне казалась точно такою, какова ты есть в самом деле, и чтобы я в тебе не обманулся. Обманываться очень больно.

О том, что написать в журнал

Рассмотреть свою прошедшую жизнь; разобрать свой собственный характер и характер некоторых знакомых.

Рассмотреть свое настоящее положение.

Сделать план для будущей жизни.

Привести в порядок свою моральную систему.

Прошедшая жизнь⁴

1) *Ребячество* — что можно вспомнить. М(арья) Григорьевна⁵. Матушка. 1-й учитель⁶. Григорий⁷. Н(аталья) Афанасьев(на)⁸.

2) *Учение у Роде*⁹. Первые сочинения¹⁰. К. Засекин. См(ерть) Аф(анасия) Ивановича¹¹. Голубков. Обухов. Риккер. Бетхер. Попов. Котельников.

3) *Марья Николаевна*¹².

4) *Выход из Родева пенсионера*. Отъезд в Мишенское¹³. Сальковская жизнь¹⁴. К(атерина) Афанасьевна. Чтение Флориана¹⁵.

5) *Отъезд в Тулу*. В(арвара) Афанасьевна¹⁶. Ученье в училище¹⁷. Рисование у Катышева. М-е Joly. Александра Александровна. Сочинения. Выход из училища. Поездка в Мишенское. М-е Mercurini. Чичерин. Отъезд в Тулу и в Кексгольм.

6) *Кексгольмская и Петербургская жизнь*¹⁸. M-elle Hoffmann, Grave, Беляева. Соколов. Петербург. Возвращение в Тулу и в Мишенское.

7) *Тульская жизнь*¹⁹. Редуты. Болотов²⁰. Смерть государыни²¹. Сатина. Отъезд в Москву.

8) *Московская жизнь*²². Коронация²³. Вельяминов и Головин. Вступление в пенсион²⁴. Первые классы. Баккаревич. Первый акт²⁵. Выборы²⁶. И(ван) Володимирович²⁷. Тургеневы²⁸. Родзянка. Мерзляков²⁹. Пенсионский образ жизни. М(ария) Николаевна. Собрание³⁰. Что помешало хорошо воспользоваться пенсионом. Сочинения пенсионские³¹. Ученье.

Служба. Вступление в Сол(яную) контору³². М(альчик) у ручья³³. Греева элегия³⁴. Литературное собрание³⁵. Знакомство с Соковниными³⁶. Знакомство с Дмитриевым³⁷. Козлятев³⁸. С Карамзиным³⁹. Смерть государя⁴⁰. Воейков⁴¹. Кайсаровы⁴². Рахманов. Комиссия. Блудов⁴³. Коронация⁴⁴. Отъезд Тургеневых⁴⁵. Выход из Соляной конторы⁴⁶. Отъезд в деревню⁴⁷.

9) *Отставка*. Вторичный перевод Греевой элегии⁴⁸. Намерение строиться в Белёве. Знакомство с бароном. Короткое знакомство с Карамзиным, жизнь в Свирлове⁴⁹. Смерть Тургенева⁵⁰. «Вадим»⁵¹. Женидьба Карамзина⁵². Минина. Болезнь Тургенева⁵³. Отъезд в Москву. Ода для пенсионера⁵⁴. Женидьба Киреевского. Возвращение в деревню. Свадьба. Приезд Тургенева. Поездка в Петербург⁵⁵. Возвращение в Москву и в деревню. План путешествовать. Антонской. Маша. Поездка в Орловскую. Проташинский⁵⁶. Перемена в расположении ума. Киреевский. Свечин. Смерть Петра Николаевича⁵⁷. Перемещение в дом. Вендрих⁵⁸. Юшковы. Свечина развод⁵⁹.

10) *Настоящее мое положение*.

11) *Мой характер*.

12) *Несколько слов о характерах моих прочих знакомых*. Ник(олай) Иванович⁶⁰. Авд(отья) Афанасьевна⁶¹. Николай Михайл(ович). Михаил и Павел Михайлович⁶². Анна Федоровна⁶³. Катер(ина) Семеновна⁶⁴. Бошняк⁶⁵. М(ария) Семеновна⁶⁶. Н(адежда) Александровна⁶⁷. Чебышев. Арбенева⁶⁸.

Будущая жизнь

1) Что я должен и могу из себя сделать со стороны морального образования).

2) Какова теперь М(аша)⁶⁹ и какую я ей желаю быть.

3) Какая цель моей жизни и как до нее достигнуть.

- 4) В чем должен положить свое счастье.
 - 5) Чего искать в свете и от чего отказаться.
 - 6) Как пользоваться самим собою, чем заниматься и чем доставлять другим пользу.
 - 7) Как себя образовать и какой методе следовать в чтении.
 - 8) План моей жизни: семейственной; авторской; общественной.
 - 9) Что я должен иметь необходимо для своего счастья.
 - 10) Как вояжировать и что делать, если не поеду вояжировать.
- Моральная система* в отношении к Богу; к ближнему; к себе самому.
- К Богу.* 1) Понятие о религии натуральной и откровенной: на них основать свои поступки. 2) Понятия о творении. 3) Молитва. 4) Провидение.
- К ближнему.* 1) Человеколюбие. 2) Общество. 3) Любовь к отечеству. 4) Ученность, любезность. 5) Супружество. 6) Дружба. 7) Благодеяния. 8) Светские знакомства. 9) Дуэль. 10) Любовь. 11) Обхождение. 12) Разговор. 13) Снисходительность. 14) Откровенность. Прямодушие. 15) Мода. Странность. 16) Слуги. 17) Родные. 18) Общее мнение. 19) Великодушие. 20) Справедливость. 21) Жалость. 22) Говорить правду.
- К самому себе.* 1) Спокойствие души. 2) Душа. 3) Характер. 4) Ум. 5) Тело. 6) Добродетель. 7) Ревность. Зависть. Поревнование. 8) Вспыльчивость. 9) Гордость, кротость. 10) Экономия. 11) Умеренность. 12) Осторожность. 13) Скромность. 14) Злоречие. 15) Целомудренность. 16) Уважение самого себя. 17) Свобода. 18) Постоянство. Твердость. 19) Надежда. 20) Мужество. 21) Чувствительность. 22) Мнение. 23) Честность. 24) Совесть. 25) Смерть. 26) Состояние. 27) Порядок. 28) Образ жизни. 29) Счастье. 30) Слава. 31) Хозяйство. 32) Здоровье. 33) Скука. 34) Чтение. 35) Лень, медлительность.

Мысли

О доверенности. О аффектации. Какому правилу следовать в суждении о людях. О споре. Как говорить правду? Откровенность и скрытность. О деятельности. Здравие телесное необходимо для совершенства умственного. Женитьба есть товарищество для совершенства. Чего требовать от жены и чем должно быть хорошему супругу? Какие мои занятия должны быть ежедневные и постоянные? Идеал добродетельного и счастливого человека. О Агатоне⁷⁰. Какие вопросы я должен делать себе всякой день? О христианской морали в сравнении с философической: основать последнюю на первой. Прочитать моральные статьи в Энциклопедии⁷¹ и потом написать свои.

Замечания на прошлый год журнала и о том, что мне делать нынешний год.

О всём, что будет написано в моем журнале, говорить с опытными людьми. Все отдельные мысли из журнала вынести в особую тетрадь.

Вестник⁷². Смерть М(арии) Г(ригорьевны) и матушки⁷³. Плещеевы⁷⁴. Милиция⁷⁵. Воейков⁷⁶.

*Декабрь*⁷⁷. Нельзя ничего представить себе трогательнее положения того человека, который молится. Что называю молиться? Имея чистое сердце,

имея намерения, достойные человека, имея желания, достойные исполнения, возноситься мыслию к Божеству и молить его о помощи для исполнения желаний, намерений и для сохранения чистоты душевной. Эти три предмета кажется должны составлять главное содержание всякой молитвы — прибавлю к ним *требование утешения* или подпоры в несчастии. Но утешение и подпора заключаются уже в самой молитве. Следовательно, молиться значит уже и утешать себя и находить подпору. Итак, молитва есть в высшей степени размышление, и размышление в мысленном присутствии Божества, имея предметом самого себя и свое будущее. Молиться всякой день значит возобновлять желание свое быть добрым и след(овательно) быть счастливым, размышлять о средствах достигнуть к этому счастью и оживлять это размышление мыслью о Боге и надеждою на его пособие. Но чтобы иметь сию надежду, надлежит иметь свое понятие о промысле Божиим и о том пособии, которое может он давать человеку. *Всеведение и предзнание* Божества не уничтожает ли сию надежду совершенно. Предвидя мои поступки от начала жизни моей — их минуту и все сопутствующие им обстоятельства, — Бог необходимо уже должен почитать их содеянными, ибо он не может обмануться; следовательно, предвидимое им непременно будет и должно почитаемо уже быть случившимся. Требуя от Божества пособия, я требую невозможного. — Если мне должно быть преступником, то есть если Бог по своему Предвидению предвидит уже мое преступление, то к чему его помощь, он уже не отвратит долженствующего случиться. Но слово *моральная свобода*, качество души человеческой, общее ему с Богом, должно разрешить мои сомнения. Даровав мне свободу действовать, Творец необходимо должен был уничтожить жестокою неволю *собственного предзнания*. Моя свобода, след(овательно) все мои добродетели, не могли существовать вместе с его *предзнанием моих поступков*; надлежало одно из них уничтожить, и он уничтожил последнее, не уменьшив своего совершенства и в то же время возвысив мою натуру до собственной божественной природы. — Он соединил меня с собою; оставил для себя восхитительную часть быть моим помощником в стремлении к цели высокой, а мне самому оставил сие *стремление* и возможность одушевлять себя надеждою на его помощь. И *помощь* его может существовать только тогда, когда с моей стороны будет желание, с которым она всегда должна быть соразмерна. И только не имея *гибельного предвидения*, Всемогущий может быть попечительным отцом стремящегося к добру человека, ибо тогда он имеет всю возможность ему способствовать, а сия возможность сколь восхитительна в существе, одаренном всемогуществом. — Итак, молиться есть размышлять о своих поступках, о цели своей и о том пособии, которое может мне сделать мой Творец; но это размышление должно быть устремляемо на две стороны моего предмета. Первая сторона: то, что *зависит от меня*; вторая: *то, что надлежит предоставить Божеству и что от меня не зависит*. С одной стороны, надлежит более и более объяснять для себя свои должности, укоренять себя в желании достигнуть к цели предположенной, и наконец, знакомиться с теми средствами, которые

должны непременно к ней привести; *с другой* — молить Божество о подкреплении меня в желании, об открытии мне средств настоящих и наконец — что уже единственно зависит от Него — или о предохранении меня от тех обстоятельств, которые способны уничтожить во мне мое благородное стремление или совсем отдалить меня от моей цели; или о даровании мне силы превозмочь сии гибельные обстоятельства, если они, по рассмотрению Мудрого Промысла (моего сообщника в стремлении ко всему доброму), даны мне будут для моего испытания, для приведения в большую крепость моих сил.

§ 1. Читать стихотворцев⁷⁸ не каждого особенно, но всех *одинакого рода* вместе; частный характер каждого делается ошутительнее от сравнения. Например, Шиллера как стихотворца в роде баллад читать вместе с Бюргером, как стихотворца философического вместе с Гёте и другими; как трагика вместе с Шекспиром. Чтение Расиновых трагедий перемежать с чтением Вольтеровых, Корнелевых и Кребильоновых. Эпических поэтов перечитать каждого особенно, потом вместе те места, в которых каждый мог иметь один с другим общее, дабы узнать образ представления каждого. Сатиры Буало с Горациевыми, Ювеналовыми, Поповыми, Рабенеровыми и Кантемировыми. Оды Рамлеровы, Горациевы с Державина, Ж. Батиста и прочих. Или не лучше ли читать поэтов в порядке хронологическом, дабы это чтение шло наравне с историею и история объясняла бы самый дух поэтов, и потом уже возобновить чтение сравнительное. Первое чтение было бы философическое, последнее эстетическое: из обоих составила бы идея полная. Надобно распределить лучших поэтов хронологически и потом по родам поэзии; после этого распределения назначить порядок их чтения. То же и о прозаиках.

Между тем вот некоторые замечания на баллады Бюргера и Шиллера⁷⁹. Бюргер в этом роде единственный, ибо он имеет истинно приличный тон избранному им роду стихотворения: ту простоту рассказа, которую должен иметь повествователь. Его характер: счастливое употребление выражений простонародных и в описаниях и в выражении чувства; краткость и живость; приличие и разнообразие метров. В особенности изображает он очень счастливо ужасное, то ужасное, которое принадлежит к ужасу, производимому в нас предметами мрачными, призраками мрачного воображения; картины свои заимствует от таинственной природы того света, который не есть идеальный свет, созданный фантазиею древних поэтов; но мрачное владычество суеверия. Шиллер менее прост и живописен; язык его не имеет привлекательной простонародности Бюргерова языка; но он благороднее и приятнее; он не представляет предметы так верно; но он украшает их красками блестящими; Бюргер действует на воображение, Шиллер на фантазию (то же воображение, но только такое, которому все предметы представляются сквозь призму поэзии, следственно, не в собственном, а в некотором заимственном образе). Вообще Шиллеров язык ровнее, но он не так жив, и совершенство целого повредило несколько разительности частей,

тогда как в Бюргере сия живость есть может быть следствие свободы, менее ограниченной. В Бюргере найдешь менее картин стихотворных, нежели в Шиллере; зато он ближе к простой, обыкновенной природе. Шиллер более философ, а Бюргер простой повествователь, который, занимаясь предметом своим, не заботится ни о чем постороннем.

§ 2. Занятия⁸⁰. 1. История. 2. Философия. 3. Изящная словесность (языки). 4. Сочинения. Утро: История и Сочинение. Вечер: Философия и Литература. — Сначала приготовительные сведения, потом классики. — История — география. История (Ремер, Гатгерер, Габлер)⁸¹. Вспомогательные науки. Классики. Философия: предварительные понятия о натуре, человеке и логика. Классика. Теория и нравственность. Словесность. Языки. Грамматика общая и риторика. Поэты и прозаики. Эстетика. — Воспитание.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Разные замечания. 1807¹

Альцим недурного сердца: он прощает своего неприятеля в ту минуту, когда он делается несчастным. Но есть случаи, в которых он радуется чужому несчастью. Например, ему приятно слышать, что такой-то обеднел и тому подобное, чувство, которого он внутренно не одобряет, но которое невольно открывается в его сердце: отчего оно происходит? Неужели Альцим радуется чужим страданиям? Нет; оно бы огорчило его, когда бы он его вообразил, но Альцим никогда не был несчастлив, никогда ничего не терял, он в своем младенчестве не имел никаких тесных связей, следовательно, не имеет понятия о чувстве утраты; не может ясно представить, как труден переход от наслаждения к потере. Альцим был всегда беден, мало пользовался преимуществами общества: он радуется, видя бедных или так же как и он отделенных от общества; радуется не потому, чтобы их личное несчастье было ему приятно, нет, он об нем не думает, но потому, что сим имеет одинакую с ними участь и что сие сходство состояний производит некоторое между ими равенство. Альцим не завидует никакому счастью; он любит тех людей, которые счастливы *собою*; напротив, случайное счастье, проистекающее от обстоятельства, отделяет людей друг от друга, возводит их на степени, следовательно, производит между ими неравенство: сие-то неравенство бывает тягостно; и иногда причиняет ту неприметную произвольную радость, которая не показывает злого сердца, но которая однако не может назваться и чувством невинным и которого Альцим никогда не оправдывает, хотя часто, с огорчением, ощущает ее в своем сердце.

Мать не должна никогда бранить детей своих по капризу. Брань матери должна быть для детей несчастием, но таким несчастием, которого они избежать могут и которое всегда сами на себя навлекают. Будет ли дочь или сын уважать упрек матери, когда будут почитать его неизбежным; когда будут думать, что и безвинно могут ему подвергнуться; когда вместо того, чтобы внутренно, вместе с матерью укорить себя, они будут в недоумении: признать ли себя виноватыми или обвинить свою мать. Что же, если они будут чувствовать ясно, что упрек незаслуженный и что они страдают безвинно, и от кого же — от матери: не лишается ли тогда мать в глазах их всей своей силы; не верят ли они, что и она может ошибаться, что она может быть пристрастною и даже несправедливою. Мать в глазах детей должна быть живым правосудием; ее приговоры должны быть святы и приниматься с покорным уверением, что сама истина, не причастная никакому заблуждению,

произнесла их. Доверенность и следовательно покорность детей есть такое сокровище, которое мать должна ценить выше всего. Дети должны *не уступать* своей матери с подобострастием, а *покоряться* ей, то есть верить в душе, что ее воля лучше их собственной и что их счастье зависит от повиновения ее воле ².

От чего Ликаст принимает Терсита и сам к нему ездит. Ликаст не может назваться гостеприимным; он стар; он холодного характера; и вообще весьма скучает. Сверх того он не любит лично Терсита и знает, что Терсит его также не любит. Почему же Терсит нравится ему больше других? Вот причина: Ликаст самолюбив.

Терсит виноват перед ним, следовательно, Ликаст имеет перед Терситом преимущество оскорбленного человека, который может казаться великодушным. Если бы темперамент Ликаста имел в себе больше огня, да если бы оскорбления, нанесенные ему Терситом, были к нему ближе, касались более до его личности, могли бы причинить ему некоторые беспокойства, более физические, нежели моральные, тогда бы Ликаст ненавидел Терсита; но Ликаст холоден и имеет случай украсить свою нечувствительность великолепным именем великодушия; он принимает Терсита, и его присутствие бывает ему даже приятно потому, что оно занимает его больше обыкновенного, он деятельнее, он старается больше показать внимание, чтобы быть совершенно великодушным, и в то же время одобряет себя с иною гордостью за такую добродетель, которая не стоит ему никакого усилия и которая в самой вещи есть не иное что, как несущественное создание его воображения.

Так как нельзя вообразить, чтобы случай, нечто слепое и неразумное, мог произвести Вселенную, в которой во всем видно намерение и порядок, так точно нельзя вообразить и того, чтобы в человеческом теле от совокупного действия многих разнообразных и каждой в особенном неразумных частей происходило нечто разумное и обдуманное. Человеческого тела нельзя назвать машиною и сравнить с машинами, произведенными рукою человеческою. Конечно, человеческие мысль и деяние зависят от той машины, из которой они проистекают, но сею машиною управляет нечто разумное. Мыслить не есть результат строения часовой машины, так как показывать час есть результат строения часовой машины: часовая машина действует без намерения, и намерение сие существует вне ее; напротив, в телесной машине намерение существует в самой машине, но не принадлежит ей и не может принадлежать, а есть собственность существа, отдельно и произвольно действующего, хотя невидимого и заметного по единому своему действию, размышлению.

Уничтожить материю так же невозможно, как и уничтожить дух. Отыми от материи цвет, протяжение, твердость, и она уничтожена, говорит Бюффон³. Согласен, она уничтожена, если предположить возможным сие отнятие, но оно невозможно; так же как отнятие у души деятельности, бес-телесности и прочего.

У животных, кажется мне, невозможно отнять души. Они действуют, и действуют с намерением, следовательно, мыслят. Они действуют различно, больше и меньше ограничены, следовательно, их мысленная способность больше и меньше ограничена, и в разных животных разная. Нам неизвестны животные в их натуральном состоянии, мы видим их перед собою, то есть в состоянии повинования, ограниченном, совершенно обеспеченных, следовательно, лишенных главнейшего побуждения к деятельности. Если бы человек мог прожить в кругу диких животных, свободных и произвольно действующих, тогда бы мог судить о степени их рассудка, который они, конечно, имеют. Человеческий рассудок заключает в себе одно всё то, что заключено во всех рассудках скотов, вот причина его превосходства над ними; он имеет все средства, тогда как каждый из них имеет только малейшую часть оных: прибавить к сему дар слова, склонность к деятельности, не одними нуждами возбуждаемой, и настоящая причина превосходства души человеческой над душою скотов ясно откроется: и такая мысль не унижает человека, но только возвышает прочие творения. Что действует с намерением, то имеет душу. Как часто видим, что некоторые животные действуют не только с намерением, но имеют и некоторый план, которому следуют для достижения своей цели⁴.

Животные не управляют друг другом, не повелевают и не повинуются от того, что не имеют друг в друге нужды. Natura ограничивает их потребности одною пищею, должна была ограничить и самый их рассудок, который устремляется только на один предмет. Всё не принадлежащее к сему предмету не трогает их внимания; они не имеют любопытства; мучимые голодом, они действуют и тогда рассуждают; удовлетворив своей нужде, они спокойны совершенно; или доказывают свою живость одними телесными движениями. Но что их занимает в то время, когда они не голодны и не спят, неужели не имеют они никакой идеи, которая бы их занимала в минуту спокойствия.

На что животному язык, когда оно не имеет никаких нужд. Оно достает пищу, залечивает свои раны, выкапывает себе нору без помощи других животных; оно не имеет никаких связей моральных, не имеет никаких сношений, оно ограничено собою; следовательно, не имеет нужды объясняться,

всегда понимает себя без объяснения. Животные соединяются иногда для личной безопасности: вот намерения; но так как ничего более не нужно, кроме сего соединения для их защиты, то и в самом сем обществе, будучи отделены одно от другого и не занимаясь общими нуждами, они не имеют надобности сообщать друг другу своих мыслей, в случае опасности они выражаются криком, данным им от природы, который все понимают. Они имеют язык, но этот язык так же ограничен, как их понятия, нужды и связи, и никогда не может усовершенствоваться, потому что и нужды их никогда не могут увеличиться. Обезьяна подражает человеку, но подражает ему не понимая, ибо не имеет сама никакой нужды в том, что делает из подражания. Одна нужда производит понятие; человеку дана деятельность умственная; она для него необходима, и он понимает всё то, что видит, ибо понимать есть нужда человеческая. Степень ума можно определить количеством и качеством потребностей; натура согласует с ними рассудок. Человек есть творение, наиболее нужд имеющее; потому и имеет рассудок обширнейший; скоты, ограниченные в своих нуждах, больше или меньше ограничены и в своем рассудке.

Однообразие в работах и действиях животных происходит от однообразия их нужд; но и они могут меняться от обстоятельств; ученая собака имеет другой образ действия нежели не ученая, но это только в некоторых обстоятельствах: во всем другом она сходна с неученою, ибо их нужды всегда одинаковы. Разум животных не совершенствуется. Если бы люди не имели нужды добывать хитростию и силой пищи (что им общее с животными), нужды одеваться, строить хижины, сообщаться друг с другом, то бы они имели столь же ограниченный ум, как и животные; ум частных людей совершенствуется с умом всего человеческого рода; сей последний есть сумма всех понятий, сумма беспрестанно увеличивающаяся: сего общего совершенства животные не имеют, ибо не могут сообщаться и не чувствуют по натуре своей в том нужды; но некоторое частное образование они получают от природы и даже имеют большее или меньшее количество способностей; высшую и низшую степень ума; и для них есть опыты и познания. Они зреют и образуются: но сие образование для всех и во всех одинаково; оно ограничивается продолжением жизни каждого животного и его кругом действия, следовательно, с ним и исчезает: от сего проистекает сие однообразие умов в животных; все доходит постепенно до одинакой высоты и на ней останавливаются; доходят быстро, так что кажется вдруг бывають вознесены на нее рукою природы. Высота сия *назначена* им волею Творца и согласована с их нуждами: для чего им стремиться далее. Беспредельное приобретение и усовершенствование напротив суть определения человека; для чего он должен иметь ум беспредельный и обширный. Ограниченность есть определение скота: следовательно, и ум его должен быть так же ограничен, но он не есть машина.

Первое воспитание ребенка начинается с колыбели и дается кормилицей. Первые нужды его суть пища и покой, следовательно, должно доставить ему хорошее молоко и покоить его в хорошей колыбели, от устройства которой зависят его первые впечатления, хорошие или худые: когда ребенок кричит, то он чувствует голод или лежит беспокойно: удовлетворить его нетрудно; но должно сделать так, чтобы предупредить его нужды: чистота в колыбели, способность очищаться от нечистот, воздух чистый и легкий, свободно принимать разные положения и, наконец, утоление голода, всего же важнее глаз матери, который всегда будет угадывать нужды младенца. Первая обязанность матери дать своему ребенку хорошую колыбель, в которой бы всё было придумано для его спокойствия. Тогда легко будет угадывать причину его крика. Он или устал лежать и требует перемены своего положения или голоден. Колыбель должна быть сделана так, чтобы ребенок, не будучи спеленут, мог лежать свободно и в одно время не принимал бы трудных положений, чтобы нечистоты не могли скопиться и сообщаться пеленам и сами находили исток. Чтобы перины не были ни мягки, ни жестки, чтобы не было препятствия росту, чтобы воздух мог быть чистый; чтобы кормилица качая не могла производить ни слишком сильного, ни слишком слабого движения. Зависит от отца и матери, чтобы младенец имел первые впечатления приятные; сии впечатления должны быть чувственные; следовательно, все формы предметов, которые в продолжение первого младенчества будут действовать на чувства младенца, должны быть самые приятные, из всех сих разных впечатлений составится общее чувство приятного, которое, конечно, может иметь влияние и на будущее.

Если мать не может сама кормить ребенка, то она может всякий раз, когда кормилица его кормит, быть у него в виду и занимать его собою: это привяжет младенца к ней так же сильно, как и к кормилице, и тогда, я думаю, самое отнятие от груди, будет не так трудно; ребенок привыкает к лицу кормилицы, а не к груди ее.

Для истинно хорошего воспитания мать должна ни на минуту не отходить от своего младенца; по крайней мере в первые годы младенчества. Девство есть время свободы и наслаждения собою. Материнское состояние и супружеское есть время труда, зависимости беспрестанной и наслаждения в других.

Человеколюбие в хозяйстве и желание общего блага для собственного всегда награждается большим выигрышем; можно получить, употребляя насильственные средства и разоряя своих людей, в один раз более обыкновенного; но сие необыкновенное усилие истощает и будущее, жертвует

настоящему. Благосостояние владельца зависит от благосостояния его подчиненных.

При заведении дома должно сделать расположение всего, времени, работ и самих вещей один раз навсегда так, чтобы ничто впоследствии не нарушало сего порядка: всё должно быть согласовано со временем и обстоятельствами и неизменяемым; тогда должности людей обращаются в привычку и перестанут быть трудными. Каждое дело должно иметь свой назначенный час и поручено особенному человеку. Каждая вещь должна иметь свое определенное место; порядок во всем зависит от постоянства хозяина, который сам должен наблюдать его непременно и всегда: без его содействий он не может установиться в доме.

Люди будут отучены от праздности тогда, когда будут иметь особенное время для отдыха. Сие время отдыха будет им наградою за труд. Не имея сей награды с виду они будут отягощаться трудами своими и беспрестанно похищать у себя минуты для отдыха, следовательно, и труды их будут беспорядочны.

Хозяин сам должен образовать своих слуг; это также есть некоторого рода воспитание. Первое правило: подавать им пример, которому они могли бы следовать; быть взыскательным, но взыскательным в деле и с хладнокровием. Надобно, чтобы человек знал свою должность и будучи уверен в награде за исправность был бы уверен и в наказании за неисправность; хотя правосудие часто должно быть смягчаемо; наказание может отменяться, награда никогда.

Испорченных людей переменить не можно, должно отставить и на место их взять других, может быть не знающих, но зато и неиспорченных: сперва будешь терпеть нужду, зато после будешь награжден за претерпленный недостаток; в противном же случае должен будешь *всегда* видеть перед собою испорченных и домашние дела в беспорядке.

Строгий порядок имеет вид печального принуждения тогда, когда из принадлежащего к нему исключает удовольствие. Господин тогда сносит труд свой, когда мешает его с забавою и отдыхом: не то ли должен делать и слуга. Следовательно, к порядку в делах приобщить должно и порядок в удовольствиях. Чтобы заставить человека исполнять свою должность свободно и с удовольствием, надобно заставить его ее любить; обрати для него

в привычку работу: каждый человек имеет *свое* дело и *свое* назначенное время для каждой работы, которые никогда, ни для чего упускать не должен, труды его не должны зависеть от прихотей господина, который в иных случаях должен быть сам своим слугою; тогда он будет знать свою должность и не будет принужден *ожидать* своего назначения и в *ожидании* признания. Исполнение должности будет тем приятнее, чем больше выгод с ним соединяется, чем чувствительнее будут утраты того, кому поручено сие исполнение. Сама взискательность не будет тяжела, если украшена будет приятною наружностью и если основана будет на строгой справедливости; если, одним словом, господин своею собственною деятельностью возбудит деятельность служащих и своими об них попечениями заслужит их взаимное о нем попечение. Надобно, чтобы он не казался им эгоистом, действующим единственно для собственного своего блага, но отцом семейства, который своих слуг почитает членами своего тесного семейственного общества. Образ жизни служащих должен быть приятен так, чтобы он боялся его утратить и для того своею исправностию старался бы сохранить его навсегда: тогда и подчиненность и труд не будут им ни тягостны, ниже чувствительны.

Что значит иметь дарование? Натура не делает ни живописцев, ни поэтов, ни музыкантов, ни философов. Она дает ум, который успевает скорее в том или другом. Обстоятельства иногда налагают на человека такие обязанности, которые совершенно противоречат его натуральным склонностям; но сие противоречие не делает человека неспособным исполнять сии обязанности; напротив, дарование, какое бы оно ни было, предполагает ум выше обыкновенного, следовательно, оно помогает ему действовать с успехом в каких бы то ни было обстоятельствах; если же сие дарование сильно чрезвычайно, то оно и при самых противных обстоятельствах откроет себе дорогу: гению стоит только мельком увидеть свой путь, чтобы на него броситься и никогда с него не сбиться; он остается напротив спокойным, если его не видит, и вместо того, чтобы противоречить обстоятельствам, способствует с ними согласоваться. Человек, созданный быть стихотворцем, может быть прекрасным земледельцем: дарование стихотворное не повредит его занятиям земледельческим; напротив, он украсит их своим воображением.

Нищенское состояние и состояние разбойника граничат одно с другим. Нищий, не получивший пропитания от своего ремесла, делается вором или разбойником: ему нет другой дороги; он так привык к праздности, ему так противны труд и долгое ожидание награды, что он выбирает опасное, но скорое средство доставать пищу и деньги и предпочитает его медленному и неопасному, но трудному. Разбойничать и воровать есть труд иногда и тяжкий, но труд произвольный, соединенный с свободою и с мгновенным за него вознаграждением. Тот, кто отнимает деньги у прохожего, не должен

их дожидаться и терпеть, зарабатывая их; трудом же напротив надеешься на будущее; зависишь от плательщика, ограничиваешь себя тем местом, на котором работаешь, и тою должностью, которою обязан: всё это противно нищенской и в одно время разбойнической независимости. Средство не делать из нищих разбойников или плутов есть не доводить их своею жестокостию до сего состояния.

Человеку, который требует помощи, но не хочет воспользоваться теми средствами, которые предлагаешь ему для того, чтобы он предупредил и будущие свои нужды, помоги один раз и оставь его; несчастному, который борется с несчастьем и хочет победить его, будь верным и постоянным помощником. Можно сказать: нищему Бог даст, но только тогда, когда сам уже ему подал; в таком случае говоришь ему: надейся, что и впредь Бог подаст тебе помощь посредством мне подобных.

Молитва не есть просьба⁵, но чистое наслаждение, которое производит в душе тихое, ясное спокойствие, дает ей новую силу и новое мужество. Голос молящего не преклоняет Творца на милосердие, ибо Творец, верховная неограниченная благодать и мудрость, не требует побуждения; но человек, способный молиться и прибегающий к молитве, сам меняется в отношении к Творцу, то есть делается лучшим, следовательно, и отношение Творца к себе изменяет. Творец сам по себе неизменяем, но в отношении к человеку он может и должен изменяться, ибо сие отношение зависит от человека, который есть творение, подверженное всегдашним изменениям, итак, молитва некоторым образом переменяет отношение Творца к человеку. Сие изменение творческой воли неразлучно с его правосудием и человеческою свободою.

С идеею (истинною и проистекающею из сердца) о Боге соединена и сила и утешение и радость. Кто молится, тот сообщается с Богом, следовательно, получает то, чего требует: если молитва не отвратит от него несчастье, то даст ему нужную крепость для перенесения сего несчастья, может быть необходимою по предначертанию Творца; что же касается до внутренних, душевных несчастий или что всё равно пороков и худых побуждений, то молитва всегда непременно их истребляет.

Мне кажется, никогда нельзя получить привычки, противной нашей натуре. Что такое привычка: натура человеческая так или иначе образованная; направление, данное человеческой натуре. Натура человеческая есть его первоначальное расположение, физическое или моральное, получаемое

им при рождении или в чреве матернем: привычка есть образование сей натуры, следовательно, воспитание есть не иное что, как привычка; (воспитание) привычек, противных натуре; то, к чему человек привыкает и в хуе и в добре, ему натурально; степени привычек зависят от натуры; разные натуры принимают одно и то же образование различно.

В человеке должно отделять человека от гражданина; сперва образуй в нем человека; потом образуй гражданина, то есть сперва усовершенствуй всё, что дала ему натура; потом уже сим усовершенствованным качествам дай то направление, которое согласно с тем местом, которое воспитанник твой будет занимать в обществе, и с теми особенными дарованиями, которые ты успел в нем заметить. Первое есть дело родителей; последнее есть дело наставника.

Желать доброго и стараться приобретать его лучшими средствами есть наука человеческой жизни. Знание добра и обращение на него всех желаний и открытие средств вернейших приобретать его есть единственная цель всякого воспитания. Такое воспитание может иметь место только в обществе, где круг человеческих желаний обширнее и предметы его благороднее и выше. Человек одинокий не может быть добрым; его воспитание кратко и ограничено.

Для занятия какого бы то ни было места в обществе нужны познания, которые приобретаются скорее или медленнее; иное место требует особенного и долговременного приготовления; человек может быть на всё способен, но не на всё годен, ибо сия годность заключается в образовании, которое иногда стоит великих трудов и большого времени. Образованный для одного не будет годен для другого, следовательно, воспитатель должен при своей общей цели: образовать в своем воспитаннике человека, иметь и частную цель: образовать его для некоторого особенного звания, в противном случае сей человек, совершенный морально, будет срамником в кругу общественном.

Мать делается любезною ребенку тогда, когда будет об нем сама печься, когда сама будет доставлять ему всё нужное и приятное и сама избавлять его от неприятного: образ матери его будет соединен со всеми сладостными впечатлениями; благодарность детей есть не иное что, как воспоминание всех удовольствий, соединенное с воспоминанием о матери, которая украшается сими воспоминаниями и делается от них любезною. Младенчество должно быть счастливо и счастливо от родителей для того, чтобы

детей сделать нежными и благодарными. Нелюбовь к детям есть чувство не натуральное в сердце матери: но надобно уметь любить; надобно, чтобы младенец так же сильно чувствовал, что его любят, сколько само чувство любви сильно в матернем сердце.

Истинное воспитание природы есть воспитание не искусственное, не приготовленное, а такое, какое получит человек, оставленный на произвол самому себе и обстоятельствам. Всё на него действует, и он принимает сии действия так, как при своем рождении расположен принимать их. Его натура развивается сама собою без посторонней помощи. Чистого воспитания природы быть не может, должно человеку быть отделенным от всего, чтобы быть истинным воспитанником природы; если же он в обществе, то воспитание его есть уже больше или меньше искусственное, производимое обстоятельствами. Воспитание без всяких правил есть воспитание природы, следовательно, самое худшее.

Терпение есть такая добродетель, которая никому кроме нас самих не приносит непосредственной пользы; но она сохраняет в нас способность действовать и дает свободу другим добродетелям, которые бы уничтожили нетерпение, следовательно, посредством сих добродетелей благотворна и для других.

Человек, получивший от природы худые качества, невинен, ибо он не мог выбирать; но он отвечает за следствия, ибо от него зависит их предупредить. Качество есть дело природы, употребление качества дело человека. Один должен поступать положительно, то есть давать волю природе, другой отрицательно, то есть не давать ей воли. От человека не требуется того, к чему он по своей природе не способен: стремясь за невозможным, он действует вопреки своему назначению. Но он на *своем* месте может достигнуть крайней точки совершенства, только не должен его оставлять, а напротив, должен с ним согласоваться.

Добрый семьянин есть истинно добрый человек. Он действует скрытно, без свидетелей и беспрестанно. — Я разумею семьянина во всём смысле этого слова как сына, отца, супруга, господина, хозяина. — Хороший солдат, судья и т(ому) подобное еще не могут назваться хорошими людьми: они могут исправлять беспорочно свое звание и быть испорченными, иметь дурной характер: честолюбие может дать храбрость и сделать правосудным; действуя перед глазами света, будешь стараться действовать хорошо; тогда добродетель есть только желание одобрения; тогда человек бывает добрым

во всех случаях, когда он видим; но последуй за ним во внутренность дома, где всё от него зависит, где он дает отчет одному себе, где может свободно предаваться влечению сердца и делает добро только по одной любви к добру, и если найдешь его таким же точно, каков он на сцене, тогда говори решительно: он добрый и счастливый человек!.. Истинное, спокойное и продолжительное счастье. Первый наслаждается только отрывками, в минуты — редкие и неверные — торжества и одобрения; последний всегда, следуя влечению сердца, действует и доволен собою, следовательно, счастливый. Человек, успешно исполняющий свою какую-нибудь общественную должность, без сомнения имеет талант; но характер его определяется его семейственною жизнью. Желать быть добрым семьянином есть стремиться ко всему благородному и лучшему, хотя не блестящему, словом, к счастью, следовательно, к добродетели.

От чего слуга всегда испорченнее крестьян? Три главные причины: праздность, род их занятий и обширнейший круг их сношений. Не для чего доказывать, что праздность вредна для человека, сотворенного для деятельности: самый ленивец ищет занятие, и всякий выбирает согласное своим склонностям и навыкам. Чем больше времени праздного, тем больше средств заниматься бесполезным, служащим только для рассеяния, и полувредным и следовательно привыкать к вредной деятельности; праздность есть не иное что, как вредная или бесполезная деятельность или совершенное бездействие. В таком доме, где множество слуг, много и средств быть праздным. Самый род занятия портит слугу: он вступает в совершенную зависимость от другого человека. Крестьянин зависит, но он имеет определенную должность, в исполнении которой заключается вся его зависимость, время его расположено; он работает много, но работа его есть необходимость, необходимость, которой он подчинен наравне со всеми. Он более повинуется законам природы, нежели человеческим. Слуга, напротив, совершенно подчинен воле и прихоти другого человека, он теряет собственную волю свою, беспрестанно должен сообразоваться с волею другого: зависимость, уничтожающая всякое благородство душевное. Крестьянин имеет собственность, бедное, но от него зависящее хозяйство; слуга, живучи лучше, не имеет ничего собственного, ничем собственным не управляет, он не имеет никакой личности; крестьянин, занимая пост не столь блестящий, но более благородный, смирен духом, но чище. Слуга, имея больше натурного блеску, но знача что-нибудь только в отношении к господину, должен быть надменнее, следовательно испорченнее. Круг отношений крестьянина тесен и однообразен: он всегда остается одинаковым, будучи окружен одними и теми же предметами. Слуга видит более, дурного и хорошего; часто самый пример господина портит его; он занимает много со стороны; не имея никаких видов в будущем, он не имеет некоторым образом никакого интереса быть лучшим: он стремится пользоваться настоящим, как ни попало, как приятнее, то есть как сообразнее с его

склонностями. Чем же предохранить от испорченности слуг. Первое собственным примером. 2. Слуга должен быть не исполнителем одной воли господина, он должен иметь определенное звание, неизменную обязанность, словом, быть нужным членом семейства. 3. Время его должно быть заполнено, разделено между работою, отдыхом и удовольствием; 4. Он должен иметь в виду состояние независимое — (крестьянин иметь всегда в виду благосостояние своего дома).

1807-го. Декабря 6. Я не понимаю тех философов, которые беспрестанно говорят: *помни смерть*, жизнь ничто; желания, удовольствия — всё мечта⁶. Если смерть есть прекращение жизни, то могу ли забыть, могу ли отвергать то сокровище, которое дано мне на краткое время, однажды которое утратив, утрачу навеки и никогда не заменю. Если же смерть есть только переход к бессмертию, то жизнь составляет существование бессмертия и не может и не должна быть забыта. Напротив обрати на нее внимание, чтобы ее сделать бессмертия достойною.

Существование злого есть доказательство бессмертия, ибо оно было бы в противном случае без цели; следовательно, опровергало бы самое бытие Бога.

24 октября 1808. Вчера у Нелединского⁷ я слышал три замечательных анекдота о Павле. Он имел чрезвычайно острый и живой ум. В характере его была какая-то романическая высокость, и самый его деспотизм имел в себе что-то возвышенное. Следующий анекдот показывает, что он был деспот в душе, но деспот гордый и смелый. Он поручил графу Сен-При⁸ написать и представить ему доклад об одном известном деле. Увидевши через несколько дней графа во дворце, он подошел к нему и спросил у него в присутствии всего двора: *Eh bien, monsieur de St. Prix, aurai-je bientôt ce mémoire dont je vous ai chargé.* — *Sire,* — отвечал С.-При. — *J'ai prié un des grands de votre empire de le presenter à votre majesté.* — *Monsieur,* — отвечал ему император своим сиповатым голосом: *Il n'y a ici de grands que celui à qui je parle, et pendant que je lui parle*.*

С сим словом оборотился он к нему спиною и пошел прочь. — В другой раз тот же С. При, который обыкновенно ходил в статском мундире, явился во дворец в военном. Павел его заметил, подошел к нему и спросил: *Monsieur*

* Ну, господин де Сен-При, скоро ли я получу тот меморандум, который я поручил вам составить? — Сир (...). — Я просил одного из вельмож Вашего двора представить его Вашему Величеству. — Сударь (...): Здесь нет вельмож кроме того, с кем я говорю, и лишь на то время, в течение которого я с ним говорю (*фр.*).

de St. Prix, pourquoi donc avez-vous porté jusqu'ici l'uniforme civile? — Сен-При отвечал ему цитатой из Цицерона: Тога побеждает шпату. — Fi, monsieur de St. Prix, — отвечал император, — il n'y a que l'avocat Patelin⁹, qui peut faire une pareille réponse*. — В пребывание его в Париже находился он в одной компании, где очень долго разговаривали о женевских политических беспокойствах¹⁰, Павел наскучил таким разговором. «Выберите другую материю, государи мои, — сказал он, — можно ли заниматься раздорами Женевы: это буря в стакане!» — выражение, приличное наследнику российского престола. — Павел очень тонко умел награждать своих любимцев: в наградах его была заметна чувствительность доброй души, с высокостию монарха и с нежностью тонкого ума. Нелединский, бывший к нему весьма близким, оставлен был без просьбы, просто сказать, выброшен из службы. Он имел тогда чин статского советника. Через несколько времени после того выходит указ о том, что все, выключенные из службы и отставленные без просьбы, имеют право являться и требовать, чтобы снова их приняли в службу. — Нелединский в ту же минуту по получении указа, собирается ехать в Петербург из Москвы. — Родные и знакомые уверяют его, что он подвергнет себя таким поступком чему-нибудь худшему, что он рассердит Павла. — «Я знаю его», — отвечает Нелединский и скачет в Петербург. — У заставы рассказывает о причине своего приезда. Павлу об нем докладывают. — «Нелединский приехал, — говорит он Куракину, — чего ему хочется? — Службы! — Он отставлен без просьбы!» — Ваше Величество позволили явиться отставленным и выключенным. — Что же делает Павел: дает ему чин тайного советника и определяет его сенатором в Москву, то есть делает для него то, чего он не воображал и не мог требовать¹¹. — В душе его, которая никогда не могла противостоять силе страсти, была натуральная, сильная привязанность к добру. Он любил наслаждаться *чувствами*. Будучи весьма часто несправедливым, он не стыдился своих несправедливостей, ибо знал, что имел силу всегда заглаживать их! Чувство великое и приличное монарху! Раз признавши себя несправедливым перед кем-нибудь, он при всяком случае старался доказать ему свою благосклонность; человек, который мог заставить его почувствовать сладость добра и правосудия, становился некоторым образом для него дорог. Он любил *возобновлять* свое чувство, возобновляя знание своей к нему благосклонности. Натура сделала его великодушным, прямым, добрым, чувствительным, вселяла в него любовь к добру — судьба и Екатерина преобразили его в тирана, к великому несчастью России, которую он мог бы возвысить.

Собственные наши ошибки можно почесть приобретенными, если мы их замечаем: они тогда обращаются в истинную нашу пользу. Они тогда только

* Господин де Сен-При, почему Вы до сих пор носили гражданское платье? — (...) — Фи, господин де Сен-При (...) только адвокат Пателен мог бы дать подобный ответ (*фр.*).

остаются ошибками, когда они или не исправлены или не замечены. В первом случае мы заглаживаем их в отношении к другим. В последнем мы исправляем самих себя. Прошедшая замеченная ошибка может служить для нас *предохранением* от будущих.

Два рода рассеянности: одни происходящие от природы; другие от самолюбия. Первая неизлечима и есть не иное что, как некоторый недостаток в организации нашей головы. Последняя может быть исправлена только тогда, когда положим границы нашему самолюбию. Она может назваться излишней замечательностью к самому себе и невниманием к другим. Иной человек не слышит от того, что хочет казаться слушающим. Он думает о своем виде, а не о том, что ему говорится.

Двоесмыслие можно допустить, — говорил К.¹², — но вот беда, если не будет ни одного смысла.

М.Н.М.¹³ называет Пассекшу¹⁴ русскою Ниноною¹⁵, а Руссову Юлию¹⁶ б.....!!! Пассекша писала к Екатерине следующее: «Ты поступаешь с своими фаворитами очень неблагоприятно. Потёмкин делает из тебя что хочет. Лучшие люди тобою забыты. Румянцев хороший генерал, но он продаст отечество. Гр. Ив. Петр. Салтыков хуже всякой бабы, женщина будет уметь лучше его командовать армией. Всех лучше Репнин, но у него связаны руки. Государство падает. Советую тебе делать с фаворитами своими то же, что я со своими: они мне служат как надобно, но я никогда не даю им водить себя за нос». — Екатерина оскорбилась; она послала Шешковского допросить Пассекшу и собственною рукою написала ему в записке: *Спросить у нее, почему отваживается она порочить славное наше царствование?*

Екатерина сделала сюрприз Платону¹⁷, пожаловавши его в митрополи- ты. Он был еще архиепископом. Государыня находилась в Москве. Будучи в Успенском соборе, она подозвала к себе архидьякона и велела вместо архиепископа Платона говорить: митрополита. — Он вошел, когда надобно было, на амвон и воскликнул во весь голос: Митрополита Платона. — Архиепископа, говори, — закричал ему из алтаря Платон. — Митрополита, — повторил архидьякон. — Платон понял, что это значило, вышел из алтаря и поклонился Екатерине.

Карамзин сравнивает Бонапарте с графом Дмитрием Ивановичем Хвостовым — один полагает славу в том, чтобы быть деятельнее, другой в том, чтобы много писать, не думавши о предмете деятельности и о том, хорошо ли пишет¹⁸.

Pourquoi est-ce qu'il y a à Moscou tant d'enfants trouvés, — спросили у Пушкина¹⁹. — Parce qu'il y a beaucoup des femmes perdues*, — отвечал он.

Чувство умнее ума. Первое понимает вдруг то, до чего последний добивается медленно. Чувствительность можно сравнить с человеком, имеющим зоркие глаза; он видит издали очень ясно тот предмет, до которого близорукий должен достичь, переходя от одного предмета к другому, чтобы его увидеть, — результат один и тот же.

* Почему в Москве столько подкидышей — ⟨...⟩. — Потому что много падших женщин (*фр.*). Игра слов: *enfant trouvé* — *букв.* «найденный ребенок»; *femme perdue* — «потерянная женщина».

О ТАИНСТВЕННОСТИ

Il n'est rien de beau, de doux, de grand dans la vie que les choses mystérieuses*¹. Первое, чего бы я желал от Шатобриана, есть дефиниция того, что он называет таинственностью, тайною. Мне кажется *mystère* больше значит таинственность нежели тайна (*secret*). Таинственность есть то, что всякой знать может, но что соединено с некоторою неясностью или лучше сказать, что представляется мне в своем виде, под покровом, которой всякой имеет право приподнять; тайна, напротив, есть то, что от всех скрывается с намерением, что известно только немногим и что никому не должно быть известно, кроме сих немногих. — Таинственностью в физическом и моральном мире называю то, о чем я не имею совершенно ясной идеи, что понимаю одним только чувством. Бытие Бога есть таинство, основанное меньше на удостоверении ума, нежели на удостоверении чувства; я в бытии Бога не так уверен, как в бытии той вещи, которая у меня перед глазами. Одного я только чувствую, не объемля его физическими чувствами, но убеждаясь внутренним, темным, но сильным чувством и основывая уверение свое в невидимой причине на видимых действиях. — Я не знаю, почему одно только таинственное прекрасно, сладко, возвышенно? Не слишком ли это вообще сказано? Конечно, всё таинственное приводит душу в большее напряжение: натурально видеть вещь и желать проникнуть всё то, что в ней заключено неясного и скрытного! Может быть, *таинственность* приятна и потому, что человек больше любит воображать, нежели *знать и видеть*. От чего отдаленные виды так приятны? От того, что они представляются неясно! От того, что глаз, видя предметы, оставляет однако и свободу воображению (которое не любит никогда покоиться) украшать их. С идеею мрака всегда соединена таинственность. Темнота лесов всегда приводит в некоторый ужас, который очень приятен для сердца; этот ужас есть не иное что, как неизвестность предметов нас окружающих, можешь *всё* воображать вокруг себя, потому что *ничего* не видишь. Мертвое молчание производит иногда то же действие: всякой звук заключает в себе понятие больше или меньше явное о той вещи, которая производит его: как же скоро всё молчит, то воображение, ни на что особенно не устремленное, всё почитает возможным: гораздо ужаснее умом воображать вой волчий в таком месте, которое наполнено волками и в котором находишься один, посреди ночи, нежели слышать и видеть пред собою волка: ожидание опасности, усиленное воображением, соединяется с ужасом, который тогда вдвое действует!

* Нет ничего более прекрасного, сладостного и великого в жизни, чем таинственное (*фр.*).

Но возвратимся к своему предмету! Можно ли поверить, чтобы в жизни только то было возвышенно, сладко и прекрасно, что таинственно. Согласен, что оно может быть и приятным и высоким! Но кроме таинственного много вещей в мире и в моральном и физическом производят сии впечатления: что найдете таинственного в восхождении и захождении солнца, в звездном небе, в картине моря, в альпийских горах и прочее! Что найдете таинственного: в патриотизме Брута, в благодетельности и страстном человеколюбии Жан-Поля; в характере Генриха Великого; в смерти Сократа, в самой кончине Иисуса Христа, которая, сама по себе, не в отношении к религии, величественна и восхитительна! —

Темные, неясные чувства сладостны или чудесны, *merveilleux*; как вы говорите — (хотя этот термин здесь неприличен, ибо что такое *sentiments merveilleux*, какие это чувства? Чувства, необыкновенно приятное и необыкновенно противное, равно могут быть чудесны, потому что всё чрезвычайное, близкое к сверхъестественному есть *чудесно* —). Но чувства ясные, такие, с которыми соединена какая-нибудь ясная полная идея, конечно, должны быть приятнее; с неясностию или неизвестностию всегда соединено какое-то беспокойство в большем или меньшем градусе; напротив, всё *ясное* оставляет нас спокойными; мы наслаждаемся *совершенно* сами собою; *неясные* идеи доставляют душе удовольствия сладкие, меланхолические (ибо меланхолия есть некоторым образом *недостаток*). *Ясные* напротив доставляют удовольствия живейшие, ибо они полнее, ощутительнее. Первые могут быть продолжительны, ибо неизвестное всегда ново и возбуждительно; последние должны быть короче, ибо то, что знакомо, делается скучным.

*Ноября 22*¹. Прежде в голове моей была одна только мысль: надобно писать! И я писал очень мало, потому что мой талант естественный всегда был в противоположности с моими способами; я невежда, во всей обширности этого слова. Теперь главная мысль моя: надобно учиться и потом писать, и я час от часу становлюсь деятельнее, по крайней мере час от часу сильнее желаю быть деятельным. Я имею теперь довольно твердости, чтобы отступить назад и начать сначала (*Bélier, mon ami, commencez par le commencement!*)^{*2}, дабы дойти до счастливого конца. Мысль, что я уже автор, меня портила и удерживала на степени невежества. Между тем, я внутренне был спокоен и не мог быть счастлив своим положением; ибо то, что я делал, необходимо должно было казаться мне пустым, а неуверенность в собственных силах лишала меня утешительной надежды на успех. Решившись приобрести сведения основательные, я сделался и спокойнее, и счастливее. Приобретение сведений есть само по себе уже наслаждение, а имея в виду прекрасную цель, это наслаждение удваиваешь: настоящее украшается будущим. Вот два месяца, как работы мои идут порядочно, как я доволен собою, спокоен, внутренне весел. Думаю, что эта привычка к порядку, любовь к деятельности и постоянство в преследовании одного предмета более и более будут во мне укореняться. Эти два месяца более познакомили меня и с самим собою. Теперь я сделался доверчивее к своему постоянству. Прежде казалось мне, что я совсем не имею памяти и что учение для меня труд напрасный; но теперь начинаю думать, что моя беспамятливость по большей части была следствием душевной недейтельности или слишком беспорядочной деятельности: каждую минуту рождалось новое занятие, не связанное с предыдущим и часто ему противное; одно истребляемо было другим. Могло ли что-нибудь после этого в голове остаться? Теперь в работах моих постоянство; нет беспутного разнообразия, и память во мне рождается. Надобно осудить себя на несколько лет ученической деятельности или приговорительной, дабы набрать сведения; надобно не скучать трудностями, более всего дорожить временем и твердо держаться порядка. Теперь утешает меня особенно то, что работать или мыслить о работе есть обыкновенное, всегдашнее мое положение. Работа — средство к счастью, она же и счастье. Я открыл в себе и способность дорожить временем (способность, которую однако надобно поболее усовершенствовать), а прежде время летело между пальцев. Между тем, работа, приносящая пользу и соединенная с некоторым успехом, удивительное имеет влияние и на самое

* Белье, мой друг, начните сначала! (*фр.*).

моральное состояние души. Никогда я не был так расположен ко всему доброму и во всех других отношениях так хорош, как теперь: главное дело мое идет как должно, следовательно, и всё постороннее, но с главным более или менее имеющее связь, должно быть необходимо в таком же порядке. Все другие должности сделались для меня любезнее. И не должно ли из этой привычки к труду выйти, наконец, и большее совершенство моральное; следовательно, трудясь, не достигну ли к верховной цели человека? О! как благодарю ту минуту, в которую сделался счастливый перелом моих мыслей, в которую я сказал самому себе: ты отчаиваешься, что потерял много времени, и теряешь надежду; но кто же мешает исправить потерянное? Сделай, что можешь сделать; только трудись и трудись постоянно! Мое настоящее положение весьма может быть названо счастливым. Посредственность состояния не ужасает меня, богатство не кажется мне прелестным; связи мои с матушкою становятся для меня драгоценны; имею добрых друзей, которые меня любят; остается быть достойным и их, и себя, — а средство: деятельность в том малом круге, который я для себя назначил. Прежняя моя лень весьма много происходила и от любви, которая составляла царствующую в голове моей идею и всему прочему была тираном. Теперь и любовь уступила трудолюбию. Одного бы желал, одного бы просил от Бога: не слишком быть озабоченным своим состоянием, иметь необходимое, но иметь верное. Надобно себя приучить к расчетливости, если можно и к скупости, ибо скупость в моем состоянии есть добродетель. Одну половину из составляющего прямое богатство я имею: нежелание многого; надобно присоединить к ней и другую: умение дорожить малым и с ним согласовать образ жизни. Надобно укоренить в душе утешительную мысль: тихая, скромная жизнь, употребляемая на исполнение должностей и на труд полезный, есть самая счастливая, и Бог благословляет ее всегда, и успех с нею неразлучен. У меня теперь две должности: работать для того, чтобы быть автором (с этим неразлучно и собственное образование); действовать для счастья матушки, иметь его в виду беспрестанно; но и эта последняя тесно соединена с первою, ибо все мои средства соединяются в авторстве. Авторство мне надобно почитать и должностью гражданскою, которую совесть велит исполнять со всевозможным совершенством. Теперь не могу исполнять ее как бы надлежало, ибо я невежда; но я могу исполнять ее со временем, следовательно, и самый приговорительный труд есть некоторым образом уже исполнение. Итак — деятельность! А предмет ее — польза! А награда за нее — слава, счастье! Это повторять себе каждую минуту и приучить себя не уважать временными неудачами или худым расположением к работе, которые почитать только временными остановками, долженствующими случаться реже, по мере прилежания к работе, что я испытал уже и над собою.

22 февраля¹. 15 февраля был для меня день счастья и восхитительной надежды. Я поехал в этот день из Муратова с тем, чтобы увидиться с Иваном Владимировичем². Дорога показалась мне короткою, хотя я ехал из Муратова на несколько дней и не знал, когда возвращусь. Эта история Васильиных крестин оживила меня. Я увидел, что они имеют доверенность к характеру Ивана Владимировича и решились ему открыться. Я ехал с веселыми мыслями. Более нежели когда-нибудь мне весело было смотреть на ясное небо, которое было так же прекрасно, как надежда, которою в ту минуту украшалось мое будущее, я не молился, но чувствовал, что Бог, скрытый за этим ясным небом, меня видел, и это чувство было сильнее всякой молитвы. Я, право, с восхищением давал Создателю своему сердечное обещание быть Его достойным своею жизнью в благодарность за то счастье, которое Он давал мне предчувствовать в этой живой надежде. О! я в эту минуту только чувствовал, что *можно быть счастливым в этой жизни*. Другая мысль несказанно меня радовала. Я видел в будущем не одно неизъяснимое счастье принадлежать ей, делить с нею жизнь и всё; я видел там самого себя, совсем не таким, каков я теперь, лучшим, новым, живым, а не мертвым. То счастье, которое даст мне она, совсем должно меня преобразовать; с привязанностию к жизни должно во мне родиться сильное, деятельное желание воспользоваться жизнью в совершенстве — а как же иначе ею воспользоваться, как не усовершенствовав себя во всём добром. Эта надежда некогда увидеть самого себя лучшим восхитительна. Мне представляется как будто сквозь какой туман: спокойствие, душевная тишина, доверенность к Провидению. Одна уже надежда дает мне большую привязанность к религии, к святой и чистой религии. О! как она нужна для того, чтобы счастье было прочно и чисто! Как мысль о Боге сладостна и ободрительна, когда представить себя в Его присутствии вместе с нею. Я точно похож теперь на человека, который видел один только сон прекрасной жизни и в то же время знал, что это сон, что им не наслаждается, и вдруг чувствует, что к нему подходит ангел, чтобы его разбудить и сказать: проснись, чтобы жить. И он готов жить с полным понятием о жизни, с полною готовностию ею *воспользоваться*, как человек слепой от рождения, знавший только по слуху о красотах мира и вдруг получающий зрение. Для меня всё еще в жизни будет новым, и я приготовлен лишением к полной радости. Теперь имею такую надежду, готов благодарить Промысел и за прежние горести. Они достойная цена такого счастья. Без них можно было бы его бояться и ему не доверять. Заплатив за него дорого, имеешь некоторое право надеяться, что оно будет постоянно. О! теперь вера становится милейшею моею мыслию — верить для меня теперь необходимо. Вера

есть то святое убежище, в которое переносу счастье в жизни. Когда буду с ней вместе, когда получим свободу вместе мыслить и чувствовать, тогда более всего будешь укоренять себя в этой утешительной вере. Пускай наш Творец, наш благотворитель, источник и хранитель нашего счастья, будет между нами третьим. С Ним и в Нем наше счастье будет невредимо. И жизнь, нарожденная в таком союзе, должна быть раем или верным к нему приготовлением. И мое сердце полно предчувствием такой жизни. Я не обманулся. Ив(ан) Влад(имирович), которому я открыл свои обстоятельства, одобрил меня. При моем отъезде от него он меня благословил. Дни, проведенные у него, только что утвердили меня в том расположении, с каким я к нему поехал. С нетерпением жду той минуты, в которую счастье даст мне новую жизнь. Это возможное преобразование самого себя радует меня наравне с тою надеждою, которая представляет мою Машу моим ангелом-спутником, участником чистой, невинной жизни. Никто кроме матери не будет свидетелем такой жизни; но она будет тем сладостнее — ибо она будет нашею собственностью. О! как для меня теперь понятно лучшее имя Бога: Отец! Оно будет в моей семье, будет ее защитником, будет учредителем нашей жизни. И как теперь Маша для меня бесценна: только с нею такая жизнь для меня возможна. Не могу порядочно объяснить себе теперешнего моего понятия о будущем: какое-то темное предчувствие чего-то необыкновенно счастливого. Вижу перед собою самую тихую и вместе самую деятельную жизнь. Тихую, потому что она ограничится самым тесным кругом, где будет нашим свидетелем и судиею одна мать; деятельную, потому что вся обратится на себя — столько чувств, которые во мне погибали даром, вдруг получают свободу: вдруг иметь все святейшие связи, о которых я имел одно только понятие без ответа, и понятие грустное, потому что оно давало только мне чувствовать их недостаток (чувство ужасное — особливо когда оно соединено с чувством одиночества, нестерпимым в виду той семьи, где желал бы иметь всё и где всего лишен незаслуженным подозрением) — и сверх всего этого вера живая, идущая из сердца вера, не на одних словах и наружных обрядах основанная, но вера, радость души, ее счастье, ее необходимая подпора, истинная жизнь, чувство, до сих пор мало мне знакомое, убитое одиночеством и унылостью, заглушенное непривязанностью к жизни. Так, ангел Маша, вера, источник всякого добра, осветитель всякого счастья! Что сравнится с таким приобретением? И как не обожать того, кому будешь им обязан — а это ты! Верить вместе с тобою благому Провидению и ему вручить в тебе свою жизнь и все свои надежды! До сих пор я часто замечал в себе какое-то отдаление от религии — я ее никогда не отвергал, но она казалась мне причиною всех утрат моей жизни, и я не отделял ее от того предрассудка, который лишал меня всего! Но суеверие не религия! И теперь в каком новом свете ее вижу! Как почитаю ее необходимою для истинного счастья! И это будет дар моей Маши! Вместе с нею искать в религии прямого блага, вместе с нею готовиться здешней жизни для будущей; иметь одну эту цель и ни о чем постороннем не заботиться — я чувствую, что сердце необыкновенно распространяется и как

будто хочет принять в себя то, чего никогда в нем не было. Могу ли не почитать ее средством, избранным от Промысла, дабы дать мне способ удостоиться гражданства в Божьем граде. Я говорю без всякой мечтательности! Нет! Это не может быть мечтою! Это для нас двоих! В эту тайну никто, кроме взора нашей матери, не проникает! Такое наслаждение жизнью, не видимое никем, будет *нашим* без раздела. Наша жизнь должна быть тихая и скрытая от свидетелей. О! такое счастье не есть призрак! оно внутри сердца! в нем только может быть ощущаемо и не должно выходить из него наружу. Жить в самих себе, ограничить себя скромною умеренностию, иметь простые и постоянные занятия и устремить свою деятельность на исполнение своих обязанностей — вот прямая жизнь! Что перед нею искание суетных и переменчивых благ! Верю и верю с чувством, что Бог меня хранит и что Он готов причислить меня к семье своих избранных, *которые узнают Его по своему счастью.*

25—26 февраля. Муратово. Говеть не значит есть грибы, в известные часы класть земные поклоны и тому подобное, это один обряд, почтенный потому только, что он установлен давно, но пустой совершенно, если им только и ограничится говенье. Оно имеет для меня совсем другое значение. В эти дни более нежели в другие должно быть в самом себе, обдумать прошедшую жизнь, рассматривать настоящее и мыслить о будущем и всё это в присутствии Бога. Вот что есть *пост*. И так только, а не иначе, можно себя приготовить к священному таинству исповеди и причастия.

Смотря на прошедшее *вообще* (частные, мелкие недостатки и проступки в сторону), я не имею причины упрекать себя ни в чем таком, что бы оставляло на *всю жизнь* раскаяние; но и только. Всю прошедшую жизнь мою можно назвать потерянною — для меня потерянною; я мог бы быть совсем не то, что я теперь. Начинать быть *новым* теперь поздно; можно бы быть *лучшим* — вероятно, что и то не удастся. Но при всей бесплодности прошедшего мое будущее могло бы быть прекрасно. Если я ничем не воспользовался в жизни, то по крайней мере ничто во мне не испорчено — я готов жить, и жить прекрасно. Вот мне тридцать лет³ — а то, что называется истинною жизнью, мне еще незнакомо. Я не успел быть сыном моей матери — в то время, когда начал чувствовать счастье сыновнего достоинства, она меня оставила; я думал отдать права ее другой матери, но эта другая дала мне угол в своем доме, а отделена была от меня вечным подозрением; семейственного счастья для меня не было; всякое чувство надобно было стеснять в глубине души; несмотря на некоторые признаки дружбы, я сомневался часто, существует ли эта дружба, и всегда оставался в нерешимости, чрезмерно тягостной; сказать себе: *дружбы нет!* я не мог решительно, этому противилось мое сердце; сказать себе, что она *есть*, этому многое, слишком многое противилось. На что было решиться? скрывать всё в самом себе, и терпеть, и даже показывать вид, что всем доволен, — принуждение слишком тяжелое при откровенности моего характера, который однако от навыка сделался и скрытным. Причина всему этому *одна* — приди всё в порядок, и всё переменится, искренность и доверенность сами собою возобновятся;

унылость исчезнет — останется думать только о том, как бы жизнь была спокойна и сообразна с волею Промысла. Но эта *одна причина*... должен ли я ее стыдиться? Могу ли себя упрекать? О, нет! я теперь сужу себя беспристрастно! Совесть моя спокойна: я не желаю ни невозможного, ни непозволенного. В этом никто не переуверит меня — исполнится ли то, что одно может дать мне счастье, это к несчастью зависит не от меня, а от других; но для меня останется по крайней мере уверение, что я искал его не в низком, не в том, что противно Творцу и человеческому достоинству, а в лучшем и благороднейшем; я привязывал к нему всё лучшее в жизни — не будет его, не будет и прочего; не моя вина. Останется дожить как-нибудь положенный срок, который, вероятно, будет и не долог. Жаль жизни — такой, как я ее представляю, тихой, ясной, деятельной, посвященной истинному добру; но того, что обыкновенно называют жизнью, того совсем не жаль — и чем скорее, тем лучше. Тогда бы мог я упрекать себя за прошедшее, когда бы употреблял непозволенные средства исполнить свои надежды — нет! я хотел и хочу счастья чистого. Я берег одну надежду. Покорностью и терпением думал купить себе исполнение. И это исполнение было бы не дорого куплено, хотя во все последние года не помню дня *истинно счастливого*; сколько же печального! а *всё вместе* — удел незавидный.

Мысль, что всё может перемениться, что настоящее заменится прекрасным будущим, была моею подпорою, — но эта мысль не помешала мне приобрести совершенного равнодушия к жизни, которое сделалось наконец главным моим чувством: чувство убийственное для всякой деятельности. Как хотеть быть добрым в жизни, считая и самую жизнь ненужною? Самая вера не ослабевает ли при таком равнодушии. Другим нужно несчастье, чтобы привести в силу их душевные качества. Мне, напротив, нужно счастье — то счастье, которое может быть *моим*, ибо нет общего для всех счастья. В нем одном вижу свое преобразование.

Таково мое прошедшее. Что же в настоящем? Всё еще одна надежда. Но должно ли этому так остаться? Нет! надобно выйти из нерешимости. Но доказательством, что моя надежда не есть виновная, служит то действие, которое производит в душе моей вероятность ее исполнения. Ею пробуждаются лучшие чувства и, не знаю, какая-то живая, сладостная вера, необходимость любить Провидение и на него полагаться. Как был счастлив для меня тот день — не помню лучшего во всей жизни, — в который я решился говорить с Иван(ом) Влад(имировичем). Во мне было уверение, что он оправдает мою привязанность. А это представило мне вероятность, что я буду счастлив: чувство точно *воскресительное* для моей души. Я видел перед собою не одно исполнение желания — этого было бы мало, и счастье не в том; нет, я видел перед собою новую жизнь, видел себя тем, чем бы я желал быть — не автоматом, напрасно живущим в Божием свете. Сердце у меня билось, когда смотрел на чистое небо, и я мысленно давал клятву быть достойным своею жизнью Божества, обещающего мне такое счастье в своем мире: я чувствовал необходимость более любить Его, к Нему всё относить, ибо в Нем видел

крепость своего счастья. Религия есть благодарность. В эту минуту твердая вера представлялась мне ясно нужнейшею потребностью человеческого сердца. Это живое чувство не обмануло меня; я уверен, что оно есть голос Божий — Иван Влад(имирович) одобрил меня. С тех пор на душе у меня спокойнее. Я уверен в чистоте моей надежды, и *в настоящем* ничто не пугает меня.

Но будущее! оно пугает меня одною своею неизвестностию. Я могу здесь дать себе отчет в одних только *намерениях*. Их исполнение не в моей власти. Но мои намерения моя собственность, и здесь всякое постороннее право исчезает. Здесь может судить один только Тот, кто читает в глубине сердца. Пускай же читает Он в моем. Я не боюсь Его взора, и то, чего желаю, Его достойно, есть лучшее, что могу принести Ему в жертву. Истинное достоинство человека в его мыслях и чувствах. Они невидимы для других, но известны сердцеведцу. То, чего желаю, не сделало ли бы мою жизнь лучшею? Следственно не есть ли оно невинно и свято? Какие мои намерения? Иметь драгоценнейшие связи; их сохранению посвятить свою жизнь; спокойствие души, усовершенствование сердца, деятельность, мне свойственная, самая религия — всё для меня в одном! Как же не желать его всеми силами души! Что иное может мне быть заменою. Не желай невозможного, скажут. Но чтобы перестать желать того, что сделало бы жизнь счастливою, надлежит увериться в его невозможности. Я ее здесь не вижу, не видал и никогда видеть не буду. Сам бросить своего счастья не могу: пускай его у меня вырвут, пускай его мне запретят; тогда по крайней мере не я буду причиною своей утраты. Жертвовать собою не значит еще соглашаться, что жертва необходима и угодна Богу, которому ее насильно приносят. Он дал мне совесть. От чего же эта совесть спокойна, когда я рассматриваю желания своего сердца и рассматриваю их в увереннии, что у меня есть строгий свидетель; от чего, представляя *исполненными* свои намерения, чувствую в себе самую чистую радость, вижу себя лучшим? Неужели это доказательство, что мои намерения дурные? А какое другое правило вернее в суждении о самом себе. Я же *не один*; прекрасные люди, истинные христиане одобряют меня; а мнение, противящееся мне, само по себе сомнительно, и для тех, которые его имеют. Если бы человеку, совершенно равнодушному, надлежало произнести приговор, что бы он сказал? *Одно* мнение поддерживает истинный христианин, но оно разрушает счастье; *другое*, ему противное мнение, также истинный христианин защищает, и оно дает счастье — которое справедливо?.. Без сомнения то, на которой стороне счастье, ибо оно им оправдывается. Так бы должен был решить беспристрастный, но наш судья *мать*⁴.

Мои намерения достойны моего Творца, и моя молитва к Нему: чтобы Он исполнением их дал мне единственный способ Его удостоиться в жизни или чтобы скорее взял от меня обратно жизнь, совершенно бесплодную. Вот вся моя исповедь.

1. ПЛАН¹

1) Занятия. 2) Обхожд(ение) с Машею, с Екат(ериною) Аф(анасьевною) (мне, Воей(кову), Маше). 3) Обр(аз) жизни в Дерпте². Хозяйство в Мура-т(ове)³. 4. Занимать(ся). 5) Журнал. 6) Расположение времени.

План счастья. Первое, чтобы мы имели доверенность. *Наша цель*. Обхожд(ение) взаим(ное). Обр(аз) жизни сем(ейной). Жизнь для других. Не иметь никакой постор(онней) цел(и). Прошедшее. Представить, что мы [нрзб.]. Общие средства для счастья — какого? Чтобы у нас в семье было мирно, достаточно, деятельно. Следовательно, это основывается на душевных удовольствиях, в усовершенствовании взаимном, на деятельности, которая без [нрзб.]. Слава. Деньги. Благословение на детей и нас. Чтобы Екатерине Афанасьевне было весело, на это способы общие.

Мне с Воейковым:

Нам жить вместе. След(овательно), иметь цель одну: общее счастье, общую славу. Для одного мысль, что мы этого желаем искренно, Иметь в виду сохранить уваж(ение) друг к другу. Помнить во всякое время друг о друге. Говорить всё прямо и без закрышки. Поставить за правило, если один заговорил, другому молчать и не отвечать до тех пор, пока не придешь в spok(ойное) состо(яние). Воейкову думать, что я об Саше так же забочусь, как и он обо мне. Мне думать, что Воейков тоже обо мне. Ему мне поверять все мысли насчет Саши. Не таить друг от друга ничего дурного; прошлое загладить; будущее сделать прекрасным вместе. Воейкову быть искренним на мой счет с Екатерин(ою) Афан(асьевною). Говорить и обо мне и об Маше, как он думает. Ручаться, что мы против ее воли ничего не пожелаем; но уверить, что она лишает нас счастья без причины.

Воейкову с Екат(ериною) Аф(анасьевною):

Поставить за правило угождать во всё — благодарн(ость). Грубость. Средство для минут неудовольствия: вспоминать о Саше; молчать, когда не в состоянии не сказать груб(ости); уступать или говорить свое мнение с ласкою. Быть самому искреннему. Сказать наперед то, что хочешь узнать, не ожидая, чтобы сказали. Главное правило: любить несмотря на неприятности, любить из благодарн(ости), любить для Саши. Быть терпеливым в той мысли, что это спасает жизнь жены, делает счастье друзей и ее самое делает счастли(ивою). За всё награда — уважение и спокойствие четырех человек. Не забывать, что во всякую минуту есть прибежище — жена.

Мне с Екатер(иною) Афнасьевною):

Против холодности вооружиться терпением. Отвечать молчанием, никогда грубостию. Вспоминать о Маше. Не противоречить в мнении. Искать прибежища в работе. Мысль, что мы вместе; что каждый день будет так.

Говорить искренно всё. Стараться занимать. Мысль, что она не может быть свободна, что это только временно. Довести ее до этого. Средства. Мысль, что ее надобно сделать искреннею. Средства. Мысль, что она Машина мать; для этого всё сносить. Воейкову наблюдать. Показать как можно более внимания ко мне. Саше быть свободною со мною насчет Маши.

Маше с Е(катериною) Афан(асьевною):

Быть как можно своб(однее) на мой счет. Расспр(осы). Говорить всегда просто свое мнение. Огорчения сносить легче. Мысль, что мы вместе. Переносить их в общ(ий) комитет.

М(аше) со мною:

Наша цель быть столько счастлив(ыми) вместе, сколько возможно. След(овательно) люб(ить). Пользоваться жизнью каждый особ(енно). Помогать друг другу быть лучшим. Мне всё хорошее для Маши; Маше для меня. Любить — значит теперь для нас иметь согласие в чувствах и мыслях; но помнить, что мы дали слово. С этим обещанием соглашать свои поступки. Отлич(ие) позволен(ного) от непозволен(ного). Позволенное — все ласки сестры и брата. Непозволенное — всё то, что нужно скрывать. Довольствоваться тем, что мы не разлучены; что мы уверены друг в друге. Не желать для настоящего ничего более. О будущем не заботиться и его стоить. Заниматься вместе с тою же целью, с какою бы и розно занимались. Стоить любви маменьки. Неприятности облегчать терпением. Мне надеяться на утеш(ение) Маши, Маше на мое. Быть сколько возможно своб(одным) при мам(еньке), остор(ожным) при других. Во дни непременно одну минуту вместе 4-м, дабы польз(оваться) сов(ершенною) своб(одою), но не одним. Это прин(ять) к исполн(ению). Доверенность. Жаловаться друг другу только друг на друга. Что ни делать, иметь в виду друг друга.

М(аше):

Читать. Замечать в книгах особ(енным) знаком те места, кот(орые) друзья. Выписывать самые лучшие места. Журнал соб(ственный). Места из Свящ(енного) Писания. Собственные мысли и замечания на других.

Мне:

Проза — всё писать такое, что было бы дост(ойно). Стихи — слава ей. Св. Писание — моя исповедь. Прививки⁴ — посв(ятить) ей. Журнал соб(ственный). Жить как пишешь. Искренность насчет дурного. Не быть пристрастн(ым) в журнале. Ревность. С маменькою насчет замужества. Об этом написать для себя и при случае отдать ей. Режим: взять у Фора⁵.

М(аше) с Воейк(овым):

Быть искреннею в ж(елании) ему счастья; готовою все сделать, что потр(ебует) минута. На этом чув(стве) осн(овываться) пост(оянно). В минуты бурные молчание. Зато в минуты тихие правда и ясность дружбы. Сия истинная дружеская искренность будет связью.

Воейк(ову) и Саше:

Как скажет любовь. Но вот советы дружбы: Воей(кову) не забывать о здоровье, след(овательно) горячность более всего. Вспыльчивость произвед(ет)

ист(ерик). У Воей(кова) пройдет, но след останется, и здоровье нач(нет) погиб(ать). След(овательно,) беречь Сашу, а с Е(катериною) Афан(асьевною): избегать случая сердить; гораздо легче уступ(ать,) нежели быть причиною расстр(ойства). Всё, что может с одной стороны стоить тяжелой жертвы, наперед от того отказаться. В ссорах друг с другом принимать посредников только меня и Машу. Посторонние чтоб и не видали. Всё прочее сами знаете. Саше обдумыв(ать) всё, что прин(адлежит) к знанию матери. Об этом вместе с Машею — глав(ное) занятие обеих, и я помощником. Чтение и опыт.

Образ жизни. Общие предметы хозяйств(енные), обед и ужин. Назнач(ить) людей. Не много. 1) Чтобы были довольны. Обд(умать) их нужды и удовл(етворять) с излиш(ком), чтобы иметь право более требов(ать). 2) Каждому письменно назначить должность и вне ее ничего не требовать. Чтоб он был порядочен, нужно самому подчиняться порядку. 3) Все вещи на записке. 4) Самим распредел(ить) себе долж(ности). Сделать общую смету всего расхода: на дом, отопление и освещение; на лошадей; на жал(ованье) и одежду людям; на свою одежду; чай, кофе и сахар; вино; на годов(ой) стол(овый) запас для себя и людей; на ежд(невный) расх(од) на людск(ую) пищу; на карманные деньги; на непредвиденное; на закупку нужных мебели для Дерпта. 5) *Должности.* Маше: Иметь на руках деньги. Вести приход и расход. Этому сделать образец и книги. Расх(од) и при(ход) вещам. Записка всего, что есть в доме. Приказ(ывать) кухню. Саше: Иметь на руках чай, сахар и кофе и ключи от всех комодов, чтобы знать, где что лежит, и чтобы ничто не лежало брошено в беспорядке или было забыто. Воейкову: лошади, овес, сено, дрова, люди (их одежда, пища, их должности). Жук(овскому): Смотр(еть) за чистотою в доме. Библиотека. Починки в доме. Ав(дотье) Мих(айловне): иметь на рук(ах) стол(овый) запас, вино, свечи. Выдав(ать) на кухню свечи, вино. Иметь на рук(ах) фарфор, и посуду, и серебро. Записывать дневн(ой) расход. Месячный Маше. Иметь на рук(ах) погреб, мыло. Стир(ка) белья. 6) Общая смета.

Занятия: общие и частные, семейств(енные), общеполезные. *Общие правила:* Чтобы не было во дни праздной минуты. Заниматься каждому с своею частною целью. Общая цель, чтобы день принес пользу или голове, или карману. Чтобы минуты отдыха были веселы. Чтобы была и для других польза.

Чтобы Екатер(ину) Аф(анасьевну) никогда не оставл(ять). Распределить так время, чтобы при ней. Чтобы были мину(ты), чтобы все вместе. Дневанье.

Занятия порознь. Занятия вместе. Порознь: занятия по должности, занятия для себя полезные. Занятия вместе: приятные, разговор.

Занятия порознь. По должно(сти). Каждому обдум(ать) свою цель. 1 должность — образовать самого себя. 2 долж(ность) — исполнять то, что прилично званию. 3 долж(ность) — непосредств(енная) польза для тех, кому она нужна.

1) Чтение выбранных книг. Писать для себя. Как читать и как писа(ть). Журнал.

2) *Звания:*

Саше, как матери: воспитание и понятие о том, что каждая мать должна науч(ать) детей: а) если сын, б) если дочь. Маше должность быть в этом ей помощницею.

Метода, как заниматься.

Мне и Воейкову: 1) Чтение. Журнал. 2) Авторство мне (назнач(ить)): кажд(ый) день прозы, кажд(ый) день в стих(ах). Вместе: Издание стихотв(орений) и проз(ы). Красоты Библии. Приготовл(ение) к лекциям. Лат(инский) язык и итальянский. Сообщ(ение) замеч(аний) на читанное и записки. Красоты слав(янского) языка. Журнал. Издание календаря. Издание ежег(одно) луч(ших) пиес в стих(ах) и прозе.

Воспитание. Составить пол(ный) корпус из чит(аемых) книг. Составить нач(альную) книжку для наставления.

Занятия вместе. Священное Писание. Чтение духовных писателей. Чтение своих сочинений и их разбор.

Выдумать способ, чтоб часы, проводимые вместе, не были скучны. Приготовл(ять) материю для разгов(оров). О том, что читал. Одн(им) словом, думать об этой минуте, ибо она есть отдых от деятельного дня, в который все должны быть веселы. Задавать вопросы, которые разреш(ать) словесно. Чтение замеченных мест. Рассказы, игры — чтобы прих(одили) как будто невзнач(ай). План кажд(ого) дня. Я и Воей(ков). Журнал нашей жизни; вести Маше. Каждому свой журнал и замечания за другими, так чтобы каждый знал мысли других о себе, и чтение друг другу.

Занятие полезное для других. Найти бедную семью. Каждому с своей стороны способствовать. Сделать расположение и следов(ать) ему. Но прежде всего, чтобы все вокруг нас было в порядке.

Прибавление

1) *Из моих тетр(адей) и писем*

М(аше) с мам(енькою): Беречь спок(ойствие) духа. Сказать себе, чего желать, чем довольствоваться, какие неизбежные огорчения, как их уменьшать, быть готовым к дурному, пользоваться всем хорошим. Положение маменьки с нами.

Жизнь вместе. Одна цель. Думать. Забота каждого о себе. Близко. Что возможно и что невозможно.

Новая связь, вместе. Стар(аться) достичь с мат(ушкою), даже и вопреки ей. Вместе сколько неприятностей с этою целию.

Ненад(обность) переписки. Замена чтения; журнал; выписки из книг.

Против ревности воспоминание всего прошедшего.

Tu me dois ton bonheur particulier*. Что мне надобно? Что ей надобно? О замужестве — обдумать и написать. 1) Режим. Смело приказ(ывать) по Форову предпис(анию). 2) Спокойствие духа. Довер(енность) взаим(ная). Не пит(ать) мысл(ей) унылых. Смотр(еть) на вещи просто. Не принима(ать) к сердцу. Упов(ать): все-таки мы вместе. О чтении.

О моем обещании. Разговор. Я не могу дать. По тех пор пока не б(рат?), пока не прист(роюсь?). Я не могу где-то жить. После моей смерти. Из сожаления. Счастья нет — оно в испол(нении) долга. Что М(аше) за(преще-но?). Я не знаю, что они сами были виною. Все для себя.

Шуба. Последние дни. Плач(евное) прощание.

Машины тетрадки. Мои тетрадки. Условие. Regime.

Для хар(актеристики) Воейк(ова) мои послания.

Для Е(катерины) Афанасьевны мое и ее письмо.

Характеры Воейкова, Ек(атерины) Аф(анасьевны), Саш(и), Маш(и), Ав(дотьи) Петр(овны); мой, Плещ(еева), Ан(ны) Ив(ановны).

Сочинения: Владим(ир)⁶, Вост(очный) Пев(ец)⁷, Maison de ch(amps)⁸, баллады⁹, Посл(ание) к Госуд(арю)¹⁰, Привет(ственное) посл(ание)¹¹, Оберон¹², Филоктер¹³, Art poétique¹⁴, Eloïsa to Abel(ard)¹⁵, Der Mönch und die Nonne¹⁶. Лекции. Журнал. Энеида¹⁷. Письма о воспит(ании) и нравствен-ности. Журнал. Жизнь и сочинения Муравьева¹⁸. Роман. Анти-Кандид¹⁹. Прививки.

Скрытые статьи. Мне с Воейковым. Мне с Машею.

Вообще

Наша цель: *общее счастье*. Думая о себе, думать о других. Свое особен-ное все приноравлять к общему. Не желать и не делать ничего, что бы про-тивно было счастью кого-нибудь из нас в особенности, следовательно, об-щему. Делать все то только, что бы к нему способствовало.

В чем состоит это *общее счастье*? В семейственном спокойствии: то есть, чтобы у нас в семье все было весело, чтобы в ней была полезная деятель-ность, чтобы не было недостатка ни в чем необходимом.

1) Чтобы быть *веселым*, надобно быть: довольным своим положением, довольным другими, довольным собою.

NB Средства на это легкие, самые простые и все от нас зависят. Чтобы составить наше счастье, нам не надобно ходить в даль за способами: они все у нас под руками; только хотеть и не отделять себя от других, — а соглашать свои понятия об нем с понятиями своих товарищей.

а) Для того, чтобы быть довольным положением своим, надобно: Не же-лать перемены. Пользоваться тем, что есть. Боязнию будущего не портить настоящего. *Думать*, что нет блаженнее состояния, как семейственного кру-га, в котором все добрые, верят друг другу, заботятся друг о друге, порознь трудятся, вместе отдыхают посреди искренности и не допускают в свой круг

* Ты мне обязана своим счастьем (*фр.*).

никаких огорчений, которые бы отвратить было им возможно. Быть уверенным, что это положение наше и что от нас зависит его сохранить.

б) Чтобы быть довольным собою, надобно: Поставить за правило не только поступком, но и намерением не нарушать общего покоя. Соображаться в мыслях и желаниях с этою общею целью. Исполнять это сколько возможно на деле. Тогда скажешь самому себе с удовольствием, что ты достоин занимать свое место в милой семье.

с) *Чтоб быть довольным другими*: Иметь к ним полную уверенность. Маленькие неудовольствия сносить спокойно или не привязываться ни к чему мелкому. Быть откровенным и требовать откровенности. Не беречь ничего на сердце. Никогда не забывать мысли, что живешь между твоими товарищами, с которыми счастьем связано и твое. Не проводить ночи в сомнениях и досаде, чтобы утро нашло тебя таким, каким быть должен, то есть с легким сердцем, не имеющим ничего против своих друзей, полным прежней ничем не помраченной к ним любви.

Чтобы другие были нами довольны: Иметь к ним уверенность. Что на сердце, то на языке. Не отделять себя от них, не полагать своего желания за общее правило, но общее своим желанием. Не требовать только от них, но и самому всё для них делать. Думать не об одних только их обязанностях в отношении к себе, но и своих в отношении к ним. Одним словом, соглашать свое с общим. Полную свободу мнений. Смотреть за ними более, нежели за собою, а смотрение за собою поверить им и замеченного не беречь на сердце, а говорить прямо. Мысль о усовершенствовании других.

Всему *прошедшему* полное забвение, и кто имеет себя в чем упрекать, тот имей в голове только мысль: *будущим* загладить прошедшее, и чтобы каждый день это исполнялось на деле — думать, что мы только что пускаемся вместе в дорогу за счастьем, и взять нужный для этого запас.

Всё это необходимо для того, чтобы нам всем порознь и вместе было *весело*. А это веселье, успокоивающее душу, необходимо для того, чтобы мы каждый могли с успехом заниматься своим особенным делом, чтобы наш отдых от дела был прямо отдых, то есть ощущение себя в кругу милых товарищей, где всё твое, где нет заботы, где перестаешь думать о прошедшем и будущем, где доволен и собою, и другими. Такое только веселье, такая только деятельность составляют счастье. Не иметь его в кругу *добрых* значит не хотеть его иметь. Оно наше, если только сами не будем его разрушителями.

2) *За весельем — деятельность*, — не та, которая служит прибежищем и спасителем от горя, которая редко от него спасает и вместе с таким худым товарищем и половинного успеха иметь не может, но деятельность веселых в семейственном кругу счастливых, то есть наша.

а) Главное правило, чтобы ни один день не прошел даром, не прибавив нам добра, чтобы он не исчез из жизни. Только из таких дней составленная жизнь может назваться жизнью. Из дней ничтожных составленная есть ничтожество. Какой же запас принесешь в ту жизнь? Готовить этот запас

наша обязанность; помогать друг другу готовить — другая, а помогать нечем другим, как счастливя друг друга, чтобы это счастье служило вместо вдохновения. Беда, если горе уничтожит деятельность ежедневную, следовательно, всей жизни, и если это разрушит горе от милых людей.

b) Иметь каждому особенную цель и чтобы к этой цели всякой день особенно приближал.

c) Иметь след(овательно) свое особенное занятие, относительное к особенной своей цели.

d) И эта цель может быть двоякая: или особенная обязанность по своему званию, или обязанность общая для всех, нравственное свое усовершенствование.

Этим занятиям посвятить свои особенные часы, часы, собственно каждому принадлежащие. Употребить их так, чтобы после, отдыхая с друзьями, можно было дать им приятный для них и для себя отчет.

e) Такого же рода занятия могут быть и вместе — для всех одно.

f) Наконец, занятие непосредственно полезное для других, которые не принадлежат к нашей семье, должно входить в план нашего счастья. Я говорю о благодеянии. Какое оно быть должно, вперед нельзя сказать, — но, если можно, чтоб каждый день был замечен добрым делом, по чувству ли сделанным или по обязанности — нет нужды: или причины, или действия все будет хорошие. Но это должно быть семейственною тайною.

〈ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ〉

*Июнь*²⁰

Мой друг утешительный!
Тогда лишь покинь меня,
Когда из души моей
Луч жизни сокроется!
Тогда лишь простишь со мной!
Источник великого,
И веры и радости,
И в сердце невинности;
Мне силу и мужество,
И твердость дающая,
Мой ангел — спутница,
И в жизни и в вечности!

21 июня. Понедельник. Я возвращаю тебе Май²¹, пустой совершенно. Что было в него записывать? Нужно ли было выражать для моего друга такое состояние души, которое было ее недостойно. Пустота в сердце, непривязанность к жизни, чувство усталости — вот всё. Можно ли было об этом писать.

Рука не могла взяться за перо. Словом, такая жизнь была смерть заживо. И самое живое и приятное желание и надежда мои были в это время на смерть! Друг мой! прости меня! теперь о смерти не могу подумать без самого нежнейшего о тебе сожаления. Как желать ее, когда ты на свете! Как предпочесть свое спокойствие твоему! Маша, милая моя спутница, моя истинная благодетельница, заплачу ли за все те чувства, которые ты в меня поселила, презрением к жизни, к самому себе, низостью, отчаянием! Нет! я должен любить тебя иначе! Я должен жить для тебя — кто мне запретит это! Быть счастливыми, т. е. дойти до своей цели, зависит не от нас; но быть достойным счастья, идти к прекрасной цели — о! это наше! наше навеки! Как живо чувствую в эту минуту всю высоту жизни, посвященной добру и тебе! Не знаю, как пробудилось во мне это чувство, — но это сделалось вдруг. По моему письму к М(арье) Ник(олаевне)²², то есть по его началу, ты могла судить, что я взялся за перо совсем в другом расположении: и мысли, и чувства были черные. Вдруг как будто свет озарил мое сердце и взгляд на жизнь совсем переменялся. Ангел утешитель! ведь ты на свете и ты моя.

Я остановился на этом месте и пошел в залу искать платка — ты подала мне изломанное кольцо. Как кстати, какой прекрасный знак! Друг мой, оно дано тебе *не мною*. Возьми *мое*. Пускай оно означает совершенную перемену моих чувств к тебе на лучшее, возвышеннейшее чувство самой чистой, неизменной привязанности; в ней истинная моя жизнь; она будет для меня источником верного счастья, добра, надежды, религии и наконец получит награду от того, кто будет *видеть* жизнь мою, кто соединил нас и освятит наш союз. В знак *того же* дай и ты мне кольцо *от себя*. Обручимся во имя Бога на добродетель, на хорошую жизнь, которая пройдет если не вместе, то по крайней мере *одинаково* и для *одного*. Милой друг, уверяю тебя, что ты мне теперь еще милее, еще святее и необходимее прежнего. Я в последний месяц слишком испытал, что без тебя, без ободрительного о тебе воспоминания, без чистой к тебе привязанности я ничто. Мы не можем быть вместе. Но одна кровля, одно небо — разве не одно и то же! Главное — *наше сердце* — кто его переменит? Мы могли бы жить вместе, если бы нам дана была полная уверенность, полная свобода любить друг друга и показывать друг другу без принуждения самую чистую привязанность! Мы бы были счастливы вместе и сохранили бы свое счастье непорочным. Но ожидать такой уверенности невозможно. Захочешь ли, чтобы я был только терпимым в твоей семье, без уважения, без дружбы; чтобы я всякую минуту чувствовал недостаток счастья; завидовал тем, кто пользуются бесценно правом делить все с тобою, и свои чувства таил бы как какое преступление. Вдали от тебя я более с тобою. Здесь всё для меня отравлено. Когда я один, то думаю только о том, как бы быть с тобою, и ничто другое не входит в голову; когда с тобою, то сердце рвется и самая твердость исчезает, — поневоле ропот, досада на жизнь, унылость во мне поселяются. Такая жизнь тебя недостойна. Когда я с тобою простился, то в первые дни или, лучше сказать,

во весь первый месяц я был как мертвый — нестерпимая холодность ко всему давила мое сердце. — О! смерть несравненно лучше такого ощутительного ничтожества. В душе моей было одно только чувство разлуки. Всему конец, нечего искать в жизни, — вот что я думал и более ниче(го) не мог думать! Но это переменилось! Я нашел верное для себя убежище — ангел мой! хранительница моего сердца! самое лучшее украшение моей жизни! Ты мое убежище! Как могла ты сказать в своем последнем бесценном письме: *я даже желаю, чтобы ты меня любил менее*. Это желание убийственное; нет! нет! Желаю, чтобы моя к тебе любовь усиливалась если можно беспрестанно! В ней *всё* для меня! Она заключает для меня всю мою силу и деятельность в *настоящем*; ею может быть для меня прекрасно и *будущее*! С нею могу воображать *вечность*! Она даст мне пример — религию. С нею я богач — без нее был бы самый жалкий, отверженный нищий. Скажу тебе то же, что я писал к Марье Николаевне: для нас осталось теперь одно: *твердая вера друг в друга*! Разве, расставшись, мы друг для друга погибли! Разве нет у нас одной общей надежды; одного верного защитника! Разве цель, к которой он нас ведет, не прекрасная! Он только говорит нам: *идите!* Ужели откажемся от проводника доброго? Разве можем требовать награды прежде заслуги? Разве брошены мы в эту жизнь как в пустыню, в которой ужасы собраны только для того, чтобы ужасать! Нет! это опыт! Из него надобно выйти невредимо и достойным награды! Вера в тебя будет моею твердостью! А ты верь мне и будь спокойна! Тот, кому дорого наше прямое счастье, сделает всё за нас и лучше, нежели мы сами. Неуспех употребленных нами усилий доказывает нам только то, что мы *ничего* не можем, итак, оставим всё на волю тому, кто *всё* может. А мы будем ждать, каждый в своем углу, *розно*, чтоб после благодарить *вместе*. «Где бы я ни был (это выписываю из письма моего к М(арье) Н(иколавне)), всё ты будешь в душе моей, лучшею моею надеждою, верным моим счастьем. Будем в настоящем относить всё к этой надежде, а о будущем перестанем и заботиться. Станем *порознь* употреблять это *настоящее* самым лучшим образом, имея в виду то *счастливое вместе*, которое когда-нибудь придет. *Знай и верь*, что я живу для тебя. Разве место и время переменят чувства. С такою целью могу любить жизнь! Где бы я ни был, везде буду помнить, что я принадлежу тебе. Итак везде и всегда надобно быть тебя достойным. Если дашь мне слово (и сохранишь его) быть спокойною и беречь себя для лучшего времени, то я даю слово (и сохраню), что буду пользоваться сколько можно своею жизнью, буду думать о себе как о твоей свято неотъемлемой собственности. Как не уважать жизнь, когда она *твоя*! Как не желать ее сделать тебя достойною!» Разве мысли быть тобою любимым не довольно на целую жизнь! Такое счастье подвержено ли перемене судьбы? Случай может ли им владычествовать! Нет! нет! верить Провидению! верить друг другу! всегда и везде быть достойными друг друга — вот всё! Остальное не может быть дурно! Дай же мне руку! будь мне примером! товарищем! ангелом-хранителем!

Милой друг, расставаясь с тобою — я много теряю! Боже мой! не видаться! Но знаешь ли, что мы выигрываем? Свободу любить друг друга! Мы заплатили за нее своим пожертвованием! Теперь любовь верная и чистая *наша* и никто не может на нее иметь права. Маменька могла бы дать нам полное счастье — о! с таким счастьем ничто не сравнится! — Но теперь она уже ничего у нас отнять не может. Без этого полного счастья нам нельзя быть вместе. *Без доверенности, но вместе* — мы бы опять были рабами, принуждены бы были таиться и притворствоваться, — *розно* мы свободны, и наша любовь принадлежит нам по праву. Я никогда и нигде не буду *одиноким* с моею к тебе привязанностию, с моею верою в твое сердце! Я буду богат мыслию, что ты моя и что всякое мое чувство, всякая мысль, всякой поступок мой будут освещены воспоминанием о том, что мне всего дороже, — разве это не жизнь? Кто такой союз разрушит? Кто имеет право его осуждать? Наша жертва сделана! Теперь мы выше всех, кто так равнодушно располагает нашею судьбою; мы спокойно можем скрыть себя в глубину сердца и в нем находить свое счастье, в нем заключить веру друг в друга, не зависящую ни от кого, и веру в Провидение, которая нас приведет ко всему и все заменит, что дурно, добрым. *Розно* — мы не зависимы ни от кого, ни от чего. *Вместе* — нас только бы оскорбляли и сохранили бы еще некоторое право и на то, что у нас в сердце. Нет! мой ангел! для меня довольно одной моей к тебе привязанности на целую жизнь! *Одно* чувство распространит на нее самый прекрасный свет, который ничем не помрачится. Я буду, буду дорожить жизнью.

Признаюсь тебе, с тех пор как сюда возвратился, — я несколько колебался в этих мыслях. Видя тебя снова, чувствую всё то жестокое горе разлуки, которое стесняло мою душу, — вижу одно только то счастье, которого я лишен, и забываю о том, которое мне осталось. Видеть тебя перед собою и иметь одно только воспоминание о тебе — какая разница! Но я и не хочу сражаться с этим чувством: пускай оно меня мучит! Теперь последнее время — оно бесценно при всех страданиях! Но даю тебе слово, что убийственная безнадежность ко мне уже не возвратится. Нет! друг милой! Я знаю, где и в чем искать счастье. По крайней мере теперь я с одной стороны спокойнее, — я ничего не жду от маменьки; я поставил себя выше несправедливости и пренебрежения и доволен мыслию, что она уже у меня ничего отнять не может. — Прошу от тебя только одного: — будь мне примером и верным товарищем в этой твердости, в этой взаимной доверенности; ищи такого же спокойствия в самой себе. О, если бы я мог быть уверен в твоём спокойствии! Какую бы твердость это мне дало на целую жизнь!

Я сделал себе правило, которое одно мне на *целую жизнь* послужить может. При всяком чувстве, при всякой мысли, при всяком намерении буду у себя спрашивать: *достойны ли они моей Маши? Можно ли их ей открыть? Будет ли и должна ли она в них участвовать?* Милой мой ангел, разве этого не довольно, чтобы не только не испортиться, но еще и сделаться лучшим?

Скажу несколько слов о своем плане жизни. Для меня теперь одно — занятие. И это занятие будет тройное: *Читать* — собирать хорошие мысли и

чувства; *писать* — для славы и пользы; *делать* всё то добро, которое будет в моей власти. Милой ангел, еще жить можно! Хорошо мыслить и чувствовать не есть ли быть всегда с моею Машею, становиться для нее лучшим. О! я это часто, часто испытывал: при всякой высокой мысли, при всяком хорошем чувстве воспоминание о тебе оживляется в моем сердце! я становлюсь как будто с тобою знакомее и дружнее. Где же разлука? Разве не от меня зависит всегда быть с тобою вместе? *Слава* имеет теперь для меня необыкновенную и особенную прелесть — какой может быть не имела прежде. Ты будешь обо мне слышать! Честь моего имени, купленная ценою чистою, будет принадлежать тебе! Ты будешь радоваться ею, и обещаю возвысить свое имя. Эта надежда меня радует. Приобрести общее уважение для меня теперь дорого. О! как мне сладко думать, что сердце твое будет трогаться тем уважением, которое будут мне показывать. Или его не будет, или оно будет справедливое, достойное тебя, мой друг бесценный и единственный. — Быть *добрым на деле* значит для меня любить мою Машу. Я мало, слишком мало добра сделал. Теперь много имею быть причины сделаться добрее. Всякое доброе дело будет новою с тобою связью. О! если бы только это не осталось одним намерением! Боюсь своей лени, — а здесь нужна деятельность! Но ты со мною! Буду вырабатывать деньги! Часть себе, — а все, что не будет *необходимым*, — другим. Но и пожертвование даже будет весело. Какой прелестный у меня свидетель! Милой друг! проси Бога, чтобы он благословил меня на такую жизнь, и сама дай мне благословение любви, верности и товарищества. Всё доброе, что мы сделаем, будет для нас *заслугою* для счастья в глазах Провидения. Но мы будем только верить этой награде, — а действовать и без награды, только не желай, чтобы *любовь моя к тебе уменьшилась*. Нет! пускай она час от часу усиливается: в ней все мои сокровища.

Думаю, что буду жить в Мишенском, — то есть Мишенское будет главным местом моего пребывания — (впрочем, увидим). — Желал бы лучше в Долбине. Дуняша всех лучше умеет тебя любить²³, всех лучше тебя понимает, и с нею всегда говорим об тебе *одним языком*, но у нее нет места. — Уединение для меня лекарство. Я всегда лучше с собою, когда один; душа утихает; мысли приходят в порядок, и *лучшее* всё подымается вверх. Для меня рассеяние не только не нужно, но и вредно. От чего мне рассеиваться? Неужели желать забыть? Забыть всё мне милое, всё лучшее! — Нет! моя к тебе любовь не может быть моим губителем! Теперь более нежели когда-нибудь знаю, сколько она нужна моему сердцу! Как бы то ни было, буду *здесь, с ними*, как можно уединеннее; порядок и занятие — этого в рассеянной жизни найти не можно. Рассеяние если не отвлечет меня сердцем от моей милой цели, то по крайней мере будет препятствием стремиться к ней на деле. Думаю, однако, что изредка буду заглядывать и в Москву. Сарепта же была безумная мысль²⁴, произведенная первым волнением. Нет, милая, совершенно уединиться невозможно — но лучшие минуты мои будут для меня со мною. Часть времени буду проводить в Черни. Одним словом, буду кружиться на своей

родине. Но, Боже мой! то место, где я считал иметь всё, мой рай земной, будет уже для меня пусто или заперто. Но зачем этим себя мучить? Мой рай твое сердце — оно никогда не будет для меня закрыто. Как, однако, вдруг одна мысль всё помрачит и надобно пройти несколько времени, чтобы душа опять пришла в порядок. Какое горькое сиротство в этом слове — *быть розно с тобою*. Но разве я думаю теперь о счастии? Его нет! Нам надобно думать только о вере в счастье! Оно будет наше, когда мы будем счастья достойны. Мы еще много сокровища сберегли от бури! Но смею ли сказать, что мы сберегли лучшее! О! это слово: *розно*! Как оно раздирает душу! Другие будут иметь право заботиться о твоём счастии! А я буду для тебя чужой? Нет! не чужой! Они будут только иметь наружность права, а настоящее, данное твоим сердцем, принадлежит мне! В своем уголке буду думать, верить, утешаться мыслю, что я *живу для твоего счастья*! что мое право никому не будет уступлено. Это жестокое *розно* можно украсить; всё, всё употреблю на то, чтобы оно не было так убийственно. *Думать, чувствовать, делать, писать* — всё для тебя! О! если бы только иметь довольно твердости — но моя твердость зависит от твоей. Будь моим утешителем, хранителем, спутником жизни!

Ты говоришь о поездке в Петербург — если можно будет согласить уединение и занятие с петербургскою жизнью, то я поеду. Но ты напрасно желаешь, чтобы я вошел в службу — служба ничего мне не доставит! Все могу сделать пером — а для пера нужны уединение и свобода. Одно только может меня на это подвигнуть: — петербургская жизнь нас сблизит! Но что же пользы, если только сблизит, а не соединит; а между тем бросит меня совсем не в тот круг действий, в котором я могу что-нибудь хорошее сделать. Впрочем обо всем посоветуюсь с Тургеневым²⁵. Он укажет мне настоящую дорогу. Ты пишешь: *нельзя, чтобы маменька не захотела тебя увидеть*. Ангел мой! мне ужасно быть у вас гостем! Увидеться для того, чтобы расстаться, — какое мучение! Быть подле вас и не с вами, — как это тяжело! О! тогда нет ни покоя, ни твердости. Душевное волнение не дает места никакой доброй мысли укорениться; чувствуешь одно бремя жизни и желаешь только его сбросить. Здесь я буду по крайней мере без забот и не зависим. — Всем бы этим я пожертвовал, когда бы мог видеть, что петербургская жизнь приведет к чему-нибудь счастливому. Но еще раз повторяю — наше счастье зависит теперь единственно от Провидения! вверим ему отеческую об нем заботу. На *наши* средства полагаться нечего. Моя последняя надежда была на Воейкова. Милой друг, эта надежда пустая. Он не имеет довольно постоянства, чтобы держаться одной и той же мысли. Я боюсь быть к нему несправедливым — но кажется мне, что пылкость его и рвение более на словах и он слишком переменчив для приведения чего-нибудь к концу. Я не сомневаюсь в его дружбе, но теперешний язык его и со мною не похож на *прежний*. Он прежде говорил так часто о *нашей жизни вместе*; теперь об этом нет и в помине. Il s'est trop vite resigné pour moi*.

* На мой взгляд, он слишком быстро смирился (*фр.*).

Мы с ним живем под одною кровлею и как будто не знаем друг друга, а нам жить вместе не долго. Одним словом, лучше не ждать ничего и ни от кого, а верить тому, кто не обманывает и не переменяется. О, мой милой друг! Ему поручаю твою судьбу и твое будущее и в этом всё мое — ты моя единственная цель в этом свете. Пропади твое счастье, и я не подорожу жизнью! Тогда будет приятно с нею расстаться, и слово «смерть» опять получит для меня свою прелесть. Теперь жизнь моя освящена тобою, и я буду любить ее, как твою принадлежность.

Теперь план моей жизни тебе известен — благослови нас Бог! Я уверен, что ты одинаково со мною думаешь и о себе. Я желал бы, чтобы ты более занималась и таким, что бы питало твою душу. Я желал бы, чтобы ты сколько можно более читала. План чтения у тебя есть. Форово предписание также. Неужели без меня не будешь о себе заботиться так же, как и при мне? Вот что тебе скажу: в первые дни после моего от вас отъезда мне приходило желание сделать что-нибудь такое, что бы совсем расстроило здоровье, что бы дало болезнь, и если можно смертельную, — прости меня за такую мысль, но знаешь ли, что меня останавливало всякой раз? — *сожаление* о тебе, а теперь и самая мысль о смерти возбуждает это сожаление — ангел мой! имей такое же ко мне сожаление! Береги себя! Не убей моей жизни! Я желал бы, чтобы ты не бросала и своих *feuilles volantes**. Записывай дни свои, мысли и то, что хорошего заметишь в книгах — я то же буду делать и с своей стороны. Когда-нибудь разменяемся.

Участие Алек(сандра) Павл(овича)²⁶ в нас сильно меня тронуло. Какое доброе сердце! Но эта доброта не одно преходящее чувство, — нет, она выше! Она дает его душе сожаление и побуждает ее *действовать* для облегчения или утешения! Это прямая, но редкая доброта. Дружба такого человека бесценна: я готов его любить как брата — и знаешь ли, что меня радует? То, что он познакомился с Тургеневым²⁷ и они вместе — два добрых, благородных сердца — будут о нас заботиться. Я с ним переговорю о Петербурге. Если можно будет всё согласить, то он с Тургеневым всё устроит. — Такая привязанность *к нам* милых, прекрасных людей не есть ли большое утешение? О мой ангел! сколько людей тебе желают счастья!

Авдотья Никол(аевна) придет²⁸, и придет с уроками и увещаниями. Друг милой, не старайся ее убеждать; скажи ей просто, что она разрушила прямое счастье; но скажи один раз и не давай ей никакой доверенности; отклоняй даже и разговор, если она захочет с тобою обо мне говорить. Всё решено. От нее же утешения не нужно.

Я буду писать к маменьке, — но только тогда, когда с нею расстанусь. Я никакой надежды не полагаю на свое письмо, — но сказать ей всё необходимо. Ее мнение обо мне несправедливое и унижительное, — это надобно ей доказать. Более ничего и не желаю. Я не хочу, чтобы она считала, что я признаю себя виноватым, что принимаю изгнание из ее дома с покорностью

* Вырванные листки (*фр.*).

раскаяния. Нет, такое мнение о себе ей оставить мне невозможно. Теперь она ко мне ласкова. Я этого не приму за дружбу. И вера к ее ласке совсем исчезла в моей душе. Но я благодарен ей и за добрую наружность. Теперь вижу в ней одну твою мать, и это имя для меня свято. Почтение, неожиданное ничего и терпение — вот всё. Письмо мое будет просто. Отъезд мой не будет разрывом. Наружность связи будет сохранена.

Прилагаю при этом письмо М(арьи) Ник(олаевны). Ответ на то, которое я к ней написал, и еще письмо Дуняши, после него написанное. Милые люди! Какое усаждение для нас их дружба и участие! Они ничего не заменят для меня, — но они будут знать мою цель! Они будут понимать мои чувства! С ними легче и бодрее буду идти к этой цели. — Милой ангел! сердце разрывается, когда подумаю, что ты не будешь иметь их с собою. О! для меня было бы легче, когда бы можно было отдать тебе все свои отрады! И тогда бы я не был одиноким! Нет! нет! прочь мысль об одиночестве! Моя цель прекрасная! Мой милой спутник в одном свете со мною: мы мыслим, чувствуем и живем одинаково и для одного! Боже! благодарю тебя!

Прилагаю при этом и *весь пустой май*. Прошу тебя всё это в него переписать. От слова до слова, и прибавить свой ответ. Эта книжка будет моим законом. А то, что ты мне напишешь, перепишу для тебя. Даю тебе слово, что вся моя жизнь будет посвящена исполнению этих добрых намерений или (чтобы кончить одною чертою) *любви к тебе*.

Воспоминание, святая, утешительная мысль о моем друге — пусть будет оно хранителем моего сердца. Где бы я ни был, этот ангел меня не покинет. С ним моя жизнь не может быть пустою, ничтожною жизнью. Нет, она будет *доброю* жизнью. Я чувствую в душе своей какое-то стремительное влечение к добру; чувствую за себя и за тебя высокую твердость, которая говорит мне: *вы ни от чего теперь не зависимы. Ни судьба, ни люди не истребят того, что вы имеете! а лучшее впереди! Там Бог! Он вас видит, и вы в любви его неразлучны! Непкогда будете сами это чувствовать. А теперь только верьте и будьте выше своего жребия.*

Lass mich

Aus dem geliebten Mund was meine Seele hasset
Nie wieder hören! Klage dich
Nicht selber an, nicht Den, der was uns drücket
Uns nur zur Prüfung, nicht zur Strafe zugeschicket!
Er prüft nur, die Er liebt, und liebet väterlich!

.....

Mir sagts mein Herz, ich glaubs, und fühle was ich glaube.
Die Hand, die uns durch dieses Dunkel führt,
Laßt uns dem Elend nicht zum Raube.
Und wenn die Hoffnung auch den Ankergrund verliert,
So lass uns fest an diesem, Glauben halten:
Ein einziger Augenblick kann Alles umgestalten.

Doch lass das ärgste sein! Sie ziehe ganz sich ab,
Die Wunderhand, die uns bisher umgab;
Lass sein das Jahr um Jahr sich ohne Hülf erneue,
Fern sei es das mich je, was ich gethan, gereue!
Und läge noch die freie Wahl von mir,
Mit frohem Muth ins Elend folgt'ich dir!
Mir kostet's nichts von allem mich zu scheiden
Was ich besass; mein Herz und deine Lieb' ersetzt
Mir alles; und so tief das Glück herab mich setzt,
Bleibst du mir nur, so werd' ich keine neiden
Die sich durch Gold und Purpur glücklich schätzt,
Nur, dass *du leidest*, ist mein wahres Leiden!
Ein trüber Blick, einstach, das dir entfährt,
Ist was mit tausend Färb die eigne Noth erschwert.
Sprich nicht von dem was ich für dich gegeben,
Für dich gethan! Ich that was mir mein Herz gebot,
That's für mich selbst, der zehenfache Tod
Nicht bitterer ist als ohne dich zu leben.
Was unser Schicksal ist, hilft deine Liebe *mir*,
Hilft meine Liebe *dir* ertragen;
So schwer es sei, so unerträglich — hier
Ist meine Hand — ich wills mit Freuden tragen*²⁹.

На твое письмо завтра буду отвечать.

* Не заставляй меня // Никогда больше слышать из любимых уст то, // Что ненавидит моя душа! Не обвиняй // Ни себя, ни Того, который посылает нам страдание // Лишь как испытание, а не как наказание; // Он только испытывает тех, кого отечески любит! // (...) // Мне говорит это мое сердце, я верю и чувствую то, во что верю. // Рука, ведущая нас сквозь этот мрак, // Не отдаст нас в добычу отчаянью. // И даже если надежда потеряет почву, // Мы будем крепко держаться за якорь веры: // Одно единственное мгновение может всё преобразить. // Пусть будет худшее! Пусть совсем нас покинет // Чудотворная рука, доселе хранившая нас; // Пусть год идет за годом, не принося облегчения, // Я не раскаиваюсь в том, что я сделал! // И если бы у меня был свободный выбор, // Я радостно сопровождал бы тебя и в нужде! // Мне ничего не стоит от всего отказаться, // Чем я обладал; мое сердце и твоя любовь // Заменят мне все; и как бы глубоко ни низвергла меня судьба, // Если только ты мне останешься, я не позавидую никому, // Кто считает себя счастливым в золоте и пурпуре; // Лишь то, чем *ты страдаешь* — для меня истинное страдание! // Мрачный взгляд, упрек, вырывающиеся у тебя, // Тысячекратно утяжеляют мое страдание. // Не говори о том, что я дал тебе, // Что я для тебя сделал! Я делал то, что требовало мое сердце. // И делал для тебя, десятикратная смерть // Не горше жизни без тебя. // То, что будет нашей судьбой, поможет *мне* // Вынести твоя любовь, а *тебе* — моя; // Как бы тяжело ни было, как бы невыносимо — // Вот моя рука; я понесу бремя судьбы с радостью (нем.).

Июль

Мой милой друг! Нам рок велит разлуку!
Дни, месяцы, и годы пролетят —
Вотще к тебе простру от сердца руку!
Ни голос твой, ни взор меня не усладят!
Но и в дали моя душа с твоей согласна!
Любовь ни времени, ни месту не подвластна!
Всегда, всегда ты мой хранитель-ангел будь!
Меня, мой друг, не позабудь!¹³⁰

Июня 28. Я еду по вашим следам. Остановился в Куликовке, в 17 верстах от Орла, там где вы ночевали в последний раз, возвращаясь с ярмарки. Сажу на том месте, где ты сидела, мой милой друг, и *воображал* тебя. Хозяйка мне рассказывала об вас, и я уверил ее, что я *жених*, но что невеста моя не младшая, а старшая дочь той госпожи, которая у нее останавливалась. Ночевать буду в Разбегаевке, на вашем же ночлеге; а завтра обедавать в Губкине у Крылова и поклонюсь тому гробу, который вы сами сделали. —

Ты видела меня грустным, друг милой, в последние дни, — может ли быть иначе? Во всяком положении, где бы я ни был, грусть более или менее будет в моем сердце, — она будет его обыкновенным состоянием. Могу ли когда-нибудь не чувствовать, что я лучшего не имею в жизни и иметь не буду? Но как же расстаться с нею, с этой грустью? Она есть для меня воспоминание; — счастья истинного, настоящего никогда для меня не будет, и я не могу даже его искать. В чем можно найти его? Но верь мне! убийственная безнадежность никогда ко мне не возвратится. Тем, что осталось для меня в жизни, буду стараться воспользоваться, и так, чтобы не был недостойным тебя. Теперь должно переменить понятие о жизни. Вчера подъезжая к Мезени — я смотрел на рощу, которая растет близ дороги; погода была тихая, и роща была покрыта прекрасным сиянием заходящего солнца. Чувство во мне было приятное, но с этою приятностию соединено было уныние, которое всегда чувствую, когда что-нибудь подобное мне представится. Я очень понимаю это чувство. Прежде (но давно уже) с приятным впечатлением соединялась всегда веселая надежда на будущее, надежда неизвестная, но еще не обманутая и потому веселая. Теперь при каждом таком впечатлении недостает веселой надежды и сердце стесняется. Будущее известно. Ждать того, что составляет лучшее в жизни, нечего... Для чего это пишу? Чтобы сказать тебе то, что я в эту минуту подумал. Мысль обыкновенная, слишком обыкновенная. Но в эту минуту она показалась мне разительно-новою. От чего это? От того, что прежде она была просто мыслию, а теперь есть опыт; тогда убеждал в ее справедливости один ум, а теперь она представилась как необходимость, как прибежище: — *Ограничить себя настоящим.*

Будь настоящее наш утешительный Гений³¹.

Милой друг, настоящее принадлежит нам. Если надежда на будущее пропала, то будем сколько возможно стараться пользоваться настоящим минутою и соберем *вокруг себя всё то*, что у нас есть, — предоставив *всё будущее без всякой заботы* попечению Промысла. В настоящем мы принадлежим друг другу и настоящим должны жить друг для друга. Будем, смотря на прекрасный вечер, наслаждаться им и не давать воли сердцу сжиматься при мысли о будущем. *То, что есть*, на то устремлять *всё* внимание и не давать никакой посторонней мысли его расстраивать. В том маленьком кружке, в котором суждено мне действовать, может найтись *доброе* занятие для каждой минуты. А я имею свидетеля, верного и неразлучного со мною. Любви к этому другу достанет на всю жизнь.

Но всё это одно прибежище. Я уцепился за него, как утопающий за доску. Лучшего в жизни, семейственного счастья, единственного, которого мог я желать, я иметь не буду — грусть об его потере всегда останется на дне сердца. Не должно только давать ей власти — чтобы она не отравляла того, что мне осталось. Жизнь моя должна быть тебя достойна — в этом главная теперь моя обязанность. —

Но пользоваться настоящим, — эта мысль еще не имеет для меня полной ясности. Это одно только темное намерение. Во мне два человека. Один — *вседневный*, то есть по привычке недеятельный, следующий своим склонностям, со всеми недостатками; другой — *совершенный*, то есть в иные минуты готовый на всё прекрасное, имеющий высокие мысли и желания. Этого *совершенного* я вижу часто как будто во сне, и он точно как сон пропадает, оставая по себе одно легкое воспоминание. Надобно непременно взять, как говорится, *этот сон в руку*. Не надобно быть хорошим во сне; надобно *совершенное* сделать *вседневым*. Совершенное: какое гордое слово... но, друг милой! если предположить себе цель, то уже должно, чтобы эта цель была самая высокая. — Например, кстати или некстати, скажу то, что пришло мне в голову об *удовольствии*: много такого называют удовольствием, что пленяет нас одну минуту и потом исчезает, не оставив по себе следа. Достойно ли такое удовольствие искания? Нет! одно *удовольствие с воспоминанием* есть прямая принадлежность души человеческой; одно воспоминание может дать ему цену. И только такие удовольствия могут *слиться в счастье*. Но для этого они должны быть *добры*. Об этом много бы можно было сказать; после чего-нибудь и напишу. Еще одна мысль: пока ничто в жизни не решилось, по тех пор мы живем *вне себя* — всё наше; от всего чего-то ждешь; когда же узнаешь, что такое жизнь, — то нужда велит заключить себя *в самом себе*, с тем, что лучшего сберег от судьбы своей. Еще счастлив, когда это прибежище возможно, когда сам для себя можешь быть приютом. Милой друг! я не буду один в этом приюте — мой лучший друг со мною! Ты!

Вот смешное замечание. В Орле остановился я ночевать на постоялом дворе. Там стоит княгиня Несвицкая с больною дочерью. Эта женщина

в разводе с мужем, которого я знал. Глупой и пустой человек. Но вот что смешно. С глупым мужем она не ужилась, а к глупому любовнику имела *нежную привязанность*... Чтобы сказать *всё* одним словом, этот Грандиссон³² был Ник(олай) Ив(анович) Вельяминов. Чтобы быть мужем — нужны добродетели; а любовника делает прелестным для многих женщин мысль, что — его можно оставить. Pardon, pour cette bêtise. Je ne devrais pas la faire entrer ici*. Но мне хочется с тобою болтать.

Пишу к тебе, сидя у дверей постоялого двора — деревня Сорочьи Кусты; в Разбегаевке от того не остановился, что завтра будет слишком велик переезд до Губкиной. Но я *видел* тот двор, в котором вы ночевали. Перед самыми окнами колодезь и мост. Признаю, жаль было его проехать. — Около меня бегают три забавных мальчика — здоровые и свежие, хозяйские дети. Я перекупил у них землянику, за которую они предлагали грош, а я дал пятак. Надобно было видеть их гордость, когда они торговались, и смирение, когда торг не состоялся; но я их утешил, разделив эту землянику между ними. Этот великодушный поступок произвел великое впечатление над детьми, собирательницами земляники. Явилось их ко мне с полдюжины — и у всех земляника была куплена и роздана ребятишкам, за исключением одного стакана, за этим транспортом явился новый — но я отказал. Вот все мои подвиги.

Вот еще мысль, самая верная дорога к цели есть *прямая*. Осторожность не есть хитрость. Но хитрить значит подвергать себя опасности быть открытым, необходимости поддерживать обман обманом, или себе изменить. Если цель хорошая, то чтобы к ней достигнуть, надобно и средства употреблять хорошие; — иначе дурные средства и самую цель обезобразят. Кто ищет счастья, тот должен его *стоить* и чувствовать, что стоит; без этого чувства не будет и счастья. Получив желаемое унижением самих себя, мы сами то уничтожаем, чего желали, ибо дело не в приобретении, а в сохранении; — приобретение — *минута*, сохранение — *жизнь*. — Но как же сохранить хорошее, когда оно приобретено дурным способом и, следовательно, когда мы сами сделали себя неспособны им пользоваться. Важность не в *присутствии счастья*, а в том, чтобы мы могли выдержать его присутствие.

Эта мысль написана прежде моего разговора с маменькою об *Иванове*.

Писал бы еще более, но темно; надобно ложиться спать, чтобы встать до свету. В Губкине опять поговорю с тобою. Эти синенькие книжки непременно будут продолжаться. Прошу и тебя писать. Возвратясь, нашел их тебе много. — Хорошо, что я ничего не писал в мае. Он точно был пустой в жизни. Но ты его наполнишь. Эта книжка всегда будет при мне. Она будет моим катехизисом.

29. — Губкино. Лежу в сарае, в санях, на сене. Читаю Виландова *Diogenes von Sinope*³³ и часто перерываю чтение, чтобы думать о тебе. Гуляя и по кладбищу, — даже и срисовал его.

* Извини за эту глупость. Я не должен был ее сюда записывать (*фр.*).

Ты хотела знать мои мысли о Предведении. Право не помню, что я писал к Ив(ану) Вл(адимировичу)³⁴ — этого письма нет у меня. Смысл, кажется, следующий: в мире под властью Божиею, два закона управляют всеми вещами. Один физический — неизменяемый, другой нравственный — свободный. Первому подчинено всё, не имеющее ума. Последнему — всё, что имеет ум и волю. Предопределение, фатализм существует только в физическом мире. Закон, установленный от века, продолжает и вечно будет продолжать действовать без всякого изменения. Но в нравственном мире нет Предопределения, иначе не было бы и воли, а без воли нет добродетели, и человек был бы машиною, самую жалкою из машин, потому что он бы чувствовал свою неволю. Но Предведение и Предопределение одно и то же. Бог предвидит только то, что сам предопределяет. Предвидеть наши поступки значит предопределить их, — значит отнять у нас волю. Только тогда Бог может быть нашим помощником, защитником и наградителем, когда не будет иметь сего Предведения, лишаящего и его всякой свободы относительно к нам. Одному только Всемогуществу возможно было отказаться от сего Предведения. Случаи жизни устраиваются Промыслом; путь человека назначается им же, — но человек сам действует, сам мыслит — чувствует посреди этих случаев, сам *идет* по этой дороге. Все, что ни встречается с нами в жизни, есть только *повод к действию* и зависит от Провидения. Но *как по этому* поводу действовать, это зависит от нас. — Творец предоставил себе только одно: — судить наши действия. Не предвидя их, он оставил себе свободу нас награждать; облегчать работу, трудную для наших сил, содействовать нам, располагать случаи так, чтобы мы не могли никогда потерять силы и надежду (для этого он требует от нас одного только упования). В противном случае нет для человека надежды, а для Творца свободы исполнять надежду верующего сердца. Если подумаешь, то ты найдешь, что моя мысль гораздо более сходна с понятием о Провидении, нежели мысль тех, которые дают Богу это жестокое Предведение, думая тем доказывать его всемогущество, но в самом деле только лишая его свободы. Надобно отделить человека *самого* от того, что бывает *с человеком*. То, что с ним бывает, определяется, устраивается, предвидимо Божеством. То, что он *сам* бывает в этих разных случаях жизни, — зависит единственно от него и предоставлено совершенно на произвол его всемогуществом Божиим. В одном и том случае человек (один и тот же) может действовать тысячью разных манеров, — доказательство, что от него зависит избрать способ действия. Иначе, где было бы достоинство человека. Бог склоняет человеческую волю к добру, это правда, но человек властен следовать или не следовать этому влечению. В чем же состоит Провидение? В том, что оно располагает случаями жизни, устраивает их к лучшему, а человеку говорит: действуй согласно со мною и верь моему содействию. Что бы ни было, мой друг, но мы должны смотреть на всё, что ни встречается с нами, как на предлагаемый нам способ *свыше* приобрести *лучшее*. Надобно только верить. Как бы ни было страшно и трудно, а тайный, невидимый помощник близко.

Друг! что беды для веры в Провиденье?
Лишь вестника, что смотрит с высоты
На нас святой, незримый испытатель!
Лишь сердцу глас: крепись! Минутный ты
Жилец земли! Есть Бог! и ждет Создатель
Тебя в другой и лучшей стороне!
Дорога бурь приводит к тишине³⁵.

5 июля. Орел. В Нетрубеже не писал ничего и не было времени писать. Мне было очень свободно, и я принят был очень хорошо³⁶. Признаться, мне не хотелось ехать, — я боялся быть неловким, принужденным, — следовательно, скучным. Но этого совсем не было, и никогда быть не может, если не захочешь иметь никаких *претензий*. Моя принужденность иногда бывает от *расположения*. В иные минуты невольно думаешь более о самом себе; от этого теряешь всякую свободу, или не имеешь ни способности, ни желанья быть с другими веселым, ласковым и прочее. Непринужденность в обращении много зависит от *первой минуты* — от того, каков был в первую минуту с людьми, с которыми заводишь сношение. Если первая минута не удалась, то это делает надолго или и навсегда неловким. Много непринужденность зависит от *их характера и образа жизни*.

В первой вечер много было говорено *об вас* и о тебе особенно. Милая, видно опять надобно отказать от доверенности! Ты опять больна и опять начинаешь скрываться. Ты только хочешь носить маску любви ко мне — не сердись за это выражение! Где же любовь, когда нет никакой заботы о себе, когда ты довольствуешься только тем, что я тебе верю, и нимало не думаешь оправдывать моей веры. Правда! меня с тобою не будет, и я не буду *видеть*. Но помни и то, что и тебя не будет со мною, что и ты также *видеть* не будешь. Но следствия для меня *всё* обнаружат, и тогда уже сожаление не удержит меня от подражания. Подумай об этом хорошенько и будь заботлива. Моя привязанность к жизни, мое уважение к ней основаны на мысли, что ты *всё* со мною разделяешь. Одна только ты можешь для меня *всё* уничтожить.

Александр Павлович говорил *обо всем* со мною. Предполагая нежнейшее сожаление в сердце маменькином к нам, он думает, что всего важнее стараться переменить *ее* мнение и что это возможно; надеется на Досифея³⁷, на Ив(ана) Владим(ировича) и пр. Милой друг, он был бы прав, если бы его *предположение* было справедливо. Я сам всего ждал от сожаления, от желанья сделать наше счастье. Но их нет. Ты видишь, что маменька не хочет верить, что это тебе *нужно*; что она только об том заботится, чтобы и другие тому верили. Наше несчастье для нее не существует. Иначе могла ли бы она иметь дух с такою холодностию, с таким пренебрежением шутить насчет нашей привязанности, которую называет страстию и хочет представить смешною и странною; а нас какими-то романтическими героями и тому подобным. Для нее важно только исполнение ее воли. О! она была бы

исполнена и без этих жестоких, незаслуженных несправедливостей. Она не понимает нас или понимать не хочет. Где же тут думать о перемене мнения. Тогда была бы возможность его победить, когда бы она сравнивала его пожертвование с жертвованием нашего счастья! Но она не чувствует необходимости в этом сравнении и не думает колебаться. Ей не страшно.

Ал(ександр) Павл(ович) сказывал мне, что и отец и мать его слышали об нас и были весьма недовольны, что узнавши вас они уверились в несправедливости слухов и что М(ария) Ник(олаевна)³⁸ — как она об этом сказывала Катер(ине) Яковлевне³⁹ — *поговорив со мною, по своей проникательности всё узнала и совсем успокоилась на мой счет. Начав говорить о тебе, она смотрела мне пристально в глаза; не заметила никакой во мне перемены; и я отвечал ей холодно! чего же более?* и она обещала порядочную спеть обедню тем, которые так ее вздумали дурачить. — На них нечего надеяться. Павел Иван(ович) способен сильное в нас принять участие, но он не имеет никакой воли и ничего решительно желать не может. Он говорит о тебе с чувством; я уверен, что несмотря на мнение, он в состоянии согласиться с нами в желаниях, — но исполнить их он не способен. При первом противоречии он нас оставит, следовательно, всё еще более испортит. Я даже скорее бы положился на Мар(ию) Никол(аевну), несмотря на весь ее флегматизм. Она имеет твердость. Стоит только найти способ привлечь на свою сторону ее мнение. Но для этого нужна бы была великая осторожность и время, если бы и думать, что и он и она могут быть нам полезны. Но что они для нас сделают? Всё, что теперь остается, есть только приобрести их дружбу, — это отчасти и сделано, само собою, без всяких *пантомим и маскарадов*, а просто, — иначе и не должно.

9 июля. Деревня Котовка. Завтра увидимся, друг милой. Вчера я простился с своими хозяевами, которые, кажется, довольно меня полюбили. А с Александром Павловичем у нас идет по-братски. Знаешь ли, что мне вчера было предложено? Не менее как путешествие с Алекс(андром) Павловичем. Что ты на это скажешь? Я дал слово подумать, но решительного ничего не сказал. Александр Павл(ович) очень был бы рад путешествию, — но он не верит, чтобы этот план был исполним. Его уже совсем снарядили было один раз в Неаполь, и вдруг ужасное *не хочу* все расстроило; был некогда общий план ехать в Америку, и все уже было уложено, — но грозное *не хочу* подоспело в свое время. Его состояние тяжелое. Он совершенный невольник капризов. Время у него отнято; занятиями его располагают самовластно; беспрестанно упрекают его в холодности и твердят о его независимости. Павел Ив(анович) при всей своей доброте со всем соглашается и всё сносит. Но он сносит, потому что имеет характер слабый, который во всех положениях быть может и на всё погнется. А Алекс(андр) Павл(ович), имея характер твердый, должен всё снести, обо всем молчать и всё скрывать в самом себе. Это его невольно от них отдаляет в душе своей, и он совершенно одинок в отеческом доме. Но и в самом этом одиночестве он не имеет свободы. Напр(имер), он желал бы писать и точно имеет дарование,

которое мог бы при такой охоте к трудолюбию весьма образовать, но он должен отказаться от пера — ему будут и здесь связывать руки, будут поправлять то, что он напишет, и свое печатать под его именем. Служба для него прибежище. Но вот уже матери опять не хочется, чтобы он служил, а отец с нею согласен. Лучше желают, чтобы он путешествовал, а он боится, чтобы под предлогом путешествия только не была бы у него отнята служба. — Одним словом, у него нет матери. Под этим именем безрассудное творение управляет его судьбою — желает от него любви, хочет искренности, но естественно ли быть искренним с теми, которые не предполагают в нас никакой собственной воли, не дают нам ни радости, ни права мыслить, а требуют одной слепой и безответной покорности! Это ожесточает человека с характером твердым. Он мог бы иметь в отце и товарища, и друга, и участника в счастье, когда бы отец его был с ним свободен, когда бы чужая воля не управляла его слабою волею. Но безрассудство матери не только обременяет сына, но и отца с ним разлучает. Таково его положение. К матери он имеет привязанности не может, — он может только рабски молчать перед нею; к отцу так же, — от него не надеется он ни справедливости, ни помощи, ибо доброе сердце его молчит перед самовластием матери. К тому же его не понимают. Он выше их образом мыслей и чувствами. В своей горнице со мною он совсем не тот, каков в гостиной с отцом и матерью. Главное его чувство — желание оставить дом семейственный, где нет ему никакого счастья. Такое положение ужасно.

Путешествие было бы весьма приятно с таким товарищем, каков Ал(ександр), а ему очень было бы хорошо со мною, — я в этом уверен. Между тем это бы сохранило мою с ними связь, а они для нас нужны. Твое же сердце и мое не могут перемениться. Путешествие не рассеет меня, и ничто в свете не отнимет у меня лучшей моей драгоценности: *любви к моему земному спутнику*. Подумай сама об этом, мой бесценный ангел. Эта мысль — уехать за границу — ужаснула бы меня в другое время, но теперь и без того надобно будет разлучиться, и скоро. Я думаю, что я *должен* уехать от вас *сам*, а не ждать вашей поездки в Дерпт. Как жить у вас, зная образ мыслей маменьки? Как быть у вас только *третьим*; иметь только приют — уехать, с вами видаться, но не жить у вас. Я желаю знать твое мнение на этот счет. Подумай, милая, что маменька видит во мне Иванова и ставит меня на одну с ним доску. К тебе, мой друг, я привязан теперь более нежели когда-нибудь, — прошедший месяц убедил меня, что эта привязанность необходима для моей жизни. Теперь знаю на опыте, что имею такое благо, которого ничто, ни обстоятельства, ни случай у меня не похитят. Но от маменьки благодетельный принять не могу. Она не должна думать, чтобы чем-нибудь могла заплатить мне за ту дружбу, которую я от нее требовал в замену моей и чтобы была какая-нибудь замена того счастья, которого она меня лишила с таким спокойствием. Милому человеку простить не можно, хотя бы и желал. Я недавно между письмами нашел одно свое письмо, писанное к ней в Москве в марте 1811 после вашего отъезда. Не помню, почему оно не

послано, — но в этом письме я прошу от нее доверенности и уверяю ее, что это единственный способ переменить мою к тебе привязанность в чувство брата и сделать нас счастливыми. Это письмо я ей отдам в доказательство, что она не захотела нашего счастья. За последний тяжелый месяц я готов даже благодарить Провидение. Оно жестоким способом преобразовало мое сердце и сделало его тебя достойнее. Теперь люблю тебя как причину всего, что может сделать мою жизнь хорошею. Надежда моя не пропала, — но от нее отделилось беспокойное нетерпение, которого место заступила беззаботная доверенность к Промыслу. Пускай он всё устраивает сам, и всё будет устроено к лучшему. — Будущее всё еще наше, — не будем мешаться в распоряжения отеческой власти, а будем только думать о том, как бы заслужить от нее награду. Такая мысль, мой друг, не дает ли душе утешительное спокойствие: что перед этою надеждою случаи жизни?

Как тяжела рассеянная жизнь! Я это чувствовал во всё время нынешнего моего путешествия. Счастлив тот, кто может заниматься и уметь не скучать с самим собою. Дорогою из Муратова в Орел я завел разговор с Павлом Ив(ановичем) о свадьбе Толстого (Варф(оломея) Вас(ильевича))⁴⁰, в которой он много участвовал. Из этого разговора заключить можно только то, что он всё для нас сделать может и ничего не сделает. Он любит тебя нежно, и его редко доброе сердце заставит его с жаром взять твою сторону, но он не устоит против противоречий. Как бы то ни было, всё ты можешь иметь в нем доброго защитника.

Теперь вспомнил еще одно, что слышал о тебе от Павла Ивановича. Ты возвратилась с ярмарки с больною грудью, и у тебя болел бок. Он (который тебя останавливал от поездки) спросил у тебя, не повредило ли тебе это путешествие. Ты и не подумала ничего сказать. Напротив, успокоила его и, по обыкновению своему, рассудила страдать молча... Неужели это всегда так будет. Когда я видел тебя в последний раз, ты была бледнее и казалась нездоровою. Друг мой, какого же мне счастья велишь ты искать на свете, когда не буду иметь доверенности к твоей любви. И есть ли какое-нибудь в тебе ко мне сожаление! Ты последнее сама у меня отымаешь, последнее добровольно хочешь разрушить!

Если можно, друг мой, спиши мне некоторые мысли, которые в этой тетрадке. — Я желал бы их сохранить. Этот список доставить мне с Марией Николаевной.

Милой друг, когда я стоял в церкви и смотрел на нашу милую Сашу⁴¹ и когда мне казалось сомнительным ее счастье, сердце мое было стеснено и никогда так не поразило меня слово *Отче Наш* и вся эта молитва. Я читал ее или, лучше сказать, объяснял для себя совсем иначе, нежели как это случилось прежде. Во мне возбудилась доверенность к Промыслу и будущее не было уже так страшным. Я обещал Саше написать эту молитву с собственными, немногими прибавлениями. Где же лучше написать ее, как не здесь? Пусть будет она *прежде* для тебя, а потом и *для нее*. Жаль, что это не написало тогда же, так, как было в душе.

Отче наш. Что утешительнее этого имени, друг мой! Отец, *наш* Отец и *всесильный*, следовательно, всё строящий к благу. И ты и она будете счастливы, — сердца ваши достойны счастья. Отец, а мы дети. Вообрази обязанности, налагаемые на нас этим именем! Вообрази счастье с ним соединенное! Быть добрыми детьми доброго Отца и Отца всемогущего. Можно ли бояться жизни! Мы живы, и он наш Отец, — мы созданы для этого святого семейства! Где же одиночество? И земля и небо разве не наш отеческий, семейственный дом? Я живу в доме Отца моего, в доме, куда ни зло, ни несчастья не входят, а когда входят, то единственно только для того, чтобы мы живее могли почувствовать всю безопасность отеческого крова, живее почувствовали всю красоту милого, отеческого края. — Где лучше товарищество, как не с Отцом? А этот Отец наш товарищ. Перед ним *всё* ясно. Он нас видит и слышит. Не нужно языка, чтобы перед Ним выражать свои чувства. Они для Него понятны. Только нам надобно понимать язык Его.

Иже еси. Какое утешение! Какую твердость дает душе это слово *еси*. Он существует, — Он *есть* наш товарищ, наш защитник, судия нашего сердца неизменный, неподкупный. Он *есть*, — в этом слове вся наша судьба, все наши надежды, утешения и подпоры. Он *есть*, — он везде, где бы мы ни были, и мы носим его в своем сердце, и он везде наш, везде видим нашему сердцу. *На небесех.* Там, где увидим Его некогда лицом к лицу, — где Он всё для нас объяснит. Но и объяснение нужно ли нам будет! *На небесех* — этим величественным словом всё еще здесь объясняется. *И на земле.* Здесь, где Он наш товарищ — на жизнь и смерть, в горе и радости! С Ним прямо к цели! Что дорога жизни с таким сопутником! Куда ни оглянись, — Он везде на земле, везде видим в могуществе и благодати и всюду слышен сердцу, — только склонный слух к Его утешительному голосу! Только научись понимать Его! Только верь и люби. *Да святится имя Твое.* Можно ли сказать без чувства Отцу, да святится имя Твое? Имя милое. Вообрази сына, который святит имя отца, — святит его всем: любовью, когда он еще с ним, воспоминанием, когда его уже нет. Но отец земной разлучается с своим сыном; с Отцом небесным разлуки нет. — Да святится имя Его любовью, благодарностию, надеждою и твердостью. *Да придет царствие Твое.* Не то царствие, которое начинается для нас за гробом, — оно откроется вместе с гробовою доскою, и эта минута сама собою наступит. Желать ее ускорения можно только в минуту забвения самого себя и значило бы нарушать закон вечный, — но царствие сие да начнется для нас на земли. Вообразим, что оно уже началось, что мы все граждане этого царствия. Если не все с нами согласны в покорности, то будем покорны каждый отдельно своему царю, будем верными подданными его престола и скажем: *Да будет воля Твоя якоже на небеси и на земли.* Здесь и там. Мир земной да сольется для нас с миром небесным. О как не предаться в Его волю, когда всё так обманчиво и тленно на земле! Но как же и земная жизнь становится возвышенною, когда предаешь себя этой воле, всем земным управляющей! *Хлеб наш насущный даждь нам днесь.* Всё Провидению и обо всем беспечность младенца. Верь и будь достоин, — *остальное* дурно быть не может.

И остави нам долги наши. Суди нас как отец! И дай нам в Твоих милостях уроки добра! Самые Твои наказания да приемлем как милости и наставления. Якоже и мы оставляем должником нашим. О! Это пишу от всего сердца! Прочь низкое! прочь злоба! С именем Святого Отца — всем любовь или всем — прощение. Бог станет нас судить, как мы сами здесь судили. Друг мой! Я начинаю теперь новую дорогу жизни: вон из сердца всякое чувство ненависти и злобы. Оскорбления не чувствовать не могу — но прочь низкое и злоба! Я буду достоин моего Небесного Отца! Вся моя жизнь его Провидению.

Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. — Не несчастье для нас искушение, но слабость души, приводящей к ропоту, который все унижает: и жизнь и свет делает противным! Отчаяние — вот опасный враг; тот лукавый, от которого да избавит нас Отец Всевышний. Оно и небо и землю покрывает для нас темнотою, в которой исчезает путь Провидения. Дух бодрый на дороге бед!

Воейков сей час рассказал мне ваш разговор с маменькою. Боже мой, сколько обвинений!

Последнее! и кончу навсегда! Сей час мы говорили с Воейковым, — обнялись, плакали и дали друг другу слово в братстве от сердца. Друг мой — будь с ним искренна, ищи в них обоих подпоры и *верь* им. Доверенность не будет обманута. Сердце мое рвалось, когда я воображал тебя с ними одинокою. Теперь легче, но ради Бога не таись ни в чем и всё дели с ними. Мне же остается теперь одно: — вера в твое сердце! Если в нем сбережено будет мое место, если твое уважение ко мне будет всегда неизменно, — чего мне останется желать? Моя судьба теперь вся от тебя зависит; никто другой на мою жизнь влияния иметь не может. Ты и Провидение — в вас мое верное счастье. Тебя отдаю под его защиту, а сам даю тебе слово предаться ему с совершенным спокойствием; оно сохранит нас: — мы перед ним невинны; мы желали и желаем счастья, основанного на всём добром. Оно нас приведет к Нему, — когда? Это неизвестно! Но думай, верь всякую минуту, что мы к Нему идем! Эта спокойная надежда стоит счастья. Я боялся одного: — чтобы не захотели делать насилия твоему сердцу. Саша и Воейков ручаются за его сохранение. Я просил Воейк(ова) как друга, как брата, быть твоим помощником, твоим утешителем. Нет! он не обманет меня. Он это завещание верно исполнит. Сохраняя твое спокойствие, он будет и моим благотворителем. Я просил его ничего более для нас не требовать, но быть только всегда на наш счет неизменным во мнении. Это для него не может быть трудно. Только будьте согласны и не имейте недоверчивости друг к другу. Ангел мой, прости! Благослови тебя Бог!

Я жив — и ты моя!

В этих двух словах весь мой жребий...

⟨Сентябрь⟩⁴²

*Всё в жертву за нее!*⁴³

Ты хочешь ответа — что сказать тебе. Базиль! Меня огорчает чрезвычайно твоя малая доверенность к Промыслу. Друг мой! я не буду несчастлива и не могу быть несчастливою. Добрый, милостивой Отец, который *везде* со мною, который любит меня для тебя (для меня! Боже мой, стою ли такой высокой обо мне мысли!), может ли Он допустить это? *L'amour parfait chasse la crainte — oh! je ne crains rien je t'assure; j'espère j'attends tout et ce n'est pas en vain, crois-moi**. Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten**⁴⁵. Это так верно, и я так уверена, что это будет, что смотрю на теперешнюю жизнь, как на срок, который мне дан, чтобы приготовиться к счастью, чтобы иметь возможность сказать: теперь я его достойна! и достойна делать счастье ангела! О! моя жизнь мне драгоценна — и я берегу ее как твою принадлежность, которую некогда должна буду тебе возвратить! Базиль, чего нам бояться! — Отложим на час все надежды (или крепкую веру на благость Божию, потому что счастье наше впереди и оно *верно*) и посмотрим на вещи с дурной стороны. Могу ли я зависеть от В(оейкова), каков бы он ни был? Мое всё со мною, если он имеет особенные планы, то все они до меня не касаются; влияния на судьбу мою он всё же иметь не может, потому что с твердостью, с полною верою в твое сердце, я не могу быть столько слаба, чтобы забыть тебя и себя. И только в таком случае, когда они совершенно вооружат мое сердце против себя, позволю себе такие средства, которых теперь ничто бы извинить не могло. Ты говоришь: расставшись теперь, мы расстанемся с надеждою жить когда-нибудь друг для друга — нет! я буду жить для тебя, и верно придет время, что буду жить и вместе — но теперь еще это невозможно.

После возвращения нашего из Дерпта, я не только всего надеюсь, но точно уверена в счастье, а теперь я еще его недостойна! Два года эти будут проведены розно — цель моя есть: делаться лучше и достойнее тебя. Это разве не то же, что жить вместе?

Счастье впереди! Вопреки всему, будь его достоин, и оно будет твое. Одного только я бы желала: большую доверенность на Бога и беспечность младенца — тот, кому *всё* поверишь — *всё* и сделает. Вспомни наши планы, нашу надежду на Авд(отью) Ник(олаевну), на Вой(ейкова): не помогал ли нам Бог! Что мы несчастливы — от того, что не умеем возложить на Него свою доверенность. Он для нас *всё* сделает! Базиль! ты слишком огорчаешься разлукой. Скажи, много ли ты имеешь утешения теперь, будучи вместе? Правда, что вчера мы имели хорошие, милые минуты, но они тебя не

* Совершенная любовь изгоняет страх — о, я ничего не боюсь, уверяю тебя; я надеюсь и жду всего, и это не напрасно, верь мне (*фр.*).

** Одно-единственное мгновение может всё преобразить (*нем.*).

достойны. Mon ange, ta vie doit être active, utile à tout ceux qui t'entoureront, mais pas seulement à ceux qui seront avec toi. Elle doit l'être aussi à moi. Ton exemple me donnera des forces et du courage*. Друг мой, одно место в твоей тетрадке меня огорчило, но ты верно сам раскаиваешься в этом. Твоя жизнь не нужна, не драгоценна!.. О, Базиль! ты знаешь, что моя связана с твоею! Je n'aurai de force et de résignation qu'autant que je pourrai être tranquille sur ton compte, mais dès que j'aurai perdu cette seule consolation, il n'y aura plus ni bonheur, ni espoir pour moi**. Береги свое здоровье — ты об нем уже давно не думаешь. Базиль! для тебя начнется *ничтожная* жизнь! О Боже мой! mon ami, il faut être plus grand que le sort, tu ne te ressembles plus — *il faut monter la montagne pour voir le royaume de Cachemire*. Si Dieu voulait nous éprouver par de plus grands malheurs encore, Basile, je suis heureuse, en possédant ton cœur; mon sort est digne d'envie. Comment ne pas tout faire pour me perfectionner, pour me rendre digne de la récompense que j'ai reçue avant le combat. Oh! je me sens beaucoup de force et de résignation surtout.

Ecoute mon ami! je t'en prie ne donne pas la lettre à maman. Elle ne pourra faire aucun bien, mais si même elle en faisait, je te prierai encore de ne pas la donner***. Оставь всё на власть лучшего заступника, и ничто не пропадет. Если у тебя есть силы, то поговори с ней сам, но этого я желала бы только для того, чтобы она хотя последние два дня была лучше с тобою. О! какое ее ужасное раскаяние ожидает! Базиль, как мы счастливы в сравнении с нею. — Eh bien: mon ami, point de lettre, oui! tu me le promets. N'as tu pas assez de ton propre cœur: de ta conscience, qui doit te mettre au-dessus de tout. Et puis si tu le veux moi et nos amis sont aussi pour toi****. Послушай, она слишком чувствует сама, что она не права; доказательства ей не нужны; признаться ей тяжело, и от письма твоего она этого не сделает. — Ты бы меня много утешил, если бы послушался в этом. Я боюсь за ее здоровье, — нам

* Мой ангел, твоя жизнь должна быть деятельной, полезной для всех тех, кто тебя окружает, а не только для тех, кто будет рядом. Она должна быть такой и для меня. Твой пример даст мне силы и мужество (фр.).

** У меня будут силы и покорность только тогда, когда я буду спокойна на твой счет, но как только я потеряю это единственное утешение, для меня не будет ни счастья, ни надежды (фр.).

*** Мой друг, нужно быть выше судьбы, ты больше не похож на себя — *нужно подняться на гору, чтобы видеть царство Кашмира*. Если Бог захочет испытывать нас еще большими несчастьями, Базиль, я буду счастлива, обладая твоим сердцем; моя судьба достойна зависти. Как же не сделать всего для самоусовершенствования, чтобы быть достойной вознаграждения, которое я получила до борьбы. О! я чувствую в себе достаточно сил и покорности одновременно. // Слушай, мой друг! я прошу тебя, не давай письмо матери. Она не сделает ничего хорошего, но даже если бы и сделала, я все равно просила бы тебя не давать его ей (фр.).

**** Итак, мой друг, никаких писем, да! ты мне это обещаешь. Не довольно ли тебе твоего собственного сердца: твоей совести, которая должна поднять тебя над всем, и потом, если ты захочешь, я и наши друзья тоже за тебя (фр.).

надобно ее беречь. — О Базиль! что нас разлучит? Цель, желания, надежды, действия одни! А какое счастье еще нас ожидает! Оно будет! Бог мне это говорит!

Теперь поговорим о том, чего я от тебя требую. Tu me prometteras de t'occuper beaucoup. Basile, tes compositions feront ma gloire et mon bonheur*. Если бы ты знал, сколько мне упрекала совесть это бездействие, в котором ты жил до сих пор. Я не только причина всех твоих горестей, но даже и этого мучительного ничтожества, которое отымает у тебя будущее, не давая в настоящем ничего, кроме слез. — Итак, занятия! непременно *занятия!* В одной книжке ты сказал, что оно будет для тебя драгоценно, потому что твоя слава будет *моя*; я надеюсь на твои обещания. Еще: я бы желала *очень*, чтобы ты занялся воспитанием *детей*. Друг мой, это *счастье*, которого не надобно отвергать — а кто может более тебя сделать им пользы? И так ты сделаешь и счастье их матери. Ты мне и это обещаешь? — Творца надобно благодарить только за жизнь, сказал ты. (О! как я была счастлива в эту минуту!) Послушай, Базиль — а эта жизнь есть только испытание, которое легко перенести можно! (Легко! легко только с таким ангелом утешителем, как ты!) Вообрази же награду, которая нас ожидает! Боже — мы твои дети!

Comme je voudrais te donner toute ma force et tout mon courage — mais cela aussi, c'est à toi que je le dois. (*А я! Чем я тебе не обязан! Ты во всей силе слова моя благодетельница.*) Je me sentais si faible, si différente de moi même. Toi qui fais tant de bien, comment n'est tu pas heureux!**

Обещай делать всё то, о чем я тебя здесь прошу. Скажи, что ты надеешься. О! мы точно вместе будем счастливы. — Une voix intime me ce dit. Et celle là ne trompe jamais.

Je te promets de t'écrire toujours, quel que part que je sois. Sur ce point — je suis sûre de Woeykoff et quand nous serons a Pétersbourg Ал(ександр) Пав(лович) me sera d'une grande utilité. Tes lettres à lui seront pour moi aussi, et puis les lettres d'Eudoxie seront dictées par toi***. Ты будешь писать рецензию между строк. Но главное то, что мое сердце поймет, чего нельзя будет написать. О! счастье — наше! — я это говорю за полтора дня до разлуки с тобою: стало быть я его *предчувствую* (вопреки всему).

* Ты мне пообещаешь больше заниматься собой. Базиль, твои сочинения составят мое счастье и мою славу (*фр.*).

** Как я хотела бы тебе отдать всю мою силу и всё мое мужество — но и этим я тебе обязана (...). Я чувствовала себя такой слабой, такой непохожей на саму себя. Ты, который делаешь столько добра, почему ты несчастлив! (*фр.*).

*** Внутренний голос говорит это мне. А он никогда не обманывает. Я обещаю писать тебе всегда, где бы я ни находилась. // С этой точки зрения я уверена в Воейкове, и когда мы будем в Петербурге, Ал. Пав. будет мне очень полезен. Твои письма к нему будут и для меня тоже, и письма Дуняши будут продиктованы тобой (*фр.*).

Ангел мой! Бог тебя благословит! Я не имею сил сказать: *прощай!* Да и не должна! мы не расстанемся. — Je te benis, je prie pour toi à tous les instants du jour! *Ma vie!* Persévérance*.

Не недоверчивость к Промыслу⁴⁶, мой друг, а забвение самого себя⁴, естественное следствие смущения и горести. Я видел, сколько печального ожидало тебя в будущем; многое может быть и увеличивал, — когда подумаю об этом и теперь, то такое же смущение; но теперь имею твое письмо — оно ото всего защита! Я его перечитываю, и всякой раз имеет оно на меня влияние *доброто дела*, — я готов прыгать; чувствую себя легче и живее. Но знаешь ли, что я не даю себе воли часто читать это бесценное письмо. Я откладываю его нарочно, как радость, чтобы иметь и наслаждение ожидания. *L'amour parfait chasse la crainte***. Вот в чем твое совершенство. Ты имеешь такую спокойную веру. Она дает и любви твоей большую высоту. Ты лучше меня любить умеешь, и я в самой моей к тебе привязанности должен принять тебя же за образец.

Так, мой друг, будем смотреть на разлуку, как на срок — будем надеяться. Мы сделали условие с *теми*, кто об нашем счастье будет заботиться более нас самих. Будем уверены, что всё хорошее будет, и не позже, не ранее, как нужно. Готовить(ся) в *ожидании*. В этом слове теперь для нас жизнь. Но все это не было бы для меня так понятно, когда бы я говорил тебе от одного себя; но и тут милость ко мне Провидения. Я должен был на минуту забыть, чтобы мой ангел изъяснил мне мою должность — и каким языком! — самый язык совести никогда не будет для меня так убедителен. — Язык утешения, радости, одним словом — язык моей Маши. Накануне и в самый день отъезда, я сказал от сердца, что жизнь прекрасна, — это твое дело. Ты представила мне в будущем столько прекрасного. Своему проступку обязан я тем, что начал еще более тебя уважать, начал чувствовать твое превосходство надо мною, а как весело его чувствовать! Твои наставления кажутся мне чем-то святым! И кто имеет то, что я имею? Стоит о тебе вспомнить, чтобы обрадоваться, что я жив; стоит развернуть твое письмо, чтобы во всякое время жизни иметь утешение; ободрение для хорошего дела, защиту от дурного; поощрение к прекрасному; — всем, всем я обязан тебе; как весело в этом признаваться! Знаешь ли, что я перечитываю это письмо с восхищением, но не даю себе этого удовольствия каждый день, чтобы оно было дороже от ожидания. Вечные мечты! Ты мне велела назвать тебя *своею матерью*, за ту нежную заботу о моей судьбе, которую ты имеешь. Нет, мы не расстаемся — вся наша жизнь будет тесным сношением друг с другом, *une correspondance*

* Я тебя благословляю, я молюсь за тебя каждое мгновение дня! *Жизнь моя!* Постоянство (*фр.*).

** Совершенная любовь изгоняет страх (*фр.*).

intime*. Всё, что ни сделаю в жизни — всё для тебя, ты будешь знать обо мне и будешь радоваться.

(Я не пишу того, что было писано о Воейкове. Несправедливость!)

Райское *вместе* поручим Богу. Теперь одно, *мы живы* и друг для друга. Заслуживать! При этом слове все силы душевные возбуждаются et il me semble déjà voir le royaume de Cachemire**⁴⁷. С маменькою можешь обо мне говорить свободно; теперь имеем на это право; никто, кроме нее, не может нас сблизить.

Ты говоришь: *ta vie doit être active****. Надобно было всё это слышать *от тебя*, чтобы сильно пожелать исполнить. Бесценное завещание моего друга, как его преступить! Мой пример для тебя нужен! нет, я могу только подражать тебе! Oui! montons la montagne!**** Жизнь впереди! Какое счастье: *résignation et courage!* Si tu veux mon exemple, tu l'aura*****. Теперь мое правило (и даю слово его исполнить!): *жить, как ты велишь! как тебе нужно!* У меня баронесса⁴⁸ спросила: какие же теперь мои намерения? — И ей отвечал: никаких! жить, как ей надобно! В этом всё! (Милой друг, прости! я не утерпел, чтобы ей не сказать о своем предложении; мне хотелось, чтобы она знала в совершенстве *что ты!* И какое для меня наслаждение видеть, как добрые сердца тебе удивляются! Вот истинное мое достоинство: быть любимым такою душою, как твоя!)

Теперь слово о том, что ты от меня требуешь! — Требуешь, милой друг: какое счастье тебе повиноваться. Бездействие! Нет! оно было не от тебя. Теперь мы розно, и что же влечет меня к деятельности? Ты! Что же когда бы мы были вместе и вместе счастливы? Итак, вини не себя, а тех, которые наше *вместе* разрушили.

Вот мой кодекс. *Писать* (и при этом правило — жить, как пишешь, чтобы сочинения были не маска, а зеркало души и поступков). Это будет моею с тобою корреспонденциею. Слава моя будет твоею. Мне сладко теперь думать о уважении, которое могу заслужить от отечества и которого причиною будешь ты. Эта мысль дает мне гордость и силу. Слава моя будет чистая и достойная моего ангела, *моей Маши*. Я буду писать много и беспрестанно.

*Воспитание детей*⁴⁹. Это занятие будет посвящено тебе же. Но как же я рад, что ты угадала мои мысли. Я сам хотел употребить на это часть времени. Тем лучше, что это занятие будет исполнением твоей воли.

Владимир будет написан⁵⁰. Мы не розно. Мой Ангел вдохновения всегда со мною. Мои милейшие желанья исполнены в твоей любви. Остальное Провидению. Нет, моя белая книга не останется пустою, — *я белой книги не*

* тесное общение, личная переписка (фр.).

** и кажется, что уже видится царство Кашмира (фр.).

*** *твоя жизнь должна быть деятельной* (фр.).

**** Да! взойдем на гору! (фр.).

***** смирение и мужество! Если ты хочешь, чтобы я стал тебе примером — я им буду! (фр.).

*страшусь*⁵¹. Провидение твоею рукою начертало в ней невидимые черты, видимые сердцу: — *жить для Маши, для всего доброго, быть ее достойным, и этим заслужить счастье, которое верно*. Ты получишь ее из моих рук, и полную, полную, и во всякой час. Всё недостойное тебя забыто или будет отброшено. С таким предметом я счастлив.

Вот мои ежедневные занятия:

1. *Собрание понятий о религии*. Надобно сделать тебе мою исповедь. Я не могу быть перед тобой лицемером. Я не имею того, что называется полным понятием о религии. Но желаю верить и буду иметь чистую, достойную человека и Бога веру. В этом ты мне порука. Искренность в этом желании, и довольно. Душевно буду искать убеждения, той веры, которая нужна для счастья, которая совершенствует сердце. Что бы ни было, но жить по правилам христианства. Это ведет к Небу. Итак: чтение Свящ(енного) Писания, книг о религии и твоей книжки. Свои мысли об этом предмете и для тебя особенное собрание этих мыслей.

2. *Чтение моралистов*⁵². Хочу непременно делать *свои прививки*, то есть каждый день к какой-нибудь хорошей чужой мысли прививать несколько своих. Собрание этих мыслей для тебя. Надобно, чтобы каждый день был означен своею особенною мыслию.

3. *Каждый день две или три страницы прозы* о чем бы то ни было. Это составит со временем порядочный материал для журнала. Особенный список для тебя. На это уже готов альбом.

4. *Всякой день непременно писать в стихах*, и всё будет для тебя переписано.

5. *Чтение книг о воспитании*. Прежде нежели приняться за дело, надобно понабраться мыслей и чужих, если нет своих. Из этих материалов со временем составить письма о воспитании и письма к Дуняше о ее детях. Может выйти прекрасная книжка.

6. *Записывать свой день*. Это для тебя. Дурное и хорошее без закрывки перед моим другом, перед моею совестью, перед вторым Провидением моим. Видишь ли, какая куча занятий, и при всём этом оживотворитель, ободритель, свидетель ты, мой друг, моя благодетельница. Вот и расположение часов, чтобы ты знала, чем я в какую минуту занят.

6 час. Чтение Св. Писания и т(ому) под(обного) и твоей книжки.

7—8 Проза (письма).

9 Ходить.

10, 11, 12 Стихи (письма).

1—2 Материалы для Владимира.

3, 4, 5 Произвольное занятие. Не худо и поспать.

6 Ход(ить.)

7, 8, 9 Чтение мор(алистических) книг и о воспитании.

10 Записки дня.

От тебя желал бы, чтобы ты делала 1, 2 и 6 для меня, как я для тебя. Кажется, что это возможно. Сделай книжку, в которую бы записывать лучшее

из Святого Писания и духовн(ых) писателей. К этому прибавлять свои замечания. Другую книжку для записывания лучших мыслей из всех книг и к ним также свои замечания. Наконец, каждый день в десяти строках записать в журнал (в голуб(ую) книжку) всё это для меня. Этот журнал будет вместо писем. При случае отдавать на почту, что будет легко. Мне же особенно писать к тебе будет нельзя. Но в Дуняшиных письмах всё подчеркнутое будет мое.

Что же касается до денег, то вот мое требование (поздно я вздумал требовать!). Могут случиться весьма затруднительные обстоятельства — ты не имеешь об них понятия; *но верь мне*. Может случиться то, что деньги вам будут спасением. 1000 Дуняшины и еще другая 1000, которую получишь от меня, должны у тебя храниться как залог. Обещайся мне до этих денег ни в каком случае не касаться и беречь их *на черный день*. Если решишься исполнить мою просьбу, то успокоишь меня совершенно. Я боюсь ваших нужд. Не иметь денег в такой дальней стороне есть быть невольником и самым жалким (а ты обо мне не подумала и раздала без нужды свои деньги. Это меня очень огорчило и огорчает). Береги эти деньги, как маменькино добро. Условие: не тратить их ни на что, а беречь про черный день. — Если дашь слово исполнить это условие, то я буду спокоен.

Теперь последнее слово. Друг мой, *persévérance**, твердость деятельность в горе; вера к будущему. — Одним твоим словом: *devant Dieu*** ты дала мне всё: силу, надежду и даже счастье. Мысль, что ты призовешь меня на помощь, когда нельзя будет ничего другого сделать, заменяет для меня всё. Всё прочее заключено для нас в одном: *будем достойны своего счастья*.

26 сентября. Все это было написано 15 сентября. Милой ангел, кто бы мог ожидать такой перемены! *Ein einziges Augenblick kann alles umgestalten***⁵³*.

Маша, дай руку на счастье. Мы будем вместе; *вместе!* как мило это слово после двух месяцев горькой мысли, что мы расстались. Теперь нечего и некогда тебе сказать. Прости, друг бесценный! Без вас буду много думать о нашей будущей жизни, о нашем милом *вместе*; каком — об этом напишу и для тебя. Это будет последним моим письмом к тебе и единственным, какое ты иметь будешь. Между тем, чтобы ты знала, что буду без тебя делать, то вот рапорт.

1. Написать план *нашей жизни* (ангел, нашей). 2. Переслать к Тургеневу мои сочинения. 3. Собраться в Дерпт. 4. Послание к Государю⁵⁴ и перевести Библию.

* Постоянство (*фр.*).

** Перед Богом (*фр.*).

*** Одно-единственное мгновение может всё преобразить (*нем.*).

Всё то, что ты читала здесь, было бы планом моей жизни *без тебя*. — Оно останется таким же, но к этому прибавится только милое, одушевленное *с тобою*. Надобно сделать, чтобы наше *вместе* было как можно яснее и спокойнее, но чего не снесешь для этого *вместе*. Ты будешь моим ободрителем, моею наставницею. Боюсь только, как бы Авд(отья) Никол(аевна) всего не расстроила. Но это уже твое дело. Друг мой, будь моею защитницею. А я постараюсь обогатить себя такими мыслями, которые бы утвердили, а не расстроили наше счастье. Прости, душа, радость, жизнь!

Дерпт 1815¹. Апреля 10. Я хотел написать для себя *всё*; но мысли не ясны. Основание их то же; но я их не вижу перед собою и писать с принуждением то, что вылиться должно из сердца; с холодным умом то, что должно говорить чувству, быть не только правилом, но и ободрением на жизнь, не должно. Подождем лучшего времени и воспользуемся лучшей минутою. Теперь скажем только: *всё в жизни к прекрасному средство*². Эта книга³ должна быть моим лучшим товарищем, верным поверенным, подпорою на будущее, судиею и свидетелем поступков.

Апреля 12. Милой друг, моя Маша⁴ на всю жизнь — твое письмо меня решило, и все мои сомнения исчезли. Я отсюда уеду и счастлив мыслю, что уеду. В этот месяц кажется мне, что я прожил целый век — сколько разных перемен. Сначала бедное старое одиночество. Потом то, чего бы я никогда не мог себе представить: свободное пожертвование⁵ привязанностию моею к тебе и твоею ко мне, пожертвование, соединенное со сладким чувством; — несколько дней или, лучше сказать, лет, проведенных с тяжелым чувством, что ты более для меня не существуешь; наконец снова Маша моя, вся моя старая привязанность со всеми своими чувствами, со всею своею жизнью в моем сердце и самая разлука, как счастье! всё это в несколько дней! Но теперь уже перемен не будет! Одно чувство на всю жизнь! Всё будущее, основанное на одном чувстве — дай мне руку, мой ангел-хранитель!⁶ Возвращая свои к тебе чувства, всё, что до сих пор было настоящею моею жизнью, я ничего не теряю! разлуки для нас нет! Расстояние разделит ли наши сердца, полные друг другом! То чувство, которое нас связывает здесь, через короткое время свяжет теснее там, где нет разлуки! Всё в жизни к великому средство!⁷ На эту минуту *средство к великому* заключено для нас в разлуке! Воспользуемся этим средством, как угодно Провидению! без ропота, с полною надеждою, что всё доброе будет иметь свою награду! Боже мой, как нам вообразить, что мы несчастны, когда мы друг друга любим, когда мы живем с одинаковою целию, когда мы вспомним, что вся будущая жизнь наша, что счастье в душе, что туда принесем чистую, верную друг другу душу на верное истинное счастье! Пускай эта мысль будет нам ободрением, надеждою, наградою, всем. Кто эту мысль у нас похитит? Нет, мой друг, нам расстаться должно! Без разлуки нет для нас никакого счастья! Расставшись, по крайней мере сбережем то, что нам принадлежит, что мы приобрели терпением, жертвованиями и годами горя, нашу взаимную любовь! Она наша! Она очищена перед Богом! Она нас соединила здесь и там подтвердит союз наш!

Теперь буду отвечать на твое письмо. (Вообрази, при мысли, что я от вас уеду, я не мог не сказать внутренне: *какое счастье!* Пойми из этого, как много

мне дает разлука и как бы я много потерял, здесь оставшись. Теперь уверен, что я сожалеть не буду о *том, что есть!* То, *что могло бы быть*, прелестно — но не в нашей воле его создать! На это нужно иметь всемогущество Божие.) Но я опять отдалился от того, что говорить начал. Милой друг, поняла ли ты то чувство, которое решило меня тебе написать: *позволишь ли мне от тебя отказаться и самому найти человека, который бы тебя стоил*. Это самое лучшее чувство в жизни моей, и в эту минуту был я счастлив! Маша, в эту минуту я точно тебе доказал, что тебя люблю. Что произвело это чувство? Мысль, что ты зависишь от Воейкова⁸ — он не понимает ни твоего положения, ни твоего характера; он груб в душе своей; он способен минутной выгоде пожертвовать твоим счастьем; он получил Сашу обманом⁹ — решившись обманывать с таким постоянством тогда, он способен подобное сделать и опять! Откройся выгода, и он не подорожит ничем! Нет выгоды, он может еще поступать, как должно! Он не имеет никакой деликатности; не имеет характера; не имеет того чувства, которое угадывает чужое горе, заставляет щадить, успокаивать и облегчать. Все это мне представилось живо, и я видел, что должно было не только расстаться с тобою, но еще оставить тебя в такой ужасной зависимости. Мне мысль *пожертвовать всем своим для тебя* представилась, как вдохновение Божие. С этою мыслию новая жизнь для меня открылась: моя семья, семейные связи и то, что мне всего дороже, ты под моим надзором, в полной от меня зависимости! Как за такое счастье не отдать с наслаждением всего собственного. Ах! милой друг, как в эту ночь я радовался своею жизнью! И много собственного счастья следовало за этим жертвованием, сделанным единственно для тебя! Я вдруг очутился в семье родных, с полною свободою их любить и чувствовать себя любимым. Все прежде неизвестные связи вдруг сделались моими. Всё это пустое. Этою минутою не воспользовались и нашли способ ее охолодить. Как опыт ни научал меня, что всё мне возможное не будет никогда возможно с ними, но я опять написал, мое письмо принято было холодно, но после несколько времени было лучше — но что же это *лучшее*; что мне дали за то счастье, за все те драгоценности, которые я уничтожил? Одну наружность! Лицо ласковое — а обстоятельства всё те же! И при всем, что у меня самого нет ничего. Из того чистого, позволенного счастья, которое я думал купить своею жертвою, вышла одна тяжелая обязанность. Всё, что прежде соединяло с тобою, разорвано, а на место этого ничего; в душе ужасная пустота, на которую я даже и жаловаться не смел, считая и сожаление не позволенным; всё, что ее наполняло, если не исчезло, то сделалось запрещенным. — Я видел, что ты грустила, но пособить было нечем; я не был доволен тем, что есть, но думал, что со временем будет перемена. Нет, милая, какой ждать перемены? Никто не подумает, чего я себя лишил, чего бы мне стоило поддержать свое намерение и его исполнить! Теперешнее обращение со мною войдет в привычку; всё будущее останется похожим на настоящее! Мы будем розно — и сверх этого наша обязанность будет разлучиться и в сердце, потому что мы дали слово. Мы будем не только

по-прежнему, не только под тем же принуждением, но в самой своей привязанности друг к другу не найдем никакого утешения, ибо сохранить эту привязанность такую, какова она была, запретит нам наша должность. Моею любовью к тебе я мог пожертвовать только для твоего счастья — она была моею жизнью; я мог променять ее только на другую жизнь, на любовь к тебе, без примеси собственного, на любовь свободную друга, брата, товарища? Дано ли мне это счастье? Нет! И никогда оно дано не будет! Если теперь не могли обрадоваться брату, то уже этому никогда не бывать! И живучи вместе, мы будем несчастнее нежели когда-нибудь! Я беру свое назад — по крайней мере лучшего, драгоценнейшего своего чувства мне уничтожить теперь нет нужды! Но с ним уже я не могу здесь остаться! Здесь я могу быть только братом, могу быть только с чувством брата. — Розно с тобою я никому, кроме Бога, не даю отчета в своих чувствах; и я их сберегу; что буду я без них!

Милой друг, ты не поняла меня — это естественно! на твоём месте может быть и я бы так же тебя не понял! Но в то время, когда ты думала, что я пожертвовал всем *au plaisir de je ne sais quoi**, всем, даже и возможностью показывать тебе дружбу, когда *уходила*, чтобы давать мне *приятные* минуты с маменькою, когда воображала, что я всё простил Воейкову и радовался своею с ним дружбою, когда он тебя так нежно утешал, говоря, что я не хочу тебя любить и хочу поскорее тебя выдать замуж, и ты даже сама в угождение мне думала броситься к первому встречному на шею, когда была *одна* совершенно и даже с собою не находила отрады — мне было не легче! Беспредельное мучительное сражение с самим собою. Это имя брата, которое я взял на себя и которое мне ничего не давало, обязывало меня переменить все мои к тебе чувства. При воспоминании о Красовском¹⁰ сердце хотело вспыхнуть, я его удерживал и твердил себе, что такого рода чувство мне не должно быть свойственно. Часто смотря на тебя забывался, но на минуту и старался не давать воли прежнему чувству. Часто был должен уходить к себе, но и у себя не находил покоя. Что было мне прежде прибежищем, то для меня не существовало — мысль о твоей любви! Я должен был этой мысли бояться; и свою любовь к тебе должен был уничтожить — свое лучшее, драгоценнейшее чувство! Но я его запрещал себе, потому что назвался братом твоей матери, потому что хотел стоить ее доверенности, а не по одной наружности иметь ее! Вообрази же мое положение! С тобою — я был от тебя далеко, не только тем принуждением, которое нас разделяло, но даже и своею обязанностию, которая не только запрещала мне смотреть на тебя прежними глазами, но также и в тебе искать прежнего к себе чувства! Один — я был лишен всех своих воспоминаний, утешений, которые прежде давали мне всю бодрость; думать об тебе так, как я думал прежде, казалось мне не позволенным; одним словом, для меня не было той Маши, которая прежде совсем была соединена в душе моей, а той, которая должна

* неизвестно во имя чего (*фр.*).

была заступить ее место, я не имел еще и слабо надеялся, что иметь буду. Словом, я был в унынии, и только поддерживала меня мысль, что я исполняю свою должность, но эта мысль часто теряла свою силу. Однако я ни разу не колебался в своем пожертвовании. Я решился твердо исполнять все должности, наложенные на меня именем брата; и чтобы не потерять своей решимости, вот что для себя написал.

Прежде я имел целию быть счастливым вместе с Машею. Это было *средством к прекрасному*, и прекрасное состояло бы не в одном наслаждении собственною своею жизнью, но в исполнении с лучшим товарищем всего, что делает жизнь прямо жизнью, в исполнении всех обязанностей, в добре, в собственном усовершенствовании, в пользе другим. — От этого должно отказаться. Совсем другое должно быть теперь для меня *средством к прекрасному*. Оно состоит в пожертвовании самим собою, в совершенном забвении собственного и всё *для нее*. Для этого решительно отказаться от невозможного, всё употребить для сбережения семейного покоя, твердо покориться судьбе и не слабеть в исполнении трудного — я назвался братом не для того, чтобы иметь одно это имя и под этим именем иметь непозволенные чувства и желания. Нет! для того, чтобы она была мною счастлива, чтобы она принадлежала мне, как дочь моей сестры¹¹, чтобы судьба ее от меня зависела. Спокойствие насчет ее судьбы будет моею наградою. С именем брата должна разрушиться вся прежняя связь между нами: надобно сказать себе и приучить себя думать, что она не должна любить меня как прежде, но любить как родного и заботиться о собственном, отдельном счастье, не сливая его с моим; не только надобно это сказать себе, но даже и исполнять на деле, *ее* самое приучить к этой мысли, из ее счастья вырвать все собственное, довольствоваться ее одним счастьем, всё, что было прежде общего, уничтожить, не желать, чтобы она имела одинакое с моим чувство, заставить ее перемениться ко мне и утешать себя одним только одобрением сердца, что всё сделано, всё принесено в жертву тому, что всего ему дороже. Одним словом, мне должно быть истинным братом ее матери и поступать так, как бы должен поступать истинный брат. В чем счастье Маши? В спокойствии и свободе сердца, в согласии с матерью, в мнении, что я счастлив; наконец в том, чтобы иметь с другими то, что имела бы со мною! Мое счастье теперь должно состоять в том, чтобы всё это ей дать. В стремлении к этому есть то, что для меня осталось *прекрасного* в жизни! Нет нужды, что вопреки себе, — самое страдание есть средство к прекрасному! — Та минута, в которую я решился, для этой прекрасной цели, пожертвовать собою, была восхитительна. Но это чувство восхищения часто пропадает, и я прихожу в уныние! Нет нужды! Не должно терять бодрости. Пусть нет ни энтузиазма, ни удовольствия! Что чувство родит в одну минуту, то твердость должна исполнять в течение жизни. Где ж было достоинство добродетели, когда бы она была и легка и приятна. Надобно смотреть не на удовольствие, а на достоинство внутреннее. Всякое исполнение должности отдельно есть дорога по утесам, но кончи ее — небо над головою, а Кашемир перед

глазами. Мое небо — *ее счастье* — итак, унывать не должно! Что прежде наполняло душу, то разрушено — свои надежды заменить ее надеждами; всё то, чего желал для себя, передать ей, а самому жить настоящею минутою, настоящим добром! Своей же любви к ней уничтожить нет нужды — но сохранить ее как тайну; не делиться ею и не желать, чтобы ее она делила! Быть верным, но уже не той Маше, которая передо мною, а той, которая была прежде, которая знала всю мою любовь — настоящей же любви не должна ни знать, ни угадывать. Жить для себя в воспоминании, а для нее в будущем. Пусть будет она знать, что я всем пожертвовал и *для нее*, что я только ею счастлив, но она не должна никогда знать, что я сберег свое прежнее чувство. Это чувство должно переменить характер — быть без взаимности, без ревности, но, как и прежде, источником и причиною всего доброго.

Вот, что я думал, милой друг, в то время, когда тебя мучили мыслию, что *я не хочу тебя любить и желаю поскорее выдать замуж*; и ты даже была готова исполнить мое желание и броситься первому на шею. Единственное, что меня ободряло и утешало за мое жертвование, была мысль: теперь уж ею не жертвуют! Я такое же имею право над ее судьбою, как и другие, и она будет счастлива, потому что для меня захочет своего счастья. А ты? Какие имела мысли! и как мало меня угадывала? Помнишь ли, что ты написала в своем последнем письме — *marîée ou non marîée, je conserverai toujours mes sentiments**. Это выражение сжало мое сердце. Первая мысль грустная. Итак, она уже предполагает возможным замужество. Прежде это бы растерзало мою душу. Но тут я не дал ей воли и сказал себе: так и должно! Если жертвовать, так уж всем! даже и ее привязанностию! Свою к ней сохранить можно на всю жизнь! Но пускай она об ней не знает и живет для себя; надобно самому помочь ей, чего бы это ни стоило, перемениться. Так, мой друг, я готов был даже за тебя желать этого замужества и в тайне сберечь для себя одного свою верность, на которую никто не имеет права. Ты может быть не угадывала бы меня, судила бы меня иначе, наконец, уверилась бы, что я переменялся, — я был готов и на это! я хотел оставить для себя одни воспоминания; а в настоящем пользоваться только тем добром, которое предлагает настоящая минута, будущее же всё отдать одной тебе. Самое тяжелое для меня в этом положении была мысль, что ты, не понимая меня, должна огорчаться; а как объяснить! Можно ли? Открыть свою тайну? Самому все разрушить? И я не обманулся — ты пишешь: *j'ai cru d'être à charge à toi, et je te fuyais, car c'était le seul moyen de te procurer la bienveillance de maman!***

Нет, Маша! это выше моих сил! Что сделал я своим жертвованием! Себя с тобою не сблизил, а у тебя отнял последнее утешение! И средства сделать тебя счастливою так же от меня далеки, как и прежде! Неужели они

* замужем или незамужем, я всегда сохраню мои чувства (*фр.*).

** я думала, что я тебе в тягость, и избегала тебя, поскольку это было единственное средство обеспечить тебе благосклонность матери! (*фр.*)

воображают, что я для одного только блага быть у них в семье решился сделать над собою такое усилие! Нет! это семья Маши — а ее-то для меня и нет в этой семье. И что они дают мне за эту жертву! Одни ласковые взгляды и слова, которые ничего не значат, и при своей незначительности, так переменчивы! А я за это разрываю свое и твое сердце. Неужели я этого семейного счастья и покоя желал для одного себя — нет! я его желал для нас! Но его не будет — и так лучше расстаться и сохранить по крайней мере то, что всего дороже. Здесь ни я, ни ты ничего не имеем — я всякую минуту буду приходить в уныние, всякую минуту буду подвержен опасности нарушить свою должность — а теперь нарушить ее даже мыслию *было бы ужасно*. Ты говоришь: *иметь веру в твое сердце*. Нет, друг, оставшись здесь, с именем брата, я должен отказаться и от этой веры! Что значило для меня прежде иметь веру в твое сердце? Знать во всех обстоятельствах, что ты меня любишь, что ты делишь мои чувства, меня понимаешь, хотя и молчишь! Такого рода веру в твое сердце могу ли и должен ли иметь теперь! Живучи у вас в доме, я брат твоей матери и могу верить, что ты имеешь одинаковое чувство со мною — но какое, совсем не то, какое было прежде, а нам приличное и дозволенное. Я прежде никогда не называл маменьки сестрою, и теперь язык не повернется назвать ее этим именем, если сердце не будет с языком согласно. Но я безумец! Я принес свою жертву перед кумиром, который не мог ее принять. Я требовал прав на твое счастье, на твою дружбу, на совершенную непринужденность с тобою — а она? осматривается. Когда мы идем рядом, толкует мои и твои взгляды, сама всё разрушает свою недоверчивостию. Как выдержать при этом всё то, что с такою искренностию взял на себя? Если в моей душе мог сделаться такой решительный переворот, почему же в ее душе ему сделаться невозможно! Почему не может она вдруг перейти от унижительной недоверчивости к полной и счастливой доверенности, так, как я от любви к чувству друга и брата! Итак, не должен ли я еще благодарить ее за то, что она своею переменою заставила меня вовремя одуматься! Я точно осуждал себя на гибель, осуждал и себя и тебя! Мы всё бы свое разрушили и может быть этим принуждением довели бы нас до того, что мы бы невольно сами себе изменили! А после такого решительного обещания изменить себе не есть ли ужасное несчастье, которое отравило бы всякую минуту жизни! Что бы тогда осталось, когда бы сами себе принуждены были говорить, что мы предатели перед собою и Богом. Нет, милая, лучше расстаться! Они нас не понимают. — У одного на языке низкие, раздирающие душу шутки, а в сердце грубость; другая¹² — не входит в наше положение, ничего с нами не делит и только требует пожертвования, но и, принимая их, им не верит! Вместе нам нельзя быть счастливыми — скажу более: нельзя быть и добродетельными. У нас будут в душе одни чистые намерения, а вокруг нас всё будет только такое, что эти намерения будет ослаблять! Как в таком случае за себя ручаться! Один дурной шаг — и прощай спокойствие!

Итак, надобно *расстаться*. Ты теперь уверена, что за счастливое *вместе*¹³ я отдавал всё до невозможного. Не помогло ничто. Жить вместе с тою целию,

какую я себе предполагал, было бы труднее, но лучше — мы вели бы друг друга прямо к добродетели, путем пожертвования должности, и были бы счастливы взаимным друг к другу уважением. Я исполнял бы *à la lettre** то, что себе предписывал; а ты, чтобы мне помочь, была бы со мною согласна во всём, и моя цель была бы твоею. И ты бы должна была сказать себе то же, что я: мне надобно смотреть на него другими глазами. Чего он хочет? Моего счастья! И я хочу его! В чем полагает он это счастье? В спокойствии и свободе сердца; в согласии с моею матерью; в доверенности к нему, которая есть не иное что, как мысль, что он мое счастье всему предпочитает, меня уважает и хочет стоять моего уважения; наконец, если велит Провидение, и в том, чтобы найти с другим то, что я обещала себе с ним. Чтобы иметь *спокойствие и свободу сердца*, ты бы должна была приучить себя к мысли, что я твой брат, и смотреть на меня глазами сестры, дать совсем другой характер своим ко мне чувствам (без этого нам, *живучи вместе*, нельзя иметь права на доверенность маменьки, а главное в том, чтобы иметь еще на нее право и потом уже ею пользоваться); после этого между *тобою и мною* легко быть *полному согласию*; тогда на сердце ничего не будет скрытого; для *доверенности ко мне* нужно, чтобы ты всегда помнила, что я единственно для твоего счастья согласился всем пожертвовать, что всё главный предмет мой в жизни ты, какого бы рода ни была моя к тебе привязанность, что слово *être à charge à moi*** есть ужасное, убийственное для тебя и для меня слово; что я не могу не хотеть любить тебя; что желание выдать тебя замуж в моем сердце есть высочайшая степень самой бескорыстной к тебе привязанности, полное забвение о самом себе; что это слово выдать замуж только на языке Воейкова может быть для тебя оскорбительно; но что с этим желанием соединена в душе моей мысль о том счастье, которое я мог бы или желал тебе дать и которое всё уступаю другому. Иметь такое желание в душе значит любить тебя более себя, а не доказывать к тебе свою холодность — тогда из благодарности, если уже не из любви ко мне, и на минуту не пришло бы тебе в голову *навязаться первому на шею*. Милой друг, отказавшись от тебя, я говорил себе с некоторою бодростию: теперь ничего не могу за нее бояться! По крайней мере знаю то, что любовь ее ко мне будет хранителем ее сердца и что она будет замужем только за тем, кто ей способен дать счастье, как я, кому она поверит, как мне. Это давало полное спокойствие сердцу моему насчет твоей будущей судьбы, и к этому-то счастью желал я быть твоим проводником — я бы шел к нему вместе с тобою как к своему; одним словом, мы бы помогали друг другу на пути добродетели, трудном, но, право, более удовлетворительном всех прочих.

Из всего этого не следует, что я считаю твое замужество необходимым и что у меня, как уверяет Воейков, только и вертится в голове, как бы поскорее тебя выдать замуж. Неужели ты позволишь ему переводить мои к тебе

* буквально (*фр.*).

** быть в тягость мне (*фр.*).

чувства. Переводчик должен понимать язык, с которого переводит. А он моего не понимает. Надобно иметь низкую душу, чтобы прийти к тебе и сказать со смехом, в ту минуту, когда ты грустна, то, что он сказал; это значит всем ругаться! Я в своей доверенности насчет Красовского не раскаивался! Она меня не унижает. Я сказал бы и маменьке то же, что ему; я показал же маменьке последнее письмо Плещеева, в котором он говорит и о тебе, и говорит *моим* языком. Это значит, что я ничего не хотел иметь от нее скрытного. А он *своим* образом изъясняет мои чувства — хочет показать тебе холодность и забвение там, где совершенная к тебе привязанность. Тебя не виню, что ты огорчилась, я бы еще более на твоём месте огорчился. По крайней мере теперь пойми мое чувство и отдай ему справедливость. Единственная вера, какой от тебя требую к моему сердцу, есть та, чтобы знать, что во всякую минуту жизни я дорожу тобою более, нежели собою.

Наше *вместе*, с тою прекрасною целию, какую себе я предполагал и какую ты непременно должна бы предположить себе согласно со мною, не может существовать без доверенности. Ее к нам не имеют — и так *расстаться*. Разлука всё мое мне возвращает. Я все отдавал, что мне дорого, отдавал искренно, и ты бы сделала то же. Письмо мое у маменьки. Она знает, что могла бы из меня и для меня сделать. В этом же письме я говорю, что могу быть братом только вместе с нею, что розно она не имеет никакого права на мое сердце и на те чувства, какие в нем; что я жертвую ей ими не потому, чтобы считал их незаконными, а потому, что пожертвование считаю необходимым для общего счастья. Итак, я перед нею прав — прав не одними поступками, но и самыми скрытыми чувствами.

Разлука даст нам многое — она возвращает нам свободу любить друг друга, верить друг другу, быть в мыслях друг с другом, как были прежде. Всё прежнее заглажено нашим искренним намерением, которое мы исполнили бы, если бы нам дали и помогли его исполнить. Разлука, возвращая нас друг другу, избавляет нас от опасности нарушить свою обязанность. Всё будущее — друг для друга и для добра. Теперь ты в своей горнице не будешь одинокою — твой верный товарищ будет с тобою; а мой никогда меня не покинет. Теперь я не буду бояться своего чувства и сберегу его. Опять по-прежнему оно будет источником всего во мне лучшего. Обо мне не беспокойся. У меня есть одно правило, которого теперь не отдам за миллион. *Всё в жизни к великому средство*. Это правило можно применить не только ко всей жизни, но и ко всякой минуте, ко всякому обстоятельству жизни. Я уже обязан ему многими хорошими минутами, и с ним нигде и никогда пропасть не можно. Нужды терпеть не буду — я один! Вспомни об Эверсе¹⁴ и подумай, что нужды для хорошего человека на свете нет; что всякой доброй богат и лучше живет всякого Креза. Не воображай меня несчастливим. — Я уверен, что уеду отсюда без большой грусти! Я своим отъездом спасаю то, что так трудно было мне потерять! Я верю твоему сердцу, я имею друзей, у меня есть воспоминания, прекрасная цель — я буду жить для тебя. Ты же будь более с собою — с своим Фенелоном¹⁵; я желал бы, чтобы ты писала для себя

свои мысли и опыта и чувства; знаешь ли, как это утешительно! И именно тогда утешительно, когда надобно излить кому-нибудь сердце и нельзя. Пусть этот *кто-нибудь* будет бумага — думать и выразить мысли есть счастье.

Но я не желал бы, чтобы ты имела какие-нибудь тайны с другими — чтобы не было третьего между тобою и Маменькою. Ты должна теперь сберечь себя от всех упреков. Главное нам и всем известно. Никто посторонний ничего к этому не прибавит и не убавит. Если А(нна) Ив(ановна)¹⁶ здесь будет, то чтобы между нею и тобою не было ничего особенного; ничего такого, чему бы Маменька не могла быть свидетельницею. То же и с другими. Словом, сбереги себя во всей чистоте — чтобы никто не имел права и по наружности обвинить тебя. Всё с собою и с своею бумагою. Я то же буду делать. Я буду к ним писать — но изъяснения между нами не будет. К чему оно послужит? Если останусь в Петербурге, то это сделается само собою, и они просто узнают, что я остался. Когда обживусь там, то напишу весь свой порядок, чтобы ты знала, как и что я делаю.

14 апреля. Черта Воейкова¹⁷. После того, что я написал ему в его альбоме — он пишет в моем: *по шерсти гладит льстец, друг гладит против шерсти*. Что это значит? Хочет ли он сказать через это, что он мне часто правду говорил, меня останавливал, остерегал и что я сердился! А после того, что я написал ему в альбом¹⁸, не должно ли это значить, что я наконец, убежденный жестокою правдою, им мне сказанною, одумался, решился идти прямым путем и теперь должен знать, что он мне друг. Простое самое истолкование этому есть то, что стихи его¹⁹ написаны для других, чтобы других заставить думать, не говоря этого им ясно, что я переменил образ мыслей благодаря ему, что он всему причиною. Черта прекрасная. Но от этой чести надобно себя избавить. Надобно без всяких излишних объяснений сказать ему при других, что я от него никогда черствой правды не слышал и что он никогда меня *против шерсти* не гладил. Этот человек не имеет ни одной *истинной* добродетели, а всё хочет *казаться*; везде играет видное лицо. Боюсь быть несправедливым; но мне так *кажется*. Здесь все документы в его пользу. То, что я написал ему в альбоме, есть некоторым образом признание, что я готов был пасть, что благодаря ему не упал и что надеюсь не упасть, если он подаст мне руку, — всё же это надписано: *хороший плод доброго разговора*. А я написал это тогда, когда в самом деле сердце тронуто было искренностию — по крайней мере моею искренностию. Потому-то и надписал я: *плод доброго разговора*. Содержание же написанного есть точно моя мысль, и совершенно моя, совсем не от этого разговора родившаяся — некоторые вещи, о которых Воейков говорил мне, представились живо, и поразили меня, и мне понравилась решимость, с какою он об них говорил; но они поразили меня живо именно потому, что он говорил об них в первый раз и уже поздно, то есть тогда, когда уже с моей стороны всё и без него было сделано. А тогда, когда бы нужно было говорить, тогда было говорено совсем не то, и дружба не гладила меня против шерсти. В моем же характере нет, чтобы я оскорблялся правдою — я против нее бессловесен! В первую

минуту может она и огорчить и показаться досадною, но во вторую я бываю ей всегда рад и покорен.

15 апреля²⁰. Вчера, в то время когда ты была у вечерни — я прошел вниз и нашел маменьку одну с Сашею. Я говорил с нею опять и искренно. Сказал ей, что не говею от того, что она не позволила бы мне ходить в церковь вместе с тобою и что такого рода осторожность совсем не годится; что я хочу иметь ту же свободу с тобою, как с Сашею; что мне больно теперь бояться и говорить с тобою и смотреть на тебя, теперь, когда я ей брат; что ей нельзя требовать, чтобы слова были дело — что я имею искреннее намерение всё переменить, но что переменится всё от постоянства, а не вдруг одним словом и что для этого нужна с ее стороны помощь; что я всегда замечал, что принужденность только ослабляла меня и что я при ее со мною перемене сам менялся; — окончание разговора было, что тебя *надобно выдать замуж* (это она сказала) — я прибавил: *надобно, чтобы ты была счастлива*. — Послушай, друг! Нет ничего лучше семейственного счастья, и ты должна его иметь. Я одного только боюсь, именно, чтобы не случилось то, от чего я своим пожертвованием тебя хотел избавить. Если тебе сделают насилие и ты выйдешь замуж не только без склонности, но еще и сохранив противное чувство, — и если я еще должен буду этого быть свидетелем — тебе должно освободить сердце для счастливого замужества; отдать себя другому с надеждою, что будешь с ним счастлива, — одним словом, сделать из себя всё то, чтобы быть готовою для семейного счастья, но никак не жертвовать собою! Эта жертва не только бесполезна, но, можно сказать, и преступная. Для чего может быть необходима она! Чтобы иметь эту готовность *быть счастливою* с другим, ты должна приучить себя смотреть на меня другими глазами, видеть во мне брата, друга, который этого же счастья за тебя желает, но для меня же и из уважения к своей должности ты должна стараться, чтобы замужество было для тебя счастьем драгоценным, а не бедствием, с которым ничего на свете не сравнится. Особливо для тебя это бедствие будет несносно. Что же я буду, если за всё, что у меня взято, еще надобно быть его свидетелем!

Одним словом, опять имею надежду, что сестра моя будет моею сестрою и что мне дано будет право любить мою Машу и жить для ее счастья. Но я желал бы, чтобы и ты посмотрела беспристрастными глазами, основательна ли моя надежда? Не лучше ли я сделаю, когда с вами расстанусь? Живучи вместе, не будем ли мы только нарушать друг другу спокойствие?

16 апреля. Вчера утро было прекрасное. У нас у всех было на душе свободно. Мне кажется, что есть начало той доверенности, которой я желаю и которая одна всё нам дать может. Когда я принес цветы, то *объявил*, что один горшок для тебя, — это не сделало дурного впечатления. Когда делал приготовления к обеду — то их не приняли в дурную сторону. Добрый знак. Вчера еще, без вас, но при ней, побранил я Воейкова, за его стихи ко мне в Альбом, в которых он хвастает своею дружбою ко мне, которая будто *гладила меня против шерсти*, и сказал ему довольно резко, что я от него никогда

не слышал жестокой правды и что мне совсем не нужно напоминать, что тот друг, который говорит правду, хотя и неприятную. Это не имело дурного впечатления. Но об этих стихах Воейкова ко мне знает моя книга. Они служат новым доказательством, что он везде хочет быть в виду, всем казаться. И здесь он хотел дать почувствовать, что теперешняя моя перемена есть плод той жестокой правды, которую он мне сказал — хороший плод хорошего разговора. Я спросил у него, когда он говорил мне такого рода правду? И наперед угадал его ответ. Он отвечал мне: *а третьего дня?* Именно то, чего я ожидал. Это тот день, в который я написал у него в альбоме. Черта негодная. Если бы он знал настоящую причину! Но что ему до настоящих причин! Ему хочется только казаться! Не жить, а только заставить других думать, что он живет! Оставим это. Я не могу быть оскорблен и унижен тем, что могут подумать, что я только потому, что Воейков доказал мне, что надобно *исправиться*, решился на перемену образа чувствовать! Голос и оправдания сердца всего лучше! А ты моя Маша, мой двадцатилетний Эверс, знаешь, что у меня в душе, — чего же более! Можно жить прекрасно! Стоит только теперь стараться о нашем счастье и сказать себе, в чем оно состоит.

Докончу сперва историю вчерашнего дня и нынешнего — а там слова два и о будущем. — Вчера после причастия ты обняла маменьку, и она заплакала вместе с тобою. Напрасно я взял ее за руку — этим я напомнил ей только о прошедшем. А в эту минуту, если бы она тоже нас понимала, мы бы должны были думать об одном прекрасном будущем и на всю жизнь *друг другу поверить*. Мысль, что она не поняла меня, стеснила и даже охолодила мне сердце на минуту — но *persévérance!** и всё будет. Вечеру, когда я возвратился домой и нашел вас всех вместе и тебя такую веселую, не знаю, отчего стало мне грустно — нет! знаю отчего! Я вообразил, что кто-нибудь другой уже на моем месте, а еще сердце не так привыкло к этой мысли! И поутру проснулся с этою же грустию — но утро всегда возвращает хорошие мысли. Ты не огорчайся, если будешь видеть меня в иные минуты и унылым и мрачным! Можно ли не быть теперь этим минутам! и они будут еще, может быть, долго! Только не бойся их и для них не переменяй того, что должно быть не на минуту, а навсегда. Когда старое возвращается — я грустен! Эта грусть верный товарищ эгоизма! Хорошее, доброе, бескорыстное, то есть настоящая любовь к моей милой сестре, единственно ее достойная, то всегда весело, ясно и чисто! Я знаю, каков я теперь *быть должен* — понятие об этом во всякую минуту, и хорошую, и дурную, *одинаково*: но я еще не сделался тем, что *должно*; я еще никак не дошел до той высоты, на которой *быть должно* — ведь я отказываюсь от тебя не из равнодушия, не из холодности! Дать другое свойство моей привязанности к тебе я должен и решился! Но этого не сделаешь в одну минуту! и ты должна мне помогать! По старой привычке я называю *моим* то, что не должно быть *моим*, или что будет *моим*, но не так, как прежде! Разве я потеряю тебя тогда, когда

* твердость! (фр.).

ты будешь *счастлива* с другим? и счастлива некоторым образом от меня? Нет! милая, поверь, что мое сердце привыкнет предпочитать это счастье прежде! Только ты будь моею помощницею! Смотри на это так, как мне должно; не огорчайся моими тяжелыми минутами! Иди вперед, за тобою и мне будет легко; если же и над тобою что-нибудь грустное будет иметь силу, не поддавайся; всякую противную мысль удаляй от себя, а если трудно, жди, чтобы доброе опять возвратилось, и оно верно возвратится, так как я уже это испытал на себе. Жди того, что скажет добрый шептун, который всегда умеет дать бодрость душе. Чтобы грустные минуты не приводили в отчаяние и не мешали бодрости! Это минуты, которые проходят, а доброе не меняется. Когда увидишь меня грустным, думай, что это ненадолго; когда увидишь веселым, знай, что я доволен собою, что в эти минуты наиболее люблю тебя и что в душе у меня светлые мысли о твоём счастье, что я воображаю себя его причиною, что с этой минуты всё низкое пропадает и всё хорошее берет верх! Милой друг, и в грусти и в радости помню тебя, — но в грусти я более эгоист; а в радости я весь принадлежу тебе. Последнее лучше, и ты должна желать, чтобы последнее сделалось постоянным. Оно дает мне прямое счастье. С *прежним* я не могу ничем заняться. *Последнее*, напротив, оживает во мне всё; занятие становится и приятнее и успешнее, а всё хорошее — еще лучше. Прекрасные мысли и чувства теперь имеют еще более цены для меня. Давеча это место в проповеди мне понравилось так, как бы прежде не могло понравиться. Пусть время промчится над их гробами — лишь бы не унесло об них воспоминания! Они живы! Вообразим же, что в прошедшем умерло для нас только то, что не должно жить всегда; но чистое, вечное осталось! Пусть проходит время — оно не умертвит того, чтоечно! Оно живо! Мы живем для другого и лучшего! Расставшись во всём том, что не должно быть нашим *вместе*, мы ближе друг к другу в том, что теперь прямо *наше*. Теперь *прекрасное* состоит для нас в побеждении себя. Для тебя *победить* себя значит всё сделать для своего счастья и совершенно увериться, что в нем и *мое*, следовательно, приучить себя думать об нем так, как бы ничего прежде не было. Для меня победить себя значит совсем не иметь прежних желаний и надежд, всё, что было вдвоем, передать тебе одной — одним словом, жить в будущем за *тебя*. О! в этом будущем много прелестного! Разве трудно желать его и надеяться с такою же живостью за одну тебя, как прежде за нас двоих! Не отыми же у меня этой надежды и будь мне в ней товарищем. *Средство* к этому *прекрасному* есть искреннее пожертвование тем, что ему противно. А чтобы было пожертвование, нужна твердость! нужно, чтобы мы друг с другом были согласны. Я уже сказал, в чем твое счастье, и ты должна в этом себя уверить! Не думай никак, что, желая его, ты нарушишь любовь и ей изменишь! Напротив, теперь изменюю будет, если будешь делать не то, что должно! Ты должна иметь прекрасные надежды, ты стоишь того, чтобы они были исполнены, а для меня не должно ли быть счастьем, когда они исполнятся! Что же касается до моего собственного, то и об этом ты должна иметь мои же понятия! Ты говорила маменьке, что желала бы

видеть меня отцом семейства; милая, я могу прожить без этого — мне же надобно *искать самому*, а тебя напротив — *искать будут!* Это большая разница! И мое положение совсем другое, чем твое, — я имею занятия, имею круг действия; для тебя же другого нет, как в семействе. Но главное, чтобы ты была счастлива в семействе. Этого-то счастья хочу, чтобы ты надеялась, этого счастья желал бы тебе дать — сколько еще много мне останется. Мысль, что ты всё имеешь, твоя работа, работа полезная и одобрение сердца.

Прошу все это переписать, и так, как переписана прежняя голубая книжка — то есть страница твоя, страница моя. Себе не так верю, как тебе. А то, что скажешь мне ты, то будет свято; я буду тогда тверд и всё исполню. С этой минуты я твой друг, твой брат — и в этом *persévérance*.

Вот тебе и тетрадка, в которую переписать.

Назначить *правила* обхождения с каждым особенно, с маменькой, Воейковым, тобою и — с собою.

NB. Я никогда не говорил Воейкову, что ты мне сказала о Красовском; он солгал; он поступил с тобою, как полицмейстер с колодником; мое **NB** стерто! видно, он его видел.

19—20 апреля²¹. Мне не должно оставаться в Дерпте — это будет и моею и Машиною погибелью. Подале от них — в этом слове и свобода и добродетель. Милая Маша, решившись всем пожертвовать, я думал, что сделаюсь точно твоим братом — счастливить тебя, быть с тобою искренним, делиться с тобой мыслями и чувствами было бы для меня большим вознаграждением! Я привык бы к этому новому положению, разумеется, не вдруг, а мало-помалу. Я чувствую, что для меня со временем было бы возможно все свои надежды передать тебе и для себя оставить одну только радостную мысль, что я способствовал к твоему счастью. Делая свое пожертвование, я думал, что поступаю согласно с тобою, что и тебе так же, как и мне, легко будет на него решиться; в этом уверил меня и первый твой ответ на мое письмо, и то, что ты написала на мое письмо к маменьке. Думая, что ты согласна на всё, что ты желаешь и прежде этого желала, мне легче было забыть о себе совершенно — теперь вижу, что тебе это так же трудно, как и мне! Это удваивает для меня собственную мою тягость. Если бы могли жить непринужденно друг с другом — я мог бы надеяться и на себя и на тебя. Возвратить спокойствие твоему сердцу было бы делом дружбы: мы бы сделали друг друга счастливыми. Мы бы согласили свои мысли и чувства с тою должностью, которую взяли на себя, — словом, мы бы были добродетельны *вместе*. Но порознь это невозможно. Что ни делай над собою, ничто не устоит против подозрения. Меня угощают приятно наружностью — а в сердце, из которого, как из бездны, ничто не выходит наружу, всё старое. Это *старое* невольно обнаруживается в некоторых словах, к которым привязаться нельзя, но которые показывают ясно всё то, что служит им основанием. Хотят от меня братских чувств, а их ко мне не имеют — как же я могу иметь, принужден будучи еще победить такое чувство, которое так долго было им

противно, которое мне дорого, которого не считаю и никогда не сочту преступным. Мне говорят, что хотят и считают нужным делать мне напоминание, то есть держать над моею головою розгу, чтобы я как-нибудь не забылся — самое верное средство заставить меня не забытья, а всё свободно нарушить. Против любви и доверенности я не сделаю шагу. — Унизительное подозрение я сам готов буду растоптать. Между тем Воейков из сообщника сделался шпионом — он за нами присматривает; что услышит от меня искреннего, то пересказывает, чтобы там показать, что он хранитель семейного спокойствия! Но пересказывает не при мне, а наедине, и это видно только по тому действию, которое имеет оно на обращение со мною. Два дня я брат, а десять дней я враг. Когда Воейкову угодно шутить со мною своим дурацким образом, то сердятся, что я отвечаю ему в его тоне, ему говорят при мне, зачем он подвергает себя моим ответам. Когда же скажу ему просто, чтобы он перестал говорить глупости, которые скучны и неприятны, то меня же обвинят в капризе, потому что всё это пересказано наедине и своим образом. Одним словом, тьма мелочей, которым нет имени, которые для них незаметны, но все вместе или одна за другою действуют сильно и разрушают всякую силу и бодрость. Нечувствительно дойдет до того, что наша решимость пропадет, что мы сами себе изменим — причины будут существовать, но кто их заметит! Вина будет явная, основанная на документах: слово дано, а по словам Воейкова Е(катерина) А(фанасьевна) всё со своей стороны сделала, что она довела до вины, того не будет видно. Опять нас во всё осудят, опять мне Воейков, с своим обыкновенным бесстыдством скажет, что я *обманул* — что ж буду отвечать! Эти люди так же строги и так же слепы и так же нечувствительны, как закон уголовный, который осуждает по документам и не входит в разбор тайных и самых сильных причин. Они же судьи в своем деле — чтобы оправдать, надобно обвинить себя. Для этого не имеют они нужных качеств. При таком унизительном принуждении можно ли отвечать за себя! А если еще принужден будешь сам себя признать виноватым, что останется в утешение! Извне тяжелые обстоятельства; а в самом себе мрачное чувство! Одним словом, погибель всего, что есть теперь наше счастье! Нет, милая Маша, наконец воспользуемся многократным опытом и будем недоверчивы к обольщению минуты! Скажем себе решительно, что от них ожидать ничего невозможно, и предупредим обвинение собственного сердца. Ты говоришь мне: называй чаще ее сестрою! Милая, ты написала это не подумавши. Ты даешь мне роль Воейкова. Я могу сказать святое слово *сестра* не иначе как с тем только чувством, которое с ним неразлучно. Употреблять это имя, как одно только средство, так, как некогда Воейков употреблял *Религия*, как средство получить то, что мне нужно, — я не могу, если бы и хотел. Сказать твоей матери *сестра* есть для меня чувствовать, что я имею всё счастье брата, что она мне верит, что она мне вверяет и тебя, что я имею с тобою всё счастье друга и брата. — Есть ли здесь что-нибудь на это похожее? всё напротив! Как же называть ее сестрою? Это было бы святотатство! Если же ей нужны одни

слова, то мне ими довольствоваться невозможно. На одной из страниц Делиевых садов²², исписанных замечаниями Воейкова, стоит: *16 марта. Приезд Жуковского в Дерпт; на другой: от десятого февраля до двадцатого марта был совершенно счастлив. Воейков*, за этим следуют подписи Маменькина: *и я*, Сашина: *и Саша*, и твоя: *и Мария*. Я выставил карандашом свое NB. Эти две надписи служат новым доказательством, что здесь всё одни слова, всё одна наружность. Будь только вид, до дела нужды нет. Сердце у меня стеснилось, когда я всё это прочитал. Воейков подписал свое имя с искренним чувством. Надобно только понять это истинное счастье, чтобы поверить, что он не лгал, и чтобы ему не позавидовать. Для своих физических нужд он все имеет; а сердце его нужды не знает — следов(ательно,) у него есть всё. На лекциях были Генералы²³; их же никто не понимает, и все верят, что они хороши; и прочее и прочее. Маменька, увидя подпись, ей поверила, и как же не поверить, когда стоит на бумаге: *совершенно счастлив*. Это трогает душу; Саша верно подумала о тебе, верно в душе у ней было такое чувство, которое не совсем согласно было с тем, что пишет рука, но как же было не написать, своим же собственным положением она довольна! У ней есть душа прекрасная, которою она всё украшает! Но я уверен, что ей было несколько и грустно. Но ты, Маша, с каким чувством это написала! У тебя всё взято, ты же должна говорить: я счастлива совершенно, и те, от которых зависит твоя судьба, этим довольствуются, этому верят и радуются твоим счастьем, в котором не может и не должно уже быть недостатка, потому что ты написала: *я счастлива совершенно!* Вот семья, составленная из четырех человек, из которых каждому всё известно (или по крайней мере должно быть известно), что происходит в душе у другого, и которые играют друг перед другом комедию, один против воли, а другие потому, что иного и делать не умеют, и между тем еще сами себя хотят уверить, что это не комедия, а что-то в самом деле. И таким это будет вечно. Что в таком кругу притворчивом сделает простодушие! Оно вечно теряет, вечно будет иметь наружность несправедливости. Им будут пользоваться, чтобы над ним же торжествовать. Все эти записки, размечанные по книгам, которые всякой нечаянно видит и прочитать может, имеют что-то весьма подозрительное. Хочется другим открыть свое чувство и между тем остаться в стороне, чтобы возбудить большую к нему доверенность. — Помнишь ли, что написано было на Геснере²⁴ и к чему я подписал карандашом: *всё притворство!* Там стояло: *несчастие и опыт Авдотьи Николаевны будут счастьем и опытом для Сашки; после матушки, она ей лучший ментор нежели я и Маша*. Тогда это меня поразило не потому, чтобы я знал уже всю связь его с Авд(отьей) Ник(олаевной)²⁵, но потому, что я знал его образ мыслей насчет Маменьки. Если бы это написано было для себя одного, то он не поставил бы *после Матушки*, о которой он поговаривал не с большим уважением — итак, это было написано для того, чтобы матушка прочитала, и для того, чтобы и она согласилась, что А(вдотья) Ник(олаевна) есть обреченный для Сашки ментор. Но что же сказать теперь, когда мы знаем, что такое Авд(отья) Никол(аевна), когда знаем их бывшую

связь и когда видели, с каким презрением этот *прежний ангел, этот необходимый ментор* забыт. Что сказать о его сердце, когда он так равнодушен к той, которую обожал до женитьбы. Это не значит, что надобно бы было сохранить связь. Но спрашиваю, в чем состояла эта связь. Кто был ангелом в одно время, тот будет ли чертом в другое. Теперешнее презрение служит ужасным обвинением прежнему обожанию. Но дело не о том. Эти записки не иное что, как обман, и самый тонкий. Обман во всём смысле этого слова, то есть *притворство с целью, для чего-нибудь*. Тогда это было написано для того, что он имел намерение переселить ее к нам в дом. И сколько мелких обстоятельств, обнаруживающих характер, приходят мне теперь на память. Помнишь ли, как он описывал ту радость, с *какою приняла А(вдотья) Н(иколаевна) его известие о помолвке, и как все в Рязани дивились этой радости, которая есть самое сильное доказательство, что служи ложные*. Можно ли говорить такие вещи свободно? с видом искренности? А когда я сказал ему, что Мерзляков говорил мне о его связи с Ав(дотьей) Ник(олаевной), что он отвечал? *Мерзляков подлец и клеветник и пьяница!*²⁶ То же, что теперь писал в письме к Каченовскому²⁷ и чем радовалась так маменька! Чтобы поддержать свою ложь, он клеветал на своего самого короткого друга, именно в ту минуту, когда называл его *клеветником*. Имеет ли над сердцем его какую-нибудь власть голос совести! В этом ответе для меня две ужасные вещи: решительное, холодное притворство и желание только *казаться*, не заботясь о том, чтоб *быть*, и другое: готовность пожертвовать всем святым для достижения своей цели. Тогда я имел безумство поверить. Но теперь, когда прочитал то же самое в письме к Каченовскому, сердце поворотилось. И на это письмо сделать можно много замечаний. Но оставим грязь и возвратимся к прекрасному. Милая Маша, скажем решительно друг другу, что наше прекрасное в разлуке — нам не дадут быть добродетельными и мы даром отдадим всё свое лучшее. В слове разлука — и свобода и добродетель, и всё нам возможное счастье. Что выигрываем мы, живучи вместе, только то, что делает жестокою разлуку. Неужели значит быть *вместе* видеть друг друга и не иметь способа сказать друг другу искреннего слова; значит ли быть вместе страдать, не облегчая друг другу страдания? Значит ли быть вместе затруднять друг для друга исполнение обязанностей? Значит ли быть вместе напоминать только друг другу своим присутствием, что мы во всём разлучены и что для нас ничего общего никогда не будет! Милая, не бойся этого слова разлука! Оно благодетельное теперь для нас слово! Оно мне по крайней мере всё *мое* возвращает! Спрячемся в глубину своего сердца, там наше *всё* — спокойствие, верная дружба, свобода чувствовать, желание прекрасного, твердость в достижении к нему, энтузиазм, доверенность друг к другу и к самим себе. *Вместе* мы не воспользуемся никаким средством к прекрасному — у нас оторвут руки, если мы их к нему протянем. *Розно* — мы свободны и жизнь совершенно наша. Надобно только переменить об ней понятия. Я когда-то написал²⁸: *счастье не состоит из удовольствий простых, но из удовольствий с воспоминаниями*, и эти удовольствия сравнил я с фонарями, зажженными

ночью на улице; между ними есть промежутки, но эти промежутки освещенные и вся улица *светла*, хотя не вся составлена из света. Так и счастье жизни. Удовольствие фонарь, зажженный на дороге жизни, воспоминание свет, а счастье ряд этих прекрасных воспоминаний, которые всю жизнь озаряют. Вот тебе истолкование Дуняшиной печати²⁹. Надежда пустое слово. Оно прекрасно только для неопытности, которой жизнь неизвестна. Тогда вся прелесть этого слова заключена в его непостижимости. Но что же надежда — беспокойное, иногда сладостное ожидание чего-то в будущем. Такое ожидание более вредно, нежели полезно. Оно уничтожает настоящее. Если оно весело, то делает к нему равнодушным; если печально, то отравляет его. Позабудем о будущем, чтобы жить так, как должно. Милой друг, пользуйся беззаботно настоящею минутою, ибо одна только она есть средство к прекрасному! Жаждай свой фонарь, не заботясь о тех, которые даст Провидение зажечь после; в свое время ты оглянешься и за тобою будет прекрасная, светлая дорога! Между настоящею минутою и неизвестным пределом жизни поместим не надежду, а Провидение. Переходя от одной хорошей минуты к другой, нечувствительно дойдем до этого предела, за которым верное, прекрасное будущее! Об нем думать можно без волнения — оно не мешает жизни! Но здешнее будущее есть настоящий враг всего прекрасного! Что в нем? Приходит ли оно когда-нибудь таким, каким мы себе его воображаем! На что же ему верить и об нем заботиться! А прошедшее пускай идет с нами рядом! *Il ne faut pas s'avancer dans la vie, en détournant la tête, comme nous écrit Annette*³⁰. Надобно сделать из прошедшего своего товарища. *Для сердца прошедшее вечно*³¹, а наше с тобою прошедшее есть самый необходимый друг наш! С ним только будет для нас и настоящее прелестно. Уверяю тебя, что у меня теперь на душе так ясно, как никогда не бывало. Мне везде будет хорошо: и в Петербурге, и в Сибири, и в тюрьме, только не здесь, где не дадут мне ничего доброго исполнить и где я только разрушу твоё спокойствие. Безумство воображать, что человек зависит от места. Петербург полон людьми, которые меня знают, и там есть верно Эверсы; а Тургенев по своему сердцу мой верный товарищ! Нет, друг милой, я буду работать с энтузиазмом — во всякую минуту жизни можно быть *человеком*. Здесь только эти минуты, которые можно употребить на добро, будут посвящены только на то, как бы предостеречь себя от зла! И что же если и то не удастся!.. Впрочем, если петербургская жизнь не будет мне сносна — есть Долбино и Мишенское! Ты хотела мне закричать вслед: *по-езжай в Долбино!* Может быть и послушаюсь. Где бы я ни был, везде у меня будет хорошее настоящее и свобода им воспользоваться; прошедшего никто у меня не отымет — а будущего не надобно. Одно только условие! Не дай собою пожертвовать! Чтобы твой друг, твой брат не мог никогда упрекнуть тебя, что ты добровольно истребила всё его счастье! Напротив, если будешь счастлива каким бы то ни было образом, то это будет мне же наградою! Нас

* Не нужно идти по жизни отвернувшись, как нам пишет Аннета (*фр.*).

не разлучит ничто! Быть счастливою для тебя значит пользоваться тем, чего ты достойна, и быть его достойною. Разве это может разорвать твой союз со мною.

22 апреля. Что значит для меня *стараться выдать тебя замуж*, как я это обещал, и обещал искренно? Получить полное право располагать наравне с твоею Матерью твоею судьбою и дать тебе с другим такое же счастье, какое желал бы дать с собою! Знаешь ли, что эта мысль несколько времени меня радовала! Я думал, что я найду человека, тебя достойного; что я помогу тебе возвратить покой душевный, что ты и этим счастьем будешь обязана мне же. Я мог бы смотреть без ревности и без зависти на человека, которого сам бы для тебя нашел, и уверение, что всё сделано мною для тебя, было бы и подпорою моею и наградою! Я же был уверен, что ты с своей стороны готова быть со мною согласна и что стоило бы нам быть искренними, откровенными друг с другом, чтобы всё привести в порядок. Помнишь ли одно выражение твое: *marîée ou non marîée, je conserverai toujours le même sentiment**. Признаюсь, сначала, когда я это прочитал, у меня сердце невольно стеснилось; как! ей самой уже кажется возможным замужество! Но после это же дало мне большую твердость! Так и должно (подумал я), легче будет все исполнить. Но теперь кажется мне, что ничего нельзя исполнить! Ибо что для них *значит обещание мое помочь выдать тебя замуж!* Не иное что, как обещание быть немым свидетелем, когда захотят тебя бросить в руки первому, который представится с какими-нибудь выгодами или даже и без выгод. Советовать и противоречить мне будет нельзя! Мое противоречие и совет истолкуют иначе и заставят меня молчать, напомнив мне мое обещание! Я буду рабом и в то же время сам принужден буду смотреть, как бездушный Воейков, без всякого к тебе участия, будет предавать твое счастье! Ведь надежда, данная Красовскому, не есть ли торг? Итак, в этом моем обещании, которое имеет для меня такой прекрасный смысл, есть не иное что, как жестокая для меня неволя; то, что я считал средством *предохранить тебя*, не послужит мне ни к чему, и я буду только запутан в цепи. С именем брата я думал получить одинакие права с Воейковым — напротив и теперь я в зависимости от него же. И он же выставляет себя всегда вперед. Он хочет уверить, что я всё сделал по его советам; во всё вмешивается, но не так, как друг, а как человек, которому хочется играть первое лицо. Если бы у него была душа и искренность, как бы ему теперь было всё сделать прекрасным, не хвастать этим, а действуя для общего счастья, из одной дружбы. Напротив, он уверяет маменьку, что *она все сделала, что мне остается еще и это заслуживать*; что я говорю с ним наедине, пересказывает ей; шпионствует и тому подобное. На его советы ехать к Дуняше я отвечал грубо; признаюсь, мне не хотелось дать ему права сказать, как всегда, что я поступал здесь по его советам! На что давать повод к новым стихам в альбом. Он мне отвечал: *ты сердисься, когда я говорю, сердисься, когда я шучу*,

* замужем или незамужем, я всегда сохраню то же чувство (фр.).

сердишься, когда молчу. Говори, когда нужно, и от сердца, тогда я и сердиться не буду. Одним словом, против этих людей правым быть невозможно. Я спрашиваю, Маша, довольна ли ты нашим положением? и можешь ли ожидать в нем перемены! Лучшего ждать нельзя, а то, что есть, куда годится? Впрочем, может быть ты смотришь на это другими глазами!

Не желать ничего страстно? Этого нельзя себе сказать заблаговременно — надобно испытать жизнь, чтобы наконец это подумать, а подумав, исполнить! Я ничего не желаю страстно — я имею доверенность к Промыслу, соединенную с терпением. Желать страстно значит вмешиваться в его правление! Стоить — вот дело человека.

Il faut mettre, à la place de l'espérance qui trompe presque toujours, la providence qui ne trompe jamais — alors tout devient conséquent dans la vie: on sait d'avance le mot de l'énigme! Il n'est autre chose, que: *mériter**.

28 апреля³². Милая моя волшебница! Прочитав то, что ты мне написал, я стал весел, бодр — горя и следу нет. Между тем мы с тобою расстаемся! Что *будет* вперед, неизвестно! Но нам теперь до *будет* дела нет! Настоящее и прошедшее — вот наше! А оно у нас есть и, право, самое богатое. Мы выдержали много испытаний, если иное и можно бы опорочить, то всё в целом хорошо? Не надобно надежды — на что этот обманщик, который мешает быть добрым? Сама вообрази, может ли быть что-нибудь для нас дурного? Те, которые нам вредят или, лучше сказать, вредили, сами несчастнее нас! Им у нас отнять теперь нечего — а что они в своем сердце? Захотим ли быть на их месте? Я говорю: *те* — нет! Это несправедливо! *Том!* Милая, твое письмо помирило меня с маменькою! Я опять чувствую к ней нежную благодарность, — она за тебя заступилась. Мой отъезд свяжет всё крепкими узами, и она будет самым усердным твоим защитником — теперь в этом я уверен. Прочитав твое письмо, я сошел вниз и от души пожал ей руку — она несчастна! Несчастнее нас в иные минуты! Поверь, милая, что теперь тебе будет легко быть с нею искреннею! А я, будучи от нее далеко, буду ей дороже; она, может быть, отдаст мне более справедливости, и уже ничто не будет ей мешать меня любить. Мысль, что она тебя защищает, дает мне большое спокойствие; привязывает меня к ней, и в эти два остальные дни, которые пробуду я с вами, мне будет легко ее любить. За себя уже нечего досадовать — прошедшему забвень! а в будущем вижу в ней одну твою защитницу! Будь я с вами — она будет меня бояться! Будь я далеко от вас — она будет видеть всё наше пожертвование, отдаст нам справедливость, и если не открыто, то втайне будет одно с тобою ко мне чувствовать — вот еще благоденствие разлуки! Вы будете понимать друг друга! молча будете обо мне говорить!

Переписываю то, что тебе надобно...

* Вместо надежды, которая обманывает почти всегда, нужно положиться на Провидение, которое не обманывает никогда, — и все станет последовательно в жизни! разгадка известна заранее! Это не что иное, как: *быть достойным* (фр.).

Решиться быть опекуном — была минута энтузиазма! Но это надобно хорошенько обдумать! Может быть, еще полезнее *не быть* опекуном, чем *быть*.

Видишь ли, мы можем доказать друг другу как геометрическую задачу, что для нас разлуки нет! У нас один шептун! Что думал я в хорошую минуту, то пришло в голову и тебе — одни и те же мысли, одни и те же слова. Прости же, друг! *Настоящее и всё в жизни к прекрасному средство*. С этими двумя подпорами забудем легко о том промежутке, который отделяет нас от той границы, за которой начнется наша родина, от того будущего, в котором мы будем вместе и неразлучно. Теперь твердость, постоянство, спокойствие души и неизменная верность друг другу! Если бы могла ты вообразить, как у меня теперь на душе ясно! Без страха смотрю в жизнь! В ней *tout est conséquent!** Всё влечет за собой свои естественные следствия. Испытание — приготовление к утешению! Разлука — условие соединения! Одинакая здешняя жизнь — приготовление к одинакой вечности! Ничто не пропало! Всё лучшее наше! Где бы я ни был, везде свет Божий — везде настоящее наше и может быть прекрасно! Можно даже иногда подумать, что и то будущее началось для нас здесь! Разница между той и здешнею жизнью только в том, что здесь могут быть горы и леса между нами, а там нет этого непроницаемого пространства! Всё остальное для нас и здесь то же, как и там! Чего же унывать? Жизнь прекрасна! Прости!

Нарва, 2 мая³⁵. Около меня шум и крик. В ближней комнате поют и орут. На небе пасмурно; да и в голове и в сердце не яснее. Настоящее огорчение всегда тяжелее прошедшего, хотя бы само по себе оно и было менее. Теперь грустно от того, что мы розно, от того, что нельзя уже себя поддерживать надеждою на свидание, которая прежде и тайно и явно во всё вмешивалась. За несколько времени грусть разлуки казалась легче, нежели грусть от того, что мы вместе и розно; причиною этому было то, что разлука была еще вдали, а то тяжкое чувство было в сердце. Как быть с собою? Как приучить себя находить и чувством хорошее или лучшее в том, в чем находит его рассудок. Я знаю, что нам быть розно лучше, нежели вместе, за несколько времени я это даже и чувствовал. Теперь унылость. Надобно быть твердым. Помнить, что *быть вместе*: значит быть невольником во всех чувствах, быть невольником Воейкова; быть униженным; быть лишенным своей любви; не иметь способа сделать ничего доброго; быть по наружности виноватым и быть подверженным опасности сделаться виноватым в самом деле; что *быть вместе* желать не должно, потому что их характеры никогда не переменятся; что *надежда и будущее* пустые слова, что я могу пользоваться настоящим... всякую минуту особенно делать доброю — если не поступком, то мыслию; что мне не нужно заботиться о их мнении — у меня есть мнение лучшего человека, то именно, которое мне дороже, что я могу быть прав в собственных глазах; что лучшие люди на моей стороне...

* всё последовательно (фр.).

3—7 мая. Приехал в Петербург в 12 часов ночи. Тургенева нет дома. Сидел долго до утра перед озером, смотря на Мих(айловский) замок³⁴, который, как черная тень, возвышался над Фонтанкою, освещенною месяцем. С Тургеньевым проговорил до самого утра.

4. Рано поутру послал за Блудовым³⁵. Он явился с дружбою такую же, как и прежде, и с критикою моих стихов такую же, как и прежде. Обедал у него. Жена его милая женщина³⁶; даже и лицом приятная; на этом лице написан тихой и нежный характер с умом тонким. Мне нравится ее простота. Она милее и даже приятнее своей сестры, которая по своей молодости имела бы право на преимущество *quant à l'extérieur**.

В письме от Саши Кавелину³⁷ стоит: выходя замуж, я ничего не знала о связи доброго Воейкова с этой ужасною женщиною, которая не имеет ничего святого и которая завела его удивительным притворством, фальшивою искренностию и романтической страстию. Добрый, умный и простодушный мой Воейков считал себя любимым выше всего и что всем для него жертвовала.

«Воейков признавался, что связь была разорвана, что и в самом деле так было точно, потому что он желал места в Дерпте, точно для того, чтобы быть от нее далеко. Но думая положить совершенную преграду своею женитьбою и по простодушию своему, он надеялся, что если бы и с нею будет жить вместе, то она исправится и возвратится на путь добродетели».

27 июня. Чтобы не быть виноватым, надобно всё объяснить в собственных своих глазах. Перед ними оправдываться не нужно — никому не поверят, да и не должно, чтобы верили; для Сашина спокойствия я не должен, чтобы она имела о муже своем то мнение, которое я имею; Маша и без моих объяснений его имеет; Е(катерина) Аф(анасьевна) не захочет оправдать меня на его счет. Но это объяснение нужно мне собственно для меня. Всё может выйти из памяти, и я могу самому себе показаться виноватым. Вот от чего надобно себя избавить.

Приехав в Дерпт, я не имел никакой надежды на спокойствие, ожидал той же одинокой, печальной жизни, какую вел в Муратове. Это ожидание меня не обмануло. Трудно себе представить положение тяжелее этого. Надобно было уехать. Мне представилось другое средство, лучшее, благороднейшее. Я решился пожертвовать не только одною надеждою и желаниями, но и самым чувством моим — решился быть точно братом Машиной матери. То, что меня наиболее к этому побудило, была мысль, что ее счастье столько же зависит от меня, как и от Воейкова, который доказал уже, что может им играть. Расстаться с Машею и оставить ее на произвол Воейкова было для меня всего жесточе. Чтобы себя с нею совершенно сблизить, надлежало всем пожертвовать, не для виду, а искренно. И я это сделал. С этим пожертвованием для меня всё переменялось — я увидел себя в семье, и даже Воейков (человек, от которого ни я, ничто мое

* (в том,) что касается внешности (фр.).

уже не зависело) сделался в моих глазах совсем другой, мне было легко быть с ним искренним. —

После разговора с ним (в котором он мне понравился тем более, что говорил мне *жесткие вещи*, по-видимому ознаменованные искренностью и дружбою), я написал ему следующее в альбом:

Хороший плод хорошего разговора

«Счастлив тот, кому удастся пройти по земле, не споткнувшись на камень, кто, споткнувшись, воздержался от падения! Но еще не совсем несчастлив и тот, кто, упавши, сохранил силу подняться и спешит ею воспользоваться, кто *вовремя* может сказать себе: нет ничего лучше исполнения должности; кому еще осталось, если не столько жизни (ибо как полагаться на жизнь), по крайней мере столько надежды на жизнь, чтобы это исполнить на деле. Исполнить же это на деле и, если можно, вместе. Что бы ни сулили страсти, но годами своих наслаждений не дадут они того, что даст одна минута добродетели. Какая бы ни была наша судьба — ее даст нам Провидение! Здесь мы ни в чем не властны; но мы властны и должны быть или *достойны* своей судьбы, когда она счастлива, или ее *лучше*, когда она несчастна.

Всё в жизни к великому средству. 4 апреля 1815».

Всё это есть плод нашего разговора, и в этом разговоре Воейков твердил мне, что я обманул Е(катерину) Афанасьевну, что я должен заслуживать доверенность ее, что некоторые мои поступки и моя переписка с М(ашею) делают меня виноватым в собственных моих глазах. Всё это, с одной стороны справедливое, меня поразило, и я, уже решившись всем пожертвовать, забыв в эту минуту всё то, в чем мог обвинять самого Воейкова, принял эти слова за голос дружбы, и только думал о том, как бы всё поправить прошедшее, как бы всё будущее было хорошо. И эти строки, в которых можно найти собственное мое обвинение, написал от всего сердца. Между тем Е(катерина) А(фанасьевна) имела уже мое письмо, в котором я требовал, чтобы она была моею сестрою так же точно, как я хотел быть ее братом. Что же? Через день или два нахожу в своем альбоме следующие Воейкова стихи, которые он с торжеством читает мне при Е(катерине) Афан(асьевне):

У Гениев, как у Царей,
Премножество льстецов под именем друзей,
Но я уверен в том по чести,
Что человек с умом
Найдет различие меж другом и льстецом —
Льстец гладит по шерсти — друг гладит против шерсти!

Эти стихи должны были значить, что я всё сделал единственно с совета Воейкова — что мое совершенное жертвование собою было следствием того, что он мне говорил; что он меня усовестил. Он хвастал перед ними, то есть перед Е(катериною) Афан(асьевною), и то, что сделано мною, должно

было оборотиться ему в достоинство. Воейков точно был единственной причиною моего пожертвования, но совершенно в противном смысле. Я хотел получить имя отца Машина для того единственно, чтобы во мне она имела прибежище против Воейкова и была избавлена от Красовских и им подобных. Воейков почувствовал, что это пожертвование давало мне совершенную от него независимость, совершенное с ним равенство, и это ему было тяжело. С этим пожертвованием он переставал быть для меня *подпорою и подателем всех благ и надежд*, а для Е(катерины) Аф(анасьевны) *хранителем всех бед*, ибо точно, кого она могла бояться, сам готов был сделаться во всё её товарищем. Он и выставил себя *вперед* в таком деле, на которое не имел ни малейшего влияния. Всё это надобно разобрать подробней.

Он говорил, что я *обманул* Ек(атерину) Аф(анасьевну). Обманывать можно только с какою-нибудь целию. Так я ни её, никого не обманывал. — Получив первое её письмо, я обещал всё кончить, с тем чтобы в семье её быть её сыном и другом Маши. Тогда Маша ничего не знала. Написав, что я не имел намерения обмануть, говорив от сердца, я приехал — но мне начали показывать большую недоверчивость; это усилило только во мне чувство мое, сделало его живым, наконец необходимым, а Маше открыло глаза без всякого моего участия. Итак, *обманул* ли я — нет! Моя вина только в том, что я не имел сил уехать, а остался. Е(катерина) А(фанасьевна) должна была или решительно не позволить мне остаться, или решительно разрушить всякое со мною принуждение и воспользоваться моею полною доверенностию, которая успокоила бы сердце — ни того, ни другого не было! Была наружность *обмана* в моих поступках, а причина настоящая в её скрытности. Всё остальное было естественным следствием этой скрытности. То, что Воейков называет обманом, есть не намерение, а произвольное следствие моего положения. Я никогда не имел дурных намерений — однажды только сделал М(аше) предложение, противное обязанности, но и к этому поступку привела меня только мысль, что она будет жертвою Воейкова, которого все мерзости тогда сделались мне известными. Зато какой ответ я получил от Маши и как был счастлив, получив его. В описанном разговоре с Воейковым представился мне живо один поступок, а не причины его — и я обвинил одного себя совершенно. Не могу решительно сказать, что *вся* моя вина в *слабости*; будь доверенность, я бы не имел слабости. Но её-то ко мне и не имели! Всего требовали от меня и всё делали с своей стороны, чтоб меня обессилить.

Друг гладит против шерсти. Это выражение должно означать, что Воейков часто был противного со мною мнения; а выходит на проверку, что он всегда и во всё со мною соглашался; не был ни против моего мнения, ни против мнения Е(катерины) А(фанасьевны); а сказал вслух, что *гладил меня против шерсти*, только тогда, когда уже не было этого нужно и когда увидел, что я выхожу из-под его опеки. Но все это писать очень скучно. Ломать голову, чтобы приводить в порядок гнусные вещи; заметим все просто, без всякого порядка, только для памяти.

1. Приезд ко мне в деревню³⁸, с самыми жаркими чувствами; принят как мой друг; всё я; стихи ко мне или обо мне³⁹. Такая дружба всех пленила и меня тут же.

2. Разговор со мною о Авд(отье) Никол(аевне) Воей(ковой)⁴⁰, в котором, не открывая ничего, давал чувствовать, что хочет на ней жениться и ищет для этого профессорства⁴¹. Я по этому случаю и написал первое письмо к Тургеневу⁴².

3. Праздник в день возвращения моего из армии у Плещеевых⁴³. За вином выведаль у Плещеева о моих обстоятельствах. Прожект. После сказано было Е(катерине) Афан(асьевне), что Плещеев обо всём болтает и ему всё высказал. Тут не худо вспомнить, что Воейков с большим негодованием рассказывал обо всём Чайковскому⁴⁴. Да и в Калуге во время нашего путешествия в Москву весьма жестоко декламировал против меня и Маши, в присутствии посторонних. — Стихи к Е(катерине) Аф(анасьевне)⁴⁵.

4. Воейкову начинают показывать желание иметь его в семье⁴⁶. Я спрашиваю о Авд(отье) Никол(аевне). Сказываю мнение Мерзлякова. Получаю в ответ, что Мерзляков пьяница и клеветник. NB. тот же ответ, какой им сделан Каченовскому по случаю *Дома сумасшедших*⁴⁷.

5. Отъезд Воейкова в Петербург⁴⁸. Здесь всех уверяет, что единственно для меня ищет Дерпта (Кавелина, Тургенева и Северина, всех, кто ему нужны). Письмо с стихами о бессмертии и мой ответ на это⁴⁹.

6. Возвращение. Со мной жестокие разговоры насчет Е(катерины) Афан(асьевны), а у нее целование рук и ног. Мне даже предложение увезти М(ашу)⁵⁰. Поездка к Арбеновой — о письме И(вана) Владимировича⁵¹. — Холодность изнанка прежнего.

7. Написанное на странице Геснера⁵² и мое письмо. Мой отъезд. Письма ко мне. Обещание быть хранителем Машина спокойствия. Приезд Митеньки⁵³.

8. Наше путешествие в Мценск и Ав(дотья) Николаевна.

9. Мое возвращение. Неизъяснимая способность быть добрым в некоторые минуты и фальшивым во все остальные.

10. Поездка в Москву. — В Москве советы прибегнуть к императрице⁵⁴, о которой было уже рассказано; совет насчет подарка мне трубки. По получении от меня денег обещание, что останутся для моих именов.

11. Красовский, нужный для блистательного начала лекций. Ответ Маше⁵⁵, когда она просила его ее избавить от неприятностей. Ответ мне, когда я в этом упрекал, и пересказ Е(катерине) Афанасьевне при Маше.

12. Шпионство на место сообщничества.

13. Мнение, что я холоден и сердит только потому, что он не исполнил данного слова. Дружба — торгу.

14. Утешительное слово Маше, видя, что она грустна.

15. Записка на книге⁵⁶: *совершенно счастлив*.

16. Жалобы на меня за неотдачу экстрактов⁵⁷, похожие на тайное наушничество; а мне в глаза ласка.

17. Желание всё своротить на других, а притом вид простоты.

18. Сашин ответ Кавелину⁵⁸, в котором сказано, что профессорства желали для того, чтобы себя избавить от Ав(дотьи) Ник(олаевны), обольстившей невинное сердце. Лицемерство и низость.

19. Разговор о родстве за столом у Полуехтова и пр. и пр. и пр.

20. Непостижимая грубость с Машею. Машу упрекает в обмане. Предательство и лицемерство.

21. Предложения ночные Софье накануне родин жены; это немножко не согласно с тем восхищением, с каким накануне были у Всеночной.

22. Удивительное бесстыдство в отрицании в глаза всего, что сам говорил; и такое твердое, что даже может заставить деликатного человека усомниться в том, в чем сам уверен.

23. Родины⁵⁹.

24. История о Мойере⁶⁰.

25. Поездка к Мантейфелям⁶¹.

«Доброй мой, несравненно драгоценной мой Жуковский опять дает мне надежду на искреннюю дружбу, опять вселяется в мое сердце спокойствие и уверенность на ангельские связи на земле. Я всякой день молюсь Богу, чтобы он ему открыл глаза и избавил бы его и возвратил бы ему спокойствие, в котором всё и мое заключается. С его умом, с его добрым сердцем не мудрено себя победить, если он захочет!»⁶² — Еще несколько усилий, и найдешь способ делать из своей судьбы лучшее употребление. *Не делать ничего противного долгу и совести* — это возможно. *Делать то добро, к которому способен. Занятия.* Три предмета, которые обдумать. Для первого верное правило *внутреннее чувство*, если только оно не ослеплено страстию: в этом случае всё искусство состоит в том, чтобы узнавать, что мишура страсти и что истинный свет чувства. Для второго *знание самого себя*. С этим незнакомым выходцем из луны не худо поспблизиться. Для занятия *постоянство и порядок*. При всём этом жизнь *нечувствительно* кончится.

Дурной поступок для сердца, не испорченного навыком к дурному, делает яснее должность; он точно как разрушенные очарования, заставляющий молчать софиста страсть, и представляет всё в настоящем, простом, неукрашенном виде.

Здесь я не имею того, чего желаю, но вопрос: могу ли иметь? Может ли Е(катерина) А(фанасьевна) быть *такою*, как бы мне хотелось? Нет! Это значило бы требовать невозможного! Должно ли обвинять за невозможное? Это будет несправедливо! И обвинение несправедливое только ей прибавит лишнее горе к тем горестям, которые она имела и имеет. Гораздо благороднее жалеть о тех обстоятельствах, которые лишают ее способа дать нам счастье и не обременять ее еще большею тягостию. Она искренно желает моего счастья. Но мы розно в образе чувств наших. Желать их согласить нельзя, и столько постороннего тому противится. Я должен бояться и собственной несправедливости и собственного характера. Всегда ли и во всём ли могу себя оправдать. Теперь, кажется, я сужу справедливо, потому что сужу спокойно благодаря разрушителю очарования. Чтобы всему положить конец,

надобно не только решиться здесь не оставаться, но еще и не обвинять ее за то, что она не могла согласить своих чувств с моими: в этом виноваты обстоятельства. Следовательно, расстаться с нею без всякого дурного чувства; она так же стоит сожаления, как и я.

*(Около 23 августа)*⁶³. Мне давно бы пора привыкнуть думать и верить, что Провидение всегда в тяжкие минуты посылает утешение. Но *здесь* невозможно сохранить нужный для этого порядок в Душе. Столько грустных чувств на нее нападает, что она не в состоянии с ними сладить, не в состоянии от них отделаться; а пока они *тут*, по тех пор ничто хорошее, следовательно, справедливое нейдет в душу. Надобно чему-нибудь постороннему, прекрасному случиться, чтобы ею овладеть, оттащить насильно от дурного и всё показать с лучшей стороны. Это со мною и случилось. Эверс подоспел мне на помощь и, если не совсем утешил, то по крайней мере заставил глядеть другими глазами на горе. Послушай, милой друг, как бы ни дурно жить, но добрая жизнь, взятая в целом, есть и счастливая. Это надобно сказать, подводя итог, а не тогда, когда душа взбуровлена и нельзя сделать счету. Здесь я часто бываю *бессчетным*; в Петербурге совсем другое, но едва ли не хуже — сухая, мертвая жизнь! Будучи там и чувствуя тамошнее дурное, я часто жалел о здешнем дурном; здесь по крайней мере от того, что принужден с собою бороться, поневоле добираться до чего-то прекрасного, что на несколько времени бросает большой свет на душу; там нет ничего — полное, мертвое ничтожество. Но и здесь убийство! Сердце более нежели когда-нибудь разрывается. Можно привыкнуть даже к ненависти. Уехать на родину — там буду совершенно жить для тебя; старого милого прежнего и настоящего никто у меня не отнимет. А будущее всё поручаю тебе. Но мысль, что я буду свободен, буду располагать своим временем, буду иметь подле себя друзей, с которыми всё *мое* разделить можно, эта мысль для меня мучительна! У тебя этого ничего не будет, а я этим пользуйся! Эта мысль всё должна отравить. И еще воображать, что ты должна успокаиваться только тем, чтобы ничего *не ожидать от них*. Это несносно! Против этого надобно вооружиться твердою мыслию: *сделать лучшее употребление из судьбы своей*. Думай обо мне — в этом для тебя всё! Мое всё я обещаю исполнить! Я слишком много позволяю над собою иметь влияния печальному — в минуту грусти я всё забываю и на всё рад опрометью броситься. Мне надобно более верить твоей твердости — ты имеешь в душе своей гораздо более силы, нежели я! У меня тени нет твоего терпения! Но как же терпеть, смотря на несправедливости и холодное невнимание к тому, что должно разорвать сердце (я говорю не о Воейкове); нет! здесь жить, всё видеть и молчать — не достанет жизни. Одно место твоего письма несносно — как могла ты стать на колени и просить прощения Бог знает в чем, и перед кем же? Это унижение нестерпимо — ради Бога в таких случаях вспоминай обо мне и не давай над собою воли!

Милой друг, у нас нет счастья — но мы имеем много! То сердце, которого ты требуешь, принадлежит тебе, навсегда, одной тебе и ни в чем другом

не найдет замены той жизни, которую находит в своей привязанности к тебе! Разве этого мало! Разве не утешает тебя мысль, что я для тебя буду *стараться жить*; для тебя становиться лучшим, тебе буду посвящать каждую хорошую мысль, каждый хороший труд — где бы ни был, всюду с тобою! Разве не утешит тебя мысль, что ты будешь причиною всего хорошего в моей жизни, хранителем ее чистоты! Заглядывай всегда в окно, когда нужно будет тебе утешения; ты увидишь домик Эверсов — в этом уголку прекрасное, угодное Богу творение! Посмотри, как он спокойно смотрит на прошедшую жизнь свою, как *всё* ему друг; это плод чистоты душевной! Брат его и *твой питомец* будет об вас думать всегда вместе, об вас, чтобы быть всегда вашим, чтобы быть к вам *ближе*; он будет час от часу более окружать себя хорошими мыслями и, может быть, делами! От дурного вы же будете ему защитой! Теперь каждый прекрасный вечер будет напоминать мне о двух моих товарищах и будет мне уроком, и ободрением, и утешением!

Когда поеду к нашим, примусь писать *ответы* на многие важные для жизни *вопросы*. Это всё будет для тебя. Это будет моя философия, основанная на одних *моих* опытах, а все мои опыты в одном — в моей к тебе любви! Больше ничего я не испытал на свете! Всё или от нее происходило или к ней относилось! Там, т. е. на родине, много для меня драгоценного — там наши общие воспоминания! Знаю, что будет грустно и тяжело, но там только и жить можно. И эти воспоминания будут *записаны для тебя*. Ты же непременно имей положенную работу — переводы нашего Дрезеке⁶⁴, делай свои выписки и записки, будь более с собою; у тебя нет особого места — уступи необходимости; *когда* найдешь время, *где* успеешь, подле Катиной колыбели⁶⁵, рано поутру, где ни попало, пиши, читай, думай. *По доброй мысли на каждый день* — довольно хотя того. Почему знать — может быть Провидение требует только терпения и покорности. *Лучшее употребление из судьбы своей!*

Рига. 1816, июнь. Отчего не вижу я ясно того, что мне делать должно? Именно оттого, что до сих пор я жил совершенно противным образом тому правилу, которое предлагает Гёте¹. Не было в жизни того, что называет он Ernst*, следовательно, не могло быть решимости; то есть связи. Этому причиною *воспитание* и обстоятельства, слишком с ним сходные. Воспитание не развернуло понятия, не открыло цели, не родило деятельности. Обстоятельства помогли уничтожить деятельность привычкою всё к одному чувству, которое сделало ко всему невнимательным. Вопрос: можно ли теперь это поправить? Или оставаться в той ничтожности, в которой был до сего времени? К какой цели идти? и какие способы. Цель быть *довольным самим собою*: это общий результат? Но на чем основано это довольство. На уважении самого себя: право уважать самого себя дает только уверенность, что исполнил то, к чему обязывает имя человека. Имя человека — усовершенствование внутреннее и исполнение на деле того, что в уме и сердце. Ужасное положение *начинать* только готовиться в то время, в которое надлежало бы *действовать*. Но неужели половина жизни, проведенной без деятельности, осуждает и остальную половину на недеятельность, такую же ничтожную, но более мучительную, ибо с нею соединено *знание* сего ничтожества. Что же начать? Das sicherste bleibt immer: und das nächste zu thun was vor uns liegt**2. Но этого мало. Ближайшее есть *только шаг вперед*. Надобно знать свою дорогу и знать, что при конце *дороги*. Я в тридцать лет ребенок, с неиспорченностию, но зато и с неопытностию и с невежеством ребенка. Разница только та, что это младенчество *закоренелое*. Должно ли оно оставаться младенчеством. Чтобы сделать из себя *что-нибудь*, надобно поступать с самим собою, как умный воспитатель поступает с младенцем: он не обходится с ним как со взрослым и ведет его постепенно к зрелости. Мне нужно прежде *приобретение* (иначе то, что буду делать, будет несовершенно), и *приобретение* для особенной цели. Особенная цель: *поэзия в высоком смысле, то есть соединенная с нравственностию*, такая, чтобы могла иметь влияние благотворное и усовершенств(ование) *собств(енного) характера* (приобр(етение) ясных мыслей о жизни, привычка *исполнять* их на деле).

Ревель. Июля 7. [Без записей].

* серьезность (нем.).

** Самое верное остается всегда, а ближайшее — делать то, что перед нами (нем.).

Июня 23. Нелединский имеет ум необыкновенный. Характер его ума есть, кажется, *верность*. Он выражает мысль *верную* ясно и коротко. Он говорит часто острые слова — но острота его не в выражениях необыкновенных, не в забавном, не в новом — но в *верности*! Он всегда скажет впопад; он представит настоящее — смешное ли оно или нет — в том виде, в каком оно есть, и внятным всякому языком; верность, ясность и краткость, слитые вместе, дают истинному разительную новость, а забавному разительную остроту. Когда начнешь разбирать сказанное им, тогда не найдешь ничего пустого — нельзя отделить выражения от мысли; верность мысли делает выражение приятным; приличие выражения мысли делает мысль разительно ясною. Этот ум, который в нем находит то, что нужно, или то, что истинно, является в самых мелочах. — Сидя у него поутру, я заметил, что пол его горницы усыпан васильками. «На что это?» — спросил я. — «На то, чтобы не водились тараканы». — «Разве их здесь много?» — «Множество! Один очень долго жил у меня на столе, между бумагами: сперва он меня дичился и уходил, как скоро я поворачивался или начинал разбираться в бумагах. После он ко мне привык, выходил на свет, как скоро я зажигал свечу, гулял очень беспечно по столу и обо мне не заботился. Куда он девался, не знаю!» — «И вы его не трогали?» — «На что же? в этом не было пользы. Одного убить, другой бы остался! и я бы не помог ничему! другое дело объявить войну им всем вдруг — в этом есть цель и может быть успех. Я это и делаю — рассыпаю васильки на полу». — Он же написал в своей книге под стихами в честь Платону Зубову: «Эти стихи написаны в начале 1796 года, в конце того же года я трусил, что написал их; из этого можно вывести следующее правило: хвалить человека случайного есть то же, что бить лежачего — и в том и в другом случае себя унижаешь». — Говоря о худой... он сказал: на ее плечах, кажется, можно растереть яблоко...

Октябрь

4-е, четверг. Выезд из Петербурга¹. Обед в С(арском) Селе. Пушкин². Дорогою встреча с курьером. Спасск(ая) Полисть. Трактир. Тверь. Чертковы.

Вторник, 9. У Протасовых. Приезд в Москву.

10. У Вяземского. У Антонского. У Дмитриева. У Нарышкина.

11. У великого князя³.

12. Чудесный праздник на Воробьев(ых) горах⁴.

14. Напрасн(ая) попытка представиться Государыне⁵.

17, среда. У Булгакова. К(апо) д'Истрия. Стурдза. Рушковский. Видберг. Великолепная мысль для храма⁶. Неудачная поездка в Астафьево. Собрание пенсионское.

18. Астафьево.

21, воскрес(енье). Представление велик(ому) князю и императрице. Воронежский помещик. Обед у Каченовского. У Офросимова.

22. День освоб(ождения) Москвы от поляков. Первая лекция⁷. Мое переселение⁸. У Офросимова.

24. Письмо от Тургенева. Обед в Англ(ийском) клубе. Давыдов. Дмитриев. Качен(овский).

25. Поутру у Екатер(ины) Семен(овны)⁹. Биография королевы Луизы¹⁰. Обед у великого князя. Бенкендорф: анекдот о кресте. Музыка. Народ перед окном. Храповицкий. Дурнов. Принц Прусский¹¹. После обеда у Екатерины Семен(овны). К(нязь) Голицын. Совещание у Антонского и Вяземского. Эпиграммы и Пушкина басня¹².

26. Обед у Дружинина. Сентилер. Полуехтов¹³. Каченовского болезнь.

27, суббота. Моей лекции не было: в(еликая) к(нягиня) нездорова. Я люблю свою должность, и мне совсем не кажется отдыхом тот день, в который не могу ею заняться. Тем лучше. Не последнее счастье быть *привязанным* к тому, что *должно*. Я надеюсь со временем сделать уроки свои весьма интересными. Они будут не только со стороны языка ей полезны, но дадут пищу размышлению и подействуют благотельным образом на сердце. Одним словом, до сих пор чувствую себя совершенно счастливым в своей должности, и счастливым особенно потому, что чувствую себя со всех сторон независимым: *извне и внутри души*. Честолюбие молчит; в душе одно желание доброго. Без всякого беспокойства желания смотрю на будущее и весь отдан настоящему. Милая, привлекательная должность! Поэзия! Свобода! Заслуженное уважение по чистоте намерений и дел, желание добра всем и сердечная уверенность, что не буду ни с кем соперником и не огорчусь потерю выгод, ибо не ищу их — вот теперь мое положение. Да сохранит Бог его неизменным. — Приезд Воейкова с стихами¹⁴. Известие от Проташ(инского) о Саше¹⁵. Попов¹⁶. Обед у Е(катерины) Семен(овны) и письмо к Сергею¹⁷. Заседание в Общ(естве) л(юбителей) с(ловесности)¹⁸ и скука. Дмитриев и Шаликов. Ужин у В. А. Пушкина.

28, воскресенье. Чистое счастье делает религиозным. Всё прекрасное родня. Каждое прекрасное чувство всё оживляет в душе: дружбу, поэзию; и всё это сливается в одно: Бог. Я бы каждое прекрасное чувство назвал Богом. Оно есть Его видимый, или слышимый, или чувствуемый образ. — Шамбо. Приятное знакомство. — Обедал у Тютчева¹⁹. Вечер дома.

Счастье не цель жизни²⁰. Мы соединены состраданием с другими. Их несчастье общее для нас. Мы менее радуемся, нежели печалимся вместе с другими. Несчастье делает другого нам любезнее, почтеннее — он в наших глазах возвышается, чем более страдает и борется, тем любезнее.

Мы знаем здесь одно потерянное счастье. Счастье наш предмет; здесь мы имеем только тень предмета.

То чувство равнодушия, какое имеет всегда мертвое тело постороннего нам человека, есть доказательство бессмертия души. Тайный голос говорит нам, что мертвый ничего не потерял. Мы жалеем или себя или других, жалея о мертвом; видя чужие слезы, мы плачем об нем.

Вид мертвого младенца дружит с смертию.

29, понедельник. Утро у в(еликой) княгини. Попов. К Кокошкину обедать: Апраксин, Солнцев, Похвистнев с женою. После обеда у Вяземского. У Попова.

⟨Ноябрь⟩

3, суббота. Утро у в(еликой) княгини. Я немножко опоздал, и мне был как будто выговор. Она нетерпелива; но эта нетерпеливость милая и добродушная. Я нашел у нее Нарышкина. Она занималась важным делом: выбором камней. Она спросила у меня, люблю ли камни? — Не знаю, люблю ли, потому что никогда не имел их, но больше думаю, что не люблю. — Она не выучила своей басни и с большим горем рассказывала мне, что ей было некогда. *La princesse Moustache²¹ a été chez moi après dîner et a passé deux heures entières. Vous savez qui est la princesse Moustache? Quand ces dames à portrait vous arrivent, il ne faut plus badiner. Et moi j'aime tant que mon après-dîner est à moi**. Только хотели мы начинать, явился государь. Прошло с четверть часа. Потом явились принц²² и в(еликий) к(нязь). С последним мы нежно поцеловались. — У Вяземского. У Муравьева. Обед у Екатерины Семеновны. Вечер у в(еликого) князя. Была государыня и разыгрывала лотерею. Разговор с Вилламовым о Мерзлякове²³. Бенкендорф. Албедил, который буфонит и которого дразнят: совсем не в том виде, в каком я его встретил на дороге из Дерпта. Милорадович. Грубецкой с женою. Храповицкий. Моден. Пашков. Муханов. Нелидова. Ливенша. Прозоровская. Волхонская. Г(раф) Чернышев. Кочетова. Нелединская. Разговор с государынею. Она расспрашивала меня о моей ученице, а моя ученица нас подслушивала и краснела. Разговор с Дурновым. Отменно умный, живой и проворный. В лотерее лучшим лотом было нетиловое платье; его выиграла государыня, которая потом из него сделала лотерею, назначив его наперед жене Адлерберга. *Il me paraît que la familiarité du g(rand) d(uc) est inconvenable: elle embarrasse étant trop libre***.

4, воскресенье. Болезнь Митеньки. После обеда у Вяземского. Свадьба, рождение и смерть в одной семье²⁴.

* *Princesse Moustache* была у меня после обеда и пробыла целых два часа. Знаете вы, кто такая *princesse Moustache*? Когда к нам являются эти кавалерственные дамы, то нельзя уже более шутить. А я так люблю, чтобы послеобеденное время было в моем распоряжении (*фр.*).

** Мне кажется, фамильярность великого князя неприлична: она стеснительна, будучи слишком свободною (*фр.*).

5, понедельник. У в(еликой) к(нягини). Должен был у великой княгини обедать, но прослушал приглашение и обедал у Офросимова. Митеньке несколько лучше поутру; ввечеру и гораздо лучше. Но эта надежда только злая шутка. Пушкина, Е(лена) Г(ригорьевна). Рябинина. Аникеева.

6, вторник. Нынешний день есть тяжкий урок жизни: он учит радоваться, но не полагаться на радость; верить радостям души, но не полагаться на постоянство счастья. День начался прекрасно; светлое утро и светлость в сердце. Урок мой был очень приятен: в моей ученице час от часу открываю более милых, непорочных прелестей в сердце. Душа откровенная до младенчества: ум прекрасный, но еще не напуганный опытом. Я говорил с нею о высокой ее цели и о прекрасном образце, который она имеет в своей матери. Я имел удовольствие слышать от нее, и, кажется, это было искренно, что мои уроки ей нравятся. “*Aucun de mes maîtres n’a été si clair que vous!*”^{*} Одним словом, это утро наполнило сердце счастьем. Мое положение прекрасное. Душа жива. Могу действовать без принуждения; могу действовать для добра; чувствую, что буду действовать бескорыстно. На эту минуту доволен собою — надобно всегда быть довольным собою. Да сохранит мне Бог всегда чистоту сердца и да пошлет успех добрым желаниям и способность их исполнить. После был у Вяземского. Там было всё спокойно. Надежда жива. Это дало приятный остаток дня (обед у Булгакова и вечер у Дмитриева). Возвращаюсь домой. У самого крыльца нагоняет Вяземского человек. Зовут к нему. Всё переменялось. Я застал несколько минут жизни малютки. Все сидели вместе. Доктор был над умирающим. Послышались его шаги: это было приближение смерти. Мать, прощаясь с мертвым, говорила ему, как живому: *прости, мой голубчик*. В этом выражении что-то необыкновенно трогательное. Мы расстались в три часа. Когда я ехал от Дмитриева домой, луна светила ярко; Кремль был прекрасен; главы на церквах сияли; на земле было светло, и за лунным светом, озарявшим землю, исчезали звезды. Когда я возвращался от Вяземского, всё уже было иное: луна спряталась; всё покрыто было туманом; но звезды сияли гораздо ярче: всё на земле стало темнее; зато на небе всё сделалось ярче²⁵. Какое разительное, живописное изображение этого дня и всей жизни.

7, среда. С Вяземским у Митенькина тела. Вид мертвого младенца дружит с смертию. — Обедал у С. С. Апраксина. Тон старинного боярства. Кажется странным потому, что не похож на обыкновенный нынешний. Нет простоты; но есть величавость. Что предпочесть, Бог знает. Кажется, для больших собраний такой тон лучше. Непринужденность должна быть в малом круге. Принужденность в большом круге есть синоним благопристойности. — Домой. Потом с Пушкиным к Солнцеву и к Кологривовым, где Вяземские. Е(лена) Григ(орьевна) Пушкина²⁶. Разговор о физиономии. Полухтов с женою²⁷. С некоторыми людьми ловко только наедине; при других с ними стыдно, внимание, которое показываешь к их словам, кажется

^{*} Никто из моих учителей не был так ясен, как вы! (*фр.*)

смешным. Наедине без притворства позволяешь себе быть внимательным и говоришь с этими людьми *их* языком. При других чувствуешь, что такое внимание есть притворство, и невольно, говоря, оглядываешься и стыдишься того, что говоришь. Ужинал у Кологривовых; сидел рядом с Aimée²⁸, которая мила, как птичка.

8, четверг. Ходил к в(еликой) к(нягине) просить позволения не быть завтрашний день. Видел одного Нарышкина. Jéricho²⁹. Бал.

9, пятница. Поездка в Астафьево³⁰.

10, суббота. У Нарышкина. Разговор о его детях. Вечер у Вяземских. Обед у Екатерины Семеновны.

11, воскресенье. Обед у Похвистнева. Чтение Мерзлякова стихов³¹. Вилье.

12, понедельник. У великой княгини. Она не приняла урока, но приняла меня. Больна флюсом. Обедал у Полуехтова. Паскевич. — Вечеру у Дмитриева.

Жизнь есть воспитание³². Всё в ней служит уроком. Счастье жизни: знать хорошо урок свой, чтобы не постыдиться перед Верховным Учителем. Где употребить этот урок в пользу — это знает Учитель. Что Он учит недаром, это верно; и в знании этого вся вера.

13, вторник. Шамбо. Лодер. Глинка. Утро и обед у Вяземского. После обеда у Яковлевой. Странное положение. Чернышев с женою. Вечер дома.

14, среда. Утро дома; обедал и вечер провел у Вяземского.

Русские глаголы надобно различать на два разряда: в одном *простые*; в них заключается действие, относящееся к лицу или вещи; они изображают или просто действие лица, не относя его ни к какому другому, — *средние и общие*, — или действие относительное к другому лицу или вещи — *действительные, возвратные и взаимные*, — или состояние лица, на которое действует постороннее, — *страдательные*. В другом разряде те же глаголы, но с означением некоторых обстоятельств действия: *предложные или учащательные*³³.

29, четверг. Le peuple est meilleur que les cercles*³⁴.

⟨Декабрь⟩

2, воскресенье. День начат прекрасно; но как верить прекрасному, даже и тому, которое в душе, в мыслях и чувствах? Как мы зависимы от всякой мелочи! И как истолковать самого себя! Точно во мне два человека: один — высокой, чистой, другой — мелочной и слабой. До обедни я был полон бодрости, надежды на себя самого, доверенности к своему собственному бескорыстию. После обедни эта бодрость упала; и сам, и другие стали в глазах моих хуже. Зачем думаю я о наружности, когда мое главное, чтобы внутренним, самим собою быть довольным? Что мне нужды, что я показался не таким, каков я есть... Но полно ли, только показался? Не был ли я в ту минуту таким, каким должен был показаться? И не от того ли эта грусть, что в самом деле на эту минуту дурное обо мне мнение есть и справедливое?

* Народ лучше, чем общества (фр.).

Зачем позволяю себе не думать и так часто в пустяках к другим приноравливаться? Взяв *всё вместе*, я хорош; порознь — много дурного! Должно себя держать в узде или, лучше сказать, должно с величайшею внимательностию за собою следовать. Я не могу быть ни спокоен, ни деятелен без оживительного уважения к самому себе; надобно, чтобы всякой поступок производил это уважение — по чувству и правилу, или по одному только правилу, вопреки самого чувства, но согласно с долгом. Дай Бог только всегда уметь скоро найти то, что должно. В этой-то *скорости усмотрения* весь навык добродетели. Неужели, желая искренно быть добрым и достойным, не будешь ни тем, ни другим и можешь поступать невольно вопреки этому желанию? Надобно приучить себя менее уважать одобрение других и единственно довольствоваться собственным одобрением.

Die Princessin Charlotte, im kindlich reinen Sinne den Verlust einer Mutter beklagend, war fast untröstlich, daß nicht mehr das lebende Auge der Mutter auf sie geblickt, nicht mehr ihr Mund ein liebendes Wort zu ihr gesprochen hatte. Ach, klagte sie, wäre ich nur da gewesen, meine Mutter würde mir gewiss noch etwas gesagt haben! Die verwitwete Frau Landgräfin sprach darauf zu ihrer Urenkelin: Deine Mutter würde dir gesagt haben: *Sei tugendhaft!* Ich will dir in dem Namen deiner verklärten Mutter sagen: Sei so tugendhaft, wie sie war! Du hast die Gaben deiner Mutter empfangen, lebe auch in ihrem Geiste und nach dem Vorbilde dieses Engels. Dann wird der Segen deiner Mutter auf dir ruhen (19 July 1810, 9 Uhr)*.

[Приписано рукою великой княгини:]

Den andern Tag um 10 Uhr des Morgens ging der König mit seinen Kindern im Garten, zeigte ihnen den Platz, auf welchem unsere liebe Mutter zum letzten Male am 29 Juny die Luft genossen hatte; hier vergossen wir bittere Thränen. Papa führte uns zu einem Rosenhügel und sagte Charlotten: "Winde einen Kranz von weissen Rosen um sie auf Mama zu strecken". Die Brüder pflückten emsig weisse Rosen, und ich sass unter einem alten Birnenbaum den Kranz windend. Jeder Bruder nahm einen Strauss und Papa eine Rose mit drei Knospen, welche Alexandrinen, Louise und Albrecht vorstellen sollten. Alsdann brachten wir diese Blumen an Mama**³⁵.

* Принцесса Шарлотта, в детски-чистом уме своем скорбя о потере матери, была почти неутешна, что не видела уже взора своей матери и не слышала приветливого слова, к ней обращенного из ее уст. «Ах, — восклицала она, — если бы я только была при этом, мать бы мне, конечно, еще что-нибудь сказала!» Вдовствующая ландграфиня на это сказала своей правнучке: «Твоя мать тебе сказала бы: *Будь добродетельна!*» Я от имени твоей усопшей матери скажу тебе: «Будь такою же добродетельной, как она. Ты получила дарования твоей матери; живи же в ее духе и по примеру этого ангела. Тогда на тебе будет покоиться благословение твоей матери!» (нем.).

** На другой день, в 10 часов утра, король пошел в сад с своими детьми, показал им место, где наша дорогая мать наслаждалась воздухом в последний раз, 29 июня: тут пролили мы горькие слезы. Отец повел нас к холму из роз и сказал Шарлотте: «Сплети венок из белых роз, чтобы возложить его на могилу мамы».

Апрель, 17. Один из прекраснейших дней. Рождение великого князя¹. Прелестное утро. Чувства веселые, ясные, живые, без примеси. Радость истинная. Конец беспокойству. Черты истинной высоты в характере матери: это великое счастье. Чем больше причин к ней привязываться, тем более прелести в жизни. Я бы желал найти в ней всё. И это будет. Она осматрится в своем месте, узнает свои должности, а эти должности усовершенствуют душу ее; душа ее способна совершенствоваться. — Поздр(авление) великого князя, императрицы. — Ерихо². — Обед у Модена. — Прощание с Перовским. Вечер в Кремле. К Ланским.

*(Октябрь)*³

1-е октября. Гапсбург(ский)⁴.

2-е октября. Гапсбург(ский).

6, 7, 8 — Перевод из Мольера. В(ourgeois) gent(ilhomme)⁵.

28 октября. Я болен⁶. В промежутках более высоких мыслей, нежели когда-нибудь. Более воспоминаний, и трогательных. Какое-то общее неясное воспоминание, без вида и голоса, как будто воздух прежнего времени. Болезнь (думаю, всякая, и самая тяжкая, ибо всякая имеет свои промежутки, а тяжелая требует еще более нравственных усилий), — болезнь есть состояние поучительное; сначала *affaiblissement**, упадок, потом усилие, потом непременно дойдешь к чему-нибудь высокому. Болезнь знакомит с религией не страхом смерти, но величием жизни; страдание составляет настоящее величие жизни. Это лестница. Наше дело взойти; что испытание, то ступень вверх; радости можно назвать этими площадками, которые отделяют ряд ступеней от другого — они служат только отдохновением и переходом для новых усилий, для новых возвышений. Звезды. Тени, etc. etc.

Братья прилежно рвали белые розы, а я сидела под старым грушевым деревом и плела венок. Каждый брат взял по кусту, а отец розу с тремя бутонами, которые должны были представлять Александрина, Луизу и Альбрехта. И потом мы отнесли эти цветы к нашей маме (нем.).

* слабость (фр.).

Август

13, среда. Бал графини Бобринской. Разговор Перовского. Письмо к Дуныше¹. У Вильдермет. У Ливенши. Разговор за столом и после стола о танцах и прочее. После обеда прогулка у музыки и бесчисленные встречи. Замечание Перовского на мой счет², если не справедливое, то по крайней мере остерегательное. Нет ничего опаснее, как *pas à pas**. Нечувствительно сверху падаешь на дно. *L'essentiel est de ne rien reprocher*** . До сих пор я действую, кажется, прямо. Пускай душа ей; но воля останется моею; она принадлежит товарищу. Лишь бы поскорее всё, что надобно высказать. Это бы дало более свободы и верности действовать.

14, четверг. Утро прошло прекрасно, в добрых мыслях. Письмо к Дуныше и Маше³.

Маршальский обед. Покраснел без причины. Разговор за обедом о голосе. Дурацкая прогулка. После обеда у Ливенши с Сам(ойловой) и Шув(аловой). Спор молодости со старостью.

15, пятница. Прог(улка) в саду. Моден. Обедня. Карамзин⁴. В библиотеке. Встреча на лестнице. Разговор до обеда о голосе: Нарышкин, Берольдинген. Обед: Лейтон. После обеда. Дверь. Записки. Начало. M-elle Rooma. Совесть. 10 августа⁵. Романс. Сон. Монологи. Шампанское. Письмо Дуныши. Письма. Чтение. Княгиня Волхонская пред чтением. После обеда минутная прогулка. Гусары. Шторх. О смерти.

16, суббота. В Сарском Селе. Лонгинов. Разговор с Ек(атериной) Андр(еевной)⁶. Плюскова. Тимофеева. Обед у Гауеншильда: Фесслер, Крузенштерн. После обеда у Карамзина. Велеурский. К(нязь) Волхонский. Тургенев. Плюскова.

17, воскресенье. Крестины⁷. Перовский. У Ливенши. У новокрещеной. Обед. Воронцов⁸. Стихи⁹. Бал у Кочубея¹⁰. Поездка в Сарское Село с Перовским. К(нязь) Баратов. Шашки.

18, понедельник. У Н(атальи) Федотовны¹¹: *je ne sais quoi****. У Фридрихс. Обед с Государынею. Разговор о бале: *il ne sait rien*****. За обедом — Фридрихс. После обеда. Картина. Музыка. Вечер. Чтение "Naufrage"¹². "Mon enfant"¹³. Ундина¹⁴. Гусары в окне; великий князь.

19, вторник. Пустой день. Несколько стихов поутру. Ввечеру у Шторха. Чтение. У Бобринской. Роза. Cotillon.

* постепенно (*фр.*).

** Главное не делать никаких упреков (*фр.*).

*** не знаю, в чем дело (*фр.*).

**** он ничего не знает (*фр.*).

20, среда. Поутру в Петербурге. У Козлова. У Тургенева. Голицын. Пашковы. Пушкин. Обед у Чебышева. Театр: “*Charapon rouge*”¹⁵. У Тургенева: Пушкин, Гнедич, Плещеев.

21, четверг. Поутру у Тургенева. У С. Флорана. У Кавелина. У Лаваль. Белосельская. К Тургеневу. Боголюбов. К(нязь) Баратов. Каразин. Домой.

22, пятница. В Павловск. Перовский в Петербурге. Обед маршалский. Романсы не для всех. Разговор. О княгине Волхонской. Монологи. Загряжская. Вечер дома. Гроза.

26, вторник. Поутру у Прозоровской. У великой княгини. Альбом. Завтрак у Плещеевой. Эпитафия¹⁶. Музыка. Мазурка. Вечер, разговор о “*Vœux téméraires*”¹⁷, о “*Simple Histoire*”¹⁸. Перовского история¹⁹. Бал у Бобринской. Глупая история с Кукольниковом²⁰.

Fest zusammenhalten was Gott und die Umstände zusammengefügt haben; kindliche Pflichten erfüllen; der äussern Welt geben was sie fordern kann; nicht zurückrufen was vergessen sein soll, dieses ist für dich *der Weg des Friedens**.

27, среда. У великой княгини. Встреча с императрицею. У Самойловых: приглашение в Петербург. “*Vœux téméraires*”. После обеда разговор с Лобановым. Перовского сон.

28, четверг. У великой княгини. Разговор с великим князем о Перовском. У M-elle Wildermeth с Шамбо. Обед. Лобанов. Романсы. Вечеру на гулянье. Встреча Перовского с Бобринскою. M-e Adlerberg. Бал Кочубея.

29, пятница. Поутру. Альбом Самойловой²¹. Сон: Кукольник. Тень. Чиж. — С Шуваловою у Ливен. Редуте. Обед у Вольфа. С Карамзиным у Н(атальи) Федот(овны). Вечер.

30, суббота. У великой княгини. У Ливенши. В Сарское Село. Энгельгардт. Чадаев. Во дворце. Вечер у Карамзина. Болезнь великого князя.

31, воскресенье. Тургенев. У Ливенши. Великий князь. Маршалский обед. Прогулка. Вечер у Плещеевой: разговор о Предведении. Манускрипт Козлова²².

⟨Сентябрь⟩

1, понедельник. Письмо к Лонгинову. Обед маршалский. Вечер у Плещеевой. Карамзин. Плюскова. Кочетова. Ушакова. Карбункул²³. Старушка²⁴. Разговор о Перовском.

2, вторник. Письмо к Вяземскому. Обед маршалский. Перовский. После обеда у Вольфа. Перовский у Кочубея.

3, среда. Письмо к Вяземскому о стихах²⁵. К Лонгинову. Чтение Истории²⁶. Обед. Игра в билиард. Прогулка. Чтение. “*Vœux téméraires*”²⁷. *Записка Тургенева*²⁸.

4. Вечер у Бобринской. *Разговор*.

* Крепко хранить то, что соединили Бог и обстоятельства; исполнять сыновние обязанности; давать обществу то, что оно может требовать; не вызывать воспоминания о том, что должно быть предано забвению, — это для тебя *путь мира* (нем.).

5. Поутру у великой княгини. Обед маршальский. Vergissmeinnicht²⁹. Вечер у графини Головкиной.
6. Вечер у Плещеевой.
7. Обед маршальский. *Рассказы*. Вечер у Плещеевой со всеми. Чтение комедии. Стихи.
8. Государыня. Обед маршальский. Вензель. Разговор у дверей. Repentir*. Прощанье с государынею. Вместе к Адлербергу. Курочка. Вечер дома.
9. Стихи в альбом³⁰. В библиотеку. Обед: в биллиард. Вечер у великой княгини.
10. Стихи. Обед у Натальи Федотовны. Вечер у Натальи Федотовны. Чтение моих переводов³¹.
11. Стихи. Обед маршальский. Прогулка. Предложение чтения по вечерам. Вечер у Натальи Федотовны. Плюскова. Волхонская. Чтение "S(imple) histoire".
12. Обед маршальский. Игра в cerceau**. Вечер у Натальи Федотовны. Чтение.
13. Приезд государыни. Начало поэмы³². Прогулка. Les pensées***. Два дня из одного. Вечер у Модена.
14. Стихи. Обед маршальский. Биллиард: Моден. Песни; после обеда на крыльце. Шахматы. Вечер у великой княгини. Чтение "Charles et Marie"³³; музыка Плещеева³⁴. О M-elle Wildermeth. Моден.
15. Стихи³⁵. Поэма. К Карамзиным: одна Екатерина Андреевна. О Самойловой. Карамзин. Плюскова. У Бобринской бал и катанье.
16. Поэма. Маршальский обед. Игра в биллиард. К Модену в шахматы. К Наталье Федотовне. Чтение.
17. Стихи. Завтрак на ферме: рябина; разговор о великой княгине. Бобринский на карауле. К Карамзину: милая черта его души. Разговор о Mémoire³⁶. Вечер у Бобринской. Разговор о стихах: c'est touchant****. Головная боль и танцы.
18. Прогулка. Pensées — две эмблемы³⁷. Первая лучше, и ее принял. Игра в биллиард с Моденом. Вечер у Натальи Федотовны и чтение.

⟨ИЗ АЛЬБОМА гр. С. А. САМОЙЛОВОЙ⟩³⁸

29 августа 1819. Павловск. Я когда-то сказал³⁹: *счастье жизни состоит не из отдельных наслаждений, но из наслаждений с воспоминанием*. И эти наслаждения сравнил я с фонарями, зажженными ночью на улице. Они разделены промежутками, но эти промежутки *освещены*; и вся улица светла, хотя

* Раскаяние (фр.).

** серсо, обруч (фр.).

*** Мысли, размышления, намерения (фр.).

**** это трогательно (фр.).

не вся составлена из света. Так и *счастье жизни*. *Наслаждение* — фонарь, зажженный на дороге жизни; *воспоминание* — свет; а *счастье* — ряд этих прекрасных воспоминаний, которые всю жизнь озаряют. Надежда — пустое слово; оно привлекательно только для неопытности, которая не знает еще жизни. Для него вся прелесть этого слова заключена в его непостижимости. И что же надежда? Беспокойное, иногда сладостное ожидание чего-то в будущем; такое ожидание только вредно: оно уничтожает настоящее. Если оно радостно, то делает вас к нему равнодушным; если печальное, то отравляет его. Позабудь о будущем, чтобы жить как должно, пользуясь настоящей минутой; ибо только она есть верное средство к прекрасному. Зажигай свой фонарь, не заботясь о тех, которые Провидение даст зажечь после: в свое время ты оглянешься, и за тобою будет прекрасная, *светлая дорога!* Между настоящей минутой и неизвестным пределом жизни помести не *Надежду*, а *Провидение*. Переходя от одной, озаренной ярким воспоминанием минуты, к другой, такой же, нечувствительно дойдешь до этого предела, за которым верное, неизменное будущее. Об нем можно думать без волнения; оно не мешает жизни. Но что же здешнее будущее? Приходит ли оно когда-нибудь таким, каким мы себе его воображаем? На что же ему верить и об нем заботиться? Прошедшее же пускай идет с нами *рядом!* Пусть будет нашим добрым утешителем, ободряющим спутником.

Для сердца прошедшее вечно!⁴⁰

Можно некоторым образом сказать, что существует только то, чего уж нет! Будущее может еще не быть; настоящее может и должно перемениться; одно прошедшее не подвержено изменчивости: воспоминание бережет его, и если это воспоминание чистое, то оно есть Ангел-Хранитель нашего счастья; оно утешает наши горести; оно озаряет пред нами неизвестность будущего. — Ясный фонарь на дороге жизни... Что он? Одно ли наслаждение, столь же быстрое и тленное, как пролетающая минута? О, нет! доброе чувство, высокая мысль, прекрасное дело, им одним принадлежит воспоминание. Эти светлые минуты, в которые мы жили сердцем, созданным для прекрасного и великого, можно назвать минутами Божественного Откровения: в эти минуты Божество неотрицаемо. Я назвал бы каждое прекрасное чувство, каждую высокую, сердцем внушенную, мысль — *Богом!* Не Он ли говорит в них душе человеческой: *Я здесь!* и как в такую минуту не отвечать ему: *верую, Господи!* И ряд таких минут, в которые Божество, блеснув пред тобою твоим же собственным чувством, не угасло, но оставило тебе свет свой в воспоминании, ряд фонарей — вот счастье, и оно вечно, как сердце его, с его неизгладимыми воспоминаниями.

Еще одна мысль, которая здесь у места: жизнь есть *воспитание*⁴¹. Всё в ней служит уроком. Счастье или, лучше сказать, *цель жизни* — знать хорошо урок свой, чтобы не пристыдить себя перед верховным учителем. Где придется употребить уроки его в пользу — это знает только Он. Что он учит *не напрасно* — это верно, и в *знании этого*, основанном на чувстве, вся наша Вера.

17 сентября. Вы позволили мне сделать вам подарок в день вашего ангела: я вздумал подарить вас такую книгою⁴², которая могла бы служить вам вместо *руководства в чтении других книг* и добрым, верным товарищем на целую жизнь. Книга, которую я для этого выбрал, которой пользу *отчасти* знаю по собственному опыту (я прочитал ее в первый раз в такое время, когда мне был очень нужен ободрительный советник), по своему *заглавию* прилична дню вашего Ангела, а по своему содержанию прилична вам. При ней Библия, необходимая для того, чтобы прочитать ее с пользою: я выбрал немецкую для того, что автор ссылается всегда на Библию немецкую: вам легче будет отыскивать те места, на которые он в ней указывает. Приложенную же *белую книгу*⁴³ вы наполните *своим*. Я начал ее некоторыми собственными мыслями, которые набросал без порядка и связи. Пусть будут они здесь вместо предисловия. Сие их достоинство состоит в том, что они могут возбудить ваши собственные мысли, и еще в том, что они произведены искренним желанием вам такого счастья, на которое имеете право более многих и которое можете найти легче многих: надобно только на него *посмотреть со вниманием*, и оно ваше.

Wisser, ein erhabner Sinn
Legt das Grosse in das Leben
Und er sucht es nicht darinn.
Schiller⁴⁴

Это *великое*, это *прекрасное* таится в нас самих, и жизнь дана для того, чтобы узнать его тайну: в этом *узнании* вся ее цель; оно одно составляет прямое ее достоинство. Жизнь есть училище, в которое душа входит младенцем, из которого должна выйти возмужалую и созревшею.

Можно сказать, что вокруг нас ничто не существует отдельно: всё берет образ души нашей; всё ее отголосок; всё оживляет она тем бытием, которое в ней самой таится.

Мыслить, чувствовать — вот прямая (внутренняя) жизнь наша. Она *только обнаруживается* посредством действия, которым, так сказать, мы связаны с тем, что нас окружает. Чем более совершенства в мыслях и чувствах, тем лучше и вернее наши действия. Если дадим себе первое, то последнее само собою будет ее последствием.

Счастье жизни — красота души, не изменяющаяся посреди переменчивых случаев жизни.

С каждую новою мыслию, с каждым новым чувством прибавляется к душе нечто такое, чего в ней еще не было. Это нечто становится ее вечною, неотъемлемою собственностью.

Мысли и чувства, в разное время посещавшие душу, сливаются в ее сущность и составляют наконец ее величие или низость, ее красоту или безобразие. Таким образом, можно сказать, что наша душа, отдельно, сама по себе существующая, есть в то же время и произведение всего, что посредством мысли и чувства вошло в нее в течение жизни: произведение более или менее совершенное, и *приобретение этого совершенства*, для коего единственно

дана человеку его земная жизнь, зависит от нас самих. Провидение есть только всемогущий наш *помощник*: оно только предлагает нам способы, только поддерживает или усиливает наше стремление; но пользоваться предлагаемыми способами, но повиноваться святому стремлению — это предоставлено нам самим, и здесь мы неограниченно свободны.

Два способа приобретать сие совершенство: *извлекать прекрасное из опытов жизни; извлекать прекрасное из самого себя.*

Опыты жизни — здесь мы не иное что, как путешественники по земле Провидения. Оно с заботливою попечительностью окружает нас житейскими встречами. Добро и зло, великое и малое, всё есть его посланник, есть испытатель и следовательно совершенствователь души нашей. От нас требует оно только прекрасного. Всякой случай жизни есть *средство* к прекрасному: не наше дело вступаться в распоряжение сих предлагаемых нам средств — мы должны и можем только *исполнять требования* Промысла. Скажу опять — мы *не властны* в выборе средств, то есть в выборе тех случаев счастливых или несчастных, тех радостей или печалей, которые должны посетить нас в жизни, — это дело Провидения! Но мы *властны* во всяком случае вслушиваться в одобрительный его голос, во всяком случае понять его высокое требование и свободно исполнять то, чего оно требует. Опыты жизни, с этой стороны рассматриваемые, представляются в блеске величественном; жизнь в этом случае есть нечто святое и драгоценное. В таком понятии об жизни заключается наша *твердость*, более нужная в мелких, ежедневных обстоятельствах, в которых легко забытья, нежели в случаях важных, пробуждающих всю нашу душу и заставляющих ее вооружиться всеми своими силами. — Итак, при каждом представляющемся опыте жизни (в этот разряд входит всё, что *вне* нас: и люди, нас окружающие, и вся необъятная природа), при каждом представляющемся опыте жизни спрашивать: *что прекрасного можно извлечь из него?* Внутренний голос всегда откликнется на вопрос наш. *Вслушаться и исполнить!* Душа делается выше, и мы на шаг приблизимся к своему назначению. Найденное прекрасное делается *нашим*. Светлый фонарь загорится и не угаснет. А мы *вперед!* чтобы зажечь новый, такой же неугасимый.

Извлекать прекрасное из самого себя — быть с собою, разбирать свою жизнь, свои обязанности, свое прошедшее и будущее, в присутствии строгого свидетеля, *совести*, в присутствии великого ободрителя, *Бога*. Внутренность нашей души — безопасное, всегда верное наше прибежище и в счастьях, и в несчастьях. Кому знаком этот приют, кому легко находить в него дорогу, тот истинно независим; тот, смиренно покоряясь своей судьбе, никогда не будет ни рабом ее, ни жертвою. Внутренность души нашей — здесь наше владычество; в это святилище впускаем мы одних только избранных; всё, что *вне* его, покорствуется судьбе; всё, что *в нем*, то наше и независимо. *Быть с собою* значит давать себе отчет в том, каковы мы, что приобрели в течение прошедшей жизни своей, что можем и должны приобрести еще в будущем. *Быть с собою* значит давать бытию своему полноту и твердость, ценить и объяснять то, что нас окружает, отделяться от внешнего, чтобы знакомиться

с внутренним. Но быть с собою можно только в *уединении*, в котором, можно сказать, настоящая жизнь наша. Оно одно дает нам необходимую свободу мыслить и чувствовать, в него приносим ту добычу, которую собираем посреди света, в нем пользуемся сокровищем, нами скопленным, и в нем только узнаем истинную цену самой светской жизни.

Один из действительнейших способов *быть с собою* есть *чтение*. Если чтение почитать только одним занятием, одним лекарством от скуки, то оно не иное что, как рассеянность, принадлежащая к бесчисленному множеству мелочей, развлекающих нашу душу посреди света. Но совсем напротив: чтение есть одна из *важнейших наших обязанностей*. Миллер говорит: Lesen ist nichts; lesen und denken — etwas; lesen, denken und fühlen — die Vollkommenheit*⁴⁵. Читать надобно с тою же целию, с какою надобно жить, то есть для усовершенствования души своей. Книги — идеальный свет посреди света существенного. Но в существенном мы зависимы от всего, что нас окружает; мы не властны ни выбирать, ни переменять тех людей, с коими нас сводит судьба наша, мы произвольно принимаем те впечатления, которые дает нам всё окружающее нас и от нас независимое; мы свободны только *извлекать нравственное добро* из сих неподвластных нам впечатлений. В книгах — напротив! в них, можно сказать, повторяется тот же мир и с теми же впечатлениями, но здесь мы уже *властны в выборе*; здесь можем окружать себя только тем, что сходно с нашею целию, что близко нашей душе, что может ее возвысить и усовершенствовать. С книгою в руке, не сходя с места, мы прикликаем к себе всё, что есть, было и может быть прекрасного в природе, и это всё единственно для того, чтобы *присвоить* его душе, чтобы дать ей достоинство для счастья и несчастья, чтобы осветить перед нею здешнюю жизнь, чтобы ее приготовить для жизни будущей, верной, хотя и неизвестной. Чтение в этом смысле есть *деятельность высокая, одно из твердейших оснований нашей нравственности*.

Чтение для женщины не то, что *чтение для мужчины*. Круг мужчины обширный и многообъемлющий. Сверх общей цели человечества, *нравственного образования*, он может иметь и множество других, особенных, как человек государственный, как ученый и прочее. Круг женщины ограничен. В него входит одно только *просто человеческое*. Ей нужно только приобрести то, что на немецком языке так прекрасно называется Weiblichkeit** и для чего нет еще выражения в языке нашем. В этом слове я вижу всю прекрасную жизнь женщины: простоту, неискusstvenность глубокого чувства, просвещенного знанием; знакомство со всем, что есть лучшего в природе и в обществе; богатство сведений не для блеска, но для скромного внутреннего наслаждения, для мирного, я бы сказал, *стыдливого* сияния посреди немногих, ей принадлежащих любовью. Женщина создана для семейства —

* Читать — ничто, читать и мыслить — что-то; читать, мыслить и чувствовать — вот совершенство (нем.).

** женственность (нем.).

в нем ее деятельность, чистая, всегда полезная, всегда благодатная! В свете она должна только находить минутный отдых, и то для одного разнообразия, для живейшего почувствования цены прямого, ею одною творимого счастья. Ей нужны только те знания, которые могут быть *полезны в тесном кругу домашних*; она в выборе их должна ограничить себя одним только *лучшим*, и это лучшее она должна перелить в свою душу, дабы нравственным добром, ею приобретенным, счастливить *немногих избранных*. Чтение для мужчины весьма часто бывает скучною, утомительною работою, чтение женщины всегда может быть чистым наслаждением, и за сие наслаждение получает она еще награду: *усовершенствование нравственное*, то именно, что составляет цель бытия человеческого.

Итак, в коротких словах: читать одно *лучшее* и читать *не для рассеяния*, а для того, чтобы чтением *дополнять уроки жизни*; очистить и возвысить душу, дать мыслям ясность, порядок и полноту; яснее постигнуть свою цель и беспрестанно усиливать свое к ней стремление; читать не много, но много *мыслить*, дабы чужое обратить в собственное. Читать в некотором *порядке*.

Маленькая книжка, которую здесь прилагаю, может быть прекрасным основанием чтения в таком смысле. *Вера, любовь, надежда*, а сказать одним словом, *высокая мудрость* — это цель жизни; таково содержание этой книжки. В ней мало для чтения, зато много для размышления. В ней приведено в один ясный порядок всё то, что заключается в разных книгах Святого Писания. — *Религия истинная и нравственное совершенство одно и то же*: кто возвышает душу свою, тот сближается с Богом. К этому *всё* должно вести нас в жизни — и все другие книги должны быть для вас только дополнением *этой*. Сперва прочитайте ее, но, чтобы прочитать как должно, надобно выписать из Библии все те места, на которые ссылается автор, и точно в том порядке, в каком он назначил: таким образом, всё существенное Святого Писания, то именно, что может быть всегда применено к деятельной жизни, будет для вас соединено в одно порядочное целое. Этой работы будет надолго: положите себе за правило *каждый день наполнить одну страницу выписками*, этого довольно: день не будет потерян. Когда все выписки кончатся, то перечитать книжку *вместе с ними* — это окончательное чтение всё возобновит в мыслях и всё приведет в порядок. Но эти выписки не займут *всей* этой белой книги, останется большая половина ее белою: она для *дополнений*. Что найдете в других книгах прямо прекрасного, такого, что может быть годно для *зажжения светлого фонаря*⁴⁶, то записывайте сюда; но еще более записывайте то, что придумаете сами; вам не будет недостатка в прекрасных мыслях и чувствах. Таким образом, эта книжка, данная вам в минуту сердечного желания вам добра, в минуту надежды, что это желание сбудется, эта книжка будет со временем заключать в себе сокровище *доброто и прекрасного*, будет поверенным и свидетелем вашей жизни, доброту и прекрасному посвященной. А я повторю здесь сказанное прежде:

Я верю — ваше сердце встретит
Прямую прелесть жизни сей,
И ряд веселых фонарей
Дорогу вашу всю осветит.
Пусть друга-Ангела рука
Их зажигает перед вами...
А я, хотя *издалека*
За вами следуя глазами,
Вас буду сердцем провожать
И благодарно их считать⁴⁷.

PS. 7 октября. Написавши всё это, я был несколько времени в нерешимости, отдавать ли вам мою книгу или нет. Признаюсь в слабости: *ложный стыд* меня удерживал. Дарить Библиею осьмнадцатилетнюю девушку, утомлять ее внимание советами... я посмотрел на себя глазами света и показался смешным самому себе. И в этом я виноват перед вами. В чистоте и бескорыстности моего намерения заключено и его оправдание. Могу быть странным, только не в ваших глазах. Если еще не имею права сказать: *я знаю вас!* то могу сказать: *я вас предчувствую!*⁴⁸ — то есть, я вижу вас *такою*, какою вы быть можете, в увереннии, что мое предчувствие сбудется. Эта надежда оправдывает и мой выбор, К тому же я и не без награды: *помыслить вслух для вас и вместе с вами о добром есть счастье*. Вы не должны жить, как живут обыкновенно; жизнь ваша должна быть *прекрасною*, а всё прекрасное жизни можно выразить одним словом: *религия!* (из этого понятия исключается всё, что есть суеверие, всё, что выдуманно слабым невежеством; религия — сближение с Божеством посредством мысли, чувства, долга!). Чем ранее этот товарищ присоединится к жизни, тем она яснее, счастливее, выше — и чтение с выбором, с порядком, с постоянством есть одно из вернейших средств произвести это товарищество. Религия, необходимая человеку вообще, для женщины в особенности служит самым надежным помощником: она берет для нее характер нежнейший, ее особенному характеру более соответствующий; она теряет для нее всё метафизическое, отвлеченное и обращается в глубокое, ясное, животворное чувство, которое убедительнее всякого умозрения; она оживляет для нее ее должности и дает ей сладостную твердость для мелких, ежедневных жертвований, которым женщина, по своему положению в свете, беспрестанно бывает подвержена. Чем ранее войдет она в ее жизнь, тем жизнь ее сделается вернее и безопаснее, тем изобильнее будет она истинными, непеременимыми наслаждениями. Мы почти на каждом шагу встречаем женщин, которые, посвятив свежую свою молодость легкомысленной рассеянности света, истощив ею лучшие свои чувства, предаются религии в такое время, когда свет покидает их: но этот переход принужденный! Они приносят усталую душу в святилище, с ними входит туда сожаление о том, что для них невозвратно потеряно, и небесное делается для них насильственной, следовательно, неудовлетворительною заменою

земного, всё еще любезного, хотя уже им давно чуждого. Они добровольные изгнанницы, тоскующие втайне по отчизне, ими покинутой. И по большей части их запоздалая религия бывает соединена с нетерпимостью (*intolérance*) и с суеверием, недостойным души человеческой. Небесное должно быть с земным неразлучно: не уничтожая его, оно только его освящает! Это два товарища, ведущие нас к одной и той же цели. Не в позднее осеннее время жизни, но в первой молодости весенней, когда душа еще *в цвету*, должны мы познакомиться с религией. Она не противна свету, не требует затворничества; напротив, она очищает и еще более усиливает все наши житейские связи. Но узнанная в молодости, без принуждения, а по естественному стремлению души, она обращается в ее сущность, становится радостным, безмятежным *бытием внутренним в отношении к нам самим и деятельною любовью в отношении ко всему, что нас окружает*. И такая только жизнь может быть *вам* прилична. Теперь ваша душа *в полном цвету*! С запасом прекрасных качеств (способов счастья) стоите вы у начала дороги, ведущей в обетованную землю; как не пожелать, чтобы вы пошли по ней, окруженные всеми прямыми, достойными вас благами жизни! Наша душа, как магнит, имеет притягательную силу для всего прекрасного (но она может иметь и силу отрицательную, как тот же магнит). Этой притягательной силы в душе вашей много! Давайте ей пищу: всё прекрасное прильнет к ней само собою.

Октябрь

- 3 октября. *Дертт*. Выехал 3 в 12 часов¹. В *Гульбене* пляска.
4. *Энгельгардсгоф*. Обед.
5. *Рига*. Приехали в три часа. Hôtel St. Pétersbourg на площади. Памятник². Поутру к Кубе. Вино. Выехал в половине второго. Вечеру в Митаве.
6. Между *Бекгофом* и *Фрауенбургом*. Цецернское озеро, на левой руке от дороги. Прекрасный вид. Большой лес сосновый на высоте равнины. Длинною в 1¼ мили. — *Фрауенбург*. Станция. Поместье гр. Ливен (Мезотен).
7. Из *Обер Бартау* в *Руцау* переезд ночью. Темнота и дождь. В *Руцау* комиссар, бывший на прусской службе. 11 детей. Комиссар Таубе.
- Поланген*. Корчма у жида. Горницы, где были филины. Дом таможенный. Дом городничего у мельницы. Питье за здоровье. То же утром на прощанье. — *Иммерат*. Warnung für Tabacksraucher*. Головы.
8. *Мемель*. В четыре часа или в половине пятого. Вид простой. Мельницы в действии. Опрятные домики. Hôtel de Russie. Печи. Почтальон. Физиономия немецкая. Одна церковь. С ½ пятого до осьми утра. Буря. Ужин. Зала для танцев. Переезд через пролив. — *Шварцерт*. Перемена на берегу. Камни. — *Нидден*. Перемена на берегу. Песнь. — *Розиттен*. Ужин. Булки. Почтмейстер с шишкой. Два гостя. — *Саркау*. Портрет великой княгини.
9. *Мильзен*. Большие портреты. Ужасно дурная дорога до *Кенигсберга*³. Вид Кенигсберга. Встреча с солдатами. Замечание о лицах. Hôtel de Russie и толстая трактирщица. Bernstein**. Покупка книг. Обед. Починка. Горница № 11, две печи.
- Кенигсберг*. Музыка. Книжная лавка. Шлосс. Вид Кенигсберга. Остров. Театр и площадь. Прегель. Schloßkirche***, готическая архитектура. Дом Кантов⁴.
10. *Бранденбург*. Древние стены. — *Гоппенбрух*. Большие кресла. *Браунсберг*. Почтовая станция и почта. — *Мильгаузен*. Народ на площади. Разговор с почтмейстером толстым о ландвере: 3 недели сряду и 3 месяца. Закон о крестьянах: в 12 лет половина земли. Прежние привилегии. — *Preussische Holland*. Прекрасное, живописное положение на горе. Нечистой старой городок. Обед. — *Reichenbach*. Крестьянин, содержатель гостиницы. Прекрасная изба. Шкапы из ильма лакированного. Тарелки и фаянс. Часы. Множество детей. Вальс. Дорога до *Preussische Mark*. Прекрасное захождение солнца — за холмом, и холм казался огнедышащею горою; всё небо в огне;

* Предостережение для курильщиков табака (нем.).

** Янтарь (нем.).

*** Дворцовая церковь (нем.).

приятное расположение духа. Деревня Бухвальде, освещенная солнцем; церковь и кладбище и гроб, который чернелся на зареве. NB. Писать к Саше и Тургеневу вместе⁵. — *Preussische Mark*. На почте. Негодная станция, вонючая и нечистая. — *Ризенбург*. Американский посланник⁶.

11. *Марленвердер*. Приехали ночью. Две трактирщицы. Ужин. Венды. Ночью дорога гористая. Вообще местность довольно разнообразная. — *Нейенбург*. Кофе. Картины Фридриха⁷. Венды. — *Плохочин*. Чтение. Венды. *Passagierzimmer**. — *Оши*. Обед. Толстый почтмейстер с гостями в другой горнице. Лес. — *Юнкергоф*. Встреча с Эбелинком. Лес. — *Тухель*. Лес. Конец Вендам. Попортил фуражку. Чай.

12. *Кониц*. Старинный город. Башня. Девки в руб(ашках). — *Шлохау*. Горница с канапе. — *Петерсвальде*. Кофе. Нужник с беседкой. Виды. — *Ястфов*. Шахматный городок, и прекрасный. Девочка. Портреты. Обед. — *Фрейденфир*. Деревня. Маленькая горница. — *Кроне*. Прелестный домик смотрителя. Горница, обитая пестрыми обоями. Фортепиано. Перед зеркалом цветы. Порядок. Вода за ужином. — *Рушендорф*. Вечеру. Старик комнатный служитель.

13. *Шлопне*. Ночью. Чай. — *Гохцейт*. Ночью. — *Вольденберг*. Встреча с почтовой коляскою. Два офицера. Горница наверху. Кофе. — *Фридберг*. Кавалер Железного креста — испанский стрелок. — *Ландсберг*. Майор хромой в бархатной шапке. Его жена и услужливая девка. Шампанское; разговор о Бибикове. Фортепиано. Обед. — *Бальц*. Игроки в вист. Сюрприз короля великой княгине. — *Кистрин*. Ночевали. Трактирная девка. Худой ужин. Выехали в 9 часов.

14. *Зелов*. — *Минхсберг*. Дилижанс. Обед. — *Фогельсдорф*. Чай. Перовский. — *Берлин*. Hôtel St.-Pétersbourg.

15. В Hôtel de St.-Pétersbourg. Герман. Худановский. К великому князю. К великой княгине. — К Шуваловой. Слезы. — К Волхонской. К Модену. В hôtel: шляпы. Обед у короля: князь Витгенштейн. Король. Принцы Вильгельм и Карл. Принцесса Александрина и ее жених⁸. M-e Truchsess. M-e Viereck. Принц Оранский. Маленький принц⁹. Вечер в театре¹⁰ и дома. "Brief und Antwort"¹¹. Девриен¹². "Épreuve villageoise"¹³; Hogue, M-elles Lemierre, Vestris, Renisch. Негодный буфф.

16. Визиты к princesse Guillaume¹⁴, к принцу Вильгельму, Оранскому, Кумберландскому¹⁵, к принцу Дессау¹⁶, к Мекленбургскому¹⁷, к принцу Карлу, Альбрехту, к принцессе Александрине. Обедал дома. Вечеру в театре. «Пигмалион»¹⁸. Дурно. — "Wer ist der Bräutigam"¹⁹. Дурная пиеса. Mattauss. M-e Devrient. — "Der Nachtwächter"²⁰. Несравненный Девриен.

17, *воскресенье*. Утро. Визиты. К Мекленбургскому. К принцу Августу. К Алопеусу: человек умный; лицо козлиное; портреты M-e Récamier и графа д'Артуа²¹ горельеф. — У обедни. — Великая княгиня показывала рыцарскую залу и другие горницы дворца. Смесь великолепия с нечистотою. Можно

* Комната для пассажиров (нем.).

сказать, что я ничего не видел. Визит: графине Головкиной; прием. Обедал дома. Глупый этикет здешнего двора. Перед обедом у Шуваловой: чтение. Вечеру в театре. «Альцеста»²²: М-е Milder, большой голос; прекрасная метода, мало выражения; в игре благородство. Декорации прекрасны, особливо храм и пещера. Все детали в большом совершенстве, так что всё вместе производит полное действие на воображение.

18, понедельник. Поутру. У великой княгини. Разговор о путешествии. Штрэнд. Vous pensez haut*. Арфа. С Моденом к Штаубвассеру. В экспозицию²³. М-е Kleist. Бюст Шадова. Работы Рауха: бюсты великой княгини, короля; модель Блюхерова монумента. Обед у великой княгини. La comtesse de Truchsess. Хохот. Домой. Эссен. В театре: “Das Vorlegeschloss”²⁴ пустая пьеса, но Девриен не забывается; для всякой роли ее характер и нет ничего общего с другими. “Nina”²⁵: М-lle Lemierre и Hogueuet. Пантомима с музыкою сильнее действует, нежели слова.

19. Утро дома. У Шамбо. В лавках. У М-е Wock. У Фурмана. Чтение “Le malade imaginaire”²⁶. У Алопеуса: посланник Крафт, Мальтиц, Фелькерзам. В театре: М-е Truchsess, la princesse de Dessau. “Ahnfrau”²⁷. Удивительное совершенство декораций. Игра актеров неудовлетворительна.

20. Поутру в бане — у немцев Badeanstalt. Обед у герцога Кумберландского: ганноверский министр, prince Guillaume, princesse Guillaume, Alexandrine, duchesse de Gumberland. Arnou. — В театре: «Весталка»²⁸. М-е Schulz. — Перовского ночные похождения.

21. У Шамбо. У Бойке. Прогулка: статуя герцога. Lange Brücke**. Вид на дворец. Яблоки. Фридрихов мост. Lustgarten***. Монумент герцогу Дессау, Липовая аллея. Бранденбургские ворота. Слепой с арфою. Обед у короля. В театре: J. v. Voss *Künstlers Erdenwallen*²⁹.

22. У великой княгини. О Шарлоттенбурге. Завтрак у Шамбо. В Шарлоттенбурге: дорога. Bellevue. Улица. Вид дворца снаружи. Жена кастеляна. Памятник³⁰. Дворец: японская комната. Церковь дворцовая: бюст; место короля, памятник, ковер, крест, Библия. Старая горница с портретами. Спальня Friedrich’a I. Спальня принца Карла. Русской святой; анекдот. Кабинет наследного принца. Его бюро, рисованье. Круглый салон с статуями. Биллиардная. Кий Фридриха. Прохожая, бюсты. Живописные работы Фридриха Вильгельма I: два солдата, tabagie**** и пр. Горница моделей; ружье Фридриха. II. Маленький кабинет. Библиотека; стакан королевы. Кабинет; портрет королевы. Перчатки для М-е Viereck и Вильдермет. Галерея китайская. Кабинет Фридриха Вильгельма II. Спальня короля: его сюртук; Theaterzettel*****. Горницы Фридриха; статуя Экиры и Игеи.

* Вы думаете вслух (фр.).

** Длинный мост (нем.).

*** Воздушный сад (нем.).

**** Курительная комната (фр.).

***** театральные афиши (нем.).

Горницы Фридриха Великого. Белая зала с статуями и часами. Мраморная с золотом. С пюпитром и Рафаэлевыми вазами. Прохожая с бюро. Спальня. Комнаты королевы. Обои белые. Бюст государя. Спальня короля. Горница соборная: чашки, мебели, стул, стол, глаза, перья, сургуч. Спальня; анекдот о Наполеоне. Прохожая. Комнаты великой княгини и Александрины. Бывший кабинет великой княгини. Стол; памятник. Бюст королевы. Спальня. Баня. Сад; Спрея; остров; плот. Вид на Шпандау. Дерн с сиденьем. Мост. Мачта. Пруд; карпы. — Théâtre de Gropius³¹: 7 чудес, “Vogelschiessen”.

Октябрь (22). Был поутру у великой княгини, где нашел Шамбо и Модена. Выпросил письмо в Шарлоттенбург и поехал туда вместе с Шамбо. Время было прекрасное. Осенний, ясный, прохладный день. Листья не все еще осыпались; а у нас уже, вероятно, царствует зима. В Шарлоттенбург из Берлина ведет прекрасная липовая аллея. Городок маленький, но приятный. Одна главная широкая улица с густыми липами. Прежде всего пошли мы к памятнику. Архитектура здания прекрасная снаружи; в малом памятник Павлов в Павловске³². Но там поражает душу величество здания и места; здесь душа наперед уже растрогана; подходишь к месту, где спит любимая мать, царица, не забытая народом, женщина, украшение своего времени, жертва несчастья, и она погребена там, где всё полно ее воспоминанием, где она была душою семьи своей и наслаждалась чистым семейным счастьем. Внутренность здания мне не нравится. Нет простоты. Но сам памятник прекрасный; видно, что сердце управляло рукою художника³³: он был воспитанник Луизы, и первый труд его был посвящен ее гробу. Когда дверь отворится, то уже видишь на возвышении ложе спящей: надобно взойти на несколько ступеней, чтобы ее всю увидеть. Голова ее склонена на одно плечо; руки положены крестом на груди; платье прекрасно скрывает и в то же время показывает ее стан; одна нога положена на другую. В углах канделябры; на одном Горы, а на другом Парки: прекрасная мысль — *она* спит, а часы бегут, и Парки не дремлют. Гроб, в котором ее остатки, находится внизу; дверь к нему закрыта; но мысль об нем заставляет смотреть с особым чувством на памятник. Это видимое есть образ того, что не видишь: смерть здесь кажется сном, и невольно сливается с нею мысль о пробуждении. Чувство, возбуждаемое сим памятником, есть унылое воспоминание, смешанное с неясною надеждою. Над головою семь увядших венков: это первые, сплетенные детьми в первый день рождения после ее смерти. Король со всею семьею бывает два раза у ее гроба: в день ее смерти и в день ее рождения. Кладут на гроб свежие венки. Любовь к ней здесь свежа и не ослабела. Всё, что не памятник, мне вообще мало нравится; слишком много мелочных украшений; окно, в которое входит свет, мешает впечатлению; видишь, что оно сделано для освещения памятника, а я бы желал, чтобы свет в этот храм приходил неизвестно откуда; в мраморе колонн и стен слишком много разнообразия; перед дверью, ведущею под свод, видны ступени; лучше бы их скрыть: они пестрят и разрушают главный эффект; гораздо бы было лучше спускаться, отворив дверь, тогда бы это было точно переходом из одного света в другой: теперь я вижу

одни ступени, и дверь не представляет уже столько таинственного; лампа слишком богата; а самое противное есть то, что поставили для лучшего обозрения памятника какую-то деревянную скамейку, на которую надобно взлезть, чтобы видеть памятник с некоторого возвышения: это выгодно для художника; но оно, напоминая об нем, разрушает главное действие. — Потом я осматривал дворец. Прежде всего видел дворцовую церковь, где бюст королевы; в ней крещены все дети; ковер, памятник маленькому принцу³⁴, со смертью которого начались несчастья королевского дома; в церкви (сказывал кастелян) король любит работать в летние дни. Японская горница. Спальня строительницы Шарлоттенбурга, жены Фридриха I, Софии-Шарлотты. Круглая зала с видом на аллею и пруд. Горницы наследного принца; его спальня в той комнате, где была прежде ванная покойной королевы: на столе несколько книг и рисунков, между которыми забавные карикатуры. В горнице короля должно проходить через бильiardную, в которой показывали кий Фридриха II с черным деревом и перламутром. Он был увезен французами. Далее находятся две горницы с живописными картинами Фридриха-Вильгельма I, которые не показывают, чтобы он был великий художник и имел живое чувство красоты. Лучшее произведение его кисти есть ужасный русский гренадер с надписью: *Redianow* и еще *Курительное общество*. Комната с моделями прусских мундиров; здесь показывали нам маленькое ружье, принадлежавшее Фридриху II как младенцу. Королевские комнаты просты; в одной часть библиотеки Фридриха, стакан, сделанный Луизою, с ее подписью; в другой ее портрет. Подле китайская галерея и кабинет Фридриха-Вильгельма II. Спальня короля, отделанная кисеею; на столе его фуражка и афишки театральные (он бывает часто в Шарлоттенбурге и всегда в театре); на кресле лежит синяя венгерка, старая и очень поношенная; он носил ее, бывши в Мемеле с королевою. Через огромные сени, где находятся замечательно прекрасные мраморные статуи Экиры и Игеи (бывшие добычею французов), всходят вверх в комнаты Фридриха II, в которых жил великий князь женихом. Белая галерея с статуями; мраморная с золотом, напоминающая царскосельскую. Зеленая горница с пюпитром Фридриха II, перед которым он играл на флейте; его спальня и постель. Его бюро. Горницы королевы на противной стороне: они принадлежали королю Фридриху-Вильгельму II. В первой, украшенной обоями, на которых выткана история Д(он) К(ихота), находится бюст императора Александра. Вторая украшена такими же обоями. Третья с альковом, в котором находится постель короля. Четвертая большая горница, в которой обыкновенно сидела королева; тут есть простые мебели из красного дерева с красным сафьяном, подаренные государем. На столе ее оставлены чернильница, бумага и два ее пера; в углу чашки и самовар; перед зеркалом в рамке нарисованные глаза королевы с четырьмя из детей. Я узнал глаза княгини, из этой горницы входишь в ее спальню. Она переделана. В то время, когда несчастная семья короля находилась в Мемеле, король велел ее тайно от королевы переделать. Наполеон, бывши в Шарлоттенбурге, велел перенести в эту спальню постели Фридриха II и Фридриха-

Вильгельма II и из трех составил себе одну; все мебели из этой горницы были выброшены; она прекрасно убрана белою кисеею, просто и со вкусом; но королева могла только три раза ночевать в ней; она поехала к своим родным и не возвращалась уже. Мое путешествие по замку я заключил комнатами великой княгини. Самые простые горницы, обитые обыкновенными обоями; постель ее, с простым ситцевым занавесом, оставлена в спальне принцессы Александрины; тут я видел бюст королевы, сделанный с ее маски; лицо мертвое, но прекрасное. Я видел часть сада; он прост, но мил; пруд, остров, вид на Шпандау. — Вечеру был в театре Гропиуса. Ничего необыкновенного.

23-го (ноября 4-го). В экспозиции. Мало достойного примечания. Работы Рауха и Шадова. Рисунки Гаммера. Вечеру в театре: "*Stille Wasser sind tief*", von Schöder³⁵. Ужинал в ресторации у Ягора.

24-го (ноября 5-го). У обедни. Горницы принцессы Вильгельм. Ла Мотт-Фуке³⁶. В новом театре³⁷. Обедал у великой княгини. Разговор с принцессою Фредерик, с принцессою Вильгельм, с герцогинею Кумберландскою. В театре: «*Мария Стюарт*»³⁸. — В лице Ла Мотт-Фуке нет ничего, останавливающего внимание. Есть живость в глазах: он имеет талант, и талант необыкновенный, он способен, разгорячив воображение, написать прекрасное; но это не есть всегдашнее, зависит от расположения, находит вдохновением; автор и человек не одно, и лицо его мало изображает того, что чувствует и мыслит автор в некоторые минуты. Разговор наш состоял из комплиментов и продолжался недолго. В горнице принцессы Вильгельм много достойного примечания. Два окна, в которых половина стекол писанные и древние: удивительная яркость цветов; лучи солнца, падая сквозь на бюст и на лавры, стоящие в окне, производят радужное сияние. Множество картин. Стол разделен надвое: одна половина для мужа, другая для жены. На столе бездна редкостей, и каждая есть воспоминание. Ларчик, осыпанный камнями, из которых каждый о чем-нибудь вспоминает. Сама хозяйка не последнее украшение своей горницы. Ее находят принужденною; я этого не скажу; в лице ее много приятного выражения: она величественно прекрасная женщина. — Осматривал театр вместе с графом Брюлем; здание великолепное; театр сам не велик, но чрезвычайно удобен: все украшения кстати и со вкусом. Еще было бы, кажется, лучше, когда бы все фигуры были писаны не красками, а в виде барельефов: они пестрят слишком. Все принадлежащие залы очень хорошей архитектуры — просто и богато; особливо зала для концертов прелестна своим скромным великолепием. Предосторожности против пожара; переходы; зала для репетиции; зала для писания декораций. — Вечеру «*Мария Стюарт*». Я воображал, что представление покажется слишком длинным и что эта трагедия лучше для чтения, нежели для представления, — напротив, я не чувствовал скуки; верность в подробностях приятна; хотя иное и не принадлежит к действию, но дополняет картину. Не скажу, что я поражен игрою актеров; нет ни одного чрезвычайного; и в этой пьесе мало разительно-трагического; нет происшествия, которого развязки ждешь с любопытством и страхом; Мария трогает как жертва; трагедия ее есть картина ее

страданий в разных оттенках: это, может быть, есть еще и недостаток, тяжелое и неприятное чувство видеть слабую жертву без надежды спасения в руках торжествующего убийцы. Главные роли были играны хорошо. Елизавета (M-e Wolff) имела всё то благородство и величие, которого требует ее характер; Лейстер (Wolff) также имел в игре своей много благородства. W-e Schrök, Мария, была очень трогательна в пятом акте, в сцене прощания, в сцене исповеди; но, кажется мне, она испортила минуту встречи с Лейстером: здесь и автор впал в погрешность; он заставляет ее слишком много говорить. — Ниенштет.

Герцогиня Кумберландская напоминает нашу Елизавету³⁹ своими манерами; она не имеет ее прекрасного стана и величества, но имеет ее привлекательность. Королевское семейство вообще мило тою дружбою, которою все в нем связаны: они веселятся вместе жизнью; король между ними есть добрый отец семейства. При дворе много немецкого этикета, но между собою они просты, дружны, счастливы. Принцесса Александрина доброе, милое творение; принцесса Фредерика имеет что-то нежное и тонкое; Альбрехт жив и необыкновенно умен (как говорят); он не ходит, а прыгает; Карл доброе дитя; Вильгельм степеннее; принца наследного я не знаю. Но всех милее наша великая княгиня; она идеал привлекательного добродушия: весело видеть, как она здесь счастлива. В ее душе всё прекрасное на своем месте. Ее надобно чувствовать, тогда будешь и знать ее.

25-го (ноября 6-го). Поутру у великой княгини. С M-elle Wildermeth и графиней Шуваловой в Шарлоттенбурге. Шувалова получила письмо из Петербурга от Ушаковой, которая описывает ей радости гатчинские и фарсы Плещеева. X.⁴⁰ играла на театре; воображаю, что она была прелестна, и радуюсь, что не видал ее. Я говорил об ней и о себе с Шуваловой. Чего я хочу? Ничего более, как только, чтобы она думала обо мне как должно. Далее этому идти не надобно. Будешь смешон и жалок. Теперь главное занятие, главная надежда *путешествие*: насладиться *вполне шестью месяцами*; остальное на волю Божию. — Обед у княгини Волхонской. Вечеру дома и у Модена, с которым всё по-прежнему чувствую большое принуждение.

26-го (ноября 7-го). У великой княгини. Урока не было. У Шуваловой. У Ниенштета: кажется, человек прямодушный и откровенный. Мне с ним было ловко. Говорили о воспитании, о семействе короля, о немецкой и русской литературе. Обедал у Крейтона. Вечеру в театре Моцартова "*Cosi fan tutte*"⁴¹.

27-го (ноября 8-го). У великой княгини. У Шуваловой. — Вместе с Перовским к Рауху. Прекрасное лицо: глубокость, благородство; что-то тихое и живое; простота истинного артиста. Он показывал нам свои работы с любезною готовностью; говорил о своем искусстве с жаром, но без надутости. Памятник Шарнгорста более всех мне понравился: он представлен в размышлении; положение спокойное; на него накинут плащ, которого складки, весьма живописные, оживляют сухость нынешней одежды; впрочем, костюм сохранен. Раух в отчаянии от того, что ему попался для этого

памятника удивительно прекрасный и чистый кусок мрамора: нет ни одного пятна, и этот кусок должен быть жертвою дождя и туч. Гораздо было бы приличнее сделать оба памятника из бронзы: она только приобретает красоты от влияния воздуха. Памятник Бюлова обыкновеннее; складки плаща не так живы; есть в них что-то тяжелое и однообразное; характер лица общий. В первом памятнике более личного. После Шарнгорстова памятника лучшие два Блюхеровы, один бронзовый маленький, дающий понятие о большом, уже вылепленном и находящемся где, не знаю, другой, слепленный для отлития. В обоих поэтически выражена живость генерала Vorwärts⁴², который в последний раз хотел так сильно — во Франции, что после него еще бы сто лет [нрзб.]. Памятник государя менее других удачен: он представлен в порфире, накинутой на мундир, вынимает шпагу, на которой видна надпись: «За Русь и славу»; у ног двухглавый орел. Нам стыдно перед пруссаками: сколько уже у них памятников народной славе; они и Кутузова и Барклая не забыли, а мы строим храм, который вечно не достроится, хотим благодарить Бога, которому не нужна благодарность, и не думаем отдать чести тем, которые положили за отечество жизнь свою. Настоящее место для народных памятников не Петербург, а Москва: она была свидетельницею русских подвигов; Петербург ни о чем не напоминает: в нем должен быть один памятник Петру. — Обедал у княгини Волхонской. В театре; новая трагедия “*Der Leuchthurm*” von Ouwald⁴³. Много поэзии, есть сцены разительные; но род этих трагедий есть уродство: цель ее для меня еще не очень понятна.

28-го. Поутру таблицы⁴⁴. Обедал у Волхонской. После обеда был у графа Гребена с Боком⁴⁵.

29-го. Весь день дома за таблицами. «*Валленштейн*»⁴⁶.

30-го. Таблицы. Обедал у Крейтона. После обеда в литейной. Вечеру в театре “*Hund von Obri*”⁴⁷. “*Das Vorlegeschloss*”⁴⁸, “*Beinahe verloren*”⁴⁹.

31-го. Поутру у обедни. Бок представлялся великой княгине. Домой. Посещение русского священника; он был долго в Дрездене, где крестил Х. История его дочери. Обед у принцессы Александрины: сидел за столом подле Ансильона⁵⁰, с которым познакомился. Литература есть родство. М-е Вокс. Милая принцесса Александрина. После обеда познакомился с Гуфландом⁵¹: лицо его много выражает; глубокомысленность и добродушие. В театре глупейшая пиеса Коцебу. Деодата и прелестные декорации, особенно декорация подземелья и в последнем акте пожар, которым пиеса заключается.

⟨Ноябрь⟩

1-го ноября. У великой княгини. У Шуваловой: разговор о Х. с Моденом в католической церкви, в лотерейной конторе, в казино. Алопеус. Обедал у Волхонской. В театре: “*Aline, die Königin von Golkonde*”⁵². Ужинал у великого князя; лотерея, в которую и я даже выиграл.

2-го. У великой княгини. Первый урок. Хотел ехать с визитами к Ансильону, к Боку, к Брюлю, к М-е Kleist, но засиделся у М-elle Wildermeth. Мы

проговорили часа полтора: о великой княгине, о путешествии. У ней много ума, и при нем есть какое-то детское простосердечие. Нарышкин не прав; она более, нежели кто-нибудь, удалена от интриги. Обедал у Алопеуса без хозяина: с Ансильоном, Перпонше и Германом. Последний имеет ум и знания и любезный характер добродушия. Ансильон, мне кажется, изображен как нельзя лучше счастливым словом княжны Туркестановой: “Il a beaucoup d’esprit, beaucoup de connaissance et d’éloquence, mais il fait sur moi l’effet d’un homme qui dicte”. “Et d’un homme, qui dicte bien”*, надобно прибавить. Этот человек много знает, из приобретенного сделал нечто целое и порядочное; одарен памятью, и в нем, кажется, до сих пор сохранился прежний проповедник; но он проповедует по правилам красноречия на заданную материя, которую всю употребил; из него не родится собственного; его души не чувствуешь, и душа к нему не стремится. Знакомство с ним есть узвание редкости, которую хорошо видеть раз, но не встреча с человеком, с которым рад бы пройти часть дороги. Я сказал слово о Ниенштете; кажется по тому, как он об нем говорил, что он не совсем его жалует. Но Ниенштет, как человек, более имеет для меня привлекательного. Был разговор о Бонапарте. Они, кажется, судили его не как люди, а как люди, имеющие место у двора. Одно только слово было сказано с чувством. Говорили, что он теперь работает в саду и любит стрелять птиц, которые к нему залетают. “Il faut avouer, qu’il a eu un beau jardin à cultiver, mais il n’a pas su le conserver”**, сказал Ансильон, и с чувством сожаления о Франции и Европе. — В театре “Die Brüder” von Terenz⁵³. С масками. Девриен в роли невольника Сируса был несравненен и костюмом, и игрою. — Вечер у Модена. Разговор о печати, библиотеках и о русском просвещении.

3 ноября. Поутру с великою княгинею в кунсткамере: множество любопытного, но в большой толпе видеть всего порядочно не можно, или, лучше сказать, ничего видеть не можно. Особенно достойны примечания: сосуды и блюда из слоновой кости с превосходными барельефами; серебряный сосуд Родольфа II, который один есть поэма; магдебургский ящик, который я мало видел, но который может дать точное понятие о некоторых обычаях 16-го века, в котором он сделан; маска Фридриха 2-го и Моро; восковая фигура великого курфирста; целая мумия; собрание одежд и оружий разных диких народов; собрание резных камней и медалей. Но всё в худом приборе и весьма худо расставлено. — Обедал у княгини Волхонской. Видал первый акт “Kauffmann von Venedig”⁵⁴ и сожалею, что не мог всю эту пьесу досмотреть. Игра Девриена есть совершенство: он учит роли свои, как человек, глубоко разбирающий человеческое сердце; разбор его игры был бы разбор человеческой натуры; сравнивая оригинал и список, много можно

* У него много ума, много знаний и красноречия, но он производит на меня впечатление человека, который проповедует. — И который хорошо проповедует (фр.).

** Нужно сознаться, что у него был для воздвизания прекрасный сад, но он не сумел его сохранить (фр.).

найти истин нравственных. Можно об нем сказать, что он актер добросовестный; он привязан с удивительною верностию, с удивительным уважением к роли своей; раз ее постигнув, он уже ни для чего и ни для кого ее не забудет: он не мыслит о партере и его рукоплесканиях и никогда истинною не пожертвует успеху. — Я не жалею, что пожертвовал Девриеном для Гуфланда. Я провел прекрасный вечер. Гуфланд привлекательный старик. В первый раз, когда я его увидел, сердце невольно к нему склонилось; оно редко обманывается. Я был счастлив и доволен самим собою, говоря с этим стариком, смотря ему в лицо, на котором глубокомысленная важность, тонкость слита с каким-то приветливым простодушием. Был разговор о Гёте (которому, как говорят, сделался удар — но это известие неверно). Он знал его в молодости и говорит, что никогда не встречал человека, в котором бы физическое и моральное было в таком совершенстве и гармонии, как в нем. Его кто-то прекрасно теперь назвал *Олимпийским Юпитером без бороды*. Говорил и о Шиллере. Бюсты обоих у него в гостиной. Бюст сорокалетнего Гёте: удивительно прекрасный профиль — это работа Тика.

Гуфланд говорил прекрасно о ложных мерах правительства насчет притеснения свободы печатания (об этом предмете заговорили мы после Стурдзы)⁵⁵; кончилось разговором о религии; я сказал ему мысль Вейрауха⁵⁶ о Троице, которой красота меня поразила. Он с милою доверенностию сообщил мне свою собственную мысль о том же⁵⁷, которая разительна своею простотою. «Всё понятие об Троице заключил я в трех немецких *L. Leben** — Бог Отец (Создатель и Хранитель), *Liebe*** — Бог Сын, *Licht**** — Святой Дух. В этих трех *L* вся жизнь человечества и ее великое назначение; ее начало и конец». Этот вечер прошел для меня прекрасно, его можно причислить к хорошим минутам жизни; я был сначала обрадован радушным приемом хозяина, может быть, это сняло с меня ту застенчивость, с которою я к нему поехал; может быть, это же расположение было причиною и того, что мне хозяин показался лучшим, или таким, каков он есть. Встреча с человеком по сердцу есть то же, что вдруг открывшийся глазам прекрасный вид с горы на поля, долины и реки. И то и другое удивительно действует на душу, и то и другое пробуждает в ней всё хорошее; становишься чувствительнее, выше, пробуждается мысль о Боге, о счастии, об друзьях, пробуждается возвышенная доверенность к самому себе. Смотри в глаза старику Гуфланду, у меня вертелось на языке слово *Vater*****; он имеет для меня прелесть Краузе⁵⁸, но он в другом роде. Но в чем же эта прелесть? — Не в уме, не в знании, но в сердце, которым мы живем сами и которое в других животворит нас и притягивает. Сердце есть истинный магнит человека, имеющий свою отрицательную и притягательную силу. Прощаясь со стариком, я

* Жизнь (нем.).

** Любовь (нем.).

*** Свет (нем.).

**** отец (нем.).

от души пожал его руку, а он мне сказал с каким-то прелестным доброжелательством: “Adieu, Sie haben mich sehr erfreuet!”*. Эти слова звучали в моей душе: дома невольная меланхолия меня наполнила; не могу ее изъяснить, но я готов был плакать; я уверен, что в моем путешествии всё трогательное будет иметь надо мною это действие. — У Гуфланда я познакомился с доктором Кольраушем, который любит Вальтер Скотта и не любит Байрона; еще с двумя русскими медиками, которые учились в Берлине, были в Вене и в Англии.

4 ноября. У великой княгини. Дома. У княгини Волхонской. Спор. — В театре: “*Der grade Weg ist der beste*”⁵⁹, Девриен как пастор. Вечер у Модена Герман.

5 ноября. Поутру был у Ансильона и Алопеуса. Обедал у великого князя. В театре: “*Jean de Paris*”⁶⁰ и “*Der Freimaurer*”⁶¹.

6 (18) ноября. Поутру у M-elle Bischoffswerder и M-elle Wildermeth. Разговор о вояже. M-e Lestock, которая капризничает. M-e Bock. Обедал дома. Вечер у M-e Kleist⁶², довольно скучный: Rauch, Tieck, Schinkel. Дочь M-e Kleist⁶³.

7, воскресенье. Обедал у великого князя. “*Pandore*”⁶⁴. Вечер у графа Гребена. Гофман⁶⁵. Арнольд с невестою. Молодой офицер. Адъютант кронпринца⁶⁶. Перелив от дурного расположения к хорошему.

8. Михайлов день. Обед у великого князя. Ужин и маленький бал у принцессы Александрины.

9. У в(еликой) к(нягини). Урок вместе с в(еликой) к(нягиней) в королевских горницах. Слишком скоро ходили, и я не мог ничего рассмотреть; надобно пойти в другой раз. Наверху горницы королевы оставлены, как они были. В ее кабинете записная книжка, сделанная великою княгинею для матери, чтобы в нее прятать ее письма. Портреты. Начатое шитье. Билет. Фридриховы картины — Монах на штранде; Погребение ночью; Вершина горы с крестом. Списки с Рафаэлевых картин. Маленький кабинет короля; кабинет, где он работает с министрами. — Прелестный обед у великой княгини: M-elle Wildermeth, M-e Truchsess. В театре: “*König Yngurd*”⁶⁷ — великолепная бессмыслица. Прекрасные декорации.

10. У в(еликой) к(нягини). Разговор о Хилковой. К герцогине Кумберландской и к Брюлю. Обедал у герцогини Кумберландской. В театре «*Д(он) Жуан*»⁶⁷.

11. У в(еликой) к(нягини). У Гребена. В горнице принца Прусского: Библиотека в горнице Фредерика II. Кабинет. Две Фридриховы картины: Церковь и Берег моря. Кабинет древностей: писанные стекла; Юпитер, найденный на Одере. Консульское стуло. Фридрихов пюпитр. Прекрасное расположение. Кельнекова картина. Спальня: шкаф с игрушками; постель: Тайная вечеря; круглый стол. — Шак. — Обедал дома. Ввечеру в театре “*Torquato Tasso*”⁶⁸. Ужин у в(еликой) к(нягини).

* Прощайте, Вы меня очень порадовали (фр., нем.).

12(24). У в(еликой) к(нягини). Обед в ресторации. У Гофмана. В театре “*Heinrich der IV*”⁷⁰.

13(25). У в(еликой) к(нягини). Урока не было. — Дома. Обедал у Волхонской. В театре: “*Joseph*”⁷¹ и концерт на кларнете. Ужин у Гребена. Hoffman. Triumph der Ironie⁷².

14(26). Обедал у короля. В театре: “*Barbier de Séville*”⁷³. У Модена.

15(27). Катался в санях. У Шуваловой. Обедал у Модена — спор. — «Гамлет»⁷⁴. — Кронпринц.

16(28). У в(еликой) к(нягини). Дома. Обедал у Модена. В театре: «*Армида*»⁷⁵.

17(29). У кронпринца. У в(еликой) к(нягини). Обедал у в(еликой) к(нягини); за столом с Ниенштетом: о кронпринце; о короле; о Гамлете. В театре: Drouet. M-e Seidler.

18(30). У в(еликой) к(нягини). У Блока. — Обедал дома. У ворожеи. Бок. Гребен.

19(1 декабря). Письма к Маше и Саше. Обед у принца Вильгельма. В театре: “*Die falsche Primadonna*”⁷⁶. Ужин дома.

20(2). Обедал у короля. Ужинал с Перовским у Ягора⁷⁷.

21(3), воскресенье. У обедни. У Шуваловой. Обедал у принцессы Александрины. Гуфланд. Ансильон. «*Альцеста*» в театре.

22(4). У в(еликой) к(нягини). Обедал у княгини Волхонской. Бал: графиня Бернсторф.

23(5). У в(еликой) к(нягини). Кронпринц. Самойловой помолвка⁷⁸. У Шуваловой. Обедал с Моденом у Ягора. Singakademie*. “*Leuchthurm*”⁷⁹. “*Der bestrafte Narcisses*”⁸⁰.

24(6). У в(еликой) к(нягини). Урока не было. Гулял. Обед у Модена. В театре: “*Joconde*”⁸¹. Дурно.

25(7). У в(еликой) к(нягини). В галерее картинной. Гирт: Рафаэлева Мадонна; Гольбейнов и Тицианов портрет; Мадонна; складные картины Ван-Эйка. Обедал дома. Вечер у герцога Кумберландского: “*Ich bin mein Bruder*”⁸². “*Der Schein trügt*”⁸³. Балет. Ужинал с Брюлем. Вольф. Гребен. Актеры вместе с другими за столом.

26(8). У в(еликой) к(нягини). Урока не было. Гребен. Сын принца Фридриха⁸⁴. Обедал у княгини Волхонской. В театре. “*Johanna von Orleans*”⁸⁵, игранная в первый раз M-elle Franz. Нельзя сказать решительно, чтобы она имела, что называется, великий талант; этого не видно из ее игры, особливо из ее чтения, но она играла хорошо, особливо много действовало ее прелестное лицо, которым она действует лучше, нежели языком и руками. В большом монологе пролога она не сохранила надлежащей постепенности. «*Исполнилось, и шлем сей послан им*» — этот стих и прочие последние были мало отделены. В четвертом акте в начале ей не должно выходить, а уже быть на сцене; во время марша она не должна так театрально шататься, а идти

* Школа пения (нем.).

в глубокой задумчивости и шагом, отличным от других. Роль Раймонда я дал бы Вольфу. “*Mit was denn?*”⁸⁶ сказано было не так, как должно: это слово она должна произносить не с удивлением и неудовольствием, а с чувством дружеского сожаления к товарищу, которого вопрос есть величайшее доказательство любви и жертвования. Она рано встает в последней сцене. Надобно непременно, чтобы зритель чувствовал, что она держится на ногах не собственною, а сверхъестественною силою. Действие этой трагедии имеет что-то магическое, отличное от всякого другого действия. Мне жаль сцены с Монгомери; в прологе много напрасно выпущено; особенно сердит облако, или светлая тряпка, которая спускается так некстати и разрушает действие последнего монолога. — *Nichts von Verträgen*⁸⁷.

27(9). Письма к Маше и Тургеневу⁸⁸. Обедал дома. В театре: “*Joseph*”⁸⁹ и Drouet⁹⁰.

28(10). Дома. Обедал с Германом у Ягора. Гулял в Thiergarten и в Bellevue. В театре: “*Sappho*”⁹¹. Кубе.

29(11). Обедал у Кубе. В театре: “*Parteiwuth*”⁹². Удивительный Девриен.

30(12). Обедал у Алопеуса. “*Johanna von Orleans*”.

⟨Декабрь⟩

1(13) декабря. У в(еликой) к(нягини). Разговор о приказе⁹³. Hufeland. Обедал у Волхонской. “*Das neue Sonntagskind*”⁹⁴.

2(14). У в(еликой) к(нягини). С Ш.⁹⁵ в книжную лавку. Galerie Justiniani⁹⁶. «Весталка».

3(15). У великой княгини. Принц. Обед у Модена. “*Der Theaterdichter*”⁹⁷.

4(16). Дома обедал. Карта. “*Schweizerfamilie*”⁹⁸. У [нрзб.].

5(17). Поутру у Гирта. Обед у в(еликой) к(нягини). Вечеру на детской ярмонке.

6(18). Именины в(еликого) к(нязя). У в(еликой) к(нягини). Déjeuner donatoire⁹⁹. Вечер у короля: “*Le ci-devant jeune homme*”⁹⁹, “*Le coin de rue*”¹⁰⁰. Бал. Французская кадрили в(еликой) к(нягини). В ночь приезд в(еликого) к(нязя)¹⁰¹.

7(19). У в(еликой) к(нягини). Обедал у короля. Потом у Алопеуса: M-e Seidler, Borgondin, Hatzfeld, Drouet. В театре “*Fluch und Segen*”¹⁰² и “*Die eifersüchtige Frau*”¹⁰³. Вольф.

8(20). У великой княгини. Урок. С Германом и Фурманом гулял. Обедал у Германа. Домой.

13(25) и 14(26). В Потсдаме. Эйлерт. “*Der Schneider Fips*”¹⁰⁴. “*Die Drillinge*”¹⁰⁵. “*Die Geheimnisse*”¹⁰⁶. Caesario¹⁰⁷.

15(27). Возвращение в Берлин. Обедал у Модена с Перовским, Германом, Олсуфьевым и Крейтоном. Ужинал дома.

* С чем же еще? (нем.).

** Ни слова о договорах (нем.).

*** Плотный поздний завтрак (фр.).

16(28). Обед у Алопеуса. Разговор за столом с Шаком. Вечеру у короля трогательный семейный праздник.

17(29). Обед у Германа. Разговор о религии с Олсуфьевым. В театре: "Romeo und Julia"¹⁰⁸, М-е Stich. Вечер у герцогини Кумберландской. Дома. Моден.

18(30). У в(еликой) к(нягини). Дома: Герман, Олсуфьев, Моден. У короля: "Coin de rue"*. Tableaux.

19(31). Дома. Гулял. У Модена. У Гребена.

20 (1 января 1821). В Потсдаме. Поздравления за столом. В театре: "Die beiden Gutsherrn"¹⁰⁹.

21(2). Прогулка в городе. Гроб Фридриха. За обедом разговор с графиней Трухзес. В театре: "Fluch und Segen". "Der Gefangene"¹¹⁰.

22(3). Прогулка с M-lle Wildermeth и графиней Шуваловой. Комнаты Фридриха: портрет Барберини; концертная зала и стол, накрытый бархатом; зеркальная комната и ободранный стол; спальни; библиотека; телескоп; комната, где стол подъемный. За обедом: пангармоник и польской Екатерины. В Берлин. Ужин у Модена.

23(4). У великой княгини. У гр. Шуваловой: письмо Самойловой. Обедал у Волхонской. Бал у принца Августа; принцесса Радзивилл.

24(5). Поутру дома. Гулял. Обедал дома с Германом, Олсуфьевым, Кретоном, Перовским. Вечер у Гуфланда.

25(6). Поутру у обедни. Голубая лента. Камин. Обедал у Волхонской. В театре. У короля. Roi des fèves**. Гребен: о Ансильоне и принце Карле. За столом разговор с М-е Вокс. В театре: "Donna Diana"¹¹¹.

26(7). Обед у в(еликой) к(нягини). Поутру визиты. Разговор с Радзивиллом. В театре: "Chaperon rouge"¹¹².

27(8). Гулял. Обедал дома. В театре: «Скупой»¹¹³. Ужин дома с Германом и Олсуфьевым.

28(9). У в(еликой) к(нягини). Обедал дома. В театре: "Fluch und Segen" и "Das letzte Mittel"¹¹⁴. У графа Гребена. Ла Мотт-Фуке.

29(10). Обед у короля. Дома. Письма к Саше.

30(11). Гулял в дождик с Олсуфьевым и Адлербергом. Обед у Ягора. Вечер у Германа.

31(12). Дома. Болен глазами. (Бал у Алопеуса.)

* Угол улицы (фр.).

** Бобовый король (фр.).

Январь

1(13) января. Дома. Болен глазами.

2(14). Болен; дома; обедал с Перовским, Германом и Олсуфьевым.

3(15). Болен. Обедал с Перовским. Стихи¹.

4(16). Болен. Обедал с Перовским и Крейтоном. Спор. В бане.

5(17). Дома. Обед с Олсуфьевым. Ужин с Олсуфьевым. У великой княгини.

6(18). На площади парад². Обед дома. Johannit. ord.³ в театре. Глупая пиеса Л. М. F.⁴ и глупый балет.

7(19). Писал к Саше и Тургеневу. У великой княгини. У M-elle Wildermeth. Вечер у герцога Кумберландского. Ла Мотт-Фуке и Шатобриан⁵.

8(20). Гулял в Thiergarten. Прекрасное утро, которое подействовало на душу. Надолго ли? Бог знает. Но от чего этот прилив и отлив? Можно ли быть в такой зависимости от луча солнечного? И это возвращение *хорошего* без твоего ведома не есть ли доказательство, что оно в тебе и что требует только от тебя понуждения, чтобы пробудиться и быть всегда пробужденным. Если утро ясное может дать душе более нравственного достоинства, как будто против ее воли, то почему не может того же свободная воля? Но воля живет деятельностью, а я совершенно предал себя лени, лени во всех отношениях, и она все силы душевные убивает. И чем дале, тем хуже. Недеятельность производит неспособность быть деятельным, а чувство этой неспособности, с которым нельзя ужиться, производит в одно время и уныние душевное и истребляет бодрость. Можно ли жить с таким унынием? Надобно или истребить его (а истребить его иначе нельзя, как уничтожив его причину, следовательно, лень), или не жить. То, что более всего меня лишает бодрости, есть мысль о моем теперешнем несовершенстве: вместо того, чтобы сколько возможно заменить утраченное, я только горюю об утрате и стою на развалинах, поджав руки, вместо того, чтобы ободриться и построить столько, сколько можно. Надобно отказаться от потерянного и сказать себе, что *настоящее и будущее мое*. Я мог бы быть более того, что я есть, но я далек от того, чем бы мог и должен бы быть; я никогда не дойду к тому, к чему бы мог прийти, если бы пустился ранее в дорогу и не потерял времени. Но разве от этого должно остановиться и отказаться от *той* дороги, которую еще теперь можешь сделать? Откажись от того, чем бы ты мог быть, если бы не истратил безумно полжизни на ничто; решишь искать того, что еще может быть *твоим*, если начнешь теперь к нему стремиться и не будешь отчаиваться от неудач. Достоинство человека в искреннем желании добра и в постоянном к нему стремлении: *достижение* не от него зависит. Я могу еще иметь религию, могу иметь чистую нравственность, могу исполнить

свято ближайший долг. Вот главное. Ты имеешь мало, но именно потому и не отказывайся от приобретения. Положить себе за правило: в обществе не искать никакого успеха; думать только о том, чтобы приобретать хорошее от других, а не о том, как бы казаться им хорошим; лучше казаться ничтожным и приобретать, нежели казаться чем-нибудь и быть ничтожным. Излишняя заботливость об этой ложной наружности устремляет внимание только на самого себя и лишает возможности видеть, слышать и пользоваться другими. — Я шел по улице и остановился перед печатным объявлением, приклеенным к стене одного дома; оно окружено было множеством отрывков старых и новых, оставшихся от объявлений, которые были в разное время приклеены на том же месте: одни были свежи, другие стары, третьи совсем истлели и позеленели от сырости. Это картина света. Здесь всё для прохожего, для души человеческой. Всё, и в частной и в общественной жизни; самые общества, века, империи и народы не что иное, как эти объявления для проходящего. Читай и пользуйся. Мир существует только для души человеческой. Бог и душа вот два существа; всё прочее — печатное объявление, приклеенное на минуту. Это сравнение можно бы распространить.

9(21). Дома. Обедал с Германом и Моденом. Вечер дома.

10(22). Дома. Гулял в Thiergarten с Германом. Обедал дома. В театре: *“Die Drillinge”*⁶, *“Fluch und Segen”*⁷.

11(23). Бобовый праздник⁸.

12(24). У в(еликой) к(нягини). В театре новом. С Германом гулял. Обедал дома с Перовским, Германом, Моденом. Вечеру несравненная *«Альцеста»*⁹.

13(25). Рождение государыни Елизаветы Алексеевны¹⁰. У Мекленбургского. Репетиция¹¹. Пери¹². Вечер дома; читал *“Lalla Rookh”*¹³.

14(26). Поутру репетиция. Обед у Волхонской. *«Отелло»*. *“Lalla Rookh”*. Павлов.

15(27). Несравненный праздник¹⁴.

16(28)—19(31). Не записывал. Концерт у Радзивил. Отъезд в(еликого) к(нязя), 17(29).

20(1 февраля), четверг. Болен. В бане.

21(2). Болен — 31(12), понедельник.

30(11). Повторение праздника¹⁵. В первый день вышел. Накануне у великой княгини.

31(12). Гулял. У Ансильона. У великой княгини. Домой. У Модена.

⟨Февраль⟩

1(13). У в(еликой) к(нягини). Она больна. Стихи M-elle Stegemann¹⁶. Обедал дома. Написал стихи¹⁷.

2(14). У в(еликой) к(нягини). Урок. У Гуфланда. Пенье. У M-elle Wildermeth. Дома. *«Танкред»*¹⁸.

3(15). У в(еликой) к(нягини). Урок. Разговор о Лалла Рук. Обед у великой княгини. Принц Карл и концерт. Живописец. Домой. Перевод стихов Chênedollé¹⁹.

4(16), пятница. У M-elle Wildermeth. Должен был обедать у Гуффланда, но попал к королю. «Ифигения в Авлиде»²⁰.

Теснятся все к тебе во храм
И все с коленопреклоном
Тебе приносят фимиам,
Тебя гремящим славят пеньем;
Я одинок в углу стою,
Как жизнью, полон я тобою
И жертву тайную мою
Я приношу тебе душою²¹.

Руссо говорит: *il n'y a de beau que ce qui n'est pas!*²² Прекрасно только то, чего нет! Это не значит: *только то, что не существует*. Прекрасное существует, но его нет, ибо оно, так сказать, нам является единственно для того, чтобы нам сказаться, оживить, возвысить душу, но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем; ему нет ни имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно. Оно посещает нас в лучшие минуты жизни. Величественное зрелище природы, еще более величественное зрелище души человеческой, счастье, поэзия, самое несчастье дают нам сии высокие ощущения прекрасного. И весьма понятно, почему почти всегда соединяется с ним грусть, но грусть, не лишающая бодрости, а животворная и сладкая, какое-то смутное стремление — это происходит от его скоротечности, от его невыразимости, от его необъятности! Прекрасно только то, чего нет! В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою, но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется и чего с ним нет и что для тебя где-то существует! И это стремление есть одно из невыразимых доказательств бессмертия: иначе отчего бы в минуту наслаждения не иметь полноты и ясности наслаждения! Нет, эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только мимопролетающий благовеститель лучшего, оно есть восхитительная тоска по отчизне, оно действует на нашу душу не *настоящим*, а темным воспоминанием всего прекрасного в прошедшем и тайным ожиданием чего-то в будущем.

А когда нас покидает,
В дар любви, у нас в виду
В нашем небе зажигает
Нам прощальную звезду²³.

Это справедливо! Эта прощальная звезда на нашем темном небе есть знак того, что прекрасное было в нашей жизни, и вместе того, что оно не к нашей жизни принадлежит! Звезда на темном небе, она не сойдет на землю, но утешительно сияет нам из дали и некоторым образом сближает с тем небом, с которого неподвижно нам светит! Жизнь наша есть ночь под звездным небом; наша душа в лучшие минуты бытия открывает сии звезды,

которые не дают и не должны давать полного света, но, украшая наше небо, знакомя с ним, служат в то же время и путеводителями на земле.

5(17). У в(еликой) к(нягини). Живописец. Портрет. М-е Kleist; цепочка. Перевод моих стихов²⁴. У графини Трухзес: о великой княгине и императрице; встреча великой княгини с императрицею. Le prince royal. Письмо от Тургенева. Обедал с Тюменом. В редуте. М-е Stich.

6(18), воскресенье. У обедни. Обед у короля. В театре: “*Maria Stuart*”²⁵. Поутру у Л(а) М(отт) Ф(уке).

7(19), понедельник. У в(еликой) к(нягини). В музее. У Шамбо. В театре: «*Армида*»²⁶. Кронпринц и круглый стол.

8(20), вторник. У в(еликой) к(нягини). Минуты счастья и чистого, высокого наслаждения. Обед у в(еликой) кн(ягини). Вечеру у Гуфланда с Ла Мотт-Фуке. У М-е Kleist.

9(21), среда. У М-elle Wildermeth, обед у Модена. Совершенные контрасты в положениях. В театре: “*Mädchen von Marienburg*”²⁷. Глупость.

10(22), четверг. Поутру у в(еликой) к(нягини). Обедал у Алопеуса. Шатобриан. Вечеру был у принцессы Александрины. Разговор с Розом и Брюлем. Живописец и журнал его жены.

11(23), пятница. Поутру у принцессы Александрины. Подарки. Стихи Гуфланда²⁸. Принцесса Радзивил. Вечеру: «*Фернанд Кортец*»²⁹. Ужинал дома с Тюменом и Перовским.

12(24), суббота. У в(еликой) к(нягини). М-elle Wildermeth о стихах. Живописец. У переплетчика. У великой княгини. Berganin. Schadov. У принцессы Радзивил: полупринц³⁰. (Schöler. Witzleben). Вечеру дома. Чтение с Перовским.

13(25), воскресенье. Важный разговор с М-elle Wildermeth³¹. Le positif*. Вечеру у Мекленбургского на бале.

14(26), понедельник. Письма к Малиновскому и Дуняше³². Обед у Модена. В театре: “*Jean de Paris*”³³. С Перовским поправлял.

15(27), вторник. У в(еликой) к(нягини). Портрет Лалла Рук. Обед у великой княгини. Хохотали. Принц Карл. — В концерте. “*Alexanders Fest*”³⁴. — Письмо от принцессы Радзивил.

16(28), среда³⁵. Поутру у графини Трухзес. У переплетчика. Дома.

О прежних спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*,
Скажи с любовью: *были*³⁶.

Нет и были — какая разница! В первом — потеря, в последнем — воспоминание. *Нет* значит *исчезли*; *были* значит оставили *след* свой. Прекрасная жизнь тех, которых мы лишились, освещает для нас и землю и жизнь нашу! Решительная минута разлуки миновалась: они навеки преданы воспоминанию,

* Положительное (*фр.*).

за них уже не страшишься; недоумения кончились; их будущее не приводит в трепет; печаль об них из страдания обратилась в благотворную для сердца любовь; можешь всем делиться с ними свободно: их образ равно светел для нас и при нашем счастье, и при нашем несчастье; ни то, ни другое уже не изменит их жребия; но и в том и в другом они с нами, воспоминанием, всегда неизменным, когда не изменимся мы сами, возвышающим душу в счастье, ободряющим ее в несчастье — такое воспоминание есть для нас совесть.

Ваша умирающая мать³⁷ не могла дочитать того письма, которое получила от вас на смертной постели — так было сильно чувство материнской любви и материнского счастья, наполнявшее душу ее в эту минуту! Ей недоставало жизни для нескольких строк — но эти недочитанные строки имеют святое, пророческое знамение. Они как будто означают всю вашу жизнь — без *нее* и всё для *нее*! Но эта чистая жизнь уже без нарушения будет радовать материнскую душу, смерть уже не придет ее отозвать от этой радости. В минуту предчувствия сказала она: “Wenn gleich die Nachwelt meinen Namen nicht unter den Namen der berühmten Frauen nennen wird, so wird sie doch, wenn sie die Leiden dieser Zeit erfährt, wissen, was ich durch sie gelitten habe, und sie wird sagen: Sie duldeten viel und harrte aus im Dulden. Dann wünsche ich nur, dass sie zugleich sagen möge: Aber sie gab Kindern das Dasein, welche besserer Zeiten würdig (zu sein) wagen, sie herbeizuführen gestrebt und endlich sie errungen haben!”*

На ее часть досталось: желание великого и величие в страдании; но детям своим завещала она свои надежды и исполнение прекрасных своих желаний.

Иоанн, ученик и товарищ Спасителя, видел Его улетевшим на небо; глаза его подняты к этому небу, сокрывшему все его блага, — но в этих глазах не печаль разлуки, не томительное нетерпение оставить землю, но чувство глубокой, спокойной, покорной любви к улетевшему, как будто к присутственному: Он уже не на земле, но Он был на ней; Своим преображением Он познакомил с таинством неба, но Своею любовью, Своими страстями познакомил с величием жизни; небесным Он озарил житейское; и не чудесное видение неестественного представляется взору молодого Иоанна; он спокойно наполнен воспоминанием, не томящим, не отлучающим от земного, но тихим, сладко задумчивым, вполне удовлетворяющим душу. Он смотрит на небо, как на обитель удалившегося друга, и не стремится туда, ибо земная жизнь оставлена ему в наследство, для совершения воли Учителя, как

* Хотя потомство и не назовет моего имени среди имен знаменитых женщин, но всё-таки после того, как ему станут известны бедствия нашего времени, оно будет знать, сколько я через них страдала, и оно скажет: «Она терпела много и вытерпела до конца». Но я хочу, чтобы в то же время оно сказало: «Но она дала бытие детям, которые дерзают быть достойными лучших времен, стремились к ним и наконец их достигли» (нем.).

благо, но верит, любит, и уповает! И слышит отсюда голос: «Спаситель твой жив». — Воспоминание о такой матери³⁸, какова была ваша, есть чувство Иоанна, смотрящего на небо.

17(1 марта), четверг. [Без записи].

18(2), пятница. У M-elle Вильдермет. У герцогини Кумберландской. Гнезенау. M-e Berg. Вечеру в театре: «*Альцеста*». Вечер у герцога Кумберландского. Новый инструмент. За ужином: Фок и Бело(в). M-e Berg.

19(3), суббота. Поутру гулял. Переводил. Обед у княгини Волхонской с ужасною скукой. Вечеру у Гуфланда: его сын, его невестка; ужин; разговор; отец его зятя; его жена.

20(4), воскресенье. В церкви: проповедь Thermain. Обед у великой княгини. На бале у короля. Кронпринц, Брюль, Роз.

21(5), понедельник. У в(еликой) к(нягини). Кронпринц. Гулял. У Гензеля. Обедал у Роза: Разговор об Англии. Немцы и англичане. Вечер дома. Письмо от Саши. Переводил «*Пери*».

22(6), вторник. У Алопеуса. Платер. Ла Мотт-Фуке. Вечеру в концерте.

23(7), среда. У в(еликой) к(нягини). Сашино письмо: какая разница. Мальтиц. Вечеру Моден и Герман.

24(8), четверг. Обед у короля. После обеда и вечер дома.

25(9), пятница. Поутру у в(еликой) к(нягини). Отдал книги. Письма от Саши и Маши. Завтрак у Радзивила. После обеда дома: Моден. Шахматы³⁹.

26(10), суббота. Поутру с M-elle Wildermeth в Шарлоттенбурге: прежде у в(еликой) к(нягини). Роза. Кастелян. Монуменг. Занавес. Ясины. Кипарисы. Свод: венки, стук дверной, свет. Последние минуты, Verklärung*; не нужно стараться узнать, что и где душа после смерти. Святая пятница и погребение принца. Обед дома с Перовским. Вечеру в концерте: «*Sampson*»⁴⁰.

27(11), воскресенье. У обедни. Гулял с Перовским. Обедал дома. В театре: «*Le bougri bienfaisant*»⁴¹. Твоя от Твоих Тебе приносяще от всех и за вся.

28(12), понедельник. Дома. Переводил. Обедал у в(еликой) к(нягини). Вечер у M-e Kleist. После обеда гулял. M-elle Stegemann. Lauer. Тик. Вауер.

(Март)

1(13), вторник. У в(еликой) к(нягини). Разговор о 10 марта, о монументах; о причастии. Прекрасное слово ее: религия. — Кронпринц. Обедал у Модена с Тюменом. Вечер у M-elle Wildermeth с M-e de Castillon.

2(14), среда. Поутру в библиотеке. Обедал у Модена. В театре: «*Preciosa*»⁴².

3(15), четверг. Поутру у в(еликой) к(нягини). Письма королевы. Nicolauskirche. Обедал у Ягора. В театре: «*Cosi fan tutte*»⁴³.

4(16), пятница. Поутру гулял в Thiergarten. Обедал у Ягора с Моденом. В театре.

* Просветление, преображение (нем.).

5(17). Поутру гулял. Обедал дома. Вечер у Радзивила: детский маскарад. Tableaux*: Лалла Рук; Ивангое; Фауст; Zauberring**. Танцы.

6(18), *воскресенье*. Обедал у короля. Кончил «Пери». Приезд великого князя. В театре: «Беньовский»⁴⁴.

7(19), *понедельник*. Приезд Перовского. Обед у короля. Разговор с кронпринцем о Беньовском. Ввечеру у принцессы Радзивил. Мольер и Белов. У великой княгини. Альбом и Лалла Рук.

8(20), *вторник*. Поутру у в(еликой) к(нягини). Чтение «Пери». Слово великого князя: «Достойно своего предмета». Обед у великой княгини; подле милого Гуфланда. Вечер у герцогини Кумберландской с Шатобрианом: разговор о французской истории. Картины Фридриха: «Погребенье»; «Взморье с начинающеюся бурей и рыболовами»; «Шалаш посреди туманного поля»; «Четыре времени дня»; «Вид ночью в тумане с набережной и звезды»; «Удаляющийся корабль»; «Горы с туманом»; вид; «Дерево, через которое светит вечер, и усаживающиеся птицы».

9(21). Поутру у Шуваловой. Гензель. Нейдорф. Великая княгиня и рисованье. Венцель.

10(22), *четверг*. У принца Вильгельма. Обедал дома с Перовским и Германом. Вечер у Гуфланда.

11(23), *пятница*. Поутру у Шпикера⁴⁵. У Шатобриана: о его Истории⁴⁶; о том, как писать историю; les belles lettres***. Обед у Модена. В театре: «Tancrède»⁴⁷.

12(24), *суббота*. У великой княгини. У генерала Гнезенау. Обед у Алопеуса. Вечер дома.

13(25), *воскресенье*. Поутру гулял. Обедал дома. Вечер в собачьей комедии и дома.

14(26). Утро дома. Гулял. Обед у M-elle Wildermeth. Вечер дома.

15(27), *вторник*. У в(еликой) княг(ини). Пожарский. Разговор с в(еликим) княз(ем).

16(28), *среда*. Гулял с Германом. Кюсси. Обед у Модена. В Dom****: Todesfeier*****. Прогулка в Тиргартен. Вечер у Гребена: Roder, Hoffmann, M-e Lestock, M-e Gtöben.

17(29). У в(еликой) к(нягини): стихи на Grf. Voss. Обедал дома с Чарыковским. Поутру ходил с Шамбо на башню. Вечер у Tronchin: «Le tailleur de S. S.»⁴⁸. «Le naufrage»⁴⁹. «Les rendez-vous bourgeois»⁵⁰.

18(30). Праздник. У великой княгини. С Волхонскою, Вильдермет и Шуваловою на место. Проповедь. Ясность. Вид. Тюмен. За обедом музыка. Вечер в Thiergarten; дорога с фонарями, аллея, ручей.

* Картины (фр.).

** Волшебное кольцо (нем.).

*** художественная литература, словесность (фр.).

**** Кафедральный собор (нем.).

***** Праздник мертвецов (нем.).

19(31). Поутру у Радзивила. У М-е Kleist. Обед у Волхонской. Тюмен. Гулял в Thiergarten с Перовским и Адлербергом.

20(1 апреля). Дома. Обед у великого князя. За столом граф Шлиппенбах и Ансильон. В театре: «Весталка»⁵¹.

21(2), понедельник. Обед у короля. После обеда гулял. Вечер дома. Доканчивал Иоанну⁵².

22(3), вторник. У в(еликой) к(нягини). Альбом. Обедал дома. В театре: «Орфей»⁵³, «Paul et Virginie»⁵⁴. Ужинал дома.

23(4), среда. Весь день дома. Переписывал Иоанну. После обеда на минуту у Вильдермет.

24(5), четверг. Весь день дома. Переписывал Иоанну. Бал и портной.

25(6), пятница. У великой княгини. Гензель. У герцога Мекленбургского: вход через потаенную дверь. «Орфей».

26(7), суббота. У великой княгини. Гуфланд. Обедал дома. После гулял в Thiergarten. У М-elle Wildermeth с Клейст. У Гуфланда. Вечер с Перовским: Бехерер, его сын.

27(8), воскресенье. У Шадцека. Обедал дома. Князь Гагарин.

28(9). Обедал у Гнезенау: Гумбольдт, его жена и дочери. Поутру с князем Гагариным у Рауха. Ввечеру «Jungfrau»⁵⁵. М-е Stich.

29(10), вторник. Обед у Алопеуса. Бал у Мекленбургского. В Thiergarten с Перовским.

30(11). Обедал у короля. Ввечеру гулял в Thiergarten. Встреча.

31(12), четверг. Обедал у Модена, который возвратился из Дрездена. Письма от Олсуфьева и Саши. Гулял в Thiergarten. Лунная прекрасная ночь. Игрища.

(Апрель)

1(13), пятница. Поутру. У переплетчика. Прогулка с Ансильоном. У князя Гагарина. У М-е Воск; горницы принцессы Луизы; Кёпер; о королеве: обнимать! Принцесса Луиза, принц Альбрехт: тележки. Ниенштет. Обед у кронпринца; за столом подле графа Бранденбурга. В театре: «Iphigenie in Aulis»⁵⁶. Ужин с Перовским: разговор о Вяземском.

2(14), суббота. Дома. У герцогини Кумберландской: в театре: Шатобриан. «Le ci-devant jeune homme»⁵⁷, «Le dîner de Madelon»⁵⁸.

3(15), воскресенье. Поутру у обедни. Князь Гагарин. Обед у великой княгини; за столом с Брюлем; после обеда с Гагариным. В концерте: *Graun Tod Jesu*⁵⁹. В Потсдам.

Страстная неделя

Потсдам, 4(16) апреля. Поутру принялся было читать Fichte «Die Bestimmung des Menschen»⁶⁰. Прежде всего пошел к великой княгине; дождался ее несколько времени: прекрасные горницы, отделанные с большим вкусом из дерева из карельской березы и ясеня с этрусскими украшениями; в одной заметен стол мозаиковой работы. Великая княгиня показала мне свою

горницу. Мы пошли к заутрени, часам и обедне. Видеть ее на коленях есть почувствовать набожность: она ничего не делает для виду! Зато ее простые движения всегда трогают, и в этот раз для меня было понятно это значение молитвы: Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою! Это голос чистой, прямо набожной души. Возвратясь, я принялся было читать Fichte “Die Bestimmung des Menschen”, но вздумал, что терять времени не должно, и отправился в Сан-Суси смотреть галерею. Маленький Эмиль, Пульманов сын, был моим проводником: говорливый и умный мальчик. По террасам Сан-Суси мы пошли прямо в галерею. Прекрасное здание с величественными белыми цельными мраморными колоннами; стены из giallo antico* и из мрамора, также и паркет. Галерея одна из лучших по выбору. Большая часть картин Рубенсовы и Ванديковы. «Воскресение Лазаря» Рубенса несравненно: величие мирное, божественно-человеческое Иисуса Христа; оживший, но еще носящий признаки смерти Лазарь, которого первый взгляд Спаситель; Марфа и Мария, одна трепещет радостью о благодеянии Спасителя, другая — стремлением к Лазарю; «Души детей, убитых в Вифлееме»; «Благословение Исава» Ливенсово; «Ио и Юпитер с головою» Приюдона; «Марс и Венера» Анибала Карачи: сила физическая; «Святая фамилия», Рафаэлева лучшего времени; «Спящая Венера» Тицианова; «Голова апостола» Петра Гвидо Рени; «Угрызение змей» Анибала Карачи; «Силен и вакханки» Клод Лоррена и Пуссеня; «Голова Спасителя» Рафаэля; «Бегство в Египет» Корречия; «Искушения Антония» Теньера. Картины показывал живописец Пульман с флегмою привычки. Из галереи пошел я в Сан-Суси, чтобы взглянуть на ту горницу, в которой умер Фридрих Великий. Frédéric est mort le (...): il n’a cessé régner que la veille**, сказал Мирабо: лучшая похвала, какую только можно сказать о государе, если принять слово *régner* в его великом смысле. Бродя в Сан-Суси, я опоздал к обеду. Великой княгине было досадно, что я видел Сан-Суси без нее, и мы после молитвы туда отправились. Я с Перовским и Тюменом. Мы нашли их на террасе, с которой вид прелестный; потом вошли все вместе на купол Сан-Суси. Потом пошли в Kavalierhaus. Там есть круглая мраморная зала, в которой во время летнего пребывания в Потсдаме всё семейство собиралось; есть две горницы, в которых жила великая княгиня; из них прямо ход в сад. Еще остались над ее постелею венки; и в ее кабинете венки с ее вензелем под ее рисунком Кунцендорфа. Милое, уединенное место, похожее своею привлекательною простотою на ее чистую душу. Сюда приду перечитывать несравненное письмо Саши, пожить воспоминанием моего прошлого и еще другого прошлого, которое мне неизвестно, но знакомо. Место, где жила прекрасная душа, свято. Из Kavalierhaus мы пошли в Бельведер, и с кронпринцем я зашел на купол. Возвратились в Потсдам через Neue Palais. Вечеру ходили вместе с Перовским подсматривать луну

* Древний известняк (*ит.*).

** Фридрих скончался (17 августа 1786 г.): он перестал царствовать только накануне (*фр.*).

на Brauhausberg, но луна не рассудила нам показаться, а вышла после, когда появился и Моден; зато лягушки и чибисы довольно повеселили нас.

5(17), вторник. В первый раз прочитал Сашино письмо. Нынче день ненастный и холодный; мои намеренья бродить по Сан-Суси не сбылись. У обедни был король; вчера был кронпринц: он приезжал нарочно для этого из Берлина. Обед у в(еликой) к(нягини). После обедни в(еликая) к(нягиня) играла на фортепиано отрывки из Грауна; а по окончании молитвы читала вместе со мною обедню. Вечер дома. Перед обедом был у Шуваловой⁶¹: мы разговаривали о Шлифене.

6(18), среда. Нынешнюю ночь Яков занемог⁶², и я долго не мог заснуть: посылал за доктором и прочее. Поутру после заутрени ходил вместе с Адлербергом в Сан-Суси опять посмотреть галерею и повидаться с милым моим местом, которое трогает своими воспоминаниями: время было холодно ясное. Во время вечерни, отдавая в(еликой) к(нягине) молитву, я увидел в ее руках другого рода молитвенник: письма ее матери! Какая прелестная, трогательная мысль обратить в молитву, в очищение души, в покаяние — воспоминание о матери! И что же в этой книжке! Ее мысли, ее чувства, в самые тяжкие минуты жизни наполнявшие и утешавшие душу ее! Вот настоящая, чистая набожность! Как мало этого возвышающего в обряде нашего говения — вместо того, чтобы входить в себя, вспоминать прошедшее, объяснять его для себя, мы только развлекаем себя множеством молитв, хвалебными песнями, ничтожными в сравнении с Тем, Кого они хвалят, и мало говорящими сердцу. Мне кажется, для этого времени должно бы соединить в одно всё, что для нас важно! Должно бы заготовить для себя несколько вопросов, относящихся до веры и до жизни нашей; возобновить вкратце всё, что составляет религию нашу, следовательно, сделать для себя извлечение всего важнейшего в Святом Писании; пройти это всё в отношении к нашей жизни! Что же касается до молитвы — то довольно одной, к которой нечего прибавить: Отче наш! В обедне же нашей заключены все таинства религии: Твоя от Твоих — вот всё христианство! Эти слова без исключения можно применить ко всем обстоятельствам нашей жизни! Чтобы кончить нынешний день лучше, и я перечитал в моей Лалла Рук то, что написано было великою княгинею, и написал кое-что свое. Elle est ma religion! Il n y a pas de plus grande jouissance que de sentir avec pureté la beauté d'une âme pure*.

7(19), четверг. В 10 часов, после причастия, вместе с Германом, Перовским, Моденом и Адлербергом ходил я в Сан-Суси. Избави, Господи, от товарищей, когда хочешь что видеть или чем-нибудь насладиться! Скучная и досадная прогулка; но за нее вознаградило после обеда. Вместе с Германом провел прекрасно время в Pfauen-Insel**. Туда доехали в карете; оттуда

* Она моя религия! Нет большего наслаждения, как чувствовать чистым сердцем красоту чистой души (фр.).

** Павлиний остров (нем.) — любимое местопребывание короля Фридриха-Вильгельма III.

я возвратился в лодке. Прекрасный, простой дом. Горница великой княгини, нынче Луизы и Александрины; сборная горница, с гипсовыми картинами, где король завтракает с семьею; большая горница, отделанная деревом; круглый кабинет королевы; спальня короля; горница принца Карла; круглая лестница. Несравненный вид с башни. Сад роз. Орлы. Die Schäfererei*; олени; кабаны; лисицы; тушканчик; египетские козы; волю; буйволы; урод теленок с короткою мордою. Die Meierei**. Вид с мыса. Вид из охотничьего дома. Два дуба: ландшафт для Фридриха. Лебеди. Захождение солнца и эхо. Концерт на рогах. Возвратный путь на лодке и прекрасное захождение солнца. Вид с мраморной скамейки.

8(20), *пятница*. Поутру у в(еликой) к(нягини). У вечерни. В Neue Palais. Обедал дома. У вечерни. В Marmor-Palais чай вместе с королем. После гулял: Marmor-Palais; Gothischer Thurm; Heilige See***.

9(21), *суббота*. У обедни. Князь Гагарин. Обедали в Pfauen-Insel. Игры. Граф Шуленбург, Моден, Шувалова и Ниенштет. После обеда в Никольское. Вид с светлицы на Гафель: с одной стороны часть Потсдама, Ruinenberg, Neue Palais, Pfingstberg; с другой стороны Pfauen-Insel: лодки и лебеди. Заутрена.

10(22). *Светлое Воскресенье*. Поутру у развода. Обед у короля. Нимейер⁶³ и его разговоры за столом со всеми из королевской фамилии поочередно. Прогулка в Neue Garten и на Pfingstberg. Спрятанные яйца. В(еликая) к(нягиня) на площадке. Вечер у короля. Разговор с Шильденом. Рисованье яиц.

11(23). Встал до солнца и ходил на Браухаусберг смотреть на его восхождение. Утро было прекрасное; восток был задернут полосой облаков, и первой минуты появления солнца я не видел; но оно взошло прекрасно из-за облаков; сперва загорелись передовые легкие облака, потом края тех облаков, в которых скрывалось солнце, потом оно вышло само. Вечер после захождения солнца и утро перед его восхождением одинаковы — но чувствительны различия в живости самого чувства; в первом случае чувствуешь усыпление природы, отдых; во втором пробуждение! И вечер, и утро свежи, но свежесть разная. Первую чувствуешь, уставши от дня, вторую, укрепившись отдыхом! По-настоящему чувствуешь только самого себя и в физической, и в нравственной природе! Она только то, что мы сами! И в шуме вечернем нет многого, что находим в шуме утреннем! Первый есть шум утихающий, последний шум начинающий. В первом многие голоса умолкают, в последнем беспрестанно новые прибавляются, так, как и самые предметы, получающие новую форму с прибавлением света. Это всеобщее, смешанное жужжание (которое так живо и пленительно весною) кажется всеобщему молитвою. Вид с горы прелестный. Весь Потсдам: обширная поверхность Гафеля, в которой час от часу яснее

* Овчарня (нем.).

** Ферма (нем.).

*** Мраморный дворец, готическая башня, Святое озеро (нем.).

изображаются берега; утки, как черные и как светлые точки на воде, с двумя полосами, которые за ними тянулись; лодки и барка с парусами; ярко освещенный Новый дворец, Бельведер и много домов между зеленью; игра лучей на городских зданиях; обе церкви живописно освещенные; яркое солнце, под которым исчезал восточный берег и которое ярко горело в воде; кое-где дым и струя легкого тумана; и с каждым шагом перемена картины. Я сошел с горы и ходил вдоль шоссе до заставы, У шлагбаума видел приставника, который приветствовал своею трубкою восхождение солнца. Возвращаясь, начал читать Фихте — и заснул над книгою, но не от скуки. Простился с Гагариным, который поехал в Карлсбад. Обед был в Сан-Суси вместе с королевскою фамилиею. За столом я сидел подле графа Бранденбурга, и мы пили вместе здоровье великой княгини... Wahrheit: Grund-Ich*. Мы говорили об ней. Что составляет ее прелесть? Правдивость! И что вообще есть сущность красоты? *Правда!* то есть тесное сродство с тем, что составляет сущность души человеческой! не с тем, что мы бываем в ту или другую минуту нашей жизни, но с тем, что есть основание нашего бытия, что во всякую минуту жизни присутственно, что служит масштабом всех возможных модификаций нашего бытия! Grund-Ich — das Göttliche in dem Menschen**⁶⁴. И с этим чисто Божественным имеет большое сродство то чувство, которое она в душе пробуждает. К ней нельзя иметь привязанности, не имея привязанности к чисто прекрасному! И нельзя удалиться от этой чистоты, не почувствовав себя виноватым перед нею! — После обеда ходил с Шильденом осматривать Фридриховы горницы и мой милый *Kavalierhaus*. Одно слово кронпринца меня тронуло. Он, показывая мне вид с террасы Сан-Суси, сказал: «Это место мне нравится более всех». Я сказал, что предпочитаю вид с *Brauhausberg* и *Pfaufen-Insel*. Я сужу как мимоходящий, а вы, как принц, благодарный к тому месту, на котором были счастливы. — «Это правда! *Und wie glücklich!*»*** — В этой семье прошедшее как святыня! Но какое прошедшее! Милое, семейное, освещенное тихими наслаждениями сердца! Милое вместе! Здесь иссохший цветок больше значит, нежели все богатые перлы, хотя нет ни малейшей изнеженности чувств, ни романизма. — Принцы уехали в Берлин, а принцессы остались в Сан-Суси. Я отправился в *Ruinenberg* и сидел там долго, смотря грустными глазами на заходящее солнце, которое удивительно украшало окрестности, видимые сквозь деревья и развалины: для того, чтобы наслаждаться настоящим, надобно иметь в запасе будущее! По крайней мере в эту минуту я не имею ничего в запасе. Но я возвратился к ним с живейшим расположением; вечер был удивительно тихой, благовонный, полный весенней жизни! После ужина долго ходили вместе по площади и любовались звездным небом. *La couronne***** мое любезнейшее созвездие.

* Правдивость — основа личности (нем.).

** Основа личности — Божественное в человеке! (нем.).

*** И как счастлив! (нем.)

**** Корона (фр.).

12(24). Маневры в Гриневальде. Ездил туда с M-elle Wildermeth, графиней Гак и графиней Шуваловой. Прекрасный день и еще более прекрасный вечер, которым я однако не наслаждался. Прекрасное захождение солнца над озером; старинный замок и предание о зарытой вживе девице, любовнице герцога Иоахима⁶⁵. Музыка и пение. Гнезенау и принцесса Радзивил.

13(25). Целый день в Pfauen-Insel. Я был в дурном расположении, но Шашино письмо его поправило. Долго сидел один на берегу, смотря на воду, которая прелестно зеленела сквозь ветви молодых берез. После обеда чтение, кегли, катанье с горы с в(еликою) к(нягиней). Вечер с Перовским под звездным небом; удивительное зрелище! Приезд Кавелина; письмо.

14(26), четверг. Встал до солнца и вместе с кронпринцем и Карлом на Браухаусберг смотреть восхождение солнца. Утро было прекрасное, сначала несколько холодное, но солнце взошло в полном блеске, и прогулка наша была прелестная. Она кончилась разговором (к несчастью, коротким) о в(еликой) к(нягине). Кронпринц говорил об ней с энтузиазмом. Он уговорил меня ехать в Бранденбург, самый старинный город в Пруссии и поэтому достойный примечания: любопытнее всего вид на кафедральную церковь и особенно церковь Св. Екатерины, которой архитектура готическая. Статуя Роланда, которая означает право судить и казнить, уродливая каменная фигура с мечом; время убрало его голову цветами. Дорога от Потсдама до Бранденбурга довольно приятная, несмотря на множество песка; проезжаешь мимо озер; видишь веселые деревни; особенно городок Вердер на острове представляет приятное зрелище. Всё зеленеет; по обеим сторонам шоссе прекрасные тополи, буки, каштаны, шелковицы; кое-где пышные заливные луга; иногда целые рощи диких цветущих вишен. Особливо приятно было возвращаться: та сторона, которую видели поутру сквозь жар и пыль, была освежена весенним ветерком и озарена солнцем, близким к закату; всё было благовонно; зелень каштанов и тополей светло-яркая прелестно отделялась от черной зелени сосен; вода имела прелестный темно-голубой цвет. День кончился в Сан-Суси, и, чтобы кончить его достойным образом, мы сходили на купол дворца провожать заходящее солнце, которое зашло ярко и великолепно. M-elle Wildermeth рассказывала мне кое-что из старины. В 1814 году жила она одна с великою княгиней в Kavalierhaus. Нынче дослушаю эту бесстрашную и запишу.

15(27), пятница. В Сан-Суси с M-elle Wildermeth. Просидел с час в Kavalierhaus, сперва в большой зале, которую называют Яшмовою залою. Здесь была в 1817 году учебная и сборная горница. Зала огромная; стены украшены древними бюстами; пол мраморный. Великая княгиня провела лето 1817 в Сан-Суси с принцессою Фредерикою и с нынешнею графиней Бранденбург. Эта зала была разделена на несколько департаментов; в одном углу стояло несколько столов для занятий: тут писали, рисовали, читали; в другом углу фортепьяно и музыкальная библиотека; в третьем — стол с нужнейшими книгами; в четвертом для младших детей. Сверх других в это время жили

в Сан-Суси M-elle Wildermeth и M-e Kameke, воспитательница принцессы Фредерики. Кронпринц приезжал всегда в субботу ввечеру и оставался до понедельника вечера. В 1814 году великая княгиня прожила в Сан-Суси совершенно одна всё лето с M-elle Wildermeth — в уединении и в занятиях; тогда праздновали день ее рождения, ей минуло 16 лет, и венки с тех пор остались на стене. Милый анекдот о подарке в Рождество Христово: черта искреннего и глубокого чувства. Наш разговор был прерван, и мы ходили до обеда в галерею. После обеда разговор с кронпринцем: я открыл ему тайну своего посещения Шарлоттенбурга 10 марта. Ходил опять в галерею; потом пил чай на Pfingstberg. Удивительно приятный вечер и забавная французская кадрили на площадке павильона. Я ужинал один.

16(28), суббота. Встал до солнца и ходил вместе с Кавелиным на Brauhausberg. Обедал в Сан-Суси. Ländler-walzer*. Вечер в театре: глупая или, лучше, длинно-скучная пьеса Ифландова *“Die Hagestolzen”*⁶⁶. Ужин у короля.

17(29). Мне грустно, потому что я не видал нынче в(еликой) к(нягини). Видеть ее в этот день, в ее семье, и поделиться воспоминанием о прекрасном московском дне есть удовольствие, которого, понятно, ничем воротить нельзя. Всего, что здесь вместе делает это воспоминание сладостным, уже вместе никогда не будет: время несравненное! Воздух удивительно живо-творный! И этот день мог бы быть прелестным, — а я должен его провести в каком-то сухом одиночестве! Я переписывал для кронпринца перевод своих стихов на этот день!⁶⁷ Но как бы было весело говорить об нем! Посмотрим, как он кончится... Обедал за маршальским столом, и с генералом Блоком пили здоровье новорожденного. Ввечеру гулял в Neue Garten с Кавелиным и Адлербергом. Вечер был прекрасный. В(еликая) к(нягиня) возвратилась, и я успел ее поздравить. Только не слишком ли? Как всё не так делается, как думается. За ужином сел подле графини Бранденбург, и она рассказывала мне день Пареца⁶⁸. Я прописал целое утро для кронпринца, а он и не подумал в нынешний день обо мне. Ребячество; но от этой болезни не излечишься.

18(30), понедельник. Встал до солнца и с Перовским на Brauhausberg. Прекрасное утро. Обед у короля: в большой мраморной зале. После обеда милое слово великой княгини. После обеда маневры. Перовский и Шёлер. На Pfingstberg: Ländler-Walzer и God save the king⁶⁹. Ужинал дома.

19(1 мая), вторник. Возвратился в Берлин с Перовским. В ботаническом саду: бананы; pandanées**; сахарное дерево. В бане. Обедал у великой княгини. Вечер у Перпонше: три пьесы: *“Les précieuses ridicules”*⁷⁰, *“Le singe voleur”*⁷¹. За ужином с Брюлем. После ужина *“Les fureurs de l’amour”*⁷². M-e Brühl и принцесса Радзивил.

20(2), среда. Поутру в репетицию «Олимпиа»⁷³. Обед у Модена. Вечер с Кавелиным в Thiergarten. Ужинал дома. Перовский.

* Народный немецкий танец, медленный вальс (нем.).

** Пандан, тропическое растение (фр.).

21(3), *четверг*. Именины великой княгини. Завтрак у великой княгини. Поздравление. После обеда у M-elle Wildermeth и в Шарлоттенбурге.

22(4). Обед у Модена. В(еликая) к(нягиня) в Шарлоттенбурге. «Дон Карлос»⁷⁴.

23(5), *суббота*. Поутру в цейггаузе. Обедал у графа Брюля. Вечер у принцессы Радзивил: Humboldt, M-e Humboldt, M-elle Kleist, Stegemann. Рисунки Фауста⁷⁵. Шёлер.

24(6), *воскресенье*. Обед у Модена. Вечер в Шарлоттенбурге с Германом и Кавелиным.

25(7), *понедельник*. Поутру у Гумбольта. У M-e Kleist. Обед у Алопеуса. Вечер приятнейший у Гуфланда. Анекдот о самоубийце. О Гумбольте.

26(8), *вторник*. Вечер у M-e Kleist. Музыка. Les distraits*. M-e Stegemann.

27(9), *среда*. Дома. Болен.

28(10), *четверг*. Поутру у великой княгини. Раух. Henschel. Обедал дома. Вечер у Радзивил. Voucher.

29(11), *пятница*. Поутру завтракал у Алопеуса; за столом с Гнезенау. Вечер у M-elle Kleist. Рождение M-e Stegemann. Les vers**. Пароль. Les petits jeux***.

30(12), *суббота*. Вечер у Гуфланда. Графиня Штольберг.

⟨Май⟩

1(13 мая), *воскресенье*. Поутру в Академии с M-e Kleist. Les plâtres d'Elgin⁷⁶. Прекрасный вечер у Гнезенау: чтение M-e Hohnhausen; перевод Бейрона⁷⁷. Кречман. Frau von Arnim. За столом подле Савиньи и M-e Klausewitz.

2(14), *понедельник*. У Hensel. Парад. Дома обедал. «Олимпия».

3(15), *вторник*. Дома. «Jungfrau von Orleans».

4(16), *среда*. Поутру у M-e Kleist. M-e Marwitz. Вечер у Радзивила. «Faust»⁷⁸. За столом с Вольфом и Цельтером.

5(17), *четверг*. Дома. Обед с Фурманом. Вечер у M-elle Wildermeth: M-e Kleist, Klausewitz, Truchsess, Marwitz, M-elles Stegemann, Kleist, Marwitz; Kleist, Tieck, Rauch; лотерея. Моден. В Потсдам. Биваки.

6(18), *пятница*. Обед в Neue Palais подле M-elle Boguslavsky. В театре «Fégaros Hochzeit»⁷⁹. Скверно. Белая книга⁸⁰. За столом подле Кнезебека. Фридриховы сочинения с замечаниями Вольтера⁸¹.

7(19), *суббота*. Обед в Neue Palais. «Barbier de Séville»⁸².

8(20), *воскресенье*. Обед в Pfauen-Insel, подле M-elle Wildermeth и графини Шуленбург. Вечер в Берлине.

9(21), *понедельник*. Обед у Брюля. «Олимпия».

10(22), *вторник*. Перовского рука. Обед у Алопеуса. Бруно. Вечер дома с Германом.

* Рассеянные (фр.).

** Стихи (фр.).

*** Салонные игры (фр.).

11(23), среда. У М-е Kleist. У Гнезенау. М-е Streckfuss, М-е Neumann.

12(24), четверг. У великой княгини: с Шамбо. Завтрак у Радзивила. За обедом с Блоком и Германом. Вечер у Радзивила.

13(25), пятница. У великой княгини. У графини Бранденбург. У Бруно. Обед у короля: подле Брюля. Вечер у Гуфланда. Мельгунов. Дома.

14(26), суббота.

Июнь

*2 июня*⁸³. Дрезден. Три дни, как я в дороге; буду писать не о путешествии, а о Берлине. Я провел последние минуты с горестным удовольствием прощанья. В Берлине были минуты счастья. Я простился с королем в Потсдаме, проводив в(еликую) к(нягиню). Нельзя изобразить чувства пустоты, которое имелось во мне. Во дворец. Вечер провел у M-elle Wildermeth. На другой день у кронпринца: прощанье; потом у принцессы Александрины, Луизы и Альбрехта. С герцогинею Кумберландскою не простился, не смогши ее видеть. Обедал у принцессы Радзивил: за столом приезд кронпринца. После в театре. Прискорбная глупость⁸⁴. Вечер у M-elle Wildermeth (история альбома). На другой день у М-е Kleist. Перед самым отъездом крест⁸⁵. Проезд через Потсдам; терраса и померанцы. — Товарищ Бруно. Ночевал в Трейенбритцене. — *30.* В Прече: замок. — В Виттенберге: Лютерова комната и картины Крайнаха. — Вечер в Торгау: мост; замок; башня. — На другой день (*31*) в Мейссен. Domkirche св. Иоанна. Церковь. Der hohe Chor: удивительный вид с башни. Дорога от Мейссена. Вечер в Дрездене. Олсуфьев. Правило⁸⁶. — *1 июня.* Путешествие к памятнику Моро; в Плауен и в Тарант. Возвращение в Linkische Bad⁸⁷.

4(16) июня, Дрезден

Путешествие от Берлина до Дрездена⁸⁸

В Виттенберге⁸⁹, который пленяет воображение своею древностию, видел я обе старинные церкви и заглянул в келью Лютера: видел имя нашего Петра, написанное его рукою, и, следуя дурному примеру всех путешественников, отрезал себе кусок от Лютерова стола, которого скоро не узнает дух Лютера, если он только посещает иногда место своего прежнего пребывания, не узнает: так изрезали его благоговейные ножи путешественников! Жаль, что в этой келье стоят старинные портреты, которых в ней не было во время Лютера: это мешает воображению. Из Виттенберга поехал я через Преч, где осматривал, пока переменяли мне лошадей, старинный замок. В Торгау, где также есть старинный, весьма живописный замок, я лазил на высокую башню и любовался окрестностями. На другой день поутру приехал в Мейссен; фарфоровой фабрики видеть было нельзя, потому что был праздник Вознесения; я пошел в Domkirche и

всходил на высокую ее башню. Вид с нее удивительно обширный, и сама церковь достойна примечания: величественная, готическая архитектура; здесь есть две картины: «Распятие» Луки Кранаха и «Поклонение Волхвов Христу»⁹⁰, как уверяют, Альбрехта Дюрера. Последняя, кто бы ни был живописец, понравилась мне гораздо более первой: необыкновенная сила и выразительность в лицах. Она писана на дереве и створчатая, как обыкновенно запрестольные образа в лютеранских церквях; на дверцах, которые служат и крышкою для картины, изображены четыре апостола. Смотри на эти изображения, ясно почувствуешь, чем отличается немецкая школа⁹¹ от прочих: простая, величественная, но не идеальная природа. Она менее действует на воображение, но, кажется, более удовлетворяет чувству. Вся дорога от Мейссена до Дрездена есть веселый сад на высокой полугоре: с правой стороны Эльба; с левой — то высокий утесистый берег, то отлогий зеленый холм, то виноградники, и беспрестанно встречаются чистые, веселые сельские дома; дорога прекрасная: лучшей не может быть и в саду; по сторонам прекрасные тротуары из песчаного камня; их не трудно и делать и содержать: материал, т. е. утесы из песчаного камня, находятся у самой дороги. Вообще характер здешней природы и ее жителей есть какая-то спокойная веселость: у каждой опрятной хижинки есть небольшой сад, обнесенный прекрасною каменною стеною; польза служит вместе и украшением: почти все дома на полдень обсажены виноградом; на окнах, между зеленью виноградных листьев, мелькают цветы. Особенно пленило меня положение так называемого *Wakkerfait Ruhe*: на высоте холма стоит здание, похожее на часовню; там, если не ошибаюсь, похоронен *Wakkerfait*, который основал в этом месте училище. У подошвы холма, служащего могилою основателю, стоит веселый, довольно обширный дом, известный под именем *Landes-Institut*; простая архитектура дома, чистый, вымощенный камнем двор, два высоких тополя вместо ворот, к которым от большой дороги идет густая аллея, рощи из яворов и каштанов по обеим сторонам дома, с дорожками и сиделками, и окружающая всё ясная, плодотворная природа невольно представляют здесь воображению первые, счастливые времена молодости. Если бы я не спешил в Дрезден, то навел бы этих детей, которые начинают свою жизнь беспечно в прелестном приюте, между гробом их благодетеля, но этот гроб назван *die Ruhe**, и большою дорогою, по которой столько путешественников, им незнакомых, мимо их проходит и исчезает. Вечер был прелестный, и мне хотелось застать еще последний блеск солнца на Дрезденском мосту. За четверть мили от Дрездена вышел я из своего смиренного *Stuhl-Wagen***, дал ему ехать в Дрезден, а сам пошел пешком. Время было удивительно ясно: вечер свежий и благовонный (до сих пор я еще не видал ни одного жаркого дня), и я думаю, что это лучший при

* Покой (нем.).

** Экипаж (нем.).

заходящем солнце: оно садилось позади меня, так, что весь яркий свет лучей падал в город, который светился между зеленью каштанов, кленов и тополей; вблизи, между темно-зелеными деревьями, на берегу Эльбы, мелькала мельница; за нею зеленел широкий луг; далее виден был прекрасный Дрезденский мост⁹²; над ним темные липы Брюлева сада, и величественно из-за вершин древесных выходил купол церкви Богоматери и великолепная Католическая церковь, с своею высокою башнею. Я остановился на мосту и долго любовался и прелестью берегов Эльбы, которые с обеих сторон поднимались зеленым амфитеатром, и городом, и множеством народа, который толпился по мосту; я не хотел уйти в свой трактир, не проводив на покой своего милого солнца (которое так было ко мне милостиво в Сан-Суси и Потсдаме); долго бродил по террасе Брюлевой⁹³; пестрая толпа сверкала на солнце под зеленью лип, и всё было чрезвычайно живо; небо ясно угасало, и на светлом, безоблачном западе прекрасно отделялся высокий крест, стоящий на мосту: этот вид давал картине что-то необыкновенно величественное. Жаль только, что Эльба своею мутностию несколько ее портит. Я еще не видал Эльбы ни разу в настоящей красоте; вода ее во всё это время была желто-красная: это от дождей, которые падают в Богемских горах, мутят бегущие в нее ручьи, из которых много заносит в нее киновари и красит ее красною краскою. Она текла тихо, но цвет ее говорил о буре.

10(22) июня, Прага

Дрезден. Плауен. Тарант

В Дрездене нашел я некоторых из наших русских, между прочим и князя Гагарина; но он на другой день уехал в Карлсбад. Более всего рад я был найти О***⁹⁴. — Путешествие учит пользоваться настоящею минутою, и так как погода, которая до сего времени была весьма непостоянна, показалась мне установившеюся, то мы решились вместе на другой день идти в Плауен, а оттуда в Тарант. Рано поутру мы отправились пешком через Рекниц, чтобы взглянуть на памятник Моро⁹⁵. Он очень прост: гранитный пьедестал, на котором лежит бронзовый шлем. Вид от него в ясную погоду, когда отдаление не покрыто парами, должен быть прекрасный: мы им не могли любоваться. Дрезден не хотел нам показаться; он окутался в густой дым и едва был виден, и все окрестности были также туманны. Наше удовольствие было половинное; зато в Плауене было оно полное. Мой путеводитель О(лсуфьев) (который NB сделался великим ботаником и умеет назвать по латыни каждую травку дрезденских полей и долин) нарочно повел меня полями, чтобы вдруг удивить взглядом на прелестный Плауен. В самом деле неожиданно мы очутились на краю гранитного утеса, вышиною в 70 сажен, с которого представился весь Плауен, освещенный солнцем; надобно было ползти, чтоб взглянуть с крутизны вниз: глубокая,

зеленая долина вьется между высокими утесами, которые не имеют однако ничего дикого, хотя подымаются с обеих сторон ужасною гранитною стеною; они покрыты веселыми деревьями: буками, кленами, липами и кое-где темными елями; быстрая Вессерица, которая в это время была уже довольно мелка, шумит, вьется, плещет по камням и вертит колеса многих мельниц, которые оживляют долину. Маленькою тропинкою спустились мы с высоты в глубину; у прекрасного каменного моста Вессерицы ждала нас коляска, и мы отправились в Тарант. Дорога идет берегом быстрой Вессерицы, мимо деревень, сельских домов и мельниц: всё долины, которые беспрестанно переменяют образ, то расширяются, то вдруг сменяются; одна и та же картина представляется в тысяче прекрасных оттенков. Но всего живописнее положение Таранта: небольшой, веселый городок, в глубине пышной долины. — Заказав в трактире обед, пошли мы бродить; день был жаркий, обещал грозу (но он не сдержал обещания), и солнце, щадя нас, беспрестанно пряталось за облака и наводило свет и тень на окружающие нас утесы. Из трактира, который стоит в самой глубине долины, окруженный тополями, полезли мы на вершину горы, по тропинке, весьма крутой, но хорошо отделанной для гуляющих, к так называемому Храму Солнца; этот храм достоин своего имени только по прелестному виду, которым наслаждаешься с его порога, а не по своей архитектуре: он из коры, покрыт соломой, и на скамейке, которая внутри его манит к себе усталого, нельзя сесть: так она пыльна и нечиста. С этого места самый обширный вид на Тарант; но самый живописный из окон развалившегося замка: под стенами развалин большой пруд; влево церковь; за прудом весь городок с кудрявыми утесами, его окружающими, и всё чрезвычайно оживлено; природа не хотела здесь быть ужасною, и самые дикие утесы свои скрыла она под веселою зеленью разнообразных дерев. Впечатление, которое здесь она производит, есть какое-то веселое, спокойное довольство; радуешься настоящей минутою, не мечтая о далеком: веселая, живая, разнообразная сущность, не смешанная ни с чем идеальным! Заслужив свой аппетит, мы весьма вкусно обедали в трактире, и между тем, как мы ели свежих форелей, несколько менестрелей играли на арфах и пели: “Freut euch des Lebens!”* и “Komm am Rhein, da wachsen unsere Reben”** и «Польский» Огинского. Virtuозы были не первого класса, но признаюсь, я слушал с большим удовольствием; все эти мелодии были знакомцы старого времени. Мы возвратились довольно рано в Дрезден, и не желая потерять последних, ясных минут прекрасного дня, отправились пешком в Linkische Bad. Здесь по вечерам собираются жители Дрездена. Множество столов расставлено под липами для тех, которые хотят пить кофе, пиво, курить табак или просто сидеть в своем кругу и смотреть на пеструю толпу, волнующуюся под деревьями.

* «Радуйтесь жизни!» (нем.).

** «Приходи к Рейну; здесь растут наши виноградные лозы» (нем.).

За вход платят несколько грошей в пользу музыкантов, которые здесь играют три раза в неделю, по воскресеньям, средам и пятницам: в эти дни здесь можно увидеть весь Дрезден. Но я не видал всего Дрездена, хотя и была пятница; накануне, т. е. в четверг, был праздник Вознесения, и жители Дрездена, весьма точные люди, заплатив в четверг те гроши, которые надобно было заплатить в пятницу, не захотели нарушить своего правила, и оркестр играл в пустыне.

Я не буду описывать всего, что со мною было в Дрездене; буду говорить о главном. Но для вас, друзья мои⁹⁶, должен я сказать несколько слов о прелестном вечере, который провел на берегу Эльбы, сидя на террасе Финдлерова сада. Сначала мое расположение было довольно дурное, можно сказать худшее, потому что оно было холодное, и в голове и в сердце было пусто. День был непостоянный, дождик сменял ясность, наконец, ясность победила ненастье. На террасе сидело множество людей; у каждого стола семейство; всё было весело, но для меня эти веселые лица были чужие: хотя я и был их товарищем, но всё чувствовал одиночество. Не скажу, чтоб было грустно; грусть есть чувство живое; было пусто: это хуже! Природа, окружавшая меня, была прелестна, но главная прелесть окружающего есть наша душа, есть то чувство, которое она приносит к святилищу природы. И в моей душе не было сначала ничего, чем бы поделиться с призывающею природою. Настоящее казалось бедным, а будущее ничего не обещало в жизни. Всё главное известно; ничего таинственного, неизвестного не могло соединиться с тем, что видели глаза, следственно, и главной прелести недоставало видимому! Но добрый гений, *воспоминание*⁹⁷, прилетел ко мне на помощь. Как иногда вся душа переменяется от одной, едва заметной мелочи, от луча солнечного, освещающего отдаление, от голубого неба, проглянувшего сквозь облако, от светлой струи на воде! Смотрел на окрестности: они были очаровательны. Дрезден, за которым садилось солнце, темно отделился от дождливого горизонта, и за ним, как за тонкою дымкою, светилось невидимое солнце; отдаление покрыто было светом и тенью, и в этой картине что-то было знакомое, и в самом деле знакомое! Это был точно белёвский вид⁹⁸ с пригорка, против моего большого дома (разумеется, с бóльшим разнообразием). Эльба, которая здесь немного шире нашей Оки, также точно извивалась под горою; в правой стороне город; вдали на горе Рекниц, похожий на Темрянь; за рекою обширный луг с дорогами. Одна из них, Пильницкая, по берегу Эльбы, как Московская по берегу Оки, другая на Рекниц, как Тульская; даже влеве под горою дом, точно напоминавший дураковскую церковь; самое отдаление, несмотря на то, что синелись на нем живописные горы Саксонской Швейцарии, имело что-то похожее на рощи, окружающие Жебынскую пустынь; одним словом, с помощью воображения можно было довольно живо видеть вместо Дрездена милую свою родину...

И много милых теней встало...⁹⁹

Путешествие по Саксонской Швейцарии¹⁰⁰

17(29) июня, Карлсбад

Пильниц. Ломен. Ottowalde-Grund

Время было несколько туманно, когда мы (я и мой товарищ Олсуфьев) оставили Дрезден; но в Пильнице встретили мы ясную погоду, и во весь этот день солнце (несмотря на несколько дождевых эпизодов) было к нам довольно благосклонно. О Пильнице не могу сказать вам ничего: окрестности его приятны, но сам дворец и сад мало достойны примечания. Напившись кофе в трактире, мы поехали далее, в городок Ломен, где оставили свою коляску, и отсюда началось наше пешеходство; коляску же отправили мы, дожидаться нас, в деревню Ратевальде. В Ломене есть старинный замок: с высокой его террасы взглянули мы на речку Везеницу, которая течет живописными берегами — вид прекрасный! Перед глазами часть городка и мельница, которой колеса приводятся в движение быстрым водопадом. Из Ломена пошли мы полем и скоро по крутой тропинке спустились в Ottowalde-Grund (Grund, я думаю, можно перевести словом: *добрь*); это не долина, а узкий, глубокий и длинный прорез между утесами, дорога, которую в старые времена проложила себе вода, проточившая камни. Внезапная противоположность той глубины, в которой мы очутились, с тою веселою равниною, которую мы покинули, была весьма разительна: вдруг всё дико, мрачно и сурово; идешь узкою тропинкою, между огромных камней, покрытых старым мохом и в ужасном беспорядке набросанных на дно долины; по обеим сторонам стены утесов, покрытые елями и соснами; над головою узкая полоса голубого неба; кое-где на вершинах свет солнца; внизу же свежесть и сумрак, и нельзя описать того разнообразия, в каком представляются здесь утесы: то вдруг огромная отделившаяся колонна, на которой, вместо капители, мох и сосны; то вдруг целая стена, треснувши, наклонилась, и грозитя тебя задавить; то вдруг странные фигуры камней поражают глаза и воображение, и эти странные фигуры подали повод ко многим народным басням. Наш болтливый проводник, которого на всё путешествие взяли мы в Ломене, рассказывал нам биографии некоторых утесов: так, например, в Ottowalde-Grund есть глубокая низкая пещера, которая называется Teuvelshöhle: в ней жарит свою дичь и, вероятно, угощает ею дьявола так называемый *дикий охотник* (der wilde Jäger), здесь известный под именем *безголового Дидриха*; он, часто по ночам, с ужасным криком, вихрем и градом, бегаёт по утесам и забавляется охотою. Есть место, которое называется Steinernes Haus: на дне долины лежит обрушившийся камень, имеющий фигуры дома. Долина, почти везде весьма узкая, вдруг так стесняется, что едва можно пройти двум человекам, и несколько камней, сорвавшись с высоты, увязли в ущелье и образовали кровлю: это место называется Ottowalde Thor. Сквозь эти воротаходишь в Raingrund, потом в die Hölle, потом узкою дорожкой начинаешь подыматься вверх:

вокруг тебя всё дико по-прежнему, кажется, что находишься в таком месте, где никогда не была нога человеческая: всё в разрушении, всё мрачно и сурово; но, взобравшись на высоту, видишь себя вдруг на лугу: кругом кустарник и веселая густая роща; тропинка вьется чрез рощу, и тут кое-где сквозь деревья начинают проскакивать виды на голубую даль с светлым небом, и начинаешь подозревать, что величественное зрелище близко... Чтобы вполне насладиться неожиданностью, я не дал воли своему нетерпению; как ни манили меня выглядывавшие из-за деревьев утесы, я шел, уставив глаза на свою тропинку и на вялые листья, которыми она была покрыта: наконец, вдруг исчезли деревья, и мы очутились на Basteu.

Die Basteu. Как жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтобы описывать прекрасное! Природа, чтобы пленять и удивлять своими картинами, употребляет утесы, зелень деревьев и лугов, шум водопадов и ключей, сияние неба, бурю и тишину, а бедный человек, чтобы выразить впечатление, производимое ею, должен заменить ее разнообразные предметы однообразными чернильными каракульками, между которыми часто бывает гораздо труднее добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекрасного вида. Что мне сказать вам о несравненном виде с Basteu? Как изобразить чувство нечаянности, великолепие, неизмеримость дали, множество гор, которые вдруг открылись глазам, как голубые окаменевшие волны моря, свет солнца и небо с бесчисленными облаками, которые наводили огромные подвижные тени на горы, поля, воды, деревни и замки, пестревшие перед глазами с удивительной прелестью! Каждый из этих предметов можно назвать *особенным* словом; но то впечатление, которое все они *вместе* на душе производят — для него нет выражения; тут молчит язык человека, и ясно чувствуешь, что прелесть природы — в ее невыразимости¹⁰¹. Надобно, однако, посвятить несколько чернильных каракулек описанию Basteu. Это утес во сто саженей перпендикулярной вышины, выдавшийся из ряду других утесов над самую Эльбою, которая у подошвы его извилась дугою; вправо и влево такие же крутые, но не столь высокие утесы; перед глазами все горы Саксонской Швейцарии, или, лучше сказать, огромные камни, со всех сторон обтесанные и неприступные: высокий Lilienstein с кудрявою вершиною, Königstein с своими башнями, Pfaffenstein, Pabststein и множество других, влеве die grosse Winterberg, на горизонте die Erzgebirge, вправо Пирна, вдали Дрезден; деревни по берегам Эльбы кажутся карточными домиками, а лодки, плывущие на парусах по реке, светлыми тихо-ползущими мошками.

На утесах, торчащих влево от Basteu, стоял в старину, как уверяет предание, разбойничий замок; еще видны скважины, означающие место бывшего моста; некоторые щели утесов и теперь закладены камнями, а на некоторых скалах, по которым нынче трудно и ползти, остались еще колеи от колес: этот замок, конечно, был в старину неприступен; но после он был разрушен пушками с противоположных утесов, которые и поныне называются шанцами и на которые мы взбирались. С них представляется глазам

совсем другая картина: точно стоишь на крутой скале, торчащей из моря; только вместо волн окружают тебя вершины елей и сосен, и между ними, как острова, белеют и чернеют другие утесы, страшно разорванные и разбросанные: случай оживил для нас эту картину, пленительную мертвым своим ужасом, и воображению довольно живо представилось старое время, когда на этих крутизнах гнездились разбойники, *тираны окрестностей*, как говорит Делиль¹⁰². В то самое время, как мы от Basteu спустились по крутизне на дно пропасти, на высоте затрубили в рог; эхо проснулось, раздалось по скалам, и всё опять замолчало; опять тот же звук, тот же отзыв и то же молчание; вслед за рогом заиграла арфа и запел голос. Как ни глубока была пропасть, но звуки струн доходили до слуха; кто играл, было невидимо, но окружающая дичь казалась оживленною: мы долго стояли, слушали, наконец пошли; скоро звуки замолкли, и всё опять одичало. Надобно знать, что около Basteu есть несколько дощатых хижин: там можно найти обед и там же всегда встретишь арфистов: их-то песня нам слышалась.

Дорога от Basteu в Шандау. С высоты Basteu спустились мы в Ratewalde-Grund и ущелиями, подобными первым, пошли к деревне Ратевальде, где нас дожидалась наша коляска. Тропинка вилась между такими же камнями, как и первые, окружающие виды были еще живописнее, а утесы огромнее и величественнее: одна громада этих утесов называется, не знаю почему, *die grosse Gans**, другая *die kleine Gans***; один утес, *das Lamm*, в самом деле похож на ягненка, лежащего на крутой скале; о другом утесе, называемом *die Mönchssteine*, рассказывает предание, что он есть памятник Божия гнева, наказавшего преступную любовь; он есть не иное что, как монах и монахиня, окаменевшие в минуту встречи на месте назначенного свидания (то же самое рассказывают об одном утесе близ Эйзенаха). На одной высокой скале видишь группу мелких камней; их называют *Affensteine*, ибо они должны изображать обезьян в разных положениях. Долиною *Grünbachthal* по берегу ручья, от которого она получила имя, начали мы снова взбираться на высоту: воды этого ручья в своем течении образуют два водопада, которые в начале весны или после проливных дождей должны быть весьма живописны, но мы видели один только мелкий, быстрый ручей, который приятно шумел и пробирался между камней. Первое падение называется *Amselloch*, потому что камень, с которого падает ручей, образует пещеру, довольно глубокую; видишь серебряную струю, перерезывающую надвое темный вход пещеры; а, вошедши под навес, видишь ту же струю, которая кажется прозрачным кристалльным столбом; сквозь брызги видна вся бегущая вниз долина, и в самом конце задвигают ее, дымящуюся от паров громадою, огромные скалы *Affensteine*. Довольно устав от своего путешествия, пришли мы, наконец, в деревню Ратевальде, сели в коляску и поехали в Шандау через *Ziegenrück*, с которого имели прелестный вид на окрестность

* Большой гусь (нем.).

** Маленький гусь (нем.).

при заходящем солнце. Шандау известен своими минеральными водами и ваннами; мы остановились за городом, в трактире, где находятся и ванны. Его положение живописно; но нам уже было не до живописных положений; усталость и ее родной брат, голод, нас мучили; от голода избавились мы вкусным ужином, а усталость прогнал услужливый сон.

Kuhstall. Мы не дали себе воли нежиться, встали рано и, позавтракав, пустились в путь. Несколько времени — пока было можно и чтобы не тратить напрасно сил — ехали мы берегом источника Кирнича в коляске; наконец дорога наша оборотилась в тропинку; мы пошли пешком и начали взбираться по крутизне *Kuhstall*. Достигнув с трудом до высоты, пришли мы дорожкой, обсаженной стриженными елями, ко входу пещеры или, лучше сказать, к огромным воротам, сделанным самою природою посреди утесов; эти ворота называются *Kuhstall*, потому что в 30-летнюю войну жители окружных мест прятали под их сводом от хищничества шведов свою скотину; и они так огромны, что под ними могло скрываться довольно большое стадо. В наши времена этот приют несчастья сделался одним предметом беззаботного любопытства, и память минувших ужасов только оживляет то удовольствие, которое производит чудесный вид пещеры и пропастей, ее окружающих. Свод ее и стены кажутся мозаикою: так испещрены они именами путешественников, которые везде хотят оставить вечный след своего минутного пребывания. И нам захотелось отвечатать вечности: Олсуфьев взгромоздился на лестницу, и пока я занимался временным, то есть, утолял свой голод жареным картофелем, начертил для будущих времен свое и мое имя, на таком месте, далее которого ничья смелая рука не достанет. В пещере есть всё для этого нужное, кисти и чернила. В стенах ее в одном месте выдолблена кухня, в другом погреб: во всё лето живут здесь люди, которые угощают путешественников обедом и кофе; нашлись также и арфисты. На утесах, образующих *Kuhstall*, много предметов, достойных любопытства; некоторые напоминают ужасную 30-летнюю войну; например, одна маленькая пещера называется *Wochenbett**; в ней, по преданию, скрывалась от шведов беременная женщина, родила своего младенца и провела первые дни родов в безопасности; один нависший над пропастью камень, с которого страшно смотреть в глубину, называется *die Kanzel***: с него проповедовал какой-то священник, сброшенный после в пропасть, и место, с которого его столкнули, наименовано *Pfaffensprung****. Здесь в старину скрывались и разбойники; их замок, стоявший на вершине, над самым *Kuhstall*, назывался *Wildenstein*****: взобраться к нему можно только сквозь темную, узкую трещину, в самой середине утеса находящуюся, куда едва может протесниться один человек; мы кое-как пролезли и с высоты, где нет уже и признаков замка, любовались ужасом окрестностей.

* Место родин (нем.).

** Церковная кафедра (нем.).

*** Прыжок священника (нем.).

**** Дикий камень (нем.).

Всё это место окружено лабиринтом пещер, в которых было легко и скрываться и защищаться, и в одной из них, называемой Schneiderloch (по имени разбойника Шнейдера, который долгое время в ней прятался) один человек мог оборониться от целой армии: к ней надобно карабкаться по узким камням, висящим над бездною, согнувшись в дугу, потому что и над головою висят такие же камни; в самой же пещере нельзя стоять: так она низка; но вид из нее удивительный: всё вокруг тебя, перед тобою, над тобою и под тобою в развалинах; здесь царство разрушения, одно только эхо здесь существует — минутный, быстро исчезающий житель, только разительнее напоминающий о ничтожестве. Наш проводник начал кричать, и эхо по несколько раз повторяло его крики, и молчание, которое всякий раз сменяло голос, было еще разительнее после мгновенного звука. Осмотрев все эти предметы (их можно теперь видеть без всякой опасности, ибо везде для проходящих поделаны перилы), мы опять сошли в Kuhstall и, провожаемые арфою, начали спускаться в глубину долины, чрез которую надобно было пройти, дабы потом подняться на Klein-Winterberg. На дне долины мы остановились и увидели над головою Kuhstall, который снизу показался нам едва заметною трещиною; мы увидели несколько мужчин и дам, пришедших по следам нашим в пещеру, и в трубу могли различить, что они вальсировали под арфу, которой звуки нам явственно слышались; из пропасти закричали мы им *bravo!* и полезли на Klein-Winterberg.

Klein-Winterberg. Фортуна, до сих пор к нам благосклонная, покинула нас у подошвы этой горы: небо задернулось облаками, и начался дождь, сначала мелкий, потом довольно сильный; мы промокли до костей. Одно утешение нам осталось: проводник уверял нас, что на высоте горы найдем мы защиту. Хотя мы и шли всё лесом, но это нисколько не спасало от дождя, напротив его удваивало; ветер шатал деревья, и капли, сыпавшиеся с листьев, составляли крупный древесный дождь, который нимало не уступал небесному. Но вот мы на вершине, и дождик перестал. Спешу к обещанному убежищу — что же? Это каменная беседка, со всех сторон открытая, в которой бушевал сильный, холодный ветер. На первую минуту чувство обманутой надежды было весьма неприятно: но часто живейшие удовольствия находишь там, где их не ожидаешь. Новое чудесное зрелище поразило нас: облака разорвались огромными массаами и страшно летали над нашими головами; голубое небо выглядывало и исчезало; на всех пунктах горизонта появлялись тучи, одни уходящие, другие идущие; в некоторых местах они были совершенно черные, и под ними чернели далекие горы, которые врезывались в них своими вершинами; в других местах тучи сливались дождем с горизонтом, и казалось, что там был промежуток пустоты: как будто что-то разрушилось, и один только столб пыли остался. Ближние предметы были еще чудеснее. Лесистые горы, долины, деревья, утесы — всё смешалось в один хаос; дождик перестал, и со всех сторон начали подыматься пары: там вилась ужасная белая змея в клубящемся облаке дыма; там множество легких облаков летало, как стая привидений; там вершина горы была перерезана туманною полосой; там

целая гора синелась на воздухе, и под нею волновались облака; там, вдоль глубокой долины, тянулась и подымалась длинная полоса паров, похожая на дым от обширного пожара в лесу, или на необъятную, разбросанную, седую гриву какого-нибудь чудовища, которую раздувал сильный ветер — словом, зрелище было неописанное; я забыл холод и мокроту и не мог наглядеться на этот величественный хаос. А арфа как тут. Вошедши в беседку, мы и не заметили, что в углу ее притаился старый богемец с маленькою дочерью; увидев путешественников, он принялся исполнять свою должность, заиграл и запел, а малютка начала ему вторить. И что же они запели? «Прощание Бонапарте с Франциею»¹⁰³ (я списал эту песню; она, кажется, стала народною: я слышал ее и на Bastey и после на Schlossberg подле Теплица). Признаюсь, такая неожиданная гармония, посреди туманного волнения между утесов, поразила меня. Пение было неискусное, но в соединении дрожащего голоса старика со звонким и еще не созревшим голосом младенца было что-то трогательное, а содержание песни разительно согласовалось с тем местом, на котором она слышалась: вокруг нас всё было пустынно и дико; утесы стояли неподвижно, и между ними легким дымом, ничтожными призраками летали остатки минувшей бури: поневоле виделось тут бурное, разлетевшееся величие Наполеона. И что-то было прискорбно-поражающее в этом имени, недавно грозном, которое (без всякого о нем понятия) старик и младенец повторяли в глухой дичи, чтобы получить несколько крейцеров от проходящего. На наше счастье вблизи беседки, построенной для удовольствия путешественников, нашлась лачужка, в которой развели мы огонь, обсушились и даже напились кофе. Пока мы грелись и морщились от дыму, наш проводник рассказывал нам сказки. Через полчаса мы опять отправились в путь; но на вершине большого Winterberg, с которого в ясную погоду можно видеть, как в панораме, все горы Саксонии и часть гор Богемских, не видали мы ничего: опять начался мелкий дождь, и всё слилось в однообразный непроницаемый туман.

Prebisch-Thor. Вздохнув о потере удовольствия и не надеясь переждать ненастья, которое, казалось, совсем овладело небом, пошли мы далее; но дождик вдруг перестал, мы ободрились и наконец, миновав утесы, называемые *die Schäfersteine*, и переступив за границу Богемии, очутились на высоте утеса, называемого *Prebisch-Thor*. С этой крутизны имели мы почти такой же вид, как и с *Klein-Winterberg*; но впечатление, которое он сделал над нами, было точно похоже на радость: прояснившееся небо прояснило и душу. Воспоминание о *Prebisch-Thor* есть самое приятное из всех, оставшихся мне от Саксонской Швейцарии. *Prebisch-Thor* есть такая же сквозная пещера, как и *Kuhstall*, только несравненно уже и выше; сперва всходишь на верх того камня, который образует ее свод, потом уже спускаешься под самый свод; но как описать это чудесное место? Вообразите узкую скалу, длиною в десять или пятнадцать сажен, а шириною не более четырех аршин, положенную на два других стоячих утеса; на этой узкой каменной полосе стоишь, будучи окружен спереди, справа и слева пропастями во сто сажен глубиною, из которых,

как страшилища, высовываются другие голые утесы; за ними зеленеются с трех сторон долины; позади них подымаются лесистые невысокие горы, между которыми также видишь дно извивающихся долин, а за этими близкими и зеленеющими горами стоят, как привидения, далекие, синие, и над всем этим неописанным разнообразием гор и долин вообразите тот же чудесный туман¹⁰⁴, волнующийся, летающий, но гораздо более прозрачный, так, что по временам можно различить всё, что таилось под его воздушными волнами; но иногда вдруг он совершенно сгушался, и в эти минуты казалось, что стоишь на краю света, что земля кончилась и что за шаг от тебя уже нет ничего, кроме бездны неба. Рядом с Prebisch-Thor находится другая скала, отделенная от первой пропастью, гораздо выше, уже и круче: она называется Prebisch-Wand. Мы лазили на нее, чтоб взглянуть на Prebisch-Thor сбоку — вид несравненный: не понимаешь, для кого созданы природою, в пустыне, эти таинственные ворота и куда ведут они; кругом них бездны, сквозь их отверстие виден один волнующийся туман и что-то, как будто из другого света, мелькает сквозь этот полупрозрачный сумрак, и на высоте утеса, образующего их свод, на голом граните, растет одинокая ель: корни ее совсем обнажены; не знаешь, откуда берут они свою пищу; но она зелена, свежа, и бури ее не трогают. У самой Prebisch-Wand стоит, как будто ее сторож, ужасная, уединенная скала Prebisch-Kegel: это гранитный столб, со всех сторон неприступный; никто, кроме разве орла, не бывал на его вершине, и эта неприкосновенность придавала ему какое-то величие.

Возвращение в Шандау. Солнце выглянуло из туч, когда мы от Prebisch-Thor спустились в глубину долины по лесистой горе, называемой die heiligen Hallen и которая, как необъятный разрушенный амфитеатр, с бесчисленными ступенями подымалась позади нас; утесы образовали стены, своды, ложи и галереи: надобно было идти по крутому их скату почти целую версту, чтобы добраться до дна долины. Всё потемнело, когда мы спустились в Bielgrund и по берегу быстрого ручья пошли в Hirnischkietschen — пограничное местечко, где находится австрийская таможня. Здесь кончается Саксония и начинается Богемия. В Hirnischkietschen дождалась нас лодка, и мы поехали Эльбою на Шандау. Несмотря на вечернюю сырость, наше плавание было приятно. Между утесами, которые, как стена, подымаются на правом берегу реки, один достоин примечания по своей фигуре; его называют die Königsnase: в самом деле видишь профиль огромной головы, смотрящей на воды из-за скалы, и эта голова с движением лодки беспрестанно перемѣняет и физиогномию и положение; наконец, она ложится и пропадает; несколько елей, выросших на высоте, кажутся букетом, пришипленным ко груди каменного великана. Была почти ночь, когда мы возвратились в Шандау.

Lilienstein. Brand. Hohestein. Не стану подробно описывать вам остального нашего путешествия: ничто не будет ново в описании, хотя виденные нами предметы имеют, каждый, много особенного. Мы взбирались, в жар, по песку на крутой Lilienstein, с которого видишь вблизи Königsstein и необъятную гористую окрестность; на краю горизонта можно различить, как

светлую точку, Ноллендорфскую часовню. У подошвы Лилиенштейна, в 1813 году, расположились укрепленным лагерем остатки французской армии, почти уничтоженной в России, — и теперь еще видны батареи. Это, как заметил мой товарищ, было предсказанием того, что случилось после: Наполеонова армия нашла защиту под камнем Лилии, в виду роковой Ноллендорфской часовни. С Лилиенштейна, чрез поля и свежую долину Tiefegrund, достигли мы, около вечера, до утеса, называемого der Brand: он очень сходен с Bastey; и вид с него если не обширнее, то привлекательнее: перед самыми глазами, в глубине зеленая долина, вдоль которой, по излучинам ручья, вьется дорога; к ней примыкает другая долина, также свежая и зеленая; за ними густая темная роща, за которую в двух местах блистает Эльба и синеются те же горы, которые видны с Bastey; вечернее солнце удивительно украшало и разнообразило эту картину. Прежде, нежели оно закатилось, успели мы прийти в городок Hohenstein и осмотреть находящийся в нем старинный замок: можно сказать, что он висит над пропастью и что скала, его держащая, всякую минуту готова с ним обрушиться. Часть этой пропасти, в которую со страхом глядишь с террасы замка, обращенной ныне в цветник, называется Bärengarten. В ней когда-то, за высокими стенами, жилали медведи, которых ловили в окружающих лесах; из окон замка можно было любоваться их дикою домашнею жизнью. В замке показывают остатки старинных тюрем. Одна из них, темная и низкая, называлась die Marterkammer, и была определена для пытки: нынче хранится в ней один картофель; в другой полуразвалившейся содержался преступник Клеттенберг (за делание фальшивой монеты); этот несчастный вздумал было спастись, и из соломы, служившей ему постелью, свил веревку, спустился по ней из окна, но веревка была слишком коротка; он прынул и переломил ногу; его поймали и казнили; а предательницу веревку и теперь показывают путешественникам. В Hohenstein кончилось наше странствие. Здесь дожидалась нас коляска наша, приехавшая сюда из Шандау. Было гораздо за полночь, когда мы возвратились в Дрезден.

23 июня (5 июля), Карлсбад. ...Я должен еще дать отчет в остальной дрезденской жизни моей¹⁰⁵. Я познакомился в Дрездене с некоторыми интересными людьми, но буду говорить только о двух: о живописце Фридрихе¹⁰⁶ и Штернвальде Тике¹⁰⁷. Фридриха нашел я точно таким, каким воображение представляло мне его, и мы с ним в самую первую минуту весьма коротко познакомились. В нем нет, да я и не думал найти в нем, ничего идеального. Кто знает его туманные картины, в которых изображается природа с одной мрачной ее стороны, и кто по этим картинам вздумает искать в нем задумчивого меланхолика, с бледным лицом, с глазами, наполненными поэтической мечтательностию, тот ошибется: лицо Фридриха не поразит никого, кто с ним встретится в толпе; это сухощавый, среднего роста человек, белокурый, с белыми бровями, нависшими на глаза; отличительная черта его физиогномии есть простодушие: таков он и характером; простодушие чувствительно во всех его словах; он говорит без красноречия, но

с живостию непритворного чувства, особливо когда коснется до любимого его предмета, до природы, с которою он как семьянин; но об ней говорит точно так, как ее изображает, без мечтательности, но с оригинальностью. В его картинах нет ничего мечтательного; напротив, они привлекательны своею верностию: каждая возбуждает в душе воспоминание! Если находишь в них более того, что видят глаза, то лишь от того, что живописец смотрел на природу не как артист, который ищет в ней только образца для кисти, а как человек, который в природе видит беспрестанно символ человеческой жизни. Красоты природы пленяют нас не тем, что они дают нашим чувствам, но тем невидимым, что возбуждают в душе и что ей темно напоминает о жизни и о том, что далее жизни. Фридрих пренебрегает правила искусства; он пишет свои картины не для глаз знатока в живописи, а для души, знакомой так же, как и он, с его образцом, с природою; критики могут быть им недовольны, но чувство, лучший из критиков, простое, непредубежденное чувство всегда с его стороны. Он так же точно судит и о чужих картинах¹⁰⁸: я несколько раз был с ним вместе в галерее; смотря на многие картины, он не мог назвать мне живописцев; и вообще всё то, что можно найти в учебных книгах о живописи, что можно затвердить наизусть, ему весьма мало знакомо; зато во многих картинах находил он такие красоты или недостатки, которые только одной душе, вытвердившей наизусть природу, могут быть приметны, и все его замечания были разительно справедливы и в то же время оригинальны; но оригинальное и справедливое одно и то же. Я нашел у него несколько начатых картин: одна из них может служить дополнением той, которая уже мне была известна — лунная ночь, небо было бурно, но буря миновалась и все облака сбежались на отдаленный горизонт, оставя полнеба уже совершенно чистым; луна стоит над самыми тучами, и их края освещены ее блеском; море тихо: низкий берег, усыпанный камнями, на берегу якорь; вдали, на самом краю моря, виден парус плывущего к берегу корабля; его ждут! Две молодые женщины сидят на камнях и смотрят на парус с покорною надеждою; двое мужчин, более нетерпеливых в своей надежде, перепрыгнули через несколько камней, стоят посреди воды и смотрят туда же: перед ними еще несколько камней, но до них уже допрыгнуть невозможно! Эта картина только начата¹⁰⁹, но рисунок прелестный: всё просто и выразительно! Слишком будет много описывать все картины, которые я у него видел; всё вообще, более или менее нравятся по тому чувству, которым они оживлены. Фридриху теперь задана задача: кто-то хочет иметь две картины; на одной должна быть изображена природа Италии во всей ее роскошной и величественной прелести; на другой — природа Севера, во всей красоте ее ужасов, и последнюю взялся написать Фридрих. Он еще сам не знает, что напишет. Он ждет минуты вдохновения, и это вдохновение (как он мне сам рассказывал) часто приходит к нему во сне¹¹⁰. Иногда, говорит он, думаю, и ничто не приходит в голову; но случается заснуть, и вдруг как будто кто-то разбудит: вскочу, отворю глаза, и что душе надобно, стоит перед глазами как привидение — тогда

скорей за карандаш и рисуй: всё главное сделано! Фридрих так мне понравился и так показался мне сродни, что я предложил было ему ехать со мною: моих денег было бы довольно для этого; но он отказался, и еще более понравился мне своим отказом. «Вы хотите иметь меня с собою, — отвечал он, — но тот я, который вам нравится, с вами не будет. Мне надобно быть совершенно одному и знать, что я один, чтобы видеть и чувствовать природу вполне! Ничто не должно быть между ею и мною; я должен отдаться тому, что меня окружает, должен слиться с моими облаками и утесами, чтобы быть тем, что я есмь! Будь со мною *самый* ближайший друг мой: он меня уничтожит! И бывши с вами, я не буду годиться ни для себя, ни для вас. Мне случилось однажды жить целую неделю в Оттовальде-Грунд между утесами и елями, и во всё это время не встретил я ни одного живого человека. Правда, такой методы я не предложу никому, и по себе знаю, что это уже слишком: невольно мрачность может зайти в душу. Но это же должно доказать вам, что мое товарищество не может быть никому приятно».

После Фридриха надобно описать Тика. Я хотел сначала посмотреть на него один раз, как на достойного примечания человека, но моя дикость меня останавливала; однако я сладил с нею и пошел к нему. Не скажу, чтобы в первую минуту он сделал на меня какое-нибудь особенное впечатление. Он имеет прекрасную наружность; ему около пятидесяти лет, и в молодости он верно был красавец; теперь он человек весьма посредственного роста, довольно толстый; в лице нет ничего разительного, но во всех чертах приятное согласие; в глазах нет ни быстроты, ни пронизательности, ни блеска, но они выразительны: есть что-то согласное с тою мечтательностию, которую находим в его сочинениях, особливо в "*Sternbalds Wanderungen*"; виден человек, который мыслит, но которого мысли принадлежат более его воображению, нежели сущности. Вот поэтическая сторона Тика; а прозаическая та, что он страдает беспрестанно ревматизмом, ходит согнувшись и едва может передвигать ноги. В первое мое свидание с ним мы немного поспорили: он обожатель Шекспира, и может быть никто из англичан не понимает Шекспирова духа так, как он. Я признался ему в грехе своем, сказал, что *chef d'œuvre* Шекспира «Гамлет» кажется мне чудовищем¹¹¹ и что я не понимаю его смысла. На это сказал он мне много прекрасного, но, признаться, не убедил меня. Те, которые находят так много в «Гамлете», доказывают тем более собственное богатство мыслей и воображения, нежели превосходство «Гамлета». Я не могу поверить, чтобы Шекспир, сочиняя свою трагедию, думал всё то, что Тик и Шлегель думали¹¹², читая ее: они видят в ней и в ее разительных странностях всю жизнь человеческую с ее непонятными загадками. Но в том-то и привилегия истинного гения, сказал мне Тик, что, не мысля и не назначая себе дороги, по одному естественному стремлению вдруг доходит он до того, что другие открывают глубоким размышлением, идя по его следам; чувство, которому он повинуется, есть темное, но верное; он вдруг взлетает на высоту и, стоя на этой высоте, служит для других светлым маяком, которым они руководствуются

на неверной своей дороге. Это прекрасно и справедливо! Тик переводит Шекспира¹¹³, т. е. одни только те пьесы, которые не переведены еще Шлегелем. Сверх того, он намерен еще выдать критический и философский разбор его трагедий и комедий, но, вероятно, выдаст не скоро, потому что чрезвычайно ленив, и мне было приятно найти в нем это похвальное сходство со мною.

Тик, немецкий П(лещеев)¹¹⁴; он с большим совершенством читает драматические стихотворения, а особливо комедии. Я просил его, чтобы он прочитал мне «Гамлета» и чтобы после чтения сообщил мне подробно свои мысли об этом чудесном уроде. Он дал мне слово, и я, кончив свое путешествие по Саксонской Швейцарии, явился к нему. В первое мое посещение нашел я его одного, с какою-то пожилую женщиною, которую принял за его жену, потому что она хозяйничала и меня угощала. Но это была не жена его, а какая-то графиня Финкенштейн, которая живет с его семейством. Жена же его и дочери путешествовали по Саксонской Швейцарии. Во второй раз нашел я их всех в сборе: жена его, кажется, женщина простого и здравого ума, обе дочери милы, особливо старшая, которая, не будучи красавицею, имеет много приятного: милое, доброе дитя, с образованностию и женскою скромностию. Это семейство мне понравилось. Они все приняли меня с сердечным доброжелательством, и во все минуты, которые после я провел с ними вместе, был я у них как дома, как с давнишними знакомцами. И в Тике нашел я то, чего единственно желаю найти в людях, известных мне по своему гению: любезное, искреннее добродушие. Он не мог читать мне «Гамлета»; пьеса слишком длинна, а он был болен. Он прочитал «Макбета»: большое искусство! Особенно понравились мне места ужасные: сцена ведьм, монолог Макбета перед убийством, ужасное описание убийства, сцена, в которой является жена Макбетова сонная! Он, так же как и П(лещеев), читает, не называя говорящих лиц: и по голосу, и по выражению, и по лицу его можно легко узнавать всех; только в выражении чувства он уступает нашему и вообще лицом своим не так владеет, как наш смуглый декламатор¹¹⁵. Он еще мне читал Шекспирову комедию «*Was Ihr wollt*»¹¹⁶, и в комическом он еще лучше, нежели в трагическом. Но П(лещеев) кажется мне забавнее, может быть и потому, что комическое французов мне больше знакомо, нежели Шекспирово. Французы прекрасно изображают странное, смешат противоположностями, острою или забавностию выражений; Шекспир смешит резким изображением характеров, но в шутках его нет тонкости, по большей части одна игра слов; они часто грубы и часто оскорбляют вкус; сверх того Тик, как мне кажется, дошел до смешного искусством: его характер более важный, нежели веселый, а наш П(лещеев) забавен и весел характером; зато в каждой комедии он как дома, и разные рожи, которые он во время чтения натягивает на смуглый свой лик, ничего ему не стоят. Мне жаль было прощаться с Тиком: вероятно, это навсегда! Может быть, еще раз увижу его на возвратном пути, проезжая через Дрезден. Он обрадовался, когда я

сказал, что вы любите его «Штернбальда» и что у вас выписано несколько мест из этой книги ⟨...⟩

В Дрездене осмотрел я почти всё, что достойно примечания: *Оружейную*, в которой видел множество старинных оружия рыцарских и где можно видеть в лицах всю историю огнестрельных орудий, начиная от первого Шварцова опыта до последних новейших; *Собрание древностей*, о котором не могу сказать ничего: я успел только на него взглянуть; такой же беглый взгляд бросил я и на *Менгсовы слепки*¹¹⁷: собрание удивительно полное! Я ничего не мог рассмотреть с подробностью, но в душе осталось какое-то благоговение к древности, которая в таком совершенстве изображала красоту человека, красоту идеальную, но чудесно верную природе, которую никто так не знал, как древние. *Die grüne Gewölbe*¹¹⁸ я не видал и не слишком об этом жалею: видеть драгоценные камни, всё то же, что знать об них по слуху; но жалею очень, что дурное время не позволило мне насладиться прелестными окрестностями Дрездена; ясными были в мое пребывание только те дни, которые так удачно выбрал я для путешествия по Саксонской Швейцарии и в Тарант, остальные же дни мрачные и дождливые. Но я воспользовался ими для обозрения картинной галереи¹¹⁹, в которой был раз шесть: слишком мало, чтобы познакомиться с нею как должно, и признаюсь: в душе, вместо полного удовольствия, осталось только сожаление, что так скоро надобно было покинуть ее. Я подходил к этой галерее с волнением ожидания; мне весело было перед нею остановиться и сказать себе, что между мною и лучшим созданием Рафаэлева гения одна только стена, что расстояние и препятствия исчезли и что я чрез минуту увижу то, об чем так часто говорило одно воображение. Но при входе в эту галерею первое чувство, какое замечаешь в себе, есть неудовольствие неисполненного ожидания. Ожидаешь войти в святилище искусства, в котором его уважают, иходишь в огромный сарай, довольно темный, которого стены загромождены нечистыми картинами в худых рамах. Прямо из сеней очутишься в галерее; на окнах близ картин лежит множество шляп; беспрестанно звон колокольчика, висящего на двери, нарушает твое внимание; множество станков для тех, которые копируют картины, стоит в окнах, заслоняет свет и самые картины, и число их так велико в одном месте, что внимание приходит невольно в замешательство; одним словом, здесь всё сделано, чтобы помешать искусству произвести на душу свое действие. Между тем скажу несколько слов о других картинах.

Галерея состоит из двух огромных зал: одна, внутренняя, в которой итальянская школа; другая, гораздо просторнее первой, наружная: в ней фламандская и немецкая школы. Можно сказать, что половина картин не существует для зрителя: они или висят так высоко, что зрение до них достать не может, или висят в простенках между окон, в темноте, и глаза, ослепленные светом из окон, видят одну только темную холстину, с неясными фигурами, в запачканных золотых рамах. В те шесть раз, которые был я в галерее, не мог я порядочно познакомиться с ее сокровищами, тем более,

что смотрел на картины не как знаток в живописи, а наугад, повинуюсь собственному своему чувству. Вот некоторые италийской школы, на которые смотрел я с большим примечанием: «*Освобождение св. Петра из темницы*» Эспаньоleta: величественные фигуры и разительное действие света! «*Две головы Спасителя в терновом венце*» Гвидо Рени: они почти одинакие, но выражение разное — на одной страдание с покорностию и смирением; на другой то же страдание, но с живостию любви, которая выражается в глазах, поднятых к небу; и та и другая равно прекрасны! «*Иродиада с головою св. Иоанна*» Леонарда Винчи: прекрасное женское лицо, на котором выражается суровость души, не растроганной, но невольно смущенной образом мертвой головы Иоанна. «*Св. Цецилия*» Карла Дольче: идеал женской, скромной, милой прелести. «*Скорбящая Богоматерь*» Солимена: трогательная, глубокая горесть. Славная Тицианова «*Венера*»: признаюсь в своем преступлении — эта *Венера*, при всём совершенстве живописи, показалась мне холодна как лед, и едва ли та, которая находится в Потсдамской галерее, не лучше ее. «*Спаситель с чашею*» Карла Дольчи: эта картина почитается превосходною; она несколько раз была гравирована. В самом деле, она производит разительное действие, но это действие более от живости ярких красок: оно механическое, а не нравственное. Стоя перед нею, по предубеждению, я хотел себя уверить, что в лице Спасителя, благословляющего таинственную чашу, точно есть то, чему в нем быть должно в эту минуту, но темное чувство мне противоречило; наконец, Фридрих решил сомнение одним словом: «это лицо не Спасителя, приносящего себя на жертву, а холодного лицемера, хотящего дать лицу своему чувство, которого нет у него в сердце». И это совершенно справедливо! Здесь одно искусство без души!¹²⁰ Я заметил другую картину, в которой нет ни рисунка, ни колорита, но которая полна выражения: это Христос, несущий крест вместе с разбойниками, окруженный толпою зрителей и стражей, и в толпе Богоматерь. Разбойников гонят, и один отбивается с отчаянием; Спаситель утомлен; Богоматерь обессилена горестью, ее несут почти на руках, и вот самая трогательная черта: подле Богоматери стоит женщина, с младенцем на руках, но эта женщина, будучи матерью сама, чувствует страдание другой матери и целует тайком ее руку, чтобы облегчить для себя чувство сострадания. Это картина Гранди. — Что сказать о *Коррежиевой ночи*? Надобно быть живописцем или знатоком, чтобы вполне ей удивляться! В самом деле, сияние, на ней распространенное, есть чудное создание кисти: всё, что близко Спасителю, освещено ярким его блеском, который без лучей кругом его разливается; чем далее от него, тем мрачнее, и за этим ночным мраком видна вдали на горизонте полоса утреннего света: удивительная свежесть и прозрачность! Но вот и всё действие! Сама же сцена, изображенная на картине, не производит никакого впечатления: пастухи не боготворят Новорожденного, а смотрят на него с грубым любопытством, ангелы не радуются, а кривляются; одно только лицо Богоматери прекрасно. — Здесь в трех картинах есть полная история святой Магдалины. *Франческени* изобразил ее в минуту перехода от

света к покаянию и Богу: блестящие уборы сброшены, у ног ее лежит дисциплина, которою она сама себя истерзала; устав от телесного страдания и скорби душевной, она лежит на руках женщины, ее ободряющей; за нею другие две, которые смотрят на нее с удивлением и жалостию; *Магдалина Коррежиева* уже забыла свет; она читает, но на лице ее одно *внимание и важное размышление*; она еще только старается постигнуть. *Магдалина Баттониева* не только забыла свет, но уже подружилась с пустынею: все прежние живые чувства в ней пробудились, но их предмет переменялся; она читает и улыбается от радости: любящая душа нашла, что ей надобно. *Коррежиева* совершеннее, как картина, *Баттониева* приятнее по милому выражению.

Наружная зала. Чувствуешь, что отдыхаешь после большого напряжения нравственного, когда от италийской школы переходишь к фламандской. До сих пор перед тобою была идеальная, возвышенная природа; надобно было с усилием отделиться от обыкновенного, чтобы постигнуть то, что представлялось глазам твоим, и вдруг из этого величественного мира вступаешь в знакомый земной, где всё понятно и ясно: из области возвышенного воображения переселяешься в область любезного воспоминания. Я это испытал над собою, когда из внутренней галереи перешел в наружную. В ней много картин Рубенсовых, но я на них не смотрел; я не люблю Рубенса; его натура для меня отвратительна; одна только картина его меня пленила: *Воскресение Лазаря* в Сан-Суси; остальными пускай восхищаются живописцы. Хотя Дрезденская галерея не так богата картинами фламандской школы, как наш Эрмитаж, но есть прекрасные: есть много Рюисдалевых ландшафтов, еще более Вувермановых, три или четыре прекрасных Поттера и не более трех Клод Лоррена. Между Рембрантовыми заметил я так называемого Ганимеда, но это Ганимед в карикатуре: орел схватил мальчика и мчит его на утес, чтобы там разорвать; мальчик кричит от страха и боли; в нем нет ничего идеального, но воображению разительно представляется его неизбежная, мучительная смерть. Не говорю о других картинах, скажу об одной, которую навещал я всякий раз, когда приходил в галерею, она — *Дидрихова: Спаситель исцеляет увечных*. (Мне кажется, что она была выгравирована.) Христос окружен учениками и книжниками, но Он от них отделяется. Он стоит на высоте и у ног Его страдальцы, молящие исцеления. Противуположность между их лицами, обезображенными болезнью или горем, и лицом Христа, спокойно-величественным и полным всемогущей милости, весьма разительна. И как много разнообразия и чувства в изображении страждущих! На носилках лежит молодой человек, в полном цвете лет, но расслабленный: его принесла старушка мать с помощью маленького его брата: не его молодая рука служила опорой дряхлой матери, а она при старости должна нести на плечах своего сына, свою умирающую надежду; сильный, рослый человек с напряжением и осторожностью несет другого, который совсем опустился и висит на плечах его: это брат, верный друг в беде, несет родного своего брата. В колыбели лежит младенец: он уже умирает, и молодая его мать, пораженная этим видом, забыла самого Спасителя, к которому пришла с надеждою, она

стоит на коленях, нагнувшись лицом на колыбель, и плачет. Еще множество лиц, и всё составляет одно приятное целое. До сих пор я говорил вашему высочеству только о прекрасных картинах, теперь буду говорить о Мадонне, которую видел Рафаэль.

29 июня (10 июля), Карлсбад.

*Рафаэлева Мадонна*¹²¹. Я смотрел на нее несколько раз; но видел ее только однажды так, как мне было надобно. В первое мое посещение я даже не захотел подойти к ней: я увидел ее издали, увидел, что пред нею торчала какая-то фигурка, с пудренною головою, что эта проклятая фигурка еще держала в своей дерзкой руке кисть и беспощадно ругалась над великою душою Рафаэля, которая вся в этом чудесном творении. В другой раз испугал меня чичероне галереи (который за червонец показывает путешественникам картины и к которому я не рассудил прибегнуть): он стоял пред нею с своими слушателями и, как попугай, болтал вытверженный наизусть вздор. Наконец, однажды, только было я расположился дать волю глазам и душе, подошла ко мне одна моя знакомка и принялась мне нашептывать на ухо, что она перед Мадонною видела Наполеона и что ее дочери похожи на Рафаэлевых ангелов. Я решился прийти в галерею, как можно ранее, чтобы предупредить всех посетителей. Это удалось. Я сел на софу против картины и просидел целый час, смотря на нее. Надобно признаться, что здесь поступают с нею так же непочтительно, как и со всеми другими картинами. Во-первых, она, не знаю, для какой готтентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на котором она написана, и с нею верхняя часть занавеса, изображенного на картине, загнуты назад; следовательно, и пропорция, и самое действие целого теперь уничтожены и не отвечают намерению живописца. Второе, она вся в пятнах, не вычищена, худо поставлена, так что сначала можешь подумать, что копии, с нее сделанные, чистые и блестящие, лучше самого оригинала. Наконец (что не менее досадно), она, так сказать, теряется между другими картинами, которые, окружая ее, развлекать внимание: например, рядом с нею стоит портрет сатирического поэта Аретина¹²², Тицианов, прекрасный — но какое соседство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышит и вечно будет дышать в этом божественном создании, что всё окружающее пропадает, как скоро помотришь на нее со вниманием. Сказывают, что Рафаэль, натянув полотно свое для этой картины, долго не знал, что на нем будет: вдохновение не пришло. Однажды он заснул с мыслию о Мадонне, и верно какой-нибудь ангел разбудил его. Он вскочил: *она здесь!* закричал он, указав на полотно и начертил первый рисунок. И в самом деле, это не картина, а видение¹²³: чем долее глядишь, тем живее уверяешься, что перед тобою что-то неестественное происходит (особливо, если смотришь так, что ни рамы, ни других картин не видишь). И это не обман воображения: оно не обольщено здесь ни живостию красок, ни блеском наружным. Здесь душа живописца, без всяких хитростей искусства, но с удивительною простотою и легкостию, передала холстине то чудо, которое во внутренности ее совершилось. Я описываю ее

вам, как совершенно для вас неизвестную. Вы не имеете о ней никакого понятия, видевши ее только в списках, или в Миллеровом эстампе¹²⁴. Не выдав оригинала, я хотел купить себе в Дрездене этот эстамп; но, увидев, не захотел и посмотреть на него: он, можно сказать, оскорбляет святыню воспоминания. Час, который провел я перед этою Мадонною, принадлежит к счастливым часам жизни, если счастьем должно почитать наслаждение самим собою. Я был один; вокруг меня всё было тихо; сперва с некоторым усилием вошел в самого себя; потом ясно начал чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величия в нее входило; неизобразимое было для нее изображено, и она была там, где только в лучшие минуты жизни быть может. *Гений чистой красоты*¹²⁵ был с нею:

Он лишь в чистые мгновенья
Бытия слетает к нам,
И приносит откровенья,
Благодатные сердцам.
Чтоб о небе сердце знало
В темной области земной,
Нам туда сквозь покрывало
Он дает взглянуть порой;
А когда нас покидает,
В дар любви, у нас в виду,
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду¹²⁶.

Не понимаю, как могла ограниченная живопись произвести необъятное; пред глазами полотно, на нем лица, обведенные чертами, и всё стеснено в малом пространстве, и несмотря на то, всё необъятно, всё неограничено! И точно, приходит на мысль, что эта картина родилась в минуту чуда: занавес раздернулся¹²⁷, и тайна неба открылась глазам человека. Всё происходит на небе: оно кажется пустым и как будто туманным, но это не пустота и не туман, а какой-то тихий, неестественный свет, полный ангелами, которых присутствие более чувствуешь, нежели замечаешь: можно сказать, что всё, и самый воздух, обращается в чистого ангела в присутствии этой небесной, мимоидущей девы. И Рафаэль прекрасно подписал свое имя на картине: внизу ее, с границы земли, один из двух ангелов устремил задумчивые глаза на высоту; важная, глубокая мысль царствует на младенческом лице: не таков ли был и Рафаэль в то время, когда он думал о своей Мадонне? Будь младенцем, будь ангелом на земле, чтобы иметь доступ к тайне небесной. И как мало средств нужно было живописцу, чтобы произвести нечто такое, чего нельзя истощить мыслию! Он писал не для глаз, всё обнимающих во мгновение и на мгновение, но для души, которая, чем более ищет, тем более находит. В Богоматери, идущей по небесам, не приметно никакого движения; но чем более смотришь на нее, тем более кажется, что она приближается. На лице ее ничто не выражено, то есть на нем нет выражения

понятного, имеющего *определенное имя*; но в нем находишь, в каком-то таинственном соединении, всё: спокойствие, чистоту, величие и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земного, следовательно, мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясны души. В глазах ее нет блистания (блестящий взор человека всегда есть признак чего-то необыкновенного, случайного; а для нее уже нет случая — всё совершилось); но в них есть какая-то глубокая, чудесная темнота; в них есть какой-то взор, никуда особенно не устремленный, но как будто видящий необъятное. Она не поддерживает младенца, но руки ее смиренно и свободно служат ему престолом: и в самом деле, эта Богоматерь есть не иное что, как одушевленный престол Божий, чувствующий величие сидящего. И он, как царь земли и неба, сидит на этом престоле. И в его глазах есть тот же никуда не устремленный взор; но эти глаза блистают, как молнии, блистают тем вечным блеском, которого ничто ни произвести, ни изменить не может. Одна рука младенца с могуществом вседержителя оперлась на колено, другая как будто готова подняться и простереться над небом и землею. Те, перед которыми совершается это видение, св. Сикст и мученица Варвара, стоят также на небесах: на земле этого не увидишь. Старик не в восторге: он полон обожания мирного и счастливого, как святость; святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явления, которого она свидетель, дала и ее стану какое-то разительное величие; но красота лица ее человеческая, именно потому, что на нем уже есть выражение *понятное*: она в глубоком *размышлении*; она глядит на одного из ангелов, с которым как будто делится таинством мысли. И в этом нахожу я главную красоту Рафаэля картины (если слово *картина* здесь у места). Когда бы живописец представил обыкновенного человека зрителем того, что на картине его видят одни ангелы и святые, он или дал бы лицу его выражение изумленного восторга (ибо восторг есть чувство здешнее: он на минуту, быстро и неожиданно отрывает нас от земного), или представил бы его падшего на землю с признанием своего бессилия и ничтожества. Но состояние души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвещенное мыслию, постигнувшею тайны неба, безмолвное, неизменяемое счастье, которое всё заключается в двух словах: *чувствую и знаю!* И эта-то блаженствующая мысль царствует на всех лицах Рафаэлевой картины (кроме, разумеется, лица Спасителя и Мадонны): всё в размышлении, и святые и ангелы. Рафаэль как будто хотел изобразить для глаз верховное назначение души человеческой. Один только предмет напоминает в картине его о земле: это Сикстова тиара, покинутая на границе здешнего света. — Вот то, что думал я в те счастливые минуты, которые провел перед Мадонною Рафаэля. Какую душу надлежало иметь, чтобы произвести подобное! Бедный Миллер!¹²⁸ Он умер, сказывали мне, в доме сумасшедших. Удивительно ли? Он сравнил свое подражание с оригиналом, и мысль, что он не понял великого, что он его обезобразил, что оно для него недостижимо, убила его. И в самом деле надобно быть или безрассудным, или просто механическим маляром без души, чтобы осмелиться списывать эту Мадонну:

один раз душе человеческой было подобное откровение; дважды случиться оно не может.

Здесь было бы у места, но я не стану говорить о Мадонне Голбейновой, которая также в своем роде есть совершенство: она столько же трогает душу своею простотою, сколько Рафаэлева ее наполняет своим величием; Голбейн свел на землю всё то, что Рафаэль представил на небесах; и каждая из этих двух картин действует наоборот: смотря на Рафаэлеву, сначала углубляешься в какое-то высокое размышление, потом уже чувствуешь, что ты растроган, рад бы стать на колена и благодарить, но не за милость особенную, а за то, что ты человек и имеешь душу, которой назначение у тебя перед глазами; смотря на Голбейнову, ты прежде всего тронут, потом уже невольно и высокая мысль на тебя находит, и ты вспоминаешь о небе.

Из Дрездена, через Кульм, Теплиц, и Прагу, поехал я в Карлсбад¹²⁹, где пробыл долее, нежели сколько располагал: я хотел дожидаться в Карлсбаде некоторых петербургских друзей; потом приехал его высочество великий князь, и ему угодно было остановить меня на несколько дней. Но эта приятная остановка послужила мне к добру; я как будто переждал дурную погоду в Карлсбаде, и в Эгре она решительно со мною рассталась: все летние месяцы и весь сентябрь были дождливые, но для меня дождя не было, он шел, когда я сидел под кровлею, и переставал, как скоро я пускался в путь: природа не скрыла себя от своего поэта. Из Эгры, осмотрев всё то, что служит памятником Валленштейна¹³⁰, через Вейссенштат и живописный замок Бернек, поехал я в Барейт, где пробыл день, чтобы познакомиться с J. Paul¹³¹; я провел с ним несколько приятных минут: забавный оригинал, который понравился мне своим простодушием. В Ниренберге пробыл я дни три; его древности весьма привлекательные: я поклонился праху Албрехта Дюрера, осмотрел старинный замок императоров, ратушу, ее подземные тюрьмы и несколько прекрасных готических церквей. Картины немецкой школы, которые видел я в замке и в некоторых частных галереях, заставили меня переменить несколько мой план и завернуть в Минхен, чтобы осмотреть тамошнюю богатую галерею. Кто ее не видал, тот не имеет понятия о Рубенсе. Она богата картинами италийской школы, но еще более фламандской и немецкой. Последними наполнен замок Шлейзгейм, находящийся в миле от Минхена. Из Ульма, осмотрев кафедральную церковь, великолепный памятник готической архитектуры, отправился я через Равенсбург, Вальдзе и Штадель в Мерсбург на берег Констанцкого озера...

⟨Июль⟩

Швейцария¹³²

25-го июля, среда. В Мерсбурге провел целый день, не выходя из горницы. Первый вид на озеро из ворот города. Время было жаркое. Сел в лодку и на остров Мейнау. Светло-зеленый цвет воды, прелестный, особенно

в жар. Вид с озера: Тирольские горы, Граубинденские горы, Hoh Sentis и Камор, Appenzel и St. Gallen. Rohrshach. Коистаиц не виден. Прелестное изменение цвета воды с изменением неба: светло-бирюзовые волны, темно-голубые пятна, на вершинах искры и звезды; — вдали фиолетовые полосы; на самом отдалении как будто тонкий, неподвижный светло-зеленый пух; освещенные берега зелены; что в тени, то голубое; горы не ясны, а как будто туманны; утесы, и снег, и леса, и светлые пажити; — то темно-бирюзовые с светло-бирюзовым отливом; часто цвет облаков. Мейнау островок в 1¼ часа от Мерзбурга. Замок: вид с балкона, на котором я просидел более часа; пустые горницы, в которых живет женщина с прелестною дочерью, сирота, дочь умершего тому два года духовного, Иозефина Дер. Красоты природы в нашей душе; надобно быть в ладу с собою, чтобы ими наслаждаться. Я испортил для себя невозвратную минуту и заплатил за нее неудовольствием на самого себя. С балкона видишь Birnau, Helligenberg, Neudorf, Nussdorf, Uldingen, Meersburg, Bregenz, Steinau Staad. Берег Мейнау, обращенный к берегу, покрыт виноградником. Я взял проводника и пошел в Констанц; 1¼ дороги лесом: буки, дуб, ель, сосны. Прекрасный вид на поле, освещенное заходящим солнцем. Мост через Рейн: зелень воды; на покрытом мосту мельница. Остановился в трактире Орла.

26-го июля, четверг. В 8 часов пошел осматривать достопримечательности города. Здание, где находится зала вселенского Констанцкого собора¹³³, 80 шагов в длину, 40 в ширину; теперь сарай для складки товаров. Окна с каменными скамейками; каждое было отгорожено наподобие стойла (видны еще дыры) для епископов, которые тут жили; особенное отделение, где избран был папа Мартин; остались два стула на уступах и ковер; стул императора более папского; две софы; кузов той повозки, на которой отвезен был Гус к костру! В двери скважина, в которую подавалась пища запертым епископам во время конклава; в широкую дверь вид на пристань и озеро. Над дверью надпись и изображение Правосудия с весами и деревянная светлица. — В Доминиканском монастыре, где теперь ситцевая фабрика, взят был Гус и сидел в тюрьме. Мщение неба обратило этот монастырь в фабрику; где был алтарь, там стойло; прекрасное здание; окно, в котором береза. Хор за органами, которые стоят на своде: видны еще остатки живописи; три ряда столбов. Близ бывшей кухни чулан в три шага, где сидел Гус; узенькое окно; камень с кольцом, к которому он был прикован, и впадина в стене, служившая ему стулом. Трапеза с одним столбом; шкаф, печь; на стене остался рисунок французского солдата 3-го полка с древом вольности. — Domkirche — прекрасное готическое здание, изуродованное обновлением. Алтарь не похож на остальное: стены алебастровые, пол мраморный; хор не переделан, а выкрашен, как и остаток церкви; резные сиделки. В ризнице: Голбейново *Распятие*; разбойники с перебитыми голеньями; один умер; раскаявшийся глядит на умершего Спасителя; оно было створчатое; на дверцах св. Пелагий с мечом и пальмою и Конрад, строитель церкви, на коленях граф Fuguer von Konstanz (1604). На алтаре Шенкова *Мария*. Гроб

Роберта Hallum гранитный с медными резными плитами. Кафедра резная, на деревянном изображении, которое изуродовано невинно, ибо оно есть не образ Гуса, а Ветхий Завет. Медная доска, где стоял осужденный Гус, в то время, когда сожигали его книги. Прекрасные органы с каменной резьбою. Часовня Фомы: Христос и Фома на черном мраморном алтаре; Константин и Елена, Конрад и Пелагий. Успение Богоматери, прекрасно вырезанное из камня; много выражения во всех лицах. Резная лестница наверх: Благовещение, Рождество, Усекновение главы Иоанна Предтечи. — Дом, где жил Гус, с прекрасным его портретом, высеченным из камня. — От пристани до Рейнского моста прекрасное гульбище по берегу под тенью тополей. — Обедал за общим столом; слышал разговор о политике. Юрист обвинял греков и оправдывал турков давностию владения; защитник греков утверждал, что турки звери, которые давно живут между людьми и по привычке уже не кажутся зверями. Два путешественника; несколько пансионеров. Прекрасный вечер на высоте колокольни минстера*. Солнце было за тучами; вышло, — небо было в тучах. Остров Рейхенау, Hohentwiel, Heiligenberg, Thurgau, полуостров, Lindau, Bregenz. Лодки. Радуга. Вид воды. Зеленоватый туман. Лучи. Второе явление солнца. Переход из сумрака в темноту и из темноты в сумрак. Прекрасное положение Доминиканского монастыря.

[Я приехал ночью в Мерзбург¹³⁴, маленький город на берегу Констанцкого озера. На другой день, переждав жаркое время, в три часа пополудни, пошел я на берег; свой Stuhlwagen** отправил на перевозном судне прямо в Констанц, а сам в маленькой лодке поплыл на остров Мейнау, находящийся в северном заливе озера. Время было ясно-тихое, но зной еще не миновался; скоро повеял попутный ветер; гребцы положили весла и подняли парус. Лодка плыла без движения, и я, сидя под тению паруса, видел перед собою великолепное зрелище: у меня перед глазами была, как будто в сокращении, вся Швейцария; я видел вдруг три кантона ее: Тургау, Аппенцель и Санкт-Галлен; на берегах, которые отсюда полугорою сходили к равнине озера, было рассыпано бесчисленное множество сёл, замков, домов, рощ, пажитей и садов; берега кантона Тургау, прелестные своим изобилием, были плоски; над Аппенцелем и Санкт-Галленом подымались Альпы; но прелестнейшую картину представляло самое озеро: нельзя изобразить словами тех бесчисленных оттенков, в которых является его поверхность, изменяющаяся при всяком колыхании, при всяком ветерке, при всяком налетающем на солнце облаке; когда озеро спокойно, видишь жидкую тихо-трепещущую бирюзу, кое-где фиолетовые полосы, а на самом отдалении яркий, светло-зеленый отлив; когда волны наморщатся, то глубина этих морщин кажется изумрудно-зеленою, а по ребрам их голубая пена, с яркими искрами и звездами; когда же облако закроет солнце, то воды, смотря по цвету облака, или бледнеют, или синеют, или кажутся дымными. Плаванье мое продолжалось

* От нем. das Münster — кафедральный собор.

** экипаж (нем.).

час с четвертью. Мейнау есть маленький островок, покрытый виноградником, огородами; некогда принадлежал он Мальтийскому ордену, а теперь в замке Комаңдора живет старая вдова с прекрасною дочерью, и эта пустынная красавица показывала мне пустынные горницы замка; в нем одни голые стены, но вид с балкона несравненный: я просидел на нем около часа.

Жар между тем миновался; я взял проводника и пошел пешком в Констанц. Мейнау соединен с берегом узким мостиком, сделанным для одних пешеходов. Дорога от него до Констанца довольно приятна: я шел по большей части лесом, который часто раскрывался, и тогда по сторонам представлялись глазам моим поля и пажити, освещенные заходящим солнцем. Констанц город некрасивый и неоживленный: я осмотрел в нем некоторые здания, достойные примечания. Дряхлая деревянная палата, в которой были заседания Констанцкого собора, обесславившего себя убийством Гуса, есть не иное что, как сарай в 80 шагов длины и в 40 ширины; он служит теперь магазинам для складки товаров во время ярмарки. В одном углу этой палаты, на небольшом возвышении, стоят два стула, на которых во время собраний сидели император и папа, оба весьма скромные, но императорский выше папского, и *рядом* с ними (в доказательство, сколь правосудно время) лежит кузов той повозки, в которой несчастный Гус отвезен был на место казни: посетитель смотрит на него с большим чувством и уважением, нежели на истлевший скелет императорского трона. Доминиканский монастырь, в котором был взят и заключен в темницу Гус, огромное готическое здание, есть не иное что, как огромная развалина; кельи монахов обращены в ситцевую фабрику; более всего сохранилась Гусова тюрьма: маленький чулан со сводом, в три шага длины и ширины; но церковь вся в разрушении; кое-где на стенах видны остатки живописи; кровля упала; три ряда высоких столбов ничего не поддерживают; но одно разрушенное окно служит рамою прекрасного ландшафта: в нем расцвела молодая береза; легкий ветер, едва нарушая тишину развалин, колебал ее ветвями, и сквозь их подвижную решетку видно было озеро и отдаленные светлые берега его. Вечер этого дня провел я на колокольне кафедральной церкви и видел удивительную картину заходящего солнца.]

27 июля, пятница. Переезд из Констанца в Цирих. — Тагервейлер. — Вальди: прекрасный вид с горы на Рейхенау, Рейн и Констанцское озеро. Вся дорога до Цириха плодovitый сад; плющ около елей и дубов. Унтервейлер. Mühlheim. Pфун. Крестьянский дом у деревни; огороды с плодovitыми деревьями; заборы из терновника. Фрауенфельд: нищие; в Фрауенфельде пил кофе; прекрасный трактир, в котором со мною останавливался принц Вальдзее. Винтертур: прекрасный город с четырьмя воротами; предместье с садами; большая торговля; здесь более негоциантов, нежели в Цирихе; совершенство землепашества, навоз. Обед за *table d'hôte** с Петри. В Констанце прекрасные женщины; но от Констанца до Цириха ни одного порядочного

* общий стол, табльдот (*фр.*).

лица; неприятный немецкий выговор; Констанц мертвый город в сравнении с Винтертуром. Цирих. Несчастный вечер и дурная ночь. Вид из моей горницы; прекрасный подъезд к Цириху от Винтертура.

28 июля, суббота. Поутру к Гоблеру: неудача. К Эшеру: письма от Германа и Перовского; к Криднеру: письмо Малиновского; к Фисли: Гадебуш, Вецель. В библиотеку: бюст Лафатеров и рельеф Швейцарии. Обед с Криднером: кегли. В Kunstaussstellung*: Фогелев эскиз; Робертовы картины: «Пилигрим», «Умиравшая монахиня», «Погребение»; Вецелевы и Лориевы эстампы; Гесснерова лошадь. Гесснер. Ustery. Вечер дома.

29 июля, воскресенье. Ходил к Эбелю и не застал: в церковь; о солдатах, о женщинах. Опять к Эбелю; видел одного Эшера. Прекрасный вид из загородного дома. Обедал за общим столом с депутатами: против меня Аппенцель, рядом С.-Галлен; его рассказы о Суворове, о Багратионе и о казаках. Прекрасная прогулка на Hökler и Mannek (Töchterschule**); экзамены). Сражение под Цирихом; вид с Манека: памятник, неподвижные облака над горами, ребра горы как косы, Силь, озеро, берега и деревни; возвратный путь: о нынешней свободе Швейцарии, о турках и греках.

30 июля, понедельник. У Эбеля¹³⁵. Условие с Саломоном. В лавку. Фисли: старый Фисли; обед: Мейер¹³⁶, comte Pourtales. После обеда Эбель; о путешествии, о великой княгине, о Аппенцеле, Гларусе и 4 кантонах. Прогулка: Schnitzenplatz; слияние Силь с Лиммат; Гесснеров памятник; общество в Цирихе: разделение мужчин и женщин; концерты и балы; мужчины в банях, кегли, solo, трубки; сватовство и свадьбы; разврат; стеснение в рассуждении переездов; благотворительность; цензура: Аарау и С.-Галлен; уголовный суд; характер учености Цириха. В Велленберг: 3 этажа; пожар; две тюрьмы; столб с цепью; пытка и ее следствия. Вечер дома.

31 июля, вторник. Приятное утро в школе слепых: пение и ноты; счет; проверка; мое имя; работы: кошельки, снурки, ковры, корзины, соломенные поделки, стулья, типография; спальни; шкалы. Обед два блюда; завтрак; Негели музыка, Отче наш; поэзия. Обедал за table d'hôte вместе с Криднером. Криднер у меня: сравнение конституции с золотом. Эбель у меня: интересный разговор о колониях: Европа, потеряв Америку, имеет Азию, Тунис, Египет, Варварию; разговор о великой княгине, о принцах. Прогулка с Гадебухом: свадьба, пляска, пение.

(Август)

1 августа, среда. Утро. Хор слепых. Несчастье для того, чтобы чувствовать Бога. В Lindenhof удивительные липы. Обедал за общим столом. После обеда в Lindenhof: стрельба из арбалета, 120 шагов, ящик, номера, черед, плата. Советник Meiss. К Эбелю и Эшеру: эксперименты магнетизма; чистое железо; диагональ; полоса железная; круг железный. Сравнение правителей

* Художественная выставка (нем.).

** женское училище (нем.).

и педантизм. С Эбелем на Katzenwall: удивительный вечер; переливы света, ближние и дальние предметы, полосы на озере; горы, земные облака, облака небесные — горы; Мейер и Фридрихс; la tristesse*: течение и возобновление воды; камористы в пустыне; взгляд на звезды печальный.

2 августа, четверг. Поутру убирался. У Мейера: рисунки. У Криднера: не застал. Обедал вместе с баварским посланником. Гадебух: обязательный. Ужасно жаркий день; но ветер с севера, надежда на хорошую погоду. После обеда к Эбелю: геологический разговор. Карта. Воздержание.

3 августа, пятница. В четыре часа из Цириха. Первая остановка в трактире на Альбисе. Вид из окон на Цирих. Hütli и окрестности. Корсаков¹³⁷; дом, где праздник. К сигналу. Вид на Цирихское озеро и на Цугское; над Цирихским облака; Риги, Пилат. Hausen, где коляска. Каппель, место, где убит Цвингли. Blickensdorf, место рождения Вальдмана. Бар, большая деревня; Gemeindehaus, Zug. Трактир Zum Hirsch; здесь нанял лодку; в церковь: готическая хорошая архитектура; Jüngste Gericht** — картина. St. Michel. Церковь, кладбище; описание M-e Genlis¹³⁸; тюльпаны, натканые цветы; Weinhaus***; погребение головою к ограде, в камне соответственное положение. От Цуга до Обервиля берегом: прелестное озеро, более живописное, нежели Цирихское, 3 холма; слева высокий берег, покрытый зеленью, узкий пролив; впереди Риги, покрытый тучей, сам как туча; влеве Rufiberg; Frohnalp в перспективе. Росберг: направление слоев. Приветствие у Арта; вид из угольной горницы; весь Риги; пожитки с носильщиком в Швиц. В Арте трактир Adler. Вид от Dächli: 3 Kiemen, Kamm, Zug, Albis, Uetli, Zugerberg, освещенный залив озера, Арт, Рейсская долина, Goldau, озеро, прелестный Шванау, радуга, Rossberg, Haggen, Mythen, Schwytz. Встреча с богомольцами. Станция. Мария Schnee****. Дети. Выход на Риги; облака, дождь, красные пятна, голубые просовы; неожиданный вид; солнце в Семпахском озере, облако горящее, выход, Пилат, некоторые освещенные пункты, тень Риги.

4 августа, суббота. Риги. Ночь беспокойная. Путешественники, больные. Утро. Выход и выход на Кульм. Коровы спящие и глядящие; позвонки; ветер, гонящий облака; эстрада; небо туманное; крест и овцы; солнце в облаках; Гольдау; Цугское озеро и облака; некоторые светлые горы; Goldau и след развалин; козы и коровы и звонки; дыры; Kuhreigen*****; драка коз; возвратный путь; Maria Schnee, дары: костыли, картины (Гольдау), толпа молящихся. Вид Goldau вблизи; с другой стороны; жители; женщины на камнях; путешествие через Ловерцкое озеро: Шванау и Seewen; вид на Muottathal, Brunnen и 4 — Waldstädtersee. Kuhreigen. В Швиц к обеду; жар в ногах; одиночество. Трактир.

* печаль, грусть (фр.).

** Страшный суд (нем.).

*** небольшой дом при кладбищах, где сохраняются выкопанные кости умерших (нем.).

**** Т. е. часовня Maria zum Schnee (нем.).

***** альпийская пастушеская песня (нем.).

5 августа, воскресенье. Встал в 4 часа. Из Швица в Штейнен: часовня Вальтера Фирста. Томительная дорога в Моргартен¹³⁹. Озеро Эгери. Сад, где прежде болото. Часовня у башни с изображениями; св. Иаков; под башнею было войско. Картина сражения над дверями. Заттель; в трактире пил кофе. До Розентурма усталость и боль в ногах; от Розентурма (где останавливался в прекрасном трактире) до Эйнзидельна мерзкою, утомительною дорогою. Бездна — историк; в ½ первого часа в Эйнзидельн. От усталости ничего почти не видал: огромная церковь; часовня Богоматери, богомольцы, процессия; 14 ключей^{139a}; библиотека с бюстом Парацельса; кабинет минеральный; библиотекарь и Mönch*; манускрипт Библии 14 века; молитвенник 15 века; сходбище богомольцев; веселость на площади и группы. Верхом через Альптал до подошвы Гакена; прекрасная дорога с пышными Альпами: утес Микель, за ним Гларуские горы и Прагель; пешком до высоты Гакена: прелестный вид от вершины; трудная дорога вверх по бревнам; еще худшая вниз мостовая. Вид: не доходя до вершины вид пустынного величия; одни Mythen во всей огромности, и на обеих кресты; ничего, кроме нисходящего леса в глубину, пажитей, несколько снежных вершин; вдруг вся прелесть долины Швица, Seewen, Ловерц, Шванау, весь Риги, Сурены, Пилат, Frohnalp, Rossberg и сады Швица; таинственный запад за Риги; тучи и молнии приближали их; сход чрезвычайно крутой; мост, камни, дерн; гром, шум водопада, запах сена, темнота, звонки коров, молнии, темнота и свет; ночь, когда возвратился в Цуг.

6 августа, понедельник. Пешком в Бруннен. Прекрасный вид на Naggon, Mythen, Frohnalp, Axenberg, снежные головы Суренов, в самой дали Bristenstock, Seelisborg (Seelisdorf), Grütli, Pilatus, Bürgsenstock у подошвы Пилата; Риги и его подошва Murrigberg. У Бруннена Sust (для склада товаров) с изображением Телля¹⁴⁰. Камень на озере Wittenstein; переезд в Грютли; попутный ветер; 3 ключа; вид с Грютли (Wittenstein, Seelisberg, Риги, Naggen, Mythen, Frohnalp, Axenberg). Питье за здоровье. Веселость гребцов. Переезд к Теллевой часовне: шум волн и цвет их; красота озера; вид от часовни: Сурены, Bauen и Seelisberg. Риги, Фрональп. Фрюэлен. Пешком в Альторф, гроза. В Бюрглен. Триннер. Kinzigkult. В сад Mühlheim'a Waldegg. Его сын и Арнольд. Relief.

7-е. В char à bancs** до Амштета. Дорога до Андермата: обед в вагене***; кофе в Амстеге. Переход по доске. Pfaffensprung. Встреча с принцем Христианом. Разрывы. Gestinen. Schöllenen. Чертов мост¹⁴¹ и Урнерлох. Вид на Андермат. Туман и озноб. Еловая роща.

[Из Констанца¹⁴² чрез Фрауенфельд и Винтертур поехал я в Цирих, где пробыл несколько дней. Отсюда по-настоящему начинается мое швейцарское путешествие. Доктор Эбель, с которым я познакомился, оракул всех

* монах (нем.).

** шарабан, вид повозки (фр.).

*** От нем. der Wagen — экипаж.

посещающих Швейцарию, дал мне несколько нужных советов, и я, нанявши проводника и оставив весь свой багаж в Цирихе, пустился в путь 3 августа н. ст. рано поутру. Завернув на высоту Альбиса (с которой обширный вид на Цирихское и Цугское озеро), доехал я с фурманом* до Цуга; здесь сел в лодку и прелестным озером Цугским переплыл в Арт, откуда, вооружившись длинною альпийскою палкою, полез по крутому взходу на высоту Риги. Это путешествие продолжалось более трех часов, весьма утомительных. На высоте я застал захождение солнца, и хотя облака покрывали небо, но зрелище, которое видел я, было великолепно. Я ночевал в трактире на Rigi-Staffel и на другой день всходил на самую вершину горы Rigi-Kulm, чтобы видеть первую минуту солнечного восхождения. Обе картины были так пленительны, что, покидая вершину Риги, я обещался опять навестить ее на возвратном пути своем. Я спустился вниз тою же дорогой, по которой взошел, потом поворотился вправо и мимо ужасных развалин горы, задавившей, двенадцать лет тому назад, прелестную деревню Goldau, пошел к деревеньке Ловерц, полуразрушенной тем же падением, переплыл маленькое Ловерцское озеро, посреди которого уединенно цветет зеленый островок Schwanau, и к вечеру очутился в Швице, в очаровательной долине, полной жизни, изобилия и отсюда окруженной великолепными горами. Следующий день был один из самых утомительных дней моего пешеходства. Я встал вместе с солнцем, но утро было душно. Дурными, вымощенными крупным камнем дорожками пошел я чрез Steinen (место рождения Штауффахера; там, где стоял его дом, построена теперь часовня) к Моргартену, где была одержана первая победа свободы швейцарской. И на этом месте также стоит часовня. Отсюда чрез Sattel, Rothenthurm в Einsiedeln. Зной был несносный; дорога по камням убийственна для ног: пришел в Эйнзидельн, я почти ничего не мог порядочно осмотреть от расслабления, отдыхать было некогда; надобно было засветло воротиться в Швиц, ибо возвратный путь шел чрез крутую гору Haggen. Признаюсь, Эйнзидельн не имел для меня ничего привлекательного: положение монастыря не живописно; я видел богатую церковь, толпу богомольцев и процессию монахов — но усталость и боль в ногах мешали моему вниманию. Конец этого дня вознаградил за неприятное начало его: возвратный путь чрез зеленую долину Alpthal, взход на Haggen и потом спуск по крутизне при блеске начинающейся грозы в долину Швица — останутся навсегда в моей памяти. Гроза только украсила для меня ночную картину гор, которые чудесно являлись и исчезали при быстром блистании молний: она началась, во всей своей силе, не прежде, как по возвращении моем в трактир. Я думал, что на другой день ноги откажутся мне служить, но проснулся свеж и здоров и, напившись кофе, пошел в Бруннен; там сел в лодку и поплыл в Grütli, восхищаясь диким величием гор, окружающих озеро Четырех Кантонов, самое живописное из

* От нем. der Fuhrmann — извозчик, возница.

всех озер швейцарских. Grütli есть маленькая, покрытая зеленым дерном площадка, до которой в десять минут можно достигнуть. На ней нет памятника; но свобода Швейцарии еще существует¹⁴³. Это место удивительно трогает своею тихою прелестью посреди грозных, кругом воздымающихся утесов. Я не мог долго на нем остаться: гребцы предвидели грозу, и надобно было спешить, чтобы предупредить южный ветер (Föhn), который обыкновенно здесь начинается пополудни и бывает часто опасен в этой части озера, окруженного крутыми берегами, к которым нигде пристать невозможно. Мы поплыли к Теллевой часовне (Tellsplatte), а оттуда к деревне Flüelen. Гроза началась, когда я пришел в Альторф, и кончилась к концу моего обеда, после которого я ходил в Бюрглен, место рождения Телля. Там нашел я живописца Триннера, который не великий артист, но был для меня привлекателен тем, что мог рассказывать, как очевидец, о Суворове, которого встретил в этом месте. Из окон башни, обросшей плющом, в которой живет Триннер, взглянул я на вершину Кинцигкульма, доступную только горным пастухам, чрез которую наш Аннибал перевел свое войско, томимое голодом, но не побежденное. Der Alte war doch lustig (сказал мне Триннер); er piff, und sang, und lachte, und sprang wie ein Kind*. Место, где жил Вильгельм Телль, означено часовнею. Этот обычай строить, вместо великолепных памятников, скромные алтари благодарности Богу на местах славы отечественной, трогает и возвышает душу. Но такого рода памятники особенно приличны Швейцарии; в пустынях Египта можно дивиться пирамидам и обелискам — что бы они были у подошвы Альпов? Зато на вершине Риги стоит простой деревянный крест, и маленькая часовня Телля таится между огромными утесами: но они *не исчезают* посреди этих громад, ибо говорят не о бедном могуществе человека, здесь столь ничтожном, но о величии души человеческой, о вере, которая возносит ее туда, куда не могут достигнуть горы своими вершинами.

Вечер этого дня провел я на балконе загородного дома, принадлежащего какому-то Муггейму, и видел перед собою всю равнину Альторфа, за которою уже начинаются первобытные горы: в некоторых местах сверкала Рейсса, которая, извиваясь по этой равнине, тихо впадает в озеро 4 кантонов и потом быстро вытекает из него под Люцерном. К концу следующего дня был я уже в Андермате у подошвы С.-Готара; до Амстега можно еще ехать в *char à bancs*, но отсюда надобно идти пешком.]

8-е, среда. Выход на С.-Готард. Чистый воздух. Бой юга с севером. След лавины. Источники Рейссы и Тессина. Переход к Айроло. Каскады Стальведро, Каскация. Пышная долина Левантинская; прелестный вечер между Айроло и Файдо. Aldazio granda: задняя долина освещенная, солнце сквозь горы, дым, птицы на солнце; изменение вершин; ольха; шум Тессина; звонки; звезды; месяц: вдали переход от Алдацио к Файдо. Мерзкий трактир.

* А старик был весельчак: он свистел и пел, и смеялся, и скакал, как дитя (нем.).

9, *четверг*. От Файдо в Лугано. Прекрасная дорога; вид на Беллинцону. Из Беллинцоны через Monte Cепеге в Лугано; сход в Лугано; живость на улицах. Jeu de raume*. Мальчишки. Вид озера. Жара.

[В два дни моего путешествия¹⁴⁴ чрез Сен-Готар видел я природу во всех ее изменениях. Близ Альторфа все горы зелены, но это печальная, однообразная зелень елей и сосен, между которыми в разных местах блистает светлая зелень горных пажитей; Рейсса еще спокойна. У Амстега всё становится мрачнее: горы круче, ели реже, скалы виднее; дорога вьется над пропастями, в которых Рейсса, то видимая, то не видимая, шумит, образуя беспрестанные каскады; когда я шел, небо было туманно; вершины гор, исчезая в темных облаках, казались бесконечными; но изредка проглядывало солнце и на минуту зажигало быстрые волны и пену Рейссы. Чем далее вперед, тем разительнее дикость: наконец у Gestinnen исчезает растение: видишь одни утесы, покрытые изредка мхом и травой, видишь, как время разрушает их мало-помалу зноем, холодом, дождем, морозом и бурями; камни, беспрестанно отваливающиеся, лежат повсюду живописными грудами, и эта долина камней становится, наконец, столь узкою, что одна только Рейса, падающая шумным каскадом, занимает ее дно; поперек долины, над самым каскадом, изгибается Чертов Мост: к нему с одной стороны ведет узкая дорожка, до половины выдолбленная в утесах, до половины поддерживаемая каменными сводами; с другой стороны почти такая же узкая дорожка, подымаясь вкруть, упирается в скалу, которую пробила насквозь промышленность человеческая: глазам представляется темное отверстие, как будто ведущее в глубокую бездну; но что же?.. Мое счастье и здесь меня не покинуло: солнце выглянуло из туч и ударило в прелестный Андерматт в самую ту минуту, как я выходил из-под Урнерского свода. Ничто не может быть очаровательнее этой противоположности: вдруг после густого мрака пещеры, видишь светлую, окруженную зелеными холмами долину, и в глубине ее веселая деревня. Зрение обмануто, думаешь, что перед тобою низкие дерновые пригорки; но эти пригорки не иное что, как вершины высоких гор, окружающие скрытую меж ними долину и близкие к снежной вершине Сен-Готара. Я ночевал в Андерматте, который, чрез минуту после моего прихода, исчез в тумане: пошел дождь, смешанный с снегом, но к утру всё миновалось; осталась одна клубящаяся мгла над высотами, и, окруженный ею, взошел я на вершину Сен-Готарской дороги: неописанное зрелище природы, которой здесь нет имени; здесь она ни с чем знакомым не сходствует! Кажется, что стоишь на таком месте, где кончится земля и начинается небо; пред тобою равнина, вымощенная огромными, голыми плитами гранита; кругом низкие холмы, но уже не зеленые, ибо здесь и трава исчезает, а снежные или просто нагие, растреснутые утесы; с одной стороны маленькое, светлое озеро, не более дождевой лужи, из него тихо бежит ручей; с другой стороны также озеро и такой же тихий ручей: это Тессин и Рейсса; здесь

* Игра в лапту (*фр.*).

они навсегда разлучаются; отсюда бегут один на юг, другая на север, и в быстром течении разрывают гранитные горы. И с этого места начинаешь быстро спускаться к Айроло, имея вправо шумный Тессин, который скоро является во всём своем могуществе, и наконец, близ самого Айроло образует — каскад, удивительно живописный. На самой вершине уже увидел я спор светлого юга с угрюмым севером: со стороны Италии проглядывало голубое небо, со стороны Рейссы клубились туманные облака; и небо сделалось ярко-лазурным, когда я, спустившись в Айроло, вдруг очутился посреди роскошной италийской природы. Уже близ Айроло ели и сосны становятся реже; их место занимают буки, ореховые деревья, потом каштаны и, наконец, пред глазами очаровательная Левантинская долина, посреди которой шумит Тессин в тени зеленых ольх, оживленная селами, церквами, замками, уже имеющими характер италийский. Я недолго отдыхал в Айроло, ибо надобно было засветло дойти до Aldazio grande, чтоб видеть чудесный мост чрез Тессин и ночевать потом в Faïdo. Этот вечер принадлежит к прелестнейшим в жизни. Какое разнообразие в зрелищах! Какое удивительное захождение солнца! По настоящему солнцу, посреди высоких гор, не всходит и не заходит *для глаз*. Оно еще высоко на небе, а для тебя уже его нет; но чудесно освещенные бока долины, но утесы, которые медленно угасают, долго еще говорят о невидимом. Я шел долиною Левантинскою; солнце уже было за горами; но Сен-Готтар весь в огне стоял над Айроло и светил в долину, и с одной стороны на половине гор, сливающихся в одну стену, леса пылали; этот розовый пламень мало-помалу подымался, черная тень бежала за ним из долины, наконец, осталась одна светлая полоса, подобная огненной гриве на хребте горном, и та скоро исчезла, и звезды Италии загорелись... в каком прозрачном небе! с какою неизъяснимою ясностию!

Я увидел недалеко от Медведицы прекрасную Корону и вспомнил вечер потсдамский!¹⁴⁵ Я шел совершенно один, отпустив вперед проводника; луны не было, мне светили одни звезды, и горы стояли кругом как темные привидения, один Тессин и каскады, бегущие в него, шумели. — В Файдо, где я ночевал в мерзком трактире, кончилось на время мое пешеходство; я нанял повозку и поехал через Беллинцону в Лугано. Для путешествия пешком время было слишком знойно, а окрестные виды, роскошные, великолепные, были все одинаковы до самых берегов Луганского озера. Но уже прекрасная Италия была перед моими глазами. Правда, я не видал ни миртовых рощ, ни лавров, цветущих на вольном воздухе, но уже природа потеряла свою швейцарскую суровость; самые высокие горы переменили форму и казались более величественными, нежели огромными; прекрасная дорога вилась между каштанами и шелковицами; зеленые деревья соединены были виноградными гирляндами; поля покрыты были маисом. Зато и лица были не швейцарские: привлекательное простодушие исчезло. Из Беллинцоны, живописно разбросанной по холмам, поехал я через Monte Cenere (гора, вся покрытая каштановым лесом) в Лугано, где ночевал и откуда думал повернуть к Lago Maggiore...]

10, пятница. Из Лугано через Комо в Милан¹⁴⁶. Переправа в Мелиде. С.-Сальвадор. Саро di Lage, Комо: прекрасный сход к городу; теплый дождик; вид на город. Дорога до Милана: прелестно-однообразная; виллы. Вечер лунный. Скорая езда извозчика. В Милане трактир Reichmann. Louis.

11, суббота. Милан. В Дом¹⁴⁷: статуя святого Варфоломея; фасад; мощи святого Карла Борромея; рака серебряная с кристаллом; в памятнике серебряные барельефы; крест, одежда; голова; прекрасный вход; нижняя церковь с лепною работою. В главной церкви: хоры бронзовые; боковые алтари с колоссальными мраморными статуями. Площадь перед Домом: полишинели. Дворец: фрески Аппианиевы. Галерея Брера¹⁴⁸: Рафаэлево «Обручение святой Екатерины»; Гвершинова «Агарь»; «Les Noces de Cana» de Paolo Veronese; «Мадонна с младенцем» и перед нею мать с другим, Креспи; «Амуры» Альбановы. Несколько старых картин. — La biblioteca Ambrosiana. Картон «Афинской школы», несколько рисунков Леонардо и Альбрехта Дюрера; Альбрехта Дюреров *S. Hubertus*; «Святая фамилия» Luini; его же «Св. Иоанн»; несколько портретов Леонардо да Винчи. Его манускрипты. Манускрипты: *Virgilia* с замечаниями Петрарки; рисунки из старинного списка Гомера; манускрипт на папирусе Флавия Иосифа. Множество манускриптов. Библиотека публичная. Обедал за общим столом. В театре Opera buffa: «Clotilde»¹⁴⁹. M. Amati и M. Ceriola: бас и буффа. Гроза.

12, воскресенье. Милан. Гроза. Библиотека Амброзиана. Дождик. Обед в ресторации. Офицер. В театре Girolano: «Dedale e Icare»¹⁵⁰. В цирке. Ворота Бонапарте: 16 колонн коринфских; три арки; барельеф в фризе: вход в Милан после Маренго¹⁵¹, к коронации; нижние барельефы: Франция, История, Слава, Италия; Геркулес, Марс, Минерва и Аполлон. — Симплонская дорога прямо к сему мрамору. — Цирк 700 шагов. Place d'armes*; эхо. — «Cenacolo»¹⁵² Леонардо да Винчи: дверь, гошпиталь, стойла, наводнение. В монастыре казармы.

13, понедельник. На высоту Дома. Mario della Passione. В театр. Картины Луини и Procaccini; богатый автор. Не обедал, а пил шоколад. В театр: опера Россини. Прелестная лунная ночь; вид на Duomo.

14, вторник. S. Bernardino: кости. Гошпиталь. Русский генерал. В полицию. St. Alessandro. Corso. В café. Встреча брачная. Обедал в трактире.

15. В St. Celso; Адам и Ева; статуя Марии; великолепная церковь; Рафаэлева копия. St. Paul: барельефы. В Palais Trivulci: до 70 лет; обед; свежесть; отделение мужчин; отделение женщин; высокие дортуары; государыня: церковь; сад; рабочая. Старик живой. Обедал в ресторации. В театре Scala мена шляпами. Опера-балет: испорченный план, блестящие, но не точные одежды. «Дон Кишот», «Иоанна», «Cenerentola»¹⁵³. Соседство в театре. 6 рядов лож, 240. От 8 до 12-ти. Живость зрителей¹⁵⁴.

16. Из Милана в Sesto. Озером в Isola Bella¹⁵⁵: несравненное путешествие; вечер; трактир в Isola Bella. Арона; статуя Карла Борромея; часовня; reli-

* Учебный плац (фр.).

ques*: перчатка, маска. Вечер на Lago Maggiore: полумесяц над холмом как колесница. Восток и запад. Радужные небеса. Лежа над водою вперед — статуя. Звезды на горах. Ветер. Воды, изменяющиеся вместе с небом. Тихие облака. Одно облако на небе. Цвет Альпов и гор от розового к голубому. Топазовый запад. Противоположный берег и светлая дорога. Утки. Песни. Чай в Belgirato. Шум вёсел и ветра. Огни в Лавене и Палланце. Даль между гор разноцветная. Птицы. Красавицы в Ароне.

17. Isola Bella. Садовник. Когда приезжает принц, в половине августа на 40 дней. Картины; нижние комнаты: статуи Монти. Дворец на сваях. Оранжереи. Isola Madre. Baveno. Прекрасный трактир на почте. Переезд в Domo d'Ossola; Калвария; дорога Наполеонова; голоса; изменения неба; птицы; шишки дерев; шум; облака.

18, *суббота*. От Домодоссолы до Симплона. Кревола: удивительный мост на одном столбе; башня; дорога с перилами. Вид на Креволу. Колонна мраморная¹⁵⁶ 37 футов длины, 4½ фута диаметр; на дороге рассыпан arc de triomphe**. Между Диведро и Изелою каскад. Прорыв. Часовня. Ужасные развалины. Домики работников около утесов. Дорога стеною посреди ущелья. Маленькая галерея и водопад. Снежные вершины. Изела: осмотр паспорта. След лавины. Гуннсен. Башня в утесах. Мельница. Sassbach. Всё в развалинах. Облако. Старая дорога. Камни. Мост с каскадом. Подмости. Следы пороху. Галерея в 230 шагов, три отверстия; птица: с одной стороны разрыв, с другой — стена для осыпи. Набросанные мелкие камни. Эхо в середине утеса. Ручей и паук. Fletschhorn и небо. Галерея Алгаби, крутой всход, пустые скалы, все горы полуголые, сухие ели, свежий и легкий горный воздух. Симплон. Англичане, едущие в Италию. Прелестная хозяйкина дочь. Вторая половина Симплонской дороги гораздо живописнее. Переход на сторону Брюгга; дорога не столь хороша, но виднее; от последнего refuge*** до Брюгга пешком: шумный Кандербах; освещение утесов; глетшеры; Jungfrau; чудесно ясное небо; цвет запада; облака; ночь; стены утесов и небо; звезды; шум невидимого потока; Мах.

19. От Брюгга до Туртмана¹⁵⁷. Однообразная полуголая долина; пышность; причина жар; лень жителей; луга. Développement involontaire; engourdissement; milieu****. Для чего сражались? Италия. Каскад в Туртмане: быстрый и высокий, но не живописный. Вид Туртмана и долины от Туртмана к Лейку: почти италийская природа; правая сторона долины сожжена зно-ем. Утес и ручей Вильдбах. Расширение долины у Лейка. Деревня барона Vergera. Всё знойно; дерн как пятна. Мутная Рона. Urkalk. Разливы Роны; известковый округленный камень составляет ложе Роны. Вид на Salgetsch, Alpina, Gemmi, Leuk, Pfun; пар от жару; знойный вид гор; мерзкая дорога:

* мощи (*фр.*).

** триумфальная арка (*фр.*).

*** убежище, высокогорный приют (*фр.*).

**** Непроизвольное развитие; тупость; среда (*фр.*).

Diablerets, Sanetsch, Gemmihorn. Долина живописнее к Сиерре. Роцца по долине и холмы как острова. Ели на утесах без дерна. Осыпи мелкие. Должно здесь ехать ввечеру шагом: холмистое дно долины. Мост через Рону. Голый утес посреди дороги. Развалины замков. Живописная Сиерра. Preuss — стрельба в цель: кортики, братство, владения, плата, капитал, ужины. Встреча с англичанами верхами. Il faut une espérance heureuse pour avoir un réveil heureux. Les goitres, les crétins*. Muscat. Туман на горах. Замки Majoria, Valeria и Tourbillon. Трактир Льва в Сионе; милая хозяйка, итальянка; на колокольню. Знойный вечер.

20, понедельник. С правой стороны развалины Сейона и Монторжа, впереди вершины Diablerets, слева выглядывает S. Bernard; в самой долине утесы. Vegetация итальянская: дубы, груши, каштаны, орехи; пирамидальная форма деревьев. Дорога лучше, нежели в немецком Валлисе. Виноградники. Ветро. Ардон. Аллея из дубов и ореховых деревьев: виноградники. Плодоносная долина; правые горы полуголые утесы; левые покрыты пышными Альпами; утесы, разрушаемые временем и стихиями; везде, где нет вегетации, развалины. (Сравнение Рейсской, Тицинской и Тосской долины.) Полный вид на Diablerets; облако над высочайшим; совсем голые камни. С.-Пьер. Le gouvernement est la raison du peuple; il le forme ou le réforme**. Дымные струи. Riddes; деревня, мельница, водопад. Глупые рожи. От Riddes менее плодоносно. Встреча с англичанами (в карете, чтение). Конопля и мак. След ручьев на голых утесах. (Потеря портфеля и чемодана.) Вид издали на Pissevache. Martigny. Обед. После обеда к Pissevache. Разлив воды. Вид спереди: не живописно; волны как ракеты; ветер и направление паров; сквозь пары долина и Pain de Sucre и вся освещенная долина. Весь восток. Боковые ручьи, каждый особенный, и мелкий водопад. Шум воды: как беспрестанная ружейная стрельба в шумящем лесу; то ближе, то далее; к Мартиньи картина лучше, к С.-Морицу голее и диче. (Несчастье иметь проводника.) Быстрога, увеличивающаяся с падением; снежные ракеты. Встреча с девушками. Рассат.

21, вторник. Col de Balme и Chamouny. Шумящая Дранза. Крутой восход без отдыха. Камни. Долина Триент. Источник Триент; его прорыв. Месяц. Солнечный восход. (Впечатление картины Швейцарии различно от различного расположения и освещения. Риги, Брюгская, Валлийская долина, Naggen, Thiergarten, вечер в Потсдаме, Pissevache.) Звонки. Шум источников. Сначала усталость, потом свежесть от горного воздуха. Прелесть перехода от восхождения к сходу. Вид на долину и Col de Balme. Триент, снежные вершины, часть гор, освещенных солнцем. (Sennhütte: 50 vaches; 250 fromages pesant de 20 à 30 livres, selon le lait, selon la saison. Pas plus de 20 livres de beurre)***. Встреча

* Надо иметь надежду на счастье, чтобы иметь радостное пробуждение. Зобы, кретины (фр.).

** Правительством есть разум народа; оно его образует или преобразует (фр.).

*** Хижина пастуха в Альпах (нем.): 50 коров, 250 сыров, весом от 20 до 30 фунтов, в зависимости от качества молока и времени года. Не более 20 фунтов масла (фр.).

с немцами. Выход на Col de Balme. Утесы Ешери. Обманутая надежда на Col de Balme. Мухи. Сход в долину. Отдохновение в деревне La Tour: бедность и нечистота, улицы, хлеб. Argentière огромный Gletscher, который со временем задавит долину. Спуск от глетшера. Дно долины: мутная Арва по камням, голыши, коренья, песок. (Глетшеры изображают творение гор, одинакие слои.) Глетшер Les Bois нечистая долина. Начинает покрываться ильмами, с маленькими холмами, между коими Арва. Черное облако с огненными краями, и из него лучи. Много видов с долины; каждый вид помрачает близость проводника; именно в ту минуту, в которую бы наслаждаться, усталость. Глетшер Боссон как чешуя. Приближение к истоку Арвейрона; огромные массы льда. Трещины: Головы изо льда. Падение камней в Арвейрон; гром волны. Треск глетшера. Лавины. Пещера с зелеными льдистыми стенами. Во весь день Montblanc в клубящихся облаках. В час заката облака вспыхнули и разошлись и выступила пламенная голова великана. Теперь ночь, передовые головы черны, над ними ряд снежных толков и звездное небо; Арва шумит; прекрасная сельская картина; исчезание предметов.

22, среда. Утро в Шамуни, вечер в С.-Мартене. Удивительно яркий цвет. Полумесяц. Звезды. Несколько легких облаков над Charmoz. Острые утесы выглядывают из-за черных гор. Долина в полусвете. Даль в светлом тоне. Глетшер des Bois светел. Montblanc весь в свету; справа Aiguille du Midi, сзади как будто уходящая вершина; Dome du Goûter и Aiguille du Goûter; над ним звезды и глетшер Bossons, светло сходящий в долину; шум Арвы; Aiguille du Midi и du Goûter как два сторожа. Место на земле, на котором никогда не бывает человека; на черных шпицах снег; некоторые звезды как будто с фонарем; необыкновенная яркость полумесяца (полумесяц приятнее полной луны); туман, как дым, и звезды, как искры от пожара. Сход в долину. Кладбище. Один крест. Маленькая церковь. Несколько домов. Дорожки. Месяц. Летучая мышь. Петух. Огромные Альпы. Восток чист и ясен; на нем формы Альпов. Все прочие вершины только темные, а Montblanc уже светел. От луны около вершины тень; а на вершине — нет; разве снизу. На западе облака. Прелестно-яркий полумесяц посреди освещенного неба. Вершины озаряются. Все не одинакого цвета с прочим; розовато-светлые, а другие — голубовато-цветные. Роса пала. Облака вились и перевивались около вершин, с одних дымом, с других хвостом шлема, покрывалом, всклокоченною бородою, часть точно летающие головы опрокинутых великанов, как гиганты, упавшие навзничь с прикованными к грудям руками и ногами, остатки от древнего боя гигантов. Монблан всех задавил и сияет. Часы на кладбище. Петухи. Милые дома. Несколько птиц. Тиха рожь, рощи, в промежутках светлеется река. Две зари, одна на востоке, другая на вершине Монблана. Вершина серебряная на голубом небе. Восхождение солнца в горах; одни облака и вершины; солнце. Караван на Монтанвер, 10 дам на мулах; один мул взбесился. В Саланш: в Шамуни всё дно покрыто рощами, между которыми шумящие ручьи, светлые и мутные. Звонки. Глетшер сквозь деревья. Несчастье в Шамуни, 7 семей. Обвалившаяся дорога. Вид

долины от Ouches. Вид от поворота к Ouches: Бревен и Монблан, слева тенистый лесок, за ним утес Aiguille d'Argentière, вершина Ледовитого моря, Dru, les Blaitières Charmoz, Aiguille de Midi, Dome du Goûter, долина с своею сельскою прелестью и посреди, как ледовитый остров, les Bessons. Ouches большая деревня в ½ часа от Шамуни. Поворот от Бревена: долина вниз; с одной стороны и впереди утесы, с другой, подле обрыва, Арва; (горы теплятся; не сияние, а рдеющий уголь розового цвета). Вид на Montblanc с камня посреди дороги, как остров над пропастью: Grévent, Арва в бездне, и над всем этим Montblanc. Караван англичан, идущих к Montblanc. Пастух с рогом и эхо. Остатки рудокопни. Servoz: monument d'Escher. Добрая хозяйка в трактире. Между Servoz и Chède Lac des chèvres: прелестное озеро, сельский вид, холмики, зелень в воде, долина Chède; (St.-Nicolas, деревня, в стороне прекрасный каскад, льющий из камня; ребятишки с стаканами; каскад, 160 фут.: одна струя, ступень, две в котел, где кипятки, в другой, где зелень, струя по камням, прекрасные поперечные утесы, гораздо живописнее Pisevache; но нет того грома и брызга, струя льющаяся, а не бросающаяся; радуга красавица. Деревья ольхи, зелень, шум сплошной; смотреть с противной стороны: весь; с холма, который над самым жерлом: нет ужасного, но прелестно. Сперва не видишь водопада, когда к нему идешь; одна бегущая прозрачная вода по камням; завидуешь им в жар. Прелестная равнина Chède: вишни и зеленые деревья. Остался один; тихий вечер; ручьи; горы с облаками; вид облаков: как головы; другие головы из-за них; бороды по скалам; в этот вечер точно собрание духов. Над огромною горою три облака, озаренные венцом из лучей. Величие гор, когда стоишь посреди большой равнины, окруженной горами, так что каждая вся видна, и на вершинах тучи; чистые вершины без облаков более тихого величия. Заходящее солнце за стеною туч; St.-Gervais, церковь; солнце за Cordon, Passi влеве; над церковью воспаленный туман, а церковь вся ярка. Небо на западе очистилось, один образ гор и потом золотая гряда облаков; зато на Монблане вихорь пламенных туч. Лица опрокинутых великанов впереди: поле сражения. Вечернее освещение Montblanc; впереди пламенная голова; две Aiguilles по бокам; с обеих сторон вихорь облаков; словно духи. Несколько темных облаков у ступеней прокрадываются. Между тем кузнечики, свежий воздух, яркие звезды, посреди неба несколько парящих летучих облаков, стук цепов, шум воды, уединение, колокол. Всё точно в тонком, светлом покрове; две скалы, как ворота, ступени; над густыми другие легкие, светлые облака. Молния. Темный вечер. Приход в St.-Martin. Веселая служанка.

23, четверг. С.-Мартен — Женева. Встал до солнца. Утро и вид на Montblanc не столько прелестный, как в Шамуни. На мысе. Неприятная Арва. На небе один полумесяц и две звезды. Туман и плеск. Передовые низкие горы. Струя розового блеска на Montblanc. Задние утесы в свете. Мост через Арву. Саланш. Между Саланшем и Magland прекрасная сторона; долина, покрытая вишнями и орехами. Эхо. Nant d'Argentas и d'Orly. Bellegarde. Утесы стеною, и Арва в иных местах похожа на порядочную реку; смесь

дикости с приятностию; зелень; по берегам реки ольха; много барбарису; хорошо обработанная сторона. Клуз, город чрезвычайно живописный на Арве; с одной стороны ущелия; с другой равнина пышная, окруженная острыми горами; вид с моста: яблони, вишни, груши, дубы по дороге, зеленые рощи, кудрявые холмы и огромные деревья; запах от сжатого хлеба, конопля, маис. Прекрасная деревня Siongy в саду. Острый Môle с облаком. Обработанная долина. Между Môle и Saunex стали низкие горы. Вдали Salève и стеною Юра. Bonneville: hôtel de la Balance. Жар. Вид на Montblanc. Chesne: чистый городок, прилежность: вид деятельности; поля, покрытые виноградом и удобренные; богатство растений: каштаны, орехи, акации, saules pleureurs*, платаны. Контраст Италии: работа, молодые подле старых; ни одного праздного; сидящие в лавках все за работою. Прекрасная чистая дорога до Женевы. Город не веселый; довольно темные улицы: две с навесами. Фонтаны. Деревья. Трактир Écu de Genève на Роне. Подъемные окна. Прачки. Прелесть полумесяца.

[...Но мысль, что на другой день¹⁵⁸ к вечеру могу быть в Милане, взбунтовала мою голову, и на другой день ввечеру под голубым сумраком италианского неба, при ярком свете луны, въехал я в Милан. Вместо трех дней (как я располагал прежде) остался я в нем пять, дабы дожидаться открытия главного театра La Scala; давали Россиниеву "*Cenerentola*", большой балет "*Jeanne d'Arc*" (взятый из Шиллеровой "*Jungfrau*") и маленький балет "*Дон Квишот*". Я слышал божественную музыку. La Scala великолепный театр, оркестры и певцы его достойные; но Шиллер был жестоко изуродован в балете, а костюмы, при всём своем великолепии, не могут сравниться с берлинскими. Но все пять дней пребывания моего в Милане я почти не сидел на месте: бегал по картинным галереям, по церквям, при солнце и при луне дивился чудесной архитектуре Миланского собора, и при всём том нашел еще способ видеть Федора Петровича Уварова.

Оставив Милан поутру рано, я был уже в четыре часа пополудни в Sesto на берегу Lago Maggiore; время было несравненное, и я поплыл к островам Борромейским, остановился у Ароны, чтобы взглянуть на колоссальную статую Карла Борромея, потом при заходе солнца вышел на берег у Бельжирато, дабы дожидаться луны и при свете ее пуститься в Isola Bella. Этот вечер был волшебный: лунная ночь, звездное, безоблачное небо над озером Италии — какое будет для меня наслаждение всё это подробно описывать вашему высочеству! На другой день, осмотрев Isola Bella, я заглянул в Isola Madre, и признаюсь, не восхищен Борромейскими островами. Я бы не согласился их выбрать местом своего пребывания: здесь природа убита искусством! Не острова Борромейские, но плавание к ним по величественным водам Lago Maggiore восхитительно. Вечер этого дня провел я в Domo d'Ossola, городок, лежащий в великолепной долине, и лазил на высокую гору, чтобы видеть чудесное захождение солнца.

* плакучие ивы (фр.).

От Дома д'Оссоло начинается горная Симплонская дорога, дивный памятник Наполеона; но на этой дороге видел я нечто, еще более разительное, нежели она сама: я видел лежащую на ней мраморную колонну, вытесанную из одного камня; эта колонна была приготовлена для триумфальных ворот Наполеоновых, полувоздвигнутых в Милане и к которым должна была примыкать дорога Симплонская! Но эта колонна лежит неподвижно на чудесной дороге Наполеоновой, а чудесная дорога Наполеонова примыкает к развалинам. Весь жребий Наполеона в одном мраморном обломке. — На Симплонской дороге изумляет могущество человека, но природа, грозная и дикая, не столь разительна и разнообразна, как на Сен-Готаре. Вид со стороны Италии великолепнее и ужаснее, со стороны Швейцарии живописнее. От Изолы до высоты Симплон дошел я пешком; после обеда, отправив с полудороги вперед своего проводника, спустился по крутому скату Симплон, один к Брюггу, имея перед глазами удивительные картины, одушевленные заходящим солнцем. От Брюгга начинается знойная Валлийская долина, дорога идет через Туртман (подле которого есть достойный примечания водопад), через *Sierre* и *Sion* в Мартиньи. Я ночевал в Сионе, который с своими тремя замками, один над другим возвышающимися, представляет необыкновенное зрелище; несмотря на зной, я лазил на один из крутых холмов его, долго любовался великолепием окрестностей и, наконец, принялся рисовать: здесь должен я признаться вашему высочеству, что со вступления моего в Швейцарию открылась во мне болезнь рисования; я рисовал везде, где только мог присесть на свободе, и у меня теперь в кармане почти все озера Швейцарии, несколько долин и подюжины высоких гор. Но между Брюггом и Туртманом случилось со мною несчастье, весьма чувствительное для путешественника: записная моя книжка (к счастью, не та, которую получил от вашего высочества), в которой замечал я на пути в немногих словах всё, что попадалось на глаза, выпала из коляски в то время, как я зевал по окрестностям; я послал искать ее на дороге, но ее не могли найти: таким образом я потерял весь Сен-Готар, всю Италию, весь Симплон и часть Валлийской долины. Приехав на станцию, я записал, что мог вспомнить, но мелкие, частные замечания пропали; вероятно, что они и в памяти не останутся, ибо моя память никуда не годится.

На следующий день обедал я в Мартиньи и после обеда ходил смотреть великолепный водопад, находящийся между Мартиньи и С.-Морицем: он, вероятно, самый шумный и самый обильный водою из всех водопадов швейцарских; но мне показался он менее всех живописным. Правда, я не мог любоваться им на свободе. Здесь скажу о несчастье, которое преследует всякого путешествующего по Швейцарии: это несчастье называется *проводник*. Не зная дороги, надобно иметь проводника; но проводник, указав дорогу к желаемому месту, портит совершенно удовольствия, когда стоишь на месте: как наслаждаться с необходимою свободою души, когда подле тебя стоит скучающий товарищ, который с заметным нетерпением ждет, чтобы ты пошел назад. Зато я, всякой раз, как скоро мог один найти

дорогу или имел карту, отсылал своего проводника вперед или оставлял его на квартире.

В Мартиньи опять вооружился я своею альпийскою палкою и на другой день до солнца пустился в путь: через Forelas, Триентскую долину и крутой Col de Balme в Шамуни. С Col de Balme самый лучший вид на Монблан, но переход слишком велик и труден, и я не мог прежде двух часов пополудни быть на вершине: солнце между тем успело накопить густых паров, и мне не удалось видеть Монблана во всей его ясности; но то, что я видел, было великолепно: жаль только, что усталость и зной несколько испортили наслаждение; к этим двум бедам присоединились какие-то жадные, злые мухи, которые ни минуты не давали мне покоя, пока я сидел на высоте Col de Balme; с него видна вся долина Шамуни, все горы, ее окружающие, и над ними во всей огромности Монблан. Сначала посещение Шамуни не входило в мой план; потом, решившись взглянуть на Mont Blanc с высоты Col de Balme, я расположился не останавливаться в Шамуни и, переночевав в долине, прямо идти в Женеву. Это я и сделал, но, покинув Шамуни, я был почти готов плакать, что не остался там долее, дабы вполне насладиться красотами долины. Шамуни есть пленительный уголок природы: нигде нет такого слияния великости, возвышающей мысли, с сельскою прелестью, трогающею сердце. Ночи, которую я там провел, никогда не забуду. Я пришел уже около вечера в долину: ноги горели от усталости (более десяти часов сряду продолжалось мое путешествие), но всё исчезло перед тою прелестью, которую я увидел. Я лег спать, но какой-то добрый дух разбудил меня около трех часов утра: вижу, что полумесяц светит ярко и что Mont Blanc снял с себя облака; спешу одеваться (после я сам хохотал над своим ночным костюмом) и иду из трактира. Посреди самой долины есть церковь с кладбищем; на этом кладбище несколько деревянных крестов, и маленькая тропинка вьется между дерновыми гробами; и на одном из этих гробов просидел я до первого луча солнечного — но оставляю это до подробного описания! — Глупость, помешавшая мне остаться лишней день в Шамуни, послужила мне в пользу: я подумал, что от поспешности могу многое потерять в горах Бернских, и решил пожертвовать некоторою частию моего плана, дабы выиграть более времени для Оберланда, решил ехать из Веве прямо в Берн, не заезжая ни в Ивердон, ни в Невшатель, ни в Биль: жалею, что это лишило меня счастья видеть старика Песталоцци, но последствие наградило меня за это жертвование. Всего иметь невозможно. Счастье, сопутствовавшее мне по Швейцарии, было так постоянно, что я не смею роптать и на теперешнюю мою болезнь, которая держит меня теперь в Штутгарте и едва ли не лишит Рейна. Но как бы то ни было, если не удастся доехать до Кобленца, то непременно увижу Niederwald и Rohus Capelle. — Из Шамуни шел я пешком до С.-Мартеня, где сел в *char à bancs*, и в Женеву. Вся эта дорога прелестна, особенно живописны окрестности Клуза и Маглана. Сердце радуется, как скоро, покинув Савою, въедешь в Женевский кантон: картина деятельности, довольства и порядка представляется глазам во всей своей красоте.]

24, пятница. Женева. День чрезвычайно жаркий. Прекрасные бани на Роне. Прогулка по городу. К Pashoud. На Трель. У Бонстеттена: не застал. В церковь. Приятная минута у Бонстеттена¹⁵⁹, но он испортил мне день своим приглашением; дурное расположение от жары. Прогулка в Ферней¹⁶⁰ через S.-Jean. Деревня Констан; влияние Арвы в Рону, где соединение Арвы с Роною. Les Délices, где живут англичане. Petit и Grand Sacconnex; вид на Montblanc. Ферней: улица; дом, построенный Вольтером; церковь; разрушенная надпись; надгробный камень. В доме две горницы Вольтера: гостиная, описанная M-e Genlis¹⁶¹, с бюстом и картиною Торжества и несколькими другими картинами; спальня: постель с обрывком занавеса; печь с урной и с двумя надписями; портреты Екатерины, Фридриха, Лекеня, Вольтера, Дю Шателе, Д'Аламбера, Гельвеция, Дидрота, Делия, Франклина, Мармонтеля, Каласово семейство¹⁶². Обои красные бархатные. В саду аллея, которой часть срублена. Лес каштановый. Аллея из лип. (Mes mânes sont consolés puisque mon cœur est au milieu de vous; son esprit est partout et son cœur est ici*.) Нынешний владетель Budet. Деревня Потемкина Chambésy. Château Tournay. К Бонстеттену.

[...Женева не красивый город¹⁶³, но окрестности и озеро очаровательны. Я пробыл здесь три дни, из которых один посвятил путешествию на вершину Салева, весьма мало удачному, ибо, несмотря на то, что день был солнечный, вся необъятность вида, представляющегося глазам с этой высоты, исчезала под густотою паров, а Монблан был совсем неприметен: в ясное время можно видеть отсюда всё озеро до Лозанны, весь Женевский кантон, большую часть гор Савойских и длинную цепь Юры; но я всё это видел более воображением, нежели глазами. — Я был в замке Фернее, который ныне принадлежит гражданину Budet. В нем сохранены в прежнем состоянии только гостиная и спальня Вольтеров; в спальне стоит кровать с полуистлевшим занавесом, на стенах живописные портреты Фридриха II, M-me du Châtelet, тканый портрет Екатерины и несколько гравированных; на печи стоит деревянная, довольно дурная урна, в ней некогда хранилось сердце Вольтера. Теперь осталась одна надпись: Son esprit est partout, et son cœur est ici, но и та до половины уничтожена; от начала пропало *son*, а от конца *ici*, и вышла галиматья; в гостиной, где на старинной печи стоит Вольтеров бюст, есть несколько весьма дурных картин, между которыми одна, изображающая Вольтеров апотеоз, заметна своим уродством: Вольтера встречает, кажется, Минерва, а врагов его, Фрерона и прочих, секут змеями мстительные гении. Аллея, по которой прохаживался Фернейский пустынный, и липовый лесок, им насаженный, сохранены в целости; надпись, сделанная им над входом построенной им церкви: *Вольтер Богу*, уничтожена философами революции. Почти все дома, в Фернее ныне существующие, построены самим Вольтером (...)].

* Моя душа утешена, потому что мое сердце находится среди вас; его дух всюду, а сердце его здесь (*фр.*).

25, суббота. Салев. Встал в 4 часа и в *char à bancs* к Салеву. Но путешествие неудачно: всё в пару. Нестерпимый жар. Пещера на Салеве. Молоко на вершине. Вид с вершины: географическая карта; особливо, когда солнце высоко: Юра, весь Женевский кантон, всё озеро до Лозанны, Fort de l'Écluse, Gex, Ferney, Carouge, Chesne, Coppet, Gentond, Nion, Versoix; с другой стороны Voirons, Mole, Brévent, Mont Blanc, Buet etc. Вечер гулял на Treille. Весь день дурной.

26, воскресенье. В бане. У Бонстеттена. Светскость. Какой-то барон: бал. Подарок Бонстеттена¹⁶⁴. Приятный разговор: о M-e Staël, Бейроне, Миллере и Песталоцци. Посещение Бейроном M-e Staël, жизнь M-e Staël в Коппете¹⁶⁵; множество англичанок; остановился у дверей; M-e Staël сбывла с рук других; его лицо, меланхолия и смех; начался разговор о любви и жене; ответы; живость лица; кокетство M-e Staël; сарказмы; жена Бейронова; его ненависть к англичанам; он и Гобгуз у M-e Staël¹⁶⁶; возвращение с Бонстеттеном; посещение Бонстеттеном Бейрона: италианка и две дамы с салфетками; образ жизни Бейрона в Женеве; на озере по ночам; никто не видел. О жене: *réponses évasives de Vuyon**. Жизнь с Миллером. *Pauvre Miller; les cases pour les extraits***; прогулки и экспромты: История Америки и Люцерна, экстракты из Фукидида; задачи разговоров. M-e Staël; жизнь в Коппете; отчего не любила Женевы и любила Париж; ее живость с Песталоцци; его *sandeur****; его образование и разговор; его экономия; опека от Ивердуна; Песталоцци у M-e Staël; кружок. Горница Бонстеттена: вид; *Madonna*; портреты; игроки. — Отъезд из Женевы. Коппет: дом обновленный; большая зала с бюстами и с монументом; англичане; *la concierge* руки в боки; сад: тополи, *relouse*****, лужок; нижняя комната с библиотекою; монумент Неккера; спальня M-e Staël: довольно старинная; портреты отца и матери, штофная кровать. В гостиной фортепиано, Рафаэлевые станцы. Кабинет Неккера: диван, на котором лежали его плащ, шляпа, палка и парик; в этом плаще M-e Staël похоронена; ее сын¹⁶⁷. — Нион; прекрасная терраса. Вечер удивительный; солнце между Орою и тучами; тихость озера; горы в тумане светлее; облака; лодка; один дом освещенный, широкие волны; теплый ветер; облака, лежащие на горах, как пламя пожара. Несчастье с кучером. Morges, Rollet. Трактир Короны.

27, понедельник. Rolle. — Lausanne. M-e Roveren и Ribeaupierre. О M-e Danse; картины. St.-Près. Morges; *avenue des plus beaux platanes; peupliers; margoniers; deux énormes tilleuls******. Лозанна. Les Balances. Удивительный вечер на берегу озера, тронувший душу до слёз: игра на водах, чудесное изменение; неизъяснимость. Церковь.

* уклончивые ответы Байрона (*фр.*).

** бедный Миллер; отделения для выписок (*фр.*).

*** душевная чистота (*фр.*).

**** газон (*фр.*).

***** аллея из прекраснейших платанов; тополи, каштаны; две громадных липы (*фр.*).

28, *вторник*. Лозанна. В Ассан. Marie de Pleschéef¹⁶⁸, п. 27 Juillet 1798, m. 30 Mars 1807. Curé Jacotet. Весь день дома. Вечеру в Ouchy. Англичанин и англичанка с рисованием. На гульбище. Грусть от прелести природы и от одиночества. Здешние домики пленительны от того, что в них заметно уметь жить с собою; у нас всё это один убор. М-е Staël многое угадала: воспитание; мечтание на счет лучшего; разговор не раздел, гостеприимство не общелюбие; всё вне себя — следствие воспитания, а этого следствие поверхностность и непостоянство; в провинциях грубое скотство, в больших городах грубая пышность. Женщина на осле. Вечер под липами. Озеро, отражающее небо. Противоположность запада и востока: покрывало от дождя, белая полоса, где кончится вода и начинается земля; радуги в воздухе над горами от густых паров и солнца; всё голубое от паров.

29, *среда*. В Ouchy рисовать, но дождь помешал. В 8 часов из Лозанны в Вевей. Прелестная дорога виноградниками. Не вдали от Вевея дождь. Скука и одиночество. После обеда, дочитав "*Faliero*"¹⁶⁹, гулял. Пристань и каштановая аллея; вид на Мельери; Валлийские горы; фиолетовый цвет гор, бродящие облака белые, дымчатые и серые по синеве гор.

30, 31, 1. Вевей. Дождь и дурное расположение.

⟨Сентябрь⟩

2. *Вевей*. Воскресенье. На террасе. Прекрасное утро, после дождя ясность; картина террасы, освещенной солнцем. Группы молящихся, выходящих из церкви после причастия: старики, молодые женщины, мальчики. Рисовал. Бацы*. Прогулка после обеда в Кларон. Разговор с Бланом и с его сыном. Histoire de M-e d'Etange¹⁷⁰. Вечер. Остатки тихих облаков. Озеро более темное, нежели небо; чистое небо и дымящиеся облака. Полумесяц. Снежные горы. Полумесяц маяком. Утесы Мельери черные; над ним пламенные облака. Один крайний снежный утес теплится. Многие солнечные лучи. Облака огненные вдруг черные. Горы снежные бледнеют (Вильнев, Chilion, Montre, Шателар, Wacubrine, Clarens). Ясный восток и низкие берега Pays de Vaud. Светлое озеро и на нем парус. Простая картина, ничего кроме воды, низкого берега и паруса. Полумесяц маяком. (Картина озера с террасы.) Даль озера к берегу переливается в светло-зеленую, потом в фиолетовую тень; серебряная чешуя. Дымный цвет облаков. Белые облака, как вата или пух на синих горах. Вся долина Валлийская наполнена клубящимися облаками. Пенистые волны на изумрудной зелени. Яркие полосы изумрудные с солнечным блеском на фиолетовом фоне.

3. Chillon. Поутру в Chillon¹⁷¹. Осенние облака на горизонте и Мельери. В Шильоне лучше ясным вечером, нежели утром, как рак задом. Солнце мешает видеть. Vevey. Tour de Peil; одна церковь; пристань с тополями; в середине дом с круглою башнею, прелестно освещенный солнцем, лодка и на

* Вероятно, от нем. der Batzen — 1. *ист.* бацен (монета в южной Германии и Швейцарии); 2. *разг.* куш.

ней рыбак, другая большая, входящая на белых парусах в пристань. (Прелесть простой картины, иногда совсем не живописной, от расположения и освещения.) Постепенное склонение облаков к горизонту; под ним даль с светлыми пунктами. Безделица портит удовольствие; скрыто от весла. (Château de Hauteville, Blonay au pied* de la Pleion). Châtelard на виноградных холмах между гор, Montreux: в дыму. Около берега струя перлов. Подсланные цепи. Замок. Тюрьма. Виселица. Тюрьма Бонивара¹⁷²; маленькая тюрьма с разломанною дверью. Опускные тюрьмы. Вид сверху: остров; горница смотрителя, кухня; летучие мыши и писк. Возвращение в Вева. Бон. Выезд; дорога в гору. Châtel St.-Denis. Странный убор фрибургских женщин. Bulle.

4. Фрибург. Берн. — Фрибург: живописное положение. Излучины Аара. Кафедральная церковь; резной вход: Страшный суд; черт, несущий в корзине грешника. Колокольня (только две трети); вид с нее на Фрибург; монастыри: 4 мужских и 4 женских монастыря; вид на Визитандинский монастырь. Муртенская липа¹⁷³. (Боль в глазах помешала осмотреть город.) Дома, которых кровля служит мостовою. Neuenek: прекрасная бернская хижина; внутренность: горница молодой хозяйки и колыбель; шкафы; наследственный шкаф; вверху горница отца и анбар для зерен; взезд на верх; сено и хлеб; клев; конюшня; погреб; крыльцо и терраса; мостовая. Гости за сыром. Дурная шоссе в Фрибурге и прекрасная в Бернском кантоне. Физиогномии более немецкие; в Вадте и Женеве более французские. Разница и причина ее в швейцарцах и италианцах: le revers de la montagne**. (Камни у ручья. Молодежь. Красоты Швейцарии требуют размышления и пробуждают его: Италианская и Фламандская школа.) Прелестные окрестности Берна. Виселица. Ров. Олени, медведи. Зелень. Скошенное сено.

5-е. Поездка в Гофвиль. Прекрасная chaussée***. Живописная равнина. Сельские дома. Юра. Прекрасные лица женские. Костюм: черные шапочки с крыльями, короткие платья и шпензеры****. Чистота особенная. Навесы. Вид: новый дом и сквозной вид на Юру и Оберланд. Дом Фелленбергов¹⁷⁴. Магазин для машин. Погреб. Мастерская. Училище бедных и Верли. Дом пенсионеров. Turnanstalt*****. Дом приготовления для бедных девочек. Сад. Разговор с Шувал(овыми). К(нязь) Суворов. Пенсион: горницы, спальни, кабинеты для двух, цветники. Фелленберг; разговор: важность проповедника; главная мысль. О государе. Наш священник. Школа для бедных: их спальня, учебная горница; собственный минеральный кабинет. Верли. О Песталоцци¹⁷⁵. Шмит. Граф Villedieu. Приглашение. Обед (суп, légumes*****),

* у подножия (фр.).

** другая сторона горы (фр.).

*** мостовая (фр.).

**** От нем. der Spenzer — кофточка, блузка.

***** Зал для занятий физкультурой (нем.).

***** овощи (фр.).

языки). Учителя, дети. После обеда прогулка с графом — о королеве баварской; ее замечание на Turnanstalt и ответ графа. Разговор о Песталоцци и о политике. Ссора с Минхом.

[Из Женевы, чрез Лозанну¹⁷⁶, где пробыл три дня, поехал я в Веве, где хотел отдохнуть на просторе, написать письма и насладиться окрестностями Женевского озера; но всё не удалось: дождик, заметив, что я сижу под кровлею, пошел ливня, а письма помешало мне писать мрачное расположение духа, которого я не захотел передать бумаге; и я решился рисовать. Из окрестностей Веве я видел, однако, Кларан, куда ходил пешком, накануне моего отъезда из Веве, и эта вечерняя прогулка была, *comme de raison**, прекрасная. Можно сказать, что небо было со мною в заговоре: всякий раз, когда я покидал свой приют, оно становилось ясным, или покрывалось живописными облаками, от которых зрелище природы становилось еще великолепнее. Моим товарищем до Кларана был старый крестьянин из Montreux, с которым я сошелся на дороге. Probablement (спросил он меня) *vous allez à Clarens à cause de M-r le baron d'Etange et de sa fille? Je vous montrerai la place où était autrefois leur maison.* — “Est-ce que vous avez lu cette histoire?” — *Oui, c'est joli comme un roman, quoique tout est parfaitement vrai!*** И он простодушно начал мне описывать место, где жила Жан-Жакова Юлия, с полною уверенностию, что «Новая Элоиза» не выдумка¹⁷⁷. — В тот день, в который я оставил Веве, успел я съездить на лодке в замок Шильон: я плыл туда, читая “*The Prisoner of Chillon*”***, и это чтение очаровало для воображения моего тюрьму Бонниварову, которую Байрон весьма верно описал в своей несравненной поэме.

Дорога от Веве до Фрейбурга чрезвычайно гориста, и легко можно слететь в глубокую пропасть с повозкою и лошадьми. Я не мог порядочно осмотреть Фрейбурга, видел только кафедральную церковь, самую высокую в Швейцарии, и Муртенскую липу, посаженную в день победы над Карлом Смелым; глаза мои, разболевшиеся от зноя, помешали мне бродить по улицам, но свежесть вечера возвратила им здоровье, и я мог вполне насладиться окрестностямиерна, в который приехал довольно поздно. Бернская природа соединяет в себе с удивительною обработанностию (везде чувствительно изобилие и довольство) все простые прелести сельские и всё великопие альпийское. Ни в одном из кантонов, мною виденных, не находил я таких живописных домов, как в Бернском: их архитектура совершенно сельская и весьма оригинальная! Чистота внешняя и внутренняя пленяют глаза и удовлетворяют чувству. В Швейцарии понял я, что поэтические описания блаженной сельской жизни имеют смысл прозаически справедливый.

* как и следовало ожидать (*фр.*).

** Вы, вероятно, направляетесь в Кларан ради барона д'Этанжа и его дочери? Я покажу вам место, где некогда был их дом. — «Разве вы читали эту историю?» — Да, это так же интересно, как роман, хотя всё это совершенная правда... (*фр.*)

*** «Шильонский узник» (*англ.*) — поэма Байрона.

В этих хижинах обитает независимость, огражденная отеческим правительством: там живут не для того единственно, чтобы тяжким трудом поддерживать физическое бытие свое; но имеют и счастье, правда, простое, разнообразное, но всё счастье, то есть, свободное наслаждение самим собою. В Берне пробыл я недолго: спешил воспользоваться временем, которое было прекрасное, хотя знойное. Я успел только осмотреть музей и провести целый день в Гофвиле у Фелленберга (я видел там наших Шуваловых, оба очень любезны; младший есть графиня Катерина Петровна в сертуке, с лицом загорелым от жара). Наконец я в Оберланде! И эта последняя часть моего путешествия была самая счастливая, самая богатая живыми, чистыми наслаждениями природы. Я был весьма благодарен самому себе за то, что пожертвовал Ивердоном и Невштателем; имея более времени, я мог везде выждать благоприятной погоды (...)].

6-е, четверг. На террасе. У Криднера. Ужасное предложение, которое, к счастью, втуне. Обед за общим столом. Записка Криднера. Письмо от Бруно. После обеда записка к Криднеру. В музей: кабинет натуральной истории; рельефы. Несравненный вечер на Энги: изменение цвета гор; пока солнце на горизонте — белизна; когда за горизонтом — всё краснеет; тень отдельна; утесы светло-лиловые, зелень синеватая; снег розовый; белизна после захождения; точно бледность умершего; луна; чудесный вид гор при луне. Звонки. Город. Церковь. Вид с террасы: река, тихо сходящая по плотине: образ мудрого правления; плотина, стоячая вода, прососы, разрушение. Аллея при луне. Мещанки бернские: ловкость и благородство в движениях; острота в физиогномиях; кокетство.

7. Выезд из Берна. Schoohalde. Chaussée с каменными тротуарами. Дорога в гору; справа Берн: Аар, терраса с аллеями, церковь, дом с террасами (Криднер, Сверчков спаситель). Поутру ходил рисовать; туман, медведи. Murihalden, вид на горы. Дорога в Brunadern, Elfenu; с дороги оранжерея и сарай; Эльфенау приличное имя. Гора Гургель, покрытая деревьями и домами. Мури: прекрасные сельские дома и разнообразие архитектуры. Метлен, кронпринц. Прекрасный вид полей после сенокоса, чистота дерна, признаки любви к природе, простота украшений, цветники; где вид, там скамейка и деревья. Belrberg. Долина замыкается Stockhorn'ом. Contrée des Alpes avancées*. Вид с сих гор. Лес подъезжая к Алмендингену. Прекрасная зеленая лужайка вправо от дороги, за ней Belrberg и Аар. Рубиген: прекрасные каменные крестьянские дома. Мюнзиген: трактир Медведь; Steiger: липа с скамейкою; липы на площади; разбитая громом церковь. С дороги вид на Юнгфрау. Нидер- и Обер-Вильрод. Прекрасная дорога к Туну от Heimberg; разнообразие домов; яблони. Тун; замок и церковь; улица с террасами; сон от кренкхен**. Прогулка в Bächihölzlein через Scherzingen и Надау: неисполненная надежда; дорога береговая; два острова, один с домом и садом,

* Контраст предшествующим Альпам (*фр.*).

** Вероятно от *нем.* Krankheit — болезнь, недомогание.

другой с рыбацким домиком и простым домиком; терраса и акации; Шадау и двор; место вытекания Аара. Вид на озеро; переправлял не седой старик, а рыжая девка; Bächihölzlein; вид на озеро; камень Strättlingen. Возвратный путь приятнее: заходящее солнце; дом Muhlisen: англичанки в окне, крестьянские дома, чистота и красивость. Кладбище: жар и духота испортили прогулку. Рисование; не было солнца; главный живописец душа¹⁷⁸.

8. Озеро Тун. Унтерзеен. Выезд в 5 часов. Прекрасное время. Выезд на озеро. Jungfrau, Blumlisalp, Niesen, Stockhorn. Постепенное освещение его. Goldenlust. Whimmis. Spitz. Встреча с караваном поющих. Торг в Туне. Beatushöhle. Lerau. Трудный вход. Пещера, вход полузакладенный. Пещера, в которой источник. Водопад по ступеням. Мост. Вид на озеро. Стоящие на мосту; под ним и над ним небо; вода озлащенная. Струя освещенная солнцем, кипящая блестками; двенадцать нитей на второй ступени; красная трава. Виноград. Домик Лербера; где было счастье, там случайно путешественник. Лалла Рук. Книги латинские, французские, немецкие, английские; фортепиано. Вид на озеро. Фонтан. Унтерзеен. В char à bancs до Унтерзеена. Прогулка в дождь до Zollbrück: дождь, но время не дурное. Облачное небо; свет от луны; полусветлые облака на черных горах; в долине свет; белые пятна облаков на боках гор. Шум Аара. Песни. Милые звонкие голоса в темноте ночной под шумом Аара. Звезды. Над Юнгфрау мгла. Небо чисто, но облака прилипли к горам.

9, [воскресенье]. Поутру ходил в дождь на Hohbühl; потерял дорогу. Вид с Hohbühl. Туман Саксонской Швейцарии живописнее альпийского. Спуск по крутизне. Смотри на Аарскую плотину, мысль о нынешних правителях: они стоят не за себя, а за министров. Отзыв в каменной горе от шума воды. После обеда на Klein Rügen. Воскресное собрание на Rügenhübel. Чудесный вид на Тунское озеро; Низен синий в золотых облаках; солнце в озере; вид с Klein Rügen: влево Низен, Штокгорн, Тунское озеро, Burgflue, Beatenberg, Harder, Bödelein, Бриенцское озеро, Breitlauen, Jungfrau, Rotherflue, Gross Rügen. Посинелые горы; на них золотые облака; солнечный свет мешал; облака синие и озеро синее; но просветы полосами; по всем горам облака как кудри; Юнгфрау изредка из облаков. Удивительное действие облаков: в Тунском озере солнце, а по горам легкие золотистые струи; озеро Бриенцское темно, и Лиматт и горы все открыты, только по краям облака амфитеатром, как взбитая пена (или и как вата по высоте их). Небо разорванное, осеннее. Над Тунским озером оссиановская картина: точно группы туманных воинов с дымящимися головами. Первый point de vue* — всё открыто; второй — прекрасная группа деревьев, сквозь нее озеро; равнина Интерлакена скрыта; зато Гштейг, Вильдерсвиль и Упшпуннен и надо всем Юнгфрау. Третий всех лучше и пустынее: долина Вильдерсвиль тихая, дикое ущелье, одна Юнгфрау; с другой только Тун. Солнце выглянуло, когда я пришел: переход в совершенную тишину; глубокая стесненная

* Вид (фр.).

долина, неподвижно лежащие облака, небо туманное, свет со стороны, и Юнгфрау начала тихо и постепенно снимать покрывало: свежий снег, изредка голос птицы, звонок и ветер, и на озере одна черная точка — лодка. Яркая зелень Интерлакенской долины и деревья, от которых тени. Некоторые горы и долины совершенно черны от облаков. Удивительная магия тихого разоблачения вершины: точно как посвящение в какое-нибудь таинство; богиня природы. Попеременно от Юнгфрау к озеру: там величественное; здесь фантастическое: вода в светлой чешуе, лодка, ветер; светлые бабочки; Юнгфрау: видишь чистый снег; но сквозь облака огненная вершина; не видишь, как раскрывается, но чувствуешь, что виднее. Не хотелось оторваться; мысль, что навсегда. Удивительное изменение в синем и голубом цвете гор под облаками. Прелесть голубого неба. Чувствительная свежесть осенняя. Беспреданно новое освещение на Юнгфрау. Это имя прилично. Солнце скрыто, а она освещается, ибо ее облака уходят; светлая вершина и облачное платье. По высотам Альпов в облаках коровы. Для дополнения, ввечеру, когда сошел, затмение розовое. Вечер облачный едва ли не прелестнее ясного. Душа и несчастье, душа и счастье. Революция и порядок. Вечер облачный и лунный. Свет на Юнгфрау; свет на Гардере без луны.

10. В шесть часов в дорогу. Abendhügel, Galgenhügel. Место, где колесован убийца любовницы. Место праздника: кронпринц и Мольер. Утес, весь обросший елями. Дорога по правую сторону Лучины: пена и быстрота; блеск солнца; камни; камень Rothenfluh. Сравнение с Рейссою и Арвою; долина в сравнении с Шамуни; Юнгфрау всё соединяет; более единства и сельского. Steinhalde, извитые слои. Прямо через Lauterbrunnen к Staubbach никакого сходства с другими каскадами; от быстроты и высоты в пыль; самый высокий; быстрота видна, когда идешь от Steihalde и от трактира; когда стоишь против: есть тонкий тихо падающий пар и тихий шум обыкновенного ручья; когда подойдешь, видишь: облако дыма слетает тихо и разбивается, потом образуются водяные струи, льющиеся по камням в водоем, в котором мало воды. Самый ручей прелестен, и окрестность очаровательна: клены и вязы; маленькая ольховая роща, в которой вьется ручей и невидим водопад; прелестно-тихая картина. После обеда в четыре часа к камню: там захождение солнца; отсюда к Штаубаху. После обеда дождь. Герцогиня Рагузская; прямо скачут к водопаду, который только принадлежность долины: главное сама долина. Спешат к главному предмету и теряют промежутки. День дождливый. Ввечеру туманная прогулка: где Юнгфрау, там светлый магазин облаков; беспреданно отсюда туманы в разных видах, словно привидения по бокам утесов; каскад из облака облачную полосу; потом через долину огромное облако как привидение к каскаду, как две руки. Не дождался и ушел. Я не знаю, что всегда меня торопит; это в моем характере. Когда я возвратился, вышла луна.

11, [вторник]. Полуясное утро. Магдалина Михель. Staubbach: легкая тень, падающая вместе с водопадом. Ручей в орешнике при свете солнца; радуга в водоеме, исчезающая и являющаяся; водопад кажется гуще при солнце.

Легкая струя дыма сбоку; освещенные утесы; верхняя часть сука; струйка черно-блестящая; Spiesbach блестит и извивается; Buchbach струйка дыму. Шум от Лучины. Впереди Шмадрибах; назади наклоненная долина, зеленые Альпы, красноватые утесы, дно, кудрявые ольхи и вязы; кое-где хижины; удивительно милый вид. Долина расширяется; два ужасных утеса, как ворота, в середине равнина с хижинами и деревьями, одно дерево на огромном отвалившемся камне. Солнце, между утесами; Schilthorn и Mönch; под ним Gletscher. Вдали глетшеры и Шмадрибах. Мальчик. Agertenbach, Murrenbach, Ruffibach, Mattenbach, вход в Севилучинен-Thal. Зонтик; дождь. Trümmelbach. Возврат. Цветник на камне. Весь день дождик. — Вечер; прогулка к Staubach: светлые утесы; от них не так виден водопад. Нельзя было видеть: блеск от того, что лучи против. Выход луны из-за утесов, словно голова на огромном туловище. Прелестный ручей, образуемый Штаубахом: листья, блестящие от дождя; камни; тень деревьев на серебряной пене; капли с деревьев; кипенье воды в свете и в полусвете. Сквозь решетку листьев (Манфред) — звено над жерлом Штаубаха — черные стволы деревьев; трепет листьев; одно огромное дерево, как призрак с раскинутыми руками. Вершина Юнгфрау и Манфред¹⁷⁹. Разные виды тумана. Сквозь вершины деревьев верхняя часть водопада. Потом нижняя дымная. Ручей в тени, светлые пятна. Выход: дорога, чистое небо. С правой стороны во 100 шагах водопад лучше; весь огромный утес, удивительно освещенная вершина Юнгфрау и тихая светлая долина с деревьями и хижинами. Вид сбоку еще лучше: утесы чернее; серебряный густой дым; ясно одна тонкая полоса отделяется. Другой каскад в темной впадине, инкогнито. Дно долины: туман, деревья, как острова в белом море; блестящие кровли хижин, серебряная струя реки, тень утесов на белом дыме. Другая половина долины: река в тени, река в свете; вдали Штаубах, как Kahlbörn. Юнгфрау всё доминирует; с другой стороны отверстие утесов без перспективы: Медведица.

12, [среда]. Выход в $\frac{3}{4}$ четвертого. Юнгфрау и Blümlisalp, освещенные луною; трудный восход; долина в тени; облако тумана над Унтерзееном; бледность вершин; пламя солнца на Blümlisalp; Staubach. Murren. Ясность Юнгфрау и Эйгер. Огромность. Внизу Trümmelbach. Постепенное освещение Юнгфрау. Пустые Альпы. Вид с Scheideck: Веттерхорн; Большой Эйгер; оживленные Альпы и дым от хижин. Освещение долины, блеск церкви, Унтервальденские блестящие Альпы. Две лавины с Веттергорна. Картина долины Гриндельвальд. Обед за table d'hôte: рассказ о Мурене из Вевея, священник в Ивердоне; обрушился в глетшер; попытка его достать. Христиан Бургнер. (Ход на море; осторожность; камень; пропасть; палка; одинок; женитьба.) К глетшеру; вид на несущих. Постель. Дурная ночь.

13, [четверг]. Путешествие на глетшер. (Перемена плана от дождя.) Ужасная лавина с дымящегося Веттергорна: как растопленная медь, только белая. Дорога на глетшер мимо свежей могилы Мурена; вид того места, где погиб: маленький холмик и ужасная громада и темное облако над местом несчастья; вид глетшера между рощами еловой и ольховой: точно вид гор

снежных за лесом en miniature*. Жаль, что не видал вчера при свете. Восток на глетшер: несколько отверстий голубых пирамиды; журчание; прекрасный вид внутри: туманное жилище между льдистыми скалами; прелестный вид оттуда на долину зеленую. Возврат. Дождь. Характер долины особенный от прочих: от широкой долины огромность гор полная. Долина со всех сторон окружена зелеными пажитями; посередине луга и плодовые деревья, вязы, липы; хижины, пестрящие долину. С другой стороны, смотря от одной Шейдек к другой, три колосса: Эйгер, Меттенгорн и Веттергорн и в промежутках льдистые глетшеры посреди темной зелени елей и яркой зелени пажитей; прелестно-голубой цвет трещин и капли, падающие в скважины; дно льдистых пещер. Дорога от Гриндельвальда к Интерлакену. Дождь; но он перешел, не доезжая к Унтерзеену. Прелестный Гштейг и равнина, усаженная плодовитыми деревьями, и луг, через который дорога. Дождь и снег на вершинах гор. Ах, Магдалина Михель!

14 сентября. Унтерзеен. Прогулка в Бениген через Hoheweg, Matten и Gsteig. Дорога, осененная большими деревьями, идет лугом и садом. Из-за деревьев вершины гор; некоторые покрытые свежим снегом; свежесть и теплота; хижины между деревьев и вымощенные дорожки по яркой зелени; дым, тихо подымающийся, стук цепов, шум Аара. Встреча с путешественниками. Прелестный обширный луг, обсаженный липами и вязами, посередине дорога; со всех сторон зеленые огромные горы с недавно оснеженными вершинами; Юнгфрау и Blümlisalp в промежутках. Стадо овец. Klein Rügen посреди, как зеленый остров. Bönnen: дома посреди плодовых деревьев; дом Michel'a в 1785 и 6 в Интерлакене; оберамтман Тиль. Угощение Павла и императрицы¹⁸⁰. Прогулка и завтрак Павла в Бенигене у Михеля. Император подарил бутылку токайского вина. Портрет. Деревня Бениген; большой сад слив и груш с живописными домами; большая дорога; множество детей; дом Михеля, Mütterchen**, Nichte***, козачья лошадь, Ерлах и Штейгер. Озеро Бриенцское весьма однообразное; с обеих сторон два хребта гор; даль со стороны Интерлакена живописна, со стороны Бриенца один утес Энги прерывает однообразие. Подъезжая, слышишь шум водопада и видишь его последнее падение. Гисбах; уступы. Мост. Тихое озеро. Деревья. Вид на нижний уступ. Лучший из всех каскадов. Взгляд на живое падение, кипение воды, ровность деревьев, тихость озера, огромность неподвижных гор и освещение сквозь облака. Восток (беда от проводника). Вид от сиделки на весь каскад; нижний уступ весь на виду; верхний только виден из-за деревьев; солнце; освещение уступов и пены; место над самым падением; несколько деревьев к бездне воды. Сход вниз, и озеро беспрестанно открывающееся. Хижина школьного мастера и прекрасный способ брать деньги: хор детей после хора природы. Вид озера: оба берега туманны, обе

* в миниатюре (фр.).

** мамаша (нем.).

*** племянница (нем.).

крайние стороны в свету, над Рюгенем дивное облако; озеро молочно-бирюзового цвета. Бриенц в тени. Церковь на холме. Освещенный зеленый берег и весь Гисбах. В Трахте англичане. Марианна. Из Трахта в Бриенц: высокое место подле церкви: вид на всё озеро в длину и ширину; влево церковь, скрытая деревом, и Бриенц (не живописный сверху, но с озера своими каменными террасами), три каскада, весь Гисбах, весь Планальпбах и сбоку Олтшибах. Планальпбах одна полоса, разбивающаяся внизу на несколько коротких; озеро тихое; над Интерлакеном дождь, и сквозь него озлащенные облака и вечернее золотое небо. Вечеру прекрасное трио.

15. Ссора с Саломоном. Отъезд из Бриенца на лодке: песня егеря, песня тирольская, прекрасно при туманном небе. Приятная дорога в Бриенц. Дождь. Прогулка к Альпбах и к развалинам Resti: могила преступника; вид на долину Гасли со стены: прекрасное действие дождевых облаков при заходе солнца; свежая зелень долины; синие горы; туманные призраки и как будто город в дали; церковь и деревня внизу и пять водопадов в виду. Милое соседство: приятные голоса, хохот, и скучный товарищ.

16. Рисовал на стене. Отъезд соседок. Путешествие на Рейхенбах. С Саломоном до Швенди. Вкруть к домику. Две никсы. Паденье между широких скал. Прелестные проводницы. Встреча с прекрасными белоликими. (Встреча о толпами богомольцев, костюмы, физиогномии.) Первое паденье вкось сквозь утесы в жерло. Второе место от Швенди: видно три уступа; место над самую пропастью, два дерева, каскад на две полосы: одна тихо, и дно видно, изрытое водами; другая, сжатая в утесах, бросается в сторону зеленоватую струю, по бокам которой жемчужная пена; ужасное кипение внизу; видишь весь каскад, бегущий вниз, и верхнее падение; солнце: радуги над белою пеною, на утесе и на зелени; в жерле пена совсем белая; на переломе крупные льдины, освещенные солнцем. Спуститься: колонна, бегущая в жерло; под ногами прорывы, и в них солнце, а внизу прелестная долина Гасли. Третье падение в два уступа: в жерло и потом дугою в другое, так что под ревущую полосую воды черная пустота и темная бездна, в которых гром и кипенье. Разнообразные фигуры впадин и трещин, вырытых водою в камнях. 4 падение под мост: верх, освещенный солнцем; коза; мальчик; вид с камней. Последнее падение самое великолепное; самое живописное под мост; самое разительное с нагнувшейся скалы; самое быстрое первое и второе. Две милые девочки проводницы. Вид на долину от Zwirgi: Hasli im Grund, две горки Kirchet; долина Гасли, каскады Dorf-Alp и Mühlbach. Alpbach разрушитель, полоса камней и дрязгу посреди прелестной зелени лугов. Утесы Фаллерен и Ballenberg разнообразят долину; нет разительного в целом: красота; но множество прелестных частей, так что беспрестанно можно делать открытия. При солнце должно быть несравненно.

17. Поутру рано на стену: несравненное утро; вид на долину и на разоблачение Веттергорна; Rosenlawi. Переход через Брюниг: дорога в тени; вся долина Гасли в свету. Виды сквозь деревья; вид от сиделки. Живописные камни с деревьями. Деревня Wüinig в долине. Чудесная зелень. Ручей на

солнце. Вахта. Вид и нужник. Долины зеленые; буки, вязы, осины; долины, окруженные холмами и лесистыми горками, из-за которых высокие горы Оберланда. Крутой сход по ступеням. Вид на Лунгернское озеро. (Голод.) Переезд через озеро. Сравнение затмения гор с смертью. Дорога до Zollhaus: церковь Гизвильская и прелестная долина. Дорога по берегу Сарнского озера: огромные буки и дубы; необыкновенное изобилие яблок и груш: словно виноград. Обервиль и Саксельн. Идешь $\frac{1}{4}$ часа деревнею до трактира. В Саксельне церковь с колоннами из дикого мрамора: гроб Клауса; его скелет на коленях, кости обвернуты жемчугом; множество даров: глаза, уши, ноги, руки, младенцы серебряные; Клаусово платье. В Ранфт: в Мельхтале прекрасная, глубокая долина с удивительно зелеными буками, липами; дно занимает речка Мельхаа; Клаусова келья: камень, окно изрезанное, окно в часовню, мост; другая часовня в уединенном месте; всход по чрезвычайно крутой и склизкой дороге; вид на долину; вид на озеро, на Сарнен и Кернс. Дорога от Кернса чрезвычайно живописна: особенно пленительная зелень лугов и деревьев. Прекрасная живописная церковь в Кернсе. Дорога через долину, окруженную высокими горами: Блумальп, Пилат и пр. Ничего, кроме зеленого луга. Шоссе. Пляска в трактире. В Станц ночью.

18. Станц. Rathhaus. Картина Vollmar: Клаус, прощающийся с семейством. Церковь; колонны мраморные; дыры от пули; застреленный священник Lüssi. На площади статуя Винкельрида с копьями. Путешествие водою через Станцстад в Луцерн. Прогулка на Hofbrücke. Вид на Луцерн и горы при захождении солнца; Пилат и Риги в тучах; запад в розовом пламени.

19. Луцерн. Целый день дождь; но мое счастье меня не покинуло: поутру ходил смотреть Пфифферов рельеф (его палка, башмаки и портрет). Был у Мейера. Келлерова, весьма посредственная, панорама. После обеда ко Льву¹⁸¹. Лев и Пфиффер: инвалид в красном мундире, утесы, трещины; отражение в воде. На Allenwinden едва ли не лучший вид во всей Швейцарии; несравненные окрестности Луцерна. Проклятый англичанин.

[Окрестности Луцерна¹⁸², может быть, самые живописные в Швейцарии. Нельзя изобразить того великолепия, которое представляет хаос гор, окружающих озеро Четырех Кантонов и видимых с Луцернского моста, особенно при захождении солнца, когда горы снежные сияют и мало-помалу гаснут. — В Луцерне есть теперь памятник, которому нет подобного в огромности: в высокой скале высечена пещера и в глубине ее на шите, означенном лилиями, умирающий лев. Этот лев ростом своим отвечает огромному пьедесталу: перед скалою пруд, в котором отражается вся эта громада. Торвальдсен сделал рисунок льва, а скульптор есть некто Ahorn из Констанца. Памятник воздвигнут в честь швейцарцам, погибшим в Париже 10 августа 1792 года.]

20. Луцерн. Дождь. К обеду ясно. В кабинет Рейнгарда: костюмы, негодное мазанье, но выражение лиц прекрасно; рисунки пером жены лучше. В арсенал: кольчуга Леопольда, топор и меч Цвингли, ошейники, писанные стекла. Гутш. Прекрасный вид, но хуже, нежели Allenwinden. После

обеда прелестная прогулка берегом Рейссы; крест; старик и лодка; на мосту несравненное захождение солнца; зеленая роща в огне; Риги фиолетовый и красный; утесы и Кларида долго угасающие. (Утки, рыбак, тростник.)

21. Прекрасное утро. Большая лодка с скотиною и песни. Утесы выдававшиеся Меггенгорна, соответствующие противоположному берегу. Часовня Св. Николая. Альтстат и памятник Ренала. Прекрасный вид на Пилат и Станцстад. Веггис обетованная земля Луцерна; италийская вегетация; зеленый холмистый берег, покрытый пышными плодовитыми деревьями и обложенный камнями; часовня на мысу; дым на берегу и по озеру; солнце полосами; восточные горы в пару. Церковь Веггиса и трактир. Выход. Встреча с англичанами. Пустыня: прелестный вид на озеро; кухня; горница; спальня: крест, бумажные образа; часы, вместо гирь камень и молоток; под часами клеть для птиц; несколько гнилых яблок; черные тряпки в углу; всё смрадно и нечисто; Gebetbuch*; Biblische Geschichte für Kinder**. Подле утесы стеною, источник и живописный мост. Kaltbad***. Обвалившийся утес. Большой. Вид с Риги без солнца как карта географическая, хорошо иллюминированная; холод на Кульме. Этот вид требует самой ясной погоды, или полнолуния, или пышного облачного неба с солнцем; без того он более печален: ровное место, не иное что, как темное пространство с зелеными пятнами и нитями, озера точно зеленые тинистые лужи стоячей воды, а горы как мертвые развалины; неоживленный хаос развалин первобытных и еще не населенных. Но солнце, заходящее здесь в ясности, должно быть несравненно; Бог покидает на время видимое творение; а восхождение еще величественнее. Когда солнце зашло, была чудесная минута: запад пылал и Луцернское озеро вместе с ним; в нем отражались томные башни Луцерна, и на всём противоположном небе, под снежными и мертвыми горами, розовые и фиолетовые облака, и ветер в развалинах.

22. Восход солнца на Риги. Облака. Над горами темно-фиолетовые тучи; на этом фоне загорелись все Оберландские горы, Ротшток, Титлис и еще некоторые, и летучие облака. На востоке исчез. Облака, как вата, над Гольдау и Артом. Видя угасающую природу, приходит в мысль, что душа и жизнь есть что-то не принадлежащее телу, а высшее; пока они в нем, по тѣм пор и красота; удалились, — формы те же, но красоты уже нет; ничто так не говорит о смерти в величественном смысле, как угасающие горы. Сход с Риги; мои спутники вперед. Приключение шляпы. Веггис; италийская природа: орехи, каштаны, акации. (Студенты на Риги; один грозный.) Плавание от Веггиса к Киснахту: Киснахтское озеро не столь живописно, но есть милые картины: справа рыбацья хижина и пристань (перед двумя холмами); узкая долина между холмами и вид сквозь отверстие на дальние высокие горы. Кюснахт: прекрасное кладбище. Hohle Gasse и часовня: Le comte

* молитвенник (нем.).

** Библейские истории для детей (нем.).

*** Холодная купальня (нем.).

Guillaume de Lizio proscrit, condamné à mort pour la sainte envie de la liberté, s'est reposé ici le 18. 7-bre 1821*. Immensee. Прелестное озеро Цугское, особенно после величественных явлений горной Швейцарии; смесь величественного с простым без однообразия. Величественное просто: Rigi, Zugberg, нет углов и трещин; прекрасная зелень; только Пилат в пару (Nat Pilatus ein Hut, so ist das Wetter gut**). Простое живописно: низкие дальние берега; смесь полей, холмов, рощ; над ними цепь невысоких гор, Альбис, Утли, стена Юры; Цуг и прелестная каменная церковь над рощами. (В то время, как маленький народец сражается за честь и свободу, что делают могучие, полные силы и славы державы? Рассматривают, как бы посчитаться и не дать другому выгод. Простее бы искренно, бескорыстно и дружно стать за великое: это помирило бы государей с народом.)¹⁸³ Особенно приятен берег Цугского озера от Обервиля до Цуга и далее: низкие полугоры, все в плодовых деревьях, порою виноград на италийский образец, орехи, буки, липы, вязы, в прелестном разнообразии. Тишина озера несравненная. Солнце в тумане тонком осеннем; на берегу домики белые с красными кровлями, шпиц церкви, иногда звон. Zug***. Вход нунция. Kommen sie nieder****.

23, *воскресенье*. Выход в шесть часов; до Бара большою дорогою; потом тропинкою; дорога-сад: орехи, груши, яблони на лугах, которые два раза были скошены и покрыты высокою травою. День пестрый. Встреча с идущими к обеду в Цуг и стрельба в Цуге. Silbruck: пограничная деревня между Zug и Zürich. (Сказка о трех домах. Красота не в природе, а в душе человека; свет и душа; революция и горы¹⁸⁴.) (О греках говорят: ils sont vils; oui, mais c'est contre la cause, qui les rend vils, qu'ils combattent; délivrez les, et ils seront autres. Ont-ils été vils les Grecs de Salamine; ont ils été vils les malheureuses victimes, la fleur de la Grèce d'aujourd'hui? Le grec est coquin parcequ'il a beaucoup d'esprit et est esclave; il use de sa force. Rendez le libre, il sera héros; faites le esclave, il vous trompera. Il est toujours le plus fort. Les ultras et les libéraux sont tous les deux ennemis de l'ordre; les uns veulent pour leur profit maintenir le désordre existant, les autres veulent le remplacer par un autre désordre qui leur profite. Il faut mieux attendre que mal commencer, car recommencer est presque impossible*****. Вид на озеро, подходя к Горгену. Прекрасная деревня; дом пастора в три этажа; церковь.

* Граф Вильгельм Лизио, изгнанник, приговоренный к смерти за святое стремление к свободе, почил здесь 18 сентября 1821 г. (*фр.*)

** Если Пилат покрыт облаком, то погода будет хорошая (*нем.*).

*** Шествие, процессия (*нем.*).

**** Сходите (*нем.*).

***** Они [греки] презренны; да, но против причины, которая их делает презренными, они и сражаются; дайте им свободу, и они станут другими. Были ли презренны греки Саламина, были ли презренны несчастные жертвы, цвет нынешней Греции? Грек плут, потому что у него много ума и он раб; он пользуется своей силой. Дайте ему свободу, он будет героем; сделайте его рабом, он вас обманет. Перевес

Mein Wandel soll im Himmel sein,
Obschon ich leb' auf Erden;
Ein Pilger bin ich hier allein,
Dort hoff' ich Bürger werden* —

надпись у дома человека, который не дал мне вина. Здесь обедал. Дорога прекрасная виноградником. Ау. Богатство домов. Chaussée и тропинки. Пил вино у крестьянина; чистота; около стен дубовые шкапы; печь кафельная; чайные чашки; книги: Gebetbuch, Gartenbuch, Chronica**. Wädenschweil; огромная деревня с церковью; много купцов. Вид от оберамтманова замка на озеро: Uetli. Рапперсвилль, Уфнау. Прогулка по озеру при захождении солнца; прекрасное освещение противного берега, тем более, что всё довольно близко и озеро кажется оживленным. Вообще большая опрятность, деятельность; выражение физиономий честное. Трактир Венца и трактирщик с своею жадною учтивостию. Девочки на террасе замка и плутовство. Стрельба. В Веденшвейле; много фабрик: суконные, кожевенные и особенно соломённые.

24, понедельник. Prupbacher Strohfabrik für Arme***. Теперь 103 старых и молодых работают, получают корм, обедают и живут. Учатся читать и писать и счету. В Веденшвейле Lesegesellschaft, Musikgesellschaft****. Трактирщик Нёһп знаком с Беккером и его сестрою. Плаванье в дождь с сильным попутным ветром. Шум дождя и от разрезывания волн лодкою. Впереди волны надуваются, иногда рвы, изредка пена; сзади как будто преследуют и большие струи пены. Сзади дождь; впереди пристань; сбоку небо! Колыханье. В сильный ветер и в бурю весло и руль, но, когда всё напрасно, брось всё: есть доска. Il y a du sublime à être debout sur une nacelle et s'avancer au milieu des vagues*****. Приближение к Цириху. Начало проясняться, и волны от света сделались виднее; пена и верхи заблистали, морщины темнее; горы показались; все рощи и берег синие; часть гор еще за дождем, другие виднее, и вершины покрыты свежим снегом; волны из дымных обратились в железно-цветные с отблеском; приближаясь к Цириху, солнце и город, блестящий на темноте волн. Горы. Сзади кипящие серебряные волны, впереди только

всегда на его стороне. Крайние и либералы одинаково враги порядка; первые для собственных выгод хотят сохранить существующий беспорядок, вторые хотят заменить его другим беспорядком, который им был бы выгоден. Лучше ждать, чем дурно начать, потому что начать сызнова почти невозможно (фр.).

* Мое превращение должно совершиться на небе, / Хотя я живу на земле; / Здесь я только странник, / Там я надеюсь стать гражданином (нем.).

** молитвенник, книга по садоводству, хроника (нем.).

*** Соломенная фабрика для бедных в Прупбахе (нем.).

**** Общество чтения, музыкальное общество (нем.).

***** Есть что-то величественное, когда стоишь в лодке и двигаешься среди волн (фр.).

вспрыдывающая блестящая пена. Прелесть утихания. Струя пены, бросающаяся в сторону от носа иногда ребром, иногда плеском. К Гагебуху.

25, вторник. Дождь. Обедал у Гагебуха. Приятный разговор с Фисли. После обеда выбор картин. В театре: отрывок из "*Hagestolzen*"¹⁸⁵.

26, среда. Поутру дома. К Вецелю: его эскизы. К Фисли: его связь с Винкельманом. Известие о смерти Винкельмана. Обедал за *table d'hôte*. Ссора немца с французом. У *M-elle Tobler*. У Эбеля: Арним. О доверенности к императору Александру. *Katze*¹⁸⁶. Несравненный вечер при слиянии Силя с Лимматою (у Геснерова памятника).

27, четверг. Поутру. Завтракал с Вецелем и Гагебухом дома. У Фисли с картинами; его милая дочь. Обедал дома. После обеда на *Wikkinger Berg* с Вецелем. Вечер с Эбелем у меня.

28. Знакомство с Фогелем; его картины: «Праздник во Фрибурге»; «Возвращение после Моргартенской победы»; «Цвингли в Цирихе». Картина Овербека: «Мария, Марфа и Христос». Геснеровы гуаши и гравюры.

29. В Шафгаузен. Эглисау. Мост.

30. Падение Рейна: 1) Вид с подмостков. Чудеснее в пасмурную погоду. Три бугристых утеса. Брызги. Формы дыма. Быстрые перемены. Неподвижность утесов. Листья. Солнце. Радуга; 2) В павильоне: прекрасно, но не чудесно; вся река; тишина течения; прорытые утесы; тишина паденья; бугры пены; 3) Вид с воды; 4) Вид в камеробскуру; 5) Вид с мельницы. — Энген. Вид на развалины и на озеро Констанцское.

(Октябрь)

1 октября н. ст. *Hilzingen*, где пил кофе. Дорога до Энгена приятная; открытые места; пашни. Утесы *Hohentwiel* и *Hohenstaufen Engen*. Подле огромный утес с развалинами замка, площадь с фонтаном. Дьявольская свадебная музыка. Впереди дудка, кларнетист, скрипка и бас. Ужасное расстройство. Спутник до *Stuttgart*. Третья лошадь. Пасмурное время. Вид на Констанцское озеро и последний взгляд на Швейцарию. *Tuttlingen*. Прекрасное местоположение в широкой зеленой долине. Над городом высокий холм с развалившимся замком. *Tuttlingen* чистый городок. *Katharinens-Hospital*. Трактир на почтовом дворе. Дорога от *Tuttlingen* до *Alttingen* прекрасною широкою долиною, которая вьется между холмами, которых бока вспаханы, а вершины покрыты кудрявым лесом. Зеленый луг на дне долины, стада, дороги, деревни: стены известковые, а крыши черепитчатые. Осеннее облачное небо с синим отливом; яркое солнце; сияние солнечного света на лугах и холмах; голубой дым: совсем новая картина после Швейцарии. Отдыхаешь после высоты посреди простоты. (Сравнение Швейцарии с простою природою.) Мой товарищ (честный отец семейства); рассказы о Гольдау. Разговор двух отцов на козлах и зависть.

[Я сдержал обещание¹⁸⁷, данное мною в Риги, и из *Luцерна* поплыл в *Weggis*, откуда ведет весьма покойная и обильная прекрасными видами дорога на высоту горы, и в этот раз имел я несколько незабвенных минут: видел всю бездну

гор, освещенных вечерним и утренним солнцем. Я возвратился тою же дорогою, и из Веггиса поплыл в Кюснахт, чтоб видеть die hohle Gasse*, где Вильгельм Телль застрелил Геслера: потом чрез Цугское озеро в Цуг, где наслаждался въездом папского нунция, принятого с пушечными выстрелами и с коленопреклонением. Берегом Цириха дошел я только до деревни Wädenswyl, откуда хотел переплыть в Rapperswyl, чтобы потом богатыми деревнями, лежащими на противном берегу озера, идти в Цирих пешком; но дождик, соединенный с сильным противным ветром, помешал мне исполнить этот план. Это было во второй раз во всё мое путешествие. Но, потеряв с одной стороны, я выиграл с другой. Я поплыл из Wädenswyl прямо в Цирих: сильный ветер и дождик меня преследовали, но я видел удивительную картину волнующегося озера; было что-то величественное, разительно напоминающее о Провидении, в этой легкой лодке, которая, несмотря на брызжущие кругом волны, всё плыла своею дорогою, в этих облаках, которые сзади налетали с дождем, но сквозь которые изредка проглядывало небо, и в этом сильном ветре, который своею бурею только быстрее мчал к пристани. И не вдали от этой пристани всё утихло; солнце удивительно украсило и берега, и горы, и воду, и близкий, как будто выходящий из озера, Цирих. Очувтившись опять на том месте, с которого за полтора месяца началось мое путешествие, столь богатое разнообразными ощущениями, я подумал, что совсем не покидал его. Я видел прекрасный сон; но воспоминание бережет прошедшее. Из Цириха поехал я через Эглизау в Шафгаузен, чтобы взглянуть на Рейнский водопад. Он поразил меня, но не пленил, как некоторые другие швейцарские водопады, гораздо более живописные. Если смотреть на него, как на водопад, если видеть всю полную картину падения, то он не имеет ничего особенно разительного. *Спереди* он не иное что, как невысокий водяной уступ, шумящий и пенный, посреди которого чернеется несколько утесов, изрытых силою воды; *сверху* видишь всю реку, тихо идущую к тому уступу, с которого она падает, и сила падения почти неприметна: пленяешься блеском солнца на воде и радугою на пенном тумане. Но разительное, неописанное зрелище представляется глазам, когда смотришь на падение вблизи, с галереи, построенной на берегу у самого водопада: тут уже нет водопада, нет картины; стоишь в хаосе пены, грома и волн, не имеющих никакого образа; и это зрелище без солнца еще величественнее, нежели при солнце: лучи, освещая волны, дают им некоторую видимую, знакомую форму; но без лучей всё теряет образ; мимо тебя летают с громом, свистом и ревом какие-то необъятные призраки, которые бросаются вперед, клубятся, вьются, поднимаются облаком дыма, взлетают снопом шипящих водяных ракет, один другому пересекают дорогу и, встречаясь, расширяются вдребезги; словом, картина неописанная. На галерее можно стоять без малейшей опасности; но волны так беспорядочны, что иногда совсем неожиданно бываешь облит с головы до ног. Здесь Рейнский

* ущелье (нем.).

водопад достоин своей славы. Посреди самого падения стоит несколько утесов: со временем они исчезнут. Один из них так истерт водами, что ему не прожить и века. На вершине самого высокого стоит деревянная фигура; она была выкрашена; но краску смыло водою; осталась одна надпись: *Deus mea spes**. Мысль прекрасная! В маленьком замке Wörth можно видеть весь водопад в камеробскуре: на бумаге представляется всё падение, вода волнуется, солнце светит и исчезает, ветер разносит брызги, и страшный не вдали шум довершает очарование. — В Шафгаузе я простился с Швейцарией].

2. Балинген. Дорога гористая. Ужасно сильный ветер. Вид на Гогенцоллерн. Прекрасная шоссе; нечистота и нищенство в католических деревнях. Странный костюм. Прекрасная погода. Положение Гогенцоллерна: осыпающиеся камни; тени по равнине; ветер; решетки и цепь; двое ворот; часовня; арсенал, [двуголовый барсук] имя [Вильгельма] кронпринца 16 июля 1819. Tübingen. Вид на Тюбинген. Заходящее солнце. Waldenbuch: Евва.

3. Туманное утро. Вид на Штутгарт: на дне долины, окруженной виноградными холмами. Нет великолепия, но большая опрятность. Трактир Waldhorn Königsstrasse. К Боассере¹⁸⁸. В театре: "*Der Türke in Italien*"¹⁸⁹.

4. У священника; веселые горницы, чистота, эстампы. Церковь. Стул Екатерины. Благословенные образа: Александр Невский и Спаситель; на последнем радуга и дворец. Екатерина мученица, благословение Екатерины¹⁹⁰. Порядок в церкви.

Картины Буассере. №1. Большая горница. Над дверью портрет. 1) *St. Bernard prêchant la croisade devant Conrad***. (III). Симеон, Лазарь, Иоаким и Иосиф, Албрехта Дюрера. *Положение во гроб*, Албрехта Дюрера. *St. Norbert prêchant d'Évangile****, de Bernhard van Orley ou de Brussel; 2) *Женщина с веткою*, Coxis. 3) *Потоп*, van Mandeer. *Полная история Страстей Господних*, von Mabuse. *Мария и Иосиф*, Pattenier. *Ландшафт с Георгием*, Altdorfer de Ratisbonne. *Семейство Марии*, de Mabuse. 5) *Богоматерь, кормящая Христа*, Schoreel. 6) *Карл V*, Heimskerk. 7) *Святые на золоте*. École de Cologne****. Влево от входа: 1) *Богоматерь с Младенцем*, Dick de Hartem. *Портрет мужчины с письмом*, de Walch. 2) *Богоматерь с Младенцем*, Francia. 3) *Христос, коронующий Богоматерь*. Св. Вифоника [École de Cologne]. 4) *С(вятой) Антоний, покоряющий дьявола*. 5) *Святые Варвара, Маргарита, Сесилия*, Лукаса Лейденского.

Боковая горница. Главные картины: 1) *Успение*, Schoreel. *Богоматерь*: белая подушка; белое покрывало; зеленоватое платье; рукава с опушкой; покров красный. *Иоанн*: светло-зеленое платье. *Петр*: золотая риза, белое платье. *Двое со сложенными руками*: зеленоватое платье. *С паникадиллом*: цвет кирпичный. *Раздувающий*: зеленое, ворот красный. *Два с сосудом*: ближайший

* Бог моя надежда (лат.).

** Св. Бернад проповедует крестовый поход перед Конрадом (фр.).

*** Св. Норберт проповедует Евангелие (фр.).

**** кёльнская школа (фр.).

к Богоматери: зеленая мантия, пюсовое платье; другой: пюсовое, рукава желтые с красным отливом. Паркет. Балдахин красный, зеленая и золотая бахрома и кисти. 1 боковая картина: Oratoire* оранжевый с красным ковром. Две молящихся: на одной черный бархат с меховым подбоем, на другой темно-коричневый с меховым же подбоем. Святая с жерновом: зеленое платье с золотым шитьем и пурпурная мантия; с фонарем: оранжевое платье, сверх дымка и хвосты на шее. 2) боковая картина: Рыцарь в латах: ковер. Св. Дионисий: белое нижнее платье и пурпуровая бархатная мантия с золотом; шапка красная с золотом и перьями. С(вятой) Георгий: золотые латы, рукава голубые с красным. NB. Воздух. Небо безоблачное, но солнце затуманено. Лицо раздувающего. Отворенное окно и свет сквозь круглые точеные стекла. Отверстие над дверью. Мужественные лица отца и сына и особое богомольство в каждом. Отделка подробностей. Ландшафт. Спокойствие в окрестности. Рука Богоматери и четки. Люди в доме. Разные выражения лица: Иоанн, два читающие, Петр, с одной; лицо Богоматери. Полоткрытые уста. Переход от боковых картин к зрителям.

II. *Поклонение магов*, Van Euk. Боковые картины: Благовещение и Обрезание. Богоматерь: голубое платье. Филипп: пюсовое бархатное с опушкой; верхнее красное с белым мехом; рукава красные и желтые; золотое короткое платье с жемчугом и камнями; красная шапка с короною. Другой: синее суконное платье с золотым шитьем; красная мантия; зеленая шапка. Карл: золотое платье с красным, бархатным узором и горностаями; голубая шапка. Иосиф: кирпичного цвета платье. Датель: черное с опушкой. *Благовещение*. Богоматерь: светло-синее; ангел: белое с золотом; постель, алый балдахин, алый покров, золотой подбой с бархатным алым узором; зеленая бахрома; подушка оранжевая, узор белый; ковер светло-оливковый с темно-оливковым узором. *Обрезание*. Богоматерь: синее платье. Иосиф: красное. Держащий голубей: зеленое платье, подбой зеленоватый с фиолетовым отливом, то же на голове; рукава шоколадные. Держащий Христа: темно-фиолетовое верхнее платье с красным капюшоном; нижнее золотое с черным бархатным узором; внутренность храма планшевая, узорные окна. NB. Яркость света между колоннами, в трещинах. Зеленой ландшафт. Чувствуется легкость воздуха. Ясный безоблачный день. Особливо в окне картины Благовещения: точно влетающий ангел; скромное, несколько робкое положение внимающей Богоматери. Во втором спокойствие занятой матери. В третьем важное размышление и значительный взгляд. Тишина ясной природы. Набожность в Иосифе, в Филиппе, в Карле, в ангеле. Разные характеры любопытства.

III. С(вятой) Лука, пишущий Богоматерь. Манна Hemmelink. Le sacrifice de Melchisédech, idem**. Благовещение.

1) Богоматерь: нижнее платье парча, вышитая белая; верхнее пюсовое с золотом; синяя мантия. Лука: лиловая шапка, яркое карминовое платье

* Мольня; часовенка (фр.).

** Жертвоприношение Мельхиседека, его же (фр.).

с опушкою. Ковер и балдахин золотой о алым бархатным узором. NB. Лицо Богоматери, дающей грудь Младенцу; нет занятия, простое выражение матери, полуулыбка. Младенец, глядящий на Луку, голова прекрасная, всё прочее младенчески несовершенно. Руки Богоматери сухи. Внимающий Лука, ищущий взор. Руки апостола. Даль: город, залив с излучиною, вдали острова, один за другим, улица. Воздух между колоннами, прозрачное окно писанное, отворенная дверь в горницу: свет в окно и в стекла. Стена с зубцами и смотрящий со стены.

IV. *Поклонение магов. Иоанн Креститель. С(вятой) Христофор*; Эммелинковы — *Голова Спасителя, Жизнь Богоматери*. (Всего на всё 77 картин.)

I. Богоматерь: синее платье; красная подушка. Иосиф: зеленая мантия; темно-синее платье. Один маг: красное платье, пюсовая шапка; другой: синее бархатное, сверху золотое с красным бархатным узором. Дательник: темно-пюсовое. С(вятой) Христофор: синее нижнее платье, красная мантия; красновато-пюсовое платье. Синяя осенняя даль. Облака синие и светло-лиловые. Рассеяние света по волнам. И(оанн) Креститель: пюсовая мантия.

Житие Богоматери. Храм посреди. Путешествие волхвов. Три на горе. Едущие. Встреча у моста. У Ирода. Поклонение. Отъезд. Отплытие. Справа Благовещение. Рождество. Возвешение пастухам. Поклонение пастухов. Бегство в Египет. Убиение младенцев. Преследование. Извещение Ироду. Воскресение. Магдалина. Христос во Иммаусе. Сошествие Св. Духа. Успение.

У Буассере. Разговор с Буассере. Мнение Кановы о картинах вдали и вблизи; дать списать живописцу; Гёте о природе¹⁹¹; о картине Эммелинка. Рисунки и планы Кёльнского собора¹⁹²; оригинальный план на пергаменте. Прогулка после обеда в саду; запах резеды, как будто воспоминание; большой пруд; черные лебеди. По бокам пруда тополи *saules pleureurs**. Прекрасная картина: два лебедя спящих и плавающих, закинув головы, и тихо кружащиеся. Луна и стены наклонившихся *saules pleureurs*. Опрятность города и неприятная вонь на улицах; тротуары, прекрасная мостовая и везде потоки нечистот.

5. К Бенкендорфу¹⁹³: разговор о Марии Павловне. *La princesse fille du prince Paul*** . О здешней конституции. К *M-elle Droust*: рассказы о смерти королевы¹⁹⁴; о короле: добрый отец; завтракает и обедает у детей. Мария и София; младшая похожа на мать. *M-elle Kachoffsky*. На ее место молодая *M-elle Savent*. *Kachoffsky* в Рюдесгейме у доктора *Hoffman* с *Madame Wasuth*. Встреча с Турном; обед у него с его секретарем. Его стихи на Психею¹⁹⁵: о душе без души. Даннекер: его Спаситель; его Психея и Ариадна. Анекдоты о статуе: сон два раза: девочка: *Es ist unser Heiland, es ist einzig****. Мать с мальчиком в день его рождения: *Schade, daß er weg kommt! Was bezahlen! Dort muss es bezahlt sein! Mein guter Heiland, ich will mich dort recht*

* плакучие ивы (*фр.*).

** Принцесса, дочь герцога Павла (*фр.*).

*** Это наш Спаситель; это изумительно (*нем.*).

gut aufführen*. Шиллеров бюст; Элгиновы и Эгинские слепки; рассмотрение при свете. К священнику. Буассере у меня: разговор о живописи, о Бейроне, о Клингере, Тике, Шиллере.

6. К Буассере. К M-elle Droust; с нею вверх. Принцессы. Сходство в физиогномиях; младшая на королеву, и она скорее ко мне подошла; Мария более дичилась. Начались вопросы: Was macht der Onkel Kaiser, die Grossmama, Onkel Nicolai, Tante, Onkel Konstantin, Michel? Warst in Luisburg, wo war die Grossmama?**. О медведях и волках. Здоровье и веселость. Обедали. Гуляли в Wyl. После обеда чай к M-elle Droust. Графиня Берольдинген. M-elle Sovent. Домой. К Буассере: Геммелинкова большая картина. К Даннекеру. Обедал у Бенкендорфа: Спиридов, Гассе, наш священник, Даннекер, Буассере, итальянец. — Доктор Лудвиг.

7. Просидел дома в худом расположении с болезнью. 2 день. Бенкендорф.

8. Штутгард. 3 день болезни.

9. Штутгард. 4 день болезни. Даннекер.

10, 11, 12. 5, 6, 7 день болезни.

13, 14. 8 и 9 день болезни.

13. Брей. К(нзяз) Горчаков. Прогулка в Sillebourg.

14. Поутру рисовал. К Даннекеру: сравнение Ельгиновых мраморов с Лаокооном; мысли о Лаокооне; рад, что не умер. Идеал есть истина. К Буассере. Рисованье на камне. Домой. В театр; архитектура: галереи, над ними кариатиды, мелкие колонны, купол, занавес: Музы в рамках; ложи прекрасны. Опера: Вейгелев «Даниил во рве львином». Мало величественного и глупый сюжет. M-e Stern: искусство без приятности; мужских голосов нет хороших.

15. Гассе. С ним у Залуччи. К M-elle Droust и с нею к принцессам: завтрак, упрямство. У Даннекера; Бенкендорф. С Даннекером к Буассере: слово императрицы: j'ai vu deux printemps (un dans nature, l'autre ici)***. Сказать Модену о великом князе и Залуччи. В Ротенберг: ротонда с колоннами, обширный вид, свод, четыре места и четыре отверстия для света. Ввечеру у Гассе. У меня Буассере.

16. В 9 часов выезд. Аллея до Ludwigsburg. Дрянной сад. Замок и куклы. Мост императрицы (4 октября 1818). Прекрасные виды от Лауфена. Некар, извиляющийся вокруг равнины; дорога по горе; поля. Вид на Гейлброн. Город: кладбище с Даннекеровым памятником; крест 1543 года; башня Гёца фон Берлихингена¹⁹⁶; наверху цветник; вид сверху на город и Некар; тополи; канал; часы городские: ангел, петух, бараны; музыка на башне.

* Жаль, что он уходит! Что заплатить! За это должно быть заплачено там. Мой дорогой Спаситель, я там стану себя вести отлично (нем.).

** Как поживают дядя-государь (Александр Павлович), бабушка (имп. Мария Федоровна), дядя Николай, тетушка (вел. кн. Александра Федоровна), дядя Константин и Михаил? Были ли вы в Людвигсбурге, где жила бабушка? (нем.)

*** Я видела две весны, одну в природе, другую здесь (фр.).

17, среда. Гейлброн. Дождь. Fürfeld. Некаргемюнд: ворота, лодки. Гейдельберг: замок, ворота Елизаветы, Gesprengter Thurm, Capelle, 8-eckiger Thurm, Rittersaal, Rother Thurm, Riese Thurm*. Вечер в развалинах. Заходящее солнце. Вид на золотой Königsstuhl (Stückgarten). Освещенная башня. Другая башня с золотым деревом; и темная внутренность и светозарное дерево. Солнце сквозь развалины. Внутренность. Терраса. Рвы с березами. Досадный француз. Не поэтические развалины. Чистота Гейдельберга. Мост.

18, четверг. Живописный туман над развалинами Гейдельберга. Bergstrasse. Лучший вид от Weinheim. Замок Виндек; башни из облаков. Дорога идет у подошвы виноградников. Слева равнина необозримая, усеянная плодовитыми деревьями. Геппенгейм и замок. Мелибокус. Станция Bickenbach. Дармштат; прекрасно выстроенный город; широкая улица, ведущая во дворец. Сад за городом. Удивительное захождение осеннего солнца. Станция Langen. Ночью во Франкфурт. Буковый лес.

19. Франкфурт на Майне. У Горчакова. Мост на Майне. Прогулка за город и политический разговор. У Анштета. Писал письма. У Вильмана. Ремер.

20, суббота. Письма. К Горчакову. Деньги. (50 талеров). В Майнц. В Рюдесгейм. В Рюдесгейм через Висбаден.

21, воскресенье. Восхождение солнца. Viereckige Schloss**, принадлежащий графу Ingelheim: вид с башни. Burgverliess***, дверь, кабинет через спальни, зеркало, Rittersaal, терраса на башне. — Brömsers Stammhaus****, кровать, шкаф, портреты, часовня, рога, цепи. Niederwald: Tempel, Jägerhaus, die Rössel*****. В Асмансгаузен. Rheinreise***** полуудавшаяся до Боппарта. Дым. Ночевал в Боппарте.

22. Утром в Кобленц. Дождь. Вид на Кобленц. Осмотрщики. Возвратный путь берегом. Раз на минуту солнце. Ночь в Бингене.

23. Бинген. Rochuscapelle. Niederingelheim. Остатки дворца. Вид от памятника. Майнц. Кафедральная церковь. Возвращение во Франкфурт. Стрельба.

24. Франкфурт. Картины Вильмана, Евердингена и копии Моргенштерна. Даннекерова Ариадна в музее Бетмана. У Горчакова, у Гонтара, у Анштета. Ночевал в Ганау.

25. Ганау. Чистый городок. Площадь и колодцы. Между Ганау и Гельнгаузенем лес; дубы. Langeseewald. Прекрасные сельские виды с дороги;

* Взорванная башня, капелла, 8-угольная башня, рыцарский зал, красная башня, огромная башня (нем.).

** Четырехугольный замок (нем.).

*** Подземная темница в замке (нем.).

**** Постоялый двор Брёмсера (нем.).

***** храм, охотничий домик, кони (нем.).

***** Прогулка по Рейну (нем.).

большие дубы, рассыпанные по равнине. Рощи на зеленых холмах. Пасмурная погода. Виноградники Блуменберга. Гельнгаузен. Церковь с наклоненною колокольнею; равнина с прекрасными рощами и холмами; развалины замка: головы, ворота, die Halle*, трон, Burgverliese**, церковь; памятник Массенбаха. Wertheim. Offenbach. Живописная дорога (луга, холмы, рощи, деревни, виды между гор до Фульды. Во всё время переменный дождь. Фульда.

26. Фульда: замок. Hünefeld. Wach: женские костюмы из пестрой набойки: плащи, одна пола на плечо. Marksuhl. Kirchweil: липа, вальсы. Живописная дорога до Эйзенаха. Утесы Mönch und die Nonne*** — две головы, слитые в одну.

27. Эйзенах¹⁹⁷. Туман и холод. Потом ясный день. Прелестная равнина до Готы, справа Thüringer-Wald. Прелестный вид на Готу. Дворец четверугольный с двумя башнями (старинный). Вид с терассы. Дорога до Эрфурта в таком же роде, как до Готы. Замки Глейхен и необозримая равнина. Эрфурт. Крепость и живописные улицы.

28. Эрфурт¹⁹⁸. Всё утро просидел на квартире. Хотел было идти, но холод помешал. Грустный день. Entbehrung**** — вот мудрость. Учишься во всём себе отказывать, чтобы не отказаться от уважения к самому себе. Поздно — ужасное слово. Веймар.

29. Веймар. Штруве. В библиотеку: портреты курфирстов. Л(укас) Крапах. В кафедральную церковь: картина Лукаса Крапах; портрет Лютера; гроб Бернгарда. Дом Гёте: лестница; бюсты и гипсы; Salve; длинная горница: Юпитер Олимпийский и Ахилл; музей. Бюсты Шиллера, Гердера, Гёте; древних и новых. Сад. Внук Гёте. Длинная гостиная; рисунки; софа; над нею задернутая картина “Les noces d’Aldobrandini”; Мадонна. Горница, где портфели и антики. К в(еликой) княгине¹⁹⁹: о греках, о Круге; наследный принц; хлопоты о Гёте. Парк. Встреча с в(еликою) к(нягинею) и ее дочерью. Обед у Штруве. Дорога в Ену. Schneckenberg, Mühlthal. Живописное положение Ены. Гёте: французский язык; стол; план Рима; бюст; шкаф с минералами; о Märchen****. Alles ist Wahrheit*****. Wahrheit und Dichtung*****: жалкая поуха²⁰⁰.

30. У Штруве. В Бертухов Industriebanstalt*****. Дом Виланда²⁰¹. Наш священник: о наших монахах. Дом бедный Шиллера; дом Гёте. Отъезд в Лейпциг. Ночевал в Наумбурге.

* Большой зал (нем.).

** Подвалы (нем.).

*** Монах и монашенка (нем.).

**** Лишения (нем.).

***** о сказке (нем.).

***** Всё правда (нем.).

***** Правда и поэзия (нем.).

***** Промышленное предприятие (нем.).

31. Лютцен; камень Густава-Адольфа²⁰². Лейпциг. Сад Рейхеля. Вид с башни Плейссенбург. Сад Рейхенбаха. Памятник и место гибели Понятовского²⁰³. В театре: “*Das Leben ein Traum*”²⁰⁴ (Stern).

⟨Ноябрь⟩

1 ноября н. ст. Мейссен. Музыка.

2. Дрезден. В Stadt Berlin. Батюшков²⁰⁵. Löwenstern. Тик: разговор о Гёте.

3. У Бибикова. У Фридриха: его большая картина. В католицкой церкви. У Бруно. У Аникеевой: скотина муж. Обед у Левенштерн: М-е Weihrauch. У Тика; чтение Гамлета.

4. У М-е Weihrauch. У Левенштерн, портрет; разговор о нем. Домой. С Батюшковым в Плаун: хочу заключения. Раздражение писанного²⁰⁶; надобно, чтобы что-нибудь со мною случилось: Тасс, Брут, Вечный жид, Описание Неаполя. Вечер дома.

5, 6, 7. В дороге. Берлин. Вечер с Германом.

8—13. Дома.

14. Поутру у короля: о греках. Лукаду. К принцессе Александрине: о моих рисунках; к принцессе Луизе: ее лицо. К Карлу: огромная собака, (шакал). К Альбрехту: рисунки Ниенштета. К кронпринцу. К графине Трухзес. К принцу Вильгельму. К принцу Вильгельму брату. К M-elle Wildermeth: история Шуваловой. Обед у принца Вильгельма. После обеда разговор у каминки о в(еликой) кн(ягине); о Фридрихе; о картине у короля: Мадонна Гольбейна. Горницы: двойной стол; ширмы: Георгий и Сесилия; большие кресла; Мадонна Рафаелева; писанные окна. Вечер дома; разговор с Montégu.

15. Обед у короля: принцессы Вильгельм, Александрина и Луиза, и пр. (кронпринц, Вильгельм, Карл, Вильдермет, М-е Truchses, Kleist, Ancillon). За столом подле Ансильона. Вечер у кронпринца: Ансильон, Брюль, Гуфланд, Шинкель, герцог Карл, принц Вильгельм. Рисунки; малахит. Горница: свод о резьбою. Кёльнская мадонна; Преображение; бюсты великой княгини и матери. Разговор о греках. Ссора с Вильгельмом.

16. У принцессы Александрины с рисунками. У графини Бранденбург: о кронпринце (la princesse de Bavière²⁰⁷); о великой княгине; сравнение двух великих князей. У Брюля: о кронпринце; о его пылкости; история Спонтини. У М-е Kleist: М-е Berg, Радзивил, М-elle Wildermeth, М-е Stegemann, Бернсдорф. Чтение “*J. Cezar*”²⁰⁸. Рисунки Lulu, пение.

17. Визиты поутру. Обед у Алопеуса. Вечер у Гуфланда, семейный: Гермштет, Раух и его дочь; две красавицы. Ужин.

18. Визиты. Рождение Лулу. День дома. Вечер у М-е Kleist. Комедия. Madame Thürschmidt, Lauer, поляк, Montégu.

19. Утро. Визиты. У графини Трухзес. У М-elle Wildermeth о графине Шуваловой, о графине Трухзес. Обед с М-е Kleist и Лулу.

20. Визиты. Обед у короля. В театре: “*Die drei Gefangenen*”²⁰⁹.

21. В книжной лавке. Обед и вечер у М-е Kleist. Чтение “*Prinz von Homburg*”²¹⁰. Картины.

22. Утро у М-е Kleist. Чтение “*Simple histoire*”²¹¹. Kohlrausch. Обед и вечер дома. Страшный суд Michel Ange.

23 (ноября н. ст.) — 12 (декабря н. ст.). У М-elle Вильдермет с кронпринцем: Лулу, М-е Kleist, Adolf, Wildermeth. В другой раз у М-elle Вильдермет с кронпринцем: те же и скоро М-е Berg, Stegemann, Nienstäd, Schack. Вечер у Шака. Ужинал у Гуфланда. Чтение “*Simple histoire*”. Утро у кронпринца с рисунками. Бал во дворце и Ифигения. Завтрак у герцога. Обед у принца Альбрехта. Разговор с М-elle Wildermeth о Лулу. Утро у Шинкеля; его рисунки и картины. Обед с Глогером. Обед у Роза. У Солли: «Мадонна с спящим Младенцем», Filippo Lippi; «Троица»; «Св. Катерина» Francesco Francis; «Абраам» de Fra Bartolomeo; “*Présentation au temple*”^{*} Mantengo; «Крещение» Andrea del Sarto; Van Eik: 1) «Мария на коленях и ангел»; «Певцы и Сесилия»; 2) «На коленях»; «Пустынный рыцарь» Эммелинка «Распятие»; «Голова Спасителя» Ван Ейка; портрет Гольбейна и Тициана; Рафаелева Мадонна; “*Anna Boulen*” Гольбейна. — Hedwig. Утро у М-е Humbolt: список с Рафаелева Положения во гроб.

13. Обедал у М-elle Wildermeth с М-е Kleist. “*Jungfrau von Orleans*”. Вечер у М-е Kleist. Tieck.

14. У меня Вильдермет. Показывал Вильдермету рисунки. Стихи у М-е Kleist; Châteaux en Espagne²¹²; ее рассказ о себе. Обед у короля: разговор с Шлифеном. Вечер у герцогини Кумберландской: кронпринц, принц Сольмс (его cousin), принц Гогенцоллерн, графиня Бернсторф, Гумбольт с женою и дочерью. Рисунки.

15, суббота. Обедал дома. У меня Вильдермет. Вечер у М-е Kleist. Картины Кольрауша. Тик. Чтение Гофмана²¹³. За столом между Лулу и Тиком.

16. У Вильдермета поутру. У принца Альбрехта. Вечер у Гнезенау. М-е Helwig, М-е Klausewitz, Humbolt, Grollmann, Hohenhausen, Kleist, дочери Гнезенау. Игры. За столом между М-е Savigny и Hohenhausen.

17. Дома. W. Scott²¹⁴. В Шарлоттенбурге.

18. У М-е Kleist: М-е Thürschmidt. Обедал у короля: подле М-е Truchsess. Брей. Бюст принцессы Александрины. Известие о турках. Дома. Мальтиц. Вечер у Гуфланда: о греках и России.

19. Обедал у Madame Kleist с М-elle Wildermeth и Адольфом. Скучное чтение.

20. Письмо к Батюшкову и Гагенбуху. Обедал у кронпринца: Шинкель, Ансильон, Лианбо, Кнезбек, Шак. Разговор о греках, испанцах и Шатобриане. После обеда визит к Алопеусу. Вечер у М-elle Wildermeth: Лулу, Адольф. М-е Castillon и ее дочь М-е Laurent. Вильдермет. Пение. Домой в карете с Лулу и Адольфом.

21. Весь день дома. В театре: «Олимпия»²¹⁵. Вечер дома. Тюмен.

22. Поутру у М-е Kleist: разговор о в(еликой) кн(ягине); чтение Шатобриана²¹⁶; Монтегю. Обед у Алопеуса; птичка. У Гуфланда: рассматриванье картин.

* Введение во храм (фр.).

23. Обедал у M-elle Wildermeth (M-e Kleist, Lulu, Adolf, Вильдермет). В театре в ложе Брюля: “*Freischütz*”²¹⁷. Вечер у M-e Kleist: чтение “*Princesse de Clèves*”²¹⁸.

24. Дома. Читал В. Скотта.

25. Дома.

26. Вечер у M-e Kleist с генералом. M-elle Stegemann: о Тике и Шиллере.

27. Обедал дома. Поутру у Гельвиг, у Клаузевиц. У Гнезенау: *Cosmelly*.

28. Поутру у M-elle Wildermeth. Обедал дома. Вечер у m-elle Wildermeth.

29. Поутру к M-e Kleist. Там M-elle Wildermeth. Гуляя в Thiergarten. Обедал у Алопеуса: Фуль и Тимовский. У короля: *Weihnachtsabend**. Стол Луизы: платье; серебряная лохань; перламутровая коробочка; крест из бирюзы; ожерелье; альбом. Стол Александрины: бронзовая штучка для вешанья; корзина; кронпринцезы браслеты; платье и картина короля; портфель с рисунком; портрет лошади. Стол короля: *transparent*; чашки принцессы Вильгельм; сервиз; вазы кристальные. Стол кронпринца: перламутровая штучка; стекло *Boissérée*, бронзовые вещи. Стол Вильгельма: ларчик; рисунки; подсвечники и чашки. Карла: *nécessaire*; тарелка; кристальные вещи. Альбрехта: пушки; ружье; *Waldeufel***; сани; альбом, ружье; (его книжки). Принцессы Вильгельм: часы, ширмы. Герцога Кумберландского: трубка, табакерка; круглый стол. Ужин.

30. До 7 часов дома клеил. Вечер у Madame Kleist. Полковник Белов. Шак с женою. Клейст с женою. Фельдмаршал Клейст: весельчак добрый. Лулу: о снах; о обществе; о Гедвиг; извинение; о фонаре.

31. Поутру у графа Бранденбурга: о короле; бюст. У M-e Гедвиг: Кнезебек с женою; ее рисунки, о Соллиевой галлерее. Обедал дома. После обеда у Гуфланда, у M-e Kleist, у M-elle Wildermeth; M-elles Kleist, Stegemann, M-e Schack, Gröben, Wildermeth, Kleist. Лотерея. Разговор с M. Stegemann о Бейроне и пр.

* Сочельник (нем.).

** леший (нем.).

1 (января н. ст.). Поутру. У М-е Kleist: М-elle Wildermeth; у Брюля; у Гнезнау; у М-е Humbolt (М-е Hedemann, Nicolovius, Caroline, Wildermeth). У Снарского. Обедал у Алопеуса: чижик; Rechberg. У Гуфланда: план.

Узрев черты сии пленительно-живые,
 Как можно тайну угадать!
 Всяк скажет: две сестры прелестно-молодые!
 Никто не скажет: дочь и мать!¹

2, среда. Поутру у переплетчика. У М-е Kleist обедал. В Freischütz: Голицын с женою. У М-е Kleist: Henzi, Lauer, чтение "Château de veillées"².

3, четверг. Поутру. У графини Трухзес: не застал. У Рауха. У Тика. У Шлезингера. Домой обедать: Тимовский, Снарский, Фурман. Вечер у М-е Kleist; чтение М-е Genlis.

4, пятница. У М-elle Bischofswerder. Обедал у Клаузевица. В театре: "Schweizerfamilie"³. У Брюля.

5. У кронпринца. Гувальд. У М-е Berg. Обедал у кронпринца. Вечер у Гуфланда.

6. Поутру. У графини Трухзес. М-elle Wildermeth. Обедал дома. "Freischütz". Веселый вечер у М-е Kleist с Тиком и Мольером⁴.

7, понедельник. У графини Трухзес. У М-elle Bischofswerder. У М-е Kleist. Wildermeth. У М-е Kleist за обедом.

8, вторник. У Шинкеля. У Бранденбурга. У Перпонше. Фогелева картина. У Гуфланда. Брюль, Спонтини и Корф. Обедал у Алопеуса. Вечер у М-е Kleist: Марвиц, М-е Forster, Turschmidt. М-е Blanc, М-elle Stegemann, Tieck, Rauch, Kleist.

9, среда. Молостов. К кронпринцу. Визиты. Обедал у Брюля. Вечер у кронпринца: Бутман, Ансильон, Раух, Шинкель, граф Штольберг.

10. Поутру визиты: к королю, к Луизе, Александрине, Альбрехту. К графине Трухзес, к Гребену. Обедал у короля: Витгенштейн, граф Шуленбург. Вечер у М-е Kleist. Генерал Марвиц. Чтение писем Гумбольта⁵. Книги.

11, пятница. Брюлево несчастье. Визит к Ансильону. М-elle Wildermeth. Домой обедать. Вечер у М-е Kleist: М-е Stegemann, Klemm, Лауер, Тик, М-elle Wildermeth. Спор.

12. Утром с М-е Kleist в панораму. Обедал дома с Молостовым. Вечер у М-elle Wildermeth.

13 (1 января 1822 г. ст. ст.), воскресенье. Поутру у посланника, у обедни, у М-elle Wildermeth. В Потсдам. В театре. Танцовщицы. Ужин. В ½ первого конца.

14(2). На Brauhausberg. В Берлин. Вечер у М-е Клейст. Лауер. Альбом в бархате. Картина Дюрера.

15(3), *вторник*. У принцессы Луизы. Обедал у Алопеуса. Ввечеру у Штегеманн: чтение Тасса⁶ и Мальтиц. Скучный вечер (Клаузевиц, Савиньи, М-е Helvig, Тик, Клейст, M-elle Wildermeth).

16(4), *среда*. У Гнезенау. У принца Карла. У принцессы Вильгельм. В альбом. У M-elle Wildermeth. У M-me Kleist. Чтение «Амфитриона»⁷.

17(5), *четверг*. Утро у М-е Kleist. У графини Трухзес. У M-elle Wildermeth. Обедал дома. У Гуфланда; не застал. Помолвка. У Алопеуса.

18(6), *пятница*. Поутру у принцессы Вильгельм: je ne suis pas le noëud*. У кронпринца: люблю; принцесса Радзивил. К M-elle Wildermeth. Домой. К М-е Kleist обедать. M-elle Stegemann о путешествии, о характерах. Ужин у кронпринца. Жаркий спор с Ансильоном о греках. Вспыльчивость.

19(7), *суббота*. У Брюля. У Гуфланда. Помолвка.

20(8), *воскресенье*. Во дворце с Шинкедем. В Domkirche. Обедал во дворце. С Штегеманом. Проходящие. Радзивил. Вечер в театре: «Freischütz» в ложе у Алопеуса. Потом к принцессе Радзивил: письмо в(еликой) княгини. Гумбольт. Ноаль. М-е Sartoris. Pery.

21(9), *понедельник*. У М-е Kleist о трех невестах. У M-elle Wildermeth. Обед у Радзивила. Между ним и дочерью. О в(еликой) княгине. Гребен. Гуфланд. М-е Zummt. В театре «Iphigenie en Tauride»⁸. У М-е Kleist. Wildermeth.

22(10), *вторник*. К кронпринцу (Röder). К M-elle Wildermeth. К Рауху и Тику. К Гнезенау. К М-е de Berg. К Снарскому. К Гумбольту. К M-elle Wildermeth. Домой. К королю (о панталонах, о Мариенбурге, подарок). Gräfin Schulenburg, Naak, Berg, M-elle Kameke, Bock, Viereck. Бояновский, Мальцан, Шильден. Бранденбург с женою. К Алопеусу: М-е Faisan. Письмо к принцессе Вильгельм. К М-е Kleist: der Vetter will den Kato nicht spielen**. К герцогине Кумберландской: кронпринц. Кронпринц, принц Вильгельм. К принцессе Радзивилл: рассказы о музыке к «Фаусту»⁹. Куклы Неалья. Комната маленькая внизу: канапе, подле него бюро, столик с альбомами, столик в окне, зеркало. Три ступени; зеленые завесы; светло-зеленые стулья; дверь в девичью. Графини Бранденбург.

23(11), *среда*. У кронпринца. У Гнезенау: Гедвиг. У Рауха и Тика. У Алопеуса: портрет, слезы, Александрина. У Крафта. У графини Бранденбург: белые головы. У принцессы Радзивил: книга. Домой. К М-е Kleist. Лулу спиною; М-е Thurschmidt, M-elle Wildermeth, Hedwig. За столом смех: la sensibilité est gourmandise de l'âme***. После обеда Лауер. Домой. Вечер. Кронпринц. Пенне. Прощанье.

24(12), *четверг*. Записка к М-е Kleist и ее ответ. К молебну. Завтрак к Ягору. К М-е Kleist: темная горница. Проводы. Vogelsdorf. Muhlberg. Seelow. Küstrin.

* не во мне дело (фр.).

** Двоюродный брат не хочет играть Катона (нем.).

*** Чувствительность есть кревоугодие души (фр.).

25(13), *пятница*. Balz. Ночевал в Lansberg. Первый снег, начинается бойкая дорога.

26(14), *суббота*. Friedeberg. Woldenberg. Hochzeit. Schleppe.

27(15), *воскресенье*. Ruschendorf. Deutsch-Krone (нет фортепиано; анекдот о государе). Freudenfier. Jastrow. Красавица Роза. Peterswalde: ночевал.

28(16), *понедельник*. Schlochau. Konitz. Tuchel. Junkerdorf, Osche (беда с коляскою). Plochozin. К утру в Neuenburg (оттепель).

29(17), *вторник*. Весь день в Нейенбурге за починкою коляски. Оттепель. Здесь кончится бойкая дорога.

30(18). Мариенвердер (потеря сундука). Biesenburg. Preussische Mark. Reichenbach. Preussische Holland. Ночевал; дымный камин.

31(19). Мильгаузен. Толстый почтмейстер и две дочери. Браунберг. Гоппенбрух. Бранденбург; на станции чай; ужасные рожи. Кенигсберг: толстая гадкая девка.

1 февраля и ст. (20 января ст. ст.), *пятница*. Мерзкая погода. Весь день в Кенигсберге. Жид. Вечеру в театре: “Die Gastrollen”¹⁰ — глупейшая из фарс. Глупые картины. Мелодрама: “Der Müller und seine Gesellen”¹¹. Один порядочный актер. Театр: странная архитектура. Эстрада; ложи крестом, два зеркала и часы прозрачные.

2, *суббота*. Штранд. Ночевал в Ниддене. Горница с сараем.

3, *воскресенье*. Штранд. Весь день на берегу. Фельдъегерь Яцинский. Прикоснулся бы¹².

4, *понедельник*. Переезд через штранд. В Адлере. В Мемеле. Встреча с Fabre в Полангене. Жид и немец. Размен денег. Вечеру в Rutzau. Плут инвалид.

5. Обер Бартау: рассказы почтмейстерской жены о Перовском. Тидоннен. Дроген. Шрунден. Здесь спал.

6, *среда*. Фрауендорф. Бекгоф. Доблен. Митава. От Митавы до Риги. Солдат.

7, *четверг*. Рига. У Кубе. У Петерсена. Доктор. Обед у Кубе. Две жизни. К Петерсену спать. Вечер в театре. Очень порядочно: Intermezzo. В муссу¹³: Зонтаг, Гиль, Фелкерзам, Тидебель, Вагшлагер.

8 и 9, *пятница и суббота*. Дорога из Риги в Дерпт.

10—15. В Дерпте.

16 (4), *суббота*. Выехал из Дерпта.

17 (5), *воскресенье*. Дорога.

18 (6), *понедельник*. Приезд. У великой княгини. У императрицы. Дома Тургенев, Блудов.

19 (7), *вторник*. У императрицы. У Карамзина. У Козлова.

21 (9), *четверг*. Визиты. В театре во дворце: Une journée. Versailles. Le tailleur de S. S. Tableaux¹⁴.

22 (10), *пятница*. У в(еликой) к(нягини). Визиты с Блудовым. Обедал у Блудова. Северин. У Карамзина¹⁵, у Кривцова.

16(28) декабря. Мой милый друг¹. Провидение сохранило Россию. Можно сказать, что Оно видимо хранит и начинающееся царствование. Какой день был для нас 14-го числа. В этот день всё было на краю гибели: минута, и всё бы разрушилось. Но по воле Промысла этот день был днем очищения, а не разрушения²; днем ужаса, но в то же время и днем великого наставления для будущего. Сначала просто опишу происшествие, как его был свидетелем (всех подробностей еще не знаю), потом сообщу тебе и те мысли, которые оно произвело во мне. Начну с того, что предшествовало. Ты теперь знаешь об отречении в(еликого) к(нязя) Константина Павловича, знаешь, почему нынешний Император отказывался от вступления на престол и велел присягнуть Константину. Случай единственный в нашей истории: борьба двух братьев не за трон, а о пожертвовании чести и долгу троню! Междоусобие без кровопролития за добродетель. Вот что мы видели. С 27 числа ноября, в которое мы узнали о потере Александра, по 13 число декабря, в которое узнали о вступлении на престол Императора нынешнего, мы все имели Императора, и трон России не был пуст. Но Петербург был в нерешимости. Ждали приезда Константина Павловича; он не являлся. Слухи об его отречении бродили по городу; всякий думал по-своему; одни утверждали, что он примет престол (и это была большая часть); другие, зная характер его, были уверены, что он поддержит свое отречение — не изменит слову. Но это казалось невероятным: трон был ему отдан; ему стоило только на него взойти, и он бы начал свое царствование беспрекословно. Но он, узнав в Варшаве 25 числа о смерти Императора, уже 26 числа написал два письма (к Императрице М(арии) Ф(едоровне) и к нынешнему Императору), в которых решительно подтвердил свое отречение. Но ему уже присягнули. Правда, новый Император мог бы тотчас обнародовать письма его; но он действовал не для вида, а точно от чистоты сердца: он хотел дожидаться, какое влияние произведет на душу его брата присяга, принесенная ему всею Россиею. Эта присяга ничего не поколебала; К(онстантин) П(авлович) подтвердил свое отречение. Но сам затем *не явился*, и это единственное пятно на его прекрасном поступке; но и здесь оправдывается он необходимостью его присутствия в Польше, где по сию пору не произнесено еще никакой присяги, где царствует одна только тень Александра. Последнее письмо Константина Павловича пришло в Петербург 11 числа, и 13-го решились приступить к окончательному действию. Между тем, как не благодарить Провидение за то, что Оно выбрало именно эту, а не другую минуту (*ни прежде, ни позже*) для такого важного события (так я думаю по моим замечаниям, ибо не знаю верно обстоятельств). Государь

получил сведение о существовании заговора и имел в руках бумаги, в которых были означены все тайные его участники. Государь был предупрежден. Но он не хотел ни к чему приступить; он не хотел начать своего царствования актом строгости, который от всех, коим были бы неизвестны обстоятельства, признан бы был актом самовластия, и мы бы увидели в том, что спасало Россию, одно только действие деспотизма. 13-го числа, в 6 часов после обеда, собрался Совет. Собрание продолжалось уже до полночи, а еще не приступали ни к какому делу, ибо ждали прибытия Михаила Павловича (он был послан в Варшаву). Но он и к 12 часам не возвратился. Тогда Император решил открыть Совет без него. В Совете прочитали манифест о восшествии на престол Николая I и все приложенные к нему акты. В этот вечер был на внутреннем конногвардейском карауле офицер к(нязь) Одоевский. Он сменился на другой день в 10 часов, и первым его делом было, после смены своей, броситься (если не ошибаюсь) в Московский полк и распустить слух между солдатами, что во дворце заговор, что хотят свергнуть императора Константина, что Великий Князь Михаил Павлович арестован и что надобно стать за Императора законного. Между тем, повешено было собраться всем во дворец к 2 часам для молебна, а до того времени должны были обнародовать манифест и всю гвардию привести к присяге. Тут, думаю, были некоторые беспорядки: не все умели объяснить происшествие солдату, не все взяли на себя труд объяснить его; словом, минута оказалась самую благоприятную для людей злонамеренных; они же имели время к ней приготовиться и могли бы воспользоваться ею страшным образом для России; но Провидение было со стороны нашего отечества и трона. — Теперь опишу только то, чему я был свидетелем. В 10 часов утра я приехал во дворец. Видел новую Императрицу и Императора. Присягнул во дворцовой церкви. Начали все съезжаться; все были спокойны: уже большая часть гвардии присягнула. Уже приближалось время выхода Императорской фамилии: было почти час. Вдруг мне сказывают: Император вышел из дворца, стоит посреди народа, говорит с народом, ему кричат: ура! Это меня порадовало. Встречаю в зале Булгакова³, который только что приехал, сказываю ему о слышанном; он мне не отвечает ни слова. К нам подходит Оленин⁴; слышу, что он шепчет Булгакову: Худо!.. Что худо?.. *Солдаты не хотят присягать!* Тут Булгаков сказывает мне о том же, что он сам видел: толпа солдат на Исакиевской площади, и все кричат: ура, Константин! и около них бездна народа. Они прислонились спиною к Сенату, выстроились, зарядили ружья и решительно отреклись от присяги. В их толпе офицеры в разных мундирах и множество людей вооруженных во фраках... Вообрази беспокойство! Быть во дворце и не иметь возможности выйти — я был в мундире и в башмаках — и ждать развязки! — Тут начали приходиться со всех сторон разные слухи: «Часть Московского полка взбунтовалась в казармах; они отняли знамя; Фридрихс, начальник полка, ранен, Фридрихс убит...⁵ Шеншин тяжело ранен... Милорадович убит... Император повел сам батальон гвардии (Преобр(аженской)). Послали за другими полками. Послали

за артиллерию. Бунтовщики отстреливаются. Их окружают. Их шадят; хотя склонить убеждением. Народ волнуется; часть народа на стороне бунтовщиков». Вот что со всех сторон шептали, не имея ни об чем верных известий. Между тем уже третий час. Начинает темнеть, и ничто еще не сделано. Артиллерия привезена; но зарядных ящиков еще нет; они все в арсенале. Каково ожидание! Вдруг сказывают мне шепотом: *Полки начинают колебаться. Лейб-гренадерский полк перешел. Морской экипаж присоединяется к бунтовщикам.* И это была правда. О, это была самая решительная и страшная минута этого рокового дня. Что если бы прошло еще полчаса? Ночь бы наступила, и город остался бы жертвою 3 000 вооруженных солдат, из которых половина была пьяные. — В эту минуту я с ужасом подумал, что судьба России на волоске, что ее существование может через минуту зависеть от толпы бешеных солдат и черни, предводимых несколькими безумцами. Какое чувство и какое положение! Вдруг видим, идет во всё облачении митрополит: его позвали увещевать бунтовщиков. Страшная тишина царствовала в залах дворца, наполненных людьми, которых праздничный наряд еще увеличивал ужасное. Я бродил из залы в залу, слушал вести и ни одной не верил. Иду в горницу графини Ливен, из окон которой видна была густая, черная толпа народу, которая казалась подвижною тучею в темноте начинающейся ночи. Вдруг над нею несколько молний, одна за другою. Начали стрелять пушки. Мы угадали это по блеску. Шесть или восемь раз сверкнула молния; выстрелов было не слышно; и всё опять потемнело. Что случилось? Чего ждать? Возвращаюсь в залу общего собрания... Вижу волнение. Наконец, пришло известие. Пушечные картечи всё решили! С нескольких выстрелов бунтовщики разбежались, и кавалерия их преследует... Скоро мы услышали на дворцовом дворе: *ура!* Там стоял колонною саперный лейб-батальон. Государь возвратился, прошел по рядам полка, и его приняли с восхищением... Он прошел по маленькой лестнице к Императрице... Через несколько минут слышим снова: *ура!* Государь опять вышел к полку и представил солдатам своего сына. Всё решилось к спасению России.

Теперь вот по порядку обстоятельства дела. Когда надобно было приводить к присяге Московский полк, две роты его, которые подождены были особенно двумя офицерами того полку, Бестужевым⁶ и князем Щепиным-Ростовским, подняли оружие. Щепин-Р(остовский) своею рукою разрубил голову Фридрихсу и генералу Шеншину⁷; они отняли знамя и пошли, сопровождаемые народом, на Исакиевскую площадь. Остальные шесть рот остались в казармах со всеми офицерами и присягнули. Бунтовщики пригнули тылом к Сенату и стояли неподвижно, окружив всю площадь цепью. Вокруг них толпился народ. Всех ближних к ним они затаскивали в свою толпу и принуждали кричать вместе с ними: «ура! Константин!» Этою толпою командовали особенно: к(нязь) Оболенский, адъютант Бистрома, и Якубович, известный храбрец Кавказа. В ней очутились и другие офицеры: три брата Бестужевы, полярный и два морских; Одуевский конногвардейский и еще поэт Рылеев; оба Кюхельбекеры, морской и другой, сумасшедший, наш

знакомец⁸, и еще один Грабэ-Горский⁹, который уселся перед двумя столами, накладенными множеством пистолетов, хладнокровно их заряжал и раздавал окружающим. В толпе же народа было множество переодетых солдат и офицеров, которые волновали ее и возбуждали к бунту. — Против толпы стоял Император на маленький выстрел ружейный; около него были адъютанты, все пешие (ибо лошадей негде было взять и некогда искать), и еще несколько генералов. Конная гвардия стояла справа к Исакиевскому мосту, Измайловский полк примкнул наконец к конногвардейскому манежу; но пушек еще не было. Первою жертвою этого дня был Милорадович¹⁰: он выехал вперед, хотел говорить с бунтовщиками; остановился против них на пистолетный выстрел, ... и ему не дали сказать слова! Несколько выстрелов раздалось, и он полетел с лошади, пробитый насквозь пистолетною пулею. Его тотчас отнесли в конногвардейские казармы. Какое страшное начало! Но оно не произвело того действия, которое могло бы произвести над полками. Народ остался в нерешимом спокойствии: бунтовали только те, которые находились подле главных бунтовщиков. Вдруг является к Государю Якубович¹¹ и вот что говорит: «Государь, я был увлечен несчастною минутою. Теперь узнаю свой долг и пришел сам покориться Вам...» Государь его выслушал. «Если так, сказал он, то возвратись же к бунтовщикам и убеди их своим примером. Ты отвечаешь за это голову». — «Честь мне дороже головы, которой я никогда не щадил», — отвечал злодей, пошел к оставленному им фронту и скоро возвратился с известием, что не имел успеха. Государь хотел послать его в другой раз. «Я пойду, Государь, — отвечал он, — но не возвращусь: я буду убит наверное». И он остался. Какое было его намерение? Выждать, что будет, и в минуту успеха решительного застрелить или зарезать Императора, сохранив собственную безопасность. Около сумерек увидели бегущий от Дворцовой площади мимо народа и Государя лейб-гренадерский полк. Государь хотел его остановить; но один офицер, мальчишка Панов, выбежал вперед и закричал: «За мною! Ура Константин!», и полк побежал в сторону бунтовщиков, с двумя только офицерами (кроме Панова) Сутгофом и Шторхом, сыном нашего¹²; все прочие остались. За час прежде этого прибежал к бунтовщикам морской экипаж. Вот была самая страшная минута дня; но в эту же минуту подоспели и зарядные ящики. Пушки зарядили, выдвинули; но прежде послали митрополита¹³. Его не послушали. Тут Государь, истощив средства кротости, дал повеление стрелять. Сперва выстрелили холостым зарядом, чтоб разогнать народ; потом картечью. С первых двух выстрелов произошло в толпе волнение; но они еще отвечали ружейными выстрелами. Еще два пушечных удара, и толпа пошатнулась и расстроилась. Одни — морской экипаж — пошли вправо на Семеновский полк; но он выждал их и, только что они наступили, сделал движение, раздвинулся, в интервал грянули по ним пушки, и они ударились бежать по Крюковскому каналу; другие побежали по Галерной; следом за ними вдоль по улице сделано несколько выстрелов, и это совершило всё. Они рассыпались; конница поскакала за бегущими.

Галерную с набережной и с канала окружили. Часть ударилась через мост и через лед на Васильевский остров. Щепин-Ростовский тут же был схвачен. Тогда Государь возвратился, и нас обрадовало известие об окончании ужасного дела, которого конец мог бы быть гибельным для России.

Через час после возвращения Императора был выход: вся фамилия Императорская, кроме Государыни Марии Федоровны, пошла в церковь. Пропели только: *Тебе Бога хвалим!* Император и Императрица молились на коленях, подле них стоял их сын. Вообрази чувство, с каким можно было слушать эту хвалебную песню! Но она была не за одно новое царствование, но вместе с тем и за спасение России. Заговор точно существовал; волнение не было внезапным действием беспорядка минутного. Имена заговорщиков были известны не только новому, но и прежнему Императору, и убийцы сами все вместе и в одну минуту явились перед отечеством. Всех главных действующих в ту же ночь схватили. Какая сволочь! Чего хотела эта шайка разбойников? Вот имена этого сброда. Главные и умнейшие Якубович и Оболенский; всё прочее мелкая дрянь: Бестужевы 4, Одуевский, Панов, два Кюхельбекера, Граве, Глебов, Горский, Рылеев, Корнилович, Сомов, Булатов и прочие. — Милорадович умер в ту же ночь. Можно сказать, что Провидение захотело покрыть последние годы его жизни кровавым саваном чести. Он в решительную минуту и в последние часы жизни показался тем же человеком, которого некогда видели перед войском: храбрым и благородным. Государь по возвращении своем во дворец написал к нему трогательное письмо, в котором между прочим находится следующее: «Если бы я послушался сердца, то был бы уже при тебе; но долг меня удерживает. Нынешний день для меня тягостен; но этот же день доказал мне, что я имел в тебе друга и верных детей в Русском народе, за которого обещаюсь не жалеть своей жизни». Это точные слова письма. На словах же Государь приказал сказать умирающему: «Мне жаль того, что случилось». — *А мне не жаль!* отвечал он. Этот ответ в его слоге, но как он трогателен! Он положил письмо на сердце и с ним умер. Я вчера приходил к его телу и с благодарностию поцеловал мертвую руку. Бесчисленная толпа теснилась около дома. Всю эту ночь полки стояли на биваках перед дворцом; заряженные пушки нацелены были вдоль улиц. И в эту же ночь все заговорщики схвачены. Но подумай, кто еще взят? Трубецкой. Он незадолго перед этим приехал из Киева с женой. Во время дела он нигде не являлся; но план заговора и конституции, писанный его рукою, находится в руках Императора. Сначала он от всего отрекся; но когда Император показал ему бумагу, то он упал на колени, не имея возможности ни отвечать, ни защищаться. По сию пору не найден только один Кюхельбекер¹⁴, и, признаться, это несколько меня беспокоит. Он неопасен, как действительный открытый: он и смешон, и глуп; но он бешен — это род Занда!¹⁵ Он способен в своем фанатизме отважиться на что-нибудь отчаянное, чтобы приобрести какую-нибудь известность. Это зверь, для которого надобна клетка. Можно сказать, что вся эта сволочь составлена из подлецов малодушных. Они только имели дух

возбудить кровопролитие; но ни один из них не ранен, ни один не предпочел смерть ужасу быть схваченным и приведенным на суд с завязанными на спину руками. Презренные злодеи, которые хотели с такою безумною свирепостию зарезать Россию. О, этот день был днем явного Промысла! — Следующий день был прекрасным днем нового царствования. 15-го поутру Государь явился перед собранными полками гвардии. Его приняли с громким *ура*; он ходил по рядам пеших полков и говорил с солдатами. Потом сел на лошадь и поскакал к коннице. Везде громкое, продолженное *ура*! Заблужденные бунтовщики, возвратившиеся к своему месту, все прощены; морскому экипажу возвращено его знамя, перед которым он и присягнул. Это и мило-ство, и справедливо. От солдата было всё скрыто: он был верен своей первой присяге и не хотел произносить новой, против которой его возбудили. Эта невольная измена была некоторым образом доказательством верности. Изменники, или лучше сказать разбойники-возмутители, были одни офицеры, которые имели свой план, не хотели ни Константина, ни Николая, а просто пролития крови и убийства, которого цели понять невозможно. Тут видно удивительно-бесцельное зверство. И какой дух низкий, разбойничий! Какими бандитами они действовали! Даже не видно и фанатизма, а просто зверская жажда крови, безо всякой, даже химерической цели. Осмотрев полки и распустив их, Государь пошел в Совет. Через несколько после того времени я встретился с к(нязем) А(лександром) Н(иколаевичем) Голицыным, и он описал мне сцену величественную. Государь говорил просто, сильно и решительно; с величайшею ясностию описал всё происшествие, изобразил, как он об нем думает и какие меры приняты для безопасности государства. “Il avait l'éloquence d'un souverain”*, говорит к(нязь) Голицын. Одним словом, во все эти решительные минуты он явился таким, каков он быть должен: спокойным, хладнокровным и неустрашимым. Он представился нам совсем другим человеком; он покрылся честью в минуту, почти безнадежную для России. — Теперь надобно тебе сказать слово и о молодой Императрице. Она не обманула моего ожидания. Я восемь лет знаю ее и видел ее младенчески-счастливою в спокойной домашней жизни. Я говорил себе: она рождена для частного счастья. Это величайшая похвала, какую только можно сказать о душе человеческой: счастье в моем смысле есть высокая чувствительность, вера и твердый ум посреди обстоятельств благоприятных. Но я же всегда думал: она прелестна в счастье; но минута, в которую душа ее покажется во всей своей красоте, будет минута испытания. Эта минута наступила. Карамзин был вместе с Царскою фамилиею во всё время волнения. “Quant à votre jeune Impératrice— сказал он мне ввечеру того же дня — maintenant je la connais. C'est une femme admirable”**. Это его слова¹⁶. Во всё время — вообрази положение, муж под пулями, дело идет о троне и жизни — она была

* Он говорил так красноречиво, как подобает Государю (*фр.*).

** Что касается вашей молодой Императрицы, (...) то теперь я ее знаю. Это женщина, заслуживающая восхищения (*фр.*).

удивительно спокойна, тиха и величественна, как вера в Бога. Но в ту минуту, в которую послышался первый выстрел, она упала на колени и подняла руки к небу с выражением молитвы и покорности, и тогда только полились слезы. Какая незабвенная минута для Карамзина, который это видел, и как бы я дорого дал, чтобы быть ее свидетелем. В тот же день ввечеру я был у нее. Она сидела перед столом в своем кабинете; на столе две дочери; старшая играла; сын подле нее, и она уже была просто матерью, которая как будто искала утешения в том, что ее все дети были сохранены и с нею. Следы беспокойства душевного тихо изображались на лице; но она была та же, какую я видел во дни спокойные; та же, какую видели на корабле во время бури. Как при ней не иметь твердости и чистоты душевной?.. Что же сказать в заключение обо всём этом ужасном происшествии? То же, что говорит историк, описывая века ужасов, произведшие последствия благотворные. *Хорошо, что они были. Настоящее благое есть плод их.* Но мы прожили вековой день. Ввечеру его, когда уже миновался этот ужас, я думал, как бедственно окровавлен этот торжественный день, какое будущее представляется для России, какая первая минута для нового Императора, какое воспоминание для него на целую жизнь, под каким мрачным покровом для него Россия, какая недоверчивость должна вселиться в его сердце! Всё было кончено, но утешение не входило в душу. Но на другой день совсем иная мысль. Зачинщики мятежа взяты. День был кровавый; но то, что произвело его, не принадлежит новому царствованию, а должно быть отнесено к старому. Государь отстоял свой трон; в минуту решительную увидели, что он имеет и ум, и твердость, и неустрашимость. Отечество вдруг познакомилось с ним, и надежда на него родилась посреди опасности, устраненной его духом. Такое начало обещает много. Теперь он может утвердиться в любви народной. На него полагаются, его уважают. Он может твердою рукою схватиться за то сокровище, которое Промысл открыл ему в минуту роковую; он может им завладеть на всю жизнь, на утверждение трона, для блага России. Будем надеяться лучшего. Прости. Писать более некогда, хотя бы и много, много еще сказать желалось. — Тело покойного Императора еще в Таганроге. Здоровье императрицы Елисаветы, сверх всякого ожидания, поправляется.

Май

9. Отдал государю письмо о Карамзине¹.

10 *мая*. Прощанье с императором, императрицею и великим князем. Поутру у Карамзина. Вечер дома с Тургеневым, Блудовым.

11. Поутру у Карамзина. Реман. В пять часов на пароход. До парохода провожал Тургенев. Со мною в Кронштат Перовский, Кавелин, Шемьот. Ночевал у Тимирязева.

12, *среда*. В 11 часов сел на корабль. Во весь день продолжалась тихая, ясная погода. Мы сделали до вечера не более 15 верст и только успели поравняться с Толбухиным маяком. Удивительной вид на Ораниенбаум. Сколько перемен с тех пор, как я в нем был в последний раз. Прекрасный петергофский праздник²; Александр в полном цвете жизни; Елизавета; Карамзин здоровый, веселый. Теперь два во гробе. Карамзин едва ли воскреснет. Я на море. Погода ясная. Но не предвещает ли это бури?

13, *четверг*. Прекрасный день, прекрасный вечер — но ветер не попутный. Надобно было лавировать. К вечеру прошли только за остров Сиксар. Ночью сделалось немного лучше.

14, *пятница*. Весь день ветер был противный или западный; мы к вечеру прошли до Гогланда.

15, *суббота*. Ветер в ночь переменялся и начал дуть с севера; если бы он был посильнее, то был бы самый лучший попутный. Прекрасное захождение солнца, особливо продолжительное действие света после захождения. Полоса света яркая на небе, и над нею темные облака. Море, волнующееся с удивительною легкостию; и синева, и свет вместе смешаны, но на западе отделены клочками, кроме яркой полосы на самом горизонте. Свежесть и влага ветра. Запах. Утки, пролетающие с криком полосою. Крик рыболовов. Неподвижность корабля. След.

16, *воскресенье*. Ветер N. N. O.³, попутный, но слабый. Мы шли, однако, по 5 английских миль в час. К вечеру были уже против Даго. К ночи ветер усилился.

17, *понедельник*. Ветер попутный, но не сильный. Около 8-ми вечера мы будем на половине дороги.

18, *вторник*. Довольно сильный ветер. Мы в виду Готланда. Около вечера лавировали, ибо ветер переменялся.

19, *среда*. Ночью продолжался сильный ветер, и мы сделали довольно дороги; но днем переменялся, утих, и к вечеру было только одно колыхание корабля, весьма неприятное. Мы лавировали около Оланда. Ночью в два часа опять поднялся ветер довольно сильный и попутный.

20, четверг. Весь день ветер довольно переменчивый и слабый. К ночи доехали до Борнгольма, около которого надобно было лавировать.

21, пятница. Весь день был попутный ветер, не очень сильный; к вечеру утих; около вечера, когда мы вошли в Зунд, совсем сделалась тишина. Против Копенгагена сделался сильный ветер, с коим проехали опасный фарватер. К счастью, было довольно светло, чтобы различать вежи.

22, суббота. Эльзинер — Копенгаген. Вид на Эльзинер с моря. Замок Кроненбург. Визит к Габбе. Прогулка в замок. Усталость. Переезд из Эльзинера в Копенгаген. Прекрасная, веселая сторона, богатое растение. Веселые деревья. Замок и парк кронпринца. Буковая прекрасная роща. Маленькие озера, торф. Предместия Копенгагена, окруженные прелестными аллеями. Деревья на улицах. Смешные солдаты. Книрш и Трикт. Hôtel d'Angleterre.

23, воскресенье. Копенгаген. Поутру к графу Санти. Прогулка в гавань и около города. В Lesestube*. Негри. Граф Санти. Table d'hôte. Подле меня за столом какой-то француз, живущий в Киле. После обеда визит русского псаломщика и русского священника Степана Карповича Сабинина⁴. Умный человек. Его рассказы о скандальной хронике двора. История королевы⁵, матери нынешнего короля⁶. Развод нынешнего кронпринца⁷. Любовные похождения нынешнего короля. Слухи о королевском сыне, будто украденном из колыбели. Прогулка с священником в Розенбург, где всякой год в 1-е воскресенье после 1-го марта король бывает окруженный всем двором и решает какое-нибудь важное судное дело. Королевской сад. Вал. Дом здешней Дюбарри⁸.

24, понедельник. Утро дома. Молодой Виолье. Обед у Санти: очень приятный. M-e Viollier. Вечер дома.

25, вторник. Поутру на пристань. Отъезд кронпринца. Он и его жена. M-e Below. Шуленбург. Усталость. Весь день дома. Обед за table d'hôte, Подле Негри. После обеда у меня Виолье и священник. Прогулка мимо театра (дрянное, маленькое здание), адмиралтейства, биржи (старинное здание), возобновляемого дворца (весьма мелкая архитектура) на вал: прекрасные деревья. Весь город окружен валом; в него ведут четверо ворот; предместья — дома, построенные в саду.

26. Выставка: две прекрасные картины профессора [прбл.] для нового дворца. Гипсы Торвальдсена: Амур и Психея; Меркурий, готовящийся умертвить Аргуса; Ганимед; Геба; Торжествующий амур. Отдыхающий пастух; Амур, играющий на лире; Венера с яблоком. Персей Кановы. Барельеф Торвальдсена: Анакреон и Амур. Большая картина профессора Лунда. Утверждение христианства в Дании. Поездка с Виолье в университетскую библиотеку: северные древности — брони, копыя, топоры, утвари священные и домашние; несколько алтарей; сосуды гробовые, глиняные и металлические, уборы, старинные ткани; рунические календари и

* Читальная комната, читальня (нем.).

писания. Манускрипт Эдды; лексикон персидский и арабский. Здешнее кладбище прекрасный хорошо убранный сад. Обед у графа Санти с Шлегелем, профессором прав. Вечеру у нашего священника.

27, четверг. Поутру у М-е Viollier, у графа Санти. Обед за table d'hôte. Чай у Книрша. Винтер. Укладка.

28, пятница. В 9 часов на пароход. Графиня Шиммельман. Слепой датчанин с Фаре. Липгарт. Паулуччи. Соловей, трубач и песельник. Пастор с сыном.

29, суббота. Около десяти часов в Любек. Прекрасное путешествие по Траве. Старинный город. Marienskirche; часы с курфирстами. Овербекова картина. Визит к Кутузовой. Отъезд в Гамбург. Ночь в худом трактире в грозу. Ужаснейшая дорога по песку и камням.

30, воскресенье. Вандсбек. Клаудиусов дом. Его жена и дочь. [Далее в дневнике нарисован план Клаудиусова дома и помещены следующие объяснения к плану:

1. Кресла, на коих сидел и писал поэт: окна в сад; аллея из лип. Постель.
2. Над канапе семейственные портреты. Над столиком портреты: двух Штольбергов, Фомы Кемпийского, Фенелона, силуэт Голицыной]. Приезд в Гамбург. Трактир St. Petersburg на берегу Альстер. Гульбище перед домом с аллеєю. Бани на Альстере. В театре: "Macbeth", перевод Шиллера. М-е Miedke — lady Macbeth, Gastrolle. Macbeth — Lenz. Vanquo — Шефер, Macduff — Шварц. Глупые сцены всем и еще глупейшая для них музыка. I убийца — Гольман. Дункан — Шмитг. Доктор — Гертиг. Шекспировы и большая часть немецких трагедий не для представления. Нет общего эффекта, кроме некоторых Шиллеровых, особенно *Валленштейна*. Выходишь без главного — чувства. Madame Miedke в сцене лунатизма была прекрасна: и ужас, и трогательное. Ленц много кричал, но он имеет чувство и вообще играет с благородством. Здешние актеры имеют ensemble. После театра прогулка по аллее. Жизнь и прекрасное освещение.

31, понедельник. Гамбург. Весь день просидел дома, после ванны, весьма не прекрасной. Гроза. Худой праздник. Прекрасный вид из моих окон на Jungfernstieg и на Альстер.

⟨Июнь⟩

1 июня, Гамбург, вторник. Поутру у русского министра⁹. Осматривал коляску: у Лазаруса, у Офруа. Лобанов. Кронпринц Датский в театре. Уланы и гренадеры гамбургские.

2 (14) июня, среда. Гамбург. Поутру с Бахарахом к каретнику. Поездка к Шареаугоге. На биржу. Vorsehalle прекрасное заведение для купечества. Обед у Штруве. Французский министр. Поездка в Альтону: городские кладбища, особенное для каждой церкви. Ботанический сад. Клопштоков гроб, его сына и двух его жен под прекрасною липою. Вид с бастиона на пристани альтонскую и гамбургскую. Кларины страдания¹⁰.

3 (15), четверг. Переезд из Гамбурга в Гарбург. Слепой датчанин. Агент Гирш. Кренделя гарбургские. Переезд из Гарбурга в Делле.

Гарбург. Велле 4. Солтоу 4. Берген. Целле. Шильдершлаг. Ганновер.

4(16), пятница. Шильдершлаг. Ганновер (мерзкий вонючий трактир). Mudenburg, Бригген. Весь день то сильный дождь, то ясно.

5(17), суббота. Аммазен. Эйнбек. Нордгейм. Геттинген. Холодный ясный день. Вид на Гарц. Особенно прекрасный вид около Нордгейма. Веселье окрестности. Геттинген. Город некрасивый. Обзорение библиотеки и музеума.

6(18), Геттинген. (Воскресенье.) Визит к Гимли. Отъезд в третьем часу. Прекрасные виды по дороге. Особенно прелестные окрестности Миндена и от Миндена вся дорога до Касселя. Долина с ручьем. Высокие горы, поднимающиеся от Миндена и спускающиеся к Касселю. Станции: Дрансфельд, Минден, Кассель.

7(19), понедельник. Кассель. Вид перед дворцом. Ссора с часовым. Löwenburg: комнаты курфюрста. Обои. Постель. Ritter. Rüstkammer Rüstung. Capelle: гробы, стекла. Геркулес. Каскады, органы, фонтан. Каскад в лесу. Чертов мост. АQUE. Фонтан в 190 футов. Schönfeld. Герцогиня. Курпринц и [1 нрзб.] любовь. Auengarten. Friedrichsplatz¹¹ с монументом и гауптвахтою. Wilhelmplatz.

8(20). Диссен. Ваберн. Керстенгаузен. Есберг. Гальсдорф. Шенштат. Марбург: живописный город с замком на горе. Теснота улиц. Аллея липовая до почты.

9(21), среда. Марбург. Белленгаузен. Гиссен (обед). Вецлар (Вертер)¹², ярмарка. Замок Браунфельс. Вейлбург (высокий замок; мост; станция на берегу; чай). Лимбург.

10(22), четверг. Лимбург. Монтабор. Эмс. Комната в Steiner Haus до 11 июля.

11(23), пятница. Карамзин¹³.

12(24), суббота. Накануне отъезд Клары. Кронпринц. К(нягиня) Мещерская. Докторов. После обеда у Стурдзы. Штейн¹⁴ с дочерью. Прогулка. 1-я ванна.

13(25), воскресенье. Посетители из Кобленца. Визиты к Тюмплингу, к гр(афине) Реед (г. Клаузевиц), к гр(афине) Эглофштейн¹⁵.

14(26), понедельник. У меня Симборский, Эделинк, Стурдза. Я к граф(ине) Эглофштейн (ее мать). К Стурдзе. Разговор о жизни после смерти¹⁶.

17(29), четверг. Поездка на осле вдоль берега Ланы. Принц Шаумб(ург)-Липпе.

18(30), пятница. Поездка на осле к Mooshütte.

19 (1 июля). Весь день дома. Утром жар. Разговор с Стурдзой о воспитании¹⁷. Княгиня Голицына¹⁸. Графиня Бернсдорф.

21 июня (3 июля), понедельник. Прогулка по берегу Ланы.

22 июня (4 июля), вторник. Полдник у пр(инца) Липпе. Приезд Кутузовой. Вечер у гр. Эглофштейн.

23 (5 июля), среда. Обед у кн(ягини) Голицыной. Пение. Поутру у Кутузовых. Приезд гр(афа) Каподистрии¹⁹.

- 24(6), *четверг*. Вечер у гр(афини) Перпонше. Вольф²⁰. Сцена из *Ифигении*, Tauscher, Der standhafte Prinz, Hebel.
- 25(7), *пятница*. Обед русских.
- 26(8), *суббота*. Поездка в Нассау с Каподистрия, Эделингом и Стурдзою.
- 27(9), *воскресенье*. Рейтерн²¹. Прогулка с Каподистрия.
- 28(10), *понедельник*. Дождь.
- 29(11), *вторник*. Разговор с Каподистрия.
- 1(13) *июля, четверг*. Прогулка с Кутузовыми на ослах. Обед у Стурдзы.
- 2(14), *пятница*. Разговор с Каподистрия. Обед у Кутузовой. Вечер дома.
- Возвращение Клары.
- 3(15), *суббота*. Толстой. Обед у Бетмана. Graham. У Каподистрия. Hulda.
- Смешной разговор с Голицыною.
- 6(13), *вторник*. Принцесса Вильгельм²².
- 7(19), *среда*. Чтение письма Стурдзе.
- 8(20), *четверг*. Чтение отчета²³. Штейн. Поутру у Бетмана.
- 9(21), *пятница*. Отъезд Клары. Чай у кронпринцессы.
- 10(22), *суббота*. Души. Обед у Стурдзы. Смарагда. У Штейна.
- 14(26), *среда*. У кронпринца. У М-е Perponcher. Наводнение²⁴. У Каподистрия. Отъезд Каподистрия.
- 15(27), *четверг*. Переход в Bادهaus. У кронпринца. Разговор с Редером.
- 18(30), *воскресенье*. Обед у Штейна. С гр. Бернсторф. Марианна. Клаузевиц. Поездка в Арнштейн. Букет.
- 19(31), *понедельник*. Обед с Дилем. План Кутузовых. У M-elle Stolterfot. Вечер у кн(ягини) Голицыной. Приезд вел(икой) княгини²⁵.
- 20 (1 августа), *вторник*. У Фитцума. Письмо от Каподистрии. После обеда у вел(икой) княгини.
- 21(2), *среда*. Обед у Кутузовых. У великой княгини. У Штейна. У кн(ягини) Голицыной. Приезд Ансильона.
- 22(3), *четверг*. Въезд государя в Москву. Обед с пр(инцем). Гост у вел(икой) княгини. М-е Maselet. Отъезд Кутузовых.
- 23(4), *пятница*. У Ансильона. Визиты. Обед у Голицыной. У великой княгини. У Грелса и Дюшеня.
- 24(5), *суббота*. Отъезд из Эмса. Поутру у Ансильона и г(рафини) Эглофштейн. В Кобленце: терраса, мост. В Андернахе.
- 25(6), *воскресенье*. Андернах: развалины римской башни. Ремаген. Замок Рейнек. Ремаген. Нонненверт: Vogelschiessen. Гр. Бернсторф. Драхенфельс. Бонн.
- 26(7), *понедельник*. Бонн. Путешествие в Кёльн. Дом. Бонн.
- 27(8), *вторник*. Бонн. Hochkreuz. Goldesberg. Siebengeburg. Remagen. Andernach. Кобленц. Боппарт. Вид живописный Боппарт.
- 28(9), *среда*. Боппарт. Обер-Везель: Шенберг. Живописные виды Обер-Везеля. Церковь готическая. Бахарах. Бинген. Прекрасный день и освещение. Ваутсберг. Рейнгау. Langenwinkель. Эльсфельд. Дом гр. Вестфален. Фарсы. Висбаден.

29(10), четверг. Висбаден. Франкфурт. К(апо) д'И(стрия). Письма Северина и Нессельрод. 1798—1807²⁶. При Венской миссии. При Чичагове. При Барклае. Свидание во Франкфурте с императором. Миссия в Швейцарию. В Париже; VII островов. Разлука. Сцена в Париже. — Ганау.

30(11), пятница. Ганау. Письма в Петербург. Руль. Рисунки Ивангое²⁷. Детгинген. Ашафенбург. Замок. Сады кругом города.

31(12), суббота. Ашафенбург. Эссельталь. Эссельбах. Спесарт, покрытый лесом. Дождливая погода. Вирцбург. Дом в итальянском вкусе. Дворец. Живопись Диаполо. Свод. Зала императорская. Сад. Институт для горбатых. Ужин у Паткуля.

(Август)

1(13) августа, воскресенье. Вирцбург. Нейсс. Бургвиндгейм. Прелестная сторона. Холмистая равнина. Виды на деревни, аббатство и замки. Встреча с Аракчеевым близ Бамберга. Бамберг. Дом. Картина Усекновения Предтечи. Тройной мост. Нептун.

2(14), понедельник. Бамберг. Виргау. Равнина волнистая. Долины, деревни. Замок Маркардебург и Зеегоф. Фантазия²⁸. Многовековая дуплистая липа. Посещение гроба Ж(ан)-Пауля и встреча на гробе его брата²⁹. Барейт.

3(15), вторник. Барейт. Эгра³⁰: горницы Валленштейна. Франценбрун. Остановился в Schwan.

4(16), среда. Доктор Sognath. Письмо от Тургенева. Письмо к Тургеневу.

5(17), четверг. Поездка в Мариенбад. Пушкина³¹. Соймонов. Возвращение до половины дороги с Александром и Сергеем³².

6(18), пятница. 1 ванна.

7(19), суббота. 2 ванна. Начал писать письмо³³. Чтение Жиллиса³⁴. Прекрасная вечерняя прогулка. О путешествии по России³⁵.

8(20), воскресенье. Продолжал письмо. Жиллис.

9(21), понедельник. Лошаков.

10(22), вторник. Тургеневы.

11(23), среда. "Preciosa"³⁶.

12(24), четверг. Прогулка. Сцена на поле. Начал Герена³⁷. Шахматы.

14(26), суббота. Приезд Тургеневых. Сергей³⁸. Письмо.

16(28), понедельник. Отъезд Тургеневых в Дрезден.

17(29), вторник. Писал письмо.

19(31), четверг. Кончил письмо. Ликурговы законы³⁹.

21(2) сентября, суббота. Отправил письмо⁴⁰. Поездка в Зельберг.

24(5), вторник. Соймонов.

26(7), четверг. Выезд из Францбрунна. В Карлсбад. У M-e Weyhrauch. У Саблукова.

27(8), пятница. Ночевал в Бриксе.

28(9), суббота. Теплиц, Кульм. Арбенау. Петерсвальде. Цеист. Пирна. У Батюшк(овой)⁴¹.

29(10), воскресенье. Приезд.

- 30 августа (11 сентября), понедельник.** В экспозиции. У Пушкиных.
31(12), вторник. У Пушкиных. В театре. "*Maier und Alpin*"⁴².
1(13) сентября, среда. У Пушкиных ввечеру.
2(14), четверг. Прогулка в Japanische Garten*. Сергей. Начал чтение для лекций⁴³.
3(15), пятница. Поездка в Тарант. Таппе.
17(29) ноября, среда. Начнет лекции Гассе⁴⁴.
19(1 декабря), пятница. Обедал у Пушкиных.
20(2), суббота. "*Gazza ladra*"⁴⁵. Сон.
21(3), воскресенье. У Taul. У Боссе⁴⁶. Ввечеру у Пушкиных. М-е Seidelmann.
22(4), понедельник. У Боссе. Викулин. У Гудовича, Голицына, Офросимова.

* Японский сад (нем.).

⟨*Март. Дрезден*⟩¹

Кусок прекрасной золотой руды лежал в горне на сильном огне. Голик смотрел на него из угла и так рассуждал вслух сам с собою: Бедное золото как тебя жгут и мучают. Какому жестокому тирану ты досталось в руки. Между тем огонь погас, и золото вышло чистым из горна. Из него сделали крест, и люди стали в нем обожать символ спасения. И в сильном пылу огня оно не роптало на судьбу свою. Оно верило горну, и то толкнуло его в горн, знало оно, что без огня нельзя быть чистым, и радовалось жгучему пламени, которое возвышало его достоинство.

Глупый голик! Можешь ли судить о золоте! Положи его на огонь — загорится, разлетится дымом, и после него останется горсточка пепла. Но золото!

Родной брат этого очищенного золота, оставшись в глубине земли, услышал о том, что брата его положили в горн. Он забыл на время его назначение и думал только об окружающем его пламени! Сам золото, сам созданный для чистоты, он страдал, воображал, что брат его страдает! Но ему слышался знакомый голос: не жалею обо мне. И ты и я золото! Огонь пылал — это правда! Но золото должно быть чистым. Кто осмелится сказать, видя его очищенным: *жаль, что его положили в горн*. Голик может охать, смотря на огонь, но только, кто сам золото, подумает со смирением: *огонь на минуту, чистота навсегда*.

Цари воспитатели народа.

Народ можно сравнить с частным человеком.

Состояние народа без свободы мнения есть состояние частного человека, лишённого ума. Степени безумия разные имеются, как и степени притеснения мнения, общего. Управлять умом человеческим и народом просвещённым — искусство. Для безумцев и для бунтующего народа одно средство управления — цепи.

14(26) апреля 1827, в четверг², выехал из Дрездена. Дорогою читал profession de foi* М-е de Recke³. По сию пору еще нет ничего особенного. Мысль, что понятие о Божестве испортилось и что Христос исправил, несправедлива, ибо никакого понятия и не было лучшим; Христос дал новое истинное понятие, ни на чем прежнем не основанное. Его понятие почти столь же далеко от веры иудеев, как от идолопоклонства греков и пр. — Кто молится, тот верит, любит, надеется! Молитва есть выраженная вера, то есть молитва ума и сердца, а не обряд молитвы. Сей последний убивает веру.

* исповедание веры (фр.).

Но богослужение необходимо; без него народ не может понять религии. Чем более оно дает воли уму и сердцу, тем лучше нравы.

15(27), пятница. Фрейганг. Поутру писал письма. Обедал у Фрейганга. Шен. После обеда ходили по городу. Goldene Säge*. В театре: *Вильгельм Тель*. Кунст дурной Тель. Крик и жесты. Великая разница с Беккером⁴. Выстрел. Вечер дома.

16(28), суббота. Поутру у Брокгауза⁵. Печатная машина. Четыре человека в сутки десять тысяч листов. Большое колесо. Листы, входящие по тесьмам. Краска, льющаяся на цилиндры; растирающаяся потом на доски. Шпинки. Цилиндры из клею и патоки. Машина стоит 7000 гульденов. После обеда у Пелица⁶. Немецкий замаранный ученый. Огонь на столе. Старая шляпа. Планы и книги. Библиотека. — В театре. «*Оберон*»⁷. Прекрасные декорации. Дурное пение и игра и танцы. Музыка прекрасная инструментальная.

17(29), воскресенье. Поутру у Брокгауза. Потом у Круга, Клодиуса. В галерее Шпека⁸. У Пелица. Ввечеру в театре: «*Kätchen von Heilbronn*»⁹. M-e Devrient.

18(30), понедельник. У Брокгауза. Шведский король¹⁰ (Si je ne les avais pas lus, je ne vous aurais pas donné**). Пил чай у Фрейганга. Демут.

19(1 мая), вторник. Утро дома. Пил Molken***. Обедал у Фрейганга с Клодиусом. Ввечеру у Фрейганга же с Клодиусом и Линднером¹¹.

20(2), среда. Утро у Пелица. После обеда с Клодиусом в библиотеке. (Картины Лукаса Кранаха. Мумия). В Рейхенбахов сад. Монумент Понятовского. Мост. В Розенталь. Семейство принца Ангальта-Гильдбурггаузен. Вечер у Клодиуса. Его жена и еще кто-то.

21(3), четверг. Поутру в музее, у Брокгауза. Известие о смерти короля¹². Круг в музее. После обеда у Фрейганга. Две графини Гогенталь. Клодиус с женою. Разговор о религии. Шувалов с женою. На обсерваторию.

22(4), пятница. Обедал у Фрейганга с Линднером. Вечер у Линднера. Ich nehme, ich danke, ich gehorche****. Гиерархия.

23(5), суббота. Поутру у Брокгауза, в музее. Обедал в Hôtel de Saxe. После обеда с Тургеневым к Линднеру. Fastum. Вечер у Фрейганга. Демут. Прогулка.

24(6), воскресенье. Известие о смерти короля. У Брокгауза. В музее. Обедал в Hôtel de Saxe. В картинной галерее Шпека. M-e Clodius. Jacobs и его дочь. Вечер у Фрейганга с Шпеком, Якобом и Линднером.

25(7). Писал к Шамбо и Мердери. К Брокгаузу. У M-e Clodius. Красавица из Гамбурга. Обедал в Hôtel de Saxe. Jacobs с дочерью и сербский поэт. К Гейроту. Вечер у Фрейганга.

* «Золотая пила» (нем.) — название трактира в Лейпциге.

** Если бы я их не прочел, я их вам не дал бы (фр.).

*** сыворотка (нем.).

**** Приемлю, благодарю, повинуюсь (нем.).

26(8), вторник. У Брокгауза. У Вейгеля. У Пелица. В Музеуме. В Hôtel de Saxe. Вернеры. К Линднеру. Гулянье. Fido. У Фрейганга: богемский профессор.

27(9), среда. Поутру с добрым Фрейгангом у Фрезе. Потом у Брокгауза, коему заплатил. Тут были Беки, Фонтон и прежний профессор Вакальский. На почту. Обед у Фрейганга с Беками, с Шуваловыми, Голицыными и М-е Шпек. Ночевал в Борне.

28(10), четверг. В Альтенбурге. Разговор с кучером. Бурбоны счастье для французов в каком смысле. Читал Lady Morgan¹³. В Цвикау. В Плауене.

29(11). Гоф. Новый город. Бернек. Гроза. Байреит.

30(12), суббота. Гольфельд, Виргау, Бамберг. Аббатство Эбрах. Два раза разорялось в Bauernkrieg* и в 30-летнюю войну. За 50 лет возобновлено. Смесь итальянского с готическим. Множество алтарей. Мы смотрели ночью. Кости в древней церкви. Гробы. Монахи Цистерцинского ордена. Двенадцать апостолов. Картины Рубенса, Микель Анжа, Рафаэля. Ночевал в Нейзесе.

1(13) мая, воскресенье. Вирцбург. Прекрасный вид. Каменные укрепления. Дома из Quaderstein**. Вид на замок с крепостью. Steinwein. Отсюда, до Бухена холмистые места. Мало леса; но всё чрезвычайно удобрено. Деревни худо выстроенные и печальные; изображения святых над дрягом. На последней станции гроза. Ночевали в Бухене, в Каппе.

2(14), понедельник. Некаргемюнд. Гейдельберг. Замок. Риттерзал. Бочка. Библиотека. Вид в рог. От чего гравюры и рисунки лучше, а хуже оригиналы. Мост.

3(15), вторник. Поутру в Königstuhl. Вислох. Прекрасная сторона. Сад. Плодовитые деревья. Множество ореховых деревьев, убитых холодом. Брухзал. Осматривал дворец. Внизу горницы, где проживает теперь маркграфиня. Портрет императрицы¹⁴ во весь рост, другой Лампи. Большая зала круглая на лестнице, с сводом, писанным Цикком. Зала с мраморными колоннами. Горницы, где жила императрица. Гобелены. Красная, полосатая. Горницы, где жила маркграфиня. Разные портреты императрицы: ребенком с сестрами; при восшествии на трон, au pastel маленькой; с императором; в профиль. Портрет императоров Доу. Вид горниц маркграфини. Фонтаны на дворе. Фонтан в саду. — Брухзал. Ворота. Дворец у ворот. Мост. Шли пешком через город. Маленькие переулки у домов. Нечистота. — Дорога прелестная. Слева лесистые горы, справа луга, поля и роши. За Рейном Вогезские горы. — Дурлах. Старый и новый город. Замок. Площадь. Монумент старинный. Церковь на площади и старинный дом. — Дорога до Карлсру прелестная аллея тополевая. Сквозная улица. Широкие тротуары. Трактир "Schwarze Bäg"*** на площади. Пирамида. Церковь с колоннами. Цейгауз. Конюшни. У въезда замок. В театре: "Wasserträger"¹⁵. Гартман. Маркграфиня Леопольд¹⁶.

* Крестьянская война (нем.).

** тесовый камень, плитняк (нем.).

*** Черный медведь (нем.).

4(16), среда. Карслру. Евангелическая церковь Вейнбрэннера. Колонны. Пирамида. Гроб основателя¹⁷. Центр города. Дворец маркграфини, матери Ел(изаветы) Ал(ексеевны)¹⁸, где она родилась, где жила с императором. Дом Энде. Оранжевые. Дворец. Вид с башни: с одной стороны город, с другой — сад, коего аллеи примыкают к башне как кресты. Католическая церковь. Переезд через Раштат в Баден. Прелестный вид на Murgthal и Schwarzwald. Гулянье в Бадене. Vadehaus*. Зала для собрания. Вейнбрэннера, Lesebibliothek**. Теплый ключ древний. Pfarrkirche***. Гробы. Замок. Портреты герцогов Баден-Баден и Баден-Дурлах. Горницы Стефании. Рыцарская горница. Подземелье. Спуск пленников. Вход. Баня Каракаллы. Вход. Свод, где жили пленники, место постели, место для нужника. Спуск. Folterkammer****. Камера суда и дыра над тронем. Каменные двери, одна с большим засовом. Jungferkuss. Frauenkloster. Lichtenthal. Вечерние молитвы монахинь. Монастырская жизнь может быть сносна только при страсти; воспоминания и борьба вместо жизни. Для спокойной, чувствительной души нестерпима. Гроза. Два француза.

5(17), четверг. Путешествие в Эберштейн и Форбах. В Керстенбах. Ярманка. Литерная. Стекланный завод. Favorite. Октагонная зала¹⁹, похожая на павловскую. Сервиз фигурный; бокалы с именами; портретная и костюмная горница. Эрмитаж. Освещение посредством разноцветных стекол. Ночевал в Штольгофене.

6(18), пятница. Граница. Учтивость в таможене. Общежитие. Délicatesse***** главная черта французского характера. Вид Страсбурга. Площадь с акациями; marché aux légumes*****. Солдаты. Hôtel de Lyon. На почту: ящики по алфавиту. Mairie*****: записанье паспортов, выдача билетов. Театр: прекрасная круглая зала, галерея, три выхода, foyer. Церковь S. Thomas. Памятник маршала Саксонского. Прекрасная группа; низок, пирамида. О разрушении гробов. Останки Саарбрюкского принца. Церковь. Самый гроб маршала, свинцовый и каменный. Минстер. Внутренность. Окна. Хор новый. Кафедра. Звук органов. Катехизм. Восток. Надписи. Аменды***** и чтение. Главный вид на портал. Сравнение с Кельном. Вид с высоты 90 метров: один Оффенбург.

7(19), суббота. Дорога от Страсбурга до... [прбл.]. Аллея из рябин. Равнина. Вогезские горы впереди. Аллея из ореховых деревьев; кругом равнины; освещенные дома и церкви в липах и орешниках. Вдали Вогезы. Вид на Вогезы: амфитеатр; в середине низкий холм, покрытый плодовитыми

* Купальня (нем.).

** читальня (нем.).

*** Приходская церковь (нем.).

**** Застенок (нем.).

***** Тонкость, изысканность (фр.).

***** овощной рынок (фр.).

***** Ратуша, мэрия (фр.).

***** От фр. l'amende — штраф; покаяние.

деревьями, и хижина. Хлопанье бича французских и немецких почтальонов. Въезд в Вогезы. Дорога разделится. Слева ручей, ивы, мельница, каменный спуск воды с уступами. Вид из кареты на Васселон и Вогезы. Пьявошная почта еженедельная, их всегда по 3000 в мешке. Умирает много от грозы и дождя. При выезде дорога разделяется. Узорные вывески и нечистота на улицах. Первый переезд через гору. Спуск к [прбл.]. Сзади роцца, за нею горы; три развалившихся замка на высоте. В Саверне завтрак. Въезд на гору; по сторонам дороги растут плодовые деревья. Проехав Саверн, сторона однообразнее. До Гомарленя спал. Обедал в Саррбурге. Heming. Жена почтальона с сыном. Les halles*. Гневный trainer**. Blamon. Прекрасный древний и новый замок: плющ, селитра. Часы на башне. Вид Бламона с горы. Архитектура деревенских домов: низкие кровли, ворота; огороды с новыми заборами и каменные ворота. Поля, вспаханные грядками. Ночь в Люневиле. Замок, обращенный в казармы, сквозной. Уланы и retraite***.

8(20), *воскресенье*. Марианна. Домбаль. Разговоры с товарищем на козлах до Нанси (53 régiment de ligne)****. Солдаты. Плата, паспорт. Встреча 10 régiment chasseur*****. St. Nicolas близ Нанси. Нанси. Кафедральная церковь. Грязные, широкие улицы с тротуарами. Hôtel royale. Place royale*****. Виды. Смотрел лавки. Cathédrale. Вид Нанси в долине. Две горы. Дорога от Нанси с горы на гору. Аллеи и рощи по бокам. Шоссе через два оврага. Тул. Les badauds français*****. Горы кругом Тула как палатки. От Тула до Линьи всё с горы на гору, хотя впрочем не крутые горы. Окрестности веселые. Горы почти голые. Кое-где лес. Встреча групп, возвращающихся из Линьи, где праздник храмовый Notre Dame des vertus*****. Кресты, поставленные миссионерами во многих местах по дороге от Страсбурга и в самом Страсбурге. Спуск в Линьи. Толпы гуляющих. Elégance des habits*****. Драка почтальона. Дорога от Линьи до Бара прекрасною долиною, которая со всех сторон окружена высотами, как будто образующими берега давно бывшего озера; входящие и внутренние углы. Прелестная приятная природа. Дорога через деревни Фронвиль и Лонжвиль. Бар весьма дурно выстроенный город; большая промышленность. Сученье хлопчатой бумаги. Фабрика, действующая паровую машиною. Ночевали в трактире Лебедь.

9(21), *понедельник*. Дорога от Бара до Реймса. Фабрика Жакемонди. 60 станов, от 300 до 260 веретен. 20 веретен в день: 1) битье; 2) скатыванье;

* Крытые рынки (фр.).

** бродяга (фр.).

*** отставные военнослужащие (фр.).

**** линейный полк (фр.).

***** стрелковый полк (фр.).

***** Королевский отель. Королевская площадь (фр.).

***** Французские зеваки (фр.).

***** Святой Богоматери, покровительницы добродетелей (фр.).

***** Изящество одежды (фр.).

3) чищение и разделка; 4) 1-е сученье; 5) второе сученье. 300 работников. Машины. Газ. От Бара до С.-Дизье дорога однообразная. Природа не печальная. Начинается Шампань и горы голые и лесоватые. Далее к Шалону везде протекает Марна. Дорогая трактирщица в С.-Дизье. В Витри не въезжали. Крепость упраздненная. Падение кареты между Витри и Лашоссе. Прелестные луга и поля, усыпанные группами деревьев пирамидальных, подъезжая к Шалону. Шалон, окруженный прекрасными аллеями. Из него пешком. Силлери проехали ночью. В Реймсе в трактире Moulinet. Разговор с мельником о картинах.

10(22), вторник. Шалон. Прогулка по городу. Кафедральная церковь. Величественный портал. Два круглых окна. La grande nef*, окруженная удивительными цветными окнами. Le chœur**. La petite nef и les ailes***; налево органы, направо резной алтарь; цветное длинное окно за алтарем. Средний корпус выкрашен; по краям и карнизам темною краскою; верх и фон, где фигуры, голубою, что очень портит. Гроб древний, 3-го века, Иовинов, с прекрасным барельефом, представляющим травлю льва и вепря. Оклад короны; четыре ризы: серебряная с золотом; золотая; две золотых с лилиями. Сосуды, серебряный и золотой хлеб, кадилы, les raix****. Статуя Лудвига XV. Maison de ville***** с статуею Генриха; Porte de Mars. Кладбище, крест; развалины ворот Юлия Кесаря, вделанных в новую стену. Город не красивый. Здания мелкие, покрытые серым шифером. Памятник Лудвига XV обитый. La flatterie ne reussit pas avec les morts*****. Ни XV, ни XIV не достойны памятника. Louis XIV savait bien représenter un roi, mais il ne l'était pas*****. Суассон. Кафедральная церковь. Прекрасный хор; лучше страсбургского, хотя не так огромен. Снаружи мало украшений. Обновленный портал. Богоматерь с святым на голове. Продажные стулья. Развалины аббатства, упраздненного в революцию и разрушенного временем. Рефектоар²⁰. Две башни. Положение Суассона в чудесной, великолепной равнине. Сады, замки, рощи, аллея посреди луга. Ужин в Villers-Cotterêts²¹.

〈ПАРИЖСКИЙ ДНЕВНИК〉²²

〈Май〉

Мая 11(23). Среда. Выехали из Вилье Котгерета в 7 часов. Я взглянул на старинный замок, построенный Франциском Первым²³. — Здание с высокими кровлями и длинными трубами. В главном Corps de logis*****

* Большой неф (фр.) — внутренняя часть храма.

** Хор (фр.).

*** Малый неф и приделы (фр.).

**** диски (фр.).

***** Ратуша (фр.).

***** Лесть не имеет успеха у умерших (фр.).

***** Людовик XIV хорошо умел изображать короля, но он им не был (фр.).

***** Основная часть здания (фр.).

теперь живут на содержании правительства нищие. Остальные жилые горницы заняты зрителями. Содержащихся около 700. Здесь жил и несколько времени провел в ссылке герцог Орлеанский Égalité²⁴; замок несколько времени принадлежал правительству. Бонапарте поместил в нем нищих. Теперь Реставрация возвратила его законному владельцу, он отдает его в найм казне для прежнего назначения. Лес, окружающий замок, занимает до 80 000 arpents²⁵. Мы въехали в Париж не с блестящей его стороны. До самой Боргеры нельзя было думать, что приближаешься к шумной столице Франции и почти Европы. Одна только ужасная вонь до самых бульваров была для нас отличительною чертою Парижа. Но бульвары представили пышную картину жизни и движения. Мы въехали в длинную, довольно тесную улицу Ришелье, к которой примыкает Traversière²⁶, та, в которой мы живем. У нас три маленьких горницы с небольшою прихожей и двумя людскими комнатками. Нельзя позабавиться французскою чистотою, зато и недорого, 200 франков в месяц. Одевшись, пошли в Palais-Royal²⁷ обедать.

Пале-Рояль есть нечто единственное в своем роде: это образчик всей французской цивилизации и всего французского характера. Взгляни на афиши — познакомишься с главными нуждами и сношениями; взгляни на товар — получишь понятие о промышленности; взгляни на встречающихся — получишь некоторое понятие о нравственной физиономии. Колонны Пале-Рояля, оклеенные афишами, тоже могут познакомить с Парижем и жизнью парижскою. Удивительное искусство привлекать внимание размещением товаров и даже наклейкою афиш. Мы отобедали прекрасно за два франка. За эти деньги можно иметь бутылку вина, суп и еще три блюда на выбор и десерт. В Opéra française²⁸ “La prise de Corinthe”²⁹, россиниеву оперу, и “Josonde”, балет³⁰. Музыка оперы прекрасная, но не новая; всё слышанное в других операх Россини. Пение французов, после итальянцев, кажется криком. В их пении более декламации; всё, что мелодия, есть крик. Но я слушал с удовольствием. М-е Jarduresk поет и играет с выражением. Из мужчин Массоль и Нуррит³¹. В игре заметно желание производить эффект жеста и их разнообразием. У немцев иногда слишком явное старание рисоваться, но игра вообще проще. Французы скрывают свое кокетство лучше, но зато беспрестанно на сцене. Всё картина, и прекрасная. Глаза наслаждаются. Танцы были прелестны³², но подле меня более всего аплодировали сильным прыжком. Танцоры: Кулон, Алберт, Поль, Симон, Фердинанд; танцорки: Юлень, Нобле, Анатолий, Легаллуа, Монтесю (la rosière*): очень легко плутовские сцены, но утрировала простоту. — Летанье в антрактах.

Сходство характеров русских и французов.

12(24), *четверг*. Поутру был у Мериана³³, потом у графини Разумовской³⁴, у которой встретил Девена с дочерью и еще кого-то. Французская любезность вся в приятных формах. Я думаю, нигде столько не наслаждаются

* цветочница (*фр.*).

обществом, как здесь. Нас пригласили на вечер к Гизо³⁵. Но прежде мы заглянули в театр Des nouveautés³⁶. Попали на дурное место и на дурной новый водевиль “Le rendez-vous manqué”³⁷, который был освистан. Вечер был замечательный. У Гизота были Paul Коллар, Вильмень, Сталь, Брольо, Ожер. Я видел цвет либерализма³⁸. Более всех мог рассмотреть Р(aul) К(оллара) и Брольо. Прочие все вместе стояли в тени и далеко от моей резиденции, которая была мне назначена близ стула М-е Guizot³⁹. Разговор с нею был о М-е Moreau⁴⁰, с Гизотом немножко побеседовали о французских мемуарах⁴¹. Он вызвался помочь мне в моем деле покупки книг. Мы просидели с час. Пошли домой через Пале-Рояль и для контраста видели сцены совсем иного рода: героинь Пале-Рояля и вертеп игроков.

13(25), пятница. Поутру у Свечиной⁴², которую встретил на улице; затем к ее мужу. Был у княгини Голицыной⁴³; потом несколько времени таскался по улицам. Зашел домой. Щербатов. Обед у Ришара. Вечер в театре. “Mandrine”⁴⁴. Сожалею, что предпочел мелодраму «Гартюфу»⁴⁵, который давался нынче. Чтобы судить о искусстве и его степени совершенства, надобно видеть одно отборное. Впрочем и в «Мандрине» можно удивляться совершенству декораций, особенно сон Мандрина и пожар в последней сцене. Актер, игравший Мандрина, имеет талант, особливо в сцене мрачного раскаяния в тюрьме. Гобер и Лефюрет. Lefuret Серж, который должен подражать Потье⁴⁶. Карикатурная русская пляска была очень забавна, но пиеса совершенная глупость. — Давали еще “Les petits protecteurs”⁴⁷, в которой особенно мила Pierson, и в первый раз “Le fifre et le tambour”⁴⁸, которая была принята с благосклонностию.

14(26), суббота. Поутру у посла⁴⁹, у которого видел Шредера⁵⁰. С Тургеневыми⁵¹ к Свечиным. Разговор о Пушкиной⁵². У Разумовской. Брат Гизо⁵³ и Фориель⁵⁴, переводчик греческих песен. В камеру депутатов⁵⁵. Прекрасный Локаль, но мне кажется, можно было бы проще. Равель, президент, благородная, красивая наружность. Il a beaucoup de dignité et beaucoup d'habitude*. Заседание было не весьма интересным. Читаны были раппортером⁵⁶ петиции. Некоторые отвергнуты, иные посланы к министрам. Петиция против греческих пиратов вывела на кафедру Себастиани⁵⁷, который ужасно декламировал et s'échauffait en déclamant**. Il parle en acteur***. От непривычки к дебатам французы еще видят в трибуне сцену, в себе актеров, в депутатах и посетителях — партер, и хотят только действовать. Но нет ничего столь мало убедительного, как пышное красноречие. Il n'y a que clarté, que l'éloquence des choses et que la chaleur produite par l'inspiration du moment, qui font un vrai effet. Les mêmes défauts, qui regnent dans la chambre des députés, frappent au théâtre: ce que j'ai pu remarquer le soir. Mais d'un autre côté les Français paraissent

* Имеет много достоинства и отменный навык (фр.).

** и горячился декламируя (фр.).

*** Он говорит как актер (фр.).

être faits pour les débats publics. Personne ne saisit aussi bien tout au vol comme un français*.

Я это часто замечаю на улице. Ищешь улицы. Спросишь у первого встречного. Он не остановится, чтобы обдумать. Тотчас готов ответ, самый короткий, ясный, и les mots les plus convenables sont employés, sans y réfléchir, pour vous donner en quelque manière la meilleure carte de votre route. Les Français pourroient être très-éloquents, si le désir de produire de l'effet ne détruisait pas l'effet. Ce talent d'une compréhension rapide et d'un sentiment vif est la marque distinctive de leurs caractères et la source de leurs défauts. La nature les a en quelque manière privés de besoin d'approfondir puisqu'ils conçoivent avec tant de rapidité**.

Надобно иметь большой навык слушать и удерживать в памяти слышанное, чтобы с приятностию следовать за debатами. Я очень многого не слышал, многого и не слушал, а смотрел на слушавших. Из министров были Вилель, Корбьер, Пейронне и Шаброль⁵⁸. Можно сказать, что теперешняя камера депутатов не существует, ибо на стороне министров большинство. Но зато во время заседания им достается и в их присутствии судят их без пощады. Эти часы должны быть для них тяжелы, но кажется, они к этой пытке уже привыкли.

Гид де Невиль⁵⁹ крепко напал на Вилеля, который всходил на трибуну, чтобы защищаться. Несмотря на свой гасконский выговор, он говорит приятно, ибо просто, порядочно и редко позволяет себе фразы. Его антагонист горячился, как ребенок. В этом заседании слышал я и Бенжамен Констан⁶⁰ и Биньона⁶¹. Первый напоминает Фридриха; прекрасный профиль, худощав, несколько неуклюж, говорит без претензии, но хорошо, ибо не делает фраз. Биньона я не мог слышать; заседание продолжалось уже около четырех часов, когда он взшел на трибуну. Говорит без всякого эффекта. — Отобедал у Ришара. В театр. «Радамист и Зенобия»⁶². — После забавная комедия «Le jeune mari»⁶³. — Трагедия теперь в упадке. Дюшенуа произвела надолго неприятное впечатление⁶⁴. Она старуха. И не могу вообразить, чтобы когда-нибудь могла быть великою актрисою. Да в трагедиях французских и нельзя быть актером. Всё дело состоит в декламации стихов, а не в изображении всего

* Истинный эффект производят ясность, красноречивость содержания и пыл, порожденный мгновенным вдохновением. Те же недостатки, которые господствуют в палате депутатов, поражают и в театре: я это мог заметить нынче вечером. Но с другой стороны, французы кажутся созданными для публичных прений. Никто не ловит всего так легко на лету, как француз (*фр.*).

** самые подходящие слова подобраны без размышления, чтобы дать вам из нескольких возможных вариантов наилучший маршрут. Французы могли бы быть очень красноречивы, если бы желание произвести эффект не разрушало эффекта. Этот талант быстрой понятливости и живой восприимчивости составляет главную принадлежность их характеров и источник их недостатков. Натура как будто лишила их необходимости углубляться в предметы, поскольку они постигают их с такой быстротой (*фр.*).

характера в его нюансах, ибо таких характеров нет в трагедиях французских. Их лица суть не иное что, как представители какой-нибудь страсти. Как в баснях Лев представляет мужество, Тигр — жестокость, Лисица — хитрость, так например Оросман, Ипполит, Орест представляют любовь в разных степенях⁶⁵, но характер человека тут не виден. От этого великое однообразие в пьесах и в игре актеров. Актер должен много творить от себя, чтобы дать своей роли что-нибудь человеческое. Но таков был один Тальма⁶⁶. Радамист был очень плох (Marien), о Фаразмани и прочих говорить нечего. Белиер в «Отелло». Сравнение Отелло с Радамистом. — За трагедиею следовала забавная комедия «Le jeune mari» В комедии французы не имеют соперников. Удивительный ensemble. Michelot, Гранвиль, женщины: Desmusseaux, Левей играли очень мило.

15(27), воскресенье. Утро сочинял свои каталоги⁶⁷. Был потом у Бобринской⁶⁸, где встретил Долгорукого с женою. Обедал у князя Щербатова с Жомини⁶⁹ и с графиней Шуваловою. Жомини бранил ужасно Вальтера Скотта за его жизнь Наполеона⁷⁰. Он сам печатает признания Наполеона⁷¹. — В театр «Feu-deu»⁷². «L'amant jaloux»⁷³, музыка Гретри. Я застал последний акт. Эта музыка еще не устарела. «La Dame Blanche»⁷⁴. Прелестная музыка, но пьеса глупая. Голоса не отменные, но и не дурные.

16(28), понедельник. Поутру к графине Разумовской. М-г Louis⁷⁵. Разговор о Шатобриане. К Гизо, у которого завтракал. Опять к Разумовской. Degérando⁷⁶. Лицо доброго философа. Несколько рассеян и задумчив. Привлекательная bonhomie*. К Гизо. Себастиани. Каталоги. В камеру депутатов. Сильная перепалка между Вилелем, Казимиром Перье и Себастиани. Шут [прбл.]. Голицын. Разговор на улице. Карета Пейронне⁷⁷. Non solum Toга**. К посланнику. Разговор о Наполеоне. В театр. «Moïse»⁷⁸. Великолепные декорации и приятное пение.

17(29), вторник. К Дежерандо в два часа. Он живет в глухом переулке; горница, в которой мы были, весьма небольшая; стены покрыты рисунками видов Италии. И есть картины, между коими особенно заметны «Волхвы» и «Святое семейство» Перужина. На столе стоит прекрасный бюст хозяина, работы Кановы, и бронзовый Наполеон, также Кановы. — Мы прождали несколько времени. Наконец явился хозяин и повел нас в школу глухонемых. Мы осматривали два часа. В это короткое время и еще с охотою Тургенева торопиться нельзя ничего видеть и слышать. В низших классах s'établissent les rapports entre les maîtres et les élèves***. Начальные основания языка движений и соединение понятия с письменными знаками. Сами воспитанники выдумывают свои знаки, учителя к сим знакам присоединяют принятые. Понятие о временах. Знак рукою вперед — будущее. Знак руками перед собою — настоящее. Знак рукою за

* простота, добродушие (фр.).

** Не только тога (лат.).

*** устанавливаются отношения между наставниками и воспитанниками (фр.).

себя — прошедшее. В высших классах сами воспитанники помогают учителям и служат монитерами⁷⁹. Но что меня наиболее поразило, то была девушка глухонемая от рождения и ослепшая на 13-м году. Теперь ей более тридцати лет. В этом состоянии полного одиночества она не только сохранила первые воспоминания, но и приобрела новые понятия. Она счастлива внутреннюю жизнь, которая вся религиозная. Правда, она окружена такими людьми, которые могут с нею выражаться посредством осязания — которым она может знаками сообщать мысли свои и ответы. Дежерандо взял ее за руку. Она его узнала в минуту и выразила знаком, положив руку на сердце, что это он. Спросили, любит ли ее Дежерандо. Она ответила утвердительно и прибавила, что сама его весьма любит. — Я взял ее за руку. Спросили: кто? Она отвечала, что не знает. Знаками сказали ей, что я учитель великого князя, и она это поняла. Этот феномен менее печален нежели утешителен. Здесь торжествует душа и объясняется назначение и счастье человеческое. Вопрос, что бы она была, если б не имела 13 лет зрения. Теперь предметы имеют для нее некоторую форму; тогда эту форму сообщило бы ей воображение; она не была бы сходна с существенным; но всё каждый предмет имел бы свой отдельный ясный знак, и язык всё мог бы существовать: ибо язык есть выражение внутренней жизни и отношение к внешнему. Язык изображает 1-е внешнее, отдельно мир физический, 2-е отношение внешнего взаимное к человеку и мир умственный. Человек творит мир со всеми его отношениями, творя язык. То же делает глухонемой, но его творение не сходно с творением зрячего. — Обедал у Бобринской. Ее работы лаковые: Долгорукий, Свечин. — В театре «Меропа»⁸⁰. Застал только последнюю сцену и не пожалел. М-е Duchenois не говорит моему сердцу. Дебютант Varlet⁸¹ в роли Эгиста, несносный крикун. Зато и партер без вкуса. Аплодируют тому, что надобно освистывать. Исмена была как бешеная в описании того, что происходило в храме: это совершенно противно натуре. Но партер хлопал, ибо каждый стих отдельно был выражен с пышностью. Так же и Эгист. Они не имеют трагедии. Она в гробе с Тальмою. Он один оживлял пустоту и сухость напыщенных французских трагедий. “Le premier venu”⁸² — забавная комедия была играна очень хорошо. Особенно Гранвиль⁸³ в роли Доримона, m-me Duprais в роли Жюльетты и Despreaux в роли Эмили.

18(30), среда. Поутру в Диораму⁸⁴. В своем роде совершенство. Вид Унтерзеена малого, большого Рюгена и Юнгфрау. Вид при луне Эдинбурга; вдали пожар, на первом плане развалины. Первая картина гораздо лучше последних. Вид развалин церкви. Все три картины Дагерра⁸⁵. Соединение транспаранта с перспективою. Картины в 50 футов. Зритель в первом месте стоит неподвижно и переходит, чтобы смотреть. Во втором оборачивается вместе с камерою. Освещение сверху. Соединение подвижного транспаранта с картиною для произведения эффекта пожара. Освещение и потемнение предметов. — В кабинет Дюпона. Восковые фигуры, представляющие сравнительную анатомию от лягушки до человека. Un

écogché*. Постепенность родов. Постепенное образование цыпленка в яйце от зародыша до вылупления. Человеческие болезни. Сердце Тальмы и кишки, от которых он умер. — В Тюльери: La galerie de Diane: Картина Жерарова «Дафнис и Хлоя». Лудвиг XVI. Лебриенова картина на плафоне. Часы. В этой галерее король обедает в торжественные дни. — Тронная. Люстра из кристалла. Камин. — Палата совета. Круглый стол. Картина: Филипп V принимает визитацию чинов испанских. Королевская спальня, убранная синим бархатом. Мазаринов золотой ларец. — La galerie des nobles**. — La galerie des maréchaux***. Церковь. — Прогулка по набережной. Les Bouquinistes****. — Обед в Palais-Royal. — В Variétés⁸⁶. “Les trois bossus”⁸⁷, глупая фарса. “L’intérieur d’une étude”⁸⁸, милая пьеса Скриба, в которой Брюнет как старый прокурор прелестен. — “Les deux matelots”⁸⁹. Одри и Боскье матросы и Фелисия дочь матроса. — “Les compagnons du devoir”⁹⁰. Боскье, Одри, Вернет и M-elle Temery⁹¹.

19(31), четверг. Марион, добрейшее создание. Обед у Ришара. Вечер в итал(ьянском) театре.

20(1), пятница. Кончина Сергея⁹².

21(2), суббота. Писал к Пушкиным и к Николаю⁹³.

22(3), воскресенье. Троицын день. Вынос.

23(4), понедельник, 24(5), вторник, 25(6), среда, 26(7), четверг, 27(8), пятница. В понедельник поутру похоронили Сергея в склепе Демидовых на кладбище Père-La Chaise. Во вторник Тургенев просил отпуска в Англию⁹⁴ и получил отказ. В четверг я был у посланника.

27(8), пятница. Поутру ходил к посланнику. Оттуда зашел посмотреть часовню⁹⁵, построенную на месте, где был погребен Лудвиг XVI. Прекрасное здание. Вход. Sacristie****. Нижний алтарь. Место, где похоронены кости всех, кто был казнен в революцию, и погибших во время праздников свадьбы. Луд(виг) XVI. Тут же и Елизавета⁹⁶. Место для ее памятника. Верхняя часовня. Завещание Лудвига XVI на пьедестале, на коем будет его колоссальная статуя, и аббата Еджеворта⁹⁷; завещание Марии Антуанетты, на пьедестале будет стоять ее статуя, поддержанная религиею. Барельеф, изображающий перенесение праха в Сен-Дени⁹⁸. Место, где высыпан прах погребенных, покрытое дерном. — В Геораму⁹⁹. — В кабинет медалей. — Домой. Спор с Тургеневым и моя бессовестная вспыльчивость. Обедал у Свечиных. После обеда. Гулял с Дезером по городу. Pont neuf¹⁰⁰. Лувр. Тюльери. Разговор о Министерстве, о либералах, о роспуске гвардии и о Конгрегации¹⁰¹.

* изображение в разрезе (фр.) — для изучения внутреннего строения организма человека или животного.

** Галерея дворянства (фр.).

*** Галерея маршалов (фр.).

**** Букинисты (фр.).

***** Ризница (фр.).

28(9), *суббота*. Поутру в Лувр. Французская школа¹⁰²: Жироде — «Потоп» и «Погребение Аталы». Давидовы: «Сабинянки», «Брут», «Леонид», «Клятва Горациев», «Велизарий», «Парис и Елена»; «Вход Генриха IV в Париж», «Кораблекрушение», «Брак в Кале» — Лебриеневы сражения. Лесюеров «Брут». — Вернетовы «Французские Альпы», «Дуб», «Лунное сияние». — Рубенсовы аллегорические картины¹⁰³. — Atelier*. — Леонардо да Винчи «Мадонна»¹⁰⁴. Портрет¹⁰⁵. — Рафаэлевые три «Свят(ые) семейства»¹⁰⁶. «Михаил архангел»¹⁰⁷. Портрет. — Грёзовы семейственные картины¹⁰⁸. — Галерея антиков. Минерва. Гладиатор. — У графини Разумовской: Монтебелло¹⁰⁹. — В театре Des Nouveautés. Прекрасное здание. «Jeu de cache-cache»¹¹⁰. «Paris et Londres»¹¹¹. M-r Jovial (Philippe).

29(10), *воскресенье*. Отъезд графини Разумовской¹¹². Поездка в С(ен-)Клу. Прекрасные деревья. Пыльная дорога через Булон и Отель. Булонский лес: кустарник и дорога. Танцы в С(ен-)Клу и в Булонском лесу.

30(11), *понедельник*. У меня Хорис¹¹³ и Экгоф¹¹⁴. У Гизо завтрак. На лекцию Вильмена¹¹⁵. Превосходно. О «Генриаде» и о эпосе. Оратор говорил о других эпических поэтах, представляя их историю и историю их гения, изобразил то, что Вольтер не был, и следственно то, что он был. Превосходное изображение Данта и Камюэнса. Сравнение Вольтера с Луканом. Виргилий. Le Tasse est moins original ou plutôt autrement original que le Dante. Un poème épique est l'expression de la pensée de tout un peuple, de tout un temps et en même la production la plus grande d'un grand génie**. Происхождение «Генриады»; был век Вольтеров. — Разделение поэмы эпической на artificielle et factice***. Присутствие Шатобриана. Энтузиазм молодых слушателей. Кокетство автора «Духа Христианства». — Годичное собрание Академии Наук¹¹⁶. Кювье значительное прозаическое лицо. Похвальные слова Галле и Корвизару¹¹⁷. В первом прекрасное изображение трудностей медицины. Интонации прекрасные. Черты Галле (NB. on ne peut pas mieux dire)****. О париках. Дюпень¹¹⁸: арифметическое сравнение прежнего благосостояния Франции с нынешним. — Обед в Palais Royal. Вечеру в Théâtre Français. «Cid». Почтенный старик Корнель¹¹⁹. Простота и сила его стихов. Лафосс Родриго¹²⁰. Нет характера. Одни отрывки. Все говорят по очереди, многое прекрасно. Часто не к месту крик. Récit de Cid*****. Бургоень Химена¹²¹. — «Les trois quartiers»¹²². Большое совершенство. Прелесть Пикаровых комедий: многообразие нравов времени. Il a vu toutes les conditions et les a peint fidèlement*****.

* Мастерская (фр.).

** Тассо менее оригинален, а точнее, по-другому оригинален, чем Данте. Эпическая поэма есть выражение мышления всего народа, целой эпохи и вместе с тем высшее творение великого гения (фр.).

*** творческие и искусственные (фр.).

**** нельзя сказать лучше (фр.).

***** Рассказ Сида (фр.).

***** Он видел все сословия и верно их изобразил (фр.).

Картины Derosier. Монроз Дебре. Мишелло Мартиньи; Гранвиль Бертран; m-е Демуан m-е Bertrand; Леверд Мариана; Дюмон Графиня, Брокар Жанна, Дебрео Жоржетта. Благородство. La naiveté de Georgette, le ton d'une personne de condition riche; le bon ton de la comtesse, le ton d'une femme de condition dans la marquise, le ton commun de négociant. Le ton degagé du banquier. Le ton noble du vicomte. Le ton trivial de parvenu. La souplesse du parasite. Tout a été exprimé en perfection. C'est une vraie jouissance*.

31(12), вторник. Поутру писал письма. К императрице¹²³. К Гудовичу¹²⁴. Потом в канцелярию. К Хорису и с ним к Жерару¹²⁵. Портреты Репнина, ди Борго, Пасты, M-elle Mars, Дюсиса. «Урика»¹²⁶. — В галерею дворца Люксембургского¹²⁷. 1-я галерея. «Психея» Жерарова. «Зенобия» Бьенемова. Бужон. La chapelle ou altaire à St. Roch^{128**}. Interieur de la salle du XV. siècle***. Конье. «Марий на развалинах Карфагена». Desprimé. «Семейство Гектора над его трупом». Delacroix. «Убийства в Хиосе». Delormes. «Цефал, унесенный Авророю». Dusis. «Des arts sous l'empire de l'Anne»****, Вандика «Мария Стюарт». [нрзб.]. «Проперций», «Тасс и Элеонора». Гране. «Внутренности церкви St. Bénédette». «Le couvent de Sainte Claire». «Пострижение». «La basilique de S. François d'Assise». Герен. «Федра». «Эней и Дидона». «Клитемнестра». Guillemet. «Смерть Ипполита». M-r Husson. «Un enfant gardé par son chien»*****. Lauder. «Павел и Виргиния». «Дедал и Икар». Langlois. «Кассандра». «M-е Lescot se baiser des pieds de St. Pierre», «La confirmation», «Le Tiers», «La supplice de fils de Brutus»*****. Picot. «Orest endormi»*****. Redoute. «Des Roses». Regnault. «Éducation d'Achille»*****. Novail. «Convalescence de Bayard»*****. Richard. «La duchesse de Montmorency». Vandaik. «Fleures et fruits»*****. Vernet. «Une chasse»*****. H. Vernet. «Les mamelucs». Richard. «L'Hermitage de Vaucouleurs». Steuben. «Pierre le Grand»*****. — Палата Пэров. Кресла. Колонны. Голубая драпери с лилиями. — Живописные стекла. Внизу горницы Марии Медицис. — Le marché de St. Ger-

* Простодушие Жоржетты, манеры состоятельной особы, хорошие манеры графини, светский тон маркизы, пошлость негоцианта. Бесцеремонность банкира. Благородство виконта. Плоскость выскочки. Гибкость прихлебателя. Всё было выражено совершенно. Это истинное наслаждение (*фр.*).

** Часовня или алтарь Святого Роха (*фр.*).

*** Интерьер зала XV века (*фр.*).

**** «Искусства в царствование Анны» (*фр.*).

***** «Ребенок, охраняемый своей собакой» (*фр.*).

***** «Леско целует ноги Св. Петра». «Конфирмация». «Посторонний».

«Казнь сына Брута» (*фр.*).

***** «Спящий Орест» (*фр.*).

***** «Воспитание Ахилла» (*фр.*).

***** «Выздоровление Баярда» (*фр.*).

***** «Цветы и фрукты» (*фр.*).

***** «Охота» (*фр.*).

***** «Петр Великий» (*фр.*).

main*. В театре: Opéra Comique¹²⁹. “Minuit”. “Les voitures voisées”. “Au travers”. “La guerre ouverte”**.

⟨Июнь⟩

1(13), среда. Поутру писал письма. К М-е Moreau¹³⁰. У М-е Gracham. У Warèe¹³¹. Обедал у Гизо. Жуффруа¹³². Разговор о Вильмене, о музыке, о Шолье¹³³, о вольтерьянстве. Корейф¹³⁴. Маленький Нарышкин¹³⁵. После обеда прогулка с Девеном. Вечер дома: в искусстве и письмах.

2(14). Поутру с Хорисом у Вернета¹³⁶: большая картина «Папа Сикст, Браманте, Микельанж и Рафаэль»¹³⁷. Картины: «Св. Георгий, убивающий змея» и «Гиану» Бейронов¹³⁸. Прожект картины «Смерть Гарольда» и «Вильгельм завоеватель». К Боссанжу¹³⁹. В Библиотеку¹⁴⁰: Кабинет эстампов. Библиотека Рукописей, восточные особенно. Рукописи авторов. Рукописи восточных языков. Клапрот¹⁴¹. Библиотека: Parnasse Français¹⁴². Глобус. Статуя Вольтера. Система мира Коперника. Пирамиды. Карта Каспийского моря, подаренная Петром Великим Лудвигу XV. — Прогулка к Notre Dame. Вид с колокольни. Hôtel de ville Grève. В театре: “Gazza ladra”¹⁴³. Pellegrini Po-desta, Bordogni Fernando, Profet Pippo, Blasis Ninetta, Rossi Lucia¹⁴⁴. Великолепный оркестр. — Le Foyer.

3(15), пятница. Поутру у меня Екгоф. К Гизо завтракать и прощаться. О М-е Moreau. С Девеном и его дочерьми к живописцу Scheffer¹⁴⁵. Большая начатая картина “Les femmes de Suly”, «Смерть Лудвига IX», портрет Лафаета, портрет Беранже. Картина отступления французской армии. Семейные картины: сон, родильница. Картины из Данта. “La douleur solitaire”***. — К Ружимону¹⁴⁶. — В Институт. Заседание академии надписей¹⁴⁷: Degérando. Quartemert de Quincy. Remusat. Monmeil: чтение о жирафе. Bureau de laucalle****. Явление семерых рассыльных à pied*****. Silvestre de Sacy¹⁴⁸. Библиотека. Обедал в Palais Royal. В синагогу. В театре Madame¹⁴⁹: “Le jeune mari”¹⁵⁰. “Nouveau Pourceaugnac”¹⁵¹. Paul Bern-Leon. Leontine-fay. M-elle Déjazet. *L'arbitre*. Colonel Gontier. Baron Ferville. Comtesse d'Esté Théodore. *L'Écrivain publique*. Dugrattori Bern-Leon.

4(16), суббота. Поутру в замок Инвалидов¹⁵². Спальни. Горницы для офицеров. Библиотека (рельеф). — Зала, картины. Меню на всю неделю, кухня. — Церковь. Дом. Памятники Тюреня и Вобана. Портреты маршалов. — Champ de Mars¹⁵³. École militaire¹⁵⁴ *****. — В театр. Глупый бенефис в Variétés. “Les deux Gaspards”¹⁵⁵ Jolly Gaspard l'avisé. Philipp Gaspard Simplet. M-elle Lemerry Jeannette. “Le Bénéficiaire”¹⁵⁶. L'Essoufflé Lepointre.

* Рынок Сен-Жермен (*фр.*).

** «Полночь». «Дорожные экипажи». «Проезд». «Открытая война» (*фр.*).

*** «Одинокая скорбь» (*фр.*).

**** Орган местного самоуправления (*фр.*).

***** пешком (*фр.*).

***** Военная школа (*фр.*).

“Une soirée chez Jocrisse”¹⁵⁷. Jocrisse Brunet. La Cuisinier Odry. Сцена карточной игры.

5(17), воскресенье. Fête Dieu¹⁵⁸. В королевскую библиотеку. Переход от площади du Caroussel до St. Germain l’Auxerrois, покрытый гобеленами. Отряд гвардии. Воспитанницы дофины, короля, дофина и la duchesse de Berry. — После обеда в Sceaux через fontaine aux roses. Веселая природа. Удивительно ароматный воздух. Танцы в Sceaux. Шляпки и чепчики. Карусель и амазонки. Спор за контрамарку. На возвратном пути через Chaumier. Прелестное освещение. Танцы. Розы. Зелень деревьев. Веселость и учтивость французов. Они умеют схватывать смешное и выражать его; они этим наслаждаются. Une mystification est une grande affaire pour un français; mais ils ne sont pas malicieux*. У нас десятой части нельзя того сделать, что здесь делают, не быв осмеянным. Chez nous on cherche à tourner en ridicule. Chez eux on le sait mieux et on ne manque jamais l’occasion, mais on est bienveillant. On n’attaque que la prétention**.

6(18), понедельник. Поутру в Jardin des plantes¹⁵⁹ ***. Ménagerie¹⁶⁰ ****: слепой тигр. Несколько волков. Schakal. Три медведя. Кабан. Лев. — В особенных строениях: тапир, бизон, страус, два слона. Четыре медведя в клетке, олень, египетские бараны, обезьяны. Анекдот о W. Скоте. — Посетители. — Лабиринт. Киоск. Вид. Кедр ливанский. К Румянцеву¹⁶¹, к Соммерару¹⁶². — После обеда в Cirque olympique¹⁶³ Paul. Les cavaliers et les fantassins. Le marché au chevaux, la fuite de Malec-Adel, le matelot*****.

7(19), вторник. Поутру в заседание police correctionnelle*****. Дело студентов медицины. Президент Дюфор¹⁶⁴. Вопросы весьма неясные и сбивчивые. Тон грубый. La manière des questionner très pastiche*****. пышная речь королевского адвоката Levasseur. Вступление о иезуитизме, о мятежах. Изложение дела, заключение. Короткое и убедительное защищение Мериллево¹⁶⁵: настоящее красноречие адвоката. Прочие речи. Слушание. Зрители. О публичности суда; о неприличии смешивать политическое с полицейским. Красноречия французского дар и его тенденции. Импровизация. — К Бодри. К Ришару. Хотел видеть «Отелло», но попал в Водевиль. “Le Baron Felsheim”¹⁶⁶. “Le fils du paysan”¹⁶⁷. “Les peintres”¹⁶⁸. Minette. Clara. Фонтен. Фридрих II.

* Мистификация есть важное дело для французов, но они незлобно-насмешливы (фр.).

** У нас ищут как бы высмеять. Они это умеют лучше и не упустят никогда случая, но при этом доброжелательны. Борются только с претенциозностью (фр.).

*** Зоологический сад (фр.).

**** Зверинец (фр.).

***** Олимпийский цирк Поль. Всадники и пехотинцы. Парад лошадей, побег Малек-Аделя, матрос (фр.).

***** уголовная полиция (фр.).

***** Манера задавать вопросы совершенно пародийная (фр.).

8(20), среда. Взял английские книги. В библиотеку¹⁶⁹. Отделение антиков. Апотеоз Августа Каме. Шахматы Карла Великого. Щит Аннибалов. Вещи, найденные в гробе Дагоберта. Медали Александра, медали афинские. Резные камни. Мумии ибиса, кошек; щит, шлем и меч Франциска I. Миродагобертово. Мечи Генриха IV. Движущийся зодиак. Мумии открытые. Мумии в пеленах. Мумии в гробах. Голова Геркулеса. Фавн кариатида. Череп, гроб, мумия. Надписи. Манускрипты: часослов Лудвига XIV. Манускрипты 8-го века — V и VI веков. Восточные манускрипты, рукописи Вольтера и прочие. — Вечеру в Opéra comique. “La vieille”. “La maison à vendre”¹⁷⁰. (Бунт.) “La Clochette”¹⁷¹. — “La vieille”: la comtesse M-e Pradler. “Maison à vendre”. Lise M-e Ponchard. Ссора в партере. Шиканье. M-e Ponchard. Бунт в партере. Речь комиссара полиции. Оглядка и движение. Сцена в моей ложе. “La Clochette”. Ardlin. “La feuillage”. Платье непослушное. Palmure. Pradler. Lucifer. M-e Rigaut.

9(21), четверг. Поутру писал письма. К кн. Голицыной. В Пантеон. Катакомбы. Закладенный гроб Вольтера и Руссо. Гроб Монтескье, Кабаниса, Троншета. Многих генералов. Эхо. Внутренние красоты. Коринфские колонны. Купол, расписанный живописцем Гро. Все династии королей Франции. Хлодвиг, Карл Великий, Лудвиг Святой, Лудвиг осмнадцатый и голый duc de Bordeau в нише, св. Геневи́ева. 490 ступеней. Вид на Париж: труба и колонна de la place Vendôme. Обед у Щербатова. Шувалов¹⁷², Брюс, один из издателей “Globe”¹⁷³, Жомини. В театре Madame: “L’Héritière”¹⁷⁴. Gontlie¹⁷⁵. “Le sourd, ou L’auberge pleine”¹⁷⁶. “Que font les vaches a Paris? — Des vau-devilles. Quel est l’animal le plus vieux? — Le mouton, car il est l’aîné”^{177*}. Сцена сна: постель, занавес.

10(22), пятница. У меня Дегер и Кореф. В Версаль¹⁷⁸. L’avenue. Les heures en demi cercle. La place d’armes**. Мраморное крыльцо и балкон, на коем явилась королева. Восток. Длинный коридор. Vestibule. La chapelle***. Верхний и нижний этаж. Мраморная балюстрада. В палату для карт. Расписанный потолок. Salons d’Hercule, de Vénus, de Diane, de Mars. Картины из жизни Лудвига XIV. — Appartements de la reine. Chambre à coucher, petite porte. Salle de Генрих. Gardes du corps. Escalier de marbre. — Chambre du roi. Œil de bœuf. Chambre à coucher de Louis XIV. De Louis XV et XVI. — Salle de Spectacles****. Колоннада; поднятый пол. Портреты (Portrait de Louis XIV

* Что делают коровы в Париже? — Городских телят (игра слов: veau de ville — «городской теленок», звучит так же, как слово «водевиль»). Какое животное самое старшее? — Баран, потому что он самый шерстистый (игра слов: l’aînée — «старший», laineux — «шерстистый»).

** Проспект. Полукруглые часы. Учебный плац (фр.).

*** Передняя. Часовня (фр.).

**** Покои королевы. Спальня, маленькая дверца. Зал Генриха. Кордегардия. Мраморная лестница. Покои короля. Слуховое окно. Спальня Людовика XIV. Людовика XV и XVI. — Концертный зал (фр.).

à cheval. Louis XIV dans sa famille)*. — Сад. Большие террасы. Два водоема с лягушками. Оранжерея. Bain d'Apollon. — Rotonde de marbre**. Главная аллея и бассейны. Запах. Уничтожение и разведение сада по тому же плану. — Малый и большой Трианон. Le chalet Suisse**. Дорожки; ход под утесом.

11(23), *суббота*. Вечер. У Cuvier. Яишница из стр(охокамилового) яйца¹⁷⁹. Скучная важность заседания. Издатель "Constitutionnel"¹⁸⁰. Разговор о заиках; о m-e Pisaroni. Кореф. Дегерр.

12(24), *воскресенье*. В Сен-Дени. Гроб Лудвига XII. Гроб Франциска I. Два старых гроба в церкви. — Надгробный камень под балдахин и доска-алтарь с серебряным барельефом Наполеонов. — Надгробные камни от Кловиса¹⁸¹ до Бурбонов. Некоторые раскрашенные. Лудвиг Святой. Носы. У женщин под ногами собаки, а у мужчин львы. Дверь Наполеонова с тремя ключами и закладенная стена. — Монморанси¹⁸². Вид с горы на Париж и Сен-Дени. Эрмитаж, где теперь живет дочь Гретри. Руссов розовый куст. Его бюст, стол, постель его и Терезы¹⁸³. Чашка. — Очки Гретри. Платок с гипсом. — Плита под деревом. Вид с горы. Обед. Поездка через Ангиен. Пруд с островом. Плаватели. Расположение строений. Дом, где ванны. Сад. Кофейный дом. Башня, где источник.

13(25), *понедельник*. У Щербатова. В театре: "Léonidas"¹⁸⁴. Léonidas Ligres. Cléomène Joanny. Archidamis Duchenois. — "Le conteur"¹⁸⁵. Milord Spleen Cartigny. Angélique Mars.

14(26), *вторник*. Утро. На кладбище Père La Chaise. У Vape. В опере: "Le barbier de Séville"¹⁸⁶.

15(27), *среда*. Поутру у графини Разумовской. В Conciergerie¹⁸⁷. Вход сводами. Коридор довольно просторный. Прежде по обеим сторонам clochets****. Дверь бывшей тюрьмы М(арии) Антуанетты. С нею бывшая тюрьма Елизаветы. Свод раvé****. Часть принадлежит церкви, в кою входят молиться затворники. Наверху за решетками женщины. Внизу мужчины. За черным занавесом charelle*****. Тюрьма М(арии) Антуанетты обращена в Charpelle. Три картины. М. Антуанетта в минуту разлуки с дочерью в Тампле. Причащение Марии Антуанетты в Консьержери. Слова из testament*****. Барельеф короля и королевы. — Закладенная дверь к часовым. — Cachot de punition*****. Двор. Pistole***** или общая комната. — Тюрьма

* Портрет Людовика XIV на коне. Людовик XIV в кругу своей семьи (фр.).

** Купальня Аполлона. Мраморная ротонда (фр.).

*** Швейцарский домик (фр.).

**** колокольни (фр.).

***** мощеный (фр.).

***** часовня (фр.).

***** завещание (фр.).

***** Карцер для наказания (фр.).

***** Отделение тюрьмы, где заключенные могли питаться за собственный счет (ист., фр.).

Уврара¹⁸⁸. Бывшая тюрьма Лавалетта¹⁸⁹, теперь кухня. — В Луврскую галерею. Обед в Palais-Royal. В Théâtre Madame: “La pensée d’une femme”¹⁹⁰. M. Théodore. Desparut. “Le frère et la sœur”¹⁹¹; Léontine-Fay и Gontier¹⁹². “La mansarde des artistes”¹⁹³. Gontier. Bern-Leon.

16(28), четверг. У Соммерара. «Магдалина» Кановы. Часы-брелет. Тицианов «Спаситель». Корреджиева «Магдалина». Жироде «Аврора и Цефал». Портрет Соммерара Прадона. «Галатея» Жироде. Монтебелло. Обед в Roche de laucale. В театр. “Les deux frères et les trois courtisanes”¹⁹⁴.

17(29), пятница. В Hôtel des Monnaies¹⁹⁵. Литейная. Les lingots*. Машины для раздавливания серебра. — Вырезывание кружков — вес — наведение матта¹⁹⁶ — скобление — выбивание краев. — Штемпеля. — Медали. — Путоны. Медали древние. — Медали королей от Лудвига XIV до нынешнего времени. — В Château de Vincennes**. Двор — два новых корпуса. — Ворота и над ними те горницы, в которых был судим и осужден d’Enguyen¹⁹⁷. Ров. Колонна и насыпь с крестом. — Часовня и памятник d’Enguyen. Donjon de Vincennes***. Тюрьма Мирабо и большая горница с одним столбом, где умер Генрих V. Платформа и вид с нее. К Варе. — Обедал у посланника. Альтести. Мещерский. Ермолов. В театре — «Макбет»¹⁹⁸. “Carnaval de Vénius”¹⁹⁹. Балет.

18(30), суббота. Поутру у графини Разумовской. Завтракал у Мериана. Театр: “Tenue de Paris”²⁰⁰. “Les deux mousquetaires”²⁰¹. “Le Loup-garou”²⁰².

19(10), воскресенье. У живописца. Обед в Palais-Royal. В театре: “Juliette et Romeo”. “Turcaret”²⁰³.

20(2), понедельник. Поутру к живописцу. В ванну. С графиней Разумовскою к графине Брюс²⁰⁴. Осматривал дом au valet de chambre**** Шатобриана²⁰⁵, принадлежащий теперь Монморанси. Сад разведен и дом построен Шатобрианом. La chapelle***** de Montmorency: ковер шитый герцога Ангулемского. Сад прекрасный. Луг, усыпанный группами деревьев — аллея. Уединенное место, где работал Шатобриан. Павильон, внизу библиотека, вверху chapelle. Ковер из Америки. В доме лестница. Китайская горница. — Прелестная дача гр. Брюс. Châtelet*****. Calvaire*****. Визит к Нарышкиной. М-е Ferraud. Дочь Чичагова²⁰⁶.

21(3), вторник. Поутру к графине Разумовской. Попытка неудачная в Clos de Malbré. В Conservatoire des arts et métiers²⁰⁷: модели. Инструменты. Машины. В Jardin des plantes*****. Жирафа. В кабинет. Les fos-

* Слитки (фр.).

** Венсеннский замок (в пригороде Парижа) (фр.).

*** Главная башня Венсеннского замка (фр.).

**** камердинер (фр.).

***** часовня (фр.).

***** Небольшой укрепленный замок (фр.).

***** Придорожное распятие (голгофа) (фр.).

***** Ботанический сад (фр.).

siles*. Удивительный порядок в расположении и приготовлении. — Обед. В Palais-Royal. У Варе. Ввечеру у Свечиной.

22(4), среда. Завтракал у Разумовской с Монтебелло и Девеном. Ввечеру с Разумовской в театре. “Les 30 ans ou la vie d’un joueur”²⁰⁸. M-e Allan-Dorval²⁰⁹. M-r Frédéric²¹⁰.

23(5), четверг. Поутру вместе с Разумовской. Bourgeois²¹¹. С ним и с Девеном к Лафайету. — В дом Мерианов. К Шуваловым. К Долгорукому. Разговор с Кабрилетом. Обедал в ресторации. В театр Variétés: “Les vendeurs des balais”²¹². “Les deux Matelots”. “Les bonnes d’enfants”²¹³. “Jocrisse chef des Brigands”²¹⁴.

24(6), пятница. У Разумовской. В посольство. К Варе. К Корефу. К Дамасу²¹⁵ с Дегером. Разговор с Дегером о партиях. L’Extrême gauche sur la bourse** de Lafayette, de Laffitte, de V. Constant. Республика. Большая часть Парижа, в провинции les avoués, les médecins et autres pareils***. L’Extrême droite****: аристократия. Сохранение хартии с изменениями по части военной службы: теперь конскрипция и разврат. Покупка конскриптов компаний. Влияние вредное. С(ен-)Сир²¹⁶. Желание установить кадетов. Изменение выборов. Теперь $\frac{3}{5}$ en masse et $\frac{2}{5}$ en deux étages*****. У Бобринской. Милая Талеран²¹⁷.

25(7), суббота. К обедне с Долгоруким. Дивов. Тютчев²¹⁸. К Варе. К живописцу. Обед у посла. Комната с Жераровыми амурами. Портрет государев Доу. Великолепный обед. Вилель. Дамас. Корбьер. Шаброль. Клермон-Тоннер. Талеран. Мериан. Нунций²¹⁹. Весь дипломатический корпус русский: Чичагов, Кологривов, Лобанов, Дивов, Тютчев, Тюфякин, Долгорукий, Жомини, Потоцкий.

26(8), воскресенье. Поутру у графини Разумовской. Кн. Волхонская²²⁰. К Перову. К Варе. К Мериану. Обедал в ресторации. У нас Буржуа. После обеда у Свечиной с Разумовскою. В Тиволи²²¹. Стрельба из лука. Проба силы. Стрельба из арбалеты. Висячие, круглые, вертящиеся качели. Gondoles aériennes*****. Физический кабинет. Фейерверк. Зала танцев. Ресторация.

27(9), понедельник. Поутру в Palais de Justice: дело о покраже кроликов. Дело Вилера²²². — В Panthéon de Rubens. Обед в ресторации. — С Тургеневым покупки. — Вечер у Разумовской.

28(10), вторник. Завтрак с Разумовскою, Девеном и Монтебелло. У Свечиной. Выезд в 6 часов с Моденом.

29(11), среда. Завтракал в Перонне. Замок старинный в Комбре. Церковь кафедральная. Живопись en bas-relief (Gercurt). Большая площадь с углами.

* Ископаемые (фр.).

** Крайняя левая на бирже (фр.).

*** адвокаты, медики и другие подобные (фр.).

**** Крайняя правая (фр.).

***** все вместе, целиком и (...) в две ступени (фр.).

***** Воздушные гондолы (фр.).

Памятник Фенелона²²³. Башня от древнего архиепископства. — Валансьенн. Большая площадь с огромными зданиями. Ядра.

30(12), четверг. Монс. Письмо к Луи. Почтовый двор. Намур. Дорога берегом Масса. La vallée de la Masse*. Ландшафты. Долина. Ехали утром; ночевали в Пуа. Крепость и вид с крепости. Ехали в лунную ночь долиною Мозы. Замок Сердобини.

⟨Июль⟩

1(13), пятница. Ахен. Дом: колонны, посреди гроб Карла Великого. Стул наверху. Памятник Барбароссы, ограбленная французская часовня Св. Терезы. Часть мозаики. Картина Рубенсова «Рождество», копия с антверп(енской) картины. Гранитные колонны. Купель с мозаикой. Саркофаг Августов, стоявший у ног К(арла) Великого. Сокровищница: рука, бюст и рог Карла Великого. Его кости в кивоте. Мощи: часть креста, веревка, плащаница Спасителя, гвоздь, пелены; полотно, облитое кровью Иоанна Крестителя; покров Богоматери. Корона, подаренная регентом. Корона, подаренная Мариєю Стюарт. Гроб стоит под алтарем. — Проехал Лютгих. Завтракал в Кёльне, осматривал Дом; церковь Петра: картина Рубенсова «Распятие Петра». Церковь Марии in Capitol: окна расписные. Дом, где родился Рубенс и умерла Мария Медицис. Вид с моста. Приехал в Кобленц ночью. Здесь ужин. Переезд при луне в Эмс. Прелестный вид с горы и на долину.

3(15), воскресенье. Вечеру разговор с Козловским. Письмо от Саши.

4(16), понедельник. Писал к Саше. Переехал на другую квартиру.

5(17), вторник. Начал пить воды. Вечер у княгини Голицыной. Был Deserre. У М-е Дальберг. У Радзивилла. — Приезд Рейтерна.

6(18), среда. У Волхонской, у Самойловой. Начал читать бумаги Николая²²⁴.

7(19), четверг. [Без записи.]

10(22), воскресенье. Вечер у Голицыной.

11(23), понедельник. Вечер у Самойловой. Банк. Прежде у княгини Волхонской. Разговор с Алиною.

Вторник, среда, четверг. [Без записей.]

15(27), пятница. Обедал у Штейна. Вечер у Голицыной, petits jeux**. Глупая надутость Голицына.

16(28), суббота. Разговор с Козловским. Козловский в Англии был бы необыкновенный человек; в России он гибнет или теряется; и не она виною, а он. Ибо при великом уме, при обширных знаниях, при таланте он не может произвести главного уважения, ибо не сохраняет достоинства. В Англии два человека в человеке: частный и народный. Народному часто так много бывает дела, что он, так сказать, поглощает частного; на народном он утверждает свое достоинство и, так сказать, им маскирует частного. В России это невозможно: народного нет! Частное не имеет подпоры! И если

* Долина Масса (фр.).

** салонные игры (фр.).

человек сбился с пути, то он сбился весь, и талант, и ум не спасут его от той грязи, в которую он должен упасть, потеряв достоинство при всём уме и таланте. Потому-то и нужно более всего у нас беречь свое нравственное достоинство: ибо оно наша единственная опора.

ЗАПИСКА О Н. И. ТУРГЕНЕВЕ²²⁵

Тургенев был вызван к суду — он не явился²²⁶. Сим поставил он судей своих в совершенную невозможность решить, виноват ли он или нет. Своей неявкою он мог только возбудить против себя подозрения в виновности. Но в то же время он и у самого себя отнял возможность оправдаться. По сему над ним нельзя было произнести никакого приговора. Для обвинения его нет ни фактов, ни доказательств убедительных, ни собственного признания, которое впрочем при недостатке фактов не удовлетворительно. Тургенев судим был в отсутствии²²⁷; никому не была поручена его защита. Единственная действительная вина его неявка, но за неявку нет наказания, ибо наказание не определено законом. Следовательно, неявка не признана законом виною. Но сия неявка, которая должна была произвести одно только *сомнение* и, следовательно, должна была остановить приговор, принята была, напротив, за убеждение, и Тургенев был обвинен как преступник, по доказательствам сомнительным именно потому, что его самого не было налицо для опровержения сих доказательств. Его письменное отношение было отвергнуто²²⁸.

Приговор:

- I. Тургенев обвинен в участии в тайном обществе;
в учреждении и восстановлении оного;
в замыслах ввести республику.

Тургенев обвинен в том, что был деятельным членом тайного общества. Тургенев вошел в тайное общество, учредившееся до возвращения его или скоро по возвращении его из чужих краев. Цель сего общества известна была ему из его устава, в коем нет ничего преступного. Особенная цель сего общества была ему неизвестна, могла быть только известна первоначальным его учредителям. Цель же особенная Тургенева состояла в том, чтобы привлечь членов на сторону тех идей, к коим он исключительно был привязан, то есть к уничтожению рабства крестьян²²⁹: он хотел возбуждать их, давать своим крепостным людям отпускные и делать из крестьян своих вольных хлебопашцев. В сей особенной цели его не было ничего преступного, ни даже тайного, ибо свои идеи об освобождении крестьян он сообщил самому покойному Императору, от коего он получил за них и благословение. Имея сию особенную цель, к которой Тургенев стремился страстно, он не только не мог разделять с членами их замыслов насчет введения в России конституции или республики, но он неминуемо должен был быть сим замыслам противен, ибо, по его мнению, которое было и мне давно известно, освобождение крестьян

в России может быть с успехом произведено только верховною властью самодержца. Итак, он не мог желать одного и в то же время стремиться к другому, ему противоположному. Сверх того его мнения насчет конституции и республики были мне всегда известны. Он имел мысли свободные, но в то же время имел и ум образованный. Он любил конституцию в Англии и Америке и знал ее невозможность в России. Республику же всегда почитал химерою. Итак, он был членом тайного общества, но общества по своей цели, ему известной, не преступного и тогда, когда тайные общества не были запрещены в России. И вступив в него, он не надеялся никакой обширной пользы, ибо знал, из каких членов оно было составлено, но счел долгою *вступить в него, надеясь хоть несколько быть полезным* особенно в отношении к особенной цели своей, то есть к освобождению крестьян. Но скоро увидел он, что общество не имело никакого дела и что члены, согласившись с ним в главном его мнении, то есть в необходимости отпустить крепостных людей на волю, не исполнили его на самом деле. Это совершенно его к обществу охладило. И во всю бытность свою членом он находился не более пяти раз на так называемых совещаниях, в коих говорено было не о чем ином, как только о том, как бы придумать для общества какое-нибудь дело. Сии разговоры из частных, то есть относительных к обществу, обыкновенно обращались в общие, то есть в разговоры о том, что в то время делалось в России и тому подобное. Для таких разговоров не нужно было принадлежать к тайному обществу, и они происходили везде, и в обществе и вне общества: о правительстве, о лучшем роде правления, о конституции, республике. Члены, не знавшие особенной цели тайного общества, видели в нем одну болтовню; члены, коим сия особенная цель была известна, толковали их по-своему. Нельзя сказать, чтобы план сих последних с продолжением общества созрел, ибо не видно ничего зрелого ни в плане их, ни в действии, ни в исполнении, но они привлекали к своим идеям и в то же время, бывая часто с людьми, коим их особенные идеи были неизвестны, но кои принадлежали вместе с ними к одному обществу, привыкали в них видеть сообщников, с ними во всем согласных. Это столь же естественно, как и то, что Тургенев, бывший всего-навсего на пяти совещаниях, исключительно привязанный к одной только идее освобождения крестьян и в прочем совершенно убежденный и в незначительности общества и в неспособности членов ни к чему важному, мог не знать сей тайной цели немногих. Всё его внимание обращено было на действительную службу. Он почитал общество игрушкою, чем оно действительно в то время было. Он жил уединенно, работая, как весьма немногие по делам совета, с утра до ночи, выходил из своего кабинета только в совет, в Английский клуб или для прогулки. С обществом же не был в сношении, ибо не мог иметь для сего времени, вся его жизнь принадлежала должности, и он исполнял сию должность с такою совестною ревностью, что наконец потерял здоровье и вынужден был покинуть Россию.

Не удивительно, что члены того общества, к которому он принадлежал, то есть Союза Благоденствия, имевшего уставом Зеленую книгу²³⁰, как те, коим

особенные цели сего общества были известны, так и те, кои в то время еще о ней не знали, почитали его весьма важным для общества: его высокий характер, его прямодушие, его образованность, его ясные твердые правила вселили к нему всеобщее уважение. Но если он был признаваем одним из главных по уму и всеобщему к нему уважению, то это не значит, чтобы он был главным действователем общества. На это нет доказательств. А решительным опровержением сего служит то, что тайная цель общества была в совершенном противоречии с его особенною, всем известною целию и что те из членов, кои знали тайную цель общества, не могли ее открыть Тургеневу именно потому, что его особенная цель, им противная, была им известна. Сие уважение к характеру Тургенева имел и покойный государь, которому образ мнений его был совершенно известен.

Для осуждения нужны несомненные доказательства, основанные на фактах, подтвержденных ясными, согласными показаниями свидетелей и собственным признанием. Для несомненного доказательства нужны факты; показания свидетелей и собственное признание только их подтверждают, но они заменить их не могут. Без фактов же ни показания свидетелей, ни даже собственное свидетельство не удовлетворительны и обвинение на них утверждено быть не может.

Но Тургенев осужден по одним только показаниям свидетелей, вообще не согласных, а в главном совершенно противоречащих одно другому. Фактов же его обвиняющих нет. Собственного его признания быть не могло, ибо он осужден был в отсутствии. Напротив, в своем объяснении он опровергал все известные ему тогда показания присланным объяснением: оно было представлено до суда, но не было принято. Итак, главного, на чем бы могло быть утверждено обвинение Тургенева, то есть фактов, нет, следовательно, его обвинение ни на чем не основано и само по себе не может быть законным.

Что видно из показаний и что остается доказанным.

То, что Тургенев принадлежал к тайному обществу. Если он принадлежал к тайному обществу, то из сего следует, что он был и на совещаниях, что мог и принимать членов, и быть президентом. Это не делает его виновным, когда то общество, к коему он принадлежал, не имело в себе ничего преступного, когда в уставе его была означена одна общепользная цель, согласная с общим порядком.

Следует вопрос: к какому обществу принадлежал Тургенев?

К обществу, которое называло себя Союзом Благоденствия и коего цель, всем членам вообще известная, была положена в уставе его, называвшемся Зеленою книгою. Устав сей, служащий фактом достаточным для обвинения, известен: в нем нет ничего преступного. Тургенев не был учредителем сего общества — он вошел уже в общество учрежденное. Но если бы он и был учредителем сего, а не другого общества, то в этом не было бы никакой вины. Ибо явная цель сего общества, означенная в его уставе, не была никогда преступною. В это же общество Тургенев принял одного члена Митькова. Это

столь же мало преступно, как и самое участие в этом обществе. Принятие другого члена Миклашевского ничем не доказано. А третий Толстой дал свидетельство, что не был никогда принят Тургеневым.

Итак, из всех показаний и из собственного признания Тургенева ясно только то, что он был членом тайного общества, не имевшего по своему уставу никакой преступной цели, был членом в такое время, когда в России существовали тайные общества и не были запрещены правительством, наконец, был членом его в то время, когда оно и по самому донесению следственной комиссии не имело никакой преступной деятельности, оказавшейся в нем со вступления в него Рылеева, а Рылеев вступил не в первое, а уже в возобновленное общество. Первое же было уничтожено самим Тургеневым, и ничем не доказано, был ли он установителем второго.

Итак, Тургенев не потому преступник, что он был член тайного общества. Он может быть преступником только тогда, когда будет доказано, что он знал тайную особенную цель общества и участвовал в замыслах тех, коим с самого начала сего общества сия тайная цель была известна.

Фактов, утверждающих, что Тургенев знал сию цель, не находится. Тургенев утверждает, что он не знал и не мог знать сей цели. Остаются показания свидетелей. Достаточны ли они для обвинения?

Суд признал важными, хотя для убеждения недостаточными, только два показания: Пестеля и Рылеева. Но показания Пестеля, приводящего одну только сказанную Тургеневым фразу, без ясного означения, по какому случаю сказана сия фраза, подтверждаются двумя, не подтверждаются тремя и отвергаются четвертым. Достаточно ли оно для убеждения? Если против невинности говорят три, а в пользу невинности четыре. На чью сторону должно перейти беспристрастное правосудие? — Показания же Рылеева опровергаются само собою. Рылеев говорит о таком заседании общества, в коем находились Бестужев и Торсон. Но Торсон принят в общество в 1825, а Тургенев оставил Россию в начале 1824-го. Если бы взяли сию справку, то она опровергнула бы неосновательное показание Рылеева. А ничтожность же показаний и Рылеева и Пестеля убедила бы судей, что для обвинения в уголовном преступлении нельзя полагаться на сказания людей, кои не могут помнить того, что и с кем говорили в несколько лет, что для этого нужны факты и что если нет фактов, надлежит по крайней мере остаться в сомнении насчет обвиняемого, когда идет дело о чести и жизни.

Главное следствие:

Доказано одно, что Тургенев был членом общества Союза Благоденствия.

Не только не доказано, но основано на свидетельствах противоречащих и явно ложных, что Тургенев знал преступные цели некоторых и участвовал в их замыслах.

Тургенев был в отсутствии и представил объяснение, которое не было принято.

Нет никаких законных причин признать его преступником.

Но Тургенев удалился за границу и, требуемый к суду, не явился и тем подтвердил показания. Достаточно ли это для обвинения?

Нимало: во-первых, Тургенев не удалился за границу, как будто скрывался от правосудия за два года до кончины императора, он был принужден покинуть отечество за болезнью. Несколько раз до тех пор просил он отпуска и всё был удерживаем государем, который наконец, увидя необходимость, отпустил его, благоволив дать ему чин и деньги на дорогу. И несколько раз потом изъявлял желание, чтобы он скорее возвратился. Это не значит бежать от наказания. Напротив, если бы Тургенев имел приписываемые ему замыслы, то он бы не помыслил удалиться, а напротив, счел бы необходимым остаться, дабы содействовать успеху сих замыслов. Во-вторых, он не явился. В этом он виноват. Но неявка не есть еще замышление против жизни Государя и против общего порядка.

Здесь может представиться вопрос, почему поехал брат, а не сам он постарался себя очистить. Напомню, что Н(иколай) Т(ургенев) был за границею из болезни, которая продолжается и теперь. В качестве обвинения против него были одни слухи. Невозможно Тургеневу было вначале жертвовать отчизною, после здоровьем.

Если против обвиняемого надобно принять всё, что служит к доказательству вины его, то столько же нужно принять и то, что служит к его оправданию. Тургенев находился в Париже в то время, когда случилось происшествие 14 декабря. Но он был уже на отъезде в Англию, и отъезд сей не был следствием полученного им известия из России, а давно принятое намерение, чему служит доказательством и то, что он задолго пред тем в Карлсбаде расспрашивал Блудова о жизни в Англии и сообщил ему свое намерение туда ехать. И я сам послал ему за несколько времени рекомендательные письма от Вильсона в Шотландию. О чем говорило известие, полученное Т(ургеневым) в Париже. О бунте гвардии по случаю присяги Г(осударя) И(мператора). В этом нет еще ничего относительного к тайному обществу, в коем находился Тургенев. То, что было открыто Следст(венной) Ком(иссией), сделалось известно из рапорта. Тургенев уехал в Англию, не зная, в чем состояло дело. После в Англии по слухам дошло до него известие об открытом заговоре и об участии в нем некоторых из членов общества и об том, что его имя замешано в сем заговоре. Брат его с ним находившийся поехал немедленно в Париж и оттуда в Россию, чтобы узнать подробности сего дела. Приехав в Петербург, он услышал, что все обвиняют его брата в соучастии в заговоре против правительства. Тогда только в первый раз узнал он о существовании тайного общества и о том, что брат его был одного членом. Он написал к нему, что знал, уговаривал его не ездить, зная его болезни, опасаясь за его жизнь и даже в сомнении насчет его участия, будучи в совершенном неведении насчет сущности дела. В то же время он просил его прислать от себя объяснения насчет своего участия в тайном обществе. Тург(енев) написал наобум, что знал, не мог написать ничего полного, ибо не мог знать подробности, не имел в руках рапорта

Следств(енной) Комиссии и не воображал никак того, что было для него до тех пор тайным.

Если он говорил о тайном обществе, в коем участвовал слегка, то говорил об нем то, что тогда думал и чего не мог бы думать, если бы имел в руках донесение Следственной Комиссии. Но сия же самая неясность объяснения служит доказательством в его пользу — мог ли бы он говорить таким языком, когда он внутренне убежден был в возможности того, о чем говорил и что тогда должно было быть известно правительству. Это объяснение, на кое не обращено было внимание, было отправлено, когда пришел к нему князь Горчаков с требованием, чтобы он явился к суду, и с изъявлением, что он немедленно будет объявлен изменником, если откажется явиться. Повторю: Тургенев виноват, что отказался явиться. Но он в этом случае виноват столько же против себя, сколько противу правительства. Своею неявкою отнял он у себя средство представить явные доказательства своей невинности. Уменьшает однако вину его то, что было объявлено ему именем Государя: он мог ужаснуться того, что ожидало его от судей, когда уже без суда, на одной только неявке оглашали его преступником государственным. Это опасение, если не совершенно извиняет его, то достаточно изъясняет, почему и уверенный в своей невинности, он мог не явиться к оправданию. И сия неявка, как означено в приговоре, подтвердила его преступление. Итак, то, что он сказал в свою пользу, было не только отвергнуто, но даже не принято, а его отсутствие было признано за подтверждение. Но когда же неявка бывает доказательством!

Неявка может в крайности только возбудить сомнение, то есть воспрепятствовать произнести и pro и contra. Но она не представляет ничего положительного. Напротив, сия неявка вся во вред Тургенева: во всё, что против него показано, гораздо более материалов для его оправдания, нежели для осуждения. Итак, своею неявкою он положил только препятствие суду оправдать его, а не усилил причин обвинить его. Ибо неявка есть одинакое препятствие как для обвинения, так и для оправдания. — Теперь вопрос. Неявка сама по себе есть ли вина. Нет. Что такое вина? То, что закон предварительно признал виною. Но неявка в делах уголовных подлежит ли у нас наказанию. Нет. Следовательно, неявка сама по себе не вина. Как же она может подтверждать обвинение в преступлении уголовном.

Когда судят человека, обвиняемого в уголовном преступлении, и когда нет ни фактов для убеждения в его вине, ни его присутствия для признания в вине или для опровержения обвинения, то надлежит обратить внимание на всё, что может служить к его оправданию. Суд должен быть беспристрастен. Его предмет не обвинение и не оправдание, а одна правда. Правда или карающая или освобождающая обвиняемого; чистая, ясная, не подлежащая никакому сомнению правда. Объяснение вины или объяснение невинности должны быть равно для него святы, ибо и в том и в другом может заключаться правда. Почему же не принято судом объяснение Тургенева. Скажут, что оно не написано ни на чье лицо и не по форме.

Но оно писано самим обвиняемым и могло бы быть документом его для следствия. Если бы это объяснение было опровергнуто и найдено неосновательным, оно послужило бы для обвинения. Если бы, напротив, оно найдено было основательным, то послужило бы для оправдания; в обоих случаях послужило бы к отысканию главного, то есть к отысканию правды. Отвергнув его, суд лишил себя права произнести решительно, ибо он не обратил внимания на то, что сказал обвиненный в свою пользу. Если он признал сие объяснение обвиняемого маловажным и не стоящим внимания потому только, что он сам не явился, то поступил несправедливо; ибо неявка не имеет ничего общего с судимою виною; она дает права признать неявившегося только отсутственным, ослушным, но не заговорщиком и царубийцею. Напротив, обязанность суда принимать в пользу обвиняемого всё, что встретится, где и как ни встретится: на оправдания формы быть не может, как скоро дело идет о невозвратной потере жизни и чести. Если суд мог уважить не подтвержденные ничем показания свидетелей, то не по тому же правилу должен бы был уважить и соответственно показания обвиняемого. И если неявка с одной стороны обременяла обвиняемого новою виною — виною совершенно отличною от главной, — то в то же время сделала его и более беззащитным, следовательно, наложила обязанность на суд некоторым образом заступить его место, действовать с особою осторожностью и изыскать строго всё говорящее в пользу отсутствующего, действовать за него, ибо он сам за себя не может действовать, и не вменять ему в наказание неявки, ибо таким только образом действуя, возможно суду достигнуть конечной единственной цели своей — к отысканию правды.

Он мог с энтузиазмом привязаться к некоторым идеям, но при всей способности к энтузиазму он имеет и твердый ум и особенную чистую нравственность, основанную на правилах ясных, нравственность, которая никогда бы не допустила его до того, чтобы не почувствовать, что никакая цель не оправдывает средство, что убийство всегда убийство, что благодарность есть добродетель. Идея могла ослепить его рассудок и кто сему не подвержен, но никакая идея не могла ослепить его сердце, сделать его низким, сделать способным замышлять на жизнь своего благодетеля и принимать новые благодеяния от того, чья погибель определена была уже в тайне души. Такого чудовищного чувства душа Тургенева не способна не только питать, но и пожелать возможным, — свидетельствует всякий, кто знает его хорошо и кому известна прошедшая жизнь его.

Всё сказанное выше основано на одном только рассмотрении самого приговора и причин, побудивших судей произнести его без всякого отношения к тому, что Тургенев говорит в собственное оправдание. Из сего рассмотрения остается ясным только то, что Тургенев ни в какую из описанных судом категорию не входит, ибо ничто против него не доказано. Неявка же его вместо того, чтобы быть подтверждением обвинения, есть, напротив, только препятствие утверждать оное. Явно только то, что он принадлежал к тайному обществу; но нисколько не доказано, знал ли он

особенную цель сего общества и участвовал (ли) в преступных замыслах некоторых членов, которые только впоследствии сделались всеобщими, а прежде были немногим известны.

Теперь вопрос, мог ли Тургенев быть когда-нибудь участником в подобных замыслах.

Всякий, кто знает его, скажет решительно: *не мог!* Он всегда имел образ мыслей свободный, но никогда не любил необузданность, ибо всегда всего выше уважал закон. Может быть, возвратясь в Россию из чужих краев по окончании своих наук в Геттингенском университете в первой молодости, еще мало знакомый с тем, что может быть нужно и полезно его отечеству, он был, как молодой, неопытный человек, исполненный любви к добру идеальному, привязан к общим идеям свободы. Но он никогда не был слепым энтузиастом; он имеет от природы рассудок здравый, он учился основательно, и опытность просветила его. И он имел более других средства получить эту опытность, которая привела в порядок его мысли: при самом начале деятельной своей жизни он достался в руки просвещенного наставника, в глазах коего действовал и коего умом поверял свои понятия. Он начал служить при министерстве финансов, но скоро по вступлении своем в службу определен был к министру Штейну, который из начальника сделался его другом. Надобно послушать, что говорит Штейн о характере и образе мыслей Тургенева. Он утверждает решительно, что Тургенев по характеру своему не способен участвовать в умыслах злодейских, а по образу мыслей своих не мог желать республики в России, почитая всякую республику, где бы она ни была, химерою. Деятельность за границу, по важным делам, ликвидационным, под руководством Штейна, была прекрасною наукою для Тургенева. Он возвратился в Россию с мыслями определенными. Но в то же время душою его овладела и другая мысль, которая наконец сделалась его главною, сделалась целию его деятельности и, так сказать, его страстию. Мысль освобождения крестьян от рабства. [Он желал блага отечеству, но был уверен, что твердого блага быть там не может, где 13 миллионов лишены достоинства человеческого.] В этой мысли ничего преступного нет: она была главною души Александра. Но сия же самая мысль должна была исключить из головы его всякую мысль о республике в России, ибо одно только могущество самодержца может дать в России крестьянам свободу, не разрушив самой России. Республика же, если бы она и была возможна, только бы утвердила сие рабство. Таково было его убеждение, которое ни для кого не было тайною. Следственно, он не мог надеяться исполнить своего главного желания посредством опровержения установленного порядка; напротив, в нем только мог видеть средства достигнуть к цели своей; здесь говорю, положив руку на сердце: в образе мысли я бывал с ним часто не согласен, но всегда видел в нем для самого себя образец моральной чистоты!²³¹ Я знаю, что всё, несогласное с законом Божиим, было всегда и во всё далеко от его сердца. [Я видел человека, которого свидетельство в сем случае может быть решительно и в глазах которого Тургенев

долго действовал, которому открывал все тайны своих мыслей, барона Штейна, — и по прочтении донесения Следств(енной) Ком(иссии) и узнав об осуж(дении) Т(ургенева), Штейн решительно утверждал²³², что Тургенев не может быть виноват, что он по характеру своему не способен на злодейство, а по образу мыслей, при всей любви к законной свободе, не мог никогда желать республики в России.]

Чтобы судить справедливее о Тургеневе, надобно обратить взгляд на его прошедшее. Сего не могли сделать судьи его, ибо они судили только человека, замешанного по свидетельству показаний в заговоре, и человека, против которого существовало уже общее предубеждение, сделавшее вероятными и все показания обвинителей.

Следственно, не мог разделять с членами того общества, в коем находился, тех замыслов, кои сделали бы решительное препятствие особенной цели его. По характеру своему он ни на что преступное не способен: ни мыслию, ни делом. Этому, повторю, служит свидетельством целая жизнь его. Пускай укажут хотя на один поступок, в котором было бы что-нибудь уклоняющееся от правил строжайшей нравственности. Пускай взглянут на его службу: кто с большею совестью работал! кто более собою жертвовал долгу! И не признал ли этого наконец сам покойный государь, который при отъезде Тургенева по болезни за границу осыпал его благодеяниями и несколько раз говорил Карамзину, что желает его возвращения, дабы, сверх других его дел, возложить на него и некоторую часть законодательства. А покойному государю был известен вообще образ мыслей Тургенева! Он принял с благосклонностию его проект об освобождении крестьян²³³. Другие же мысли Тургенева почитал он свободными и советовал ему милостиво от них отказаться. Но в чем же состояли сии свободные мысли: все более или менее относились к главной, т. е. к освобождению крестьян. Но о республике в России и об изменении в ней существующего порядка он не думал и не мог думать. О многом, что делалось в России и в Европе, изъявлял он свое мнение, но не так, как (защитник) республики, а как и все другие. Что же произвело насчет Тургенева особенное предубеждение? Почему ему особенно приписывалась необузданность мыслей? Почему он мог прослыть якобинцем? Именно та же мысль о необходимости освобождения крестьян, которую он выражал всегда с совершенною независимостию.

Мысль сия имеет слишком много противников в России, ибо она оскорбляет общий интерес и потому именно должна казаться враждебною и возмутительною. Не рассматривая сей мысли в ней самой, замечу только одно, что она сама по себе далека от мысли об изменении порядка и заговора против нашего Государя, но что весьма легко смешать с понятием о свободе крестьян понятие о любви к необузданности, о республике и назвать якобинцем того, кто говорит: [не продавай человека, как лошадь,] людей продавать не должно. Тургенев же вел жизнь одинокую, занимался только должностию, в обществе знали его немногие, следственно, знали только по слухам, по пересказам других, тех, [кто вообще были шокированы тем, что

он говорил в пользу крестьян и следственно во вред их выгоды], из коих одни увеличивали или искажали то, что он мог говорить, а другие, будучи вообще оскорбляемы тем, что он говорил, изъясняли слова его по-своему, — всё это утвердило в обществе ложное об нем понятие. Он слыл якобинцем, тогда как все его правила и действия были совершенно противоположны якобинству. Сии же слухи могли дать о нем и ложные понятия государю; но государь знал его и по службе и отделил человека, известного ему по одним слухам, от того, коего знал на деле: он отдал Тургеневу справедливость, осыпал его благодеяниями и имел доверенность к его характеру и изъявил желание дать ему деятельность более обширную.

Сия исключительная, страстная привязанность Тургенева к одной идее весьма естественно объясняет, почему он, несмотря на здравый ум свой и на характер твердый и никогда не быв ветреным энтузиастом, мог вступить в общество молодых людей, которое сам почитал малозначащим, от коего не мог ожидать никакой существенной пользы и никакого успеха по той цели, которую, как он думал, оно себе предположило. Он хотел иметь влияние на мнения, хотел распространить несколько здравых идей и особенно произвести в сочленах своих убеждение в пользу свободы крестьян. Это ему сначала удалось на словах, но когда он увидел неудачу на деле, то совершенно охолодел к обществу. Можно сказать, что он к сему обществу и принадлежал и не принадлежал. *Принадлежал*, потому что раз был в него принят, находился на пяти или шести заседаниях и рассуждал в сих заседаниях о том, как бы деятельность придумать для общества для достижения цели, означенной в Зеленой книге. *Не принадлежал*, потому что был убежден в пустоте и бесполезности общества, не занимался им вне заседаний, ибо занят был по службе, и наконец совершенно к нему охолодел, увидя сколь его убеждения насчет освоб(ождения) крестьян остались бесполезны.

Теперь вопрос: *мог ли он, будучи членом общества, не знать о том, что было главною тайною целию первых его учредителей?* — Это утверждается всем сказанным выше. Во-первых, и при вступлении своем в общество он не уважал его, это неуважение усилилось впоследствии и обратилось в совершенное равнодушие. Но это же равнодушие естественно произвело и совершенное невнимание к тому, что тайлось в головах некоторых членов. И как можно было угадать эту тайну? Из вольных разговоров членов между собою, но такие разговоры Тургенев слышал и вне общества: они были просто болтовня, а не заговор. Из сообщения умыслов: но сего сообщения явно не было, ибо главные злоумышленники не изменяли себе; а Тургеневу, коего особенный образ мыслей, противоречащий их тайному и возмутительному, был им известен, они могли открыться менее нежели кому-нибудь другому. Иметь же его в обществе они считали выгодным, ибо им было известно всеобщее к нему уважение членов. Но также известно из собственного их признания, что они друг друга обманывали, называя сообщниками своими многих, кои никогда не думали участвовать в их замыслах.

Во-вторых, Тургенев вступил в общество тогда, когда и по самому рапорту оно еще не было преступным (преступление некоторых не есть еще преступление всего общества). Он и вышел из него, когда еще оно таковым не было. Весьма возможно, что и в бытность его в обществе замыслы вредные могли уже сделаться известными большинству членов, нежели как то было вначале. Но это еще не доказывает, что он знал о сих замыслах. Это можно изъяснить примером. В 1816 году завелось общество арзамасское, которое было не иное что, как литературная шутка. Оно состояло сначала из 12 или 15 членов, число их впоследствии увеличилось до 25. Раз в неделю оно собиралось. Кто прочтет протоколы заседаний и речи членов, тот найдет в них совершенную галиматью, и действительно они были галиматьею. Но в 1817 году в это общество были приняты Орлов, Тургенев²³⁴ и, наконец, Никита Муравьев. В последних своих заседаниях общество, составленное из литераторов, начало рассуждать о том, как бы из шутки сделать дело, и положило было выдавать литературный и политический журнал. Но члены разделились, и план журнала не состоялся. Теперь вопрос: в 1817 году вступил в арзамасское общество Муравьев. Он имел уже тогда все мысли, кои занимали его как члена Общества Благоденствия. Что если бы журнал арзамасского общества состоялся и одним из издателей его был Никита Муравьев. Справедливо было бы назвать арзамасцев соучастниками заговора после открывшегося потому только, что Муравьев был их сочленом? Справедливо ли было бы думать, что его особенные замыслы были им известны?

Скажу более: если бы общество арзамасцев продолжалось и если бы журнал его состоялся, то, вероятно, Муравьев, будучи членом его, по правилу, принятому его соумышленниками, стал бы уверять прочих, что арзамасцам известны их замыслы и что они готовы им содействовать, ибо Арзамас был составлен из людей, имевших в России известность: сам Карамзин бывал на их заседаниях и от души смеялся, слушая шутовские их речи и протоколы*. И если бы с таким предубеждением прочтены были протоколы и все бумаги арзамасского общества, то они только бы подтвердили сию мысль. Никто бы не уверил, что оно не имело никакого умысла! Галиматья показала бы маскою чего-нибудь важного, и в шутках увидели бы намерение преступное. Никто бы не поверил, что можно собираться раз в неделю для того только, чтобы читать галиматью! Фразы, не имеющие для посторонних никакого смысла, показались бы тайными, имеющими свой ключ, известный одним членам. Имя *Новый Арзамас*, кое давало себе общество, получило бы смысл Республики. А в Беседе Русского слова и Академии, над коими забавлялись члены, увидели бы Россию и правительство. — В чем убеждает этот пример. В том, что особенные мнения некоторых частных членов общества не могут быть приписаны всему обществу, что целое общество не

* Сия ложь была бы неизбежным приговором арзамасцев. Они бы признаны были заговорщиками, а общество их ветвью преступного Северного или Южного. — (Примеч. В. А. Ж.).

может быть названо преступным потому только, что некоторые члены его преступники, и, наконец, что можно быть в общении и не знать о замыслах некоторых его членов. И так весьма естественно было Тургеневу, и по неуважению его к самому обществу, и по множеству занятий своих по службе, и по самому участию своему в занятиях общества, не знать о том, что думали главные его учредители, что делалось в некоторых заседаниях и что, наконец, сделалось замыслом многих. Особливо когда вспомнишь ход общества и разные его эпохи.

Деятельность Тургенева (которая вся ограничивается пятью заседаниями, на коих он присутствовал, и последним, на коем он был президентом и в коем уничтожилось общество) вся принадлежит к периоду от вступл(ения) его до разрушения общества в январе 1821 года. Что же состоялось преступного в этот период. Какими фактами подтверждается участие Тургенева в умыслах против правительства. Несколько голословных показаний, не принятых судом, — вот и всё. А показание Пестеля само собою уничтожается. Это доказано выше.

Почему же члены показывают так решительно, что Тургенев знал их замыслы.

Это можно объяснить самым естественным образом, даже не предполагая в сих обвинениях намерения клеветать на невинного. Все они говорят о том, что было задолго до того времени, в которое должны были дать ответ перед судилищем. И о чем же говорят? Не о происшествиях, подтвержденных документами, а просто о разговорах. Тургенев покинул Россию в начале 1824, а допрос происходил в 1826. И в показаниях преступников, одно с другим не согласных и часто одно другому противоречащих, упоминается о разговорах, в разное время бывших по крайней мере за два года, о разговорах, о коих один говорит как присутствовавший то, что другой как присутствовавший всё отвергает, а многие говорят только по слухам. Как можно помнить такой разговор! Как можно помнить всё выражения! Но как же часто много значат одни выражения! И кто же эти обвинители: те самые, которые признались, что и друг друга часто обманывали насчет друг друга! Сверх того разве не часто случается, что мы свое предположение насчет другого, основанное на частном нашем мнении, принимаем за нечто верное и уверены бываем, что другой так думает потому только, что мы так думаем. Подобные показания могут ли быть достаточны для суда и можно ли за них основать приговор в отсутствии обвиняемого.

Если Тургенев был равнодушен к обществу и почитал его малозначачим, то как мог стараться о его распространении и как мог принимать членов?

Но это принятие ограничивается одним Митьковым, и Митькова Тургенев не убеждал вступить в общество; он только по просьбе самого Митькова дал ему так называемую Зеленую книгу; Толстой сам объявил, что никогда Тургеневым принят не был, а принятие Миклашевского, ничем не доказанное, отвергает сам Тургенев. Но если бы сии члены и все приняты были Тургеневым, то это принятие было в такое время, когда общество было просто Союзом Благоденствия без всякой другой явной цели, кроме

означенной в Зеленой книге. Что Тургенев не заботился о принятии членов именно потому, что не уважал самого общества и не считал его ни на что годным, тому могу быть свидетелем я. [Не помню именно в какое время, но думаю, что в конце 1818 по возвращении двора из Москвы.] В 1818 году в бытность мою вместе с двором в Москве, познакомился я, не помню у кого в доме, с Александром Муравьевым. Был за столом общий разговор о России, о средствах распространения в ней просвещения; в сем разговоре участвовал и я. Может быть то, что я говорил, понравилось Муравьеву. Дни через два он пришел ко мне и сказал, что существует общество, коего цель есть распространение возможного добра в отечестве, предложил мне быть его членом, а оставляя у меня Зеленую книгу, взял с меня обещание не говорить никому о существовании общества. Я прочитал устав; цель общества показалась мне благонамеренною; но я не вступил в него, не потому чтобы почитал его преступным или вредным, но потому только, что не хотел на себя налагать никакой зависимости. Я возвратил Алек(сандру) Муравьеву устав и более с ним в Москве не видался.

Несколько времени спустя по возвращении моем в Петербург, находясь у Николая Тургенева, я спросил его, знает ли он о существовании общества и что об нем скажет. Не помню точного его ответа, но знаю только то, что он не сказал ничего в его пользу и не продолжил об нем разговора. Так ли бы поступил он, если бы желал ревностно распространения общества и был заботливым набирателем членов? Он конечно начал бы убеждать меня вступить в него, увидя из слов моих, что я знаю о его существовании; и если бы он имел намерение, как член общества, быть издателем журнала, то он бы обрадовался случаю сделать меня участником в сем издании.

Но это издание журнала есть нечто отдельное от самого общества. И можно ли видеть в издании журнала что-нибудь преступное! Разве у нас журнал может быть выдаваем без цензуры? Разве журнал у нас может быть средством возмущения умов? Явно только то, что Тургенев, быв членом Союза Благоденствия, хотел выдавать журнал литературы и политики; но он не мог сим журналом надеяться возмутить умы, ибо это ни в каком случае не было возможно. В Рапорте сказано, что составлявшие Коренную Петербургскую управу имели намерение действовать на умы изданием особенного дешевого журнала, песен, карикатур и хотели для того иметь литографию и тайную типографию в отдаленной от столицы деревне; а в примечании сказано: издание журнала предпринимал действительный статский сов(етник) Тургенев. Есть несколько возмутительных песен, кои тогда были сочинены, и прочее. Ужасно подумать, что на сем могло быть основано обвинение Тургенева в замысле возмущать умы изданием журнала. В самом показании стоит, что журнал хотели издавать без позволения правительства и печатать в тайной типографии, в отдаленной от столицы деревне и просто распускать под рукою; Тургенев предпринимал издавать журнал в Петербурге независимо от общества и явно приглашал к соучастию в издании его членов и нечленов общества, известных публике как литераторов.

Какая связь между его намерением и тем, кое имели члены по собственному их показанию? Но по связи, находящейся между текстом Рапорта и означенного выше примечания, можно подумать, что Тургенев принял от общества поручение издавать тайный журнал и что в нем участвовали сочинители песен возмутительных, в это же время распространенных; [но эта связь между сими песнями и его намерением издавать журнал такого же рода, как между его журналом и тем, который общество втайне издавать предполагало.] При малейшем внимании можно убедиться, что этой связи не существует. Но [обвинительная] фраза между тем написана и могла послужить к обвинению и по крайней мере произвести вредное предубеждение против обвиняемого. Весьма надобно сожалеть, что при самом начале действий комиссии никто не подумал взять бумаги Тургенева, оставленные им на той квартире, кою он занимал до отъезда своего за границу. Между сими бумагами нашли бы некоторые проекты сочинений политических, планы пьес для журнала и, что всего важнее, дневные записи Тургенева, в коих он давал себе отчет во всём том, что с ним было, до самого его отъезда. Всё это послужило бы, чтобы дать суду ясное понятие о характере и образе мыслей отсутствующего обвиненного. Между прочими бумагами находится план сочинения *о тех переменах, кои правительство могло бы сделать для России* (в этой статье говорится и о конституции). А в журнале замечательно между прочим следующее: «1822, 16 августа. На сих днях вышел рескрипт о закрытии масонских лож и о запрещении всяких тайных обществ. О ложах, говорят, сожалеют некоторые тайные масоны. О Т{айных} об{ществах} никто не говорит, ибо никто их не знает и не думают, чтобы они были и могли быть в России. И подлинно последнее запрещение кажется лишнее!» — Сии дневные записки Тургенев вел для себя; их не читали и его братья. Мог ли бы он написать в 1822 году такое замечание, если бы думал, что общество, к коему он принадлежал, хотя и тайное, имеет какую-нибудь малейшую важность.

Если всё сказанное в сей записке не убедит в совершенной невинности Тургенева, то по крайней мере может она произвести сомнение в совершенной его виновности, может заставить подумать, что он оправдался бы во всём или по крайней мере в главном, если бы явился на суд, что его главная вина, кою оправдать нельзя, есть неявка и что за неявку осужден он как на умысел на цареубийство и бунт. Итак, если по обстоятельствам нельзя уже снять с него приговора, по крайней мере теперь нельзя, то самая справедливость требует облегчить его положение: он болел, пребывание в Англии будет для него убийственно. Если Государь окажет ему милость, повелев миссиям не тревожить его нигде в Европе вне России, то сия милость будет в то же время и справедливостию.

Ко всему сказанному выше в оправдание Тургенева надлежит прибавить еще одно свидетельство, совершенно убедительное в его пользу, свидетельство его писем, писанных к братьям во всю бытность его в Англии, со времени несчастья, его постигшего. Я читал их, находясь в дружбе с его братьями,

и здесь представил верную выписку тех мест, кои особенно относятся к настоящему его положению и к его участию в тайном обществе. Из сих писем некоторые писаны в то время, когда Т(ургенев) сочинял свое второе оправдание, присланное им к старшему брату и на которое доставлял требуемые объяснения. Отрывки сии познакомят совершенно с характером и образом мыслей Тургенева. Прочитав их, нельзя не убедиться, что такой человек по уму своему не мог принимать участия в глупых замыслах безумцев, а по сердцу не способен разделять ни с кем намерения преступного.

На нем лежит одна вина — неявка. Но за эту вину, которая не имеет ничего общего с тем преступлением, в коем обвинен, наказан он выше всякой меры и выше всякой справедливости. Если бы у нас законы и определяли наказание за неявку, то полтора года изгнания из отечества с лишением чести могут быть сочтены наказанием достаточным. Прибавлю здесь еще одно: осуждение Тургенева стоило сперва рассудка, потом жизни его младшему брату²³⁵. Я был свидетелем страданий сего последнего — мысль о судьбе брата беспрестанно его преследовала! В своем сумасшествии думал он об нем одном! Это же сумасшествие увлекло его безвременно и во гроб. Изгнанник знает только, что он потерял брата, но не знает, что произвело его смерть [довольно и одного этого бедствия!] Из писем его видеть можно, как он убит сею потерею. Против незаслуженного наказания имеет прибежище в чувстве своей невинности; но что вознаградит его за потерю брата.

Остается один вопрос. Тургенев осужден вместе с другими! И те, на коих показаниях особенно основали его приговор, уже не существуют: может ли быть он оправдан отдельно от прочих и есть ли способ доказать его невинность, когда обвинивших его нельзя уже уличить во лжи. Смело думаю, что сие уличение не нужно для снятия с Тургенева осуждения. Стоит взять в руки самый приговор, чтобы в этом убедиться. Показание Пестеля подтверждено двумя, не подтверждено двумя и опровергнуто третьим — три против двух! Следственно, показание само собою уничтожается. Против показания Рылеева говорят обстоятельства: то, в чем обвинил Рылеев Тургенева, относится к 1825 году, а Тургенев уже в 1824 был за границею! Следственно, и сие показание само собою уничтожается. Какая же нужда в уличении и обвинении, когда их обвинения по самим обстоятельствам явная неправда. [Тургенев осужден вместе с другими — но другие осужденные признались в вине своей! Тургенев, напротив, еще и до приговора. Их обвинение утверждено на собственных их признаниях. Тургенев был в отсутствии, то, на чем основан его приговор, не только для осуждения, но и для обвинения недостаточно.] Что же касается до оправдания, отдельного от прочих, то сей вопрос может решить [правосудие] один Государь, ибо сие зависит единственно от его воли. Прочие преступники могут быть только помилованы; ибо они преступники, уличенные обстоятельствами и событиями происшедшими; Тургенев может быть только оправдан, ибо он невинен, обстоятельства говорят за него, он осужден в отсутствии, его оправдание

не было принято и неявка была ему вменена в преступление. Согласно ли будет с правосудием, если Тургенев останется наряду с другими.

Зная ваш характер, смело повергаю к стопам вашим сию бумагу. То, что пишу в ней, почитаю истиною, и что говорю по совести, почитаю истиною. Я бы счел себя виновным против вас, если бы мог хотя минуту подумать, что, положив надежду на вашу справедливость, навлеку на себя ваше неблаговоление. При отъезде моем из России я, основывая мнение мое на одних слухах, почитал Тургенева виновным, хотя, зная и ум и характер его, не умел никак изъяснить себе, чтобы это могло быть возможно. Прочитав со вниманием донесение Следственной Комиссии, я начал сомневаться в вине его; прочитав приговор суда, я убедился в его невинности. После читал его оправдание и письма его братьям и совершенно убедился в моем мнении. [Если бы он был мне чужой, то я не поколебался бы в пользу невинного сказать смелое слово перед Государем, любящим выше всего справедливость.]

Если справедливость требует наказания преступника, то та же справедливость требует и оправдания невинно наказанного.

Тургенев по характеру своему не мог участвовать в замыслах на жизнь Государя: вся прошедшая жизнь его против сего свидетельствует.

Тургенев имел особенную цель, достижение которой в совершенном противоречии с преступною целию, в коей его обвиняют, он не мог следовательно и по образу мыслей в ней участвовать.

Тургенев только для сей цели вступил в общество, коего не уважал, следовательно не мог участвовать во всех действиях, а по неуважению к обществу мог не знать того, что в нем происходило.

Тургенев не желал распространения. Тургенев не предпринимал журнала.

Обвинившие Тургенева обвинили его по предположениям собственным. Письма Тургенева, его журналы и найденные его бумаги свидетельствуют, что он был против рабства. Всё сие доказывает, что преступные замыслы не были известны. Для осуждения нет повода, для оправдания есть повод — следовательно, снять осуждение.

(Август) ²³⁶

8(20) августа. Писал к Разумовской.

9. Поездка в Браубах. Вечер у Голицыной.

10. Поездка в Нассау. Дождь. Вечер с Козловским.

11. Письмо от Разумовской. Обед в St. Haus. После обеда у кн. Волхонской. Графиня Ивановская. Вечер у Голицыных. Тирольцы. Писал к Разумовской.

12. Отъезд кн. Волхонской. Пастор. Обед в St. Haus с княгиней Волхонской. — Вечер у кн. Волхонской. Голицына. Ивановская. Пение. Разговор у Волхонской с Козловским.

13. Поутру у граф(ини) Дегерр. Поездка Голиц(ыной) в Кобленц. Обед в Cour-haus. После обеда у княг(ини) Волхонской. Разговор о Панине. Разговор с Алиною²³⁷. Граф Головнин. Вечер у кн. Голицыной.

14. Обед в St. Haus. Известие о смерти Каннинга. Разговор с Алиною. После обеда с Голицыной. С графиней Дегерр и с кн(ягиней) Голицыной к Волхонской. — Вечер у Bellohne. Ивановская. Гр(афиня) Дегерр. Алина. Эглофштейн и семейство Штейна. Остальной вечер у Голиц(ыных) до 1 часа.

15, среда. Проводы княгини Голицыной. Возвращение в коляске. Обед в St. Haus. С Рейтерном к Волхонской. Пение тирольцев. Вечер у гр(афини) Дегерр. Звезды.

16, четверг. Обед в St. Haus. Разговор о Алине. Потом в Нассау. Письмо Капо д'Истрия. Вечер у Волхонских.

17, пятница. Обед в St. Haus. После обеда, прогулка за реку. Вечер у Ивановской.

18, суббота. Обед в Cour-Haus. После обеда прогулка на горы с Сальмсом. Вечер у кн(ягини) Волхонской.

19, воскресенье. К гр(афине) Дегерр. Пр(инц) Фридрих и Сальмс. Обедал в St. Haus с граф(иней) Дегерр. После обеда дома. Потом к Ивановской. Сны. Вечер у Волхонских. Алина в русском платье.

20, понедельник. Отъезд гр(афини) Дегерр. — У Ивановской. Совет. — Поездка в Нассау с княжною. Вечер у Волхонских с Ивановскою.

21, вторник. Поездка в Кобленц. Слово перед обедом. После обеда прогулка и разговор на площади. Возвращение. Вечер у Волхонской. Обморок.

22, среда. Утро. Разговор о чтении и стихах. — Вечер у Волхонской. У гр(афини) Эглофштейн.

23, четверг. У Рейтерна. Рисование портрета. Поездка в Нассау. С княжною и m-elle Butra. Вечер у Волхонских.

24, пятница. Поутру у Рейтерна. Портрет. Штейн. Обед в St. Haus. Разговор с княгинею. Лопухин. Поездка княжны в Нассау.

25, суббота. Обедал в Нассау. Гр. Алопеус. Разговор с Штейном о великом князе. Вечер у кн. Волхонской. Разговор с Алиною. La prose.

26, воскресенье. Поутру у кн(ягини) Волхонской. Прекрасный разговор с Алиною. Обедал в Cour-Haus. После обеда трогательный разговор с Кларою. С Рейтерном у Волхонских. Чтение моих стихов.

27, понедельник. Поутру писал письма. В Cour-Haus. Гр. Алопеус и Гих. Приглашение. Обед у Волхонских в их доме. — После обеда, у Рейтерна. Вечер у Волхонских. Чтение писем.

16(28) августа²³⁸. Выезд из Эмса. Поутру у Радзивила, у принца Фридриха. Потом обед в Courhaus. С Волхонскими в Нассау. Венчание²³⁹. Крест перед портретом. Les vaisseaux*. Стрельба. Благословение. После лотерея. Благословение Штейна. Вечеринка в 8 часов.

17(29), среда. С Рейтерном²⁴⁰ на пароходе. Беда пароходная. Возвращение в Кобленц. Путешествие на козлах. Обед в Лилии в С.-Гоаре. Приезд в Майнц ночью. Hotel Weiß Roß**. Похождения Рейтерна.

* Корабли (фр.).

** Гостинница «Белый конь» (нем.).

18(30), четверг. Поутру в книжную лавку. Дом Гуттенберга. С княжною²⁴¹ в кафедральную церковь, к римскому гробу, в цитадель. Обедал у князя Волхонского. Арфы. Вечер у генерала Карловица.

19(31), пятница. Отъезд из Майнца и разлука с княжною Волхонскою. Завтрак в Hohst. В Франкфурте обед. Сумасшествие Клары²⁴². Голицын. У Югея. Дом Гёте²⁴³: герб 3 лиры, двор, колодезь, мансарды, Гретген. Окрестности Франкфурта. Ганау. Кладбище. Архитектор Руль. Ночевал в Гельнгаузене.

20(1 сентября), суббота. Гельнгаузен. Обедали в Фульде. Брат Рейтернов²⁴⁴. Дворец. Два монастыря. Гюнфельд. Излом кареты. Большая зала с оркестром. Чтение «Элены»²⁴⁵.

21(2), воскресенье. Гюнфельд. Будлар. Вах. Марксуль. Древняя липа, пение в церкви и пауки. Эйзенах. Графиня Эглофштейн. Приезд Алопеуса. Поездка в Вартбург. Вид от ворот: Mönch und die Nonne^{246*}. Вид с балкона. Лютерова горница. Rustkammer. Rittersaal**. Ночь в Готе. Тошнота.

22(3), понедельник. Гота. Эрфурт. Кафедральная церковь: S. Christoph. Картина Кранаха. Altarblatt 3. Könige***. Гроб Глейхена. Бронзовый подсвечник. Вид церкви снаружи: терраса, двойной портал. Stiftskirche****. Лютерова келья в Францисканском монастыре. Библия. Чернильница. Книга с 1720²⁴⁷. Friedrich-Wilhelm. 31 марта 1803. Louise. Heinrich Prinz von Preussen. Georg Herzog zu Sachsen. Wilhelmine Gräfin Solms. Friedrich von Schilden. Georg von Buch. Heinrich Wilhelm von Schlieffen. Приезд в Веймар. Принц Филиппстальский. В театр: “Der Schnee”²⁴⁸. В парк. Иллюминация, лото, танцы, фарсы. Квартира у купца Гримма.

NB. При всяком учении надобно знакомить с 4 сторонами предмета: 1) позитивною — то, что есть — Klarheit*****; 2) нравственною, или символическою — относительно к человеку и его жизни — Gefuhlerregend*****; 3) идеальною, Seite***** — Phantasie erregend*****. Schönheit*****; 4) божественною — Religion erregend. Gott*****.

23(4), вторник. Веймар. Поутру к принцу Филиппстальскому. К Гёте²⁴⁹. Крыльцо с поворотом. Собака. В прихожей: Юпитер du Capitoile, Pallas de Velletri. В гостиной Aldobrandini; рисунки. Стол с портфелями. Голова Юноны колоссальная. Барон Швейцер, внук Вольфганг. У принца. У M-elle Sylvestre. Вечер дома.

* Монах и монахиня (нем.).

** Оружейная палата. Рыцарский зал (нем.).

*** Запрестольный образ трех волхвов (нем.).

**** Церковный приют (нем.).

***** ясность (нем.).

***** возбуждающая чувство (нем.).

***** сторона (нем.).

***** возбуждающая фантазию (нем.).

***** Красота (нем.).

***** возбуждающая религиозное чувство. Бог (нем.).

24(5), среда. Поутру у графини Эглофштейн: Юлия, тетка, граф майор, графиня с дочерью. Домой. Внук Гётев у Рейтерна Вальтер. К Гёте: разговор о Рейтерновых рисунках²⁵⁰. В музеем. Обедал в трактире. Миллер²⁵¹. Швейцер. После обеда опять к Гёте. От него к Юлии Эглофштейн. Ее портрет, портрет ее матери; герцогини.

25(6), четверг. Поутру к M-elle Sylvestre²⁵². К Киллеру. Бумаги Гердера, Шиллера. Гёте и Якоби. Lettres autographes*. К Юлии Эглофштейн. Разговор о Каподистрия, императрице. Портрет. Рисунки. К Гёте. Разговор о «Елене»²⁵³, о Бейроне. Гёте ставит его подле Гомера и Шекспира. Die Sonne; die Sterne bleiben doch echt; es sind keine Kopien**. Прогулка в саду Гёте; дом, где он писал и сочинял *Ифигению*. Домик герцога. Место, где сживали он, Шиллер, Виланд, Якоби, Гердер. Река Ильм. К Гёте. Усталость и деятельность. Мы пробыли недолго. Эффе́кт головы Юнониной. К M-elle Sylvestre. К графине Эглофштейн.

26(7), пятница. Чтение Гёте. Отъезд. В полночь в Лейпциг²⁵⁴.

27(8), суббота. К Брокгаузу. Обедал у Фрейганга. После обеда на лекцию к Линднеру. Вечер у Линднера²⁵⁵. Responsabilité***. Потом к Фрейгангу.

28(9), воскресенье. Проповедь Вольфа²⁵⁶ на Erntefest****. 1. Der Schwelger zählt sein Vermögen nach dem, was er verpfuscht, der Geizige nach dem, was er erspart, der Christ nach dem, was er kann geben. 2. Wer das Leben so sieht, wie es ist, kann oft niedergeschlagen sein — er stürzt sich dann in die Schwelgerei und schafft für sich eine Welt der Thränen. Wer glaubt, der haltet aus. 3. Das Gefühl der Freude etwas Gutes gemacht zu haben, ist falsch; das echte Gefühl der Freude ist das etwas Gutes zu machen haben. Es ist Beruf. Man fühlt sich ein Glied der großen Gotteshaushaltung. 4. Wir Leben in einem Zeitalter der Beiträге*****. Утро дома. Обедал с Линднером и Ганом у Фрейганга. Прогулка и вечер с Демутом.

29(10), понедельник. В два часа выехал из Лейпцига. Поутру получил письмо от Пушкиной с уведомлением о помолвке Ольги с Орфано²⁵⁷. Ночевал в [прбл.].

* Письма-автографы (*фр.*).

** Солнце; звезды остаются тем не менее подлинниками, они не копии (*нем.*).

*** Ответственность (*фр.*).

**** Праздник урожая (*нем.*).

***** 1. Расточитель рассчитывает свое имущество по тому, сколько он расточает; скупой по тому, сколько он откладывает; христианин по тому, сколько он может дать. 2. Кто смотрит на жизнь так, какова она есть, тот часто может быть угнетен — он тогда кидается в расточительность и создает себе мир огорчений. Кто верит, тот не падает духом. 3. Чувство радости от того, что ты сделал что-либо доброе, не есть настоящее; истинное чувство радости доставляется тем, что ты можешь сделать что-либо доброе. Это призвание. Чувствуешь себя частью великого Божия домостроительства. 4. Мы живем в эпоху пожертвований (*нем.*)

30(11), вторник. Витгенберг. Памятник Лютера: 1. Glaubet an das Evangelium. 2. Ein feste Burg ist unser Gott. 3. Wenn's Gotteswerk, so wird bestehen, wenn's Menschenwerk, wird untergehen*²⁵⁸.

31 августа (12 сентября), среда. Вчера в вечеру приехал в Берлин. Остановился в Unter den Linden в Hôtel de Pétersbourg, в той же гостинице, в коей останавливался с Адлербергом. Поутру ходил к Алопеусу. Потом к графине Трухзес. Шедши мимо дворца принца Вильгельма, где была вся королевская фамилия, увидел в окно принца Карла, который выбежал ко мне с Альбрехтом как милое доброе дитя. Тут же сидел у короля. У графини Трухзес просидел довольно долго. Потом опять к Алопеусу обедать. Видел Унгерна. После обеда с Алопеусом ходил смотреть статую императрицы. Прекрасно сделан мрамор. Встретил Мансурова с женою. Алопеус предложил мне горницу, но я этим не воспользуюсь; в трактире свободнее. Вечер провел у Гуфланда. Разговор о восстании²⁵⁹ и о Ивановской. Прекрасные слова Гуфланда: man muß lernen lernen zu wollen**. Осанн и его жена. Профессор Вагнер.

⟨Сентябрь⟩

1(13) сентября, четверг. Чтобы быть любимым, государь должен покровительствовать свободу. Рабы любви не имеют. Их dévouement*** есть тайная и вредная вражда. Доказательство есть суд над преступниками 14 декабря. — Поутру визиты: у Брюля, у Алопеуса. Разговор о суде. У гр(афини) Гребен, Раупаха, Ансильона, у принцев. У Мансурова. — Обедал у посланника. Милая Александрина в старушечьем платке. В театре: "Preciosa" Вечером у Брюля пил чай. Потом читал Гейнротову Антропологию²⁶⁰. Главная идея воспитания и учения; составляющие начало и конец; пункт от коего идти и к коему дойти: Бог. Зависимость — верховная свобода.

2(14), пятница. Поутру ходил к Радовицу и не нашел его. Делал визиты. Обед у кронпринца: графиня Реед, Борстель. Брокгаузен. Графиня С(ен-)При. — Борстель. Энден. Ансильон. Ребур. Шлафен. Манов. — Принц Вильгельм. — Прекрасная гостиная: мрамор. Картины, писанные на мраморе. Полукруглая софа. По плану Шинкеля. Но Шинкель не имеет простоты: слишком много украшений и нет единства. — Кабинет кронпринцессы: двойной стол. Рисунки Швейцарии. Кабинет кронпринца из верхнего этажа церкви. Свод фигурный. В большой горнице две колонны. В самом кабинете одна колонна. Цельные окна. Перегородка с плющом. Картины на полу. — В театре: "Schweizerfamilie"²⁶¹. Эммелина: M-elle Scheckner. Игра довольно живая, но без чувства. Голос сильный, но без выражения. — Дома читал.

* 1. Веруйте в Евангелие. 2. Крепкая защита — наш Господь. 3. Если это дело от Бога, то оно устоит, а если от людей, то разрушится (нем.).

** нужно учиться хотению учиться (нем.).

*** преданность (фр.).

3(15), суббота. Знакомство с Радовицем²⁶². Просидел у него до двенадцати часов. Разговор о Штейне и о Пруссии. Теперешнее образование Пруссии. Правило фундаментальное правительства: сохранение справедливости. Потом был у графини Алопеус. Разговор о Полине²⁶³. Обедал у графини Шлифен. Вечер провел у Гуфланда с Осанном и его женою.

4(16), воскресенье. Поутру был у меня Цибульской. Ходил к Шербатову. Потом к Кnezeбеку. Потом к генералу Клаузевиц, где встретил Гнезнау. Отсюда к Радовицу. Музыка. Разговор о Гёте, Бейроне и Шекспире. Критика историков. Обедал у Алопеуса. Потом в театр: «Весталка»²⁶⁴. M-elle Scheckner. В ложе с Энде. Графиня Трухзес. Вечер провел у себя с «Антропологиєю» Гейнрота. Цель просвещения: Бог. Учение: знание Бога. Воспитание: веление покорности. Жизнь: изъяснение во всех действиях покорности Божеству. Знания: средства действовать покорным Божеству образом. Бог: единство, изъясвившее себя в разнообразии. Душа человеческая: приводитель разнообразия в единство. Творение: отпечаток Бога. Человек: обретатель Божества в творении. Все прочие создания: единицы без знания соотношения и единства. Человек: соединитель единиц в единство; обретатель причины и действия, обретатель красоты, обретатель Бога. Настоящее — сбывающееся! Прошедшее — сбывшееся! Будущее — имеющее или могущее быть. Воображение, ум, память, рассудок, фантазия, разум. Вера фундамент всего, верховное знание, гармония.

5(17), понедельник. Поутру ходил к графине Гребен; от нее к графине Бранденбург, которая больна и не приняла меня. Был у графини Алопеус: поручение сказать императрице о состоянии ее дочерей, о необходимости ехать в Италию. Если будет какое-нибудь награждение — денег. Обедал приятно у Гуфланда с его милыми племянницами. Возвратясь домой, нашел у себя картину Карусову²⁶⁵. Прекрасно. Это поэма и эмблема жизни. — С этой высоты надобно взглянуть на жизнь и сказанное в эту минуту слово взять с собою на дорогу. На этой же высоте надлежит и кончить жизнь. На ней цветет цвет невинности. Невинность младенца эмблема будущего; невинность старца результат жизни. Всё в слове: да будет воля Твоя. Царь произносит его, опираясь на власть, и тогда только меч царский есть сильная подпора, когда руки, на него опирающиеся, слагаются в молитву смирения. Жизнь царя. Жизнь царя есть могущая покорность — покорность исполнительная. Жизнь вообще покорность деятельности. Человек свободен одною сею покорностию, и свобода его становится законною. Из-за утесов вид на великолепное, мирное творение. За границею его восходящее солнце; возмститель солнца звезда откровения. — Был в театре Königstât: “Der Maurer”²⁶⁶. Début m-elle Mandelberger.

6(18), вторник. Обедал у Радовица. Поутру ходил к графине Алопеус. Говорил с Радовицем о состоянии Пруссии. Вечер провел у Осанна. С доктором Буше.

7(19), среда. Поутру с Радовицем ходил в галерею Юстингена: прекрасный портрет Петра. Коррежиев «Спаситель». Рафаелев «Спаситель и Иоанн».

Картины Караваджо. Выставка изделий Glasmalerei*. Изделия из глины. — Обедал у Санти. Вечеру в театре: «Отелло»²⁶⁷. М-е Wranitzky и Бабботль. Дездемона и Отелло.

8(20) четверг. У меня поутру Осанн, Гуфланд и Радовиц. Прояснение моего сплина. Разговор с Радовицем о плане воспитания. План высшего учения математики чистой и применительно к натуральным и военным наукам. Обедал у Алопеуса. В театре: “Tochter der Luft”²⁶⁸. М-е Stich. Вечер дома.

9(21), пятница. Поутру ходил к Вейссу, к Шроппу. К графине Трухзес, у которой видел M-elle Block. К графине Брюль. К М-е Klausewitz. Разговор о императрице и Радовице. Обедал в Ресторации. В театр с М-е Klausewitz. “La dame Blanche”²⁶⁹.

10(22), суббота. Вечер у Гуфланда. Письмо от императрицы.

11(23), воскресенье. Поутру у графини Бранденбург. Осматривал с Шинкелем музей и церковь. Обедал у Алопеуса. После обеда в Потсдам.

12(24), понедельник. Ходил в Сансуси. Осматривал Charlottenhof, галерею. Kavalierhaus. Обедал в Neue Palais. Вечеру театр: “Jean de Paris”²⁷⁰. Ужинал в Neue Palais.

13(25), вторник. Ходил в Александровку. Унтер-офицер Яблоков содержатель трактира. 14 домов. 1 улица. У каждого 2 десятины огорода. Для простых солдат одноэтажные дома, для унтер-офицеров двухэтажные. Общинных лугов по 5-и десятин. — В Глинике. Вид от дерева. Сверху. Собачий дом. Прекрасный домик принца. Casino. Cabinet de l’antique. Книги для имен. Виноград. — Возвратясь в Берлин, нашел Сашу²⁷¹, которая приехала накануне, вплавь из Петербурга 6-го числа. Вечер у Кронпринца с Радовицем, Ансильоном и M-elle Bischoffswerder. Фридриховы картины. Разговор о Гегеле.

14(26), среда. Поутру был у Саши. Обедал у принца Карла с посланником и графиней Брюль. Сидел за столом подле M-elle Morschenesen. Графиня Калмейн. После обеда у M-elle Bischoffswerder. Вечер у Саши.

15(27), четверг. Утро провел в галерее Солли и в кабинете посольства с Шинкелем и Радовицем. Потом к графу Бранденбургу обедать. После обеда к Саше, у которой был Алопеус. Вечер у кронпринца с Гумбольдтом, Ансильоном, Бюловом. Рассматривали мои рисунки.

16(28), пятница. Радостная весть²⁷². Был у кронпринца, m-elle Bischoffswerder, Клаузевица, у Саши, у Бранденбурга, у Алопеуса. — В Шарлотгенбурге. Обедал у Алопеуса — у Саши. К Гуфланду. У Саши.

17(29), суббота. Поутру к Саше. У графини Трухзес. У Гумбольдта. В Египетский кабинет посольства. Обедал у кронпринца: Министр юстиции. Гессенский принц. Карл Мекленбургский. После обеда к принцу Карлу. В театр. M-elle Sontag. Дона Анна. Вечер у Гуфланда. Потом у Саши.

18(30), воскресенье. Поутру у Саши. В Шарлотгенбург. Обед у короля. После обеда разговор с кронпринцем. Хорошо говорю, но не умею делать!

* живопись на стекле (нем.).

Это приводит меня в ужас и часто производит меланхолию. — К Шлифен. — У меня Строганов. — Разговор о Николае Тургеневе²⁷³. — Вечер у Саши.

19(1 октября). Поутру у Радовица. Визиты. К Гуфланду. К Саше. Обедал у кронпринца с русскими. Гумбольдт. — Вечер у Саши с княг(инею) Голицыною.

20(2), вторник. Портрет у Крюгера. У Саши. К Гумбольдту в Тегель. В центре древний колодезь. В нижнем этаже торсы: торс Венеры и Амура. Корона олимпийская. Вверху в [нрзб.] статуя Меркурия Торвальдсена, «Убивающий себя галл»; «Электра и Орест», «Марс и Амур», Юнонина голова. — «Психея» Рауха. — На башнях четыре ветра. Вид с горы. Потсдам. — Колоннада. — Вечеру у Саши.

21(3), среда. У Крюгера. Картины Крюгера. В Арсенале. У Саши. Поездка в Потсдам. Прощание за мостом. Просидел у [нрзб.]; на Гаусберг. В Глинике.

22(4) четверг. Поутру к Радовицу. — Обедал у Радовица. Вечер у Гуфланда.

23(5), пятница. Поутру визиты. У Темена. У Бранденбурга. Обедал в Ресторации. Вечер в Глинике. Две комедии: “Verstand und Herz”²⁷⁴. “Marquis Roménar”²⁷⁵. — Разговор с кронпринцем.

24(6), суббота. Поутру у Ансильона. К Витгенштейну. К Гумбольдту. К кронпринцу. Неудачный разговор о плане. Обед. У герцогини Кумбер(ландской) в Schonhausen. Вечер у графини Гребен и у Гуфланда. Влюбленные пары.

25(7), воскресенье. Поутру визиты у принцев и у Радовица. У Bischoffswerder. У графини Трухзес. Виллазен. В Шарлоттенбурге у графини Шлафен. Вечеру у графини Бранденбург. У Алопеуса. У Строганова.

26(8). Поутру у принцессы Александрины, у M-elle Zeuner, у Ольферс. — В доме Радзивила. Нижняя горница с четырьмя тонкими столбами. Вверху. Горница с Шекспиром и ширмами. Большая зала. Ковровые диваны. Средняя горница с брошами и фарфором. Угольная. Полукруглый диван. Портрет Радзивила с дочерью. Портрет матери. По бокам два портрета, на каждом по два лица. — Оранжерея и большая горница с бюстами. Спальня. Горницы малые. Обедал у принца Карла. Брюль. Эрцгерцог. M-е Данкельман, Альбрехт. Вечер у кронпринца. Радзивил, Гуфланд, принцесса Вильгельм, M-elle Bischoffswerder. Рассматривали рисунки. Питье за здоровье. Проводы.

27(9), вторник. Выезд из Берлина. Обедал у Радовица. —

(Октябрь)

1(13) октября. В Мариенбурге. **2(14).** В Кенигсберге. **6(18)** в Риге.

8(20), суббота. В Дерпте. Нашел Е(катерину) А(фанасьевну) одну с Мойером. Вечеру были Гютчевы. Потом Ясинские. Остаток вечера провели одни.

9(21). Поутру делал визиты: у Зверева, у Рейца, у Перевошикова, у старика Эверса, у Ледебурра. — Обедал с студентами. Юлиус. — Вечеру Перевошиков.

⟨Ноябрь⟩

1 ноября²⁷⁶. Дашков сказал²⁷⁷: нельзя жертвовать обществ(енным) благом частному, хотя бы оно было основано и на несправедливости. Не должно правительству признаваться в несправедливости, оказанной им лицу частному. Это правило вредное. Надобно, чтобы правительство признавало выше всего справедливость. Благо общее, ничем не определенное, существующее в идее, более или менее несправедливое, может ли быть предпочтено справедливости частной, определенному, верному. В таком случае правительство действует так же, как и частные люди, решающиеся на преступление в настоящем для общего блага в будущем. Чтобы сии последние не могли иметь право так действовать, правительство должно подавать им пример: действия правительства должны быть образцом и примером действий частных. То, что есть преступление для лица, не может быть не преступлением и для представителей всех лиц, то есть для правительства, которое так же есть лицо коллективное.

Установления, институции суть не ограничение, а свобода государей. Государь самодержавный имеет только мечтательную власть. Если бы он мог быть в одно время и повелителем и исполнителем, то мог бы ручаться за свое могущество. Но он только произносит волю, а исполнение зависит от повинующихся. Институции суть дорога к цели: по ней идут, не опасаясь заблудиться, и повелитель и исполнители. Они суть карта мореходца. Без них державный кормчий при всей неограниченной власти своей на корабле правления не может странствовать безопасно. Всякое странствие его будет странствием Колумба, окруженного мятежными мореходцами. Он может доплыть к цели, угадывая ее своим гением, но успехом своим всегда будет одолжен счастью. Самодержец, ты думаешь, что ты всемогущ! Нет! ты в заблуждении. Ты властен только произнести слово повелительное — но произнеся его, ты предаешь его на волю твоих рабов, кои только стараются угадывать волю твою и, не имея твердых правил действовать, покорствуют только тебе, а не по правилам, утвержденным для всех, искажают волю твою своим рабским повиновением и действуют вопреки благу цели твоей, ибо имеют в виду только тебя и окружены мраком. А что если к тому еще примешают страсть и корысть. Институции суть зеркало государя и подданных. Они лампада правления. При них властитель видит и цель свою, видит и действующих во исполнение воли его, которые не иное что, как голос и сила незыблемого закона. Институции суть катехизис правителя и подданных. Без правил незыблемых нет и власти незыблемой, нет и повиновения твердого. Слово *должность* должно быть главное в лексиконе вел(икого) князя. Он должен помнить две вещи: живу для деятельности! Отвечаю за всё Судии Верховному! Он должен видеть в своих наставниках

представителей должности, так же покорных Верховному Судии. Он должен покоряться им не для того, чтобы не иметь своей воли, но для того, что они представляют для него все настоящие его должности и за него знают их — ибо ему еще нельзя иметь сего знания. Но должность само по себе такое же понятие для него, как и для них. Справедливость во всякую минуту жизни: верность слову, прямоту, точность в действиях, порядок, уважение своего и чужого времени.

О преподавании Истории²⁷⁸. Думаю, что для того, чтобы положить основание истории твердое, нужно сначала бросить быстрый взгляд на всю нить, чтобы врезался в голову главный ее абрис; не разделяя ее с географией. — Преподавание надлежит разделить на несколько курсов.

Первый курс. Нить: всему здесь эпоха. — I. Картина первобытного мира. Из книг Бытия. Древние мифы. Географический взгляд. — II. Времена Авраама. Взгляд географический. Черты жизни патриархальных народов. — III. Картины Востока. — Быстрый взгляд на происшествия. — IV. Времена Моисея. Географический взгляд. Ход человеческого образования, торговля. — V. Времена Трои. Образование Греции. Героические времена. Мифы. Геркулес. Тезей. Минос. Аргонавты. Фивская война. Троянская война. Гераклиды. Всеобщее изменение Греции. — VI. Времена Персов до Кира. Взгляд на Израильян, Ассириян, Мидийцев, Вавилонян до Персии. Кир. — VII. Времена Греции и Македонии.

24 февраля. Нынешний день случилось с Вел(иким) князем первое настоящее несчастье, то есть несчастье заслуженное. Он навлек на себя наказание государя не просто дурным поступком, а дурным качеством, которое, если не взять ему предосторожностей теперь, когда себя переделывать легко, может обратиться в порок, гибельный для него самого, несчастный для его отечества и постыдный для истории, которая узнает его и запишет его для потомства.

Желать быть лучше других значит любить всё, что есть в других доброго и стараться его себе присвоить: это желание чистое и благородное, не мешает нам радоваться тому доброму, которое мы в других находим, не мешает нам любить их и тогда, когда они нас превосходят, ибо нельзя любить и самого добра, не любя добрых. Но если вместо того, чтобы стараться быть добрым наравне с другими, мы только будем желать, чтобы другие *не были лучше нас*, если такое желание соединено еще и с досадою, что они нас в чем-нибудь превосходят и с старанием унижить их, чтобы сравнить с нами, то такое расположение души может назваться началом смертельной болезни; оно со временем умертвит душу, то есть сделает ее недостойною Бога навеки, если не искоренить его пока еще время.

То, что случилось нынче с Великим князем, может назваться истинное несчастье. Государь спросил у В(еликого) к(нязя): как он учится? Не очень хорошо — был ответ В(еликого) к(нязя). Государь спросил о том же у Паткуля¹ и получил тот же ответ. Великий князь, не слышав этого ответа, хотел было уведомить об этом государя; он удержался, но государь понял его намерение и строго наказал его за это дурное намерение, не достойное благородного сердца.

Если бы это был один проступок, происходящий или от ошибки или от минутного дурного расположения, которое можно победить, то наказание загладило бы его совершенно и государю легко было бы простить великого князя, ибо легко бы было поверить, что В(еликий) князь уже не сделает вперед той ошибки, за которую был наказан.

Но здесь совсем другое. В(еликий) к(нязь) был наказан не за проступок, а за намерение, происходящее от такого качества, которое есть в его сердце и останется в нем навсегда, если он теперь не употребит всех усилий, чтобы его уничтожить. Государь не может с ним помириться до тех пор, пока это качество в нем останется. Государь может теперь только поверить ему, если он даст слово, что будет стараться истребить это презрительное качество, но не может начать его любить, как любил прежде, до тех пор, пока не узнает на деле, что он старается исполнять данное слово, и тогда только может начать уважать его, когда это данное слово будет исполнено.

Что же должен делать Великий князь, чтобы возвратить прежнюю любовь государя и наконец заслужить его уважение.

Первое. Великий князь должен принять не только с покорностию, но и с благодарностию к Богу то несчастье, которое с ним случилось. Без сего несчастья он, может быть, долго бы не узнал того вредного качества, которое в нем таится и которое может сделаться со временем ужасным пороком. То, что случилось, доказывает ясно, что Бог хранит Великого князя, он хочет исправить его, он открыл самому отцу его тайный порок, этот гнев государя, это наказание заслуженное, это голос Божий, который говорит ему: *исправься, будь достоин любви земного отца своего, чтобы заслужить любовь отца небесного.*

Второе. Великий князь должен понять хорошенько, в чем состоит то дурное качество, которое навлекло на него наказание государя. В(еликий) князь, желая объявить государю, что Паткуль так же дурно учится, как и он, доказал тем, что он способен делать другому зло и что он огорчился бы, когда бы другой заслужил похвалу в то время, когда он получил неодобрение; Великий князь, радуясь во время уроков, когда Паткуль отвечает хуже его, и рассчитывая, сколько дурных отметок стоит в журнале Паткуля, доказывает тем, что он способен желать, чтобы другой был хуже его, и следовательно способен огорчиться, когда другой будет лучше его. Это называется зависть, свойство самое ненавистное и презрительное. Зависть делает нас врагами других и лишает способности быть добрыми. Нельзя быть добрым, радуясь, как другой дурен, нельзя любить в себе то, что ненавидишь в других, или огорчаться, когда другой так же добр или добрее.

Третье. Великий князь, узнав, что имеет несчастное расположение к зависти, должен употребить все усилия, чтобы искоренить его. Он плакал горько от наказания, но эти слезы ничего не исправляют и ничто не будет исправлено до тех пор, когда будет искоренена причина, навлекшая на В(еликого) к(нязя) гнев государя, а эта причина есть дурное качество, которое истребится не в одну минуту, а только тогда, когда Великий князь будет постоянно следить за собою и побеждать дурное чувство в ту самую минуту, в которую оно рождается. Чтобы иметь нужную для этого силу, нужно только помнить, что у него есть два самых близких свидетеля, которые всегда помогут ему в добрых усилиях; один, который сам всё видит и перед которым всякое движение души нашей открыто, и другой, которому сам он должен открывать всякое дурное свое движение с тем, чтобы он помог ему победить его. Когда мы больны, мы ищем лекаря и пьем лекарство. Великий князь болен душою, он имеет подле себя доброго лекаря; этот лекарь вылечит его, если только он не будет скрывать от него своей болезни и станет принимать его лекарства.

Если Великий князь не станет наблюдать за собою и не истребит вовремя своего дурного качества, то оно обратится в порок и вот какие будут следствия. Теперь у него только один товарищ Паткуль², с которым он должен всё делить в ребячестве: и труд и удовольствие. Если он не будет любить

его, то лишит себя счастья дружбы; но может ли он его любить, если не будет радоваться тем добром, которое он имеет, если всего доброго будет желать только себе. И если он привыкнет к этому с одним товарищем, то будет таков и для других. Каково же не любить других за то, что есть в них хорошего? Кого же любить? Тех, кто дурен? Следовательно добровольно выгнать себя из общества доброго? А дурных любить нельзя! Итак не любить никого? На что же жизнь?

Чтобы жить как должно, надобно помнить только, что мы и наша жизнь здесь не есть настоящая жизнь, а только начало или приготовление к настоящей жизни, что мы живем здесь только для души нашей, что всё, что не делает душу лучшею, исчезает, что всё, что делает душу лучшею, вечно. В этом отношении люди равны, ибо все дети одного Бога, который знает одну душу, хотя и посылает судьбу различную. Если Великий князь думает, что он *должен* быть лучше других, что никто *не должен быть* лучше его потому только, что он сын государя, то он ошибается. Бог назначил ему судьбу высокую на земле, это правда, но этим только он отличил его на несколько лет в здешнем свете, то есть дал ему не те способы сделаться достойным любви своей, какие дал другим: но любовь Бога одинакова для всех, так как для всех одинаково бессмертие. Для этой любви мы живем на свете, для этого бессмертия мы себя здесь готовим, всякой по-своему, одни будучи государем, другие будучи просто частным человеком, всякому своя должность по тому месту, которое он здесь занимал, но у всех одна цель, одна жизнь вечная, один Бог. Чтобы подумать, как ничтожна земная жизнь, надобно взглянуть на мертвое тело нашей доброжелательной княгини Ливен³. 80 лет! Где они? Всё теперь как одна минута! Но в то же время, чтобы почувствовать, как величественна жизнь души, надобно вспомнить ее прошедшее: она жила для должности, и всё, что было прекрасного в душе ее, всё теперь с нею и навеки.

Фундаментальное правило поступков⁴. Какой бы случай ни представлялся действовать, действуй, как скоро в действии есть справедливость; воздерживайся от действия, как скоро справедливость в недействии.

Свобода человеческая особенно доказывается тем, что человек всегда *может* быть справедливым, то есть что он всегда может быть послушен должности. Счастлив тот, кого сердце стремится к исполнению должности. — Для того должность есть наслаждение. Но в добродетели наслаждение и счастье есть излишество роскоши. Действуй справедливо, хотя бы то было и против влечения твоего сердца. Наслаждения никто от тебя не требует. А должность предписана тебе с жизнью. Если ты холоден сердцем к исполняемому тобою долгу, не притворствуй, кажись тем, что ты есть, но действуй, как велит долг. Действуй по правилу, когда не можешь по сердцу, и кажись тем, что есть[#]. Всё назначение и достоинство в двух словах: *Бог, должность*. На них основываются строгие, непоколебимые правила всей его нравственности. Религия

христианская дала им душу. К высоким понятиям о Божестве она присоединила чувство. До Иисуса Христа человек возвышался мыслию к Богу и в мире незнакомом и чуждом искал законов для обитаемого им нравственного мира. В Спасителе Божество явилось земле, и отвлеченные суеверные понятия ума обратились в ясное смиренное убеждение сердца. Тогда должность была правилом неумолимым; теперь должность есть благодарность.

* Для чего притворствуют столь часто. Для того, чтобы избавить себя от исполнения должности. *Казаться* легче, нежели *быть*. Но кто старается казаться, нарушает справедливость, ибо он обманывает, иногда себя, чаще других. Пускай и должность исполнена с совершенною холодностию, даже с отвращением, всё дело нравственное — но если в исполнении показываешь более живости, нежели сколько имеешь в сердце, то ты портишь нравственный поступок несправедливостию. Побуждение — Отдельное действие — Гармония в действиях.

Бывают смутные времена в истории⁵. Необходимость требовать великих пожертвований от народа. И народ, о котором правитель его пекся как добрый отец во дни покоя, произвольно и радостно принесет на жертву последнее. Ибо он будет любить и верить.

Но если в дни спокойствия и изобилия народ обременен всеми бедствиями войны, если тот самый, кто обязан охранять его от хищного врага, расхищает сам как враг его имущество; если бедный народ посреди мирного отечества должен не только отказывать себе во всех радостях жизни, но и сносить все ее бедствия, как будто в осажденной неприятелем крепости, для того только, чтобы его Государь удовлетворял своей расточительности, обогащал своих любимцев и тратил не для народа, а на свои прихоти те сокровища, которые собраны народом в кровавом поте труда: то каких ожидать последствий! Они очевидны! Народ мало-помалу делается равнодушен к общему благу; в сердце его заронится искра мятежа, которая при первом удобном случае произведет ужасное пламя! И любовь к Государю, столь же ему естественная, как и детям любовь к отцу, уступит место ненависти. Кого тогда обвинять, если чувство ненависти обратится в дело ненависти, то есть в мятеж. Народ ли, доведенный до сего чувства притеснительным правительством, или правительство, которое своими притеснениями произвело в народе сие чувство?

Народ возмущается; и всегда бывают беспокойные люди, которые доводят его до сей крайности. Но настоящая причина всякого возмущения есть почти всегда само правительство. Будь оно благоразумно, пекись оно с прямодушием о благе народном, и в народе не будет расположения к возмущению, и никакой возмутитель не подумает волновать его, ибо он не будет надеяться на успех своего замысла, напротив, будет бояться привязанности народа к правителю. Где правитель любит народное благо, там народ любит власть правителя. Там власть есть благо.

Не уважать народ свой есть совершенное безумство в Государе, есть что-то чудовищное, похожее на сумасшествие. Кто образует народ, кто

доставляет ему просвещение, кто действует на его нравственность, кто возбуждает в нем честолюбие благородное, кто приводит в движение все его слова? Государь — законодатель, просветитель, представитель, вождь народа. И так народ делается достойным уважения только тогда, когда его правитель дал ему для того способы! Если же он не достоин уважения, то в этом вина его правителя! И так не народ свой, а себя должен презирать правитель, если не может уважать своего народа.

Русский Государь должен быть русским в своем сердце, если хочет жить в сердце русских. А может ли он не желать этого.

Власть Государя не надежна, если она не в сердце его подданных. Напрасно будут проповедовать, что *она происходит от Бога*: этому верили слепо наши предки; но теперь такая слепая вера уже не возможна; народ начал мыслить. Можно принудить его молчать; но отнять уже у него пробудившуюся мысль невозможно. И правитель народа будет в несчастном заблуждении, если будет думать, что молчать и не мыслить одно и то же. Мысль притесненная сильнее свободной, и она опаснее, ибо притеснение не усмиряет, а раздражает.

Власть царя происходит от Бога⁶ — народ будет этому верить, но только тогда, когда сие Божественное происхождение будет для него очевидно! А оно будет очевидно в одной только благодетельности. В наше время Иоанн Грозный не мог бы называть правом Божественным своего ужасного права зверствовать и лить кровь по прихоти.

Сила Государя в сердце его подданных: иной опоры она иметь не может. Государь любим и уважаем своим народом только тогда, когда он любит и уважает народ свой. Силой не возьмет он ни любовь, ни уважение; сан царский есть только средство, а не право. Если его ненавидят, то виноват не народ, а он сам. Было бы такое же безумство обвинять народ за ненависть к царю, самим царем произведенную, как негодовать на эхо, повторяющее звуки.

Государь России, будь русским в сердце твоём, чтобы быть в сердце русских. Россия видит в тебе своего представителя: если пренебрежешь теми, кого представляешь, то унизив себя, унизишь и их; и оскорбишь чувство народной гордости: такое оскорбление не прощается: будешь ненавидим, хотя бы имел и великие качества, хотя бы и великою славою покрылся для истории.

Быть Русским Государем есть любить Россию, гордиться именем Русского, желать блага Русским предпочтительно перед другими народами, действовать для того, чтобы поставить русских на ту степень, на которой стоят народы, более их образованные. Страстно желать, чтобы Русские наравне с другими народами могли пользоваться всеми благами гражданства, даруемыми единым просвещением, наконец, неусыпно стремиться к тому, чтобы облагородствовать и ум и характер их всех, что составляет истинное

достоинство человечества. Такую любовь к России имел Петр Великий. Он знал, чего недоставало его народу, но он за то не презирал его! и от того именно имел он во всё успех. Государь, не уважающий народа своего, не властен сделать ему и добра: без любви к народу дела Государя мертвы: он строит на песке, на минуту, для разрушения.

Частный человек любит отечество — по чувству, которое поселяют в нем сначала первые радости младенческих лет, потом благодарность.

Что такое любовь к отечеству? Первые лета младенчества, отец, мать, братья, друзья, родной язык, воспоминания лучшего времени жизни, деятельность в кругу своих и для своих — всё это вместе сливается в одно чувство, которого не может произвести в нас никакая чуждая страсть, хотя и более облагодетельствованная природою и более счастливая порядком гражданским в гражданине. Любовь к Отечеству есть просто человеческое чувство. Но в Государе сия любовь есть чувство Божественное. Государь любит свое отечество за то, что он его счастливит. Без любви к Отечеству Государь не сделает ему никакого добра. А сделанное добро усилит и самую любовь.

От чего Государи действуют часто так неуспешно и так часто не имеют никакого достоинства в глазах подданных. От того, что они в звании, выходящем из ряда званий человеческих, действуют, как будто бы не видя сего звания. Полубоги действуют как люди. Без сего чувства звания своего Государь, и лучший человек, будет худой государь. Все частные добродетели в Государе должны быть публичными. Имея одни первые, он еще не может быть Государем, последние совершенствуются первыми, но могут существовать и без них. Совершенство в соединении. Мало того, чтобы быть, должно и слыть.

Уважай народ, и будет народ. Иначе будет толпа.

Люби то, чего хочешь, и будет успех.

Люби просвещение, и даешь жизнь просвещению. Будь сам светом и всё осветишь.

Частный человек может утешаться в совести, если об нем судят несправедливо: он действует не на виду. Государь действует на сцене; если его осуждают, то он достоин осуждения, всеобщее одобрение не лезть. Ближайший льстит Государю, отдаленные судят о нем справедливо, ибо они составляют результат мнений. С частным человеком наоборот.

Что такое общее мнение: приговор по большинству голосов. Один голос не значит ничего.

Властвовать низкими рабами незавидное счастье. — Государь тогда только может гордиться своим саном, когда его подданные — люди, облагорожденные свободою, нравственностью, религиею, просвещением. Тогда

могущество Государя имеет в себе нечто Божественное, а покорность подданных имеет характер богопочтения.

Для того, чтобы государство существовало, необходимо, чтобы правительство было сильно: силою хранить целость. Но цель Государя не власть, а благо! Царь рабов есть царь мертвых трупов или скованных зверей! Вокруг него кладбище или железные клетки! Беда, если вскрыть могилы: увидишь одно ужасное гниение! Беда, если клетки разломаются: звери не знают благодарности и не понимают блага законной власти. Они растерзают своего повелителя. Чтобы были твердые законы, чтобы была твердая власть — дай просвещение и не обижай свободу закона и будь раб законов. Право в царю нарушать и переменять законы не означает его силу, а только бессилие законов, тогда рабы царя суть детища законов и царская воля только в словах.

Любя свою должность и ограничивая себя ее исполнением, делаешься совершенно от всего независимым. Жить при дворе есть учиться или мудрости или подлости. Надобно выбирать одно из двух. Среднею дорогою идти нельзя. Надобно быть или рабом владыки или рабом долга. В первом случае унижение себя. В последнем случае сохранение своего достоинства. Но это сохранение не без тяжелых ощущений. И тот, кто ставит его выше всего, как человек, бывает подвержен тяжким испытаниям, которые именно тем тяжелы, что всегда *низко* быть им подверженным. Нельзя так совершенно отделиться от всего, что *не истинное*, чтобы им только довольствоваться и быть нечувствительным для того, что попадает в тебя с низу. Но эти презрительные, неизбежные припадки, случающиеся в заразительном придворном воздухе, должны быть только на одну первую минуту; во вторую должны они проходить, а на душу не должны иметь никакого влияния. Какое мое положение? Я при уме и сердце наследника России. Вот всё. Живи в этой высокой атмосфере, пока от тебя зависит в ней жить и действовать. Не допускай до себя ничего, что так заразительно и так часто бывает убийственно в низкой. Пока ты не окунулся в нее, до тех пор ты свободен. Заботясь о воздаянии, сам себя делаешь наемником. Твой целитель твоя душа и тот, кто ее создал. В огорчениях, выше которых умеешь возносить себя, весьма много нравственно полезного. Каждое такое огорчение презренное и побежденное есть нравственная ступень, на которую поднялась душа твоя: она стала выше и получила более способности возвышаться. А жизнь нам дана для этого. Если бы мне сказать Государю свое мнение на то, как он со мною поступил, вот что бы я сказал: вы мне вверили ум и сердце вашего сына, следовательно, вы признали меня достойным вашей доверенности. Если вы позволяете себе, сделав главное, не исполнять того, что вы обещали исполнять в отношении ко мне, то вы в противоречии с самим собою или с намерением хотите быть несправедливым. Во всяком случае вы у меня в долгу. Это для меня лучше, нежели когда бы я был в долгу у вас. Я свое дело делаю и хочу делать. Если вы не делаете своего, то это нисколько не заставит меня почитать моей должности менее священной, она от этого не теряет своей возвышенности, ни даже прелести.

14 октября. Теряю только несколько удовольствия самолюбия и несколько выгод корысти: но без них обойтись можно, и счастлив тот, кому легко обойтись без них, кто сделал душу свою недоступною для презрительного чувства оскорбления, которое неразлучимо с лишением этих мелочных удовольствий. Об одном сожалею: о чувстве благодарности, о мысли, что сердце отца отдает мне справедливость и любит меня: это потеря истинного наслаждения, не нужного для того, чтобы привязать к исполнению должности, но веселящего, возвышающего душу, а потому и полезного ей, ибо такого рода чувства поддерживают и животворят силы. Не знаю, всегда ли выдержишь отсутствие таких подпор и всегда ли будешь доволен одним голосом сердца. По крайней мере так думаю и чувствую на эту минуту.

За невнимание, за оскорбление негативное я не имею право покинуть своего места: я бы унизил понятие свое о моей возвышенной должности, если бы измерял ее по тем выгодам, которые были бы сопряжены с ее исполнением. Ее не продам никому. Но унижения сносить не должно. Не оказывая мне справедливости — возвышают меня перед другими. Оскорбляя мое лицо — унижают меня. Сего последнего позволять нельзя. Лишишься возможности исполнять с чувством свою должность и сей тяжкой жертвы приносить не имеешь права.

Дух времени

Образование природы физической есть представитель образования человеческого рода.

В слоях, покрывающих неизвестное нам ядро земли, и в окаменевших первобытных животных видим предание до происхождения и развития земли — то же, что предания и памятники древности для истории человеческого рода.

Нынешний мир физический стоит на развалинах древнего — нынешний мир политический также стоит на развалинах древнего.

Древний мир физический был миром борьбы и великих разрушений. Властвовала грозная сила. Могли существовать одни чудовища. Наконец явился человек. Грозная сила утихла. Вся цель физических изменений достигнуть *возможности физической человеческой жизни.*

Начала человеческого общества отвечают сим первобытным временам мира физического. Грозная сила властвует. Частные образования Греции, Рима суть такие же явления жизни гражданской, как явления чудовищ древнего физического мира, которых окаменелости находим в слоях земных, — явление Христианства может соответствовать явлению человека, а разрушение Империи Римской и всё время Средних веков — потопу, всё поглотившему, после коего начинается новое образование.

Нынешнее время соответствует первым временам земли после потопа. Время всеобщего преобразования под радугой Завета. Сила начинает уступать закону. Цель сих революций, еще далеко не достигнутая: *возможность человеческого благоденствия в обществе*. Главное средство к тому *утверждение договора между властителем и подданным*, из коих составлено каждое отдельное общество политическое, и соединение *в один договор всех политических обществ*, составляющих род человеческий. Результат отдаленный: *общий порядок, то есть свобода всего благородного в человеке и теснение всего вредного*.

Дух времени нечто невидимое и тайно действующее во времена первобытные, когда чудовищное одно является в действии, он выражается только в частном. У древних египтян Феократия. У всех азиатских народов и донныне Деспотизм, всё умерщвляющий. У римлян завоевания. У карфагенян торговля. Нет ничего общего. — В Средних веках дух времени продолжает быть так же невыраженным и тайно действующим. Чудовищное превозмогает, но есть противодействие в Христианстве. Еще нет общего голоса, но есть уже тесное сношение народов, из общей борьбы выходит общее образование. — С книгопечатаньем дух времени получает голос и становится внятным, он выражается громко во времена Реформации: требует реформы духовной власти. Он выражается еще громче в наше время: требует реформы в отношении государей и подданных. Наше время есть переход из юношества в мужество; время утверждения общественного договора: обе условливающиеся стороны созрели, и каждая может знать и сказать, что ей нужно для общего блага.

Но не все народы Европы стоят на одной степени: одни уже имеют всё, что нужно для поднятия своего голоса, другие далеко от них отстают и им еще нельзя произнести своего требования, которое они еще и определить не могут. Но нужда одна для всех, ибо они составляют одно семейство. Одни должны быть допущены государями на совет, и обязанность государей состоит в том, чтобы согласоваться с ними для их и своего блага, здесь-то возвысится достоинство государей. За других должны действовать сами государи, кои со своего места должны видеть дальше и могут приготовить свои народы к переходу без потрясения к тому, чего уже достигли народы более зрелые. Во Франции, Англии и многих странах Германии государи должны утвердить договор с своими народами; в других землях и особенно в России Государь должен убедиться в неизбежности сего договора и сам готовить к нему народ свой, без спеха, без своекорыстия, с постоянством благоразумным⁷.

⟨Май⟩

Выехал из Дерпта 30 апреля¹. Приехал в Варшаву 7-го мая².

7. К В(еликому) князю. К Императрице. В бане с Жилем. Обедал у Велико-го князя. Ввечеру в Беланы. Монастырь, основанный Владиславом Четвертым. Кельи. Монах адъютант Костюшки. Умиравший игумен. Возвращение через Мариамонт с Вьельгорским^{2а}. Императрица и Великий князь Константин.

8. Поутру у В(еликого) к(нязя) Константина Павловича. Моравский. Виртембергский принц³. К(нязь) Голицын. Рихтер. Жандр. Левицкий. Курута. Кривцов. Обедал за маршалским столом. Дворец. Тронная. Зала историческая, или Коперника. Зала портретов. Собрание дам. Фредро. В театре с Адлербергом и Килем. "*Le mariage d'argent*"⁴ и "*L'ami intime*"⁵. M-elle Constant, M-e Phillis, St. Marie, Potier, Алопеус. Бюцов. Лобинский.

9. Поутру у Немцевича⁶. Встреча с Фредро. Парад. Великий князь перед полком. У Бибикова. Анекдот о трех заговорщиках; слово Моренгейма: *le mérite du .. [прбл.] est d'être lâche**. Анекдот о Друцком-Любецком. Знакомство с Красинским. Вечер в Вилланове: замок с барельефами. Китайские горницы. Горницы Собьеского. Место, где он умер. Портрет Марии-Казимиры. Галерея картин: *С(вятой) Себастьян* Ван Дика; *Спаситель* Леонардо да Винчи; голова неизвестного. Две баталии Казановы.

10. Поутру у Красинского и Моравского, знакомство с Козмянном. У В(еликого) князя. Чтение и воспоминание о Императрице Марии Феодоровне. У Императрицы. У Волхонского: падение подмосток. В библиотеку. Перевод Библии Скорины⁷ и Луки неславного городка⁸. Зоологический кабинет. Картины живописцев варшавских. С Адлербергом к Красинскому: Моравский, Браницкий, Потоцкий, наши. Спор и вздор о русском языке. Новосильцев. Политическое.

11. Поутру у Фредро, у Потоцкого, у Бюцова, у Алопеуса. С В(еликим) князем в Ботаническом саду и на Обсерватории. Паганини⁹. Вечер с Крейтоном, а не у Зайончек.

12. День коронации, место между нунциями. Татищев и Алопеус. Чтение молитвы. Неприличие благословения короны. Вид на площадь, улицу и церковь. Моравский, Козмян и Немцевич у Великого князя. Рассуждение о манифесте и сочинение рескрипта. Вечер у Адлерберга с Орловым и сочинение манифеста.

13. У великого князя. У Фовицкого¹⁰, у Линде, у Бродзинского. Обедал у Фредро: Осинский, Лубинский, два Козмяна, Бродзинский, Моравский, Залуцкий, Немцевич. Бал.

* Достоинство .. значит быть трусом (*фр.*); [две точки стоят в подлиннике].

14. У Адлерберга. У Государя. С Императрицею в Виланове. Обедал за маршальским столом. В театре графа Соболевского. Адам Чарторыйский.

15. Старинкевич и Красинский. У Немцевича. В Библиотеке. Обедал у Новосильцева с Бибиковым, Нессельроде, Кутузовым, Старинкевичем и Пеликаном. У Нессельроде. У Радзивила. Дома.

16. Поутру у Великого князя. У Бенкендорфа о Старинкевиче¹¹. У Немцевича. Праздник народный¹² и дождь. Обедал за маршальским столом.

17. Поутру у Великого князя. Повторение истории. Чтение¹³. Визит к Козмяну и Моравскому. Покупки. У Кривцова прощ(аться). Обедал у Великого князя. Писал к Тургеневу. Бал сенаторов и нунциев.

18. Выезд из Варшавы. У Радзивила. В Ниборове. Картины. *Пилат Пуссеня*. Доминикины *Водопад*. Вернета 4 части дня. *Утес и заходящее солнце*. Потгера *Лес*. Рюисдалевы два пейзажа. Теньеров *Больной*. Две Грезовы головы. Доминикиновы *Жмурки*. *Положение во гроб* Рембрандта. Аркадия: Кристалльная горница. Спальня. Развалины. Пещеры. *Aqueduc*. Дом садовника. Храм: I. Амур и Венера. Плафон Утро. Треножник. Алтарь с амуром. Весталка. Кушетка. Саркофаги. Жилище пастухов. Эскулап. Колонна с надписями. Саркофаги. Химера и Надежда. Озеро. Остров воспоминаний. Поляна и часовня: саркофаг. Картины Зейделямана. *Offrez — à Dieu — les peines de la vie — jusqu'au dernier soupir**. *Гек(тор)* Гвидов. Дорога по берегу озера. Амфитеатр. Цирк. Ужинали в Ловиче.

19. День в Ловиче. Опять в Аркадию. Обед офицеров.

20. Ночевал в Калише.

21. Приезд в Антонин¹⁴. Общая горница: посередине камин с оленьими головами. Лампы. Горницы пр(инцессы) Радзивилл; охота; Элизы швейцарские виды и литографии; принцессы Луизы портреты. Разговор о Варшаве. О Великом князе. О Императрице. Вечер. Штольберг. Разговор о принце Вильгельме и о кронпринце.

22. День в Антонине. М-е Kleist. Приезд Императрицы.

23. Отъезд из Антонина. Ночевал в Sibillenort. Свидание с Тургеневым¹⁵.

24. Ночевал за одну станцию до Grünberg.

25 (6 июня). Приезд в Берлин. Hôtel de Russie.

26(7). Писал к Перовскому и к Екатерине Афанасьевне. У обедни. Обед у Императрицы. Визиты у принцев. У Радовица. Вечер в театре. У Алопеуса. У графини Трухзес. "*Stumme von Portici*"¹⁶.

27(8). Утро в Louisen Palais. Завтрак. В Потсдам. В театр: "*Der erste Eindruck*"¹⁷.

28(9). В Потсдаме. Приезд принцессы¹⁸. Обед. Фридриха горницы. Приезд В(еликой) княгини¹⁹. В Сансуси. Ужин у Императрицы.

29(10). Освящение церкви. Объезд Потсдама. Возвращение с в(еликим) князем. Глинике. Pfauen-Insel. Вечер дома.

30(11). День свадьбы. Визиты с Тургеневым. У Гуфланда. У Шлифен. У Гнезенау. У Рауха (Орест и Пилад)²⁰. У Клаузевица. Церемония венчания. Fakeltanz.

* Предайте — в волю Божию — жизненные скорби — до последнего вздоха (*фр.*).

31(12). Завтрак у Вильгельма. Графиня Вьельгорская. У M-elle Wildermeth. Театр: “*Agness von Hohenstauffen*”²¹.

⟨Июнь⟩

1(13) июня. В Шарлоттенбурге с Императрицею. Осмотр с королем горниц. У Бранденбурга. Обед у короля. Вечер у Радовица. У Гребена.

2(14). Визиты. У Трухзес. Прощание. У принцессы Вильгельм. Обедал у Алопеуса. Савиньи. Олферс. У Радовица. У Гуфланда. Выезд. Несчастливая минута на память.

4(16). В Антонине. Приехал в 10 часов вечера. Лулу, Адольф²². Граф Стош.

5(17). В Бреславль. В Антонине. Поутру отъезд Великого князя. Музыка. Кегли. Прогулка пешком. После обеда разговор с Адольфом. Прогулка в колясках. Неудачная прогулка по воде. Ввечеру музыка. Хор из «Фауста»²³. «Пилигримы» Наумановы²⁴. Чтение. Отъезд в 12 часов.

6(18). Дорога от Антонина до Варшавы. Читал “*La Maison Blanche*”²⁵.

7(19). Приезд в Варшаву. У Великого князя. У Великой княгини. Дома с больною ногою.

8(20). Дома о больною ногою. Красинский. Блудов.

9(21). Дома с больною ногою. Праздник. Старинкевич. Красинский. Блудов. Фовицкий.

10(22). Визиты. Письма. У Немцевича. У Новосильцева. У Великой княгини²⁶. Обедал с Великим князем. В лагере. Осаков. Встреча с Козмяном. Вечер с Старинкевичем и Блудовым. Слова Великого князя: *Vous sénateurs, vous croyez être des pères-conscrits, vous êtes des pervers, des perfides et surtout des permanents. Je suis content de vous comme petit-fils de Catherine et suis mécontent comme le frère du roi de Pologne. Réponse du comte de [нрзб.] au grand duc: Vous avez eu beaucoup de duels pour vos bons mots. — Oui, parce que j’ai l’esprit vif et ne suis pas né prince**.

11. Выезд из Варшавы. Ночевали в Ломже.

12. Обед в Разграде. Ночевали в Сувалках.

13. Обед в Будках. Ночевали в Ковно. Безобразов.

14. Ночевали в Шавлях. Петерсен.

15. Обед в Митаве. Губернатор Бреверн. Болезнь. Приезд в Ригу. Вечер пролежал.

16. Утро дома. Визит Бергу. Обед у Паулуччи. Фелькерзам. После обеда к Вольмернажу — Сесилия и Леокадия. К Кубе.

17. Выезд в 3 часа. Встреча на большой дороге с Великим князем. Путешествие в Зегевольд, Кремон и Трейден. Арендатор Вольф; его жена, дочь Бланкенгагена. Камергер граф Кошкуль. Завтрак в Зегевольде. Прогулка

* Вы, сенаторы, думаете, что вы римские сенаторы: вы возмутители, изменники и особенно постоянны. Я доволен вами как внук Екатерины и недоволен как брат короля польского. — Ответ графа [нрзб.] великому князю: У вас было много дуэлей из-за ваших острот. — Да, потому что у меня живой ум и я не рожден быть государем (*фр.*).

в несносный жар. Гроза. Дом князя Ливена. Обед в Нурмисе у графа Дунтена с Тизенгаузенами. Путешествие по горам. Венден и графиня Сиверс с прекрасною дочерью. Ужин в Вольмаре.

18. Прощанье с В(еликим) к(нязем). Переезд до Уддерна.

19. В Дерпте. Разговор с Эверсом²⁷.

20. В Дерпте.

21. Выехал из Дерпта. На могиле Маши²⁸. Ночевал в Иеве. Rannaropungen. Встреча с Дризенном.

23. Поутру в шесть часов приехал в Петербург. В институте²⁹. Разговор с М-е Crepin. У Козлова. У Фока. У Булгакова. У Дашкова.

⟨Июль⟩

9 июля. Нынче просил, чтобы переменили мне комнату. Я в лихорадке, комната сыра, и есть близ меня порожняя, которую готовят для какого-то прусского генерала на одну ночь. Ответ получил истинно русский: нельзя; эта комната фельдмаршальская; да она уже и назначена.

11 июля. Возвращение Государя.

1 апреля¹. Письмо, написанное мною², в котором объясняю, что меня чернят и чернят враги литературные³. Взгляд на мою прошедшую и настоящую жизнь⁴, которые дают мне право не бояться никаких обвинений тайных. Требую изъяснения. Мое письмо, по-видимому, производит свое действие: on est gêné avec moi, enfin on m'assigne une entrevue*. Это свидание было не объяснение, а род головомойки, в которой мне нельзя было поместить почти ни одного слова; вместо чтобы слушать меня, мне сказано было, почему я подал повод многим называть меня главою партии; наконец, прибавлено было, что хорошее мнение на счет мой не переменялось. Потом разговор перешел к тому, что мною написано; когда критикует Царь, который (худо зная дело и признаваясь в незнании) хочет, однако, быть прав, то отвечать нечего. Вообще результатом я доволен: он произвел мир, но заставил меня о многом переменить мнение и многого страшиться в будущем.

— Что ты это написал ко мне?

— Вы знаете или, по крайней мере, должны знать, что я к Вам привязан. А меня Бог знает кто очернил в Вашем мнении.

— Слушай; знаешь пословицу: dis qui tu hantes, je te dirai qui tu es**. Ее можно применить к тебе. Несмотря на то, что Тургенев осужден⁵, что я тебе говорил об нем, что ты знаешь, что доказательство существует против него, ты беспрестанно за него вступался и не только мне, но и везде говорил, что ты считаешь его невиноватым.

— Да я ведь знал его прежде и знаю об нем то, чего правительство не знает. Когда Вы мне сказали...

— Слушай! Ты имел связь с Вяземским⁶, который делал множество не позволенных поступков, врал сам, подбивал врать и действовать других, был настоящий *boute-feu****. До вчерашнего дня был он таков. Теперь я сам позволю тебе его обнять. Можно. Я всё, всё это скажу ему сам, когда увижу его; теперь он всё загладил своим раскаянием!⁷ Он поступил так, как очень редко поступают; смирился, писал к В(еликому) к(нязю). Если бы он за 4 года сделал это с покойным Императором, то получил бы тоже прощение и Тот открыл бы ему объятия; теперь всё забыто. Но ты навлек на себя нарекания. Тебя называют главою партии, защитником всех тех, кто только худ с правительством.

* (...) со мною стесняются, наконец мне назначено свидание (*фр.*).

** скажи мне, с кем ты знаком, я скажу тебе, кто ты (*фр.*).

*** зачинщик (*фр.*).

— Да кто называет? Я никого не знаю! И знать не хочу; живу у себя, делаю свое дело и ни о чем постороннем не забочусь! Моя забота в том, чтобы Вы имели обо мне хорошее мнение, и Вы должны его почерпать из моей жизни, а не из того, что другие говорят обо мне.

— Нет! ты должен об этом заботиться! Ты при моем Сыне! Как же тебе слыть сообщником людей беспорядочных или осужденных за преступления?

Этим кончилась первая половина разговора; началась другая, то есть критическая.

Тут еще труднее было отвечать. Предмет щекотливый. А Он говорил то, чего последний ученик сказать не может, что принадлежит не к нашему веку, а к XI-му⁸. Это доказывает только то, что и самые логические вещи для ума нелогического и не приготовленного никаким образованием не только не убедительны, но и не понятны. Тут отвечать было нечего. Надобно было если не согласиться, то уступить. К счастью, всё, на чем основано было обвинение, принадлежит единственно мне, и другие остались в стороне.

Если бы я имел возможность говорить, вот что бы я отвечал⁹: «То, что могло подать Вам повод быть мною недовольным, должно было, напротив, дать Вам лучшее мнение обо мне¹⁰. Я защищаю тех, кто Вами осужден или обвинен перед Вами; но это служит только доказательством моей доверенности к Вашему характеру. Разве Вы не можете ошибаться? Разве правосудие (особливо у нас) безошибочно? Разве донесения Вам людей, которые основывают их на тайных, презренных доносах, суть для Вас решительные приговоры Божии?¹¹ Разве Вы можете осуждать, не выслушав оправдания? Разве я могу знать об этих доносах? И, зная о них, должен ли я их потому уже признавать истинными, что они доносы, тайные доносы, сделанные Вами и обвинившие перед Вами безответных? И разве могу, не утратив собственного к себе уважения и Вашего, жертвовать связями целой моей жизни? Итак, правилом моей жизни должна быть не совесть, а всё то, что какому-нибудь низкому наушнику вздумается донести на меня по личной злобе Бенкендорфу, и против таких презренных клевет не может устоять то, что одно только должно быть принято за правило, когда судишь о человеке: его видимые дела, его характер, его собственный образ мыслей. Я не могу бегать по улицам и спрашивать у всех возможных на меня доносчиков, что мне думать, что мне делать и кого любить. Если эти доносчики могут быть доступны до Вас, то это Ваше и наше несчастье, ибо в таком случае Вы беспрестанно будете осуждать несправедливо и мы никогда не можем быть правыми. Поэтому в России один человек добродетельный — это Бенкендорф! Все прочие должны смотреть на него в поступках своих как на флигельмана. Что он назовет хорошим, то и для них должно быть хорошо; что он осудит, то и они должны осудить. А он произносит свои суждения по доносам, следовательно, нравственность наша теперь вся предана на произвол доносчиков: нет никого правых!.. Но это гибель всего! Презрение ко всему и ко всем укоренится в душе Вашей! Около Вас будут жить только те, кои живут предательством. Из остальных одни, меньшая часть, то есть преданные и честные, будут Вам чужды,

будут молчать с горем и лишены возможности быть Вам полезными. Между Царем и Россией будет бездна, огороженная забором из наушников.

Я, с своей стороны, буду продолжать жить, как я жил. Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу: у меня¹² есть другой вожатый — моя совесть, моя верность к Государю. Во всё прочее надобно отдать себя на волю Провидения, которое спасает добрых или губит их для их же добра. В этой одной мысли спасение. Буду осторожнее, вступаясь за тех, кто в споре с правительством, ибо там, где нельзя ничего сделать, а можно только погубить себя, благоразумие велит думать о себе; это не будет эгоизм».

В разговоре со мною Он не коснулся главного, напротив, удалился от него. Вместо того, чтобы отвечать, кто обвинил меня, в чем и в каких литературных сплетнях, Он сказал, что меня вообще винят по связям моим. Таким образом Он сам меня оправдал. Но что же из всего следует? Если вина состоит в обвинении, а не в поступке, то как избавиться от вины? И какие понятия? Он полагает, что Бенкендорф не может обмануться; Бенкендорф верит своим шпионам (итак, у нас стоит только надеть голубой мундир или иметь сношение с носящим его, чтобы быть чистым). И так ниже и ниже, дойдем до последнего, который клеветает на продажу и часто решит судьбою целой жизни человека. И при таком способе узнавать истину полагают невозможным ошибиться, никогда не спросят обвиненного, на него падает или наказание, или предубеждение, и ничем уже их снять нельзя, ибо защищаться нет средства и тебе не поверят. Это инквизиция еще без костров, ибо она только в колыбели, но дайте срок; теперь еще одна только повсюду распространенная тревога; она усилится, место ее заступит ожесточение; тогда начнутся казни, ибо душа Царя во власти доносчиков. Вот бедствия, происходящие от невежества. Мало того, чтобы иметь чистую совесть, надобно иметь и понятия, принадлежащие времени, в коем живешь. Их дает одно просвещение. Просвещение для ума есть то же, что чистая религия для совести. Там, где нет просвещения, каждый имеет свой собственный ум, ум своего места, своей партии, и все они в противоречии, в беспрестанной битве.

*Февраля 21*¹. Получено известие о победе, стоившей дорого. Клич: взята, Варшава трепещет, войска поляков расстроены, скоро Польша будет раздавлена славою России. Минута решительная, которой нужно воспользоваться с величием, выгодою для настоящего и совершенною безопасностью для будущего. Три вида развязки представляются с первого взгляда. Или Польша не существует и обращена в губернию Русской империи, или Польша существует по-прежнему и Русский самодержавный Государь есть конституционный царь Польши, или Польша существует отдельно от России. На первое дает нам полное право победа и сила; но уничтожив Польшу, мы вооружим против себя всю Европу и самых близких соседей своих; мы распространим границы свои, это правда, но приобретем таких подданных, которые останутся вечными врагами нашими. Надлежит властвовать притеснительно, дабы утвердить за собою области, не нужные для России; сие новое распространение усилит подозрительность Европы, видящей в России страшилище, грозящее ей рабством и варварством и предполагающей в ней замыслы честолюбия и всемирного владычества, тогда как истинная сила ее заключается в образовании внутреннем. Наконец, самое уничтожение народа, сколь бы ни оправдано оно было успехом войны, есть нечто печальное и варварское, не приличное понятиям нашего времени и особенно не соответствующее твердому и высокому характеру Государя. — Второе, то есть бытие Польши на прежнем основании, не сходно с выгодами России. Самодержавный император Российский не может быть в то же время конституционным царем Польши. И может ли Польше быть дано всё то, что она имела после кровавого бунта, стоившего Русскому Императору крови его подданных; такое великодушие будет несправедливостию; оно будет оскорбительно для народа Русского, а в русском народе и для самого его Государя. Польша должна быть наказана за свое вероломство, но наказана не раздраженным мстителем, а могучим, великодушным самодержцем победоносной России. Польша должна заплатить России за кровь, на полях ее пролитую, за траты, понесенные в войне, ею возбужденной, но с сим наказанием должно быть соотнесено и великодушие Победителя, и выгоды Европы, и Европейская слава России. Часть провинций польских должна быть присоединена к России; Польша должна заплатить сильную контрибуцию — но корона Польская должна быть отвергнута Государем Российским, ибо она не стоит того, чтобы Русский Император ею себя украсил. Пускай остаток наказанной, ослабленной Польши существует отдельно, пускай изберут поляки из самих себя короля и дадут себе какую хотят конституцию. — Россия должна предать их на произвол собственной их судьбы

и пренебречь вступать в дела их. Не они отвергают Царя Русского, но Русский Царь, сильный их раздавить, отвергает их произвольно, никем не побуждаемый, из уважения к сохранившему их Александру оставляет им бытие и имя. Думаю, что таким образом действия будет удовлетворена честь России, которая прославлена будет победою, всенаграждена новыми приобретениями, возвеличена в глазах Европы умеренностью и великодушием и в то же время избавлена от присоединения к ней Польши, которая в теле ее была не здоровым членом, а только зародышем болезни опасной; во-вторых, успокоена будет вся Европа (которая теперь клеветет на Россию и видит в ней врага законной свободы) и, вероятно, отвратит повод к войне всеобщей, губительной для всей Европы, но в особенности для России, которая теперь более нежели когда-нибудь должна обратить глаза на устройство внутреннее, а не высылать войска свои туда, где ожидает их неизбежная, губительная для России зараза. Но так должно действовать теперь, в минуту победы, в минуту могущества, пока еще Европа не успела произнести своего мнения, надобно действовать независимо, во всём блеске могущества, как в Адрианополе², за два перехода от Цареграда.

Октябрь³

25, *воскресенье*. Выезд⁴. *Ижора*. Прямая дорога. Ведена в 1712 от Адмиралтейского шпица на Москву профессором Фернварсоном. Но только на 10 верст. Оставлена. Кратчайшая линия до Москвы 595 верст. *Тосна*. Известковый камень. Тосненская известь. *Чудово*. До сих пор прямая дорога. Все селения Петром Великим. *Новгород*. Ярослав. — Ярослав двор на торговой стороне. Обширность древнего Новгорода: все окружные монастыри в предместьях на 20 верст расстояния. В одном конце лошадей, в другом перемена. *Концы*: Перовской, Гончарной, Славянской, Загородской, Плотинской. Старосты улиц; главный староста конца. *Пятиньы*: 1. *Водская* на запад от Волхова. Вся Ижорская линия и Карела. 2. *Обонежская* на восток от Волхова; Каргопольский и Двинский уезды. 3. *Бежецкая* от Ильменя до Мологи. 4. *Деревская* по обеим сторонам Ловати до границы Тверской. 5. *Шелонская* по обеим сторонам Шелони и на запад от Ильменя до Псковской границы. — Степенской посадник, тысяцкий, бояре, житые люди, черные люди. Княжеский наместник — вече на площади. — Владимир, Мстислав Ростиславич Храбрый. Мстислав Ростиславич — Софийский собор. Часть софийская, часть торговая. Кремль, построенный Владимиром, Аристотелем⁵. — С(вятая) София епископом Иоанном в 983. Каменный при Ярославе и Владимире. — Двери. — Гробы. — Выговор Новгородцев О. — Сырти вяленая рыба. Ночь в Новгороде.

26. *Бронницы*. Холм при дороге. Капище. *Валдаи*. Озеро и монастырь. — Предание. — Иверский мужской монастырь, основанный (в) 1653 Никоном. Валдаи прежде были к нему приписаны, населены пленными поляками. Озеро названо Святым. Валдаи оставались за монастырем по 1764. В 1772 переименованы городом. — Валдайские баранки. — Делание осей и колес.

Вышний Волочек. Волок и верх. Суда по Тверце к ее истоку; 10 верстов волока до Цны. — Сердюков при Петре. Канал из Цны в Тверцу. Елизавета покупает у наследника Сердюкова в казну. — При Екатерине шлюзы и бейшлоты. Иногда до 900 судов накопл(ено) к спуску. — *Бога в помочь*, св. Николау в *туть*. — Ярмарка в июле в день Казанской Божьей Матери. — Пляшущие женщины и убор их. Холст — бурки валеные. Ночевали в Вышнем Волочке. Голова с двумя медалями. Хозяин. Рескрипты.

27. Завтрак в Торжке. *Торжок* по обеим сторонам Тверцы. Борисоглебская и Затверецкая части. — Пограничный город Новгородских владений. — Ефраим в XI веке слуга Бориса и Глеба. — Батый в 1232. — Новой Торжок. — Ярослав Всеволодович — древняя церковь каменная, ныне не существует; один земляной вал. Петром к Новгородской губернии, а Екатериною к Тверской. — Борисоглебский монастырь основан Ефраимом. Храм построен архитектором Буци. Кирка и лопатка Екатерины. Мощи св. Ефрема. — Древняя соборная церковь. — Кожи и изделия кожаные. — Одежда отличная женщин. — *Ц* вместо *Ч*. *И* вместо *Е*. *Ц* вместо *Т*⁶. Прекрасный день ямщика Пожарского. Голова. Ужин в Твери. Глинка⁷. Губернатор⁸. Вице-губернатор Крылов.

Тверь. 1182 В(еликим) к(нязем) Всеволодом Георгиевичем. Ярослав Всеволодович в 1242. — Ярослав Ярославич. — Михаил, Александр и Дмитрий. — Михаил Александрович. Мощи Михаила. — Под Тверью монастырь Малицкой св. Николая; основан в 1657 стольником Аверкием. — В 1759 граф Петр Иванович Шувалов построил пышные каменные здания. — 4 части: Городовая, Заистоцкая, Заволжская, Затверецкая. У устья Тверцы Отрочев монастырь. Ярослав Ярославич, отрок Георгий, село Едамоново, рядом же городки на Волге. — *Жемки*: коврижки, рыжики, стерлядки, горох, крупа, пряники. — Прибавление слога *ста*.

28. Завидово. *Клин* сперва селение, усадьба Романовых на Сестре. При Петре ям, при Екатерине город. — Изделия из лыка. Клиньские лапти. Приезд. У Дуняши⁹. У Вяземского, у Дмитриева¹⁰. Наташа Арбенева.

29. У императрицы. Скобелев. Ход в Успенский собор. Ермолов. Каразин. В театре: «*Венецианская ярманка*»¹¹. Вечер у княгини Вяземской.

30. У Клейнмихеля. У императрицы, разговор о себе. Домой. Разговор с Мердером.

31. У Клейнмихеля. У Вилламова. У великого князя (чтение). В девичий монастырь. В Английский клуб. У Вяземского: Голицын, Тургенев, Давыдов. К Дуняше. Каролина Яниш.

⟨Ноябрь⟩

1 (ноября), воскресенье. У обедни. Представление. Обед у Дуняши. Вечер у императрицы.

2, понедельник. Выставка¹². Каченовский, Полевой. У Дмитриева.

3, вторник. У великого князя. На выставку. Покупки. В Собрание¹³.

4, среда. У великого князя. Приготовление. Обедал у Дуняши. Вечер у князя Голицына.

5, четверг. У императрицы. Оружейная Палата. У Вяземского чтение¹⁴.

6, пятница. У Вяземского чтение пьесы. У Каролины. У Дуняши. Акт в пансионе¹⁵. Домой. Проспал бал.

7, суббота. Обзорение Успенского собора и ризницы. Тургенев. У Вяземского. У Мерзляковой, у Чапаева. Вечер у Дуняши: Свербеев с женою, Тургенев, Вяземский, Максимович, Мельгунов, Герке, Бартенева с дочерью; пение, ужин, чтение Языкова.

8, воскресенье. У обедни. У Тургенева. Обед у Дуняши. Бал во дворце.

9, понедельник. Поутру у великого князя. К Вяземскому. Обед у Яра с Дашковым, Давыдовым и Вяземским. В театре: “*Chacun de son côté*”¹⁶. У Дмитриева с Салтыковым, Тургеневым и Чадаевым. Чтение.

10, вторник. У Бенкендорфа. Осмотр Архангельского собора. Глупая просьба Каразина. У Дуняши. Записка. Вечер у императрицы.

11, среда. У Шамбо. О Наташе¹⁷. У императрицы; о Наташе. К Вяземскому (прощанье). К Дуняше (подарки). На бал с Тургеневым. Картины Морилло, Поручини и Карло Дольче. К Дуняше (Тургенев).

12, четверг. Выезд. В Клину остановка. Съехался ночью в Твери.

13. Ночевал в Валдаях.

14. Ночь в Спасском Полистье.

15. Остановка в Чудове. Померанье. Приезд. У великих княжон. Шарды. У Россети.

⟨Июнь⟩

Выезд из Петербурга *18 (30) июня*¹. На Елагине. У Дубенской разговор о Вяземском. У Козлова (Вяземский). У Перовского. На пароходе прощались великий князь с Мердером, Вьельгорский, Муравьев, Перовский, Олсуфьев; с нами Вяземский, Пушкин.

Путешествие от *19-го в 3 часа утра до 22 в 3 часа пополудни*. Пассажиры: Блессиг, Викулин, Тургенев, дочь Балка, М-е Vulmering с дочерью. Наша каюта. Ночь с субботы на воскресенье. Сильный ветер в воскресенье и в понедельник. Ночь с воскресенья на понедельник на палубе. Понедельник: половина дня бурного, половина спокойного (сходство с жизнью). Ночь с понедельника на вторник и со вторника на среду в большой каюте. Готланд. Иштад. Борнгольм. Берега Мекленбурга. Пребывание в Варнемюнде. М-е Crichton. Обед за table d'hôte. Пенье. Прогулка с Викулиным. Небогатое устройство бань, источники, дом для теплых ванн, для серных, души. Маяк.

23(5 июля), четверг. Из Травемунде в Любек². У банкира. Кафедральная церковь. История Страсти, Эммелинга. Резная комната. Покупки. У консула Шлецера³ в прекрасной его деревне между Травемунде и Любеком: аллея, Интерлакен; его жена с сестрою жены. Ванна.

24(6), пятница. Любек. Письмо к Великому князю⁴. Отъезд. Ратцебург, живописный городок на берегу озера, разделенного плотиною. Церковь с кладбищем. Здесь встретился с Плессигом, коему отдал посылку Соймонова. Бассанжу. Бюхен; сюда приехал сонный, так же и в Лауенбург, где ночевал.

25(7), суббота. Люнебург. Ночевал в Эшеде. Дождливый день, негодная дорога.

26(8), воскресенье. Целле. Деренбергов дом. Осмотр. Гостиная внизу. Виды Петербурга и Толстого работы⁵. 2 горница с диваном; Лютер. Кабинет: 1. портрет; бюст большой Александров; 2. Английская королевская фамилия. 3. Александр, Дибич, Блюхер, Велингтон, Гнезенау и Паскевич. Граф Мюнстер. Вверху. Кабинет. Фамильные портреты. Гребен с женою. Дернберг. Гедеманов сын. Карандашный портрет. В гостиной: италянские виды; большая картина сражения; Психея. Сад, терраса, Blumenkorb*. Дом, справа цветник. Два дерева по обеим сторонам на террасе. Деревья перед воротами. М-е Dörenberg, Augusta. О Местерах. Рассказ о празднике пятидесятилетия. Лавровый венок. Картины. Картина Барберуса. Генрих Лев — сын, Wittelsbach.—Дернберг. Виллы. Весь день дождливый. Приехали ночевать в Ганновер. От Целле начинается полушоссе, полумостовая. До Целле всё песок. Прогулка. Тургенев. Лейбницов монумент с часовым.

* цветочная корзина (нем.).

27(9), понедельник. Ганновер. Утренняя прогулка по городу. Weihelobe; дом на валу, где живет теперь г-жа Гедеман, свекровь Деренберговой дочери. Часть города очень хорошо выстроена, тротуары, часть Fachwerk*. Живописные предместия и сады. Мутная река. Послеобеденная прогулка: Monbrillant, ливреи, экзерциция. Брат и сестра. Герцогиня в русских дрожках, с семьею. Herrenhaus, театр, прелестные деревья и шпалеры. Аллея. Памятник Лейбницу; разговор с часовым и другими. Памятник Ватерлоо, колонна ионического ордена, пушки, надпись: Den Siegern bei Waterloo das dankbare Vaterland**.

28(10), вторник. Утро дома. Чтение воспоминаний о Гёте⁶. Его удивительная деятельность. После обеда посещение Pertz⁷, издателя хроник немецких. Разговор о состоянии Германии: умеренность и законность северной; брожение в южной. Брауншвейгский принц и гессенский. Франция революционирует Швейцарию, южную Германию и Италию. Натянутое состояние. В Ганновере действие камер, согласие с правительством, восстановленное публициетом и честностью правительства: доверенность. План издания: хроники, законы, документы, или Urkunden***, письма, древности, письма Алькуина и др. Прогулка и спор с Тургеневым: за 27 лет точно такой же спор на дороге в Петербург, но только за французскую литературу. Вал, обращенный в гульбище.

29(11), среда. Простился с Тургеневым в 6 часов утра. Он поехал в Гослар. Я на Чинден. Выехал из Ганновера в ½ 8. Около девяти часов ужасная гроза с вихрем; к счастью, она застала меня у дверей опрятной хижины, где я и просидел до конца оной. Дорога по бассейну живописных гор, покрытых деревьями; на дне бассейна между зеленью дерев прекрасные веселые деревни, дома с красными черепичными кровлями; хребты гор, по коим гуляют тучи, составляют живописную раму сей картины. Обедал в Ненндорфе, где тенистый сад и целительные воды. (Князь Голицын.) Между Ненндорфом и Бикебургом городок Гаген посреди живописных окрестностей. Между Бикебургом и Минденом прусская граница; учтивость осмотрщиков. В шесть часов приезд в Миндон. Крепость. Древняя кафедральная церковь, будто построенная К(арлом) В(еликим). Глупая переделка, крашение, ломанье, гробовые камни. Везер и мост через Везер.

30(12), четверг. Мерзкая ночь, бессонница, жар, неугомонный хозяин (Minden. Stadt London). Выезжаю в ½ пятого. Прекрасная живописная дорога между горами. Везер. Рем промежду двух живописных гор, составляющих ворота. Солеварня и градирия: до 1500 ластов в год соли, ласт в 4000 фунтов. Герфорд; прекрасное местоположение посреди обработанного бассейна гор; странный убор женщин: какие-то черные капоры на голове, похожие на носы глухого тетерева. Бильфельд. Прекрасный чистый трактир на почте. Выезжаю

* фахверк (нем.) — традиционный род немецких построек.

** победителям при Ватерлоо благодарное отечество (нем.).

*** акты, грамоты (нем.).

в четыре часа. Остатки старого замка: слепой, разбитый параличом работник, перед ним играют дети; не знаю, что он был прежде. Из Виденбрюка взял три лошади. Липштат: плохой трактир и плохая ночь; ссора с почтальоном.

⟨Июль⟩

1(13) июля, пятница. Выехал в три часа и в половине 1-го остановился в Изерлоне: добрая хозяйка и хороший обед. Жар несносный. Выезжаю в половине 7-го, проеду всю ночь, если гроза не помешает. Дорога между Липштатом и Изерлоном прелестная. Рур. Сады. Шпалеры. Цветник на почтовом дворе в Зесте. Группы деревьев, Дубы. Пашни. Луга. Ручьи. Мельницы. Кудрявые горы. Вся дорога до Эльберфельда прелестною долиною, которая стóит Муртенской, а не знаю, почему не описана: почти одна цепь домов крестьянских, соединяющих между собою города Изерлон, Эльберфельд, Солинген. Любовь к украшениям посредством зелени сельских жителей. Нечистота внутри. Разнообразие растений. Дом какого-то принца с видом на Лану и всю долину. Чудные утесы. Поля. Живые, бурные ручьи. Луга. Образ строить. (Сравнение с нашим. Сравнение парохода.) Ночевал в Швельме. Плохой трактир и плохой сон.

2(14), суббота. Ольберфельд. Solingen. Кёльн. Ужасная жара, отымающая всё. Трактир Reinberg на берегу Рейна: нечисто, хотя сначала бросается в глаза. От жару не пошел поклониться и Дому⁸. Завтракал в шесть часов. Читал о Фонке. Прогулка. Вечеру по мосту. Девицы кёльнские: высокие талии и большие ноги.

3(15), воскресенье. Путешествие по Рейну на пароходе⁹; разные встречи и смешные: разговор о Фонке¹⁰, история (сравнение с декорациями. Рейн и его замки. О России). Вечер на террасе в Mahlerenbreitstein в трактире das Weiße Roß.

4(16), понедельник. Приезд в Эмс. Встреча с Голицыными. Счастливая встреча с Талем. Теперь пока живу в отеле высоко, хотя недурно, через три дня переселяюсь в Darmstätter Hof. Обедал за столом в Curhaus. Диль. Бехтеев с женою. Мантейфель. Ротшильд и его хлопоты. Витгенштейн. Француз Демидов¹¹. Театр.

5(17), вторник. Начал пить воду. За обедом в Curhaus M-elle Tümping из Дрездена (моя соседка за столом принца Иоанна). M-e Dörenberg и ее хорошенькая кухня. Визит к Бехтееву; разговор о колониях. У Таля музыка. Реннекамф. Принц Фридрих. Представление герцогине Ольденбургской. У Витгенштейна. В театре: "Männertreue"¹². Вечер дома.

6(18), среда. У меня Бехтеев. Рождение жены его. Вечер дома, чтение *Raphaël*¹³. Написал письмо к Бетману.

7(19), четверг. Поутру перевозился. Объезд Таля. У меня Демидов. Обед в Curhaus. Графиня Hohenthal и милая Вурон, у меня Бехтеев. Прогулка. Театр: "Die Zerstreuten"¹⁴ и "Brandschatzung"¹⁵ (er focht wie ein Pole*).

* он фехтовал как поляк (нем.).

Представление герцогине Мейнингенской и герцогине Лейхтенбергской. Рано домой.

8(20), пятница. Простился с Hohenthal. Антуанетта Бирон. У меня Витгенштейн, потом Полозов. Обедал в кургаузе. Разговор с англичанками. После обеда визиты у Бехтеева и Демидова, коих не застал. Дома и отдых. Концерт слепого. Рейтернов зять¹⁶. Лаборд, сын путешественника. Карниз Лабурдонне.

9(21), суббота. М-е Juel. Прощанье с Демидовым. За столом подле двух болтливых незнакомок. После обеда визиты: у Бехтеева, с Витгенштейном к Ротшильду, которого не застал. Лабурдонне и Лаборд. Первая ванна в половине девятого. Вечер дома. Спуск двух шаров.

10(22), воскресенье. За столом с Лабордом, Лабурдонне, Голицыным и еще каким-то умным, кажется, французом, который знает Россию от Одессы до Петербурга. Доктор Килиан, бывший при Батюшкове¹⁷. После обеда, отдохнув, с Реннекамфом и доктором Бахом на ослах в Кемменау. Великолепный вид на горы.

11(23), понедельник. За обедом подле Дернберга, Бредерло, рижский негодянт. После обеда визиты. С Реннекампом, Бахом и Мосле в Früchte через Tachbach и Ниверн. Прекрасная долина Даны. Деревня Фрюхте. Пасторша толстая. Сельская весьма бедная церковь. Место, где лежит Штейн, уединенно сельское, но слишком забытое детьми: железная дверь под худым сводом и ступени. Памятник родителям Штейна из красноватого камня под навесом. Возвращение через лес и потом тесною долиною с крутым спуском; овраги по сторонам. Вечер дома.

12(24), вторник. Холодная дождливая погода. После обеда прогулка. Разговор с Витгенштейном и Лабурдонне.

13(25), среда. Весь день дома. После обеда у меня Реннекамф и Голицын. Приезд Потоцкой. Известие о кончине маркграфини Баденской. Тирольцы.

14(26), четверг. Дождь и сырость. Печальный день. Самоубийство графини Салм, дочери гофмаршала готского. Смерть графини Витгенштейн в половине девятого вечера. Целый день спазмы, к вечеру легче; смутность в глазах и смерть. В это же время бал. Встреча с графинею Потоцкою на лестнице Витгенштейна.

15(27) пятница. Поутру видел тело графини Витгенштейн: белый мрамор, только след черных ресниц. После обеда прогулка на ослах с Бахом, Реннекамфом и графинею Потоцкою в Forsthaus.

16(28), суббота. Записка от графини Ивановской. У графа Витгенштейна. Визит Лабурдонне. Разговор с Вержюром на прогулке и с Лабурдонне после обеда. У Ивановской перед обедом; застал одну дочь. После обеда чтение Гёте¹⁸ под липами. Прогулка в Даузунау на ослах с Потоцкою. Глупый Фридрих, достойный своего глупого брата. В театре: "Le précepteur dans l'embarras"¹⁹. Ванна. Пение.

17(29), воскресенье. Графиня Мечислав Потоцкая. Перед обедом у меня Реннекамф. Анекдоты о Гумбольдте, его физической недостаток, его любовь

и 20 000 гульденов. После обеда с Реннекамфом в Зильбершпильце. Погребение Стефании²⁰. (Бал и звездное небо.)

18(30), понедельник. После обеда у графа Витгенштейна. Остановка и отъезд его в Швальбах. Обедня и панихида. Поездка на ослах на Mooshütte. Отверстия в шифере. Вид на долину Эмса. Театр: De 777 № и ария из "Freischütz".

19(31), вторник. Поутру у Витгенштейна и Полозова. Поездка в Шпортенбург: развалины, освещение, башня, главный корпус. Въезд по узкой дороге; переезд через лес до Schöne Aussicht. Неудача. Возвращение через Forsthaus по новой шоссе и старой дороге кобленцской. Вечер в концерте: тирольцы.

20(1 августа), среда. Перед обедом у Витгенштейна и Бредерло. Брошюра Шатобриана²¹. После обеда письмо для Витгенштейна. Прогулка пешком по Marienweg и на ослах по Henriettenweg с Реннекамфом. У графини Потоцкой. Ее невестка. Новая беда с графом Витгенштейном.

21(2), четверг. Отъезд графа Витгенштейна. Обед в Russischer Hof с семейством La Bourdonnaie, с М-е Chauvelin, двумя Потоцкими, Голицыным, Гольпертом и Дернбергом. После обеда на лодке до Nievern и оттуда на ослах. Падение М-е Dörnberg. Въезд фрунтом. Чтение Mémoires Лудвига XVIII²².

22(3), пятница. Рождение прусского короля. Обед в Russischer Hof. Пение и пушки. Прогулка уединенная на осле по Marionweg. Русские Weihdorf и Габбе. Вечер у Лабурдонне. Прекрасная лунная ночь.

23(4), суббота. Обед в Surhaus. Прогулка длинная на ослах с Реннекамфом и Бахом в Kemmenau: вид. Оттуда в Arstbach; фабрика кувшинов. 3 кувшина в 4 минуты. Печь. Прелестный вид между двух лесистых холмов на Sporkenburg. Возвращение. Дождь, потом луна. Вечер довольно скучный у La Bourdonnaie. (Потоцкие (Нина), Голицын с глупою женою, Гольперт и я.)

24(5), воскресенье. Габбе. Письмо к Бехтееву. Чтение Записок Лудвига XVIII. Какое бедствие для государя и государства *двор*: но французский двор был неизбежная беда, произведение веков. Нужна была бедственная революция, чтобы уничтожить это бедствие. Обед у Потоцкой. Поездка в Даузенау. Вечер у Дельфины Потоцкой. Приезд князя Волхонского.

25(6), понедельник. Поутру у меня Габбе, Вейдорф и Волхонский. Реннекамф. Первый обед дома. Поездка по Henriettenweg. Фейерверк. Вечер у Потоцкой.

26(7), вторник. Утро у гр. Потоцкой с Волхонским. Писал к Вел(икому) князю²³ и получил от него письмо. О Записках Лудвига XVIII. — Бехтеев с сестрою Энгельгардт. После обеда прелестная прогулка в Нассау с Реннекамфом: стена, покрытая лесом. Нассау и замки. Долина Ланы с беспрестанными поворотами. Арнштейн и Обернгоф. Хребет между двумя долинами. Замок и полуострова. Игра.

27(8), среда. Прекрасный день. История Schwachheim'a. Чтение Mémoires Louis XVIII. Под липами с Реннекамфом. Прогулка на ослах. У Ивановской. У Потоцкой. Письмо от Тургенева и Рейтерна.

28(9), четверг. Прекрасный жаркий день. Провел утро дома. Читал Mémoires Лудвига XVIII. После обеда под липами, по обыкновению с актерами. Прогулка при луне, очень короткая от усталости. Вечер дома.

29(10), пятница. Письмо от Рейтерна. Счастливый Вержюр от того, что есть от чего плакать. Обед у графа Подоского. Разговор с его гувернанткой. Под липами. В Даузунау. Вечер у Потоцкой: пение.

30(11), суббота. Приток крови. Конец ваннам. Писал к Тургеневу²⁴. Отъезд. La Bourdonnaie. Под липами. Шнейдер. У Потоцкой в Ивановской. В Даузунау.

31(12), воскресенье. Поутру у графини Дельфины Потоцкой: пение. Обедал у Подоского. Герцог и герцогиня Розан. Прогулка по Henrietten- и Marienweg. Вечер дома.

(Август)

1(13) августа, понедельник. Обедал у Потоцких. После обеда с Шнейдером до Даузунау. Возвращение Бехтеева.

2(14), вторник. Обедал с Дилем. Герцог и г(ерцогиня) Розан. У Подоского. Лампи. Визиты. Гроза. Лафонов концерт²⁵.

3(15), среда. Выезд из Эмса. Переезд от Эмса до Бингена. Виды берегов Рейна в сравнении с берегами Ланы. Рейнштейн²⁶. 14 зигзагов. Двор. Сени, старинные скамьи, латы. Одежда слуг. Жилище бургфохта. Rittersaal. Большое писанное окно. Камин. Стулья. Панели. Платформа. С нее в башню с балконом. Средний этаж, горницы принцессы: старинная кровать. Картины. В риттерзале латы. Третий этаж жилище детей и принца. Башня и флаг. Пушки. Взрыв. Bingerloch. Вид на Рейн. Baron Zwierlein с женою и дочерью. Prittolnits с женою, майор Странц. — Bingen: das Weiße Roß.

4(16), четверг. Ночевал в Бингене. Переезд через Рейн. В Гейссенгейме у барона Zwierlein'a, его жена и любезная дочь, невеста и живописица. Ее прекрасные ландшафты масляными красками с натуры. Собрание старинных писаных стекол. Три целых окна, купленные на аукционе в Кельне. Три старинных окна, вероятно, Албрехта Дюрера из истории св. Бернарда. Христос, несущий крест, Вероника, Симон, римские воины, прекрасная композиция. Библиотека старинных книг. Сын Zwierlein. Его двоюродная сестра, теперь в Карлсбаде, Fräulein Stolterfort сочинительница «Зораиды» и «Альфреда» (еще в манускрипте)²⁷. Ателье M-e Zwierlein. Переезд в Висбаден через Rheingau. Дом в Эрбахе. Виберих. Ввечеру в Висбадене. В театре: «Jessonda», Шпорова²⁸, плохое пение. Nadori Diez als Gast*; актер Баденского театра. Весьма порядочный театр: ротонда, балконы первых лож. На авансцене по две только ложи, Sperrsitze**, партер. Весьма порядочные декорации. — Толстой.

5(17), пятница. Пил воду и гулял. Прекрасное гульбище. Огромный Cursaal с двадцатью четырьмя мраморными колоннами в два света. По бокам

* Гастролер (нем.).

** приставные места (нем.).

лавки. С левой стороны колоннада в 54 колонны и множество лавок. Особенно замечателен хрусталь богемской фабрики. Сад, тенистые аллеи, пруд, окруженный разнообразными деревьями, saules pleureurs*, лебеди. Перед гульбищем огромное здание с ваннами; прекрасная мостовая, тротуары, красноватый камень. Условился с Blissenbach в Вейльбахе. Обед за столом в Die Rose: М-е Dörnberg, ее отец, Pfeffel и мачеха; посланник датский Juel. После обеда осматривал залы. У Бистрома. Его адъютант Коруттов. Симборский. Гулял по лавкам, покупки у Югеля. В саду. Концерт тирольцев. Игра и плутовская сцена.

6(18), суббота. Пил воду и гулял у источника. Чувство благодарности к природе и ее Творцу²⁹. Послание от Рейтерна. После обеда Рейтерн, его жена, дочь и сестра³⁰.

7(19), воскресенье. Поутру семейство Рейтерна у меня. Отъезд Мины³¹. Обед в Розе. В театре: "Weiße Dame"³².

8(20), понедельник. Выезд из Висбадена в 5 часов утра. В Зейльбахе дом Blissenbach, вонь от кухни и прочее. Питье и сильное действие. Обед на воздухе. Die schöne Doktorin**³³. Das frohe Mütterchen***. Разговор после обеда с М-е de Reutern. Прогулка на осле. Кладбище. Вид: с одной стороны: Feldberg и Таунус; с другой стороны Мелибокус и Bergstrasse. Прелестная равнина. Между ними видны: Майн, Гатгерсгейм, Флерсгейм, множество деревень и башни Франкфурта. Разговор ввечеру с Рейтерном об Италии. Плохая ночь.

9(21), вторник. Вейльбах. Обед в саду. Ввечеру чтение писем Гумбольдта и Шиллера³⁴. Отвлеченность суждений. Шиллер идеал поэта. Прогулка по большой дороге.

10(22), среда. Вейльбах. Гроза. Ввечеру чтение Гёте³⁵: грот св. Розалии близ Палермо. Об архитектуре, о материалах искусства. О исчислении времени в Италии. О ролях женщин в италийских драматических пьесах. Ясность и живость. Нет ничего лишнего. Обо всём собственная мысль. Eigenthümlichkeit, Fasslichkeit und Bild*** характер Гётева слога. Краткость и легкий порядок в изложении; скрытая, но ощутительная мысль.

11(23), четверг. Чтение ввечеру Гёте: Über Nachahmung der Natur, Manier und Styl****. Прогулка на осле, потом вместе с Рейтерном по деревне.

12(24), пятница. Разговор с Шмитом у источника. Дождь. После обеда разговор с Рейтерном о Tagebuch***** и женщинах. Прогулка и вид прекрасный на окрестность. Старинный замок Weilbach. Чтение Rumohrs Italiensische Forschungen³⁶. Непонятная метафизика искусства. Неживописный слог в рассуждениях о живописи.

* плакучие ивы (*фр.*).

** Прекрасная докторша (*нем.*).

*** Веселая матушка (*нем.*).

**** Своеобразие, ясность и образность (*нем.*).

***** О подражании природе, манера и стиль (*нем.*).

***** дневник, журнал (*нем.*).

13(25), суббота. Разговор с Смитом о политике, с доктором о беспокойствах в Висбадене. Гербер, помещик эльфельдский, президент нижней палаты. Погонщик осла политик. Чтение Штольберга³⁷. Чтение Румора.

14(26), воскресенье. Kirmesse*. Начат Рейтерном мой портрет³⁸. Вечеру чтение Гёте о Леонардо да Винчи³⁹.

15(27), понедельник. Чтение поутру “*Hermann und Dorothea*”⁴⁰, вечеру “*Leonardo*”.

16(28), вторник. Разговор с Гербером⁴¹: Domainengüter и Abgaben. Streit seit 1818**. Назначение 5 членов в верхнюю камеру. Большинство голосов со стороны герцога. Оппозиция отказалась подавать голоса, пока сие число членов будет сохранено. Распущение камеры. Волнение в Висбадене по случаю платежа и по случаю взятия под стражу мятежников.

17(29), среда. Чтение “*Hermann und Dorothea*” во время рисования. “*Ueber die Malerei*” Дидрота и Гёте⁴² вечеру.

18 (30), четверг. Чтение “*Ueber die Malerei*”. Капитан Вегнер и его жена, сын и свояченица. Пастор Шпис. Вечеру чтение “*Ueber die Malerei*”. Что такое натура для художника живописца. Наружное *отдельно*. Неизменное: форма, цвет; изменяющееся: освещение, движение механическое, движение нравственное. Наружное *в связи*. Внутреннее для наружного: изучение моделей, антиков, анатомии. Всё это во власти художника. Независящее от него то, что изменяется. В первом случае строгая покорность натуре. Замечание минутного: память, воображение, гений, выбор. В первом случае просто последование природе, в последнем творение. Слог. Цель всякого искусства: творение. Красота = истина⁴³. Мы не можем творить, как природа; но можем к созданию приблизить, сходно употребляя иной материал. Чем отдаленнее материал от природного, тем более творения, тем усладительнее истина в искусстве. Свет (транспараны), воск (тело).

19(31), пятница. Третий день осенней погоды. Свист ветра. Питье в саду. Чтение Гёте и Дидрота “*Ueber die Malerei*”.

20(1 сентября), суббота. Утро ясная погода. Пил у источника. Рисованье. Чтение отрывков Гёте из Записок⁴⁴: *vornehmer Styl****. Вечеру чтение Гёте и Дидрота.

21(2) воскресенье. Выезд из Вейльбаха в половине второго; во Франкфурте в половине четвертого: башня у въезда; смешной пристав; гульбище, оживленное народом. Трактиры полны постояльцев; коляски. Чистота прекрасной мостовой и ужасная вонь. Römischer Kaiser-Hôtel. Бехтеев с женою. Графиня Потоцкая.

22(3). Поутру был у Югеля. Разговор о Гёте. Князь Кантакузин. Визиты к Бехтееву, к Анштету, к Штруве, к Маркелову. Застал дома только последнего и его жену. Обед с Рейтерном. Прощанье с Потоцкими. В лавки.

* Храмовой праздник (нем.).

** государственное имущество и подати. Спор с 1818 (нем.).

*** благородный стиль (нем.).

Вечеру в ванну с морской солью. Рассматривал книги, полученные от Югеля. Лауниц.

23(4), вторник. В Ганау. Прекрасный вид Майна. Rumpelhof. Замок на берегу Майна, принадлежащий брату курфюрста Гессен-Кассельского. Wilhelmsbad. Готическая башня нового покроя. Cursaal и летучая мышь. Прекрасный луг. Обед в Ганау и трубка. Наполеон в Ганау. После обеда у Коппа: маленький косой человечек с живым умом. Его мнение: вся болезнь от стояния крови в животе. Главная необходимость: режим. Есть не досыта, одно легкое, не более трех блюд. Не спать после обеда. Движение, верховая езда. Перед завтраком пить воду. Клизир из холодной воды на ночь. Вино: медок. Возвращение и шалости дорогой. Прекрасный, холодноватый вечер. Письмо от М-е Wildermeth. Приглашение Анштета. Вечеру чтение Раумера о Польше⁴⁵. Ohne Gehorsam keine Freiheit, ohne Freiheit kein Gehorsam*.

24(5), среда. Поутру. У меня Бехтеев и Маркелов. Заказал платье. К Югелю. К Лауницу: модели гробниц. Три ангела Воскресения. Психея на гробе. Модель для памятника Кутузову: история Лауница — Александр и Каподистрия; Николай и князь Гагарин. С Бехтеевым к г-же Ротшильд. Картины: Римлянка с спящим сыном; Вид Неаполя; Сцена разбойников. NB. С глупцами в обществе сам глупеешь. Пальба глупых комплиментов. Данекерова *Ариадна* и гипсы. Сцена в коляске с женою Бехтеева. Обед у Анштета. Саксен-веймарский посланник (marquis Custine). Вечеру в театре. «*Вампир*»⁴⁶, шумная опера.

25(6), четверг. Поутру у меня Бехтеев и потом Нордин; с Рейтерном и Лауницем в картинную галерею. Половина древних. Ландшафт Поля Поттера. Внутренность антверпенской церкви. «*Лунная ночь*» Ван дер Неера. Теньеровы картежники. Две старушки за работою. Рюисдалев водопад. Портрет будто Рафаелев, сильно отремонтированный. Мадонна Мантеньи. «Христос на кресте», створчатая картина Шореля. Святые отцы. Распятие византийской школы. Рубенсов ребенок. Ванейков ландшафт. Муриловы мальчишки (в Минхене). Наверху: прекрасный ландшафт Лазинского: Захождение солнца. Рисунок: Мария дева и Елизавета. Ангел, Богоматерь и младенец Спаситель, Любовь, три гипсовых слепка Геншеля. Обедал с Рейтерном. После обеда попытка к Ротшильду и Эрману. Вечеру встреча с Бекем. У меня Бистром и Лауниц. Лауницева рисунки.

26(7), пятница. К Нордину. Не застал. К Бетману. К Анштету: о Александре. Ce n'est qu'avec du miel qu'on attrape les abeilles**. О взятии Варшавы. О Каподистрия. Le serment sur la Pologne***. Чарторыжский. О Паскевиче и Витге. Конституция Польши. 300 мешков и надпись для дальнейшего исследования. Письма к Лагарпу, проект абдикации****, свободы и удаления в Америку. Расположение поляков относительно турецкой войны. Фабер.

* Без покорности нет свободы, без свободы нет покорности (нем.).

** Пчел можно приманить только медом (погов., фр.).

*** Присяга Польше (фр.).

**** От фр. l'abdication — отречение от трона.

Обед с Рейтерном. Бехтеев. У меня Бек: аристократия. Анекдот Екатерины об отъезде Павла в сентябре. Афоризмы.

27(8), суббота. Поутру укладывался. Разговор с Бехтеевым. С Лауницем к N. N. Овербеков *Иосиф*, Кохов *вид Мейрингена*, Корнелиусов *Иосиф*, *прощающий братьев*, Фейтовы *7 тучных лет*, Овербековы *7 голодных лет*. Эскиз Гейдельберга. Кладбище: учреждение для оживления мнимоумерших, в середине комната для сторожа, окна с номерами, над каждым будильник; ложа для мертвых, железная кровать для родин, сток, отверстия для холодного, для теплого воздуха, лампада, паперти, часы для замечания. Кладбище. Бетманов монумент Торвальдсена. Гений, умерший, его брат, мать, две сестры. Арно, Лев Флорентийский. История. Römer, палата избрания, палата пиршеств; ниши для портретов, все наполненные; рога быка в старинной церкви, построенной Рудольфом Гапсбургским, точно амбар. Обедал с Рейтерном. Рассматривали *Фауста* Речева и Корнелиусова⁴⁷. План вояжа с Лауницем.

28(9). Выезд из Франкфурта. Поутру укладывался. Обед с Рейтерном. После обеда у Бехтеевых. Бека не видал. Голицын. Отъезд в четыре часа. Было темно, когда приехали в Дармштат. Прекрасный чистый трактир на почте.

29(10), понедельник. Мелибокус над горами. Башни как привидения. Облака, пожираемые горами. Занд. Забавная история мангеймского актера. Картина плодородия по дороге; до осьмнадцати родов овощей и до осьми фруктовых деревьев; бук, ореховые деревья. Следы Карла Великого и римлян. В Гейдельберге трактир: Prinz Carl на площади; гордый кельнер. Старинный дом с лестницей винтом, описанный в "*Götz von Berlichingen*"⁴⁸. Прогулка на развалины. Рейн в блеске; туман; свечи в окнах; мало по мало из темноты выходит ландшафт, месяц за горою. Гете и разговор о назначении души. Воспоминание о Сергее Тургеневе. Место Императрицы Елисаветы в Lustgarten. Терраса и аркады.

30(11), вторник. Торг на площади. Рисование. Прекрасная дорога от Гейдельберга до Гминда берегом Некара. Лауфен с двумя замками. Гейльбронн. Готическая церковь с резным алтарем: вырезанные из дерева Рождество, Воскресение, Успение, Сошествие Святого Духа. Несколько картин и живописных стекол. Der heilige Bronn = крещатик. Ратгауз с часами. Трактир Die Rose с веселыми комнатами.

31(12), среда. Переезд из Гейльбронна в Штутгард. Die schöne Aspergerinn. Лудвигсбург. Приезд в Штутгард. Остановились в König von England. В театре: "*Liebestrank*", Oper von Auber*; милая, живая, выразительная музыка. Очень хорошие актеры; прелестное пение в сравнении с нашими певцами и певицами. Худая ночь.

(Сентябрь)

1(13) сентября, четверг. Пребывание в Штутгарде. Напрасное путешествие на Ротенберг. Церковь на высоте, ротонда, надписи: 1) Seiner voll-

* «Любовный напиток», опера Обера (нем.).

deten ewig geliebten Gemahlin Catharina Paulowna Grossfürstin von Russland hat diese Ruhestätte erbaut Wilhelm, König von Württemberg. Im Jahre 1822. 2) Wir haben einen Gott, der hilft und den Herrn Herrn, der vom Tode rettet. 3) Die Liebe hört nimmer auf. (Четыре вазы из железа, четыре колонны ионические, 12 ступенек.) 4) Seelig sind die Todten, die in dem Herrn sterben, sie ruehen von ihrer Arbeit, denn ihre Werke folgen ihnen nach*. Священник Певницкий⁴⁹. Всё прохладается — слово псаломщика. (О часовом. Дома. Посещение короля.) Обедали у себя; после обеда, отдохнув, у Данекера. Непонятный язык⁵⁰. Группа Ниобе. Амур с опущенною стрелою. Психея в первую минуту любви. Памятник Бенкендорфу и его жене. Фавн с мехом. Ариадна. Иоанн евангелист. Девочка с птичкою. Статуя Спасителя. — Бистром.

2(14) пятница. Два дня нездоров. Выезд из Штутгарда. Дождь и слякоть. Удивительный вид на Штутгард. Весьма гористая дорога до Вальденбуха и Тюбингена. Замок Тюбингена. Форма гор, составленных из флестрапа**:
палатки, обросшие кустарником. Вид на Гогенцоллерн. Эва в Вальденбухе. Ночевали в Гехингене, куда приехали с дождем и холодом. Жаркий спор с Рейтерном. В Гехингене трактир на почте; довольно плохие комнаты и услужливый хозяин.

3(15), суббота. Дождливая холодная погода. Разговор о Эмме⁵¹. Завтракали в Балингене. Горная дорога до Альдингена, где обедали. Сильный дождь от Альдингена до Тютлингена. Время прояснилось в переезде от Тютлингена до Энге. Прекрасная дорога. От города точно с высокой горы. На вершине вид на Констанцское озеро, Hohenöwen, Hohentwiel и Hohenstauffen. Облачное великолепное вечернее небо. Темная долина, посреди коей вьется дорога: в темноте блеск одной дороги и розового неба.

4(16), воскресенье. Переезд из Энге до Шафгаузена. День, богатый впечатлениями. Попеременное явление горных развалин: Hohenöwen, Mägberg. Hohenstauffen, Hohenstauffen и Hohentwiel. Время облачное. Борьба облаков с солнцем, которое наконец побеждает. Приезд в Шафгаузен с ясною погодою. Остановились в Falke, чистый трактир, уютный. Услужливый хозяин. Прогулка по городу. Обед и в ½ 3-го к Рейнскому водопаду. Великолепный вид на Альпы. Виды падения от павильона, от замка и с нижней галереи. Замок Штауффен, цветник, башня, церковь, дом священника. В трактире разговор с хозяином о делах Швейцарии: Pressefreiheit*. Базельские происшествия.

* 1) Своей почившей, вечно любимой супруге Екатерине Павловне, Великой княгине Российской, воздвиг эту усыпальницу Карл, король Виртембергский. В 1822 году. 2) У нас есть Бог, который помогает, и Господь Бог, который спасает от смерти. 3) Любовь никогда не проходит. (...) 4) Блаженны умершие о Господе, они почивают от трудов своих, ибо дела их вслед им идут (нем.).

** От нем. das Flöz — горный пласт.

*** свобода печати (нем.).

5(17), *понедельник*. Переезд от Шафгаузена в Цирих. Нанял фурмана от Шафгаузена до Берна. В день 30 франков; 4 дня езды, два дня séjour* (21 фр.) и три дня retour**. Всего на всё 252. Отъезд из Шафгаузена в десять часов. К водопаду. Вид снизу и из мельницы. Путешествие довольно трудное берегом в коляске. Отдых под деревьями и прекрасный вид на водопад. Англичанин с Рейхардом в руках⁵². На переходе и коляске первый вид Альпов, которые скоро являются во всё величии и с удивительною ясностию; мы видим их до самого вечера и в разных окружностях. Дорога через баденские владения, Альпы слева. Эглисау. Прелестное положение, живописные берега Рейна, мост в одну арку; башня за мостом, вероятно, построенная римлянами. От Эглисау довольно крутой съезд. Альпы между двумя огромными горами; дорога чудесною равниною. Обед в Бюлахе, где Альпы прекрасно представляются над ближнею равниною и окрестными горами. Рисовали под дубами. Разговор с кучером о Kilpgang⁵³. Ein bißchen verachtlich***. Вся дорога от Бюлаха до Цириха прелестная. Живописные рощи, равнины плодородные, рассеянные по ним деревенские дома, прелесть изобилия, соединенная с прелестью природы. Альпы более и более развиваются. Kloten, великолепная деревня, замечательная опрятность и просторность домов. Вероятно, во времена римлян была известна. Чудесный день и чудесный вечер. На западе на янтарном небе резная дымка черных деревьев и гор. С востока Альпы, торчащие тускло в тумане, от которого всё небо покрыто темным заревом. Удивительная тишина и таинственность. Огни в равнине. Коровы в тени. Песни швейцарские. Чувство великого и прекрасного от того так мучительно, что желал бы с ним слиться: жажда при виде Рейна, стремление при виде белых Альпов — музыка, поэзия. Въезд в Цирих уже в темноте. Прекрасные предместья. Тесные улицы города. Остановился в Schwert.

6(18), *вторник*. Пребывание в Цирихе. Поутру бродил по городу с Рейтерном. В лавках Гагебуха и Келлера. Обед за общим столом. Лудвиг-Наполеон Бонапарте с товарищами⁵⁴ (красная шапка и курьезно бритая борода). Живописец Мейер. (Messieurs Meyer et Zollinger à Scafati près de Naples****). Его прекрасные эскизы. Прогулка на Вейд: прекрасный дом бывшего хлебника, теперь помещика; на высоте вид на Альпы, слева высочайший пункт Глерниш; в середине Клариды и Деди, последний Титлис и близ него Риги; по сю сторону гор озеро и город, вид Альбиса и Утли, внизу Сильвальд, по берегам бесчисленное множество домов и деревень. Тысячи освещенных пунктов, Лиммат, Силь, дороги, дым, тихо вьющийся, виноградники. Вид в черное стекло. Возвращение в темноте. Мена.

7(19), *среда*. Переезд из Цириха в Арт. Воллисгофен. Церковь на горе. Вид на озеро; полосы зеленые с фиолетовыми. Весь берег одна деревня.

* пребывание, жительство (*фр.*).

** возвращение (*фр.*).

*** С легким презрением (*нем.*).

**** Господа Мейер и Цоллингер в Скафанти близ Неаполя (*фр.*).

Прелестные крестьянские дома, белые и в два этажа; но не швейцарская архитектура. До Горгена виноградниками. От Горгена вкруть налево. Корова помощница и ее проводник с геркулесовыми руками. Лагния и ребятишки. Природа мало-помалу переменяет физиономию. Виды на Альбис, на Ау, на Цирихское озеро. На высоте вид на Цугскую гору и на прелестную долину. Обед в Сильбрюке. Англичанин. Цуг. Нечистота улиц. Церковь с тончайшим шпилем. Выезжают на берега озера. Прелестная Цугская гора, покрытая разнообразными деревьями, елями, дубами, орехами и фруктовыми деревьями. Несравненный вид на озеро. Его зеленый цвет; зелень Цугской горы; темно-голубой цвет трех гор (Kiemen), входящих полуостровом в озеро (Швицу — земля, Цугу — дрова, Люцерну — охота), фиолетово-голубой, темный временами Риги, сзади Пилат, как будто сквозь флёр. Лодки. Минутный шум озера, и снова тишина. Темнота, когда приехали в Арт. Рассказы проводника Эйхгорна о Гольдау (одиннадцать путешественников; четверо спаслись с проводником).

8(20), *четверг*. Переезд из Арта в Люцерн. Поутру в половине осьмого путешествия на развалины Гольдау. Прекрасная дорога между плодоносными деревьями по Швицкой долине; с одной стороны Росберг, с другой Риги, впереди Швиц и Миты. Рассказы проводника о разрушении Гольдау. Старая и новая дорога. Ореховое дерево с крестом и надписью, под ним камень.

Hier ist verschieden der ehrsame Jüngling
Franz Lienart Burgi.
Er starb den 2. Brachmonat 1808
in 42. Jahre seines Alters.
Wer hier steht und meiner gedenkt,
Auch mir dann ein Vaterunser schenkt*.

Вид на все развалины с насыпи, завалившей Гольдау (слой конгломерата на слое глины). Старинный обвал в этом же месте. Новая церковь на месте разрушенной. Дерн и даже деревья на обвале, чего не было за десять лет перед сим. Рисование с насыпи и из окон хижины. Капеллян живописец, архитектор и учитель: подвижная азбука. Возвращение в Арт, стрельба из арбалеты. Переезд из Арта в Люцерн по прекрасной дороге по берегу Цугского озера, мимо Hohle Gasse и Кюснахта. Величественный вид озера Четырех кантонов. Пилат сперва в половину закрытый, потом только вершина. Прекрасный вид Люцерна. У ворот остановились и осмотрели кладбище (черные кресты и мраморные доски под кровлею хода). Эпитафия прусского офицера, погибшего на Риги. Лев Торвальдсен⁵⁵. Мерзкий трактир Adler. К Северину⁵⁶. Прекрасный дом на высоте. Разговор о положении Швейцарии и особенно Берна. Возвращение в темноте по крутой дороге.

* Здесь скончался скромный юноша Франц Линарт Бурги. Он умер 2 июня 1808, на 42 году от роду. Кто здесь будет и вспомнит обо мне, пусть также прочтет за меня «Отче наш» (нем.).

9(21), пятница. Пребывание в Люцерне. Поутру у меня Северин. Вместе с ним в арсенал. Живописные окна кантонов. Меч и топор Цвингли. Портрет и кольчуга эрцгерцога Леопольда. Семпахские копья⁵⁷. Миланские щиты. Пешком на дачу Северина. Вид на горы. После обеда Rombal с женою, братом, племянником и учителем. Прекрасное пение и кривлянье. Пробыли до девяти часов вечера.

10(22), суббота. Выезд из Люцерна — в половине десятого часа. Перемена плана. Дорога через Энтлибух и Emmenthal. Сперва берегом Рейссы, веселые окрестности; гора Bramegg, с высоты ее спуск в Энтлибухскую долину. Прелестные зрелища, мелкая Эмме и Энтле, исчезающие посреди нанесенных их потоком камней, извиваются посреди гор, мало поросших лесом, но покрытых прекрасными пажитями. Ни утесов, ни самих гор не видно; довольно холодный ветер. Направление долины от с(евера)-в(остока) к ю(го)-з(ападу). Мы не видали славных красивых энтлибухских геркулесов, зато видели хорошеньких, свежих, толстощеких девушек. Плохой обед в Шюпфен (большая деревня, полуистребленная пожаром и вновь весьма хорошо выстроенная. Церковь); суетливый хозяин и злая хозяйка. Рейтерн в лихорадке от желанья и невозможности рисовать. Переезд из Энтлибуха в Emmenthal. Прекрасная долина. Большое разнообразие форм утесов. Чистота бернских хижин. Ночью в Лангнау.

11(23), воскресенье. Из Лангнау в Интерлакен. Перемена плана. Из Лангнау через Дисбах в Тун. Проехали Эмменталь. Прекрасные виды; пажити, но более разнообразия в формах. Наконец сады. Замок Зигнау весьма живописный на высоком утесе. Прелестные бернские хижины. Вид на Тун, и печальная мысль при взгляде на замок. Живописное местечко Шада и Scherlingen. В трактире оставили коляски под покровительство нашего кучера. Великолепный трактирщик. За столом милая англичанка, похожая на дочь Крейтона. Плавание через озеро (retour по 10 бацов с персоны). Зелень воды Бернского озера. Горы Штокгорн, Низен, Abendberg и Gross. Rügen справа и Beatenberg слева; в глубине Gross-Rügen — водопад из-под пещеры Беатуса. Приезд в Нейгаус, множество колясок у трактира, проводников, проводник Wolf. Проворный переезд из Нейгауса в Унтерзеен; в той же комнате, где я останавливался за 10 лет. Прогулка по Унтерзеену и по аллеям до Интерлакена: чудесный вечер. Юнгфрау в чистоте; деревья; звон коров; форма деревьев и их огромность; освещение гор и неба; вид от стороны Тунского озера, где солнце село, и от стороны Бриенцкого озера, где всё покрыто паром; встречи; отчаянное лазанье Рейтерна на деревья. Трактиры и пенсионеры. Встреча на мосту с красавицею и в темноте с тенями прелестных костюмов. Марианна Мидлер и ее живость.

12(24), понедельник. Поездка в Лаутербруннен. В половине десятого отправилась в путь. Прекрасная погода. Переезд через долину мимо Интерлакена. Блеск Юнгфрау. Уншпуннен. Камень братоубийцы. Рейтерн за картину, я вперед пешком. Прелестный блеск Лучины и ее разорения. Мост посреди ее, две жерди на камень. Жар по приезде в Лаутербруннен. Вид

на освещенный Штаубах; путешествие до Тримельбаха. Цветники и огорды на камнях. Триммельбах, холод, шум, развалина. Хижина и ее внутренность. Катрина. Возвращение в трактир. Тот же, только с надстройкою. Худой обед. Встреча с князем Голицыным. Возвращение гораздо приятнее, ибо жар менее. Полуосвещенная долина. Прогулка по аллее Интерлакена и прелестный вечер. Вид с моста, тихий Аар, расстилающиеся облака, горы в пару, розовый блеск воды, птица в пустыне неба, звезды, розовая Юнгфрау, тишина окрестности, порханье летучей мыши, теплый воздух, скрип колес. Возвращение. План остаться на два дня в Интерлакене и его перемена от болезни Рейтерна.

13(25), вторник. Переезд из Унтерзеена в Берн. Поутру рисовал. Завтрак и хлопоты полиции. Англичане, ожидающие на берегу лодки. Плавание из Унтерзеена в Тун. 1½ часа, проведенные в Туне в ожидании кучера. Поездка в Берн. Падение лошади. Позднее прибытие в Берн. Огромные комнаты Фаусон. Вечер у князя С. М. Голицына.

14(26), среда. Пребывание в Берне. Поутру в 11 часов к M-elle Wildermeth. Дача в Бомон у самых ворот Берна. Миленький домик. Кабинет, выкрашенной белою краскою, с портретами: Государь, Государыня, принцесса Радзивилл, Вильдермет, кронпринц, спальня через коридор, гостиная и столовая. Наверху несколько комнат (две приготовленные для меня). Людские горницы и кухня с одной стороны, с другой конюшня, сарай и всё, что принадлежит до хозяйства. Перед домом маленькая группа деревьев с небольшим прудом; сквозь деревья вид на горы, Берн и на его окрестности; с другой стороны поле, ограниченное лесом, и подле две хижины, принадлежащие к поместью, от коих обширный вид на горы. От M-elle Wildermeth к Виолье, на террасу и в мюнстер*: великолепная готическая церковь. Резьба над дверьми. Страшной суд. Внутри старые и новые живописные стекла. Prie-Dieu** Карла Смелого, надгробный памятник графа Церингского, основателя Берна. Берн высеченный из одного камня город; три длинные улицы; все дома на один образец, аркады для пешеходов: от них сырость стен, холод средних этажей и сквозной ветер. Удобство и неудобство для путешественников пеших. Плоскость строений. Медведи из гранита. Обед с князем Голицыным.

15(27), четверг. Пребывание в Берне. Поутру неудачная поездка к M-elle Olfers. В 12 часов с Рейтерном к M-elle Wildermeth. Сын M-elle Olfers. Шиферли и приглашение к великой княгине⁵⁸. Фишер, коего сын в Петербурге, Вильдермет. M-e Olfers. Виолье. Рассматриванье рисунков Рейтерна. В девятом часу возвращение домой.

16(28), пятница. Пребывание в Берне. Поутру осматривали выставку. Всё ниже посредственного. Замечательная картина, изображающая погибших на снегах С.-Бернарда. Внутренность швейцарской хижины, освещенная солнцем комната и группа крестьянок Тепфера; впрочем, и это всё посредственно.

* От нем. das Münster — кафедральный собор.

** Скамейка для моления (фр.).

Осматривал дом Северина и коляску. В два часа в Эльфенау. Великая княгиня напоминает нашу незабвенную Елизавету⁵⁹; но у нее более живости в движениях, хотя не столько величественного. Дом небольшой; но место прелестное. Имя Эльфенау дано братом великой княгини. Вид на Аар, и за Ааром горы; другой вид на обширную долину, за которою также поднимаются горы. За столом разговор о Елизавете. Образ жизни ее должен быть печален и однообразен. Шиферли грубый швейцар, жена его урод, дочь почти урод, только жена сына его похожа на что-то приятное. Общество наше составляли M-elle Wildermeth, M-e Olfers, Виолье, и молодой Вильдермет, двоюродный брат M-elle Wildermeth. Пробыли до захождения солнца. Вечер дома. У нас был Лори, приятный, простодушный артист.

17(29), суббота. Пребывание в Берне. В 11-ть часов к M-elle Wildermeth. Рисованье. Лютерно. Штейгер и его жена. Фишер. Вместе с M-elle Wildermeth к M-e Olfers. Прекрасный сельский вид. Три прелестные дочери и сама хозяйка, любезное созданье. У нее M-e Blummer и M-elle Nostiz из Саксонии. Первая толстая и, кажется, сентиментальная. После обеда у Лори. Прекрасное местоположение его дома. Портфели, полные рисунков с натуры, между коими эскизы лучше отделанных. Возвращение к M-e Olfers, где пили чай.

18(30), воскресенье. Пребывание в Берне. Рисованье и дорогая плата за модель. Мария Бланш. У обедни. Интересный священник, страдающий болезнию постоянною. Умное, значащее, меланхолическое лицо; прекрасная служба. К M-elle Wildermeth. Рисованье портрета. M-elle Бонстетген, значащее лицо и замечательный разговор. M-e Olfers. За обедом визит графини Талейран. После чаю смотрели транспараны Кенига: всё довольно посредственно; лучший вид Бриенцкого и Тунского озера при луне в освещенную внутри хижину; внутренность швейцарской хижины, освещенная солнцем, Интерлакен и дорога между поселянскими домами; люцернская девушка, смотрящая в окно. Захождение солнца и восхождение луны весьма посредственно.

19(1 октября), понедельник. Пребывание в Берне. У нас Лори. Консультация Тридоле: 1. Ехать в Италию. Первое время в Милане, потом во Флоренции. Зима в Неаполе. К Пасхе в Рим. 2. В случае беспокойства геморроидального, спокойствие, gomme arabique*, диета, клистир холодной воды в случае сильного кровотечения. 3. Виноград в Веве. Натощак сколько можно. Через час завтрак. Часа через три после завтрака снова виноград. Через час обедать. Не есть ничего farineux** (картофель, бобы, горох и пр.). Хорошее мясо, бульон, шпинат, choux fleurs***, коренья. Прогулка. После обеда не есть. У банкира Церледера. Разговор о Бернской революции⁶⁰: честное правительство, но неуступчивость. Ватвиль. Слабость не вовремя. Журнал и насмешки. Заговор молодых. Оружие на случай защиты, а не для

* гуммиарабик, мед. препарат (фр.).

** мучнистого (фр.).

*** цветная капуста (фр.).

нападения. К Морьеру. Брат его. К M-elle Wildermeth. M-elle Fischer. Обедали: M-e Olfers. Виолье, Шиферли. Прекрасная прогулка по окрестным дорогам. Разговор с M-e Olfers. Условие с Мартинелли.

20(2), вторник. Выезд из Берна. Переезд из Берна в Пайерн. Поутру у Лори, потом у Виолье. Выехали в час. Дорога довольно приятная; но уже не высокие швейцарские горы. Остановились в Муртене для кормки лошадей. Прекрасный вид с террасы Муртенского замка на озеро. С правой стороны дороги обелиск величественной формы в память поражения Карла⁶¹; с левой стороны холм, на коем был его лагерь. В сарае спрятаны некоторые оружия, найденные на месте сражения: пушки, огромные ружья и мраморная доска с Галлеровою надписью, бывшею на прежней часовне муртенской. Жаль, что ее не утвердили на обелиске. В Пайерн приехали ночью. Трактир Медведь.

21(3), среда. Приезд в Веве⁶². До Мудона хорошая погода. Широкая долина. Замок Люссан. Мудон нечистый город. От Мудона до Веве дождь, который перестал при въезде в город. Туманный вид на Женевское озеро. Остановились в трактире des Trois Couronnes близ той горницы, в которой я жил за 10 лет перед тем. Тот же вид из окон. Усталость.

22(4), четверг. 1-й день в Веве. Поутру поездка к Боку⁶³. Дорога между виноградниками. Прекрасное положение Бокова маленького замка, состоящего из одной круглой башни. Его жена полька, умная и желающая казаться умною. Ощутительная холодность. Разговор о Ансильоне, о его печали по жене, о его кокетстве и пр. Возвращение. За обедом поляк. После обеда у нас Бок. Разговор о Польше и Бокова утопия отделения Польши от России. Мысль о воспитании политическом: гомеопатическое средство исцеления политического. Прогулка на террасу С.-Мартеньскую. В cercle*. Вечером писал письма; унылость Рейтерна. Усталость.

23(5), пятница. 2 день в Веве. Первый день винограда. Прогулка на террасу С.-Мартеня. Встреча с Меллиным. Орган в церкви С.-Мартеня. Прогулка по городу. Купер⁶⁴. У нас Бредерло и Меллин. После обеда Бок. Осмотр дома. Blanchenay и его семейство; комплименты Рейтерну⁶⁵: on aime chez nous les braves**. Старинный замок Tour du Peil. К Бредерло. Бредерло у нас.

24(6), суббота. 3-й день в Веве, второй день винограда. Прогулка по берегу вевейскому и по террасе. Рисованье. Обед у Бока. Дождь и слякоть. Разговор о Отгоне Левенштерне; о реформатстве и лютеранстве и о соединении вер. Возвращение в пять часов домой. Чтение.

25(7), воскресенье. Рисованье. Прогулка по террасе. Обед дома. После обеда переезд. Нежная Мария (Je vous aime. 6 Octobre***). Пенсион у Бланшене, квартиры у Ормон и 6 луидоров. 4 луидора. Чистый дом близ Tour du Peil. Прелестная лунная ночь. Прогулка по берегу озера. Сперва на пристань: плеск волны, масляные волны озера; блеск луны и берега; искры, зажигающие озеро,

* клуб (фр.).

** у нас любят храбрецов (фр.).

*** Я вас люблю. 6 октября (фр.).

и блестящее и наконец тусклое сияние. Горы в тумане, без форм; одни наружные формы. Луна и звезды над ними. Уединение берега. Освещенное окно и разговор. В замок. Освещенный ров и в нем разные овощи, над ним развалины. Сумрак, в котором стены, черные башни между бледно-светлыми тополями. Яркая темнота некоторых деревьев и прозрачность других. Звезды между листьями, и озеро, и горы, и небо. Двор уединенный, дорожки, стена, устланная диким виноградом. Красный цвет листьев. Верхняя терраса: удивительная тишина и неподвижность листьев; деревья с мерцающими вершинами; белизна стены; яркий блеск спицев. Нижняя терраса: фонарь и проход. Пристань, лодки с голыми мачтами и пусты. Вид на Вильнёв и блестящее озеро. С другой стороны светлая терраса, тени тополей, темная стена, из-за нее тополи; озеро темное, полоса тумана, огонек на савойской стороне.

26(8), понедельник. Поутру рисованье. Прогулка по берегу озера. Чудесное освещение при облачном небе. Синева гор. Волшебный мир в Валлиской долине. Полосы на озере, синем при облачном небе. Первый обед у Бланше. Довольно приятная дочь. После обеда при бурном озере прогулка по террасе замка. Вечер дома.

27(9), вторник. После обеда поездка в Монтрё и в Шильон. Бейронова надпись⁶⁶. Две тюрьмы. В средней перекадина, служившая для виселицы. Возвращение в сумерки. Чудесное освещение озера и облачное небо.

28(10), среда. Поездка в Монтрё поутру в 9 часов. Рисовали в Берне. Обедали в Монтрё. Живописный водопад. Рисовали из окон трактира. Переход к Шильону и потом пешком до Верне. Прелестный, ясный день. Усталость.

29(11), четверг. Кровотечение и усталость. Всё утро дома отдыхал. Проект остаться в Веве. После обеда ездили в Монтрё осматривать дома. Дом в Верне на берегу озера (10 луидоров). Замок Ла-Тур du Пель, 90 луидоров. Ездили потом до Шильона. Прелестный вечер: янтарное западное небо. Яркая звезда, как глаз, наполненный слезою. Нерешимость: оставаться или нет. Остаться согласнее с целью, полное спокойствие, приготовление к возвращению, краткость возвратного пути, но в то же время раскаяние о потере Италии. Ехать: усталость от дороги, удаление, беспокойство на месте пребывания от желания видеть; но вместе с тем прелесть Италии, наслаждение тем, чего не возвратишь никогда, утратив теперь. Как решиться? Посмотрим, что скажет здоровье. Еще неделя на размышление; если припадки продолжатся, то оставаться и на покое думать об одном здоровье. Это моя цель. Это же будет полезнее и для возвращения, и для самого моего дела.

30(12), пятница. Поутру в Hauteville. Высокое положение. Обширный вид на озеро из храма. Приятный сад, ручей с каскадами. Встреча с графинею Потоцкою. Вечер у нее, потом дома.

(Октябрь)

1(13) октября, суббота. Решился или на зиму в Минхен или в Италию. Поездка в Aigle. Скучный обед. Рисованье в трактире. После обеда возвращение с дождем в открытом кабриолете.

2(14), *воскресенье*. Прогулка. Встреча с Уваровой. На террасе замка. Письмо к Рейтерну от жены: холера в Касселе. Нерешимость⁶⁷.

3(15). Новый план остаться. Поездка в Лозанну. Возвращение ночью.

4(16), *вторник*. Отправление письма в Франкфурт. Остановка. Встреча с Уваровой. Обед у Бланшине с профессором Пердонне. Неудачное путешествие к Боку. Явление Киля⁶⁸.

5(17), *среда*. Прогулка. *Отправление письма*⁶⁹. Поездка в Шателар с Килем. Вечер у Burnat, синдика городского. Возвращение с болезнью.

6(18), *четверг*. Кровь. Рейтерн с Килем в Шильон. Я дома. Прогулка с Бланшине, встреча с Габбе.

7(19), *пятница*. Продолжение болезни. Совет с доктором. Обед у Уваровой. Возвращение с Габбе. Приезд Лори.

8(20), *суббота*. Лори, Киль и Рейтерн в Монтрё. Я дома. Обед опоздалый у Бланшине. Прогулка после обеда. Письмо к Северину. Поездка в Верне.

9(21), *воскресенье*. Продолжение болезни. Лори, Киль и Рейтерн опять в Монтрё. Я дома. После обеда у Бланшине к Бюрна. Осмотр погребов. Чтение «*Новой Элоизы*»⁷⁰. Письмо к М-е Reutern.

10(22), *понедельник*. Продолжение болезни. Прогулка. Портрет Лори⁷¹. Рейтерн, Лори и Киль в Блоне. Я у Бланшине. После обеда в cercle. Вечер дома.

11(23), *вторник*. Продолжение болезни. Рисование портрета Лори. Письмо М-е Воск. После обеда прогулка на С.-Мартен. Вечеру рисование.

12(24), *среда*. Продолжение болезни. Отъезд Киля. Вечер у Бока.

13(25), *четверг*. Лучше. Рисование портрета Лори. Обед у Бока.

14(26), *пятница*. Лучше. Отъезд Лори.

15(27), *суббота*. Лучше. Поездка в Шильон и к Пиливе. Обед дома. У нас Бок и Габбе. Отъезд Бредерло.

16(28), *воскресенье*. Опять болезнь. Опять дома. Обед у Бланшине. Прогулка по террасе. Письмо к М-elle Calame и Wildermeth.

19(31), *среда*. Письмо из Виллингаузена. И ответ.

20(1 ноября), *четверг*. Письмо в Minchen.

21(2), *пятница*. Второе письмо из Виллингаузена. И ответ.

22(3), *суббота*. 30 дней в Веве. Вечер у Бока: Фитингоф и Берг.

23(1), *воскресенье*. Обед у Уваровой.

24(5), *понедельник*. Вид на озеро с террасы. Снег на горах. Вечер у Габбе.

27(8), *четверг*. Поутру у нас Бланшине. Прогулка в Corsier. Визит Пердонне. Разговор о политике: умные практические мысли. Napoléon et les Bourbons sont tombés par la force d'inertie. Cette force est invincible. La France n'a rien fait contre Napoléon, mais elle n'a rien fait pour, et il a péri. La même chose dans les 3 jours de Juillet. Cette force même tient bon contre la minorité révolutionnaire et c'est sur elle que s'appuie le ministère. Si les autres gouvernements cultivent bien leur intérêt ils approuveront ce ministère, qui suit les principes de Périer qui étaient celles de la plus stricte loyauté. La chose la plus nécessaire serait de régler le plutôt possible les affaires de la Belgique: c'est là la pomme de discorde: une fois finies, la paix est pour longtemps sûre. La guerre

devient de plus en plus impossible. Le grand ennemi des Bourbons était leur faiblesse*.

28(9), *пятница*. Вступление в пенсион Du Molin. Визит утренний. Прогулка по террасе; привидение. Обед у Дюмоленя с двумя Ранцау и еще рижским уроженцем. Вечер дома. Чтение “*Revue Française*”**.

29(10), *суббота*. Вечер дома.

30(11), *воскресенье*. Вечер дома,

31(12), *понедельник*. Письмо из Виллингаузена. Известие о родине императрицы⁷². Обед с Севериным в Trois Couronnes.

⟨Ноябрь⟩

1(13) *ноября, вторник*. Северин у меня. Поездка в Верне. Обед в 3 Couronnes с Лагарпом. Письмо от Радовица.

2(14), *среда*. Письмо от Тургенева и Прива. Ответ. Поездка в Лозанну. Солнечный день. По приезде к Лагарпу: его кабинет⁷³. Александр. Бюст, с одной стороны выписка из польской конституции, с другой из письма; между бюстами Марка Аврелия и Перикла; но подле Перикла Эпикур. Маленький мраморный бюст на пьедестале, подаренный княгиней Волхонскою, с надписью: “A Paris il a oublié l’incendie de Moscou. L’ingrate Pologne lui devra sa régénération”***. Портрет Александра во весь рост в фуражке. Портрет Николая с надписью: указ о составлении tiers état**** в России. Портрет Екатерины, данный ею. Разговор о делах польских; совет Лагарпа; гарантии; Костюшко; отказ Костюшки возвратиться в Польшу; анекдот о польском феодализме; Константинов экземпляр конституции польской; его изъявление, что не может принудить знать исполнять постановления. Анекдоты о Павле; его прощанье с Лагарпом; отнятие пенсiona. Анекдот о дубе петергофском, Екатериною обведенном накануне восшествия на престол. Жена Лагарпа. Шаванн. Его племянница, родившаяся в Испании. За столом пили за здоровье императора. Приезд Радовица. Разговор о гомеопатии: три принципа. 1) Симптомы болезни не болезнь, а признаки борьбы жизненного начала о болезнью; 2) minimum лечить, 3) Диета. Тело в состоянии внимательного

* Наполеон и Бурбоны пали в силу инерции. Сила эта непреодолима. Франция ничего не сделала против Наполеона, но и ничего для него, и он погиб. То же было и во время трех июльских дней. Эта же сила сопротивляется революционному меньшинству, и на нее опирается министерство. Если другие правительства соблюдают свою пользу, они одобряют это министерство, которое следует правилам Перье, правилам самой строгой законности. Самое необходимое было бы как можно скорее покончить с делами Бельгии: это и есть яблоко раздора; когда с ними будет покончено, мир будет обеспечен надолго. Война становится всё менее возможной. Великий враг Бурбонов была их слабость (*фр.*).

** «Французское обозрение» (*фр.*) — периодическое издание.

*** В Париже он забыл пожар Москвы. Неблагодарная Польша будет ему обязана своим возрождением (*фр.*).

**** третье сословие (*фр.*).

слушателя. Разговор о предмете искусства; разговор о главных основах общества: 1) человек до падения, *frei und unfrei**. 2) Падение, *Freiheit***, знание добра и зла. Правооснования общества. Развитие права. Римская империя. Человек не человек, а гражданин; самопожертвование без любви. *Recht = Staat****. 3) Человек после искупления. Церковь институция любви. Право: каждому принадлежащее. Любовь: пожертвование своего каждому. Закон: выраженное право. Шаткость закона. Эпохи истории: 1) Право. 2) Перевес церкви. 3) Перевес государства. Абсолютизм — пожертвование права произвольное общему благу. Султанизм, якобинизм, конституционизм — три вида абсолютизма.

3(15), четверг. Возвращение из Лозанны. Встреча о принцем Августом. Отъезд Радовица. Обед у Demolin. Ложное известие.

4(16), пятница. Поутру у нас Blanchenau и Бок. Потом граф Ранцау. Обед у Бланшне с Бюрна, Пердонне и Гизаном. Разговор о Казимире Перье, Бенжамене Констане и Шатобриане. Его интриги в 1824. Слово насчет его: *Il fait bien les livres et l'amour couci-couci*****. Разговор о моммиерах, или методистах в Швейцарии. От Бланшне зашел к Гизану.

5(17), суббота. Поутру у нас Гизан и Бланшне. Прогулка.

6(18), воскресенье. Поездка в Верне. (Получен ответ из Виллингаузена.) Оттуда возвращение пешком.

7(19), понедельник. У нас Пиливе. Устроение.

8(20), вторник. Счеты.

10(22), четверг. Бланшне. В *cercle*.

11(23), пятница. Письма к великому князю и к императрице⁷⁴. Письмо из Франкфурта от г-жи Рейтерн. Обед у Бока. Блоне с женою и сестрою.

12(24), суббота. В Верне. У Дюмоленя. Письмо из Базеля.

13(25), воскресенье. Отъезд Габбе. Письмо к Прива⁷⁵. Приглашение к 29 или 30.

14(26), понедельник. Приезд семейства Виллинсгаузенского⁷⁶. Рейтерн на встречу. Куклы. Обед у De Moulin.

15(27), вторник. Переезд в Верне. Поутру у Бока и Бланшне. Ярмарка. Вечер в Верне. Рассматриванье Рейтерновых рисунков.

16(28), среда. Суматошный день. Пароксизм. Веселый вечер. Разговор о политике. Luternau у меня.

17(29), четверг. Уборка и учреждение порядка. Прогулка по террасе о М-е Reutern. Рейтерн с детьми в Монтрё. Письмо от Privat. У нас Бок. Ясный день. К вечеру буря.

18(30), пятница. Посещение Андрюши с Приватом. Первая минута. Сходство⁷⁷: в чертах, в *manière d'être**; походка; руки, усмешка, Послеобеденный

* свободен и несвободен (нем.).

** свобода (нем.).

*** Право = государство (нем.).

**** Он хорошо пишет книги, а любовь выходит у него посредственно (фр.).

***** повадка (фр.).

экзамен. Приват. Незлопамятность; робость; невеликодушие. Упрямство. Сон ума и чувства. Развитие телесное. Серый день.

19(1 декабря), суббота. Андриуша и Прива у нас. Портрет. Сидение во время портрета. Ответы на мои вопросы. Живость с детьми Рейтерна. Отъезд их в 3 часа. — Вечеру чтение письма Шпацера. Серый день.

20(2), воскресенье. Прогулка в Монтрё. У Лютерно. Встреча с Пиливе. Песни — горные крики. Чтение «*Наль и Дамаянти*»⁷⁸. Начал стихи. Ясный день.

21(3), понедельник. Прогулка по террасе. “*Nal und Damaianti*”. “*Der Wanderer*”⁷⁹. Вечеру чтение. Серый день. К ночи ветер.

22(4), вторник. Кончил “*Wanderer*”. Первый снег, который в тот же день сошел.

23(5), среда. Письмо великого князя. Минуты, в которые какою-то магической силою пробуждаются воспоминания и все знакомые лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что чувствовал, воздух, сторона, дом, чувство прошедшей жизни. Конец «*Наля и Дамаянти*». Рейтернова болезнь. “*Rehberger*”⁸⁰. День ясный и довольно холодный.

24(6), четверг. Первое посещение Гизана. Кончил “*Rehberger*”. Начал чтение Менцеля⁸¹. Конец Рейтерновой болезни. День ясный и холодный.

25(7), пятница. У нас Бланшне с семейством и Мильн. Ясный день и северный ветер довольно сильный, но в Верне не чувствителен. 2 градуса холода в Веве, в Верне ни одного. Чтение Менцеля. Начал “*Der König und die Schäferin*”⁸².

26(8), суббота. У нас Лютерно. Первая прогулка в Шильон. Перевел «*Старого рыцаря*»⁸³. Чтение Менцеля. Прекрасный ясный день и маленький мороз.

27(9), воскресенье. Суд Соломонов. Прогулка к Шильону. Начал «*Унди-ну*»⁸⁴. Визит доктора и Мильна. Чтение Менцеля. Прекрасный ясный день с морозом.

28(10), понедельник. Послание к Великому князю⁸⁵. Древний мир. Новый мир. Россия. Главная мысль. Озеро и горы. Их символ. Рейтерн в городе. Прогулка к Шильону. Латрины*. Мрачное чувство. Утром ясно, к вечеру туманно.

29(11), вторник. Прогулка к Шильону, Поездка Бойнебурга в Веве. У нас вечером Бок. Падение печи⁸⁶. День несколько туманный поутру, к полдню ясно.

30(12), среда. Переписывал стихи. День ясный удивительно. Письмо от Муравьева. Два искушения: Рейтерн на горах и Италия.

⟨Декабрь⟩

1(13) декабря, четверг. Переписывал стихи. Рисовал для München. Письмо от M-elle Wildermeth. Прогулка к Вугу. Чтение Менцеля. День ясный. Биза* по ту сторону Кларена; у нас тепло.

* От фр. latrines — отхожее место.

2(14), пятница. Писал письма: к Югелю, Бехтееву, Перовскому, Муравьеву, Тургеневу. Прогулка к Шильону. (Твердость и действие впопад, вовремя, согласно с обстоятельствами, есть тайна правительства. Глетчеры. Плотины.) Ясный прекрасный день. К ночи облака.

3(15), суббота. Писал письма: к Екатерине Афанасьевне, к M-elle Wildermeth. — День ясный, к вечеру облака. Чтение Менцеля.

4(16), воскресенье. Письма к Северину, к Рантцау. Отъезд Бойнебурга. Послал Виолье деньги. Письмо к Шамбо. Первый снег, выпавший ночью и сошедший поутру. Прекрасный день. К вечеру теплее.

5(17), понедельник. Reschute**. Прелестный день. Солнечный, удивительное освещение и тишина. Озеро как масло; голубая тень гор; полоса солнца; змеи от снега; озаренные пункты, края солнечные по берегам; ясность форм; освещение деревень; Монтрё, Шателар, Верне, Кларен и Шильон в солнце; звон часов; разные звуки; голоса; дорога. Рейтерн в городе.

6(18), вторник. Опять здоров. Письмо к Коллинсу, Мой первый портрет для Вел(икого) князя⁸⁷.

7(19), среда. Портрет кончен. Прогулка с Рейтерном за Кларан. Дом Бейронов⁸⁸. Сцена с собакою. Здоров. День переменчивый. Солнце, облака и дождь.

8(20), четверг. Здоров. Мало крови. — Портрет. Дождь и снег, без большого холода.

9(21), пятница. Принял пилюлю. Ходил без корсета и вода. Худое испражнение и кровь. Ввечеру три груши. — Письмо от Демолена. Прекрасный, ясный день, довольно свежий.

10(22), суббота. День ясный с облаками. Тепло. Ветер из Валлиса.

11(23), воскресенье. Окончание второго портрета; начало третьего. Новая служанка. Ввечеру разговор о методистах. День удивительно ясный, тихий, свежая чистота.

12(24), понедельник. Поездка в Веве. У Дюмоленя. К Жантону с Бланш-не. Покупки для детей. У Мильна. Шамбре. Обед у Бока. Англичанка с двумя дочерьми. De Mellet. К Дюмоленю. Weihnachtsbaum***.

13(25), вторник. Две прогулки и рисование портрета. Чтение проповеди Штрауса⁸⁹. Ich dürste nach Gott, nach den lebendigen Gott****. Сравнение естественной и откровенной религии с утесом без дороги и с дорогою. Письмо от Герлаха.

14(26), среда. Первый снег, который шел весь день, но погода теплая. Маленькая болезнь Васи⁹⁰.

15(27), четверг. Второе посещение Гизана. Письмо от M-elle Wildermeth. У меня Lutemann. M-e Vock с дочерью. День теплый и сырой.

* От нем. die Bise — норд-ост, северный ветер.

** Рецидив болезни (фр.).

*** Рождественская елка (нем.).

**** Я жажду Бога, живого Бога (нем.).

16(28), пятница. Переписывал стихи. День ясный и жаркий. Прелестное освещение полумесяцем озера. Звезда спутница месяцу. Блеск у берега. Разговор о пессимизме и оптимизме. Нервическая робость.

17(29), суббота. Нервическая робость. Прогулка к Монтрё по горам. Сон до обеда. День ясный с легким туманом. Малый мороз.

18(30), воскресенье. Кончил 3 главу «Ундины». Прогулка к Кларану. Книги из Франкфурта. Чтение Ламот Фукэ⁹¹.

19(31), понедельник. Письма от великого князя и от Шамбо. Чтение. “*Galgenmännlein*”*. Вечеру Менцель: ужасы Наполеона.

20(1 января 1833 г.), вторник. Ленивый день. “*Köhlerfamilie*”**.

21(2), среда. Ленивый день. Болезнь Рейтерна. “*Der unbekannte Kranke*”***. Менцель.

22(3), четверг. Посещение доктора. Решение сделать операцию. Странное меланхолическое и приятное чувство.

23(4), пятница. Письмо от Северина и Киля. День пасмурный. Маленький мороз. Сухо.

25(6), воскресенье. У меня Лютерно. День туманный.

28(9), среда. День туманный и теплый. Все больны.

29(10), четверг. День прекрасный, утром солнце.

30(11), пятница. День поутру с солнцем, к обеду туман. Кончен маленький портрет. Гизан.

31(12), суббота. Окончание вейльбахского портрета. Вечеру гадание в тарелки.

* «Повешенный» (нем.). — произведение Ф. де ла Мотт Фуке.

** «Семья угольщика» (нем.). — произведение Ф. де ла Мотт Фуке.

*** «Неизвестный больной» (нем.). — произведение Ф. де ла Мотт Фуке.

⟨Январь⟩

1(13) января, воскресенье. Начал писать к Великому князю¹. У меня Лютерно. Доктор Дюмони.

2(14), понедельник. Писал к Великому князю. У нас Мильн. Прекрасный теплый весенний день. Поутру солнце.

3(15), вторник. У нас Лютерно. День поутру ясный, потом туман. Ниже замерзания.

4(16), среда. [⟨...⟩] Теперь 4-е января, день ясный и теплый; солнце светит с прекрасного голубого неба, перед глазами моими расстилается лазоревая равнина Женевского озера, нет ни одной волны; не видишь движения, а только его чувствуешь: озеро дышит. Сквозь голубой пар поднимаются голубые горы с нежными, сияющими от солнца вершинами; по озеру плывут лодки, за которыми тянутся серебряные струи, и над ними вертятся освещенные солнцем рыболовы, которых крылья блещут, как яркие искры; на горах, между синевою лесов, блестят деревни, хижины, замки, с домов, белыми змеями выются полосы дыма; иногда в тишине, между огромными горами, которых громады приводят невольно в трепет, вдруг раздается звон часового колокола с башни церковной: этот звон, как гармоника, промчавшись по воздуху, умолкает, и всё опять удивительно тихо в солнечном свете; он ярко лежит на дороге, на которой там и здесь идет пешеход и за ним его тень. В разных местах слышатся звуки, не нарушающие общей тишины, но еще более оживляющие чувство спокойствия; там далекий лай собаки, там скрип огромного воза, там человеческий голос. Между тем в воздухе удивительная свежесть, есть какой-то запах не весенний, не осенний, а зимний, есть какое-то легкое, горное благоухание, которого не чувствуешь в равнинах. Вот вам картина одного утра на берегах моего озера. Каждый день сменяет ее другая. Но за этими горами Италия, и мне не видать Италии.

Между тем живу спокойно, и делаю всё, что от меня зависит, чтобы дойти до своей цели, до выздоровления. Живу так уединенно, что в течение пятидесяти дней был только раз в обществе. Вероятно, что такое пустыничество навело бы, наконец, на меня мрачность и тоску; но я не один. Со мною живет Рейтерн и всё его семейство. Он усердно рисует с натуры, которая здесь представляет богатую жатву его кисти, а я пишу стихи, читаю или не делаю ничего. С пяти часов утра до четырех с половиною пополуудни (время нашего общего обеда) я сижу у себя или брожу один. Потом мы сходимся, вместе обедаем и вечер проводим также вместе. В таком образе жизни много лекарственного. Но прогулки мои еще весьма скромны, еще нет сил взбираться на горы. Зато гуляю много по ровному прекрасному шоссе, всякий день и во всякую погоду.

Теперь читаю две книги. Одна из них напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотом и Дункером, довольно четко, на простой бумаге, и называется *Menzel's Geschichte unserer Zeit*²; а другая самую природою на здешних огромных горах, великолепным изданием. Титула этой последней книги я еще не разобрал. Но и то и другое чтение приводит меня к одному и тому же результату. Всякий день в два часа пополудни я начинаю свое пешеходство по Симплонской дороге, которая мимо самого крыльца моего идет по берегу Женевского озера, расстилающемся широкою равниною между высоких берегов горных. Со стороны Женевы на дальнем горизонте видна низкая, голубая, однообразная стена Юры. Со стороны кантона Вадта (Pays de Vaud), на которой находится моя деревушка (Верне между Клараном и Монтрё), подымаются горы, покрытые виноградниками, усыпанные деревьями, замками, хижинами, шалашами; низшие из них имеют приятную круглую форму (здесь они покрыты виноградниками, великолепными каштановыми, буковыми и ореховыми деревьями); высшие торчат острыми утесами, одни имеют вид зубчатых стен, другие форму огромных зубов, между которыми самый заметный называется Dent de Jaman; вершины этих утесов голы и истрескались от действия стихии; бока покрыты елями и соснами, между которыми весенние и осенние потоки прорезали излучистые рытвины, которые теперь наполнены снегом и кажутся змеями, замерзнувшими от холода и извившимися в час смерти. На противной, Савойской стороне, подымаются горы более огромные и представляют ужасный хаос утесов, разорванных, растреснувших, разделенных глубокими долинами, в которых теперь белеет снег, тогда как самые утесы, синееющие от еловых лесов, покрывающих бока их, имеют вид необъятного, оцепенелого, изрубленного трупa. Эти горы, возвышаясь, сходятся с противоположными и стесняются в глубокую долину, по которой течет Рона, впадающая близ Вильнёва в Женевское озеро. Эту долину задвигают, наконец, покрытые вечным снегом горы: впереди подымается великаном Dent du Midi, за ним конусом стоит Mont-Catogne, из-за него с одной стороны выглядывает Mont-Velan, а с другой Сен-Бернард, знаменитый переходом Наполеона и гостеприимством добрых отшельников, которые поселились на высоте его со своими собаками для спасения путешественников, теряющих дорогу в снегах горных. Таковы великолепные листы всемирной истории, которые разгибаются перед глазами моими в то время, когда я неприметною мошкою крадусь по тропинке своей у подошвы этих великанов. И мне было бы весьма душно от их ужасающей взоры огромности, когда бы мне не сопутствовал другой великан, который может без страха с ними соперничать: этот великан — есть *мысль*, могущая не только в одну минуту подняться на их неприступные высоты, но, перелетев века и пространство, присутствовать при их рождении, в то время, когда они сами были только прах, кипевший в первобытной воде, которая, наконец, сгустив и набросав их теми огромными горами, в коих они столько веков стоят неподвижно, сама успокоилась, и теперь, тихим, таинственным морем, окружает нашу цветущую землю, вышедшую из хаоса первобытного.

Какое сходство в истории этих божественных великанов с историей живого человеческого рода! Что представляла наша земля в эти первые дни создания, когда всемогущее Божие «*буди*» раздалось посреди небытия, и всё начало стремиться к жизни? Каков был мир в то время, когда потоп за потопом разрушал землю, когда из страшного разрушения выходило столь же страшное создание, когда владыками земли были одни чудовища, которых огромные, окаменелые скелеты, лежащие в земной утробе, свидетельствуя об отдаленной эпохе их существования, в то же время служат памятниками минувшего беспорядка? Чем всё это кончилось? Животворным *шестым* днем создания: потопа утихли, утесы оцепенели, их страшные груды покрылись великолепным ковром плодоносной земли, на котором началась цветущая жизнь, и на эту обновленную землю Создатель привел, наконец, человека; бурный период образований физических дошел до своего предела; начинается жизнь человеческого рода, и она представляет нам тот же хаос, в каком при начале своем является нам мир физический: мы видим человека первосозданного; он сначала достоин своего Создателя, и на земле рай, но он падает...

Что же представляет нам человеческое общество после падения и что после всемирного потопа, уничтожившего первобытный род человеческий? Не то же ли, что сей беспорядочный бой стихий и масс физического мира, сквозь которые с трудом и постепенно пробивалась высшая жизнь? И все эти предания о древнем мире после потопа, все эти памятники огромных канувших царств, колоссы Индии и Египта, завоевания Сесострисов, Киров, Александров, и самый всемогущий Рим... не то же ли они в истории — некогда живые, теперь мертвые и окаменелые посреди слоев (веков), набросанных временем, не то же ли они, что эти огромные чудовища, владевшие первобытною землею, которых остовы нас так изумляют, повествуя нам о том, чего давно нет и чего уже быть не может? Наконец и для человеческого рода период всеобщих бурных переворотов дошел до своего предела, и ужасные создания древнего мира оделись великолепным покровом, на котором началась новая, высшая жизнь, эта пелена более и более развивается, не всё еще ею покрыто, но всё когда-нибудь покроется. Вулканы, наводнения, ураганы и многие грозные феномены свидетельствуют, что еще не всё в физическом мире утихло; но это одни минутные, частные явления; они не производят общего изменения; и только показывают, что сила беспорядка, хотя еще и не умерла, но уже издыхает. То же и в мире нравственном: и после пришествия Христова были политические разрушительные вулканы, они являются и теперь, но характер их более и более изменяется: теперь они более *образовательны*, нежели прежде. Например, в наше время мировладычество Александра и Рима невозможно, по крайней мере непрочно. Наполеон у нас перед глазами сделал ему опыт, но быстрое создание силы его столь же быстро и сокрушилось. Конечно, еще увидим много потрясений; но посреди их шума голос мира и порядка более и более становится внятн. Христианство, источник и хранитель нравственной

жизни, неразруσιμο, несмотря на бунтующие против него страсти; истекающая из него образованность медленным, но постоянным своим действием всё приводит в равновесие; бой добра и зла продолжается — и может ли быть иначе? Земля не рай, человек не ангел — но наше время, со всеми его конвульсиями, лучше прошедшего. Это *лучшее* само собою истекает из зла минувшего. И это лучшее — не человек своею силою производит его, но *время*, покорное одному Промыслу. Поколения исчезают, а *время* на гробах их пишет свои истины, которые читают следующие поколения и обращают в свою пользу: исчезая, они оставляют на гробах своих другие истины, *временем* написанные в пользу других поколений. Общий же результат один: *во всякое время, человек на своем месте, в своем кругу может совершить всё*, что он, как человек, совершить обязан; и если бы каждый, не сбиваясь с пути, следовал сему правилу, то было бы на земле одно царство порядка. Но человек создан не для тихой счастливой, а для деятельной нравственной жизни; он должен завоевывать свое достоинство, должен пробиваться *к добру* сквозь страсти и неразлучные с ними заблуждения и бедствия. В мире действует не он, а Провидение, которое действует в целом. Жизнь человеческого рода можно сравнить с волнуемым морем: буря страстей производит эти минутные волны, восстающие, падающие и беспрестанно сменяемые другими. Каждая из них кажется каким-то самобытным созданием; и если бы каждая могла мыслить, то она, в быстром своем существовании, могла бы вообразить, что действует и созидает для вечности. Но она, со всеми своими скоропреходящими товарищами, только принадлежит к одному великому целому: все они покорствуют одному общему движению; иногда движение кажется бурей: бездна кипит; но вдруг всё гладко и чисто; и в этом за минуту столь безобразном хаосе вод спокойно отражается чистое небо. Вот вам философия здешних гор. То же самое прочитал я и в Менцеле, который в быстрой картине представляет нам происшествия нашего века, столь богатого великими изменениями.

Еще один маленький отрывок из той же горной философии. Проезжая сюда через кантон Швиц, я видел на прекрасной долине, между Цюрихским и Ловерцским озером, развалины горы, задавившей за двадцать лет несколько деревень и обратившей своим падением райскую область в пустыню. Это место называлось тогда Goldau (золотой луг). За двенадцать лет пред сим я уже видел его: с тех пор ничто не переменилось; те же голые, набросанные грудками камни, немногие покрылись мохом; кое-где пробиваются тощие кусты, но еще почти нет признака жизни: время невидимо работает, но разрушение в полной еще силе. Рядом с этим хаосом камней простирается холмистая равнина, покрытая сочною травою, пышными деревьями, селениями, хижинами, садами; но бугристая поверхность ее, согласно с преданием, свидетельствует о древнем разрушении: за несколько веков и на этом месте упала гора, задавила несколько селений, и надлежало пройти сотням лет, дабы развалины могли покрыться слоем плодоносной земли, на которой поселилось новое поколение, совершенно чуждое погибшему. Вот —

история всех революций, всех насильственных переворотов, кем бы они производимы ни были, бурным ли бешенством толпы, дерзкой ли властью одного! Разрушая существующее, *жертвуя справедливостию*, жертвуя настоящим для возможного будущего блага, есть опрокидывать гору на человеческие жилища с безумною мыслию, что можно вдруг бесплодную землю, на которой стоят они, заменить другою, более плодоносною. И, правда, будет земля плодоносная, но для кого и когда? Время возьмет свое, и новая жизнь начнется на развалинах: но это дело его, а не наше; мы только произвели гибель; а произведенное временем из созданных нами развалин нимало не соответствует тому, что мы хотели вначале. Время истинный создатель, мы же в свою пору были только преступные губители, и отдельные благие следствия, загладив следы погибели, не оправдывают губителей. На этих развалинах Гольдау ярко написана истина: *«Средство не оправдывается целью; что вредно в настоящем, то есть истинное зло, хотя бы и было благотельно в своих последствиях; никто не имеет права жертвовать будущему настоящим и нарушать верную справедливость для неверного возможного блага»*. Человек, во всякую настоящую минуту, может быть справедливым, в этом его человеческая свобода. Что справедливо теперь, то несомненно; жертвовать этим *несомнительным*, единственно возможным человеку, для вероятной, следственно *сомнительной* пользы, есть преступление или безумство. Ибо кто отвечает за будущее? И следующий миг не принадлежит нам: это уже область Провидения. Только, оставаясь в границах человечества, с *светлым понятием о справедливости*, можем мы действовать благотворно, то есть нравственно; напротив, вступаясь в дело Провидения и надеясь силою в одну минуту произвести то, что оно медленно созидает временем, мы губим и гибнем. Что же? Должны ли мы себя осудить на бездействие и неподвижно предаться во власть времени, подобно камням, которые, не видя и не зная, что с ними творится, дают ему покрывать их мохом и растениями? Нет. Но для человека довольно собственной деятельности и без дерзкого присвоения той, которая не принадлежит ему. Иди шаг за шагом за временем, вслушивайся в его голос, и исполняй то, чего он требует. Отставать от него столь же бедственно, как и перегонять его. Не толкай горы с места, но и не стой перед нею, когда она падает: в первом случае сам *произведешь разрушение*, в последнем *не отвратишь разрушения*, в обоих же неминуемо погибнешь. Но работая беспрестанно, неутомимо, наряду со временем, *отделяя от живого* то, что оно уже умертвило, *питая* то, в чем уже таится зародыш жизни, и *храня* то, что *зрело и полно жизни*, ты безопасно, без всякого губительного потрясения, произведешь или *новое необходимое*, или уничтожишь *старое* уже бесплодное или вредное. Одним словом, *живи и давай жить*; а паче всего *блуди Божию правду!*...]^{2a}

5(17), четверг. Писал к Коту³. Гизан. Начат большой портрет. Писал к великому князю.

6(13), пятница. Писал к великому князю. У нас Лютерно. Болезнь его жены. Прекрасный теплый ясный день. Кончил Менцеля.

7(19), *суббота*. Писал Вьельгорскому, к Марии Николаевне⁴. Был у Лютерно и не застал. Прекрасный день и прекрасная прогулка. Начал "*Politisches Wochenblatt*"⁵.

8(20), *воскресенье*. Слабость. Перевел «Уллина»⁶. День полуясный.

9(21), *понедельник*. Кончил «Уллина». Начал "*Eleusisches Fest*"⁷. Прекрасный ясный, но холодный день.

10(22), *вторник*. Начал портрет. Продолжал "*Eleusisches Fest*".

11(23), *среда*. Кончил письма. Отправлена посылка к великому князю. Возвратил посылку. Письма от Мердера и Тургенева. У меня Лютерно и Гизан. Рисование портрета. Продолжал "*Eleusisches Fest*". День облачный и холодный.

12(24), *четверг*. Писал к Мердеру и к Екатерине Афанасьевне. Отправлены письма к Северину. Портрет. Продолжал "*Eleusisches Fest*". День облачный и холодный.

13(25), *пятница*. Письмо от Тургенева и от Шамбо. Известие о смерти Пушкиной⁸ и о болезни Мердера⁹. Продолжал "*Eleusisches Fest*". Итальянец с обезьяною. День без солнца и довольно холодный.

14(26), *суббота*. Прогулка и "*Eleusisches Fest*". Убитый деревом бедняк и его плачущая жена.

15(27), *воскресенье*. Писал к Габбе и Тургеневу¹⁰. Мысли о Радовице¹¹. Портрет. — Маленький дождь и теплота. — "*Eleusisches Fest*".

16(28), *понедельник*. Продолжение портрета и "*Eleusisches Fest*". Прелестный, солнечный весенний день; луна и освещенное озеро.

17(29), *вторник*. Продолжение портрета. Прогулка и конец "*Eleusisches Fest*". День облачный и теплый.

18(30), *среда*. Продолжение портрета. Письмо от Жилия с печальным известием о Мердере. Письмо от Екатерины Афанасьевны. Болезнь Лотты¹². Гизан. День ясный и теплый, но с облаками.

19(31), *четверг*. Письмо от M-elle Wildermeth. От Северина. Послано письмо к Анштету. День пасмурный, но теплый; ветер.

20(1 *февраля*), *пятница*. Рейтерн в постели. Писал к Мердеру, великому князю и Жиллю. Письмо от Северина и Югеля. День холодный, сырой и снежный.

21(2), *суббота*. Письмо к M-elle Wildermeth. День поутру пасмурный; ввечеру сильный дождь и буря.

22(3), *воскресенье*. Письма к Карамзиным и к Бехтееву. День пасмурный и дождливый.

23(4), *понедельник*. Поправлял «Ундицу». Письмо от Коппа. Ввечеру чтение Тика¹³ и спор о Тике. Дождь и теплая погода.

24(5), *вторник*. У нас Бок с женою и дочерью. Прекрасный, солнечный весенний день.

25(6), *среда*. У нас Бланшне. Писал к Аренту. Рождение Радовица. Спор и ссора с Рейтерном. Прелестный день и еще более прелестная ночь. Сияние луны. Тишина гор и их отражение в озере. Тишина и шум ручья. Яркие

звезды в голубом паре. Светлая звезда в озере. Чудесный цвет западных облаков и контраст их блеска с синевой потемневших гор. Начал Галлера¹⁴. Absolutismus.

26(7), четверг. Писал к Вяземскому. У нас Лютерно. День ясный, чистый и дождь.

27(8), пятница. Писал к Козлову¹⁵, к Северину. Читал Радовица¹⁶. Потом повесть «Фалкенбург»¹⁷. Письмо от Лагарпа и Вьельгорского. Прекрасный ясный день.

28(9), суббота. Писал к Килю. Рисовал панораму. День теплый. Вечеру дождь.

29(10), воскресенье. Писал к Дуняше. Кончен портрет (лицо). День ясный и теплый. Гизан.

30(11), понедельник. Письмо к Лагарпу и Девело. Письмо к Анне Петровне¹⁸. Чтение сказки Лудвига XVIII¹⁹. День поутру ясный, после обеда облачный, ввечеру дождь, тепло. Звезды в небе с облаками, волнение и шум озера.

31(12), вторник. Письмо к императрице. У меня Лютерно. Ясный день. Усталость в ногах.

⟨Февраль⟩

1(13) февраля, среда. Письмо к Мердеру. День ясный, поутру дождь. К ночи сильный дождь и ветер.

2(14), четверг. Начал «Эллену»²⁰. День дождливый и ясный. Тепло. К ночи сильный ветер. Перемена порядка, обед в шесть часов.

3(15), пятница. Таблицы²¹. «Le Voleur»²². — День дождливый, временами ясный. К ночи то же.

4(16), суббота. Манети с эстампами. Усталость от смотрения. Лютерно у нас. Снег весь день. Письма от Мердера, Жилля и Перовского.

5(17), воскресенье. Выбор рисунков. День ясный с прохладой. Писал к Жиллю и Перовскому.

7(19), вторник. Прекрасный ясный день. Ночь удивительно звездная. Орион.

8(20), среда. Покупка у Манети. День сырой и дождливый. К вечеру сильный ветер.

9(21), четверг. Неудачное рисованье. У нас Лютерно. День пасмурный и холодноватый.

10(22), пятница. Рисовал с натуры. Начал чтение политическое. Письмо из Лифляндии. Прекраснейший день.

11(23), суббота. Рисовал. День пасмурный, но приятный.

13(25), понедельник. Рисовал. День ясный. Небо звездное ночью.

14(26), вторник. Рисовал. У нас Лютерно. День полужасный.

15(27), среда. Рисовал. День ясный поутру. К вечеру пасмурно. Слабость.

16(28), четверг. Рисовал. У нас Лютерно. День пасмурный. Ввечеру дождь.

17(1 марта), пятница. Рисовал. День дождливый.

18(2), суббота. Рисовал. День ясный. К вечеру дождь.

19(3), воскресенье. Рисовал. У нас Steinly. Прелестный день, прелестная лунная ночь.

20(4), понедельник. Рисовал. Первая прогулка по горам. Вид на кладбище. Вид сквозь виноградные стены. Вид на озеро сквозь деревья. Вид Шателара из деревни. Вид деревни. Вид Шателара над ручьем. Два вида у каскада. Вид зеленой поляны, покрытой цветами под сению деревьев. Дорожки между виноградников.

21(5), вторник. Гулял по горам. В Шателаре. У нас Лютерно. День ясный.

22(6), среда. Рисовал. Прогулка к Шильону. Ленъ пасмурный. К вечеру дождь.

23(7), четверг. Рисовал пером. День дождливый.

24(8), пятница. Письмо от Тургенева. Рисовал. Письмо от императрицы. День дождливый.

25(9), суббота. Снег. Рисовал. Зубная боль. День холодный.

26(10), воскресенье. Головная боль. Рисовал. Вечер ясный и светлый.

27(11), понедельник. Рисовал. Посылка от Манети. День прекрасный. Находка письма Лютерно. Прогулка по горам.

28(12), вторник. Рисовал. Рейтерн в Веве. Письма от Жилля и Шамбо. Известие о смерти Гнедича²³. Гулял по горам. У Лютерно. День серый.

(Март)

1(13) марта, среда. Рисовал. Читал Галлера. День снежный.

2(14), четверг. Читал Галлера. Писал к Мердеру. День пасмурный и холодный.

3(15), пятница. Писал к M-elle Wildermeth. Поездка в Веве. У Жантона, у Бланшне, Мильна и Бока. Возвращение пешком и чудесный вечер. Амфитеатр гор. Величественность гор и их огромность от снега; формы; фиолетовый цвет. Прелесть вида в Валлисскую долину: Dent du Midi, Pain de Sucre, les dents de Morcles; скала круглая над Шильоном, Dent de Jamant. Тишина и свет солнца. Стены виноградников, покрытые плющом. Захождение солнца за Юрою; столб на воде. Край фиолетовый, на нем паруса. Лодка с парусом, ее след и солнце сквозь паруса. На противном берегу пар и сквозь него дома. Обрезанные вернекские горы, белеющие от неба. Контраст живости запада с таинственной темнотою гор на востоке. Тишина лодок. Изменение цвета из голубого в фиолетовый. Ярко-голубое небо под освещенными вершинами. Разные звуки вечерние: голоса на лодке, шум вёсел, пенье гребцов; чистота и свежесть вечернего воздуха. Пурпур в пространстве. Чувство веселия. Ввечеру чтение милого Бредерло²⁴.

4(16), суббота. Читал Галлера. У нас Лагарп. Разговор о Галлере²⁵. О Польше. О воспитании императора Александра. Его переписка с Лагарпом. О Сиверсе. О письме к Лагарпу государя по восшествии на престол. О письме к Наполеону²⁶. О федеральном договоре²⁷. О базельской революции.

О путешествии по Италии великого князя Михаила Павловича. Черта чувствительности Лагарпа при виде рисунка Александрова гроба. Вечеру чтение безумно(го)...²⁸

5(17), воскресенье. У нас Лютерно. Читал Галлера. Вечеру "*Politisches Wochenblatt*". День дождливый.

6(13), понедельник. Рисовал. День ясный, но зимний.

7(19), вторник. Читал Галлера. Письмо от Жилля. Прелестная прогулка к Варенне и к Пертюю. Выход вверх по горе вдоль потока. Роща. Вид на колодезь в Варенне. Живописные дома в Пертюю. Дверь, сквозь которую видно озеро и весь поток. Дорога по виноградникам к Монтрё. Сход по верхней дороге в Верне. Чудесное захождение солнца под синими снежными тучами. Озеро свинцового цвета, и на нем лодка с распущенными парусами и серебряным следом. Вся сторона Веве в пару. По озеру на темно-синем фоне багровые столбы; солнце между тучею и Юрою. Мысы на савойской стороне и от каждого багряная полоса. Огненный багровый пар на одном из мысов. Полосы падающего снега на горах также багряные. Край облаков и край Юры яркого золота. Встреча с двумя бернскими красавицами. Вечеру чтение "*Politisches Wochenblatt*".

8(20), среда. Рисовал. Грек и духи. Прелестная прогулка по горам. Сперва через Верне в Варенн, оттуда верхом в Монтрё. Вид на озеро от утеса. Ущелье, покрытое деревьями. Ручьи, шумящие в овраге. Наклоненные деревья и сквозь них заходящее солнце. Фиалки букетами. Высота. Мелкость деревень. Люди на дороге. Ясное захождение солнца за Юрою. Солнце как факел на горе. Голубая стена Юры. Вечеру чтение.

9(21), четверг. Прогулка поутру через Монтрё в Вето и оттуда назад в Верне. Тот же вид с утренним освещением. Холодная биза. К Лютерно. Перед обедом прогулка через виноградники к потоку. У нас Гизан. Вечеру чтение глупого Шпацера.

10(22), пятница. Утренняя прогулка в Шарне вверх по горе в ½ 11 часа. Вид внизу через рощу. Трактир в Шарне. Вид на вершины гор, выходящих из-за зеленой поляны. Вид от трактира; на первом плане зеленая площадка с деревом и все домашние утвари, из-за них снежный Мельерийский утес; внутренность утесов и глубоких долин, покрытых снегом. Голубое озеро. Дорога от Шарне к Шателару через виноградники. Вид Шателара на переднем плане. Солнце и озеро сквозь ворота. Дорожки между виноградниками. Письмо от Мердера, великого князя и Вяземского²⁹. Перед обедом прогулка в Вильнёв с Лютерно. Снег. Пляска солдат на поляне. Встреча с немым и опрокинутый мул. Больной на дороге. Возвращение пешком. Холодный вечер.

11(23), суббота. Прелестная прогулка по горам. Вверх к Пертюю. Дорогою на верхние виноградники. Холм виноградников на высоте в глубине, окруженный другими холмами. Вид ограниченный. Кое-где вершины снежных гор. Далее по дорожке к стене утеса. Спуск по крутизне в ущелье. Освещенные зеленые луга на крутизне. Внизу поток по камням. Утес

с Zielscheibe*. Кругом утесы покрыты кустарниками. Впереди озеро и Мельерийские утесы. Одни кровли Монтрё за освещенным зеленым холмом, входящим полуостровом в ущелье. Шпиц церкви и дым. Поворот и вид на Монтрё, которого все улицы в глубине под ногами. Спуск в Монтрё. Возвращение через виноградники. Встреча с Лютерно. Вечеру чтение Галлера. Глазная болезнь Рейтерна³⁰. Весь день удивительно ясный, но холодный. Яркое захождение солнца.

12(24), воскресенье. Прогулка по дороге до самого Шильона. Возвращение мимо Монтрёской пещеры. Прекрасное захождение солнца под синюю тучею. Огненное пятно на озере свинцового цвета, потом синего, и огненные морщины на темном фоне. Багровое освещение Монтрё; мыс на пламенном паре; на остальных горах снег и синий туман. Вид от Шильона на Юру, которая вся в свете сквозь флёр падающего снега, нижние пологие берега как призрак; светлая полоса на краю озера и светлые полосы от всех мысов; оттенки красок берегов от темно-фиолетового до светло-голубого. Озеро темно-фиолетового цвета. Черное облако, как орел посреди света. Золотые края облаков над Юрою; снежная тонкая бахрома на ближних облаках, как складки занавеса. Вечеру чтение "*Politisches Wochenblatt*". Днем чтение «Апостола» и "*Semeur*"³¹.

13(25), понедельник. Прогулка по Монтрё на другую сторону оврага по крутому скату. Потом мимо церкви до Колонжа, сход через виноградники к кладбищу и на большую дорогу. Пляска под деревьями. День пасмурный и довольно холодный. Писал к Тургеневу³². Письмо от Жилля.

14(26), вторник. Писал к Вяземскому, Мердеру и Жиллю. Прогулка через Варен, Пертюи, Шарне, Cousun и Монтрё. Прелестное время: солнце в тумане. Небо и озеро слиты прозрачным туманом, сквозь который снежные горы, как волшебный мир. На озере тусклые полосы и пятна от солнца янтарно-розового цвета. Пароход с длинным, широким следом, посреди яркая волнистая черта, по бокам расходящиеся лучи, освещенные волнением. Прелестная дорога от Шарне к Cousun. От Cousun к Монтрё тропинка по краю глубокой ущелины, покрытой леском, в глубине которой невидимо ревет поток. Крутой сход к Монтрё. Туманный вид берегов и гор, между коими дымится пар. Чудесная таинственность и живительная свежесть воздуха. Вечеру разговор о Галлере.

15(27), среда. Новый план съездить в Неаполь. Отправил письма к Тургеневу и к Вяземскому. Прогулка на высоту над Монтрё от церкви по тропинке вверх, потом левою стороною потока до Пельза. Возвращение через Монтрё, мимо пещеры. К Fontaine d'ours**. — День прелестно ясный.

16(28), четверг. Читал Морица³³ и Штольберга³⁴. Поутру рисовал. Прелестная прогулка при ясном небе через Верне, Варенн и Пертюи к Шарне, оттуда через Пертюи сперва по верхней дорожке к Монтрё, от Монтрё

* мишень (нем.).

** Фонтан (источник) медведя (фр.).

к Варенн и Верне; виноградниками опять к Монтрё и нижнею дорогою домой. Чудесное захождение солнца. Облако над Юрою с золотою гривною; отражение гор в воде и из них утки с серебряным следом. Удивительная прозрачность и пар. Погребение в Верне. У нас Бок. Вечер чудесный. Четверть луны и яркий свет звезд; снова тонкий пар.

17(29), пятница. Смотр. Исключение выслуживших лета и включение запасных в élite. Elite, réserve, vétérans, dépôt*. Путешествие в Эгль. Рисование на лугу. Завтрак в Эгле. Возвращение от Роша, через Вильнёв и Шильон, домой. Прелестный вечер. Вид Вильнёва, освещенного заходящим солнцем. Горы в голубом дыму. Янтарное озеро; парус; остров Бонивара и Шильон в свете. Солнце село, когда я был у Шильона. Остаток дороги в сумерки. Ввечеру разговор о поездке в Италию.

18(30), суббота. Рейтернова глазная болезнь. Поездка в Вева. У Гизана. У Жантона. У Бланшне прощанье с Мильном. У Бока. У Демолена. Половина дороги пешком через Кларан и виноградники. Ввечеру чтение Шуберта³⁵.

19(31), воскресенье. Поутру писал к Императрице, к m-elle Wildermeth и к Северину. Поездка в Женеву. Прекрасный полуясный день. Переезд до Эвиана. В Ренна рисовал. Переправа через Рону. Porte du Sex. Огромный утес, у подошвы которого старинная крепость: башня и мост с бойницами. Здесь въезжают на Симплонскую дорогу. От Бовере начинаются каштановые рощи. Деревья час от часу крупнеют. Прекрасные формы; истребленные ветви и округленные вершины. С.-Женгу, с высокими над ним утесами. Видимая бедность народа, утесняемого таможнями. Виноградники с подпорками из каштановых деревьев и лозы, выющиеся по деревьям, как в Италии. Из С.-Женгу через Мельери в Эвиан. Живописный утес Мельерийский, побежденный Наполеоном³⁶. Вид на противные горы, освещенные заходящим солнцем. Ямы для жжения извести внизу дороги. От Максильи до Эвиана переход пешком в сумерки. Нечистый савойский Hôtel du Nord и две горницы, разрезаемые сквозным ветром, с дымящимися каминами.

20(1 апреля), понедельник. Из Эвиана несколько времени пешком. Горы понижаются. С противной стороны Юра. Слева пологие берега, покрытые каштанами. Миндальные и персиковые деревья в цвету. Виноградники. Архитектура хижин более итальянская. Замок Рипальи. Церковь, обращенная в овин. С одной стороны переходы. Часть келий обращены в террасу, на коей виноград. Кругом равнина, покрытая деревьями, из-за них Савойские горы и Вадские. Вид беспорядка. Рассказы садовника и его дочери, привратницы аббатства. Старый хозяин. Собаки и куры. В Тононе завтрак в нечистом трактире, в итальянском вкусе, с вонью, запачканными мебелью и картинами в золотых рамах. Погребальная процессия. Монахини, похожие на ведьм, и милосердные братья в засаленных капюшонах. На площади эзерциция**. От Тонона до Женевы дождь. Встреча с старушкою, которую

* Отборные войска, резерв, ветераны, нестроевые (*фр.*).

** От *фр.* l'exercice — военное учение.

несли на плечах дочь попеременно с сестрою и братом. Дождь, испортивший прелестный вид. В Женеве в Esu de Genève в двух довольно беспокойных горницах, с камином без крыши. Свист ветра. Встреча с Швальгеймом. Вечеру в пансионе Прива³⁷. Записка к Голицыной.

21(2). У нас Прива, Мильн, Швалгейм. Письмо официальное к Северину³⁸. К Шаванну. В Prison pénitencière*. Вход с решетками. Полукруглая инспекционная зала, из коей вид на все рабочие комнаты. Беспрестанный надзор глазом и слухом; отделение преступников от временных заключенных и от молодых; для каждого отделения свой двор. Особые лестницы для преступников в рабочие комнаты и в кельи. Их беспрестанная отдельность. Кельи светлые, но с видом только на небо. В кельях постель, с бельем за номерами. Постельное белье на месяц; прочее ежедневное. Горшки и нужники с водою. Чистый воздух. Молчанье в рабочих и кельях. Надзор за кельями. Звонки из каждого отделения. Вход в церковь и отдельность в церкви. Двойная стена. Кухня и печи внизу. Вода вверх посредством насоса. Особенности лестницы для директора и служителей. Смертная казнь. Покушение уйти из тюрьмы. Пища. Поутру суп. Потом картофель и хлеб. Полдник. Летом от 5 утра до 7 вечера. Зимой от 5 до 9-ти. Поездка через Жанту в Верзуа. Греческий священник. Пенье и альбом. О графине Сиреккур, Хлюстиной и Шатобриане. Весь день дождит и холод.

22(3), *среда*. Отъезд из Женевы в 9 ½ часов. До Эвиана дождь. Возвратились в половине осьмого.

23(4), *четверг*. Писал к императрице. Прогулка к Пертюи и оттуда к Шарне. Сход прямо вниз.

24(5), *пятница*. Прогулка через Шателар.

25(6), *суббота*. Писал к Императрице и отправил письмо, также и к Северину. Поездка в Лозанну к Лагарпу. Нынче день его рождения. Заезжал в Вева на почту. День прекрасный. Часть дороги от С.-Сафореня до Кюлли пешком. Лучший вид на озеро от С.-Сафореня. У Лагарпа до семи часов после обеда. Встретил на лестнице его жену. Потом пришел сам старик, который нынче вступил в 8-мидесятый год. По своим летам свеж и жив. Дитя сердцем и, кажется, опытностию и по сию пору живет в мире воспоминаний лучшего. В душе демократ, но истинный и чистый. Мы читали письма Александра, цвет молодой, доброжелательной, неопытной души. Лагарп хранит перчатки Павла³⁹, данные ему в минуту дружеского интересного разговора, и с ними вместе приказ об отнятии пенсiona. В последнем разговоре с Павлом он сказал ему: "Vous ne vous conduisez pas comme vous devez avec vos fils. Soyez père par dessus tout et faites leur oublier en vous l'héritier du trône. Je ne puis, je n'ose vous rien dire de plus, mais votre propre salut l'exige"**.

* Исправительная тюрьма (*фр.*).

** Вы поступаете с вашими сыновьями не так, как должно. Будьте прежде всего отцом и заставьте их забыть, что вы в то же время наследник престола. Я не могу, я не смею прибавить что-либо к этому, но этого требует ваше собственное благо (*фр.*).

Эти слова Павел вспомнил за 15 дней перед смертью. Письмо Александра⁴⁰, писанное ему в 1801 году и присланное с Новосильцовым, весьма достойно замечания: мечты младенца. Александр жалуется на тиранство отца, с ужасом говорит о деспотизме, тоскует о себе, что принужден заниматься капральством и лишен способа обращать внимание на другие, лучшие занятия, столь ему любезные. Говорит об обществе, составленном им, Новосильцовым, Строгановым и Чарторыжским, коего цель освобождение России. Между прочим способ к тому есть перевести лучшие книги, из коих те, кои будет возможно, издадутся в печать, а другие оставлены будут до времени. В другом письме, писанном скоро по восшествии на престол, Александр говорит об окружающих его людях, о трудности согласить страсти и направить к одной и общей цели — благу отечества. Не помню, в первом или во втором письме говорит он о своем намерении совершить освобождение России, дать ей конституцию свободную и, укоренив ее благоденствие, сойти с трона и быть простым гражданином. По приезде своем Лагарп имел разговор с ним о убийстве Павла, после сего разговора он написал ему замечательное письмо о сем происшествии, в коем советует предать суду убийц и тем самым смыть с себя обвинение в участии. Александр называет 3-х человек убийц, прочие только свидетели. Панин хотел играть роль Ришелье⁴¹. Лагарп читал еще свой проект учреждения министерства просвещения. С нами обедали: Пердонне и Шаванн и M-e Reveren, сестра г-жи Лагарп. Я возвратился домой в 10 часов при свете полной луны, которая прелестно освещала противоположные горы. Меня ждало письмо Северина, которое решило мое путешествие через Марсель в Неаполь.

26(7), воскресенье. Светлое Воскресенье по новому стилю. Читал Шуберта. Гулял к Бюри через холмы. Прелестная зелень. Вечеру чтение Шуберта.

27(8), понедельник. Читал Бунзена⁴². Весенний дождь. Прогулка по дороге. У нас Швалгейм. Вечером чтение Шуберта.

28(9), вторник. Поутру читал *Itinéraire*⁴³. У Бридель. Прогулка к утесу над Вето. Вечеру чтение Шуберта. Письма: к Вяземскому, к Шамбо, к Великому князю, к Вильдермет, к Лютерно.

29(18), среда. План Рима и чтение Нейгебаура⁴⁴. Прогулка к Шателару. Вечеру чтение Шуберта. Письма к Северину и Голицыной.

30(11), четверг. Выписки из Нейгебаура. У нас Бок. Поездка в Веве. На почту, к Жантону, к Бланшене, к Гизану. Письма от Мердера, Арента, Кавелина, Жилля и Плетнева. Вечеру план путешествия.

31(12), пятница. Целый день укладывался. Дождь.

(Апрель)

1(13) апреля, суббота. Отъезд в Женеву.

Путешествие в Италию⁴⁵

1(13) апреля, суббота. Выехали поутру в 10 часов. Болезнь Лотти. В Веве у Гизана, Жантона, Бланшне и Бока. Боку оставил две тысячи франков на сохранение. День сначала серый и дождливый, и дорога довольно печальная от разлуки и беспокойства. Вид двух С.-Сафоренских каскадов, наполнившихся от дождей. Мысль о жизни почтальона. Обедали в Лозанне в Fauscon с тремя товарищами. При приезде в Ролль дождь перестал. Курьезные рожи в коляске. Нион. Замок Пренжен, принадлежавший Иосифу Бонапарте. В Женеву приехали около 9 часов. Чудесный вид Юры с дымящимися облаками и громадою туч, на ней лежащих. В Женеве писал к Прива и Лютерно.

2(14), воскресенье. В Женеве. У нас Лютерно, Швалгейм и Прива с Андрюшею. Слушал обедню в греческой церкви. К(нягиня) Голицына (10 франков). Выехал поздно в 2 часа. До самого ночлега преследовала нас дурная погода, дождь, снег и холодный ветер. Все сцены Юры были потеряны. Изредка на минуту выходила она, снежная, из дождливого тумана, но скоро скрывалась. Великолепное положение Fort de l'Écluse и вид на Рону, зеленеющую и кипящую внизу. От мрачного неба и мысли сделались мрачны. Хотели ехать до Nantua, но принуждены были ночевать в худом трактире в Бельгарде, где таможенные досмотрщики были учтивее погоды. Виргиния⁴⁶ и два дымящихся камина. Худая ночь от мрачных мыслей.

3(15), понедельник. Поутру несколько раз показывалось солнце, прерываемое дождем. Выехали в шесть часов с четвертью, надеясь доехать до Лиона. Обедали в Cerdon, где кончилась дорога Юрою, весьма широкая, но худо защищенная от каприза лошадей. Горница, увешанная подвигами Наполеона. Bougre*. Légion d'honneur** на крыльях Амура. Разговор о предчувствии. Перед Цердоном великолепный спуск мимо огромных утесов; на высочайших из оных развалины замков и каскады. Внизу глубокая зеленая долина, по коей быстряся ручьи, после текущие быстро по равнине. От Цердона до Pont d'Ain было еще по временам обманчивое солнце сквозь дождь и снег, и мы могли взглянуть на мост через Эн, железный и легкий. Но от Pont d'Ain исчезла надежда на погоду и возможность доехать до Лиона. Дождь начал лить ручьями. Мы принуждены были остановиться ночевать в Méximieux и, к счастью, нашли порядочный трактир, но уже на италийский манер с кирпичным полом. Засим, отправясь в кухню, узнали мы к своему успокоению, что нам не должно спешить в Лион к пароходу, ибо он отходит в 5 часов утра. Невозможность нас утешила. Но ночью преследовали меня мысли черные, как ночь, и болтливость старой служанки была не великою помощью. Паспорты и жандарм в Pont d'Ain. У нас спрашивали паспорта при въезде за границу, в Белгарде, в Нантуа, в Цердоне, в Пон д'Эн. Инвалид почтальон и усталые лошади.

* Добрый малый (фр.).

** Орден Почетного легиона (фр.).

4(16), вторник. Отдохнувши порядком, в половине девятого отправились в путь. От Мексимье до Лиона не более четырех часов с половиною. Всю ночь шел дождь. С нашим выездом небо прояснилось, и погода была холодно ясная, выключая нескольких коротких дождевых эпизодов. Страна ровная и веселая и гораздо лучше жилищ человеческих. Удивительная нечистота, и беспорядок в домах и деревнях. Ребятишки в лохмотьях; нет никакого признака веселия домашней жизни; виноградники не украшают, а гадят стены, сбитые из глины с какими-то странными узорами; всё набросано в куче. Решительная противоположность Швейцарии и в особенности Женевскому кантону. В Лион въехали через предместье S.-Clair. Ряд высоких домов, между коими весьма немногие напоминают времена до революции своею старинною архитектурю. Много домов в шесть и семь этажей. По берегу Роны идет чистая набережная и аллея негустых деревьев. Три моста: Pont rouge или Pont Моран, Pont de Charles X, перекрещенный Лафаетовым, и Pont de la Guillotière перегибают через Рону. Мы остановились в Hôtel de l'Europe, недалеко от Пласе, на коей стоит бронзовая статуя Лудвига Четырнадцатого и два огромных здания, построенных Наполеоном. Отдохнув немного, пошли по городу, сперва на почту, которая привезла хорошие известия из Верне, потом по набережной, в контору пароходов мимо огромного и величественного госпиталя. Город напоминает Париж и зданиями, и узкими нечистыми улицами, но не столько толпы. В Hôtel de ville* две бронзовых статуи Роны и Саоны. На башне прекрасный барельеф Генриха IV, в коем схвачен характер доброго короля. Купил зрительную трубку. Обед довольно хорошо приготовленный. Мы заняли комнаты Сульта или герцога Орлеанского в последний мятеж фабрикантов. (Рассказ лакея довольно оппозиционный.) В театр. Прекрасное здание, но не огромное, два этажа лож, над ними два ряда галерей, балкон в три скамейки, партер и паркет; выкрашен белым. Ложы разделены пилястрами белыми с золотом. Занавес простая зеленая занавеска с золотою бахромою. Прост и красив, и хорошо слышно. Играли "*L'amour et la raison*"⁴⁷ — Pigaul le Brun, "*Marie*", opéra de Héraul⁴⁸, бесхарактерная музыка и глупая пьеса, и наконец балет "*Almavive et Rosine*"⁴⁹. Альмавива прекрасный статный мужчина и хороший тансер**. Розине также весьма аплодировали, но ничего необыкновенного; прочие также не отличны, но есть ensemble. Сцена перед зеркалом весьма удачная. Вид из окон на Саону. Мост: за мостом улица, ведущая на гору к Notre Dame de Fourvière, и кафедральная полуготическая церковь. Сцены на площади перед трактирами. Мальчики с обезьянами. Фигляр. Le badaud français***. Омнибусы. Дилижансы. Разные толпы. Qui veut le papillon?****

* Ратуша (фр.).

** От фр. le danseur — танцовщик, артист балета.

*** Французский зевака (фр.).

**** Кто хочет бабочку? (фр.)

5(17), *среда*. Поутру с лон-лакеем, старым, свидетелем революции, к мянле, который взял за золото по 15 франков с 1000, в контору пароходов. Возвратясь, читал несколько Шуберта⁵⁰, потом отправились ходить. Через Саонский мост по великолепному солидностью мосту в архиепископство, старинное здание, в коем останавливались короли, приезжая и проезжая через Лион. Наш лон-лакей в 1815 поутру служил за завтраком графу Артуа, а в пять часов пополудни снимал уже шинель с Наполеона. “Déjeunez, messieurs, — сказал граф Артуа своим спутникам, — car nous ne savons pas, quand nous dînerons”*. Церковь Notre Dame, прекрасной готической архитектуры в три разделения. Из твердого камня, почерневшая совершенно от времени; она много претерпела в революцию, все статуи святых или разбиты, или без голов; цветные стекла великолепной работы были уничтожены, некоторые уцелели, часовня Лудвига Святого замечательна своею резьбою; арабески, вырезанные из камня, стоят Рафаелевых. Мы видели старика, который, не заботясь о проходящих, набожно читал по книжке свою молитву. Удивительно трогательное, почтенное лицо: сердце к нему стремилось. В церкви еще заметил старинные часы, похожие на гейлбронские и кельнские. Портал очень прост, хотя покрыт искусною резьбою. По 219 ступеням лестницы, называемой *rousse-cul*** , взошли на гору Fourvière и слышали, как усатый офицер в нежном разговоре с двумя сопровождающими ему дамами употреблял выразительное слово *bougre****. С башни на горе (135 ступеней) великолепный вид на весь Лион, черневший в темном дымке каменных угольев; дома кажутся утесами. Мы стояли на месте древнего Лугдунума. На севере гора *la Croix-Rousse*, предместье *S.-Clair* и дорога в Женеву. Внизу перед глазами Саона с тремя мостами и за нею Рона также с тремя: Морандов, Лафаетов и Гильотьерский. Весь главный город лежит на полуострове, образуемом Роною и Саоною. Там, где Саона впадает в Рону, мост. Замечательные здания, видимые сверху: музей, театр и *Hôtel de ville*; *Place Bellecour* с статуею Лудвига XIV и огромным домом, построенным Наполеоном, *Hôtel-Dieu* и церковь *Notre Dame*. За рекою дорога в Гренобль, в Марсель. Предместье Гильотьер покрыто новыми зданиями. На восточном горизонте Альпы, и над ними Монблан. На юге церковь святого Ириней, под коею катакомбы. Здесь много остатков римского времени. На башне нашли книгу, в которую записывают путешественники имена свои. Много сентенций; но времени не было читать. Одну я заметил: *Qu’est ce que Dieu? L’univers. Ne fais pas à autrui ce que tu ne veux pas qu’on te fasse, seule et vraie religion*****. Я подписал: *Cette réponse est faite par un homme qui n’a ni cœur, ni tête, qui existe*

* Завтракайте, господа, так как мы не знаем, когда мы будем обедать (*фр.*).

** «толкай в зад» (*фр.*).

*** Черт возьми! (*фр.*)

**** Что такое Бог? Вселенная. Не делай другому чего ты не хочешь, чтобы делали тебе, — вот единственная и истинная религия (*фр.*).

ici bas pour végéter, mourir et pourrir*. Близ башни часовня Notre Dame de Fourvière, старинное здание с резным образом Богоматери; статуя зашешана ex voto**. После обеда провели дома.

6(18), четверг. В три часа встав, в половине пятого отправились на пароход. Рыцарский подвиг в пользу неизвестных нам соседей, которые едва не пропустили парохода. Отправились с места в пять часов и десять минут; а в четыре часа пополудни были уже в Авиньоне. Пароход был набит пассажирами. На палубе хаос ящиков, людей, собак, экипажей; в тесной общей каюте все места были заняты спящими пассажирами, дамами вяжущими и мужчинами, читающими газеты; содержательница ресторации беспрестанно бегала, и всякий требующий получал свою порцию. Мы с Рейтерном пробыли всё время на палубе, предпочитая холодный мистраль стесненному воздуху каюты. Берега Роны мимо нас мелькали, и пароход быстро пролетал под железными мостами, коих мы насчитали более шести. Самый лучший в Валансе. Из Лиона, где не было еще много зелени, очутились мы в несколько часов посреди расцветшей весны в Авиньоне. Берега вообще плоски, но в некоторых местах живописные утесы. Мы проехали мимо классических берегов бургонского вина: Кандрие, между им и Турноном Côte-Rôtie; близ Турнона у местечка Tain Croze и Hermitage. Близ Валанса С.-Перре, потом у Лориола vin de Brézan (бордоское, бургонское). Все виденные места исчезали как минутные привидения. Несколько горных утесов, несколько живописных замков феодалов на высотах их, кафедральная церковь Виенны, мост S.-Esprit, построенный монахами, под коим пароход пролетел как стрела, наконец Авиньон с своею зубчатою оградой и остатком древнего моста — вот всё, что осталось, как бледная тень, в памяти. Встречи были на пароходе довольно интересные: Roussan fils, marchand de coton, bon vivant***, который говорил языком нынешнего времени; молодой, меланхолический путешественник, вероятно, карлист, возвращающийся в Авиньон к родным после нескольких месяцев разлуки, который очень умно рассуждал о состоянии политическом, религиозном и литературном нынешней Франции и о с(ен)-симонистах; толстый гражданин Валансы, довольно умный и образованная середина между первыми двумя; молодой, прекрасный сосед наш в лионском трактире, который ни с кем не вступал в разговор, или дремал в каюте, или сидел с женою в коляске, вероятно, аристократ нынешнего покроя: вот все воспоминания парохода. В Авиньоне остановились в Hôtel de l'Europe очень хорошо устроенном, и отобедав с аппетитом, отправились в путь до Оргона, где в трактире "A la vieille poste"****, принадлежащем экс-почтмейстеру карлисту, ночевали довольно покойно,

* Этот ответ дан человеком, у которого нет ни сердца, ни ума, который живет в этом мире, чтоб прозябать, умереть и сгнить (фр.).

** по обету (лат.).

*** Руссан-сын, торговец хлопком, бонвиван (фр.).

**** «На старой почте» (фр.).

угощаемые двумя красивыми дочерьми трактирщика. Прованс не живописен; чем ближе к морю, тем пустее виды. Дорога весьма дурная и избитая. Бледные оливковые деревья не украшают ее, а прибавляют к печальному виду природы. Между Авиньоном и Андиолем мы переехали через Дюрансу, провожаемые резким мистралем, который здесь ужасно ободрал утесы и оголил их.

7(19), пятница. Из Оргона через Экс приехали к 4 часам в Марсель. Окрестности дороги час от часу пустынее; но над ними прелестное голубое небо. Несмотря на солнце, мистраль колот нас вдогонку. Экс лежит посреди живописной долины; но от него до Марселя сторона так дика и пуста, что глазам больно смотреть на нее. Всё сожжено и покрыто пылью, и дома не отличаются от утесов, на коих стоят; ни следа домашней жизни. Вид на Марсель от Vista прелестный: голубое море с голубыми серо-фиолетовыми горами и остров, утесненный у берегов, прелестны. От триумфальных ворот проехали вниз по широкой улице, напоминающей своею аллеею берлинскую Липовую улицу. Вид великолепный. Бездна бастионов, но без зелени, некрасивой архитектуры; на них смотреть жарко. В зданиях Марсели я пока не заметил ничего необыкновенного. Театр тяжелой архитектуры; триумфальные ворота; мало зелени, от чего вид более ослепителен, нежели приятный. Остановились в Hôtel Beauveau. Первая встреча князь Тюфякин, возвратившийся из Неаполя. Я в народную контору и к консулу⁵¹, потом на почту. Возвратясь, нашел Рейтерна больным, что, может быть, лишило меня Италии. Увидим, что будет. Вечер прошел печально; его развеселил доктор Corvieg, хороший медик и пламенный республиканец.

8(20), суббота. Марсель. Визит нашего консула, пароходного спутника Руссана и доктора. Есть, кажется, еще надежда кончить начатое. Был в конторе пароходов. Ходил по набережной. Пристань глубокая и обширная, вмещающая от 1500 до 2000 кораблей. С правой стороны бездна товаров в лавках; вывески на палатках, служащих защитой от солнца для пешеходов. Встреча с с(ен)-симонистами, одетыми в красные шапки и панталоны, с голубыми мантиями (les compagnons de la France*). Ездил на лодке на пароход Ferdinand и решил взять место на этот пароход. Время, кажется, установилось. Гуляли по той же набережной вместе с Рейтерном перед обедом. Чувствительное влияние юга, видимое в физиономиях. Смуглые лица, сверкающие глаза и полуоткрытый рот. Разительная небрежность в одежде и запачканность нищих. Игры ребят: две жопы и одна голова вместе. Пряники и драка. После обеда был у Бланшне, живущего в rue de Grignan, в которой есть остатки дома маркиза Гриньян, бывшего губернатора Прованса, зятя M-e Sévigné. Видны ворота и часть замка; остальное застроено новыми зданиями. У Бланшне просидел час и возвратился домой. Вечер провели с Бланшне и нашим консулом. Город (та часть, которую нынче видел) прекрасно выстроен: широкие улицы, вымощенные широкими

* товарищи Франции (фр.).

камнями, по коим идти весьма покойно. На Place Royale стоит большой сарай для военной стражи, загораживающий всю прекрасную площадь, которой украшением служит великолепный фонтан, построенный Карлом X. Мой проводник утверждает, что в городе весьма много порядочных ресторанов.

9(21), воскресенье. Марсель. Поутру дѣла. Обедали у Лабанда в его загородном доме. Разговор за столом с реформатским пастором о смертной казни⁵². Вид с павильона на Марсель: бесплодность утесов и утесистого грунта, покрытого мохом. Деревья не густые и не тенистые. Маслины, сосны, исполинская шелковица. Здесь солнце светит и не радуется. После обеда к Бланшине в его сельский дом, стоящий у подошвы голого утеса, на коем возвышается Fort de Notre Dame de la Garde. Здесь был священный лес, описанный Кесарем и Луканом⁵³. Дом беспорядочный и не веселый, осеянный соснами. Кругом дичь и нечистота. Места, где растет более деревьев, нездоровы от скопляющейся сырости. Многие жители предпочитают в летние жары июля и августа жить в городе и возвращаться за город в сентябре, до января. От Бланшины возвратились в трактир, где встретил нас Антон Чичерин, приехавший из Флоренции. С ним вместе в театр, где давали сцены из "*Barbier de Séville*"⁵⁴. В антракте читал актер или, лучше сказать, ревел стихи Méry⁵⁵, в которых самое надутое было аплодировано с шумом. Вечер просидел у нас Чичерин.

10(22), понедельник. Марсель. Поутру делал покупки. Завтрак у Бланшины с доктором Лотиром, с нашим консулом. Разговор о древностях Марсели и о нынешнем состоянии Франции. Вечер были у меня русский консул и А. Чичерин; болтовня последнего и воспитание.

11(23), вторник. Отправление из Марсели на пароходе Фердинанд в 8 часов с половиною. День ясный и тихий, но не жаркий. Прошли мимо белых утесов Марсели, столь же белых Тулона и видели зеленеющие берега Гиеры с ее померанцевыми садами, прошли между берегом и островами, коих пять. Покрыты зеленью, но безлесны. Горы представляют вид приятный. Они пропали из виду около 6 часов пополудни. На пароходе пассажиров не много. Два молодых француза⁵⁶: Roger de la Bastide и La Tessonnière, путешествующие для удовольствия; пожилой француз с женою, которой худо от морской болезни; два италианца, из коих один возвратился недавно из Сицилии. Пароход идет тихо. Я проклятый для моря и всё себя чувствую дурно. Ночь проспал хорошо. Луна и звезды. След фосфорический корабля.

12(24), среда. Ночь проспал спокойно. Поутру после завтрака морская болезнь взяла свое. Ночью проехали мимо Фрежюса, Антиба и Ниццы и были в виду Финале. Виды берегов великолепны. Вид картинный S. Maurizio, Oneglio, Alassio, Albenga. Залив Генуезский представляет цепь зданий и вилл. Время благоприятствовало для въезда в гавань Генуезскую. Великолепие зданий и галерные невольники по два на цепи. Контраст великолепия и бедствия человеческого. Города представляют одни пункты блестящие; но сколько промежутков мрачных: нечистота улиц, нищие, вонь. Визит осмотрщиков; в полицию со всеми товарищами парохода; сперва

вместе в Croix de Malte, где, к счастью, разлучились с толпою, и переселились в Aigle d'or (Aquila d'oro), великолепный трактир с мраморною лестницею, комнаты высокие с покойными постелями и коврами на полах. (Осмотр таможенный в воротах.) Глупость, заставившая меня выпить чаю с ромом вместо лимонаду, от чего часть ночи испортилась. Рейтерн остался дома, а я в театр. Великолепное здание, лучший, какой я знаю. Шесть рядов лож, по 30 в двух низших, 33 в четвертом и по 31 в двух верхних, всего на всё 155. Сцена огромная. Играли "*Il Pirata*"⁵⁷. Ensemble, хотя нет особенных талантов. Imogina и Pirata, прекрасные актеры. Но еще более поразил меня балет "*Étéocle et Polynice*"⁵⁸: пантомима, соединенная с музыкою, точность движений, согласенных с тактом, верность костюмов, живописность групп, умеренность в танцах, одним словом, превосходное целое. В этом зрелище вся живописная живость Италии; чувствуешь, что ты в стране живописи, поэзии и быстрых страстей, энергических в своем выражении, но минутных. Возвратился домой в ½ одиннадцатого и долго не мог заснуть от волнения, произведенного виденным, путешествием и чаем.

13(25), *четверг*. Генуя. Счастье нам изменило в Генуе. Проливной дождик, который скрыл от глаз ее прелести; надобно ограничиться осматриванием архитектуры. В 8-мь часов с половиною началось наше архитектурное странствование.

1. Palazzo Reale, в улице Бальбы. Уже старинное здание, купленное у фамилии Дурацца. Из замечательных горниц одна галерея, украшенная статуями, между коими «*Похищение Прозертины*» во вкусе Микель Анжа. Украшения других комнат не замечательны, но есть картины достойные внимания. Особенно «*Мария, умывающая ноги Спасителя*» Павла Веронского; «*Волхвы*» Иоанна Лейденского и «*Пастухи перед Спасителем*» Тициана; «*La confirmation*» d'Albrecht Dürer.

2. Университетский вестибюль, великолепные колонны, лестницы и переходы; мраморные львы.

3. Древний дворец Андрея Дориа, с стенами, украшенными фресками. Терраса. Сад с переходами. Вид на гавань. Лестница и трофеи А. Дориа.

4. Церковь Благовещения. Великолепнейшая в Генуе; своды покрыты позолотою, два ряда колонн красноватого мрамора разделяют церковь на три части, над ними своды, украшенные фресками. «*Святая вечеря*» Прокачини.

5. Palazzo Serra. Богатая комната с великолепно вызолоченными колоннами и зеркалами, стоившая, говорят, 1.200.000 франков, что невероятно; ничего, кроме позолоты. Тяжелое чувство. Портрет хозяйки в красном бархатном платье, которое написано прелестно.

6. Palazzo Durazzo. Великолепный вестибюль и лестница из белого мрамора.

7. Кафедральная церковь Св. Лаврентия из белого и черного мрамора, это великолепно извне, а внутри портит главное действие. Замечателен особенно придел Иоанна Крестителя, в коем хранится его прах. Саркофаг, в коем он привезен из Мирры генуэзцами. Гроб Фиески.

8. Дворец дожа. Две залы Большого и Малого Совета. Место трона в первой и во второй с полукругами для сенаторов. Малая с вызолоченными пиластрами. Большая: с нишами, в коих находились мраморные статуи дождей и кои теперь замещены гипсами в холстинных платьях.

9. Церковь Стефана. Старинное здание, замечательное великолепной картиною Рафаеля, изображающею избиение камнями с(вятого) Стефана. Верхняя часть Рафаеля, нижняя Иулия Романа, но достойная учителя. Фигуры Спасителя и Бога Отца, контраст мученика с бешеными мучителями. Всё это Рафаэль.

Контраст великолепия с нечистотою. Итальянцы любят украшения в своих нечистых лавках. Но все сии украшения не имеют в себе ничего привлекательного; тихая жизнь здесь не окликается. Чувствительно, что прибыток, какой бы то ни было, и чувственное наслаждение туманят каждого. День несколько прояснился, когда мы возвратились на пароход. Там всё было загромождено экипажами принцессы Лейхтенбергской, едущей во Флоренцию с дочерью; полдюжины горничных девушек, несколько попугаев, ящичков, узлов, ящичков и прочее, целый хаос. Скоро явились сами путешественницы, пароход тронулся, и началась качка. Дамы скрылись, и ночь их была незавидная, так же, как и наша, ибо шел сильный дождь и очень качало. Я не спал; но тошноты не было.

14(26), *пятница*. К утру прояснилось; но утро было холодное. Наконец, перед Ливурною всё сделалось ясно; но холод продолжался. Сцена или, лучше сказать, приступ на наш пароход лодочников достоин Италии. Ливурна не замечательна зданиями, но живой город. Мостовая превосходна. Нищие приводят в бешенство своею неотступностью; но здесь всё нищенствует: не любопытство, не доброжелательство заставляет их глядеть на путешественника, а надежда что-нибудь взять от него. Мы остановились завтракать в *café Minerva*. Я отправился на кладбище. Долг свой милому праху Саша⁵⁹ заплатил только биением сердца при приближении. Остальное смущено поспешностию, помехою; я срисовал милый гроб наш. Место тихое и ясное. Возвращаясь в Ливурну, отправился в Пизу: сторона италийской равнины Арно, по которой прядутся белые паруса; зеленые дубы; *cassine** живописные, но нечистые, с окнами без стекол; в дверях работницы с своею пряжею, возы древней формы запряжены волами; над этою зеленою равниною, на коей кое-где чернели пинии, голубые Альпы и Аппенины и прелестные здания Пизы. Город прекрасный, но как будто вымерший; на великолепной мостовой иногда попадает не более трех человек при переходе через улицу; прекрасная набережная Арно с маленькою готическою церковью *Maria Spina, Longarno, maison Lenzi*. Случай меня привел остановиться в трактире окнами против окна, в коем сидела Саша, и против той башни, которая своим звоном ожила ее последнюю ясную минуту. Я входил в дом, но не видал горниц, в коих теперь живет *M-e Perdonnet*. Первый ход в кафедральную церковь: чувство

* домишки (*ит.*).

изумления, производимое ее сокровищами, есть болезненное. Видишь Италию, а нет времени насладиться. Картины главного алтаря, между коими особенно святая Екатерина A(ndrea) del Sarto, «Жертвоприношение Авраама» и «Снятие со креста» поражают душу. Всё остальное потревожило ее, как великолепный сон; ряд колонн, стены из черного и белого мрамора, потолок времен Медичисов, несколько великолепных фресков и мозаика над главным алтарем — всё чудесно. Двери бронзовые, под руководством Иоанна Болонского изваянные, фасад здания разительны. Площадь, поросшая травой, на коей он стоит, окруженный другими зданиями, говорит о минувшем величии. Тут Баптистериум, Campo Santo⁶⁰ и наклоненная башня. Эффект последней нарушитель. Баптистериум чудесное здание. Величественная архитектура, свод, эхо, особенно кафедра из разных мраморов с множеством барельефов на колоннах, поддерживаемых львами, поражает своею смелостию. Архитектура Campo Santo приводит в изумление своим величием и легкостию и землею из Палестины. Всё это великолепный монумент древней славы. Стены покрыты фресками Жиотто, Буфалмако, Органья. Это бездна, для которой нужны не часы, а годы. Тут видишь начало живописи. (Черт, сажающий на вило Наполеона.) В стене множество надгробных памятников. Особенно поразительны два древних бюста, Адрианов и Брутов, неизъяснимо превосходные. Мавзолей графини Шуваловой величественный, но дурной. Множество древних гробов, урн, барельефов и бюстов. Маленькая голова Микель Анжа. Бронзовый гиппогриф из Карфагены. Несколько фресков Жиотто, вырезанных из стены. Отсюда возвратились домой усталые, через Рыцарскую площадь и некоторые улицы, говорящие своими зданиями о древней Пизе. После обеда ходили по Longarno. Ночь была спокойная.

15(27), суббота. Поутру в 8-м часу рисовал из окна. Осматривали по берегу Arno la Spinea. Терновая игла уничтожена⁶¹ французами; осталось место, где она хранилась. Прекрасная маленькая совершенно готическая церковь из белого мрамора. Возвращение из Пизы прекрасным утром. Путь возвратный однообразный. Ливурна в пустой равнине. Всё в пышном цвете: лён, бобы; высокая рожь, уже околосившаяся, тополи, обвитые зеленеющими виноградниками. По равнине канавы и лес из зеленых дубов. Кипарисы. Ограды полей из виноградников, которые идут вдоль аллеями. В Ливурне завтракал у Рейтерна. Выехали из Ливурны в 2 ½, приехали в Чивита Векию в половине одиннадцатого на другой день. Погода была холодная, но ясная. Паччини. Ночь провел хорошо.

16(28), воскресенье. Приезд в Чивита Векию. Пристань с двумя узкими входами. Посредине факел. По обочинам башни времен Траяна. Встреча с Тургеневым⁶². Консул французский⁶³. После завтрака выехали в 3 ½ часа из Чивиты Векии. Погода час от часу лучше. Вечер лунный и звездный.

17(29), понедельник. Переезд в Неаполь. Ночью перед захождением луны один на палубе. Чистота неба, движение корабля и ярких звезд между мачтами; полярная звезда; цвет луны. В это время мы были против саро Circello. Встал с захождением (sic!) солнца. Мы против Террачины; видны горы,

находящиеся по дороге от Террачины до Гаеты; из-за них выглядывают снежные вершины Abruzzo; видны Террачина, Connetto и Gaeta. Магическая смена видов: Гаета на утесе; постепенное явление Искии, Прочиды, Везувия, Капри. Цвет неба, моря, соединяющий их пар, приятность и неопределенность форм, голубой цвет гор и янтарный цвет снега, гармония всего невыразимы. Но всё превзошел последний вид Неаполя, когда мы прошли Низиду, Мизенум, исполинский утес, и перед нами открылся город и весь его залив с одиноким посреди Везувием. Это зрелище единственное в мире. Прошедши Castel Nuovo, мы вошли в гавань, где в первый раз я почувствовал жар Италии; мы принуждены были дожидаться более двух часов. Потом нас спустили с корабля, чтоб бросить в когти перевозчиков и потом таможни, которая, заставив нас прождать под открытым небом, посреди толпы в отрешках, которая жадно глядела на наши разбросанные пожитки, наконец, поступила с нами благосклонно. Поехали в коляске в трактир della Vittoria, но места не нашли и остановились в Hôtel de la Russie, в хороших комнатах, в коих свободно гуляет ветер. В этот вечер усталость ничего не позволила предпринять, даже и на балконе сидеть было нельзя от довольно резкого холода. Еще нет Италии — всё, что и где не природа и не искусство, отвратительно.

18(30), вторник. Дождик льет ливнем, и холодный ветер свищет в окна; от сильного ветра нет приюта; все окна с щелями, двери не затворяются — вот как Неаполь нас угощает! Но этот день и так должен быть потерян на визиты. В десять часов мы отправились сперва к Местеру⁶⁴ и нашли его больного жабою и в опасности, потом к Лебцелтерн, от нее к графине Алопеус, которая не приняла, ибо уезжала в Рим, а с нею и князь Лопухин; потом к Кривцовой, которая в Сорренте; потом к посланнику; он принял; холодный, приветливый и весьма учтивый старый дипломат с умною женою⁶⁵. От него в Музеум Бурбонский, где успели только видеть одни фрески и мозаики Помпеи и Геркуланума. Во многих надобно удивляться и сюжету, и исполнению, во всех благородству и царствующему чувству прекрасного. Это училище вкуса, драгоценные правнуки древнего искусства и неистощимый источник материала для художника. Жаль, что всё это снято со стен; что нельзя было оставить там, где всё это было: там было бы оно питательно для воображения, здесь представляет какую-то уродливую массу, которая, наконец, утомляет внимание. Отпечаток груди и руки молодой женщины в лаве и ее череп; фрески, взятые из дому поэта; алтарь Приапов, имена солдат, найденные на стенах казармы; Медузина голова; мозаики из камней, камней и состава, из состава; некоторые прекрасны; но так много, что память не в силах ничего сберечь. Из музеума в нечистый Albergo Reale, оттуда к княгине Волхонской, которую не застали, наконец, домой; отдыхал и грелся у камина. Дождь льет рекою.

19(1 мая), среда. Дождь продолжается с холодом. Неожиданное явление Есипова, который для того, чтобы удобнее возвратиться в Россию, рассудил из Парижа приехать в Неаполь. Попытались съездить в Музеум, но им

весьма не в пору завладела королева. Решились употребить дождливый день на осмотр некоторых церквей и поехали в кафедральную церковь Святого Януария, которую готовят к празднику, имеющему быть в следующую субботу. Колонны завешаны простою обивкою с позументами, алтарь весь уставлен свечами. Церковь, основанная Карлом Анжу, была первоначально построена в чистом готическом стиле, но совершенно испорчена переделками; потолок, богато вызолоченный, покрыт фресками Ланфранка и Спаньоleta. Главный алтарь из *vert antique** выложен лапис лазули**. Близ него серебряный бюст св. Януария. Две боковые капеллы сохранили первоначальный стиль, но закрашены фресками. В главном алтаре под престолом мощи святого. В капелле Св. Януария прекрасная картина Ланфранка. Тут же в сакристии хранятся тридцать шесть больших серебряных литых бюстов, изображающих разных святых, архангелов Михаила и Гавриила и пр. Грубое, материальное богатство; их выносят в процессии, в день совершения чуда. За главным алтарем бронзовые два шкапа с двумя замками, от коих один ключ находится у короля, а другой у архиепископа. Лучшее украшение сей церкви суть картины Доминикина, изображающие: 1-я — мученичество св. Януария, 2-я — чудо, совершаемое во имя его над увечными и слепыми, 3-я — воскресение мертвого. Обе последние превосходны: выражение воскресшего и лица, его окружающие; лицо, совершающее чудо, в обеих картинах и ожидание исцеления в увечных — всё это достойно великого живописца; рисунок, композиция, колорит, всё превосходно. Из сей церкви, позавтракав в нечистом кофейном доме, на засаленных стульях, среди вонючей толпы нищих, от коих нет нигде прохода, отправились осматривать катакомбы. Живописный вход через женский монастырь. Монахини, испуганные нашим приходом. Чичероне с факелом посреди подземелья. Гробы, церковь, молебницы с живописью, остатки древних костей. Мнения насчет катакомб, их обширность, закладенная дорога. Обедали у Штакельберга с княгинею Волхонскою. После обеда в коляске, при очаровательном свете месяца, путешествие по Кияе до замка королевы Иоанны (Дон'Анна). *Villa Reale*, след французского правительства. Прекрасное освещение домов. Пустынность жертвенная; дома, где гнездятся лаццарони, берег, уставленный их лодками. *Villa* с огромною пальмою. Дом поэта Саннацара; *Aqua Leone*. Позилиппо.

20(2), четверг. Всё утро проведено в Музее Бурбонском. Прежде всего осматривали мраморы. Семейство Бальбов, дочери, мать, отец и сын; верховые статуи; летопись седоков и коней. Умиравший гладиатор при чувстве смерти в полноте еще силы. Флора и Геркулес Фарнезский; последний для меня превосходнее: точно дышит, сила покойная, но ничего божественного. Бык Фарнезский имеет много красот, статуя королевы и сам

* Специальное покрытие для бронзовых поверхностей, имитирующее патину (*фр.*).

** лапис-лазурь (*фр.*).

бык превосходны, но нет единства и ничто не поражает. Самое превосходное творение Аристид: ясная, прекрасная душа, приветливость, внимание и спокойствие. Особенное впечатление производит галерея императоров и посреди их стоящая в размышлении Агриппина. Сходство, мысль о современности и древности, всё это производит совсем иное впечатление, нежели простой гипсовый бюст. Сидящий Август, Ливия, Маркелл, головы императоров от Тиверия до Каракаллы. Величественная голова Марка Аврелия, привлекательное благородное добродушие Антонина Кроткого, колоссальный Тит, Адриан, Траян, всё это вызванные тени. Чувствуешь в душе особенное движение. После прошли в бронзы: дитя Геркулес, отдыхающий Меркурий, Фавн, колоссальная голова коня и другие. После бронзов помпейские и геркуланумские памятники: канделябры, домашние утвари: весы, пинсеты, оружия, инструменты хирургические, уборы, чашки, кринки, кувшины и вазы. Целое отделение наполнено вещами стеклянными; другое — остатками пищи: хлеб с именем, фрукты, вино в кувшинах; жидкость. Женские уборы, камеи и пр. и пр. Папирусов не могли видеть от позднего времени. Из картин взглянули на некоторые превосходные Рафаеля: портрет Льва X и еще два портрета, два святых семейства, чудесное совершенство. Доминикинова «Невинность под защитой ангела». Тициановы *Филипп II и Дана*⁶⁶. Караважиева ужасная Юдифь, приводящая в трепет. Пинтуриччио «Вознесение Богоматери», достойное Рафаеля. Портрет Христофора Колумба, кажется, Пинтуриччия, и две прелестные маленькие картины Кореджия. Не забыть Магдалины [прбл.]*. Сей осмотр кончили въездом на Саро di Monte; быстрейшая смена видов; особенно поражает богатство растений: кактусы, тополи, сплоченные виноградом, между ними бобы, горох и огородные растения, и в их хаосе черные пинии, и надо всем этим невыразимая лазурь итальянского неба. Встреча с Михайловою. Обедали у княгини Волхонской с Есиповым. Пицати. Вечер дома. Легли спать рано, дабы на другой день быть ранее готовыми.

21(3), пятница. Чудесный, незабвенный день. Поездка в Помпею⁶⁷. С Цаном⁶⁸ через С.-Жиованни, Портичи, Резину, Torre del Greco (кораллы) и Torre del Anonciata (материи). В Портичи взглянули на Геркуланум. В Портичи заказали обед и, позавтракав, отправились в Помпею. Величественность и пустынность; тишина Везувия; лазурные пары, всё обнимавшие, всё в дыму жаркого дня. Вход мимо Диомедовой виллы через улицу гробниц. Два великолепных гроба с барельефами, окруженные стенами. Триклиниум. Вилла Диомедова: atrium, tablinum, внутренний двор с колоннами, пруд с фонтаном, две бани, терраса, внизу подземный ход со сводами и еще много ваз с вином, где найдено много скелетов. Скелет хозяина в воротах. Триклиниум на кладке. Гроб в подземелье. Цицеронова вилла. Лавка. Следы гипса. Геркуланские ворота с будкою для сторожа, коего скелет здесь найден. Дом весталок. Фабрика. Дом Саллюстия один из самых замечательных. Фреск Актеонов. Дом трагического поэта, весьма сохранный. Дом Кастора и Поллукса, величественные колоннады. Дом Фавна, наибольший,

лучший, вырытый в честь Гёте⁶⁹; праздник его рождения; мозаика, представляющая сражение Александра с Дарием. Всё это мы обходили в жар, который менее мучит, нежели свет солнца в этом городе теней без тени. На форуме был Юпитеров храм; я отдохнул за рисованьем. И эта половина путешествия была очаровательна. Пустота форума с алтарем посредине; возвышающийся над площадью храм; великолепный храм Венеры и Аполлона с одной стороны, а с другой храм Меркурия. Пантеон (вероятно, место гульбища) с статуями Августа и Ливии. От храма Юпитерова вид на Monte Sant Angelo и Castellamare, от Базилики вид на Везувий. Тишина. Пустота, цветы и растения — невыразимо. От дома Шампионеттова⁷⁰ (минутный гость, дающий свое имя чужому неизвестному) вид на равнину, скрывающую под собой остаток Помпеи, залив, берега, с Castellamare, Sorrento и Вико и на Капри чудесный. Отсюда пошли смотреть начало рытья: явилась стена с фреском, изображающим лиру и вазу, на красном фоне, и часть колонны. Отсюда в театр, храм Изиды. Одеон (змеи). Торговая площадь. С холма виден восход на амфитеатр и над ним чудесный Везувий. Вечер. Пустота арены. Скелеты, изображающие христианскую смерть, и Гений, смерть древних. Вечернее освещение Везувия. Нищие. Обед в Torre del Annunciata. Дремота при переезде. Спуск в Геркулановский театр: слои, лежащие над погибшим городом.

22(4), суббота. Праздник святого Януария. Вошел в кафедральную церковь святого Януария. Процессия и воюющие женщины. Всеобщее равнодушие к празднику. После обеда через Позилиппо на Strada Nuova. Смена чудесных видов: рисование у villa Barbaia (старая и молодая королевы), виды по берегам на Неаполь, сияющий в заходящем солнце, на рavelины дворца Иоанны, замки, на Капри, лодки, виллы внизу, lazzaroni. Драка женщин. Виды от Strada Nuova на Низиду, Искию, Мизенум, Байю и Capraigna Felice. Захождение солнца за Байею. Возвращение. Часть дороги при свете полной луны, восшедшей великолепно из-за Sant Angelo. Фиолетовый цвет неба, и берегов, и островов. Полоса по морю. Лодки в блеске. Путешествие по Villa Reale. Свет луны сквозь зеленые дубы, храм Петра под стражею. Путь к стене, шум моря и чудесный блеск луны. Освещенная окрестность; Везувий и все берега в дыму.

23(5), воскресенье. В семь часов (Штакельберг и приглашение к обеду) отправились через Позилиппскую пещеру в Пуццоли. Пещера широкая, усталая лавою, способная для проезда трех карет; по обеим сторонам зажжены фонари; виден след прежней пещеры. Через Fuorigrotta мимо Capraigna Felice, восхитительную своим разнообразием и плодородием и достойную своего имени, в Баньоли, откуда вид на Позилиппо, Низиду и весь залив; на горизонте Капри. По обеим сторонам дороги беспрестанная тополевая роща, покрытая сетью виноградников и ковром цветов, полевыми и огородными растениями, лупином: сквозь деревья мелькают беспрестанно виды и вьются прекрасные дорожки; плодородие во всем своем восхитительном цвете. Но люди противные; ни признака приветливости;

самое отвратительное нищенство во всех движениях. Они портят здесь всякое наслаждение и приводят только в бешенство своим бесстыдством и неотступностию. Всякое чувство участия исчезает. Нигде нет такого разнообразия нечистоты и лохмотьев. В Пуццولي мы выдержали нападение этих гарпий, к ним присоединились лодочники, погонщики ослов и продавцы всякого рода антиков. Из Пуццولي мимо Lago d'Averno через Arco Felice на Кумейский холм. С высоты, с которой видно Lago d'Averno, виден весь мир баснословный: предание о киммериянах, вход в подземный мир⁷¹. Lago d'Averno было соединено с Lucrino каналом; а последнее составляло с морем Portus Julius. Явление Monte Nuove, близ коего возвышаются Фавернские горы (M. Barbaro), изменило вид сего места. Здесь Агриппина была брошена в воду и отсюда спаслась и пришла берегом к своему замку, где погибла от убийц. Arco Felice, остаток ворот Кумейских; на высоте холма остатки храма Аполлонова; внизу пещера Сивиллы, в которую мы входили. Влево от дороги глубокая яма, означающая место Кумейского амфитеатра. От Кумейского холма до Lago del Fusaro в коляске; отсюда весь остаток путешествия на осле. На берегу залива храм Венеры и Дианы, две величественные развалины. Далее так называемый гроб Агриппины, вероятно ее вила; в воде следы храма Геркулеса; далее так называемая Cento Camerelle и чудесная Piscina Mirabile; тут взгляд на Мизенский залив, место древнего Мизенума, театр, где был Тиверий за минуту до смерти, и город, откуда Плиний отправился через море, дабы погибнуть у подошвы Везувия; здесь началось наше обратное путешествие на осле, берегом Байского залива, посреди разрушенного мира; стены слились с утесами: мы проехали мимо бань Нерона, Лукринского озера, Кесарево пристани, Цицеронова Помпейанума, взглянули на развалины храма Юпитера, Сераписа и на остаток моста Калигуллы. Было 7 часов, когда возвратились обедать в Пуццولي. Отсюда обратно в Неаполь в коляске, при блеске луны; но я спал от усталости.

24(6), понедельник. Приглашение Штакельберга и отказ. Пицати. Визит к Местеру, Лебцельтерну, и Штакельбергу. Флюс Тургенева. После обеда в S. Elmo. Церковь Святого Мартына. Удивительное богатство мраморной мозаики, lapis lazuli, vert antique. Спаситель, снятие со креста, Спаньоleta, превосходная живопись. Несколько фресков Спаньоleta. Великолепные дворы и переходы; везде мрамор и мозаика; необыкновенная чистота. На место монахов инвалиды. Вид с балкона и из саду на Неаполь. Утес домов, разрезанный узкими улицами; шум и движение. Испорченная улица и испорченная прогулка; хотели ехать через Позилиппо и возвратились через Каподимонте тесными переулками из высоких стен, обросших живописными растениями и уставленных солдатскими будками, точно жизнь, испорченная одним преступлением, которое бросает против воли на путь избранный, печальный, без перспектив и с безнадежностью; сверху только небо, но и оно печалит, а когда выйдешь на воздух, оно уже темно, мрачно и свободно, как смерть. Вечер дома. У нас княгиня Волхонская. Болезнь Тургенева во всю ночь.

25(7), вторник. Пицати и планы. Поутру в Музеум осматривать папирусы. Образ развертывания. Главное содержание. Переписка. Чтение. Дополнения. Издание. Профессор. Запрещенный кабинет. Напрасная попытка ехать на Везувий. Прогулка в Позилиппо. Берг и Фитингоф.

26(8), среда. Путешествие на Везувий. Салваторо проводник и продавец минералов в Резине. Регион растений, регион лавы и печальные следы разных извержений. Возвратились в 4 часа. Падение. Обед у Штакельберга. Убриль, но которого я принял за англичанина. Шеппинг с женою. Молодой Штакельберг. Катакази. Вечер дома.

27(9), четверг. Поездка в Сорренто. В 7 часов из Неаполя. До Вико на шлюпке. Жар и усталость. Обед на террасе в Вико, посреди запаха померанцев и нужника. В четыре часа отправились на осликах в Сорренто. Чудесные виды при переезде через гору, между лесов оливковых, померанцевых и лимонных, по высокому берегу моря; чудесные промоины с пещерами, покрытые лимонными и померанцевыми деревьями. Лица и обращение совсем иное; приветливость без жадной надежды на награду. С захождением солнца приехали в Сорренто и остановились в трактире Donna Rosa.

28(10), пятница. Смотрели Тассов дом. Переезд в Carricatogna на осликах. Вор проводник. Цветущая долина. Спуск по крутизне к Каррикатонью. Каменная избушка. Переезд из Салерно. Сперва жар и виды диких берегов до Vettig Majora. Великолепные берега отсюда до Салерно, особенно виды Амальфи, Минуры, Майуры и Салерно. Смешная сцена на пристани салернской и учтивый полицмейстер. Вид из трактира, ужин на террасе; общество французских путешественников. Темнота неба с прелестными звездами. Летучие светящиеся мухи.

29(11), суббота. Поутру рисование на террасе. Путешествие через Виетри, La Sava. Обед в La Sava. Оттуда в Помпею, где рисовали на развалинах торговой площади, осмотрели храм Геркулеса, форум, театры, храм Изиды, большой форум и мозаику. Преследование нищих. Встреча с процессиею погребальною. Les pénitents blancs и les pénitents noirs*. Король и молчание певчих. Ужасная пыль.

30(12), воскресенье. Перемена плана. Ванна. После обеда через Самрагна Felice в Пуццоли. Встреча с жандармом. В театре «Ромео и Юлия» Беллини и «Carlo Temerari»⁷², балет.

⟨Май⟩

1(13) мая, понедельник. Покупки. Обед у Местера. Вилла Ричарди. Известие о Мердеровой смерти⁷³.

2(14), вторник. Выезд из Неаполя в 5 часов утра. Проехали через Капую, где осматривали бегом кафедральную церковь с старыми колоннами, с статуею Снятия со креста Иисуса Бернини и с прекрасным древним барельефом.

* Кающиеся белые и кающиеся черные (*фр.*). — Имеются в виду монахи францисканского ордена.

До S. Agata ехал в карете, потом пересел на козла любоваться красотами Кампаньи: Гарильяно и въезд к Via Appia, гробы по обеим сторонам. Из Гарильяно в Mola di Gaeta. Цицеронова вилла и место его убийства. Между Итри и Фонди классическая сторона разбойников. Великолепная печальная сторона. Быстрый спуск и пещеры. Развалины. Проводник. Между Фонди и Террачиною другая классическая сторона разбойников. Границы неаполитанские, границы Римской области. Утесы Террачины. Развалины Феодорикова замка и вид моря.

3(15), среда. Выезд из Террачины и приезд в Рим. День богатый впечатлениями. Переезд через Понтийские болота. Via Appia, богатая пышная зелень, аллея ильмовая и тополевая. С левой стороны канал. Вид на Monte Circello. Террачинская гора, поворот в Самнитские горы, вертепы разбойников. Впереди малая низшая гора, как отделившийся утес. Чем далее от Террачины, тем обширнее равнина; богатство растений, жатва, тростник высотой с деревья, табуны лошадей, стада, буйволы; но люди бледные; состарившиеся юноши; оставленные караульни; почтальоны. Вкруг пение соловьев; поля покрыты желтыми цветами, лилиями. От Террачины до Веллетри всё болотная равнина. Видимы вправо сперва Самнитские, потом Сабинские горы, Сесса, Кори на высотах. Между Пиперною и Веллетри последнее классическое место разбойников; на высотах их притоны. Самые прелестные деревья, какие я видел в жизни, находятся между Женцано и Альбано. В Альбано, отдохнув, осматривали озеро Неми, с берегов коего видны Рим, купол Святого Петра. С пункта, на котором я стоял, видно вправо место древней Альбы, Монте Каво, Росса di Пара, напротив Фраскати и Тускулум, слева Castel Gandolfo и затем в отдалении Рим. От Альбано до Рима всё пустеет; безлюдность, но не бесплодность; природа та же, почти Рим; всё покрыто его гробом и развалинами гробов, идущими вдоль развалин Аппианской дороги; прекрасно озаренные солнцем акведуки; из-за всех развалин купол Петра; цвет суровый; ясное небо. Великолепная равнина; пастухи верхом с конями; въезд в ворота S. Giovanni; проезд мимо S. Giovanni di Laterano, Колоссея⁷⁴, форума, Траяновой и Антониновой колонны на Piazza di Spagna. Остановились в Strada di Condotti, Hôtel de Franz.

4(16), четверг. Рим. Встал рано. В 8 часов отправились в S. Giovanni di Laterano. Остановились в Forum. Первый взгляд. Потом в Колоссея: тут весь Рим. Этого впечатления огромности угадать невозможно, не видевши, так же, как и впечатления развалин Рима и пустыни, его окружающей. То же должен произвести гроб Наполеона на Святой Елене. Из Колоссея на минуту в Латеранскую церковь, из коей прогнал назад холод. Муравьев⁷⁵. Взгляд на внутренность великолепной Maria Maggiore; отсюда в Амфитеатр Преторианус, в храм Венеры и Амура и S. Croce in Gerusalemme. S. Stefano Rotondo (храм Бахусов); внутренность; колонны. История мучеников, изображенная фресками, на стенах, Pomarancio и Tempesta. Ожидание Папы в тени; равнодушный народ: пение; игры в кости. Величественность явления Папы; индальгенции. Пустота площади. Развалины папства и римского величия ря-

дом. Возвращение домой через Monte Cavallo: великаны Фидия и Праксителя. Взгляд на Гвидову Аврору в palais Rospigliosi: древняя прелесть, яркость красок и свежесть всей композиции; смотреть всего лучше лежа и в зеркало. Через Fontana di Trevi домой. Кривцов. После обеда путешествие в церковь Святого Петра. Замок Св. Ангела и мутный Тибр. Явление храма не поражает, но, подходя, на тебя падает огромная масса. Удивительная фасада — это не есть ошибка. Как идея Бога, в которой нет ничего разительного, ибо она в жизни души, но в которой всё велико, всё необъятно, всё глубоко, таков Святой Петр. Бездна богатства, но всё исчезает в одной великой идее. Наконец нашлись три предмета, давно знакомых издали, давно ожидаемых истощенным воображением, которые в существенности вполне удовлетворили ожидания. Это вход в обетованную землю. Гробница Петра и перед нею папа на коленях. Гробы пап Берниниев, Кановы и Торвальдсена. Manière grandiose, mais apprêtée, simple*, но без целостности. Памятник с фигурой, покрытою бронзовым платьем.

Глупое пение и жалкие органы. Стул Петра (Maître autel**.) Отсюда через Trastevere и остров Тиберина мимо театра Маркеллова к Ponte Rotto, дому Риенци, храму Добродетели и Чести, храму Весты, Cloaca Maxima, Янусову храму и, наконец, в Колоссей. Величественный вид от креста на всю обширность, странная надпись на кресте: кто поцелует сей деревянный крест, тот получит разрешение на 200 дней. Мелкость креста. Вид на переходы. Вечернее небо, кипарисы, бурные тучи, растения между аркадами; темнота низших переходов. День, полный в жизни меланхолической глубоким ощущением.

5(17), *пятница*. В 5 часов началось наше странствие через Капитолий. Восток мимо статуй Кастора и Поллукса к коню Марка Аврелия, окруженному дворцом сенаторов, домом Музеума и дворцом Conservatori. Любовались видом Рима из окон Бунзена⁷⁶, живущего на скале Тарпейской в виду всех памятников Рима. Мимо Aracoeli, Scala Germanici, по дороге Триумфальной сошли к воротам Септимия Севера; вид на весь форум. Отсюда между Палатинской горой, мимо развалин императорского дворца и Circus Maximus, бань Каракаллы, через Арку Друза и Porta Sarena вдоль по Via Appia. Гроб Горациев и Куриациев. Гробы отпущенников Августа и Ливии. Дорога идет между стен и виноградников, и всюду гробы, одетые прелестною зеленью и кажущиеся густыми деревьями; поворотив влево к храму Вакха или Каликста, весьма сохраненному, от него в уединенную зеленую долину к гроту Эгерии (Тургенев и газеты), потом назад и опять по Аппианской дороге к великолепному гробу Сесилии Метеллы: ротонда, надстроенная зубчатыми стенами Средних веков; убежище фамилии Гайетано; соединение здесь готического с древним. Головы быков⁷⁷. Гербы Гаetano. Отсюда через развалины базилики Павла к Сестиевой пирамиде, подле коей лютеранское и английское

* Стиль величественный, но лишенный естественности, простой (*фр.*).

** Главный алтарь (*фр.*).

кладбище с гробом атеиста Шеллея⁷⁸. У Брюлова⁷⁹: Гибель Помпеи, портрет Самойловой, Демидова, множество начатого, и нет ничего конченного. После обеда с Брюловым и Габерцетелем в Ватикан, начавши взглядом на чудесный Пантеон. Сперва в Музеум, или в бездну статуй: Minerva Medica, Демосфен, Мелеагр, Аполлон, Лаокоон, Бойцы и Персей Кановы; быстрый взгляд на остальное и на библиотеку. Папа богатейший государь в свете. От статуй к картинам. Рафаелевы ложи. Станцы, к счастью, были закрыты. В галерее величайшее наслаждение. Преображение рядом с Иеронимом. За ними Тициановы. Караважиено *Положение во гроб*. Гвидово *Мучение Петра*. Пинтурикиево и Рафаелево *Венчание Мадонны*. *Мадонна di Foligno*. *Святой Бруно*. Всё это в один день! Отдохнул на Monte Pincio в виду Рима и заходящего солнца. Нашел у нас Рожалина⁸⁰ и Иванова⁸¹, живописца с добрым сердцем и энтузиазмом к своему искусству.

6(18), суббота. Рано поутру в St. Augustino: заперт. В Maria della Pace. Рафаелевы Сивиллы. На развалины Диоклитиановых термов. Прелестная церковь Maria degli Angioli и переходы монастыря с кипарисами; один построен, другие посажены Микель Анжем. S. Maria Maggiore, великолепие необыкновенное. Отсюда через S. Pietro in Vincoli (Моисей Микель Анжов и (святой) Петр Доминикинов) к Брюлову. Его картина и талант: он в опасности избрать ложный путь. С ним в Palazzo Borghese. Доминикиновы *Охотницы*, Рафаелево *Положение во гроб* и несколько портретов, Доминикинова *Сивилла*, Корежиева *Даная*. Карачиевы фрески в palazzo Farnese и Рафаелева *Галатя* и *Психея* в Фарнезине. Потом чудесные Станцы; в I-й Константин; во второй Атилла, Гелиодор, Чудо Бользенское и св. Петр; в 8-й Школа Афинская; Собор и Парнас; медальон Философия, Поэзия, Правосудие и Теология. В 4-й Пожар.

Возвратился домой в чрезвычайном утомлении физическом и моральном. У нас оказались: Иванов и Рожалин. Потом Муравьев и княгиня Зинаида Волхонская. Стендаль⁸² и спор. Не успев отдохнуть, в Капитолийский Музеум, который прошел с чувством усталости. Океан; Пастух с занозою; бюсты кесарей с Агриппиною; Умиравший воин; бюсты философов. Планы Рима и консульские фасты*; колоссальные головы и ноги, ваза Митридатова. В картинной галерее Волчица, разбитая громом, и бюст старого Брута; в картинной же галерее: Гвершинова *Петронилла*, Веронезово *Похищение Евроты*, *Иисус и развратница* Тициана, *Дарий и Александр* Pietro di Corton. Гвидов *Святой Себастьян*. Отсюда в Торвальдсенов ателье, который оживил упавшие силы. Это квартал, набитый великолепными статуями: апостол Иоанн и слушающий старик; пастух с собакою; другой, опершийся на колено; два стоящие юноши и муж; два младенца; лежащая женщина и лежащий мужчина; мать с младенцем. Барельеф Торжество Александра. Меркурий с мечом. Спаситель, Ангелы, Религия и Сила и сидящий Папа. Понятовский Евгений на коне. Колоссальный конь. Бейрон с Чайльд-Гарольдом. Барельефы. Психея

* От лат. fasti consulares — списки высших должностных лиц.

Бьенеме. Рабочая Кипренского: Сивилла в двух светах и Мальчик под рогожею; всё прочее старые знакомцы: Шереметев и Давыдов. Вечер у Гурьева: Лудольф, Шпаур, Растаны, Графиня Потоцкая, Муравьева, Кипренский, Бруни и пр.

7(19), *воскресенье*. Объезд вилл. Villa Millini на Monte Mario. Первый вид, начиная слева: villa Borghese, S. Maria Maggiore, S. Jean de Lateran, S. Pierre, villa Pamphili, мутный Тибр, Албанские горы, Сабинские горы. Второй вид: ponte Molle, la vallée de Poussin, villa Albani. Разница видов неаполитанских и римских. Суровый цвет, темный город, пар, звон, *une grande culture**.

II. В монастыре Онуфрия. Вид с террасы, внизу сад, Piazza Navona, Пантеон, Palazzo Farnese, S. Pietro in Montorio, Aqua Paulina. Пинтуричиева Мадонна в церкви; картина Леонардо да Винчи над дверьми. В церкви гроб⁸³, доска в углу. На стене портрет. Алтарь полукруглою нишею с фресками. В библиотеке бюст с маски, зеркало, чаша, печать и рукопись. Между запрещенными книгами Боссюэт и Малбранш. Переход узкий в сад; дуб на углу древнего маленького амфитеатра, маленькая комната Тасса в конце коридора с надписью над дверьми.

В S. Pietro in Montorio; место распятия апостола Петра. Ротонда Браманте. Внизу на своде барельеф по рисунку Микель Анжа из жизни апостола; вверху статуя Петра греческой работы и четыре евангелиста Микель Анжа. В самой церкви La Flagellation** с Микель Анжева картона.

В вилла Памфили. Вид от статуи на церковь Петра. Луг посреди зелени дубов и роши пиний, посреди ее древний жертвенник. Лавровые аллеи. Фонтаны. Уединение, шум воды, бассейн и каскады.

Гроза и жар. Возвратясь домой, отдыхали до обеда. У Гурьева. Амур Бьенеме. Статуя жены. После обеда у принца Ольденбургского. Вечер в ателье Haberzettel, у Шпаура, Волхонской (Риччи) и Бунзена, где Шпаур и виртембергский посланник.

8(20), *понедельник*. В семь часов к нам Бунзен с предложением до отъезда что-нибудь осмотреть вместе. Из этого предложения вышло утро, богатое великолепными впечатлениями. Мы повторили всё, что видели лучшего в Риме, и повторили с провожатым, который всё осветил для нас своим знанием. Сперва в церковь св. Петра. Взгляд на *Charité**** Микель Анжа и на всё здание от купола, к которому всходить весьма удобно. Испорченная мысль Микель Анжа, который хотел греческого, а не латинского креста. Молчание, вселяемое великим созданием человека. (Шепот при приближении к Риму.) Разговор о короле и кронпринце⁸⁴. Из церкви в Сикстинскую капеллу. Это поэма Данта⁸⁵. Начатая Микель Анжем, продолженная Рафаелем и довершенная Микель Анжем. Три отделения, внизу занавесы, в среднем отделении история закона и церкви, с одной стороны от спасения Моисея до [его

* великая культура (*фр.*).

** Бичевание (Спасителя) (*фр.*).

*** «Оплакивание Христа» (*фр.*).

смерти], с другой от Рождества Христова до Вознесения. На плафоне история непосредственно дел Божиих: творение земли, человека, жены, изгнание из рая, потоп, жертвоприношения. Сивиллы и пророки, великие образы. В промежутках история человека в разных степенях; по углам разные минуты спасения народа Божия: змей Моисеев, Юдифь, Давид, Эсфирь. Наконец, Страшный суд; двадцатью годами позже, менее простоты, более желания выказать силу. Движение руки Спасителя, общее движение в картине. Изображение вечного благоденствия и пр. Отсюда взгляд на Станцы: также великая поэма; всё великое человеческое. *Теология*, Консилиум (лучшая картина. Лицо Спасителя, спокойствие праведных, движение спорящих, ангелы. Платон и Аристотель). *Философия*, Школа Афинская, *Поэзия*. Парнас. *Правосудие*. Практическая жизнь. — Капелла Фьезоле: история св. Лаврентия и св. Стефана. При Микель Анже и Рафаеле имеет не только свое достоинство, но и превосходство. Все главные совершенства живописи в этом тесном пространстве. Через Рафаелевы ложи, мимо Фарнезского дворца, построенного Микель Анжем, в Пантеон: одинакость освещения, свод на низком фундаменте, огромность и ясность. Из Пантеона в рабочую Овербека: несравненная картина «Спаситель на горе Елеонской», рисунки: *Тайная вечеря*, *Годофред*, *Суд Соломонов*, *Hagard**.

Завтракали у Бунзена. Дом на Тарпейской скале; из трех окон весь древний и новый Рим. Портреты Нибура и Штейна, и рисунок или гравюра с Овербекова рисунка «Христос, благословляющий детей»: важность лица Спасителя, веселость детей, растроганность матерей; словом, Овербек мне глубоко по сердцу. Его картина «История христианского искусства», которой нам не удалось видеть. После завтрака в форум. Взгляд общий на развалины: вид Тарпейской скалы (которая должна была иметь 80 футов высоты); храм Конкордии по Бунзену; Юпитера Статора (по Бунзену); Фаустины, Мира или Базилика, Венеры и Рима, Фокасова колонна, *Curia Julia*, дворец Палатинский, врата Константиновы и Колоссей. Мы его видели под гремящими тучами и взбирались на высоты: наше время есть время необходимости в играх кровавых гладиаторов; Рим чувственное, развратное чудовище. Подземные своды в Колосее; переходы для народа, где были и бордели. Ужасная бездна, видимая с высоты. Что такое искусство? — Из Колоссея, возвращаясь домой, на минуту к скульптору: группа из Потопа: мужчина с мертвою женщиною, которой колена обнимает их младенец. Голова Спасителя. Бойцы. — Пароход отложил свое отплытие, и мы остаемся еще часов на 15 в Риме. Разговор с Брюловым и советы ему. Ошибка насчет парохода. Мы едем сухим путем. К Бунзену, и с ним вместе осматривать фрески Овербека и Корнелиуса из жизни Иосифа. *Gemütlichkeit*** и чистота — характер Овербека. Суровость и строгость композиции — отличие Корнелиуса; третий живописец Фейт. Он представил семь лет голода, а Овербек семь

* Дикий, суровый (фр.).

** Добродушие (нем.)

лет изобилия. Вечер у Бунзена. Аббат Мартин, воспитатель герцога Бурдоского, Кестнер, Шпаур и старик Муравьев⁸⁶, который не имеет ни несчастья, ни старости.

9(21), *вторник*. Поутру завтракали у Бунзена и вместе с ним к Овербеку. Лицо христианского живописца. Его несравненная картина История христианского искусства⁸⁷. Две сцены: одна на облаках, другая на земле. Богоматерь, пишущая на хартии: *душа моя да хвалит Господа*, с Младенцем Спасителем на руках. Около них святые покровители искусства: Давид с псалтирию, Соломон с барельефом храма, св. Лука, пишущий Марию, и Иоанн евангелист с чертежом Града Господня; с обеих сторон святые мужи и угодницы; коих изображения кисти художественной. Внизу самое искусство: около водоема, наполняемого живою водою природы, в коем отражаются небеса, стоят те, кои более имели целию изображать живо материальное и блистать красками; в отдалении от них те, кои выражали чище и простее святое, слушают вдохновенного Данта. Рафаель между обеими толпами один смотрит вдохновенно на небо. На первом плане группы, занимающиеся рассматриванием древних барельефов (начало живописи и архитектуры), тут же и покровители искусства христианского: с одной стороны Карл Великий, с другой Григорий Великий (григорианское пение). Микель Анж сидит в размышлении, не принадлежа никому; Жиотто, Чимабуе, Фьезоле, Мазаччио, Альбрехт Дюрер и немецкие живописцы. Всё в этой картине прекрасно, особенно мысль, расположение и рисунок напоминает Рафаеля и католиков живописцев. У Овербека пробыл довольно долго; потом возвратился отдыхать, и в три часа пополудни поехали в Тиволи. Небо обещало грозу, но не сдержало слова. Дорога идет через живописную, обработанную, но безлюдную Campagna di Roma. Проезжаем мимо некоторых развалин; мимо серного озера di Tartori, окруженные запахом минеральным; всё тихо и сурово; дорога то исчезает в неглубокой ложбине, то подымается, и тогда на горизонте Албанские и Сабинские горы. Церковь Петра всегда почти видна. По выезде из Рима через ворота S. Lorenzo близ дороги древняя базилика S. Lorenzo. Часть древних колонн до половины в земле. У входа легенда о монахе и черте, которая рассказывает, что душу умирающего императора спасла чаша, подаренная монастырем святого Лаврентия. Замечательна на дороге при повороте в villa Adriana гробница Plautia. Осматривали часть villa Adriana. Вечеру заходящее солнце украсило развалины: румяное небо, кипарисы, пинии, лавры, зеленые дубы, чудесные растения, плющ и кактусы на развалине. Запах, тишина, сумерки, звезды, оливковые рощи, покрывающие лесом всю сторону — несравненно. Приехали ночью в Тиволи, не без тревоги; нас утешало только чистое небо сквозь оливы и бездна светящихся летающих мошек. Великолепное зрелище: водопады при блеске факелов.

10(22), *среда*. Путешествие для обозрения каскада и cascade*. Мимо вилл Калигуллы, Горация и Вара. Блеск водопадов при восходящем солнце.

* маленький фонтан (фр.).

Новый будущий водопад. Каскателле. Падение из-под виллы Меценатовой. Спуск по горе под тенью оливовой рощи. Мост через Anio. Въезд к villa Mäsenati. Проезд под сводом к villa Este: террасы, кипарисы, пинии, фонтаны, величественное уединение, вид на Campagna di Roma. Смешные куклы Пантеона, Колоссея и пр. Живописец француз. Голова в трактире Брюлова. Возвращение в Рим в ½ двенадцатого. Обед у Бунзена с Торвальдсеном, Овербекком и Корнелиусом, который приехал в Рим, дабы писать Страшный суд. Самый интересный и близкий к идеалу живописца есть Овербек; после него Торвальдсен — великолепная голова, богатая седыми волосами, Корнелиус кокетствует остроумием, и часто невпопад. После обеда музыка и пение из Генделя. Живописец и музыкант Штейнли. Вечер дома, у нас Кривцов.

11(23), четверг. С Бунзеном в Ватикан. Сперва в верхнюю галерею картин к Transfiguration*, Святому Иерониму, Мадонне di Foligno, Венчанию Мадонны. Критика Доминикина: изнуренность святого, ангелы не в гармонии с картиною, ландшафт. Оттуда через музей статуй (где взглянули на Аполлона, Лаокоона, Антиноя, Минерву, Демосфена, Юпитеров бюст, Нил и др.) к обоям Рафаеля, из коих десять сотканы по его картонам, а другие десять по его рисункам или прямо по его мыслям. Первые представляют черты из жизни апостолов Павла и Петра: обращение Павла, его встреча, его проповедь, рыбная ловля, смерть Анании и Сепфоры, исцеление хромых, суд Павла, землетрясение, избивание младенцев. Остальные не столь замечательны. Встреча с Меццофанти. У живописца Штейнли. Снятие со креста, рисунки, между коими особенно замечателен рисунок семи милосердий христианских. Везде ясная мысль, чистое чувство и удовлетворительное исполнение, чего нет в наших (исключая Брюлова), кои механически составляют из выученного в Академии картины и массы без мысли и жизни, успевая только, может быть, в колорите. Таков Бруни. Из Ватикана к скульптору дессаускому Волтреку. Потом домой и, отдохнув, к Гурьеву, где Потоцкая, Волхонская, принц с Нибби, Бунзен и Шпаур. После обеда к Бруни. Огромная картина, представляющая исцеления змея в пустыне, толпа фигур без мысли. Другие картины: Гораций, нагая женщина без рисунка, близ нее Спаситель и Мадонна. Крещение Ольги без локальной истины. Сим кончился день мой. Весь вечер отдыхал дома.

12(24), пятница. Поутру у меня Брюлов и Кипренский. Потом к Бунзену. Хотели осматривать галерею Дориа, но не могли. Отправились к Торвальдсену, который нас принял. Прекрасные идеи мифологические, выраженные барельефами, между прочим: продажа амура, потом постепенность любви, начиная от младенчества до старости. Видели у него коллекцию картин новейших живописцев: *Святой Павел после пожара* и *Грек, точащий кинжал*, Роберта. *Сцена в неаполитанской рыбацкой хижине* Кателя. Рисунки из Данта Керстнера. *Положение во гроб* Корнелиуса. *Мадонна* Овербека. Ландшафты Коха; *марины* Даля; *Девочка, диктующая письмо и слушающая*

* Преображение (фр.).

ответ на него; две картины, и множество других весьма замечательных. К Кестнеру: замечательное собрание всякого рода редкостей. К Lotsch⁸⁸. Барельефы из жизни Спасителя; три воскресения: Лазаря, наинского юноши и мертвой девы, все прекрасны, также и *Въезд в Иерусалим*. Он начал мой бюст, который должен быть похож, если судить по бюстам Овербека и Корнелиуса, кои у него уже кончены. Домой. В два часа с гр. Гурьевым к cavaliere Signetta. Четыре картины: Волхвы, Снятие со креста, Вознесение, Страшный суд: прекрасные группы, чудесный колорит, эффект целого, Рембрандт искусства христианского. К Волтреку, где Кестнер, Брюлов и Lotsch занимали меня. Винспер. К княгине Волхонской на дачу⁸⁹, приклеенную к развалинам водопровода. Прекрасный вид на Campagna di Roma и окрестные горы с террасы. Сентиментальная аллея⁹⁰. От нее к Муравьеву. Вечер у Волхонской (Потоцкая, Бунзен, Кестнер, Риччи). Пение.

13(25), суббота. К Катлю. Четыре ландшафта; голубая гротта; Смерть Тасса. В галерею Schara: *Скрипач* Рафаелев; *Святой Себастьян* Перужина; *Игроки* Караважа; *Скромность и Суетность* Леонардо да Винчи; *Мадонна Франции*; портрет Макиавеля. В галерею Дориа: два портрета Рафаеля; 5 ландшафтов Клод Лоррена; Тицианова красавица. В базилику св. [прбл.] Мазачиева История св. Екатерины⁹¹. Древность самой церкви. В виллу Массими⁹². Фрески из Ариоста Шнорра, из Данте Фейта и Фогта, из Тасса Овербека и Фюриха. Лучше всего «*Смерть Гильдиппы*», некоторые фигуры из Данте. В Сикстинскую капеллу: Gallerie royale*; пение; контроли; недостаток величества. К скульптору séance. Потом к графине Потоцкой (Аббат. Принц Ольденбургский). Последний вечер у Бунзена.

14(26), воскресенье. Баккано: кратер, уединенный почтовый двор. Обед в Понтерози. Спор с вентурином, который оказался, наконец, добрым человеком. Рончильоне над обрывом. Въезд на гору. Масса пиний. Озеро посреди кратера, бока покрыты густым лесом и кустарником. *Genista odoratica*** . Холмы (старинные города вольсков***), желтые от цветов. Долина. Посреди уединенный дом. *Sativaria*. Дорога по хребту гор между двух прелестных долин с правой. Смесь роц и ущелий, и на горизонте горы разных тонов до самого светло-голубого; слева глубокая и широкая долина, зеленый луг, по бокам зеленые дубы и каштаны, на высоте их хребта облака как вата, освещенные заходящим солнцем, и совершенная пустота. Спуск к Витербо. Ярмарка. Скверный трактир.

15(27), понедельник. Выезд из Витербо в 4 часа после дурной ночи. Монтефиасконе. Бользенское озеро, оливы, дубы. Два острова на озере. Воспоминание о Амалазунте⁹³. Бользена как один утес. Въезд к S. Lorenzo nuovo. Великолепная вегетация. Классическое место разбойников. Обед в S. Lorenzo. Aquapendente. Отсюда до Радикофани взволнованная вулканическая сторона.

* Королевская галерея (фр.).

** Дрок душистый (лат.).

*** От лат. volscae — название неск. кельтских племен.

Голые холмы, составляющие одну гору. Крутой взъезд к Радикофани. Замок на утесе, под ним деревня. Уединенный трактир, очень покойный. Вид на пустыню при свете луны. Крики сверчков, а поутру пение птиц.

16(28), вторник. То же, что вчера. Голая взволнованная сторона. Изредка сена запах. Обедали в Buonconsento (Беда от мула). Одна улица с двумя воротами. Характер стороны тот же, но менее горист; более обработанности; горы одеты зеленью; жилища чище. Мы в Тоскане. Костюм женщин. Мужские шляпы. Около Сиены голая вулканическая сторона. Город на высоте. Вымощен широкими плитами лавы и кирпичом. Множество домов, напоминающих Средние века. Многие с башнями. Великолепная кафедральная церковь готическо-византийской архитектуры. Пол, выстланный мозаикою. Пестрота портала; великолепная кафедра с барельефами, изображающими жизнь Спасителя от Рождества до Страшного суда; папы в карнизе; фрески Пинтурикия по рисунку Рафаеля, изображающие жизнь папы Енея Сильвия; на потолке крест, с одной стороны Плутон, с другой Венера. Три Грации. Резной хор удивительной работы, цветные окна. Площадь перед церковью. Городская площадь раковину. Публичное гульбище. Ночевал в хорошем трактире.

17(29), среда. Выезд из Сиены в 5 ½ часов. Прекрасное свежее утро. По обеим сторонам лесистые холмы. Виллы с кипарисами. На зеленых нивах шелковицы; воздух напоен запахом chèvrefeuille* и роз. Красный вид земли. Излучистая узкая долина, коей дно составляет белая дорога; по бокам, на скате холмов, дубы. Обедал в Барберино. Несчастье с вентурином. С сих пор всё более обработано, вулканические формы исчезают, всюду белеют виллы. На домах голубятни. Первый вид Флоренции от S. Cassiano: волны гор, покрытых пышными растениями, оливами, пиниями, кипарисами, шелковичными деревьями, виноградом, дубами; между зеленью белая лента дороги. Над Флоренциею Фьезоли и множество голубых гор, испещренных виллами; горы покрыты пиниями. Спуск по крутой, извилистой долине пешком. В глубине ручей; высокие деревья по бокам; прекрасный мост; роща; луг; стадо коз, окруженных сенью. Картезианский монастырь на высоте. Въезд прекрасным вечером во Флоренцию. Остановились в трактире 4 Nations, у Ponte di Trinita. Здесь жила великая княгиня Елена Павловна. Мы живем в комнатах Опочининой. План.

18(30), четверг. Флоренция. У князя Горчакова. В кафедральную церковь: бюсты Брунелески и Жиотто. Портрет Данта (Пацци). Philelphe. Campanile** по рисунку: Жиотто. Sasso di Dante*** и памятник Брунелески. Огромность более вне, нежели внутри. — Baptisterium****. Мозаики Тафиевы. Двери Пизано и Гиберти. — S. Lorenzo. Chapelle de Michel Ange. 4 времени дня,

* жимолость (фр.).

** Колокольня (фр.).

*** Камень Данте (ит.). [Вделан в стену; на нем Данте любил отдыхать летом].

**** Купель (лат.).

исковерканные, неконченные фигуры. *La pensée**. Капелла Медисцов: варварское богатство. — S. Maria Novella. — единственная в городе фасада. S. Vierge de Cimaboué. Crucifix** de Giotte. — L'Annunciata***. Fresques d'Andrea del Sarto. Le Christ de Giovanni di Bologna, его барельефы страданий Спасителя и гроб. — Palazzo Vecchio. — Piazza di Palazzo Vecchio. — Loggia. Давид Микель Анжа. Геркулес Бандинелли. Персей Челлини. Юдифь Донателло. Сабинка Giovanni di Bologna и его же монумент Козма. — Галерея de Ufficii. Ниобея. В Трибуне: статуи Венеры и Аполлона (красота, идеальный облик голов), Le Rémouleur****, Фавн, Борцы. Картины: портрет Дони, Юлия II и Форнариньы; две Мадонны и святой Иоанн Креститель Рафаеля. — Две Венеры Тициана. Иродиада Луини. Мадонна Коррежия. Мадонна Андрея дель Сарто. Мантенья. Микель Анжа. Альбрехт Дюрер Поклонение волхвов. Сивилла Гверчина. Fra Bartholomeo Пророки. — В других горницах. Леонардо да Винчи Голова Медузы и портрет. Аллори Спящий Христос младенец на кресте. Албертинелли La Visitation*****. Несравненно. Ange Allori. Сошествие Спасителя в Лимб. Встреча на площади с Горчаковым и условие на завтрашний день. После обеда в Cassini. Вечер.

19(31), пятница. Флоренция. Поутру в S. Croce. Tombeaux des grands hommes d'Italie*****: Микель Анжа, Данта, Альфиери, Макиавеля и Галилея. Снятие со креста Сальвиати. Свод капеллы. S. Sacrement Гадди. Спаситель на кресте. Богоматерь Жиотто и портрет Жиотто. Монах, обожатель нашего Государя. В рефекториуме*****. Св. вечеря Жиотто. К Горчакову. К(нязь) Кантакузин. С ними в галереи. Трибуна. Зал Бароччио. Эрмафродит. Меркурий Giovanni di Bologna. (Его Геркулес и Центавр.) В галерею Питти⁹¹ через переход, украшенный историческими картонами. Между прочим заметил принятие русских посланников Иоанна Васильевича. В зале Венеры: Марины Сальватора Розы и два ландшафта Рубенса. В зале Аполлона: Вечеря Эммаусская Палма Веккио; Чудо святого Юлиана Бронзино; Снятие со креста Чиголи; Снятие со креста Андрея дель Сарто; Магдалина Дони и Анжиоло Дони; два портрета Рафаеля; Магдалина Тициана. В зале Марса: Чиголи Ессе Номо; Рафаеля: La Vierge à la chaise; Лев X; Юдифь Кристофана Аллори; Рафаеля Святое семейство dell'Imprannata; Рубенса его портрет с братом, Юстом Липсом и Гроцием. В зале Юпитера: Заговор Катилины С. Розы; Парки Микель Анжа; Св. Дева с четырьмя святыми Андрея дель Сарто; Святой Марк — Fra Bartholomeo; его же Христос с Магдалиною, целующею Его ноги. В зале Сатурна: Юлий II Рафаеля; Спящий

* Мысль (фр.).

** Распятие (фр.).

*** Благовещенье (ит.).

**** Точильщик (фр.).

***** Встреча Марии и Елизаветы (фр.).

***** Гробницы великих людей Италии (фр.).

***** От фр. le réfectoire — столовая, трапезная.

Христос Карло Долче; Воскресший Спаситель между Евангелистами Fra Bartholomeo; Снятие со креста Перужина; Богоматерь на троне Рафаеля; Портреты Inghirami и Бибиена Рафаеля; Видение Езекииля его же; Спор о Троице четырех святых Андрея дель Сарто; В зале *Илиады*: два Вознесения Андрея дель Сарто; портрет женщины Рафаеля; Спаситель Тициана. В зале *Воспитания Юпитера*: Мадонна Рафаеля del Gran Dusa и Святой Андрей Карло Долче. *Зала Геркулеса* Бенвенути. Малахитный стол Демидова. Киалли: Хор капуцинов и Погребение капуцина (Гране). *La Vénus pudique** de Canova. Статуя ребенка Ramponi. — Обедали у Орлова. Французенка жена и умная 14-летняя дочь. В Кашини. М-е Murat и Иероним Наполеон. В театре "*Ivanhoe*"⁹⁵ et "*La prise de Nègrepont*"⁹⁶. Весьма посредственно.

20(1 июня), суббота. Поутру. В Кармелитском монастыре. Прекрасные фрески из жизни св. Антония Петра Мазаччио и Мазолино. В церковь S. Spirito. Великолепная архитектура. Опять в галерею Питти. — (Вчера в дом Микель Анжа. Галерея с картинами из его жизни. Его домашняя церковь. Его работа с boiserie** по стенам. Мраморный стол посредине, разные реликвии.) — Осматривали фабрику мозаиков и чудесные работы для капеллы Медицисов. В галерее старые весьма замечательные картины от Чимабуе до Рафаеля, где заметили прекрасные произведения Органьи, Фьезоле, Мазаччио, Липпи, Вероччио, учителя Леонардо, Андрея дель Кастагно, Боттичелли, Креди, особенно Перужина. Здесь находится Рафаелев картон Мадонны. После обеда в сад Строцци, где жила в последние дни наша Витгенштейн. Прелестные, тенистые аллеи, лабиринт, вилла с террасою, лавры, кипарисы, гроты, долина Данта. Вечер дома.

21(2), воскресенье. Троицын день. Выезд из Флоренции. Обедня. Покупки. Весьма трудное путешествие до Ливурны, куда приехали в дождь, в 3 часа ночи. Остановились в трактире Croce di Malta.

22(3), понедельник. Ливурна. Сильный дождь и ветер. В конторе парохода. На кладбище⁹⁷. Погода задержала отъезд. Вечеру опять на кладбище, где рисовали. Шуваловы.

23(4), вторник. Ночью буря. Пароход опять задержан. Я еду по почте до Генуи, оставив багаж на пароходе. Писал к Лабанду. Дорога к Пизе совсем не такова, какую видел прежде. — Вид на cathédrale, baptisterio и на колокольню с дороги в Лукку. (Приготовление к люминаре***.) Сходство с Дерптом: нивы и огромные здания. Богатая, обработанная сторона; Апеннины, покрытые оливами, и виллы с зелеными лужайками; плети винограда по деревьям; вместо забора плющ; фиги, оливы, платаны, серебристые тополи, кипарисы, розовые беседки. Деревья на пышных нивах и огородах. Развалины замков Средних веков по горам. Тосканская таможня Ripafratta. (Из бездны деревьев голубые горы.) Через две сажени другая таможня Clugana de

* Стыдливая Венера (*фр.*).

** деревянная резная обшивка (*фр.*).

*** От *ит. lumine* — освещение церкви (свечами и лампадами).

Cerasomma. Поля, покрытые всякого рода cereалами*, вместо оград деревья, соединенные фестонами виноградных лоз.

Лукка посреди зеленой равнины, покрытой нивами, деревьями, виллами; город, окруженный валом, на коем местное гульбище; проехав город, въезжаешь в узкую долину. Горы покрыты каштанами. Чудесный вид с боковыми долинами. Вид на море через ущелья гор. Часовня. Прелестная равнина, по коей спуск по крутизне; прекрасная дорога с высоким garde-fou**. Боковые спуски для переходов. Поздний приезд в Массу, где ночевали в прекрасном трактире у Франсуа. Бездна светящихся червяков.

24(5), среда. Выезд в 5 часов. Масса, чистый город. Площадь с огромным старинным дворцом красного цвета. Спуск к великолепному мосту в одну арку. Бездна садов и дач. Въезд в долину; глубокое дно, в коем море оливок. За входом в долину кипящее море. Спуск к Караре; справа мраморные ломки. Карара на самом дне долины. Дорога беспрестанным зигзагом, между тенистых каштанов. В стены вделаны мраморные Мадонны, окна хижин обложены мрамором. Шоссе блестит от мрамора; воды льются через мраморные плотины; долина представляет рошу всякого рода деревьев, переплетенных виноградными ветвями. Лавенца. Всё тот же характер природы до Сарзаны. Множество померанцевых деревьев. Сарзана. На высоте старинный замок. Объезд кругом стен, окруженных рвом и чудесно покрытых плющом и цветами. Слева Аргола, городок или деревня, построенная на утесе. (Вишни, тополи, виноград, оливы, ивы, дубы.) Обедали в Специи. Глубокий залив, окруженный великолепными горами. Отсюда вверх зигзагом, сперва в виду моря, потом оно исчезает; переезжаем за гору; дикость, голые камни, но не надолго; живописные картины возвращаются; спуск между ними. Пышные растения, но мало обработанности, которая от Специи уменьшается. Мост мраморный в одну арку. Замки на высотах. Борретто. На дороге примечательный бесплодный остров утеса из Grünstein***, совершенно голый посреди окружающей его зелени. Наконец является огромный котел гор, в глубине коего бездна утесистых холмов, покрытых мохом. Дорога идет по высоким краям котла. Уединенный почтовый двор на краю котла. Чем далее, тем бесплоднее утесы, и не понимаешь, как могла быть проложена по ним дорога. Живописный проезд. Кусты, а не деревья, Heidekraut****, Zistusrosen*****, лавры, зеленые дубы; вблизи их деревни. Утесы. Талк, шифер, гринштейн. Переезд сквозь прорыв горы на западную сторону. Более зелени. Спуск. Вид залива и мыса. Волны фиолетовых холмов, озаренных заходящим солнцем. Внизу на заливе Монельо; фиолетово-голубое море у берегов. Спуск к Сестри в сумерки. Сестри в прелестной

* От *лат.* cerealia — хлебные злаки.

** перила, парапет (*фр.*).

*** серпентин (*нем.*) — серо-зеленый поделочный камень.

**** вереск (*нем.*).

***** чистец (*нем.*).

равнине. Сады. Дорога от Сестри к Кивари берегом моря. Справа стены, слева ряд кактусов. Роцца, наполненная светящимися червяками, Лаванья. Сестри. Прекрасный трактир на почте.

25(6), четверг. Приезд в Геную через Рекко, Рапалло и Нерви. Близ Рекко оканчивается Наполеонова дорога великолепной галереею и сводом. Отсюда вид на весь залив Генуи, испорченный для нас дождем. Чудесная дорога берегом в виду несущегося моря. С одной стороны утес Сестри, с другой весь залив Генуезский. Нерви город на берегу, коего дома тонут в бездне померанцевых садов. Генуя. Усталость и дождь помешали осмотру города. Пароход идет еще на другой день в полдень. Нерешимость. Вечеру в театре: "*Barbier de Séville*"⁹⁸ и "*Festa di Rosa*"⁹⁹. Madame Ungern в роли Розины.

26(7), пятница. Едем на пароходе. В 11-ать часов после завтрака на пароход, набитый скучными англичанами. Грустное прощанье с Тургеневым. Путешествие во весь этот день быстро и счастливо. Я читал Вашингтона Ирвинга¹⁰⁰. Два любовника. Мильс с измятою рожею. Принцесса кухарка. Угрюмый и лаконический капитан с смуглою рожею. Ночь на палубе под прелестными звездами.

27(8), суббота. Утро прекрасное; но с 8 часов до самого приезда в Марсель в 3½ часа несносная качка, от которой меня рвало и несло кровью. Всё время пролежал, ничего не видя и не желая видеть. А небо удивительно ясно. Наконец знакомый запах нужников возвестил нам близость Марсели. Ужасная духота в городе. Скучные таможенные хлопоты. Лабанд. Весь вечер провалялся, как убитый.

28(9), воскресенье. Марсель. Утро до 4½ дома. Ужасная духота и вонь. Обедал у Лабанда. Прекрасный вечерний вид с его террасы. Голые утесистые горы белы, обагранные лучами солнца, и над ними алое небо; тысячи бастид и белый город на бледно-зеленом фоне олив. Что-то похожее на жилище духов. Князь Хилков и Бланшне у консула. В 10-м часу домой.

29(10), понедельник. Выезд из Марсели. Поутру в ванну. Укладка. У меня Лабанд, Бланшне и Хилков. Замечание о таможене. Право конфисковать. Выезд в ½ 6. Дорога через дикие, уже знакомые места; деревья у дороги, покрытые ужасною пудрою. Прекрасный замок с густыми аллеями, лугом и фермою посреди деревьев. Захождение солнца, чудесное, очаровательная окрестность, янтарное небо, черные горы, алые облака. В Эксе в Hôtel des princes. Красноречивая хозяйка. Порядочно, но дорого.

30(11), вторник. Переезд от Aix до Оранжа. Обедали в Ороне; проехали Авиньон. В Оранже огромный почтовый двор с комнатами старинными.

31(12), среда. Переезд из Оранжа до Валансы. Ужасный мистраль. Густые облака пыли душат и слепят. Он лишил нас обозрения триумфальных ворот близ Оранжа. Обедали в Монтелимаре. После обеда тише. Чем ближе к Валансу, тем приятнее сторона: равнина, покрытая садами, нивами, шелковичными и ореховыми деревьями. Кругом горы; в низких густых берегах скрывается Рона. Ночь в Валансе. Прекрасный трактир Hôtel de la poste. Марианна и Мария.

(Июнь)

1(13) июля, четверг. От Валанса до Гренобля вся дорога идет долиною Изеры. Справа великолепные Альпы удивительной формы с разнообразными вершинами. Цвет беловатый и зелено-желтоватый утесов. На широком дне долины холмы, составляющие хребет. Долины покрыты густыми каштанами, орехами, шелковицами. Широкие нивы, размежеванные виноградными оградами, составляющими заборы; деревья, дома, деревья. Каштаны в цвету. Обедали в S.-Marcellin. Живописный спуск к Tullin. Белые дома с красными кровлями, Château de Veurée. Удивительно живописные деревни и замки. Копны сена и запах. Тополи. Дорожки боковые, осененные деревьями. Проезд сквозь огромные ворота утесов. Утес направо чудной формы. Виноград около деревьев, вместо фестонов трельяж и колья. На высоте гор вместо елей каштаны, пажити, хижины. Гренобль за Изерою. Паспорт. Несносная ночь в Hôtel des ambassadeurs.

2(14), пятница. Переезд из Гренобля в Aix-les-Bains. Такая же сторона, как и вчера, не столь разнообразна. Дождь. Шамбери в прелестной долине, окруженной зелеными каштановыми и тополевыми аллеями, Mont Génis. Утесы, в коих скрыта La Grande Chartreuse. В Aix Hôtel Grillon, очень чистый. Дождь. Перед окнами площадь. Дилижансы. Лавка кондитера.

3(15), суббота. Переезд из Экса в Женеву. Бой непогоды с солнцем. Плодоносная сторона. Каштаны и орехи. Альбервиль. Предика* нищим. Обед в коляске. Время к вечеру исправилось. Приезд в 5 часов в Женеву. Наконец день прекрасный в Женеве. Поездка в лавки. Потом за городом через Преньи и Шамбези. Вид на Монблан и на массу гор при солнечном захождении. У Прива.

4(16), воскресенье. Рейтерн отправляется на пароходе. Я остаюсь для консультации Майора. Переезд из Женевы в Верне.

5(17), понедельник. Отдохновение.

6(18), вторник. Писал к Гизану. Чтение журналов. Пляска.

7(19), среда. Писал письма.

8(20), четверг. Письма к Северину и M-elle Wildermeth. У нас Бок и Лютерно.

9(21), пятница. Чтение Бунзена¹⁰¹.

13(25), вторник. В 10 часов сделана операция¹⁰².

14(26), среда. У меня Бок.

16(28), пятница. Лютерно.

17(29), суббота. Лютерно. Покупка гравюр.

18(30), воскресенье. У меня Пиливе.

21(3 июля), среда. Приезд Лори. Вести из Марсели. Письмо от Жилля.

22(4), четверг. Письмо от Мердера.

26(8), понедельник. Несчастье с Миею¹⁰³.

27(9), вторник. Отъезд Лори. У нас чтение.

* проповедь.

28(10), *среда*. Вторая операция.

29(11), *четверг*. Калам.

(Июль)

1(13) *июля, суббота*. Расплатился с Майором¹⁰⁴.

3(15), *понедельник*. У нас Бок.

4(16), *вторник*. Расчет с Гизаном.

5(17), *среда*. В 10 часов поутру выезд из Берне. Прибытие Прива. Рисовал с дороги. В Веве у Бланшине, на почте и у Жантона. Остановился в 3 Couronnes. Чтение Гёте и его французского переводчика¹⁰⁵. Разговор об аристократии с Тургеневым. Прогулка в S. Martin. Гроб Ансильона.

6(18), *четверг*. Лозанна (Бальюталь). Выезд в ½* на пароходе. Кантон. Бок. Музыка. Американец с больною женою. Добрый Прива. Прощанье и слезы¹⁰⁶. Je veux à Genève**. У M-elle Calame. У Лагарпа. У Девеле. Обедал у Лагарпа. В pénitencière***. — Чай у Лагарпа. Разговор о Польше.

7(19), *пятница*. Jour de naissance de Reutern****. Выезд из Лозанны в 7 часов. Обедали в Мудоне (трактир, лестница винтом). Между Мудоном и Пайерном приятная долина. Замок Lussens. Пайерн. Старинная церковь. Лошади отдыхали, а я пешком с Андрюшей. (Экзамен. On ne peut pas bouger****.) Аллея за городом вдоль дороги. Авеню. На высоте старинная церковь; часы как в руках; терраса с тенистыми деревьями за городом. Артисты на трубах.

8(20), *суббота*. Ночевал в Муртене. Трактир La Couronne очень порядочный и чистый на берегу озера. Пирамиды. Переезд в Берн. Вид на ряд гор. Остановился в Fauson. Обед вместе с Виолье. К Лори. К Ольферсу. Вильмот. Опять к Лори. Домой.

9(21), *воскресенье*. Поутру в 8 часов отправился с Андрюшей в Блуменштейн к Северину. Минеральные воды у подошвы Штокгорна. Эрмитаж. Curhaus. Явление графа Строганова. Обед за общим столом с 60 гостями. Танцы после обеда. Покупка коляски. Возвращение в 8 ½ часов.

10(22), *понедельник*. Поутру у Лори и у Ольферса. У меня обедал Северин с Виолье. Чай пил у Северина.

11(23), *вторник*. Выезд в 8 часов. Перемена лошадей в Золотурне. Небольшой город, окруженный каменными бастиями. Роскошные липы. Крутые холмы, слева в ряд высокие утесы. — Замки. Биль в стороне слева. Клус над дорогою посреди узкого утесистого прохода. Бальсталь в долине между двумя замками. Живописные утесы. От Бальстала переезд через Hauenstein. Спуск вплоть до Базеля.

* Час не указан.

** Я хочу в Женеву (*фр.*) — слова Андрюши Воейкова.

*** исправительная тюрьма (*фр.*).

**** День рождения Рейтерна (*фр.*).

***** Нельзя тронуться с места (*фр.*).

12(24), среда. Базель — Фрейбург. Поутру. В библиотеку. Картины и рисунки Гольбейна¹⁰⁷. Неблагодородство Христа. Рисунки *Страсти* выразительно. Портрет жены, Эразма, семейство Моруса. Пляска смерти. Римские древности. Кафедральная церковь настоящего готического стиля. Святой Георгий и Мартын из камня. Резная кафедра: гробы жены Рудольфа Габсбургского¹⁰⁸ и Эразма. Нижняя церковь и гробы. Зала собора. Фальц с прекрасными деревьями. Kreuzgang = Campo Santo. Ратуша, старинная зала и стёкла. Камера-обскура — вид на Рейн и 3 Könige. Переезд в Эммендинген. Kalte Herberge*. Грубиян почталцион. В Фрейбурге коляска с англичанками и студенты. Андрюша и солнце. Dieu est plus grand que la terre**. Ночевал в Эммендингене. Adler. Прекрасные комнаты. Rehbraten***.

13(25), четверг. Переезд из Эммендингена в Баден. Обед в Оффенбурге. Кладбище. В 7 часов в Бадене. Долгое искание квартиры. Тесная комната в Sonne. Вечер у Мердера. Здесь Жомини, Шторх, принц Фридрих.

14(26), пятница. У Жомини. Писал к В(еликому) кн(язю)¹⁰⁹. Поездка в Герренбаль. Обзорение Эберштейна, хорошо убранного эрцгерцогом. В salon de conversation****. Жомини: программа, Хатов и Бутурлин. Pixerécourt и M-e Jomini с дочерьми.

15(27), суббота. Поутру у Мердера, потом у Шторха в доме графа Мантейфеля. Обед в Badische Haus. После обеда Заблоцкий. Страх от Андрюшки. Ende и Энгельгарт. Чай у Мердера. Прусский посланник Отгерфельд¹¹⁰. — Бал. Граф Мантейфель. Витт. Князь Голицын и несколько бород.

16(28), воскресенье. Баден — Дармштат. Завтракал в Раштате. Площадь с церковью. Головы живописные в salle de compagnie*****. Обедал в Брухсале. Ночевал в Дармштате, Darmstädter Hof.

17(29), понедельник. Ганау — Франкфурт. Приезд во Франкфурт; В Weidenhof. Рейтерн. Викулин. Бехтеев. К Югелю и Эрдману. Обед за table d'hôte. Поездка в Ганау. Жилье. — Вечер дома.

18(30), вторник. Ганау — Франкфурт. Weidenhof. Югель. Анштет. О портрете Рейтерна. Лауниц. Письма взял с почты. Книгу Северина. Белье и платье. Отъезд Рейтерна. Писал письма: к Великому князю¹¹¹, к Аренту, к Екатерине Афанасьевне, к Северину, к Тургеневу. Обедал у Бехтеева. У Багреевой. К Жиллю. У меня Сафонов и Жилье.

19(31), среда. У меня Лауниц и Бехтеев. К Югелю. К Эрману. К Князю Григорию Гагарину. Заказал платье и белье. Отъезд в Шлангенбад через Вейльбах. В Висбадене встреча с Кутузовым и Блиссенбахом. В Шлангенбаде остановка в Nassauer Hof. Весь вечер всё приводил в порядок. Здесь

* Холодная гостиница (нем.).

** Бог больше земли (фр.).

*** Жаркое из дикой козы (нем.).

**** гостиница (фр.).

***** зал собраний (фр.).

Бернсторф, В(еликая) княгиня под именем графини Романовой¹¹². Цвирлейн с Штольтерфот и М-е Viollier.

20 (1 августа), четверг. Шлангенбад. Ванны. У Цвирлейна, у М-е Viollier, у Бернсторфа. Жена его, похожая на Сашу. У Великой княгини. Ее сестра графиня Менсдорф¹¹³.

[Вот я поселился на три недели в Шлангенбаде¹¹⁴. Время весьма неприятное, холодное, то дует пронзительный северный ветер, то идет мелкий осенний дождь, изредка проглядывает солнце, но только для того, чтобы подразнить своим минутным присутствием. В ясную погоду здешняя природа могла бы показаться приятною: зеленые неглубокие долины, на дне коих выются ручьи и дороги и рассыпаны крестьянские дома, мельницы, огороды. Но теперь всё печально, и не хочется выйти из горницы. Живу в огромном, старинном и довольно нечистом доме Nassauer Hof; комнаты мрачны; в окна и двери несет; общества мало, хотя жильцов и довольно. В Эмсе и Швальбахе пьют и купаются; здесь только что купаются, и каждый в свой час; от этого всё розно. Одним словом, здесь мрачно, пусто и скучно. Займусь описанием прошедшего.

Я видел чудесный сон: множество великих, до бесконечности разнообразных предметов, кои так долго, так долго, с первой молодости до теперешних лет, говорили воображению, привлекали мысли, тревожили любопытство, стеснившись в одну толпу, в несколько минут промчались перед глазами моими, всколыхали всю душу, как буря, и исчезли. Видел ли я их — не верится; наслаждался ли их явлением — не знаю. Весьма немного осталось в душе от этого очаровательного хаоса охладевших воспоминаний, и едва ли удастся привести в некоторый порядок это немногое.

Всё путешествие мое с берегов Женевского озера до Неаполя и обратно от Неаполя до уединенного моего домика в деревне Верне продолжалось не более двух месяцев. Я выехал из Верне 13-го апреля и через десять дней уже был посреди голубых волн Средиземного моря, на пароходе Il Real Ferdinande. Какая быстрая смена климатов, времен года и сцен природы! Из Лиона (до которого мы доехали в два дни из Женевы, преследуемые холодным ветром, дождем и снегом, в виду темно-синей белоголовой Юры) отправились мы в 5 часов утра на пароходе. С обеих сторон промелькнули мимо нас берега быстрой Роны, покрытые безлиственными деревьями; нигде еще не было зелени; дул холодный мистраль, и ничто не возвещало весны; но в пять часов после обеда, вышед на берег у Авиньона, мы очутились посреди зеленеющих полей, распустившихся цветущих деревьев, и над нашею головою расстилалось голубое прованское небо, с легкими прозрачными облаками. Перед нами блистала весна, несмотря на северный мистраль, который пронзал нас насквозь и подымал столбами белую пыль на дороге. Не могу ничего сказать о южной Франции, я нигде не хотел останавливаться; цель моя была поймать пароход в Марсели. То, что я мог видеть в Провансе с большой дороги, совсем не привлекательно и нимало не отвечает тому поэтическому понятию, которое мы составляем себе о сей

знаменитой отчизне трубадуров: голые, ободранные холодным мистралем или сожженные зноем юга равнины, белые, совершенно нагие утесы; бедные деревни, составленные из худо построенных нечистых лачужек, в коих ничто не утешает картину веселой домашней жизни; вот всё, что я видел по дороге от Авиньона до Марсели. Окрестности Экса довольно живописны, но весь путь от Экса до Марсели представляет печальную пустыню утесов; иные места так печальны и дики, что воображению невольно мечтаются безжизненные окрестности Мертвого моря, давно пораженного проклятием неба. Наконец въезжаешь на высоту, и вдруг видишь голубой залив Средиземного моря, гавань, наполненную лесом мачт, и Марсель, окруженный бесчисленным множеством бастид*, белый город, расположенный по отлогому берегу, окруженный с суши белыми утесами гор, а с моря грядами белых утесистых островов. Вид великолепный, но не привлекательный: здания кажутся продолжением утесов; бастиды не защищены от зноя тенистыми деревьями, а бледная зелень олив не утешает взора, которому всё представляется знойным и пыльным.

Наше плавание, продолжавшееся семь дней, было благополучно. Я видел все западные берега Аппенинского полуострова от Марсели до Неаполя. Не знаю, какое действие произвело бы надо мною это величественное Средиземное море, когда бы я очутился на нем в молодые, поэтические годы жизни: но и теперь, когда уже поэзия для меня миновала, оно сильно расшевелило мое воображение: его лазурь спокойно расстилалась перед глазами моими; всё было тихо; один только кипучий серебряный след тянулся за нашим пароходом, и слева медленно развивались голубые гористые берега Италии: а мыслям мечтались все сорок веков истории человеческого рода, коего главные судьбы решались на берегах этого моря, омывающего Египет, Палестину, Малую Азию, Грецию, Италию, Сицилию, Корсику, Францию и Испанию. Темные века пирамид, патриархальные времена пророков, баснословные странствия финикийян и греков, развозивших повсюду сокровища торговли, законов и наук. Аргонавты, Улисс и Эней, флоты римлян и карфагенян; всё обновляющий крест в Палестине и корабль апостола Павла, таинственно входящий в пристань Пуццольскую, новый Рим, могущественнейший древнего; арабы, норманны, крестоносцы; блеск Венеции и Генуи и, наконец, в наше время два плаванья Наполеона от Египта и Эльбы и целое тысячелетие Рима, возобновившееся в десять годов жизни одного чудесного человека, всё это волновало душу; толпа великанских привидений наполняла пространство между голубым безоблачным небом и равниною моря, которое и теперь так же спокойно его отражало, как и в те времена, когда ладьи фокейских изгнанников летали по нему с колыбелию Массилии¹¹⁵. В первый день проехали мы в виду Тулонской пристани, загороженной от нас двумя огромными утесами; из-за них вдали мелькали корабельные мачты; солнце зашло, когда мы очутились между грядами

* От *фр.* *bastide* — деревенский домик, загородная дача.

Гиерских островов и южным берегом Франции, на коем у подошвы голубых и фиолетовых гор мелькал Гиер, окруженный померанцевыми садами.

В первый день путешествия чувствовал я морскую болезнь, которая не дала мне покоя и ночью; но к утру всё миновалось. Было ясно и тихо, когда я из тесной каюты своей вышел на палубу. Ночью прошли мы мимо Фрежюса, Антиба и Ниццы и теперь находились уже против С.-Ремо. Великолепные берега Италии лежали перед глазами моими в прозрачном тумане утра; их формы беспрестанно изменялись; нам ясно видна была дорога, идущая по крутизне над самым морем (все эти части берега известны под именем *Corniche*); путешественники мелькали на высоте его как черные точки; сквозь тонкий пар, над светлою лазурью моря, посреди темной лазури берегов мелькали вдали, приближались и исчезали позади нас города и виллы; мы быстро прошли мимо *S. Mauricio*, *Oneglia*, *Alassio*, *Albenga*, и наконец вдалеке открылась Генуя. Ничто не может быть великолепнее Генуэзской гавани с моря: солнце ярко блистало, когда мы к ней приближались; сперва явилась необозримая полоса зданий: ибо в отдалении кажется, что все города, расположенные по заливу: Спец, Сестри, Рекко, Рапалло, Нерви и Генуя, составляют один; но вдруг Генуя величественно отделяется от прочих, растет из воды по мере приближения к ней и, наконец, обхватывает тебя своею глубокою гаванью, впереди которой, как великан-страж ее, возвышается башня, служащая фаросом для кораблей, плывущих к гавани во время ночи. Город стоит на полугоре и сходит бесчисленным множеством зданий к самому морю; он обнесен двумя стенами и защищен укреплениями, по высотам расположенными. Ни один город в Италии не имеет такого множества монументальных великолепных домов, как Генуя, и в этом отношении она совершенно заслуживает имя свое *la superba**; но я не мог насладиться ее великолепием, хотя наш пароход и пробыл 24 часа в гавани: во всё это время лил проливной дождь, и не было никакой возможности осматривать город: я мог видеть только внутренность некоторых главных зданий. *Palazzo del Re* в *Strada Balby* есть старинное здание; оно принадлежало прежде фамилии *Durazzo*; в его картинной галерее находятся некоторые замечательные картины, например, Веронезова Мария, омывающая ноги Спасителя, и Тициановы Пастухи перед Младенцем Иисусом. Вестибюль университета есть превосходный памятник зодчества. Древний дворец Андрея Дории привлекателен своими историческими воспоминаниями: на его террасе, с коей видна вся пристань, знаменитый дож угощал императора Карла V. Рассказывают, что золотые блюда, на коих подносились кушанья Карлу, были все брошены перед глазами его в море: это польстило алчности императора; но в глубине моря таилась сеть, и ни одно из драгоценных блюд не осталось на дне его. В *Palazzo Serra* показывают залу, блестящую позолотою, кристаллами, зеркалами и стоившую, как уверяют, 1.200.000 франков: мне она не понравилась, великолепие без вкуса; остальные комнаты дворца своею бедностию и нечистотою составляют

* великолепная, гордая (*ит.*).

странную противоположность с сей знаменитою залюю. Из церквей Генуи я видел только три; в кафедральной S. Lorenzo, построенной из белого и черного мрамора, почивают мощи Иоанна Крестителя; в ней находятся также и гробницы знаменитой фамилии Фиески. Церковь Annunziata есть великолепнейший храм Генуи. А старинная церковь S. Stefano привлекает путешественника не пышностью архитектуры, а картиною Рафаэля, изображающею мученичество с(вятого) Стефана. Часть сей прекрасной картины писана самим Рафаэлем, а часть Юлием Романом, знаменитым учеником его. Театр Carlo Felice, в котором я видел Беллиниеву оперу "Il Pirata" и балет "Eteocle e Polinice", есть, по моему мнению, лучший в Италии; может быть, La Scala в Милане и S. Carlo в Неаполе огромнее, но оба уступают Генуэзскому и красотою, и великолепием архитектуры. Дождь перестал, но облака покрывали небо и ветер волновал море, когда мы возвратились на пароход свой; волнение продолжалось до утра, и ночью возобновился дождь; но к утру небо прояснилось, и прекрасная, хотя довольно холодная погода встретила нас в Ливурнской гавани. Ливурна город не великолепный, но многолюдный и оживленный торговлею. Позавтракав в café Minerva, мы отправились в Пизу, находящуюся в трех часах езды от Ливурны. Сей город, некогда знаменитый, полный силы и жизни, сохранил всё древнее свое великолепие, но тих и пуст, как огромная гробница. Его кафедральная церковь с своею наклонною колокольнею, Баптистериум и Campro Santo, стоящие на одной площади, покрытой травю, приводят в изумление величием своей архитектуры; но окружающая их запустелость невольно приводит в уныние душу...].

21(2), пятница. Обедал у Великой княгини.

22(3), суббота. Пасмурная погода. 1-я ванна. У Бернсторфа.

23(4), воскресенье. У меня князь Лопухин. Поездка в Швальбах. У Анштета. У Бернсторфа.

24(5), понедельник. Пил чай у великой княгини. Герцог Кобургский, брат ее¹¹⁶, и сестра графиня Менсдорф.

26(7), среда. Вечеру у меня Раух и Свербеев.

27(8), четверг. Приезд Жилля. Отъезд Рауха и Свербеева. Молчаливый обед.

28(9), пятница. У меня Сперанский¹¹⁷. Поездка в Швальбах и обед у Анштета. Письмо от Рейтерна.

29(10), суббота. За общим столом обедал вместе с графинею Бернсторф, ее племянницею и зятем. После обеда у Бернсторф. Принц Гессен-Гомбургский, Бернсторф с дочерьми, Бранденштейн и другие. У Данекера. У Великой княгини под деревом. Разговор о короле¹¹⁸ с Бернсторфом: A quelle

* При каком дворе можно видеть что-либо подобное? Все держатся довольно далеко от короля, который редко видит людей, и никто не опасается возбудить его интерес (фр.).

cour peut-on voir cela? Tout le monde est assez loin du roi, qui voit rarement les hommes, et personne ne craint l'intriguer*.

30(11), воскресенье. Обед за table d'hôte с семейством Бернсторф. Арним. После обеда прогулка по большой дороге. М-е Веck с дочерьми. Ссора с Андрюшею.

31(12), понедельник. Прогулка с Андрюшею в Rauenthal.

(Август)

1(13), августа, вторник. Завтрак на террасе. Поутру у Бернсторф. Разговор о свободе книгопечатания и о цензуре. Бернсторф. Прогулка по швальбахской дороге.

2(14), среда. Посещение Карла Карловича¹¹⁹.

3(15), четверг. Обед у Великой княгини. У Бернсторфа поутру с принцем Гессен-Гомбургским. Ввечеру у меня Лауниц.

4(16), пятница. Выезд из Шлангенбада. В Вейльбахе. У меня ввечеру Бехтеев, в Hotel Weidenhof.

5(17), суббота. Во Франкфурте. Поутру у Югеля, Анштета, М-е Göthe, Маркеловой, графини Алопеус. Обед у Анштета. В театре: "Tancredi"¹²⁰. У Маркелова. Жадимировский. Дома. Альбом М-е Göthe.

6(18), воскресенье. Выезд из Франкфурта. Проехал Фридберг. Гунген. Ночевал в Грюнберге.

7(19), понедельник. Переодевался в Альфельде (готическое здание против трактира). Приезд в Виллинсгаузен¹²¹. Семейство за столом. Дочери Фрица Шверцеля¹²². Ввечеру смотрел вал, Остенде и Ватерлоо. Музыка.

8 (20), вторник. В Виллинсгаузене. Поутру показывал свои рисунки и смотрел кладовеки. Прогулка в саду. Gartenlaube*. Старые деревья. Мост через Неву. Семейные деревья. Место Рейтерна. Кавказ. Ель. Липа. После обеда кладовеки. Прогулка: деревня, кладбище. Церковь. Кассельская дорога. Кладовеки. Музыка. Праздник свадьбы Рейтерна.

9(21), среда. В Виллинсгаузене. Ссора с Андрюшею. Перед обедом рассматривал кладовеки. Прогулка. После обеда показывал свои рисунки. Приезд Фрица. Музыка. *Les deux journées*¹²³.

10(22), четверг. Отъезд из Виллинсгаузена в ½ 12. Рейтерн со мною до Цигенгайна. Веселая сторона, покрытая холмами и рощами. Ваберн, где заложили мне свежую лошадь. Диссен; большой почтовый дом с широким двором. В Касселе в König von Preussen на круглой площади.

11(23), пятница. Переезд из Касселя в Готу. Ночевал в Готе, Hotel der Moog. Рисунки Гётевы. Гравюры Рафаеля. Рембрантовы рисунки. Подарки Гамбурга. В кабинет; бедность и Geschmacklosigkeit**. Разделение часов. Портрет Наполеона. Бюст императрицы и венцы. Mehr Licht!¹²⁴. Спальня. Библиотека; манускрипты. К М-elle Pogwich¹²⁵. Альма и Вольфганг¹²⁶.

* Беседка (нем.).

** отсутствие вкуса (нем.).

К великой княгине¹²⁷. Spiegel с дочерью. Бьелке. Санти с женою. Вечер у великой княгини. Обозрение дворца.

12(24), суббота. Переезд из Готы в Веймар. Приезд в 3-м часу. Остановился в Erbprinz. К канцлеру Миллеру. С ним к Бьельке, к Фицтуму. В театр: "*Jeanne d'Arc*". После театра к Санти. Кудрявский. Анекдоты о Гёте: Der verfluchte Giebel*. 3 обета в Шампиньи: Den Giebel nie zu flüchten, nie in einem schlechten Theater sich zu langweilen, nie ein Kompliment zu sagen ohne es aufrichtig gedacht zu haben. — Von solchen Dingen spreche ich nur mit Gott**.

13(25), воскресенье. Веймар. Поутру с Крейтером в библиотеку. Бюст Гёте Давида¹²⁸. Ошибка. Перспектива. Шиллер. О привязанности Гёте к Шиллеру. Виландово письмо о Гёте к Якоби¹²⁹. Письма отца и матери. В башню. Альбомы дале 16-го века. В доме Гёте. Комната медалей: медали Средних веков; бронзы; слепок с Шиллерова черепа¹³⁰ (история, как он найден). Смерть Шиллера 1804¹³¹, погребение; в 1815; соединение скелета; черепа; бюст Данекера; портреты; вход по билетам; Шиллеров слуга; два зуба. Череп Вандика.

14(26), понедельник. Веймар — Мерзбург. Поутру у канцлера Миллера. О Гётевом «Фаусте». О Гумбольдте. У Великой княгини. Ее библиотека. Рисунки сына¹³². Отъезд в 12 ¼. Ночевал в Мерзбурге. "Die Sonne", очень чистый трактир.

15(27), вторник. Мерзбург — Виттенберг. Кафедральная церковь. Гробы герцогов. Картина Лукаса Кранаха. Положение во гроб и Распятие; на последней три Лютера. Святая Екатерина Албрехта Дюрера. Гроб епископа Труге. Казненный камердинер. Одежда Оттона и св. Кунигунды. Рука Рудольфа. Проехал через Виттенберг. Осмотр ратуши. Десять заповедей Кранаха. Меч Густава-Адольфа. Четки Лютера. Ночевал в Трейенбритцене.

16(28), среда. Потсдам. Письма. Редерн. День в Потсдаме. В Einsiedlei***. В Сан-Суси. Галерея. В Шарлоттенгоф. God save the king****. Разговор об Италии. Биллиарды. У принца Вильгельма. M-elle Block. M-e Verdeck. Принц Карл. Разговор с принцем Вильгельмом. Принц Виртембергский.

17(29), четверг. Берлин. Письмо к Лауницу. Для Рейтерна свидетельство. Визиты. Покупки. Рисунки Гёте Рейтерну. В Берлин. К Сперанскому. У меня Массов. К князю Витгенштейну. К королю. Встреча с Сперанским. О Круге. У короля: мундир. В музей, в собрание египетских древностей. Дома. У меня Витгенштейн. К Шенку. К Мальтицу. К Рибопьеру. К Радзивилл. К Клейсту. К Радовицу. Жаркий разговор о Риме и абсолютизме.

* Проклятый фронтон (нем.).

** Никогда не проклинать притолоку, никогда не скучать в дурном театре, никогда не говорить комплимента, если искренне так не думаешь. — О таких вещах я беседую только с Богом (нем.).

*** пустынь, жилище отшельника (нем.).

**** Боже, храни короля (англ.) — слова английского гимна.

18(30), пятница. Берлин. К Сперанскому. К Фикельмону. К Вихману. К Штакельбергу. В муzeum. К Радовицу, у которого обедал с Клейстом. Вечер у Гуфланда.

19(31), суббота. К Вихману. К Гропиусу. К принцессе Радзивилл. Гумбольдт. К Шинкелю. Лессингова картина¹³³. Обедал у Радовица. — К Клейсту. К Радовицу.

20(1) сентября, воскресенье. У Вихмана. Поутру с Клейстом и Радовицем в королевский дворец. Рафаелевы копии. Картины: Лессинга, Бендехагена, Зона. Визиты. Обедал у Радовица.

21(2), понедельник. Утром у Вихмана. У Рауха и Тика. У Крюгера. У Шенка. Обед у Радзивилл. Перед обедом у Радовица. После обеда у Клейста. Вечер у Радзивилл: Радовиц, герцог Кембричский.

22(3), вторник. Поутру у Вихмана. С Радовицем к Дюмлери и Пленку. У гр. Гребен. С Клейстом в диораму и панораму Залбурга. Домой. Обедал у Радзивилл с Радовицем. После обеда в Singakademie* с Клейстом. Домой. Вечер у Радовица. Чтение о душе, привидениях, музыке.

23(4), среда. У Шенка. У Витгенштейна. У принцессы Радзивилл. У Радовица обедал. К Гензелю (Христос перед судилищем). В театр: "Robert le Diable"¹³⁴. Дома. У меня Клейст и Радовиц.

24(5), четверг. Ландсберг. Ночевал на почте.

25(6), пятница. Ландсберг. Ястров. Известие о Государе¹³⁵. Встреча в Вальденберге с Адлербергом. Ночью встреча с Волхонским.

26(7), суббота. Ястров. Диршау. Обедал в Черске. Ночевал в Диршау. Rothe Krug.

27(8), воскресенье. Диршау. Бранденбург. Осматривал Мариенбург.

28(9), понедельник. Бранденбург. Тильзит.

29(10), вторник. Тильзит. Кольм. Худая ночь.

30(11), среда. Кольм — Рига. Петерсен. Фрейман. Реннекамф. M-elle Wolmerange. Milly Reutern¹³⁶. Бредерло: его картины. Вандик. Новые ландшафты и марины. Картоны Рафаеля.

31(12), четверг. Рига. В Энгельгардсгоф, помешательство.

⟨Сентябрь⟩

1(13) сентября, пятница. Энгельгардсгоф — Лоддигер. Юлия Рейтерн¹³⁷ одна. Приезд Германа с женою¹³⁸. Песни Loewe, Гердеров романс и Drei Wanderer¹³⁹. Приезд Эммы, Натали и Унгерна¹⁴⁰. Пение. Известие о Христофоре¹⁴¹. Разговор с Унгерном.

2(14). Loddiger Wolmar. Отъезд в три часа.

3(15). Wolmar. Дерпт. Ночь в Петербургском трактире.

4(16). Дерпт. Свиданье с Карамзиными¹⁴². Визиты: к Асмусу, к Блуму, к Парроту, к Зенфу. Обедал у Екатерины Афанасьевны. Вечер у Карамзинных, потом дома. Погребение малютки Мещерского¹⁴³.

* Школа (академия) пения (нем.).

5(17). Дерпт. Именины Лизы¹⁴⁴. У Борга, Еше и Эрдмана. Обедал дома. Приезд Вяземского. Вечеру у Карамзиных. Изломанное колесо. Северное сияние. У меня Борг, Рейц, Блум и Еше.

6(18). Дерпт. Зенф у меня. Обедал у Карамзиных. Рождение княгини Вяземской. У меня Гейц и Паррот. На обсерваторию: луна и Юпитер. Димлер, Муравьев, Золотарев и Тютчев.

7(19). Дерпт.

8(20). Дерпт — Чудлей.

9(21). Чудлей — Кипень.

10(22). Кипень — Царское Село. Приехал в 10-ть часов утра.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич

ДНЕВНИКИ В. А. ЖУКОВСКОГО КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

В. А. Жуковский вел дневники всю сознательную жизнь. Первые дошедшие до нас записи датируются 1804 г. и созданы 21-летним молодым человеком, думающим о своем назначении и вступающим на поприще русской словесности. Последние — сделаны на календарных листках за 1846—1847 гг. уже слепнущим, почти 65-летним писателем, завершающим свой творческий путь созданием «русской Одиссеи». Почти полвека собственной биографии и общественно-культурной жизни России первой половины XIX в. запечатлены на страницах этого литературного памятника, воссоздавшего драматическую судьбу поэта, мыслителя, общественного деятеля.

В 1847 г., словно подхватив эстафету Жуковского, 19-летний Лев Толстой начинает свои дневники, которые будут вести до конца долгой жизни. Более полувека мучительных поисков и истории русской жизни второй половины XIX — начала XX в. проходят на страницах этой «духовной Одиссеи».

Связь эпох, преемственность идей, переключки духовных и эстетических поисков — все это очевидно при сравнении столь масштабных по протяженности и интеллектуально-духовной насыщенности документов русской культуры. Но вместе с тем рельефнее обозначается и сущность личности первого русского романтика, наставника целого поколения русских писателей, в том числе и Пушкина.

«Изучение творчества Льва Толстого должно начинаться с его дневников»¹, — писал Б. М. Эйхенбаум. Думается, разговор о жизни и творческой судьбе В. А. Жуковского, о его месте в истории русской культуры невозможен без такого памятника целой эпохи, как его дневники. Вместе с тем без его дневников и представление о литературной и общественной жизни России первой половины XIX в. будет далеко не полным.

В истории русской дневниковой прозы XIX в. «Дневники» В. А. Жуковского — явление уникальное, но, к сожалению, изученное совершенно недостаточно. Более того: несмотря на подвижническую деятельность И. А. Бычкова по их расшифровке и публикации², они еще до конца не собраны.

¹ *Эйхенбаум Б. М.* О литературе. М., 1987. С. 36.

² См.: *Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова.* СПб., 1903.

Остались за пределами бычковского издания «Дневников» 1903 г. дерптские записи 1814—1815 гг., парижский дневник, конспективные заметки о смерти А. С. Пушкина, находящиеся в архивах многочисленные неопубликованные дневники за целые годы³, что свидетельствует о насущной потребности дальнейшей работы по собиранию и изданию этого интереснейшего памятника русской культуры.

Исследователи, обращавшиеся по разным поводам к «Дневникам» Жуковского, отмечали их историко-литературное и общественное значение. Так, Л. Я. Гинзбург называет дневник молодого Жуковского примером «ранних попыток русской мысли анализировать внутреннего человека»⁴. По мнению Р. В. Иезуитовой, они являются «ценнейшим документом для исследователей русской и европейской общественно-литературной и культурной жизни первой половины XIX в.»⁵. «Конспективные заметки Жуковского о гибели Пушкина» давно вошли в арсенал пушкиноведения⁶; записи 1840—1841 гг., как убедительно показал М. И. Гиллельсон⁷, должны стать органической частью лермонтоведения. О художественных достоинствах «Дневников» и их значении для исследования русско-европейских связей говорит Р. Ю. Данилевский⁸. И это подтверждается как его собственными изысканиями в области русско-швейцарских литературных отношений, так и фундаментальными трудами о судьбе Гёте в России⁹, о восприятии личности Жуковского в Германии¹⁰. Наконец, есть все основания видеть в них, как это уже убедительно показал в упоминавшейся выше работе Б. М. Эйхенбаум, истоки толстовского типа дневников и его психологизма¹¹.

³ Подробнее историю собирания и публикации дневников Жуковского см. в преамбуле к «Примечаниям» в данном издании.

⁴ Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1971. С. 40.

⁵ Иезуитова Р. В. Пушкин и «Дневник» В. А. Жуковского 1834 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 219.

⁶ Об этом см.: Левкович Я. Л. Дуэль и смерть Пушкина в конспективных заметках Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 455.

⁷ Гиллельсон М. Последний приезд Лермонтова в Петербург // Звезда. 1971. № 3. С. 137—146.

⁸ Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 137—146.

⁹ См.: Дурыйлин С. Н. Русские писатели у Гёте в Веймаре // Лит. наследство. Т. 4—6. М., 1932. Гл. 5. «Жуковский и Гёте»; Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л., 1981. С. 77—89.

¹⁰ См.: Gerhardt.

¹¹ Об этом см. также: Фрич Е. В. Личность автора в дневниках начала XIX века: (На путях к психологизму Л. Толстого) // Проблема автора в художественной литературе. Вып. I. Ижевск, 1974. С. 49—67; Скачкова С. В. К проблеме генезиса психологизма в творчестве молодого Л. Н. Толстого (Толстой и В. А. Жуковский) // Проблемы литературных жанров. Томск, 1983. С. 164—165.

При всем том дневниковая проза «Коломба русского романтизма в поэзии» (В. Г. Белинский) имеет и самостоятельный интерес. Дневники Жуковского — это один из редких образцов писательского дневника, воссоздающего творческую биографию художника. В этом смысле они не только зеркало души, но и отражение судьбы поэта. Известная поэтическая формула Жуковского «Жизнь и Поэзия одно» в дневниках конкретизируется: жизненные впечатления, материалы путешествий, духовные поиски становятся импульсом для размышлений на эстетические темы. Дневниковые записи нередко становятся комментарием к творческой истории отдельных произведений. Проблема романтического житнетворчества получает в дневниках Жуковского свое оригинальное выражение.

Дневники создавались в течение почти всей творческой жизни поэта. Характерно, что, как правило, наиболее развернутые и программные записи приходится на этапные в биографии Жуковского годы. Так, можно выделить своеобразные дневниковые массивы: 1804—1806, 1814—1815, 1820—1822, 1827—1839, 1840—1847 гг. Разумеется, не исключено, что дальнейшие разыскания могут внести коррективы в эту периодизацию, но, думается, суть эволюции дневниковой прозы Жуковского от этого не изменится. Именно в эти годы закрепляются разнообразные типы дневников, намечаются характерные для творческой биографии поэта-романтика формы связи анализа, описания внешней и внутренней жизни, их соотношение с поэтическими поисками. Психологическая лирика, романтические манифесты, лироэпос, эпические формы поэзии — все эти разновидности поэзии Жуковского, воссоздающие его движение от лирики к эпосу, обретают в дневниках свою мировоззренческую основу и находят в них свое жизненное развитие и воплощение.

Цель предлагаемой статьи — наметив некоторые моменты эволюции дневниковой прозы Жуковского, обозначив ее контекстуальные связи с событиями эпохи, дать своего рода путеводитель по дневникам поэта от их истоков до финальной точки.

I

Дневники 1804—1806 гг. имеют неповторимое лицо. В отличие от писем-дневников 1814—1815 гг., более поздних дневников, записи этого периода не просто исповедь или «колья (...), чтобы означить пройденный путь»¹². «Подневные записи 1804—1806 гг. — отражение напряженных самонаблюдений, микроскопический анализ душевных переживаний. Сама форма журнала, характер ежедневных отчетов о поведении выявляют связь дневников молодого Жуковского с определенной традицией, прежде всего с франклиновой системой. Жуковский, как и многие его современники, увидел в методе американского просветителя реальный путь к самоусовершенствованию.

¹² Вяземский. Т. 7. С. 481.

«Существо этого метода, — замечает современный исследователь наследия Франклина, — сводится к выработке главных „моральных добродетелей“ и к уяснению тех приемов, при помощи которых каждая из этих добродетелей станет для человека обязательной, само собою разумеющейся нормой поведения»¹³.

В рукописях Жуковского этого периода среди многочисленных росписей книг для самообразования, в списках на форзацах и обложках штудлируемых в это время сочинений имя Франклина появляется постоянно в ряду других знаменитых моралистов. Так, на обороте верхнего форзаца сочинений Шефтсбери Жуковский составляет список для чтения, где имя Франклина находится рядом с именами Руссо, Гарве, Энгеля, Лафатера, Лабрюйера, Дюкло и других философов и моралистов, чьи труды он изучал в эти годы. Но красноречивее этих упоминаний об интересе Жуковского к франклиновой методе говорят расписания занятий на день, на целый период жизни, которыми буквально пестрят страницы рабочих тетрадей поэта.

Так, среди росписей, конспектов, набросков статей, относящихся к 1804—1807 гг., появляется 13 вариантов порядка дня¹⁴, соответствующих принципу Франклина, изложенному в его «Автобиографии»: «Заповедь порядка требовала, чтобы каждому делу было отведено определенное время. Поэтому одна страница моей книжечки содержала следующее расписание занятий в течение суток»¹⁵. Вот образец одной из таких записей у Жуковского:

В 1805 от авг(уста) до декабря.

Вставать в пять часов, ходить.

От 6-ти до 8-ми. Перевод.

От 8 до десяти. Сочинять. Писать.

От 10 до двенадцати. Введение.

От 12 до 1. Завтрак, рис(овать) или с М(ашей).

От часа до трех. Перев(одить). Лес(ons). Табл(ицы).

От четырех до шести. Руссо.

От шести до восьми. Введение (читать)¹⁶.

В сочетании с дневниковыми записями этого времени, типа: «Лучше всего каждое утро, рассмотрев себя, положить, что делать в тот день, чтобы не потерять его» или «Надобно каждый день в своем журнале записывать то, что случилось со мною в течение дня, то есть себя рассматривать», с пометками: «дать отчет за день», «спросить себя», подобные расписания дня — почти буквальное воспроизведение суточных планов Франклина. Ср.:

¹³ Баскин М. П. Вениамин Франклин // Франклин В. Избр. произведения. М., 1956. С. 43.

¹⁴ РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 79. Л. 21

¹⁵ Франклин В. Избр. произведения. С. 486.

¹⁶ РНБ. Ф. 285. Оп. 1. № 12. Л. 15 об.

План (на сутки).

Утренний вопрос.

Какое добро могу я сего дня сделать?

5. Вставши умыться, и призвав на помощь

6. высочайшую Благодать, распорядить дела,

7. решиться на что-нибудь, относительно

до моей цели, упражняться в учении, завтракать.

(.....)

Вечерний вопрос.

Что сделал я сего дня доброго?¹⁷

Этот план, совпадающий почти в деталях с расписаниями Жуковского, интересен еще и тем, что появился в переводе друга Жуковского, Андрея Тургенева, дневники которого 1801—1802 гг. ориентированы на этот же тип сознания¹⁸. Переводчик выбрал из Франклиновых записок одну из важнейших — шестую главу, содержащую кодекс морального совершенствования американского мыслителя¹⁹. Знакомство Жуковского с этим переводом не вызывает сомнений, так как он был посвящен в историю работы А. Тургенева над ним²⁰.

В библиотеке поэта имеются различные издания сочинений Франклина, вышедшие в более позднее время, а в его архиве находятся высказывания о личности и учении американского моралиста, относящиеся к разным периодам жизни Жуковского²¹. Так, в письме С. А. Самойловой от конца 1819 г. он замечает: «Он (Франклин) умел найти то счастье, которое должно принадлежать всякому человеку и которое состоит в спокойствии внутреннем, основанном на уверенности, что жизнь употреблена как должно, на добро и пользу себе и другим. В своих записках изъясняет он для нас, каким средством дошел он до этого нравственного совершенства»²².

Ранние дневники Жуковского выявляют франклинову традицию в самом главном — в разработке устойчивого нравственного поведения и приемов самонаблюдения. Нигде прямо не применяя франклинову «таблицу слабостей», Жуковский уже в самом начале своего журнала намечает программу самоконтроля: «Каков я? Что во мне хорошего? Что худого? Что сделано

¹⁷ Отрывок из записок Франклиновых: С присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений / Перевел с фр. А. Т. М., 1799. С. 34—35.

¹⁸ См.: Из дневника Андрея Ивановича Тургенева / Публ. и коммент. М. Н. Виролойнен // Восток — Запад. Вып. 4. М., 1989. С. 100—139.

¹⁹ О месте этого перевода в истории русского франклиннизма см.: *Никололюкин А. Н.* Литературные связи России и США. М., 1981. С. 97—99.

²⁰ См.: *Веселовский А. И.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 60.

²¹ Об этом см.: Янушкевич. С. 33.

²² РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 29. Л. 29.

обстоятельствами? Что природою? Что можно приобрести и как? Что должно исправить и как? Что не можно ни приобрести, ни исправить (то есть, есть ли что во мне такое)? Какое счастье мне возможно по моему характеру? Вот вопросы, на решение которых должно употребить несколько (много) времени. Они будут решаемы мало-помалу, во всё продолжение моего журнала». Эта цепь вопросов подготавливает характерный метод психологического анализа — «рассмотрение себя по частям». Выявляя суть таких недостатков, как лень, ревность, зависть, ложь и т. д., автор журнала прежде всего обращает «глаза на самого себя», пытается соотнести свое поведение с возможной нормой, разрабатывает свою «таблицу слабостей».

Франклинов метод самонаблюдения и самооценки стимулировал в молодом Жуковском интерес не столько к норме поведения, к устойчивым состояниям, сколько к процессу борьбы страстей, к анализу переходных состояний. Критическое отношение к себе, чувство бесконечного волнения души не покидает поэта: «Был недоволен собою, беспокоен, лишен бодрости», «был невнимателен и досадовал на самого себя за это невнимание, почитал себя не способным ни к какому вниманию», «теперь я в очень дурном расположении». За этими и многими другими записями открывается драматическая история самопознания и самоусовершенствования, в чем признавался и столь последовательный в своих действиях Франклин: «Мои неудачи так меня раздражали (...), что я был почти готов оставить дальнейшие попытки и смириться с этим своим недостатком»²³. Ср. признание Жуковского: «(...) в уме такая пустота и недеятельность; прошедшее мне кажется очень дурным, а настоящее скучным; от будущего не ожидаю ничего; все мои планы исчезли; даже нет во мне желания делаться лучше, образованнее и умнее, и характернее». Однако именно этот тяжкий путь сомнения, недовольства собою и позволил Жуковскому наполнить русскую поэзию новым содержанием. Его дневники 1804—1806 гг. — существенная веха на этом пути.

Дневники открываются диалогом А. и Б. Структура контраргументов и контрвопросов, стремление каждый поступок проверить самооценкой, разложить на составные части позволяет зримее выявить сами приемы психологического анализа. Традицию этой формы можно обнаружить в диалогах Цицерона, особенно в его «Тускуланских беседах», которыми русский поэт увлекается в это время²⁴. Цицероновский принцип проверки того или иного положения нравственной философии в восприятии слушателя получает у Жуковского свое конкретное преломление. Диалог А. и Б. — обнажение приема ежедневного самоконтроля. Воспроизводя во всех деталях историю одного дня, автор дневника смотрит на себя со стороны.

Рассказ о прожитом дне весь соткан из несовпадений планов, порядка, норм и реальных поступков. Уже описание начала его: «Я встал позже

²³ Франклин В. Избр. произведения. С. 487.

²⁴ В библиотеке поэта имеется французское издание этого сочинения Цицерона с многочисленными маргиналиями владельца. См.: Описание. № 818.

обыкновенного, в исходе седьмого (нарушение порядка — первое впечатление и, конечно, неприятное, при самом начале дня; однако, мне кажется, оно не имело заметного впечатления на мое расположение)» — обнаруживает стремление понять механизм своих поступков и настроений, увидеть следствия того или иного нарушения. «Рассмотрение дня» все время переходит у Жуковского в анализ чувств, побуждений, импульсов. «Я отказался, опасаясь возбудить подозрение самым старанием не возбудить его» — эти слова едва ли не формула самонаблюдения в смысле тончайшей нюансировки психологических состояний.

Поток чувств и состояний дня молодой наблюдатель разлагает на составные части, что синтаксически подчеркнуто обилием точек с запятой в пределах сложного предложения: возникает законченная незаконченность. Содержательное же выражение этого процесса определяется фиксацией связи одного события с другим, выявлением побочных мотивов поведения, обозначением противоречий в чувствах. Мотив недовольства собою, настойчиво звучащий на протяжении всего рассказа, лишается монотонии, так как неразрывно связан с ситуацией и действием. В рассказ включаются не только факты духовной биографии (чтение, перевод, игра на фортепьяно), но и реалии повседневности (общение с родными, план строительства дома), даже физиологические ощущения («имел глупость обременить свой желудок неспелыми яблоками, потом дынею, что произвело резь в животе»). Второе «проигрывание» ситуаций дня в их оценке со стороны Б. углубляет процесс самопознания. Прием отстранения как бы соединяет события и их оценку, выявляет причинно-следственные связи, намечает психологические варианты одной и той же ситуации.

Диалог А. и Б., открывающий дневники, — наиболее обнаженная форма психологического анализа. Это своеобразное введение в журнал, который молодой энтузиаст достаточно регулярно вел в течение июня 1805 — августа 1806 г. Система параграфов, на которые разбивается журнал, с добавлением замечаний на некоторые из них — все это отражение обостренного самонаблюдения, достигающего почти микроскопического анализа. Не случайно столь разнообразна палитра выражений для обозначения этого процесса: «рассмотреть себя», «разбирать себя», «судить о самом себе», «спросить у самого себя», «бороться с собою», «узнавать себя», «познавать себя», «замечать себя», «образовать себя», «исправлять себя», «все применять к себе», «обращать внимание на себя», «искоренять дурное в себе», «заниматься собою», «обратить глаза на самого себя», «сравнить себя с другими», «усовершенствовать себя» и т. д.

В центр наблюдения выдвигается проблема индивидуального характера. Психологические наблюдения автор журнала переносит на окружающих. Встречи с новыми людьми он рассматривает как еще одну возможность анализа личности. Этот интерес к исследованию характера окружающих Жуковский подчеркивал и сам. Так, в программе «О том, что написать в журнал» и в планах «Автобиографии», «имеющих ближайшую связь с журналом 1806 го-

да»²⁵, он замечает: «(...) разобрать свой собственный характер и характер некоторых знакомых»; «Несколько слов о характерах моих прочих знакомых».

Размышления о «внутреннем человеке» определяют пафос ранних дневников Жуковского. Франклинов журнал молодого поэта дополняется планами устройства жизни, регламентированного поведения для себя и близких людей. Жуковский пытается создать собственную моральную систему. Записная книжка «Разные замечания» 1807—1808 гг., ориентированная на знаменитую французскую «Энциклопедию» Дидро и Д'Аламбера, наполнена собственными статьями на моральные темы. Жуковский в своих этико-философских построениях ориентируется еще на XVIII в.: и сочинения Руссо, и «Энциклопедия», и трактаты немецких «практических» философов (Гарве, Энгель) для него точка отсчета. Но вместе с тем сквозь рационализм нравственных установок, правил, рецептов постоянно прорывается энтузиазм молодого романтика. Культ живого, непосредственного чувства, идущий от карамзинизма, обретает в его дневниках плоть конкретных психологических реакций.

В авторе дневника постоянно живет поэт, в чем он признается и сам: «Я давно не занимался стихами и как будто бы потерял из виду поэзию». Но поэзия упорно напоминает о себе в напряженной эмфатике и лиризме записей, иногда превращая прозаические строчки дневника в начальные строки стихотворений: «Что со мною происходит? Грусть, волнение в душе...», «Друзья, надежды, радости, блаженство...», «В мыслях заключаются все наши наслаждения», «Об чем я буду нынче с вами говорить...» и т. д. Но дело даже не в этих ритмически организованных фразах. Дневниковые записи «все больше и больше приобретают характер материалов для биографической повести или, вернее, хроники. Появляются то парадоксальные афоризмы, то наброски пейзажей, то психологические характеристики и наблюдения»²⁶. Эти слова, сказанные о дневниках молодого Льва Толстого, с некоторыми оговорками характеризуют общее направление записей молодого Жуковского.

Рассказывая с прожитом дне, поэт не стремится к четкой хронике событий. Ему важнее не столько то, что произошло за день, сколько то, как это произошло. Создается хроника душевной жизни. Поэтому идет выработка языка настроений, оформляются мотивы будущих элегий.

«Эта неясность и отдаленность всегда имеет трогательное влияние на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвестную, но не совсем незнакомую. Какое-то тайное предчувствие говорит о ней и обнаруживает ее неясственно за прозрачным занавесом»; «Там — какое слово, сколько под ним заключается»; «Это чувство родилось вдруг, от чего — не знаю; но желаю, чтобы оно сохранилось»; «Желал бы всё так точно сказать, что чувствую, но думаю, что уметь не буду» — за этими и многими другими, брошенными пока

²⁵ Дневники. С. 36.

²⁶ Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Кн. 1. 50-е годы. Л., 1928. С. 33.

вскользь замечаниями приоткрывается мир таинственных явлений, стремления к бесконечному, томления по идеалу, невыразимого. Элегическое слово Жуковского, балладные мотивы, мелодика стиха неразрывно связаны с дневниковым путешествием в самого себя, с дневниковым психологическим практикумом.

В истории формирования русской психологической поэзии, да и прозы, дневники молодого Жуковского — явление, заслуживающее самого пристального внимания. Не касаясь всей сложности этого вопроса, заметим, что в них — истоки толстовского направления, той линии психологического анализа, которая питалась идеями самоусовершенствования и самонаблюдения²⁷. От «Дневников», записных книжек, круга чтения Жуковского 1804—1806 гг. — прямая дорога к «Журналу Печорина» Лермонтова, к поискам молодого Льва Толстого.

II

Дерптские дневники Жуковского 1814—1815 гг. — летопись одного из сложнейших периодов его духовной жизни. История мучительного расставания с Машей Протасовой получает здесь свое отражение. По существу, после дневников 1804—1806 гг. поэт вновь обращается к столь подробной фиксации своих душевных переживаний. Но если ранние дневники, Франклинов журнал воссоздавали историю самоусовершенствования поэта, были беседой с самим собой и в этом смысле, несмотря на наличие вымышленного диалога *А.* и *Б.*, интровертны, то дерптские дневники диалогичны по своей природе. Они одновременно исповедь и проповедь.

«Белая книга» Жуковского, как он называл дерптские дневники, по его замыслу «должна быть моим лучшим товарищем, верным поверенным, подпорю на будущее, судиею и свидетелем поступков»²⁸. Вместе с тем она предназначалась для другого человека — для Маши Протасовой. Отдельные ее положения и целые страницы текста переносились в подробные письма. Именно поэтому рождалось оригинальное единство дневникового и эпистолярного жанров, письма-дневники²⁹.

В центре писем-дневников 1814—1815 гг. история души, находящейся в состоянии разлада, бесконечной внутренней борьбы. То, что поэтически обозначилось в балладах, этом «театре страстей», получило как бы проверку жизнью. Поэт, утверждавший великое значение для лирики «смешанных чувств», их борения и смятения, воссоздает в дневниках свою жизненную драму по этим законам. Дневниковые записи 1814—1815 гг. с эпистолярным

²⁷ Об этом см.: *Лотман Ю. М.* Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // *Лотман Ю. М.* Избр. статьи. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 49—90.

²⁸ Дерптский дневник Жуковского // Гофман. С. 110.

²⁹ См.: Письма-дневники В. А. Жуковского 1814 и 1815 годов / Подгот. к печати П. К. Симоны // Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 145—211.

комментарием по праву можно было бы назвать опытом психологического романа, если бы не знать их драматическую жизненную подоплеку. Именно эта реальная драма и придает дневниковым записям значение человеческого документа, но вместе с тем она же обнажает нерасторжимое единство жизни поэта-романтика и его творчества.

Записи Жуковского отличаются необыкновенной подробностью в передаче чувства. Так, запись от 12 апреля 1815 г., раскрывающая состояние поэта, решившего уехать из Дерпта и расстаться с любимой, по своему объему — маленькая повесть. Поэт вновь и вновь возвращается к мысли о необходимости и благотворности разлуки, убеждая в этом и себя, и Машу. И одновременно — постоянно сдерживаемое чувство безвозвратности счастья, крушения всей жизни. Столкновение этих противоречивых и вместе с тем взаимосвязанных чувств образует психологическую основу записей.

Так же, как и в поэзии, Жуковский обильно использует в дерптском дневнике систему курсивов, лейтмотивов, анафор. Они выполняют у него функцию своеобразных заклинаний. Таково любимейшее правило, которое он «не отдаст за миллион»: «*всё в жизни к прекрасному средство*» или излюбленная поэтическая формула: «*счастливое вместе*». Десятки раз повторяющиеся в контексте дневниковых записей, эти девизы наполняются новыми оттенками. «*Самое страдание есть средство к прекрасному!*» — записывает Жуковский, а «счастливое вместе», по его мнению, возможно лишь «розно». Такие, на первый взгляд, психологические парадоксы не случайны в общей системе дневниковых записей Жуковского 1814—1815 гг. Он делает попытку «доказать друг другу как геометрическую задачу, что для нас разлуки нет» (запись от 28 апреля 1815 г.). Но «как быть с собою? Как приучить себя находить и чувством хорошее и лучшее в том, в чем находит его рассудок?» (запись от 2 мая 1815 г.).

Парадоксы Жуковского не просто отражение борьбы чувства и рассудка, но воссоздание романтической психологии, основанной на антиномиях, противоречии состояний, раздвоении личности. Мотивы «быть» и «казаться», «здесь» и «там», свободы и необходимости конкретизируются в размышлениях о природе Провидения и Предопределения, в психологическом двоемирии.

Стремление каждую конкретную ситуацию возвести до жизненной философии — отличительная черта дерптских дневников. И вместе с тем острота и пронзительность каждого чувства, не укладывающегося в выводимые формулы и доказываемые «геометрические задачи». «Какое горькое сиротство в этом слове — быть *розно* с тобою», «О! это слово: *розно!* Как оно раздирает душу!», «Но часто душа разорвана в клочки» — эти и многие другие признания придают дневниковым размышлениям особую психологическую неповторимость и подвижность. Проповедь, морализаторство теряют свою силу, оживотворяются под натиском живого чувства. Смещение чувств вносит сумятицу в тщательно подготовленную программу будущей жизни.

Исповедальное начало в дерптских дневниках тщательно запрятано, но поэт все время обращается к воспоминаниям, восстанавливает в памяти свои прежние мысли и чувства, ибо «для сердца прошедшее вечно». Мотив воспоминания вносит в структуру дневников элегические признания. Обращения «мой друг», «милой друг», «моя Маша» придают им задушевность. Письма-дневники Жуковского, как и лирика этого же периода, превращают воспоминания в источник вдохновения. Дерптские дневники, впитавшие идеи и образы таких программных произведений Жуковского, как «Теон и Эсхин», «Эолова арфа», явились прологом к поэтической философии романтических манифестов 1818—1824 гг.

Многие нащупанные здесь понятия, формулы, размышления и чувства не были абстракциями и плодом книжной премудрости. Жизненная драма, запечатленная на страницах дневника, стала не только источником «иссушения» и «одеревянения» души, но и импульсом для перехода от книжного теоретического романтизма к романтизму как вероисповеданию. В этом смысле, по точному выражению Белинского, поэзия Жуковского «вышла из жизни», он «купил» ее «ценою тяжких утрат и горьких страданий», нашел «на дне своего растерзанного сердца, во глубине своей груди, истомленной тайными муками...»³⁰.

Примыкающие к дерптским дневникам записи 1816—1819 гг. немногочисленны и немногословны. Измученная душа поэта выходит из тупика отчаяния и душевного кризиса. Идет поиск нового поведения, нового мироощущения в другой общественной среде.

III

Следующий этап в развитии дневниковой прозы Жуковского связан с его первым заграничным путешествием октября 1820 — февраля 1822 г. Признанный глава русского романтизма, автор многочисленных манифестов романтической поэзии, он открывает для себя Германию, Швейцарию, Италию, погружается в мир и атмосферу европейского романтизма. Поэт посещает места, связанные с именами Гёте и Шиллера, Байрона и Наполеона, Вольтера и мадам де Сталь, открывает для себя таинственный мир Саксонской Швейцарии, переживает потрясение от встречи с «Сикстинской мадонной» Рафаэля, беседует с Шатобрианом, Людвигом Тиком, К. Д. Фридрихом, встречается с Гёте и Жан Полем. Переводчик немецкой поэзии, он осваивает реалии германского мира. Учитель русского языка великой княгини Александры Федоровны (немецкой принцессы Шарлотты), он приезжает в Германию в составе ее свиты, и придворная жизнь рождает новые впечатления и встречи. Бурная смена впечатлений сопровождается внутренней сосредоточенностью: в течение этого небольшого периода Жуковский создает классические переводы «Орлеанской девы» Шиллера и «Шильонского узника» Байрона,

³⁰ Белинский. Т. 7. С. 190.

которые современники высоко оценили, назвав «первой романтической трагедией в стихах на русском языке»³¹ и “un tour de force”³².

Весь этот комплекс впечатлений нашел отражение в дневниковой прозе. Жуковский ведет дневник с не свойственной ему ранее методичностью, день за днем. Но если в самом дневнике в основном зафиксированы факты и события, то в дневниковых по сути письмах к великой княгине Александре Федоровне он «распространяет» свои заметки, придает им характер путевых писем, путевого дневника. Синкретизм эпистолярного и дневникового начал, свойственный вообще русской прозе, у Жуковского наглядно материализуется в рукописях: дневниковые записи как бы прославиваются черновиками писем; фрагменты из дневников легко переходят в письма, и наоборот³³. Письма к Александре Федоровне — это по существу выдержки из дневника, художественно обработанные (характерно, что именно пробелы в дневнике компенсируются подробным описанием событий в письмах).

Рассматривая эти письма как «отчет в моей жизни», как «описание путешествия», как «рассказ о том, что я видел», Жуковский стремится к воссозданию хроники путешествия. Точная датировка событий, подзаголовки типа: «Путешествие от Берлина до Дрездена», «Дрезден. Плаун. Гарант», «Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Дорога от Basteu в Шандау», «Рафаэлева Мадонна» и т. д. — все это превращает письма-дневники в очерки, статьи, эссе. Показательно, что вскоре извлечения из этих писем под заглавием «Отрывок из письма о Швейцарии», «Отрывок из письма о Саксонии», «Рафаэлева Мадонна», «Путешествие по Саксонской Швейцарии» были напечатаны в таких популярных изданиях того времени, как «Полярная звезда» и «Московский телеграф».

Дневники Жуковского периода первого заграничного путешествия принципиально отличаются от ранних дневников 1804—1806 гг., от дерптских писем-дневников. Во-первых, в них очевидна установка на факт, событие. Автор дневника не боится перечисления знакомств, описаний достопримечательностей. Экстравертность — важнейший принцип любознательного и впечатлительного путешественника, ибо внешний, окружающий мир во всех его проявлениях вторгается в дневниковую прозу.

Во-вторых, мир романтической природы едва ли не главный объект изображения Жуковского. Это, говоря словами Белинского, «романтическая природа, дышащая таинственной жизнью души и сердца, исполненная высшего смысла и значения»³⁴. Жуковский бережно и последовательно воссоздает в прозе поэзию романтического пейзажа, «величественное зрелище

³¹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 499. («Лит. памятники»).

³² Вершина мастерства (*фр.*). — Пушкин. Т. 13. С. 48.

³³ См.: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 4. Здесь находятся «семь тетрадок, относящихся до заграничного путешествия 1820—1822 гг.», зримо воссоздающие этот процесс.

³⁴ Белинский. Т. 7. С. 219.

природы». Если элегия «Славянка» была прогулкой по «садам Романтизма»³⁵, то письма-дневники, посвященные описанию Саксонской Швейцарии, стали путешествием по горам и озерам Романтизма. Изменение цвета неба, вод и гор, воссоздание переходных состояний — главное во всех этих записях. Вот лишь одна из них: «Прелестное изменение цвета воды с изменением неба: светло-бирюзовые волны, темно-голубые пятна, на вершинах искры и звезды; — вдали фиолетовые полосы; на самом отдалении как будто тонкий, неподвижный светло-зеленый пух; освещенные берега зелены, что в тени, то голубое; горы не ясны, а как будто туманны; утесы, и снег, и леса, и светлые пажити; — то темно-бирюзовые с светло-бирюзовым отливом; часто цвет облаков».

Романтический путешественник весь во власти таинств и неожиданностей природы. «Внезапная противоположность глубины (...) с веселою равниною», «всё мрачно и сурово», «величественное зрелище», «чувство нечаянности, великолепие, неизмеримость дали», «что-то величественное, разительное, напоминающее о Провидении», «разительное, неописанное зрелище», «хаос пены, грома и волн» — эти неоднократно повторяющиеся пейзажные впечатления воссоздают особый мир вечного движения природы, ее бесконечных изменений, игры света и тени. Постоянно рядом с натурфилософскими зарисовками, а точнее внутри их, возникают психологические комментарии, эстетические оценки различных состояний, конкретизируется столь значимая для романтического путешественника формула: «душа распространялась».

Само слово *душа* буквально витает над всеми описаниями природы. «Природа, окружавшая меня, была прелестна, но главная прелесть окружающего есть наша *душа*, есть то чувство, которое она приносит к святилищу природы», «главный живописец — *душа*» — так закрепляется эта связь окружающей природы и внутреннего мира человека.

В-третьих, дневниковые записи 1820—1822 гг. густо населены. Диапазон общения Жуковского в Германии поистине необъятен. Королевское семейство, придворные, ученые-медики и педагоги, писатели, музыканты, скульпторы, художники, актеры, так или иначе упомянутые на страницах писем-дневников, — тоже своеобразный космос вариативных проявлений романтизма, романтического портрета. Жуковский вполне сознательно стремится к универсальности, энциклопедичности личных знакомств, чтобы из мозаики частных впечатлений собрать целостное представление о романтическом типе личности: «Встреча с человеком по сердцу есть то же, что вдруг открывшийся глазам прекрасный вид с горы на поля, долины и реки. И то и другое удивительно действует на душу: становишься чувствительнее, выше, пробуждается мысль о Боге, о счастье, о друзьях, пробуждается возвышенная уверенность к самому себе». Лейтмотив «душа распространяется»

³⁵ Об этом см.: *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 189—300 (гл. «Сады Романтизма»).

организует представления русского поэта не только о природе и искусстве, но и о людях.

Происходит оригинальное внедрение идей и образов романтической поэзии Жуковского в картины окружающей жизни, их своеобразное романтическое оживотворение. Природа, взаимоотношения людей, эстетические впечатления от созерцания картин, посещения театра, встреч с представителями искусства даны сквозь призму романтической философии. Обилие реалий одновременно объективирует само восприятие мира.

Если предшествующие дневники — поистине «путешествие в себя», «80 000 лье вокруг себя», то дневники-письма 1820—1822 гг. — реальное путешествие, хроника русского за рубежом, но путешествие романтическое. В отличие от авторов «Сентиментальных путешествий» (прежде всего Стерна), Жуковский не «чувствительный путешественник». Если чувствительный путешественник — это в большей степени литературная маска, то романтический странник Жуковского — это сам поэт, активно включенный в окружающий его мир и пронизывающий его своими настроениями.

Жуковский, проявляя завидное любопытство путешественника, не пропуская буквально ни одной достопримечательности, создавая собственные путеводители, тем не менее постоянно живет в «царстве духа». Его общение с художником-романтиком К. Д. Фридрихом, писателем Л. Тиком, посещение Шильонского замка и Дрезденской галереи, созерцание Рафаэлевой Мадонны принадлежат к «счастливым часам жизни». В этом смысле дневниковая проза периода первого заграничного путешествия — эпилог и эстетический комментарий к романтической поэзии Жуковского 1815—1818 гг. Не случайно стихи из его программных произведений или же их прозаические варианты (ср., например, стихотворение «Невыразимое» и рассуждение о невыразимости в описании природы, содержащееся в «Путешествии по Саксонской Швейцарии»)³⁶ органично включаются в структуру дневниковых записей.

К сожалению, не сохранились дневники Жуковского за 1822—1825 гг. Трудно предположить, что их не было, так как петербургская жизнь поэта в этот период была насыщена общением, творчеством, встречами с будущими декабристами. «Русские дневники» существенно дополнили бы общую картину эволюции дневниковой прозы Жуковского 1820-х гг., но и письма-дневники первого заграничного путешествия зримо обозначают атмосферу пристального всматривания в мир.

Дневники-письма Жуковского начала 1820-х гг. в большей степени, чем предшествующие, — окна в окружающий мир, что, конечно, было продиктовано характером путешествия. Своими статьями — извлечениями из дневниковых записей — Жуковский мог бы создать своеобразные «Письма русского путешественника», но не создал. Его статьи-эссе «Рафаэлева Мадонна», «Путешествие по Саксонской Швейцарии» — это прежде всего

³⁶ Об этом см.: Фридендер Г. М. Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского // Ж. и русская культура. С. 19—21.

исповедание веры, точнее, исповедание романтизма как мирозерцания. Это дневниковый по форме, романтический по сути лироэпос поэта. Публикацией отрывков из дневника Жуковский приобщал к этому миру читателя, русское общество. Его пейзажи и портреты «Германии туманной», размышления о Рафаэлевой Мадонне и впечатления о встречах с немецкими романтиками не прошли бесследно для русской культуры.

IV

Дневники 1826—1839 гг. — пожалуй, наиболее разнообразный с точки зрения материала, формы, самый протяженный во времени массив дневниковой прозы Жуковского. Панорама русской и европейской жизни, включающая события после восстания на Сенатской площади до трагической гибели Пушкина, от вояжа в Париж до путешествия с наследником по России и Западной Европе, предстает в дневниках Жуковского как летопись становления общественного человека. Круг его чтения этих лет (прежде всего сочинений представителей французской романтической историографии), создание «Записки о Н. И. Тургеневе» и тесное общение с братьями Тургеневыми, постоянные разговоры о европейской революции — все это стало той философско-идеологической почвой, на которой сформировался новый тип дневников поэта. Пожалуй, в наибольшей степени он приближается к популярному в 1820—1830-е гг. типу общественного журнала.

Уже в парижском дневнике 1827 г., открывающем этот дневниковый массив, обозначаются новые особенности мышления Жуковского: пристальное внимание к политической жизни, власть событий. Поэт посещает камеру депутатов и публичные диспуты, слушает лекции и присутствует на заседаниях суда, встречается с политическими деятелями Франции, часто беседует с Ф. Гизо и тесно с ним сходитя. А. И. Тургенев, находившийся в это же время в Париже и живший вместе с Жуковским, замечает: «Жуковского эти судебные сцены более интересуют, нежели все прочее в Париже»³⁷.

Автор дневника не просто тщательно фиксирует все виденное и слышанное. Он постоянно стремится к обобщениям. Более того — формулирует сам принцип органической связи эмпирического материала и выводов. «Взгляни на афиши — познакомишься с главными нуждами и сношениями, взгляни на товар — получишь понятие о промышленности; взгляни на встречающихся — получишь некоторое понятие о нравственной физиономии», — замечает он и далее все время не забывает добавлять: «это образчик всей французской цивилизации и всего французского характера», «сходство характеров русских и французов», «французская любезность вся в приятных формах», «они (французы) умеют схватывать смешное и выражать его», «о неприличии смешивать политическое с полицейским» и т. д. Постоянные рассуждения о национальном характере, о специфике современной политической жизни

³⁷ Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 32.

не случайны: публицистическая струя активно врывается в дневниковую прозу Жуковского.

В непосредственно примыкающих к парижскому дневнику «русских дневниках» конца 1827—1831 г. эта тенденция выступает особенно зримо. Дневники нередко превращаются в маленькие политические трактаты. Так, пространная запись от 1 ноября 1827 г.: «Дашков сказал: нельзя жертвовать общественным благом частному...» — своеобразный набросок статьи на тему «общественное благо». Здесь и элементы полемики: «Это правило вредное...», и приемы ораторской речи: «Самодержец, ты думаешь, что ты всемогущ! (...) ты в заблуждении!» Не случайно впоследствии эта запись, расчлененная на две части, под заглавиями «Общее благо» и «Постановления» будет включена Жуковским в его книгу прозы «Мысли и замечания», которую он готовил к печати в середине 1840-х гг. Такова же была и судьба особенно острой записи 1828 г. «Бывают смутные времена...», которая в перебеленном варианте и с характерной разметкой находится среди «Материалов, относящихся к журналу „Собиратель“»³⁸. Записи превращаются именно в проповеди, обращенные к сильным мира сего, в журнальные статьи, а одна из них, видимо, от 1829 г., получает характерное название «Дух времени». Отдельные записи 1830—1831 гг., прежде всего о польских событиях, вполне отвечают этому названию.

Показательно, что все эти рассуждения прослаиваются точно датированными записями о поведении великого князя, о его отношении к своим обязанностям, о своем положении при дворе. Постоянно звучат мысли о возникающем конфликте с двором, но они пока еще «побеждаются» «понятием о возвышенной должности» — воспитателя наследника.

Записная книжка, где находятся дневниковые записи 1827—1829 гг., будет продолжена в 1834 г. Так, 21 мая 1834 г. появляются слова: «Попробую снова начать журнал свой. Какая невозвратная потеря. Если бы я писал свой журнал, у меня было бы прошедшее и я еще настоящее умел бы объяснить воспоминанием бывшего». Если учесть, что Жуковский регулярно вел дневник во время своего путешествия по Европе в 1832—1833 гг., то записную книжку 1827—1831, 1834—1835 гг. можно рассматривать именно как новый тип дневника — журнал, причем «этот журнал выходит за пределы первоначального, учебного назначения и без всякой натяжки может быть назван личным дневником Жуковского»³⁹. Дневник-журнал органично совместил в своих форме и содержании публицистическую, воспитательную установку и глубоко личностное переживание драматических событий последекабрьской эпохи.

Всматриваясь в дневниковые записи 1826 г. (путешествие по Германии), отмечаешь прежде всего какую-то сухость, почти безликость. И кажутся

³⁸ Об этом см.: БЖ. Ч. 1. С. 482—484.

³⁹ *Иезуитова Р. В.* Пушкин и «Дневник» В. А. Жуковского 1834 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 223—224.

справедливыми слова Вяземского о дневниках Жуковского: «Часто отметки его просто колья, которые путешественник втыкает в землю, чтобы означить пройденный путь»⁴⁰. Жуковский настолько опустошен после всего пережитого — восстание 14 декабря, суд и казни, смерть Карамзина, — что почти безразличен к окружающему. И только после «дрезденских штудий»⁴¹ с братьями Тургеневыми, парижских впечатлений, работы над «Запиской о Н. И. Тургеневе» Жуковский словно пробуждается. Оживает его общественный темперамент — следствием чего и явился журнал 1827—1835 гг.

Журнал имел для поэта-романтика методологическое значение. Он прежде всего стимулировал его интерес к внешнему миру, к фактам общественной жизни. Жуковский сам чувствовал необходимость глубже познать «политическое», «современное», «внешнее». В письме к А. И. Тургеневу от 20 ноября 1827 г., почти сразу же после возвращения из-за границы, он подробно говорит о том, что «знакомство с ним (внешним) необходимо для верности, солидности и теплоты идей», а невнимание к нему может повредить: «отдалить слишком от существенного, сделает чуждым современному»⁴².

Парижский дневник и журнал 1827—1835 гг. выявляли направление этих поисков. Жуковского интересуют общие правила политической законности, определяющие благоденствие личности и народа. В духе идей французской романтической историографии (Жуковский в это время особенно тщательно изучает сочинение Ф. Гизо «Всеобщая история цивилизации в Европе»)⁴³ он стремится к дифференциации внешних фактов, пытается выявить тенденции общественного развития, сблизить историю с поэзией, что было особенно характерно для «нарративного метода» Баранта, автора «Истории герцогов Бургундских». Проблема «человек и эпоха» оказывается в центре раздумий русского романтика. Эти методологические принципы нашли свою конкретизацию в дневниках 1832—1833 гг.

Путешествие по Европе стало для Жуковского открытием политической, послереволюционной Европы. «Разговор о состоянии Германии; умеренность и законность северной, брожение в южной (...) Франция революционирует Швейцарию, южную Германию и Италию»; «Чтение Записок Лудвига XVIII. Какое бедствие для государя и государства двор: но французский двор был неизбежная беда, произведение веков. Нужна была бедств(енная) революция, чтобы уничтожить это бедствие»; «Разговор с Шмитом о политике»; «О взятии: Варшавы. (...) Конституция Польши»; «Базельские происшествия»; «Разговор о Польше (...) Мысль о воспитании политическом: гомеопатическое средство исцеления политического» — этот последовательный ряд записей дополняется указанием на чтение сочинений К. Л. Галлера, К. Менцеля,

⁴⁰ Вяземский. Т. 7. С. 481—482.

⁴¹ Об этом см.: *Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев. С. 457—459.

⁴² ПЖТ. С. 229.

⁴³ Об этом см.: Янушкевич. С. 173—176.

политических газет, встречами с политическими деятелями Европы. Постоянно возникает в этих беседах и разговорах тема России (см., например, развернутую запись от 25 февраля 1833 г. о Павле I и Александре I на основании беседы с Цезарем Лагарпом). События европейской революции Жуковский проецирует на развитие русской политической жизни. И дело, конечно же, не в том, что Жуковский мыслит себя политиком или пытается участвовать в политической жизни. В цитированном выше письме к А. И. Тургеневу свою позицию он определил ясно и четко: «Ни моя жизнь, ни мои знания, ни мой талант не стремили меня ни к чему политическому. Но когда же *общее дело* было мне чуждо?»⁴⁴.

Расширяется сам кругозор русского путешественника. В дневниках 1832—1833 гг. очевидна «власть события». Так, например, описание достопримечательностей, экзотики Италии, которая раньше для него была только «страной искусства», становится более конкретным и постоянно сопровождается замечаниями, свидетельствующими об обострившемся социальном чутье поэта. Вот лишь некоторые примеры: «Контраст великолепия и бедствия человеческого», «контраст великолепия с нечистотою», «нищие приводят в бешенство своей неотступностию; но здесь все нищенствуют: не любопытство, не доброжелательство заставляет их глядеть на путешественника, а надежда что-нибудь взять от него»; «Нигде нет такого разнообразия нечистоты и лохмотьев».

Жуковский не фильтрует увиденное; он теперь в большей степени стремится запечатлеть мир во всей его пестроте и многоликости. Природа, искусство, быт, политика, встречи со знаменитыми и обыкновенными людьми — всё это в дневниках 1830-х гг. осознается как равноправные и равновеликие части окружающей жизни. Переход Жуковского в эти годы к «повествовательной поэзии», поиск образцов для эпоса стали следствием новой философии бытия, и дневники документально зафиксировали эти сдвиги в сознании поэта.

Стиль дневников приобретает более объективный характер. Жуковский все чаще прячется за воссозданные картины; его авторское «я» растворяется в событии. Субъективность Жуковского более скрыта, чем в дневниках предшествующих лет. Автор стремится к обобщениям, ищет узлы связи политического и этико-философского начал. Дневники 1832—1833 гг., с их установкой на власть события и пестроту картин мира, стали лабораторией романтического эпоса Жуковского. В них обнаружился оригинальный синтез хроники событий, развернутых описаний и размышлений на общественные темы. Синкретизм мышления формирует тип дневника-журнала. Появление «Муравейника» и «Собирателя», своеобразных журналов одного автора, еще четче обозначило эту тенденцию.

Последующие дневники, в частности записи о путешествии по России и Западной Европе с наследником в 1837—1839 гг., лишь закрепляют это

⁴⁴ ПЖТ. С. 229; курсив Жуковского.

направление дневниковой прозы Жуковского. Широкая панорама жизни, общественное состояние мира на рубеже 1830—1840-х гг. — главное содержание дневников этого периода. Пожалуй, как никогда раньше остро звучит в дневниках русская тема. Жуковский впервые так близко столкнулся с русским миром. Его впечатления от уральских заводов и оренбургских степей, от крымских пейзажей и сибирских просторов, встречи с ссыльными находят свое отражение на страницах дневника. Многочисленные рисунки, сделанные прямо на страницах дневника, выполняют роль своеобразных живописных фотографий; они действительно стали «историческими документами»⁴⁵. И через все сибирско-уральские записи рефреном проходит мысль о декабристах. Жуковский пишет о встречах с ними, о их судьбе, сочиняет письмо об их амнистии, постоянно обращает на них внимание великого князя.

Соотношение его письма от 14 декабря 1825 г., дневниковых статей-трактатов, «Записки о Н. И. Тургеневе», воображаемого разговора с царем от 1 апреля 1830 г. и записей в дневнике во время путешествия с наследником по России позволяет зримо ощутить место Жуковского в истории русской общественной мысли, в истории декабризма⁴⁶.

Особое место в дневниковом массиве этого времени занимают письма-дневники, дневниковые трактаты. Письмо о событиях на Сенатской площади, «Записка о Н. И. Тургеневе», «Конспективные заметки о последних днях жизни Пушкина» и письма к С. А. Пушкину и А. Х. Бенкендорфу об этих событиях, статья «Бородинская годовщина» — все эти документы русской общественной жизни возникали сначала как дневниковые записи, «конспективные заметки», а уже затем обретали новую жизнь, нередко на страницах русских журналов. Здесь вновь дневник и письма, конспективные записи и развернутые свидетельства неразрывно переплелись, образуя неразделимое единство дневников и эпистолярия, дневников и мемуаров, дневников и публицистики. Пейзажи России и портреты русских людей, хроника русской жизни на страницах дневниковых записей сделали Жуковского поистине летописцем русского мира последекабрьской эпохи.

V

Дневники Жуковского 1840-х гг. в целом и законченном виде не сохранились, точнее сказать, в таком виде их не было. Начало 1840-х гг. стало для Жуковского переломным, сломом в его биографии и судьбе. Женитьба на дочери своего старого друга, немецкого художника Г. Рейтерна, — Елизавете, которая была младше Жуковского на 40 лет, изменила всё: он расставался уже навсегда с царским двором, с должностью воспитателя наследника,

⁴⁵ Курочкин Ю. Уральские находки. Свердловск, 1982. С. 206. См. также: Емельченко И. Р. Расшифровка. этнографических заметок по Уралу в путевом дневнике Жуковского // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 102. М., 1974. С. 45—56.

⁴⁶ Об этом подробнее см.: Дубровин. С. 45—119.

с кругом близких ему людей и, как вскоре станет ясно, — с Россией. По существу, нужно было начинать другую жизнь — мужа, отца, в новом обществе, в другой, хотя и близкой по духу, стране, в иной религиозной среде.

Мир эпоса, эпические истории народов мира (Данте, Милтон, «Махабхарата», «Шахнаме», русские сказки, Гомер, Библия) тревожат его воображение загадкой первооснов бытия, вечных нравственных проблем. Грозные раскаты революционных событий 1848 г. прямо и непосредственно входят в его жизнь. Проблемы веры становятся краеугольными. Усугубляются физические недуги: почти полная слепота затрудняет к концу жизни эпистолярное общение.

Дневники, еще бурно пульсирующие в самом начале 1840-х гг. (1840—1842), как отражение важных событий в собственной жизни, передающие прощание с прошлым, с родными местами, затухают к середине 1840-х гг., мерцая лишь отметками о редких встречах, драматизме семейной жизни, болезнях жены и собственных недугах, рождении детей. Лаконичные записи на календарных листках почти иссякают к 1845 г. Но внутренняя, творческая жизнь поэта не кончается. Записная книжка «Мысли и замечания» (1845—1847), перерастающая в книгу итогов, письма-дневники о событиях 1848 г., обращенные к наследнику, не заменяют подневных записей, но воссоздают их дух, настроение, направление поиска. Это та духовная атмосфера, в которой создается «Одиссея» — главное творение позднего Жуковского.

Записи на календарных листках делаются уже скорее по привычке, по невозможности не вести дневник. Они почти не читаются из-за сокращений и неразборчивости почерка. Изю дня в день вся информация состоит из упоминаний о погоде и физиологическом состоянии. Жизнь, кажется, вообще остановилась, и писать не о чем, но Жуковский настойчиво заполняет маленькие листки, чтобы не потерять форму, пишет потому, что не может не писать. Дневники снова перерастают в рабочие тетради, в книги жизни, когда поэт серьезно берется за работу над «Одиссеей»: короткая дневниковая запись с календарного листка перекочевывает в тетрадь — и рядом планы произведений, списки задуманного, наброски писем, статей. Нередко уже не хватает сил что-то переработать, и замысел остается в состоянии брульона. Но вдруг прилив творческих сил рождает идею книги прозы, и дневниковые размышления разрастаются на рубеже 1845—1846 гг. до масштабов записной книжки «Мысли и замечания».

История создания и подготовки к печати этой записной книжки достаточно подробно отражена в письмах к П. А. Плетневу 1849—1850 гг.⁴⁷ Думается, ее рождение, формирование, общий пафос во многом были спровоцированы идеей гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями», одним из первых читателей которых был Жуковский.

«Мысли и замечания» зримо выявляют свое лицо в соотношении с записной книжкой Жуковского «Разные замечания» 1807—1808 гг. Этико-

⁴⁷ См.: Переписка. Т. 3. С. 617—692.

философская проблематика, идеи гуманистической проповеди остаются неизменными. Сохраняется и тип своеобразной малой энциклопедии, с разбивкой на статьи-фрагменты. Но то, что в начале творческого пути было ориентировано на идею самоусовершенствования, с опорой на французскую «Энциклопедию», создавалось для личного пользования, — к концу жизни стало вероисповеданием, предназначенным для общественного воспитания. Неслучайно Жуковский так тщательно и ответственно готовил «Мысли и замечания» к печати.

В отличие от «Выбранных мест...» Гоголя, стиль книги Жуковского более сдержан. Это и не исповедь, и не проповедь; это практическая этика, наглядная теория жизнестроительства. Отказавшись от эпистолярной формы, использованной и автором «Философических писем», и Гоголем, Жуковский глубинно опирается на поэтику дневниковой формы. «Память жанра» — Франклинова журнала — вновь оживает в его записной книжке, которую он превращает в книгу жизни. Его мысли о христианской философии и религии, воспитании и искусстве одновременно и автобиографичны, и автопсихологичны. Автобиографичны — потому что в них опыт всей умственной и духовной жизни. Автопсихологичны — потому что свою жизнь, свои опыты веры он рассматривает как органическую часть национального бытия, поисков своего поколения.

Его мысли остры, так как касаются злободневных проблем николаевской эпохи, проблем современного мира, и это чутко обозначил Л. В. Дубельт, раскрывая причины цензурного запрета книги Жуковского: «Вопросы его сочинений духовные слишком жизненны и глубоки, политические слишком развернуты, свежи, нам одновременны, чтобы можно было без опасения и вреда представить их чтению юной публики. Частое повторение слов: *свобода, равенство, реформа*, частое возвращение к понятиям: *движение века вперед, вечные начала, единство народов, собственность есть кража* и тому подобным останавливают на них внимание и возбуждают деятельность рассудка. Размышления вызывают размышления, звуки — отголоски, иногда неверные»⁴⁸.

Дневники Жуковского 1840-х гг. лишаются целевой установки на воссоздание истории собственной жизни. Глубоко интимные подневные записи предельно лаконичны: они как температурные листки, напоминающие о жизни тела. Записные книжки, огромные письма, создающиеся в течение нескольких дней, восполняют жизнь духа. А всё это вместе, дополненное еще интенсивными творческими поисками в области эпоса народов мира, составляет то, что уже трудно назвать дневником, журналом, записной книжкой, письмами-дневниками. Рабочие тетради позднего Жуковского — это летописи художника, его духовная Одиссея, где по-прежнему Жизнь и Поэзия одно. И дневниковый пласт в этих тетрадях практически невычленим. Датируется всё: и короткая запись о прожитом дне, и фрагмент письма, и размышление,

⁴⁸ Вяземский. Т. 9: Старая записная книжка. С. 48; курсив автора.

и замечание, и отзыв о прочитанном, и набросок перевода, но всё это обретает иную жизнь, то выливаясь в статью, то распространяясь в цикл писем.

Особое место в этом ряду занимают письма Жуковского к наследнику Александру Николаевичу, рассказывающие о событиях 1848 г. И по своему характеру, и по значению они напоминают письма-отчеты к Александре Федоровне, к великой княжне Марии Николаевне. Они также вызревают из лаконичных дневниковых заметок. Только драматизм революционных событий, взгляд очевидца придают им публицистический колорит. Неслучайно многие пассажи из этих писем войдут в статьи Жуковского, опубликованные на страницах русской и немецкой прессы.

Письма Жуковского, обращенные к великому князю, имеют несомненную генетическую связь с дневниками. В них — хроника событий революции 1848 г. в Германии, очевидцем которых был сам поэт. Его постоянный интерес к Великой французской революции и ее идеям, размышления о природе общественных потрясений и их последствиях, о судьбах монархии и демократии, о характере русского самодержавия получили в этих письмах-дневниках документальное подтверждение.

Жуковский пишет свои послания в течение нескольких месяцев, изо дня в день, ретроспективно всматриваясь в уже пережитое, предвосхищая ход революционной драмы в воображаемых проектах. Он включает в свой рассказ о событиях материалы прессы, свидетельства очевидцев, собственные переживания. Письмо обрастает плотью подневных записей, черновых вариантов, зафиксированных фактов, выписок и обретает очевидные черты нарративного текста.

Записи 1840-х гг. с особой наглядностью раскрывают синкретизм дневниковой прозы Жуковского: подневные записи, фиксирующие немногочисленные события и физическое состояние, круг чтения и будни семейного быта, естественно переходят в конспекты, перерастающие в записную книжку, которая, наполняясь размышлениями, становится книгой итогов. Из этих записей вырастают подробные письма, которые напоминают скорее публицистические статьи, трактаты. Дневниковая запись становится тем ядром, вокруг которого формируются мысли о времени, о творчестве, о человеческой судьбе, о России. Эти разножанровые элементы соотносятся с «Хрониками русского» А. И. Тургенева и «Записными книжками» П. А. Вяземского, с «Философическими письмами» П. Я. Чаадаева и «Выбранными местами...» Н. В. Гоголя, с публицистикой славянофилов — и все-таки сохраняют некое внутреннее единство и неповторимое своеобразие. Это дневник поэта на закате жизни, но в энтузиазме творческого порыва — в процессе завершения работы над переводом «Одиссеи», перевода фрагментов Священного Писания, замысла поэмы «Странствующий жид».

О последних годах жизни Жуковского мы знаем до обидного мало. Сведения о его заграничной жизни 1841—1852 гг. столь скупы, что переходят из одной статьи о поэте в другую, нередко превращаясь в апокрифы о счастливой семейной жизни, о тяготении к католицизму, о пиетизме и т. д.

Публикуемые записи 1840-х гг. вносят существенные коррективы в эту картину. Исповедь 1846 г. разрушает легенду о семейной идиллии, записная книжка «Мысли и замечания» углубляет представление о «религиозном беспокойстве»⁴⁹ поэта, подневные записи вносят уточнения в датировку отдельных произведений, раскрывают круг чтения позднего Жуковского, в частности его, казалось бы, неожиданный интерес к новым романам А. Дюма, к прозе А. де Виньи, В. Скотта, Г. Кеннеди.

Дневники В. А. Жуковского создавались в атмосфере бурного расцвета русской дневниково-мемуарной прозы. Франклинов журнал 1804—1806 гг. и записная книжка «Разные замечания» вполне вписываются в контекст дневниковых экспериментов братьев Тургеневых, в особенности старшего из них — Андрея, имеют точки соприкосновения с «Дневником Александра Чичерина 1812 и 1813 гг.»⁵⁰, генетически соотносятся с записной книжкой К. Н. Батюшкова, который получил «Разные замечания» из рук Жуковского и продолжил их.

Дневник заграничного путешествия 1820—1822 гг., как и примыкающие к нему письма-дневники, адресованные к великой княгине Александре Федоровне, и по своему материалу, и по характеру, и по типу корреспондируют с «Отрывками из путешествия» 1820—1821 гг. В. К. Кюхельбекера.

Очевидны переклички дневниковых записей Жуковского 1826—1827 гг., в том числе «Парижского дневника», с дневниками и «Хрониками русского» Александра Тургенева, тем более что в эти годы судьба нередко сводила их под одной крышей.

«Записная книжка» П. А. Вяземского, «Дневник» А. В. Никитенко, «Журнал» П. А. Плетнева дают интересный материал для комментария к дневниковым записям Жуковского 1830—1840-х гг.

Одним словом, дневники В. А. Жуковского выросли не на пустом месте. Сам дух времени, идеи времени во многом определили эти дневники как форму времени.

И все-таки по объему охвата материала, по протяженности, по динамике своего содержания и форм его выражения дневники В. А. Жуковского уникальны. Это прежде всего дневники *поэта*, одного из основоположников и виднейшего представителя русского романтизма. Это дневники русского мыслителя и общественного деятеля. В них — летопись русской жизни целой эпохи. И в этом смысле как литературный памятник они заслуживают особого внимания и самого пристального изучения.

⁴⁹ Из комментария В. Лазарева к публикации «Мыслей и замечаний» В. А. Жуковского // Наше наследие. 1995. № 33. С. 64.

⁵⁰ Об этом подробнее см.: Фрич Е. В. Указ. соч. С. 64—66.

О. Б. Лебедева

ПРИНЦИПЫ РОМАНТИЧЕСКОГО ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА В ДНЕВНИКАХ В. А. ЖУКОВСКОГО

При изучении художественных текстов писателя его дневники, письма, записные книжки и вообще всё письменное наследие, которое не так непосредственно связано с творческим процессом, как черновые рукописи, обычно используются как вспомогательный источник. Исследователи склонны видеть в них арсенал фактографических сведений, материал для комментария, совокупность биографических данных — одним словом, документ эмпирической жизни человека и адекватное словесное отражение объективной реальности, историческая достоверность которого зачастую мыслится не совпадающей с отражением той же реальности в образной словесной ткани художественных текстов.

Дневники, письма-дневники и записные книжки Жуковского — принципиально иной случай. Специфика этого пласта письменного наследия Жуковского мотивирована не только психологическим типом Жуковского-человека, тяготеющего к самопогружению и психологическому анализу, но и особенностями его эстетической позиции, поэтической типологии.

Наряду с традиционно документальным аспектом использования всех этих обычно вспомогательных материалов авторство Жуковского автоматически сообщает им ярко выраженное самостоятельное эстетическое значение. Во-первых, всё это — своеобразная история души поэта, в лексиконе которого слово *душа*, вероятно, является самым частотным поэтизмом (как точно заметил П. А. Вяземский: «У Жуковского всё душа и всё для души¹»). Во-вторых, дневники Жуковского — это наглядная демонстрация основного мировоззренческого и эстетического тезиса «Жизнь и Поэзия одно», который определил неразрывную слиянность двух ипостасей Жуковского — эмпирической и поэтической, уподобил Жизнь и Поэзию не только по их содержанию, но и по принципу творческого созидания жизненного факта и поэтического текста — и пронесен «Коломбом русского романтизма» в непрерывном акте стихо- и житнетворения через всю его человеческую и творческую жизнь.

Впрочем, справедливости ради необходимо отметить, что дневники Жуковского и как источник документальных сведений о его жизни и творчестве

¹ ОА. Т. 2. С. 170.

поистине неоценимы. С 1804 по 1847 г. дневниковыми записями датировано огромное количество его поэтических текстов. Именно из дневника выясняется, что сам Жуковский считал началом своего поэтического поприща: летом 1803 г. под общим заголовком «Прошедшая жизнь» он отмечает переводы романа Августа Коцебу «Мальчик у ручья» и «Элегии, написанной на сельском кладбище» Томаса Грея, а также оригинальную повесть «Вадим Новгородский».

С 1818 г. начинаются регулярные записи, фиксирующие работу Жуковского над его поэтическими текстами, причем это не только широко известные сочинения, опубликованные сразу по написанию и вошедшие в русскую культуру ее неотъемлемой частью, но и такие, которым суждено было остаться незаконченными набросками, лишь недавно извлеченными из архива поэта (и очень вероятно, что многие записи Жуковского, пока не поддающиеся реальному комментарию, до сих пор таят за собой найденные тексты).

Уже первая дневниковая запись такого рода предлагает оба эти варианта: 1—2 октября 1818 г. Жуковский переводил балладу Шиллера «Граф Гапсбургский», принадлежащую к основному корпусу его поэтического наследия, а записью от 6, 7, 8 октября документирована его работа над переводом фрагмента из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», который был выполнен для сугубо практических целей — занятий русским языком с великой княгиней Александрой Федоровной — и при жизни Жуковского никогда не публиковался. Запись от 13 сентября 1819 г. «Начало поэмы» содержит информацию о работе над переводом трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева» (и черновая рукопись этого перевода записана с обратной стороны той тетради, в которой Жуковский вел свой дневник 1818—1819 гг.² Этот перевод стал одним из крупнейших свершений Жуковского и для русской литературы, и для русского театра: «Первая романтическая трагедия в стихах на русском языке»³. А 29 октября 1820 г. Жуковский записывает в дневнике: «Валленштейн», имея в виду перевод фрагмента этой шиллеровской трагедии, который так и остался незаконченным наброском.

Дневник 1821 г. прослоен рукописями трех крупнейших произведений Жуковского — переводов поэмы Т. Мура «Рай и пери» (у Жуковского — «Пери и ангел»), трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева» (IV и V акты), поэмы Байрона «Шильонский узник», и они соседствуют там с двумя маленькими и глубоко личными шедеврами лирики Жуковского — стихотворениями «Теснятся все к тебе во храм...» и «Воспоминание» («О милых спутниках...»).

В ноябре-декабре 1832 г. поэт таким же образом документирует свою работу над поэмой «Наль и Дамаанти», переводами баллад Уланда «Братоубийца», «Рыцарь Роллон», «Старый рыцарь», «Уллин и его дочь», «Царский сын и поселанка», Шиллера «Элевзинский праздник», а запись от 27 (8) ян-

² РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 3. Л. 17—43 об. второй пагинации.

³ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 499. («Лит. памятники»).

варя-февраля 1833 г.: «Читал (...) повесть Фалкенбург» предвещает опыт перевода: 2 (14) февраля Жуковский «Начал Эллену» — стихотворное переложение повести «Фалкенбург», под названием «Эллена и Гунтрам», которое тоже не было закончено.

12 (24) апреля 1839 г. Жуковский фиксирует в дневнике: «дома дописывал Камоенса» (перевод драматической поэмы Ф. Гальма); 23 июля 1839 г. — «Поутру кончил Грееву элегию» (второй перевод элегии «Сельское кладбище»). Дневниковые записи от первых чисел мая 1837 г. находятся в тетради, содержащей первоначальную редакцию четырнадцати песен «Наля и Дамаянти»⁴, продолжение же работы над поэмой отмечено в дневниковой записи от 11 (23) февраля 1841 г. 15 (27) и 16 (28) марта 1845 г. Жуковский фиксирует работу над переводом сказки «Тюльпанное дерево»; 22 (3) апреля он «начал Кота в сапогах», а 23 (4) — «кончил Кота»; 27 (8) «Начал сказку о Иване-царевиче». Наконец, 10 июня 1843 г. в дневнике появляется запись «Поутру переводил Эдипа» (трагедию Софокла), а сам текст незаконченного перевода находится в тетради, содержащей дневниковые записи 1842—1846 гг.⁵

Даже такой по необходимости лаконичный обзор документальных следов, которые поэзия Жуковского оставила на страницах его дневника — очерка его жизни, открывает любопытную закономерность. Подневные записи фактов, событий, впечатлений и встреч, с одной стороны, и черновые рукописи стихов, с другой, абсолютно равноправны и взаимозаменяемы в летописи души Жуковского. Поэтические страницы прослаивают дневниковые записи: эти последние, в свою очередь, периодически возникают между стихотворными строками рабочих тетрадей поэта. В результате подобные сочетания текстов из разных реальностей — идеальной поэзии и документальной жизни — не только уподобляются друг другу сами и уподобляют друг другу отраженные в них реальности, но и дают для изучения творческого процесса Жуковского неизмеримо больше, чем даты и факты: наглядную картину того, как из жизненного акта возникают поэтическая мысль и образ — и как в дальнейшем этот образ продолжает свое бытование в сознании эмпирического человека. Страницы дневников Жуковского, на которых комбинируются и взаимопроникают такие контексты, отражают третью реальность — реальность поэтической души, которая свою жизнь претворяет в поэзию, а из поэзии выводит правила жизни.

Этот аспект изучения дневников Жуковского особенно ценен и уникален по открываемым им возможностям еще и потому, что творческая лаборатория поэта была всю его жизнь тщательно скрыта от посторонних глаз (пусть даже и принадлежащих самым близким друзьям и собратьям-

⁴ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 37. Л. 11 об. См. также: Дневники. С. 314, примеч. 8; В. А. Жуковский. Чествование его памяти в С.-Петербурге 29 и 30 янв. 1883 года. СПб., 1883. С. 55—56.

⁵ Там же. № 49. Перевод выполнен на семи отдельных листках, вложенных в тетрадь с дневниковыми записями.

литераторам). Стихи Жуковского его современники воспринимали как нечто безусловно данное, а не сделанное (и сейчас они во многом воспринимаются так же, несмотря на открывшуюся по истечении времени возможность заглянуть в рабочие тетради и рукописи поэта, которой у его современников, конечно, не было). Ни самые близкие, ни посторонние Жуковскому люди не оставили своих воспоминаний о том, как рождались его стихи, — и это при том, что жизнь души Жуковского, мир его эмоциональных переживаний и сфера его поэтической мысли были на виду у всей читающей России. Однако же эта всеобщая распахнутость сделалась у поэта своеобразной парадоксальной формой замкнутости, потаенности его частной жизни, и дневники в этом смысле были его собеседниками.

Дневники Жуковского как источник изучения его поэзии и самостоятельно эстетически значимые тексты дают возможность проследить процесс рождения поэтического образа и его дальнейшее бытование уже не только в качестве литературного, поэтического факта, но и биографического фактора, устойчивой реалии сознания, из которой рождается жизненное событие, поступок, ситуация. В этом смысле показательна судьба знаменитой поэтической формулы Жуковского «Жизнь и Поэзия одно». Высказанная как поэтическое кредо в стихотворении — эстетическом манифесте «Я музу юную, бывало...», она обретает дополнительное глубокое значение жизненной философии, осознанной и сформулированной в дневниковой прозе задолго до ее поэтического откровения.

В 1814 г., создавая «План совместной жизни в Дерпте» с семейством Протасовых-Воейковых, Жуковский записал в его тексте следующий принцип: «Жить как пишешь», а в дневниковой записи от 15 сентября 1814 г., адресованной Маше Протасовой, он придал этому положению смысл нравственного закона, им самим для себя установленного: «Вот мой кодекс. *Писать* (и при этом правило — жить как пишешь, чтобы сочинения были не маска, а зеркало души и поступков)». Нельзя не обратить внимания на то, что буквально вслед за Жуковским, в начале февраля 1815 г. К. Н. Батюшков в стихотворении «К друзьям» замечает: «И жил так точно, как писал...»⁶. Заметим, что по сравнению со столь же знаменитой и очень ассоциативной по смыслу формулой Грибоедова: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно»⁷, Жуковский очевидно смещает акценты. Если его младший современник писал как жил — и в этой позиции первична жизнь, из которой извлекается поэтическая установка, то Жуковский стремится жить как пишет — и, безусловно, для него первична была именно поэзия и вообще область словесного творчества, корректирующая духовный облик эмпирического человека.

Обратный случай теснейшей взаимосвязи поэзии с жизнью — это судьба автоцитат Жуковского, переходящих из поэзии в дневниковую прозу,

⁶ Батюшков. Т. 1. С. 164.

⁷ Из письма П. А. Катенину от первой половины января — 14 февраля 1825 г. // Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1988. С. 509.

причем в этом новом документальном контексте изящные поэтизмы и чеканные стихотворные афоризмы претворяются в совершенно практическую, не то что даже жизненную — житейскую, философию. Такова, например, судьба цитаты из стихотворения «К самому себе» (1813): «*Будь настоящее твой утешительный гений!*», которая в контексте писем-дневников дерптского периода становится конкретной нравственной рекомендацией уже не себе, а адресату, Маше Протасовой: «*Ограничить себя настоящим. Будь настоящее наш утешительный Гений. Милой друг, настоящее принадлежит нам. Если надежда на будущее пропала, то будем сколько возможно стараться пользоваться настоящею минутою...*» (запись от 28 июня 1814 г.).

То же самое происходит и с двумя стихами «Теона и Эсхина» (1814). Автоцитаты «*Всё в жизни к великому средство*» и «*Для сердца прошедшее вечно*», многократно повторяясь и варьируясь в дерптских письмах-дневниках, формируют отчетливую жизненную концепцию стоицизма, основанную на культуре воспоминания: «*У меня есть одно правило, которого теперь не отдам за миллион. Всё в жизни к великому средство. Это правило можно применить не только ко всей жизни, но и ко всякой минуте, ко всякому обстоятельству жизни*» (запись от 12 апреля 1815 г.); «*Надобно сделать из прошедшего своего товарища. Для сердца прошедшее вечно, а наше с тобою прошедшее есть самый необходимый друг наш! С ним только будет для нас и настоящее прелестно*» (от 19—20 апреля 1815 г.).

И уж совсем невозможно установить точно, что было сначала: «счастливое *вместе*» и «жестокое *розно*», лейтмотивные слова-понятия дерптских писем-дневников 1814—1815 гг., или же «Минутная сладость // Веселого *вместе*» («Эолова арфа»; ноябрь 1814 г.) и «Вам розно быть! вы им сказали — // Всему конец!» («Алина и Альсим»; октябрь 1814 г.). Во всяком случае, комплекс связанных с этими понятиями чувств и переживаний, которые отливаются каждый раз в предельно сходном лексическом воплощении, отзовется в творчестве Жуковского достаточно неожиданно: в образце его знаменитой «галиматьи», домашней поэзии, интимизирующей до уровня личного эмоционального переживания напряженную литературную полемику 1820 гг. — в «Протоколе двадцатого арзамасского заседания» (1818): «*Вместе* — великое слово!... // *Вместе!* Оно воскресит нам наши молодые надежды! // Что мы розно?...»⁸. Во всех случаях словоупотребления курсив Жуковского удостоверяет цитатный характер высказывания. Но вот что является источником цитаты: дневниковая проза, отражающая события жизни, или поэтический текст, символическое зеркало души, — установить практически невозможно, и арзамасская галиматья, которая переводит в план литературной буффонады подлинную трагедию жизни и поэзии Жуковского, в равной мере восходит к обоим этим источникам. Как в жизни смех и слезы, великое и смешное стоят рядом, так и в поэзии.

⁸ Арзамас-2. Кн. 1. С. 422—423.

Одна из первых дневниковых записей поэта, касающаяся проблемы взаимоотношений человеческой души с окружающим ее миром и в перспективе предполагающая результаты этого взаимодействия — поэтические тексты, относится к 1 июля 1805 г. В это время дневник поэта был только психологической лабораторией самоанализа и лишь в этом смысле — творческой лабораторией: «...все почти предметы приятны, потому что наша чувствительность, в ту минуту слишком наполняющая сердце, на них изливается и украшает их в глазах наших. (...) Душа человеческая сперва образуется влиянием окружающих ее предметов, потом уже сама имеет на них влияние...». Эта мысль впоследствии не раз отзовется в дневниках поэта. Размышлением о том, что «душа — лучший живописец», неукоснительно будут сопровождаться зафиксированные в дневниках экстатические состояния наслаждения красотой природы, чреватые всплеском творческого вдохновения: 10 (22) июня 1821 г. Жуковский запишет в дневнике: «Природа, окружавшая меня, была прелестна, но главная прелесть окружающего есть наша душа, есть то чувство, которое она приносит к святилищу природы», а 29 июня он напишет великой княгине Александре Федоровне письмо о Дрезденской галерее, отрывок из которого под названием «Рафаэлева Мадонна» станет эстетическим манифестом русского романтизма.

Аналогичную запись находим в дневнике под датой 25 июля 1821 г.: «Красоты природы в нашей душе; надобно быть в ладу с собою, чтобы ими наслаждаться». И это тождество мыслей, переживаний, словесных формул от 1805 до 1821 г. прокомментировано напряженными размышлениями дерптских писем-дневников 1814—1815 гг. о биографическом прошлом, настоящем и будущем, которые материализуются в движении эстетического мотива, мысли, образа по дневниковым страницам. Как прошлое, настоящее, будущее при всей разности слов и выражаемых ими понятий являются одной и той же категорией — временем, так и общие мотивы при всех своих локально-хронологических вариациях сохраняют неизменным главное: опорное слово-образ, нравственную, интеллектуальную, эстетическую аксиому, чреватую воплощением в поэтический текст.

До какой степени точно подобные состояния души, стягивающей прошлое, настоящее и будущее в одном моменте эстетического переживания, передают зафиксированный в дневниковых записях эмоциональный настрой именно творческого и вдохновенного мгновения жизни, свидетельствует эта же самая ранняя запись от 1 июля 1805 г.: «Мне приятно было смотреть на отдаления, покрытые вечернею тенью. Эта неясность и отдаленность всегда имеет трогательное влияние на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвестную, но не совсем незнакомую. Какое-то тайное предчувствие говорит о ней и обнаруживает ее неявственно за прозрачным занавесом... Вспоминаешь о прошедшем с некоторою сладкою меланхолиею».

Следующая запись на эту же тему относится к 1808—1809 гг. и представляет собою примечания Жуковского ко второй главе книги Шатобриана «Гений христианства», озаглавленные русским поэтом «О таинственности».

И в ней подобное состояние души прямо связано с творчеством, поскольку в психологический рисунок вдохновения, складывающийся из состояний предчувствия, воспоминания и эстетического наслаждения, Жуковский вводит категорию «воображения», в его устах — синоним творческой фантазии: «Таинственность есть то <...>, что представляется мне в своем виде, под покровом <...>. Может быть, таинственность приятна и потому, что человек больше любит *воображать*, нежели *знать* и *видеть*. От чего отдаленные виды так приятны? От того, что они представляются неясно!». И конечно не случайно в следующем фрагменте этой записи возникает предчувствие основных тем грядущей натурфилософской лирики Жуковского: «...что найдете таинственного в восхождении и захождении солнца, в звездном небе, в картине моря, в альпийских горах и прочее!».

Совершенно очевидно, что в этих дневниковых записях подготавливается тот комплекс устойчивых мифологем романтической эстетики и концепции жизнотворчества, на котором зиждется цикл эстетических манифестов — стихотворений Жуковского 1818—1824 гг., варьирующих одни и те же образы-символы предчувствия и пророчества (взволнованное состояние творящей души), таинственности-неясности-невыразимости (тайна рождения поэтического образа), покрывала-занавеса-завесы (грань двух романтических миров, реального и идеального), наконец, воспоминания — неизменной психологической основы лирики Жуковского и неперменного исходного состояния вдохновенной и творящей души. Ср.: «Когда душа смятенная полна // Пророчеством великого виденья...»; «Святые таинства, лишь сердце знает вас...» («Невыразимое», 1819); «Стремленье в оный таинственный свет...» (Посвящение к «Двенадцати спящим девам», 1817); «Сей мир души, согласный с небесами, // Со всем была, как таинство, слита // Ея душа...» («Цвет завета»; 1819); «Нам туда сквозь покрывало // Он дает взглянуть порой...» («Лалла Рук», 1821); «Сие шепнувшее душе воспоминанье...» («Невыразимое»); «В них милое цветет воспоминанье...» («Цвет завета»); «И в минувшее уводит...» («Таинственный посетитель», 1824) и т. д.

Не случайно этот цикл замкнут стихотворением 1824 г. «Я музу юную, бывало...», в котором нарастание поэтических мотивов и образов, генетически связанных с напряженной психологической аналитикой дневникового самопознания, наконец разрешается поэтическим афоризмом «Жизнь и Поэзия одно». Контекст дневников применительно к поэтическому творчеству дает еще один вариант понимания этой формулы: отныне, начиная с дневниковых записей 1805—1809 гг., вид с возвышенности на отдаленный пейзаж будет всегда будить в Жуковском воспоминание о прошлом, а само состояние воспоминания — неизменно сопутствовать периодам подъема вдохновения и интенсивного стихотворчества. И часто пейзажные зарисовки на страницах дневников, веденных в самые активные творческие периоды, будут включать в себя автоцитаты из стихотворений 1818—1824 гг.

Так, октябрьская запись 1818 г., практически единственная дневниковая запись этого года: «Какое-то общее неясное воспоминание, без вида и голоса,

как будто воздух прежнего времени», соседствует с информацией о переводах «Графа Гапсбургского» и «Мещанина во дворянстве». Через три года, в Германии, наслаждаясь видом окрестностей Дрездена с Брюлевой террасы, Жуковский почти дословно повторит это впечатление: «...добрый гений, *воспоминание*, прилетел ко мне на помощь. (...) отдаление покрыто было светом и тенью, и в этой картине что-то было знакомое, и в самом деле знакомое! Это был точно белёвский вид с пригорка (...) *И много милых теней встало*»⁹ (запись от 10 (22) июня 1821 г.). Наконец, еще одна аналогичная запись сопровождает взлет творческой активности Жуковского в начале 1830-х гг.: «Минуты, в которые какою-то магическою силою пробуждаются воспоминания и все знакомые лица весьма ясно видимы. Слышишь голоса, чувствуешь то, что чувствовал, воздух, сторона, дом, чувство прошедшей жизни. Конец „Наля и Дамаянти“» (запись от 23 (5) ноября/декабря 1832 г.). В таких биографических свидетельствах вновь остро акцентирована связь времен: прошедшей жизни, настоящей минуты, насыщенной лирическим переживанием, и будущего поэтического шедевра, порожденного этим универсальным мгновением человеческого и поэтического бытия.

Пожалуй, наиболее очевидно жизнь и поэзия сливаются воедино в дневниках Жуковского периода первого заграничного путешествия, в 1820—1822 гг. Лейтмотивное впечатление от него — «душа распространяется», неоднократно возникающее во всех жанрах словесного творчества Жуковского в эти годы — стихотворениях, поэмах, письмах, эстетических эссе и дневниках, — как нельзя более точно определяет и эмоциональное, и творческое содержание этого во времени короткого, но в творческом смысле неисчерпаемого периода жизни поэта. Невероятная интенсивность духовной жизни и огромная концентрация впечатлений делают эти годы по отношению ко всей предшествующей и последующей биографии поэта тем самым фрагментом, в котором воплощен и отражен универсум. И жанровую принадлежность его письменной продукции этого времени однозначно определить невозможно: не случайно всё, что он пишет в эти годы, так или иначе связано с летописью души — с дневником.

Выше уже говорилось, что рукописи значительнейших произведений не только 1821 г., но и всего творческого наследия Жуковского — поэм «Шильонский узник», «Пери и ангел», IV и V актов «Орлеанской девы» — практически уравниваются в правах с дневниковыми записями, прославив собою летопись фактов и встреч. Два маленьких шедевра лирики — стихотворения «Теснятся все к тебе во храм...» и «Воспоминание» — возникли как дневниковые записи в стихах от 4 (16) и 16 (28) февраля соответственно (не случайно первое из них при жизни Жуковского не публиковалось, а второе было опубликовано лишь в 1827 г., сразу же вслед за первой публикацией

⁹ Цитата из посвящения к «Двенадцати спящим девам» — «Опять ты здесь, мой благодатный Гений...» (вольный перевод посвящения к «Фаусту» Гёте), любимая Жуковским и неоднократно встречающаяся в дневниках и письмах поэта.

стихотворения «Лалла Рук»¹⁰. Сопровождающие эти поэтические дневниковые тексты рассуждения о сущности красоты: «Руссо говорит...» и о природе воспоминания: «Нет и были — какая разница!..» имели долгую судьбу в творческом наследии Жуковского: первое стало в 1848 г. фрагментом статьи «О поэте и современном его значении», а второе — статьёй «Воспоминание» в составе большой книги прозы «Мысли и замечания», над которой Жуковский работал в 1845—1850 гг. Таким образом, именно дневники 1820—1822 гг. собирают в единый большой контекст всё творчество Жуковского с начала 1820-х гг. до конца его жизни. А если попытаться отыскать истоки тех же самых мыслей, образов, формул и текстов Жуковского, то этот большой контекст разрастается до размеров почти всей его творческой жизни, ибо обнаруживаются эти истоки в дерптских письмах-дневниках 1814—1815 гг.

Возможность такого исследования обеспечена прежде всего тем, что напряженная духовная деятельность Жуковского 1820—1822 гг. имела свою кульминацию, своеобразный фокус, в котором за фрагментарными впечатлениями каждого отдельного дня — мгновения жизни и за каждым отдельным стихотворением — фрагментом поэтической книги Жуковского открылся единый эмоционально-эстетический и биографический субстрат — сокровенный универсум всей его жизни и всей поэзии. Этот момент «откровения» и «видения», как называл его сам поэт, — хорошо известный и неоднократно описанный берлинский придворный праздник в честь русской великокняжеской четы на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук»¹¹.

Если просто выписать подряд все упоминания об этом событии в дневниках Жуковского, даже не имея в виду того, что в поэзии сюжет «Лалла Рук» неоднократно откликнется не только произведениями 1821 г. («Пери и Ангел», «Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук» будут продолжены стихотворениями рубежа 1820—1830-х гг. «Пери», «Песнь бедуинки», «Мечта»¹², а также посвящением к переложению индийского эпоса «Наль и Дамаянти» в 1843 г.), сразу станет ясно, какое место в поэтической жизни Жуковского заняло это мимолетное видение смысла жизни и сути творчества, которое он склонен был отождествлять с самим понятием «поэзия».

13 (25) января 1821 г. появляется запись в дневнике: «Репетиция Пери. Вечер дома; читал Lalla Rookh». 14 (26) января: «Поутру репетиция. (...) Lalla Rookh» — и под датой записаны 32 стиха Т. Мура в подлиннике. 15 (27) января состоялся «Несравненный праздник», 30 (11) января/февраля — его «повторение». Под датой 4 (16) февраля записано стихотворение «Теснятся все к тебе во храм...» и рассуждение о прекрасном «Руссо говорит...», включающее автоцитату — три заключительных четверостишия

¹⁰ «Лалла Рук» — Московский телеграф. 1827. Ч. 14. № 5. С. 3—5; «Воспоминание» (под названием «К N. N.») — Там же. 1827. Ч. 15. № 9. С. 3.

¹¹ Об этом см.: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX века // Литературное наследство. Т. 91. М., 1981. С. 356—575.

¹² Gerhardt Dietrich. Vergangene Gegenwartigkeiten. Göttingen, 1966. S. 10—16, 34, 48.

стихотворения «Лалла Рук». 16 (28) февраля Жуковский записывает в дневник стихотворение «Воспоминание» («О милых спутниках...») с примыкающим к нему рассуждением о воспоминании «*Нет и были* — какая разница!» — и здесь же записаны первые 50 стихов перевода поэмы «Пери и Ангел». 21 (5) февраля/марта Жуковский фиксирует: «Переводил „Пери“» (рукопись перевода продолжается до 6 (18) марта); 5 (17) марта в покоях прусских принцев наблюдал «Tableaux: Лалла Рук»; 7 (19) марта запись гласит: «У великой княгини. Альбом и Лалла Рук»; 8 (20) марта — «Поутру у В(еликой) к(нягини). Чтение „Пери“». 6 (18) апреля он записывает: «Чтобы кончить нынешний день лучше, и я перечитал в моей Лалла Рук то, что написано было великою княгинею, и написал кое-что свое». Речь идет о рукописном журнале «Лалла Рук», который Жуковский издавал в 1821 г.: беловая рукопись IV—V актов «Орлеанской девы» оформлена им в виде отдельной книжечки с надписью на титульном листе: «Лалла Рук № 2»¹³. Это единственный сохранившийся выпуск; на существование других указывает цитированная выше запись и фраза из его письма Александре Федоровне: «Предвижу, что будет еще несколько № Лалла Рук и Для немногих»¹⁴.

8 сентября 1821 г., уже путешествуя по Швейцарии, после посещения дома швейцарского поэта Сигизмунда-Людвига Лербера, Жуковский запишет в дневнике: «...где было счастье, там случайно путешественник. Лалла Рук», после чего мотив «Лалла Рук» окончательно переходит в дневниках на уровень поэтической ассоциации. 31 октября 1821 г. на возвратном пути из Швейцарии в Берлин поэт посмотрит в Лейпцигском театре постановку драмы Кальдерона, и это отразится в его дневнике записью: «В театре. *Das Leben ein Traum* (Stern)», в которой встречаются ведущие образы-символы стихотворения «Лалла Рук»: «Он поспешен, как мечтанье, // Как воздушный утра сон; // Но в святом воспоминанье // Неразлучен с сердцем он!»; «В нашем небе зажигает // Он прощальную звезду». И тот же образ сна-мечтания, неразлучного с воспоминанием-творчеством и жизнью души, подводит итог швейцарскому путешествию в большом письме-дневнике, адресованном Александре Федоровне, которое, как и «Рафаэлева Мадонна» и «Путешествие по Саксонской Швейцарии», стало эстетическим манифестом русского романтизма и под названием «Отрывки из письма о Швейцарии» было опубликовано в «Полярной звезде на 1825 год». «Я видел прекрасный сон, но воспоминание бережет прошедшее», — резюмирует поэт. И тот же образ через два года возникнет в письме к А. П. Зонтаг от 11 января 1823 г.: «...всё это оставило на душе то волнение, какое оставляет быстрый сон, исчезающий в минуту удовлетворения»¹⁵.

После 1821 г. зафиксированные в тексте дневников воспоминания о празднике Лалла Рук надолго исчезают со страниц дневника, но, как свидетель-

¹³ РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 13. Л. 1.

¹⁴ РС. 1902. № 5. С. 355.

¹⁵ УС. С. 95.

ствуют поэзия и переписка Жуковского, не из его сознания. На рубеже 1820—1830-х гг. он создает стихотворения «Пери», «Песнь бедуинки», «Мечта», а 24 июня 1838 г. пишет великой княжне Марии Николаевне: «...воспоминания о прошлом Берлине я не могу отделить от воспоминания о празднике Лалла-Рук, (...) который был для меня тогда каким-то очарованием»¹⁶. Но в 1840 г. эти воспоминания и образы воскресают с новой силой: 24 (6) апреля/мая 1840 г. Жуковский в Дармштадте слушает оперу Спонтини «Нурмагал», написанную на сюжет одной из вставных поэм «Лалла Рук» — «Свет гарема»: «В театре. „Нурмагал“. Марш Лалла Рук, ария Нурмагала. Сколько я вспомнил: Фосс. Элиза. Семейство Радзивилл. Брюль. Гребен. Герман. Все отношения с семьею Клейст. Гуфланд. Саша. Маша. Молодость»¹⁷.

Это последнее «явление поэзии в виде Лалла Рук» в ранее не публиковавшихся дневниках Жуковского проливает новый мгновенный свет не только на хорошо известные биографический факт жизни и эстетический сюжет творчества поэта. Дневниковая запись от 24 (6) апреля/мая 1840 г. со всей определенностью указывает на то, что было причиной силы и стойкости впечатления Жуковского и от поэмы Т. Мура, и от берлинского праздника 1821 г. — впечатления, во многом непонятного современникам и, в восприятии тех, кто знал только текст поэмы Мура и стихи Жуковского, совершенно неадекватного художественным достоинствам исходного произведения. Еще Пушкин заметил: «Жуковский меня бесит — что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся Лалла Рук не стоит десяти строчек Тристрама Шанди...»¹⁸.

Запись от 24 (5) апреля/мая 1840 г., которая кончается именами сестер Протасовых, Саши и Маши, возвращает нас к событиям дерптского периода жизни Жуковского и истории его несчастной любви, отразившейся в письмах-дневниках 1814—1815 гг. Поразительно, но факт: образ долины Кашмира, тот скорее символический, нежели географический локус, к которому приурочено действие поэмы Т. Мура (изданной лишь в 1817 г.), является сквозным и лейтмотивным в «синеньких тетрадках» — дерптской дневниковой переписке Жуковского с Машей Протасовой. Так, после целого ряда упоминаний «царства Кашемира» 12 апреля 1815 г. в дневнике появляется запись: «Всякое исполнение должности отдельно есть дорога по утесам, но кончи ее — небо над головою, а Кашемир перед глазами».

Источник этого образа в 1814—1815 гг. не совсем ясен: поэма Т. Мура еще не написана. Но безусловно ясно другое: каким бы ни был этот источник, долина Кашмира, место обетованного счастья суженых, индийской принцессы Лалла Рук и бухарского принца-поэта Алириса, стала в дерптских письмах-дневниках символом всё более слабеющей надежды на будущее «счастливое вместе».

¹⁶ РС. 1885. № 3. С. 332.

¹⁷ Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 50.

¹⁸ Пушкин. Т. 13. С. 34.

В этом контексте дополнительный смысл обретает запись, появившаяся в дневнике поэта ровно за неделю до праздника Лалла Рук, 8 (20) января 1821 г.: «...вместо того, чтобы сколько возможно заменить утраченное, я только горюю об утрате и стою на развалинах (...). Надобно отказаться от потерянного и сказать себе, что *настоящее и будущее мое*». В этом состоянии воспоминания он читает впервые 13 (25) января поэму Т. Мура, а 15 (27) января присутствует на «несравненном празднике» и перед ним воочию проносится видение обетованной, но недостижимой земли счастья: «Мнил я зреть благоуханный // Безмятежный Кашемир» («Лалла Рук», 1821).

Совершенно очевидно, что собственные поэтические ассоциации и воспоминания, не известные никому, кроме самого Жуковского, дали его поэзии мгновенный и прочный биографический импульс, который в контексте его дневников и творчества снова выявляет связь времен: прошлого — утраченной долины Кашмира дерптских дневников, настоящего — цикла произведений 1821 г., связанных с сюжетом Мура, и будущего — всех тех ассоциаций и воспоминаний, которые в последний раз отольются в поэзии Жуковского тем же самым сном, видением и откровением: в 1843 г., в тексте посвящения к поэме «Наль и Дамаянги», вновь возникает долина Кашмира: «Я видел сон: казалось, будто я // Цветущею долиной Кашемира // Иду один; со всех сторон вздымались // Громады гор...», а в его подтексте — образы сестер Протасовых, воспоминание о «двух родных, земной судьбиной // Разрозненных могилах...».

Пожалуй, из всего комплекса устойчивых лейтмотивов «философии Лалла Рук»¹⁹ наиболее универсальным характером обладает пейзажная реальность, истоки символического значения которой восходят к самым ранним опытам дневникового самопознания: горный мотив, вид на отдаления. Уже в поэзии Жуковского 1810-х гг., до его альпийских странствий, примечательна экзотическая гористость пейзажа, не характерная для равнинной, слегка всхолмленной среднерусской природы (ср. полемический пассаж Кюхельбекера по отношению к поэзии Жуковского: «Скалы и дубравы, где их никогда не бывало...»²⁰). В дерптских дневниках мотив горы, трудного восхождения и прекрасного вида с вершины обретает символично-биографическое значение. В дневниках 1821 г. и вырастающих из них романтических манифестах Жуковского путешествие по Саксонским и Швейцарским Альпам — это факт реальной биографии, непрерывная цепь вершин, на которые поэт поднимается, и видов, которые открываются с этих вершин глазам, а не метафорическому духовному взору: «...неожиданно мы очутились на краю гранитного утеса, (...) с которого представился весь Плауен. (...) Полезли мы на вершину горы, по тропинке, весьма крутой. (...) С этого места самый обширный вид на Тарант...» (запись

¹⁹ Определение Жуковского из его письма к А. И. Тургеневу от 18 (6) февраля/марта 1821 г. // Гофман. С. 155—156.

²⁰ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. С. 456.

от 10 (22) июня 1821 г.); «...пешком до высоты Гакена: прелестный вид от вершины...» (от 5 августа 1821 г.).

Горный мотив, который существовал в поэзии Жуковского как романтическое общее место, а в дерптских письмах-дневниках приобрел символично-биографический характер, в путешествии по Германии и Швейцарии стал конкретным зрительным впечатлением, обнаружив в творчестве 1821 г. свою принципиальную эстетическую насыщенность. Не случайно одним из главных словесных итогов первого путешествия стало эссе «Путешествие по Саксонской Швейцарии», опубликованное в «Полярной звезде на 1824 год» и осознаваемое исследовательской традицией как один из эстетических манифестов русского романтизма: «Что мне сказать вам о несравненном виде с Basteu? Как изобразить чувство нечаянности, великолепие, неизмеримость дали, множество гор, которые вдруг открылись глазам, как голубые окаменевшие волны моря, свет солнца и небо с бесчисленными облаками (...)! Каждый из этих предметов можно назвать *особенным* словом; но то впечатление, которое все они *вместе* на душе производят — для него нет выражения; тут молчит язык человека, и ясно чувствуешь, что прелесть природы — в ее невыразимости».

Этот отрывок из письма Александре Федоровне от 17 (29) июня 1821 г., который стал романтическим манифестом поэта, актуализирует в качестве эстетической проблемы главный духовный опыт путешествия: оппозицию фрагмента («особенное слово») и универсума («вместе»), перекликаясь со сходными размышлениями еще одного письма-манифеста «Рафаэлева Мадонна»: «Не понимаю, как могла ограниченная живопись произвести необъятное; перед глазами полотно, на нем лица, обведенные чертами, и всё стеснено в малом пространстве, и, несмотря на то, всё необъятно, всё неограниченно». И в самом общем своем звучании оба эти тезиса восходят к стихотворению «Невыразимое» (1819), которое сам Жуковский называл «отрывком»: «...Горé душа летит, // Всё необъятное в единый вздох теснится».

Горные пейзажи Жуковского и сопряженные с их созерцанием и воссозданием «горные мысли», отливающиеся равным образом в его документальных и художественных текстах, выходят далеко за пределы дневников 1821 г., в перспективу жизни, поэзии и публицистики Жуковского 1830—1840-х гг., сохраняя свой универсальный смысл и лейтмотивно-устойчивое словесное оформление. С горами у Жуковского ассоциируется все: люди («Встреча с человеком по сердцу есть то же, что вдруг открывшийся глазам прекрасный вид с горы» — запись от 3 ноября 1820 г.), творчество («Но в том-то и привилегия истинного гения, сказал мне Тик, что (...) он вдруг взлетает на высоту (...)» — запись от 23 (5) июня/июля 1821 г.), душа, жизнь и смерть («Видя угасающую природу, приходит в мысль, что душа и жизнь есть что-то не принадлежащее телу, а высшее (...); ничто так не говорит о смерти в величественном смысле, как угасающие горы» — запись от 21 сентября 1821 г.).

Позже, в 1830-х гг. универсальный аллегорический смысл горного мотива как ассоциативной подосновы творческого мышления Жуковского

разрастется до более объективных и всеобъемлющих категорий истории («Какое сходство в истории этих божественных великанов с историей живого человеческого рода!» — запись от 4 (13) января 1833 г.) и станет для поэта тем, что он сам назовет «горной философией», как в 1821 г. называл совокупность своих излюбленных эстетических мыслей «философией Лалла Рук»: «Вот вам философия здешних гор» (запись от 4 (16) января 1833 г.). И далее: «...я видел на прекрасной долине, между Цюрихским и Ловерцским озером, развалины горы, задавившей за двадцать лет несколько деревьев и обратившей своим падением райскую область в пустыню. (...) Вот — история всех революций, всех насильственных переворотов (...). Разрушая существующее, (...) жертвуя настоящим для возможного будущего блага, есть опрокидывать гору на человеческие жилища (...): никто не имеет права жертвовать будущему настоящим...».

Хорошо знакомый мотив связи времен: прошлого, настоящего и будущего — «горная философия» Жуковского выводит из тайников творческой души на широкое поле реальной истории внешнего мира. В 1833 г., по мере нарастания объективных тенденций в дневниках и поэзии Жуковского, универсальный горный мотив обретает отчетливое общественно-политическое звучание. Не случайно эту «горную философию» он подробно излагает в письме к наследнику, великому князю Александру Николаевичу, от 1 января 1833 г. А в 1840-х гг., когда Жуковскому доведется пережить в Германии события революции 1848 г., он воспримет их как материализацию своей собственной, в 1833 г. еще вполне умозрительной аллегории: «Мы живем на кратере вулкана, который недавно пылал, утих и теперь снова готовится к извержению. Еще первая лава его не застыла, а уже в недрах его крохочет новая, и гром взлетающих из бездны его камней возвещает, что она скоро разольется» (запись из писем-дневников от января 1848 г., вошедшая в статью «Что будет?»).

Движение смыслов горного мотива по страницам дневников Жуковского — от романтического поэтизма и символично-биографической аллегории к зрительному впечатлению и общественно-политической философии — абсолютно точно передает и общее направление эволюции его творчества — от психологической лирики к объективному эпосу, и движение мировоззрения, зафиксированное в типологии дневниковых массивов трех крупных периодов: 1800—1810-х гг., 1820-х гг. и 1830—1840-х гг.

Если в ранних дневниках преобладает субъективная интроспекция творящей и познающей себя поэтической души, а в поздних Жуковский, как бы буквально выполняя рекомендацию Гёте «более обратиться к объекту»²¹, фактически целиком сосредоточен на внешних событиях, датах, встречах, объективных источниках впечатления, то преимущественно эстетический характер дневников 1820—1822 гг. делает их фокусом и центром: своими

²¹ [Müller F.] Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler F. v. Müller. Stuttgart, 1898. S. 208.

ретроспективными ассоциациями они обращены в глубины поэтической души, своей перспективой распахнуты навстречу обширной панораме грядущих жизненных впечатлений. Так и горные пейзажные зарисовки Жуковского неизменно включают два аспекта — трудный путь подъема в гору и огромный вид на неясные отдаления с вершины.

Именно к периоду первого заграничного путешествия относится возникновение нового романтического лейтмотива дневниковой прозы Жуковского, который, пронизывая весь массив дневников 1830—1840-х гг., предлагает еще один аспект взаимопроникновения поэзии и жизни, прошлого, настоящего и будущего. Но если источником такого взаимопроникновения до 1820-х гг. была поэтическая душа, то в 1830—1840-х гг. им становится жизнь, предлагающая душе изобилие чисто эстетических впечатлений. При том, что для поэта типа Жуковского любое жизненное впечатление в конечном счете является эстетическим, нельзя не заметить той интенсивности, с какой он ищет и впитывает эстетическое наслаждение от произведения искусства, переживание от встречи с человеком искусства, художником в широком смысле.

Безусловное лидерство в этом плане принадлежит трем тематическим пластам дневников, повествующим о том, как зримая глазу, внятная слуху, питающая мысль документальная реальность жизни творит из нее самый факт эстетический, делает ее поэзией: встречи и разговоры с людьми искусства, театр, живопись, картинные галереи и мастерские художников — вот та поэзия жизни, которая, появившись впервые в дневниках 1820 г., до конца остается одной из универсальных основ подневных записей Жуковского.

Визуальный аспект восприятия бытия, равноправно сосуществующий с вербальным, определяет оригинальное свойство дневников Жуковского. Начиная с первого заграничного путешествия, с 1820 г., Жуковский создает дневники-альбомы, где уже через рисунок фиксирует восприятие окружающего мира. Рисунок, целые альбомы рисунков придают дневникам необходимую осязаемость, возможную выразимость невыразимого. Параллельное издание словесных и живописных дневников (ибо все рисунки датированы, имеют названия, а иногда и пояснительные комментарии) позволило бы зримее увидеть столь важную для универсального мировидения поэта-романтика связь искусств. К этому, наверное, нужно добавить и постоянные звуки музыки на страницах дневников Жуковского. Любимые оперы Глюка, Моцарта, Беллини, Россини, Спонтини и Доницетти Жуковский слушает неоднократно, передавая свое впечатление о чуде и прелести музыки лаконично, но эмоционально.

И всё-таки мир европейского романтизма, живое впечатление от романтического типа личности открывались через встречи с их виднейшими представителями. В течение первого пребывания за границей Жуковский познакомился практически со всей литературной Германией. Он встречался с Э. Т. А. Гофманом и Ф. де ла Мотг Фуке, Беттиной фон Арним и Людвигом Тиком, Жан Полем и Гёте. В течение всего пребывания в Берлине он

завсегдатай литературного салона Марии фон Клейст, кузины драматурга и прозаика Генриха Клейста; в 1826—1827 гг. — свой человек в литературных кружках Дрездена.

Эти встречи оставили разный след в дневниках, письмах и произведениях поэта — от упоминания имени до перевода и развернутого литературного портрета. Каждый из этих сюжетов заслуживает самостоятельного внимания. Но в свете интересующей нас проблемы — дневников Жуковского как источника изучения его творчества и его типа поэтического сознания — есть смысл подойти к встречам и знакомствам русского поэта избирательно и сосредоточиться лишь на тех случаях, когда встреча вызвала эффект резонанса в родственных душах и тем самым приоткрывала в первую очередь душу самого Жуковского.

В своих контактах с людьми искусства Жуковский всегда искал в людях соответствия их творчеству, пытался опереться в своих наблюдениях над человеком на образ автора, существующий в его сознании — и тем самым снова и снова подтверждал свою изначальную жизнетворческую установку «жить как пишешь».

Бесспорно, в этом отношении одно из самых сильных эстетических впечатлений произвел на Жуковского Людвиг Тик. Русский поэт познакомился с немецким романтиком в Дрездене, в первой половине июня 1821 г., а 23 июня написал очередной эпистолярно-дневниковый отчет об этом знакомстве Александре Федоровне. В своем впечатлении о личности Тика Жуковский отчетливо идет от литературной продукции Тика, называя писателя «Sternbald-Тик» и, таким образом, отождествляя человека с автором и героем, как это зачастую случалось с ним самим, ставшим для современников «певцом Светланы», «певцом во стане русских воинов», «балладником» и т. д. Во внешности Тика, под бытовой оболочкой эмпирического человека, он ищет и находит черты художника: «...в глазах нет ни быстроты, ни пронизательности, ни блеска, но они выразительны: есть что-то согласное с той мечтательностью, которую находим в его сочинениях, особенно в *Sternbald's Wanderungen*...». Подробно пересказывая свои разговоры с писателем, Жуковский вводит читателя в атмосферу интенсивной духовной жизни своего персонажа: Шекспир и немецкая литература, интуитивная природа гениальности, переводы А. Шлегеля из Шекспира — всё это поддерживает примат духовного начала над бытовым.

Но особенно пленил русского поэта артистизм Тика, его декламационный дар, воспринятый Жуковским как проявление универсализма творческой личности: «Он читает, не называя говорящих лиц; и по голосу, и по выражению, и по лицу его можно легко узнать всех».

Не случайно самые первые эстетические впечатления Жуковского в Германии связаны с театром: в романтической иерархии ценностей театр — универсум, соединяющий фрагменты всех других родов творчества, — занимает самую высокую ступень. И артистизм, восхитивший Жуковского в человеке, — это экстраполяция его, пожалуй, главного знакомства в Германии: на

протяжении всего пребывания в Берлине «вечер в театре» — неперенный пункт распорядка дня. «Главное мое знакомство — театр. Бываю каждый вечер в театре (...) меня же еще и балуют. Главный директор граф Брюль взял у меня записку тех пьес, которые мне видеть хочется, и с большим усердием исполняет по этой записке. Я назначил ему всего Глюка, Моцарта, всего Шиллера и почти всего Шекспира и роскошничая»²², — писал Жуковский из Берлина 1 (13) ноября 1820 г. И то обстоятельство, что единственным немецким драматургом, чьи пьесы Жуковский хотел увидеть в сценическом воплощении, стал Шиллер, далеко не случайно.

Жуковский не мог познакомиться с поэтом, чье творчество прошло через всю его жизнь в более чем сорока лирических, драматических и прозаических переводах, созданных с 1806 по 1833 г.: к моменту, когда «русский Шиллер» приехал в Германию, немецкого поэта уже 15 лет не было на свете. Но образ Шиллера прочно владел воображением русского путешественника, автора дневника: театр и шиллеровские спектакли, разговоры о нем с Гуфеландом, Буассере, Гедвигой фон Штегеманн (записи от 3 ноября 1820 г., 6 октября и 26 ноября 1821 г.), созерцание бюстов Шиллера в домах Гуфеланда и Гёте (записи от 3 ноября 1820 г., 29 октября 1821 г.), паломничество в Веймар, в «дом бедный Шиллера» (30 октября 1821 г.) оживотворяют в сознании Жуковского образ Шиллера и его поэтический мир.

Поистине этапной фигурой в жизни Жуковского-поэта стал немецкий художник-романтик К. Д. Фридрих: их дружба продлилась до самой смерти живописца в 1840 г. и сыграла «важную роль не только в судьбах обоих, но и в истории романтического движения в России и Германии, во взаимовлиянии двух культур»²³. Русский поэт владел хорошей коллекцией картин Фридриха, которые украшали его квартиру в Шепелевском дворце в Петербурге. Для многих мемуаристов, оставивших описание этих картин²⁴, они были своеобразной живописной аналогией романтизма Жуковского.

Именно Фридрих стал для русского поэта тем «человеком по сердцу», встреча с которым подобна обширному виду, открывающемуся с вершины горы. Картины Фридриха окружили его с первых дней пребывания в Германии, и он настолько усвоил стилистику его живописи, что в окружающей природе начал усматривать сюжеты для его картин: «Два дуба: ландшафт для Фридриха» — эта запись от 7 (19) апреля 1821 г. еще раз подтверждает установку Жуковского, при которой поэзия становится отправным пунктом жизнестроительства.

Обширный отчет о знакомстве с Фридрихом, описание его мастерской и начатых картин (и этому дневниковому сюжету предстоит многократно

²² РА. 1900. Кн. 9. С. 37.

²³ Дмитриева М. К. К. Д. Фридрих и В. А. Жуковский: Из истории русско-немецких культурных связей // Панорама искусств. Т. 10. М., 1987. С. 328.

²⁴ См.: Смирнова-Россет. С. 369; Воспоминания гр. А. Д. Блудовой // РА. 1872. Стб. 1240; Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1911. С. 15—19.

повторяться в аналогичных случаях с мастерскими Брюллова, Овербека и Торвальдсена в Риме в 1833 г., Ораса Верне в Париже в 1827 г., Гильдебрандта и Зона в 1840-х гг.) находим в письмах-дневниках, адресованных великой княгине (запись от 23 (5) мая/июня 1821 г. Как обычно, первое впечатление Жуковского о внешности нового знакомого ложится на тот образ, который навеян его творчеством: «В нем (Фридрихе) нет, да я и не думал найти в нем ничего идеального. (...) В его картинах нет ничего мечтательного; напротив, они привлекательны своею верностию: каждая возбуждает в душе воспоминание!».

Но Фридрих для Жуковского больше чем новый знакомый или даже друг: это своеобразное alter ego Жуковского; и далеко не случайно в этом единственном случае русский поэт, со слов художника, воссоздает то, что для него самого всегда было тайная тайных, святая святых: творческий процесс, поразительно напоминающий его собственный. «Мне надобно быть совершенно одному и знать, что я один, чтобы видеть и чувствовать природу вполне!» Мотив одиночества и самопогружения дополняется мотивами экстатического состояния творящей души и визионерской природы вдохновения, разительно сходными с экстазом воспоминания и видениями-снами-откровениями в поэзии и дневниках Жуковского: «Он еще сам не знает, что напишет. Он ждет минуты вдохновения, и это вдохновение (...) часто приходит к нему во сне. Иногда, говорит он, думаю, и ничто не приходит в голову, но случается заснуть, и вдруг как будто кто-то разбудит: вскочу, отворю глаза, и что душе надобно, стоит перед глазами как привидение — тогда скорей за карандаш и рисуй: всё главное сделано!»

Неоднократные совместные посещения Дрезденской галереи («Я несколько раз был с ним вместе в галерее») и суждения Фридриха о картинах безусловно наложили отпечаток его личности на ту концепцию романтического искусства-откровения и художника-визионера, которая обрела свое законченное воплощение в «Рафаэлевой Мадонне», непосредственно примыкающей к дневниковой записи о Фридрихе. В попытке осмыслить природу творчества Жуковский, как обычно, опирается на два рода источников, поэтический вымысел и жизненный опыт: в статье «Рафаэлева Мадонна», выросшей из дневниковой записи, он свободно излагает легенду Ваккенродера о видении Рафаэля²⁵. И это изложение буквально совпадает и с тем, что самому Жуковскому довелось пережить в Берлине («Милый сон, души пленитель, // Гость прекрасный с вышины», праздник Лалла Рук побудил его к совершенно невероятно интенсивному творчеству), и с тем, что рассказывал ему в Дрездене о своих видениях Фридрих: «Сказывают, что Рафаэль, натянув полотно свое для этой картины, долго не знал, что на нем будет: вдохновение не приходило. Однажды он заснул с мыслию о Мадонне, и верно какой-нибудь ангел разбудил его. Он вскочил: *она здесь!* закричал он, указав на полотно, и начертил первый рисунок».

²⁵ Ваккенродер В. Г. Фантазии об искусстве. М., 1977. С. 28—31.

Маршруты заграничных путешествий Жуковского в последующие годы (1825—1840) были разнообразны и цели различны, но страсть к театру, живописи, общению с поэтами и художниками не изменяла ему никогда: во Франции, знакомясь с Гизо и посещая салон Генриетты Разумовской, в Италии, ища встреч с Сильвио Пеллико и Алессандро Мандзони, путешествуя по мастерским Брюллова, Овербека, Корнелиуса, Торвальдсена, слушая оперные спектакли, в Англии, посещая Виндзорское кладбище, предмет вдохновения Т. Грея и памяти о своем литературном дебюте, в Голландии, знакомясь с поэтом Леннепом, Жуковский уже сознательно ищет таких впечатлений. И дневники становятся летописью творческих впечатлений, замыслов, эстетических размышлений.

Но всё их калейдоскопическое разнообразие и неохватное количество имен, достопримечательностей в какой-то мере унифицируется одним и тем же, в равной мере маршрутным и эстетическим, фактором. Куда бы Жуковский ни ехал, он едет через Германию; в каком бы году он ни попал в Германию, он совершает паломничество в Веймар, к Гёте — безразлично, к живому ли человеку или к памяти о нем. Для Жуковского неизменное, из года в год, посещение Веймара и дома Гёте не было эпизодом из жизни путешественника и, несмотря на экстатический характер его благоговения перед Гёте, встречи и беседы с ним и посмертная дань его памяти были не столько ритуальным поклоном властителю дум, сколько возвращением вновь и вновь к первоисточнику. Именно первая встреча с Гёте и первые разговоры о нем с немецкими собеседниками 1820—1822 гг. стали той самой вехой, которая на вершине поэтической жизни Жуковского ознаменовала новую перспективу — начало «обращения к объекту». История встреч Жуковского с Гёте и темы их бесед неоднократно описаны и исследованы²⁶. В русле логики нашей проблемы — эволюции дневниковой прозы как эстетического фактора и его жизни в поэзии — нам важен другой поворот: регулярно повторяющиеся с 1821 по 1841 гг. визиты в Веймар размыкают эстетический аспект дневников, в 1820-х гг. еще вполне интроспективный, в огромный культурный контекст общеевропейского художественного наследия. И дальнейшая перспектива жизни и ее отражение на страницах дневников Жуковского — это результат интенсивного поэтического жизнотворчества, рождение биографии культурного человека своей эпохи из его собственных творческих установок.

Так же, как и Шиллер, Гёте был частью собственной поэзии и души Жуковского: «Гёте и Шиллер образовали его»²⁷ и «Мысли о Гёте и Шиллере дают особенную прелесть этим местам» (запись от 25 (6) августам/сентября 1838 г.) — так сам Жуковский в 1827 и 1838 г. определил значение шиллеровско-гётевского мира в своей жизни и литературной судьбе. Но если

²⁶ См.: *Дурьилин С. Н.* Русские писатели у Гёте в Веймаре // ЛН. Т. 4—6. М., 1932. С. 324—373; *Жирмунский В. М.* Гёте в русской литературе. Л., 1992. С. 77—89.

²⁷ Из письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 8 сентября 1827 г. // *Тургенев А. И.* Политическая проза. М., 1989. С. 143.

Шиллер остался для него легендой и поэтическим текстом, то Гёте, кроме всего этого, стал и символом жизни в искусстве, и живым человеком: собеседником, корреспондентом, поэтическим адресатом.

Дневники воссоздают своеобразный космос Гёте. Мимолетное однодневное свидание в Иене 29 октября 1821 г.; «три дня в Веймаре в беседе с Гёте» 4—6 сентября 1827 г., на пути в Париж; паломничество в Веймар после смерти Гёте, 12—14 августа 1833 г., сразу же после итальянского путешествия; беседы о Гёте и воспоминания о нем его друзей в конце августа — начале сентября 1838 г., в разгар путешествия с наследником по Европе; и, наконец, посещение дома Гёте в Веймаре в марте 1840 г., за год до окончательного переселения Жуковского в Германию, — всё это связывает единой отправной точкой не только крупнейшие биографические события жизни русского поэта, но и эстетические впечатления позднего периода его жизни, зафиксированные в дневниках 1830—1840-х гг. Не случайно самая первая тема беседы Жуковского с Гёте сформулирована в дневнике кратко, но емко: “Alles ist Wahrheit. Wahrheit und Dichtung” (Всё правда. Правда и поэзия. — *нем.*), почти что «Жизнь и Поэзия одно», но только в немецкой огласовке. В этом смысле Гёте, начиная с первой встречи в 1821 г., стал для Жуковского своеобразной вершиной горы, с которой ему открылась обширная, универсальная панорама европейского искусства, впоследствии детально исследованная русским поэтом в ее национальных фрагментарных проявлениях.

Тематические лейтмотивы периода первого заграничного путешествия — люди искусства, театр, мастерские художников и картинные галереи — неуклонно возникают и в дневниках 1827—1840 гг.

Хотя двухмесячное пребывание в Париже было слишком кратковременным для того, чтобы дать столь же внушительный документально-эстетический массив, как словесное творчество 1821 г., да и задачи Жуковского на сей раз были весьма практические (подготовиться к миссии воспитателя наследника в знакомстве с европейскими педагогическими системами и сформировать учебную библиотеку), всё же эти главные опорные пункты сохраняются и в коротких парижских подневных записях: встречи на вечере у Гизо с виднейшими представителями политической и литературной жизни Франции (запись от 12 (24) мая 1827 г.), беседы о литературе, о французской мемуаристике, постоянное посещение театров, мастерских художников и т. д.

В парижском дневнике заметно преобладание театральной темы: классическая страна драмы и театра, Франция естественно должна была привлечь этой стороной своего мира русского поэта, еще в 1809 г. посвятившего игре великой французской актрисы Жорж цикл театральных рецензий «Московские записки». И в парижском дневнике размышления о судьбе французской трагедии и комедии, об игре актеров, многочисленные упоминания спектаклей, актеров продолжают это направление эстетических интересов Жуковского (см. запись от 14 (26) мая 1827 г.).

Зато в итальянских дневниках 1833 и 1838—1839 гг. торжествует тема живописи, что тоже вполне закономерно. Но, вероятно, не случаен тот факт, что, прежде чем воочию увидеть шедевры итальянской живописи, Жуковский обстоятельно ознакомился и с Италией, и с итальянской живописью по статьям Гёте (дневниковые записи от 10 (22), 11 (23), 14 (26) августа 1832 г.).

Три путешествия Жуковского по Италии — 1821, 1833 и 1838—1839 гг. — наполнили его дневник невероятным количеством эстетических впечатлений, отливающихся почти что в каталоги крупнейших картинных галерей и путеводители по знаменитым музеям Италии: ратуше Брешии, галерее графа Този и графа Лехи в Бергамо, галерее Каррары в Комо, галерее Брера в Милане, Болонской галерее, флорентийским галереям Питти и Уффици, галереям Феша и Боргезе в Риме, Ватикану и т. д. Но и здесь, в этом фрагментарном космосе живописного наследия Италии есть неизменная точка отсчета и универсальный эстетический критерий: свет живописи Рафаэля. Все три путешествия по Италии освещены отблеском самого первого, самого сильного и самого стойкого впечатления Жуковского от живописного полотна итальянской школы — Сикстинской мадонны Рафаэля, которая в 1821 г. предстала Жуковскому «не картиной, а видением», «родившимся в минуту чуда» («Рафаэлева Мадонна»).

Восхищение Жуковского Рафаэлем запечатлено на страницах дневников неоднократно. Во время второго итальянского путешествия Рафаэль постоянно сопровождает русского поэта: 13 апреля 1833 г. он посещает церковь Святого Стефана и замечает: «Всё это Рафаэль», 20 апреля «из картин взглянули на некоторые превосходные творения Рафаэля (...) чудесное совершенство». Сикстинскую капеллу Жуковский сравнивает с поэмой Данте (запись от 8 (20) мая), а Станцы Рафаэля называет также «великой поэмой, всё великое человеческое» (под той же датой). И здесь в этой записи возникает своеобразная автореминисценция из статьи «Рафаэлева Мадонна», знак присутствия высокой поэзии в сугубо жизненном, пусть даже и эстетическом, впечатлении: «Все главные совершенства живописи в этом тесном пространстве».

И подобно тому, как самые высокие эстетические переживания Жуковского неизменно проецировали красоту искусства на жизненный факт (ср.: «Два дуба: ландшафт для Фридриха»), в июне 1839 г. он увидит свет Рафаэлевой живописи в дочери своего друга, художника Г. Рейтерна, и своей будущей жене, Елизавете, любясь ею «как образом Рафаэлевой Мадонны», от которой после нескольких минут счастья удаляешься с тихим воспоминанием...»²⁸. Не случайно и итог второго итальянского путешествия — фраза из письма Жуковского к А. П. Елагиной: «(...) видел чудесный лихорадочный сон — Италию»²⁹ так поразительно похожа на фразу из другого письма о другом путешествии: «Я видел прекрасный сон...» («Отрывки из письма о Швейцарии», 1821). И вновь в подобного рода комбинированных

²⁸ Веселовский. С. 418.

²⁹ УС. С. 55.

документально-художественных контекстах оживает ощущение связи времен, бег времени: в высоком мгновении поэтического вдохновения, рождающего художественный образ, и в экстатическом восхищении красотой совершенного творения — безразлично, природы или человеческого гения — неизменно связываются прошлое, настоящее и будущее жизни и поэзии Жуковского. И дневники — хроника и летопись этого феномена творческой биографии поэта-романтика.

Так по мере нарастания эстетических впечатлений, которые зафиксированы в поздних дневниках Жуковского с регистрирующей перечислительной интонацией, и лишь в проекции на более ранние, более эмоциональные дневниковые или параллельные эпистолярные тексты они обнаруживают свою подспудную поэтическую патетику; выявляется не только их общее соответствие типологии дневниковой прозы (от интроспекции к экстравертности) и эволюции жанровой системы поэта (от лирики к эпосу), но и та неизменная основа, на которой совершались все модификации жизни и поэзии Жуковского.

При всем неисчислимом многообразии форм проявления чисто эстетических уровней жизни поэтической души в дневниках 1800—1810-х, 1820-х, 1830—1840-х гг. неукоснительно присутствует одна и та же отправная точка, с которой Жуковский смотрит на свою жизнь и из переживания которой рождается поэзия: связь времен, единство прошлого, настоящего и будущего в высоком мгновении бытия. Лейтмотивы предчувствия будущей судьбы и меланхолического воспоминания о прошлом в дневниках 1805 г., заклипания: «Будь настоящее наш утешительный гений» и «Для сердца прошедшее вечно» дерптских писем-дневников 1814—1815 гг., воспоминание об утраченном счастье в минуты «явления поэзии в виде Лалла Рук» в 1821 г., «горная философия» 1832—1833 гг., интенсивное переживание всей совокупности явлений европейской культуры от античности до современности — все это фрагментарные свидетельства острого ощущения категории времени как универсальной основы и жизни, и творчества Жуковского. И в этом смысле Жуковский просто не мог бы существовать без своих дневников: это была часть его мировидения.

И именно в нем, этом остром ощущении хода и связи времен, видится главный залог соответствия дневниковой прозы Жуковского (зеркала его человеческой биографии) его психологической лирике. Поэт, который впервые открыл русской литературе подвижность, изменчивость, текучесть жизни души и жизни природы, должен был быть особенно чуток к категории времени: поэзия, в которой жизнь предстала динамическим процессом постоянных вариаций, изменений и обновлений, не могла не сохранить устойчивых опор, на которых это постоянное движение совершается.

Пожалуй, это неизменно свойственное Жуковскому ощущение себя, своей личности адекватными духу времени лучше всего демонстрирует композиция дневникового макроконтраста, впервые реконструированного в по возможности полном объеме, с использованием ранее не публиковавшихся текстов.

Дневники Жуковского начинаются и кончаются двумя исповедальными монологами, относящимися к 1813 и 1846 гг.: в первой исповеди — всё в будущем, во второй — всё в прошлом, но в настоящем времени каждой исповеди будущее и прошедшее встречаются в одной точке пересечения: человеческой жизни на данном этапе жизнетворчества.

25—26 февраля 1813 г.: «Всю прошедшую жизнь мою можно назвать потерянною (...) я мог бы быть совсем не то, что я теперь. (...) Что же в настоящем? Всё еще одна надежда. (...) В эту минуту твердая вера представлялась мне ясно нужнейшею потребностью человеческого сердца. (...) Но будущее! оно пугает меня одною своею неизвестностию».

2 (14) октября 1846 г.: «Прошедшего не возвратишь, но оно всё заключается в том, что я есмь в настоящую минуту (...) во мне нет ни теплой веры в Спасителя (...), хотя, напротив, желаю веры и по убеждению почитаю христианство высочайшею истиною. (...) Знать себя таким, без возможности переменить себя, портить здешнюю жизнь и мрачить упование на жизнь будущую...».

Между двумя этими исповедями, которые как бы воспроизводят движение времени календарного года — от весенних надежд (конец февраля) к осеннему и зимнему угасанию (октябрь), — целая жизнь, в которой, по мнению человека, ее прожившего, не сбылось гораздо больше надежд, чем могло бы сбыться — в биографическом плане. Но то, чем Жуковский, используя его собственные слова 1821 г., «заменял» «утраченное счастье» земного человека, — сбылось и никогда не изменяло. И это сбывшееся и не изменившее отнюдь не эмпирическая жизнь, а то, что принято называть ее «вторичной словесной моделью»: поэзия, творчество. Именно оно и есть та высшая реальность, которая удерживает связь времени, восполняет утраты: «...для меня существует одно настоящее, ничем не связанное с прошедшим. (...) Я не могу изменить себе внутренно, цепь беспрестанно прерывается; могу изменить только с пером в руках; карандаш и бумага сохраняют звенья цепи...».

В этой поздней, последней декларации на тему «Жизнь и Поэзия одно» жизнь окончательно уравнивается с поэзией, и в этом обнаруживается, может быть, самый главный эстетический фактор дневниковой прозы Жуковского. Дневники поэта от 1804 до 1847 г. — документ того «нравственного периода развития русского общества» (В. Г. Белинский), когда человек осознал себя современником своей исторической эпохи и в себе, своей личности и частности, в своем локальном фрагментарном бытии увидел отблеск большого исторического времени и универсальной общечеловечности.

ПРИМЕЧАНИЯ

История собирания и публикации дневников В. А. Жуковского как некоего художественного единства достаточно протяженна во времени и прихотлива по своему характеру. Она вмещает в себя более века, насыщенного то всплесками интереса к творчеству поэта, обилием публикаций его наследия, то забвением его памяти и искажением его облика. Амплитуда этих колебаний, передающих состояние русской литературно-общественной жизни и историко-литературной науки, не могла не отразиться и на отношении к дневникам поэта, мыслителя, воспитателя наследника — будущего «царя-освободителя» Александра II.

Прижизненные публикации отрывков из путешествий Жуковского по Саксонской Швейцарии, его путевых заметок о Дрезденской галерее и Рафаэлевой Мадонне, о встречах с виднейшими представителями немецкой романтической культуры — художником К. Д. Фридрихом и писателем Л. Тиком, появившиеся на страницах популярных изданий 1820—1830-х гг. — альманаха «Полярная звезда» (на 1824 г. С. 332—342; 422—426; на 1825 г. С. 557—567) и журнала «Московский телеграф» (1827. № 1. С. 20—32; 1827. № 6. С. 114—124), не прошли бесследно. Они вызвали отклики, но воспринимались или в традиционном контексте «литературы путешествий», или как эстетические манифесты русского романтизма. Да и сам Жуковский, перепечатывая их в собраниях своих сочинений в прозе, придавал им статус художественной прозы и включал их в состав своих сочинений и переводов.

То же самое произошло и с его письмами-дневниками, адресованными великой княжне Марье Николаевне и опубликованными на страницах плетневского «Современника» под заглавиями «Очерки Швеции» (1838. № 3. С. 20—32) и «Бородинская годовщина» (1839. № 4. С. 193—204). Эти публикации вновь рассматривались или как образцы русской очерковой литературы, или как документы русской общественной мысли. Факт адресованности этих материалов, их эпистолярно-очеркового характера снимал вопрос об их связи с дневниками Жуковского. Само слово-понятие «дневник» по отношению к Жуковскому не возникало и в мемуарных свидетельствах о его жизни, появившихся уже после смерти поэта, что подчеркивало либо неосведомленность писавших, либо недооценку этого пласта творческого наследия поэта.

Впервые о дневниках Жуковского как органической части его творческой биографии сказал П. А. Вяземский. В 1876 г., публикуя выдержки из парижского дневника Жуковского, хранившегося в составе его Остафьевского архива, он заметил: «Сначала вел он дневник свой довольно охотно и горячо; но позднее этот труд потерял прелесть свою. Заметки его стали короче, а иногда и однословны» (РА. 1876. Кн. 2. С. 99). Это указание современника и друга поэта обратило взор издателей и

критиков к новому пласту творческого наследия Жуковского, что нашло отражение в юбилейном 1883 году.

100-летие со дня рождения поэта вызвало поистине издательский бум, связанный с освоением его наследия, прежде всего эпистолярного. Весь год на страницах «Русского архива» и «Русской старины» печатаются подборки писем, свидетельствующих о их связи с дневниками поэта. В этом же году выходит русское издание книги друга Жуковского и его биографа К. К. Зейдлица «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского» (СПб., 1883), где приводятся выдержки из дневников (С. 56—58), даются указания на их существование.

Итогом юбилейного года стала акция пожертвования в 1884 г. сыном поэта, художником П. В. Жуковским, в Императорскую Публичную библиотеку бумаг отца, в том числе нескольких тетрадей с дневниками.

В «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1884 г.» (СПб., 1887) появилось описание этих бумаг, подготовленное главным библиографом И. А. Бычковым. В нем подробное изложение содержания тетрадей с рукописями, в том числе с дневниками Жуковского (№ 1—11), сопровождалось следующим комментарием: «...без обращения к ним не мыслимы ни составление биографии Жуковского, ни издание полного собрания его сочинений» (С. 3).

Библиографическое описание дневников Жуковского послужило отправной точкой для их расшифровки и активного введения в научный и читательский оборот. Подвижническая деятельность И. А. Бычкова, проделавшего всю эту невероятно сложную работу (ибо многие тексты почти не поддавались прочтению, карандашные записи угасали), заслуживает особого разговора.

В течение 1889—1900 гг. он последовательно, сначала на страницах «Русского вестника» (1889. № 8. С. 356—371; 1890. № 1. С. 291—298), а затем в особом приложении к «Русской старине» знакомит русскую публику с расшифрованными материалами, снабжая их краткими пояснениями. Одновременно выходит в свет подготовленное им же издание «Писем В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу» (М., 1895), где не только содержался комментарий к дневникам Жуковского, но в письме от 4 декабря 1810 г. приводилась выписка из журнала за 22 ноября этого же года (С. 83—85), что позволяло говорить о существовании отсутствующих в рукописях поэта дневников за 1807—1816 гг.

Важным этапом в истории публикации дневников Жуковского стал выход в свет отдельного их издания с примечаниями И. А. Бычкова сначала в 1901, а затем в 1903 г. Именно это издание, содержащее тексты дневников за 1804—1846 гг., правда, с пробелами (1807—1815, 1822—1825, 1828, 1830, 1834—1836) и пропусками (1840-е гг.), стало на многие годы основой для характеристики части творческого наследия поэта и получило признание современников. Так, например, А. Блок в рецензии на книгу А. Н. Веселовского о Жуковском особенно выделил «исследования И. А. Бычкова — бумаг, писем и дневников Жуковского» (Вопросы жизни. 1905. Апрель—май. С. 224).

Кроме того, появившись к 50-летию со дня смерти Жуковского, издание «Дневников» активизировало работу по дальнейшему их собиранию, осмыслению, комментированию. В 1902 г. выходит «Полное собрание сочинений В. А. Жуковского»

под ред. А. С. Архангельского (Приложение к журналу «Нива». Т. 1—12. СПб., 1902), где в последнем томе дан раздел «Из дневников» (С. 117—160), содержащий выдержки из издания И. А. Бычкова. Но в комментариях к текстам Жуковского, например, к его павловским посланиям 1817—1819 гг., даются и новые тексты поэта из записных книжек, например, графини С. А. Самойловой (Т. 9. С. 148—150). А. С. Архангельский также приводит фрагменты записной книжки Жуковского 1840-х гг. «Мысли и замечания» (Т. 11. С. 3—37).

Становятся известны новые фрагменты дневниковых записей Жуковского и в других публикациях. Так, в статье Н. Ф. Дубровина «Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам» появилась неизвестная дневниковая запись от 1 апреля 1830 г., дающая представление об общественной позиции поэта (РС. 1902. № 4. С. 79—81).

В известной монографии А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский: Поэзия чувства и „сердечного воображения“» (СПб., 1904. С. 163—181, 194—198) было впервые обращено внимание на дневники Жуковского 1814—1815 гг., связанные с историей его драматической любви к Маше Протасовой. Исследователь привел большие фрагменты записей и интересно их прокомментировал.

В 1907 г. в юбилейном сборнике «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя» (СПб., 1907. Вып. 1. С. 145—213) П. К. Симони опубликовал полный текст «Писем-дневников В. А. Жуковского 1814 и 1815 годов», к которым обращался в своей книге А. Н. Веселовский, дав их подробное описание. Комментарием к этим письмам-дневникам, воссоздающим один из самых драматических моментов биографии Жуковского, явились материалы «Уткинского сборника» (под ред. А. Е. Грузинского, М., 1904), содержащего переписку участников этой драмы — В. А. Жуковского, М. А. Протасовой-Мойер, Е. А. Протасовой.

В 1926 г. в специальном издании, посвященном Онегинскому собранию (*Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris*. P., 1926. P. 110—143), М. Л. Гофман продолжает публикацию писем-дневников 1814—1816 гг. Опираясь на другие источники, он дополняет публикацию П. К. Симони материалами «Дерптского дневника» 1815 г. и отдельными записями за 1816—1817 гг.

Существенным дополнением к бычковскому изданию «Дневников» стала публикация, условно названная «Дневник занятий с наследником» 1834 г., предпринятая М. Л. Гофманом в указ. выше издании (С. 169—172).

Важное значение имела публикация (хотя и неполная) в 1916 г. конспективных заметок Жуковского о дуэли и смерти Пушкина (*Щёголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина*. Пг., 1916. С. 196—198). Эта публикация, заполнившая одно из «белых пятен» в хронологии дневников Жуковского, впоследствии была существенно дополнена и уточнена (см. примеч. в наст. изд.).

По существу, на этом история публикаций новых текстов дневников Жуковского, расширявших издание И. А. Бычкова, долгие годы не имела продолжения. Сами публикации уже становились библиографической редкостью.

В 1975 г. М. И. Гиллельсон в статье «О друзьях Пушкина» (*Звезда*. 1975. № 2. С. 212—213), а затем в другой статье «Последний приезд Лермонтова в Петербург» (*Звезда*. 1977. № 3. С. 190—199) привел небольшие фрагменты текста дневника

Жуковского за 1841 г., обнаруженного им в РГАЛИ. Исследователь также обратил внимание на дневниковые записи 1835 г.

Выяснилось, что кроме петербургского собрания дневников, к которому обращались дореволюционные исследователи и публикаторы, существует еще московское, часть которого находится в РГАЛИ, а другая (в основном записи 1840-х гг.) — в РГБ. Фронтальное изучение этого собрания позволило обнаружить большой массив новых дневниковых текстов 1827—1840 гг., частично представленных в публикации А. С. Янушкевича (Наше наследие. 1994. № 32. С. 35—47).

Активизация интереса к личности и творческому наследию поэта, связанная еще в 1960-е гг. с издательской и исследовательской деятельностью Н. В. Измайлова и И. М. Семенко, вызвала целую серию интересных публикаций в связи с 200-летием со дня рождения В. А. Жуковского в 1983 г. Трехтомная коллективная монография «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» (Томск, 1978—1988) наметила новые перспективы в изучении рукописного наследия поэта, в комментировании его дневников через маргиналии в книгах. Сборник по материалам юбилейной конференции «Жуковский и русская культура» (Л., 1987), особенно в разделе публикаций, открыл новые материалы, важные для комментирования дневников. Новая публикация «Дневника» Жуковского 1834 г., подготовленная Р. В. Иезуитовой (Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 219—247), не только внесла существенные коррективы в публикацию М. А. Гофмана, но и поставила проблему значения дневников Жуковского для истории русской общественной мысли.

Весь накопленный материал, существенно дополняющий текст издания «Дневников В. А. Жуковского», подготовленного И. А. Бычковым 100 лет тому назад и ставшего уже библиографической редкостью, выдвинул на повестку дня их новое издание.

Проблемы и задачи этого издания можно определить так:

1) максимально полное и выверенное по рукописям, когда это возможно, хронологически последовательное издание текста дневников, с учетом всех публикаций и неопубликованных архивных источников;

2) обоснование корпуса дневниковой прозы Жуковского, включающей, кроме собственно дневников, письма-дневники, записные книжки, журнал занятий с наследником, путевые заметки и т. д.;

3) подробное комментирование всех материалов, сочетающее реальный комментарий и примечания проблемного характера, раскрывающие краткую историю взаимоотношений Жуковского с тем или иным лицом, воссоздающие творческую историю произведений, о которых говорится в тексте и т. д.;

4) составление по возможности полного аннотированного указателя имен, дополняющего представление о круге знакомств и общения Жуковского.

Автографы дневников Жуковского обнаружены в различных архивохранилищах России. Основной их массив, вошедший в издание И. А. Бычкова, находится в специальном фонде Жуковского РНБ (Ф. 286. Оп. 1, 2). В ИРЛИ в составе Онегинского собрания (Ф. 244) имеются дневниковые записи 1834 г., «Конспективные заметки о гибели Пушкина» и письма-дневники 1814—1815 гг., а также дерптский дневник. Там же, в фонде К. Н. Батюшкова (Ф. 19. № 1) — записная книжка «Разные замечания». Большой пласт дневниковых записей за 1827—1840 гг. есть в РГАЛИ (Ф. 198).

Наконец, в РГБ хранятся тетради с заграничными дневниками Жуковского за 1841—1846 гг. (Ф. 104).

Весь этот разнородный материал по существу не систематизирован, хронологически не упорядочен. Большинство черновых записей находит свое развитие, продолжение, корректировку в перебеленных вариантах, но уже не в дневниках, а в специальных письмах. Развернутые письма о первом заграничном путешествии 1820—1822 гг., о поездке в Швецию в 1839 г. и о Бородинском празднике, о событиях 1848 г., адресованные царственным особам, письма о последних часах жизни Пушкина, обращенные к С. Л. Пушкину и А. Х. Бенкендорфу, не просто вырастали из дневниковых набросков и конспективных заметок, но нередко заменяли дневники, становились именно письмами-дневниками.

Очевидна связь дневниковых записей Жуковского с его творческими тетрадями, содержащими планы замыслов, расписания дня, размышления на различные темы. Так рождаются особые дневниковые образования, близкие по своему характеру к записной книжке.

Корпус дневниковой прозы Жуковского столь разнообразен, подвижен в разные годы, что его реконструкция требует соотношения источников, как находящихся в архивах, так и опубликованных, получивших статус публичного высказывания поэта (эссе «Рафаэлева Мадонна», путевые очерки — «Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Отрывок из письма о Швейцарии», «Отрывок из письма о Саксонии», «Очерки Швеции» и др.). Именно поэтому предлагаемое издание дневниковой прозы Жуковского состоит из трех взаимосвязанных и взаимодополняемых частей: дневники, письма-дневники, записные книжки. Их соотношение и хронологическая последовательность позволяют говорить об эстетической целостности дневников, о их разновидностях в отдельные периоды.

Сам Жуковский неоднократно говорил о «многослойности» своих дневников. Первый слой — непосредственная фиксация фактов, событий, имен и, как следствие (этих часто путевых записей), — недописанность, пробелы, стертый карандаш. Второй слой — стремление сохранить текст на бумаге и в памяти — отсюда чернильные перебеленные поверх карандаша записи, их расширение. Третий слой — распространенные записи в виде «журналов», «отчетов», обращенных к великой княгине Александре Федоровне (1820—1822 гг.), к наследнику Александру Николаевичу (1832—1833, 1848—1849 гг.), к великой княжне Марии Николаевне (1838—1839 гг.). Четвертый слой — публикация отдельных фрагментов «журнала», «отчета» в виде статьи (эссе, очерк, путешествие) на страницах известных альманахов и журналов (см. выше). Пятый слой — их включение в прижизненные собрания сочинений, в раздел «Проза и переводы в прозе». Вся эта иерархия дневникового текста затрудняет его «самоопределение». Многие, заведомо созданные как дневниковые, тексты включались в разные тома собраний сочинений Жуковского (эстетики, публицистики, художественной прозы), что не противоречило их смыслу и определяло их самостоятельную жизнь, но обедняло представление о богатстве дневниковой прозы Жуковского.

В данном издании мы целый пласт текстов, рожденных в недрах дневников, оставили на своем месте, хотя в последующих томах в другом варианте они получат самостоятельную жизнь (эстетика, публицистика, эпистолярный), что лишь подчеркнет

вариативный и лейтмотивный характер дневниковых образов, тем, их репрезентативность для всего творческого наследия поэта.

Уже первый публикатор дневников И. А. Бычков, прикоснувшись к рукописям поэта, с сожалением отмечал, что дневник «писан большею частью карандашом, наскоро, почерком неразборчивым, причем местами иные слова не поддаются прочтению», «затем следует тринадцать строк, в которых не все можно прочесть, ибо карандаш местами стерся, а некоторые слова написаны неразборчиво», «фраза не дописана», «для фамилии оставлен пробел» (Дневники. С. 314, 316, 317). С годами текст дневников стал «угасать», особенно карандашные записи. Если путевые заметки 1820—1822 гг. восстанавливаются на основе эпистолярных источников, то поздние записи, особенно 1840-х гг., сделанные на календарных листках, не поддаются реконструкции. Кроме того, они в основном передают интимные подробности физиологического характера, поэтому купюры в них обусловлены повторением одних и тех же наблюдений над своим здоровьем. Мы приводим подобные повторения однажды, а затем передаем их отточиями. Новые прочтения дневниковых записей по отношению к расшифровкам И. А. Быčkova специально не оговариваются, если это не имеет принципиального характера. Все пробелы в тексте, связанные с пропуском географических реалий, имен, по возможности восстановлены; в противном случае обозначены сокращением [прбл.].

В бычковском издании комментарий носил в основном прикладной характер. «При этом, — замечал издатель, — я счел не бесполезным сопроводить их [дневники] некоторыми, лишь самыми необходимыми, объяснительными примечаниями» (Дневники. С. 4). Действительно, примечания давали аннотацию некоторых имен, театральных спектаклей и т. д. Была проделана огромная работа по изысканию различных источников биографического, историко-географического характера. Но за 100 лет, прошедших со времени первого и единственного издания «Дневников» В. А. Жуковского, был накоплен большой материал, позволяющий не только уточнить многие реалии, но и самим примечаниям придать новый характер.

Основной принцип, избранный при комментировании дневников Жуковского, — принцип не просто реального комментария, но проблемного, намечающего связь реалии с общим контекстом размышлений, поисков, круга чтения Жуковского данного периода. Активное привлечение эпистолярного и мемуарного материала, описания личной библиотеки поэта позволяет расширить представление о той или иной реалии.

Особый смысл этот принцип приобретает при комментировании так называемых конспективных записей, когда, по словам Вяземского, «отметки его просто колья, которые путешественник втыкает в землю, чтобы означить пройденный путь, если придется на него возвратиться, или заголовки, которые записывает он для памяти, чтобы после на досуге развить и пополнить» (РА. 1876. Кн. 2. С. 95). В тех случаях, когда автору дневника не удастся «развить и пополнить» записи, проблемный комментарий служит этой задаче.

Обилие реалий, особенно имен, не позволяет их комментирование ввести в текст примечаний, поэтому для данного издания особенно был важен аннотированный указатель, позволяющий наглядно увидеть круг общения Жуковского, дающий представление о «человеческом космосе» дневников. Тщательные разыскания в этом

направлении позволили ввести в научный оборот сведения о многих знакомых Жуковского, уточнить неверные представления о некоторых из них.

Строго хронологический принцип публикации текста дневников определил сплошную нумерацию примечаний в пределах каждого года. Орфография и пунктуация приближены к современной норме. Архаические написания присутствуют лишь в тех случаях, когда они указывают на особенности произношения (имена, топонимы). В обычной для Жуковского и его эпохи транскрипции переданы иноязычные имена, сохранены распространенная в те годы неустойчивая орфография некоторых фамилий, а также вариативное написание некоторых слов: «домы — дома», «противуположный — противоположный», окончаний прилагательных: «высокой — высокий», «тихой — тихий», и существительных творительного падежа: «мыслию — мыслью», «несчастьем — несчастьем», что объясняется протяженностью дневников во времени. Дневники, написанные в основном по-русски, с иностранными вкраплениями, печатаются на языке подлинника (с подстрочными переводами).

Все даты, как у самого Жуковского, приводятся по старому стилю, если речь идет о событиях, происходивших в России; когда же действие переносится за ее пределы, указывается или двойная дата, или число по новому стилю. Название месяца (если это не указание самого Жуковского) дается в конъектурных скобках; так же обозначены сокращения (имен, исторических и историографических реалий).

Для ориентации в большом тексте дневников дается «Краткая летопись жизни и творчества В. А. Жуковского», позволяющая обозначить основные вехи его биографии и творчества, а также подробное оглавление, фиксирующее хронологию записей и особые вкрапления в их текст, ведущие свое начало из дневников. В иллюстративном материале использованы путеводители, извлеченные из личной библиотеки поэта и воссоздающие маршруты его многочисленных путешествий.

Тексты парижского дневника и дневников 1840—1843 гг., комментарий к парижскому дневнику подготовлены О. Б. Лебедевой. Текст английского путешествия за 10 (22) — 17 (29) мая 1839 г. и примечания к нему — Э. М. Жиликовой. Вся остальная работа по подготовке текста и примечаний, по составлению аннотированного указателя имен, выработке общей концепции издания принадлежит А. С. Янушкевичу. Им же составлена «Летопись жизни и творчества В. А. Жуковского». Авторство пояснительных статей оговаривается специально.

1804

(С. 9—11)

Впервые: РС. 1901. № 4. Приложение. С. 5—10. Автор публикации — И. А. Бычков. Перепечатано: Дневники. С. 5—10. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 16. Л. 1—2.

¹ А. и Б. — Форма вымышленного диалога, определяющая структуру дневниковых записей 1804 г., восходит к традиции «разговоров» в Университетском Благородном пансионе, воспитанником которого был Жуковский (см.: Резанов. С. 229—230).

Помимо этой русской основы можно указать на литературное влияние «Тускуланских бесед» Цицерона, внимательным читателем которых был в это время Жуковский. В его библиотеке имеется французское изд. 1776 г. этого произведения, с многочисленными пометами владельца (Описание. № 818).

² А. — Речь скорее всего идет об Авдотье Петровне Юшковой (в замужестве Киреевской), племяннице Жуковского и подруге его детских и юношеских лет. Именно к этому времени относится ее увлечение В. И. Киреевским, приведшее 13 января 1805 г. к свадьбе, на которую специально в Мишенское из Москвы приезжал Жуковский (РА. 1877. № 8. С. 488). Так как в то время Авдотье Юшковой не исполнилось еще 16 лет, то, видимо, ее переписка с В. И. Киреевским была тайной для окружающих.

³ В... М... — Если предположение об адресате писем (А. П. Юшковой. — см. прим. 2) верно, то под инициалами В. М. скрывается Василий Иванович Киреевский, отчество которого Жуковский мог и перепутать, так как был с ним недостаточно знаком. В. И. Киреевский жил в своем имении Долбино.

⁴ ...читал Сен-Ламберта... — Как следует из дальнейшего повествования, речь идет о сочинении французского моралиста и поэта Ж.-Ф. Сен-Ламбера “Principes des mœurs chez toutes les nations ou Catéchisme universel” (Принципы нравов всех народов, или Всеобщий катехизис), вышедшем в Париже в 1796 г. В это же время Жуковский собирается сделать выписки из Сен-Ламбера «для морали» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 79. Л. 5 об.; Резанов. С. 251).

⁵ ...сделал свой экстракт. — Система особых конспектов (экстрактов), где сочетались выписки из прочитанного и собственные замечания, определилась именно в это время. В рукописях поэта сохранился особый листок, на котором написано: «Завести книги. (...) 3. Для журнала или экстрактов...» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 79. Л. 5 об.).

⁶ ...перебирал листы ~ в Томпсоне... — Речь идет о чтении произведений английского поэта-сентименталиста Джеймса Томпсона (Томсона). К 1808 г. относится перевод Жуковским его «Гимна» («О Боге нам гласит времен круговращенье...»), но еще в 1802—1804 гг., готовясь к созданию описательной поэмы «Весна», он постоянно обращается к поэме Томсона «Времена года» (Seasons, 1726—1730), читает другие его произведения и размышляет о его творчестве (см.: Резанов. С. 220; Веселовский. С. 21; Ж. и русская культура. С. 112—125; Письма Андрея Тургенева. С. 396).

⁷ ...в Геснере... — Имя швейцарского поэта-идиллика Соломона Гесснера (Геснера) появляется уже в списке задуманных переводов, относящихся к этому времени (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 79. Л. 8; раздел «Эклога»). Тогда же возникает замысел сочинить «биографию Геснера» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 12. Л. 51 об.). К 1806 г. относится попытка переложить в стихи прозаическую идиллию Гесснера «Миртил и Тирсис» (Резанов. С. 486—487).

⁸ ...в Гервее... — О переводе из английского моралиста и богослова Джеймса Гервея, без конкретизации замысла, Жуковский говорит в специальном списке «Что сочинить и перевести», относящемся к 1804—1805 гг. (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 12. Л. 51 об.). Каких-либо следов перевода из Гервея не обнаружено.

⁹ ...в Блумфильде... — В библиотеке поэта сохранилось издание сочинений английского поэта Роберта Блумфильда “Rural tales, ballads and songs” (London, 1802)

с владельческой надписью: “*Basile de Joukovsky*” и пометками (Описание. № 2585). В списке задуманных переводов упоминается имя Блумфильда, без конкретизации (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 12. Л. 51 об.).

¹⁰ ...*взял в руки Делилев перевод «Энеиды»*... — «Энеида» Вергилия в переводе известного французского поэта Жака Делиля появилась в Париже в 1804 г. Именно это издание есть в библиотеке поэта (Описание. № 2320). Жуковский постоянно интересовался переводческой деятельностью Делиля, а в 1810 г. в ВЕ (№ 3. С. 190—198) публикует свой перевод отрывка из предисловия Делиля к «Георгикам» Вергилия, под заглавием «О переводах вообще, и в особенности о переводах стихов» (см.: Эстетика и критика. С. 402). Кроме того, к 1805—1806 гг. относится перевод Жуковским «Отрывка из Делилева Дифирамба на бессмертие души» (ВЕ. 1807. № 4. С. 261—262, с подписью: «В. Ж...й»).

¹¹ *Пришла матушка*... — Речь идет о матери Жуковского, пленной турчанке Сальхе, которая была вывезена из Турции в 1769 г. и стала наложницей тульского дворянина А. И. Бунина. Еще до рождения Жуковского была крещена и получила имя Елизаветы Дементьевны Турчаниновой.

¹² ...*говорила о строении*... — О строительстве Жуковским в Белёве своего дома. К концу 1805 г. он с матерью уже поселился в нем (см.: С 7. Т. 6. С. 383—384). О судьбе этого дома см.: Власов В. А., Назаренко И. И. «Минувших дней очарование»: В. А. Жуковский в Приокском крае. Тула, 1979. С. 59—60.

¹³ ...*перевел три страницы из Дюкло*... — О характере чтения сочинения французского моралиста Шарля Дюкло “*Considérations sur les mœurs de ce siècle*. P., 1751” (Рассуждения о нравах сего века) и развернутых записях на страницах экземпляра из библиотеки поэта см.: БЖ. Ч. 3. С. 143—157.

¹⁴ ...*поеду в Петербург с И. П. Тургеневым*. — Имеется в виду совместное путешествие с Иваном Петровичем Тургеневым, известным просветителем, директором Московского университета, духовным наставником поэта. Жуковский после смерти старшего сына Тургенева — Андрея в июле 1803 г. был особенно близок к нему (ПЖТ. С. 8—12). В стихотворном «Надгробии И. П. и А. И. Тургеневым» (1819) Жуковский называет его «милый наш отец» (ПСС. Т. 2. С. 137).

1805

(С. 13—27)

Впервые: РС. 1901. № 4. Приложение. С. 10—30. Перепечатано: Дневники. С. 10—30. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 1в. Л. 2—9.

¹ *13-го июня*. — В 1805 г. Жуковский жил частично в с. Мишенском Тульской губ. (в имении своего покойного отца А. И. Бунина, в 3-х верстах от Белёва), частично в самом Белёве, где у него был дом.

² ...*получу от Антонского для путешествия*. — Замысел путешествия в Германию совместно с другом А. Ф. Мерзляковым оформился у Жуковского к середине 1805 г. (ПЖТ. С. 4, 20). Главная цель путешествия — продолжение учебы в лучших

университетах Германии. Кредитором поэта должен был стать его пансионский наставник, с 1791 по 1824 гг. находившийся во главе Московского университетского Благородного пансиона А. А. Прокопович-Антонский. «С тремя тысячами, которые дает мне Антонский, могу прожить без нужды довольно времени в Ене», — писал Жуковский к А. И. Тургеневу 8 января 1806 г. (ПЖТ. С. 20). Путешествие не состоялось, и впервые поэт поехал за границу лишь в 1820 г.

³ ...издание журнала... — Речь идет о редактировании журнала ВЕ. В течение 1808—1809 гг. Жуковский был его единоличным редактором, с 1810 г. он решил привлечь в соредакторы М. Т. Каченовского, одного из прежних редакторов ВЕ и своего постоянного сотрудника. Об этом подробнее см.: Ежегодник. 1980. С. 89—106.

⁴ ...за прозрачным занавесом. — Один из устойчивых образов романтической эстетики Жуковского, символ таинственности бытия, невыразимости. Ср. использование впоследствии этого мотива в «Рафаэлевой Мадонне», «Отчете о луне», «Таинственном посетителе» и т. д.

⁵ ...быть влюбленным в ребенка? — Здесь Жуковский говорит о пробудившемся в нем чувстве любви к Маше Протасовой, которой в это время было всего 12 лет (род. в 1793 г.).

⁶ К. А. — Речь идет о Екатерине (Екатерине) Афанасьевне Протасовой (урожд. Буниной), сводной сестре Жуковского, матери Маши Протасовой.

⁷ В. — Вероятно, дядя Маши Протасовой — Василий Иванович Протасов.

⁸ М. — Видимо, тётка Маши Протасовой — Мария Ивановна Протасова.

⁹ ...но исподволь, постепенно, как уверяет Плутарх... — Источник цитаты обнаружить не удалось.

¹⁰ Как определить характер К...? — По всей вероятности, речь идет о В. И. Киреевском, который в январе 1805 г. стал мужем племянницы Жуковского А. П. Юшковой (см. прим. 2—3 к 1804 г.).

¹¹ *J'ai pleuré, et j'ai cru*, — говорит Шатобриан... — «Я плакал, я уверовал» — знаменитая фраза Ф.-Р. де Шатобриана, афористически передающая историю его возвращения к религии. Ею начинается известное его сочинение «Гений христианства». И хотя чуть позже (см. примеч. 13) Жуковский признается, что «еще не читал „*Génie du christianisme*“», возможно, введение к книге было уже ему знакомо, или же он услышал эти слова из уст своего собеседника и почитателя «Гения христианства», барона И. П. Черкасова.

¹² *Нынче я был у барона*. — Барон Иван Петрович Черкасов, «герой Володьковский», сосед Буниных и Юшковых по имению (с. Володьково, под Белёвом, где жил барон, находилось недалеко от Мишенского и Долбина). Между произведениями Жуковского есть послания, обращенные к нему и его близким. В письме к А. И. Тургеневу от 15 мая 1813 г. Жуковский рекомендует его так: «...один из добрых моих приятелей и достоин с твоей стороны всякого уважения» (ПЖТ. С. 99).

¹³ ...я еще не читал «*Génie du christianisme*». — Сочинение Шатобриана вышло первым изданием в 1802 г. По всей вероятности, чтение этого произведения Жуковским относится к 1809—1810 гг., о чем свидетельствуют его полемические примечания ко второй главе «Гения христианства» — «О природе таинственного» (см. наст. изд.).

¹⁴ *Б-а, которая у нас была...* — Как предполагает И. А. Бычков, речь идет о жене барона И. П. Черкасова Марии Алексеевне (урожд. Кожиной). Б-а — сокращение от слова «баронесса» (Дневники. С. 20).

¹⁵ *...одного дяди баронова, знатного человека...* — Видимо, речь идет о дяде барона И. П. Черкасова А. И. Черкасове (1728—1788), фаворите Екатерины II.

¹⁶ *Читаю теперь Гарве: «О уединении и обществе».* — Имеется в виду сочинение немецкого философа и моралиста Христиана Гарве “Ueber Gesellschaft und Einsamkeit”. К его произведениям Жуковский испытывал постоянный интерес (см.: Резанов. С. 261—264; БЖ. Ч. 2. С. 166—171).

¹⁷ *...та chère tante...* — Имеется в виду Е. А. Протасова, которую Жуковский называл «маменькой» или «тётенкой». Разговор с ней на страницах журнала вызван тем, что поэт в это время был учителем ее дочерей Маши и Саши и влюбился в старшую сестру.

¹⁸ *Машенька* — дочь Е. А. Протасовой.

¹⁹ *...хотел перевести Гарве...* — В архиве поэта находится перевод начала статьи Х. Гарве «Общество и уединение» (см. примеч. 16), писанный на бумаге с водяным знаком 1804 г. и, вероятно, относящийся к 1805 г. (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 18. Л. 13).

²⁰ *Займусь теперь сочинением моего собрания лучших русских авторов.* — Речь идет о подготовительной работе над «Собранием русских стихотворений...» в пяти частях, изданным Жуковским позднее, в 1810—1811 гг. В письме к А. И. Тургеневу от 8 января 1806 г. из Белёва Жуковский писал: «Я теперь занимаюсь собранием Русских поэтов...» (ПЖТ. С. 21). Об этом замысле Жуковского подробнее см.: *Иезуито-ва Р. В. Жуковский и его время.* Л., 1989. С. 62—74.

²¹ *...в феврале переведу Эшенбурга...* — Имеется в виду работа над переводом сочинения немецкого историка литературы и эстетика Иоганна Иоахима Эшенбурга “Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften” (Berlin, 1783). Сохранился перевод фрагмента этого сочинения, а также заметки «На что делать примечания к Эшенбурговой теории» (Резанов. С. 273—291).

²² *...напишу к нему прибавление...* — Как предполагал В. И. Резанов, «прибавлением» мог быть начатый Жуковским в это же время труд «Историческая часть изящных искусств» — конспект отрывка из другой книги Эшенбурга “Handbuch der klassischen Literatur. Enthaltend Archäologie. Notiz der Klassiker, Mythologie, griechische Alterthümer. Dritte verbesserte und vermehrte Ausgabe. Berlin u. Stettin, 1792” (Резанов. С. 292). Оба произведения Эшенбурга имеются в библиотеке Жуковского с его многочисленными пометами (Описание. № 994—995).

²³ *...критические примечания к стихотворцам.* — По всей вероятности, конкретизацией этого замысла служит следующий список под названием «Замеч(ания) на поэтов», предпосланный разделу «Эпическая поэма» в «Конспекте по истории литературы и критики»:

На Тасса
На Оберона
На J. d'Arc
На Клопштока
На Генриаду.

О реализации этого списка при написании «Конспекта...» см.: Эстетика и критика. С. 383.

²⁴ ...перевод *Leçons...* — Можно сделать предположение, что речь идет о «Лекциях по риторике» английского критика и эстетика Хью Блера. Конспект-перевод XII—XIV лекций трехтомного курса (во французском переводе “*Leçons de rhétorique...*”) относится именно к этому времени (подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 121—139; Эстетика и критика. С. 64—74, 384).

²⁵ *Я давно не занимался стихами...* — Усиленное самообразование на время вытеснило поэтическую деятельность: Жуковский не писал стихотворений целый год, с декабря 1804 г. («К поэзии») по декабрь 1805 г. («Опустевшая деревня»). Намечая план чтения и переводов на конец 1805 — начало 1806 г., он прибавляет: «...а во всё это время займусь сочинением в стихах» (Дневники. С. 29). Белёвское уединение 1806 г. способствовало активизации поэтической деятельности Жуковского (Резанов. С. 316 и сл.). В течение апреля-декабря 1806 г. он создаёт более 50 стихотворений разных жанров, в том числе подборку басен, эпиграмм, песен, элегию «Вечер», «Песнь барда над гробом славян-победителей» и т. д.

²⁶ ...читать с Машею Геллерта. — Более конкретных сведений о чтении с Машей Протасовой сочинений немецкого баснописца и моралиста Христиана Геллерта не обнаружено. Известно, что Жуковский проявлял интерес к творчеству Геллерта-баснописца и планировал перевод его произведений (Резанов. С. 254, 260, 492). Комментируя эту дневниковую запись, Н. Б. Реморова справедливо замечает: «...помня о возрасте ученицы, которой было всего 11 лет, вернее всего предположить, что речь идет не о моралистических трудах писателя, а о его баснях, широко распространенных и многократно издававшихся и по которым, по замечанию К. Рамлера, во всех странах начинали знакомиться с немецким языком и немецкой литературой. В планах-программах для занятий, относящихся к этому периоду, Жуковский в качестве одного из пунктов включает: „Диктовать басни“» (БЖ. Ч. 3. С. 416).

1806

(С. 28—37)

Впервые: РС. 1901. № 4. Приложение. С. 30—43. Перепечатано: Дневники. С. 30—43. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 1в. Л. 9—10 об.

¹ ...ваше письмо из Троицкого... — Речь идет о письме Е. А. Протасовой из имения ее деверя В. И. Протасова в Орловской губернии.

² *La véritable vertu* ~ Voltaire. — Источник цитаты не обнаружен.

³ ...Книдский храм... — Имеется в виду сочинение Ш. Монтескье “*Le temple de Snide*” (1724), поэма в прозе, основанная на аллегорическом использовании мифологии. В основе заглавия — образ храма в главном городе дорийского союза в Малой Азии — Книде, центральном месте культа богини Афродиты, где находилась исполненная древнегреческим скульптором Праксителем ее статуя (Афродита Книдская).

⁴ *Прошедшая жизнь*. — Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 1а. Л. 1—2, под названием: «О том, что написать в журнале». Весь этот набросок автобиографии относится к 1808 г. и органично связан с журналом. Изложение событий доведено здесь до конца 1805 г. Так, последние сообщения о смерти П. Н. Юшкова, о «перемещении в дом» относятся к декабрю 1805 г. Следы дальнейшей работы над автобиографией не обнаружены: «по крайней мере в его бумагах, пожертвованных в 1884 году Императорской Публичной библиотеке сыном его, П. В. Жуковским, этой автобиографии не находится» (Дневники. С. 36).

⁵ *М. Григорьевна*. — Марья Григорьевна Бунина (урожд. Безобразова), жена отца Жуковского, любившая поэта как своего собственного сына.

⁶ *1-й учитель*. — По всей вероятности, немец Яким Иванович, которого А. И. Бунин выписал в 1789 г. из Москвы, когда Жуковскому исполнилось 6 лет. Был изгнан за непрофессионализм и рукоприкладство (см.: Зонтаг. С. 273).

⁷ *Григорий*. — Крепостной А. И. Бунина, получивший отпускную еще при жизни матери Жуковского, Елизаветы Дементьевны (РА. 1872. Стб. 2365—2366).

⁸ *Н. Афанасьев(на)*. — Наталья Афанасьевна Вельяминова (урожд. Бунина), сводная сестра Жуковского.

⁹ *Учение у Роде*. — В пансионе Х. Ф. Роде в Туле, где юный Жуковский на правах полупансионера учился с ноября 1790 по март 1792 г.

¹⁰ *Первые сочинения*. — Видимо, речь идет о трагедии «Камилл, или Освобожденный Рим» и мелодраме «Госпожа де ля Тур» (на сюжет романа французского писателя Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния»), созданных для домашнего театра Юшковых в зиму 1794—1795 гг. (Зонтаг. С. 282—283). Сведений о других детских сочинениях поэта не дошло.

¹¹ *См(ерть) Аф(анасия) Ивановича*. — Отца Жуковского, А. И. Бунина, умершего в марте 1791 г. в возрасте 64 лет и похороненного в семейной усыпальнице Буниных в Мишенском.

¹² *Марья Николаевна*. — М. Н. Свечина, урожд. Вельяминова, племянница Жуковского по отцу, предмет первого увлечения поэта. История их взаимоотношений отражена в письмах Андрея Тургенева к Жуковскому (см.: Письма Андрея Тургенева. Указ. имен). Александр Тургенев записал в своем дневнике 13 (25) января 1803 г.: «И Жуковский точно в таком же отношении к Св(ечиною), в каком Петрарка был к его Лауре» (АБТ. Вып. 2. С. 184).

¹³ *Отъезд в Мишенское*. — Мишенское, родовое поместье Буниных, родина Жуковского, куда он постоянно возвращался в юности (подробнее см.: *Мартынов П. М.* Село Мишенское, родина В. А. Жуковского // ИВ. 1887. Т. 27. С. 110—126). В данном случае речь идет об отъезде из Тулы в Мишенское в марте 1791 г. в связи со смертью отца.

¹⁴ *Сальковская жизнь*. — Летом 1792 г. Е. А. Бунина, только что вышедшая замуж за тульского помещика и губернского предводителя А. И. Протасова, взяла с собою юного Жуковского погостить в имение Протасовых Сальково Ведовского уезда.

¹⁵ *Чтение Флориана*. — Творчество французского баснописца и прозаика Ж.-П. Кларри де Флориана оказало определенное воздействие на Жуковского. В его библиотеке сохранилось издание басен Флориана 1797 г. (Описание. № 1032). Впоследствии

он перевел несколько его басен, повестей (см.: Резанов. Указ. имен; *Разумова Н. Е.* Первые переводы из Флориана («Вильгельм Телль», «Розальба») в творчестве В. А. Жуковского 1800-х гг. // ПМиЖ. Вып. 13. Томск, 1986. С. 39—55), а также его переделку романа Сервантеса «Дон Кихот» (см.: *Багно В. Е.* Жуковский — переводчик «Дон Кихота» // Ж. и русская культура. С. 293—311).

¹⁶ *В. Афанасьевна.* — Варвара Афанасьевна Юшкова, урожд. Бунина, сводная сестра Жуковского, в тульском доме которой он прожил весь 1796 г., много сделала для воспитания и образования мальчика. Домашний театр, литературные и музыкальные вечера, богатая библиотека способствовали формированию поэта. Жуковский впоследствии называл ее «спутником» и «хранителем» своего детства и считал, что «в ней таилось много неразвитых талантов» (УС. С. 130—131).

¹⁷ *Ученье в училище.* — Имеется в виду Главное народное училище в Туле, в котором Жуковский проучился недолго и был исключен главным наставником Ф. Г. Покровским за «неспособность к математике».

¹⁸ Кексгольмская и Петербургская жизнь. — Трехмесячное пребывание Жуковского в Кексгольме относится к концу 1795 г. (см. письма Жуковского к матери от ноября-декабря 1795 г. // РА. 1872. Стб. 2383—2364) и было связано с попыткой записать его в Нарвский полк, окончившейся неудачно. После этого, в феврале 1796 г. Жуковский недолго был в Петербурге, где наблюдал придворную церемонию (Иезуитова. С. 17—18).

¹⁹ Тульская жизнь. — Жизнь в доме Юшковых в 1796 г., связанная с учебой и первыми поэтическими опытами, подробно воссоздана в воспоминаниях А. П. Зонтаг, урожд. Юшковой (Зонтаг. С. 276—279).

²⁰ *Болотов.* — Встречи Жуковского с известным просветителем, историком А. Т. Болотовым в доме Юшковых не прошли бесследно. «Из посторонних лиц этого времени, — писал впоследствии Жуковский, — самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова. (...) В то время, когда он посещал нас в Туле, он был мне самый привлекательный человек и сильно на меня действовал своею многосторонностью» (УС. С. 131). См. также: *Лазарев В.* Жуковский о Болотове // Альманах библиофила. Вып. 9. М., 1980. С. 121—123.

²¹ *Смерть государыни.* — Кончина имп. Екатерины II 2 ноября 1795 г.

²² Московская жизнь. — В начале 1797 г. М. Г. Бунина повезла 14-летнего Жуковского в Москву для поступления в Московский университетский Благородный пансион. С начала 1797 г. по май 1802 г., с небольшими перерывами, вызванными поездками на родину во время каникул, он постоянно живет в Москве.

²³ *Коронация.* — Коронация императора Павла I происходила 5 апреля 1797 г.

²⁴ *Вступление в пансион.* — Жуковский в начале 1797 г. был принят в первый средний класс Московского университетского благородного пансиона.

²⁵ *Первый акт.* — Торжественный акт в пансионе состоялся 19 декабря 1797 г. На нем Жуковский читал свою оду «Благодеяние России, устроенное великим ея самодержцем Павлом Первым».

²⁶ *Выборы.* — В начале 1799 г. А. А. Прокоповичем-Антонским было образовано «Собрание воспитанников университетского благородного пансиона». Его председателем был выбран В. А. Жуковский.

²⁷ *И. Володимирович.* — Иван Владимирович Лопухин, известный масон, автор «Записок». Впоследствии принимал активное участие в судьбе поэта. Залогом их дружеских отношений стал экземпляр «Записок» с дарственной надписью автора и рукопись «Отзыва искренности» со следующим посвящением: «Гению-поэту Жуковскому от автора, друга его» (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 289. Л. 1 об.).

²⁸ *Тургеневы.* — Иван Петрович Тургенев, духовный наставник поэта (см. примеч. 14 к 1804 г.), и его сыновья: Андрей, Александр, Николай, Сергей — друзья поэта. Их дом на Моховой стал родным для Жуковского во время учебы в пансионе. О их взаимоотношениях см.: Дубровин. С. 47—94.

²⁹ *Родзянка. Мерзляков.* — Появление имен С. Е. Родзянки и А. Ф. Мерзлякова далеко не случайно в ряду «пансионеров». Будущий профессор Московского университета, известный литератор, Мерзляков уже в это время был бакалавром при университете, но являлся членом «союза трёх»: Мерзляков, Андрей Тургенев, Жуковский, в замыслы которого входили совместный перевод «Вертера» Гёте и издание альманаха под литерами «М. Т. Ж.». Подробнее см.: Загарин. С. 50—53; Письма Андрея Тургенева. С. 351, 370—371.

Другой товарищ Жуковского по пансиону, секретарь Собрания воспитанников, член Дружеского литературного общества С. Е. Родзянка тоже должен был примкнуть к «союзу трех», участвуя в систематической переписке его участников (см.: Письма Андрея Тургенева. С. 370—371).

³⁰ *Собрание.* — См. примеч. 26.

³¹ *Сочинения пенсионские.* — Круг дошедших до нас произведений Жуковского 1797—1800 гг. не очень обширен. Это около 10 стихотворений, в основном одического характера, прозаический отрывок «Мысли на кладбище», выдержанный в традициях карамзинизма. Они были опубликованы в университетских изданиях «Приятное и полезное препровождение времени», «Утренняя заря». Список этих сочинений см.: Москвитянин. 1853. № 2. С. 156. Сост. Н. Тихонравов. О их характере см.: *Портнова Н. А.* Пансионские оды В. А. Жуковского // Вопросы русской литературы. Куйбышев, 1972. С. 43—55.

³² *Вступление в Сол. контору.* — По выходе из пансиона в декабре 1800 г. Жуковский начал служить в Московской соляной конторе, но эта служба, не приносявшая никакого душевного удовлетворения, была недолгой (см. примеч. 46).

³³ *М(альчик) у ручья.* — Так Жуковский назвал свой перевод романа А. Коцебу “Die jungsten Kinder meiner Laune”, напечатанный в Москве в 1801 г. отдельным изданием.

³⁴ *Греева элегия.* — Речь идет о первом переводе элегии английского поэта-сентименталиста Т. Грея «Сельское кладбище», вызвавшем замечания Н. М. Карамзина и сохранившемся в архиве поэта (Бумаги Жуковского. С. 18). Подробнее о нём см.: Вольпе. Т. 1. С. 258.

³⁵ *Литературное собрание.* — Имеется в виду учреждение в Москве Дружеского литературного общества, членами которого были выпускники пансиона. 12 января 1801 г. в доме А. Воейкова на Девичьем поле состоялось организационное собрание. Среди его учредителей и активных участников был и Жуковский.

³⁶ *Знакомство с Соковниными.* — С семейством товарища по Университетскому пансиону Сергея Соковнина. Его мать, Анна Федоровна, три брата — Михаил,

Николай, Павел, а особенно три сестры — Варвара, Екатерина и Анна, — занимали особое место в жизни Жуковского и братьев Тургеневых. Об этом см.: Письма Андрея Тургенева. С. 373; Из дневника Андрея Тургенева / Публ. и коммент. М. Н. Виरोлайнен // Восток — Запад... Вып. 4. М., 1989. С. 130.

³⁷ *Знакомство с Дмитриевым.* — По всей вероятности, в конце 1801 г., после переезда известного поэта И. И. Дмитриева в Москву. Именно к этому времени относится упоминание в «Записках» Дмитриева о его беседах с молодым Жуковским (Сочинения И. И. Дмитриева. Т. 2. СПб., 1893. С. 56). Об истории их взаимоотношений см.: Вольпе. Т. 2. С. 498—499.

³⁸ *Козлятев.* — Ф. И. Козлятев, сослуживец и друг И. И. Дмитриева, человек высоких нравственных достоинств. Как пишет Дмитриев в своих «Записках», «Поэт Жуковский (...) искренно любил и уважал его» (Сочинения И. И. Дмитриева. Т. 2. С. 94). Его памяти Жуковский посвятил следующие строки в послании «К Ив. Ив. Дмитриеву» (1813): «И наш мудрец смиренный, / Козлятев незабвенный (...) О! можно ли забыть / Сей взор приятной, ясной, / Орган души прекрасной...» (ПСС. Т. 2. С. 31—32).

³⁹ *С Карамзиным.* — В апреле 1801 г. Н. М. Карамзин женился на Елизавете Ивановне Протасовой, сестре Андрея Ивановича, мужа Е. А. Протасовой. Поэтому поводом к знакомству Жуковского с Карамзиным были дальние родственные связи. Именно в 1801 г. Жуковский знакомит Карамзина с первой редакцией своего перевода «Сельского кладбища» (см. примеч. 34).

⁴⁰ *Смерть государя.* — Убийство императора Павла I в результате дворцового переворота 11 марта 1801 г.

⁴¹ *Воейков.* — Александр Федорович Воейков, поэт, критик, член Дружеского литературного общества, воспитанник Университетского пансиона, впоследствии муж племянницы Жуковского Александры Протасовой. Об истории их драматических отношений см. «Дерптский дневник» и примеч. к нему в наст. изд.

⁴² *Кайсаровы.* — Братья Кайсаровы, Андрей, Михаил и Паисий Сергеевичи, воспитанники Московского пансиона. Особенно дружен был Жуковский с А. С. Кайсаровым. О нем подробнее см.: *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 63. Тарту, 1958.

⁴³ *Блудов.* — Дмитрий Николаевич Блудов, известный государственный деятель, был близким другом поэта, особенно в молодости. См.: Иезуитова. С. 31—34. Познакомился Жуковский с ним через Д. В. Дашкова (*Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 21). Впоследствии был членом «Арзамаса» и имел прозвище Кассандра.

⁴⁴ *Коронация.* — Коронация императора Александра I происходила 15 сентября 1801 г. Во время нее Жуковский и Блудов были дежурными при предъявлении входных билетов на Кремлевскую площадь (*Ковалевский Е. П.* Указ. соч. С. 24).

⁴⁵ *Отъезд Тургеневых.* — Вероятно, речь идет об отъезде в Петербург для определения на службу сначала 12 ноября 1801 г. Андрея, а затем в конце января 1802 г. Александра вместе с отцом, И. П. Тургеневым.

⁴⁶ *Выход из Соляной конторы.* — После домашнего ареста за нарушение присяги (см.: Письма Андрея Тургенева. С. 405—406) 30 апреля 1802 г. Жуковский вышел в отставку. О своем послужном списке он позднее говорил так: «...я вошел в Главную дурацкую Соляную Контору городским секретарем в 1800 году, вышел из нее титулярным советником в 1802-м...» (ПЖТ. С. 186).

⁴⁷ *Отъезд в деревню.* — После отставки в мае 1802 г. Жуковский уезжает на родину, в Мишенское.

⁴⁸ *Вторичный перевод Греевой элегии.* — Работа над переводом «Сельского кладбища» идет в мае-сентябре 1802 г. Позднее А. П. Зонтаг вспоминала: «Летом на вакансии Василий Андреевич приезжал к нам в Мишенское (...). Местоположение Мишенского прекрасно; оно часто вдохновляло юного поэта. Тут, в 1802 г., на холме возле церкви трудился он над переводом первой своей пьесы, обратившей на него внимание публики: Греевой элегии „Сельское кладбище“» (Зонтаг. С. 13). Опубликована в: ВЕ. 1802. Декабрь. С. 319 — с посвящением Андрею Тургеневу. Подробнее см.: Вольпе. Т. 1. С. 358—359.

⁴⁹ *...жизнь в Свиблове.* — Речь идет о пребывании весной 1803 г. на подмосковной даче Н. М. Карамзина после смерти его первой жены, Е. И. Протасовой. «Его знакомство для меня — счастье...» — писал Жуковский Е. А. Протасовой, родственнице недавно умершей жены Карамзина (цит. по: Афанасьев. С. 52).

⁵⁰ *Смерть Тургенева.* — Друг Жуковского Андрей Тургенев скоропостижно скончался 8 июля 1803 г. в Петербурге.

⁵¹ *«Вадим».* — Речь идет об исторической повести Жуковского «Вадим Новгородский» (ВЕ. 1803. № 23—24), посвященной памяти Андрея Тургенева.

⁵² *Женитьба Карамзина.* — В январе 1804 г. Н. М. Карамзин женился вторым браком на Екатерине Андреевне Кольвановой, побочной дочери кн. А. И. Вяземского.

⁵³ *Болезнь Тургенева.* — Речь идет о болезни И. П. Тургенева после смерти старшего сына Андрея.

⁵⁴ *Ода для пансиона.* — Из сообщения в «Московских ведомостях» (1804. № 103 от 24 декабря) известно, что на Торжественном акте в Московском университетском благородном пансионе 21 декабря были «произнесены *Стихи к Поэзии*, сочинения господина Жуковского». Речь идет о стихотворении «К поэзии», написанном в декабре 1804 г.

⁵⁵ *Поездка в Петербург.* — Эта поездка с Александром Тургеньевым состоялась в начале марта 1805 г., о чем свидетельствует письмо из Москвы А. И. Тургенева к А. С. Кайсарову от 7 марта 1805 г.: «Я завтра еду в Петербург (...) еду вместе с Жуковским, который дня четыре как сюда приехал...» (АБТ. Вып. 2. С. 334). Об этом подробнее см.: Иезуитова. С. 31.

⁵⁶ *Проташинский.* — Василий Андреевич Проташинский, сводный брат Маши Протасовой, воспитывался в Московском благородном пансионе. Известно, что Жуковский принимал участие в устройстве его на службу (ПЖТ. С. 35—36). Автор стихотворной пародии «Двенадцать спящих бутушников», в основе которой лежит баллада Жуковского «Двенадцать спящих дев» (см.: Русская стихотворная пародия. Л., 1960. С. 254—278, 717—719).

⁵⁷ *Смерть Петра Николаевича.* — П. Н. Юшков, который был женат на сводной сестре Жуковского В. А. Буниной и который много сделал для образования юного Жуковского, умер 4 декабря 1805 г.

⁵⁸ *Вендрих.* — Федор Григорьевич Вендрих, сосед Жуковского по имению, знаток немецкой литературы. Известно письмо к нему Жуковского от 19 декабря 1805 г., в котором поэт сообщал свои впечатления от чтения романа К. М. Виланда «Агатон» (СС 1. Т. 4. С. 558—561). Это письмо — своеобразная этико-философская программа молодого Жуковского, что, вероятно, и обусловило появление в автобиографии упоминания имени адресата письма. О Вендрихе также см.: *Власов В. А., Назаренко И. И.* «Минувших дней очарованье»... С. 84—87.

⁵⁹ *Свечина развод.* — Семейная жизнь М. Н. Свечиной (см. примеч. 12) сложилась неудачно. Ее брак с Н. П. Свечиным завершился в конце 1805 г. разводом, хотя, судя по документам, он не был официальным (сообщено Н. В. Самовер).

⁶⁰ *Ник(олай) Иванович.* — По всей вероятности, Н. И. Вельяминов, муж сводной сестры Жуковского Натальи Афанасьевны Буниной.

⁶¹ *Авд(отья) Афанасьевна.* — А. А. Алымова, сводная сестра Жуковского, старшая дочь А. И. Бунина. О ней см.: Зонтаг. С. 269.

⁶² *Николай Михайл(ович).* *Михаил и Павел Михайловичи.* — Братья Соковнины (см. примеч. 36).

⁶³ *Анна Федоровна.* — Мать братьев Соковниных. На ее смерть в 1808 г. Жуковский сочинил эпитафию «Стихи, вырезанные на гробе А. Ф. С-ой» (ПСС. Т. 1. С. 49).

⁶⁴ *Катер(ина) Семеновна.* — Е. С. Тургенева, урожд. Качалова, мать друзей Жуковского, братьев Тургеневых, жена И. П. Тургенева.

⁶⁵ *Бошняк.* — Александр Карлович Бошняк, воспитанник Московского университетского благородного пансиона, с которым Жуковский был знаком в молодости. Жуковский высоко ценил занятия Бошняка ботаникой и говорил, что он будет «русским Бюффеном» (РС. 1873. Т. 26. С. 214—215).

⁶⁶ *М. Семеновна.* — Исходя из общего контекста записей, можно сделать предположение, что речь идет о бабушке А. К. Бошняка — Марии Семеновне Аже, которая, по воспоминаниям современника, помогала Жуковскому во время учебы в пансионе материально и которую он «по признательности во всю жизнь называл матерью» (РА. 1891. № 5. С. 66—67).

⁶⁷ *Н. Александровна.* — Вероятно, мать А. К. Бошняка Надежда Александровна (урожд. Аже).

⁶⁸ *Арбенева.* — По всей вероятности, речь идет об Авдотье Николаевне Вельяминовой, племяннице Жуковского, и ее муже Петре Иоасафовиче Арбенева. О «романической» женитьбе последнего на Авдотье Николаевне в начале 1803 г. см.: Письма Андрея Тургенева. С. 421. А. Н. Арбенева — адресат стихотворных посланий Жуковского 1812 г. (ПСС. Т. 1. С. 105—106). См. также: *Касаткина В. Н.* Адресат стихотворения В. А. Жуковского «Письмо к ***» («Я сам, мой друг, не понимаю...») // От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 94—105.

⁶⁹ *М.* — Маша (Мария Андреевна Протасова).

⁷⁰ *О Агатоне.* — Речь идет о романе К. М. Виланда, который Жуковский читал в это время (см. примеч. 58). Подробнее о чтении этого романа см.: БЖ. Т. 2. С. 359—392.

⁷¹ Прочитать моральные статьи в Энциклопедии... — Речь идет о знаменитой французской «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел» (1751—1780) Дидро и Д'Аламбера, давшей систематический свод научных достижений своего времени. Жуковский собирался после чтения статей из «Энциклопедии» сделать свои дополнения. Подробнее о реализации этого замысла см. примеч. к записной книжке «Разные замечания» в наст. изд.

⁷² Вестник. — Имеется в виду журнал «Вестник Европы», редактором которого Жуковский был в 1808—1809 гг. Как замечает И. А. Бычков, «последние две строки (от слов „Вестник“ до „Воейков“. — А. Я.) приписаны Жуковским позднее, в конце 1813 г. События, в них записанные, относятся к 1808—1813 годам» (Дневники. С. 43).

⁷³ Смерть М(арии) Г(ригорьевны) и матушки. — Речь идет о почти одновременной смерти жены отца Жуковского М. Г. Буниной (13 мая) и его матери, приехавшей к сыну в Москву со скорбной вестью и умершей там через 10 дней. Жуковский похоронил ее на кладбище Новодевичьего монастыря и поставил скромный камень с буквами: «Е. Д.», т. е. Елизавета Дементьевна.

⁷⁴ Плещеевы. — Александр Андреевич Плещеев, кузен М. А. Протасовой, будущий арзамасец, адресат многочисленных посланий Жуковского, и его жена, Анна Ивановна (урожд. Чернышева), — владельцы родового имения Чернь. Атмосфера черненского общества, литературные и театральные вечера, музыкальные сочинения хозяина занимают важное место в биографии поэта. Подробнее см.: РА. 1877. № 8. С. 479—480.

⁷⁵ Милиция. — Речь идет о Московском ополчении, в ряды которого Жуковский вступил 12 августа 1812 г. для участия в Отечественной войне.

⁷⁶ Воейков. — А. Ф. Воейков приехал навестить Жуковского в Муратове (имение Е. А. Протасовой) в конце 1813 г.

⁷⁷ Декабрь. — Публикуется впервые. Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1—1 об. Датируется на основании общего контекста рукописи и связи с моральной программой 1806 г. Вполне возможно, что этот отдельный лист взят из тетради занятий Жуковского с племянницами Протасовыми.

⁷⁸ Читать стихотворцев... — Впервые: Шевырёв С. П. О значении Жуковского в русской жизни и поэзии. М., 1853. С. 68—69. Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 12. Л. 2. Запись примыкает к предшествующей и является отражением программы самообразования Жуковского. Так как запись находится в тетради занятий с племянницами, то ее можно датировать концом 1806 г.

⁷⁹ ...замечания на баллады Бюргера и Шиллера. — Размышления Жуковского о своеобразии баллад двух немецких поэтов связаны с его творческими планами: работой над переводом сначала баллад «Lenore» и «Lenardo und Blandine» (сохранилось начало перевода: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 12. Л. 49) Бюргера. Почти одновременно Жуковский работал над переводом баллады Шиллера «Кассандра». Подробнее о связи этих замечаний с творчеством поэта см.: Вольпе. Т. 1. С. 387.

⁸⁰ Занятия. — Последующий план связан с занятиями Жуковского по воспитанию и образованию его племянниц Маши и Саши Протасовых.

⁸¹ История (Ремер, Гаттерер, Габлер). — Появление имен немецких историографов Юлия Августа Ремера (1734—1803), Иоганна Кристофа Гаттерера (1727—1799),

Георга Габлера (1786—1853) — конкретизация постоянного в эти годы интереса Жуковского к вопросам всемирной истории. Три немецких историка помогли ему «составить хорошее понятие об истории всеобщей» (ПЖТ. С. 73). В письме к А. И. Тургеневу от 4 ноября 1820 г. он сообщал: «Теперь читаю Гаттерера; в нем удивительно хорошо предложена вся система всеобщей истории, но он дошел только до открытия Америки; Герен изобразил времена новейшие. Промежуток между Гаттерером и Гереном займет Ремер...» (Там же. С. 73—74). «Габлеровы таблицы», о которых Жуковский говорит в письме Тургеневу от 7 ноября 1810 г., позволили изобразить главнейшие события истории «на картах в хронологическом и вместе синхронистическом порядке» (Там же. С. 75—76).

Любопытно, что С. П. Шевырев, публикуя эту запись, вероятно, по другому рукописному источнику, называет следующие имена: Гердер, Гаттерер, Гибнер (Москвитянин. 1855. Кн. 2. № 2. С. 149).

1807—1808

(С. 38—52)

Записная книжка «Разные замечания»

Публикуется впервые. Автограф: ИРЛИ. Ф. 19. Л. 1—10 об.

¹ **Разные замечания. 1807.** — История заполнения записной книжки «Разные замечания» необычна: до Л. 10 об. она содержит записи Жуковского; далее и до конца — К. Н. Батюшкова. Как явствует из надписи под названием книжки, сделанной рукою Жуковского: «Дано в Москве 1810 года. Мая 12 дня. Ж-мъ — Б-ву», записная книжка «Разные замечания» была подарена другу-сопернику. Батюшковская часть «Разных замечаний» неоднократно привлекала внимание исследователей и с небольшими пропусками была опубликована (см.: Батюшков. Т. 2. С. 17—30). К сожалению, первая часть записной книжки, принадлежащая Жуковскому, до сих пор оставалась неизвестной.

Указание на обложке рукою Жуковского даты «1807» — обозначение времени появления и начала заполнения книжки. В тексте «Разных замечаний» есть еще две даты: 6 декабря 1807 г. и 24 октября 1808 г. Все это позволяет говорить о том, что записная книжка заполнялась Жуковским в течение 1807—1808 гг. Во всяком случае заметки более позднего времени в ней отсутствуют.

Записная книжка «Разные замечания» отличается от более поздних образцов этого жанра: она содержит развернутые записи моралистического характера, психологические этюды и в этом смысле генетически связана с дневником Жуковского 1804—1806 гг., журналом франклинова типа.

Но если дневник был лабораторией самонаблюдения, самоусовершенствования, то записная книжка отразила новый этап духовного и интеллектуального развития Жуковского. В творческой биографии поэта эти годы отмечены особой печатью. То был период активного самообразования, выработки методики «экстрактов» и конспектов во время чтения, подготовки материалов для «Вестника Европы», к редакци-

рованию которого он приступил в начале 1808 г. Составлена масштабная, содержащая 23 раздела «Роспись во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракты», ведутся «Записки во время чтения стихотворцев», готовятся «примечания к Эшенбурговой теории» и «Лицею» Лагарпа (см.: Резанов. С. 242—250).

Система и методика чтения, разработанная Жуковским в период белёвского уединения 1805—1806 гг., опирается, как уже было замечено, на «тогдашние французские авторитеты» (Резанов. С. 251). Но необходимо обратить внимание на пристрастие молодого поэта к сочинениям французских моралистов. Именно к этому времени относится штудирование им произведений Дюкло, Вовенарга, Лабрюйера, Ларошфуко (БЖ. Ч. 3. С. 138—182), планомерное знакомство с сочинениями Ж.-Ж. Руссо (Там же. С. 59—137). Чтение, экстракты, пометы в книгах соотносятся с установкой Жуковского на создание собственной моральной системы. В этом отношении записная книжка «Разные замечания», в частности ее недатированные, выдержанные в духе французской традиции записи, вполне вписываются в общую систему интересов Жуковского.

Здесь представлены размышления поэта по поводу некоторых понятий «практической морали»: животное, душа, материя, счастье, натура, воспитание, привычка, молитва, терпение и т. д. Возникает оригинальная энциклопедия по проблемам морали. Сами записи, четко графически отделенные друг от друга, представляют как бы статьи из нее.

Как нам удалось установить, у этих записей был один источник. «Разные замечания» — это опыт примечаний, комментариев к моральным статьям из знаменитой французской энциклопедии Дидро и Д'Аламбера: *Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Paris, 1751—1780. Vol. 1—35 (Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел). Косвенное указание на этот источник оставил сам Жуковский в дневнике 1806 г.: «Прочитать моральные статьи в *Энциклопедии* и потом написать свои» (Дневники. С. 42). В списках литературных замыслов Жуковского под заглавием «Что сочинить и перевести», относящихся к этому времени, читаем: «Моральные предметы, из *Энциклопедии* переработать» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 12. Л. 51 об.). Сравнение фрагментов, точнее, выделенных частей записной книжки с определенными частями «Энциклопедии» позволяет говорить о том, что Жуковский чтение сопровождал созданием собственных статей.

Записи 1808 г. обретают иной характер, своеобразно предвосхищая “Table-talk” А. С. Пушкина: ведь не случайно именно Жуковский посоветовал Пушкину записывать рассказы Н. К. Загряжской (см.: *Иезуитова Р. В. Жуковский и его время*. Л., 1989. С. 262—263). Жуковский, проявлявший живой интерес к русской истории, о чем свидетельствует его переписка с А. И. Тургеневым, записывает исторические анекдоты о Павле I, Екатерине II, остроумные выражения С. Л. Пушкина, Карамзина, М. Н. Муравьева. Эти анекдоты, каламбуры перемежаются рассуждениями морального характера, тяготеющими к форме афоризма, максимы.

В мае 1810 г. записная книжка «Разные замечания» оказалась у Батюшкова. Она обрела нового хозяина и новое направление. От «Разных замечаний» по поводу чтения Батюшков идет к созданию оригинальной прозы, от записной книжки — к книге

«Опытов в стихах и прозе». Записная книжка «Разные замечания» стала зримым выражением личных и творческих взаимоотношений двух первых русских романтиков.

² Эта и последующие записи, связанные с воспитанием детей, поведением матери, восходят к соответствующим статьям французской «Энциклопедии» (см., напр.: «Education». Т. 15) и определяются размышлениями Жуковского об устройстве семейной жизни. Планируя в дневниках «будущую жизнь», он, в частности, пишет: «...воспитание и понятие о том, как каждая мать должна научить детей: а) если сын, б) если дочь...» (Дневники. С. 47). Этим же проблемам посвящены относящиеся к 1806—1807 гг. извлечения Жуковского из книг Х. Гуфеланда «О продолжении жизни» и С. Крузиуса «О средствах сохранить здоровье детей» (см.: Резанов. С. 267—268).

³ *...говорит Бюффон.* — Автор многотомной «Естественной истории», французский естествоиспытатель Ж.-Л. Бюффон интересовал Жуковского постоянно, особенно в ранний период творчества. Он делает выписки из его сочинений, пытается их переводить (Резанов. Указ. имен). В библиотеке поэта имеется главное произведение Бюффона — *Histoire naturelle*. Paris, 1799—1809. Т. 1—56 (Описание. № 739), с многочисленными пометами и записями владельца. Источник цитаты обнаружить не удалось.

⁴ Вопрос о соотношении человека и животного, тесно связанный с проблемой свободы и необходимости личности, неоднократно привлекал внимание Жуковского в это время, о чем свидетельствует круг его чтения. Так, он делает ряд помет в 9-й главе «О рассудке животных», читая «Исследование о человеческом познании» Д. Юма. Об этом же свидетельствуют его маргиналии во время чтения трактата Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (см.: БЖ. Ч. 2. С. 268—270; Ч. 3. С. 31—32, 49—51. Автор разделов — Ф. З. Канунова). Статья из французской «Энциклопедии» стала импульсом для обобщений.

⁵ *Молитва не есть просьба...* — Это размышление восходит к соответствующей статье в «Энциклопедии» (Т. 12. Р. 480). Ср. также с записью от декабря 1806 г. в наст. изд.

⁶ *Я не понимаю тех философов ~ всё мечта.* — Эта запись переключается с размышлениями Жуковского во время чтения в 1805—1806 гг. романа Виланда «Агатон». Подробнее об этом см.: *Реморова Н. Б.* Роман «Агатон» в осмыслении Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 387.

⁷ *Вчера у Нелединского...* — С Ю. А. Нелединским-Мелецким, виднейшим представителем русского сентиментализма, общественным деятелем, Жуковского будут связывать многолетние дружеские отношения. Ему Жуковский посвятит послание «Друзья, стакан к стакану!..» (1815), где назовет Нелединского «Парнаса капитаном» и заметит: «Он был товарищ мой / При входе скользком света...» (ПСС. Т. 2. С. 95). В дневнике (запись от 23 июня 1817 г., которая развивает данную мысль) он даст подробную характеристику его ума и стиля мышления.

⁸ *Он поручил графу Сен-При...* — Граф Франсуа Эммануэль де Сен-При, французский дипломат, долгое время живший в России; с 1793 г. был на русской службе.

⁹ *...l'avocat Patelin...* — Герой французских фарсов «Адвокат Пьер Патлен» (ок. 1470), «Новый Патлен» (1474) — образ ловкого плута; популярен на сцене французского театра, имя стало нарицательным.

¹⁰ ...о *жневских политических беспокойствах*... — Под влиянием Великой французской революции с 1792 г. в Женеве создаются революционные комитеты. Женевский национальный конвент выработал конституцию, уничтожившую все сословные различия, которая была принята 5 февраля 1794 г. В июле 1794 г. происходит народное восстание, вызвавшее революционный террор.

¹¹ О событиях, связанных с отставкой Нелединского-Мелецкого и его возвращением на службу 25 ноября 1800 г. в чине тайного советника и сенатора см.: Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 42—43.

¹² ...говорил К. — По всей вероятности, имеется в виду Н. М. Карамзин, с которым Жуковский постоянно общается в это время, но подобного выражения в печатных сочинениях Карамзина обнаружить не удалось.

¹³ М. Н. М. — Речь идет о М. Н. Муравьеве, известном просветителе и писателе. О знакомстве с ним в это время Жуковский упоминает в письмах к А. И. Тургеневу (ПЖТ. С. 32). Позднее вместе с К. Н. Батюшковым, который был родственником и духовным воспитанником Муравьева, Жуковский участвует в редактировании его сочинений (БЖ. Ч. 1. С. 71—104).

¹⁴ *Пассекиа*. — Вероятно, М. С. Пассек (урожд. Волчкова, в первом браке Салтыкова; 1752—1805), вторая жена генерал-аншефа, белорусского генерал-губернатора П. Б. Пассека.

¹⁵ ...русскою *Ниноною*... — Подразумевается Нинон де Ланкло (1620—1705) — хозяйка литературного салона в Париже, отличавшаяся свободой нравов.

¹⁶ ...*Руссову Юлию*... — Героиня романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

¹⁷ *Платон* — в миру Петр Георгиевич Левшин (1737—1812), архиепископ Московский с 1775 г., с 1787 г. — митрополит; проповедник и церковный писатель.

¹⁸ *Карамзин сравнивает ~ пишет*. — Самые неожиданные сравнения Д. И. Хвостова с различными государственными деятелями, частными лицами вполне отражают ироническое отношение Карамзина к его графомании. Так, в письме к И. И. Дмитриеву от 20 сентября 1824 г. он говорил: «Я смотрю с уважением на графа Хвостова и на княгиню Прозоровскую: на первого за его постоянную любовь к стихотворству, на другую за такую же любовь ко Двору, нимало не охлаждаемую летами» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 379).

¹⁹ ...*спросили у Пушкина*... — Речь идет с Сергеем Львовичем Пушкине, имевшем репутацию острошлова и каламбуриста. Ср. воспоминания дочери С. А. Пушкина О. С. Павлищевой, где приводится этот же каламбур (Пушкин в восп. Т. 1. С. 35).

1808—1809

(С. 53—54)

Впервые: Янушкевич. С. 69—90. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 18. Л. 20. Датируется на основании общего контекста рукописи.

¹ *Il n'est rien de beau...* — Эти слова — начало второй главы “De la nature du Mystère” (О природе таинственного) из первого тома сочинения французского писателя Ф.-Р. Шатобриана «Гений христианства». Жуковский дает развернутый комментарий к этим словам, формулируя свою концепцию чудесного, что неразрывно связано с его опытами 1808—1809 гг. в жанре баллады.

1810

(С. 55—56)

Впервые: ПЖТ. С. 83. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 146. Л. 3. Печатается по тексту первой публикации, со сверкой по автографу.

¹ **Ноября 22.** — Данный фрагмент дневниковой записи был включен Жуковским в письмо к А. И. Тургеневу из Белёва от 4 декабря 1810 г. Предваряя его, Жуковский писал: «Чтобы дать тебе некоторое понятие о моем теперешнем положении, выпишу одну статью из моей записной книги, статью, написанную с тем, чтобы сообщить ее тебе. Не думай, однако, чтобы я вел порядочный журнал: до этого совершенства в занятии я еще не достигнул, и не всё то еще исполняется, что я хотел бы исполнить» (ПЖТ. С. 83). Следов записной книжки Жуковского этого периода не обнаружено, а между тем о ее существовании он замечает следующее: «Вообще этот журнал, в котором написано у меня очень, очень немного, заступает для меня место откровенного друга, с которым я разговариваю в минуту необходимости сообщения мыслей...» (Там же. С. 85).

² *Bélier, mon ami, commencez par le commencement!* — Эта буквальная цитата из сочинения французского писателя Ле Белье (*Le Bélier. Œuvres. Paris, 1812. Vol. 2. P. 153*) повторяется еще раз в письме к А. И. Тургеневу от 4 декабря 1810 г. (ПЖТ. С. 84). По всей вероятности, Жуковский почувствовал ее каламбурный смысл: фамилия французского писателя переводится как «баран» и соотносится с известными словами: «Вернемся к нашим баранам».

1813

(С. 57—61)

Впервые: ПСС. Т. 12. С. 140—142. Печатается по этой публикации.

¹ **22 февраля.** — Впервые опубликовавший этот отрывок А. С. Архангельский после указанной даты еще добавил: «1813 или 1814 года». И. А. Бычков однозначно относил эту дневниковую запись к 1814 г. (Дневники. С. 3). Можно, однако, с полной уверенностью на основании нескольких свидетельств говорить о 1813 г. Так, в письме к А. И. Тургеневу от 9 апреля 1813 г. из Муратова Жуковский сообщает: «...из письма твоего к Ив(ану) Владимировичу, у которого я был в деревне» (ПЖТ. С. 97).

² Речь идет о поездке к И. В. Лопухину в его подмосковное имение Савинское, где Жуковский уже не раз бывал и раньше, видел «Юнгов остров» с памятниками Франклину и Руссо.

³ *Вот мне тридцать лет...* — Еще одно доказательство, что эта и предшествующая ей запись относятся к 1813 г., так как именно в этом году, накануне, 29 января, Жуковскому исполнилось 30 лет.

⁴ *...но наш судья мать.* — Выделенное слово *мать* подчеркивает важность во всей истории любви Маши Протасовой и Жуковского Екатерины Афанасьевны Протасовой, которая встала на пути своей дочери и сводного брата. Будучи строгой «блюстительницей церковного обряда» и «канонического предания» (Веселовский. С. 133), она пыталась сделать всё, чтобы отдалить Жуковского от дочери. Исповедь Жуковского позволяет увидеть, как в первой половине 1813 г. он еще уповал на чудо, на Бога, на помощь друзей, «истинных христиан». Его письма к А. И. Тургеневу, М. Н. Свечиной, А. Н. Арбеновой, А. П. Киреевской 1813—1814 гг. отчетливо вырисовывают атмосферу борьбы за свое счастье, поиск помощников, которые могли бы повлиять на решение Е. А. Протасовой.

1814

(С. 62—94)

План впервые опубликован: Дневники. С. 43—62. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 2. Л. 1—5.

Письма-дневники впервые опубликованы: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 145—213. Автограф: ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 15—44 об.

Дневник 1814 г. занимает особое место в духовной биографии Жуковского. Несмотря на то, что в это время его творческая интенсивность не столь велика (поэтический взрыв произойдет лишь в «долбинскую осень» 1814 г.), события этого времени определили всю жизнь поэта. История драматической любви Жуковского к Маше Протасовой, сложные взаимоотношения с ее окружением (Е. А. Протасова, А. Ф. Войков, А. Н. Арбенева и др.) становятся не только предметом глубокого переживания, страдания, но и объектом психологического исследования. Отражением этих событий и становятся дневниковые записи, зафиксированные в «синеньких книжках» (как их называл сам автор), получивших название «письма-дневники».

П. К. Симони, впервые опубликовавший письма-дневники 1814 г., в специальном приложении под заглавием: «Внешность дневников» так описал их:

Всех писем-дневников В. А. Жуковского имелось в распоряжении редакции пять. Это небольшие тетрадки, сшитые из белой и с покрывочкой из синей бумаги (...). Одна тетрадь, предположительно относящаяся к сентябрю месяцу 1814 года, украшена наклеенными восьмиугольными пластинками белой бумаги с рисунками, исполненными сепиею. Форматом все тетрадки 9,5 см. × 10,1 см. Одна тетрадка за апрель 1815 г. (?) без обложки: на верхнем листочке нарисован «фонарик» (...)

Дневник за май 1814 г. в футлярчике для сбережения вложенных в листы тетради засушенных цветов, может быть, дорогих по каким-либо воспоминаниям. На тетради наклеен красный ярлык и полоска такой же бумаги по корешку. Бумага, судя по знаку на ней, относится к 1814 году.

На первых двух страницах записаны чернилами и карандашом лишь первые две страницы. Приводим текст:

«Жизнь и для счастья — в этом уверение, великая отрада. Жизнь для души! Много непонятого в судьбе человеческой, но словом: душа существует — все объясняется. Жизнь для души не одна, но жизнь здесь и там.

Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в мя веруйте. В дому отца моего обителя многи суть: аще ли же ни рекль быхъ вам, иду уготовати место вам. И аще уготовлю место вам паки приду и пойму вы к себе да идеже есмь азъ и вы будете. Каможе азъ иду весте и путь весте. Иоанн XIV, 1—4.

Отвещавъ же Иисусъ рече ей: Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнози. Едино же есть на потребу. Мария же благую часть избра, яже не отыметса от нея. Лук. гл. X. 42.

Блаженни плачущие яко тии утешатся. Матв. V. 4.

Вечность для человека: прошедшее, обратившееся в настоящее для будущего.

Колумб [Отсюда писано карандашом. — *Примеч. П. К. Симони*] угадал Америку, хотя и не был уверен в ее существовании — компас и решимость.

Утешение есть убийство. В потере мысли так же нельзя утешиться, как в потере человека.

Красота есть то же в физическом мире, что бессмертие того, что обессмерчено в нравственном.

Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии и аз упокою вы. Возмите иго мое на себе и научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обряцете покой душам вашим. Иго бо мое благо и бремя мое легко есть. Матф. Глав. 11—28.

На одной из дальнейших пустых страниц в середине тетради отмечено карандашом: «13 июля» и тут же вложен засушенный цветочек.

(Симони. С. 212—213)

Это описание вполне передает сегодняшнее состояние «синеньких книжек».

¹ *План.* — Набросок плана, видимо, относится к концу 1814 г. Во всяком случае в письмах-дневниках (запись от 26 сентября) имеется указание: «Написать план нашей жизни» (Симони. С. 186). Кроме того, обозначенные в плане биографические (отъезд в Дерпт, надежды на брак с Машей Протасовой) и творческие факты (перечень баллад, «Послание Императору Александру» и т. д.) подтверждают датировку плана самым концом 1814 г. Суть плана Жуковского — четкое обозначение отношений между ним и семейством Протасовых, матерью Екатериной Афанасьевною, ее дочерьми Машей и Сашей, вышедшей 14 июля 1814 г. замуж за А. Ф. Воейкова, и Александром Федоровичем Воейковым. План этот в силу обстоятельств оказался неисполним, но он показателен для комментария к письмам-дневникам 1814 г. и дерптскому дневнику 1815 г., что и определило его место в наст. изд.

² *Обр(аз) жизни в Дерпте.* — Благодаря хлопотам своих друзей, прежде всего Жуковского и А. И. Тургенева, А. Ф. Воейков получил место профессора русского языка и литературы в Дерптском университете. В Дерпт зиму 1814—1815 гг. должно было переехать все семейство Протасовых-Воейковых. За ними решил переехать и Жуковский, надевшийся на благоприятный исход его отношений с Машей. Воейковы-Протасовы приехали в Дерпт в конце января 1815 г. Жуковский же задержался в Москве и оказался в Дерпте лишь в середине марта (см.: *Петухов Е. В.* В. А. Жуковский в Дерпте (1815—1817) // Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского... Юрьев, 1902. С. 55—58; ПЖТ. С. 143).

³ *Хозяйство в Муратове.* — Вопрос о дерптском профессорстве Воейкова для Жуковского не был безусловным. Он даже в феврале 1814 г. пытался отговорить его от этой мысли, рисуя картину муратовского счастья, в имении Протасовых. «И в Муратове, — добавляет он, — очень хмурятся на твой Дерпт...» (Веселовский. С. 154). Имение Протасовых представлялось Жуковскому более удобным местом для осуществления идиллии совместной жизни.

⁴ *Прививки* — И. А. Бычков недоумевал по поводу этого слова, сопровождая его неизменным “sic” (Дневники. С. 45, 49). Между тем в письмах-дневниках сам Жуковский дал толкование этого понятия: «Чтение моралистов. Хочу непременно делать свои прививки, то есть каждый день к какой-нибудь хорошей чужой мысли прививать несколько своих. Собрание этих мыслей для себя. Надобно, чтобы каждый день означен был своею собственною мыслию». Записная книжка «Разные замечания» продемонстрировала характер таких «прививок» к моральным статьям из французской «Энциклопедии» (см. примеч. к записной книжке «Разные замечания»).

⁵ *Режим: взять у Фора.* — Француз доктор Фор был захвачен в плен под Малоярославцем и жил в имении Плещеевых Чернь. В 1813 г. он лечил Машу Протасову (ПЖТ. С. 121). Жуковский посвятил ему стихотворное послание по этому поводу, где, в частности, писал: «Сын Эскулапа, Фебов внук, / По платью враг, по сердцу друг...» (ПСС. Т. 2. С. 35). Медицинские советы Фора Жуковский ценил и, вероятно, хотел их использовать для создания особого режима жизни в связи со слабым здоровьем сестер Протасовых. Подробнее о Форе см. в 1-м томе наст. изд.: *Жуковский В. А.* Полное собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1: Стихотворения 1797—1814 годов. М., 1999. С. 646—648.

⁶ *Владим(ир)* — Замысел исторической поэмы, так и не написанной Жуковским, относится еще к 1810 г. (ПЖТ. С. 61, 65—68). В 1814 г. Жуковский не оставляет этого замысла. В письме к А. И. Тургеневу от марта 1814 г. он закликает: «Молись, брат, чтобы в моей белой книге наполнились страницы» (ПЖТ. С. 107). О том же в стихотворной форме он говорит в «Послании к Воейкову»: «Молись судьбе, / Чтоб в ней [белой книге. — А. Я.] наполнились страницы» (ПСС. Т. 2. С. 40). Под «белой книгой» Жуковский разумел тетрадь, в которой думал писать «Русскую поэму, в роде Виланда Оберона». Подробнее об истории этого замысла см.: *Вётшева Н. Ж.* Концепция национально-исторической эпопеи в планах поэмы В. А. Жуковского «Владимир» // От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 67—76.

⁷ *Вост(очный) Пев(ец)* — По предположению И. А. Бычкова, речь идет о стихотворении «Певец в Кремле» (Дневники. С. 49). Это большое стихотворение, изданное отдельной брошюрой в 1816 г., с пометой «Сии стихи написаны в конце 1814 г.», действительно имеет «восточный колорит». Образ России, ее многочисленных народов («Калмык, башкир, черкес и финн / К знаменам побежали...»), наконец, свет «звезды востока» — все это позволяет принять предположение И. А. Бычкова.

⁸ *Maison de ch.* — И. А. Бычков высказал предположение, что речь идет о дидактической поэме “La maison des champs” французского поэта Винсента Кампенона (1772—1843), появившейся в 1809 г. (Дневники. С. 49).

⁹ *баллады* — В конце 1814 г. («долбинская осень») Жуковским было написано 6 баллад: «Баллада о старушке...», «Варвик», «Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», «Ахилл», «Эолова арфа».

¹⁰ *Посл(ание) к Госуд(арю)* — Послание «Императору Александру» создавалось в период с 10 по 24 ноября 1814 г. (см.: Бумаги Жуковского. С. 151; ПЖТ. С. 129—130).

¹¹ *Привет(ственное) посл(ание)* — Возможно, «Молитва Русского народа» (Боже, Царя храни!), написанная в это же время (ПСС. Т. 2. С. 77—78), или же «Певец в Кремле» (см. примеч. 7). Другие замыслы, связанные с этой темой, неизвестны.

¹² *Оберон* — Об интересе Жуковского к этой поэме К.-М. Виланда, о работе над ее переводом, о ее значении в творчестве и духовной биографии Жуковского 1814 г. подробнее см.: *Реморова Н. Б.* «Оберон» в чтении и переводе Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 340—359. Выписки из немецкого текста «Оберона» сопровождают текст писем-дневников 1814 г. (Веселовский. С. 157—168).

¹³ *Филоктет* — Подробнее об интересе Жуковского к этой трагедии Софокла во французском переводе Ж.-Ф. Лагарпа, о попытках ее перевода см.: *Лебедева О. Б.* Древнегреческая драматургия в осмыслении и переводах В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 3. С. 506—509. Заслуживает интереса и такой факт: 16 января 1814 г. в имении Плещеевых Чернь, на празднике, посвященном именинам жены Плещеева, состоялось представление трагедии Софокла «Филоктет» (Соловьев. Т. 1. С. 32).

¹⁴ *Art poétique* — Упоминание известного сочинения французского теоретика искусства и поэта Никола Буало «Поэтическое искусство» (“L’Art poétique”) неоднократно присутствует в эстетических штудиях молодого Жуковского (см.: Эстетика и критика. Указ. имен).

¹⁵ *Eloïsa to Abelard.* — Об интересе Жуковского к «Посланию Элоизы к Абеляру» английского поэта А. Попа (Поупа) и переводе отрывка из него в 1806 г. см.: Резанов. С. 320—331. Подчеркивая автобиографический характер перевода, В. И. Резанов, в частности, замечал: «В Белёве наш поэт, став учителем девиц Протасовых, очень скоро почувствовал себя в положении, до известной степени аналогичном положению Абеляра, влюбившись в старшую из племянниц...» (Там же. С. 327). Несомненно, что драматизм отношений поэта с Машей Протасовой в 1814 г. возвращал его память к посланию Попа, хотя следов нового творческого осмысления этого произведения не обнаружено. Тем не менее в одном из автографов перевода, после ст. 86 имеется помета: «Продолжение может быть» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 14. Л. 34 об.).

¹⁶ *Der Mönch und die Nonne*. — Интерес к балладе немецкого поэта К. М. Виланда «Монах и монахиня» проявился у Жуковского еще в ранние годы. Так, в списке замыслов для перевода, относящемся к 1806—1807 гг., под рубрикой «Перевесть» названа и эта баллада (Резанов. С. 495). См. также: *Eichstädt H. Žukovskij und Wieland // Die Welt der Slaven*. Heft 3. S. 264—265. Более поздних обращений к балладе не зафиксировано.

¹⁷ *Энеида*. — Перевод Жуковским отрывка из второй песни «Энеиды» Вергилия будет осуществлен в мае-июне 1822 г. На черновой рукописи (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 30. Л. 3) помета: «Начато 12 мая 1822 г. в Павловске». Интерес к этой поэме Вергилия Жуковский проявлял и раньше (Эстетика и критика. Указ. имен), но следов перевода до 1822 г. не обнаружено.

¹⁸ *Жизнь и сочинения Муравьева*. — По предложению вдовы писателя Михаила Никитича Муравьева и при участии К. Н. Батюшкова Жуковский в это время занимался изданием сочинений М. Н. Муравьева. В 1814—1815 гг. он «отредактировал поэтическую часть собрания, выправил многие ранее не публиковавшиеся прозаические произведения и составил план издания, по которому оно было осуществлено» (Жилькова Э. М. В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев // БЖ. Ч. 1. С. 72—73). В письме от 3 ноября 1814 г. Батюшков просит Жуковского сделать «маленькое предисловие» (Батюшков. Т. 2. С. 309). О замысле такого предисловия под названием «Жизнь и сочинения Муравьева», видимо, и пишет Жуковский (см.: ПЖТ. С. 125, 127). Предисловие написано не было. Его место заняло письмо Батюшкова к И. М. Муравьеву-Апостолу.

¹⁹ *Анти-Кандид*. — Следов полемики Жуковского с повестью Вольтера «Кандид, или Оптимизм» не обнаружено, хотя, по словам исследователя, «Вольтер не принадлежал к числу его излюбленных поэтов» (Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер: XVIII— первая треть XIX века. Л., 1978. С. 161).

²⁰ **Июнь**. — Далее текст писем-дневников 1814 г. дается по публикации П. К. Симони (см. преамбулу к 1814 г.). Как указывает автор публикации, «слово „Июнь” и текст стихотворения написаны В. А. Жуковским на лицевой стороне верхней части обложки тетрадки» (Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 145).

²¹ *Я возвращаю тебе Май...* — То есть тетрадку для ведения дневника, где отсутствовали майские записи.

²² *По моему письму к М(арье) Ник(олаевне)...* — Речь идет о М. Н. Свечиной (см. примеч. 12 к 1806 г.). Жуковский писал к ней 7 марта, прося ее и ее сестру А. Н. Арбенеvu повлиять на Екатерину Афанасьевну Протасову в деле женитьбы на Маше, но обе сестры стали на сторону матери (УС. С. 292).

²³ *Дуняша всех лучше умеет тебя любить...* — Авдотья Петровна Киреевская особенно активно участвовала в осуществлении брака Жуковского и Маши Протасовой. Как явствует из письма Е. А. Протасовой к ней, она умоляла ее дать согласие и предлагала, что если в этом браке есть греховное, то она берет его на себя и готова пойти в монастырь отмаливать его (УС. С. 290—292). Жуковский высоко ценил это самопожертвование и считал имение Киреевских Долбино своим домом. Здесь он провел осень 1814 г., «долбинскую осень», которая стала его творческим звездным часом.

²⁴ *Сарепта же была безумная мысль...* — Речь идет о совместном (с А. Ф. Воейковым) путешествии по южным губерниям России и о посещении Сарепты. В письме к Воейкову от сентября 1813 г. Жуковский замечал: «...получил твое маленькое письмо из Сарепты. (...) В ответ на твое письмо скажу, что я никуда не располагаю ехать и (если что-нибудь неожиданное не пихнет меня к чёрту), буду всё жить в Болхове» (РА. 1900. № 9. С. 16).

²⁵ *...посоветуюсь с Тургеневым.* — Петербургская жизнь Жуковского неразрывно связана с хлопотами А. И. Тургенева по обеспечению его материального положения. Благодаря его усилиям поэту особым рескриптом от 30 декабря 1816 г. была назначена пенсия за особые заслуги в области развития российской словесности, а с 1817 г. — должность учителя при царском дворе. «Назначение на новую должность привязало Жуковского к Петербургу, но по существу жителем столицы он стал уже раньше, в 1815 г.» (Иезуитова. С. 113).

²⁶ *Участие Алек(сандра) Павл(овича)...* — Двоюродного брата Маши Протасовой, сына ее дяди Павла Ивановича Протасова.

²⁷ *...он познакомится с Тургеневым...* — В письме А. И. Тургеневу из Муратова от 21 июня 1814 г. Жуковский сообщал: «Скоро у вас в Петербурге будет и мой, и твой знакомец: милой, прелестный человек — Протасов, сын Павла Ивановича. Поручаю его твоей дружбе. Он стоит ее. Он меня любит. Я буду писать об нем много. Он будет искать службы. Ты должен быть ему в этом случае самым ревностным помощником» (ПЖТ. С. 122).

²⁸ *Авдотья Никол(аевна) приедет...* — Племянница Жуковского по отцу А. Н. Арбенева (см. примеч. 68 к 1806 г.) сыграла не лучшую роль в истории с женитьбой Жуковского. Как говорил Жуковский, «Арбенева, к которой я писал и на которую так много надеялся, всё испортила. Она не отвечала ни на одно из моих писем, но мимо меня писала обо всём к матери» (ПЖТ. С. 115). См. также: РС. 1883. Т. 37. С. 434—435.

²⁹ *Lass mich ~ mit Freuden tragen.* — Выборка стихов из седьмой песни поэмы К. М. Виланда «Оберон». Комментируя принцип отбора материала, связанного с историей любви героев поэмы Гюона и Аманды, А. Н. Веселовский акцентирует его автобиографический характер (Веселовский. С. 187). По словам Н. Б. Реморовой, «Строки Виланда звучат в унисон с рассуждениями Жуковского и Марии Андреевны о счастье, которое может дать уже одно сознание своей нужности другому, своей причастности к судьбе другого» (БЖ. Ч. 2. С. 344).

³⁰ *Мой милой друг! ~ Меня, мой друг, не забудь!* — Жуковский цитирует третью строфу своей «Песни», подражания стихотворению Х. А. Тидге. Написана в конце сентября 1811 г.; впервые напечатана: ВЕ. 1813. № 4. С. 196, под заглавием «К моему другу» (см.: Вольпе. Т. 1. С. 372).

³¹ *Будь настоящее наш утешительный Гений.* — Жуковский цитирует третий стих послания «К самому себе» (1814), с заменой местоимения «твой» на «наш» (ср.: ПСС. Т. 2. С. 41).

³² *...этот Грандиссон...* — Ироническое сравнение с героем безукоризненной добродетели одноименного романа английского писателя Самюэля Ричардсона.

³⁵ *Читаю Виланда Diogenes von Sinope.* — Как справедливо замечает Н. Б. Реморова, подробно проанализировавшая характер чтения Жуковским сочинения К. М. Виланда «Наследие Диогена Синопского» (Nachlass des Diogenes von Sinope), размышления немецкого просветителя «задевают глубоко личные струны сердца, заставляя вновь и вновь думать о предрассудках, вставших на пути его личного счастья» (Реморова Н. Б. Жуковский и немецкие просветители. Томск, 1989. С. 96).

³⁴ *...что я писал к Ив. Вл.* — К Ивану Владимировичу Лопухину, который был посредником в переговорах Жуковского с матерью Маши Протасовой по поводу их женитьбы (см. примеч. 2 к 1813 г.).

³⁵ *Друз! что беды для веры в Провиденье? ~ Дорога бурь приводит к тишине.* — Фрагмент из «Послания к Плещееву. В день Светлого Воскресения» (1812). См.: ПСС. Т. 2. С. 19.

³⁶ *...и я принят был очень хорошо.* — В семье дяди Маши Протасовой П. И. Протасова и его жены Марии Николаевны (урожд. Новосильцевой).

³⁷ *...надеется на Досифея...* — Досифей (в миру Ильин), Орловский архиерей, на которого возлагали надежду в решении вопроса о возможности женитьбы Жуковского (см.: ПЖТ. С. 116—118).

³⁸ *М. Ник.* (далее *Мар. Ник.*). — Мария Николаевна Протасова, жена дяди Маши Протасовой — П. И. Протасова (примеч. 36).

³⁹ *Катёр(ине) Яковлевне* — Фамилию и биографические данные установить не удалось.

⁴⁰ *Толстого (Варф. Вас.)* — Граф Варфоломей Васильевич Толстой, владелец крепостного театра в Царском Селе, женившийся на племяннице П. И. Протасова Анне.

⁴¹ *...стоял в церкви и смотрел на нашу милую Сашу...* — Речь идет о свадьбе Александры Андреевны Протасовой и Александра Федоровича Воейкова, состоявшейся 14 июля 1814 г.

⁴² **«Сентябрь».** — Обозначения месяца в рукописи Жуковского нет. Но текст письма М. А. Протасовой от 15 сентября 1814 г., внесенный на страницы дневника самим поэтом (см.: «*Всё это было написано 15 сентября*»), позволяет датировать письма-дневники.

⁴³ **«Всё в жертву за нее!»** — Этот девиз Жуковского — стих из его послания «К Филалету» (1808) — написан отдельно на первом листе сентябрьской книжки.

⁴⁴ *Ты хочешь ответа...* — Далее до слова *Persévérance* включительно Жуковский переписал текст письма Маши Протасовой, которое, по словам исследователя, показывает, как «всцело прониклась она философией смирения, в которой старался утвердить себя Жуковский; она не только овладела ее фразеологией, но овладела и положением, из которого Жуковский не в силах был выпутаться: смиренное ожидание того, что пошлет судьба, не исключало энергии в настоящем, и Маша старается пробудить эту энергию» (Веселовский. С. 177).

⁴⁵ *Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten.* — Маша Протасова вслед за Жуковским повторяет его любимый стих из «Оберона» Виланда (см. примеч. 29). Этот стих, повторенный еще раз в письмах-дневниках (см. запись от 26 сентября), звучит как залог надежды и веры, которые еще не покидают влюбленных. «Одно-единственное мгновение может всё преобразить», — как заклинание повторяют они.

⁴⁶ *Не недоверчивость к Промыслу...* — Отсюда начинаются замечания Жуковского на письмо Маши. Они вписаны на нечетных страницах тетради, а затем, по окончании письма Протасовой, идут уже подряд до конца тетради.

⁴⁷ ...voir le royaume de Cachemire. — Этот образ царства Кашмира как символа земного рая впоследствии будет связан у Жуковского с поэмой английского романтика Т. Мура «Лалла Рук», из которой он в 1821 г. перевел одну часть — поэму «Пери и Ангел». Так как поэма Мура вышла в свет лишь в 1817 г., то образ царства Кашмира в письмах-дневниках Жуковского 1814 г., видимо, имеет другой источник.

⁴⁸ *У меня баронесса...* — М. А. Черкасова, жена приятеля Жуковского, володьковского помещика барона И. П. Черкасова (см. примеч. 12, 14 к 1805 г.), сочувствовавшая Жуковскому и Маше Протасовой в их борьбе за свое счастье; именно к ней обращена стихотворная «Записка к баронессе» (1814), заканчивающаяся словами: «Но что володьковскую баронессу / Я всей душой люблю... вот это не мечта!» (ПСС. Т. 2. С. 52).

⁴⁹ *Воспитание детей.* — Речь идет о воспитании детей А. П. Киреевской — сыновей Ивана и Петра, будущих славянофилов, и дочери Марии. Об этом см.: Сахаров В. Воспитание ученика (В. А. Жуковский и И. В. Киреевский) // *Вопр. литературы.* 1990. № 7. С. 275—280.

⁵⁰ Владимир *будет написан.* — См. примеч. 6.

⁵¹ ...я белой книги не страшусь. — См. примеч. 6.

⁵² Чтение моралистов — Круг чтения Жуковского, связанный с моральной философией, обширен. Это и представители немецкой «практической морали» (Гарве, Энгель), и французские моралисты (Фенелон, Дюкло, Лабрюйер, Вовенарг, Ларошфуко, «энциклопедисты»), и английские сенсуалисты (Юм, Д. Стюарт). Подробнее о характере этого чтения см.: БЖ. Ч. 2. С. 155—171; Ч. 3. С. 17—59, 138—179.

⁵³ *Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten.* — См. примеч. 45.

⁵⁴ *Послание к Государю* — Послание «Императору Александру» было написано 10—24 ноября 1814 г. и затем отдано на суд друзей-арзамасцев. Впервые напечатано отдельной брошюрой (СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1815). Многочисленные планы к посланию, сохранившиеся в архиве поэта, свидетельствуют о тщательной работе над его текстом. Подробнее см.: *Поплавская И. А.* Эволюция жанра послания в творчестве В. А. Жуковского // *Художественное творчество и литературный процесс.* Вып. 5. Томск, 1983. С. 105—114. Послание стало эпохой в русском культурном сознании первой четверти XIX века. Это отчетливо выразил А. С. Пушкин в письме А. А. Бестужеву от 1825 г.: «Наши таланты благородны, независимы (...). Прочти послание А(лександру) Жук(овского) 1815 году. Вот как русский поэт говорит русскому царю!» (Пушкин. Т. 13. С. 179). Подробнее см.: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 267—295.

1815

(С. 95—121)

Впервые: Гофман. С. 110—141. Автограф: ИРЛИ. Ф. 244 (архив А. Ф. Онегина). № 27813. СХСІХ б. 10. Л. 2—10 об.

¹ **Дерпт 1815.** — Дневниковые записи Жуковского 1815 г. традиционно называют «дерптским дневником» или же «дерптскими письмами-дневниками». И это далеко не случайно: «пребывание Жуковского в Дерпте (...) составляет одну из существенных частей его биографии; тут произошли с ним события, имевшие глубокое влияние на весь ход его последующей жизни» (*Петухов Е. В.* В. А. Жуковский в Дерпте... С. 45). История драматической любви к Маше Протасовой, запрет на брак с нею со стороны матери Екатерины Афанасьевны, непростые отношения с А. Ф. Воейковым, ставшим мужем младшей сестры Маши — Саши, выработка новой жизненной философии отречения и братской любви, тяжелое расставание — все это нашло отражение в апрельско-августовских записях, сделанных во время приезда Жуковского в Дерпт. Большинство из них создавалось на основе писем к Маше, написанных буквально рядом с нею, в соседней комнате. Органичная связь писем и дневниковых записей определила характер некоего синтеза двух форм, их автореминисцентность. Самоповторы, выписки из писем Маши, автокомментарии способствовали формированию особой нравственной философии, принципы которой определялись в творчестве поэта, прежде всего в послании «Старцу Эверсу», в стихотворении «Теон и Эсхин». Цитаты из этих произведений составляют особый фон дерптских дневников.

² ...всё в жизни к прекрасному средство. — Вариация известного афоризма: «всё в жизни к великому средство» из стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин». Этот афоризм Теона получит в дневниковых записях различные толкования: «на эту минуту *средство к великому* заключено для нас в разлуке»; «совсем другое должно быть теперь для меня *средством к прекрасному*. Оно состоит в пожертвовании самим собою, в совершенном забвении собственного и *всё для неё*»; «самое страдание есть *средство к прекрасному*» (курсив Жуковского).

³ *Эта книга...* — Речь идет о «белой книге», которой Жуковский поверял свои мысли. Отрывки из нее он переносил в дневник, который вел для Маши, в письма к ней. Образ этой «книги» постоянно возникает в записях: «Моя книга про меня знает, и вот что я написал в своей книге».

⁴ ...*моя Маша...* — Далее форма письменного диалога с Машей Протасовой, очные встречи с которой были затруднены, определит все записи в дерптском дневнике. Жуковский просит Машу переписать всё это в «прежнюю голубую книжку», «то есть страница твоя, страница моя». Публикация П. К. Симони апрельских записей 1815 г. (см.: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 186—200), буквально совпадающих с приводимыми М. Гофманом, позволяет увидеть связь дерптского дневника с письмами-дневниками.

⁵ ...*свободное пожертвование...* — После всех попыток устроить брак с Машей и решительного отказа матери — Екатерины Афанасьевны Жуковский решается на

«крайний подвиг самоотречения» (Веселовский. С. 194): он готов устроить счастье Маши, ее брак с другим, без насилия с чьей-либо стороны.

⁶ *...мой ангел-хранитель!* — Поэтическая формула из «Песни» Жуковского 1808 г. («Мой друг, хранитель-ангел мой»), написанной к именинам Маши Протасовой и ей посвященной (Вольпе. Т. 1. С. 369—370).

⁷ *Всё в жизни к великому средство!* — См. примеч. 2.

⁸ *...что ты зависишь от Воейкова...* — Имеется в виду вмешательство Воейкова в устройство семейной жизни Маши, постоянный контроль. Его издевательства над Машей иногда принимали самые грубые формы (см.: УС. С. 161).

⁹ *...он получил Сашу обманом...* — Речь идет о внебрачной связи А. Ф. Воейкова с Авдотьей Николаевной Воейковой (см. ниже примеч. 25), о которой стало известно семейству Протасовых незадолго до свадьбы Воейкова и Саши Протасовой.

¹⁰ *При воспоминании о Красовском...* — История ухаживания и сватовства соискателя руки Маши Протасовой, генерала А. И. Красовского, за которым стоял Воейков, иронически изложена в февральско-мартовском журнале М. А. Протасовой (УС. С. 137—140). «Бука», как называла Красовского Маша, уехал из Дерпта 12 марта (УС. С. 140), и Жуковский, видимо, узнал о нем и его планах из упоминавшегося выше журнала. Об этом он пишет 24 мая А. П. Киреевской: «Чтобы дать вам некоторое понятие о том, что со мной было в Дерпте, посылаю вам некоторые документы: несколько страниц из Машиного журнала, писанного для вас (...) Но для этих документов нужно объяснение. В Дерпте был генерал Красовский — к счастью, он был до меня и до меня ушел в поход. Надежды, ему данные, испугали меня, и они-то произвели во мне такую перемену, какой я и ожидать не мог» (РС. 1883. № 3. С. 675). И далее Жуковский объясняет, что эта перемена состояла в решении пожертвовать своим чувством, чтобы получить право на братское участие в судьбе Маши и не дать ей сделаться жертвой чужих расчетов.

¹¹ *...как дочь моей сестры...* — Как известно, Е. А. Протасова (урожд. Бунина) была сестрой Жуковского по отцу, но Жуковский никогда не называл ее сестрой. Обращение «маменька», присутствовавшее в дневниках 1814 г., было обусловлено надеждами на брак с ее дочерью. Перемена в положении Жуковского, когда стала очевидной невозможность брака с Машей, вызвала к жизни эту новую форму родственных отношений и соответственно обращения к Е. А. Протасовой.

¹² *У одного... другая...* — Речь идет о А. Ф. Воейкове и Е. А. Протасовой.

¹³ *...счастливое вместе...* — Измененная цитата из баллады Жуковского «Эолова арфа»: «Минутная сладость весёлого вместе // Помедли, постой...», которой поэт обычно пользовался для обозначения своего будущего союза с Машей и жизни в кругу ее семейства.

¹⁴ *Вспомни об Эверсе...* — Имя и образ дерптского профессора богословия Лоренца Эверса, «старца Эверса», «святого Эверса», получили в дневнике Жуковского почти символический смысл. Так, стихи из обращенного к нему послания «Старцу Эверсу» поэт сам называл «дерптскими повторениями» «Теона и Эсхина»; «своим Эверсом» он называл и Машу. «Эверс, семидесятилетний старик, — писал он А. П. Киреевской, — есть человек единственный в своем роде — он живет для добра, и во всем этом простота младенца» (РС. 1883. № 4. С. 105). Ему вторила Маша. «Первый

человек (который заставляет благодарить Творца за то, что создал свет и на этом прекрасном свете его и меня) есть Лоренц Эверс. Вообрази, что этот прелестный старик заключает в себе всё, что мы с тобой видали, читали и воображали хорошего», — пишет она 6 сентября 1815 г. к той же А. П. Киреевской (УС. С. 155).

¹⁵ ...*своим Фенелоном*... — Творчество французского просветителя, педагога Ф. Фенелона, автора воспитательного романа «Приключения Телемака», занимало особое место в нравственном развитии самого Жуковского (об этом см.: *Айзикова И. А. В. А. Жуковский и Ф. Фенелон* // БЖ. Ч. 3. С. 220—249). Недаром Жуковского прозвали «русским Фенелоном» (Веселовский. С. 279). Книги Фенелона, «товарища на всю жизнь», Жуковский подарил Маше. В письмах 1815 г. имя Фенелона возникает неоднократно и постепенно обретает почти символический характер. «Что могу сказать тебе утешительнее того, что скажет тебе лучшая душа, какая только была на свете, твой Фенелон, которого ты понимать можешь?» — пишет Жуковский Маше 29 марта 1815 г. И далее: «Я благодарю тебя за то, что ты его мне вчера присылала. Теперь знаю, что у тебя есть неразлучный товарищ, и такой, который всегда умеет дать твердость, надежду и ясность» (Веселовский. С. 192). Сама Маша в письмах к А. П. Киреевской говорит о Фенелоне как о живом человеке: «Но мой Фенелон говорит, что сердце лопнет...»; «Желала бы я быть иногда Шатобрианом, Фенелоном...» (УС. С. 147, 152).

¹⁶ *А(нна) Ив(ановна)* — Речь идет о жене А. А. Плещеева Анне Ивановне (урожд. Чернышевой), близком друге Жуковского, которой он посвятил несколько своих посланий, где называет ее «Ниней»: «Ниночке моей любовь, и дружба, и почтенье...» (ПСС. Т. 2. С. 53).

¹⁷ *Черта Воейкова*. — Комментарием к этой дневниковой записи является письмо Жуковского к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г., где Жуковский подробно анализирует альбомную запись Воейкова и призывает последнего «одуматься» и «сбросить все маски» (Ежегодник. С. 100. Публ. Р. В. Иезуитовой).

¹⁸ ...*что я написал ему в альбом*... — Этот текст см. ниже в дневниковой записи от 27 июня: «Счастлив тот ~ 4 апреля 1815 г.» (С. 116).

¹⁹ ...*стихи его*.. — Эти стихи: «У гениев, как у Царей...» Жуковский приводит в той же дневниковой записи от 27 июня, где подробно анализирует свои взаимоотношения с Воейковым.

²⁰ **15 апреля**. — Далее записи от 15 и 16 апреля, отсутствующие в публикации М. Гофмана, цит. по: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 200—206.

²¹ **19—20 апреля**. — Последующие записи до 28 апреля вновь даются по публикации М. Гофмана (С. 123—132).

²² *На одной из страниц Делилевых садов*... — Эта книга французского поэта Жака Делиля “Les jardins. Poème par Jacques Delille... P., 1801” сохранилась в библиотеке Жуковского (Описание. № 892). По этому экземпляру «Садов» Делиля А. Ф. Воейков переводил поэму на русский язык (см.: *Лотман Ю. М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова* // *Делиль Ж. Сады*. Л., 1988. С. 191—203). Но кроме многочисленных следов работы над переводом, Воейков оставил в книге дневниковые записи (об этом см.: *Реморова Н. Б. Книга Ж. Делиля «Сады» из библиотеки В. А. Жуковского как памятник истории культуры* // *Памятники культуры: Новые открытия*. 1985. М.,

1987. С. 19—32). Так, приводимые Жуковским записи находятся на с. 8: «Жуковский в Дерпт прибыл 18^{III}/₄15» и с. 195: «18^{III}/₁₀15 до 18^{III}/₂₀15 в Дерпте совершенно счастлив. И я и Саша и Мария». На с. 12 Воейков записывает: «Жуковский был Ангелом; я его обожаю; жаль, что он не знает меня и не любит так, как бы мне хотелось». (Воейков необычно датирует свои записи: выделенные жирным шрифтом цифры означают год, между ними через черточку дано указание на число и месяц: римская цифра передает месяц, арабская — число.) Подобные дневниковые записи Воейков оставлял и в других книгах (в сочинениях С. Гесснера, И. Дмитриева).

²³ *На лекциях были Генералы...* — Лекции А. Ф. Воейкова по русской словесности посещали генералы расквартированного в Дерпте 8-го егерского полка, в том числе А. А. Писарев, Б. В. Полуектов, А. И. Красовский и др. Как замечает М. А. Протасова, «Красовский влюблен в Воейкова и вернее тени ходит за ним...» (УС. С. 142—143); в письме к А. П. Киреевской от 6 марта 1815 г. она же дает характеристики генералов (УС. С. 142).

²⁴ *...что написано было на Геснере...* — Эта книга (S. Gessner's Schriften. Th. 1. Der Tod Abels. In 5 Gesangen. Wien, 1784) также сохранилась в библиотеке Жуковского (Описание. № 1105). Дневниковые записи Воейкова за май-июнь 1814 г. навеяны его встречами с Авдотьей Николаевной Воейковой (см. примеч. 25). Приводимая Жуковским запись находится на с. 21 и целиком выглядит так: «18^{VI}/₁₄. С(ело) Турки. Умная и добрая Анна Николаевна Чинакаева согласно со мною думает, что опытность и несчастья Авдотьи Николаевны — суть счастье и опыт — для моей Александрины. После матушки — Авд. Ник. будет лучшим ее ментором, гораздо лучшим нежели я и Маша». Приписка Жуковского: «*всё притворство*», о которой говорится в дневнике, отсутствует: видимо, она была стерта.

²⁵ *...всю связь его с Авд(отьей) Ник(олаевной)...* — История отношений Воейкова с этой женщиной полна домыслов и неясностей. М. А. Гофман без всяких на то оснований, только из-за совпадения имени и отчества, идентифицировал её с племянницей Жуковского А. Н. Арбеновой (Гофман. С. 127). Эта ошибка стала общим местом в литературе о Жуковском и Воейкове. Р. В. Иезуитова, опубликовавшая письмо Жуковского к Воейкову от 19—22 августа 1815 г., где фамилия этой женщины — Воейкова, высказала предположение, что «она была однофамилицей, а возможно и родственницей А. Ф. Воейкова» (Ежегодник. С. 101). Это предположение подтверждается фактами: так, в записной книжке П. И. Бартенева сохранилось следующее мемуарное свидетельство К. К. Зейдлица о Воейкове: «Женившись в июле 1814 г., он возил жену [т. е. А. А. Протасову] в Тамбовскую губернию знакомить с женой своего брата, которого он спайвал. Оказалось, что от этой жены братниной у него сын Митинька, и этого ребенка Екатерина Афанасьевна (Протасова, урожденная Бунина) должна была поселить у себя в Дерпте» (Голос минувшего. 1919. № 1—4. С. 162). Кроме того, в архиве Воейкова сохранился альбом мадригальных стихотворений, датированных 1809—1812 гг. и обращенных к А. Н. Воейковой. Среди их авторов, кроме А. Ф. Воейкова, названы А. Ф. Мерзляков, И. И. Дмитриев. Все это позволяет утверждать, что Авдотья Николаевна Воейкова жила в 1809—1810 гг. в Москве и с ней были знакомы друзья Воейкова. За эти сведения автор приносит свою благодарность Н. Б. Реморовой.

Любопытно, что на полях с. 114 упоминавшейся выше книги Ж. Делиля (см. примеч. 22) есть следующая запись: «1809. Сентября 5-го в Барановке у Андрея Сергеевича Кайсарова ждали приезда А... Н... Фокину». Фамилия дописана более яркими чернилами и в неправильном согласовании, но возможно, здесь названа девичья фамилия А. Н. Воейковой. Предпринятое разыскание позволяет утверждать, что А. Н. Воейкова была женой одного из братьев А. Ф. Воейкова, скорее всего старшего — Ивана Федоровича, и связь с ней Воейкова продолжалась с 1809 по 1814 г.

²⁶ Мерзляков подлец и клеветник и пьяница! — Как явствует из альбома Воейкова (см. примеч. 25), А. Ф. Мерзляков был хорошо осведомлен о его отношениях с А. Н. Воейковой. В письме к Воейкову от 19—22 августа 1815 г., комментируя эту дневниковую запись, Жуковский замечает: «Помнишь ли, когда в Муратове (...) я сказал тебе, о том, что слышал от Мерзлякова о твоей связи — что ты мне ответил: *Мерзляков клеветник и пьяница!* И я имел несчастье поверить — да для меня казалось естественнее Мерзлякову *ошибиться* и сказать вздор, нежели тебе с таким спокойствием говорить *наедине* тому человеку, которого ты называл другом, *такую бесстыдную ложь!*» (Ежегодник. С. 92; курсив Жуковского).

²⁷ ...что теперь писал в письме к Каченовскому... — Это письмо А. Ф. Воейкова к М. Т. Каченовскому в печати неизвестно.

²⁸ Я когда-то написал... — Жуковский вспоминает свою дневниковую запись от 28 июня 1814 г., где он определял «удовольствие воспоминаний», и дополняет ее «философией фонаря». Это был любимый символ Жуковского, символ радостей жизни, счастливых моментов, озаряющих своим светом остальную жизнь человека (РБ. С. 47).

²⁹ ...истолкование *Дуняшиной печати*. — Фонарь был нарисован Жуковским на печатке А. П. Киреевской, и поэт неоднократно в письмах к ней возвращался к этой символике. Об этом см.: Веселовский. С. 265.

³⁰ *Annette* — Так Жуковский называл в письмах этого периода свою племянницу, сестру А. П. Киреевской Анну Петровну Юшкову (в замужестве Зонтаг), будущую детскую писательницу (УС. С. 10, 18, 24).

³¹ Для сердца прошедшее вечно... — Автоцитата из стих. «Теон и Эскин», неоднократно повторяющаяся в дневниках и письмах, ставшая жизненным девизом поэта.

³² **28 апреля.** — Запись от 28 апреля печатается по: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 206—211, с исключением выписок из дневника, совпадающих с публикацией М. Гофмана и приведенных выше: «*Милая Маша, скажем решительно друг другу ~ что ты добровольно истребила всё его счастье.*»

³³ **Нарва, 2 мая.** — Все последующие записи за 1815 г., фиксирующие отъезд Жуковского из Дерпта и осмысление впечатлений апреля-августа, печатаются по: Гофман. С. 133—141.

³⁴ ...смотря на *Мих(айловский) замок*... — В мае-июне 1815 г. Жуковский поселяется в доме Голицына на Фонтанке (современный адрес: Фонтанка, 20), где находилась квартира братьев Тургеневых (Иезуитова. С. 289). В письме к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г. он сообщает: «Живу очень просторно с Тургеневым. Половина верхнего этажа большого дома состоит в нашем непосредственном владении; у меня четыре большие комнаты; из одной прекрасный вид на Фонтанку и на Михайловский замок и на Летний сад» (УС. С. 12).

³⁵ ...*послал за Блудовым*. — Арзамасец Д. Н. Блудов так характеризовался Жуковским в это время: «Блудов — так же товарищ, прежний знакомец молодости, сбереженный посреди света и еще усовершенствованный. Без надежды найти в семействе своем счастье, он нашел его, и самое верное, и стоит его, и умеет им наслаждаться — прекрасное и дивное явление посреди Петербурга, счастливая, цветущая оазис посреди африканской степи» (УС. С. 12). Блудов — неизменный член дружеского Ареопага, к мнению и эстетическим суждениям которого Жуковский прислушивался. 12 апреля 1815 г. Жуковский отправляет А. И. Тургеневу послание «Императору Александру» и просит Блудова, Батюшкова и Уварова сделать замечания. «Эти замечания приготовьте к моему приезду», — пишет он (ПЖТ. С. 144—145). Видимо, как явствует из дневниковой записи: «он явился ~ с критикою моих стихов», — Блудов отозвался на эту просьбу.

³⁶ *Жена его милая женщина...* — Женой Д. Н. Блудова с 1812 г. была Анна Андреевна Щербатова, от брака с которой у Блудова было три сына (Андрей, Вадим, Владимир) и две дочери (Антонина и Лидия). Сестра ее, о которой упоминается в записи, — фрейлина имп. Марии Федоровны княжна Мария Андреевна Щербатова (в замужестве Поликарпова).

³⁷ *В письме от Саши Кавелину...* — Речь идет о письме А. А. Воейковой к Д. А. Кавелину, которое целиком в печати не известно. Жуковский приводит фрагмент из него.

³⁸ *Приезд ко мне в деревню...* — После путешествия по югу России А. Ф. Воейков в октябре 1813 г. приехал в Муратово, где Жуковский познакомил его с Протасовыми.

³⁹ ...*стихи ко мне или обо мне*. — Еще в начале 1813 г. Воейков пишет «Послание к Жуковскому из Сарепты 1813 г.» (напечатано: ВЕ. 1813. № 3. С. 26, с датой «7 янв. 1813»). В этом послании он называет Жуковского «соперником Гёте, Бюргера», призывает его написать «...поэму славную, // В русском вкусе повесть древнюю...» (Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 278).

⁴⁰ *Разговор со мною об Авд. Никол. Воейковой...* — См. примеч. 25.

⁴¹ ...*ищет для этого профессорства*. — Еще до приезда к Протасовым Воейков обращается к своему старому другу А. И. Тургеневу с просьбой найти ему место профессора словесности. В Дерптском университете после гибели А. С. Кайсарова открылась вакансия, была также возможность получить кафедру в Казани (Веселовский. С. 149). Как явствует из записи Жуковского, поиск места был обусловлен возможностью женитьбы на А. Н. Воейковой. Однако в марте 1814 г., получив место профессора в Дерптском университете, Воейков был помолвлен с Сашей Протасовой.

⁴² ...*первое письмо к Тургеневу*. — Это письмо к А. И. Тургеневу в печати не известно. В письме к нему же от середины марта 1814 г. Жуковский замечает: «В то время, когда я писал к тебе о профессорстве Воейкова...» (ПЖТ. С. 107).

⁴³ *Праздник в день возвращения моего из армии у Плещеевых*. — Жуковский вернулся на родину 6 января, из Вильны, где лежал в госпитале. По случаю болезни ему был дан бессрочный отпуск. Но речь идет о празднике годовщины его возвращения, в январе 1814 г., в имени Плещеевых Чернь (об этом см.: РА. 1877. № 7. С. 365—337). Через год, в 1815 г., Жуковский напоминает об этом в стихотворении «Прощание»: «Воейков, этот день для сердца незабвенный // Здесь возвращение мое // Ты за год праздновал в родной друзей семье...» (ПСС. Т. 2. С. 89).

⁴⁴ ...*рассказывал обо всем Чайковскому*. — И. И. Чайковский — муж сестры А. А. Плещеевой, Мавры Алексеевны.

⁴⁵ *Стихи к Е. Аф.* — Имеется в виду послание А. Ф. Воейкова «К Ек(атерине) Аф(анасьевне) П(ротасовой) при отъезде из ее деревни 31 января», опубликованное в ВЕ (1814. № 5. С. 33), где автор объясняется в любви к семейству Протасовых: «Простите, милые! В какой бы край судьбами // Отброшен ни был я — всё буду сердцем с вами! // К вам, к вам, под тихий кров, растерзанной душой!..».

⁴⁶ *Воейкову начинают показывать желание иметь его в семье*. — В марте 1814 г. Воейков был помолвлен с Сашей Протасовой. 16 апреля в письме к А. И. Тургеневу Жуковский уже говорит о предстоящей его женитьбе, а Воейков в приписке к письму добавляет: «В 24 день счастья, лето первое» (ПЖТ. С. 115).

⁴⁷ ...*ответ ... Каченовскому по случаю Дома сумасшедших*. — Речь идет о стихотворной сатире А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших», первая редакция которой была создана осенью 1814 г. (Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 832). М. Т. Каченовскому в этой редакции посвящены 7—8 строфы (Там же. С. 794). Об ответном письме Воейкова Каченовскому не известно.

⁴⁸ *Отъезд Воейкова в Петербург*. — Отъезд Воейкова из Муратова в Петербург 31 января 1814 г. был связан с его поисками места профессора русской словесности (см.: ПЖТ. С. 107).

⁴⁹ *Письмо с стихами о бессмертии и мой ответ на это*. — Вероятно, речь идет о послании Воейкова «К Жуковскому», которое заканчивалось словами: «И тебе, орёл поэзии, // Подле Грея, подле Томсона // Место на небе готовится» (ВЕ. 1813. № 5—6. С. 26). На него Жуковский ответил посланием «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...»), созданным в самом начале 1814 г. (ВЕ. 1814. № 3. С. 97).

⁵⁰ *Мне даже предложение увезти М.* — В приписке к письму Воейкову от 19 июля 1814 г. Жуковский замечал: «Я уверен, что через несколько времени (а может быть, уже и теперь) Воейков, который более нежели кто-нибудь одобрял и поддерживал мою привязанность к Маше, который и прежде и недавно советовал ее увезти, сам начнет уверять, что я и злодей и развратник. Как прикажут! Что нужно сказать, то и свято» (Ежегодник. С. 87).

⁵¹ ...*о письме И(вана) Владимировича*. — Жуковский вспоминает о просьбе Воейкова к И. В. Лопухину написать письмо Е. А. Протасовой с целью помочь поэту в его женитьбе, письмо, «над которым после смеялся» (Ежегодник. С. 96).

⁵² *Написанное на странице Геснера...* — См. примеч. 24.

⁵³ *Приезд Митеньки*. — Сына А. Ф. Воейкова от его внебрачной связи с А. Н. Воейковой (см. примеч. 25). Сведений о нем почти не сохранилось. Известно, что он получил фамилию Доброславский. В 1820-х гг. был студентом медицинского факультета Санкт-Петербургского университета, но еще до окончания покончил жизнь самоубийством, перерезав себе горло. См.: РС. 1883. № 4. С. 578. Его имя встречается в неизданной переписке Воейкова. За эти сведения автор признателен М. Ф. Климентьевой.

⁵⁴ *В Москве советы прибегнуть к императрице...* — «Ты подавал мне спасительные советы?!» — восклицает Жуковский в письме к Воейкову от 19—22 августа 1815 г. — И иронически продолжает: «Не тогда ли, как вместе с Плещеевым созидал план

насчет императрицы и потом в Москве перед отъездом в Дерпт советовал мне этот план исполнить, говоря между тем всё противное Е(катерине) Афан(асьевне)» (Ежегодник. С. 96). Как известно, друзья поэта пробовали помочь Жуковскому через имп. Марию Федоровну. «Государыня (...) требовала от Уварова и меня, — писал Жуковскому А. И. Тургенев, — чтобы мы сказали ей, что можно для тебя сделать (...) Мы решились подумать о том ответе, который должны дать ей на счет твой, и уже придумали» (РА. 1864. Стб. 451).

⁵⁵ *Ответ Маше...* — Этот ответ Воейкова Маша Протасова приводит в своем журнале (запись от 26 февраля 1815 г.): «...я не могу вообразить, чтоб он [Красовский] мог когда-нибудь казаться мне лучше, и говорила опять с Воейковым, что бы он сказал, если бы не *генерал Кр(асовский)* так ухаживал? Он отвечал, что генерал в походе имеет коляску, а офицер простой — нет. Каково?» (УС. С. 138).

⁵⁶ *Записка на книге.* — См. примеч. 22.

⁵⁷ *Жалобы на меня за неотдачу экстрактов...* — Экстракты — особая форма конспектирования с собственными замечаниями, которой Жуковский активно пользовался в творческой практике. В данном случае, видимо, Воейков называет «экстрактами» замечания Жуковского в «синенькой тетрадке» по поводу писем Маши. Вот как этот эпизод взаимоотношений с Воейковым описывает сам Жуковский: «...увидев однажды у Маши мои экстракты, которые она должна была переписывать, я, не говоря ей ни слова, унес свои тетради, и после об этом сказал тебе же; ты *побежал к ним* и сделал страшную историю: я прихожу к вам — мне ни слова, большая со мною *ласка* от тебя и большая холодность от Е(катерины) Афан(асьевны). К счастью, приходит Маша и требует от меня *при тебе* назад моих тетрадей — это доказало мне, что уже всё *сказано было* Екатер(ине) Афан(асьевне), но сказано (как и многое) не при мне. Где же *прямодушие*? И как жить вместе, когда *в одном углу* друг о друге будут говорить противное тому, что скажем в другом?» (Письмо к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г. — Ежегодник. С. 94; курсив Жуковского).

⁵⁸ *Сашин ответ Кавелину...* Отрывок из этого ответа Жуковский приводит в упоминавшемся выше письме к Воейкову от 15—22 августа (Там же. С. 92).

⁵⁹ *Родины.* — 26 июля 1815 г. у А. А. Воейковой родилась дочь. Этим днем помещено стихотворение Жуковского, посвященное его крестнице, Кате Воейковой: «Здравствуй, новый гость земной!..» (ПСС. Т. 2. С. 92—93). Л. И. Поливанов (П. Загарин), впервые опубликовавший этот текст и давший его факсимильное изображение, неверно прочитал дату: «26 июня» вместо «26 июля» (Загарин. Приложение VII. С. LXVII).

⁶⁰ *История о Мойере.* — Имеется в виду профессор медицины Дерптского университета И. Ф. Мойер, ставший в январе 1817 г. мужем Маши Протасовой. История, о которой говорит Жуковский, была связана с теми препятствиями, которые чинил на пути к этому браку А. Воейков. Как рассказывает об этом Маша в своем журнале от ноября 1815 г., «В(оейков) обещал мам(еньке) убить Мойера, Жуковского и потом зарезать себя. (...) у меня идет беспрестанно кровь горлом. В(оейков) смеется надо мной, говоря, что этому причиной *страсть...*» (УС. С. 161).

⁶¹ *Поездка к Мантейфелям.* — Об этой поездке к дерптским знакомым Воейкова Жуковский мельком говорит в письме к последнему, подчеркивая, что Маша была

отправлена туда матерью «против ее воли» (Ежегодник. С. 97). По всей вероятности, это было связано с какими-то планами Воейкова, чтобы разлучить Машу с Мойером.

⁶² «Добрый мой ~ если он захочет!» — Выдержка из письма Е. А. Протасовой к Жуковскому от 1815 г. (РС. 1883. № 4. С. 97).

⁶³ **Около 23 августа.** — Фрагмент дневниковой записи публикуется впервые. Автограф: РГБ. Ф. 104. № 53. Картон 8. Л. 4—6. Датируется на основании текста стихотворения «Старцу Эверсу», примыкающего к тексту записи.

⁶⁴ ...переводы нашего Дрезеке... — Речь идет о переводе брошюры немецкого проповедника Иоганна Генриха Дрезеке: *Glaube, Liebe, Hoffnung. Ein Handbuch für junge Freunde und Freundinnen*. Luneberg, 1814. Перевод начат на бумаге, приплетенной к книге. На лицевой стороне книжки четверостишие, обращенное к Маше: «Мой друг бесценный, будь спокойна...», подписанное 12 мая 1815 г.; начерчен также ее силуэт (Веселовский. С. 198).

⁶⁵ ...подле Катинной колыбели... — Имеется в виду племянница Маши Протасовой, дочь ее младшей сестры, А. А. Воейковой (см. примеч. 59). «Катка наша, — писала Маша к А. П. Киреевской, — утешает нас и радует всеми своими затеями. Мы избаловали малютку свою, она уже не может иначе спать, как на руках у которой-нибудь из матерей» (УС. С. 157).

1816

(С. 122)

Впервые опубликовано: Гофман. С. 141—142. Автограф: ИРЛИ. Ф. 244 (архив А. Ф. Онегина). № 27813. СХСІХ. б. 10. л. 11.

¹ ...правила, которое предлагает Гёте. — Далее Жуковский развивает мысли Гёте из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» (кн. VI «Признания прекрасной души»). Ср.: «Поистине, без должной серьезности ничего в мире не достигнешь...»; «на мой взгляд, решимость и последовательность — достойнейшие качества человека», «быть деятельным — первейшее назначение человека» (*Гёте И. В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1978. Т. 7. С. 332—333, 340*). Об этих правилах Гёте Жуковский постоянно пишет А. И. Тургеневу летом 1816 г. Ср.: «Решительность всемогущий чародей...», «совершенствуй волю», «деятельность — жизнь» (ПЖТ. С. 156—157; курсив Жуковского).

Интерес Жуковского к этому роману Гёте естествен: именно в это время он переводил из романа поэтические отрывки — песни арфиста и Миньоны: «Кто слез на хлеб свой не ронял» и «Мина» («Я знаю край...»).

² *Das sicherste bleibt immer: und das nächste zu thun was vor uns liegt...* — Источник этой цитаты не установлен.

1817

(С. 123—128)

Запись от 23 июня в первые опубликована: Гофман. С. 142—143. Автограф: ИРЛИ. Ф. 244 (архив А. Ф. Онегина). №27813. СХСІХ 6. 10. Л. 12.

Записи от октября-декабря в первые опубликованы: РС. 1901. № 5. Приложение. С. 52—62. То же: Дневники. С. 52—62. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 3. Л. 1—4 об.

¹ *Выезд из Петербурга.* — Отъезд Жуковского из Петербурга в Москву был связан с его решением стать учителем русского языка принцессы Шарлотты, невесты вел. кн. Николая Павловича (см.: ПЖТ. С. 177—179).

² *Пушкин.* — Речь идет о прощальном обеде и проводах Жуковского из Царского Села, в которых участвовал и молодой А. С. Пушкин. Об этом см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826. Л., 1991. С. 147.

³ *У великого князя.* — То есть у Николая Павловича, будущего императора Николая I.

⁴ *...праздник на Воробьев(ых) горах.* — В этот день происходила торжественная закладка храма Христа Спасителя.

⁵ *...попытка представиться Государыне.* — Императрице Марии Федоровне, вдове Павла I, которая была в Москве.

⁶ *Великолепная мысль для храма.* — В контексте всей записи речь идет о плане храма Христа Спасителя, предложенном архитектором А. Л. Витбергом. О драматической судьбе этого проекта и его автора см. в «Былом и думах» А. И. Герцена (Ч. 2. Гл. 16). Впоследствии Жуковский принимал самое заинтересованное участие в судьбе ссыльного Витберга (об этом см.: *Сумцов Н. Ф.* В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь. Харьков, 1902. С. 123).

⁷ *Первая лекция.* — Имеется в виду начало занятий русским языком с великой княгиней Александрой Федоровной (принцессой Шарлоттой).

⁸ *Мое переселение.* — В письме к А. И. Тургеневу от второй половины октября 1817 г. Жуковский об этом писал так: «Я переселился на свою квартиру; живу теперь в келье какого-то монаха Чудовского; на окнах моих крепкие решетки, но горницы убраны не по-монашески; тишина стихотворная царствует в моей обители, и уж Музы стучатся в двери...» (ПЖТ. С. 181). До переезда на эту квартиру в Кремле Жуковский жил у А. А. Антонского-Прокоповича в Университетском Благородном пансионе (Там же. С. 180).

⁹ *...у Екатер(ины) Семен(овны).* — Речь идет о матери А. И. Тургенева, у которой Жуковский бывал постоянно в связи со служебными делами ее сына (см.: ПЖТ. С. 180, 182). И далее в дневниковых записях она везде называется по имени и отчеству.

¹⁰ *Биография королевы Луизы.* — Матери великой княгини Александры Федоровны. Об интересе Жуковского к личности прусской королевы свидетельствуют записи, сделанные им и великой княгиней в конце 1817 г. Жуковский во время заграничного путешествия 1820—1822 гг. будет проявлять постоянное внимание ко всему, что связано с ее жизнью и смертью.

¹¹ *Принц Прусский*. — Брат великой княгини Александры Федоровны принц Фридрих Вильгельм Людвиг, впоследствии германский император Вильгельм I.

¹² *Пушкина басня*. — По-видимому, басня В. Л. Пушкина «Гнев Зевеса», которую он через день, 27 октября, читал на заседании Общества любителей российской словесности (см.: Московские ведомости. 1817. № 91).

¹³ *Полуехтов*. — Б. В. Полуехтов, бывший воспитанник Московского университетского благородного пансиона, участник Отечественной войны 1812 г., посещал дом Протасовых в Дерпте, где находился на службе (УС. С. 142). Жуковский встречался с ним там и посвятил ему стихи: «К генерал-майору Б. В. Полуехтову на выступление в поход 1815 года, 17 февраля», начинающиеся словами:

Наш кульмский богатырь, ура! счастливый путь!
Лети с полками в поле брани...

(ПСС. Т. 2. С. 90)

¹⁴ *Приезд Воейкова с стихами*. — Стихи, которые привез А. Ф. Воейков из Дерпта, — «Отрывок из поэмы Искусства и Науки» (впоследствии опубликовано: ВЕ. 1819. № 8). В этом произведении он дает характеристики литературной деятельности многих русских писателей, в том числе Жуковского:

Жуковский! с якорем, лилеей и крестом,
Ты об возвышенном, прекрасном и святом
Нам проповедуешь, несчастных утешитель!

¹⁵ *Известие от Проташинского о Саше*. — В. А. Проташинский, воспитанник Петербургской академии художеств (РС. 1883. № 2. С. 485), сводный брат сестер Протасовых (о нем см.: ПЖТ. С. 35—36), сообщил Жуковскому о состоянии здоровья Саши Протасовой-Воейковой, которая находилась в деревне Киреевских-Елагиных Долбино, где в октябре родила дочь Александру.

¹⁶ *Попов*. — И. А. Бычков в комментариях пишет: «Вероятно, Василий Михайлович Попов, приближенный князя А. Н. Голицына, директор департамента народного просвещения» (Дневники. С. 55). Но скорее всего, речь идет о московском книгоиздателе Иване Ивановиче Попове, с которым Жуковского связывали давние дружеские и деловые отношения (УС. С. 32—34, 36). Во всяком случае К. Н. Батюшков в письме к А. И. Тургеневу из Москвы от июня 1818 г. сообщал: «Жуковский, который все утро с книгопродавцем Поповым просидел в Сандуновской бане и уговаривал его не продавать дурных книг» (Батюшков. Т. 2. С. 491).

¹⁷ *...письмо к Сергею*. — К Сергею Ивановичу Тургеневу, сыну Е. С. Тургеневой, брату А. И. Тургенева, который в это время находился на дипломатической службе во Франции.

¹⁸ *Заседание в Обществе любителей словесности*... — Известие об этом заседании см.: Московские ведомости. 1817. № 91. На этом заседании сотрудник общества П. С. Яковлев читал стихотворную повесть Жуковского «Красный карбункул», перевод из Гебеля.

¹⁹ *Обедал у Тютчева*. — У Ивана Николаевича Тютчева, отца поэта Ф. И. Тютчева. И. Н. Тютчев, орловский помещик, обычно зимой жил в Москве (см.: РА. 1874.

№ 10. Стб. 10). О своем знакомстве в эту пору с Жуковским, о посещении вместе с отцом его квартиры в Кремле Ф. И. Тютчев вспоминал в своем стихотворении «17 апреля 1818», написанном в 1873 г. по случаю дня рождения Александра II.

²⁰ *Счастье не цель жизни.* — Своеобразная философия счастья, видимо, была изложена Жуковским на обеде у И. Н. Тютчева. Не случайно через много лет, в 1838 г., Ф. И. Тютчев вспоминает об этих размышлениях поэта (*Тютчев Ф. И. Сочинения: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 33*). О ее формировании в связи с чтением сочинений Мозеса Мендельсона см.: Веселовский. С. 134.

²¹ *La princesse Moustache...* — Имеется в виду статс-дама, княгиня Наталья Петровна Голицына (урожд. Чернышева), которая была некрасива и с большими усами, отчего и получила прозвище, прототип старой графини в «Пиковой даме» (см.: Врем. ПК. 1981. Л., 1985. С. 176—178).

²² *...явились принц...* — См. примеч. 11.

²³ *Разговор с Вилламовым о Мерзлякове.* — Вероятно, содержание разговора Жуковского с секретарем имп. Марии Федоровны Г. И. Вилламовым определялось чтением А. Ф. Мерзляковым на заседании Общества любителей российской словесности 27 октября 1817 г. «Песни на заложение Храма Христа Спасителя».

²⁴ *Свадьба, рождение и смерть в одной семье.* — Речь идет о событиях в семье П. А. Вяземского: свадьбе его свояченицы Л. Ф. Гагариной (см. примеч. 27), рождении дочери Прасковьи и смерти сына Митеньки.

²⁵ *...на небе всё сделалось ярче.* — См. описание того же события в письме Жуковского к Н. М. Карамзину от 8 ноября 1817 г. (РА. 1900. № 9. С. 38—39).

²⁶ *Елена Григорьевна Пушкина.* — Жена А. М. Пушкина, переводчика и актера-любителя; после его смерти в 1825 г. Е. Г. Пушкина (урожд. Воейкова) жила с дочерьми в Дрездене, где ее отношения с Жуковским стали особенно дружескими. Она принимала самое активное участие в его делах (ухаживала за больным Батюшковым), была адресатом его писем. После смерти Е. Г. Пушкиной Жуковский помогал ее дочерям.

²⁷ *Полуктов с женою.* — Б. В. Полуктов (см. примеч. 13) 4 ноября 1817 г. женился на свояченице П. А. Вяземского, княжне Любви Федоровне Гагариной (ВЕ. 1875. № 8. С. 660).

²⁸ *...с Aimée* — с Любовью Федоровной Полуктовой (*aimée* — «любовь», *фр.*).

²⁹ *Jéricho.* — Речь идет, видимо, об исполнении оперы на библейский сюжет “*La prise de Jéricho*” («Взятие Иерихона»)

³⁰ *Поездка в Астафьево.* — Речь идет о поездке Жуковского вместе с П. А. Вяземским в его родовое имение для перевозки туда гроба с телом умершего сына Вяземского (РА. 1900. № 9. С. 38).

³¹ *Чтение Мерзлякова стихов.* — См. примеч. 23.

³² *Жизнь есть воспитание ~ вся вера.* — Эти мысли повторены Жуковским в письме к А. Н. Арбеновой (РА. 1883. № 1. С. 319) и в записи от 29 августа 1819 г. в альбоме С. А. Самойловой (*Кульман Н. К. Рукописи В. А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. А. А. и А. А. Бобринских. СПб., 1901. С. 8—9*).

³³ *Русские глаголь...* — Данное размышление связано с педагогической деятельностью Жуковского и уроками русского языка для великой княгини. По воспомин-

нениям П. А. Плетнева, «с удивительным спокойствием и терпением он принялся за обработку грамматики русского языка и особенно за исследование глаголов его, этой загадки, до сих пор вполне не разгаданной» (*Плетнев П. А.* Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1968. С. 187). Следы этого увлечения можно заметить во время чтения Жуковским «Пространной русской грамматики» Н. И. Греча (СПб., 1827), материалы для которой Жуковский предоставил автору. Подробнее об этом см.: БЖ. Ч. 1. С. 36—37.

³⁴ *Le peuple est meilleur que les cercles.* — Источник цитаты обнаружить не удалось.

³⁵ *Die Princessin Charlotte ~ diese Blumen an Mama.* — По мнению И. А. Бычкова, это «вероятно, выписка, сделанная Жуковским из дневника г-жи Вильдермет, бывшей в 1805 г. гувернанткой принцессы прусской Шарлотты (великой княгини Александры Федоровны)» (*Дневники.* С. 62). Это предположение имеет вполне реальное основание: Цецилия Вильдермет в это время находилась в Москве и была при Александре Федоровне; Жуковский находился с ней в дружеских отношениях, о чем свидетельствуют последующие дневниковые записи.

1818

(С. 129)

Впервые: РС. 1901. № 5. Приложение. С. 63—64. То же: *Дневники.* С. 63—64. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 3. Л. 5—9 об.

¹ *Рождение великого князя.* — Речь идет о рождении великого князя Александра Николаевича, будущего имп. Александра II. Этому событию и встрече с Жуковским в Кремле посвящено стихотворение Ф. И. Тютчева (см. примеч. 19 к 1817 г.). Жуковский на этот случай написал стихотворное послание «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича» (*ПСС.* Т. 2. С. 124—126).

² *Ерихо.* — В данном случае, по всей вероятности, речь идет не об опере на библейский сюжет “*La prise de Jéricho*” (см. примеч. 29 к 1817 г.), как на это указывает И. А. Бычков (*Дневники.* С. 63), а о камердинере великой княгини Александры Федоровны, имевшем имя или прозвище «Ерихо», возможно, за свой громкий голос (см. письмо М. Вильдермет к Жуковскому — РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 404. Л. 1). Во всяком случае в общем контексте дневниковой записи от 17 апреля это кажется более вероятным.

³ **Октябрь** — Записи от 1—8 октября находятся в тетради занятий Жуковского с великой княгиней (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 96. Л. 1). Публикуются впервые.

⁴ *Гапсбургский.* — Речь идет о переведенной Жуковским балладе Ф. Шиллера «Граф Гапсбургский», опубликованной в сборнике «Für Wenige. Для немногих» (1818. № 5. С. 11). Жуковский, видимо, этот перевод использовал для учебных занятий.

⁵ *Перевод из Мольера.* — В упоминаемой выше тетради (Л. 1—3 об.) находится фрагмент перевода VI явления 2-го действия из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» (“*Bourgeois gentilhomme*”). Об этом подробнее см.: *Лебедева О. Б.*

Неопубликованный перевод отрывка из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» В. А. Жуковского // ПМиЖ. Вып. 7. Томск, 1960. С. 179—185.

⁶ *Я болен.* — О болезни Жуковского А. И. Тургенев сообщал П. А. Вяземскому в письме от 6 ноября 1817 г. (ОА. Т. 1. С. 139).

1819

(С. 130—139)

Впервые: РС. 1901. № 5—6. Приложение. С. 64—72. То же: Дневники. С. 64—72. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 3. Л. 9 об.—10.

¹ *Письмо к Дуляше.* — Речь идет о письме к А. П. Киреевской-Елагиной.

² *Замечание Перовского на мой счет...* — Запись касается возникшего в Жуковском чувства любви к гр. С. А. Самойловой, в то время фрейлине имп. Марии Федоровны, а в 1821 г. вышедшей замуж за гр. А. А. Бобринского. Соперником Жуковского был адъютант вел. кн. Николая Павловича Василий Алексеевич Перовский, друг Жуковского. История этих отношений освещена в статье И. Захарьина (Якунина) «Дружба Жуковского с Перовским» (ВЕ. 1901. № 4. С. 528—534). См. также: Веселовский. С. 275—278. Свое чувство Жуковский выразил в цикле посланий к С. А. Самойловой и в послании к В. А. Перовскому «Товарищ, вот тебе рука!..» (ПСС. Т. 3. С. 42—43), комментарием к которому является данная запись. Подробнее см. примеч. 19.

³ *Письмо ~ Маше.* — То есть к Марии Андреевне Мойер, урожд. Протасовой. В ответном письме от 27 августа — 6 сентября Маша, вполне счастливая в своем замужестве, признается: «Когда мне случится без ума грустно, то я заберусь в свою горницу и скажу громко: *Жуковский!* и всегда станет легче» (УС. С. 230).

⁴ *Карамзин.* — Лето 1819 г. Н. М. Карамзин проводил в Царском Селе, где арзамасцы (Жуковский, А. С. Пушкин) встречались с ним и знакомились с главами из его «Истории государства Российского».

⁵ *10 августа.* — Именно в этот день Жуковский пишет стихотворение «Жизнь. Видение во сне», видимо, под впечатлением объяснения с С. А. Самойловой (Вольпе. Т. 1. С. 381). Следующие записи: «Романс. Сон», возможно, также относятся к этому стихотворению, переложенному на музыку.

⁶ *Разговор с Ек(атериной) Анд(реевной).* — С женой Н. М. Карамзина.

⁷ *Крестины* — Великой княжны Марии Николаевны.

⁸ Воронцов. — Как предполагает И. А. Бычков, речь идет о графе М. С. Воронцове, женившемся 20 апреля 1819 г. на графине Е. К. Враницкой, и о предстоящем его приезде из-за границы в Россию (Дневники. С. 66). См.: Архив кн. Воронцова. Т. 37. М., 1891. С. 63—70. Вероятно, выделение записи курсивом свидетельствует об отсутствии данного лица за обедом.

⁹ *Стихи.* — Речь идет о начале стихотворения «Праматерь внуке», написанного на первое причащение великой княжны Марии Николаевны. Первоначально стихотворение носило заглавие «17 августа 1819 года» (см.: *Кульман Н. К.* Рукописи В. А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. А. А. и А. А. Бобринских. СПб.,

1901. С. 11). Окончательно оно было отделано 23 августа (Бумаги Жуковского. С. 83).

¹⁰ *Бал у Кочубея*. — Об этом бале у графа В. П. Кочубея А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 19 августа 1819 г.: «Третьего дня, ввечеру, в Царском Селе, живущие там генерал-адъютанты, граф Кочубей и другие дали прекрасный бал, к которому была приглашена павловская и царскосельская публика» (ОА. Т. 1. С. 232).

¹¹ *УН(атальи) Федотовны*. — Здесь и далее именем «Наталья Федотовна» или просто фамилией «Плещеева» обозначена вдова друга императора Павла I Сергея Ивановича Плещеева, до замужества Наталья Веригина, фрейлина имп. Марии Федоровны. В 1797 г. пожалована в кавалерственные дамы, с 1826 г. — в статс-дамы. Была близка к дому Карамзиных.

¹² *Чтение "Naufrage"*. — По предположению И. А. Бычкова, речь идет об одноактной комедии Лафона "Le Naufrage ou Les funérailles de Crispin" (Дневники. С. 67). Более вероятным кажется чтение комедии А. Дюваля "Le naufrage, ou les héritiers", которая в русском переводе под названием «Кораблекрушение, или Наследники» шла в 1819 г. на московской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 485).

¹³ *"Mon enfant"*. — Возможно, комедия Поль де Кока и братьев И. и Т. Коньяр "Un bon enfant" (ИРДТ. Т. 3. С. 250), которая под названием «Еще добрый малый» была переведена с французского Н. П. Мундтом и шла на русской сцене.

¹⁴ *Ундина*. — По всей вероятности, речь идет о повести немецкого писателя Фридриха де ла Мотт Фуке, которой Жуковский заинтересовался еще в 1816 г. (ПЖТ. С. 159—150). В 1817 г. Жуковский, по свидетельству мемуариста, начал переводить «Ундину» прозой, но тогда же оставил эту работу (Зейдлиц. С. 153). Впоследствии, в 1832—1836 гг. он переложил эту прозаическую повесть в гекзаметры, создав один из лучших своих переводов (подробнее см.: Вольпе. Т. 2. С. 542—543). Следов работы над переводом в 1819 г. не обнаружено.

¹⁵ *Teatp: "Chaperon rouge"*. — Имеется в виду опера «Красная Шапочка» (муз. Ф. Боэльдье; пер. с фр. Р. Зотова). Вечером, после театра, у А. И. Тургенева собираются Пушкин, Гнедич, А. А. Плещеев, Жуковский (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826. Л., 1991. С. 185).

¹⁶ *Эпитафия*. — Данная шутливая эпитафия написана по случаю смерти чижика Мими, хозяйкой которого была фрейлина графиня Е. П. Шувалова (см.: ПСС. Т. 3. С. 19).

¹⁷ *Разговор о "Vœux téméraires"*... Имеется в виду роман французской писательницы С.-Ф. Жанлис «Смелые обещания», вышедший первым изданием в 1799 г.

¹⁸ ...о *"Simple Histoire"*. — Роман английской писательницы Элизабет Инчбальд «Простая история», вышедший в Лондоне в 1791 г. и в том же году переведенный на французский язык, сопровождал Жуковского почти всю жизнь. Так, в письме к А. П. Зонтаг от апреля-мая 1851 г., вспоминая впечатления детства, он замечает: «Однажды она [В. А. Юшкова] рассказала бабушке роман *Simple Histoire*, самый трудный для рассказа; я и теперь помню, что рассказ был лучше оригинала, который превосходит, один из лучших романов старых и новых» (УС. С. 131). В течение жизни Жуковский неоднократно будет перечитывать этот роман (см. Указ. имен).

В его библиотеке сохранилось французское издание 1842 г., с владельческой надписью его жены: "Elisabeth de Joukovskij" (Описание. № 1359).

¹⁹ *Перовского история.* — По всей вероятности, Жуковский вспоминает события домашнего вечера в Аничковом дворце, где Перовский был особенно оживлен, много танцевал с детьми и с Самойловой. Жуковский, рассказывая о событиях вечера великой княгине Александре Федоровне, которая там не присутствовала, сообщил, что Перовский много танцевал и «карячился». Великая княгиня, недостаточно знавшая русский язык, придала этому слову другой смысл и вызвала этим недовольство Перовского, который отправился объясняться к Жуковскому. Между ними произошел крупный разговор, в результате которого Перовский вспылал и сказал Жуковскому: «Дурак!». На что Жуковский ответил: «Пошел вон!». Недоразумение вскоре было исчерпано, а залогом дружбы-соперничества Жуковского и Перовского стало послание «Товарищ! Вот тебе рука!..». Подробнее см.: *Захарин И. П.* (Якунин). Граф В. А. Перовский и его зимний поход на Хиву. СПб., 1901. С. 86, 88; Вольпе. Т. 2. С. 530—531.

²⁰ *Глупая история с Кукольником.* — Речь идет о В. Г. Кукольнике, отце поэта Нестора Кукольника, который в 1813—1817 гг. преподавал римское и русское гражданское право великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам и летом жил в Павловске. Как предполагает И. А. Бычков, «глупая история» связана с его отказом баллотироваться на пост ректора Петербургского университета (Дневники. С. 88).

²¹ *Альбом Самойловой.* — 29 августа 1819 г. Жуковский вписал в альбом С. А. Самойловой свои мысли о счастье. С этого дня альбом Самойловой становится его вероисповеданием. Он вносит в него свои заветные идеи — учение о воспоминании, вечном для сердца, мысли о вечной женственности, философию «фонаря» как постоянного движения к счастью и т. д. Об этом подробнее см.: Веселовский. С. 277—281. Впервые текст записей Жуковского был опубликован Н. К. Кульманом.

²² *Манускрипт Козлова.* — Речь идет о рукописном переводе И. И. Козловым на французский язык поэмы Байрона «Абидосская невеста», который Жуковский через М. Н. Лонгинова передал императрице Елизавете Алексеевне, наградившей Козлова перстнем. Об этом см.: *Козлов И. И.* Из «Дневника» // Старина и новизна. Кн. 2. СПб., 1906. С. 40.

²³ *Карбункул.* — Сокращенное название перевода Жуковского из Гебеля «Красный карбункул». Напечатано впервые: Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1817. Ч. 9. Речь, видимо, идет о чтении этой стихотворной повести.

²⁴ *Старушка.* — Сокращенное заглавие «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» (1814). Перевод баллады английского поэта Р. Саути из-за цензурного запрета был напечатан только в 1831 г. Поэтому, видимо, речь идет о чтении баллады.

²⁵ *Письмо к Вяземскому о стихах.* — Речь идет о письме Жуковского от 4 сентября находящемся в Варшаве П. А. Вяземскому. В письме изложены замечания и дана общая оценка стихотворения Вяземского «Сибирякову». Об этом подробнее: *Самовер Н. В.* Пушкин, Вяземский и Жуковский: три взгляда на крепостничество (1819) // Россия и реформы: Сб. ст. Вып. 2. М., 1993. С. 5—7.

²⁶ *Чтение Истории*. — См. примеч. 18.

²⁷ *Чтение "Vœux téméraires"*. — См. примеч. 17.

²⁸ Записка Тургенева. — Вряд ли прав И. А. Бычков, говоря о том, что «Записка» была написана А. И. Тургеневым по прочтении замечаний Жуковского на послание Вяземского к И. И. Дмитриеву (Дневники. С. 70). Думается, речь идет о «Записке о крепостном праве» Н. И. Тургенева, которая создавалась в это время и была своеобразным комментарием к антикрепостническому пафосу стихотворения «Сибирякову» (см. примеч. 25).

²⁹ *Vergissmeinnicht*. — Название стихотворения немецкого поэта Х. А. Тидге, которое Жуковский переложил под заглавием «Песня» («О, милый друг! теперь с тобою радость...» (Вольпе. Т. 1. С. 372).

³⁰ *Стихи в альбом*. — Вероятно, начало работы над посланием «Графине С. А. Самойловой» по случаю ее приближающегося дня рождения. Последующие записи от 10—15 сентября: «Стихи» отмечают процесс написания этого важного для поэта послания. Послание было предназначено для альбома Самойловой.

³¹ *Чтение моих переводов*. — Речь идет о переводах, предназначенных для сборника «Für Wenige. Для немногих».

³² *Начало поэмы*. — Вероятно, переписка набело или окончательная обработка начала «Орлеанской девы», перевода драматической поэмы Шиллера. О переводе Жуковским «Орлеанской девы» говорит А. И. Тургенев в письмах П. А. Вяземскому от 1 июля и 13 августа 1819 г. (см.: ОА. Т. 1. С. 258, 288). Два первые действия поэмы написаны Жуковским в альбоме С. А. Самойловой 1819 г. (Кульман Н. К. Рукописи В. А. Жуковского... С. 13, 27—28, 61—68).

³³ *Чтение "Charles et Marie"*... — Возможно, имеется в виду роман французской писательницы Аделаиды Суза (Souza), вышедший в свет в 1802 г. В библиотеке Жуковского сохранилось более позднее издание ее сочинений (Описание. № 2152).

³⁴ ...музыка Плещеева. — А. А. Плещеев, музыкант-дилетант, написал несколько романсов на стихи Жуковского (см.: Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 г.): Справочник. М., 1966. Указ. имен). Возможно, у великой княгини Александры Федоровны в присутствии Жуковского он исполнял свою музыку к балладе «Светлана», которую репетировал в это время «с полным оркестром у Варфоломея Толстого» (Глумов А. Судьба Плещеевых. М., 1982. С. 203).

³⁵ *Стихи*. — В день рождения С. А. Самойловой, 17 сентября, Жуковский завершает работу над посланием к ней «Напрасно я мечтою льстил...» (ПСС. Т. 3. С. 19—20), которое, как следует из последующей записи, было преподнесено адресату и стало известно окружающим: «Вечер у Бобринской. Разговор о стихах: c'est touchant».

³⁶ *Разговор о Mémoire*. — Вероятно, о книге А. С. Стурдзы "Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne", вышедшей в ноябре 1818 г. В библиотеке Жуковского сохранился экземпляр этого сочинения с владельческой надписью А. И. Тургенева и пометами неизвестного лица (Описание. № 2210). Возможно, этот разговор с Карамзиным о Стурдзе был вызван появлением в это время пушкинских эпиграмм на Стурдзу (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 189—190).

³⁷ *Pensées — две эмблемы*. — По всей вероятности, pensées как эмблемы предназначались для альбома графини С. А. Самойловой. На первой странице альбома было

переписано рукою Жуковского (с небольшими пропусками, подчеркиваниями, без заглавия и указания автора) стихотворение Гёте "An Lottchen". На второй странице под печатью, которая изображает на черном фоне белый столб с фонарем, бросающим свет, помещен эпитафия: «Всё к жизни к прекрасному средство!». Оба эпитафия имели очевидный эмблематический характер, связанный с мотивами воспоминания-света. См.: *Кульман Н. К.* Рукописи В. А. Жуковского... С. 1079—1081.

³⁸ *Из альбома гр. С. А. Самойловой.* — См. примеч. 21.

³⁹ *Я когда-то сказал...* — См. примеч. 28 к 1815 г. В стихотворении, обращенном к С. А. Самойловой, он, в частности, пишет: «И ряд веселых фонарей // Дорогу вашу всю осветит...» (ПСС. Т. 3. С. 20).

⁴⁰ *Для сердца прошедшее вечно!* — Жуковский снова повторяет свой любимый девиз из стихотворения «Теон и Эсхин».

⁴¹ *...жизнь есть воспитание.* — См. примеч. 32 к 1817 г.

⁴² *...подарить вас такого книгою...* По всей вероятности, речь идет о брошюре немецкого проповедника И. Г. Дрезеке "Glaube, Liebe, Hoffnung... Luneberg, 1814". Неслучайно далее, характеризуя эту «маленькую книжку», Жуковский дает перевод ее названия: «Вера, любовь, надежда (...) — таково содержание этой книжки». Как известно, Жуковский обращался к переводу этой книги для нравственного образования Маши Протасовой (см. примеч. 64 к 1815 г.).

⁴³ *...белую книгу...* — Этот образ «белой книги», заполненной выписками из прочитанного и отражающей концепцию самообразования, восходит к повести немецкого моралиста Х. Гарве «Подарок на Новый год», переведенной Жуковским (ВЕ. 1808. № 1. С. 26—29).

⁴⁴ *Wisser, ein erhabner. Sinnen ~ nicht darinn. Schiller.* — Цитата из лирической пьесы Ф. Шиллера "Die Huldigung der Künste" («Приветствия искусств»)*. У Жуковского неточность цитирования: вместо *Wisser* нужно *Wisset*. Перевод: Знайте же, что возвышенный дух / Вкладывает великое в жизнь, / А не ищет его там (*нем.*).

⁴⁵ *Миллер говорит...* — Эти слова немецкого историка Иоганна Миллера из его писем к Виктору Бонстеттену, которые Жуковский переводил (см.: ВЕ. 1810. № 16. С. 263—285; 1811. № 6. С. 83—100), он так комментировал в письме к А. И. Тургеневу от 4 августа 1815 г.: «Помнишь ли, что говорит: Миллер: *Lesen ist nichts; lesen und denken — etwas; lesen, denken und fühlen — die Vollkommenheit.* На это место *lesen*** поставь *leben**** и прощай» (ПЖТ. С. 152).

⁴⁶ *...для зажжения светлого фонаря...* — См. примеч. 28 к 1815 г.

⁴⁷ *Я верю — ваше сердце встретит ~ И благодарно их считать.* — Заключительные строки из послания Жуковского, написанного к дню рождения С. А. Самойловой (см. примеч. 35).

⁴⁸ *...я вас предчувствую!* — Эта формула Жуковского, впервые введенная в русскую культуру изданием Н. К. Кульмана в 1901 г., возможно отозвалась в стихотворении

* Приношу свою искреннюю благодарность проф. Гамбургского университета Дитриху Герхардту за указание источника этой цитаты. — А. Я.

** Читать (*нем.*).

*** Жить (*нем.*).

А. Блока «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» из цикла «Стихов о Прекрасной Даме», написанном 4 июня 1901 г. Учитывая глубокий интерес Блока к творчеству Жуковского и литературе о нем, это предположение вполне вероятно.

1820

(С. 140—153)

В первые: РС. 1901. № 6—8. Приложение. С. 72—97. То же: Дневники. С. 72—97. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 46, 4в. Л. 1—11.

¹ *Выехал 3 в 12 часов.* — Начало первого заграничного путешествия Жуковского, которое продлилось до 6 (18) февраля 1822 г. В составе свиты великой княгини Александры Федоровны, которую доктора отправили для восстановления здоровья после неудачных родов, Жуковский достаточно долго живет в Германии, где знакомится с романтической культурой страны и ее виднейшими представителями. Кроме того, он совершает кратковременные вояжи в Швейцарию и Италию. Жуковский придавал большое значение этому путешествию. В письме к А. П. Елагиной из Дерпта от 2 октября 1820 г., излагая его маршрут, он, в частности, замечает: «Но все путешествие оживит и расширит душу; надеюсь, что оно пробудит и давно заснувшую поэзию» (РБ. С. 93).

² *Памятник.* — Речь идет о гранитной колонне, воздвигнутой в 1817 г. в честь императора Александра I и побед русской армии в Отечественной войне 1812 г.

³ *Ужасно дурная дорога до Кенигсберга.* — Подробно свое впечатление от этой дороги Жуковский выразил в письме к Е. А. Протасовой от 1 ноября 1820 г., где, в частности, замечал: «Самым приятным зрелищем было для меня то, что все, которые обыкновенно ездят по здешней дороге, называют скучным и несносным, это так называемый *штранд*, или дорога ужасными песками от Мемеля до Кенигсберга (...) благодаря буре, дорога штрандом, самая худшая во всякое время, была для нас лучшею, ибо за Кенигсбергом была грязь или песок, и мы тащились, как черепахи» (РА. 1900. № 9. С. 35).

⁴ *Дом Кантов.* — Посещение мемориального дома немецкого философа Иммануила Канта, который родился и умер в Кенигсберге, не было для Жуковского любопытством путешественника. Интерес к личности и наследию Канта обозначился еще в период редактирования «Вестника Европы», где он помещает отрывок из переписки философа (ВЕ. 1808. № 24. С. 247—251). В библиотеке поэта находятся различные сочинения, связанные с его именем (см.: Описание. Указ. имен).

⁵ *Писать к Саше и Тургеневу вместе.* — Речь, видимо, идет о письме к А. И. Тургеневу из Берлина от 27 ноября (9 декабря), по поводу которого Жуковский замечает: «Оно столько же к тебе, сколько к ней» (ПЖТ. С. 192). Письмо посвящено возникшей «привязанности» Тургенева к «моей Саше» (т. е. к А. А. Воейковой-Протасовой) и стало предостережением о невозможности «переступить за границу дозволенного» (Там же. С. 192—193).

⁶ *Американский посланник*. — Речь идет о встрече на почтовой станции с ехавшим в Петербург американским посланником Генри Миддлтоном.

⁷ *Картины Фридриха*. — Это первое упоминание в дневнике фамилии известного немецкого художника-романтика Каспара Давида Фридриха, интерес к творчеству которого во многом определит приобщение Жуковского к эстетике немецкого романтизма. Жуковский станет не только поклонником его творчества, но и собирателем его картин. «У него были развешаны картины и любимый его ландшафт работы Фридриха — еврейское кладбище в лунную ночь...» (А. О. Смирнова-Россет); «Мне бы хотелось описать вам эту комнату, потому что она произвела на меня сильное впечатление своими картинами. (...) На другой стороне картины Фридриха. Посередине большая: ночь, луна и под нею сова. По полету видно, что она видит: в расположении всей картины видна душа поэта. (...) Вторая картинка: ночь, море и на берегу обломки трех якорей. Третья картина: вечер, солнце только что зашло, и запад еще золотой; остальное небо, нежно-лазуревое, сливается с горою того же цвета. (...) Четвертая: к ней, это могила жидовская. Огромный камень лежит на трех других меньших. Никого нигде нет. (...) На третьей стене четыре картины, также Фридриховой работы» (И. В. Киреевский) — эти свидетельства мемуаристов передают постоянный интерес Жуковского к живописи немецкого романтика (см.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 242—263). См. также: Либман М. Я. Жуковский — рисовальщик: К вопросу о связи К. Д. Фридриха и В. А. Жуковского // *Античность*. — Средние века. — Новое время: Проблемы искусства. М., 1977. С. 217—249.

⁸ *Принцесса Александрина и ее жених*. — Дочь короля прусского Фридриха-Вильгельма III, сестра великой княгини Александры Федоровны была обручена 24 сентября н. ст. 1820 г. с наследным великим герцогом мекленбург-шверинским Паулем-Фридрихом.

⁹ *Маленький принц*. — Младший сын прусского короля Фридриха-Вильгельма III принц Альбрехт.

¹⁰ *Вечер в театре...* — Посещение театра и театральные впечатления — устойчивый мотив дневниковых записей первого заграничного путешествия. «Главное мое знакомство (в Берлине): театр, — писал Жуковский Е. А. Протасовой, — бываю каждый вечер в театре. Для нас, приезжих, есть безденежное место в королевской ложе» (РА. 1900. № 9. С. 36—37).

¹¹ *“Brief und Antwort”* — Комедия в одном действии «Письмо и ответ», переделка с французского Карла Лебрена, актера и автора пьес для театра.

¹² *Девриен*. — Имя «несравненного» Людвиг Девриена, знаменитого немецкого актера, становится для Жуковского символом нового театра. Свидетельство тому — многочисленные восторженные отзывы об его игре как на страницах дневника, так и в письмах (см.: РА. 1900. № 9. С. 37).

¹³ *“Épreuve villageoise”*. — Балет «Сельская честь» на музыку французского композитора Луи Персуса.

¹⁴ *...princesse Guillaume...* — Принцесса Гийом — французская транскрипция титула «принцесса Вильгельм». Супруга принца прусского Вильгельма, брата короля Фридриха-Вильгельма III — принцесса Марианна.

¹⁵ ...*принцу*... *Кумберландскому*. — Эрнст-Август, герцог кумберландский, впоследствии король ганноверский, был женат на сестре королевы Прусской Луизы, принцессе Фридерике мекленбург-стрелицкой.

¹⁶ ...*принц Дессау*. — Герцог Леопольд-Фридрих ангальт-дессауский был женат на принцессе прусской Фридерике-Вильгельмине-Луизе.

¹⁷ ...*к Мекленбургскому*... — К наследному великому герцогу мекленбург-шверинскому Павлу-Фридриху, жениху принцессы прусской Александрины (см. примеч. 8).

¹⁸ «*Пигмалион*» — Мелодрама в одном действии Ж.-Ж. Руссо “*Pugmalion*” на музыку Й. Бенды. Шла на сцене русских театров в 1794—1806 гг. (см.: ИРДТ. Т. 2. С. 506).

¹⁹ “*Wer ist der Bräutigam*”. — Неточное название комедии немецкой писательницы Иоганны фон Вейсентурн. Правильно: “*Welcher ist der Bräutigam?*” («Кто жених?»).

²⁰ “*Der Nachtwächter*” — Стихотворный фарс Теодора Кернера «Ночной сторож».

²¹ ...*граф д’Артуа*. — Впоследствии французский король Карл X.

²² «Альцеста» — Опера К. В. Глюка (1767).

²³ *В экспозицию*. — Речь идет об открывшейся 24 сентября 1820 г. выставке в королевской Академии художеств.

²⁴ “*Das Vorlegeschloss*” — фарс «Висячий замок», вольная переделка с английского Адальберта фон Тале (псевдоним Карла фон Деккера), прусского генерала и писателя.

²⁵ “*Nina*” — «Нина, или Сумасшествие от любви», балет Ш. Милона на музыку Л. Персуса.

²⁶ Чтение “*Le malade imaginaire*”. — Известная комедия Мольера «Мнимый больной».

²⁷ “*Ahnfrau*” — трагедия немецкого драматурга Франца Грильпарцера «Праматерь». Под заглавием «Прародительница» в переводе П. Г. Ободовского шла в 1829—1841 гг. на русской сцене (ИРДТ. Т. 3. С. 299). В 1909 г. игралась под названием «Пра-матерь» в переводе А. Блока в театре В. Ф. Комиссаржевской (ИРДТ. Т. 7. С. 552).

²⁸ «Весталка» — Опера итальянского композитора Г. Спонтини.

²⁹ *J. v. Voss Künstlers Erdenwallen* — Комедия немецкого писателя Юлиуса фон Фосса «Жизненный путь художника».

³⁰ *Памятник*. — Речь идет о надгробном памятнике королеве прусской Луизе, матери великой княгини Александры Федоровны, работы известного немецкого скульптора Х. Д. Рауха.

³¹ *Théâtre de Gropius*. — В частном театре Гропиуса в Берлине в это время демонстрировалась диорама «Семь чудес Старого Света» с движущимися фигурами и давалась комедия Г. Клауреля “*Das Vogelschießen*” («Стрельба по птицам»).

³² *Памятник Павлов в Павловске*. — Имеется в виду воздвигнутый в Павловске имп. Марией Федоровной памятник Павлу I.

³³ ...*рукою художника*... — Речь идет о скульпторе Х. Д. Раухе (см. примеч. 30).

³⁴ ...*памятник маленькому принцу*... — сыну короля Фридриха-Вильгельма III, принцу Фердинанду (13.12.1804—1.4.1806).

³⁵ “*Stille Wasser sind tief*” *von Schröder* — комедия немецкого драматурга Ф. Л. Шрёдера «Тихие воды глубоки». Под заглавием «В тихом омуте черти водятся» в переделке А. И. Шеллера шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 3. С. 227).

³⁶ *Ла Мотт-Фуке*. — Видимо, первая очная встреча Жуковского с известным немецким писателем, интерес к творчеству которого он проявлял уже в 1817 г. В письме

к Д. В. Дашкову от 1817 г., планируя издание альманаха немецкой словесности, он в число авторов для перевода включает Ла Мотт Фуке, а его рассказы расценивает как «многое множество прекрасного» (РА. 1868. № 4—5. С. 839). Он ставит его вместе с Гёте и Шиллером в ряд «оригинальных авторов», которые «сообразны со своим веком» (БЖ. Ч. 1. С. 30). Наконец, у него возникает замысел стихотворного переложения «Ундины» (см. примеч. 14 к 1819 г.), осуществленный позднее.

³⁷ *В новом театре*. — Речь идет о строящемся под руководством известного немецкого архитектора К. Ф. Шинкеля Королевском театре, открытие которого состоялось 26 мая 1821 г. (см.: *Genée R. Hundert Jahre des Königlichen Schauspiels in Berlin 1786—1886*. Berlin, 1886. S. 120, 123).

³⁸ *В театре*: «Мария Стюарт». — трагедия Ф. Шиллера (1800).

³⁹ ...напоминает нашу Елизавету... — То есть императрицу Елизавету Алексеевну, жену Александра I.

⁴⁰ X. — Далее, под 31 октября и 1 ноября встречаются еще две записи о лице, означенном буквой X. По предположению И. А. Бычкова, речь идет о фрейлине княжне П. А. Хилковой (в замужестве Гендриковой) (Дневники. С. 84). Известно о ее исполнении романа «Ангел и Певец» на стихи Жуковского (Отечественные записки. 1823. Ч. 16. С. 314—316). Возможно, Жуковский видел в ней невесту для себя. Во всяком случае Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву 20 сентября 1820 г.: «Жуковский едет в Берлин. Увы! он влюблен, но не жених! Ему хотелось бы жениться, но при дворе не легко найти невесту для стихотворца, хотя и любимого» (Письма Карамзина к Дмитриеву. СПб., 1866. С. 294).

⁴¹ “*Cosi fan tutte*”. — Комическая опера Моцарта «Так поступают все, или Школа влюбленных».

⁴² ...генерала *Vorwärts*... — Имеется в виду прусский генерал-фельдмаршал Г. Л. Блюхер, который получил прозвище *Vorwärts* (в переводе с нем. «вперед») за быстроту наступательных действий в антинаполеоновской кампании.

⁴³ “*Der Leuchthurm*” *von Ouwald*. — Речь идет о трагедии немецкого писателя Эрнста фон Гувальда (Houwald) «Маяк», одном из образцов «трагедии рока». В творческой биографии Жуковского очевиден интерес к этой разновидности драматического рода. Так, в начале 1830-х гг. он переводит фрагмент трагедии З. Вернера «Двадцать четвертое февраля» (см.: Лебедева. С. 125—146).

⁴⁴ ...таблицы. — Таблицы по русской грамматике, которые Жуковский составлял для преподавания русского языка великой княгине Александре Федоровне.

⁴⁵ ...с Боком. — Предположение И. А. Бычкова (Дневники. С. 86) и основанные на нем утверждения последующих комментаторов о том, что здесь имеется в виду Т. Е. Бок, адресат посланий Жуковского 1815—1816 гг., заключенный за вольнодумство в Шлиссельбургскую крепость, лишены основания. Новейшие исследования (см.: *Салутере М. Г.* К биографии «императорского безумца»: Т. Э. фон Бок (1787—1836) в романе Я. Кросса и новонайденных архивных материалах // ПМиЖ. Вып. 19. Томск, 1997. С. 61—83) опровергают эту версию. Речь идет о младшем брате Т. Е. Бока — финансисте Карле Боке, который жил с семьей в Швейцарии.

⁴⁶ «Валленштейн». — Вполне возможно, что в этот день Жуковский видел в театре трагедию Ф. Шиллера “*Wallensteins Tod*”, но не исключено, что отсутствие

традиционной преамбулы к подобного рода записям — «В театре» — свидетельствует о работе над переводом фрагмента из драматической трилогии Шиллера. В бумагах Жуковского сохранился перевод двух первых и начала третьего явлений трагедии «Смерть Валленштейна», который датируется началом 1820-х гг. (см.: Лебедева. С. 63—65, 182—184).

⁴⁷ “Hund von Obri”. — Правильно “Der Hund des Aubry”. Фарс П. А. Вольфа «Обриева собака».

⁴⁸ “Das Vorlegeschloss”. — См. примеч. 24.

⁴⁹ “Beinahe verloren”. — Комедия К. Ф. Абта (наст. имя G. D. Dettenrieder; 1733—1783) «Почти потерянный».

⁵⁰ ...сидел ~ подле Ансильона... — И. Ф. Ансильон, государственный деятель и писатель, был воспитателем Прусского кронпринца, будущего короля Фридриха-Вильгельма IV. Об интересе Жуковского к его педагогическим и политическим идеям свидетельствует наличие в библиотеке поэта многочисленных сочинений Ансильона (Описание. № 547—549, 2576—2578) с маргиналиями владельца. Время появления этих сочинений (с 1817 по 1837 гг.) свидетельствует об устойчивости интереса Жуковского к его творчеству. Оценку его личности см. ниже (запись от 2 ноября).

⁵¹ ...познакомился с Гуфландом... — Личность немецкого врача, писателя Х. В. Гуфеланда, впоследствии тестя друга Жуковского А. С. Стурдзы, сразу же вызвала симпатию поэта (см. запись от 3 ноября). Но Жуковский проявлял интерес и к идеям Гуфеланда о долголетьи (см. его выписки 1804 г. из «Макробиотики» Гуфеланда — Бумаги Жуковского. С. 49). В библиотеке поэта сохранились многочисленные сочинения Гуфеланда, в том числе с дарственными надписями (Описание. № 192, 1348—1350, 1020).

⁵² “Aline, die Königin von Golkonde”. — Опера А. Бертона «Алина, королева Голконды» по мотивам повести С.-Ж. де Буффлера.

⁵³ “Die Brüder von Terenz”. — Комедия римского комедиографа Теренция «Братья», в переводе немецкого писателя Ф. Г. фон Эйнзиделя.

⁵⁴ “Kauffmann von Venedig”. — Имеется в виду трагедия Шекспира «Венецианский купец» в переводе Августа Шлегеля.

⁵⁵ ...после Стурдзы... — Брошюра зятя Гуфеланда А. С. Стурдзы “Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne” вызвала негативную реакцию немецкой университетской молодежи и вынудила ее автора покинуть Германию.

⁵⁶ ...мысль Вейрауха... — Август фон Вейраух — дерптский знакомый Жуковского, «человек с необыкновенными дарованиями, поэт в обширном значении сего слова» (ПЖТ. С. 162) — положил на музыку некоторые сочинения Жуковского, в том числе его переводы из Гёте и Шиллера. Об этом см.: *Eichstädt H. Žukovskij als Uebersetzer*. München, 1970. S. 37—88. (Vorum slavicum. Nr. 29); *Салунере М. Г.* Жуковский и А. Вейраух // Ж. и русская культура. С. 449—454.

⁵⁷ ...сообщил мне свою собственную мысль о том же... — Гуфеланд внес ее в альбом Жуковского (датировано вверху первого листа: 1820, 16/28 дек. Берлин) в таком варианте: *Leben, Liebe, Licht, Vater, Sohn, Geist. — Gott, Gott, Vater des Lebens, Gott, Sohn und Herr der Liebe, Gott, Erleuchter des Geistes, Lass uns leben in Liebe und Licht, So leben wir in Gott* (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 228. Л. 37). (Жизнь, Любовь, Свет, Отец,

Сын, Дух — Бог. Бог, отец Жизни, Бог, сын и господин Любви, Бог, светоч духа. Дай нам жить в любви и свете, тогда мы будем жить в Боге).

Впоследствии (письмо к А. И. Тургеневу от 8 февраля 1821 г.) Жуковский связывал эту мысль Гуфеланда со своей философией Лалла Рук (см. примеч. 22 к 1821 г.), замечая: «Он [Гуфеланд] мне сказал: „всё, что религия представляет святого, *Троицей* заключено для меня в одном немецком *L: Leben, Liebe, Licht*: тут весь Бог и весь человек в отношении к Богу“. Эти три *L* нашлись сами собой и в имени *Lalla Rookh*» (Гофман. С.159).

⁵⁸ ... *прелесть Краузе*... — О каком Краузе идёт речь, сказать трудно. И. А. Бычков высказывает предположение, что это немецкий философ Карл Христиан Фридрих Краузе (Дневники. С. 90). Но в Дерпте Жуковский был знаком с профессором экономики, технологии и гражданской архитектуры И. В. Краузе, который мог быть ему близок и приятен своими человеческими качествами (см.: *Петухов Е. В. Жуковский в Дерпте*... Приложения. С. 97).

⁵⁹ “*Der grade Weg ist der beste*”. — комедия Августа Коцебу «Прямой путь — лучший». В переводе Гонзалеса она шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 512).

⁶⁰ “*Jean de Paris*”. — Комическая опера в 2-х действиях Ф.-А. Буальдье «Жан Парижский». Либретто Сен-Жюста (К. Годара д’Окура). В переводе с фр. П. И. Шаликова шла на русской сцене в 1817—1825 гг. (ИРДТ. Т. 2. С. 474).

⁶¹ “*Der Freimaurer*”. — комедия А. Коцебу «Масон».

⁶² ... *у М-е Kleist*... — Берлинский салон Марии Клейст, кухни известного немецкого писателя Генриха Клейста, собирал представителей творческой интеллигенции и придворных. Жуковский часто посещал его и подружился с его хозяйкой, ее сыном Адольфом и дочерью Луизой, которую нередко в дневнике называет *Lulu* (см.: *Gerhardt. S. 258*). Позднее он так писал о них: «Мы породнились душою в то время, когда я жил в Берлине (1821 г.). Там я познакомился с ее матерью и с нею. Мать ее была несравненная женщина; я любил ее детски, она любила меня матерински...» (УС. С. 60). Залогом памяти о вечерах в этом салоне стала подаренная книга — сочинения Г. Клейста с дарственной надписью: “*Souvenir des plusieurs Soirées passez chez notre ami Joukovski — Marie de Kleist née de Gualtiere, Berlin de 10 Décembre 1821*”. Показательно, что этот экземпляр сочинений Клейста 1821 г. до 1930 г. находился в библиотеке Жуковского (см.: Описание. № 1427), а затем после специального акта был изъят из хранилища НБ ТГУ и приобретен на аукционе Хельмутом Зембднером в Германии в 1977 г. (см.: *Marbacher Magazin. 1977. № 7. S. 29*).

⁶³ *Дочь М-е Kleist*. — В немецкой мемуарной литературе существовала версия об увлечении Жуковского Луизой (Лулу) Клейст и даже указывалось, что он просил ее руки. См.: *Elisa Radziwill. Ein Leben in Liebe und Leid. Unveröffentlichte Briefe der Jahre 1820—1834 herausgegeben von Dr. Bruno Hennig. Berlin, 1922. S. 85*. Однако никаких документальных подтверждений эта версия не имеет*. Позднее, в 1835 г. Жуковский писал о ней: «Дочь, создание несравненное; она теперь замужем, мать семейства; пишет ко мне письма несравненные» (УС. С. 61).

* За эти сведения выражаю искреннюю признательность г-ну Клементу Хейфусу, библиографу Гамбургской университетской библиотеки. — *А. Я.*

⁶⁴ “Pandore” — может быть, мелодрама по пьесе Гёте на музыку Бека.

⁶⁵ *Гофман*. — Возможно, речь идет об известном писателе Э. Т. А. Гофмане, жившем в это время в Берлине.

⁶⁶ *Адъютант кронпринца*. — Имеется в виду полковник Вильгельм Карл фон Шак, впоследствии генерал-майор.

⁶⁷ “König Yngurd” — трагедия А. Г. А. Мюльнера «Король Ингурд», еще один образец немецкой романтической «трагедии рока» (см. примеч. 42). В библиотеке Жуковского имеются сочинения Мюльнера, в том числе отдельное издание трагедии «Король Ингурд»: König Yngurd. Trauerspiel in 5 Akten von Adolf Müllner. Leipzig, 1817 (Описание. № 1714).

⁶⁸ *В театре «Д(он) Жуан»*. — Опера Моцарта.

⁶⁹ “Torquato Tasso” — Драма Гёте «Торквато Тассо». Впоследствии четверостишие из этой драмы (действие I, явление 1-е, ст. 80—82) Жуковский включит в собственном переводе в свой журнал «Собиратель» (1829. № 1. С. 14). Ср.: «То место, где был добрый свято! / Для самых поздних внуков там звучит / Его благое слово, и живет / Его благое дело».

⁷⁰ *В театре “Heinrich der IV”*. — Трагедия Шекспира «Генрих IV» в обработке и переводе Ф. де ла Мотт Фуке.

⁷¹ *В театре: “Joseph”*... — опера французского композитора Э.-Н. Мегюля.

⁷² *Hoffmann. Triumph der Ironie*. — Вероятно, как и в предшествующих записях, речь идет об Э. Т. А. Гофмане. Жуковский был знаком с его творчеством. В его библиотеке сохранилось немецкое издание 1819 г. «Серапионовых братьев» Гофмана с пометами (БЖ. Т. 2. С. 188—190). См. также: *Лебедева О., Янушкевич А.* Э. Т. А. Гофман и В. А. Жуковский // В мире Э. Т. А. Гофмана: Сб. ст. Вып. 1. Калининград, 1994. С. 204—208. Запись «Триумф иронии», как бы уточняющая отношение Жуковского к немецкому романтику, передает его эстетическую позицию: «Жуковский всю жизнь избегал иронии и сарказма» (*Вацуро В.* Э. Лирика пушкинской поры. СПб., 1994. С. 32).

⁷³ *В театре: “Barbier de Séville”*. — Опера итальянского композитора Дж. Паизиелло; либретто Дж. Петроселлини по комедии Бомарше «Севильский цирюльник».

⁷⁴ «Гамлет». — Вероятно, речь идет о трагедии Шекспира в переработке и переводе Августа Шлегеля.

⁷⁵ *В театре: «Армида»*. — Опера Глюка.

⁷⁶ *В театре: “Die falsche Primadonna”*. — Фарс «Фальшивая примадонна», с пением на слова Юлиуса Фосса, музыка Шустера.

⁷⁷ ...у *Ягофа*. — Владелец известного ресторана в Берлине.

⁷⁸ *Самойловой помолвка*. — Графини С. А. Самойловой с гр. А. А. Бобринским. Известие об этом находится в письме А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 17 ноября 1820 г. (ОА. Т. 2. С. 104).

⁷⁹ “Leuchthurm”. — См. примеч. 43.

⁸⁰ “Der bestrafte Narcisses”. — Речь идет о балете Ф. Тальони “Der neue Narcisses, bestrafte durch Venus” («Новый Нарцисс, наказанный Венерой»).

⁸¹ *В театре: “Josonde”*. — Комическая опера с танцами на музыку Н. Изуара. Либретто Ш.-Г. Этъена. В переводе П. А. Корсакова под названием «Жоконд, или Искатели приключений» шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 477; Т. 3. С. 256).

⁸² “Ich bin mein Bruder”. — Комедия К. В. Контесса. В переводе с немецкого Ф. А. Кони под заглавием «Я — мой брат» шла в Москве (ИРДТ. Т. 3. С. 337).

⁸³ “Der Schein trügt” — Драма немецкого драматурга И. Х. Брандеса «Обманчивая внешность».

⁸⁴ *Сын принца Фридриха*. — Маленький сын принца Фридриха Прусского, принц Фридрих-Вильгельм-Людвиг-Александр, родившийся 21 июня 1820 г.

⁸⁵ “*Johanna von Orleans*”. — Пристальный интерес русского поэта в постановке драмы Шиллера «Орлеанская дева» на немецкой сцене был обусловлен его работой над ее переводом. Именно в это время он готовится к переводу четвертого и пятого актов, черновой автограф которых находится прямо на страницах дневника (подробнее см.: Лебедева. С. 80—81).

⁸⁶ “Mit was denn?” — Подобной реплики нет в тексте «Орлеанской девы». По всей вероятности, речь идет о диалоге Раймонда и Иоанны в 4 явл. V действия, когда на его вопрос: “Und diese Wunder, / Ihr hättet sie vollbracht mit Gottes Kraft / Und seiner Heiligen?” — она отвечает полувопросом: “Mit welcher sonst?”. Ср. в переводе Жуковского: «*Раймонд*. А эти чудеса, / Ты с помощью небесной их свершила? *Иоанна*. С какою же иной?» (ПСС. Т. 4. С. 166). Видимо, последняя реплика-вопрос Иоанны на сцене прозвучала в другом варианте.

⁸⁷ “*Nichts von Verträgen*”. — Реплика Иоанны из Пролога трагедии, которая в переводе Жуковского звучит так: «С кем договор? Ни слова о покорстве!» (ПСС. Т. 4. С. 121).

⁸⁸ *Письма к Маше и Тургеневу*. — Письмо к А. И. Тургеневу из Берлина от 27 ноября (9 декабря) является предостережением другу в связи с его «привязанностью к моей Саше». История отношений Тургенева и А. А. Воейковой пугала поэта. В письме Жуковский также просит Тургенева «переписать Иоанну», имея в виду уже переведенное и оставшееся в России (ПЖТ. С. 192—194).

⁸⁹ *В театре*: “Joseph”. — См. примеч. 71.

⁹⁰ *Drouet*. — Концерты известного французского флейтиста и композитора Луи Друэ снискали в Берлине большой успех. Его совместные выступления с оперной певицей Каролиной Зейдлер волновали немецкую публику в 1820—1822 гг. Так, Г. Гейне в «Письмах из Берлина» нач. 1822 г. замечал: «Упомяну только, что во время концерта Зейдлер зал был переполнен, но что теперь мы напряженно ждем концерта Друэ...» (*Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1958. С. 48).

⁹¹ *В театре*: “Sappho”. — Трагедия Ф. Грильпарцера «Сафо». На русской сцене шла в 1892—1896 гг. в переводе Н. Ф. Арбенина с М. Н. Ермоловой в главной роли (ИРДТ. Т. 6. С. 136, 493).

⁹² *В театре*: “Parteiwuth”. — Драма немецкого писателя Ф. В. Циглера “Parteiwuth, oder die Kraft des Glaubens” («Партийная ярость, или Сила веры»).

⁹³ *Разговор о приказе*. — Вероятно, о приказе Александра I по армии от 2 (14) ноября по поводу «Семеновской» истории. Согласно этому приказу повелено было всех нижних чинов Семеновского полка распределять по разным полкам; виновных предать суду, подвергнуть наказанию по всей строгости законов; штаб- и обер-офицеров перевести в армейские полки, а полкового командира Шварца предать суду. В “*Berlinische Zeitung*” (№ 151 от 16 дек. 1820 г.) появился перевод этого приказа. Подробнее см.: *Лапин Вл.* Семеновская история. Л., 1991.

⁹⁴ “Das neue Sonntagskind”. — Комическая опера в 2-х действиях «Новый счастливец». Текст И. Перине. Музыка В. Мюллера. Под названием «Домовые» в переложении с немецкого Н. С. Краснопольского шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 473).

⁹⁵ *Ш.* — По предположению И. А. Бычкова, гр. Шувалова или И. П. Шамбо (Дневники. С. 95).

⁹⁶ *Gallerie Justiniani*. — Картинная галерея Джустиниани (Юстиниани) принадлежала старинной итальянской семье Джустиниани. Первый ее каталог был издан в Риме еще в 1631 г. В 1807 г. она была перевезена в Париж, а в 1815 г. приобретена прусским королем.

⁹⁷ “Der Theaterdichter”. — комедия «Театральный поэт», переделанная с английского Адальбертом фон Тале (наст. имя Карл фон Деккер).

⁹⁸ “*Schweizerfamilie*” — опера Иосифа Вейгля «Швейцарская семья».

⁹⁹ “Le ci-devant jeune homme”. — Комедия в одном действии Н. Бразье и Ж.-Т. Мерля «Бывший молодой человек». В переводе с французского Ф. Ф. Кокошкина под названием «Молодой человек в 60 лет» шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 495; Т. 3. С. 278).

¹⁰⁰ “Le coin de rue” — водевиль Т.-М. Дюмерсана и Н. Бразье «Угол улицы».

¹⁰¹ *...фриезд великого князя*. — Великий князь Николай Павлович ездил в Троппау, где находился на конгрессе император Александр I.

¹⁰² *В театре* “Fluch und Segen” — драма Э. К. Гоувальда «Проклятие и благословение».

¹⁰³ “Die eifersüchtige Frau” — комедия А. Коцебу «Ревнивая жена». Под заглавием «Павел Павлович с супругой» в переложении П. А. Каратыгина шла в России (ИРДТ. Т. 3. С. 291).

¹⁰⁴ “Der Schneider Fips” — комедия А. Коцебу «Портной Фипс, или Опасное соседство». На русской сцене шла в переводе с немецкого Г. Г. Политковского (ИРДТ. Т. 3. С. 297).

¹⁰⁵ “Die Drillinge” — комедия У. Бонина (псевд. Теофилус Померанус) «Тройня».

¹⁰⁶ “Die Geheimnisse” — комедия Лемберта (наст. имя Трёмвель Венцель) «Тайны».

¹⁰⁷ “Caesario” — комедия П. А. Вольфа «Цезарио».

¹⁰⁸ *В театре*: “Romeo und Julia”. — Трагедия В. Шекспира «Ромео и Джульетта» в переводе Августа Шлегеля.

¹⁰⁹ “Die beiden Gutsherrn” — комедия с танцами Юлиуса фон Фосса «Два помещика».

¹¹⁰ “Der Gefangene” — опера французского композитора Доменико Делла-Мариа. Либретто А. Дювала. Шла на русской сцене в переводе с французского Д. Н. Баркова под названием «Арестант» (ИРДТ. Т. 2. С. 454).

¹¹¹ *В театре*: “Donna Diana”. — Комедия в стихах К. А. Веста (псевд. немецкого писателя Иосифа Шрейфогеля), переделка испанской комедии А. Морето “El desden con el desden”. В переводе с немецкого под названием «Донна Диана» шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 3. С. 247).

¹¹² *В театре*: “Chapeiron rouge”. — Опера французского композитора Ф.-А. Буальдье «Красная шапочка» по мотивам одноименной сказки Ш. Перро.

¹¹³ *В театре*: «Скупой». — Комедия Мольера “L'Avare”.

¹¹⁴ В театре: "Das letzte Mittel". — Комедия в 4-х действиях Иоганна Франуль фон Вейсентурн «Последнее средство». В русском переводе под названием «Последнее средство, или Кокетство и любовь» шла в Москве и Петербурге в 1828—1834 гг. (ИРДТ. Т. 3. С. 298).

1821

(С. 154—235)

Впервые: РС. 1901. № 8—11. Приложение. С. 97—174. То же: Дневники. С. 97—174. Автограф: РНБ, Ф. 286. Оп. 1. № 4в. Л. 11—51; 72—77; 4г (1). Л. 1—32; 4г (2). Л. 1—21; 4д (1). Л. 1—31; 4д (2). Л. 1—65 об. Включение записей из писем-дневников, адресованных великой княгине Александре Федоровне, специально оговаривается в примечаниях.

¹ Стихи. — Во всех известных изданиях сочинений Жуковского отсутствуют какие-либо стихотворения, датированные этим числом. Комментатор «Дневников» И. А. Бычков лаконично указывает: «Какие именно — неизвестно» (Дневники. С. 97). Можно сделать несколько предположений. Из контекста записи: «Обедал с Перовским» вполне возможно, что Жуковский читал другу-сопернику обращенные к нему послания, связанные с историей увлечения С. А. Самойловой, которая в конце ноября 1820 г. стала невестой гр. А. А. Бобринского. Не исключено, что поэт отбирал стихи для перевода к предстоящему берлинскому празднику (см. ниже).

² На площади парад. — По случаю коронации короля Фридриха-Вильгельма III.

³ *Johannit. ord.* — Прусский орден.

⁴ Глупая пьеса L. M. F. — Имеется в виду одна из пьес Фридриха де ла Мотт Фуке.

⁵ Ла Мотт-Фуке и Шатобриан. — Встреча и общение Жуковского в Берлине с этими виднейшими представителями европейского романтизма оставили заметный след в его заграничных впечатлениях. Объединение этих имен в дневниковой записи, возможно, связано с обещанием дать их сравнительную характеристику, о чем известно из письма М. А. Мойер к Жуковскому от 7 февраля 1821 г.: «Где же обещание описания Lamotte Fouquet и Шатобриана?» (УС. С. 253). Если внимание к личности и творчеству де ла Мотт Фуке было предопределено художественными интересами (см. примеч. 36 к 1820 г.), то Шатобриан, бывший в то время французским посланником в Берлине, привлекал Жуковского и как интересный собеседник, о чем свидетельствуют более поздние записи (см., напр., от 11 (23) марта 1821 г.). Впечатление Жуковского от этих встреч так передавал Н. М. Карамзин в письме к И. И. Дмитриеву от 10 марта 1821 г.: «Жуковский видит и хвалит Шатобриана» (Письма Карамзина к Дмитриеву. СПб., 1866. С. 304).

⁶ "Die Drillinge". — См. примеч. 105 к 1820 г.

⁷ "Fluch und Segen". — См. примеч. 102 к 1820 г.

⁸ Бобовый праздник — распространен в ряде европейских стран и связан с карнавальной смеховой культурой. Проходил в начале января. Назначался «король»; им становился тот, кому доставался кусок пирога с запеченным в нем бобом. «Король»

выбирал себе «королеву» и «свиту». См. картину Якоба Йорданса «Бобовый король» (1638) в собрании Государственного Эрмитажа.

⁹ *Вечеру несравненная «Альцеста»*. — См. примеч. 22 к 1820 г.

¹⁰ *Рождение государыни Елизаветы Алексеевны*. — Жуковский испытывал чувство глубокого уважения к жене Александра I. В год ее 40-летия, в 1819 г., он сделал следующую стихотворную надпись к ее портрету:

В царицах скромная, любовь страны своей,
И в бурю бед она душой была спокойна;
И век ея свой суд потомству даст об ней:
Была величия и счастья достойна.

(ПСС. Т. 3. С. 33)

¹¹ *У Мекленбургского. Репетиция*. — Речь идет о подготовке к празднику с живыми картинами на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук» с участием берлинского двора и великого князя Николая Павловича с супругой, великой княгиней Александрой Федоровной. По одной из версий, тема театрализованного празднества была предложена герцогом Карлом Мекленбургским (см.: *Grimm von A. Th. Alexandra Feodowna, Kaiserin von Rußland*. Bd. 1. Leipzig, 1865. S. 64).

¹² *Пери*. — Речь идет о знакомстве Жуковского с вставной поэмой из «восточной повести» Т. Мура «Лалла Рук» — «Рай и Пери», получившей в переводе Жуковского название «Пери и Ангел». Впоследствии (записи от 16 (28) февраля — 6 (18) марта) Жуковский будет называть ее просто «Пери».

¹³ ...читал “Lalla Rookh” — поэму Т. Мура, в театрализации которой на берлинском празднике принимал участие и Жуковский. После записи от 14 (26) февраля в дневнике приведены (в английском подлиннике) 32 стиха из поэмы. О важнейших этапах знакомства Жуковского с «восточной повестью» Мура см.: Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) / Исслед. акад. М. П. Алексеева // ЛН. Т. 91. М., 1982. С. 663—675. Заметим только, что в библиотеке поэта сохранился экземпляр книги “Britische Dichter-Proben. Nr. 1. Nach Thomas Moore und Lord Byron. Leipzig, 1819” (Описание. № 731), на страницах которой сделан подстрочный перевод на русский язык стихов 22—43, 90, 408—409 из поэмы «Рай и Пери».

¹⁴ *Несравненный праздник*. — Вот как описывает Жуковский представление, устроенное в Берлине в честь великого князя Николая Павловича и его супруги, в письме к А. И. Тургеневу от 19 февраля 1821 г.: «Здесь был несравненный праздник, который оставил во мне глубокое впечатление. Ты знаешь Мурову поэму *Лалла Рук*. Дочь Ауленгзеба едет к своему жениху в Бухарию; он встречает ее в долине Кашемира. Дорогою молодой поэт, чтобы не скучно было принцессе, поет ей исторические песни; поэт нравится принцессе, и она приближается с чувством грусти к тому месту, т. е. к Кашемиру, где должна встретить своего жениха, но на поверку выходит, что жених и поэт одно лицо. Берлинский праздник был не иное что, как праздник, который молодая Лалла Рук дала будто в Кашемирской долине своему супругу и своему отцу Ауленгзебу, и в воспоминание тех минут, которые она так приятно провела дорогою, слушая песни своего мужа, она велит представить в картинах то,

что он описывал ей в своих песнях. Эти картины, которые были сочинены живописцем Ш.^{***}, были несравненны; во время их представления пели романсы, для которых музыка была сочинена Спонтини и прелестна. Но всему давала очарование великая княгиня; ее пронесли на паланкине в процессии — она точно провеяла надо мною, как Гений, как сон; этот костюм, эта корона, которые прибавляли только какой-то блеск, какое-то преобразование к ежедневному, знакомому; эта толпа, которая глядела на *одну*; этот блеск и эта пышность для *одной*; торжественный и вместе меланхолический марш; потом пение голосов прекрасных и картины, которые появлялись и пропадали, как привидения, живо трогали, еще живее в отношении к одному, главному, наконец, опять этот марш — с которым все пошло назад, и то же милое прелестное лицо появилось на высоте и пропало в дали — всё это вместе имело что-то магическое! Не чувство, не воображение, но душа наслаждалась, и я воротился к себе с каким-то унынием, которое имело сладость...» (Гофман. С. 153—156; курсив Жуковского. Под инициалом Ш.^{***} Жуковский скрывает имя немецкого художника Карла Фридриха Шинкеля).

Об истории этого праздника и его отражении в различных печатных источниках см.: ЛН. Т. 91. С. 658 и сл.

¹⁵ *Повторение праздника*. — 15 (27) января 1821 г. Первое представление было дано в тесном кругу придворного общества; на втором присутствовало более 3 тысяч человек (*Grimm A.* Op. cit. Bd. 1. S. 146). Специально для этого события была открыта парадная театральная зала.

¹⁶ *Стихи M-elle Stegeman*. — Как установлено в последнее время, речь идет о стихотворении немецкой поэтессы Гедвиги Штегеман “An die Grossfürsten Alexandra als Lalla Rookh”, послужившем источником стихотворения Жуковского «Явление поэзии в виде Лалла Рук» (см.: *Gerhardt D.* Vergangene Gegenwärtigkeiten. Göttingen, 1966. S. 34). Кстати, сам Жуковский, сообщая текст своего стихотворения А. И. Тургеневу, сделал приписку: «Эти стихи сочинены здесь одной молодой девушкой: я их перевел» (Гофман. С. 153).

¹⁷ *Написал стихи*. — По всей вероятности, речь идет о стихотворении «Лалла Рук», это подтверждает и запись от 3 (15) февраля: «Разговор о Лалла Рук».

¹⁸ «Танкред» — опера Россини.

¹⁹ *Перевод стихов Chênedollé*. — Никаких следов интереса Жуковского к творчеству французского поэта Шарля Шендолле в известных печатных и рукописных источниках не зафиксировано.

²⁰ «Ифигения в Авлиде» — опера Глюка.

²¹ *Теснятся все к тебе во храм...* — Автограф этого восьмистишия находится в записной книжке Жуковского (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 4в) внутри дневниковой записи от 4 (16) февраля 1821 г. Начиная с комментария Ц. С. Вольпе (Вольпе. Т. 2. С. 533) адресатом поэтического обращения Жуковского традиционно считают великую княгиню Александру Федоровну. Напечатано впервые: Бумаги Жуковского. С. 10.

²² *Руссо говорит...* — Это рассуждение Жуковского о прекрасном неразрывно связано с историей создания стихотворения «Лалла Рук». Не случайно в более распространенном варианте, находящемся в письме к А. И. Тургеневу от 19 февраля, оно

заканчивается словами: “Voilà la philosophie de Lalla Rookh” (Гофман. С. 155—156), а затем следуют тексты стихотворений «Лалла Рук» и «Явление поэзии в виде Лалла Рук». Но для Жуковского это рассуждение имело характер своеобразного эстетического манифеста. Впоследствии, через 27 лет, он возвратится к нему, включит его текст в письмо к Н. В. Гоголю от 29 декабря 1847 г., опубликованное под заглавием «О поэте и современном его значении» (Москвитянин. 1848. № 4. С. 14—15). Отзвуки этих мыслей прозвучат в «Рафаэлевой Мадонне» и стихотворных эстетических манифестах. Это высказывание Жуковского пользовалось известностью в русских литературных кругах, о чем свидетельствует, например, его сокращенная копия, сделанная Пушкиным (Рукою Пушкина. М., 1935. С. 490—492). Оно вызвало к жизни образ «гения чистой красоты» в его поэзии.

Характерно, что впервые на этот афоризм Ж.-Ж. Руссо обратил внимание Н. М. Карамзин. В 1797 г. в статье «Несколько слов о русской литературе», анонсируя свои «Письма русского путешественника», он приводит текст последнего письма из Кронштадта (впоследствии подвергнутый значительному изменению), где замечает: «„Прекрасно только то, чего нет“, — сказал Ж.-Ж. Руссо. — Ну что ж. Если это прекрасное всегда ускользает от нас, как легкая тень, попытаемся уловить его нашим воображением; устремимся в заоблачные выси сладостных химер, начертая прекрасный идеал, будем обманываться сами и обманывать тех, кто достоин быть обманутым...». (Впервые — *Spectateur du Nord*. 1797. № 10. Цит. по: *Карамзин Н. М. Сочинения*: В 2 т. Т. 2. Л., 1984. С. 99.)

Однако при цитировании афоризма Руссо исследователи и комментаторы традиционно не указывают его источник — роман «Новая Элоиза»: J.-J. Rousseau. *La Nouvelle Héloïse*. P., 1925. Т. 4. Part 5. Lettre 8. Это сделал впервые немецкий славист, авторитетный исследователь творчества Жуковского Д. Герхардт (См.: *Gerhardt D. Vergangene Gegenwartigkeiten*. Göttingen, 1966. S. 49 (Note 52)).

²³ *А когда нас покидает...* — Четверостишие из собственного стихотворения «Лалла Рук», что подтверждает вероятность его создания в самом начале февраля. См. запись от 1(13) февраля: «Написал стихи». Подробнее см.: *Жуковский В. А. Полное собр. соч. и писем*: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 595—596.

²⁴ *Перевод моих стихов.* — Комментируя эту запись, И. А. Бычков замечает: «Быть может, стихов „Явление поэзии в виде Лалла Рук“» (Дневники. С. 102), без всяких дальнейших разъяснений. Учитывая переводной характер этого стихотворения (см. примеч. 16), можно предположить, что в обществе подруги Гедвиги Штегеман Марии Клейст Жуковский вновь перевел на немецкий язык уже переведенное им стихотворение. Возможно, слово «цепочка», предшествующее данной фразе, является подтверждением вышесказанного.

²⁵ “*Maria Stuart*” — драма Ф. Шиллера.

²⁶ «*Армида*» — опера Глюка.

²⁷ “*Mädchen von Marienburg*” — драма австрийского писателя Ф. Кратера «Девушка из Мариенбурга».

²⁸ *Стихи Губланда* — по всей вероятности, позднее внесенные в альбом Жуковского (см. примеч. 57 к 1820 г.).

²⁹ «*Фернанд Кортес, или Завоевание Мексики*» — опера Г. Спонтини (1809).

³⁰ ...*полупринц*. — Видимо, имеется в виду князь Антон Радзивилл, женатый на прусской принцессе Луизе.

³¹ *Важный разговор с M-elle Wildermeth*. — Эта и последующая запись: “Le positif” связаны с хлопотами Жуковского по отысканию для А. Ф. Малиновского (по его личной просьбе) воспитательницы для его дочери. В письме к А. П. Елагиной от 14 (26) февраля 1821 г. он сообщает: «Я просил здесь M-elle Wildermeth (воспитательницу Великой княгини, прекрасную душой и характером, с которой я par parenthèse* дружен) написать в Швейцарию. Вот ответ, который она получила из Rolle от M-me Trembley; прилагаю его в оригинале. Описание M-me Danse меня пленило. Список с письма M-me Trembley посылаю на этой же почте к Малиновскому, но оригинал спешу отправить к вам» (УС. С. 30—31).

³² *Письма к Малиновскому и Дуняше*. — См. примеч. 31. Письмо к Дуняше (А. П. Елагиной) было вызвано заботой Жуковского о воспитании ее дочери Марии (М. В. Киреевской). В конце этого письма Жуковский говорил: «Для вас, милая, мало иметь только воспитательницу для Маши, вам нужно иметь и друга в ней. (...) Хотя я и желаю добра Малиновскому, но ваше счастье — мое счастье...» (УС. С. 31).

³³ “Jean de Paris” — см. примеч. 60 к 1820 г.

³⁴ “Alexanders Fest” — оратория Генделя на слова английского поэта Дж. Драйдена. Как известно, в 1812 г. Жуковский перевел это стихотворение Драйдена под названием «Пиршество Александра, или Сила гармонии». Впервые напечатано: ВЕ. 1813. № 7—9. С. 204—208.

³⁵ **16(28) среда** — Под этим числом в дневнике написано начало (стихи 1—50) перевода Жуковским «Пери и Ангел», из второй части повести Т. Мура «Лалла Рук» — “Paradis and the Peri”. Затем Жуковский ежедневно работает над переводом этого произведения. 6 (18) марта он фиксирует: «Кончил **Пери**». Впервые напечатано: СО. 1821. № 20.

³⁶ *О прежних спутниках...* — Ранняя редакция стихотворения, которое впоследствии получило заглавие «Воспоминание». Впервые напечатано: МТ. 1827. № 9. С. 3, под заглавием «К NN.». Вместе с последующим прозаическим текстом составило статью «Воспоминание», вошедшую в записную книжку «Мысли и замечания» (ПСС. Т. 11. С. 23).

³⁷ *Ваша умирающая мать...* — В рукописи статьи «Воспоминание», заменив форму местоимения «ваша» на «ея», Жуковский сделал к этим словам следующее примечание: «Королева Луиза Прусская скончалась в Стрелице. За несколько времени до кончины она получила письмо от принцессы Шарлотты (Государыни императрицы Александры Феодоровны) и была так им растрогана, что не могла его дочитать — и письмо навсегда осталось недочитанным» (ПСС. Т. 11. С. 23).

³⁸ *Воспоминание о такой матери...* — В первоначальной редакции: «После Божества самое божественное есть мать. И что может **быть** благодетельнее воспоминания о такой матери, какова была ваша; но это воспоминание есть чувство Иоанна, смотрящего на небо».

³⁹ *Шахматы*. — Далее под этим числом помещен перевод небольшого отрывка из «Орлеанской девы» Шиллера, работа над которым становится постоянной.

* между прочим (*фр.*).

- ⁴⁰ “Sampson” — оратория Генделя «Самсон».
- ⁴¹ “Le bourgu bienfaisant” — комедия Карла Гольдони. Под названием «Благодетельный грубиян» (перевод с фр. М. В. Храповицкого) шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 456).
- ⁴² “Preciosa” — драма П. А. Вольфа. Музыка К. М. Вебера. В переводе А. В. Иванова «Прециоза» шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 3. С. 300).
- ⁴³ “Cosi fan tutte” — см. примеч. 41 к 1820 г.
- ⁴⁴ «Беньовский» — историческая драма Августа Коцебу.
- ⁴⁵ ...у Шпикера. — Знакомство с немецким поэтом и переводчиком Самуэлем Генрихом Шпикером было естественным: оно связано с продолжением берлинского праздника на сюжет Лалла Рук. Шпикер писал объяснительные стихотворения к «живым картинам», которые были позднее опубликованы в альбоме “Die lebende Bilder und pantomimischen Darstellungen bei dem Festspiel: Lalla Rukh (...) nach der Natur gezeichnet von W. Hensel... Berlin, 1823”. В 1831 г. Жуковский перевел три стихотворения Шпикера: «Мечта», «Пери», «Песнь бедуинки» (см.: ЛН. Т. 91. С. 670—673; *Gerhardt D. Vergangene Gegenwärtigkeiten. Göttingen, 1966. S. 31—34*).
- ⁴⁶ У Шатобриана: о его *Истории*... — Речь идет о сочинении Шатобриана «Исторический, политический и нравственный опыт о древних и новых революциях, рассмотренных в их отношениях с нынешней французской революцией».
- ⁴⁷ “Tancredi” — опера Россини.
- ⁴⁸ “Le tailleur de S. S.” — комедия Ружемона, Мерля и Симонена «Портной С. С.».
- ⁴⁹ “Le naufrage”. — См. примеч. 12 к 1819 г.
- ⁵⁰ “Les rendez-vous bourgeois” — комическая опера Никколо Изуара на либретто Ф. Б. Гофмана. Под названием «Любовные свидания» в русском переводе с французского Я. И. Лизогуба исполнялась в России (ИРДТ. Т. 3. С. 271).
- ⁵¹ «Весталка» — опера Г. Спонтини.
- ⁵² *Доканчивал Иоанну*. — В дневнике 1821 г. находится черновая рукопись 4-го и 5-го действий перевода «Орлеанской девы» Шиллера (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 4в). Началу черновика предшествует запись от 10 (22) марта 1821 г.; первая дневниковая запись после конца черновика — от 23 (4) марта. Кроме того, сохранилась и отдельная беловая рукопись этой части перевода. Она тоже датирована поэтом: Берлин, 3 апреля 1821 г.: «Переписывал *Иоанну*». Подробнее об этом см.: Лебедева. С. 69—93.
- ⁵³ «Орфей» — опера Глюка «Орфей и Эвридика».
- ⁵⁴ “Paul et Virginie” — балет на музыку К. Крейцера по мотивам одноименного романа Сен-Пьера де Бернарденна.
- ⁵⁵ “Jungfrau”. — Речь идет о театральной постановке «Орлеанской девы» Шиллера с Августой Штих в главной роли.
- ⁵⁶ “Iphigenie in Aulis” — опера Глюка «Ифигения в Авлиде».
- ⁵⁷ “Le ci-devant jeune homme”. — См. примеч. 99 к 1820 г.
- ⁵⁸ “Le dîner de Madelon” — комедия французского драматурга М.-А. Дезожье «Ужин Мадлон».
- ⁵⁹ Tod Jesu — кантата немецкого композитора К. Г. Грауна «Смерть Иисуса» на слова К. В. Рамлера. В 1818 г. текст Рамлера перевел Жуковский (ПСС. Т. 2. С. 134—137).

⁶⁰ ...принялся было читать Fichte "Die Bestimmung des Menschen". — О знакомстве Жуковского с сочинением немецкого философа И. Г. Фихте «Назначение человека» известно немного. В дневниковых записях от 4 (16) и 11 (23) апреля лишь констатируется факт чтения, и то в последней записи сообщается: «Возвратясь, начал читать Фихте — и заснул над книгою; но не от скуки». Отсутствие в библиотеке поэта этого сочинения Фихте не позволяет конкретизировать характер чтения (подробнее о месте и значении этого сочинения в творческой биографии Жуковского см.: Загарин. С. 274—296). Но зато на основании помет Жуковского в другом сочинении Фихте «Наставление к блаженной жизни, или Религиозное учение» (Die Anweisung zum seeligen Leben, oder auch die Religionslehre) можно говорить о глубоком интересе русского поэта к наследию Фихте. Показательно, что эта книга была подарена Жуковскому его постоянным берлинским собеседником К. В. Гуфеландом со следующей дарственной надписью: "Seinem Freunde Jukowskj. D. Hufeland. Berlin. 8 May 1828". В этот же день Гуфеланд внес в альбом Жуковского свою запись о «трех L» (см. примеч. 57 к 1820 г.), которая перекликается с сочинением Фихте. О чтении этого сочинения Фихте см.: БЖ. Ч. 2. С. 196—201.

⁶¹ ...был у Шуваловой. — Графиня Е. П. Шувалова, фрейлина великой княгини Александры Федоровны, — адресат нескольких шуточных посланий Жуковского. Так, послание, датированное 20 мая 1820 г., заканчивалось словами: «Для добрых жизнь очарованье — / Кому ж и жить, когда не вам!» (ПСС. Т. 3. С. 33). Последующая запись: «мы разговаривали о Шлифене» связана с ее предстоящим бракосочетанием с адъютантом принца прусского Вильгельма — Карлом Шлифеном (Шлиффеном).

⁶² ...Яков занемог... — Имеется в виду многолетний слуга Жуковского Яков Шкаров, персонаж знаменитой эпиграммы А. С. Пушкина «За ужином объелся я, / А Яков запер дверь оплошно...», сюжет которой восходит к устному рассказу Жуковского (см.: Бартенев П. И. Пушкин в южной России. М., 1914. С. 101).

⁶³ Нимейер — Имя немецкого богослова и педагога, которого Александр Тургенев называл «знаменитым галльским педагогом (...) автором истории воспитания» (Тургенев. С. 169), было известно Жуковскому еще в 1806 г. (ПЖТ. С. 20). В библиотеке поэта сохранились многочисленные педагогические сочинения Августа Германа Нимейера с пометами и записями владельца. Так, в двух первых томах "Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrern und Schulmänner. Halle, 1810. Th. 1—3" («Основы воспитания и образования для родителей, домашних учителей и школьных работников») содержится более 20 записей (Описание. № 1750—1752).

⁶⁴ Grund-Ich — das Göttliche in dem Menschen! — всё это рассуждение непосредственно перекликается с основными мыслями сочинения Фихте «Назначение человека» (см. примеч. 60). Само понятие "gründlich", основополагающее для Фихте, как и опорные понятия, которые использует Жуковский: «сущность души человеческой», «масштаб всех возможных модификаций нашего бытия», свидетельствуют об активном усвоении русским читателем основ «наукоучения» немецкого философа.

⁶⁵ ...герцога Иоахима. — Бранденбургский курфюрст Иоахим II, для которого в 1542 г. был построен замок в Гриневальде.

⁶⁶ ...*длинно-скучная пьеса Ифландова "Die Hagestolzen"*. — Речь идет о драме немецкого актера и драматурга Августа Вильгельма Ифланда (Иффланда) «Старые холостяки».

⁶⁷ ...*перевод своих стихов на этот день!* — 17 апреля — день рождения великого князя Александра Николаевича, воспитанника Жуковского. В 1818 г. поэт написал стихотворное послание «Государыне великой княгине Александре Феодоровне. На рождение великого князя Александра Николаевича», которое было напечатано в Москве отдельным изданием. Для брата Александры Федоровны кронпринца Фридриха, будущего императора Фридриха Вильгельма IV, Жуковский сделал перевод этого произведения на немецкий язык. О дружеских отношениях кронпринца и Жуковского в это время см.: *Фомин А. А. Поэт и король, или История одной дружбы* // РБ. С. 139—140.

⁶⁸ ...*день Паретца*. — Имеется в виду распорядок жизни короля Фридриха Вильгельма III в небольшом замке Паретц (Paretz), вблизи Потсдама, где он проводил весенние дни.

⁶⁹ *Ländler-Walzer u God save the king*. — Речь идет об исполнении немецкого народного танца и английского гимна.

⁷⁰ "Les précieuses ridicules" — комедия Мольера «Смешные жеманницы».

⁷¹ "Le singe voleur" — опера-буффа, водевиль в 1 действии М.-А. Дезожье и Ж.-Т. Мерля «Обезьяна-воровка». Под названием «Обезьяна-воровка, или Жертва злобы и ослепления» в переводе с французского Р. М. Зотова шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 3. С. 287). Музыка из оперы Дж. Россини «Сорока-воровка».

⁷² "Les fureurs de l'amour". — Вероятно, речь идет об известной комедии Ж.-Ф. Реньяра "Les folies amoureuses" («Любовные безумства»), название которой Жуковский приводит неточно.

⁷³ ...*в репетицию «Олимпии»*. — Опера Г. Спонтини.

⁷⁴ «Дон Карлос». — Драма Шиллера, фрагмент из которой Жуковский перевел в 1815—1817 гг. Об этом см.: Лебедева. С. 57—61.

⁷⁵ *Рисунки Фауста*. — Речь идет о рисунках принцессы Элизы Радзивилл к трагедии Гёте «Фауст».

⁷⁶ *Les plâtres d'Elgin*. — Речь идет о собрании мраморных статуй (гипсов) и других произведений античной скульптуры, приобретенном английским дипломатом и любителем искусств графом Томасом Элгином. Впоследствии это собрание было куплено у него для Британского музея. Гипсовые слепки с них имелись в коллекциях Берлина и Дрездена.

⁷⁷ ...*чтение М-е Hohenhausen; перевод Байрона* — Речь идет о переводе поэмы Байрона «Корсар», сделанном Элизой фон Гогенхаузен и вышедшем в свет в 1819 г. Этот перевод имеется в библиотеке Жуковского (Описание. № 761).

⁷⁸ *Вечер у Радзивилла*. "Faust". — На вечере у князя Антона Радзивилла исполнялась сочиненная им музыка к сценам из «Фауста» Гёте. Фамилию князя и членов его семейства Жуковский пишет по-разному: и с двумя «л», и с одним.

⁷⁹ *В театре "Figaros Hochzeit"*. — Опера Моцарта «Свадьба Фигаро».

⁸⁰ *Белая книга*. — О символическом значении этого образа и его источниках см. примеч. 43 к 1819 г. Жуковский неоднократно в течение жизни заводил «белые книги»:

для поэмы «Владимир», для писем-дневников 1814 г. и т. д. Может быть, такой «белой книгой» в 1821 г. должна была стать специальная тетрадь для писем-отчетов к великой княгине Александре Федоровне, во всяком случае они создаются именно в это время, в связи с отъездом в Дрезден и путешествием по Саксонской Швейцарии.

⁸¹ *Фридриховы сочинения с замечаниями Вольтера*. — Имеются в виду сочинения прусского короля Фридриха II, при дворе которого с 1750 по 1753 г. жил Вольтер. Позднее П. В. Анненков при посещении кабинета Фридриха II в Потсдаме писал: «В этой творческой комнате сохранены черты лица Фридриха, в стенах ее шкафы с книгами и собственными сочинениями хозяина: одно из них развернуто, и в стихотворении, где сказано: *chiche des mots**, рука Вольтера зачеркнула эти слова и на полях написала: *des mots avares***» — Анненков. С. 261.

⁸² «*Barbier de Séville*» — опера итальянского композитора Дж. Паизиелло на сюжет комедии Бомарше «Севильский цирюльник».

⁸³ **2 июня**. — В дальнейшем записи датируются по новому стилю.

⁸⁴ *Прискорбная глупость*. — Как видно из письма Жуковского к великой княгине Александре Федоровне от 14 (26) — 17 (29) июня 1821 г., «прискорбная глупость» заключалась в том, что Жуковский, присутствующий в театре на представлении оперы Спонтини «Олимпия», пошел, согласно уговору с кронпринцем, искать его в театре, но разошелся с ним (РС. 1901. № 10. С. 225—226).

⁸⁵ *Перед самым отъездом крест*. — Речь идет о кресте Красного Орла, пожалованном Жуковскому прусским королем (РС. 1901. № 10. С. 223).

⁸⁶ *Правило*. — Эта лаконичная запись распространена в письмах-дневниках, обращенных к великой княгине. Из их контекста, воспроизводящего «вечер в Дрездене», очевидно, что это правило следующее: «Путешествие учит пользоваться настоящей минутой».

⁸⁷ *Linkische Bad* — увеселительное место, где по вечерам собирались жители Дрездена.

⁸⁸ *Путешествие от Берлина до Дрездена*. — Дневниковых записей Жуковского за время с 22 мая (3 июня) по 13 (25) июля 1821 г., то есть до начала швейцарского путешествия, в бумагах поэта не обнаружено. Пробел в определенной степени восполняется письмами Жуковского к великой княгине за указанный период. Эти письма по праву можно считать письмами-дневниками, так как подробностью и документальностью описаний они превосходят собственно дневники. Во-вторых, сравнение дневниковой записи от 2 июня с аналогичным фрагментом письма из Дрездена от 4 июня показывает, что письма — это расширенный, художественно обработанный текст дневника. Не случайно сам Жуковский рассматривал свои письма к великой княгине как отчеты о путешествии. Наконец, прижизненная публикация фрагментов писем (подробнее см. статью «Дневники В. А. Жуковского как литературный памятник» в наст. изд.) доказывает установку Жуковского на общественный смысл этих материалов, их глубокую связь с романтической эстетикой. Сам же характер публикаций, особенно в «Московском телеграфе», в соотношении с «Письмами из Дрездена» Э. А. («Эоловой арфы», т. е. А. И. Тургенева), актуализирует жанр письма-хроники, письма-

* скудные слова (*фр.*).

** слова скупые (*фр.*).

дневника. В этом отношении их включение в текст дневников Жуковского представляется естественным. Заголовки, которые Жуковский давал эпистолярным материалам, их точная датировка вполне соотносятся с дневниковым контекстом путешествий (ср.: «Путешествие в Италию», «Путешествие по России»).

Текст писем к великой княгине печатается по наиболее полной публикации: РС. 1901. № 10. С. 220—240; № 11. С. 389—401; 1902. № 5. С. 337—358. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 76. Л. 1—27.

⁸⁹ В *Виттенберге*... — Ровно через 4 года, в июле 1825 г., по этому же самому маршруту проезжал друг Жуковского — Александр Тургенев. Вот как он описал в «Дневнике» свое посещение Виттенберга: «Виттенберг — некогда первый центральный пункт немецкого просвещения. (...) Портрет Лютера Луки Кранаха. С него и памятник на площади. Отсюда воссиял свет — и отсюда свобода Сев(ерной) Америки!» (Тургенев. С. 283). Виттенберг для русских всегда был связан с именем Лютера. «Знаменитым местом пребывания Лютера» называл его П. В. Анненков (Анненков. С. 267). Действительно, именно в Виттенберге Лютер провел почти всю свою жизнь; здесь он в 1522 г. в течение восьми дней выступал с проповедями против католицизма. В Виттенбергском университете он с 1507 г. занимал церковную кафедру.

Учение Лютера вызывало самый пристальный интерес Жуковского, о чем свидетельствуют многочисленные сочинения немецкого реформатора в его библиотеке и с его пометами (Описание. Указ. имен).

⁹⁰ «Поклонение Волхвов Христу»... — В настоящее время картина А. Дюрера находится во Флоренции в галерее Уффици.

⁹¹ ...немецкая школа... — Высокое мнение о характере немецкой живописи, об особом ее колорите Жуковский будет развивать и позднее. В письме к великой княгине Марии Николаевне в 1838 г. он заметит: «По моему мнению, живопись в Германии идет своею дорогою вперед, и идет широкими шагами» (РА. 1885. № 3. С. 335). В коллекции рисунков из собрания Жуковского художники немецкой школы представлены наиболее полно (РБ. С. 172—175). См. также: *Либман М. Я.* Жуковский и немецкие художники // *Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры.* М., 1980. С. 297—313.

⁹² ...прекрасный Дрезденский мост... — Эта достопримечательность города вызывала всегда восторг русских путешественников. Еще в 1789 г. Н. М. Карамзин заметил: «С час стоял я на мосту, соединяющем так называемый Новый город с Дрезденом, и не мог насытиться рассматриванием приятной картины, которую образуют обе части города и прекрасные берега Эльбы» (Карамзин. С. 51—52). Ему вторит А. И. Тургенев: «Взор не мог насытиться. (...) В виду мост на Эльбе, где государь восстановил упавший памятник креста — и водрузил его снова, над видами живописной Эльбы» (Тургенев. С. 285). Наконец, уже в начале 1840-х гг. П. В. Анненков писал: «Эльба разделяет столицу Саксонии на новый и старый Дрезден, и величественный каменный мост, соединяющий оба берега, конечно, принадлежит к чудесам новейшего искусства. Огромные быки, на которых он стоит, придают ему вид циклопической застройки, а взятый в целости, он поражает гармонией и стройностью частей» (Анненков. С. 267).

⁹³ ...по террасе Брюлевой... — Одна из самых любимых дрезденских достопримечательностей Жуковского, место его занятий рисованием. Так же, как и Дрезденский мост, вид которого открывался отсюда, Брюлева терраса — объект восторженных описаний русских путешественников. Названа по имени своего создателя графа Генриха фон Брюля.

⁹⁴ ...рад я был найти О***. — Как явствует из основного текста дневника (см. запись от 2 июня), речь идет о Василии Дмитриевиче Олсуфьеве, обер-гофмейстере русского императорского двора. Возможно, о нем же говорит В. К. Кюхельбекер в письме из Дрездена от 22 октября (3 ноября) 1820 г.: «...познакомился с молодым человеком, которого полюбил с первых двух свиданий: его имя О..., он был в военной службе и теперь находится в Дрездене для своей матери, коей здоровье несколько расстроено» (Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 15).

⁹⁵ ...памятник Моро. — Памятник известному французскому генералу Жану-Виктору Моро, который, находясь в конфликте с Наполеоном, с 1804 по 1813 г. жил в Америке. В 1813 г. по приглашению Александра I возвратился в Европу и был его советником при штабе войск антинаполеоновской коалиции. Тяжело раненный в битве под Дрезденом, он умер 20 августа 1813 г.

⁹⁶ ...друзья мои... — Данный фрагмент письма — выдержка из послания, обращенного к племянницам — М. А. Мойер и А. А. Воейковой, урожденным Протасовым. В рукописи письма читаем: «...друзья мои, Саша и Маша». Уже в прижизненной публикации (МТ. 1827. № 6. С. 114—124) этот фрагмент был присоединен к тексту письма великой княгине Александре Федоровне.

⁹⁷ ...добрый гений, воспоминание... — Выделенное курсивом слово-понятие «воспоминание» — один из самых устойчивых образов поэзии Жуковского. В четверостишии, надписи «К своему портрету» он определил это афористически: «Воспоминание и я — одно и то же» (ПСС. Т. 4. С. 26; см. также примеч. 36). Столь же значим для романтической лирики Жуковского и образ «гения»: «благодатный гений», «мимопролетевший знакомый гений» и т. д. В контексте всей записи соединение двух устойчивых мотивов лирики Жуковского — указание на стихотворное посвящение к первой части «Фауста», которое Жуковский в вольном переводе предположил повести «Двенадцать спящих дев». Ср.: «Опять ты здесь, мой *благодатный гений* (...) Дай сладкого вкусить *воспоминанья*» (ПСС. Т. 1. С. 71; курсив мой. — А. Я.). См. также примеч. 99. ♠

⁹⁸ ...белёвский вид... — Все последующие топонимические реалии: «Ока», «Темрянь», «Дураковская церковь», «Жебынская пустынь» и т. д. воссоздают картину малой родины Жуковского — окрестностей маленького городка Белёва Тульской губернии. «Отрок Белёва», как называл Жуковского П. А. Вяземский, навсегда сохранил память об этих местах. Сохранилось огромное количество его рисунков и офортов Белёва и окрестностей, иллюстрирующих эту дневниковую запись. См.: Милонов Н. А. Тульский край в рисунках В. А. Жуковского. Тула, 1982.

⁹⁹ И много милых теней встало... — Эта цитата из посвящения к первой части «Фауста» Гёте в переводе Жуковского (у Гёте: «...Und manche liebe Schatten steigen auf») неоднократно возникает в творческом наследии русского поэта. Уже в стихотворном посвящении к балладе «Двенадцать спящих дев», свободно перелагая Гёте,

Жуковский, обращаясь к своей Музе, говорит: «Ты образы веселых лет примчала / И много милых теней восстает...» (ПСС. Т. 1. С. 71). О многочисленных употреблении Жуковским этой цитаты в письмах (то в переводе, то в подлиннике, по-немецки, с незначительными вариантами в тексте) см.: Веселовский. С. 265 (примеч. 3).

¹⁰⁰ *Путешествие по Саксонской Швейцарии*. — Впервые опубликовано: ПЗ на 1824. С. 332—342.

¹⁰¹ *...прелесть природы — в ее невыразимости*. — Весь фрагмент, посвященный описанию утеса Bastei, по праву является прозаическим постскриптумом к «Невыразимому» Жуковского. Об этом см.: Фридендер Г. М. Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского // Ж. и русская культура. С. 19—21.

¹⁰² *...тираны окрестностей, как говорит Делиль...* — Источник этой цитаты не обнаружен.

¹⁰³ *«Прощание Бонапарте с Францией»* — Народная песня, исполняемая в Саксонских Альпах.

¹⁰⁴ *...чудесный туман...* — Образ тумана становится устойчивым в немецких пейзажах Жуковского. Опираясь на живописные впечатления от картин К. Д. Фридриха, Жуковский создает в «Путешествии по Саксонской Швейцарии» мирообраз «туманной Германии», во многом определивший пушкинскую характеристику Владимира Ленского в «Евгении Онегине». Подробнее об этом см.: Лебедева О. Б., Янушкевич А. С. Германия в зеркале русской словесной культуры XIX — начала XX века. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2000. С. 57—73.

¹⁰⁵ *...Я должен еще дать отчет в остальной дрезденской жизни моей*. — Данный фрагмент из письма к великой княгине от 23 (5) июня 1821 г. в первые в извлечении: МТ. 1827. № 1. С. 20—32, под заглавием: «Отрывок из письма о Саксонии». С разночтениями: С 7. Т. 5. С. 458—465; РС. 1901. № 11. С. 389—401. Печатается по тексту РС.

¹⁰⁶ *...о живописце Фридрихе...* — Немецкий художник-романтик Каспар Давид Фридрих занимает особое место в эстетическом мире Жуковского. В его живописи он видел «символ человеческой жизни», а самого Фридриха называл «поэтом-живописцем». По точному замечанию исследователя, «можно с одинаковой справедливостью назвать Фридриха — Жуковским живописи, или Жуковского — Фридрихом поэзии, так сходны были характеры, таланты их обоих» (Соловьев Н. В. Поэт-художник Василий Андреевич Жуковский // РБ. С. 55). Живопись Фридриха сопровождала русского поэта всю жизнь. См. примеч. 7 к 1820 г.

¹⁰⁷ *...и Штернвальде Тике*. — Роман немецкого писателя Людвиг Тика «Странствия Франца Штернвальда» (Franz Sternbalds Wanderungen, 1798) становится для Жуковского визитной карточкой писателя, а герой произведения — художник Франц Штернвальд сливается в его сознании с образом своего создателя. Экземпляр романа Тика с авторской правкой и надписью: «Geschenkt von dem Autor. Dresden den 12. Juni 1821», сохранившийся в библиотеке Жуковского, — свидетельство особого отношения русского поэта к этому роману. См.: Тик Л. Странствия Франца Штернвальда. М., 1987. С. 341—346.

¹⁰⁸ *...точно судит и о чужих картинах...* — Эстетическое чутье Фридриха, критический вкус подтверждаются его размышлениями о живописи. Опубликованные

«Высказывания при осмотре собрания картин художников...» вполне соответствуют этому и свидетельствуют о проницательности Жуковского (см.: Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С. 505—523).

¹⁰⁹ *Эта картина только начата...* — Жуковский описывает картину “Mondaufgang am Meer”, которую Фридрих вскоре закончил. Находится в собрании Государственного Эрмитажа. См.: *Geismeyer Willi. Caspar David Friedrich. Leipzig, 1973. № 67* («Восход луны на море», 1821).

¹¹⁰ *...вдохновение ~ часто приходит в нему во сне.* — Восприятие живописи Фридриха как органической части его снов и фантазий, как своеобразной формы визионерства было свойственно его современникам. А. И. Тургенев, посетивший мастерскую художника в 1825 г., замечал: «Можно мечтать над его произведениями, но ясно понимать их нельзя, ибо в его душе они не ясны. Это мечтания-сон, видения во сне и в ночи» (Тургенев. С. 287). Для Жуковского эта романтическая концепция вдохновения-видения неразрывно связана с немецкой эстетикой, в частности с «Фантазиями об искусстве» В. Г. Ваккенродера. Статья «Рафаэлева Мадонна» — дальнейшее развитие этих идей.

¹¹¹ *...«Гамлет» кажется мне чудовищем...* — Восприятие Жуковским наследия Шекспира — предмет специального исследования. Еще в 1802 г. обозначился интерес поэта к «Макбету», в связи с работой над переводом трагедии Андреем Тургеневым (Письма Андрея Тургенева. С. 407). К этому же времени относится их спор о «фантастических сценах» в «Макбете» (см.: Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 83—85). В «Конспекте по истории литературы и критики» (1805—1811) Жуковский вновь рассуждает о шекспировской трагедии (Эстетика и критика. С. 102—104). В планах и замыслах переводов Жуковского нередко возникает упоминание трагедий «Отелло», «Ромео и Джульетта». Он высоко ценит исторические хроники Шекспира (см. записную книжку «Мысли и замечания» в наст. изд.). В этом ряду неприятие «Гамлета» заслуживает самого пристального внимания.

¹¹² *...Тик и Шлегель думали...* — Имеются в виду «Письма о Шекспире» Л. Тика и характеристики шекспировского Гамлета в таких сочинениях Фридриха Шлегеля, как «Об изучении греческой поэзии», «История древней и новой литературы». Так, суждение Ф. Шлегеля: «Вероятно, нет более совершенного изображения безысходной дисгармонии, составляющей подлинный предмет философской трагедии, чем то безграничное несоответствие мыслящей и деятельной способности, какое предстает нам в характере Гамлета» (*Шлегель Фридрих. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М., 1983. С. 112*) вполне перекликается с последующими словами Жуковского: «они видят в ней в ее разительных странностях всю жизнь человеческую с ее непонятными загадками».

¹¹³ *Тик переводит Шекспира...* — К этому времени классическими немецкими переводами Шекспира считались переводы Августа Шлегеля. Он, в частности, перевел и «Гамлета». Тик работал над переводом драм предшественников Шекспира, составивших два тома под названием «Приготовительная школа к Шекспиру» (1823—1829). Подробнее об отношении Тика к творчеству Шекспира см.: *Зусман В. Г. Тик и Шекспир: Из истории восприятия Шекспира немецкими романтиками. М., 1987. Вместе с А. Шлегелем он переводит почти всё творческое наследие Шекспира.*

¹¹⁴ *Тик, немецкий П.* ... — Здесь и далее речь идет о А. А. Плещееве, арзамасце, друге Жуковского, отличавшемся особым даром лицедейства. Еще в 1811 г. в письме к П. А. Вяземскому Жуковский говорил: «Плещеев имеет особенный талант, чрезвычайно приятный. Я еще никого не слышал читающего с таким искусством, особливо театральные пьесы...» (Арзамас-2. Кн. 1. С. 173). Об этом даре Плещеева свидетельствуют и другие мемуаристы. Так, Ф. Ф. Вигель замечал: «...Александр Алексеевич Плещеев пленил его необыкновенным искусством подражать голосу, приемам и походке знакомых людей» (Там же. С. 91).

¹¹⁵ *...наш смуглый декламатор.* — У А. А. Плещеева было очень смуглое лицо и черные волосы, за что в «Арзамасе» получил прозвище «Черный Вран» (см.: Арзамас-2. Кн. 1. С. 92). Жуковский называл его шутливо «негр» (РА. 1900. № 9. С. 20). Любопытно, что имя Плещеева называлось Чернь.

¹¹⁶ *...Шекспинову комедию "Was Ihr wollt"...* — Комедия Шекспира «Как вам это понравится» в переводе Августа Шлегеля.

¹¹⁷ Менгсовы слепки. — Речь идет о знаменитой коллекции слепков с античных статуй, с сохранением их размеров, немецкого художника и историка искусств Антона Рафаэля Менгса. По словам П. В. Анненкова, «это драгоценность для художников или для занимающихся историей искусства. Всё, что разбросано по дворцам и виллам Италии, здесь собрано в одно и может дать вам полную идею о состоянии и процветании искусства в древнем мире» (Анненков. С. 270).

¹¹⁸ *Die grüne Gewölbe* — «Зеленая кладовая», как называл это собрание драгоценных камней еще Н. М. Карамзин (Карамзин. С. 55), — одна из важнейших дрезденских достопримечательностей. Вот как характеризовал «так называемый Зеленый свод» П. В. Анненков: «...с драгоценностями во всех возможных родах; бронзовые статуэтки с великих произведений древности бесподобной работы, произведения из слоновой кости, кубки, статуэтки, «Падение ангелов» 85 фигур, выполненные из целого куска, голландский фрегат (...) мозаика, эмали, литерные вещи, вырезанные на жемчуге (...) зала посуды, золотой, серебряной, яшмовой, холцедонной и проч. и проч...» (Анненков. С. 270).

¹¹⁹ *...для обозрения картинной галереи...* — Дрезденская галерея — место паломничества всех русских путешественников начиная с Карамзина. Само сравнение картин, принципы их эстетической оценки — любопытный материал для исследования истории русской художественной критики. Достаточно в этом отношении сравнить суждения о Дрезденской галерее Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева, В. К. Кюхельбекера, П. В. Анненкова, которые представили свой индивидуальный путеводитель по галерее. В этом ряду имя В. А. Жуковского занимает особое место.

¹²⁰ *Здесь одно искусство без души!* — Этот принцип — критерий эстетической оценки произведения искусства для Жуковского. Начиная со статьи «О нравственной пользе поэзии» (ВЕ. 1809. № 3. С. 161—172), восходящей к одноименной статье немецкого моралиста И. Я. Энгеля, Жуковский настойчиво подчеркивал связь прекрасного с нравственным. Важнейшее для романтической эстетики понятие «душа» обретает в его творчестве начала 1820-х гг. особое значение духовного общения: «посол души, внимаемый душой», «душа распространяется» и т. д. Далеко не случайно этот принцип формулируется в контексте оценок К. Д. Фридриха, для которого живопись —

это «излияние чистой, взволнованной души» (Эстетика немецкого романтизма. М., 1987. С. 510).

¹²¹ **Рафаэлева Мадонна.** — Впервые письмо Жуковского к великой княгине Александре Федоровне под заглавием «Рафаэлева Мадонна» и с подзаголовком «Из письма о Дрезденской галерее» было напечатано в ПЗ на 1824 год» (С. 422—426), а затем перешло в собрания сочинений поэта без изменений. Текст печатается по первой публикации.

¹²² ...портрет сатирического поэта Аретина... — Речь идет о портрете итальянского поэта и публициста Пьетро Аретина, друга Тициана.

¹²³ ...это не картина, а видение... — Здесь Жуковский опирается на ваккенродеровскую легенду о Рафаэле, вариант романтического мифа о художнике, творящем по божественному наитию. Интересно, что Кюхельбекер, опубликовавший в 1824 г. свое письмо о посещении в ноябре 1820 г. Дрезденской галереи и впечатлении от Сикстинской мадонны (Мнемозина. 1824. Ч. 1. С. 61—110), сделал следующее примечание: «Прекрасно описано у Тика (Phantasien) явление во сне Божией матери Рафаэлю...».

В библиотеке Жуковского имеется русский перевод сочинения Ваккенродера «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком». М., 1826 (Описание. № 34).

¹²⁴ ...в Миллеровом эстампе. — Имеется в виду гравюра с картины Рафаэля немецкого гравера и художника Иоганна Фридриха Вильгельма Мюллера (Миллера). Показательно, что, оценивая статью Жуковского, П. А. Вяземский сравнил ее именно с гравюрой Мюллера: «Нет сомнения, что список, хотя не буквальный, передает творение Рафаэля вернее эстампа Миллерова» (Вяземский. Т. 1. С. 260—261).

¹²⁵ Гений чистой красоты... — Один из излюбленных поэтических образов Жуковского, впервые появившийся в стихотворении «Лалла Рук» и использованный Пушкиным в стихотворении «Я помню чудное мгновенье...».

¹²⁶ ...В нашем небе зажигает / Он прощальную звезду. — Автоцитата из стихотворения «Лалла Рук», написанного раньше, в январе 1821 г. История создания этого стихотворения, «la philosophie de Lalla Rookh» (см. примеч. 23) неразрывно связана с отношением Жуковского к великой княгине Александре Федоровне, адресату письма о «Рафаэлевой Мадонне».

¹²⁷ ...занавес раздёрнулся... — Романтический образ покрывала, занавеса, скрывающего от глаз художника тайны бытия и приоткрывающегося только в минуты прозрения, — один из наиболее устойчивых в творчестве Жуковского 1820-х гг. Его поэтическое воплощение можно найти в таких произведениях Жуковского, как «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской», «Лалла Рук», «Привидение», «Таинственный посетитель» и др.

¹²⁸ ...Бедный Миллер! — Жуковский здесь опирается на действительный факт душевной болезни И. Ф. В. Мюллера (см. примеч. 124), явившейся следствием напряженной его работы над копией «Сикстинской мадонны». Стремясь достигнуть полного совершенства, художник занимался ею до конца жизни, что и подорвало его силы.

¹²⁹ ... Из Дрездена ~ поехал я в Карлсбад... — Отрывок из письма к великой княгине Александре Федоровне от 14 октября 1821 г. из Штутгарта. Публикуется по РС. 1902. № 5. С. 338.

¹⁵⁰ ... *памятником Валленштейна*... — Достопримечательности, связанные с именем известного немецкого полководца эпохи Тридцатилетней войны Альбрехта Валленштейна, убитого именно в Эгере в ночь с 25 на 26 февраля 1634 г., не случайно интересовали Жуковского. Для него Валленштейн прежде всего литературный герой, персонаж драматической трилогии Ф. Шиллера («Лагерь Валленштейна», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна»). К 1820 г. предположительно относится его перевод двух первых и начало третьего явлений трагедии «Смерть Валленштейна», набросок нескольких стихов из «Пикколомини», а к началу 1830-х гг. — фрагмент из «Лагеря Валленштейна». Подробнее об этом см.: Лебедева. С. 182—184, 191.

¹⁵¹ ... *познакомиться с J. Paul*... — Интерес к личности и наследию немецкого писателя и эстетика Жан Поля (Ж. П. Ф. Рихтер) обозначился у Жуковского еще до начала путешествия, о чем свидетельствует чтение его произведений и выписки из «Приготовительной школы эстетики» (БЖ. Ч. 2. С. 181—188, 213—214). В альбоме Жуковского, наряду с автографами Л. Тика, Х. Гуфеланда, есть и автограф Жан Поля, к которому приложены аютины глазки с его могилы и его локон, завернутый в бумажку с надписью: “Eine Locke Jean-Paul’s, statt einer früher verlorenen 1834 von seiner Tochter Emma empfangen”* (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 228. Л. 33—33 об.). Показательно, что такой же локон хранится в музее Жан Поля в Байрейте (см.: Jean-Paul Museum der Stadt Bayreuth. Katalog der ständigen Ausstellung. 3. Aufl. Bayreuth, 1991).

Впечатление Жуковского от этой краткой встречи оказалось настолько прочным, что поэт не забыл деталей бытового образа Жан Поля и более чем через 20 лет. В октябре 1844 г. он рассказывал об этом посещении немецкого писателя И. Е. Бецкому, который проездом был во Франкфурте, следующее: «Я нарочно заезжал в 1820 году в Байрейт, чтобы видеть немецкую знаменитость (...) После первого знакомства я просил его, чтобы он показал мне комнату, где он занимается (...) страшный беспорядок... на столе навалены книги и бумаги, от стола проведена была маленькая лестница в большую клетку любимых им канареек. (...) На полу лежал большой пудель и толстый кот; подле стола стояли полки с ящиками, по которым были разложены кучи заметок. (...) Я изъявил желание видеть, как именно он занимается, как читает. Немец мой схватил обеими руками белого пуделя, уложил друга на одном конце дивана и улегся сам, положив голову на послушное животное, и начал читать вслух...» (Москвитянин. 1845. Ч. 3. С. 242—243).

С именем Жан Поля связан и тот анекдот, который Жуковский, по свидетельству мемуаристки, очень любил и часто рассказывал, сопровождая примечанием: «Ведь это историческое происшествие» (см.: Смирнова-Россет. С. 57, 454).

¹⁵² *Швейцария*. — Текст швейцарского дневника печатается по: Дневники. С. 121—157, с уточнениями по автографу: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 4д (1). Л. 1—31; 4д (2). Л. 55 об.—65 об. Вкрапления из писем-дневников специально оговариваются в примечаниях. Подробнее о швейцарских впечатлениях Жуковского см.: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 137—143.

* Локон Жан-Поля, полученный в 1834 г. от его дочери Эммы вместо ранее потерянного (нем.).

¹³³ ...*вселенского Констанцского собора*... — Речь идет о проходившем в швейцарском городке Констанца в 1415 г. съезде высшего духовенства католической церкви, на котором был осужден и приговорен к сожжению национальный герой чешского народа, идеолог чешской Реформации Ян Гус.

¹³⁴ *Я приехал ночью в Мерзбург ~ видел удивительную картину заходящего солнца.* — Данный фрагмент из письма от 2 (14) октября 1821 г. к великой княгине Александре Федоровне непосредственно примыкает к дневниковой записи от 25—26 июля и является комментарием к ней. Впервые опубликовано: ПЗ на 1825 г. С. 557.

¹³⁵ *У Эбеля.* — Личность швейцарского врача и географа Иоганна Готфрида Эбеля занимает особое место в швейцарских впечатлениях Жуковского. Составитель путеводителя для туристов (*Manuel du voyageur en Suisse* (...) Par J. G. Ebel. Zürich, 1810—1811. Т. 1—4), хранящегося в библиотеке поэта (Описание. № 957), по словам Жуковского, «оракул всех посещающих Швейцарию», помог Жуковскому разработать маршрут путешествия, был его собеседником.

¹³⁶ *Мейер* — Неоднократное упоминание в швейцарском дневнике имени «старого Мейера» (живописца и историка искусств Иоганна Генриха Мейера) не случайно. По словам исследователя русско-швейцарских литературных связей, «несомненен интерес Жуковского к швейцарской живописи» (*Данилевский Р. Ю.* Указ. соч. С. 139).

¹³⁷ *Корсаков*... — Вероятно, Жуковский вспомнил генерала А. М. Римского-Корсакова, который командовал в 1799 г. русской армией в Швейцарии, а 13 (25) сентября генерал Массена нанес ему поражение под Цюрихом.

¹³⁸ ...*описание М-е Genlis*... — Имеется в виду отрывок из “Les Souvenirs de Félicie L...” французской писательницы Стефани Жанлис: “De Zug, ce dimanche”. Известен под заглавием «Кладбище в Цуге, горном кантоне» в переводе Н. М. Карамзина. См.: XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991. С. 274, № 265.

¹³⁹ ...*дорога в Моргартен.* — Историческая достопримечательность; при Моргартене 16 ноября 1315 г. швейцарцы одержали победу над герцогом Леопольдом Австрийским.

^{139a} ...*14 ключей*... — В источнике у часовни Богоматери.

¹⁴⁰ ...*с изображением Телля.* — Внимание к местам, связанным с именем Вильгельма Телля, имело связь с предшествующим творчеством Жуковского. Еще в начале 1800-х гг. он переводит роман Флориана «Вильгельм Тель» (об этом см.: *Разумова Н. Е.* Первые переводы из Флориана («Вильгельм Тель», «Розальба» в творчестве В. А. Жуковского 1800-х годов // ПМиЖ. Вып. 13. С. 39—55). Не прошла мимо его внимания и одноименная драма Ф. Шиллера.

¹⁴¹ *Чёртов мост*... — Знаменитый Чертов мост, описанный в “Berglied” («Горной песне») Шиллера, которую под названием «Горная дорога» в 1818 г. перевел Жуковский. Столь же значимы для этого перевода и другие географические реалии, отмеченные в дневнике: Урнерлох, Амштеттен, Ури, вход на Сен-Готард и т. д. (см.: Вольпе. Т. 1. С. 379).

¹⁴² *Из Констанца ~ но отсюда надобно идти пешком.* — Фрагмент из письма к великой княгине Александре Федоровне о Швейцарии, вошедший во второе изд. «Сочинений в прозе» Жуковского 1826 г. По существу, этот отчет о швейцарском

путешествии — конкретизация и развитие дневниковых записей. Источники публикации: РС. 1902. № 5. С. 340—341.

¹⁴³ ...свобода Швейцарии еще существует. — Это заявление Жуковского связано с посещением луга Грютли, «истинной колыбели швейцарской свободы» (Тургенев. С. 35), где 8 ноября 1307 г. был заключен союз первых кантонов. По замечанию исследователя, «подобно Карамзину, Жуковский видел в швейцарской конфедерации достойный внимания пример страны, где дышалось свободнее, чем на его родине (...) поэт не мог не сочувствовать событиям швейцарской истории, в которых одерживали победы свободный человек и свободная мысль» (Данилевский Р. Ю. Указ. соч. С. 140).

¹⁴⁴ В два дни моего путешествия ~ поворотить к Lago Maggiore... — Отрывок из письма к великой княгине Александре Федоровне. Пейзажная зарисовка путешествия через Сен-Готард по праву может быть названа прозаическим комментарием к «Горной дороге» (см. примеч. 141). Источники публикации: РС. 1902. № 5. С. 343—345.

¹⁴⁵ ...вспомнил вечер потсдамский! — Ср. запись от 11 (23) апреля 1821 г., сделанную в Потсдаме: «...вечер был удивительно тихий, благовонный, полный весенней жизни! После ужина долго ходили вместе по площади и любовались звездным небом. La couronne мое любезнейшее созвездие».

¹⁴⁶ ...через Комо в Милан. — Начало первого итальянского путешествия Жуковского, которое продлилось с 10 по 23 августа и в основном было связано с посещением Милана. Подробнее см.: Янушкевич А. С. Итальянские впечатления и встречи В. А. Жуковского (по материалам дневников, архива и библиотеки поэта) // Ежеквартильник русской филологии и культуры. 1998. Т. 2. № 4. С. 172—198.

¹⁴⁷ В Дом... — От итал. duomo — собор. Так здесь и далее Жуковский обозначает посещение крупных кафедральных соборов Европы.

¹⁴⁸ Галерея Брера... — Посещение одной из крупнейших картинных галерей Италии закономерно. Глубокий и серьезный интерес к итальянской живописи Жуковский пронес через всю жизнь. В его библиотеке сохранились многочисленные путеводители по картинным галереям Италии.

¹⁴⁹ В театре Opera buffa: "Clotilde". — Либретто Фредерика Сульо.

¹⁵⁰ В театре Girolamo: "Dedale e Icare". — Авторы балета установить не удалось.

¹⁵¹ ...вход в Милан после Маренго... — Речь идет о входе в Милан армии Наполеона после сражения под Маренго 2 (14) июня 1800 г., в котором Наполеон разбил австрийцев.

¹⁵² "Сенасоло" — знаменитая «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи.

¹⁵³ «Дон Кишот», «Иоанна», "Сепергентола". — Упомянуты балет французских хореографов Ж.-Ж. Новерра и Доберваля на музыку австрийского композитора Йозефа Старцера по роману Сервантеса «Дон Кихот»; балет «Жанна д'Арк» известного итальянского хореографа Сальваторе Вивано по мотивам драмы Ф. Шиллера «Орлеанская дева» и опера Дж. Россини, на сюжет сказки Ш. Перро, «Золушка».

¹⁵⁴ Жизнь зрителей. — В дневнике перед 19 августа имеется еще следующий черновой набросок, относящийся к пребыванию Жуковского в Милане: «Вечер в Милане. Дети в фартуках. Corso. Duomo ночью. Соседство в театре — ай, ай!» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 4г. Л. 1).

¹⁵⁵ *Озером в Isola Bella...* — Залогом памяти об этом «несравненном путешествии» по озеру стала «лавровая ветвь», которую Жуковский сорвал для своей племянницы А. П. Зонтаг «на Isola Bella под прекрасным небом Италии» (УС. С. 32).

¹⁵⁶ *Колонна мраморная...* — приготовлена из одного камня для триумфальных ворот Наполеоновых в Милане (см. примеч. 151).

¹⁵⁷ 19. *От Брюгга до Туртмана...* — С 19 августа по 3 (15) ноября 1821 г. дневник сохранился в двух вариантах: черновом (писанном большей частью карандашом, весьма неразборчиво) и беловом, писанном чернилами. Поэтому текст дневника дается за этот период по беловому автографу, с дополнениями, заключенными в прямые скобки, — из черногового. Расшифровка этих дополнений сделана И. А. Бычковым (Дневники. С. 131—168), а нами сверена по автографу: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 4д (1), 4д (2).

¹⁵⁸ *Но мысль, что на другой день ~ во всей своей красоте.* — Отрывок из письма к великой княгине Александре Федоровне, являющийся расширенным вариантом дневниковых записей об итальянском путешествии. Источник — РС. 1902. № 5. С. 345—346.

¹⁵⁹ *Приятная минута у Бонстеттена...* — Постоянное упоминание имени швейцарского историка и педагога Карла Виктора Бонстеттена — отражение давнего интереса Жуковского к его личности и творчеству. Еще в юные годы он увлекся им, переведя в 1810—1811 гг. его переписку с историком И. Миллером (ВЕ. 1810. № 16. С. 253—285; 1811. № 6. С. 83—100). Сами имена Миллера и Бонстеттена стали для него символом дружбы. Не случайно он называет в эти годы своего задушевного друга Александра Тургенева «любезный Миллер», а себя «Бонстеттен» (ПЖТ. С. 66—72). В 1820—1830-е гг. его прежде всего привлекают педагогические идеи Бонстеттена, в связи с собственной деятельностью воспитателя великого князя Александра Николаевича. В библиотеке поэта имеется несколько произведений швейцарского педагога (Описание. № 705—708, 2587), в том числе “*Régime extérieur et intérieur de l’homme. Genève, 1829*” со следующей дарственной надписью автора: “*Mr. de Bonstetten à son ami Joukoffsky. Genève, 8 Janvier 1830*” (Описание. № 2587).

¹⁶⁰ *Прогулка в Ферней...* — Посещение знаменитого дома Вольтера, «фернейского мудреца», подробнее описано в письме к великой княгине Александре Федоровне (см. ниже). И хотя Вольтер не принадлежал к любимым писателям Жуковского (об этом см.: *Заборов П. Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. Указ. имен), интерес к его личности был естествен для русского поэта.

¹⁶¹ *...гостинная, описанная М-е Genlis...* — См.: *Жанлис С.-Ф.* Свидание г-жи Жанлис с Вольтером / Пер. Н. М. Карамзина // ВЕ. 1803. № 15. С. 161—173. Ср.: *Genlis S. F. Les Souvenirs de Félicie L^{me}*. P., 1825. Vol. 1. P. 215—216.

¹⁶² *Каласово семейство.* — Жан Калас, тулузский купец, был ложно обвинен в убийстве сына. Он был казнен в 1762 г., а его второй сын и дочь заключены в монастырь. Вольтер на судебном процессе доказал, что Калас стал жертвой религиозного фанатизма, в результате чего сам Калас и его семейство были признаны невиновными.

¹⁶³ *Женева не красивый город ~ построены самим Вольтером.* — Отрывок из письма к великой княгине Александре Федоровне, являющегося комментарием к дневниковой записи от 24 августа 1821 г. Источник: РС. 1902. № 5. С. 348—349.

¹⁶⁴ *Подарок Бонстеттена.* — Видимо, речь идет о брошюре К. В. Бонстеттена “Education. Sur la nécessité d’un système d’éducation pour les adolescents de la classe aisée” (Воспитание. О необходимости системы воспитания для юношей состоятельных сословий). Брошюра появилась в печати без указания года издания, но относится к началу 1820-х гг. На последнем чистом листе рукою Жуковского написано: “De Bonstetten” (Описание. № 705).

¹⁶⁵ ...в *Коппете...* — Имеется в виду швейцарское поместье Жака Неккера, отца мадам де Сталь, где она находилась (с перерывами) в изгнании с 1807 по 1812 г. и которое превратилось в своеобразный центр европейской оппозиции против Наполеона. По всей вероятности, интерес к личности мадам де Сталь был связан у Жуковского с чтением ее сочинения “*Considérations sur les principaux événements de la révolution française*” («Взгляд на Французскую революцию...»), экземпляр третьего издания которого (1820 г.) с многочисленными пометами сохранился в библиотеке поэта (об этом см.: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский и Великая французская революция // Великая французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 114—117).

¹⁶⁶ ...он и *Гобгуз у М-е Стаël...* — Речь идет о посещении поместья Коппе Байроном и его другом Джоном Хобхаузом (Гобгуз) в сентябре 1816 г. Все записи о Байроне и его швейцарской жизни предвосхищают работу Жуковского над переводом поэмы «Шильонский узник».

¹⁶⁷ ...ее сын. — Сын мадам де Сталь — барон Огюст Луи де Сталь, французский литератор. С ним Жуковский познакомится во время своего пребывания в Париже в мае 1827 г. (см. «Парижский дневник» в наст. изд.).

¹⁶⁸ *Marie de Pleschéef...* — Дочь С. И. и Н. Ф. Плещеевых, похороненная в окрестностях Лозанны. В письме к А. И. Тургеневу от 27 ноября (9 декабря) 1820 г. Жуковский просил адресата: «...съезди к Н. Ф. Плещеевой и просиди у нее целый вечер за меня; я буду к ней писать. Спроси у нее имя той деревни, в которой погребена ее дочь близ Лозанны, я непременно буду на этом месте» (ПЖТ. С. 193—194).

¹⁶⁹ ...*дочитав “Faliero”...* — драму Байрона «Марино Фальеро, дож венецианский».

¹⁷⁰ *Histoire de M-e d’Etange...* — Подробнее о разговоре с швейцарским крестьянином по поводу истинности истории Юлии д’Этанж, героини «Новой Элоизы» Руссо, см. ниже в отрывке из письма к великой княгине Александре Федоровне.

¹⁷¹ *Поэму в Chillon.* — Посещение Шильонского замка, в котором был заключен в XVI в. женеvский гражданин Франциск Бонивар, воспетый Байроном в его поэме «Шильонский узник», стало импульсом для работы Жуковского над ее переводом. Уже на следующий день он приступает к созданию предисловия, где, в частности, пишет: «Переводчик с поэмой Байрона в руках посетил сей замок и подъемную темницу Бонивара, он может засвидетельствовать, что описания поэта имеют прозаическую точность...» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 29. Л. 57). Об этом же он пишет в письме к великой княгине. Перевод был закончен весной 1822 г. (подробнее см.: Вольпе. Т. 2. С. 467—469). Под этим числом (т. е. 4 сентября) в черновом дневнике написано начало (первые 26 стихов) «Шильонского узника».

¹⁷² *Турьма Бонивара* — героя поэмы Байрона «Шильонский узник», переведенной Жуковским (см. примеч. 171).

¹⁷³ *Муртенская липа*. — Старая липа, посаженная по преданию в честь победы бернцев над Карлом Смелым при Муртене 22 июня 1476 г.

¹⁷⁴ *Дом Фелленбергов*. — Речь идет об известном швейцарском педагоге Филиппе Эммануиле Фелленберге, основавшем в Гофвиле целый комплекс воспитательных учебных заведений.

¹⁷⁵ *О Песталоцци*. — Жуковский был хорошо знаком с педагогической системой известного педагога. Еще в период редактирования ВЕ он публикует статью «Фелленберг и Песталоцци» (ВЕ. 1808. № 23. С. 185—197); излагает суть его метода (1810. № 1. С. 290—309). Впоследствии некоторые методические приемы Песталоцци (таблицы с рисунками) Жуковский использует в своей педагогической практике (при обучении великого князя). В библиотеке Жуковского имеется целый ряд произведений, излагающих педагогическую систему Песталоцци (Описание. Указ. имен), в том числе собрание сочинений швейцарского педагога (*Pestalozzi's sämtliche Schriften*. Stuttgart u. Tübingen, 1819—1829. Bd. 1—12).

¹⁷⁶ *Из Женевы, чрез Лозанну...* — Отрывок из письма к великой княгине Александре Федоровне, развивающий дневниковые записи от 2—5 сентября 1821 г. Источники: РС. 1902. № 5. С. 349—350.

¹⁷⁷ ...«Новая Элоиза» не выдумка. — Интерес к творчеству Ж.-Ж. Руссо и его роману «Новая Элоиза» сопровождал Жуковского всю жизнь. Он черпал в нем эстетические идеи (см. примеч. 22), использовал как практическое пособие для организации семейной жизни и т. д. Об этом см.: *Канунова Ф. З.* Творчество Ж.-Ж. Руссо в восприятии Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 280—311.

¹⁷⁸ ...главный живописец души. — Это определение восходит к немецкому писателю и моралисту Х. Гарве. Еще в 1808 г., переводя его рассказ «Das Weihnachtsgeschenk» («Подарок на Новый год»), Жуковский пишет: «Душа наша есть живописец, которого кисть изображает или оригинал, или список с хорошего оригинала; первое — собственные чувства, замечания и мысли; последнее — понятия, почерпаемые в наставлениях и книгах» (ВЕ. 1808. № 1. С. 27—28; курсив мой. — А. Я.).

¹⁷⁹ *Вершина Юнгфрау и Манфред*. — Соотношение одной из альпийских вершин и героя одноименной драмы Байрона неслучайно: все действие байроновского произведения связано с Бернскими Альпами, а вторая сцена первого акта имеет следующую ремарку: «Гора Юнгфрау. — Утро. — Манфред, один на утесах». Вершина горы Юнгфрау упоминается в третьей сцене второго акта. Интерес Жуковского к этой драме проявился еще до швейцарского путешествия. 13 августа 1819 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: «Я восхищался уродливым произведением Байрона: „Манфред, трагедия“. Жуковский хочет выкрасть из нее лучшее» (ОА. Т. 1. С. 286). Известно также о чтении Жуковским «Манфреда» приблизительно в это же время и о пометах в лейпцигском издании 1819 г. (см.: БЖ. Ч. 2. С. 420—422).

¹⁸⁰ *Угощение Павла и императрицы*. — Цесаревич Павел Петрович (будущий имп. Павел I) и великая княгиня Мария Федоровна во время заграничного путешествия 1782 г. посетили Швейцарию, в том числе дом Михеля в Интерлакене. В черновом автографе это место читается так: «1785 и 88, Michel. В Интерлакене; обер-амтман Тиль угощал Павла и императрицу, и они прогуливались и завтракали

в Бенигене у Михеля, который был там; император подарил бутылку токайского вина» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 4г. Л. 20).

¹⁸¹ ...*ко Льву*. — Известный памятник, исполненный по модели Торвальдсена, в память швейцарцев, убитых в августе 1792 г. при защите Тюильри. Описание памятника см. ниже, в отрывке из письма к великой княгине Александре Федоровне.

¹⁸² *Окрестности Луцерна ~ 10 августа 1792 г.* — Отрывок из письма к великой княгине Александре Федоровне, впервые напечатанного в «Сочинениях Жуковского» 1826 г. Источники: РС. 1902. № 5. С. 352

¹⁸³ *В то время, как маленький народец сражается за честь и свободу ~ помирило бы государей с народом.* — Этот пассаж связан с размышлениями Жуковского о борьбе греков за свою независимость. Греческая тема, столь актуальная для данного времени, постоянно возникает в дневниковых записях 1821—1822 гг.

¹⁸⁴ ...*революция и горы*. — «Горная философия» Жуковского получит свое развитие в 1830-е гг., особенно в письме к великому князю Александру Николаевичу от 1 января 1833 г. из Швейцарии, где Жуковский вспомнит путешествие 1821 г.: «За двенадцать лет пред сим я уже видел его...». И далее, описывая развалины гор между Цюрихским и Ловрецским озером, разрушения, связанные с обвалами гор, восклицает: «Вот история всех революций, всех насильственных переворотов, кем бы они производимы ни были...» (ПСС. Т. 12. С. 29).

¹⁸⁵ ...*отрывок из "Hagestolzen"*. — См. примеч. 66.

¹⁸⁶ *Katze*. — «Возвышенное место, из старых укреплений уцелевшее, усаженное деревьями» — так описал А. И. Тургенев это место. И добавил: «Ай да кошка! (нем. Katze) Это лучший вид на Цюрихское озеро: ибо почти не поворачиваясь можно видеть и всё озеро и окрестности оною» (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 153).

¹⁸⁷ *Я сдержал обещание ~ простился с Швейцарией*. — Отрывок из письма к великой княгине Александре Федоровне из Штутгарта от 2 (14) октября 1821 г. Источники: РС. 1902. № 5. С. 352—353.

¹⁸⁸ *К Буассере*. — В черновом варианте: Les frères Boisserée (Братья Буассере — фр.). Братья Сюльпис и Мельхиор Буассере — известные немецкие коллекционеры картин, преимущественно старой немецкой школы. В 1827 г. их собрание было куплено для королевского музея в Мюнхене. Далее (запись от 4 октября) дано краткое описание картин из галереи Буассере.

¹⁸⁹ *В театре: "Der Türke in Italien"*. — Опера-буффа Дж. Россини «Турок в Италии», на либретто Феличе Романи.

¹⁹⁰ ...*благословение Екатерины*. — Речь идет о королеве Виртембергской Екатерине Павловне. В одном из подстрочных примечаний к своей элегии «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской» Жуковский писал: «В штуттгартской русской церкви, в которую приходила молиться Екатерина, всё осталось, как было при ней; кресла ее стоят на прежнем своем месте. Нельзя без грустного чувства смотреть на образ, которым в последний раз благословил ее государь император: на нем изображен святой Александр Невский, видны Нева, Зимний дворец, и над ними радуга — светлое, но минутное украшение здешнего неба» (Жуковский В. А. Полное собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2. М., 2000. С. 530).

¹⁹¹ ...*Гёте о природе...* — Имя Гёте закономерно возникает в контексте записей о картинной галерее братьев Буассере. Гёте познакомился с Сульпицием еще в 1811 г. и затем дважды посетил Гейдельберг, где находилась тогда коллекция. Свои впечатления от этого посещения он изложил в статье «Об искусстве и древности на землях по Рейну и Майну» (1816), где, в частности, писал: «Здесь мы остановимся и обещаем в следующей части подобным же образом рассмотреть остальные сокровища коллекции Буассере» (*Гёте И. В. Собр. соч.*: В 10 т. Т. 10. М., 1980. С. 203).

¹⁹² *Рисунки и планы Кёльнского собора...* — Гёте в статье «О немецком зодчестве» так охарактеризовал работу Буассере по изготовлению зарисовок Кёльнского собора, литографии которого сделал Георг Моллер: «Вновь обнаруженный оригинал Кёльнского собора осветил вопрос еще и с другой стороны: литографская копия с него, оттиски, дополненные и затушеванные, позволяют представить всю постройку вместе (...) тщательно изготовленные зарисовки Кёльнского собора, сделанные частью в горизонтальной проекции, частью с разных сторон, познакомили меня с этим сооружением, которое после строгой проверки действительно занимает первое место среди произведений зодчества этого стиля» (*Гёте И. В. Собр. соч.* Т. 10. С. 252).

¹⁹³ *К Бенкендорфу...* — Имеется в виду русский посланник в Штутгарте и Карлсруэ Петр Христофорович Бенкендорф, с которым Жуковский ведет разговор о Саксен-Веймарской герцогине Марии Павловне и дочери герцога Павла Виртембергского Фридерике Шарлотте Марии (la princesse fille du prince Paul), будущей великой княгине Елене Павловне, бракосочетание которой с великим князем Михаилом Павловичем состоялось в 1824 г.

¹⁹⁴ ...*рассказы о смерти королевы...* — королевы Виртембергской Екатерины Павловны (см. примеч. 190).

¹⁹⁵ *Его стихи на Психею...* — на статуе немецкого скульптора И. Г. Даннекера «Психея».

¹⁹⁶ ...*башня Гёца фон Берлихингена...* — В черновом варианте: «башня, в которой был заперт и умер Гётц фон Берлихинген». Речь идет о немецком рыцаре эпохи Реформации и Великой крестьянской войны XVI в., герое одноименной драмы Гёте. Жуковский допускает неточность; рыцарь был освобожден из башни в Гейльбронне через три года после заключения и умер в своем замке Горнберге в 1562 г. восьмидесяти двух лет от роду

¹⁹⁷ 27. *Эйзенах.* — В черновом дневнике под этим числом (27 октября) записан перевод 2—5-й глав «Шильонского узника» Байрона.

¹⁹⁸ 28. *Эрфурт.* — Под этим числом в черновом дневнике написана 6-я глава перевода «Шильонского узника».

¹⁹⁹ *К великой княгине...* — к Марии Павловне, супруге наследного принца Саксен-Веймарского Карла Фридриха.

²⁰⁰ *Жалкая помеха.* — Эта запись связана с посещением Гёте и так прокомментирована в письме великой княгине Александре Федоровне от 1 (13) ноября 1821 г.: «От спеху не мог пробыть в Веймаре более одного дня; там имел счастье представиться ее императорскому высочеству великой княгине Марии Павловне, которая приняла меня с очаровательною милостию, и ее же милости обязан я свиданием с Гёте; он находился в Иене, и чтоб я имел время к нему съездить, ее высочеству

угодно было прислать мне коляску, и я в тот же день видел поэта. Но свидание мое с ним было похоже на плавание мое по Рейну; оно было туманное, хотя он принял меня с ласкою» (РС. 1902. №5. С. 357). В письме к Гёте (на фр. языке, от 25 февраля 1822 г.) об этой встрече Жуковский пишет следующее: «Эта встреча, которой я желал и ожидал с такою горячностью, длилась всего лишь одну минуту, но эта минута была богата волнующими впечатлениями; я ничего не мог сказать Вам отчетливо и ясно, потому что мне хотелось сказать об очень многом, но я Вас видел, и этого было достаточно, чтобы во мне мгновенно ожили самые лучшие воспоминания о моем прошлом. Und manche liebe Schatten steigen auf*. Да, так и было... Примите же, милый великий человек, мою признательность и за это прошлое, которое столь часто скрашивалось влиянием вашего гения, и за это мгновение, когда я почувствовал благотворную силу личной с Вами встречи, завершившейся таким дружеским и отеческим рукопожатием...» (СС I. Т. 4. С. 572).

²⁰¹ *Дом Виланда*. — С именем немецкого писателя К. М. Виланда связан целый этап эстетического и художественного развития Жуковского. Чтение и оценка его произведений, работа над переводом «Оберона» определили постоянное упоминание в дневнике мест, связанных с именем Виланда. Об этом см.: *Реморова Н. Б. Жуковский и немецкие просветители*. Томск, 1989. С. 17—124.

²⁰² *...камень Густава-Адольфа*. — Так называемый Schwedenstein (памятник — гранитная глыба) на том месте, где в сражении под Лютценом (1632 г.) пал шведский король Густав Адольф.

²⁰³ *Памятник и место гибели Понятовского* — князя Иосифа Понятовского, главнокомандующего войсками и маршала Наполеона, который, прикрывая отступление французской армии под Лейпцигом, утонул в Эльстере. П. В. Анненков, через 20 лет после Жуковского посетив это же место, писал в «Путевых записках»: «Неподалеку от Франкфуртовского моста, куда направилась вся разбитая армия, существует теперь сад частного человека, и за 4 гроша привратник показывает всем место гибели знаменитого графа и несколько далее, на зеленой площадке сада, под четырьмя ивами место, где погребено тело его, выброшенное этой узкой, мутной, но быстрой рекой. На обоих мостах стоят по камню. (...) Эта пара камней вся исписана поляками. Понятна их любовь к герою Польши. (...) Понятовский был идеал поляка...» (Анненков. С. 265—266).

²⁰⁴ *В театре: "Das Leben ein Traum"*. — Трагедия Кальдерона «Жизнь есть сон» (1636). В библиотеке поэта имеется издание этой пьесы в переводе Августа Шлегеля (Описание. № 765).

²⁰⁵ *Батюшков*. — К. Н. Батюшков уже в это время страдал умственным расстройством и лечился в местечке Плаун под Дрезденом, Запись от 4 ноября так прокомментирована А. И. Тургеневым в письме П. А. Вяземскому от 7 февраля 1822 г.: «Вчера Жуковский возвратился, видел Батюшкова в Дрездене, слышал прекрасные стихи, которые он все истребил» (ОА. Т. 2. С. 244). Видимо, в этот же день Батюшков вписал в альбом Жуковского стихотворение «Жуковский, время всё проглотит...» (РС. 1887. № 4. С. 240). И впоследствии Жуковский принимал самое заинтересованное

* И много милых теней оживает (нем.); см. примеч. 99.

участие в судьбе Батюшкова. Как замечал А. И. Тургенев, «да и кто более доказал ему, что истинная дружба не в словах, а в забвении себя для друга. Он был нежнейшим попечителем его и сопровождал его до Дерпта и теперь печется более всех родных по крови, ибо чувствует родство свое по таланту» (Тургенев. С. 289).

²⁰⁶ *Раздрание писанного...* — Далее Жуковский приводит перечень произведений Батюшкова, видимо, уничтоженных им в приступе отчаяния.

²⁰⁷ *...la princesse de Bavière.* — В черновом варианте: «Принцесса Баварская». Речь идет о предстоящем браке кронпринца Фридриха Вильгельма с принцессой Баварской Елизаветой. Их бракосочетание состоялось в 1823 г.

²⁰⁸ *Чтение "J. Cezar".* — Вероятно, трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

²⁰⁹ *В театре: "Die drei Gefangenen".* — Вероятно, немецкая переделка французской комедии Э. Дюпати "La prison militaire, ou Les trois prisonniers" («Военная тюрьма, или Три арестанта»). В русском переводе А. В. Лукницкого шла на сценах Москвы и Петербурга (ИРДТ. Т. 2. С. 461).

²¹⁰ "Prinz von Homburg". — Чтение драмы Генриха Клейста, двоюродного брата Марии фон Клейст, «Принц Фридрих Гомбургский». Именно в этот вечер 10 декабря Мария Клейст подарила Жуковскому сочинения ее брата, включающие и «Принца Гомбургского». См. примеч. 62 к 1820 г.

²¹¹ *Чтение "Simple histoire"* — Романа английской писательницы Элизабет Инч-балда, к которому Жуковский обращался неоднократно (см. примеч. 18 к 1819 г.).

²¹² *Châteaux en Espagne.* — Название комедии французского драматурга Ж.-Ф. Коллен д'Арлевиля «Воздушные замки», популярной в России в переложении Н. И. Ильина и Н. И. Хмельницкого (ИРДТ. Т. 2. С. 461—462). Учитывая атмосферу литературных чтений в салоне Марии Клейст, можно предположить чтение этой комедии. Но возможно, просто речь идет о каких-то несбыточных планах, «воздушных замках» в жизни поэта.

²¹³ *Чтение Гофмана.* — О каком произведении Э. Т. А. Гофмана идет речь, сказать трудно. Но пометы в немецком издании «Серапионовых братьев» (Т. 1—2. Берлин, 1819) позволяют говорить о возможности чтения одной из повестей этого сборника. См.: БЖ. Ч. 2. С. 188—190.

²¹⁴ *W. Scott.* — См. далее запись от 24 ноября: «Читал В. Скотта». Вероятно, речь идет о чтении «Девы озера» Вальтера Скотта в немецком переводе Адама Шторка. Экземпляр этого произведения издания 1819 г. с пометами Жуковского сохранился в его библиотеке (Описание. № 2102). Одновременно Жуковский делает конспект этой поэмы. Об этом см.: Жилькова Э. М. В. Скотт в библиотеке В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 3. С. 302—318.

²¹⁵ *В театре: «Олимпия».* — Опера Г. Спонтини.

²¹⁶ *...чтение Шатобриана...* — См. примеч. 46.

²¹⁷ "Freischütz". — Знаменитая опера немецкого композитора К.-М. Вебера «Вольный стрелок», которая была еще музыкальной новинкой (в Берлине исполнена в первый раз 18 июня 1821 г.).

²¹⁸ *...чтение "Princesse de Clèves".* — Роман французской писательницы Мари де Лафайетт «Принцесса Клевская» (1678).

1822

(С. 236—238)

Впервые опубликовано: РС. 1901. № 11—12. Приложение. С. 174—178. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 4д (2). Л. 27—29 об.

¹ *Узрев черты сии пленительно живые...* — По всей вероятности, это четверостишие посвящено Марии Клейст и ее дочери Луизе (Лулу). См. примеч. 62—63 к 1820 г.

² ...чтение "Château de veillées". — Речь идет о сочинении С.-Ф. де Жанлис "Les veillées du château ou Cours de morale à l'usage des enfants" (1784). Запись от 3 января: «Чтение М-е Genlis» — подтверждает это предположение.

³ *В театре*: "Schweizerfamilie". — Опера Иосифа Вейгля «Швейцарская семья».

⁴ ...и *Мольером*. — Комментируя эту запись, И. А. Бычков высказывает предположение, что «на вечере читали что-либо из Тика и Мольера» (Дневники. С. 173). Но, скорее всего, речь идет о вполне реальном лице — французском проповеднике и педагоге, воспитателе принца Августа Прусского Гаспаре Мольере.

⁵ *Чтение писем Гумбольта*. — Речь, вероятно, идет о появившемся издании писем Вильгельма Гумбольдта: Briefe von Wilhelm von Humboldt an eine Freundin (Th. 1—2). В библиотеке Жуковского имеется 3-е издание этих писем 1849 г. (Описание. № 1355).

⁶ ...чтение *Тасса*... — вероятно, драмы Гёте «Торквато Тассо».

⁷ *Чтение «Амфитриона»* — комедии Мольера.

⁸ *В театре*: "Iphigénie en Tauride". — Драма Гёте или опера Глюка, созданная на её основе.

⁹ ...о *музыке к «Фаусту»*. — См. примеч. 78 к 1821 г.

¹⁰ *В театре*: "Die Gastrollen". — Автора пьесы «Гастроли» установить не удалось.

¹¹ *Мелодрама*: "Der Müller und seine Gesellen". — Автор пьесы «Мельник и его подмастерья» не установлен.

¹² *Прикоснулся бы*. — Как предполагал И. А. Бычков, запись связана с желанием Жуковского «прикоснуться» к письмам великой княгини Александры Федоровны, которые фельдъегерь вез в Берлин (Дневник. С. 177).

¹³ *В муссу...* — от нем. die Müsse («свободное время», «досуг») — клуб в Риге, основанный в 1786 г.

¹⁴ *В театре во дворце ~ Tableaux*. — Речь идет о представлении одноактных французских пьес «Один день», «Версалец», «Портной С. С.» (см. примеч. 48 к 1821 г.) и живых картин.

¹⁵ *У Карамзина...* — Через день после свидания с Жуковским, 9 февраля 1822 г., Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «Наконец явился Жуковский с любовью к Берлину и с приятным воспоминанием о своем путешествии, но без жены, вопреки сказкам. Говорит, будто в Берлине сердца теплее, умы деятельнее» (Письма Карамзина к Дмитриеву. СПб., 1866. С. 323).

1825

(С. 239—245)

Впервые: ПЖТ. С. 204—211. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 157. Л. 17—20 об.

Дневников Жуковского за целый период его жизни (с февраля 1822 по май 1826 г.) не обнаружено. Трудно представить, что их не было, учитывая систематический характер записей за предшествующие и последующие годы. Но можно предположить, что дневник, включающий события этого бурного времени, предшествующего 14 декабря и вероятную летопись встреч с их участниками, был уничтожен Жуковским.

Тем более интересна его пространная запись от 14 декабря 1825 г. воссоздающая хронику этого дня, его оценку. Традиционно это свидетельство Жуковского по разным причинам отсутствует среди мемуарных декабристских источников (см., напр.: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980). А между тем оно представляет безусловный интерес как для историков декабристской мысли, так и для понимания отношения Жуковского к декабристам.

Очевидец событий, воспринимавший их из Зимнего дворца, Жуковский не был беспристрастен. Как известно (см.: Дубровин), он много сделал для помощи сосланным, для их спасения и реабилитации (см. «Записку о Н. И. Тургеневе»), изменилась его оценка и событий 14 декабря. Но по горячим следам происшедших кровавых и драматических событий он осмыслял их эмоционально и непосредственно.

Эти записки, создававшиеся в течение нескольких часов, по своему типу являются характерными для Жуковского письмами-дневниками.

¹ *Мой милый друг.* — Адресатом письма является Александр Иванович Тургенев, находившийся тогда в Париже. Судя по дневниковой записи Тургенева от 15 (27) декабря послание Жуковского было получено с курьером буквально на следующий день и создавалось в ночь с 14 на 15 декабря: «Получил письмо от моего милого Жуковского, и сердцу моему стало легче. Он не писал ко мне тогда, как дни его текли в безмятежном положении души, но когда бедствие настигло его и Россию, в сердце его отозвалось старое, прежнее чувство его ко мне, которое во мне никогда не затихало. Жалею, что не мог отвечать ему с курьером, который уехал в 5-м часу. Посол желал, чтобы я опять остался у него обедать и перевел для него письмо Жуковского» (Тургенев. С. 381).

² *...этот день был днем очищения, а не разрушения...* — Мысль об очистительном характере происшедшего, о значении этого дня как «великого наставления для будущего» не покидает Жуковского и позднее. Так, через два месяца после происшедшего в письме к А. П. Зонтаг от 21 февраля 1826 г. он замечает: «Туча прошла и разразилась в стороне: гром не упал на Россию. Наше бедствие имеет весь характер летней грозы после зноя: поля были изнурены засухой. Мы ждали дождя; гроза была, и был даже благотворный дождь... Теперь посмотрим, воспользуются ли благотворением грозы, чтобы удобрить заброшенную ниву» (УС. С. 98).

³ *Встречаю в зале Булгакова...* — Вероятно, К. Я. Булгакова, петербургского почт-директора.

⁴ *К нам подходит Оленин...* — А. Н. Оленин был в то время государственным секретарем.

⁵ *Фридрихс убит...* — Слухи о гибели барона П. А. Фредерикса, будущего генерал-адъютанта, оказались неверными: он был лишь ранен.

⁶ *...Бестужевым...* — Михаил Бестужев, штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, в своих записках подробно воссоздает эти события, во многом совпадая с описанием Жуковского (см.: Писатели-декабристы. Т. 1. С. 63—65).

⁷ *...разрубил голову Фридрихсу и генералу Шеншину...* — М. Бестужев так описывает это событие: «При нашем выходе из казарм мы увидели брата Александра. Он стоял подле генерала Фридрикса и убеждал его удалиться. Видя, что его убеждения тщетны, он распахнул шинель и показал ему пистолет. Фридрикс отскочил влево и наткнулся на Щепина, который так ловко рубанул его своею острою саблею, что он упал на землю. Подходя к своду выхода, Щепин подбежал к генералу бригадному Шеншину, уговаривавшему отдельную кучку непокорных, и обработал его подобно Фридриксу» (Писатели-декабристы. Т. 1. С. 63).

⁸ *...и другой, сумасшедший, наш знакомец...* — Имеется в виду В. К. Кюхельбекер, который познакомился с Жуковским еще в 1817 г. Незадолго до смерти он вспоминал: «В 1817 году привел меня к нему [Жуковскому] покойный Гнедич... И он полюбил меня, он удостоил меня своей дружбы. Потом... но зачем вспоминать то, за что заплатил я двадцатилетними страданиями? Жуковский не лишил меня своего сердечного участия и тогда, когда я пал в бездну злополучия» (ЛН. Т. 59. С. 512).

⁹ *Грабъ-Горский* — Имеется в виду отставной полковник Осип-Юлиан Викентьевич Горский, который называл себя «грабъ» (граф) Горский. Он не был членом тайных обществ и на Сенатской площади оказался случайно.

¹⁰ *Первою жертвою этого дня был Милорадович...* — Имеется в виду М. А. Милорадович — участник Отечественной войны, генерал от инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор в 1818—1825 гг. Убит 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади П. Г. Каховским. «Граф М. А. Милорадович, — вспоминал декабрист А. Е. Розен, — любимый вождь всех воинов, спокойно въехал в каре и старался уговорить солдат, ручался им честью, что государь простит им послушание, если они тотчас вернутся в свои казармы. Все просили графа скорее удалиться (...) В эту минуту пули Каховского и еще двух солдат смертельно ранили смелого воина, который в бесчисленных сражениях и стычках участвовал со славою и оставался невредимым: ему суждено было пасть от русской пули» (Писатели-декабристы. Т. 1. С. 152)

К истории смерти Милорадовича Жуковский сделал следующее примечание: «Уверяют, что первый выстрелил и убил его Горский, а другие говорят — Кюхельбекер» (ПЖТ. С. 208). Как было установлено позже, убийцей Милорадовича оказался П. Г. Каховский.

¹¹ *Вдруг является к Государю Якубович...* — Ср. описание поведения А. И. Якубовича в записках М. Бестужева (Писатели-декабристы. Т. 1. С. 65).

¹² ...*Шторхом, сыном нашего...* — Офицер Гренадерского полка Александр Андреевич Шторх, не являвшийся членом тайных обществ, но участвовавший в восстании, был сыном академика, автора трудов по статистике и политической экономии, А. К. Шторха, чтеца имп. Марии Федоровны и наставника великих князей.

¹³ ...*но прежде послали митрополита.* — Вот как это вспоминает А. Е. Розен: «Наконец по приказанию государя употреблено было еще последнее средство к умирению: на извозчичьих санях подъехал митрополит Серафим в сопровождении киевского митрополита Евгения и нескольких святителей, с животворящим крестом, умоляя братьев христианскою любовью возвратиться в свои казармы (...) Его выслушали; воины осенили себя знамением креста, но мольбы его остались также тщетными; ему сказали: „Поди, батюшка, домой, помолись за нас, за всех, — здесь тебе нечего делать“» (Писатели-декабристы. Т. 1. С. 152).

¹⁴ ...*не найден только один Кюхельбекер...* — В. К. Кюхельбекер бежал из Петербурга и был арестован при въезде в предместье Варшавы 19 января 1826 г.

¹⁵ ...*это род Занда!* — Намек на фанатичного немецкого студента, участника тайных обществ в Германии Карла Занда, убившего в Мангейме 23 марта 1819 г. писателя Августа Коцебу, в котором он видел агента русского правительства и идеолога Священного союза. Казнен в 1820 г.

¹⁶ *Это его слова.* — В письме к И. И. Дмитриеву от 19 декабря 1825 г. Н. М. Карамзин так описывает поведение императрицы: «Как скоро грянула первая пушка, императрица Александра Феодоровна упала на колени и подняла руки к небу. Она несколько раз от души говорила: „Для чего я женщина в эту минуту!“» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 411).

1826

(С. 246—252)

Впервые опубликовано: РС. 1901. № 12. Приложение. С. 178—192. То же: Дневники. С. 178—192. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 5. Л. 3—15.

¹ ...*письмо о Карамзине.* — Речь идет о подготовленном Жуковским для Николая I проекте выделения Н. М. Карамзину, в то время уже тяжело больному, пенсиону. 13 мая 1826 г. вышел рескрипт императора и указ министра финансов о производстве пенсионера в размере 50 тыс. рублей в год (см.: *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин. М., 1866. С. 494).

² ...*петергофский праздник...* — Жуковский вспоминает о празднике, состоявшемся 1 июля 1818 г. в Петергофе, особенно многолюдном из-за хорошей погоды. Фейерверк, залпы праздничного салюта, присутствие императора Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны, друзей, в том числе Карамзина, — всё это навсегда осталось в его памяти. В письме к И. И. Дмитриеву Карамзин так говорил о нем: «Мы наслаждались петергофским праздником и ораниенбаумским, хотя иллюминация и фейерверк не весьма удалась. Время было прекрасное, людей множество. Несмотря на ветер, довольно сильный, мы с женой, с детьми, с Тургеневым,

Жуковским, Пушкиным (которые все у нас жили в Петергофе) сели на катер и носились по волнам Финского залива часа два или более; одна из них облила меня с головы до ног, но мы были веселы и думали о том, как бы съездить морем подальше» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 243—244).

³ *Ветер N. N. O.* — То есть Nordnordost. В морской навигации обозначение северо-северо-востока.

⁴ *...визит ~ Степана Карповича Сабинина.* — С. К. Сабинин с 1823 г. был священником русской посольской церкви в Копенгагене; с 1837 г. — настоятель русской церкви в Веймаре. Вот как его характеризовал в 1840 г. А. И. Тургенев: «Стефан Сабинин делает честь нашему духовенству и в ученой Германии — просвещением, благочестием, ученостию своею и какою-то благородною людскостию в обхождении» (Тургенев. С. 209—210). Заслуживает внимания тот факт, что в 1840 г. старший сын Сабинина Дмитрий издал на немецком языке «первую часть повестей Пушкина», «с небольшою биографией поэта и с письмом Жуковского о последних минутах его» (Там же. С. 210).

⁵ *История королевы...* — Король датский Христиан VII был женат на принцессе Каролине Матильде Великобританской.

⁶ *...нынешнего короля.* — В это время датским королем был Фридрих VI.

⁷ *Развод нынешнего кронпринца.* — Наследный принц датский Христиан Фридрих был женат дважды: на принцессе Шарлотте Фридерике Мекленбург-Шверинской и на принцессе Каролине Амалии Гольштейн-Августенбургской.

⁸ *...здешней Дюбарри* — фаворитки короля по аналогии с известной фавориткой французского короля Людовика XV Мари-Жанной Дюбарри.

⁹ *...у русского министра.* — Министром-резидентом в Гамбурге был в то время Г. А. Струве (в дневнике от 2 июня его фамилия написана Штруве).

¹⁰ *Кларины страданья.* — Речь идет о дерптском живописце и гравере А. Ф. Кларе (Клага), которому покровительствовал Жуковский, добившийся у Николая I разрешения сопровождать его за границу. Его страдания были вызваны, видимо, тяжелым материальным положением.

¹¹ *Friedrichsplatz с монументом...* — Памятник ландграфу кассельскому Фридриху II.

¹² *Вецлаф (Вертер)...* — Именно в Вецларе, в 1772 г., произошли события (любовь к Шарlotte, соперничество с ее женихом Иоганном Кестнером, бегство из Вецлара, мысли о самоубийстве), которые стали источником романа И. В. Гёте «Страдания юного Вертера».

¹³ *Карамзин.* — Этой лаконичной записью Жуковский фиксирует сообщение о смерти Н. М. Карамзина, последовавшей 22 мая 1826 г. «Вообрази мое положение, — писал он А. И. Тургеневу, — узнать из газет, что Карамзина нет на свете (...) Большая половина жизни прошла под светлым влиянием его присутствия (...) Карамзин — в этом имени было и будет всё, что есть для сердца высокого, милого, добродетельного» (ПЖТ. С. 214).

¹⁴ *Штейн...* — Речь идет о прусском государственном деятеле бароне Генрихе Штейне, который долгое время жил в России, где находился на государственной службе. «Жуковский очень полюбил его, — вспоминал А. И. Тургенев. — Жуковский в быту домашней жизни и по общему уважению находит барона Штейна сходным

с Карамзиным» (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. С. 58). Во время работы над «Запиской о Н. И. Тургеневе» Жуковский будет постоянно обращаться к его советам.

¹⁵ ...к гр. Эглофштейн. — Графиня Юлия Эглофштейн, обладавшая прекрасным художественным талантом, и ее мать, графиня Генриетта Эглофштейн, были хорошо знакомы с Гёте и входили в его дружеский круг.

¹⁶ *Разговор о жизни после смерти.* — Проблемы эвтаназии глубоко интересовали поэта. От его перевода отрывка из «Эвтаназии» Виланда (ВЕ. 1808. № 6. С. 94—113) до размышлений в статье «Нечто о привидениях» (1848) — таков 40-летний путь обращения Жуковского к этой теме. А. С. Стурдза, сам глубоко интересовавшийся этими вопросами, неслучайно выступает собеседником Жуковского.

¹⁷ *Разговор с Стурдзою о воспитании.* — Эта тема, волновавшая Жуковского всю жизнь, особенно остро стояла в это время. Как известно, он тщательно готовился к роли воспитателя наследника Александра Николаевича.

¹⁸ *Княгиня Голицына...* — Жуковский неслучайно выделяет в дневнике специальной записью имя Марии Аркадьевны Голицыной (урожд. княжны Суворовой). В письмах к И. И. Козлову из Эмса он постоянно отмечает ее пение: «Я бывал, и довольно часто у нее, и всякий раз пленялся ее милым пением» (С 7. Т. 6. С. 446).

¹⁹ *Приезд гр(афа) Каподистрии.* — «Главным моим здесь [в Эмсе] утешением был граф Каподистрия, который прожил недели четыре в Эмсе», — писал Жуковский И. И. Козлову 23 июля (4 августа) 1826 г. (С 7. Т. 6. С. 466). Жуковский встретился с Иоанном Каподистрией в конце июля во Франкфурте. Он рекомендует его императрице Александре Федоровне в качестве воспитателя наследника Александра Николаевича (С 7. Т. 6. С. 287—289), но это предложение не было принято.

²⁰ *Вольф.* — Далее Жуковский приводит названия произведений, отрывки из которых были исполнены известным немецким актером Пиет Александром Вольфом: «Ифигения в Тавриде» Гёте, «Кубок» Шиллера, «Стойкий принц» Кальдерона, сочинения немецкого поэта И. П. Гебеля, идилии которого переводил Жуковский.

²¹ *Рейтерн.* — Это одно из первых упоминаний будущего тестя Жуковского, немецкого художника Герхардта Вильгельма фон Рейтерна, с которым он познакомился и сблизился в Эмсе летом 1826 г. (см.: Reutern. S. 48—50). Ранее Жуковский только мельком один раз видел Рейтерна в Дерпте в 1816 г. (Русская беседа. 1859. Кн. 3. С. 17).

²² *Принцесса Вильгельм.* — Принцесса Марианна, супруга прусского принца Вильгельма (см. примеч. 14 к 1820 г.).

²³ *Чтение отчета.* — По всей вероятности, речь идет о «Донесении следственной комиссии» по делу о 14 декабря. В это время Жуковский готовится к созданию «Записки о Н. И. Тургеневе».

²⁴ *Наводнение.* — Речь идет о наводнении, которое произошло в комнате Жуковского и которое заставило его перебраться на другую квартиру в Kurhaus'e (ПЖТ. С. 217). Вот что об этом пишет биограф поэта: «В Эмсе одно приключение сильно испугало Жуковского, но к счастью не имело никаких худых последствий. Он занимал квартиру в нижнем этаже углового дома у крутого переулка, через который протекал маленький ручеек, струившийся с горы, от так называемой Mooshütte.

4 августа после обеда, в ту минуту, когда Жуковский отдыхал, сделался вдруг ужасный ливень, и в несколько минут дождевая вода смыла с гор так много земли и камней, что совершенно запрудила переулочек и проникла в комнату спящего, который с трудом мог выбраться благополучно. Он должен был переселиться в другую квартиру» (Зейдлиц. С. 141).

²⁵ *Приезд вел(икой) княгини.* — Речь идет о сестре императора Александра I герцогине Саксен-Веймарской Марии Павловне. «Теперь здесь великая княгиня Мария Павловна, — сообщал Жуковский И. И. Козлову 23 июля (4 августа) из Эмса. — Можешь вообразить, с каким чувством я ее встретил. Глубокая и молчаливая горесть ее (вследствие кончины императора Александра) производит в душе какое-то благоговение. Как она напоминает Александра, не императора, но человека пленительного, прекрасного душою, которого так весело было встречать, который был так приветлив, так очарователен в обращении, который был другом и душою своего семейства. Она здесь не более трех дней и пробудет еще недели четыре» (С 7. Т. 6. С. 466).

²⁶ *1798—1807.* — Даты служебной деятельности Каподистрии. Далее перечисляются ее основные этапы. См.: Автобиографическая записка гр. Каподистрии, представленная императору Александру I в дек(абре) 1824 // Сборник Русского исторического общества. Т. 3. СПб., 1868. С. 163 и далее. Запись Жуковского, видимо, связана с подготовкой записки для императрицы Александры Федоровны (см. примеч. 19).

²⁷ *Рисунки Ивангое.* — Речь идет об иллюстрациях немецкого художника и архитектора Иоганна Христиана Руля к роману Вальтера Скотта «Айвенго».

²⁸ *Фантазия.* — *Fantasia*, название замка недалеко от Байрейта, города, связанного с именем Жан Поля.

²⁹ *...его брата.* — Брат писателя Жан Поля Иоганн Готлиб Рихтер.

³⁰ *Эзра...* — Жуковский вновь посещает места, связанные с историей Валленштейна (см. примеч. 130 к 1821 г.).

³¹ *Пушкина.* — Вдова А. М. Пушкина, Елена Григорьевна, адресат писем Жуковского 1826—1827 гг. (см. примеч. 26 к 1817 г.). «Для меня будет живым удовольствием вас видеть, — писал ей Жуковский из Эмса 8 июля 1826 г., — и с вами съездить в Пирну если не для свидания с нашим бедным затворником [т. е. Батюшковым], то по крайней мере для личного переговора с Пеницем и для свидания с почтенной Александрой Николаевной [Батюшковой, сестрой поэта]». (С 7. Т. 6. С. 482).

³² *Возвращение ~ с Александром и Сергеем.* — Речь идет о братьях Тургеневых, с которыми Жуковский провел в Дрездене зиму 1826—1827 гг. (Тургенев. С. 458—459).

³³ *Начал писать письмо.* — Вероятно, к императору Николаю I с просьбой о продлении заграничного отпуска для лечения на эмсских водах. 2 октября 1826 г. из Дрездена Жуковский писал императрице Александре Федоровне: «Приношу его величеству мою благодарность за дозволение провести зиму в Германии. Постараюсь, сколько возможно, воспользоваться этим пребыванием. Все минуты, свободные от лечения, будут посвящены моим приготовлениям [к должности воспитателя наследника]» (С 7. Т. 6. С. 273).

³⁴ *Чтение Жиллиса.* — Речь идет о сочинении английского историка Джона Жиллиса "The History of Ancient Greece" (Basel, 1790. Vol. 1—5). В библиотеке Жуковского сохранился экземпляр этого произведения с многочисленными записями поэта

(Описание. № 1111). Чтение «Истории древней Греции» Джиллиса было связано с подготовительными работами по преподаванию истории наследнику.

³⁵ *О путешествии по России*. — По всей видимости, работая в это время над «Планами учения великого князя» (ПСС. Т. 10. С. 3—11), Жуковский считал необходимыми для его воспитания и образования подобные путешествия. Как известно, он осуществил свое намерение только в 1837 г.

³⁶ “Preciosa”. — Драма П. А. Вольфа. В переводе с нем. А. В. Иванова шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 3. С. 300).

³⁷ *Начал Герена*. — По всей вероятности, речь идет о чтении сочинения немецкого историка Арнольда Герена “Handbuch der Geschichte des Europäischen Staaten-systems und seiner Colonien” (Руководство к истории политических систем европейских государств и их колоний), входящего в 8-й том его сочинений издания 1822 г. Это произведение находится в библиотеке поэта (Описание. № 1257) с многочисленными пометами (об этом см.: Великая французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 124—129), которые свидетельствуют о связи чтения как с педагогическими интересами Жуковского, так и с его увлечением историей Великой французской революции.

³⁸ *Сергей*. — В это время у С. И. Тургенева начали проявляться признаки умственного расстройства, вызванного во многом судьбой брата Николая, расправой над декабристами, что привело вскоре к его смерти. Жуковский принимал самое живое участие в его судьбе.

³⁹ *Ликурговы законы*. — Имеется в виду глава из сочинения Дж. Джиллиса (см. примеч. 34), которая вызвала особое внимание Жуковского во время чтения. В этой главе речь идет о легендарном законодателе Спарты Ликурге, который между IX в. и 1-й пол. VII в. до н. э. создал политические институты спартанского общества.

⁴⁰ *Отправил письмо*. — Речь идет о письме императору Николаю I (см. примеч. 33). 22 августа (3 сентября) Жуковский писал А. и С. Тургеневым по поводу этого письма: «Вчера отправил роковое письмо в Москву. Что-то велят?» (ПЖТ. С. 219).

⁴¹ *У Батюшк(овой)*. — Сестра Батюшкова Александра Николаевна постоянно жила в Пирне во все время лечения брата в психиатрической больнице доктора Пинитца в Зонненштейне.

⁴² *В театре*. “Maier und Alpin”. — Авторы этого балета установить не удалось.

⁴³ *Начал чтение для лекций*. — В «Проекте учения (...) великого князя (...)», составленного для Николая I в 1827 г., Жуковский, в частности, писал: «В бытность мою в Дрездене я не потерял своего времени; много приготовил (...) Теперь же должен написать тетради текущих уроков (...)» (ПСС. Т. 10. С. 11). В письме к А. П. Елагиной из Дрездена от 7 февраля 1827 г. он сообщал: «(...) на руках моих важное дело!.. Мне не только надобно учить, но и самому учиться, так что не имею средства и возможности употреблять ни минуты на что-нибудь другое. (...) Можете из этого заключить, сколько мне нужно приготовиться, чтобы лекции могли идти без всякой остановки» (ЖМНП. 1869. Т. 5. С. 102).

⁴⁴ *Начнет лекции Гассе*. — Речь идет о лекциях профессора истории Дрезденского университета Фридриха Гассе. О содержании и характере этих лекций подробно рассказывает А. И. Тургенев. Они имели культурно-философский характер и были

связаны с историей цивилизации: «он собрал в себе все лучи света древнего, первобытного мира»; целая лекция «о следствиях христианской религии и о вступлении из древней в новую историю» (*Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский и А. И. Тургенев в литературных кружках Дрездена (1826—1827 гг.) // ЖМНП. 1905. Т. 5. С. 164 165).

⁴⁵ “*Gazza ladra*”. — Опера Россини «Сорока-воровка».

⁴⁶ У *Боссе*. — Эрнест Боссе, живописец из Риги, в то время работавший в Дрездене, в несколько сеансов написал портрет Жуковского в рост. «Жуковский представлен идущим в деревьях: вдали Монблан и его окрестности. Портрет сей выставлен будет в Петерб(ургской) академии. Сходство большое!» (Тургенев. С. 17).

1827

(С. 253—298)

Впервые опубликовано: РС. 1901. № 12. Приложение. С. 192; 1902. № 1. Приложение. С. 193—205. То же: Дневник. С. 192—205. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 5. Л. 15 об.—31 об. Источники других записей оговариваются особо в примечаниях.

¹ **Март. Дрезден.** — Впервые опубликовано: Письма А. И. Тургенева к И. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 19—20. Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 35. Л. 12 об.

На основании письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 21 марта 1827 г., куда включен текст аполога «Голик и золото», и общего контекста рукописи данная запись датируется мартом 1827 г., периодом пребывания Жуковского с братьями Тургеневыми в Дрездене. Предваряя текст аполога в письме к брату, А. И. Тургенев замечал: «Сию минуту принес ко мне для тебя Жуковский сочиненную им басню в прозе, тебе посвященную. Вот копия. Оригинал сохраню и пришлю тебе при первом случае». Сразу же после текста басни Жуковский добавляет: «Это то же, что сказал один практический мудрец: чистой совести довольно, чтобы умереть; но жить нельзя без достоинства. Посвящено Николаю Ивановичу Тургеневу». Эти слова А. И. Тургенев комментирует так: «Жуковский сам хотел переписать свой аполог для тебя. Хотя последние слова и не совсем так, как они в письме у тебя; но он их хотел напомнить. Ты сказал: «Чувства чистой совести достаточно для смерти. Чувство нравственного достоинства необходимо для жизни» (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. С. 20).

Данная запись, как и последующие за ней афоризмы, неразрывно связана с общественной позицией поэта после декабристского восстания и в период работы над «Запиской о Н. И. Тургеневе».

² **14 (26) апреля 1827** — Далее, с 14 (26) апреля по 11 (23) мая текст дается по основному источнику: Дневники. С. 192—205. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 5. Л. 15 об.—31 об.

³ ...читал *profession de foi M-e de Recke*. — Вероятно, речь идет о сочинении Шарлотты фон Рекке “Gebets und religiöse Betrachtungen” (Молитвы и религиозные созерцания), вышедшем в Берлине в 1826 г. Это действительно «символ веры» (*profession*

de foi) писательницы. С автором книги Жуковский и А. И. Тургенев часто встречались в литературных салонах Дрездена (ЖМНП. 1905. № 5. С. 159, 164). «Вчера, — писал А. И. Тургенев брату 10 февраля 1827 г., — проводили вечер у большого поэта Тидге и гр. Рек и болтали о литературе, старой и новейшей, немецкой. Тидге и гр. Рек многих или почти всех знатнейших литераторов знали и прожили весь славный век немецкой словесности и сами в нем участвовали. Анекдоты их о прежних литераторах и авторах немецких любопытны» (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. С. 13—14). В списке лиц, с которыми Жуковский встречался в Дрездене, имя M-e de Rescke стоит первым (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 5. Л. 15 об).

⁴ *Великая разница с Беккером.* — Жуковский сравнивает исполнение роли Вильгельма Телля в одноименной драме Ф. Шиллера двумя известными немецкими актерами Вильгельмом Кунстом и Генрихом Беккером.

⁵ *...у Брокгауза.* — Известная книгоиздательская фирма в Лейпциге. Жуковским были здесь приобретены книги для наследника Александра Николаевича на 4000 талеров (см.: Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 27). Как было недавно установлено, в энциклопедическом издании Ф. А. Брокгауза "Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände" (Всеобщая немецкая предметная энциклопедия для образованных сословий), вышедшем в 1827 г., была опубликована статья "Russische Sprache und Literatur", восходящая к «Конспекту по русской литературе» В. А. Жуковского (см.: *Койтен А. А.* Русская литература конца XVIII — первой трети XIX в. в Германии: Немецкая рецепция творчества Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 1999. С. 21—22).

⁶ *...у Пелица.* — Карл Генрих Пелиц, профессор Лейпцигского университета, «немецкий полигистор», по словам А. И. Тургенева. «Писал обо всём, и обо всём недурно, даже хорошо, — продолжает Тургенев свою характеристику, — но, по сей самой универсальности своей учености и по переходу от одной части к другой, он не классический писатель ни в одной, живет, как циник, и мы видели его, когда были с Жуковским и С...м [С. И. Тургеневым], в спущенных чулках, с книгами и пр. в своей библиотеке, которую завещал после смерти университету, но запачканной как вся мебель его наружная. Он писал о словесности, об истории; теперь пишет и читает о политической экономии» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 93). В библиотеке Жуковского сохранились сочинения Пелица по истории с пометами и записями владельца (Описание. № 1859).

⁷ *«Оберон».* — Опера К. М. Вебера на сюжет одноименной поэмы Виланда.

⁸ *В галерее Шпека.* — Речь идет о картинной галерее коллекционера живописи Максимилиана фон Шпека, известного овцевода, который был приглашен в Россию Александром I для развития овцеводства.

⁹ *Вечеру в театре: "Kätchen von Heilbronn".* — «Рыцарская драма» Генриха Клейста «Кетхен из Гейльбронна» с известной немецкой актрисой Терезой Девриен в главной роли.

¹⁰ *Шведский король...* — Имеется в виду бывший шведский король Густав IV Адольф, свергнутый с престола в 1809 г. и живший в Германии и Швейцарии под именем полковника Густавсона. Вот как описывает Жуковский встречу с ним в одном из писем к Е. Г. Пушкиной: «Я здесь видел однако нечто, разительно изображающее

ничтожность этих земных величий. Здесь в маленьком трактире, озаменованном вывескою Золотой Пилы, живет на чердаке бывший шведский король под именем полковника Густавсона. Третьего дня мне удалось его видеть. Я шел мимо трактира, заглянул в окно, вижу какого-то в бедном шлафроке и, догадавшись, кто это, вхожу. Он сидит у стола с газетами в руках. Я начал говорить с хозяином, попросил пива, хозяин вышел. Я подошел к его бывшему величеству и спросил, могу ли взять газеты. Он подал их молча. *Mais peut-être les lisez vous-même* [Но, может быть, вы сами их читаете] — *Si je ne les avais pas lus, je ne vous les aurais donnés* [Если бы я их не прочел, я их вам не дал бы (*фр.*)], — отвечал он гордо. Встал и ушел. И это бывший жених великой княжны Александры Павловны, от которого вероятно умерла Екатерина. У него всего на всё доходу до 500 талеров; ходит в замаранном шлафроке и однажды отморозил себе пальцы дорогой, потому что нечем было защититься от холода» (С 7. Т. 6. С. 484).

¹¹ ...и *Линднером*. — Встреча с немецким педагогом Фридрихом Вильгельмом Линднером была для Жуковского важна в связи с работой над «Планом учения наследника». А. И. Тургенев так комментирует эту встречу: «Здесь, в Лейпциге, познакомились мы со многими; но лучшее знакомство с Линднером, автором *Мак-Бенака*. Истинный, практический христианский мудрец с счастливою физиономиею и говорящий просто и красноречиво, славный педагог и обучающий некоторым частям богословия» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 27—28). И добавляет: «Он точно один из немногих, кому можно было бы поручить начертать общий план воспитания и обучения народного» (Там же. С. 94).

¹² *Известие о смерти короля*. — Саксонский король Фридрих Август скончался 23 апреля 1827 г.

¹³ Читал *Lady Morgan*. — Вероятно, готовясь к поездке в Париж, Жуковский читал описание путешествия во Францию английской писательницы леди Сидней Морган, вышедшее под заглавием «France» (1817).

¹⁴ *Портрет императрицы*... — Имеется в виду императрица Елизавета Алексеевна.

¹⁵ *В театре*: «Wasserträger». — Возможно, речь идет об опере Л. Керубини, либретто Ж.-Н. Буйи, «Водовоз, или Двухдневное происшествие». В переводе с фр. В. А. Левшина она неоднократно шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 461).

¹⁶ *Маркграфиня Леопольд*. — Супруга принца Баденского Карла Леопольда Фридриха, София-Вильгельмина.

¹⁷ *Гроб основателя*. — Основателем Карлсруэ в 1715 г. был маркграф Баден-Дурлахский Карл Вильгельм.

¹⁸ ...*маркграфини, матери Елизаветы Алексеевны*... — Вдова наследного принца Баденского Амалия-Фридерика, мать русской императрицы.

¹⁹ *Октогонная зала*. — От фр. octogonal — восьмиугольная.

²⁰ *Рефлектоар*. — От фр. réfécatoire — столовая, трапезная.

²¹ *Villers-Cotterêts*. — Далее (см. запись от 11 (23) мая) Жуковский дает русскую транскрипцию: «Вилье Коттерет». Вилле-Котре — небольшой городок в 70-ти км от Парижа. Известен как родина А. Дюма-отца, где он и похоронен.

²² *Парижский дневник* — Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 35. Л. 1—7 об. 2-й паг. Записи иллюстрированы рисунками Жуковского, которые являются беглыми

зарисовками некоторых парижских достопримечательностей. «Выдержки из Парижского дневника» были в первые опубликованы (с купюрами и иногда в вольном пересказе) П. А. Вяземским (РА. 1876. № 2. С. 94—99). Полностью текст публикуется в первые.

Вяземский не случайно проявлял такой интерес к парижскому дневнику Жуковского, опубликовав сначала выдержки из него в РА, а затем снабдив их статьей (см.: Жуковский в Париже. 1827 год. Май. Июнь // Вяземский. Т. 7. С. 470—484). В письме к А. И. Тургеневу в Париж от 6 июня 1827 г. он сделал характерную приписку, обращенную к Жуковскому: «Жуковский, посмотри на него [Париж] за меня хорошенько вдоль и поперек, спереди и сзади. Сохрани свято и ненарушимо натуральный запах парижский и окури меня им, мой благодетель!» (ОА. Т. 3. С. 162—163).

Не исключено, что в руках Вяземского имелся еще какой-то вариант (копия) черновых заметок Жуковского, находившихся в его архиве. Во всяком случае текст «Выдержек из Парижского дневника» имеет некоторые отличия от рукописного источника, хотя нужно учитывать признания самого Вяземского: «Выберем некоторые отметки из дневника его (...). Теперь придется и мне сделать пред читателем маленькую исповедь как для очистки своей совести, так в особенности для очистки Жуковского. Некоторые из беглых заметок его писаны на французском языке. Впрочем их не много. Не знаю, как и почему в работе моей переводил я их иногда набело по-русски. Нечего и говорить, что я строго держался смысла подлинника, но, вероятно, выражал я этот подлинник не так, как бы выразил его сам Жуковский. В том нижайше каюсь» (Вяземский. Т. 7. С. 480, 484).

Источником парижских впечатлений Жуковского стала книга французского историка и политического деятеля Жака Антуана Дюлора (Dulaure; 1755—1835) *“Panorama de la ville Paris, et Guide de l'étranger à Paris, présentant l'origine, l'histoire et l'accroissement de cette ville, la description de ses monuments et ses établissements publics, par J.-A. Dulaure. Orné de douze vignettes représentant les plus beaux édifices et monuments; précédé d'un joli plan colorié. Heidelberg, s. a.”*. Эта книга находится в личной библиотеке поэта (см. Описание. № 944) и содержит его небольшие пометы и записи, сделанные тонко отточенным карандашом. Так на обороте верхней обложки имеется запись: “1. Voyage par les boulevards. Quartiers. Rue de Richelieu de Monmartre”. Отчеркивания и цифры от 1 до 82 фиксируют те достопримечательности, которые привлекли внимание Жуковского. По всей вероятности, путеводитель попал в руки Жуковского от Александра Ивановича Тургенева. Во время своего парижского вояжа с братом Николаем (11 октября 1825 г. — январь 1826 г.) Тургенев приобрел это сочинение Дюлора, о чем оставил 2 (14) октября 1825 г. дневниковую запись: «Перед обедом долго бродил я по городу и в книжных лавках купил „Панораму Парижа“ Дюлора, автора „Истории Парижа“, пространной и многотомной. Из кратких описаний Парижа его „Панорама“, кажется, лучшее. Он соединяет исторические указания с местными и с картинками, порядочно выгравированными» (Тургенев. С. 315).

Первый слой помет в «Панораме Парижа...» — отчеркивания коричневым карандашом рядом с цифрами Жуковского, нота-бене, сделанные этим же каранда-

шом, — свидетельствует именно о принадлежности книги Тургеневу: подобные пометы есть и в других книгах из библиотеки Жуковского, владельцем которых был А. И. Тургенев.

Сочинения Дюлора пользовались популярностью. Еще Н. М. Карамзин опирался на его суждения в своих парижских письмах (см.: Карамзин. Указ. имен).

Дневник представляет черновые подневные записи с 11 (23) мая по 28 (10) июня 1827 г. В письме к А. П. Елагиной от 7 (19) февраля 1827 г. из Дрездена Жуковский так писал о предстоящем путешествии: «В конце апреля отправлюсь в Париж, также для покупки французских книг и в то же время, чтобы сказать самому себе: я видел Париж» (УС. С. 45). В Париже Жуковский жил на одной квартире с братьями Тургеневыми, Александром и Сергеем, чем и определяется форма множественного числа в дневниковых записях. Характерной особенностью текста дневника является его двуязычие. Жуковский нередко свои размышления, некоторые реалии (имена, названия пьес) записывает по-французски, но любопытно, что иногда сопровождает их автотранскрипцией. Ср., например: Villers-Cotterêts — «Вилье Коттерет»; Warée — «Варе» и т. д.

Резюмируя свои впечатления от Парижа, 27 октября 1827 г. Жуковский писал другой своей племяннице — А. П. Зонтаг: «Заглянул я в Париж, который можно назвать бездною деятельности и образованности» (УС. С. 100).

²³ ...*стафинный замок, построенный Франциском Первым*. — Имеется в виду замок XIII в. в Вилле-Котре, который был перестроен Франциском I в сер. XVI в. и стал главной достопримечательностью городка. Долгое время замок принадлежал королевской семье.

²⁴ ...*герцог Орлеанский Égalité*. — Имеется в виду герцог Орлеанский Луи-Филипп-Жозеф (1747—1793), отец французского короля Луи-Филиппа, возглавивший младшую ветвь королевской династии Бурбонов. В первые годы Великой французской революции отрекся от своего титула и стал называть себя Égalité (Равенство).

²⁵ ...*до 80 000 arpents*. — Арпан — старая французская земельная мера. Существовали разные типы арпанов, но обычный арпан был равен 42,208 ара. Со времени введения метрической системы заменён гектаром.

²⁶ *Traversière*. — Вероятно, речь идет о той же самой квартире, в которой братья Тургеневы (Александр и Николай) жили в октябре 1825 — январе 1826 г. Ср.: «Наши квартиру за 160 fr. в месяц в Rue Traversière, hôtel d'Autriche» (Тургенев. С. 314).

²⁷ ...*в Palais-Royal*... — Для всех русских путешественников Пале-Рояль (Руаяль) был средоточием духовной жизни Парижа. Все отмечали его «общезительность» и открытость «свежим ветрам» современности, что выгодно отличало Пале-Рояль от дворца Тюильри. Этот дворец был построен архитектором Ж. Лемерсье в 1629—1636 гг., достраивался позднее и долгое время был резиденцией французских королей и членов их семей. Отсюда происходит название — Королевский дворец.

²⁸ ...*в Opéra française*. — Опера (Académie royale de Musique, ou Grand Opéra) находилась на улице Ле Пелетье. В Опере пели на французском языке. Спектакли шли по понедельникам, средам, пятницам и воскресеньям. Светский Париж предпочитал пятницу. Особенно популярной Опера становилась в апреле и мае, когда в Париже

уже не давали частных балов, а Итальянский театр (Опера-буффа) уже был закрыт (см.: Мартен-Фюжье. С. 324). В «Панораме Парижа» Дюлора Жуковский отмечает на с. 121 цифрой «24» описание Оперы. Отсюда он мог почерпнуть ее историю, связанную с убийством там 13 февраля 1820 г. Лувелем герцога Беррийского, что вызвало приказание Людовика XVIII разрушить здание на улице Ришелье, где произошло это преступление, и построить поблизости новое.

²⁹ *“La prise de Corinthe”*. — Более точно: *“Le siège de Corinthe”*. Опера Россини «Взятие Коринфа» была переделана им самим из прежней оперы «Магомет» после переселения композитора в Париж в 1824 г. Переделка оперы была связана с изменением направления оперного искусства Россини: колоратура отодвигается на второй план, уступая место драматическому действию. Впервые прозвучала на сцене Оперы в 1826 г.

³⁰ *“Jocodé”*, балет. — «Астольф и Жоконд, или Искатели приключений», балет Жан-Пьера Омера на музыку Л.-Ж. Герольда по мотивам комической оперы Н. Изуара (см. примеч. 81 к 1820 г.). Премьера состоялась в январе 1827 г.

³¹ *Из мужчин Массоль и Нуррит*. — Жуковский называет двух ведущих солистов театра Гранд-Опера, французских певцов: баса Ж.-Э.-А. Массоля и тенора А. Нурри.

³² *Танцы были прелестны...* — Русский критик А. Г. Глаголев, посетивший Париж почти в то же время, что и Жуковский, так писал о балетной труппе Гранд-Опера: «Большая Опера всегда привлекает к себе толпы зрителей своими прекрасными балетами, великолепными декорациями, отлично устроенным оркестром и легкостью своего зефира Поля, своей Флоры Монтессю и Венеры Нобле» (Глаголев. Ч. 4. С. 114).

³³ *...у Мериана...* — Барон Андрей Адольфович Мериана (Мерьян), швейцарец по национальности, был русским дипломатом, служившим при русском посольстве в Париже. Хорошо знакомый с Александром Ивановичем Тургеневым, он, видимо, принимал участие в судьбе его братьев — Николая и Сергея (см.: Тургенев. Указ. имен).

³⁴ *...у графини Разумовской...* — Первая жена графа Г. К. Разумовского, известного минералога и почетного члена Российской Академии, Генриетта Разумовская, голландского происхождения, из эльзасского семейства баронов Мальсен, после развода оказалась в тяжелом положении. Но благодаря своей привлекательности и блестящему уму, а также покровительству швейцарских и парижских друзей она нашла доступ ко двору и в петербургский свет.

Поселившись в Париже, она оказалась в центре светской жизни. Ее гостиная на rue de Vas, 27 стала известна всему Парижу. Ее друзьями были Гизо, Дежерандо, Тьерри, Вильмень, а также русские эмигранты. Она была в тесной дружбе с гр. Каподистрией, с Тургеневыми, принимала самое горячее участие в судьбе декабриста Николая Тургенева.

Именно через Тургеневых с ней познакомился Жуковский (см.: ПЖТ. С. 209—210). Это знакомство оставило свой след в душе поэта. Он называет ее «нашей милой хранительницей», имеющей «нежное сердце». Известие о ее внезапной смерти 17 декабря 1827 г. потрясло поэта (ПЖТ. С. 235). В свою очередь Г. Разумовская так характеризовала Жуковского: «Представление о Жуковском соединяется у меня с религиозными чувствами; он оставил во мне впечатление чего-то совершенного,

решительно-безупречного» (РА. 1895. № 8. С. 502). Подробнее о Г. Разумовской и ее взаимоотношениях с Жуковским см.: Загарин. С. 375—377.

³⁵ ...на вечер к Гизо. — Комментируя эту запись, Вяземский писал: «Впрочем, самая личность Гизо была такова, что более подходила к Жуковскому, нежели многие другие известности и знаменитости. Гизо был человек мысли, убеждения и труда: не рябил в глаза блесками французского убранства. Он был серьезен, степенен. Протестант вероисповеданием и всем своим умственным и нравственным складом. (...) Гизо был человек возвышенных воззрений и стремлений, светлой и строгой нравственности и религиозности. Среди суетливого и лихорадочного Парижа он был такое лицо, на котором могло остановиться и успокоиться внимание путешественника, особенно такого, каким был Жуковский» (Вяземский. Т. 7. С. 479).

Знакомство Жуковского с известным французским историком и политическим деятелем эпохи Реставрации Франсуа Гизо имело для Жуковского важное значение. Поэт сразу же с симпатией относится к нему, говорит, что Гизо «очень интересный человек», «один из тех ученых, которых ценишь больше, познакомившись ближе» (С 7. Т. 6. С. 513), но самое главное — он приобщается к его трудам, прежде всего к популярным лекциям по истории цивилизации Европы, которые Гизо издал отдельной брошюрой (*Histoire générale de la civilisation en Europe depuis la chute de l'empire romaine jusqu'à la révolution française. Par M. Guizot. P., 1838*). О чтении этого сочинения Жуковским см.: Янушкевич. С. 173—176.

³⁶ ...театр *Des nouveautés*. — «Театр Новинок» на площади Биржи.

³⁷ ...новый водевиль "*Le rendez-vous manqué*" — Автором водевиля «Несостоявшееся свидание», премьера которого состоялась 8 марта 1827 г., был Н. Бразье.

³⁸ ...цвет либерализма. — Жуковский перечисляет виднейших представителей французского либерализма, известных политических деятелей и литераторов, объединившихся вокруг Ф. Гизо: философа, депутата Пьера Поля Ройе-Коллара, историка литературы, позднее (в 1839—1845 гг.) министра народного просвещения Абеля Франсуа Вильмена, публициста, сына г-жи де Сталь барона Огюста Луи де Сталя, политического деятеля, позднее (в 1832—1836 гг.) министра иностранных дел герцога Ашиля-Шарля-Леонса-Виктора де Броглио (Брольо), литератора Луи Симона Ожера (Оже).

³⁹ *M-e Guizot*. — Первая жена Ф.-П.-Г. Гизо Элизабет Шарлотта Полина Гизо (урожд. де Мелан), писательница, автор педагогических сочинений, популярных в свое время (см.: *Скальковский К. Женщины-писательницы*. Т. 1. СПб., 1865. С. 143). Полина де Мелан, на которой Гизо женился в 1811 г., была старше его на 14 лет и, по воспоминаниям современников, отличалась большим умом и либеральными убеждениями, зарабатывая на жизнь литературным трудом. Жуковский, уезжая из Парижа, уже был наслышан о ее смертельной болезни и из письма Генриетты Разумовской узнал о последних часах ее жизни. Гр. Разумовская, в частности, приводит следующие слова умирающей жены Гизо: «Скажите Александру [Тургеневу] и Жуковскому, что мне хотелось бы видеть их здесь, что они для меня не иностранцы; я совершенно сроднилась с ними, это благородные души...» (Загарин. С. 379). В библиотеке Жуковского сохранились ее педагогические сочинения (Описание. № 1206).

⁴⁰ ...о *M-e Moreau*... — Речь идет о Шарлотте Моро де Мельтиер, оказавшейся в Муратово около 1814 г. вместе со своим мужем, пленным офицером французской армии. Вспоминая об этом времени, Жуковский писал: «Дни, проведенные нами вместе, принадлежали к тому времени моей жизни, которое ни в чем не сходствует с моим нынешним временем. Муратово — это место, где протекал мой золотой век» (С 7. Т. 6. С. 514). Жуковский, пытаясь помочь пленной француженке, так характеризовал ее способности: «...знающая немецкий, французский и итальянский языки, большая музыкантша, мастерица петь, да к тому же и литератор» (РА. 1900. № 3. С. 20). Впоследствии она вполне оправдала свою характеристику, создав целый ряд переводов, оригинальных романов, драм, некоторые из них посвятив Жуковскому (РА. 1875. № 3. С. 320). Благодаря ее протекции Жуковский сблизился с семейством историка Гизо, поэтому разговор о Шарлотте Моро в его доме выглядит естественным.

⁴¹ ...о *французских мемуарах*. — По всей вероятности, Жуковский предполагал использовать французские мемуары, связанные с событиями Великой французской революции и эпохи Реставрации, для педагогических целей — воспитания и обучения наследника. В Париже он закупал книги для этих занятий. В издании 23-томного собрания мемуаров принимал участие Ф. Гизо, написавший для него вступительную статью, добавления, примечания. В библиотеке Жуковского сохранилось около 150 томов французских мемуаров различных изданий, в том числе и то, о котором говорилось выше: *Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au XVIIIe siècle. Avec une introduction, des suppléments, des notices et des notes, par M. Guizot. 20 tomes. P.: J.-L.-J. Brière, 1823—1825.* На самом деле в собрание вошло 23 тома (см.: Описание. № 835).

⁴² ...у *Свечиной*... — Софья Петровна Свечина, урожд. Соймонова, писательница, хозяйка прославленного салона в самом центре Сен-Жерменского предместья, на улице Сен-Доминик, 5, который считался центром либерального католицизма (подробнее см.: Мартен-Фюжье. С. 278). Россию она покинула в 1816 г., после того как ее муж, генерал от инфантерии Николай Сергеевич Свечин, бывший санкт-петербургским военным губернатором, впал в немилость. Еще в 1815 г. она обратилась в католичество.

⁴³ ...у *княгини Голицыной*... — Александра Петровна Голицына, урожд. Протасова, жившая вдовой в Париже и там перешедшая в католичество. Известна как писательница.

⁴⁴ *“Mandrine”*. — Мелодрама французских драматургов Б. Антье, Э. Араго и Э. Кронье. В основе ее сюжета — история знаменитого французского контрабандиста Луи Мандрена (1724—1755), вскоре после гибели ставшего героем народных преданий и типом «благородного разбойника». Был приговорен к четвертованию и погиб на эшафоте. Эта мелодрама в переделке И. Несмеянова и с названием «Мадрин, атаман разбойников» шла на петербургской сцене в конце 1831 г. (ИРДТ. Т. 3. С. 272).

⁴⁵ *«Тартюф»*. — Известная комедия Мольера.

⁴⁶ *Серж, который должен подражать Потье*... — Имеются в виду актер парижского театра «Варьете» Серж и известный французский комический актер Шарль Потье. О его популярности так писал А. Глаголев: «Там, где Потье, всегда набиты битком и театр и театральные кассы. Кроме отличной игры своей, он имеет еще дар

украшать свои роли острыми аллюзиями и импровизациями. (...) Потье, как умный фарсёр, известен всем любителям театра...» (Глаголев. Ч. 4. С. 111—112). О его даровании импровизации говорит в своем дневнике и А. И. Тургенев (Тургенев. С. 323, 357).

⁴⁷ *“Les petits protecteurs”*. — Комедия Т. Бодуэна Добиньи «Маленькие защитники, или Потайная лестница».

⁴⁸ *“Le fifre et le tambour”*. — Комическая опера Ш.-О. Севрена «Флейта и барабан».

⁴⁹ *Поутру у посла...* — Русским послом во Франции в 1814—1834 гг. был русский дипломат корсиканского происхождения граф Шарль Андре (Карл Осипович) Поццо ди Борго. В 1794—1796 гг. он занимал пост государственного секретаря на Корсике, затем эмигрировал в Россию, поступил в русскую службу и принимал участие в борьбе против Наполеона на стороне России. После падения французского императора Александр I отправил его в Париж. Ему Луи-Филипп был обязан некоторым смягчением позиции русского царя по отношению к Франции. С 1834 г. Поццо ди Борго — русский посол в Англии.

⁵⁰ *...видел Шредера*. — Андрей Андреевич Шредер, русский дипломат, впоследствии русский министр в Дрездене и при саксен-веймарском дворе.

⁵¹ *С Тургеневыми...* — Как уже было сказано выше (см. примеч. 22), в Париж Жуковский приехал из Дрездена вместе с братьями Тургеневыми — Александром и Сергеем. Их пребывание в Париже, омраченное болезнью и смертью С. И. Тургенева, проходило под знаком активного участия в судьбе находившегося в Англии Николая Тургенева, привлеченного к суду за участие в декабристском движении. Подробнее см.: «Записка о Н. И. Тургеневе» и примечания к ней в наст. томе.

⁵² *...о Пушкиной...* — Речь идет о Е. Г. Пушкиной, принимавшей живое участие в судьбе братьев Тургеневых и тесно связанной дружескими отношениями и перепиской с Жуковским (см. примеч. 31 к 1826 г.).

⁵³ *Брат Гизо* — О нем упоминает А. И. Тургенев в своем дневнике за 1825 г. (Тургенев. С. 321).

⁵⁴ *Фориель*. — Известный французский ориенталист и переводчик Клод Фориель. В 1824—1825 гг. вышли в свет «Народные песни современной Греции» в его обработке, которые Мериме использовал в период работы над «Гузлой»

⁵⁵ *В камеру депутатов*. — Палата депутатов заседала в Бурбонском дворце. Посещение Жуковским заседаний парламента, судебных заседаний было неразрывно связано с его глубоким интересом к вопросам законности и права. События 14 декабря и работа над «Запиской о Н. И. Тургеневе» активизировали этот интерес. По словам А. И. Тургенева, «Жуковского эти судебные сцены более интересуют, нежели всё в Париже» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 32).

⁵⁶ *раппортёр* — От *фр.* rapporteur — докладчик, референт.

⁵⁷ *Себастиани* — Граф Орас Себастиани, маршал Франции, при реставрации либеральный депутат, впоследствии (1830—1832 гг.) министр иностранных дел. Свои речи он начинал излюбленной фразой: «Господа, дело очень серьезное!» (Шатобриан. С. 412). В цикле статей «Французские дела» (1832) Генрих Гейне дал язвительную характеристику Себастиани, этого «Купидона империи», назвав его «старым кокетничавшим человеком с пепельно-серым сердцем и желтым лицом (...) Все его познания состоят теперь из старых, потрепанных дипломатических фокусов, которые

непрестанно трещат в его жестяном мозгу» (*Гейне Г.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. ГИХЛ, 1958. С. 287—288). Жуковский почувствовал эту особенность ораторской манеры Себастиани.

⁵⁸ *Виллель, Корбьер, Пейронне и Шаброль.* — Перечисляются члены французского кабинета министров во главе с графом де Виллелем, который был одновременно министром финансов и находился у власти в 1822—1827 гг. Кроме Жозефа де Виллеля названы министр внутренних дел граф де Корбьер, министр юстиции граф Шарль Пейронне, префект департамента Сены граф де Шаброль-Воловик.

⁵⁹ *Гид де Невиль* — Барон Гид (Ид) де Невиль Жан Гийом, роялист, дипломат и политический деятель. Известен как друг и душеприказчик Шатобриана, который, по собственному признанию, уступил ему портфель морского министра в кабинете Мартиньяка (1828—1829 гг.). См.: Шатобриан. С. 354.

⁶⁰ *Бенжамен Констан* — Констан де Ребек Бенжамен, известный французский писатель, в эпоху Реставрации был либеральным депутатом. Далее Жуковский сравнивает его внешность («напоминает Фридриха») с обликом известного художника романтика Каспара Давида Фридриха (см. примеч. 7 к 1820 г.).

⁶¹ *Биньон* — Луи-Пьер-Эдуард Биньон, французский дипломат и историк. По мнению А. И. Тургенева, был «энтузиастом Наполеона» и «настоящим анти-Макиавелем в правилах своей христианской политики» (Тургенев. С. 191, 66). Его исторические труды, в частности 14-томная история наполеоновской Франции (*Histoire de France sous Napoléon. Deuxième époque, depuis la paix de Tilsit en 1807 jusqu'en 1812*), выходящая с 1829 по 1850 г., были очень популярны.

⁶² *«Радамист и Зенобия».* — Интерес к этой трагедии французского драматурга П. Кребийона имел длительную историю в биографии Жуковского. Еще в 1810 г. (ВЕ. 1810. № 22. С. 102—120) он написал статью, посвященную переводу этой трагедии на русский язык С. И. Висковатовым. Жуковский обращал особое внимание на мастерство Кребийона в изображении трагических характеров и замечал в частности: «...характер Радамиста, одно из тех необычайных созданий природы, в котором всё поражает, всё сильно и всё ужасно» (Эстетика и критика. С. 257). Сравнение двух оценок трагедии «Радамист и Зенобия» — 1810 и 1827 г. — отражение эволюции в отношении Жуковского к классицистической трагедии.

⁶³ *...забавная комедия "Le jeune mari".* — Комедия Эдуарда Мазера «Молодой муж».

⁶⁴ *Дюшену произвела надолго неприятное впечатление.* — Комментируя эту оценку Жуковским игры популярной в то время французской актрисы, Вяземский писал: «Мнение Жуковского не соглашается здесь с общим парижским и почти европейским мнением. Дюшену не красива была собою, а между тем, по отзыву многих, соперничала с красавицею Жорж, и в некоторых ролях даже побеждала ее. Жуковский в молодости был поклонником актрисы Жорж, во время бытности ее в Москве. Может быть, не хотел он и не мог изменить своим прежним впечатлениям и воспоминаниям» (Вяземский. Т. 7. С. 480).

⁶⁵ *...Оросман, Ипполит, Орест представляют любовь в разных степенях...* — Герои французских трагедий «Заира» Вольтера, «Федра» Расина, «Электра и Орест» Кребийона. Комментируя эту запись, Вяземский писал: «Нельзя вниманию не остановиться на метком и беглом, но глубоко обдуманном суждении о французском театре вообще

и о французской трагедии в особенности. Как жаль, что Жуковский не имел времени или охоты посвятить себя трудам к обработке критики. Из него вышел бы первый, чтобы не сказать единственный, учитель наш в этой важной отрасли литературы, которая без нее почти мертвый или неоцененный капитал» (Вяземский. Т. 7. С. 481).

⁶⁶ *Но таков был один Тальма.* — Жуковский не мог видеть великого французского трагика на сцене, так как Франсуа Жозеф Тальма умер незадолго до парижского путешествия Жуковского. Но ему безусловно были хорошо известны восторженные оценки игры Тальма А. И. Тургеневым, лично знакомым с актером (см.: Тургенев. С. 367—369). По этому поводу Вяземский заметил: «О Тальме Жуковский говорит на основании общих отзывов и суждений о превосходной и новыми понятиями обдуманной игре этого актера. Застать его он уже не мог. Тальма умер в 1826 году» (Вяземский. Т. 7. С. 481).

⁶⁷ *...сочинял свои каталоги.* — Речь идет о каталогах, которыми Жуковский пользовался при покупке книг для занятий с наследником, предварительно их готовя на основе изучения печатных. «Мы делаем для Жуковского реестр всего классического в разных родах для составления библиотеки Великого князя», — писал 11 октября 1826 г. из Дрездена А. И. Тургенев брату Николаю Ивановичу (РС. 1875. Апрель. С. 740). Подробнее об этом см.: Загарин. С. 366—368.

⁶⁸ *...у Бобринской...* — Имеется в виду давняя знакомая Жуковского графиня Анна Владимировна Бобринская (урожд. баронесса Унгерн-Штернберг). К ней обращено стихотворение Жуковского 1819 г. «Я с благодарностью сердечной извещаю...», свидетельствующее о доверительных отношениях поэта со своей павловской соседкой. Дача Бобринской в Павловске привлекала к себе представителей петербургского света. По воспоминаниям П. А. Вяземского, «графиня жила жизнью общежительною, гостеприимной. Она веселилась весельем других. Все добивались знакомства с нею, все ездили к ней охотно. А она принимала всех так радушно, — можно сказать, так благодарно, как будто мы ее одолжали, а не себя, посещая ее дом. Эти праздники были не только блистательны и роскошны, но и носили отпечаток вкуса и художественности» (РА. 1868. Стб. 2035). Многочисленные записи Жуковского в дневнике за август-сентябрь 1819 г. свидетельствуют о постоянном его общении с Бобринской (Дневники. С. 64, 67—71). В 1821 г. она стала свекровью С. А. Самойловой, которой был увлечен поэт в 1818—1820 гг.

⁶⁹ *...с Жомини...* — Барон Генри (Анри) Жомини, генерал, военный писатель. Швейцарец по происхождению, с 1803 г. служил во французской армии. С 1813 г. на русской службе, воевал против Наполеона. О его популярности в России свидетельствуют известные стихи Дениса Давыдова: «Жомини да Жомини! // А об водке ни полслова...» («Песнь старого гусара»; 1817), ставшие поговоркой.

⁷⁰ *...за его жизнь Наполеона.* — Имеется в виду жизнеописание Наполеона, вышедшее в свет в 1827 г. в девяти томах. См.: The Life of Napoleon Buonaparte, Emperor of the French. With a preliminary view of the French Revolution. By the author of "Waverley". Edinburgh, 1827. Vol. 1—9. Автор «Веверлея», как указано в титуле книги, — Вальтер Скотт. Это сочинение английского романиста вызвало противоречивую оценку в европейской критике. «Ценность и тенденция вальтерскоттовской книги освещены в журналах всей Европы, — писал Г. Гейне. — Не только возмущенные французы, но

и ошеломленные соотечественники автора вынесли обвинительный приговор» (*Гейне Г.* Собр. соч. Т. 4. С. 383).

⁷¹ *Он сам печатает признания Наполеона.* — Речь идет о четырехтомном сочинении Анри Жомини “*Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui-même...*” (Р., 1827). Это произведение имеется в библиотеке Жуковского (Описание. № 1384) с дарственной надписью на обложке первого тома (см. воспроизведение автографа: БЖ. Ч. 1. С. 469).

⁷² *В театр “Feu-deau”...* — Впоследствии Жуковский называет этот театр: “*Opéra comique*” (записи от 31 (12) мая, 8 (20) июня). Второе название театра — «Федо» связано с тем, что он находился на одноименной улице (*rue Feu-deau*, 19).

⁷³ *“L’amant jaloux”, музыка Гретри.* — Опера французского композитора Андре Гретри «Ревнивый любовник»; либретто Э.-М. Леви.

⁷⁴ *“La Dame Blanche”.* — Комическая опера Ф.-А. Буальдьё «Белая дама». Либретто Э. Скриба по мотивам романов В. Скотта.

⁷⁵ *M-r Louis.* — По всей вероятности речь идет о бароне Жозефе Доминике Луи, французском политическом деятеле, занимавшем в разное время (1814—1815, 1818—1819, 1830, 1831—1832) пост министра финансов.

⁷⁶ *Dégérando.* — Интерес к педагогической системе французского филантропа Жозефа Мари Дежерандо далеко не случаен. Парижское путешествие было подготовкой Жуковского к созданию «Плана учения наследника» и началу активной педагогической деятельности. Встреча с Дежерандо не стала эпизодом в биографии поэта. В его библиотеке сохранились сочинения французского педагога с пометами владельца (Описание. № 2601).

⁷⁷ *Кафета Пейронне.* — Граф Пьер Дени де Пейронне (Перонне), французский политический деятель, был министром юстиции в правительстве Виллеля. Его законы о прессе, о смертной казни за богохульство вызывали неприязнь в либеральной среде.

⁷⁸ *“Moïse”.* — Опера Россини «Моисей».

⁷⁹ *...воспитанники {...} служат монитёрами.* — От *фр.* *moniteur* — наставник, советчик. В школе монитёр — помощник учителя, репетитор.

⁸⁰ *В театре «Мероп».* — Трагедия Вольтера. В главной роли выступала мадемуазель Дюшенуа, игру которой не принимал Жуковский (см. примеч. 64).

⁸¹ *Дебютант Varlet...* — Речь идет о совсем юном, семнадцатилетнем парижском актере Габриэле Варле.

⁸² *“Le premier venu”, забавная комедия...* — Комедия в 3 действиях Ж.-Б.-Ш. Виалья “*Le premier venu, ou Six lieues de chemin*”. В переводе с *фр.* Е. Лифанова под названием «Первый, кто придет, или Шесть миль в дороге» шла в Москве (ИРДТ. Т. 2. С. 505).

⁸³ *Гранвиль* — Под псевдонимом Гранвиль выступал актер Шарль Франсуа Грандина.

⁸⁴ *...в Диораму.* — Диорама была построена на улице Сансон по проекту Л.-Ж. Дагерра. Обычно в ней представляли одновременно три или четыре картины. Посетивший незадолго до Жуковского эту парижскую достопримечательность А. Г. Глаголев так описал ее: «Диорама помещается подле Храмового бульвара в каменном здании, имеющем деревянный купол. Поднявшись по отлогой лестнице во второй этаж, вы входите в темный амфитеатр, приближаетесь к окну, открытому в передней стене, и

не успели еще осмотреться, как уже перенесены каким-то волшебным духом под знойное небо Испании (...) Через минуту открывается ночная сцена в Эдинбурге. Играющий вами волшебный дух теперь поставил вас в замке Голирудском, посреди развалин монастыря, основанного в 1128 году королем Давидом. (...) Вообще в диораме как неподвижные предметы, так и феномены природы представляются с такою живостью, что производимый ими оптический обман остается загадкой для самых искусных художников» (Глаголев. Ч. 4. С. 81—84).

⁸⁵ ...картины Дагерра. — Луи-Жак Дагерр, французский художник, изобретатель дагерротипии, предшественной фотографии. В 1822 г. вместе с другим художником Буттом приступил к устройству изобретенной им диорамы. Именно ему принадлежала идея создания особых подвижных картин.

⁸⁶ В *Variétés*. — «Варьете», один из старейших театров Парижа, основан в 1720 г. После 1807 г. переместился на бульвар Монмартр. Спутником Жуковского в Париже был А. И. Тургенев, и поэтому его характеристика Варьете представляется существенной для понимания интереса Жуковского именно к этому театру. «Театр des Variétés, — писал Тургенев, — разнообразен, как капризы и вкус парижской публики, которой он есть верный, почти ежедневный отпечаток. В каждой из сих пьес представлена какая-либо особенность, на ту минуту Париж занимающая, или обыкновение, или мода, или новое постановление правительства. (...) Variétés есть точно курс французской этнографии. В нем отсвечиваются нравы, обычаи, слабости, пороки — словом, вся домашняя нравственная и политическая жизнь французов...» (Тургенев. С. 322—324).

⁸⁷ “*Les trois bossus*”, глупая фарса. — Комическая опера «Три брата горбуна» Мезендорфа. Шла на русской сцене в переложении А. В. Лукницкого на музыку К. А. Кавоса (ИРДТ. Т. 2. С. 322).

⁸⁸ “*L'intérieur d'une étude*”. — Вероятно, речь идет о комедии-водевиле в I действии Э. Скриба, Ж. Имбера и Ф.-О. Варнера “*L'intérieur d'un bureau, ou La chanson*”. В России в переводе с фр. А. А. Шаховского она шла под названием «Песня, или Конторское приключение» в 1824—1825 гг. (ИРДТ. Т. 2. С. 506).

⁸⁹ “*Les deux matelots*”. — Комедия-водевиль М. Теолона, А. Дартуа и М. Даллара «Два матроса». Премьера в 1827 г..

⁹⁰ “*Les compagnons du devoir*”. — Водевиль-картина В. Лафонтена, Э. Кретю и Э.-Л. Вандербурха «Компаньоны по необходимости».

⁹¹ Боскье, Одри, Вернет... — Жуковский называет ведущих актеров театра “*Variétés*”: Себастьяна Боскье, Жака Шарля Одри, Шарля Верне. Они пользовались успехом как на сцене, так и в парижских салонах. Так, например, литератор Альфред Кювилье-Флери после вечера у Макса Сербера 10 декабря 1828 г. записал: «Одри остроумно и естественно сыграл три забавные сценки; глядя, как он пародирует различные драматические жанры, зрители буквально умирали со смеху. Невозможно лучше подражать, невозможно тоньше критиковать. Сколько записных остроумцев не годятся в подметки этому простаку» (Мартен-Фюжье. С.334).

⁹² *Кончина Сергея*. — Смерть Сергея Ивановича Тургенева. Жуковский оставался при теле покойного для последних распоряжений и в Духов день похоронил его на парижском кладбище Пер-Лашез.

⁹³ *Писал к Пушкиным и к Николаю.* — Речь идет о письмах в Дрезден семейству Е. Г. Пушкиной и в Лондон к брату Сергея Тургенева — Николаю. В этих письмах Жуковский рассказывает о последних часах жизни С. И. Тургенева. «Пожалейте об нас, бесценные друзья. Наши все попечения остались тщетны: Сергея нет на свете. Нынче в половине третьего часа он нас покинул. До нынешнего утра ничто нам этого несчастья не предвещало. Нынче в шесть часов сделались с ним жестокие конвульсии. Ничто не помогло. После нескольких припадков, несмотря на кровопускание, ванны, муск — он кончил жизнь. Александр теперь у Свечиных, я остался один...» — сообщает он в Дрезден Е. Г. Пушкиной (С 7. Т. 6. С. 484).

⁹⁴ *Тургенев просил отпуска в Англию...* — После смерти брата Александр Тургенев решил ехать в Лондон, чтобы ободрить находящегося там младшего брата Николая и рассказать ему подробности смерти Сергея. Как сообщал Жуковский в письме к Е. Г. Пушкиной от 30 мая (11 июня) 1827 г., «он хотел ехать в Лондон, объявил об этом послу, но посол не дал позволения ехать и пропуска. Надобно было остаться...» (С 7. Т. 6. С. 488). Вместо А. И. Тургенева в Лондон поехала Генриетта Разумовская (см. примеч. 112).

⁹⁵ *Часовня* — Подробное описание этой часовни дал в своем «Путешествии...» Н. С. Всеволожский: «...это небольшая церковь, с галереями, построенная в память Людовика XVI-го и супруги его Марии Антуанетты, единственную дочь покойных мучеников, Герцогиней Ангулемской. Известно, что тела их были зарыты после казни на Магдалинском кладбище, которое ныне не существует (...) По возвращении во Францию Бурбонов, отыскали гробы Короля и Королевы, и на этом месте сооружена церковь, небольшая, но приличная своему назначению. В ней, на правой руке со входа, поставлена прекрасная статуя, из белого мрамора, изображающая Людовика XVI-го. Король представлен во весь рост; он держит в руке развернутый лист, на котором написано его духовное завещание; осанка и лицо короля величественны и выражают кротость и совершенное спокойствие. На левой руке, против короля поставлена такая же статуя королевы: она на коленях простирает руки к кресту; но на горестном лице ее изображается полное уныние в вере, к которой она прибегает. Оба памятника прекрасны, трогательны и влекут к размышлению! Всякой день служат здесь обедню, за упокой убиенных...» (Всеволожский. Т. 2. С. 437—438).

⁹⁶ *Тут же и Елизавета.* — Младшая сестра Людовика XVI, французская принцесса Елизавета де Франс Филиппина-Мария-Елена. Во время революции, в 1794 г. была казнена по приговору трибунала.

⁹⁷ *...аббата Эджеворта.* — Генри-Аллен Эджеворт де Фирмонт, духовник Людовика XVI. Был капелланом принцессы Елизаветы, сестры Людовика XVI. Когда Конвент приговорил Людовика к казни, он призвал его к себе, чтобы исповедаться и причаститься. 21 января 1793 г. в одной карете с Людовиком XVI он поехал на место казни, утешал его в последние минуты и помог взойти на эшафот. Ему приписывались слова: «Fils de Saint Louis, monte au ciel!» («Сын Людовика Святого, поднимайся на небо!» — фр.).

⁹⁸ *...перенесение праха в Сен-Дени.* — Место погребения французских королей недалеко от Парижа.

⁹⁹ В *Геораму*. — Георамы была открыта в 1825 году в доме № 7 по бульвару Капуцинок. Она представляла собой модель огромного земного шара, внутри которого можно было ходить по балконам и рассматривать части света.

¹⁰⁰ *Pont neuf*. — Новый мост в Париже был известен как место конной статуи Генриха IV, которая была разрушена во время революции, в 1792 г. Новая вылита в 1817 г. по модели скульптора Франсуа Фредерика Лемо. «Высота статуи в 14 pieds [футов]; цена оной 337 860 франков. Конь утвержден только двумя ногами на пьедестал, так что вся статуя покоится только на двух точках» (Тургенев. С. 329).

¹⁰¹ *Разговор (...)* о *Конгрегации*. — От лат. *congregatio* — соединение. Тайное общество, игравшее большую политическую роль во Франции в эпоху Реставрации. Его влияние, согласно всеобщему мнению, сказывалось во всех областях жизни. По слухам, членами его были крупные политические деятели-ультрароялисты, а организаторами — иезуиты.

¹⁰² *Французская школа...* — Так в начале 1820-х гг. стали называть французских художников, выражающих в своем творчестве принципы романтического искусства. Любопытную характеристику новой французской школы оставил посетивший Лувр незадолго до Жуковского критик и теоретик искусства А. Г. Глаголев. Он выделил такие ее черты, как следование античности, особую театральность («Французские художники, посещая театры, ловят все грациозные и величавые положения актрис и актеров. Оттого так часто встречаются в их произведениях или мамзели Марс, Дюшенуа и Жорж, или Тальма и, что того несноснее, плечистый и мускулистый Лафон. Тальма сделался идолом живописи...»), напыщенность и манерность (Глаголев. Ч. 4. С. 41—43).

¹⁰³ *Рубенсовы аллегорические картины*. — Цикл картин Петера Пауля Рубенса «История Марии Медичи», находившихся с начала XIX в. в Лувре. До этого времени они были в собрании Люксембургского дворца. Созданные в Париже в период с 1622 по 1625 г., они передают характерные особенности эстетики барокко: исторический сюжет неразрывно связан с мифолого-аллегорическими образами.

¹⁰⁴ *Леонардо ди Винчи «Мадонна»*. — Имеется в виду находящаяся в Лувре «Мадонна в лесном гроте».

¹⁰⁵ *Портрет*. — По всей вероятности, речь идет о знаменитом портрете Моны Лизы («Джоконда»).

¹⁰⁶ *Рафаэлевые три «Свят. семейства»*. — В Лувре находятся следующие картины Рафаэля на этот сюжет: 1. «Святое семейство» (Мадонна с покрывалом; копия); 2. «Святое семейство со святыми Елизаветой и Иоанном и двумя ангелами» (Святое семейство Франциска I); 3. «Святое семейство» (Мадонна с младенцем, святой Елизаветой и младенцем св. Иоанном). См.: *L'opera completa di Raffaello: Catalogo della opere*. Milano, 1979. № 96, 136, 137.

¹⁰⁷ *«Михаил архангел»*. — Имеется в виду картина Рафаэля «Святой Михаил».

¹⁰⁸ *Грёзовы семейственные картины*. — Жан-Батист Грёз, один из виднейших представителей французского сентиментализма в живописи. Моралистические жанровые композиции из жизни третьего сословия, а также изображения женских и детских головок принесли ему славу. В Лувре имеется несколько подобных картин Грёза. Наиболее известна «Разбитый кувшин».

¹⁰⁹ *Монтелло*. — Французский государственный деятель Лан Наполеон Август, герцог де Монтелло. В «Хронике русского» 18 февраля 1836 г. А. И. Тургенев сообщает из Парижа: «Министерство всё еще не сложилось: уверяют, что Монтелло, мой приятель, которого и Ж(уковский) знает, воспитанник Кузена, будет министром просвещения» (Тургенев. С. 75).

¹¹⁰ *“Jeu de cache-cache”*. — Полное заглавие комедии-водевиля в одном действии М. Теолона — “La fiancée de Berlin, ou Jeu de cache-cache” («Невеста из Берлина, или Игра в прятки»).

¹¹¹ *“Paris et Londres”*. — Комедия-водевиль А. Дартуа, Бриссе и Жоли «Париж и Лондон».

¹¹² *Отъезд графини Разумовской*. — Как известно из письма Жуковского к Е. Г. Пушкиной от июня 1827 г., графиня Генриетта Разумовская поехала в Лондон к Николаю Тургеневу. «Но дружба доброй графини Разумовской, — сообщает Жуковский, — подала помощь его [А. И. Тургенева] несносному горю. Вместо него графиня поехала в Лондон, и теперь он может подкреплять себя мыслью, что брат его найдет подле себя нежное сердце в первые минуты неожиданного несчастья» (С 7. Т. 6. С. 488).

¹¹³ *У меня Хорис*. — Скорее всего, речь идет о французском художнике Луи (Логгине Андреевиче) Хорисе, жившем и работавшем долгое время в России. В пользу этого предположения говорит тот факт, что именно с Хорисом Жуковский посещает мастерские известных художников — Франсуа Паскаля Жерара (запись от 31 (12) мая) и Клода Жозефа Верне (запись от 2 (14) июня).

¹¹⁴ *Эйгоф*. — По всей вероятности, речь идет о французском филологе Фредерике Эйгофе (Eichhof). С ним был знаком А. И. Тургенев, о чем он сообщает в письме к П. А. Вяземскому из Парижа от 22 марта (3 апреля) 1836 г. (ЛН. Т. 58. С. 120—121). 15 декабря 1836 г. Тургенев писал А. С. Пушкину о том, что Эйгоф хотел бы получить «Слово о полку Игореве», необходимое для его лекций в Сорбонне (Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 79). Вполне возможно, при встрече с Жуковским, который к тому времени уже создал свое переложение «Слова...», Эйгоф интересовался этим памятником.

¹¹⁵ *На лекцию Вильмена*. — Лекции Абеля Франсуа Вильмена, французского писателя, теоретика искусства, пользовались большой популярностью. Его лекторское мастерство было общеизвестно. Так, Александр Тургенев писал: «...пока слушаешь — восхищаешься, часто дрожишь от восторга и, кажется, всё вспомнишь и перельешь на бумагу холодный кипяток Вильмена, но он разлетится в брызгах и только на минуту опьянит вас» (Тургенев. С. 57). Историческое значение этих лекций точно определил современный исследователь: «Лекции [Вильмена] 1828 г. можно рассматривать как выражение романтических принципов и в историографии и в художественной литературе» (Резов Б. Г. Французская романтическая историография (1815—1830). Л., 1956. С. 68).

Жуковский, позднее работая над переводом «Божественной Комедии» Данте, обращался к печатному тексту его лекций (см.: От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 45—46).

¹¹⁶ *Годичное собрание Академии Наук*. — Академия наук входила в состав основного в 1795 г. Института, включающего пять академий (Академия наук, Академия

изящных искусств, Академия надписей и изящной словесности, Французская академия, Академия моральных и политических наук). Прерогативой Академии наук были естественные науки и медицина.

¹¹⁷ *Похвальные слова Галле и Корвизару*. — То есть речи в честь австрийского врача и анатома, основателя френологии Франца Иозефа Галля и Жана-Никола Корвизара, французского врача, лейб-медика Наполеона, одного из создателей медицинской семиотики. Вероятно, Галль должен был занять в Академии место недавно умершего Корвизара.

¹¹⁸ *Дюпень*... — Речь идет о Пьере Шарле Франсуа Дюпене, математике и экономисте, и его популярном в то время сочинении "Forces productives et commerciales de la France" (Р., 1827). В 1831 г в переводе Н. И. Розанова под заглавием «О производительных и торговых силах Франции» оно вышло в России. Н. Полевой считал этот труд «лучшей и полезнейшей книгой, появившейся в 1827 году» (МТ. 1828. Ч. 22. С. 259), а Пушкин, говоря о «философических таблицах» в «Евгении Онегине» (глава 7, строфа XXXIII), опирался на сочинение Дюпена. Подробнее см.: *Алексеев М. П.* Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 134—136. Трудami Дюпена увлекался А. И. Тургенев, делая из них большие выписки (Тургенев. С. 345—347).

¹¹⁹ "Сид". *Почтенный старик Корнель*. — Имеется в виду известная трагедия классика французского театра Пьера Корнеля «Сид». Это произведение привлекло внимание Жуковского с эстетической точки зрения. Еще в «Конспекте по истории литературы и критики» (1805—1810) Жуковский размышлял о природе таланта Корнеля. «Возвышенность и сила суть принадлежность Корнелева гения. Он умел изображать всё то, что поражает душу и что приводит ее в изумление...», — писал он. А «Сид», по мнению Жуковского, «был первою эпохою славы французского театра» (Эстетика и критика. С. 108, 111). К 1806 г. относится прямое обращение Жуковского к Корнелю — опыт переложения монолога Сертория о Помпее из трагедии «Серторий» (см.: Резанов. Вып. 2. С. 489; Лебедева. С. 44—45).

¹²⁰ *Лафосс* — *Родриго*. — В трагедии Корнеля роль центрального героя дона Родриго играл Исидор Лафосс.

¹²¹ *Бургоень* — *Химена*. — Роль главной героини трагедии исполняла популярная уже в то время трагическая актриса Мари Тереза Бургоэн. В дневнике 1825 г. А. И. Тургенев говорил о ней как о достойной партнерше «великого Тальма» (Тургенев. С. 327, 339).

¹²² "Les trois quartiers". — Комедия «Три квартала» Луи Пикара и Эдуарда Мазера была театральной новинкой. В начале 1827 г. она была опубликована: Les trois quartiers, comédie en trois actes et en prose de M. M. Picard et Mazères. Р., 1827. Премьера состоялась 30 мая 1827 г., и Жуковский присутствовал на ней. Комедия стала злободневной, так как выявляла наметившееся противоборство Сен-Жерменского предместья и квартала Шоссе д'Антен, одну из главных тем в литературе первой половины XIX века, например в творчестве Бальзака и Стендаля. Это противостояние богатства и происхождения точно выразил Стендаль в «Люсьене Левене», характеризуя одну из героинь романа: «Она была богата, как Ротшильд, а хотела быть знатной, как Монморанси». Об успехе пьесы говорит тот факт,

что позднее название «Три квартала» получил первый парижский универсальный магазин (см.: Мартен-Фюжье. С. 122).

¹²³ *Поутфу писал письма. К императрице.* — Это письмо от 31 мая (12 июня) 1827 г. к имп. Александре Федоровне в печати не известно.

¹²⁴ *Поутфу писал письма ~ К Гудовичу.* — Письмо в печати не известно. Вероятно, речь идет о генерал-майоре, московском предводителе дворянства графе Андрее Ивановиче Гудовиче. В письме Е. Г. Пушкиной от 30 мая (11 июня) Жуковский просит «отдать приложенное письмо графу Гудовичу, если он в Дрездене, или отослать к нему туда, где он находится» (С 7. Т. 6. С. 488). Эту же просьбу он повторяет через некоторое время (Там же. С. 489). С семейством графа Гудовича Жуковский познакомился в Дрездене в 1826 г. (Загарин. С. 365).

¹²⁵ *...к Жерару.* — Известный французский художник барон Франсуа Жерар (Gérard), один из представителей романтического направления в живописи.

¹²⁶ *«Урика».* — Сюжет этой картины связан с содержанием популярного в то время романа герцогини Клер де Дюрас «Урика» (1823), где изображена несчастная любовь негритянки-невольницы, воспитанной в аристократическом семействе, к молодому человеку, который по своему положению не мог жениться на ней. Русский перевод романа «Урика», сделанный В. С. Филимоновым, появился в 1824 г.

¹²⁷ *В галерею дворца Люксембургского.* — Как сообщает А. И. Тургенев, посетивший «музей Люксембурга» в 1825 г., первоначально музей был «составлен из картин Рубенса, изображающих предметы из истории Генриха IV и Марии Медицис [см. примеч. 103]. По переселении оных в Королевский музеум они заменены произведениями французских художников» (Тургенев. С. 386). Жуковский отмечает некоторые из тех картин, которые привлекли внимание и Тургенева. Так, о «Психее» Жерара Тургенев писал: «Психея получает первый поцелуй Амура и с ним — душу. Бабочка, эмблема души, порхает над ее головою». Отметив несколько картин Гранет (Ф.-М. Гране), он продолжает: «...внутренность церквей. В одной из них совершается обряд церковный с великолепною церемониею; в другой — в монастыре женском одна из девиц постригается. Мать ее, навеки разлучаясь с нею, падает без чувств в объятия монахинь» (Тургенев. С. 388).

¹²⁸ *...altaire à St. Roch.* — Церковь Saint-Roch находилась недалеко от гостиницы, в которой жил Жуковский. Основана в середине XVII в.

¹²⁹ *В театре: Opéra Comique.* — Театр Комической оперы основан в Париже в 1715 г. На сцене «Опера Комик» шли оперы популярных французских композиторов Даниэля-Франциска Обера и Адольфа-Шарля Адана.

¹³⁰ *...писал письма. К М-е Moreau.* — Время написания письма, впервые опубликованного в РА (1875. № 11. С. 318—320), указано приблизительно: июнь 1827 г. На основании этой дневниковой записи оно может быть уточнено: 1 (13) июня 1827 г. В этом письме Жуковский рассказывает о своем пребывании в Париже, благодарит Шарлотту Моро де ла Мельтиер за ее протекцию в знакомстве с семейством Гизо, вспоминает о днях молодости, проведенных в Муратове вместе с семейством адресата, наконец, говорит о своем новом положении, связанном с должностью наставника наследника. Об адресате письма подробнее см. примеч. 40.

¹⁵¹ *K Warée*. — Далее (записи от 24 (6) и 25 (7) июня) эта фамилия дана в русской транскрипции: «К Варе». По всей вероятности, речь идет о парижском книгопродавце. Ср. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 13 марта 1828 г.: «Прошу тебя заплатить за меня Варе по счету моему с ним 250 ? [вопросительный знак принадлежит Жуковскому] франков; я ему должен за книги, купленные для себя (...) Возьми с Варе росписку. Скажи ему, что последний транспорт книг Великому князю получен. Как хочет он, чтобы была уплата по истечении ли года за все высылки, или при всякой посылке?» (ПЖТ. С. 242).

¹⁵² *Жуффруа*. — Теодор Симон Жуффруа, французский философ, спиритуалист и психолог, ученик В. Кузена, сотрудничавший в оппозиционном журнале “Globe”, участник полемики классиков и романтиков.

¹⁵³ *Разговор ~ о Шолье*. — Имя французского поэта, аббата Гийома Шолье в русском поэтическом сознании было тесно связано с традицией современного эпикуреизма и «легкой поэзии». Его имя воспринималось в одном ряду с Анакреоном, Горацием, Тибуллом, Грессе и Парни. Батюшков сравнивал с Шолье Ю. А. Нелединского-Мелецкого, а Воейков называл Дениса Давыдова «Шольёв наследник» («Послание к Д. В. Давыдову»; 1819). Через увлечение поэзией Шолье прошел и Жуковский. Его стихотворение «Прощание старика» (1806), как удалось установить В. Э. Вацуру, «есть свободный перевод-переработка стихотворения Шолье „Retirez-vous de moi, plaisirs tumultueux“ („Удайтесь от меня, беспокойные наслаждения“») (*Вацура В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 75—76).

¹⁵⁴ *Корефф*. — Давид Фердинанд Корефф, немецкий врач и оперный либреттист, друг Э. Т. А. Гофмана, который вывел его под именем Винцента в «Серапионовых братьях». Профессор медицины в Берлине, он лечил с помощью магнетизма и слыл врачом-чудодеем. С 1820 г. жил в Париже, где имел многочисленных пациентов, но в 1837 г. ему была запрещена медицинская практика во Франции. Написал либретто к операм «Сафо» Г. Спонтини, «Окассен и Николетта» Г.-А. Шнейдера, «Рудокопы» К.-Ф. Гельвига.

¹⁵⁵ *Маленький Нарышкин*. — О каком Нарышкине идет речь, установить не удалось. Можно лишь высказать предположение, что это был совсем юный 18-летний Лев Кириллович Нарышкин (1809—1855), который в 1826 г. был причислен к русской миссии в Риме.

¹⁵⁶ ... *Вернета*. — Речь идет о самом знаменитом представителе семьи французских художников Верне (Vernet) Эмиле Жане Орасе, более известном под именем Орас Верне (Вернет).

¹⁵⁷ ... *большая картина «Папа Сикст, Браманте, Микельанж и Рафаэль»*. — Имеется в виду картина Верне на исторический сюжет «Встреча Рафаэля с Микеланджело в Ватикане». Кроме великих итальянских художников (Браманте, Микеланджело, Рафаэль) на картине изображен Сикст IV, папа римский в 1471—1484 гг.

¹⁵⁸ *«Гиацинт» Байронов*. — Картина Ораса Верне, написанная на сюжет поэмы Байрона «Гиацинт». К сюжету этого произведения обращались многие художники-романтики. Известна, например, картина французского художника Ари Шеффера (см. примеч. 145).

¹³⁹ *К Боссанжу*. — Имеется в виду французский литератор и публицист Адольф Боссанж. Автор научно-популярных статей, он последовательно выступал против смертной казни, и, возможно, визит к нему Жуковского был связан с его размышлениями о судьбе казненных декабристов и приговоренного к смертной казни Николая Тургенева.

¹⁴⁰ *В Библиотеку*. — Речь идет о Королевской библиотеке (Bibliothèque du Roi), находившейся на улице Ришелье. Ее собрание считалось одним из самых богатых в мире. Подробное описание библиотеки и ее сокровищ Жуковский мог почерпнуть из «Панорамы...» Дюлора (с. 109—118). Как указано у Дюлора, в собрании библиотеки находилось около 80 000 книг.

¹⁴¹ *Клапрот*. — Имеется в виду немецкий путешественник и востоковед Генрих Юлий Клапрот. По всей вероятности, он сопровождал Жуковского, так как с 1826 г. жил в Париже, был хорошо знаком с А. И. Тургеневым и являлся его гидом по Королевской библиотеке в 1825 г. (Тургенев. С. 329).

¹⁴² *Библиотека: Parnasse Française*. — Речь идет о монументе, представляющем мифологический Парнас, вокруг которого изображены 16 бронзовых фигур известных французских поэтов и музыкантов. Эта скульптура работы Титона дю Тилле (Titon du Tillet) была воздвигнута во славу Людовика XIV и искусства его царствования. В 1778 г. Людовик XVI внес в нее изменения. У подножия Парнаса появились фигуры Ж.-Ж. Руссо, Кребийона и Вольтера. В своей «Панораме Парижа...» (с. 116—117) Дюлор довольно ядовито отзывается об этом «курьёзном объекте» и говорит о его «жалкой композиции» (“une composition mesquine”). В книге из своей библиотеки Жуковский отчеркнул это описание «Французского Парнаса».

¹⁴³ *В театре: “Gazza ladra”*. — Опера Россини «Сорока-воровка»; либретто Дж. Герардини.

¹⁴⁴ *Pellegrini — Podesta* ~ Rossi — Lucia*. — Жуковский называет основных персонажей оперы Россини и исполнителей их партий.

¹⁴⁵ *...к живописцу Scheffer*. — Речь идет о французском художнике Ари Шеффере, который был известен прежде всего своими жанровыми и историческими полотнами. Его картина «Сулиотки, готовые броситься вниз со скалы, чтобы не попасть в рабство», о которой говорит Жуковский («большая начатая картина “Les femmes de Suly”»), была откликом на борьбу греков за свою независимость. Греко-албанское горное племя сулиотов принимало активное участие в этой борьбе, а самопожертвование сулиотов стало символом свободы. Обращаясь к сулиотам («Песнь к сулиотам»; 1823), Байрон писал: «Знамя ваших жен над вами». Картина Шеффера «Смерть Людовика Святого» (1817) была широко известна, как и другое полотно, посвященное Людовику IX, — «Святой Людовик, зараженный чумой, посещает больных его воинов» (1822). На сюжет «Божественной Комедии» Данте он написал несколько картин: «Встреча Данте и Вергилия с тенями Франчески и Паоло в Аду», «Данте и Беатриче», «Блаженный Августин и его мать Моника». Шеффер считался интересным портретистом. Портреты политического деятеля

* Судья (ит.).

маркиза де Лафайета и поэта Пьера Жана Беранже характерны для его художественной манеры.

¹⁴⁶ *К Ружимону*. — Барон Ружемон Мишель Никола Баллисон де, французский прозаик и драматург.

¹⁴⁷ *Заседание Академии надписей*. — См. примеч. 116. Полное название — Академия надписей и изящной словесности.

¹⁴⁸ *Silvestre de Sacy*. — Барон Антуан-Исаак-Сильвестр де Саси, французский лингвист, полиглот, востоковед, хранитель восточных рукописей в Королевской библиотеке, автор многочисленных словарей. В библиотеке Жуковского сохранились его сочинения по языкознанию с пометами и записями владельца (Описание. № 2004, 2005).

¹⁴⁹ *В театре Madame...* — Речь идет о театре Gymnase dramatique (Жимназ-Драматик) на бульваре Бон-Нуviel в Париже, который был открыт в 1820 г. В 1824 г. его удостоила своим вниманием герцогиня Беррийская: по этому случаю он был переименован в Театр Ее Высочества или в Театр Madame. Этот титул (Madame), даваемый королевским дочерям или женам королевских братьев, она безуспешно пыталась получить (подробнее см.: Мартен-Фюжье. С. 47, 322).

¹⁵⁰ *“Le jeune mari”*. — Комедия Э. Мазера «Молодой муж».

¹⁵¹ *“Le nouveau Pourceaugnac”*. — Водевиль Э. Скриба и Ш.-Г. Делестра-Пуарсона «Новый Пурсоньяк» уже своим заглавием ориентирован на традицию — комедию Мольера «Господин де Пурсоньяк». Фамилия мольеровского героя происходит от французского слова le porcseau — свинья, боров, что своеобразно обыграл А. А. Шаховской в своей переделке французского водевиля — «Пурсоньяк Фалалей Скотинин, или Рохус Пумперникель в новом виде», шедшей на сцене петербургских и московских театров с 1819 по 1843 г. (ИРДТ. Т. 3. С. 302).

¹⁵² *Поутфу в замок Инвалидов*. — Безусловно, интерес Жуковского к этому памятнику парижской архитектуры имел и практический смысл, связанный с филантропической деятельностью и воспитанием наследника.

Жуковский отмечает основные достопримечательности замка: библиотеку («большая библиотека, залы для чтения, планы, рисунки...»), залу картин («есть хорошие картины, изображающие битвы Людовика XIV-го и Наполеона»), церковь («Внутри двора и против самых главных ворот возвышается церковь, более известная под названием *Le Dôme des Invalides* (Купол Инвалидного дома). Она заслуживает особенного внимания и почитается превосходнейшим произведением французской архитектуры (...) имеет 200 футов вышины под сводом и 300 до верха купола. Диаметр купола 50 футов. Внутренность ее превосходно расписана...»), памятники маршалов Франции Анри де ла Тур д’Оверн Тюренна и Себастьяна де Вобана, портреты исторических деятелей («В присутственной зале помещены хорошо написанные портреты всех бывших главных директоров, со времени основания дома. Это истинно историческая галерея, потому что почти все директора были знаменитые и заслуженные воины и почти все маршалы Франции»). Н. С. Всеволожский, характеристики которого приведены в скобках, посетивший замок Инвалидов в 1837 г., по существу отметил в своем подробном описании те же самые достопримечательности, что и Жуковский (Всеволожский. Т. 2. С. 426—432).

¹⁵³ *Champ de Mars*. — Марсово поле находилось около замка Инвалидов. По описанию русского путешественника, «оно окружено рвами, террасами и деревьями, посаженными в несколько рядов. Марсово поле простирается на версту в длину и на полверсты в ширину. (...) Теперь на самом поле бывают иногда смотры и конские скачки» (Всеволожский. Т. 2. С. 433).

¹⁵⁴ *École militaire*. — Военная школа, находившаяся на Марсовом поле, была превращена Наполеоном в Главный штаб.

¹⁵⁵ *“Les deux Gaspards”*. — Комедия-водевиль Э. Моро, Ж.-Ж.-Г. Делюрье, П. Капелля «Два Гаспара». Далее Жуковский называет основных действующих лиц комедии: Рассудительный Гаспар, Гаспар-простак, Жанетта — и их исполнителей.

¹⁵⁶ *“Le Bénéficiaire”*. — Комедия-водевиль М. Теолона и Э. Кретю. На русской сцене «Бенефициант» в переводе А. Шаховского исполнялся неоднократно с 1826 по 1834 г. (ИРДТ. Т. 3. С. 224). А. И. Тургенев во время пребывания в Париже еще в 1825 г. обратил внимание на эту комедию, отметив в ней игру Шарля Потье: «В четвертой пиесе “Le Bénéficiaire” (...) — писал он, — представлен, бедный за старостию, отставной суфлёр, которого играл Потье, уговаривающий известных актеров и танцовщиц играть в бенефис его (...) здесь верный сколок с закулисного мира и в особенности парижского» (Тургенев. С. 323). Жуковский выделяет исполнителя главной роли, популярного актера «Варьете» Эммануэля Августина Лепентре.

¹⁵⁷ *“Une soirée chez Jocrisse”*. — Представление «Вечер у Жокриса» по мотивам комедии Т.-М. Дюмерсана и Ж.-Т. Мерля. Жокрис — традиционный фарсовый персонаж, тип доверчивого и простодушного глупца, герой целой серии комедийных представлений. В России в 1818 г. на петербургской сцене шла комедия «Жокрис, атаман разбойников» (“Jocrisse chef de brigands”) тех же авторов в переводе Ф. И. Шеллера (ИРДТ. Т. 2. С. 477).

¹⁵⁸ *Fête Dieu*. — Праздник Тела Господня — католический церковный праздник, учрежденный в 1264 г. папой Урбаном IV. Празднуется в первый четверг после Троицына дня и отмечен торжественными процессиями.

¹⁵⁹ *Поупу в Jardin des Plantes*. — Ботанический сад как важная достопримечательность Парижа отмечен Жуковским в «Панораме...» Дюлора. Его посещение входило в программу всех русских путешественников, потому что этот «королевский сад» принадлежал, по мнению А. И. Тургенева, к тем сокровищам, «коим Париж гордится с 17-го столетия, равно как и именами натуралистов, кои увековечили славу сего великолепного национального музеума» (Тургенев. С. 324).

¹⁶⁰ *Ménagerie*. — Парижский зверинец, по словам Дюлора, это «сокращение вселенной». А. И. Тургенев, опирающийся на высказывание автора «Панорамы Парижа», продолжает его мысль: «ибо здесь видите вы собрания минералогические, ископаемых, зверей, птиц, рыб, насекомых, полипов — и всё в многочисленных видах» (Тургенев. С. 325).

¹⁶¹ *К Румянцеву* — Имеется в виду граф Сергей Петрович Румянцев, дипломат, служивший при русском посольстве в Париже.

¹⁶² *к Соммерфару* — Известный парижский коллекционер Александр дю Соммерар прославился своей коллекцией живописи и средневекового искусства.

¹⁶³ ...в *Cirque olympique* — Олимпийский цирк — «еще одно место, куда охотно ходили не только люди из народа, но и люди светские» (Мартен-Фюжье. С. 323). Он принадлежал семье Франкони. В 1826 г. цирк на улице Предместья Тамплъ сгорел, и Франкони, собрав за два месяца по подписке 150 000 франков, заново отстроил его на бульваре Тамплъ. В 1827 г. управление цирком перешло в руки Адольфа Франкони. В этом же году он ввел в моду новый жанр циркового представления, получившего название «Спектакль Франкони». В батальных сценах, отражающих актуальные исторические события («Французы в Египте», «Мост в Лоди», «Взятие Трокадеро» и др.), участвовало 500—600 человек, как пеших, так и конных. Жуковский своими записями фиксирует значение «конного аттракциона» в представлении и указывает на живые картины, связанные с историей Малек-Аделя, вероятно, основанные на сюжете известного романа французской писательницы Марии Коттен «Матильда, или Записки Крестовых походов». Как известно, Жуковский увлекался этим романом, что отразилось в его павловских стихотворениях 1818 г. («Варвара Павловна! графиня! помогите...», «Графиня, можно ль так неблагодарной быть!..»). Подробнее см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 89—92, 506—507.

¹⁶⁴ *Президент Дюфор*. — Имеется в виду Жюль Арман Дюфор, общественный и политический деятель, председательствующий на заседаниях уголовной полиции.

¹⁶⁵ ...*защитение Мериллево*... — Речь идет об известном французском юристе и политическом деятеле Жозефе Мерилло. Его речь в защиту журнала «Курьер» в ноябре 1825 г. высоко оценил А. И. Тургенев, воскликнувший: «Давно не слушал я с таким вниманием. Для чего жар сей должен угаснуть, не воспылав в России!» (Тургенев. С. 361).

¹⁶⁶ *“Le Baron Felsheim”*. — Популярная и в России мелодрама А. Берно (по одноименному роману Ш.-А.-Г. Пиго-Лебрена). В переводе с фр. П. Н. Титова драма в 3 действиях «Барон Фельзгейм» была издана в СПб. в 1812 г. и шла на сценах Москвы и Петербурга «с хорами, военными эволюциями и балетами» (ИРДТ. Т. 2. С. 455).

¹⁶⁷ *“Le fils du paysan”*. — Водевиль Б. Антье «Сын крестьянина».

¹⁶⁸ *“Les peintres”*. — По всей вероятности, речь идет о комедии “Les peintres en voyage, ou Une halte en Suisse” («Путешествие художников, или Остановка в Швейцарии»), премьера которой состоялась в июне 1827 г. Ее авторы — Т.-М. Дюмерсан и Дюмениль (М.-Ф. Маршан).

¹⁶⁹ *В библиотеку*. — Речь идет о еще одном посещении Королевской библиотеки (см. примеч. 140), где на этот раз внимание Жуковского привлекло прежде всего «отделение антиков».

¹⁷⁰ *“La maison à vendre”*. — Комическая опера в 1 действии «Продающийся дом». Текст А. Дюваля. Музыка Н. Далейрака. Под названием «Продажная дача, или Безденежная покупка» в переводе с фр. В. И. Адамовича шла на московской сцене в начале 1824 г. (ИРДТ. Т. 2. С. 512).

¹⁷¹ *“La Clochette”*. — Полное название “La Clochette, ou Le diable page”. Комическая опера в 3 действиях. Текст М. Теолона, музыка Л.-Ж.-Ф. Герольда. Под названием «Волшебный колокольчик» в переводе с фр. шла в Москве и Петербурге с 1819 по 1823 г. (ИРДТ. Т. 2. С. 463).

¹⁷² *Шувалов* — Граф Григорий Петрович Шувалов, русский дипломат, впоследствии монах ордена барнабитов. Подробнее см.: ЛН. Т. 31—32. М., 1937. С. 373—490.

¹⁷³ ...*один из издателей "Globe"*. — Оппозиционная газета «Глобус», выходившая в 1824—1830 гг. В ней принимали участие П. Леру, Ремюза, Минье, Жуффруа, Сент-Бёф и др. Во время спора классиков и романтиков газета выступала на стороне последних. Основателем газеты в 1824 г. был либеральный публицист, филолог, инспектор университета Поль Франсуа Дюбуа (1793—1874). Так как его имя ни разу не упоминается на страницах дневника, то можно предположить, что Жуковский имеет в виду именно его.

¹⁷⁴ *В театре: "L'héritière"*. — Комедия Э. Скриба и Ж. Делавина «Наследница». Шла на русской сцене в переделке А. И. Писарева (ИРДТ. Т. 3. С. 281).

¹⁷⁵ *Gonville*. — Возможно, речь идет (учитывая театральный контекст записи) о парижском актере Жорже Гонтье (сценический псевдоним Беллосте; 1785—1841).

¹⁷⁶ *"Le sourd, ou l'Auberge pleine"*. — Комедия П.-Ж.-Б. Дефоржа-Шудара «Глухой, или Полный трактир» была популярна и известна своими каламбурами. В переводе с фр. Д. И. Вельяшева-Волынцева, который был опубликован в журнале «Галия» (М., 1811. Ч. 2), шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 3. С. 235).

¹⁷⁷ *Que font ~ car il est l'aîné*. — Жуковский цитирует каламбуры из комедии Дефоржа «Глухой, или Полный трактир». Популярность каламбуров из этой комедии была столь велика, что через 10 лет в «Записках туриста» (1837—1838) Стендаль скажет: «Человек нашего века не может без улыбки назвать Авиньонский мост: ему тотчас же придет на ум веселое воспоминание о «Глухом, или Переполненной гостинице» (Стендаль. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1978. Т. 11. С. 193).

¹⁷⁸ *В Версаль*. — Луи-Филипп превратил королевскую резиденцию Версаль в музей и сделал его открытым для разночинной интеллигенции, прежде всего для парижских журналистов. Несмотря на противоречивые оценки этой акции короля, Виктор Гюго констатировал: «То, что Луи-Филипп сделал в Версале, достойно восхищения. Поступить так — значит выказать себя великим королем и беспристрастным философом; превратить монархический памятник в памятник национальный; вложить в огромное здание огромную идею; соединить прошлое с настоящим...» (цит. по: Мартен-Фюжье. С. 88). Осматривая Версаль, Жуковский фиксирует основные его достопримечательности.

¹⁷⁹ *У Cuvier. Яишница из стф(охокамилового) яйца*. — Любопытным комментарием к этому посещению известного французского натуралиста Жоржа Кювье является отрывок из письма А. И. Тургенева: «Вечеру заехал к нам Кореф, чтобы везти Жуковского к Кювье (...). Мы пробыли там за полночь, ибо нас оставили к ужину и угощали яишницей из одного яйца строхоамила [т. е. страуса]. Оно приятнее обыкновенного и равняется массе 24-х яиц курицы. По крайней мере так уверяли нас хозяйки» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 32—34).

¹⁸⁰ *Издатель "Constitutionnel"*. — Полное название: Le Constitutionnel, journal du commerce, politique et littéraire (Конститусьоннель, коммерческая, политическая и литературная газета). Ежедневная газета, выходившая в Париже с 1819 по 1870 г.

¹⁸¹ *Надгробные камни от Кловиса...* — То есть от основателя монархии франков Хлодвига I (фр. Clovis Ier; 465—511 гг.).

¹⁸² *Монморанси*. — Имеется в виду лес Монморанси в Эрмитаже. Именно здесь на вилле своей почитательницы г-жи д'Эпине в 1756—1757 гг. жил Жан Жак Руссо. Здесь был написан его роман «Новая Элоиза». Далее Жуковский перечисляет некоторые достопримечательности, связанные с именем Руссо.

¹⁸³ *Терезы*... — Жены Ж.-Ж. Руссо Терезы Левассер (1721—1801).

¹⁸⁴ *В театре: "Léonidas"*. — Трагедия французского поэта и драматурга Мишеля Пиша (Pichat) на сюжет из древнегреческой истории.

Леонид, с 488 по 490 г. до н. э. царь Спарты, командовал союзным войском в битве при Фермопилах. После того как из-за предательства персы обошли позиции греческих отрядов, он отдал приказ союзникам отступить, а сам вместе с небольшим отрядом защищал проход у Фермопил до конца. Его героическая смерть и стала основой трагедии.

Впечатление от премьеры этой трагедии в 5 действиях со знаменитым Тальма в главной роли подробно воссоздал в письме к Н. М. Карамзину от 30(18) ноября 1825 г. из Парижа А. И. Тургенев. «Автор воспользовался всеми историческими чертами спартанского патриотизма, и есть стихи, которые только перенесены из истории в трагедию», — замечал автор письма (см.: *Лафионова Е. О.* Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых // *НЛО*. 1997. № 27. С. 149). Не исключено, что Жуковский был знаком с этим письмом и оценкой трагедии. Широко была известна находящаяся в Лувре картина Давида «Леонид при Фермопилах».

После смерти Тальма роль Леонида исполнял Пьер Лигре. В главной женской роли (матери двух братьев-спартанцев), как и на премьере, выступала Дюшенуа.

¹⁸⁵ *"Le conteur"*. — Комедия Л.-Б. Пикара "Le conteur, ou les Deux postes". Под названием «Рассказчик, или Две почтовые станции» в переводе с фр. сначала Е. Лифанова, а затем Е. И. Звалинского шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 513—514; Т. 3. С. 305). Далее Жуковский называет исполнителей главных ролей — Клода Шарля Картины (Cartigny) и мадемуазель Марс.

¹⁸⁶ *В опере: "Le barbier de Séville"*. — Опера Россини «Севильский цирюльник».

¹⁸⁷ *В Conciergerie*. — Консьержери — знаменитая парижская тюрьма, являющаяся частью Дворца правосудия (Palais de Justice).

¹⁸⁸ *Тюрьма Уврара*. — Речь идет о Габриэле Увраре, парижском промышленнике и банкире, способствовавшем в 1830 г. возведению на престол Луи Филиппа. За отказ субсидировать Наполеона навлек его гнев и был посажен в тюрьму.

¹⁸⁹ *Бывшая тюрьма Лавалетта*... — Имеется в виду политический деятель граф Антуан де Лавалетт, прикннувший к Наполеону во время Ста дней. Обвиненный в государственной измене, он был заключен в Консьержери и приговорен к смерти. Его жена, проникнув к нему в тюрьму накануне казни, обменялась с ним платьем и осталась в его камере, дав ему возможность бежать.

¹⁹⁰ *"La pensée d'une femme"*. — Пьеса неизвестного автора «Женский ум».

¹⁹¹ *"Le frère et la sœur"*. — Возможно, драма Э. Скриба и Мельвиля "Rodolphe, ou Frère et sœur". В переводе Д. Ленского под названием «Влюбленный брат» шла на сценах русских театров (ИРДТ. Т. 3. С. 230).

¹⁹² *Leontine-Fay* и *Contier*. — Жуковский называет исполнителей главных ролей в драме «Брат и сестра», совсем тогда еще молодую парижскую актрису, семнадцатилетнюю Леонтину Фэ и Жоржа Гонтье.

¹⁹³ “*La mansarde des artistes*”. — Комедия-водевиль Э. Скриба, А. Дюпена и Ф.-О. Варнера «Мансарда артистов».

¹⁹⁴ “*Les deux frères et les trois courtisanes*”. — Автор комедии «Два брата и три куртизанки» неизвестен. Возможно, переложение комедии А. Коцебу.

¹⁹⁵ В *Hôtel des Monnaies*. — Монетный двор — одна из достопримечательностей Парижа. Жуковский достаточно подробно воссоздает процесс производства монет. Ср. с описанием монетного двора у А. И. Тургенева (Тургенев. С. 357).

¹⁹⁶ ...наведение *манна*. — Операция при чеканке монет, связанная со снятием блеска.

¹⁹⁷ ...осужден *d'Enguyen*. — Герцог Луи-Антуан-Анри де Бурбон Энгийенский, последний представитель рода Конде, расстрелян по приказу Наполеона. Его гибель подробно описал в своих мемуарах Шатобриан. См.: «Смерть герцога Энгийенского» (Шатобриан. С. 213—223).

¹⁹⁸ «*Макбет*». — Премьера оперы французского скрипача и композитора Ипполита-Андре-Жана-Батиста Шелара (Chelard; 1789—1861) на сюжет одноименной трагедии Шекспира. Опера успеха не имела. После существенной переработки опера шла в Германии, на сцене Мюнхенского театра.

¹⁹⁹ “*Carnaval de Vénus*”. — Балет-пантомима Л. Милона «Карнавал Венеры» на музыку Персуиса и Крейцера.

²⁰⁰ “*Tenue de Paris*”. — Автор пьесы не установлен.

²⁰¹ “*Les deux mousquetaires*”. — Комическая опера «Два мушкетера» Ж.-Б.-Ш. Виалля и Ж. Гензуля на музыку А. Бертона.

²⁰² “*Le Loup-garou*”. — Премьера на сцене театра «Федо» комической оперы «Оборотень». Либретто Э. Скриба и Э. Мазера, музыка Луизы Анжелики Бертен (Vertin; 1805—1877).

²⁰³ В театре ~ “*Turcaret*”. — Комедия А.-Р. Лесажа «Тюркаре» (1709).

²⁰⁴ ...к графине Брюс. — Русская графиня Екатерина Яковлевна Брюс-Пушкина, жившая в Париже.

²⁰⁵ Осматривал дом ~ Шатобриана... — Имеется в виду поместье Шатобриана в Волчьей долине, недалеко от Парижа, купленное на торгах в июле 1818 г. виконтом Матье де Монморанси, министром иностранных дел в 1821—1822 гг. «Мне тяжело досталось расставание с Волчьей долиной, — вспоминал Шатобриан, — я привязался к деревьям, посаженным и вытянувшимся, можно сказать, на моей памяти. Первоначальная цена равнялась 50 000 франкам; господин виконт де Монморанси был единственным, кто осмелился предложить на сто франков больше: „Долина“ досталась ему. Он прожил несколько лет в моем уединенном уголке, но я никому не приношу счастья: этого добродетельного мужа уже нет в живых...» (Шатобриан. С. 333).

²⁰⁶ Дочь Чичагова. — Дочь военного и государственного деятеля Павла Васильевича Чичагова. В 1813 уволен в отставку. Считая себя оскорбленным подозрением в измене за переправу на Березине, в 1814 г. уехал с семьей за границу. Жил в Италии

и Франции. Дочь адмирала Юлия Павловна жила вместе с родителями во Франции, где вышла замуж за Бруэ де Сен-Мартена.

²⁰⁷ В *Conservatoire des arts et métiers*... — Королевское высшее ремесленное училище, где «по воскресным дням всем позволено видеть собрание проектов машин, орудий и моделей, иноземцами и французами изобретаемых; обширный архив промышленности народной и иностранной, коего происхождением обязана Франция Лудвигу 16-му» (Тургенев. С. 389).

²⁰⁸ ...в театре. "*Les 30 ans ou la Vie d'un joueur*". — Мелодрама В. Дюканжа и Дино «Тридцать лет, или Жизнь игрока». Неоднократно шла на сцене русских театров в переводах Р. Зотова и Ф. Кокошкина (ИРДТ. Т. 3. С. 323). Премьера состоялась в театре Порт-Сен-Мартен 19 июня 1827 г., так что Жуковский был на одном из первых спектаклей.

²⁰⁹ *M-me Allan-Dorval*. — Мари Дорваль, исполнявшая роль Амели, жены игрока, — французская актриса, прославившаяся исполнением ролей в романтической драме.

²¹⁰ *M-r Frédéric*. — Имеется в виду французский актер Фредерик Леметр (наст. имя Антуан Луи Проспер Леметр), очень популярный в 1830—1840-е гг. Гюго назвал его «величайшим актером XIX века». Прославился исполнением ролей Кина, Рюи Блаза, Вотрена, Сезара де Базана. Роль Жоржа де Жермана, картежника, проигравшего состояние и впавшего в нищету, одна из первых в его репертуаре.

²¹¹ *Bourgeois*. — Далее в записи от 26 июня (8 июля) Жуковский дает его фамилию в русской транскрипции: «У нас Буржуа». Видимо, о нем же говорил А. И. Тургенев в своем дневнике (запись от 9 (21) октября 1825 г.): «...у гр. Раз(умовской) (...) с каким-то либералом *Bourgeois*» (Тургенев. С. 321). Упоминается в одном ряду с Гизо, Кузеном, Ремюза, Ройе-Колларом и др.

²¹² "*Les vendeurs des Balais*". — Комедия П.-И. Барре и Депюи «Продавцы рубинов».

²¹³ "*Les Bonnes d'enfants*". — Комедия «Няньки» Т.-М. Дюмерсана.

²¹⁴ "*Jocrisse chef des Brigands*". — Комедия Т.-М. Дюмерсана и Ж.-Т. Мерля. Под названием «Жокрис атаман разбойников» в переводе с фр. Ф. И. Шеллера шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 477).

²¹⁵ *К Дамасу*... — Барон Максанс (Максим Иванович) де Дамас, французский аристократ, генерал на русской службе, участник войны 1812—1814 гг., близко знакомый с К. Н. Батюшковым, который характеризовал его как «доброго, честного и храброго Дамаса» (Батюшков. Т. 2. С. 258). После возвращения с союзными войсками в Париж занимал важные государственные посты: в 1823—1824 гг. был военным министром, в 1824—1828 гг. — министром иностранных дел, воспитатель герцога Бордоского.

²¹⁶ *С(ен-)Сир*. — Небольшой городок во Франции, где находился элитарный военный коллеж для подготовки офицеров пехоты и кавалерии.

²¹⁷ *Милая Талейран*. — Жена племянника известного французского дипломата Шарля Мориса Талейрана, спутница последних лет его жизни — Дино Доротея де Курланд, герцогиня де Талейран-Перигор, принцесса де Саган. Все современники отмечали ее особое обаяние и ум.

²¹⁸ *Тютчев.* — Вероятно, речь идет о Ф. И. Тютчеве, который в это время находился при русской миссии в Мюнхене. Традиционно время личного знакомства Жуковского и Тютчева относят к 1838 г.

²¹⁹ *Нунций.* — От лат. *nuntius* — вестник, постоянный дипломатический представитель папы римского в иностранных государствах.

²²⁰ *Кн. Волконская.* — По всей вероятности, речь идет о княгине Варваре Алексеевне Репниной-Волконской, которая в конце 1825 г. приехала в Париж, чтобы «кончить воспитание сына» (*Ларионова Е. О.* Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых // НЛО. 1997. № 27. С. 152).

²²¹ *В Тиволи.* — Увеселительный сад в Париже.

²²² *Дело Вилера.* — Обстоятельства этого дела выяснить не удалось.

²²³ *Памятник Фенелона.* — Памятник архиепископу Камбрейскому, выдающемуся писателю и проповеднику Фенелону, интерес к наследию которого Жуковский проявлял постоянно (см.: БЖ. Ч. 1. С. 495—507; Ч. 3. С. 220—249), был открыт 17 января 1826 г. Автор монумента — известный французский скульптор Давид д'Анже.

²²⁴ *Начал читать бумаги Николая.* — Речь идет о бумагах Н. И. Тургенева, рассказывающих о его деятельности до 14 декабря 1825 г. и опровергающих обрушившиеся на него обвинения Следственной комиссии. В письме Н. И. Тургенева на имя Николая I, приложенном к «Записке» Жуковского, автор подробно говорит о своей позиции (см.: ПСС. Т. 10. С. 143—144). Бумаги Тургенева стали документальной основой «Записки о Н. И. Тургеневе», над которой Жуковский работал в это время.

²²⁵ *Записка о Н. И. Тургеневе.* — Впервые (с купюрами) опубликовано: ПСС. Т. 10. С. 13—23. Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 35. Л. 16—39. Текст печатается по автографу, с восстановлением купюр.

«Записка о Н. И. Тургеневе» — органичная часть дневниковой прозы Жуковского. Сама история ее создания тесно связана с записной книжкой 1827 г., а ее текст перемежается с записями в парижском дневнике. Начало первых набросков можно датировать точно на основании письма из Парижа от 28 мая (9 июня) 1827 г., предшествующего тексту «Записки». По всей вероятности, черновой ее текст был создан в течение 1827 г., о чем свидетельствуют последующие записи. Предназначенная для оправдания декабриста Н. И. Тургенева, эта «Записка» — важнейший памятник русской общественной мысли.

²²⁶ *...он не явился.* — Во время восстания на Сенатской площади Н. И. Тургенев находился за границей. Он был вызван в Россию, но не приехал. На основе устных рассказов П. А. Вяземский записал, что по учреждении Следственной комиссии Жуковский обратился к Николаю I с вопросом: «Нужно ли Николаю Тургеневу возвратиться в Россию?» Государь отвечал: «Если спрашиваешь меня, как императора, скажу: нужно; если спрашиваешь, как частного человека, то скажу: лучше ему не возвращаться» (РА. 1876. № 1. С. 254).

²²⁷ *Тургенев судим был в отсутствие...* — Н. И. Тургенев был заочно приговорен к смертной казни.

²²⁸ *Его письменное отношение было отвергнуто.* — По совету старшего брата Александра Николай Тургенев, уступая его просьбам, прислал оправдательную записку в письме от 1 мая 1826 г. (Дубровин. С. 48—62). Текст этой записки послужил основой и

для Жуковского. По всей вероятности, это «письменное отношение» осталось без последствий, так как Н. И. Тургенев был осужден и вынужден был почти до конца жизни поселиться в Англии.

²²⁹ ...к уничтожению рабства крестьян... — Отношение самого Жуковского к крепостному праву — предмет особого разговора (об этом см.: Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993. С. 4—13). Важно, что его идейным наставником в этом отношении был автор «Опыта теории налогов». Это сочинение Н. И. Тургенева для Жуковского стало теоретической основой практических шагов по освобождению своих крепостных (см.: БЖ. Ч. 1. С. 472—482). И позднее, во время особенно интенсивного общения с братьями Тургеневыми (Александром и Сергеем), Жуковский постоянно обращался к мыслям Николая Тургенева. Так, 26 июня 1827 г., т. е. в период работы над «Запиской», Александр Тургенев пишет брату: «Жуковский несколько раз прежде думал, и сегодня, вспомнив об участии бедного демидовского Швецова, о котором вчера со слезами говорил мне, хотел просить тебя записать мысли твои о рабстве, если не для близкого, то для отдаленного будущего» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 38). 3 сентября того же года: «Я прочел Жуковскому несколько строк из твоего сочинения об Освобождении кр(естьян) в Р(оссии). Он хочет иметь оригинал твой, и я даю ему». Именно после этого сообщения А. И. Тургенев приводит признание Жуковского в том, что он обязан Н. И. Тургеневу «самыми высокими минутами в жизни» (Там же. С. 115).

В сознании современников Н. И. Тургенев был прежде всего выразителем антикрепостнической позиции. Ср. у Пушкина в 10 гл. «Евгения Онегина»: «Хромой Тургенев им внимал / И, плети рабства ненавидя, / Предвидел в сей толпе дворян / Освободителей крестьян». Именно поэтому Жуковский, чтобы снять с Н. И. Тургенева другие обвинения, делает пафосом всей «Записки» его благородные усилия по борьбе с рабством, подчеркивая, что «свои идеи об освобождении крестьян он [Тургенев] сообщил самому покойному Императору, от коего он получил за них и благословение».

²³⁰ ...Зеленую книгу. — Здесь Жуковский опирается на слова самого Николая Тургенева, который в оправдательной записке к императору сообщал: «За несколько пред сим лет (думаю в 1819 или 1820 году) мне принесли устав общества „Благополучия“ или „Благоденствия“. Это была так называемая „Зеленая книга“. Я пробежал (в точном смысле сего слова) эту книжку. (...) Вступил ли я в тайное общество прочтением „Зеленой книги“ и изъявлением одобрения намерениям, в ней изложенным? На сей вопрос мне отвечать трудно. Я могу только сказать, что было и что помню. Я прочел устав — и только. Никаких требований делалось мне не было. Я продолжал видаться иногда с людьми таким же образом, как и я, принадлежащими сему обществу. Редко говорили об обществе, и я видел, что всё это не имело ничего значительного» (Дубровин. С. 51—52).

²³¹ ...видел в нем ~ образец моральной чистоты! — Это смелое заявление Жуковского о «государственном преступнике» не было случайным. Он постоянно признавался в своей любви к Н. И. Тургеневу и даже говорил: «Я ему обязан во всех этих горестных обстоятельствах высоким понятием о человечестве» (С 7. Т. 6. С. 488).

²³² ...Штейн решительно утверждал... — Встречи Жуковского с бароном Генрихом Штейном (см. примеч. 14 к 1826 г.), который по служебным делам в начале 1820-х годов был связан с Николаем Тургеневым, позволили в его лице найти союзника в борьбе за реабилитацию декабриста. Запись от 8 (20) июня 1826 г. гласит: «Чтение отчета. Штейн», что позволяет на основании «Записки» прокомментировать позицию Штейна к «Донесению Следственной комиссии».

²³³ Он принял с благосклонностью его проект об освобождении крестьян. — Сам Николай Тургенев так писал о позиции императора Александра I: «...принял с благоволением проект мой „О рабстве“, велел благодарить меня за оный, отпустил за границу, осыпав благодеяниями...» (Дубровин. С. 65—36).

²³⁴ Но в 1817 году в это общество были приняты... — Н. И. Тургенев вступил в «Арзамас» в феврале 1817 г. и получил прозвище «Варвик».

²³⁵ ...стоило ~ жизни его младшему брату. — То есть Сергею Тургеневу (см. примеч. 92, 93).

²³⁶ Август. — Дневниковые записи с 16 (28) июля по 8 (20) августа 1827 г. не обнаружены. Как известно, из Парижа Жуковский приехал в Эмс 2 (14) июля и прошел здесь курс лечения минеральными водами, которые ему помогли (С 7. Т. 6. С. 479). Находился он в Эмсе до 16 (28) августа. Записи от 8 (20) по 16 (28) августа отсутствуют в «Дневниках», изданных И. А. Бычковым, и публикуются в п е р в ы е. Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 35. Л. 8—8 об.

²³⁷ Разговор с Алиной. — Речь идет о дочери княгини С. Г. Волконской, супруги министра Императорского двора кн. П. М. Волконского — княжне Александре Петровне (в замужестве Дурново). «Здесь теперь княгиня Софья Волконская и Алина, — писал Жуковский И. И. Козлову 8 (20) августа. — Вот целый месяц почти, как я с ними ежедневно, и так к этому привык, что будет очень больно с ними расстаться. Алина прелестное, милое, доброе, умное создание. Она стоит счастья и авось будет иметь его. Я рад, что судьба меня с ней познакомила, хотя на короткое время» (С 7. Т. 6. С. 469).

²³⁸ 16 (28) августа. — Далее до 12 сентября текст печатается по изд. И. А. Быкова: Дневники. С. 201—205.

²³⁹ Венчание. — Барон Генрих Штейн выдавал замуж свою младшую дочь Терезу за немецкого дипломата, графа Людвига Кильмансегге (см.: Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 47).

²⁴⁰ С Рейтерном... — Во время пребывания в Эмсе Жуковский еще более подружился с художником Г. Рейтерном, своим будущим тестем (Русская беседа. 1859. Кн. 3. С. 18).

²⁴¹ С княжной... — См. примеч. 237.

²⁴² Сумасшествие Клары. — Речь идет о бедном дерптском художнике и гравере Августе Филиппе Кларе, которому покровительствовал Жуковский (см. примеч. 10 к 1826 г.). Подробнее об отношении Жуковского к А. Ф. Кларе см.: РБ. С. 59—60. Данная запись была вызвана каким-то предосудительным поступком художника, к чему он был склонен из-за неуравновешенности характера.

²⁴³ Дом Гёте... — Имеется в виду франкфуртский дом отца Гёте, где он провел свое детство. Описание этого дома дано самим Гёте в его автобиографической книге «Из моей жизни. Поэзия и правда».

²⁴⁴ *Брат Рейтернов.* — У Рейтерна было три брата: Кристоф (1782—1833), Германн (1786—1841) и Карл (1787—1862). О ком из них идет речь, установить не удалось.

²⁴⁵ *Чтение «Элены».* — Отрывка из второй части «Фауста» Гёте: “Helena. Klassisch-romantische Phantasmagorie. Zwischenspiel zu Faust”. Напечатано впервые: Goethe’s Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand. Stuttgart u. Tübingen, 1827. Bd. 4. S. 229—307. В библиотеке поэта сохранилось это собрание сочинений Гёте, в том числе и указ. 4-й том (Описание. № 2634).

²⁴⁶ *Mönch und die Nonne.* — Название утесов близ Эйзенаха (ср. запись от 26 октября 1821 г.).

²⁴⁷ *Книга с 1720* — Речь идет о книге почетных посетителей, из которой Жуковский выписывает имена некоторых важных особ.

²⁴⁸ *В театр: “Der Schnee”* — опера Франсуа Обера на либретто Э. Скриба “La neige” («Снег»; 1821).

²⁴⁹ *Гёте.* — Это посещение Гёте в Веймаре оставило особый след в душе Жуковского. Во время своего пребывания он написал стихи, обращенные к Гёте, «Творец великий вдохновений...». Первоначально послание было написано по-русски, затем Жуковский перевел 7 сентября стихи на немецкий язык и преподнес их Гёте (об этом см.: Вольпе. Т. 2. С. 535—537). Одновременно Жуковский передал Гёте картину немецкого художника Карла Густава Каруса и сопроводил этот дар стихотворным посвящением, раскрывающим романтическую концепцию искусства, выраженную в ней:

ПРИНОШЕНИЕ

Тому, кто арфою чудесный мир творит,
Кто таинства покров с создания снимает,
Минувшее животворит
И будущее предрекает.

(Вольпе. Т. 2. С. 265)

«Гений Гёте» стал для Жуковского источником не только новых впечатлений, но импульсом к творчеству. А. И. Тургенев в письме к брату от 8 сентября 1827 г. так передавал впечатления Жуковского от этой встречи: «Он [Жуковский] зажился три дня в Веймаре в беседе с Гёте. Жуковский жалеет, что меня не было с ним у Гёте. Он был необыкновенно любезен и как отец с ним. Жуковскому хотелось, чтобы я разделил эти минуты с ним, ибо он говорит, что Гёте и Шиллер образовали его, с ними вместе он рос...» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 114).

²⁵⁰ *...разговор о Рейтерновых рисунках.* — Гёте дал достаточно высокую оценку рисункам Г. Рейтерна, о чем сообщал сам художник в письме к жене (Reutern. S. 51—52). Жуковский был, по словам того же Рейтерна, тронут этим отзывом (Op. cit. S. 52). Эта оценка подтверждается и записью самого Гёте в его дневнике: «5 сентября. Утро. Рассматривал рисунки г-на Рейтерна. То же самое с г-ном Жуковским, похвала его особенной живописной манере...» (Kanzler v. Müller. Unterhaltungen mit Goethe. Weimar, 1956. S. 254; перевод наш.). Жуковский высоко ценил рисунки Рейтерна. «Скажу Вам откровенно: я не знаю ничего, с чем можно было бы сравнить эти

очаровательные произведения, ни в отношении истинного изображения природы, ни в отношении композиции. В них нет ничего ослепляющего глаза. Лица не идеальны; костюмы, скорее, чудны, странны; в местности нет ничего живописного, и, несмотря на всё это, картины имеют удивительную прелесть. Отчего же происходит эта прелесть? От верного, истинного изображения природы, от истины», — писал он к Рейтерну в 1830 г. (РВ. 1894. № 9. С. 232; подлинник на фр. языке).

²⁵¹ *Миллер*. — Веймарский канцлер Фридрих фон Мюллер именно с этого времени, т. е. с сентября 1827 г., становится постоянным корреспондентом Жуковского. Он подробно информирует его о смерти короля Людвига Баварского, рассказывает о жизни Гёте и т. д. (см.: *Kanzler v. Müller. Unterhaltungen mit Goethe*. S. 341, 348, 352). В архиве Жуковского сохранилось более 30 писем канцлера за 1828—1848 гг. (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 214). См. также: Новый сборник статей по славяноведению / Сост. и изд. учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 336—342.

²⁵² *Поутру к M-elle Silvestre*. — Речь идет об Эсперанс Сильвестр, швейцарке по национальности, которая воспитывала дочерей веймарской герцогини Марии Павловны. По мнению С. Н. Дурылина, она была «довольно примечательным лицом русской гётеаны» (ЛН. Т. 4—6. С. 339—340). Подробнее о ней см.: *Данилевский Р. Ю.* Э. Сильвестр и ее письмо о Пушкине // *Врем. ПК*. 1975. Л., 1979. С. 5—8.

²⁵³ *Разговор о «Елене»*. — О чтении Жуковским отрывка из «Фауста» Гёте см. примеч. 245. Гёте в своем дневнике от 6 сентября 1827 г. записал об этом следующее: «Herr von Reutern und Joukoffsky, commentirendes Gespräch über Helena»* (см.: *Goethes Tagebücher*. Weimar, 1900. Bd. 2. S. 106).

²⁵⁴ *В полночь в Лейпциг*. — Здесь Жуковский встретился и провел несколько дней с Александром Тургеневым. «В полночь приехал Жуковский, — сообщал Тургенев брату 8 сентября. — Мы выделись в 6 часов утра, ибо он не хотел будить меня» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 147). Именно во время этой встречи Жуковский рассказал другу о своем посещении Гёте в Веймаре.

²⁵⁵ *Вечер у Линднера*. — Об отношении Жуковского к педагогической системе немецкого педагога Ф. Л. Линднера см. примеч. 11. Комментарием к этой записи Жуковского является письмо А. И. Тургенева: «Слушали лекцию, последнюю, у Линднера о церковной истории, именно о Тридентинском соборе, где все учение Римской церкви выговорено было и где катехизису дана была равная сила с догматами. После лекции мы были в гостях у Линднера и провели с ним час наставительный и приятный. Мы выспрашивали его о многом и записали несколько книг о воспитании для Жуковского» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 118).

²⁵⁶ *Проповедь Вольфа...* — Об этой проповеди лейпцигского теолога Фридриха Августа Вольфа говорится в письме А. И. Тургенева брату, причем Тургенев замечает, что она понравилась и ему, и Жуковскому (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 119).

²⁵⁷ *...о помолвке Ольги с Орфано*. — Е. Г. Пушкина сообщила Жуковскому о помолвке своей дочери Ольги Алексеевны с греческим полковником Г. Д. Орфано,

* Господа фон Рейтерн и Жуковский, ведущие разговор о Елене (*нем.*).

участником восстания Ипсиланти, выпущенным из австрийской тюрьмы (С 7. Т. 6. С. 489).

²⁵⁸ Далее в дневнике приводится перечень лиц, с которыми Жуковский виделся в Берлине осенью 1827 г.: «Король. Кронпринц. Кр(он)пр(инцесса). Пр(инц) Карл. Мария. Принц Вильгельм. Принц Альбрехт. Принц Карл Мекленбургский. Принц Август. Принц Вильгельм с женою и герцогиня Кумберландская. *Алопеус. Санти.* Витгенштейн. Мансуров. Вицлебен. Кнезезбек. Бюль. Боршель. Шлифен. Бух. Шильден. Гнезенау. Редер. Тюмен. Савиньи. Ансильон. *Брюль.* Гумбольт. Бернсторф. Гребен. Голицын. Гр(афиня) Трухзес. М-е Вок. Олферс. *Клаузевиц.* Ламот-Фукэ. Раух. Тик. Шинкель. Вольф. Раупах. Радовиц. Гр(аф) Перпонше, тесть гр(афа) Перпонше. Шепинг. Шак. Тюмплинг. Гирт. *Viereck.* Чудовский. Мальцан. Дуклер. Вейсс. Гребен. Бранденбург. Осанн. *Von Reede. Nienstät. Helvig. Гуфланд*» (Дневники. С. 206). На этом текст дневника, приведенный И: А. Бычковым и хранящийся в РНБ, обрывается. Продолжение записей за 1827 г. обнаружено в другом архивном собрании рукописей Жуковского. Записи от 31 августа (12) сентября до 21 октября публикуются впервые по автографу: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 35. Л. 8 об.—10 об.

²⁵⁹ *Разговор о восстании...* — То есть о событиях 14 декабря 1825 г.

²⁶⁰ ...читал *Гейнроту Антропологию*. — К трудам немецкого психолога и педагога Иоганна Христиана Августа Гейнрота (Heinroth) Жуковский проявлял особый интерес, о чем свидетельствует наличие в его библиотеке многочисленных сочинений Гейнрота с пометками владельца (Описание. № 1261—1271). К сожалению, «Lehrbuch der Anthropologie», о чтении которого говорит Жуковский, имеется в более позднем издании 1831 г. и не содержит помет. Внимание Жуковского к этому учебнику антропологии было прежде всего связано с его педагогической деятельностью.

²⁶¹ *В театре: "Schweizerfamilie"*. — См. примеч. 98 к 1820 г.

²⁶² *Знакомство с Радовицем*. — Это знакомство Жуковского в Берлине 3 (15) сентября 1827 г. с известным немецким политическим деятелем Иосифом Радовицем положило начало их длительной, вплоть до самой смерти Жуковского, дружбе. Дневники Жуковского фиксируют основные этапы их отношений: берлинские встречи и общение в мае 1829 г., переписка и встречи в Швейцарии в ноябре 1831 г., размышления Жуковского о его личности в письме к А. И. Тургеневу от 15 (27) января 1833 г.: «Это теплая, крепкая душа; она на всё глядит своими глазами, но при нем нельзя не мыслить и не чувствовать (...) В системе Радовица особенно прекрасно то, что она не только в голове его, но и в жизни, во всякую минуту жизни» (ПЖТ. С. 271—272), беседы о политике и искусстве в Берлине в августе 1833 г., во Франкфурте — в июле 1838 г.; наконец, после женитьбы Жуковского и переезда его в Германию — постоянное общение. Итогом и залогом этой дружбы стала специальная статья Жуковского «Иосиф Радовиц», написанная в 1850 г., а также непрекращающаяся забота о нем и его семье после революции 1848 г. (РБ. С. 176—183).

Вспоминая же о первой встрече, Жуковский говорил: «С тех пор он сделался и моим другом. Наше свидание с ним было на минуту, но эта минута произвела плод многолетний» (ПСС. Т. 11. С. 141).

²⁶³ *Разговор о Полине.* — Скорее всего, имеется в виду Полина Гизо, первая жена знаменитого французского историка Ф. Гизо (см. примеч. 39). Но не исключено, что речь идет о дочери Е. Г. Пушкиной Полине и устройстве ее судьбы.

²⁶⁴ «*Весталка*». — Опера Г. Спонтини.

²⁶⁵ ...*нашел у себя картину Карусову.* — Во время пребывания у Гёте в начале сентября 1827 г. (см. примеч. 249) Жуковский подарил ему картину немецкого художника и натурфилософа Карла Густава Каруса. Интерес к символической живописи Каруса (о нем см.: Эстетика немецкого романтизма. М., 1987. С. 682—682) во многом продиктован эстетическими принципами русского поэта. О посещении мастерской художника совместно с Жуковским записал в дневнике 28 января 1827 г. А. И. Тургенев: «Сейчас возвратились от Каруса и Фридриха — и первый мне едва ли не более понравился» (ЛН. Т. 4—6. С. 338).

²⁶⁶ *В театре Königstätt: "Der Maurer".* — Переделка с фр. пьесы Э. Скриба и К. Делавиня «Каменщик».

²⁶⁷ *Вечеру в театре: «Отелло».* — Опера Дж. Россини.

²⁶⁸ *В театре: "Tochter der Luft".* — Драма П. Кальдерона. В русском переводе К. Бальмонта имела название «Дама Привидение»

²⁶⁹ *В театр ~ "La Dame Blanche".* — См. примеч. 74.

²⁷⁰ *Вечеру театр: "Jean de Paris".* — Комическая опера «Жан Парижский» на текст Сен-Жюста (К. Годара д'Окура). Музыка Ф.-А. Буальдьё. В переводе П. И. Шаликова исполнялась на русской сцене (ИРДТ. Т. 3. С. 251).

²⁷¹ ...*нашел Сашу...* — Племянница Жуковского Александра Воейкова находилась в Берлине проездом в Италию для лечения. 17 (29) сентября Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Я ждал Саши (...) Она приехала уже тому три дни. Слаба очень, бок болит беспрестанно, часто кашляет; но кровью не харкает. Несмотря на всё это, я нашел ее лучше, нежели как воображал. Лицо очень хорошо. Похудела, но не столько, как я думал. Едет покойно и очень хорошо выдерживает дорогу. Одним словом, я надеюсь на это путешествие...» (ПЖТ. С. 221). Надежды Жуковского не оправдались: 14 (26) февраля 1829 г. А. А. Воейкова умерла в Ливорно, где и была похоронена (ПЖТ. С. 251—254).

²⁷² *Радостная весть.* — Как явствует из письма к А. И. Тургеневу от 17 (29) сентября, имеется в виду «известие о рождении Великого князя», т. е. Константина Николаевича (ПЖТ. С. 221—222), будущего постоянного адресата Жуковского (см.: С 7. Т. 6. С. 342—382).

²⁷³ *Разговор о Николае Тургеневе.* — Именно в это время Жуковский заканчивает переписывание набело «Записки о Н. И. Тургеневе» (см. примеч. 225), и разговор с графом Г. А. Строгановым, членом Верховного суда над декабристами, был обусловлен надеждами Жуковского и А. И. Тургенева на то, что граф «заявит правительству о невиновности Николая Тургенева» (ПЖТ. С. 222, примеч. П. Бартенева).

²⁷⁴ «*Verstand und Herz*». — Автор пьесы не установлен.

²⁷⁵ «*Marquis Potenar*». — Комедия французской писательницы Софи Ге.

²⁷⁶ **1 ноября.** — Запись от 1 ноября 1827 г. открывает «Журнал» Жуковского. В нем Жуковский дает наставления будущему русскому царю, продолжая традицию европейских просветителей Ф. Фенелона, Э.-М. Арндта, Ц. Лагарпа, И.-Я. Энгеля

и др. Такие их сочинения, как «Об обязанностях королевской власти», «Приключения Телемака», «Проект воспитания и наставления принца», «Зерцало для князей» (о чтении их см.: БЖ. Ч. I. С. 484—489, 492—507; Ч. 2. С. 231—238), были ориентиром для Жуковского-просветителя и педагога. Но Жуковский не остается в узких рамках педагогической деятельности. Его размышления носят мировоззренческий характер. Он вновь и вновь возвращается к проблеме политической законности, соотносит свой идеал просвещенной монархии о российской реальностью.

Состав «журнала», хранящегося в архиве поэта и не известного в полном объеме (извлечения из него впервые были опубликованы М. И. Гиллельсоном — Звезда. 1972. № 2. С. 211—214; 1977. № 3. С. 190—199 и А. С. Янушкевичем — Наше наследие. 1994. № 32. С. 34—47), определяется записями, сделанными в течение 8 лет: 1827—1834 гг. Сам Жуковский постоянно говорит о нерегулярности записей, сетует на «невозвратную потерю» в воссоздании прошедшего и настоящего. И хотя записи, составляющие этот журнал, точно датированы: 1 ноября 1827 г., 24 февраля 1828 г., 14 октября 1828 г. и т. д., можно полагать, что, во-первых, многие из них писались в течение нескольких дней; во-вторых, журнал, начатый после заграничного путешествия 1826—1827 гг., прерывался и имел дополнение в дорожных записных книжках 1829, 1831, 1832—1833 гг. Кроме того, удалось обнаружить и отдельные записи за эти годы, не входящие в текст журнала,

И все-таки есть все основания говорить о внутреннем единстве данного дневникового массива. Все записи находятся в одной тетради и объединены общностью проблематики и целевой установки. Журнал, как это видно из последней записи, предназначался для великого князя Александра Николаевича, но в отличие от журнала 1834 г. (см. примеч. к 1834 г.) не был подневным. К сожалению, хронологический принцип издания не позволяет воссоздать этот журнал как целостный текст, однако принадлежность записей именно к этому единому тексту последовательно оговаривается в примечаниях.

Текст публикуется полностью впер вые, по автографу: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 33. Л. 1—13 об.

²⁷⁷ *Дашков сказал...* — Д. В. Дашков, государственный деятель, бывший арзамасец, который, по словам мемуариста, «проникал глубоко в историю народов и в политические происшествия своего времени» (Арзамас-2. Кн. 1. С. 126), был постоянным собеседником Жуковского именно в это время, после возвращения поэта в Петербург. «С Дашковым много говорили о тебе. Он читал известный тебе манускрипт...», «Дашков говорит...», «Здесь у тебя я и Дашков» — эти и многие другие цитаты из писем Жуковского к А. И. Тургеневу от 25 октября, 1 ноября, 6 ноября 1827 г. (ПЖТ. С. 223, 225) позволяют говорить о поводе, по которому были сказаны Дашковым приводимые в журнале слова, и о причинах полемики с ними. Речь идет о судьбе осужденного и находящегося в изгнании Николая Тургенева, о «Записке» («известный тебе манускрипт»), которую Жуковский хотел представить Николаю I (см. примеч. 225).

²⁷⁸ *О преподавании Истории.* — Жуковский придавал особое значение истории в просвещении и образовании наследника. Об этом подробнее см.: Шмидт С. О. Василий Андреевич Жуковский — великий русский педагог. М., 2000. С. 32—39. В 1829 г.

он помещает в «Собирателе» (№1) специальную статью «Польза истории для Государей», где в частности замечает: «Сокровище просвещения Царского есть История, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее (...) Она должна быть главною его наукой» (ПСС. Т. 10. С. 23). В «Проекте плана учения его Имп. Высочества...», составленного Жуковским для «представления Государю Императору Николаю Павловичу» в 1827 г., он специально говорит об изучении «истории священной» (ПСС. Т. 10. С. 12). Наброски в журнале — конкретизация этапов изучения «священной истории».

1828

(С. 299—307)

Публикуется впервые. Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 36. Л. 1 об.—9.

¹ *Государь спросил ~ у Паткуля...* — Великий князь Александр Николаевич по совету Жуковского обучался вместе со своими сверстниками Иосифом Виельгорским и будущим государственным деятелем Александром Паткулем.

² *Теперь у него только один товарищ Паткуль...* — По всей вероятности, второй соученик великого князя, Иосиф Виельгорский, до 28 февраля еще не принимал участия в занятиях, хотя уже шли переговоры с его родителями и мальчик приезжал во дворец поиграть с великим князем. Только 1 марта 1828 г. великий князь записывает в своем дневнике: «День провел весело. Был в Морском кадетском корпусе. Папа и Мама позволили, чтобы Ося Вилюгорски был моим товарищем и жил со мною». О переезде И. Виельгорского во дворец говорится лишь 4 марта. Об этом подробнее см.: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 77.

³ *...мертвое тело ~ княгини Ливен.* — Речь идет о смерти 24 февраля 1828 г. статс-дамы, воспитательницы дочерей Павла I Ш. К. Ливен, что дает основание говорить о датировке всей записи этим числом.

⁴ *Фундаментальное правило поступков.* — Есть все основания предполагать, что последующие записи до 14 октября, а также фрагмент под заглавием «Дух времени» были созданы в марте-ноябре 1828 г. для готовящегося Жуковским журнала «Собиратель», первый номер которого появился в начале 1829 г. Сам характер этих графически отделенных друг от друга отрывков, их переключки с проблематикой будущего издания, а иногда, как в случае с фрагментом «Бывают смутные времена...», прямая связь с «Материалами, относящимися к журналу „Собиратель“» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 125 б), наконец, целый ряд прямых совпадений с текстом статьи «Польза истории для Государей» — всё это доказательства выдвинутого предположения.

⁵ *Бывают смутные времена в истории.* — Как установлено (см.: БЖ. Ч. 1. С. 483), этот отрывок, предназначенный для журнала «Собиратель» и находящийся среди «Материалов, относящихся к журналу „Собиратель“» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 125 б. Л. 12—12 об.), является вольным переводом фрагмента из статьи немецкого писателя

Иоганна Якоба Энгеля “Fürsten-Wollust” («Княжеское наслаждение») из его книги “Fürstenspiegel” («Зерцало для князей»), внимательным читателем которой был Жуковский.

⁶ *Власть царя происходит от Бога...* — Весь абзац в переработанном виде вошел в текст статьи Жуковского «Польза истории для Государей». Ср.: «Верь, что власть Царя происходит от Бога, но верь сему не для того, чтобы поставить себя выше суда людей, а для того, чтобы подчинить себя верховному суду Бога; верь сему, как Людовик XII и Генрих Великий, сию веру имел и Иоанн Грозный, но в душе его она была губительною насмешкою над Божеством и человечеством» (Собиратель. 1829. № 1. С. 9).

1829

(С. 308—311)

Впервые: РС. 1902. № 1. Приложение. С. 206—215. То же: Дневники. С. 206—215. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 6. Л. 1—6 об.

¹ *Выехал из Дерпта 30 апреля.* — В письме к А. П. Елагиной от 16 апреля 1829 г. Жуковский сообщает: «Послезавтра еду в Дерпт (...) Из Дерпта, где пробуду неделю, поеду в Варшаву и возвращусь не прежде июля месяца» (УС. С. 47). По пути за границу Жуковский всегда посещал Дерпт, чтобы встретиться с Е. А. Протасовой, И. Ф. Мойером, поклониться могиле Маши Протасовой-Мойер. На этот раз поездка в Дерпт была вызвана еще и печальным событием: 16 (28) февраля в Италии умерла младшая дочь Е. А. Протасовой — Саша Воейкова, и Жуковский должен был рассказать матери о ее последних днях, описание которых ему дал находившийся постоянно около А. А. Воейковой дерптский доктор, будущий биограф Жуковского К. К. Зейдлиц (см.: ПЖТ. С. 251—253).

² *Приехал в Варшаву 7-го мая.* — 12 мая здесь должна была состояться коронация императора Николая I в качестве конституционного короля Польши. Государь, императрица и наследник Александр Николаевич прибыли в Варшаву 5 мая.

^{2a} *Возвращение ~ с Вьельгорским.* — Комментируя эту запись, И. А. Бычков говорит о графе, обер-шенке Михаиле Юрьевиче Виельгорском (Дневники. С. 206). Однако, как известно, в Варшаве в это время был его сын Иосиф Виельгорский, который в составе свиты наследника (Паткуль, Мердер, Жилье, Юрьевич, Жуковский) приехал на коронацию Николая I.

³ *Виртембергский принц.* — Имеется в виду бригадный генерал польских войск Адам Виртембергский.

⁴ “Le mariage d’argent”. — Комедия Э. Скриба «Серебряная свадьба».

⁵ “L’ami intime”. — Комедия французских драматургов М. Теолона, А. Дартуа и Ф. Лолу «Близкий друг».

⁶ *Поутру у Немцевича.* — Польский поэт Юлиан Немцевич проявлял особый интерес к деятельности и творчеству Жуковского. Во-первых, в конце мая 1829 г. он предложил избрать Жуковского членом Варшавского общества друзей наук. Это

предложение было принято единогласно. Во-вторых, он во время пребывания Жуковского в Варшаве, т. е. между 9 и 16 мая 1829 г., вписал в его альбом басню «Перила», выражающую «программу варшавского либерализма». Вслед за басней Немцевич записал стихотворное обращение «К Жуковскому», которое в переводе выглядит так: «Добродетелей и Наук почитатели, даже разделенные тысячами миль, всегда друзья, всегда земляки. Ты в блеске своей славы, я на склоне последних дней. Пишем, пока длится жизнь, для блага братских народов» (см.: *Ланда С. С. Ю. У. Немцевич и В. А. Жуковский // Пушкин и его время: Исследования и материалы. Вып. 1. Л., 1962. С. 22*).

Личное общение поэтов во многом было подготовлено Адамом Мицкевичем. В марте 1829 г. он составляет для Жуковского специальную «Заметку» с характеристикой деятелей польской литературы и общественной мысли. Как указано в примечании к ней, «заметка была составлена Мицкевичем для Жуковского в связи с предстоящей поездкой последнего в Варшаву» (*Мицкевич А. Собр. соч. Т. 5. М., 1954. С. 416—418*; см. также: *Янушкевич А. С. В. А. Жуковский — переводчик отрывка из поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» // Историко-литературный сборник: К 60-летию Леонида Генриховича Фризмана. Харьков, 1995. С. 33—38*). Она позволяла Жуковскому легко войти в литературные круги Варшавы. Первым в этом ряду был известный польский поэт Юлиан Немцевич. Кроме того указаны граф Валериан Красинский, Каэтан Козьмян, Франтишек Моравский, Максимилиан Фредро, Казимир Бродзинский, Людвиг Осинский, с которыми Жуковский постоянно встречался в Варшаве. Подробнее о творческих взаимоотношениях Жуковского и этих поэтов см.: *Пиотровская А. Г. В. А. Жуковский и польские романтики // Жуковский и литература конца XVIII — XIX века. М., 1988. С. 305—318*.

⁷ *Перевод Библии Скорины*. — Перевод Библии на белорусский язык, напечатанный Франциском Скориной в Праге, в 1517—1519 гг.

⁸ *..Луки неславного городка*. — Имеется в виду хранившаяся в Варшавской библиотеке рукопись Ветхого Завета, писанная в 1598 г. «повелением и пильностью (...) Луки в неславном граде Тернополе» (*Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина. СПб., 1888. С. 222—223*).

⁹ *Паганини*. — Знаменитый итальянский композитор и скрипач Никколо Паганини находился в это время в Варшаве на гастролях.

¹⁰ *У Фовицкого...* — «Хорошо образованный, прекрасно знавший русскую литературу» (ОА. Т. 1. С. 485—486), И. М. Фовицкий был наставником при воспитаннике цесаревича Константина Павловича П. К. Александрове. В 1829 г. Жуковский приглашал его переселиться в Петербург для преподавания польской истории наследнику великому князю Александру Николаевичу (РА. 1884. № 3. С. 118—119; 1889. № 3. С. 131—132).

¹¹ *У Бенкендорфа о Старынкевиче*. — Однокашник Жуковского по Московскому университетскому благородному пансиону, Н. А. Старынкевич был близок семье Тургеневых (см.: *Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 2. С. 131*), оставил интересные воспоминания об участии Жуковского в работе военной типографии при штабе Кутузова (см.: РА. 1986. № 1. С. 138—147). Вольнолюбиво настроенный, идейно и дружески связанный с широким кругом декабристов (Пушкин и его время. Вып. 2. Л.,

1962. С. 93—96), он был в начале 1826 г. арестован «по подозрению в связях с членами тайных организаций и препровожден в Варшаву» (*Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 75). П. Х. Граббе в своем дневнике даже сообщает, что Старынкевич «был гоним и посажен в тюрьму цесаревичем Константином Павловичем, в которой его и захватил варшавский мятеж» (РА. 1889. № 3. С. 679), что является очевидным преувеличением. Но для доказательства своей невиновности он писал пространные записки (*Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 76).

Встреча Жуковского с А. Х. Бенкендорфом и разговор о Н. А. Старынкевиче, видимо, были обусловлены его хлопотами о «гонимом». Дальнейшая карьера Старынкевича (позднее он стал сенатором Варшавского департамента) свидетельствует, что усилия Жуковского не были безуспешны.

¹² *Праздник народный...* — По случаю коронации Николая I на Уяздовском поле в Варшаве было устроено большое празднество.

¹³ *Повторение истории. Чтение.* — Речь идет о занятиях с наследником, которые не прекращались даже во время празднеств по случаю коронации.

¹⁴ *Приезд в Антонин.* — В замок князей Радзивиллов, где Жуковский встретился со своей берлинской знакомой Марией Клейст. Возможно, залогом этой последней встречи стал экземпляр поэмы «Наль и Дамаянти» (Nal und Damajanti: Eine indische Geschichte bearbeitet von Friedrich Rückert. Frankfurt, 1828) с дарственной надписью Марии фон Клейст, благословляющей поэта на ее перевод, что и было исполнено (см.: Описание. № 1986).

¹⁵ *Свидание с Тургеневым.* — С Александром Тургеневым, который тоже ехал в Берлин, Жуковский встретился 23 (4) мая на станции Sibillenort.

¹⁶ “Stumme von Portici”. — Опера Д. Обера, либретто Э. Скриба и К. Делавиня «Немая из Портичи» («Фенелла»).

¹⁷ “Der erste Eindruck”. — Комедия Э. Скриба, переработанная Ф. Л. Боотом под названием «Первое впечатление».

¹⁸ *Приезд принцессы.* — Речь идет о невесте принца Вильгельма (будущего германского императора), принцессе Августе Саксен-Веймарской. Их свадьба состоялась 30 мая (11 июня) (см. запись в дневнике: «День свадьбы»).

¹⁹ *Приезд Великой княгини.* — Матери невесты — великой герцогини Саксен-Веймарской Марии Павловны.

²⁰ *Орест и Пилад.* — Скульптурная работа Х. Д. Рауха на мифологический сюжет.

²¹ *Театр: “Agness von Hohenstauffen”.* — Опера Г. Спонтини, либретто немецкого драматурга Э. Раупаха.

²² *Лулу, Адольф.* — Дети Марии фон Клейст: Луиза (в замуж. Стош) и ее брат Адольф.

²³ *Хор из “Фауста”.* — Музыка написана князем Антоном Радзивиллом (см. примеч. 78 к 1821 г.).

²⁴ «Пилигримы» *Наумановы.* — Оратория “I Pellegrini” композитора И. Г. Науманна.

²⁵ *Читал “La maison Blanche”.* — Вероятно, роман французского писателя Поль де Кока «Белый дом», вышедший в 1829 г. и бывший тогда литературной новинкой.

²⁶ *У Великой княгини.* — У великой герцогини Саксен-Веймарской Марии Павловны, приехавшей в Варшаву на свадьбу дочери.

²⁷ *Разговор с Эверсом.* — Имеется в виду сын «старца Эверса» — профессор русской истории Дерптского университета Густав Эверс. Незадолго до этого вышла его книга «Politik» (Dorpat, 1829), и, видимо, при встрече она была подарена Жуковскому с дарственной надписью: «Seinem Freunde Zhukovskij der Verfasser». С многочисленными пометами и записями владельца книга находится в библиотеке Жуковского (БЖ. Т. 1. С. 507—508).

²⁸ *На могиле Маши.* — Марии Андреевны Мойер, урожденной Протасовой, скончавшейся в 1823 г. и похороненной в Дерпте. «Всякий раз, когда Жуковский приезжал из Петербурга в Дерпт, — замечает биограф поэта, — он прежде всего отправлялся поклониться этой могиле, которая находится на русском кладбище, вправо от почтовой дороги; возвращаясь из Дерпта в Петербург, он останавливался тут на прощание с могилою. Во всё время пребывания своего в Дерпте, он каждый день, один или в сопровождении родных и детей посещал это для него святое место, даже зимою» (Зейдлиц. С. 133—137).

²⁹ *В институте.* — В Екатерининском институте, где находились после смерти А. А. Воейковой ее дочери — Екатерина и Александра (С 7. Т. 6. С. 470; Зейдлиц. С. 149).

1830

(С. 312—314)

¹ **1 апреля.** — Впервые эта дневниковая запись была опубликована Н. Ф. Дубровиным (РС. 1902. № 4. С. 79—81). За текстом публикации следовал небольшой комментарий: «Эти строки, написанные на листочке бумаги, под влиянием огорчения, не сделали В. А. Жуковского ни эгоистом, ни осторожным, каким он обещал себе быть» (Там же. С. 81). К сожалению, этот «листочек» с записью Жуковского не был известен исследователям. В настоящее время он обнаружен Н. В. Самовер в архиве историка Н. Ф. Дубровина и опубликован по списку, с некоторыми существенными дополнениями, по сравнению с печатным текстом РС. В настоящем издании текст записи от 1 апреля 1830 г. печатается по этой публикации: Лица: Биографический альманах. Вып. 6. М.; СПб., 1995. С. 92—96. Автор публикации и примечаний — Н. В. Самовер. Автограф: РАН. Ф. 100. № 273. Л. 43—48.

² *Письмо, написанное мною...* — Речь идет о письме к императору Николаю I от 30 марта 1830 г., в котором Жуковский пытается защититься от «обвинения мне неизвестного» (ПСС. Т. 12. С. 19—22).

³ *...чернят враги литературные.* — В указанном выше письме Жуковский опровергает мнение о том, что он «впутывается в литературные ссоры», и считает своим «тайным обвинителем» прежде всего Фаддея Булгарина. «Думаю, — пишет он, — что Булгарин, который до сих пор при всех наших встречах показывал мне великую преданность, ненавидит меня с тех пор, как я очень искренно сказал ему в лицо, что не одобряю того торгового духа и той нечистойности, какую он ввел в литературу, и что я не мог дочитать его Выжигина. Вот обстоятельства, дошедшие до меня по слуху,

которые заставляют меня думать, что тайный обвинитель мой есть Булгарин» (ПСС. Т. 12. С. 21; курсив Жуковского). В письме к А. Х. Бенкендорфу от 25 января 1830 г. Булгарин, в частности, писал: «Меня гонят и преследуют сильные ныне при Дворе люди: Жуковский и Алексей Перовский» (Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1835 гг. СПб., 1908. С. 269).

⁴ *Взгляд на мою прошедшую и настоящую жизнь...* — В письме к Николаю I Жуковский дает очерк своей жизни, которую делит на две части, до 1817 и с 1817 г., и говорит: «В защиту свою могу представить только всю прошедшую жизнь мою (...) я жил как писал: остался чист и мыслями, и делами». В заключение этого очерка он сообщает: «Чтобы вести такую жизнь, какую веду я, нужен энтузиазм, и его давала мне до сих пор высокая цель моя; его животворила мысль, что меня знают, что мне ничто не нужно для поддержания себя в драгоценном мнении моего Государя, что за меня говорит вся прошедшая жизнь моя и вся настоящая моя деятельность...» (ПСС. Т. 12. С. 19—20).

⁵ *Несмотря на то, что Тургенев осужден...* — В указанном письме от 30 марта нет ни слова о Н. И. Тургеневе, но шаги по снятию обвинений с него продолжались постоянно. Более того, незадолго до разговора с императором он написал целое послание, где «осмеливался (...) говорить о других осужденных» и просить об их амнистии (Дубровин. С. 74).

⁶ *Ты имел связь с Вяземским...* — Жуковский принимал самое активное участие в защите П. А. Вяземского, обвинявшегося не только в политической неблагонадежности, но и в развратном поведении. В бумагах поэта среди многочисленных вариантов «Записок о Н. И. Тургеневе» имеется набросок письма к Николаю I, относящийся, видимо, к концу января 1829 г., где Жуковский, в частности, говорит: «Он [Вяземский] мог быть виноват перед судом правительства в неосторожностях, происходивших более от пылкости ума, природою образованного сатирическим, но его сердце никогда не было причастно тому, что могло казаться в уме его буйством. Благородство истинное, ничем не измененное, было основанием всей его жизни (...) Умоляю Вас, позвольте ему положить к стопам Вашим свое оправдание. Тогда судите и решите. До тех пор он будет осужденным невинно и это будет укором Вашей великой жизни...» (Подробнее см.: Лебедева О. Б., Янушкевич А. С. В. А. Жуковский и П. А. Вяземский: К истории личных и творческих отношений // Проблемы метода и жанра. Вып. 13. Томск, 1986. С. 65—67).

⁷ *...он всё загладил своим раскаянием!* — Речь идет об истории примирения Вяземского с правительством и его возвращения на службу. В начале 1829 г. он написал письмо Николаю I с приложением своей «исповеди». См.: РА. 1890. № 2. С. 279, а также: Лица: Биогр. альманах. Вып. 6. С. 93, примеч. 19.

⁸ *...что принадлежит не к нашему веку, а к XI-му.* — Как справедливо указывает Н. В. Самовер, речь здесь идет о законодательном памятнике XI века, который хорошо знал Жуковский, — Русской Правде (см.: Лица: Биогр. альманах. Вып. 6. С. 104)

⁹ *...вот что бы я отвечал...* — Сбоку приписка: «и сделал бы хорошо, но верно бы повредил себе; итак, невозможность говорить некоторым образом послужила мне к добру».

¹⁰ Далее в списке, находящемся в Архиве РАН, имеется лакуна: утрачены два листа. Поэтому текст от слов: *«было, напротив, дать Вам лучшее мнение обо мне»* до слов: *«ни даже Бенкендорфу: у меня...»* включительно воспроизводится по публикации Н. Ф. Дубровина (РС. 1902. № 4. С. 80—81).

¹¹ Первоначально было написано, но затем зачеркнуто: «Разве человек, обвиненный перед Вами теми, кто Вам доносит, и которые основывают доносы свои на тайных показаниях, следственно презренных показаниях, виноват безответно? И могу ли я соглашать связи мои с тем?».

¹² Окончание лакуны в списке РАН. Далее текст воспроизводится по автографу, на основе указанной выше публикации Н. В. Самовер.

1831

(С. 315—318)

¹ **Февраля 21.** — Запись из «Журнала» 1827—1840 гг. (см. примеч. 276 к 1827 г.). Впервые: Наше наследие. 1994. № 32. С. 41—42. Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 36. Л. 9 об.—10 об.

Польские события вызвали серьезные споры среди писателей пушкинского круга. Как замечает исследователь, «в спорах по поводу польско-русских событий Пушкин, Жуковский и Денис Давыдов единодушно выступали против Вяземского и А. И. Тургенева. Однако их общая позиция в данном конкретном вопросе объяснялась не идентичностью историко-философских построений, а отражала, в первую очередь, совпадение их взглядов на политические события тех лет» (*Гиллельсон М. И.* Проблема «Россия и Запад» в отзывах писателей пушкинского круга // РЛ. 1974. № 2. С. 126). Однако позиция Жуковского в польском вопросе чаще просто реконструировалась на основании его лирики, в частности стихотворений «Русская песнь на взятие Варшавы» и «Русская слава», которые в большей степени передавали эмоции поэта, а не его мысли. Публикуемая запись позволяет прояснить взгляды Жуковского на эту проблему.

² *...действовать независимо ~ как в Адрианополе.* — Речь идет об Адрианопольском мире, заключенном 14 сентября 1829 г. и завершившем Русско-турецкую войну 1828—1829 гг.

³ **Октябрь.** — Публикуя эту часть дневников за 1831 г. по рукописи, хранящейся в архиве Жуковского (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 7. Л. 1—7), И. А. Бычков замечает: «С целью скорейшего ознакомления читателей „Русской Старины“ с дневниками Жуковского, редакция журнала решила печатать их, начиная с 1831 г., не целиком, а с некоторыми выпусками» (Дневники. С. 215). В настоящем издании все эти «выпуски» восстановлены на основании вышеуказанной рукописи, без всяких оговорок.

⁴ *Выезд.* — Жуковский сопровождал великого князя Александра Николаевича при его поездке в Москву. Император Николай I прибыл в Москву еще 11 октября.

⁵ *Кремль, построенный ~ Аристотелем.* — Имеется в виду итальянский архитектор XV в. Родольфо Фиораванти, прозванный Аристотелем.

⁶ *Ц вместо Ч...* — Жуковский отмечает фонетические особенности тверского говора.

⁷ *Глинка.* — Федор Николаевич Глинка, член декабристского общества, был отправлен в 1826 г. в ссылку, в Олонецкую губернию. Благодаря ходатайству Жуковского он был в начале 1830 г. переведен советником губернского управления в Тверь (см.: *Иезуитова Р. В. Жуковский и его время.* Л., 1989. С. 171—175). «Как мне благодарить благороднейшего Василия Андрейча за деятельность по освобождению бедной души из чистилища!» — писал по этому поводу Ф. Глинка Н. И. Гнедичу (Отчет ИПБ за 1895 г. СПб., 1898. Приложение. С. 38).

⁸ *Губернатор.* — Губернатором Твери в это время был действительный статский советник П. Г. Горн.

⁹ *У Дуняши.* — Эта повторяющаяся запись связана с частым посещением Жуковским во время пребывания в Москве дома Авдотьи Петровны Елагиной-Киреевской.

¹⁰ *У Вяземского, у Дмитриева.* — Вот как описывал этот вечер А. И. Тургенев в письме к Пушкину от 29 октября: «Вчера провели мы вечер у Вяземского и Дмитриева с Жуковским. Мы вспомнили и о тебе, милый Сверчок-поэт, а Жуковский и о твоём издании в пользу семейства незабвенного Дельвига» (Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 75).

¹¹ *В театре:* «Венецианская ярманка». — Комическая опера в 3 действиях “La figura di Venezia”. Текст Дж. Боккерини. Музыка А. Сальери. (ИРДТ. Т. 2. С. 459, но в «Репертуарной сводке» ИРДТ этот спектакль не зафиксирован).

¹² *Выставка.* — Выставка промышленных изделий, которая удостоилась высочайшего посещения.

¹³ *В Собрание.* — В Российское благородное собрание, где был дан бал в честь высокого гостя — императора Николая I.

¹⁴ *У Вяземского чтение.* — По всей вероятности, речь идет о статье («пиесе») Вяземского, о которой А. И. Тургенев записал в дневнике 1 ноября: «У Вяземского читал письмо к нему Бенк(ендорфа) о переводе статьи о взятии Варшавы: классический документ». Об этом подробнее: *Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество.* Л., 1969. С. 219—220, где приведена цит. выше дневниковая запись А. И. Тургенева.

¹⁵ *Акт в пансионе.* — Имеется в виду торжественный акт в Московском университетском благородном пансионе, воспитанником которого был Жуковский.

¹⁶ *В театре:* “Chacun de son côté”. — Комедия Э. Мазера. В русском переводе А. Г. Ротчева под названием «Баронесса де Вальер, или Кто прав, кто виноват» шла на петербургской сцене (ИРДТ. Т. 3. С. 223).

¹⁷ *О Наташе.* — Речь идет о Н. П. Арбеновой, будущей жене И. В. Киреевского, которая в 1831 г. лишилась матери, и Жуковский хлопотал при дворе о ее устройстве.

1832

(С. 319—342)

Впервые: РС. 1902. № 1—2. Приложение. С. 218—252. То же: Дневники. С. 216—252. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 8-1. Л. 1—24; № 8-2. Л. 1—20.

¹ *Выезд из Петербурга 18(30) июня.* — По авторитетному свидетельству биографа Жуковского, врача по профессии К. К. Зейдлица, «от сидячей жизни опять усилились у Жуковского завалы в печени. Поехал в Эмс морем через Любек» (Зейдлиц. С. 152). Действительно к началу лета 1832 г. здоровье Жуковского ухудшилось, и он отправился в отпуск, испросив себе для лечения и отдыха год. В Петербург он возвратился в начале сентября 1833 г. 18 июня он вместе с Александром Тургеневым, который добился разрешения на выезд в Европу, сел на пароход. До Кронштадта их провожали Вяземский, Пушкин и Энгельгардт. В Кронштадте Жуковский и Тургенев пересели на пароход «Николай I».

Вероятно, одной из причин отъезда были и обострившиеся отношения Жуковского с императором и шефом жандармерии А. Х. Бенкендорфом. Его письма к царю и Бенкендорфу по поводу запрещения журнала И. В. Киреевского «Европеец» в феврале 1832 г. определили напряженность этих отношений (об этом см.: *Гиллельсон М. И. Письма В. А. Жуковского о запрещении «Европейца»* // РЛ. 1965. № 4. С. 114—124).

² *Из Травемюнде в Любек.* — Описывая долгое путешествие по морю, А. И. Тургенев сообщал: «Тридцать часов лежали мы неподвижно на палубе, смотря в небо, между тем как полубуря заливала нас соленою водою и ломала нашу мачту. В третий день любезничали с дамами и упивались дурным зеленым чаем и шампанским, любовались неизмеримостью моря, Борнгольмом, башнями Висмара, и, наконец, согретые солнцем, увидели Травемюнде и вскричали: берег!» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 48). Из Травемюнде Тургенев отправился в Любек, а Жуковский решил осмотреть это живописное место и догнал Тургенева через сутки.

³ *У консула Шлецера.* — Речь идет о К. А. Шлецере, сыне известного историка Августа Шлецера, который в это время был генеральным консулом в Любеке.

⁴ *Письмо к Великому князю.* — Во время путешествия Жуковский регулярно посылал письма своему воспитаннику, великому князю Александру Николаевичу (см.: РА. 1883. № 1. С. IV—V).

⁵ *...Толстого работы.* — В доме барона Ф. В. К. фон ДERNBERGA, активного участника антинаполеоновских войн, ганноверского посланника в России, имелись медальоны с изображением событий Отечественной войны 1812 г. работы известного русского художника и медальера Федора Петровича Толстого.

⁶ *Чтение воспоминаний о Гёте.* — Еще А. Н. Веселовский недоумевал: «Что такое воспоминания о Гёте, о которых Жуковский говорит в дневнике 1832 года под 28 июля / 10 июля из Ганновера...» (Веселовский. С. 354). После смерти Гёте 22 марта 1832 г. прошло слишком мало времени, чтобы появились печатные воспоминания о нем. Возможно, речь идет о сборнике статей «Гёте в свидетельствах современников», который вышел в Берлине в 1823 г. под редакцией Фарнгагена фон Энзе.

⁷ *...посещение Pertz...* — Георг-Генрих Пертц прославился своими разысканиями в области немецких древностей. Первое его сочинение “Geschichte der Merowingischen

Hausmeier” (1819) обратило на него внимание К. фон Штейна, который привлек Пертца к изданию многотомного собрания памятников немецкой истории — “*Monumenta Germaniae historica*”. Вскоре Пертц возглавил этот издательский проект. Визит Жуковского к Пертцу был связан с формированием библиотеки для наследника.

⁸ ...не пошел поклониться и Дому. — Имеется в виду знаменитый Кёльнский собор.

⁹ *Путешествие по Рейну на пароходе...* — В письме к наследнику Жуковский так объяснял цель своего путешествия: «...полюбоваться еще раз древним Рейном, его утесами, старинными замками и зеленым потоком» (РА. 1883. № 1. С. IX).

¹⁰ ...разговор о Фонке... — Речь идет о кёльнском купце, торговце спиртными напитками Петере-Антоне Фонке, который обвинялся в убийстве кёльнского горожанина Кенена. Дело Фонка разбиралось в суде несколько раз, и подсудимый то обвинялся, то оправдывался. Этот шумный процесс вызывал широкий отклик в прессе. В библиотеке Жуковского сохранилась брошюра: *Kreuser J. Über Peter Anton Fonck und das Gericht von Cönens Ermordung. Köln, 1821* (Описание. № 1452), которую, вероятно, и читал поэт.

¹¹ *Француз Демидов.* — Имеется в виду Анатолий Николаевич Демидов, который большую часть жизни провел в Европе, а в 1841 г. женился на племяннице Наполеона I, принцессе Матильде.

¹² *В театре: “Männertreue”.* — По всей вероятности, немецкая переделка французской драмы «Честь мужа и честь купца» (“*Le mari négociant*”) О.-Л.-Д. Буле, И. Рембо и Дюпре (Э. Дюплесси).

¹³ *Чтение Raphaël.* — Вероятно, речь идет о стихотворной поэме Карла Августа Фёрстера “*Raphaël. Kunst und Künstlerleben... Mit Kupfern nach Gemälde von Raphaël*” (Leipzig, 1820). Эта книга находится в библиотеке Жуковского (Описание. № 1039).

¹⁴ *Театр: “Die Zerstreuten”.* — Эта комедия А. Коцебу была под названием «Рассеянные» переведена А. Ф. Мерзляковым и довольно часто в 1810—1820-х гг. шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 513).

¹⁵ “*Brandschatzung*”. — Комедия А. Коцебу. Под названием «Контрибуция» в переводе с немецкого Н. С. Краснопольского шла в России (ИРДТ. Т. 2. С. 484).

¹⁶ *Рейтернов зять.* — Так как у Герхардта Рейтерна, будущего тестя Жуковского, в это время еще не могло быть зятя, то, вероятнее всего, речь идет о зяте его брата Германа, муже старшей дочери Натальи — Викторе фон Унгерн-Штернберге.

¹⁷ *Доктор Килиан, бывший при Батюшкове.* — Доктор медицины Герман Килиан участвовал в лечении психического расстройства Батюшкова в 1823 г. Сохранилось письмо Батюшкова от 13 декабря 1823 г. к К. В. Нессельроде, в котором он жалуется на грубость Килиана и просит избавить от его посещений (Батюшков. Т. 2. С. 584).

¹⁸ ...чтение Гёте... — Возможно, речь идет о чтении «Итальянского путешествия» Гёте в связи с замыслом поехать в Италию (см. примеч. 35).

¹⁹ *В театре: “Le grécepteur dans l’embarras”.* — Водевиль французского драматурга Мельвиля (А.-О.-Ж. Дюверье). Под названием «Гувернер в хлопотах, или И на мудреца довольно простоты» в переводе с фр. Р. М. Зотова шел в России (ИРДТ. Т. 2. С. 467).

²⁰ *Погребение Стефании.* — Графини Стефании Витгенштейн. В письме И. И. Козлову от 27 января 1833 г. Жуковский вспоминал: «Я был в Эмсе, когда умерла Радзивилл-

Витгенштейн, и вместе с старым фельдмаршалом и молодым вдовцом шел за ее гробом в церковь: это было в темную, звездную ночь. Мы шли тихо, а на другом берегу реки гремела музыка и плясали на бале» (Ср.: «Бал и звездное небо». — С 7. Т. 6. С. 472—473).

²¹ *Брошюра Шатобриана*. — В это время еще новинкой была брошюра-памфлет Шатобриана «О Реставрации и выборной монархии», вышедшая 24 марта 1831 г.

²² *Чтение Mémoires Лудвига XVIII*. — Речь идет об апокрифических “Mémoires de Louis XVIII” (Р., 1832). Далее дневниковой записью от 24 июля Жуковский более развернуто говорит о своем впечатлении. Об этом чтении он писал А. И. Тургеневу 30 июля (11 августа) из Эмса: «Читаю газеты, которые мне весьма надоедают, и Записки Лудвига XVIII, которые отменно любопытны» (ПЖТ. С. 263).

²³ *Писал к Вел(икому) князю*. — Напечатано, с датой 25 июля (6 августа): РА. 1883. № 1. С. VI—VII.

²⁴ *Писал к Тургеневу*. — Это письмо к Александру Тургеневу от 30 июля (11 августа) является одновременно и комментарием к эмским дневниковым записям, и отчетом о прошедшем: «Кажется, что мне лучше; лицо потеряло желтизну: чувствую себя как-то бодрее, но еще ноги не служат, одышка от ходьбы. Зато езжу на ослах по горам и по ровному пути (...) Поутру пью свои шесть стаканов; между каждым ходьба» (ПЖТ. С. 262). Характеризуя местное общество, он пишет: «...со мною об стену живет Потоцкая (Салтыкова), жена Болеслава, здесь и другая Потоцкая, жена Мечислава, в которую ты бы конечно влюбился, заслушавшись ее пения; здесь семейство La Bourdonnaue, известного карлиста, умного и любезного человека (...) Из русских здесь князь Андрей Голицын с женою (Балк), жандармский генерал Полозов, генерал Габбе, который знал брата Сергея и был с ним в Мобеже. Была герцогиня Лейхтенбергская; теперь осталась герцогиня Ольденбургская, при которой мой, и кажется твой, приятель Реннекамф: с ним-то мы и разъезжаем по окрестностям» (ПЖТ. С. 263). Наконец, в заключение Жуковский подробно описывает маршрут своего дальнейшего путешествия.

²⁵ *Лафонов концерт*. — Концерт известного французского скрипача Ш.-Ф. Лафона, гастролировавшего в Эмсе.

²⁶ *Рейнштейн*. — Замок, принадлежащий прусскому принцу Фридриху. Подробнее о его посещении см. в письме Жуковского к великому князю от 26 августа (7 сентября) 1832 г. (РА. 1883. № 1. С. IX—X).

²⁷ ...*Stolterfort, сочинительница* ~ (еще в *манускрипте*). — Немецкая писательница Адельгейда фон Штольтерфорт напечатала в 1825 г. романтическую поэму «Зораида», в 1834 г. была издана поэма «Альфред», рукопись которой видел Жуковский. В библиотеке поэта имеется следующее издание этого произведения: Alfred. Romantisch-episches Gedicht in 8 Gesängen von Adelheid v. Stolterfort, Stiftsdame. Wiesbaden, 1834 (Описание. № 2205).

²⁸ ...*“Jessonda” Шпорава...* — Опера «Йессонда» (1823) немецкого композитора Людвиг Шпора.

²⁹ *Чувство благодарности к природе и ее Творцу*. — Комментарием к этой записи Жуковского являются его слова из письма к великому князю Александру Николаевичу от 26 августа (7 сентября): «Я решил закопаться в скучной деревушке Вейльбахе,

чтобы пить здоровье из груди самой природы. Признаюсь, на все эти источники я смотрел с особенным чувством благодарности к их Создателю. Перед глазами у меня из глубины земли, из какого-то неведомого недра ее, льется ручей; один дымится, другой просто вытекает чистым ключом, и тысячи приходят к этим ключам с надеждою на спасение, и надежда их не обманывает. На земле много бед, но против этих бед везде указаны средства хранящим Провидением. Оно говорит человеку: в моей *природе* найдешь лекарство от страданий телесных; во *Мне* найдешь лекарство от страданий душевных; *приидите ко Мне вси труждающиеся*» (РА. 1883. № 1. С. X; курсив Жуковского).

³⁰ *Рейтерн, его жена, дочь и сестра.* — Художник Герхард Рейтерн с семьей поселился в Вейльбахе, в той «дереvuшке», где жил и Жуковский (РА. 1883. № 1. С. XI). Рейтерн был женат на Шарлотте Шверцель. Как явствует из последующих записей, с ними была их дочь — десятилетняя Мария (Мина, Мия). О какой сестре Рейтерна (у него было их три) идет речь, установить не удалось. Скорее всего, имеется в виду сестра жены Луиза фон Бойенбург, сын которой Алекс жил в это время с ними. (Reutern. S. 85)

³¹ *Отъезд Мины.* — Дочери Г. Рейтерна (см. примеч. 30).

³² *В театре: "Weiße Dame".* — Опера Ф.-А. Буальдьё «Белая дама».

³³ *Die schöne Doktorin.* — Комментарием к этой записи является следующая характеристика этого лица в тетради Жуковского под рубрикой «Знакомства и встречи»: «M-e Schmidt из Майнца, прекрасная докторша» (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 37).

³⁴ *...чтение писем Гумбольдта и Шиллера.* — Переписка между Шиллером и Вильгельмом Гумбольдтом была издана в 1830 г. В библиотеке Жуковского находится экземпляр этого издания: Briefwechsel zwischen Schiller und Wilhelm v. Humboldt... Stuttgart u. Tübingen, 1830 (Описание. № 250).

³⁵ *Ввечеру чтение Гёте...* — Главы из помещенной в 38-м томе Сочинений Гёте (Goethe's Werke. Stuttgart u. Tübingen, 1830) статьи "Über Italien. Fragmente eines Reisejournals: Rosaliens Heiligthum...". В библиотеке поэта имеется указанное 40-томное собрание сочинений Гёте. В оглавлении 38-го т. отмечено именно это произведение (Описание. № 2634).

³⁶ *Чтение Rumohrs Italienische Forschungen.* — Этот основной труд немецкого историка искусств Карла Румора был издан в 3 т., в 1826—1831 гг. В библиотеке поэта сохранилось другое его сочинение: *Drei Reisen nach Italien.* Leipzig, 1832 (Описание. № 1996), прочитанное Жуковским в связи с предстоящим итальянским путешествием. Круг его чтения во многом определялся следующей установкой: «После двух часов ходьбы и питья возвращался домой и отдыхал, читая книги, приготавливающие к путешествию по Италии» (С 7. Т. 6. С. 383).

³⁷ *Чтение Штольберга.* — Речь идет о произведении немецкого писателя Фридриха Леопольда Штольберга "Reise in Deutschland, Schweiz, Italien in den Jahren 1791—1792".

³⁸ *Начат Рейтерном мой портрет.* — 26 августа (7 сентября), рассказывая о жизни в Вейльбахе, Жуковский писал наследнику: «Между тем Рейтерн успел нарисовать мой портрет чрезвычайно схожий; он нарисовал его для себя, другой нарисует для меня, и вы его увидите» (С 7. Т. 6. С. 383). Г. Рейтерн написал в 1832 г. около 5 различных портретов русского поэта (см.: *Либман М. Я.* Жуковский и немецкие художники //

Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 311—312). Как убедительно доказал Дитрих Герхардт, речь идет о портрете акварелью, изображающем сидящего Жуковского на фоне его книг (Gerhardt. S. 293—295; воспроизведение портрета — S. 246).

³⁹ ...чтение Гёте о Леонардо да Винчи. — По всей вероятности, статьи Гёте "Joseph Bossi über Leonard da Vinci".

⁴⁰ Чтение поутру "Hermann und Dorothea". — Еще в 1817 г. Жуковский намечал перевести поэму Гёте «Германн и Доротея» (С 7. Т. 6. С. 441—442). В многочисленных списках произведений для переводов, составленных Жуковским в 1830—1840-х гг., название этой поэмы Гёте появляется достаточно часто (см., напр.: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 37).

⁴¹ *Разговор с Гербером...* — В Дневниках (С. 229; запись от 16 (28) августа) фамилия прочтена неверно, как «Гердер». Однако пропущенная при публикации запись от 13 (25) августа: «Гербер, помещик эльфельдский, президент нижней палаты» позволяет уточнить расшифровку фамилии собеседника Жуковского. Фигура Иоганна Георга Гербера была достаточно заметной в политической жизни Германии 1830-х гг.

⁴² "Ueber die Malerei" Дидрога и Гёте. — «Опыт о живописи» Дидро в переводе и с комментариями Гёте.

⁴³ *Красота = истина.* — Это положение Жуковский подробно развивал еще в 1830 г. в письме к Г. Рейтерну, опираясь на слова Буало: «Нет ничего прекрасного, кроме истинного, одно истинное достойно любви» (Эстетика и критика. С. 369).

⁴⁴ Чтение отрывков Гёте из *Записок.* — Имеются в виду автобиографические записки Гёте "Aus meinem Leben. Wahrheit und Dichtung" («Из моей жизни. Правда и поэзия»).

⁴⁵ ...чтение Раумера о Польше. — Речь идет о сочинении немецкого историка Фридриха Раумера "Polens Untergang" (Leipzig, 1832). В библиотеке Жуковского сохранилось другое его сочинение — Über die geschichtliche Entwicklung der Begriffe von Recht, Staat und Politik. Leipzig, 1832, с пометками поэта (Описание. № 1902).

⁴⁶ «Вампир», шумная опера. — Опера Генриха Маршнера (1828).

⁴⁷ *Рассматривали Фауста Речева и Корнелиусова.* — И. А. Бычков прочитал эту запись неверно: «Рассматривали Фауста Гётева и Корнелиусова» (Дневники. С. 232). Речь идет об иллюстрациях к «Фаусту» Гёте, выполненных немецкими художниками Фридрихом Речем и Петером Корнелиусом. Позднее в статье «Две сцены из Фауста» (1849) Жуковский так охарактеризовал эти рисунки: «Реч строго держался истины: он удовлетворительно изобразил для глаз то, что мы видим воображением, читая „Фауста“; в его композиции много разнообразия и живости; в его сценах демонов и ведьм много фантазии, но он не переходит за границу простой истины; в этом отношении он должен уступить Корнелиусу, в рисунках которого есть высшая, идеальная истина, есть величавая значительность, составляющая характер средних веков, к которым принадлежит лицо Фауста; они сначала покажутся не столь привлекательными, как рисунки Реча, но когда в них прилежнее всмотришься, то найдешь, что между ними и первыми такая же разница, какая между огромным, бронзовым рыцарем, лежащим на гробнице с сложенными на молитву руками, работы старинного немецкого скульптора, и мраморною, со вкусом отделанною

статуйкой того же рыцаря, легкой работы гениального французского художника времен новейших» (Эстетика и критика. С. 353—354).

⁴⁸ ...дом с лестницей винтом, описанный в "Götz von Berlichingen". — Ср.: «Гец. (...) Поднимаюсь я в трактире „Олень“ в Гейдельберге с Францем Зикингеном по лестнице. Почти в самом конце ее есть площадка с железными перильцами» (*Гёте И.-В.* Гёц фон Берлихинген с железною рукою. Трагедия. Действие I).

⁴⁹ *Священник Певницкий.* — Воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии, преподававший в ней по окончании курса греческий и немецкий языки и историю философии, Иоанн Михайлович Певницкий в 1823 г. был назначен священником в Штуттгарт; в 1852 г. он был переведен из Штуттгарта в придворный собор Зимнего дворца в Петербурге. В 1841 г. венчал Жуковского и Елизавету Рейтерн, а в 1842 г. крестил их дочь Александру (РБ. С. 119).

⁵⁰ *Непонятный язык.* — Немецкий скульптор Иоганн Генрих Даннекер, о посещении мастерской которого идет речь, в это время проявлял признаки психической болезни, что выражалось прежде всего в его речи.

⁵¹ *Разговор о Эмме.* — Речь идет о племяннице Г. Рейтерна, дочери его брата Германа, вышедшей замуж за Павла Гельмерсена.

⁵² *Англичанин с Рейхардом в руках.* — Многочисленные путеводители Генриха-Августа Рейхарда, особенно по Швейцарии и Италии, пользовались в то время огромной популярностью. Компактные, насыщенные информацией, они были снабжены картами, таблицами. Имя их автора стало почти нарицательным. Так, К. Н. Батюшков, собираясь в Италию, в 1818 г., сообщает: «Reichard у меня есть» (Сочинения К. И. Батюшкова. СПб., 1885. Т. 3. С. 524). Показательно, что в библиотеке много путешествовавшего Жуковского сохранились путеводители Рейхарда по Германии, Швейцарии, Венеции, Амстердаму, Парижу и его атлас Европы для путешественников с многочисленными пометами владельца (Описание. № 1920—1922).

⁵³ *Kilpgang* — Обычай в некоторых северных кантонах Швейцарии, когда молодые люди пробираются к девушкам через окно.

⁵⁴ *Лудвиг-Наполеон Бонапарте с товарищами...* — Будущий французский император Наполеон III в то время проживал в Швейцарии и был гражданином кантона Тургау.

⁵⁵ *Лев Торвальдсен.* — См. примеч. 181 к 1821 г.

⁵⁶ *К Северину.* — Д. П. Северин, друг Жуковского, арзамасец, был в то время русским поверенным в Швейцарии; с 1837 г. — русский посланник в Мюнхене. Письма Жуковского к Северину этого времени — комментарий к его швейцарскому путешествию (см.: РС. 1902. № 4. С. 141—147).

⁵⁷ *Семпахские копья.* — Память о сражении швейцарцев с австрийцами при Земпахе 9 июня 1386 г., которое ознаменовалось героическим поступком Арнольда Винкельфрида, ценой своей жизни прорвавшего строй австрийских копейщиков.

⁵⁸ ...к великой княгине. — К Анне Федоровне (урожд. принцесса Юлиана Саксен-Кобургская), первой супруге цесаревича Константина Павловича, с которой он развелся.

⁵⁹ ...нашу незабвенную Елизавету... — Императрицу Елизавету Алексеевну, супругу Александра I.

⁶⁰ *Разговор о бернской революции...* — Речь идет о событиях в Берне летом 1831 г., когда 31 июля была принята новая представительско-демократическая конституция, просуществовавшая до 1846 г.

⁶¹ *...в память поражения Карла...* — 22 июня 1476 г. ополчение швейцарских кантонов при поддержке французского короля Людовика XI одержало победу над войском бургундского герцога Карла Смелого.

⁶² *Приезд в Веве.* — 5 сентября Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Вчера, мой милый друг, приехал я в Веве (...) сопутствуемый добрейшим Рейтерном (...) Не могу тебе сказать наверное, когда я покину Швейцарию, верно одно, что я остаюсь в Веве не более трех недель (считая с завтрашнего дня). В начале ноября я перееду Альпы; отправлюсь сначала в Милан через Симплон; оттуда в Геную; из Генуи через Ливорно во Флоренцию, где я буду, вероятно, в конце ноября» (ПЖТ. С. 265—266). Однако планы Жуковского были нарушены состоянием его здоровья: в Швейцарии он пробыл до начала апреля 1833 г., в основном проживая в Веве и Верне. Этот период оказался плодотворным в творческом отношении.

⁶³ *...поездка к Боку.* — К младшему брату Т. Е. Бока — Карлу (см. примеч. 45 к 1820 г.).

⁶⁴ *Купер.* — В это время известный американский писатель Фенимор Купер, путешествуя по Европе, посетил Швейцарию. Плодом этого путешествия стали напечатанные в 1836 г. “Sketches of Switzerland” («Заметки о Швейцарии»). Сочинения Купера имеются в библиотеке Жуковского (Описание. № 844—846). Кроме этой лаконичной записи, других следов знакомства Жуковского с американским писателем не обнаружено.

⁶⁵ *...комплименты Рейтерну...* — Они были вызваны тем, что у Рейтерна не было правой руки, которую оторвало ядром в сражении под Лейпцигом, и он прекрасно рисовал левой рукой.

⁶⁶ *Байронова надпись.* — Как замечал сам Жуковский в письме к И. И. Козлову от 27 января (8 февраля) 1833 г., «...в Шильоне, на Бониваровом столбе, вырезано его [Байрона] имя...» (С 7. Т. 6. С. 472).

⁶⁷ *...холера в Касселе. Нерешимость.* — Около Касселя находился замок Виллинсгаузен, в котором жила семья Рейтернов. Сообщение о холере и вызвало нерешимость Г. Рейтерна: оставаться ли ему с Жуковским или ехать домой.

⁶⁸ *Явление Киля.* — Именно с Л. И. Килем, адъютантом цесаревича Константина Павловича и начальником колонии русских художников в Риме, Жуковский, как это явствует из его письма к А. И. Тургеневу от 5 сентября, собирался ехать в Италию (ПЖТ. С. 265).

⁶⁹ Отправление письма. — 5(17) октября в связи с приездом Л. И. Киля и планами поездки в Италию Жуковский отправляет с okazji письмо императору Николаю I.

⁷⁰ *Чтение «Новой Элоизы».* — Роман Ж.-Ж. Руссо, как это убедительно показано Ф. З. Кануновой, был прочитан Жуковским неоднократно и с разных точек зрения (БЖ. Ч. 2. С. 280—311). В письме И. И. Козлову от 27 января (8 февраля) 1833 г. из Верне, то есть прямо по следам этого чтения, он так передает свое впечатление от романа Руссо: «Не во гнев тебе будет сказано, нет ничего скучнее „Новой Элоизы“, я

не мог дочитать ее и в молодости, когда воображению нужны более мечты, нежели истина. Попытался прочесть ее здесь и еще более уверился, что не ошибся в своем отвращении. Для великой здешней природы и для страстей человеческих Руссо не имел ничего, кроме блестящей декламации: он был в свое время лучезарный метеор, но этот метеор лопнул и исчез» (С 7. Т. 6. С. 472). Сам факт нового обращения Жуковского к роману был во многом вызван тем, что место швейцарского пребывания Жуковского было связано с событиями «Новой Элоизы».

⁷¹ *Портрет Лори.* — Как указано в аннотации к портретам Жуковского, выполненным во время его совместного пребывания в Верне с Г. Рейтерном, — «один побольше с пейзажным фоном руки вернувшегося тогда из Италии Г. Лори-сына...». См.: Reutern. S. 85.

⁷² *Известие о родине императрицы.* — О рождении великого князя Михаила Николаевича 13 октября 1832 г. Это известие Жуковский получил в письме от А. А. Бехтеева из Франкфурта (РА. 1883. № 1. С. XII—XIII).

⁷³ *...к Лагарпу: его кабинет.* — Встреча с воспитателем императора Александра I генералом Фредериком-Сезаром де Лагарпом произвела впечатление и на А. И. Тургенева. Вот как он, в частности, описывает его кабинет: «В кабинете его стоит бюст Александра; на пьедестале написано рукою Лагарпа: Alexandre I, empereur-citoyen, protecteur bienveillant — 1812—1814 — du peuple Suisse*. По сторонам бюста на стене повешены картоны: на одном означены эпохи освобождения от рабства в Курляндии, Эстландии и Лифляндии и слова, государем каким-то депутатам сказанные; на другом — выписка из речи его в Польше (1817 г.) о конституции и о том, что готовит то же и России; и еще какое-то примечательное слово государя в отменно либеральном смысле о так называемых либеральных идеях» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 178—179). В библиотеке Жуковского сохранилась брошюра Ф.-С. Лагарпа «Observations sur l'ouvrage intitulé Précis historique de la révolution du canton de Vaud...» (Lausanne, 1832), со следующей дарственной надписью на обложке: «Pour Monsieur de Jukowsky de la part de l'auteur» (Описание. № 1473). По всей вероятности, книга была подарена Жуковскому в один из визитов к Лагарпу конца 1832 — начала 1833 г. Встречи с швейцарским педагогом и общественным деятелем имели для русского поэта практическое значение: опыт Лагарпа по воспитанию наследника русского престола не мог не заинтересовать его, воспитателя будущего русского императора.

⁷⁴ *Письма к великому князю и к императрице.* — В числе изданных писем к наследнику есть одно от 5 (17) ноября (РА. 1883. № 1. С. XIII—XIV); письмо к имп. Александре Федоровне помечено 10 (22) ноября 1832 г. (С 7. Т. 6. С. 305—307). Они содержат отчет о пребывании в Швейцарии и планы итальянского путешествия, которое из-за болезни пришлось перенести.

⁷⁵ *Письмо к Прива.* — Содержателю пансиона в Женеве, где воспитывался малолетний сын А. А. Воейковой Андрюша. Жуковский приглашал их приехать к нему в Верне 29 или 30 ноября.

* Александр I, император-гражданин, доброжелательный покровитель в 1812—1814 гг. — от швейцарского народа (*фр.*).

⁷⁶ *Приезд семейства Виллинсгаузенского.* — То есть семейства Рейтернов из их фамильного замка Виллинсгаузен.

⁷⁷ *Сходство...* — Имеется в виду сходство Андриюши Воейкова с его покойной матерью Александрой Андреевной Воейковой.

⁷⁸ *Чтение «Наля и Дамаянти».* — Эта и последующая записи: «Начал стихи» свидетельствуют о начале работы Жуковского над переводом поэмы Ф. Рюккерта, экземпляр которой был ему подарен Марией Клейст с посвящением (см. примеч. 14 к 1829 г.). Именно на его страницах Жуковский набросал перевод 17-ти первых строк, затем перебеленных (Бумаги Жуковского. С. 104). Однако работа над переводом не заладилась в это время, и запись от 5(23) ноября «Конец „Наля и Дамаянти“» подтверждает временную остановку в переводе. Как известно, Жуковский возвратился к работе над переводом поэмы Рюккерта лишь в 1841 г. (см.: Вольпе. Т. 2. С. 544—545).

⁷⁹ *“Der Wanderer”.* — Речь идет о переводе баллады Л. Уланда “Der Waller”, получившей у Жуковского название «Братоубийца». Впервые опубликовано в альманахе «Подарок бедным на 1834 год» (Одесса, 1834), с пометой: «Верне, на берегу Женевского озера. 1833».

⁸⁰ *“Rehberger”.* — Перевод баллады Л. Уланда “Junker Rechberger”, получившей у Жуковского название «Рыцарь Роллон». Впервые напечатана: БдЧ. 1834. Т. 2. С. 93, с пометой: «Верне. На берегу Женевского озера. 5 декабря 1832» (см.: Вольпе. Т. 1. С. 413—414).

⁸¹ *Начал чтение Менцеля.* — Сочинение немецкого историка Карла Адольфа Менцеля “Geschichte unserer Zeit seit dem Tode Friedrichs des Zweiten” (Berlin, 1829. Th. 1—3) с пометами Жуковского сохранилось в его библиотеке (Описание. № 1634). В письме к великому князю от 1 января 1833 г. Жуковский сообщает: «Теперь читаю две книги. Одна из них напечатана моими берлинскими знакомцами, Гумблотом и Дункером, довольно четко, на простой бумаге, и называется *Menzels Geschichte unserer Zeit...*» (ПСС. Т. 12. С. 26).

⁸² *Начал “Der König und die Schäferin”.* — Перевод баллады Л. Уланда “Der junge König und die Schäferin” под заглавием «Царский сын и поселянка» не был закончен. В архиве поэта имеется перевод начала: первые восемь строф (Бумаги Жуковского. С. 104). См. также: ПСС. Т. 11. С. 136.

⁸³ *Перевел «Старого рыцаря».* — Имеется в виду еще одна баллада Л. Уланда “Graf Eberhards Weissdorn”. Под названием «Старый рыцарь» впервые напечатана в «БдЧ» (1834. Т. 2. С. 17), с пометой: «8 декабря. Верпех». См.: Вольпе. Т. 1. С. 413.

⁸⁴ *Начал «Ундины».* — В Швейцарии, в декабре 1832 г. Жуковский перевел гекзаметром первые три главы прозаической повести Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина». Окончен был перевод лишь в 1836 г. (см.: Вольпе. Т. 2. С. 542—543).

⁸⁵ *Послание к Великому князю.* — Начало работы Жуковского над письмом к наследнику, где Жуковский развивает идеи своей «горной философии». Задуманное послание было, видимо, закончено уже в начале января (в тексте его упоминается день 4 января), хотя датировано 1 января 1833 г. Письмо является ярчайшим выражением общественной позиции Жуковского начала 1830-х гг. Текст письма, тесно связанного с дневниками, см. в наст. издании (запись от 4/16 января).

⁸⁶ *Падение печи.* — Как явствует из жизнеописания Г. Рейтерна, в доме в Верне, где жили Жуковский и Рейтерн, была специально устроена для обогрева печь, которая ночью и обвалилась, вызвав в доме переполох (Reutern. S. 65).

⁸⁷ *Мой первый портрет для Вел(икого) князя.* — Г. Рейтерн сделал во время путешествия с Жуковским по Швейцарии несколько его портретов (см. примеч. 38). Три из них, законченные к началу 1833 г., были посланы великому князю. В приписке к письму от 1 января 1833 г. Жуковский сообщает: «...посылаю вам свой портрет, и не один, а три портрета, нарисованные для вас Рейтерном, с которым живу теперь вместе. Я позволил себе сделать вам этот подарок, имея право думать, что он будет для вас приятен» (ПСС. Т. 12. С. 25). Дневниковые записи от 11 (23) — 30 (11) декабря 1832 г. фиксируют процесс работы Г. Рейтерна над портретами.

⁸⁸ *..Дом Байронов.* — Речь идет о маленьком крестьянском домике на берегу Женевского озера, где Байрон жил в 1816 г.

⁸⁹ *Чтение проповеди Штрауса.* — Немецкого теолога и философа Давида Фридриха Штрауса, который в своем сочинении «Жизнь Иисуса» отрицал достоверность Евангелий, считал Иисуса Христа исторической личностью.

⁹⁰ *Маленькая болезнь Васи.* — Младшего трехлетнего сына Г. Рейтерна, названного в честь Жуковского (см.: Reutern. S. 59).

⁹¹ *Чтение Ламот Фуке.* — Записи от 19—21 декабря проясняют круг этого чтения: Жуковский читает новеллы “Galgenmännlein”, “Kohlerfamilie”, “Der unbekannte Kranke”.

1833

(С. 343—394)

Впервые: РС. 1902. № 2—4. Приложение. С. 252—314. То же: Дневники. С. 252—314. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 8-2. Л. 21 об.—30; № 8-3. Л. 1—38; № 8-4. Л. 4—8 об., 50 об.—67.

¹ *Начал писать Великому князю.* — Речь идет о тщательно подготовленном послании, которое Жуковский начал обдумывать еще в конце ноября 1832 г. (см. примеч. 85 к 1832 г.).

² *Menzel's Geschichte unserer Zeit...* — См. примеч. 81 к 1832 г.

^{2a} Цит. отрывок из письма к великому князю Александру Николаевичу, который Жуковский включил в дневниковые записи под датой 4(16) января 1833 г.

³ *Писал к Коту.* — К Д. П. Северину, получившему в «Арзамасе» прозвище «Резвый Кот» (из баллады Жуковского «Пустынник»).

⁴ *Писал ~ к Марии Николаевне.* — В письме из Верне от 4 (16) января Жуковский рассказывал о маршруте своего путешествия и выражал сожаление о невозможности поехать в Италию: «...и мне не видать Италии» (С 7. Т. 6. С. 602).

⁵ *Начал “Politisches Wochenblatt”.* — Речь идет о постоянном чтении еженедельника “Berliner politisches Wochenblatt”, полный комплект которого за 1832—1833 гг. сохранился в библиотеке поэта (Описание. № 645). В письмах к Д. П. Северину от

начала 1833 г. Жуковский говорит, что в поле его зрения были и другие периодические издания, такие как “Journal des Débats”, “Journal de Francfort”, “Berlinische Staatszeitung”, “Gazette de France”, но он их не очень «жаловал», используя «по назначению» (РС. 1896. № 7. С. 92—93). Комплекты же «Берлинского политического еженедельника» находятся в хорошем переплете и, видимо, имели для Жуковского определенную общественную ценность (об этом см.: БЖ. Ч. 1. С. 519). Примечательно, что на одном из портретов Г. Рейтерна рядом с сидящим Жуковским находится комплект этой газеты (Gerhardt. S. 248).

⁶ *Перевел «Уллина»* — балладу английского поэта Томаса Кемпбелла “Lord Ullin’s Daughter” под заглавием «Уллин и его дочь». Впервые опубликована: БдЧ. 1834. Т. 4. С. 31 с пометой: «Верне 1833, 10 (22) Генваря». Подробнее см.: Вольпе. Т. 1. С. 414.

⁷ *Начал “Eleusisches Fest”*. — Записи от 9—17 января 1833 г. фиксируют довольно продолжительный процесс работы над переводом знаменитой баллады Шиллера «Элевзинский праздник». Впервые напечатана: Новоселье. СПб., 1834. Ч. 2. С. 107, с пометой: «Из Шиллера. 1833. Верне, на берегу Женевского озера». См.: Вольпе. Т. 1. С. 414—415.

⁸ *Известие о смерти Пушкиной...* — Елены Григорьевны Пушкиной (урожд. Воейковой), с которой Жуковский находился в переписке и в дружеских отношениях. Об ее участии в судьбах больного Батюшкова, изгнанника Н. И. Тургенева см. примеч. 31 к 1826 г., 52 к 1827 г. Узнав о ее смерти, Жуковский пишет А. И. Тургеневу: «И Пушкиной нет. Много, много отправилось уже наших сопутешественников восвояси. И у меня как-то часто теперь вертится в голове идея о смерти: теперь идем идем не вперед, а к концу» (ПЖТ. С. 273).

⁹ *Известие ~ о болезни Мердера*. — Узнав о болезни генерал-адъютанта, воспитателя цесаревича, Карла Карловича Мердера, о котором Жуковский впоследствии написал воспоминания (ПСС. Т. 10. С. 27—28), он так откликнулся на это сообщение: «Мердера заменить будет не можно; хотя он и не имеет образования европейского, но своим характером и твердым, здравым умом принес уже весьма много пользы Великому князю. Такие люди, как он, сокровище при детях Царских: благодаря ему (и мне), Великий князь не потеряет уважения к людям» (ПЖТ. С. 270).

¹⁰ *Писал к ~ Тургеневу*. — Речь идет о вышеупомянутом письме к А. И. Тургеневу от 15 (27) января 1833 г. В начале письма, сравнивая дрезденскую жизнь 1827 г. и нынешнюю — в Верне, Жуковский замечает: «Много сходства с нашею дрезденскою жизнью; только еще однообразнее. Там был под боком театр и семейство Пушкиных (см. примеч. 8), а здесь одно Женевское озеро, Симплонская дорога, по которой ежедневно делаю от шести до семи верст, и картина гор, на кои еще не отваживаюсь взбираться» (ПЖТ. С. 270).

¹¹ *Мысли о Радовице*. — Личность немецкого общественного деятеля Иосифа Радовица вызывала глубокий интерес Жуковского (см. примеч. 262 к 1827 г.), особенно в эти годы. В письме к А. И. Тургеневу от 15 (27) января он так раскрывает свои «мысли о Радовице»: «С Радовицем провел я здесь прелестный вечер. Это теплая, крепкая душа; он на все глядит своими глазами, но при нем нельзя не мыслить и не чувствовать. В его образе мыслей может быть много излишества (exagération),

но такой образ мыслей есть доска спасения в нашем убийственно-позитивном веке, когда всё возвышающее душу засыпано земным сором, когда нет святого, когда математический гордый ум гонит Бога с Его места и когда образованность сделалась плодом без зерна... В системе Радовица особенно прекрасно то, что она не только в голове его, но и в жизни, во всякую минуту жизни» (ПЖТ. С. 271—272).

¹² *Болезнь Лотты* — младшей дочери Г. Рейтерна Шарлотты, в замужестве фон Вульф.

¹³ ...*чтение Тика*... — О встречах Жуковского с Людвигом Тиком и их взаимоотношениях см. примеч. 107 к 1821 г. Новое обращение к творчеству Тика, видимо, было вызвано работой Жуковского над поэтическим переложением прозаической повести Л. Тика “Der Blonde Eckbert” («Белокурый Экберт»). Об этом см.: РЛ. 1982. № 2. С. 157—159.

¹⁴ *Начал Галлера*. — Чтение сочинения швейцарского политического деятеля и публициста Карла Людвига Галлера “Restauration der Staatswissenschaft oder Theorie des natürlich-geselligen Zustands der Chimäre des künstlich-bürgerlichen gegengesetzt” (Winterthur, 1820—1825. Vde 1—6), как явствует из дневника, продолжалось в течение 25 января — 15 марта 1833 г. В библиотеке поэта сохранились 1—4, 6 тома этого издания, с многочисленными пометами и записями владельца (Описание. № 1217; о характере чтения см.: БЖ. Ч. 1. С. 509—517).

В письме к А. И. Тургеневу от 14 (26) марта Жуковский так передает свое впечатление от этого произведения: «Между книгами, мною здесь прочитанными, назову одну, которой прочитал только первый том (сожалею, что не начал этого чтения прежде), это Haller’s Restauration der Staats-Wissenschaft (...) Книга прекрасная. Он жестоко нападает на все новые политические системы и строит свое здание на новом твердейшем основании; он уничтожает идею политического первоначального договора и извлекает порядок гражданских обществ из природы вещей; *фактом* заменяет *идею*; и вместо ложных систем, созданных на основании ложной идеи (систем, к коим насильственно применили в наше время порядок гражданский), принимает просто сей порядок, не искусственно создавшийся, сам собою, вследствие вечных Божественных законов, и существующий теперь в развитии таким, каков он существовал в своем зародыше. Галлерова система проста, удовлетворительна, в ней логическая строгая связь, и она особенно удовлетворительна тем, что ставит границы заносчивости человеческого ума и возвращает должное Богу (...) Впрочем не могу еще судить в целом, ибо прочитал один первый том, думаю однако, что Галлерова система есть та именно, которая мне надобна: нельзя без отвращения читать всего того, что врут защитники фальшивой свободы, верховной власти народа, так называемого общего блага и пр. и пр.» (ПЖТ. С. 274—276).

¹⁵ *Писал к Козлову*... — Это письмо к поэту И. И. Козлову от 27 января (8 февраля) 1833 г. из Верне — прекрасный комментарий к швейцарским дневникам 1832—1833 гг. В нем Жуковский, в частности, говорит: «Мой дом в поэтическом месте, на самом берегу Женевского озера, на краю Симплонской дороги; впереди Савойские горы и Мельерские утесы, слева Монтрё на высоте и Шильон на водах, справа Кларан и Веве. Эти имена напоминают тебе и Руссо, и Юлию, и Бейрона. Для меня красноречивы только следы последнего: в Шильоне, на Бониваровом столбе, вырезано

его имя, а в Кларане у самой дороги находится простой крестьянский дом, в котором Бейрон провел несколько дней и из которого он ездил в Шильон (...) По той дороге, по которой, вероятно, гулял здесь Бейрон, хожу я каждый день, или влево от моего дома к Шильону, или вправо через Кларан и Веве. В обоих направлениях по три версты (взад и вперед 6 верст); я вымерял расстояние шагами, и каждая верста означена моим именем, нацарапанным мною на камне. Иногда в этих прогулках сочиняю и стихи; но теперь еще только переводил; может быть, если поболее слажу с болезнью, удастся написать и свое» (СС. Т. 4. С. 599—600).

¹⁶ Читал *Радовица*. — Скорее всего, речь идет о брошюре И. Радовица “Die Devisen und Motto des späteren Mittelalters. Ein Beitrag zur Spruchpoesie”, сохранившейся в библиотеке поэта с его записями. (Описание. № 2739)

¹⁷ ...повесть «Фалкенбург». — Рейнское сказание, прозаическая повесть “Falkenburg”, находится в составе сборника “Sagen aus den Gegenden des Rheins und des Schwarzwaldes. Gesammelt von D. Aloys Schreiber” (Heidelberg, 1829. S. 149—163). Этот сборник сохранился в библиотеке поэта, а повесть отмечена в оглавлении (Описание. № 2074).

¹⁸ *Письмо к Анне Петровне*. — Как и написанное почти одновременно письмо к А. П. Елагиной, послание к ее сестре А. П. Зонтаг — подробное описание окружающей швейцарской природы, своей жизни. Так как оба письма датированы 29 января (10 февраля) — днем рождения Жуковского, то в них звучат и ностальгические ноты. Так, в частности, А. П. Зонтаг он пишет: «Дело в том, что нынче мне стукнуло 49 лет и пошел пятидесятый — плохо. Я не состарился и еще, так сказать, не жил, а попал в старики. Жизнь моя вообще была так одинакова, так на себя похожа и так однообразна, что я как будто не покидал молодости; а вот уже надобно сказать решительное прости этой молодости, и быть стариком, не будучи старым» (УС. С. 109). Здесь заслуживает внимания тот факт, что годом своего рождения он считает не 1783, а 1784-й год!

¹⁹ *Чтение сказки Лудвига XVIII*. — См. примеч. 22 к 1832 г.

²⁰ *Начал «Эллену»*. — В течение 1—3 февраля Жуковский набрасывает 67 стихов под названием «Эллена и Гунтрам» (Бумаги Жуковского. С. 104—105). Как нами установлено, они являются поэтическим переложением самого начала прозаического рейнского сказания «Фалкенбург» (см. примеч. 17). Об этом подробнее: РЛ. 1982. № 2. С. 153—156.

²¹ *Таблицы*. — И во время отпуска Жуковский не забывает о миссии воспитателя наследника. Он продолжает готовить специальные таблицы по истории, которые будут позднее опубликованы. См.: *Краевский А. А.* Об исторических таблицах В. А. Жуковского. СПб., 1836.

²² Le “Voleur”. — Газета, издававшаяся в Париже, которую Жуковскому регулярно присылал Д. П. Северин (РС. 1896. № 7. С. 90).

²³ *Известие о смерти Гнедича*. — С Н. И. Гнедичем Жуковского связывали длительные дружеские и творческие отношения. Подробнее см.: *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский: Семинарий. М., 1988. С. 121—122.

²⁴ *Вечеру чтение милого Бредерло*. — В дневниковой записи от 11 июля 1832 г. упоминается рижский негоциант Бредерло. Фридрих Вильгельм Бредерло был

одновременно и любителем искусств и коллекционером живописи. О каких-либо его сочинениях ничего не известно. Возможно, речь идет о чтении письма от него. См.: Beschreibendes Verzeichnis der Gemälde der Ft.-W. Brederloschensammlung. Riga, 1894.

²⁵ *Разговор о Галлере*. — В цит. выше письме к А. И. Тургеневу, где Жуковский дает подробную оценку его сочинения (см. примеч. 14), он приводит следующее суждение о Галлере Ф.-С. Лагарпа, отзвуки разговора с которым звучат в дневнике: «Если верить Лагарпу (который мог быть в этом случае и пристрастен), то Галлер человек, не заслуживающий уважения. Что до этого? Книга прекрасная...» (ПЖТ. С. 274—275).

²⁶ *О письме к Наполеону*. — А. И. Тургенев так раскрывает содержание этого письма Александра I к Наполеону, в то время еще Первому консулу, которое должен был ему передать Ф.-С. Лагарп: «В этом письме Александр предлагает Наполеону идти к одной цели и доверяет, мимо министров, относиться обо всем с Лагарпом. Но Лагарп сказал Александру, что отдаст письмо только в таком случае, если найдет, что Наполеон хочет добра, ибо тогда уже начинал он действовать деспотически: разогнал трибунал и пр. И, возвратившись в Париж, хотя Наполеон и догадывался, что у Лагарпа были к нему поручения, не отдал письма и сохранил его до сего дня» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 186—187).

²⁷ *О федеральном договоре*. — Именно благодаря усилиям Лагарпа на Венском конгрессе актом от 20 марта 1815 г. было утверждено устройство Швейцарии как союза равноправных кантонов. По этому поводу А. И. Тургенев на основании суждения Ф. Гизо писал следующее: «О Лагарпе говорят, что, несмотря на его посредственность, два раза он спас Швейцарию, в первый раз революцией, в другой — уговорив Александра оставить ее так, как она теперь...» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 222).

²⁸ *...чтение безумно(го)...* — Слово не дописано и не указана фамилия автора. Но как следует из записи от 9 марта, речь идет о сочинении немецкого публициста Рихарда Отто Шпацира “Geschichte des Aufstandes des Polnischen Volkes in den Jahren 1830—1831” (Altenburg, 1832. Bde 1—3). Шпацир был убежденный сторонник свободы Польши и надеялся на общеевропейскую защиту ее независимости. О присылке этого сочинения Жуковский просил Д. П. Северина в письме от 9 (21) ноября 1832 г. (РС. 1896. № 7. С. 88).

²⁹ *Письмо от ~ Вяземского*. — Это письмо от 29 января 1833 г., т. е. посланное к дню рождения Жуковского, было получено лишь к середине марта (РА. 1900. Кн. 1. С. 365—370).

³⁰ *Глазная болезнь Рейтерна*. — Она была вызвана ослепительным блеском Женевского озера и заставила художника на некоторое время прекратить рисование (см.: Reutern. S. 86—87)

³¹ *Днем чтение ~ “Semour”...* — парижской газеты.

³² *Писал к Тургеневу*. — См. письмо к А. И. Тургеневу от 14 (26) марта 1833 г., в котором Жуковский подробно говорит о своих занятиях в Верне. «Я надеялся, — замечает он, — что по крайней мере употреблю время свое с пользою поэтической, но и тут ошибся: состояние моей души совсем не поэтическое, хотя и не мрачное; начал было писать и написал несколько (то есть перевел) стихов и надеялся, что разогрею лиру свою, но тем и кончилось, и кажется мне, что время поэзии для меня

миновалось; может быть это оттого, что жизнь моя сама по себе бесцветна и что лета уже взяли свое, то есть застудили то, что не было никогда обращено в живое пламя (...) Все мои занятия теперешние ограничиваются чтением, и то без всякого порядка (...) Остальное время моего здешнего житья-бытья разделяю между чтением и бродячею жизнью: если что-нибудь случится стихотворное, то без моего ведома, без всяких приготовлений» (ПЖТ. С. 273—274).

³³ *Читал Морица...* — сочинение Карла Филиппа Морица “Reisen eines Deutschen in Italien in den Jahren 1786—1788”. Еще Н. М. Карамзин, встречавшийся с Морицем в 1789 г., говорил о его таланте путешественника и сообщал о неизданном «путешествии по Италии» (Карамзин. С. 46).

³⁴ *Читал ~ Штольберга.* — См. примеч. 37 к 1832 г.

³⁵ *...чтение Шуберта.* — Сочинение немецкого естествоиспытателя и натурфилософа Готхильфа Генриха Шуберта “Reise durch das südliche Frankreich und durch Italien” (Erlangen, 1827—1831. Vde 1—2), которое с многочисленными пометами и записями Жуковского сохранилось в его библиотеке (Описание. № 2080).

³⁶ *...утес Мельерийский, побежденный Наполеоном* — взорванный Наполеоном при прокладке Симплонской дороги.

³⁷ *...в пансионе Прива.* — См. примеч. 75 к 1832 г.

³⁸ *Письмо официальное к Северину.* — О паспорте для проезда через Францию в Италию. Это письмо помечено 20 марта (1 апреля) 1833 г. (РС. 1896. № 7. С. 91).

³⁹ *Лагарп хранит перчатки Павла...* — Описывая свое свидание с Ф.-С. Лагарпом в 1827 г., А. И. Тургенев рассказывал: «Павел во всё время пребывания его [Лагарпа] в Петербурге, при Екатерине, на него дулся, но перед отъездом Лагарп решился объяснитьсь; два часа говорил с ним на бале в Гатчине и высказал ему самые сильные истины: они расстались друзьями и расстроганные взаимно. У Лагарпа не было перчаток, а великая княгиня Мария Феодоровна желала танцевать с ним. Павел дал ему свои, и Лагарп показывал их мне...» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 188).

⁴⁰ *Письмо Александра...* — По воспоминаниям того же А. И. Тургенева, Лагарп «читал мне письмо Александра (...) В этом письме Александр ясно и сильно и с чувством говорит Лагарпу о желании его сердца: дать конституционное устройство России; о том, как он страдает, видя правление Павла, военные игрушки, злоупотребления власти и кредита временщиков; о намерении его сделать, со временем, невозможным деспотизм в России (...) Оно писано в 1797 г. из Гатчины на двух полулистах почтовых» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 182—183). Жуковский относит это письмо к 1801 г.

⁴¹ *Панин хотел играть роль Ришелье.* — Комментарием к этим словам могут служить следующие воспоминания А. И. Тургенева: «Он [Лагарп] объяснил мне и причину отставки гр(афа) Панина; он дал циркулярное предписание министрам нашим писать двойные депеши: одни для него и для Государя, а другие о том же, с подробными объяснениями для него, гр(афа) Панина, только Государь догадался, ибо гр(аф) Панин не умел скрыть сего — и отставил его» (Письма А. И. Тургенева Н. И. Тургеневу. С. 185—186).

⁴² *Читал Бунзена.* — Труд известного прусского дипломата и ученого Христиана Карла фон Бунзена “Beschreibung der Stadt Rom” (Stuttgart u. Tübingen, 1830—1838).

Вде 1—3). В создании этого сочинения, кроме Бунзена, принимали участие и другие немецкие ученые, в том числе Эрнст Платнер, Эдуард Герхардт, Вильгельм Рестель. Всего вышло пять выпусков. В библиотеке Жуковского хранятся все выпуски этого издания, с его пометами (Описание. № 1849). Впоследствии Карл фон Бунзен будет сопровождать Жуковского в путешествии по Риму и станет его другом.

⁴³ ...читал *Itinéraire*. — На основании книг из библиотеки Жуковского можно утверждать, что речь идет об одном из многочисленных путеводителей (Жуковский называл их *Itinéraire*) по Риму, которые он изучал, готовя себя к итальянскому путешествию. Скорее всего, в данном случае имеется в виду “*Handbuch für Reisende in Italien*” (Leipzig, 1826), составленный Иоганном Даниэлем Нейгебауром. Именно о нем идет речь в следующих записях: «Выписки из Нейгебаура». В библиотеке поэта сохранился экземпляр этого сочинения с многочисленными записями Жуковского (Описание. № 1730).

⁴⁴ ...чтение Нейгебаура. — См. примеч. 43. Чтение путеводителя сопровождалось выписками из него.

⁴⁵ *Путешествие в Италию*. — Жуковский придавал особое значение этому путешествию. Он тщательно готовился к нему, штудировав многочисленные научные труды, путеводители, художественные произведения об Италии. В письме к А. И. Тургеневу от 19 (31) октября 1832 г. из Веве, когда пришлось отказаться от вояжа, он восклицает: «Как мне жаль нашего *вместе*, как жаль Италии, Колизея, Пантеона, Рафаэля, Везувия — не умею выразить...» (ПЖТ. С. 267). Только в начале апреля, 1 (13), Жуковский выехал из Веве, а 8 (20) приехал в Марсель, где провел три дня. В Чивита-Веккию он прибыл 16 (28) апреля и встретил там А. И. Тургенева. В Италии Жуковский пробыл до конца мая. 28 мая (9 июня) он уже был в Марселе, а 4 (16) июня 1833 г. вернулся в Верне. Общее впечатление от этого путешествия Жуковский в письме к А. П. Елагиной от 12 ноября 1833 г. выразил лаконично: «...видел чудесный лихорадочный сон — Италию» (УС. С. 55). Подробнее об этом см.: Янушкевич А. С. Итальянские впечатления и встречи В. А. Жуковского: По материалам дневников, архива и библиотеки поэта // Ежеквартальник русской филологии и культуры. Т. 2. № 4. СПб., 1998. С. 173—176.

⁴⁶ *Виѳгиния* — В черновой записи: «Трактир на почте», что дает основание считать, что это название трактира.

⁴⁷ *Израли* “*L’amour et la raison*”. — Комедия Ш.-А.-Г. Пиго-Лебрена. В переводе с фр. А. А. Жандра под названием «Любовь и рассудок» шла на русской сцене (ИРДТ. Т. 2. С. 489).

⁴⁸ “*Marie*”, *opéra de Hérauld* — опера французского композитора Л.-Ж.-Ф. Герольда.

⁴⁹ ...балет “*Almavive et Rosine*”. — Авторы балета неизвестны.

⁵⁰ ...читал несколько *Шуберта*... — См. примеч. 35.

⁵¹ ...к консулу... — Русским консулом в Марселе был Маврикий Макарович Лабанд.

⁵² *Разговор ~ о смертной казни*. — Эта проблема волновала Жуковского постоянно. Не случайно уже в конце жизни он посвятит ей специальную статью «О смертной казни», где даст ее понимание. Разговор о смертной казни в это время, видимо, касался и недавних событий, связанных с казнью декабристов.

⁵³ ...*священный лес, описанный ~ Луканом.* — Это описание в эпической поэме римского поэта Лукана «Фарсалия» вызвало особый интерес Жуковского, что было связано с формированием его балладной эстетики. Об этом см.: *Разумова Н. Е.* «Фарсалия» Лукана в движении Жуковского к лиро-эпической поэме // ПМиЖ. Вып. 14. Томск, 1988. С. 39.

⁵⁴ ...*сцены из "Barbier de Séville"* — из комедии Бомарше «Севильский цирюльник».

⁵⁵ ...*стихи Méry.* — Жозеф Мери, французский поэт и романист, жил в это время в Марселе и был там особенно популярен. Видимо, именно в дни марсельского пребывания Жуковский приобрел брошюру "Marseille: Album des étrangers et visiteurs" (Marseille, 1833), одним из авторов которой был Ж. Мери (Описание. № 895). Кроме того, в библиотеке поэта имеется немецкий перевод, сделанный Г. Швабом, поэмы А. Бартеlemi и Ж. Мери «Наполеон в Египте» (Описание. № 608).

⁵⁶ *Два молодых француза...* — В тетради, содержащей дневник путешествия по Италии (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 8-3), на обороте последнего листа эти два лица записали свои фамилии так: Roger de la Bastie и De la Teyssonnière.

⁵⁷ *Израли "Il Pirata"*. — Опера В. Беллини «Пират»; либретто Феличе Романи.

⁵⁸ ...*балет "Étéocle et Polydice"*. — Авторы балета «Этеокл и Полиник» не установлены.

⁵⁹ *Долг свой милому праху Саши...* — На ливорнском кладбище была похоронена А. А. Воейкова (Саша). Ее могила стала предметом постоянного внимания и поклонения Жуковского во время его итальянских путешествий. В письме к А. И. Тургеневу от 19 (31) октября 1832 г., узнав о том, что его поездка в Италию не состоится, Жуковский писал: «Главное горе мое это ты и еще то, что я не увижу Ливурны, не взгляну на могилу Саши. Это поручено тебе (...) Сверх того возьми на себя заботу о памятнике; надобно положить на могилу простую мраморную доску с надписью, высеченною на камне (...) Надпись та же, какая на гробе Маши» (ПЖТ. С. 266—267. Воспроизведен рисунок плиты).

⁶⁰ ...*Campo Santo...* — По распоряжению устроителя этого кладбища, архиепископа Убальдо де Лафранка (XIII в.), земля для Campo Santo была привезена в Пизу из Палестины, с Голгофы, на 53-х кораблях.

⁶¹ *Терновая игла уничтожена...* — В церкви S. Maria della Spina, о которой идет речь, хранилась игла из тернового венца Спасителя.

⁶² *Встреча с Тургеневым.* — С А. И. Тургеневым, находившимся в то время в Италии. Жуковский сообщил Тургеневу о своем приезде в Чивитавеккью письмом из Марселя от 10 (22) апреля, где он, в частности, писал: «Хорошо бы, когда бы мы могли там съехаться и вместе взглянуть на Неаполь, где и пробуду дней 10, и потом с пароходом в Рим на неделю» (ПЖТ. С. 276—277).

⁶³ *Консул французский.* — Французским консулом в Чивитавеккье являлся в это время известный писатель Анри Бейль (Стендаль). Это была первая встреча Жуковского и Стендаля, поэтому, видимо, он не называет фамилии консула. А. И. Тургенев, хорошо знакомый со Стендалем (см.: Тургенев. С. 472), познакомил с ним и Жуковского.

⁶⁴ ...*мы отправились сперва к Местеру...* — К писателю Ксавье де Местру, который, начав службу сардинским офицером, потом перешел на русскую службу, где получил чин генерала. Был женат на Софье Ивановне Загряжской, сестре тещи А. С. Пушкина

Н. И. Гончаровой. В 1825 г. он покинул Россию, уехал в Савойю, несколько лет жил в Неаполе и в 1839 г. вернулся в Россию. Был близок к пушкинскому кругу писателей. Жуковский еще в 1813 г. перевел его романс “Le prisonnier et le papillon” под заглавием «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу», положенный на музыку А. А. Плещеевым (Вольтпе. Т. 1. С. 375). Жуковского связывали с Ксавье де Местром и общие воспоминания об А. А. Воейковой. Местр присутствовал при кончине племянницы Жуковского и оставил об этом свои воспоминания (Соловьев. Т. 1. С. 251; см. также Указ. имен).

⁶⁵ ...к посланнику ~ с умною женою. — Русским посланником в Неаполе был в то время граф Густав Отгонович Штакельберг (Стакельберг). Он был женат на Каролине Христофоровне (урожд. Лудольф).

⁶⁶ Тициановы Филипп II и Даная. — В расшифровке И. А. Бычкова (Дневники. С. 279) название картины Тициана «Даная» было прочитано, как «Данте», между тем первый вариант тициановской «Данай», помеченный 1545—1546 гг., находится именно в Пинакотеке Неаполя.

⁶⁷ Поездка в Помпею. — Эта поездка, посещение Везувия оставили неизгладимый след в сознании Жуковского. На обложке второго тома «Писем об Италии» Шарля Дюпати (Париж, 1830) он записывает: «Неаполь. Вид с моря. Везувий. Брюлов. Помпея...» (Описание. № 953), где соотносит свои реальные впечатления с замыслом картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Как убедительно доказала О. Б. Лебедева, к этому же времени относится перевод Жуковским фрагмента из стихотворения Ф. Шиллера «Помпея и Геркуланум», где воскрешен сам дух прошлого: «...Прошлое ль снова пришло? ~ Вышел из пепла живой град Геркуланум опять!» (БЖ. Ч. 3. С. 532—535). Подробная дневниковая запись, фиксирующая все детали ушедшего времени, — прозаический комментарий к переводу.

⁶⁸ С Цаном... — Немецкий архитектор и художник Вильгельм Цан, долгое время живший в Италии и увлекавшийся историей Помпеи, стал гидом Жуковского. Поэт в память о их прогулках приобрел его книгу, посвященную раскопкам Помпеи: Die neue entdeckten Wandgemälde von Pompeji. Stuttgart, 1828 (ПЖТ. С. 277).

⁶⁹ Дом Фавна ~ вырытый в честь Гёте — в 1830 г., в присутствии сына Гёте Августа.

⁷⁰ От дома Шампионетова... — Дом, вырытый в 1799 г., благодаря заботам известного французского генерала Жана Антуана-Этьена Шампионе, командовавшего французской армией в Италии, и названный его именем.

⁷¹ ...вход в подземный мир. — По преданиям у Авернского озера имеется вход в подземный мир и родину киммерийцев. Здесь, согласно мифу, Одиссей и Эней сошли в подземное царство Аида.

⁷² “Carlo Temerari”, балет... — Авторы балета неизвестны.

⁷³ Известие о Мердеровой смерти. — Известие о смерти воспитателя наследника Александра Николаевича К. К. Мердера (см. примеч. 9) было ложным. «В самую минуту отъезда из Неаполя, — писал Жуковский наследнику 19 (31) мая из Рима, — получил я записку из министерства нашего, в которой уведомляют меня — о чем бы вы думали? — не менее, как о смерти Карла Карловича. Можете вообразить, каково мне было! И четыре дня его не было для меня на свете: я похоронил его в сердце. Но встреча

в Риме с принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским его воскресила» (РА. 1883. Кн. 1. С. XXIII—XXIV).

⁷⁴ *Колоссей*. — так здесь и далее Жуковский называет Колизей.

⁷⁵ *Муравьев*. — Встреча с Иваном Матвеевичем Муравьевым-Апостолом, который в это время путешествовал по Италии. Жуковский проявлял интерес к его сочинениям, о чем свидетельствует их наличие в библиотеке поэта (Описание. № 89, 240, 2713).

⁷⁶ *...из окон Бунзена...* — В Риме начинается дружба Жуковского с прусским ученым и дипломатом Х. К. фон Бунзеном. Готовясь к поездке в Италию, Жуковский читал его «Описание Рима» (примеч. 42). Теперь он познакомился с автором этого сочинения, который был прусским посланником в Риме. Из окон его дома «на скале Тарпейской» он любуется Римом; Бунзен становится постоянным спутником в путешествиях Жуковского по Вечному городу. Залогом их общей симпатии становится подаренная Бунзеном книга “*Versuch eines allgemeinen evangelischen Gesang- und Gebetbuchs zum Kirchen- und Hausgebrauche*” (Hamburg, 1833) со следующей дарственной надписью: “*Zum Zeichen seiner Verehrung dem Herrn Staatsrath von Joukoffsky. Rom 20 Mai 1833. Bunsen*” (Описание. № 2323). В архиве Жуковского сохранилось несколько писем Бунзена (РНБ. Ф. 288. Оп. 2. № 198).

⁷⁷ *Головы быков*. — *Sapo di Bove* — название, данное фризу гробницы Цецилии Метеллы, бывшей замужем за сыном известного римского триумвира Красса.

⁷⁸ *...с гробом атеиста Шеллея*. — Могила известного английского поэта П. Б. Шелли, друга Байрона, утонувшего в Специйском заливе и похороненного в Риме.

⁷⁹ *У Брюлова...* — Карл Брюллов в это время жил и работал в Риме. Жуковский высоко ценил его талант. Так, в письме к великой княжне Марии Николаевне от 1838 г. он говорил: «С чувством национальной гордости скажу однако, что между всеми живописцами, которых произведения мне удалось видеть, нет ни одного, который бы был выше нашего Брюлова и даже был бы наравне с Брюловым» (С 7. Т. 6. С. 507). И хотя в 1833 г. Жуковский еще присматривается к Брюллову, интерес к его произведениям, особенно к «Последнему дню Помпеи», очевиден (РБ. С. 69—70).

⁸⁰ *Нашел у нас Рожалина...* — Н. М. Рожалин, близкий к любомудрам, известный в литературе своим переводом гётевского «Вертера», познакомился с Жуковским в 1828 г. по протекции А. П. Елагиной-Киреевской, которая называла Рожалина «сыном своего сердца» (УС. С. 47). Она просила Жуковского содействовать Рожалину в подготовке к профессорству за границей. Рекомендуя его, она писала: «Знает хорошо по-немецки, французски, латыни, гречески, итальянски, перевел Гёте *Эгмонта* и *Вертера* два года тому назад, как только мог бы сам Гёте...» (УС. С. 48). Жуковский, которому Рожалин «очень понравился» (Там же), способствовал поездке его за границу в качестве учителя семьи Кайсаровых. В 1833 г. он находился в Италии, где занимался изучением классической литературы, и был близок к кругу Зинаиды Волконской.

⁸¹ *...и Иванова*. — Уже первая встреча с художником А. А. Ивановым определила отношение к нему Жуковского. «Живописец с добрым сердцем и энтузиазмом к своему искусству» (С 7. Т. 6. С. 42) — эта характеристика будет основополагающей в оценке творчества и личности автора «Явления Христа народу».

⁸² *Стендаль...* — См. примеч. 63.

⁸³ *В церкви гроб...* — Все впечатления, связанные и посещением монастыря Св. Онуфрия, пронизаны образом Торквато Тассо. Жуковский говорит о его могиле, портрете, бюсте, его комнате.

⁸⁴ *Разговор о короле и кронпринце* — о прусском короле Фридрихе Вильгельме III и его сыне, будущем короле Фридрихе Вильгельме IV.

⁸⁵ *Это поэма Данте* — Сравнение Сикстинской капеллы с «Божественной Комедией» Данте — отражение пристального внимания Жуковского к миру итальянского мыслителя и поэта. Все достопримечательности, связанные с его именем, внимание к литературе о нем, сочинения Данте в библиотеке Жуковского — всё это этапы подготовки к собственному переводу «Божественной Комедии», относящемуся к 1843 г. Об этом см.: Янушкевич А. С. Жуковский и Данте // От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 33—51.

⁸⁶ *...старик Муравьев...* — Речь идет о И. М. Муравьеве-Апостоле (см. примеч. 75), отце трех декабристов, в том числе казненного Сергея Ивановича.

⁸⁷ *Его несравненная картина История христианского искусства.* — Интерес Жуковского к творчеству Ф. Овербека, как и вообще к историко-религиозной живописи назарейцев (Ф. Пфорт, П. Корнелиус, В. Шадов, А. Кох, Ф. Катель, Ф. Фейт и др.), обусловлен его вниманием к религиозным сюжетам в искусстве. Произведения всех этих художников имелись в коллекции Жуковского (РБ. С. 172—175). Описание и характеристику картины Овербека см. ниже (запись от 9 (21) мая). «Лицо христианского живописца» — главное в этой характеристике.

⁸⁸ *K Lotsch.* — Баденский скульптор Иоганн Христиан Лоч вскоре закончил восковой рельеф Жуковского. Как указано в «Альбоме выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского» (М., 1902. Табл. 52/1), это «голова в профиль, повернутая направо», с надписью: «Рим, 1833».

⁸⁹ *К княгине Волконской на дачу...* — В 1838 г. Жуковский сделает рисунки этой дачи, на которых запечатлен Гоголь (см.: РБ; между с. 56 и 57). Вилла Зинаиды Волконской близ Сан-Джованни-ин-Латерно была своеобразным «русским клубом». На ее территории находится памятная стела, посвященная А. С. Пушкину, Е. А. Баратынскому и В. А. Жуковскому (см.: Бочаров И., Глушкова Ю. Итальянская Пушкиниана... М., 1991; гл. «Русский клуб у Фонтана Треви»).

⁹⁰ *Сентиментальная аллея.* — Речь идет об аллее воспоминаний на даче З. Волконской, запечатленной на рисунке Жуковского, где были установлены стелы в память о близких и друзьях, великих современниках (Байрон, В. Скотт). См.: Бочаров И., Глушкова Ю. Указ. соч. С. 283.

⁹¹ *В базилику св. ... Мазачиева История св. Екатерины.* — Для названия базилики оставлен пробел. Речь идет о римской церкви Сан-Клементе. В своих «Прогулках по Риму» Стендаль так говорит о ней: «Она существовала уже в 417 году (...) в капелле налево от входа Мазаччо написал *al fresco* несколько эпизодов распятия Христа и мученичества св. Екатерины» (Стендаль. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. М., 1978. С. 249—250).

⁹² *В виллу Массими.* — Залы этой виллы были расписаны в 1821—1828 гг. немецкими художниками Шнорром, Фейтом, Кохом, Овербеком и Фюрихом на сюжеты поэм Ариосто, Тассо, Данте.

⁹³ *Воспоминание о Амалазунте*. — На острове Мартана, мимо которого проезжал Жуковский, была задушена в 534 г. королева остготов Амалазунта.

⁹⁴ *В галерею Питти*. — В библиотеке Жуковского сохранился путеводитель по этой картинной галерее: Inghirami Francesco. *Déscription de l'imp. et R(oyal) palais Pitti et du R(oyal) jardin*. Fiesola, 1832 (Описание. № 1361). Пометами в оглавлении Жуковский выделяет картины, названные в дневнике. Многочисленные записи в этом описании галереи Питти касаются отдельных картин, прежде всего Рафаэля. В Рафаэле Жуковского привлекает именно его «великая душа». Не случайно он в первую очередь обращает внимание на лица его героев: «неизъяснимо красивые лица» (С. 36); «лицо Богоматери важно; оно занято душою» (С. 37). Эти замечания, сделанные по поводу портрета Льва X, картин «Святое семейство», «Старец перед троном», дополняются лаконичными эстетическими оценками: «натура и идеал», «душа», «История и природа», «Колорит. Эффект с светом» и т. д.

⁹⁵ *В театре "Ivanhoe"*. — Опера Дж. Россини и Дж. Пачини на сюжет романа В. Скотта «Айвенго».

⁹⁶ «La prise de Nègrepont». — Автора оперы установить не удалось.

⁹⁷ *На кладбище* — в Ливорно, на могиле А. А. Воейковой. См. примеч. 59.

⁹⁸ *Вечеру в театре: "Barbier de Séville"* — Опера Россини «Севильский цирюльник».

⁹⁹ «Festa di Rosa». — Опера итальянского композитора Пьетро Копполы «Праздник Розы».

¹⁰⁰ *Я читал Вашингтона Ирвинга*. — К сожалению, материалов, конкретизирующих это чтение, не обнаружено. Но можно сделать предположение, что в руках Жуковского оказался изданный в Париже в 1832 г. французский перевод «Альгамбры» американского писателя В. Ирвинга.

¹⁰¹ *Чтение Бунзена*. — См. примеч. 76.

¹⁰² *...сделана операция*. — Об этой операции Жуковский упоминает в письме к наследнику от 14 июня (С 7. Т. 6. С. 398).

¹⁰³ *...с Миєю* — с дочерью Г. Рейтерна Марией, будущей свояченицей Жуковского.

¹⁰⁴ *Расплатился с Майором* — с доктором, делавшим операцию Жуковскому.

¹⁰⁵ *Чтение Гёте и его французского переводчика*. — Никаких следов этого чтения не обнаружено ни в письмах, ни в библиотеке поэта.

¹⁰⁶ *Прощанье и слезы*. — Речь идет об отъезде в Россию Андрюши Воейкова, который долгое время жил в женевском пансионе Прива. Любопытное свидетельство об этом отъезде Жуковского из Женевы оставил А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому: «Нагрузили коляску (...) простились с хозяевами, кои в слезах провожали доброго педагога-поэта: „он дружбу и любовь во всех сердцах нашел“. Точно можно это сказать о Жуковском. Если бы можно было ему в чем-нибудь завидовать, то я бы завидовал ему в этом более, нежели таланту его. И няньки и дети плачут по нем. На любой прогулке его вдоль по берегу столпы означены его именем: потомки наши придут отыскивать эти русские каракульки и с гордостью укажут их соотчичам Грея и Песталоцци или, призадумавшись, прочтут в его воспоминание эпитафию из его элегии, переменив один стих: „дарил несчастных он — и не одной слезою!“» (АБТ. Вып. 6. С. 252—253).

¹⁰⁷ *Картины и рисунки Гольбейна.* — Речь идет о картинах «Мертвый Христос», портретах Эразма Роттердамского, жены художника Элизабет, семейства Томаса Мора и рисунках для гравюр «Пляска смерти», которые находятся в Базельском музее искусств.

¹⁰⁸ *...жены Рудольфа Габсбургского...* — императрицы германской Анны, умершей в 1281 г. Сама личность графа Габсбургского, ставшего родоначальником королевской династии (29 октября 1273 г. он был избран императором Германии), давно привлекала внимание Жуковского. Еще в 1818 г. он переводит балладу Шиллера “Der Graf von Gabsburg”, где создает образ идеального правителя, «кроткого владыки», творящего добрые дела, покровителя искусства (см.: Вольпе. Т. 1. С. 401).

¹⁰⁹ *Писал к В(еликому) кн(язю).* — См. письмо от 14 (26) июля из Бадена, где Жуковский рассказывает о своей встрече с «воскресшим» Мердером (см. примеч. 73) и о планах будущего путешествия (С 7. Т. 6. С. 398—399).

¹¹⁰ *Прусский посланник Оттерфельд.* — Фамилия написана Жуковским ошибочно. Речь идет о бароне Иоахиме фон Оттерштедте.

¹¹¹ *Писал письма: к Великому князю...* — В письме от 19 (31) июля из Франкфурта Жуковский говорит о необходимости из-за болезни остановиться в Шлагенбаде на три недели, которые обещает употребить на составление подробной реляции своего «быстрого путешествия по Италии» (С 7. Т. 6. С. 399—400).

¹¹² *Здесь ~ В(еликая) княгиня под именем графини Романовой.* — Как видно из дальнейших записей, речь идет о великой княгине Анне Федоровне, первой супруге цесаревича Константина Павловича.

¹¹³ *Ея сестра графиня Менсдорф.* — Старшая сестра великой княгини Анны Федоровны принцесса София Саксен-Кобургская была замужем за лейтенантом-фельдмаршалом австрийской службы графом Эммануилом Менсдорфом.

¹¹⁴ *Вот я поселился на три недели в Шлагенбаде...* — Этот отрывок до слов: «...но окружающая их запустелость невольно приводит в уныние душу...» сохранился в черновом варианте в бумагах Жуковского и, по словам его первого публикатора И. А. Бычкова, является фрагментом того письма, «в котором он думал описать наследнику Александру Николаевичу свое путешествие по Италии» (РС. 1902. № 4. С. 179—184). Текст печатается по этой публикации. Автограф: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 8-4. Время пребывания Жуковского в Шлагенбаде — с 19 (31) июля по 4(16) августа 1833 г.

¹¹⁵ *...фокейских изгнанников ~ с колыбелию Массилии.* — Имеется в виду основание Марсея (лат. Massilia; ок. 600 г. до н. э.) выходцами из Фокеи, ионийского торгового центра на западном побережье Малой Азии. После завоевания Фокеи персидским царем Киром (540 г. до н. э.) часть жителей Фокеи переселилась в Элею в Италии.

¹¹⁶ *Герцог Кобургский, брат ее...* — Брат великой княгини Анны Федоровны, будущий король бельгийский Леопольд.

¹¹⁷ *У меня Сперанский.* — О поездке М. М. Сперанского за границу в 1833 г. ничего не известно (см.: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1—2. СПб., 1861). В труде М. Корфа (Т. 2. С. 380—382) говорится лишь о поездках его за границу в 1830 и 1832 г.

¹¹⁸ *Разговор о короле...* — о прусском короле Фридрихе Вильгельме III.

¹¹⁹ *Посещение Карла Карловича.* — То есть К. К. Мердера, воспитателя наследника.

¹²⁰ *В театре: "Tancredi".* — Опера Россини.

¹²¹ *Приезд в Виллинсгаузен.* — Замок недалеко от Касселя, где жил Г. Рейтерн со своим семейством.

¹²² *Дочери Фрица Шверцеля.* — У племянника жены Г. Рейтерна к этому времени было две дочери: Вильгельмина («маленькая Минна»; 1818—1890) и Анна (1826—1905). Третья дочь Эмилия умерла в младенчестве (1814—1820). См.: Ein Freundschafts-und-Familienkreis im 19. Jahrhundert. Biographisches von Gerhard v. Reutern. Berlin, 1982. Здесь (после с. 111) приводятся генеалогические таблицы родов Рейтернов и Шверцелей.

¹²³ *Les deux journées.* — Опера Л. Керубини; либретто Ж. Буйи. В России под названием «Водовоз, или Двухдневное путешествие» в переводе В. А. Левшина была популярна на протяжении 1800—1830-х гг. (ИРДТ. Т. 2. С. 461; Т. 3. С. 230).

¹²⁴ *Mehr Licht!* — Больше света! — слова, сказанные Гёте перед смертью.

¹²⁵ *K M-elle Pogwisch.* — К невестке Гёте, жене его сына Августа Оттилии фон Погвиш.

¹²⁶ *Альма и Вольфганг.* — Дети Августа и Оттилии, внуки Гёте.

¹²⁷ *К великой княгине.* — К герцогине веймарской Марии Павловне, сестре Николая I.

¹²⁸ *Бюст Гёте Давида.* — Бюст немецкого писателя в более чем натуральную величину, выполненный в 1831 г. французским скульптором Давидом д'Анже.

¹²⁹ *Виландово письмо о Гёте к Якоби.* — Речь идет о письме К. М. Виланда, написанном в 1776 г. философу Фридриху Якоби по поводу первого свидания с Гёте в Веймаре. А. И. Тургенев называл это письмо «прелестным» (Тургенев. С. 214).

¹³⁰ *...слепок с Шиллерова черепа...* — Жуковский конспективно передает историю захоронения и перезахоронения тела Шиллера. Известно, что Шиллера похоронили на старом кладбище при церкви Св. Якова, в общей могиле для знатных людей, не имевших собственного фамильного склепа. В 1826 г. захоронение решили упразднить. Сверяясь с портретом и посмертной маской Шиллера, с трудом отыскивали череп поэта, чтобы сохранить его для потомства. И когда посчитали, что нашли его, то 17 сентября 1826 г. череп положили на хранение в тумбу шиллеровского бюста работы Даннекера в библиотеке. Гёте хотелось спасти для потомков также и кости Шиллера (см. запись в дневнике: «соединение скелета»). Кости определялись по черепу, поэтому череп Шиллера некоторое время хранился в доме Гёте, что послужило поводом к созданию стихотворения Гёте «Стоял я в строгом склепе, созерцая, / Как черепа разложены в порядке...». В это же время был сделан слепок с черепа Шиллера. Спустя год останки Шиллера были захоронены в княжеской усыпальнице (см.: *Конради К.-О. Гёте: Жизнь и творчество.* Т. 2. М., 1987. С. 337—338).

¹³¹ *Смерть Шиллера 1804...* — Ошибка памяти Жуковского: Шиллер умер 9 мая 1805 г.

¹³² *Рисунки сына.* — Сына великой княгини Марии Павловны — Карла Александра Августа, впоследствии великого герцога веймарского.

¹³³ *Лессингова картина*. — Имеется в виду немецкий художник Карл Фридрих Лессинг.

¹³⁴ *В театр: "Robert le Diable"*. — Опера Дж. Мейербера «Роберт-Дьявол» (1830).

¹³⁵ *Известие о Государе*. — 15 августа 1833 г. император Николай I выехал из Петербурга для свидания с королем прусским и императором австрийским. 24 августа (5 сентября) в Шведе произошло его свидание с Вильгельмом Фридрихом III, а 29 августа (10 сентября) с императором австрийским в Мюнхенграце.

¹³⁶ *Milly Reutern*. — По всей вероятности, речь идет о дочери Карла Рейтерна — Эмилии, племяннице Г. Рейтерна.

¹³⁷ *Юлия Рейтерн*... — урожд. Шверцель, жена Карла Рейтерна.

¹³⁸ *Приезд Германа с женою*. — Брата Г. Рейтерна, женатого на Натали Меллин.

¹³⁹ *...Drei Wanderer*. — Жуковский перечисляет исполняемые музыкальные произведения, в том числе и переведенное им стихотворение «Три путника» Л. Уланда.

¹⁴⁰ *Приезд Эммы, Натали и Унгерна*. — Дочерей Германа и Натали Рейтернов и мужа Натали — Виктора Унгерн-Штернберга.

¹⁴¹ *Известие о Христофоре*. — О старшем брате Г. Рейтерна, генерал-лейтенанте, который был тяжело болен и вскоре умер.

¹⁴² Свидание с Карамзиными. — Вдова Н. М. Карамзина Екатерина Андреевна с семьей жила в это время в Дерпте.

¹⁴³ *Погребение малютки Мещерского* — внука Н. М. Карамзина, сына его дочери, княгини Е. Н. Мещерской

¹⁴⁴ *Именины Лизы*. — Елизаветы Николаевны Карамзиной, младшей дочери Н. М. Карамзина.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Абрамович — *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году: Предыстория последней дуэли. 2-е изд., доп. Л., 1989.

АБТ — Архив братьев Тургеневых. Вып. 1—6. СПб.; Пг., 1911—1921.

Анненков — *Анненков П. В.* Парижские письма / Изд. подгот. И. Н. Конобеевская. М., 1983. («Лит. памятники»).

Арзамас-2 — «Арзамас»: Сборник: В 2 кн. М.: Худож. лит., 1994.

Афанасьев — *Афанасьев В.* Жуковский. М.: Мол. гвардия, 1986. («Жизнь замечательных людей»).

Барсуков — *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1901. Кн. 1—22.

Батюшков — *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1989.

БдЧ — Библиотека для чтения.

Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.

БЖ — Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978—1988.

Боричевский — *Боричевский И.* Заметки Жуковского о гибели Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Кн. 3. С. 371—392.

Бумаги Жуковского — *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку за 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887.

ВЕ — Вестник Европы.

Веселовский — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.

Вокруг Пушкина — *Ободовская И. М., Деметтьев М. А.* Вокруг Пушкина: Известные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1975.

Вольпе — Жуковский В. А. Стихотворения / Вступит. ст., ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л., 1939—1940. Т. 1—2. («Б-ка поэта. Большая сер.»).

Врем. ПК — Временник Пушкинской комиссии. 1962—1994. М.; Л., 1963—1995.

Всеволожский — *Всеволожский Н. С.* Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу, Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах. Т. 2. М., 1839.

Вяземский — *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 1—12. СПб., 1878—1896.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

Гиллельсон — Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) / Публ. М. И. Гиллельсона // Памятники культуры: Новые открытия. 1979. Л., 1980.

Глаголев — *Глаголев А.* Записки русского путешественника с 1823 по 1827 год. М., 1837. Ч. 4: Париж. Лондон. Германия.

Гоголь — *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937—1952.

Гофман — *Гофман М.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926 (*Hofmann Modeste. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits.* P., 1926).

Дневник Пушкина — Дневник Пушкина: 1833—1835 гг. / Под ред. Б. Л. Модзалевского; Со ст. П. Е. Щеголева. М.; Пг., 1923.

Дневники — Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.

Дубровин — *Дубровин Н. Ф.* В. А. Жуковский и его отношение к декабристам // РС. 1902. № 4. С. 45—119.

Ежегодник — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1980. Л., 1984.

Ж. и русская культура — Жуковский и русская культура: Сб. науч. ст. Л., 1987.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Загарин — *Загарин П.* В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883.

Зейдлиц — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783—1852: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.

Зонтаг — *Зонтаг А.* Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского / Вступит. заметка П. Висковатого // Рус. мысль. 1883. № 2. С. 266—285.

ИВ — Исторический вестник.

Иезуитова — *Иезуитова Р. В.* Жуковский в Петербурге. Л., 1976.

ИРДТ — История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977—1987.

ИРЛИ — Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), рукописный отдел.

Карамзин — *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984.

Курочкин — *Курочкин Ю.* Уральские находки. Свердловск, 1982.

Лебедева — *Лебедева О. Б.* Драматургические опыты В. А. Жуковского. Томск, 1992.

Левкович — *Левкович Я. Л.* Заметки Жуковского о гибели Пушкина // Врем. ПК. 1972.

ЛН — Литературное наследство. Т. 1—97. М., 1931—1988.

Мартен-Фюжье — *Мартен-Фюжье Анна.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж»: 1815—1848. М., [1998].

МТ — Московский телеграф.

НБ ТГУ — Научная библиотека Томского государственного университета.

НЛО — Новое литературное обозрение.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. Т. 1—4. СПб., 1899.

Описание — Библиотека В. А. Жуковского: (Описание) / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981.

Памяти Жуковского — Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 1—3. СПб., 1907—1909.

- Переписка** — Сочинения и переписка П. А. Плетнева: Т. 1—3. СПб., 1885.
- ПЖТ** — Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
- ПЗ** — Полярная звезда.
- ПИМ** — Пушкин: Исследования и материалы. Т. 1—13. Л., 1956—1989.
- Писатели-декабристы** — Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980.
- Письма Андрея Тургенева** — Письма Андрея Тургенева к Жуковскому / Публ. В. Э. Вацура и М. Н. Виролайнен // Жуковский и русская культура. Л., 1987.
- ПМиЖ** — Проблемы метода и жанра. Вып. 13—19. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986—1997.
- ПСС** — Полн. собр. соч. В. А. Жуковского: В 12 т. / Под ред., с биогр. очерком и примеч. проф. А. С. Архангельского. СПб., 1902.
- Пушкин** — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1935—1948.
- Пушкин в восп.** — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 2-е изд. М., 1985.
- РА** — Русский архив.
- РБ** — Русский библиофил. 1912. Ноябрь-декабрь (специальный выпуск, посвященный В. А. Жуковскому).
- РВ** — Русский вестник.
- РГАЛИ** — Российский государственный архив литературы и искусства.
- РГБ** — Российская государственная библиотека, отдел рукописей.
- Резанов** — *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. 2. СПб., 1916.
- РЛ** — Русская литература.
- РНБ** — Российская национальная библиотека (С.-Петербург), отдел рукописей.
- РС** — Русская старина.
- Симони** — Письма-дневники В. А. Жуковского 1814 и 1815 годов, приготовленные к печати П. К. Симони // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 1. СПб., 1907.
- С 7** — *Жуковский В.* Сочинения: С прилож. писем, биографии / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд. Т. 6. СПб., 1878.
- Смирнова-Россет** — *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1989. («Лит. памятники»).
- Соловьев** — *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Т. 1—2. Пг., 1916.
- СС 1** — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. / Вступит. ст. И. М. Семенко; Подгот. текста и примеч. И. М. Семенко, Н. В. Измайлова, В. П. Петушкова, И. Д. Гликмана. М.; Л., 1959—1960.
- Тургенев** — *Тургенев А. И.* Хроника русского: Дневники (1825—1826) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. («Лит. памятники»).
- УС** — Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.
- Черейский** — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975.

Шатобриан — *Шатобриан Рене де*. Замогильные записки. М., 1995.

Щёголев — *Щёголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. М., 1987.

Эстетика и критика — *Жуковский В. А.* Эстетика и критика / Вступит. ст. Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича; Подгот. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1985.

Янушкевич — *Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск, 1985.

Gerhardt — *Gerhardt Dietrich*. Aus deutschen Erinnerungen an Žukowskij, mit einigen Exkursen // *Orbis scriptus*. Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 245—343.

Reutern — *Reutern von G.* Ein Lebensbild, dargestellt von seinen Kindern und als Manuskript gedruckt zur hundertjährigen Gedächtnißfeier seines Geburtstages. SPb., 1894.

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА-ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ 1804—1833 ГОДОВ

1804	9	449
А. и Б.	9	
1805—1806	13	
Журнал	13	
1805	13	451
1806	28	454
§ 28. Замечания на прошедший год журнала с § 1 по § 27	29	
О том, что написать в журнал	32	
Прошедшая жизнь	32	
Будущая жизнь	33	
1807—1808	38	462
Записная книжка «Разные замечания. 1807»	38	
1808—1809	53	465
О таинственности	53	
1810	55	466
1813	57	466
1814	62	467
1. План	62	468
Прибавление	65	
(Письма-дневники)	68	
1815	95	475
1816	122	483
1817	123	484
1818	129	487
1819	130	488
(Из альбома гр. С. А. Самойловой)	132	492
1820	140	493
1821	154	502
Путешествие от Берлина до Дрездена	169	510
Дрезден. Плауен. Тарант	171	
Путешествие по Саксонской Швейцарии	174	513
Рафаэлева Мадонна	188	516

Швейцария	191	517
1822	236	527
1825	239	528
1826	246	530
1827	253	535
〈Парижский дневник〉	258	537
Записка о Н. И. Тургеневе	274	562
1828	299	570
Дух времени	306	
1829	308	571
1830	312	574
1831	315	576
1832	319	578
1833	343	587
Путешествие в Италию	356	593

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич. Дневники В. А. Жуковского как литературный памятник	397
О. Б. Лебедева. Принципы романтического жизнетворчества в дневниках В. А. Жуковского	420
Примечания	443
Список принятых сокращений	602

Научное издание

Василий Андреевич Жуковский

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В двадцати томах

Том 13

Дневники

Письма-дневники

Записные книжки

1804—1833 гг.

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Григорян

Корректоры иноязычного текста М. Сокольская, Е. Лямина

Художественный консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 10.10.2003. Формат 70х100 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.

Усл. п. л. 49,02. Заказ № 263

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «Облиздат»

248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this edition

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

